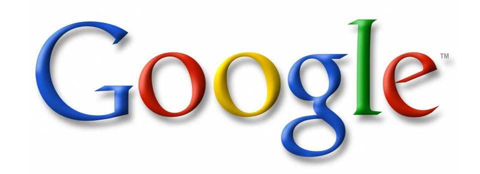
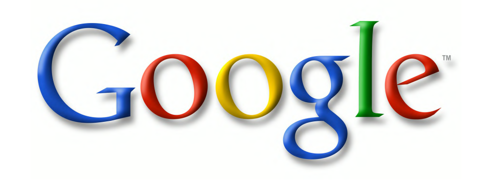
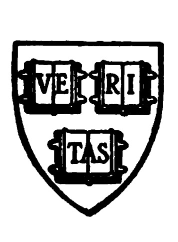

VE
RI
TAS

СОВРЕМЕННИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И (СЪ 1859 ГОДА) ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА

И. ПАНАЕВЫМЪ и Н. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ LXXXV

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА ВУЛЬФА

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитет узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, декабря 29 дня 1860 год

Ценсоры: *В. Бекетовъ.* — *Ѳ. Рахманиновъ.*

„Современникъ"

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] 61

Помяловскій [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Чернышевский — Эстетич. отн[ошен]ия

[illegible]

Антонович — Соврем. эстетич[еская]

НА ВОЛГѢ.

(ДѢТСТВО ВАЛЕЖНИКОВА.)

I.

Не торопись, мой вѣрный песъ!
Зачѣмъ на грудь ко мнѣ скакать?
Еще успѣемъ мы стрѣлять.
Ты удивленъ, что я приросъ
На Волгѣ: цѣлый часъ стою
Недвижно, хмурюсь и молчу.
Я вспомнилъ молодость мою
И весь отдаться ей хочу
Здѣсь на свободѣ. Я похожъ
На нищаго: вотъ бѣдный домъ
Тутъ можетъ подали бы грошъ,
Но вонъ другой — богаче: въ немъ
Авось побольше подадутъ—
И нищій мимо; между тѣмъ
Въ богатомъ домѣ дворникъ плутъ
Не надѣлилъ его ничѣмъ.
Вотъ домъ еще пышнѣй, но тамъ
Чуть не прогнали по шеямъ!
И, какъ нарочно, все село
Прошелъ — нигдѣ не повезло!
Пуста — хоть выверни суму.
Тогда вернулся онъ назадъ
Къ убогой хижинѣ — и радъ,

Что корку бросили ему.
Бѣднякъ ее, какъ робкій песъ,
Подальше отъ людей унесъ
И гложетъ.... Рано пренебрегъ
Я тѣмъ, что было подъ рукой,
И чуть не дѣтскою ногой
Ступилъ за отческій порогъ.
Меня старались удержать
Мои друзья, молила мать,
Мнѣ лепеталъ любимый лѣсъ:
Вѣрь, нѣтъ милѣй родныхъ небесъ,
Нигдѣ не дышется вольнѣй
Родныхъ луговъ, родныхъ полей.
И той же пѣсенкою полнъ
Былъ говоръ этихъ кроткихъ волнъ.
Но я не вѣрилъ ничему.
Нѣтъ, — говорилъ я жизни той:
Ничѣмъ не купленный покой
Противенъ сердцу моему....

Быть можетъ, не достало силъ,
Или мой трудъ не нуженъ былъ,
Но жизнь напрасно я убилъ.
И то, о чемъ дерзалъ мечтать,
Теперь мнѣ стыдно вспоминать...

Всѣ силы сердца моего
Истративъ въ пламенной борьбѣ,
Не допросившись ничего
У жизни ближнимъ и себѣ,
Стучусь я робко у дверей
Убогой юности моей:

— Не помяни мнѣ дерзкихъ грезъ,
Съ какими бросивъ край родной,
Я издѣвался надъ тобой!
Не помяни мнѣ глупыхъ слезъ,
Какими плакалъ я не разъ,
Твоимъ покоемъ тяготясь!
Но благодушно что-нибудь,
На чемъ бы сердцемъ отдохнуть

Я могъ, пошли мнѣ. Я усталъ,
Въ себя я вѣру потерялъ,
И только память дѣтскихъ дней
Не тяготитъ души моей....

II.

Я росъ, какъ многіе, въ глуши,
У береговъ большой рѣки,
Гдѣ лишь кричали кулики,
Шумѣли глухо камыши;
Какъ ожерелье у воды,
Какихъ-то бѣлыхъ птицъ ряды
Сидѣли важно на пескѣ.
Виднѣлись горы вдалекѣ,
И синій безконечный лѣсъ
Скрывалъ ту сторону небесъ,
Куда, дневной окончивъ путь,
Уходитъ солнце отдохнуть.

Я страха съ молоду не зналъ,
Считалъ я братьями людей,
И даже скоро пересталъ
Бояться лѣшихъ и чертей.
Однажды няня говоритъ:
«Не бѣгай ночью — волкъ сидитъ
За нашей ригой, а въ саду
Гуляютъ черти на пруду.»
И въ туже ночь пошелъ я въ садъ.
Не то, чтобъ я чертямъ былъ радъ,
А такъ — хотѣлось видѣть ихъ.
Иду. Ночная тишина
Какой-то строгостью полна,
Какъ-будто съ умысломъ притихъ
Весь Божій міръ — и наблюдалъ,
Что дерзкій мальчикъ затѣвалъ!
И какъ-то не шагалось мнѣ
Въ всезрящей этой тишинѣ.
Не воротиться ли домой?
А то какъ черти нападутъ
И потащатъ съ собою въ прудъ,

И жить заставятъ подъ водой?
Однако я не шелъ назадъ.
Играетъ мѣсяцъ надъ прудомъ
И отражается на немъ
Береговыхъ деревьевъ рядъ.
Я постоялъ на берегу,
Послушалъ — черти ни гу-гу!
Я прудъ три раза обошелъ,
Но чортъ не выплылъ, не пришелъ!
Смотрѣлъ я межь вѣтвей деревъ
И межь широкихъ лопуховъ,
Что̀ поросли вдоль береговъ,
Въ водѣ: не спрятался ли тамъ?
Узнать бы можно по рогамъ.
Нѣтъ никого! пошелъ я прочь,
Нарочно сдерживая шагъ.
Сошла мнѣ даромъ эта ночь,
Но если бъ другъ какой иль врагъ
Засѣлъ въ кусту и закричалъ,
Иль даже, спугнутая мной,
Взвилась сова надъ головой —
Навѣрно бъ мертвый я упалъ!

Такъ любопытствуя давилъ
Я страхи ложные въ себѣ,
И въ безполезной той борьбѣ
Не мало силы погубилъ.
Зато, добытая съ тѣхъ поръ,
Привычка не искать опоръ
Меня вела своимъ путемъ,
Пока рожденнаго рабомъ
Самолюбивая судьба
Не обратила вновь въ раба....

III.

О, Волга! послѣ многихъ лѣтъ,
Я вновь принесъ тебѣ привѣтъ.
Ужь я не тотъ, но ты свѣтла
И величава, какъ была.
Кругомъ все та же даль и ширь.
Все тотъ же видѣнъ монастырь

На острову среди песковъ,
И даже трепетъ прежнихъ дней
Я ощутилъ въ душѣ моей,
Заслыша звонъ колоколовъ...
Все то же, то же.... только нѣтъ
Убитыхъ силъ, прожитыхъ лѣтъ!...

Ужь скоро полдень. Жаръ такой,
Что на пескѣ горятъ слѣды;
Рыбалки дремлютъ надъ водой,
Усѣвшись въ плотные ряды.
Куютъ кузнечики; съ луговъ
Несется крикъ перепеловъ.
Не нарушая тишины
Лѣнивой, медленной волны,
Расшива движется рѣкой.
Прикащикъ, парень молодой,
Смѣясь, за спутницей своей
Бѣжитъ по палубѣ: она
Мила, дородна и красна.
И слышу я, кричитъ онъ ей:
«Постой, проказница! ужо
Вотъ догоню!...» Догналъ, поймалъ, —
И поцалуй ихъ прозвучалъ
Надъ Волгой вкусно и свѣжо.
Насъ такъ никто не цаловалъ!
Да въ подрумяненыхъ губахъ
У нашихъ барынь городскихъ
И звуковъ даже нѣтъ такихъ.

Въ какихъ-то розовыхъ мечтахъ
Я позабылся. Сонъ и зной
Уже царили надо мной.
Но вдругъ я стоны услыхалъ
И взоръ мой на берегъ упалъ:
Почти пригнувшись головой
Къ ногамъ, обвитымъ бичевой,
Обутымъ въ лапти, вдоль рѣки
Ползли гурьбою бурлаки,
И былъ невыносимо дикъ
И страшно ясенъ въ тишинѣ

Ихъ мѣрный похоронный крикъ —
И юность вновь предстала мнѣ.

О, Волга! колыбель моя!
Любилъ ли кто тебя, какъ я?
Одинъ, по утреннимъ зарямъ,
Когда еще все въ мірѣ спитъ
И алый блескъ едва скользитъ
По темно-голубымъ волнамъ,
Я убѣгалъ къ родной рѣкѣ.
Иду на помощь къ рыбакамъ,
Катаюсь съ ними въ челнокѣ,
Брожу съ ружьемъ по островамъ.
То, какъ играющій звѣрокъ,
Съ высокой кручи на песокъ
Скачусь, то берегомъ рѣки
Бѣгу, бросая камешки,
И пѣсню громкую пою
Про удаль раннюю мою....
Тогда я думать былъ готовъ,
Что не уйду я никогда
Съ песчаныхъ этихъ береговъ.
И не ушелъ бы никуда —
Когда бъ, о Волга! надъ тобой
Не раздавался этотъ вой!
Давно-давно, въ такой же часъ
Его услышавъ въ первый разъ,
Я былъ испуганъ, оглушенъ.
Я знать хотѣлъ, что значитъ онъ —
И долго берегомъ рѣки
Бѣжалъ. Устали бурлаки,
Котелъ съ расшивы принесли,
Усѣлись, развели костеръ
И межь собою повели
Неторопливый разговоръ.
«Когда-то въ Нижній попадемъ?»
Одинъ сказалъ: — «Когда бъ попасть
Хоть на Илью....» — «Авось придемъ»
Другой, съ болѣзненнымъ лицомъ,
Ему отвѣтилъ: — «Эхъ! напасть!
Когда бы зажило плечо,

Поперъ бы лямку какъ медвѣдь,
А кабы къ утру умереть —
Такъ лучше было бы еще!...»
Онъ замолчалъ и навзничь легъ.
Я этихъ словъ понять не могъ;
Но тотъ, который ихъ сказалъ,
Угрюмой, тихой и больной,
Съ тѣхъ поръ меня не покидалъ;
Онъ и теперь передо мной:
Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможенныя черты
И выражающій укоръ
Спокойно-безнадежный взоръ....

Лишь поздно вечеромъ домой,
Безъ шапки, блѣдной, чуть живой
Я воротился. Кто тутъ былъ —
У всѣхъ отвѣта я просилъ
На то, что̀ видѣлъ, и во снѣ
О томъ, что разсказали мнѣ
Я бредилъ; няню испугалъ:
«Сиди, родименькой, сиди!
Гулять сегодня не ходи!»
Но я на Волгу убѣжалъ.

Богъ-вѣсть что сдѣлалось со мной?
Я не узналъ рѣки родной!
Съ трудомъ ступаетъ на песокъ
Моя нога: онъ такъ глубокъ,
Ужь не манитъ на острова
Ихъ ярко свѣжая трава,
Прибрежныхъ птицъ знакомый крикъ
Зловѣщъ, пронзителенъ и дикъ,
И говоръ тѣхъ же самыхъ волнъ
Не тою музыкою полнъ!

О, горько, горько я рыдалъ,
Когда въ то утро я стоялъ
На берегу родной рѣки,
И въ первый разъ ее назвалъ
Рѣкою рабства и тоски!...

О чемъ въ ту пору я мечталъ,
Безсонный, въ темнотѣ ночей,
Какія клятвы я давалъ —
Пускай умретъ въ душѣ моей,
Чтобъ кто нибудь не осмѣялъ!

Но если вы — наивный бредъ,
Обѣты юношескихъ лѣтъ,
Зачѣмъ же вамъ забвенья нѣтъ?
И вами вызванный упрекъ
Такъ сокрушительно жестокъ?...

IV.

Унылый, сумрачный бурлакъ!
Какимъ тебя я въ дѣтствѣ зналъ,
Такимъ и нынѣ увидалъ.
Все ту же пѣсню ты поешь,
Все ту же лямку ты несешь,
Въ чертахъ усталаго лица
Все тажь покорность безъ конца....
— —
Отецъ твой сорокъ лѣтъ стоналъ,
Бродя по этимъ берегамъ,
И передъ смертію не зналъ,
Что̀ заповѣдать сыновьямъ.
И какъ ему — не довелось
Тебѣ наткнуться на вопросъ:
Чѣмъ хуже былъ бы твой удѣлъ,
Когда бъ ты менѣе терпѣлъ?
Какъ онъ, безгласно ты умрешь,
Какъ онъ, безплодно пропадешь.
Такъ замѣтается пескомъ
Твой слѣдъ на этихъ берегахъ,
Гдѣ ты шагаешь подъ ярмомъ
Не краше узника въ цѣпяхъ,
Твердя постылыя слова
Отъ вѣка тѣ же: разъ да два!
Съ болѣзненнымъ припѣвомъ: «ой!»
И въ тактъ мотая головой....

Н. НЕКРАСОВЪ.

СТАРОЕ СТАРИТСЯ, МОЛОДОЕ РОСТЕТЪ.

Томъ первый.

ГЛАВА I.

Все начинается съ начала,—начну же и я съ него. Мой мальчикъ родился. Ничто не предшествовало его обыкновенному рожденію: не приготовлялись за полгода, не толковали объ этомъ за цѣлый мѣсяцъ, не приглашали ни акушеровъ, ни ученыхъ по книгамъ повивальныхъ бабокъ, не шушукали въ дѣвичьей барыньки съ дѣвками, не ходили даже слуги на ципочкахъ и не орали во все горло: «тише ты, лѣшій! что ломишься? барыня-то тово».... Словомъ, не было этого ничего. Мать попросту, безъ затѣй, родила его въ банѣ; бабушка-повитушка, поймавши на руку новаго живаго человѣчька, съ любовью перевернула его вверхъ брюшкомъ; посмотрѣла на краснаго шевелящагося рака; перекрестила его большимъ крестомъ «во имя Отца и Сына и Святаго Духа» и не утерпѣла — напророчила, что онъ будетъ счастливецъ, потому что родился въ сорочкѣ. Мало того, она въ то же время успѣла и пошутить съ новенькимъ внучкомъ своимъ, лежащимъ въ корытѣ и, пересыпая все это молитвами, назвала его даже кряхтѣлкой и самодовольно надъ нимъ про-

ворчала: — «о, штобъ те, Христосъ съ тобой! какой крикунъ-то вышелъ».

Эта девяносто-девяти-лѣтняя бабушка-пророчица называлась Сампсониха, и самъ полиціймейстеръ не былъ столько извѣстенъ дворникамъ и купцамъ, какъ Сампсониха всему городу по женской линіи. Все будущее-второе поколѣніе выкладывалось на руки Сампсонихѣ, какъ будто всѣ родители хотѣли сказать ей: «на, бери и коверкай нашихъ ребятишекъ, какъ ты тамъ знаешь, по своему».

Впрочемъ надобно отдать и справедливость Сампсонихѣ. Никто такъ ловко не умѣлъ швырять подъ церковь пупочикъ дѣтскій, затѣмъ чтобъ новорожденный внучекъ ея былъ преклоненъ къ церкви; никто такъ важно и пользительно не умѣлъ спрыскивать ребятишекъ отъ глазу или притки; никто такъ наставительно не поучалъ молодыхъ супруговъ и матерей обходиться съ новорожденными, какъ бабушка Сампсониха. Всѣ эти дѣтскіе крики, притки, грыжи, младенческія собачьи старости и всякія лихія болѣсти Сампсониха знала рѣшительно какъ пять свои пальцевъ: а что касается до леченія этихъ дѣтскихъ недуговъ, такъ даже сама полиціймейстерша, и та присылала за Сампсонихой въ ту рѣшительную минуту, когда молодой ея докторъ, прописавши всѣ рецепты, разводилъ наконецъ надъ ребенкомъ руками да только ахалъ. Ну, да намъ нечего высчитывать великія достоинства многолѣтней опытности бабушки-повитушки, — намъ достаточно сказать одно: къ Сампсонихѣ обращались за совѣтомъ и въ ту несчастную минуту, когда молодымъ супругамъ не давалъ Господь Богъ дѣтей. И въ ту несчастную минуту Сампсониха отдѣлывалась какъ будто смѣшками, да все какъ-то шутя приговаривала: «ну, ужь на этотъ счетъ будьте у меня безъ сумленія; я вамъ докладываю, что мной останетесь оба предовольны; у меня есть спрыгъ-трава, такъ нетолько что иное — замки желѣзные и тѣ безъ ключа раскидываются на двое; а это? — тьфу! прости Господи! — вотъ что мнѣ это ваше дѣло; — стоитъ только вонъ мой корешекъ волшебный подпустить, такъ сію минуточку, все такъ само собой и удалится»....

Вотъ какова была Сампсониха.

Что же касается до того, чтобъ, напримѣръ, приворожить добраго молодца, или заставить полюбить красную дѣвицу, такъ на этотъ счетъ у Сампсонихи была тоже приворотъ-трава,

которая просто за пятакъ, такъ приковывала на всю жизнь одного человѣка къ другому, какъ собаченку на цѣпь.

Какъ же за все за это не чтить было Сампсониху?

Не дивитесь же послѣ того, что Сампсониха обходилась съ новорожденными своими внучатами вовсе не церемонясь. Вотъ и теперь: растопыривъ пеленочку, она принялась укладывать въ нее маленькую каракулю, а чтобы внучекъ ея не барахтался, она сперва вытянула его за ноги, по-солдатски, потомъ такъ подсунула ему въ брюхо, что тотъ, бѣдный, крякнулъ и наконецъ, свернувъ его въ трубку, прибавила въ знакъ любезности: «наткось, пострѣленышъ, ишь, какой, не дается еще, — корючится туда же!» — Затѣмъ Сампсониха принялась затягивать внучка своего покромкой и наконецъ такъ его закрутила, какъ закручиваютъ у насъ однихъ только буяновъ на масляницѣ, такія навертѣла на него вериги мученическія и такіе подворотила подъ него рубчатые подгузки, на случай всякій, что у маленькаго вытаращились даже глазенки и такъ разинулся ротишко, какъ будто онъ усиливался выговорить Сампсонихѣ: — «что ты, старуха? изъ ума, что ли, выживаешь, — вѣдь ты меня задушишь, наконецъ?» — За что Сампсониха, перекрестивши еще разочикъ внучка своего, прихватила его еще и за носъ, въ знакъ какой-то чертовщины, а потомъ, пошептавши еще молитвы и показавши его матери, чтобъ и та улыбнулась на свое произведеніе, засунула его наконецъ въ темный уголъ и, нахлобучивая шубенкой, шепнула ему на ухо: — «ну теперича спи, Христосъ съ тобой!»

Но въ томъ-то и дѣло, что маленькому живому человѣчку уже не спалось. Онъ вѣрно понялъ, что̀ значитъ жить, и потому для начала опять крякнулъ, а затѣмъ закатился во все горло кричать. Изъ этого безтолковаго крику бабушка вывела разомъ два мудрыхъ заключенія: первое, слѣдуетъ дать ребенку жвачку, называемую сосочкой, — что̀ Сампсониха тотчасъ устроила сама изъ жованой моркови и хлѣба съ солью; второе, слѣдуетъ ребенка скорѣе «окстить», авось онъ тогда будетъ посмирнѣе. Со вторымъ Сампсониха обратилась къ отцу и даже настращала его, что внучекъ ея, пожалуй, этакъ до крещенія и съ крику зайдется.

— Окстить, говоритъ, надо, да и порѣшить все разомъ.

«Вотъ это такъ дѣло», подумалъ отецъ и пошелъ искать куму да кума.

Какъ обыкновенно это всегда бываетъ, нашелъ онъ кума вмѣстѣ съ кумою, и въ тотъ же день за вечернію кумъ да кума да бабушка-наставница потащили маленькаго нехристя въ церковь, тамъ окрестили его въ холодной водѣ и молодой попъ назвалъ его Васильемъ. Старая Сампсониха не любила молодыхъ безбородыхъ поповъ, и потому оказалась чѣмъ-то недовольна и сердита. — Старуха даже нахмурилась, когда подступила къ молодому попу съ запросомъ, чтобы тотъ растолковалъ ей: «простой ли внукъ ея Василій, или Василій Блаженный, или Василій Великій, который живетъ какъ-то о святкахъ, подъ новый или на новый годъ?» — На что попъ молодой ласково началъ толковать неотвязчивой старушонкѣ, что внукъ ея отнюдь не простой Василій, а именно Великій, тотъ самый, который живетъ на святкахъ и бываетъ имянинникъ на другой день Васильева вечера. Толкованіе Сампсониха вѣрно поняла ясно, потому что, уходя, поклонилась стриженому попу такъ низко, какъ только кланяются старыя маркизы своимъ бритымъ молодымъ аббатамъ.

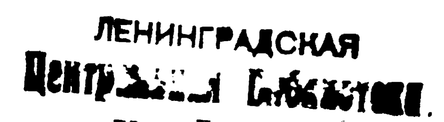
Дорогою кумъ, перекрестясь на паперти, съ улыбкой замѣтилъ было кумѣ, что у нихъ теперь завелся новый сынокъ крестный — Вася; кума безъ улыбки отвѣтила куму: «слава Богу; жаль только, что дѣти-то все мрутъ у нихъ; шутка ли, вотъ ужь это, кажется, пятнадцатый!» — На что Сампсониха тотчасъ строго плюнула черезъ плечо, налѣво, важно прошептала надъ своимъ внучкомъ какую-то молитву и какъ будто про себя добавила: «не пятнадцатый, а семнадцатый, и все мои». — Тѣмъ и кончился весь разговоръ надъ новымъ христіаниномъ.

Крошку Васю изъ церкви опредѣлили въ избу. Тамъ за курникомъ пожелали отцу съ матерью выростить сына большимъ, а Сампсонихѣ, за бабушкиной кашей, пожелали внука женить да побывать у внучатъ его тоже на новоѣ. Тамъ же крошечный Вася началъ по-маленьку осматриваться да оглядываться, да знакомиться со всякой всячиной, какъ всякій изъ насъ на новомъ мѣстѣ, или въ новомъ городѣ. Къ счастію же Васи, тятя съ мамой были люди самые простые, они вовсе не думали о томъ, что̀ такое сквозные вѣтры, да простуды, да скарлатины, да всякая весенняя и осенняя дрянь, безъ разбору нападающая на дѣтей боярскихъ, а потому и не такъ-то заботливо и мучительно укрывали сыночка отъ холоду и свѣту, что-то слишкомъ скоро выпустили его на свѣтъ божій — ко всей дворнѣ на

руки. И пошелъ Вася въ ходъ, какъ новый мѣдный грошъ, которымъ всякій любуется сначала.

Вотъ какъ началось воспитаніе ребенка. Сперва заботливый отецъ выбралъ мѣсто и ввернулъ въ матицу кольцо, чтобъ Васю своего повѣсить. Въ кольцо это онъ продѣлъ веревку, повисѣлъ сперва на ней самъ, а потомъ увѣрилъ Сампсониху, что внучекъ ея не сорвется. Къ веревкѣ этой Сампсониха подцѣпила какую-то четырехъугольную штуку, похожую на маленькій чердачокъ на бесѣдкѣ, гдѣ, вмѣсто крыши, исправляла должность красная пашина юбка, а вмѣсто стропилъ — четыре бѣлые сыромятные ремня. Въ бесѣдкѣ этой Сампсониха съ молитвой устроила новому внучку своему постельку, да такую спокойную, что на ней можно было засыпать рѣшительно такъ же беззаботно, какъ курочкѣ на нашесточкѣ, и стоило только не вертѣться, то рѣшительно никогда не выпадешь и не бякнешься земляным комомъ объ-полъ. Въ новое жилище Васи первая залѣзла по поясъ Сампсониха сама и, несмотря на ея вѣчнымъ потокомъ журчащія молитвы, не вытерпѣла — выбранила-таки кума скупущимъ жидодеромъ, за то будто бы, что тотъ положилъ такой толстый посеребреный крестъ такому славному внуку, каковъ былъ у ней Вася. Впрочемъ крестъ этотъ, съ материнымъ образкомъ Богородицы, Сампсониха прицѣпила къ сыромятному ремню, чтобы безтолковый Вася почаще посматривалъ на Бога; на шею же новому христіанину, вмѣсто креста, который будто бы все упирается въ бокъ, Сампсониха повѣсила на гайтанъ змѣиную головку, или жуколку, затѣмъ, чтобъ у маленькаго легче рѣзались зубы. А въ жуколку, какъ въ ухо, Сампсониха еще и пошептала.

За Сампсонихой тотчасъ полѣзли въ колыбельку къ Васѣ и прочія старухи; тѣ, посматривая безтолковому въ глаза, толковали ему все какіе-то «агунюшки» да «гулюшки», да попаивали его молочишкомъ изъ рожечка жестянаго, до того зеленаго внутри, какъ сама венецейская ярь. Потомъ принялись за Васю и молодыя бабенки; тѣ даже отрѣзывали и пальцы отъ старыхъ барышниныхъ перчатокъ, да устраивали изъ этихъ пальцевъ лайковыхъ подобіе какихъ-то сосцевъ, которые засыхали на рожкѣ и дѣлались такъ жостки, какъ сапожнишки, размоченные въ бугульминской грязи. Эти питательные сосцы зубастыя бабенки разгрызали, какъ орѣхи, и, такимъ образомъ уже размягчивши, силою засовывали ихъ въ ротъ Васѣ. Если же и это наконецъ было Васѣ не по вкусу и онъ начиналъ выталкивать угощеніе

изо рта языкомъ, то бабенки принимались кормить его жеваной кашей съ пальца, тютюшкать да пришлепывать, чтобы она, родная, поплотнѣе укладывалась въ чемоданъ маленькаго человѣчка. Такимъ-то образомъ скоро наконецъ познакомилась с Васей и вся дворня, и всѣ стали покармливать его соленымъ горькимъ, кислымъ и прѣснымъ, и всѣмъ, чего только хотѣл маленькій забавникъ. Стали иногда даже тормошить мякинькаг Васю такъ, что онъ у нихъ крякалъ, стали иногда утѣшать ег отъ плача, приговаривая уже, какъ человѣку толковому: « вонъ огонекъ-то какой красненькій, смотри-ко; а вонъ собачка-то, авъ, авъ, какъ полаиваетъ, слушай-ко!» — И Вася все смотрѣлъ и все слушалъ, а иногда и самъ задумывалъ выразить свое собственное мнѣніе — болталъ языкомъ непонятный вздоръ, что бабы и старухи находили не только очень толковымъ и забавнымъ, а даже увѣряли всѣхъ, что Вася начинаетъ намекать, — значитъ, скоро будетъ говорить. А одна голосистая бабенка даже взвизгнула, когда здоровый и развитый Вася въ первый разъ задумалъ оказать ей свой талантъ и двинулся по избѣ на своихъ запяткахъ, какъ на салазкахъ; она даже турманомъ полетѣла на погребъ, чтобъ разсказать матери, какъ Вася ея выкинулъ новую штуку — ползетъ.

За такіе таланты Васи, тятя и мама служили ему какъ вѣрные слуги. Чуть лишь проснется сыночикъ, все ужь готово: и титя, и рожокъ, и тюря, и горшокъ съ кашей, и кусочикъ сахарцу, и все, что только послаще; чуть заблажитъ и не хочетъ онъ сласти — тотчасъ готовы игрушки, карты, картинки, красная шапочка, сафьянные сапожки, а не то, такъ и отецъ съ прутомъ, и мать съ угрозами: «съѣстъ бирюкъ, унесетъ солдатъ, идетъ попъ!» Захочетъ ли Вася поплакать—и тятя, и мама утѣшатъ его, приласкаютъ и въ-пухъ расцалуютъ; захочетъ ли онъ посмѣяться — ему улыбаются оба; захочетъ ли онъ и баиньки — сама родная убаюкаетъ его на груди своей, припѣвая родимую пѣсенку; даже когда заснетъ онъ — благословеніе ея и Божіе вѣетъ благодатнымъ сномъ надъ его колыбелью. А Боже сохрани, если Вася дѣлался боленъ!—отецъ со слезами несъ свѣчу за престолъ Божіей Матери, а мать тотчасъ давала обѣты идти въ Калухановку къ чудотворной иконѣ.

Хорошо было жить прошеному и моленому дитяткѣ Васинькѣ въ первые годы его младенческой жизни; посмотримъ, каково-то будетъ ему дальше.

Такъ прошло три года. Вася пересталъ ѣздить по избѣ на ...терпѣ; старухи выучили его сперва стоять дыбки, а потомъ ...ъ нихъ же онъ выучился ходить на заднихъ лапкахъ и даже ...гать, по-бабьи переваливаясь, да по-старушечьи спотыкаясь. ...тъ нихъ же Вася выучился и говорить, да такъ рѣчисто, что ...я дворня прозвала его — «говорокъ». Мало того, онъ даже ...ыучился разбирать хорошее и скверное: онъ, напримѣръ, пере...талъ безъ разбору глодать и уголь и мѣлъ, онъ очень хорошо ...скусилъ, что сальные огарки, которые онъ прежде ѣдалъ за...росто, какъ колбасу, не такъ вкусны, какъ соусъ и пирожное, ...оторые живутъ тамъ на кухнѣ, у Анхимыча. Вася повадился ...одить за ними черезъ сѣни на кухню къ Анхимычу.

Анхимычъ былъ поваръ крайне добродѣтельный; онъ готовъ ...ылъ весь барскій обѣдъ употчивать въ Васю и все-таки ему ка...лось, что онъ еще не угостилъ; а Іоновна, жена его, бездѣт...я старушонка, до того была чадолюбивая баловница, что себя ... отдала на съѣденіе Васѣ, и все-таки ей казалось, что она его ...употчивала. Часто вдвоемъ старики сходились надъ Васей, ...али его подъ руки, усаживали, какъ старосту на свадьбѣ, для ...щенія, и въ это трудное для нихъ время, сокрушаясь серд...мъ, рѣшительно недоумѣвали, чѣмъ бы его наконецъ еще на...чкать. Тамъ-то Вася и распозналъ окончательно, что такое ... соблазнительные миндальные закорюки и крючья, на кото...е съ такою любовью посматриваетъ въ окошко къ булочнику ...дный петербургскій чиновникъ; тамъ-то Вася и пробовалъ ..., что ему подставляли; ѣлъ, конечно, только то, что больше ...ю ему по вкусу, и наконецъ, когда уже слишкомъ приступа...къ нему съ гостепріимствомъ и угощеніемъ, онъ упорно на...алъ проситься къ мамѣ домой, и даже часто хныкалъ отъ ...нцузскаго обѣда. А Іоновна уже понимала, что «домой» зна...ло—въ общую людскую избу, въ особый чуланъ, отгорожен... тамъ для помѣщенія дворецкаго Павла Кузьмича и жены ... ключницы Марѳы Семеновны, и тотчасъ отводила туда ..., нѣжно приговаривая ему сверху въ голову: «ну, ну, золо...мой, пойдемъ, пойдемъ, что-ли, ужь къ мамѣ, — нечего съ ... ужь больше дѣлать!»

Именно нечего было дѣлать. Вася и самъ зналъ хорошо, что ...альные крючья, закорюки и загогулины канальски подма...ютъ къ себѣ человѣка; ну, а все-таки огурецъ съ медомъ, то-

локно съ молокомъ, орѣхи въ патокѣ и маковники медовые го
раздо слаще,—это потому конечно, что они мамины.

Такъ прошло еще съ-полгода, и кругъ Васиныхъ познан
еще болѣе расширился. Кромѣ сѣней и кухни, Вася узналъ нако
нецъ, что на божьемъ свѣтѣ есть еще и дворъ, а на дворѣ этомъ-
амбаръ и погребъ, куда часто побѣгиваютъ и тятя съ ма
мой; онъ даже зорко высмотрѣлъ, что въ тятиномъ амбар
стоитъ на полочкѣ образъ Николая-чудотворца, да тутъ-ж
лежатъ: долото, подкова, факелъ, бирка, да два ржавые гвозд
а у мамы, въ темной ямѣ—въ погребѣ — растутъ и морковка,
рѣпка и все этакое, что̀ можно и въ ро̀тъ запустить. Мало тог
онъ даже скоро смѣкнулъ, что въ тятинькиномъ амбарѣ не так
то сладко, какъ въ маменькиномъ погребѣ: изъ мамина погреб
часто прилетали въ Васино брюхо и яблочки съ вареньицемъ,
изъ тятинькина амбара тащили все только мѣшками овесъ. Н
и этого всего мало; самъ тятя еще далѣе развилъ познанія Вас
Онъ, напримѣръ, однáжды сказалъ: «экой ты, братецъ, дура
чокъ еще у меня! не все же вѣдь на свѣтѣ вольномъ только по
греба̀ да амбары: это вонъ конюшни называются, въ нихъ л
шадки живутъ, а это вонъ барскій домъ называется, въ нем
живутъ сами господа». — О господахъ Вася имѣлъ уже понятіе
онъ видалъ часто, какъ тятя съ мамой бросали ложки за сто
ломъ, давились недожеванымъ кусочкомъ и бѣжали куда-то, ис
пуганные, спрашивая одинъ другаго: «никакъ баринъ кричитъ?
И признаться, сначала Вася думалъ, что баринъ — это тотъ са
мый бука-то и есть, которымъ стращала его бабушка по дяд
Чудиха, да ужь послѣ какъ-то дѣло-то разъяснилось. Разъ отвел
Васю въ барскія хоромы — поздравить господъ съ праздником
и поцаловать ручку у барина и барыни; Вася внялъ наста
ніямъ родительскимъ, пошелъ собственными глазами посмотр
что̀ за птицы эти господа; и хотя тупо и глупо, но все-таки
нялъ, что на свѣтѣ въ самомъ дѣлѣ есть господа, и что имъ д
понравилось, какъ онъ ловко и громко чмокнулъ ихъ
ручку. Кромѣ-того онъ увидалъ тамъ, что господа его
такъ живутъ, какъ тятя съ мамой и Іоновна съ Анхимыче
и что у нихъ гораздо свѣтлѣе и наряднѣе, нежели у него въ
бѣ, даже и пахнетъ-то тамъ какъ будто не жаренымъ, и В
рѣшилъ наконецъ, что ему не мѣшало-бы туда и почаще п
живать.

И вотъ сперва изрѣдка да робко, а потомъ посмѣлѣе и к

додневно, Вася началъ пѣшешествовать мелкимъ шагомъ черезъ барское парадное крыльцо, черезъ залъ, черезъ гостиную наконецъ, отыскивалъ тамъ маму, и нисколько не стѣсняясь присутствіемъ барина съ барыней, ходилъ за мамой и, прицѣпляя себя карманомъ къ родительскому подолу, пищалъ ей вслѣдъ: «и мнѣ кафенку́ дай!»

Добродушные, старосвѣтскіе помѣщики Василій Ивановичъ и Марья Александровна, любя свою экономку и ключницу Мароушу, почти всегда ласкали маленькаго Васю, гладили его иногда по головкѣ и даже часто говорили: «а, Василій Павлычъ пришелъ! здравствуй, Василій Павлычъ, здравствуй!» — И Василій Павлычъ, иногда дико, а иногда и важно раскланивался, мазалъ носомъ и губами барскія ручки и даже выучился шаркать ножкой, что̀ господамъ очень нравилось и они часто смѣялись.

Нерѣдко Марья Александровна спрашивала Мароушу: «чего проситъ твой Василій Павлычъ?»

И Мароуша съ улыбкой должна была сознаться въ глупости своего любимца Василья Павлыча: «да что, сударыня, кофею проситъ,—туда же какъ люди.»

На что Марья Александровна почти всегда отвѣчала одинаково: «ну, что же, Мароуша? а ты налей ему.»

— Да погодитъ, сударыня, не больно, чай, баринъ какой, отнѣкивалась довольная мама.

— Ну вотъ еще новости — погодитъ? — когда погодитъ: онъ маленькій, ему ждать нельзя долго, — подай-ко сюда чашку-то съ водой, я сама ему налью.

И дѣйствительно, добрая Марья Александровна часто и сама наливала въ воду сливокъ или молока, или отдавая матери кофейные остатки, съ достовѣрностію увѣряла, что гущу можно подварить — она для Васи еще очень годится. При чемъ Васѣ въ подачку жаловалось кусочикъ сахарцу. Такимъ-то манеромъ Вася каждодневно, какъ въ кандитерской, выпивалъ порцію гущи и, свободно прохаживаясь по всѣмъ комнатамъ, посматривалъ да попѣвалъ, а иногда, какъ модный гость, валялся даже и по дивану, задирая кверху ноги. Въ эту свободную пору жизни маленькій Вася былъ еще такого мнѣнія, что общественныя приличія — это такіе пустяки, на которые рѣшительно не стоитъ обращать вниманіе. А потому, когда ему все надоѣдало, онъ, не церемонясь много, начиналъ просто хныкать и проситься съ мамой домой. Тогда ужь Мароуша непремѣнно должна была

его проводить. Если же, Боже сохрани, Мароушѣ не было времени заняться своимъ Васильемъ Павлычемъ, то онъ такъ начиналъ рявкать, что мама должна была непремѣнно на-скоро зажимать ему ротъ горстью или затыкать салфеткой, вытаскивая его иногда въ сѣни, и обыкновенно всегда заканчивая такимъ нравоученіемъ: «ты дуракъ, Васька, у меня: кто же плачетъ при господахъ, глупый ты этакой? да еще ревешь ты этакъ! я тебя высѣку за это въ другой разъ! пошелъ въ избу, не смѣй у меня и проситься сюда больше никогда, — слышишь!»

Но это были только мамины острастки. Завтра обыкновенно все забывалось; утромъ чесали Васѣ голову; скоблили и вычищали подъ носомъ и снова посылали къ господамъ съ наказомъ: «смотри же, голубчикъ сынокъ, не забудь, поцалуй ручку-то у барина съ барыней.» И Вася опять шелъ, и опять выпивалъ порцію гущи, или милостиво былъ отжалованъ костяной карамелькой.

Скоро Вася выучился ходить и за ворота: ему, видите, весьма было нужно встрѣчать тятю, который, возвращаясь съ базару, обыкновенно приносилъ гостинецъ. Для этого Вася всегда уткой выступалъ на встрѣчу и, любопытно заглядывая ему въ глаза, допрашивалъ: «остинцевъ-то принесъ?»

— Принесъ, мой другъ, принесъ; пойдемъ-ко домой, задавятъ тебя еще тутъ, господа поѣдутъ, говорилъ обыкновенно тятя съ улыбкой и при этомъ вручалъ емуковригу, широкую и толстую, исписанную какъ скрижаль, которую Вася торжественно, и высоко, несъ къ мамѣ на показъ. — Скоро, очень скоро узналъ Вася все великое достоинство тятькиныхъ коврижекъ, и приладился ходить за ними еще и черезъ дорогу, къ сосѣду-барину — прокурору.

Почему это было такъ — я вамъ сейчасъ разскажу. Отецъ Васи былъ, что называется, проныра и какъ-то особенно умѣлъ всегда обратить на себя вниманіе. Онъ, напримѣръ, кумѣ всегда кстати шилъ ботиночки на крѣпость, да такія, которыя и поименно называлъ трехгодовалыми; за то всегда былъ увѣренъ въ томъ, что кума не откажется крестить у него хоть въ двадцатый разъ; куму, напримѣръ, онъ подносилъ всегда въ подарочекъ живенькаго подлещика своего собственнаго лову — за то былъ увѣренъ въ томъ, что и подлещикъ его сыграетъ ему какую нибудь штуку; барину часто, утромъ, подсавлялъ къ постели раковъ въ рѣшет , да такихъ молодцевъ, что Василій Ива-

мичъ, отдергивая босыя ноги господокія, съ изумленіемъ проговаривалъ: «откуда ты, братъ, Павелъ, откапываешь такихъ чертей, прости Господи?» — А Павелъ только крякалъ, да подумывалъ про себя, что и раки вѣдь вылезутъ ему современемъ.— Положимъ, сосѣдъ раковъ не любилъ; ну за то любилъ онъ дичь, а жена его, прокурорша, такъ безъ дичи и жить не могла; а это Павлу Кузьмичу было тоже на руку. Павелъ Кузьмичъ самъ былъ стрѣлокъ и какъ-то ужь повадился лучшую дичь свою относить въ подарокъ къ прокурору. Между нами будь сказано, эти подарки обходились сосѣду подороже покупки,— ну да это все ничего. Это все потому, что губернаторы, предсѣдатели и прокуроры вообще любятъ честь,—поэтому имъ все равно, хоть дичь неси, но лишь бы это было съ почтеніемъ; они и дичь вашу примутъ во уваженіе, они и за нее отблагодарятъ васъ при случаѣ по-министерски. Павелъ Кузьмичъ и это также смѣкнулъ, а потому не только самъ таскалъ свои подарки къ прокурору, даже часто для своей собственной потѣхи и Васю обвѣшивалъ бекасами да чирками, да посылалъ его впередъ, въ видѣ разнощика съ сапогами; а самъ, съ отеческой улыбкой слѣдуя за нимъ и растопырочкой забѣгая впередъ, отворялъ ему дверь и одобрительно вводилъ сынка за шею въ прокурорскую прихожую. Было же это всегда или подъ праздникъ царскій, когда у прокурора обѣдали чиновники, или подъ именины прокурора, или еще важнѣе—подъ именины самой прокурорши. Всякій конечно догадывается, что прокуроръ любилъ за это дворецкаго Павла и даже вскрикивалъ: «а! Павелъ Кузьмичъ, здравствуй! что, братецъ, съ дичью пришелъ? спасибо тебѣ, спасибо, родной мой!» — При этомъ, конечно, прокуроръ не забывалъ гладнуть по головкѣ и Васю, если тотъ попадалъ ему подъ руку, и всегда при такой оказіи дарилъ ему двугривенный съ ковригой, или полтину серебромъ да почтенный вяземскій пряникъ, величиною съ высокую залъ лѣстницей, на которой написано: «ѳхотъ».

По поводу этихъ заманчивыхъ сосѣдскихъ пряниковъ часто случались съ Васей анекдоты и приключенія, почерпнутыя изъ ручейка житейскаго, конечно такія же маленькія, какъ и онъ самъ, но все-таки необходимыя здѣсь для полной связи моего разсказа. . . . .

Разъ, напримѣръ, прокурорскій казачокъ, Прошка, попросилъ у Васи пряничка попробовать и однимъ хваткомъ такъ его отпробовалъ, такую, бестія, выхватилъ зубами круговину, что

Вася не вытерпѣлъ, заплакалъ даже отъ досады, — такъ это было больно! Казалось, легче, если бы онъ тиснулъ самого Васю, нежели такой прекрасный прокурорскій подарокъ. А въ другой разъ такъ и еще было хуже. Вмѣсто Прошки вдругъ откуда-то появилась большая дворная собака: сперва было такъ вѣжливо подошла къ Васѣ, даже вильнула хвостомъ въ знакъ знакомства и истинной къ нему дружбы, а потомъ невѣжливо, по-собачьи, выхватила изъ рукъ прокурорскій подарокъ и, даже не благодаря, утащила его тотчасъ куда-то подъ анбаръ—полакомиться. Вася ужасно испугался такого разбойничьяго нападенія, и закричалъ: «со-ба-ка!»—мамынька съ тятинькой тотчасъ прибѣжали на звонкій его крикъ, бросились освидѣтельствовать и руки, и ноги, и прочія части тѣла: не откусила ли проклятая собака, не испортила ли—дьяволъ—ребенка? Когда же въ наличности оказалось, что Вася былъ совершенно цѣлъ, то страхъ прошелъ у тяти съ мамой, и они, узнавши истинную бѣду, скоро успокоили Васю родительскими ласками и другой запасной ковригой. Во всѣхъ такихъ случаяхъ обыкновенно являлась Іоновна, и она была для Васи какъ само утѣшеніе. Іоновна тотчасъ разсказывала ему сказки: «скрипи-скрипи нога, скрипи липовая» и «дѣтушки-козлятушки»... И если не плясала передъ Васей въ утѣшеніе, такъ только собственно потому, что въ ея лѣта плясать ужъ было какъ-то грѣхъ,—а то и пѣла и говорила, и, несмотря на старость свою и дребезжащій разбитый голосъ, даже блеяла сама, какъ настоящая коза!—Чудо, какъ было весело Васинькѣ въ эту минуту; чудо, какъ весело слушать Іоновнины сказки. Такъ бы и жилъ все этакъ, да слушалъ, да вѣчно смѣялся!

Не все однакоже въ жизни Васиной были только сладости; пришло наконецъ въ свою очередь и горе. Чортъ знаетъ откуда, летучка какая-то въ родѣ наполеоновской козлиной бороды прилетѣла и сѣла къ Васѣ на подбородокъ; летучку вздумали, по совѣту Самсонихи, присѣкать огнивомъ, и изъ этого выходило что-то забавное до слезъ. При каждомъ ударѣ въ кремень, брызги огня такъ летѣли и въ носъ, и въ ротъ, и въ глаза, что Вася отдергивалъ назадъ голову, на подобіе лошади съ норовомъ, или морщился на манеръ того, какъ будто онъ нюхнулъ тертаго хрѣну. Вслѣдъ за летучкою — не знаю, откуда и зачѣмъ — въ родѣ бобовъ насѣли на руки бородавки. О бородавкахъ Іоновна отозвалась такъ, что на руки насадили ихъ лягушки, въ то время, какъ ея милый Вася купался въ оврагѣ въ Сибиркѣ, и

что она теперь припомнила, что бородавки эти слѣдуетъ лечить выжиганіемъ зажженнаго березоваго прута. Эта дьявольская операція была гораздо позабористѣе первой. Леченіе Іоновны здѣсь заключалось вотъ въ чемъ: березовый прутъ, взятый непремѣнно изъ голика, обжигали до краснаго угля; уголь потъ, какъ мѣхами, раздували въ два рта сама мама и Іоновна, и потомъ уже всовывали его въ бородавку такъ, чтобы она зашипѣла. Сами можете представить, какъ отдергивалъ Вася руку, когда его ужаливала такая штука. Я слыхалъ только одно, что при каждомъ втыканіи угля въ бородавку маленькій мальчуганъ такъ визжалъ, какъ поросенокъ въ мѣшкѣ.

Послѣ такихъ операцій Вася уже, конечно, долго плакалъ, а по поводу новыхъ огорченій начинались опять новыя утѣшенія. Іоновна окончательно заманивала Васю въ свои помѣстья, на кухню, и такъ его безсовѣстно по-купечески окармливала, что бѣдный ребенокъ хлопалъ только глазенками, и ужь ничего не могъ выговорить, какъ только одно, что у него болитъ брюхо и голова. О болѣзняхъ брюха и головы Іоновна разсуждала такъ, что это все отъ черняго глазу глазуна — лихаго человѣка, и что милаго Васю непремѣнно слѣдуетъ спрыснуть. А за этимъ начиналось тотчасъ шептанье у дверной скобы, да прысканье, да фырканье холодной водой прямо въ рожицу Васи, такъ что испуганный мальчуга, моргая глазенками, подумывалъ только: «что за чертовщину онѣ со мной дѣлаютъ?»—Часто, какъ мученика, водили Васю даже подъ куриный насѣстъ, по вечернимъ и утреннимъ зарямъ, и тамъ мама съ Іоновной такія надъ нимъ строили штуки, которыя никакъ не могутъ придти въ голову даже и самоновѣйшему и самомоднѣйшему французскому врачу. Но и этого всего наконецъ мало: злодѣи-господа уговорили еще маму привить Васѣ оспу, и мама, какъ ни отнѣкивалась, однако вынуждена была согласиться. И вотъ еще новое горе.

Пришелъ старикъ въ очкахъ, нечесаный и небритый; наточилъ ножичекъ объ стеклышко; сердито посмотрѣлъ Васѣ въ глаза и еще сердитѣе вскрикнулъ: «пораньше бы надо!» Потомъ засучилъ рукавъ и давай у Васи рѣзать руку. Вася испугался, закричалъ, задрыгалъ даже ногами, бросился головой въ брюхо къ мамѣ, къ Іоновнѣ наконецъ; а мама съ Іоновной точно съ ума сошли — сцѣпили его обѣ за руки да такъ подъ ножикъ-то и подталкиваютъ. Еще, къ счастію Васи, старикъ-то попался вѣрно добрый: пожалѣлъ немножко руку-то, да какъ плюнетъ

на ножикъ, обтеръ его объ полу, крякнулъ и захрипѣлъ опять: «ну, ничего, молодецъ, небось, — теперь ужь все....» И въ самомъ дѣлѣ завернулъ онъ лѣниво въ бумажку свое нападательное оружіе; засунулъ въ боковой карманъ жилета; почесалъ той же рукой за галстукомъ щетинный подбородокъ; протянулъ къ тятѣ руку за бѣленькимъ грошикомъ; сказалъ спасибо, мотнулъ головой и ушелъ домой.

Вася съ удовольствіемъ посмотрѣлъ за нимъ въ окошко и даже подумалъ: «а вѣрно добрый былъ; попадись-ко я этакъ другому — ухъ! на-прочь бы отрѣзалъ руку-то!»

Долго слѣдилъ еще Вася глазами за старикомъ, задавая себѣ вопросъ: «а что, если воротится? — вѣдь убѣгу въ подпечекъ, право, такъ!» — Но видя, что тотъ и не думаетъ возвращаться, Вася пересталъ высматривать темные закоулки чулана и, какъ ребенокъ, скоро успокоился и скоро забылъ свое горе.

Между тѣмъ оспа созрѣла, руки разболѣлись, маленькій баловень плакалъ и бередилъ ихъ, и еще больше блажилъ оттого, что его не пускали даже и кувыркаться. Но какъ въ мірѣ все имѣетъ свой конецъ, то и это также окончилось. Васю наконецъ выпустили на свободу, и онъ тотчасъ отправился къ своимъ господамъ засвидѣтельствовать имъ свое нижайшее почтеніе и даже шаркнуть передъ ними ножкой.

Барыня, Марья Александровна, вѣрно обрадовалась приходу Васи, потому что пригласила его къ себѣ въ будуаръ, подвела къ красивому рѣзному столику, выдвинула ящикъ и предложила Васѣ взять изъ него на выборъ, что̀ онъ захочетъ. Въ ящикѣ лежали конфекты, золотыя монеты и ея дорогіе брильянты. Вася на все посмотрѣлъ; казалось, обо всемъ подумалъ; даже что-то пофилософствовалъ и вытащилъ наконецъ за вихоръ самую красную и самую дрянную конфетку. Барыня расхохоталась; позвала ключницу Мареушу и съ ней вмѣстѣ еще простодушно посмѣялись надъ безтолковостью Васи, — а Вася простодушно съѣлъ конфетку.

И сталъ Вася по прежнему похаживать къ господамъ своимъ, да утѣшать ихъ своими безтолковыми пѣснями, въ родѣ такой: «сватъ Данило—посконное рыло,» да безпорядочными ребячьими разсказами въ родѣ того, какъ «генералъ Лобковъ леталъ до облаковъ, да просилъ боговъ о заплатѣ долговъ, а боги отказали — ни слова ему не сказали.»

Часто случалось, Василій Ивановичъ пальцемъ подзоветъ Ва-

сю къ себѣ, заставитъ его повторять скоро вывороченное на изнанку слово: «ранъ-а-ду», а потомъ, вслушавшись въ рѣчь его, внезапно захохочетъ во все басистое горло. Часто случалось, Марья Александровна пальчикомъ подзоветъ Васю къ себѣ и заставитъ выговорить трудныя для него три слова: «шитъ колпакъ не по колпаковски», и когда Вася, переконфуженный, замѣшавшись, понукнетъ свой непослушный язычишко выговорить: «непокал-кал-покаковски», — Марья Александровна засмѣется надъ нимъ и даже заставитъ его это забавное слово повторить. А за всѣ такія забавы Василій Иванычъ и Марья Александровна, въ знакъ ласки и привѣта своего, жаловали Васѣ къ великому празднику ситцу на рубашонку, а къ именинамъ, когда онъ приходилъ съ поклоннымъ кренделемъ, такъ и коленкорцу на штанишки.

Иногда случалось также, что Марья Александровна зазоветъ Васю къ себѣ въ спальню для забавы. Тутъ она велитъ, напримѣръ, поймать ему за хвостъ муху. Вася подкрадется, хватитъ и скажется, что муха улетѣла; — онъ слѣдитъ за мухой глазами, а Марья Александровна слѣдитъ за его глазами. Въ другой разъ, она укажетъ на пустой потолокъ розовымъ своимъ пальчикомъ и скажетъ Васѣ ласково: «Вася, посмотри, какая тамъ летаетъ милая пестрая бабочка».—И Вася, какъ любитель пестрыхъ бабочекъ, смотритъ вверхъ, ищетъ глазами на пустомъ потолкѣ бабочку и дивится, что ея тамъ нѣтъ. А это было вовсе неудивительно, потому что Марью Александровну занимали въ это время не бабочки, а что-то другое: Марья Александровна всегда почти при этомъ обращалась къ сестрѣ своей, Софьѣ, съ вопросомъ такого рода: «не правда ли, Софи, какіе у него хорошенькіе глазенки? — Смотри еще туда, Вася». — И Вася еще смотритъ. А старая дѣва Софи всегда отдѣлывалась отъ сестры своей длиннымъ университетскимъ разсужденіемъ о глазахъ съ поволокой и о ихъ привлекательномъ выраженіи, а иногда даже заканчивала и тѣмъ, что на свѣтѣ, во всю свою жизнь, она видѣла одни только глаза — это глаза уланскаго корнета Шипстикова.

Часто также случалось, что Марья Александровна трепала Васю по щекѣ, гладила ему шею, поднимала пальчикомъ голову за подбородокъ и даже гладила его по головѣ, если голова не была намазана масломъ. Она даже рекомендовала Васю съ отличной стороны гостямъ своимъ. Но при гостяхъ всегда слу-

чались такія обстоятельства: или Вася не можетъ выговорить, какъ его зовутъ, и сколько ни допытываются, все какъ будто стыдно выговорить ему слово: «Вася», или, заупрямившись, на всѣ вопросы гостей не отвѣтитъ ни полслова,—какъ обыкновенно это всегда бываетъ со всѣми дикими дѣтьми простолюдиновъ, которыя конфузятся,—или наконецъ гости были такъ важны, что рѣшительно не хотѣли знакомиться съ Васей и даже не обращали на него никакого вниманія. Во всѣхъ такихъ случаяхъ Марья Александровна слегка брала Васю за рукавъ, отводила къ двери и, по своему всегдашнему мягкому обращенію съ дѣтьми, говорила ему ласково: «Э, какой ты сталъ вдругъ глупый—ничего не говоришь, ступай туда....» Не знаю изъ любви, или страху, но только Вася всегда соглашался съ мнѣніемъ Марьи Александровны, никогда не упрямился, никогда не навязывался съ своимъ знакомствомъ къ гостямъ важнымъ и тотчасъ же уходилъ «туда».—А куда—онъ ужь зналъ, и не медля же отправлялся къ мамѣ въ дѣвичью. За что даже въ догонку часто слышалъ, какъ Марья Александровна говорила объ немъ гостямъ своимъ важнымъ: «а прекрасный будетъ мальчикъ».

Если же въ дѣвичьей мамы въ наличности не оказывалось, то Вася задними проходами перебирался за ней въ избу и тотчасъ же разсказывалъ ей или Іоновнѣ, что у него прекрасные глаза, и что онъ прекрасный будетъ мальчикъ,—такъ говорила объ немъ тамъ барыня.

— А мнѣ тамъ вонъ что дали.... говорилъ онъ иногда, показывая мамѣ, изъ маленькаго кулачишка, хвостикъ красненькой карамели.

— Ну-ка что-о? допрашивала его мама, какъ будто не догадываясь, въ чемъ весь секретъ.

— А я не покажу тебѣ.... И Вася закладывалъ кулачокъ за спину, или секретно выкусывалъ изъ горсти голову леденцовому пѣтуху, съ божбой увѣряя маму, что онъ не покажетъ ей того, что у него есть.—Мать, конечно, очень-то и не допытывалась узнать, чтобъ ужь не огорчить еще любимца.

А Вася, послѣ подобныхъ интересовъ жизни, гдѣ-нибудь въ углу за печкой, сладко засыпалъ со своей конфетной сигарой, задумывая, какъ бы завтра отправиться въ гости еще и къ постояльцу.

Постоялецъ, къ которому собирался Вася завтра, жилъ во флигелѣ на заднемъ дворѣ. Первое знакомство Васи съ постояль-

цемъ было очень чудаковато. Какъ-то любопытный ребенокъ заползъ на задній дворъ, чтобы поближе разсмотрѣть, изъ-за чего тамъ такъ дерутся лошади, да зачѣмъ онѣ понюхиваютъ одна другую, да громко кричатъ. Въ это время Вася замѣтилъ въ окнѣ торчащую рыжую голову да бѣлую руку, которая кидала хлѣбъ индѣйскимъ пѣтухамъ. Это бы, конечно, неважно,—и мама также кидаетъ,—да важно то, что красноголовые индѣйскіе пѣтухи понимали красноголоваго барина, какъ люди. И какъ только рыжій баринъ закричалъ имъ въ окошко: «здорово ребята!» —пѣтухи тотчасъ подняли носы, вытянули шеи и всѣ въ разъ заболтали такъ, какъ-будто они силились выговорить: «здравія желаемъ, ваше благородіе!»—Такой военный разговоръ заинтересовалъ Васю такъ, что онъ не утерпѣлъ, подвинулся еще поближе. Въ это время Артамонъ Артамонычъ Пентюхъ всѣмъ своимъ тучнымъ туловищемъ выдвинулся въ окно, подманилъ къ себѣ Васю толстымъ пальцемъ съ перстнемъ и еще громче закричалъ: «здорово, ребята!»—Ободренный зовомъ, Вася просмѣялся, когда заболтали индюки, а капитанъ Пентюхъ, подергивая ежовый усъ свой, еще и спросилъ Васю: «а что, братъ, каково?»—На что безтолковый Вася отвѣтилъ только улыбкой, какъ будто обдумывая: «а что, въ самомъ дѣлѣ, каково это? дѣйствительно ли это прелесть военная, или это только такъ кажется?»

Капитанъ послѣ того пригласилъ Васю въ комнату и на первый же разъ, какъ паролемъ, опросилъ его: какъ его зовутъ, да который ему годъ, да что онъ больше любитъ — таракановъ или лягушекъ; да гладилъ ли онъ ежей съ поросятами? На что Вася отвѣчалъ удовлетворительно, и для поддержанія бесѣды спросилъ въ свою очередь капитана: зачѣмъ у него такой большущій, съ брюхо величиной, кисетъ табачный; да отчего у него гнется такъ чубукъ его волосяной; да зачѣмъ на фарфоровой трубкѣ, изображающей турку, смѣется такъ рожа? — А на отвѣтъ капитана, что любимая его трубка пѣнковая, сомнѣвающійся Вася отвѣтилъ такъ: «вы все меня надуваете, это совсѣмъ не пѣнка; я, чай, пѣнки-то знаю, Іоновна мнѣ давала, я ихъ ужь ѣлъ».

Послѣ чего Вася, конечно, еще больше понравился капитану, до того понравился, что капитанъ спросилъ его: «пьетъ ли онъ водку?»—и тотчасъ пригласилъ его выпить съ собою рюмочку, даже далъ закусить кусочекъ балычка и довольно-таки потѣ-

шился надъ его сморщеннымъ носомъ. Въ заключеніе пригласилъ онъ Васю приходить къ нему почаще.

Артамонъ Артамонычъ, по роду жизни, былъ лѣнивый, вѣчно-халатный баринъ, по образу жизни когда-то военный, теперь отставной капитанъ, среднихъ лѣтъ холостяга. Занятія его почти всегда были въ родѣ тѣхъ же, какія я сейчасъ представилъ. То Вася находилъ его сидящимъ надъ дырочкой, и капитанъ таинственно шепталъ: «тише, братъ, не испугай!...» и за этимъ вдругъ — предъ удивленнымъ Васей — выволакивалъ изъ дыры крысу, которая по глупости, вмѣсто леща, попадалась на капитанскую удочку; то приходящій Вася съ любопытствомъ разсматривалъ, съ какимъ неподражаемымъ искусствомъ капитанъ выстригаетъ на хвостѣ своего пуделя пушистую кисточку и какіе хорошіе шарики отдѣлываетъ ему на заднихъ ногахъ; то вдругъ капитанъ окончательно поражаетъ Васю удивленіемъ, потому что самъ обмазываетъ своею Юпитера мыломъ, самъ усердно выбриваетъ его сзади и, даже еще поглаживая по голому пуделю, допрашиваетъ краснѣющаго Васю: «Ну, что, братецъ, каково выбрито? Что, вѣдьголенькій сталъ Юпитеръ-то?»

Капитанъ скоро полюбилъ Васю, какъ забавнаго ребенка; сталъ почаще подманивать его къ себѣ отъ скуки и даже позволялъ ему обходиться съ собой за-просто, на короткую ногу, по ребячьи, или по-стариковски тожь. Вася, напримѣръ, имѣлъ полное право приходить къ Артамону Артамонычу когда угодно и говорить ребячій вздоръ, какой угодно. Часто даже доходило до того, что и на самопустѣйшіе ребяческіе вопросы, какъ напримѣръ: «а что, Артамонъ Артамонычъ, будемъ мы сегодня мухъ-то бить?» — отставной капитанъ отвѣчалъ благосклонно: «будемъ, братецъ, будемъ,—отчего же и не поколотить ихъ бестіи? пойдемъ-ко, братъ, Василій Павлычъ, попробуемъ; ты хорошо сдѣлалъ, что пришелъ—я-то вишь не умѣю; да онѣ, канальи, и не трусятъ меня, вѣрно привыкли; ну а ты человѣкъ новый».

Послѣ чего Артамонъ Артамонычъ дѣйствительно подымался съ кожанаго своего волтера и, какъ на салазкахъ перекатывался на туфляхъ въ ту комнату, гдѣ больше было мухъ. Причемъ Вася вооружался хлопушкой, а отставной капитанъ садился, какъ главнокомандующій, и указывалъ именно на тѣ мѣста, гдѣ сильнѣе нужно было сдѣлать нападеніе. Послѣ чего разъяренный Вася, съ кожаной лепешкой, прикрѣпленной гвозди-

комъ къ палочкѣ, такъ носился изъ угла въ уголъ, какъ угорѣлая кошка, и такъ пришлепывалъ къ стѣнѣ несчастныхъ шестиножекъ и осеннихъ жегалокъ, что отъ нихъ оставались только одни красножелтые рисуночки. Въ одномъ углу отдавалось хлопанье, а изъ другаго слышалось простодушное восклицаніе капитана Пентюха: «ай да молодецъ, какъ онъ эту стегнулъ!» Даже въ голосѣ слышно было, что вѣчно лѣнивый, неслужащій дворянинъ находилъ, что отъ скуки и это смѣшно и забавно. Когда же хлопанье и храбрость домашней арміи до крайности надоѣдали, Артамонъ Артамонычъ тотчасъ находилъ и другую забаву. Онъ, напримѣръ, начиналъ угощать Васю чаемъ со сливками или кофеемъ съ сухарями, до чего Вася былъ такой же лакомка, какъ и до мухъ. Но когда тотъ доканчивалъ свою порцію—вторую сладкую, съ сухаремъ, — Артамонъ Артамонычъ съ удивленіемъ и аханьями начиналъ надъ нимъ говорить: «что ты это надѣлалъ? а?... вѣдь ты оскоромился? а?... вѣдь день-то сегодня постный—середа! ахъ, бѣда, ахъ, бѣда!»—А Вася какъ на бѣду боялся отца, не хотѣлъ огорчить матери и впередъ предвидѣлъ, какъ ужасно будетъ ахать Іоновна надъ тѣмъ, что онъ совершилъ такое прегрѣшеніе—оскоромился въ середу. Оторопѣвшій Вася вскакивалъ послѣ того со стула и съ ревомъ отправлялся къ мамѣ покаяться въ прегрѣшенія. А отставной капитанъ, поддразнивая его еще изъ окошка, приговаривалъ: «надулъ реву, надулъ; что, братъ, ревешь? Васька-козелъ, полно блеять-то!»— На что осерчавшій Вася плевался, или сквозь слезы сердито отвѣчалъ: «самъ ты козелъ Васька, пенная борода, оскоромилъ меня, собака, не пойду больше къ тебѣ!» — На что Артамонъ Артамонычъ изволили хохотать во все горло.

Время между тѣмъ летѣло стрѣлой; Васѣ исполнилось четыре года. Смышленный ребенокъ сталъ отчасти понимать, что такъ докучливо и часто толковала ему мама: будто онъ не баринъ у ней и будто ему не слѣдъ часто таскаться и торчать въ гостиной, потому что онъ сталъ побольше. «Пожалуй еще, говоритъ, господа на тебя осерчаютъ». — Вася даже и самъ сталъ замѣчать, что Марья Александровна какъ будто не такъ уже ласкова, какъ прежде: въ пустой потолокъ заставляетъ смотрѣть не часто, конфекты стала давать рѣдко, только по праздникамъ большимъ, а въ послѣдній разъ такъ и ничего — на именины. Онъ даже подмѣтилъ, что къ Марьѣ Александровнѣ изъ дѣтской

стали часто приносить маленькую бѣленькую дѣвочку — всю въ бѣломъ, а Марья Александровна вмѣсто его, Васи, потрогиваетъ ее по щечкѣ розовымъ своимъ пальчикомъ да нѣжно выговариваетъ ей: «Лили, милёкъ!»

Но это еще все бы ничего, еслибъ Марья Александровна не разобидѣла Васю однажды окончательно.

Разъ Вася отличнѣйшимъ манеромъ возился на коврѣ съ косматой Жужуткой, любимицей Марьи Александровны. Жужутка отлично кидалась на Васю, и для потѣхи рвала ему рубашенку. Вася тыкалъ Жужутку пальцемъ въ шею, зацѣплялся за гарусный ошейникъ, находилъ, что это чрезвычайно весело и даже обнявшись съ нею началъ ее примѣрно грызть.

И что же бы вы думали изъ этого вышло?—Та самая Марья Александровна, которая такъ много любила смѣяться надъ Васей, въ то время, какъ онъ игралъ на коврѣ съ ея Жужуткой,— та самая Марья Александровна теперь ни съ того, ни съ другаго какъ закричитъ вдругъ на Васю: «ты шалишь, говоритъ, Василій Павлычъ,—пошелъ вонъ!»—Каково это вамъ покажется?— Васѣ до такой степени стало стыдно, что у него покраснѣли даже уши, тѣмъ больше, что Вася терпѣть не могъ этого обиднаго слова — «вонъ», да и слышалъ-то его въ первый разъ своей коротенькой жизни. А потому и вышло, что онъ съ разу свернулся въ комочикъ, вскочилъ сперва на ноги, сначала какъ будто оторопѣлъ, но потомъ тотчасъ напыжился, надулся и выходя чрезъ прихожую на дворъ, хлопнулъ дверью и проворчалъ: «да, больно мнѣ нужна твоя Жужутка-то, какъ же!—я захочу, такъ и съ Азоркой пойду поиграю, еще получше Жужутки—онъ бѣгаетъ со мной по всему двору».

И вотъ Вася познакомился съ Азоромъ, и познакомился на короткую ногу, до того коротко, что сталъ на немъ ѣздить по-двору верхомъ. Познакомился онъ даже и съ Шаркомъ, который былъ еще смиреннѣе и еще уважительнѣе къ Васѣ: тотъ даже позволялъ совать себѣ въ носъ щетину, а въ уши цѣлые пучки соломы и перьевъ; кромѣ того, прямой свой хвостъ держалъ, какъ дышло, и Вася имѣлъ полное право прицѣпляться къ этому дышлу, какъ коляска, и, сидя на землѣ, ѣхать до тѣхъ поръ, пока подъ эту коляску не подвертывался камень, или не ужаливала заноза. Мало того, Вася познакомился еще и съ кроткой Шеверюшкой, у которой репьи были натыканы въ морду и въ хвостъ, и съ сердитымъ Цѣпляемъ, у котораго репьи сидѣли только въ ляж-

какъ, а изъ хвоста онъ выкусывалъ ихъ съ шерстью; онъ даже запускалъ руку въ длинную косматую шерсть обѣихъ своихъ собственныхъ собаченокъ и, какъ настоящій учитель собачій, такую задавалъ имъ таску, какую задаетъ только нравоучительный сапожникъ Ляпинъ, запуская лапу въ нечесанныхъ учениковъ своихъ, живущихъ у него въ мальчикахъ. И этого мало; Вася познакомился даже съ самимъ грознымъ Соколкой, который вѣчно сидѣлъ на цѣпѣ, и не только познакомился, даже — по добротѣ своего ребяческаго сердца — сострадалъ о горькой его участи, и когда несчастный Соколка, смотря на свою свободную братію, побрякивая цѣпью, вылъ у амбара, Вася подходилъ къ нему съ сожалѣніемъ, Вася обнималъ его косматую шею и узкій ошейникъ, Вася ложился щекой на голову Соколки, Вася заунывно спрашивалъ Соколку: «что, бѣдный Соколушка? что-о? скучно тебѣ? Охъ, ты, бестія!»

Вася познакомился даже и съ Пальмерстономъ-рыжимъ, который былъ серьёзнѣе всѣхъ дворовыхъ псовъ, и на первый же разъ, изъ дружбы, чуть было не прохватилъ насквозь Васѣ руку. Песъ этотъ назывался кабинетною собакою самой барыни, и въ самомъ дѣлѣ имѣлъ такую серьёзную морду, которая походила на что-то очень замысловатое. Но и этого знакомства было мало. Вася познакомился даже съ сѣрымъ волчкомъ, котораго хотя и называли ручнымъ, однако держали въ хлѣвѣ, прикованнаго къ стѣнѣ, и не выпускали никогда, будто за то, что онъ былъ слишкомъ строгъ къ курамъ и взыскателенъ къ поросятамъ. Несмотря на то, что сама маменька толковала Васѣ, будто волчокъ не собачій сынъ, а самаго того волка, которымъ его пугали; несмотря наконецъ на то, что маменька запрещала Васѣ ходить въ хлѣвъ и грозила, что его съѣстъ тамъ волкъ, — Вася все таки дѣлалъ по своему, онъ носилъ туда кусочекъ хлѣбца и говядинки, гладилъ волчка по спинкѣ и продолжалъ его гладить до тѣхъ поръ, пока наконецъ съ этой спинки люди не содрали шкуры, о чемъ Вася очень сожалѣлъ.

И утѣшился только тѣмъ, что завелъ себѣ жирнаго кота Ваську, котораго самъ обучалъ прыгать въ обручъ, да завелъ себѣ еще двухъ отличныхъ котятъ съ великолѣпными усищами, да еще толстаго мопса, очень похожаго на петербургскаго швейцара, котораго самъ тятя училъ стоять на заднихъ лапахъ, какъ лакея передъ бариномъ. Завелъ-было Вася также и Жужуточку

тоненькую, да жаль, скоро перекусилъ ее пополамъ Соколка-разбойникъ. Въ утѣшеніе отъ горя послѣдняго Вася узналъ отъ мамы исторію о знаменитомъ происхожденіи Азора, сестры его Шеверюшки и сына ихъ Цѣпляя, что мама и сама любила разсказывать ему отъ скуки и о чемъ даже самъ Вася иногда конючилъ на распѣвъ:

— Мама, а, мама! разскажи-ко о Шеверюшкѣ-то?

— Ну да вѣдь ты ужь знаешь о Шеверюшкѣ-то? возражала мама ласково:—сто разъ вѣдь ужь слыхалъ объ этомъ, надоѣдало ты этакой!...

— Ну да еще разскаж-жи? а? разскажи-и...

— Ну вотъ: Емельянушка-то Пырочкинъ взялъ слѣпыхъ кутять-то въ полу, да и идетъ по улицѣ да плачетъ надъ ними; а Марья-то Александровна смотритъ этакъ въ окошко-то да и и спрашиваетъ: «что это ты, говоритъ, Емельянушко, плачешь-то объ чемъ?» — «Да чего, говоритъ, сударыня, кутятокъ вотъ приказала барыня закинуть въ оврагъ, а мнѣ вотъ жалко-съ ихъ: оченно-съ больно, маленькіе, говоритъ, вонъ, какъ дѣти этакія какія нибудь.» А та, знаешь, всякую животную оченно любитъ; ну и говоритъ ему: «ну полно, говоритъ, Емельянушко милый, не плачь, да-ко ихъ суда». А тутъ отца-то нашего и вскрикнула къ себѣ: «Павелъ, говоритъ, подп-тко, говоритъ, возьми ихъ отъ него, да воспитывай хорошенько; смотри же, говоритъ, у меня, не бей ихъ — слышишь!» Ну вотъ и вышло оно, что они этакіе балобаны вздрочены отцомъ-то твоимъ,—настоящіе обреутки. А тому гривну дала за нихъ, аль, кажись, и двѣ за пару-то; ну, а Емельянушкѣ это и на-руку, ему вѣдь только это и нужно было; онъ ужь человѣкъ отъ извѣстно какой, только изъ-за выпивки и колотится; взялъ вонъ пошелъ въ кабачекъ, да и дернулъ такъ за ихъ здоровье. Ну вотъ и дѣло съ концемъ, еще пѣсенку попѣваетъ, назадъ-то идучи. Вотъ такъ они у насъ и остались съ ту пору, и таперича вонъ живутъ да поживаютъ: Азорка-то вонъ старикъ сталъ, а Цѣпляй-то еще молоденькій.

Но какъ Азорка, Шарокъ, Соколка, волчокъ, котъ Васька, мопсикъ,—словомъ, весь дворовый собачій и кошачій міръ далеко не удовлетворялъ пытливости свѣжаго дѣтскаго взора, а для игры и забавы всего этого было недостаточно, то Вася и сталъ мало-по-малу знакомиться и съ прочимъ его окружающимъ. Любилъ онъ, напримѣръ, встрѣчать мамину Субботку, идущую важно изъ стада, какъ толстая купчиха;—ту самую Субботку, о ко-

...рой завистливая сосѣдка говорила часто мамѣ: «а твоя, братъ, Субботка, настоящая король-корова изо всего стада». Любилъ ...ся гладить и глупаго теленка, Бунеюшку, привязаннаго въ из...къ шайкѣ и до того глупаго, что онъ даже и отъ молока-то ...рился и его не умѣлъ порядочно выхлебать. Любилъ онъ гусей-молодцовъ, и несмотря на то, что боялся грознаго ихъ ...ья, все-таки любопытно посматривалъ на нихъ издали, и ...гда они, поднявши гордо голову, гоготали во все горло, онъ ...замираніемъ сердца выговаривалъ: «го-го-го! какъ славно!» ...то не любилъ онъ кислыхъ индѣекъ, которыя все какъ будто ...ли ходя, даже синіе носы ихъ называлъ не иначе какъ соп...и, и даже, ходя за ними, передразнивалъ, говоря: «тя-тя-тя: ...о тебѣ не тя, — эхъ, вы кислятина!» Любопытно засматривал... онъ на двухъ маминыхъ утокъ, которыя переваливались отъ ...ру, какъ беременныя женщины, и даже дѣлалъ надъ ними ...его рода заключенія: «что это, мама, онѣ, какъ дураки, хо...-то совсѣмъ не умѣютъ? не выучились, что ли? вонъ какъ! ...о кувыркаются?» — Узналъ Вася хорошо и оборванную, хи...мамину курицу Анну Андревну, узналъ ея немочи, бѣдность ...ость и, сокрушаясь объ ней сердечно, всегда отдѣльно отъ ...чихъ давалъ ей отъ себя крошечки хлѣбца и творогу, забот...о отгоняя отъ нее прочихъ бестій рябушекъ, которыя — и въ ...ю глазахъ — готовы были безсовѣстно выхватить у Анны ...ревны творогъ и хлѣбъ не только изъ-подъ носу, а прямо ...клюнуть изъ-носу. Онъ зналъ также съ хорошей стороны и ...гда хвалилъ отъ себя, при случаѣ, горластаго мамина пѣтуха ...шку-долговязаго, который отличнѣйшимъ бассомъ и такъ ...ло зѣвалъ свое: «како реку» и такъ съ сосѣдними пѣтухами ...ался по-свойски, что отъ нихъ летѣло рѣшительное ...ие, — словомъ, отчаянный Антошка-долговязый былъ не толь...забіяка, но и отличнѣйшій дуэлистъ. За что сама мама наимено...ла его пѣтухомъ голландскимъ, а по отчеству величала чуть-ли ...королемъ дюнгерландскимъ. Онъ познакомился даже коротко ...съ чернымъ прокурорскимъ козломъ Васькой, котораго преж...такъ боялся, какъ бабы боятся домоваго, и отъ котораго въ ...ый разъ такъ прыснулъ съ испугу, что спрятался головой ...въ подолъ, между разведенными колѣнями. Впрочемъ Вась...козла онъ любилъ все-таки не такъ, какъ мамину козу Ма..., — которая еще однажды, забравшись за нимъ въ садъ къ ...ькѣ Почечкину, такъ аккуратно обстригла тамъ всѣ вер-

хушки цвѣтовъ, что оставшіяся бустыли представлялись по жими на стриженные волосы школьника.

Но какъ и этого широкаго знакомства пытливому Васѣ таки было недостаточно, — онъ еще дальше сталъ заглядыва на широкій божій міръ. Со вниманіемъ сталъ онъ разсматрив сизенькихъ голубчиковъ, парочкой сидящихъ на крышѣ и мудренно цалующихся въ весеннее теплое время; въ особенно любилъ онъ смотрѣть на нихъ въ то время, когда они тас одинъ другаго за-носъ, за то не долюбливалъ онъ черн бестій-галокъ, которыхъ мама съ Іоновной — не знаю что — называли пустой птицей, а тятя съ Анхимычемъ — знаю почему — величали нахалками и сѣроглазыми канальями. На прыгунью сороку онъ смотрѣлъ съ особеннымъ любопы ствомъ, какъ на рѣдкость, иногда даже покрикивалъ: «эй, сорока-бѣлобока!» и почти всегда, складывая вмѣстѣ ножо пробовалъ самъ прыгнуть сорокой. Равнодушнѣе всего смот онъ на карканье глупой вороны, никогда не вытягивалъ из подражанія оной, никогда не глоталъ такъ воздухъ, глотаетъ та при своемъ карканьи и даже никогда не пробов по-вороньи почистить свой носъ объ мерзлую кочку, нес тря на то, что въ это время носъ и очень нужно было стить. Впрочемъ въ послѣднемъ отношеніи не только совѣ даже самыя приказанія и угрозы мамы нисколько не д ствовали на Васю. Васѣ рѣшительно некогда было зани ся чисткою своего носа: его болѣе занимали рѣзвые пр гунчики-воробышки, особенно когда они, передъ тепломъ пр гая на одной розовой маленькой ножкѣ, а другую поджи подъ себя отъ лютаго морозу, все-таки весело выговарив «чуть-живъ»! Вася даже неутомимо слѣдовалъ за ними подъ сараи и тамъ подробно разсматривалъ, какъ грѣли они роз ноженки свои, зарывая ихъ въ кучи теплаго, парнаго на Вася даже неустращимо заглядывалъ за ними и въ колодц тамъ зорко высматривалъ, какъ цѣпко сидѣли они на сруб и какъ заботливо спасали маленькую жизнь свою отъ жесто русской зимы. Съ наслажденіемъ слѣдилъ Вася полетъ рѣз ласточки-касаточки, скользящей, какъ молнія, по землѣ, пр грозою; онъ часто съ растопыренными ручонками кидался редъ ней, также, какъ передъ летучею мышью вечеромъ, что обѣихъ изловить. Жаль только, что изловить-то никакъ не у валось: ужь быстро очень летали. Конечно, въ это время В

...тоовалъ, что и самъ онъ человѣкъ очень быстрый, ну, да ...вѣтъ—не ловится!—Что же касается до появленія перваго ...рчика, такъ это было такое щекотанье, которое веселило ...ю всего. Вася готовъ былъ заплясать въ то мгновеніе, ко... отецъ начиналъ ставить первую—мастерски отдѣланную— ...решницу и еще пророчилъ Васѣ, что скоро прилетятъ свор... Вася рѣшительно по сотнѣ разъ на-день просился изъ избы ...дворъ посмотрѣть: не прилетѣли-ли въ самомъ дѣлѣ его ми... скворушки. По правдѣ сказать, онъ часто вылеталъ изъ су... избы прямо въ лужу, въ ручей и въ грязь—словомъ, въ та... мѣста, куда скворцы ужь вовсе не летаютъ,—ну, да это ему ...почемъ.

Вотъ тотъ маленькій, чудный мірокъ, въ которомъ по своему ...но младенчески — безгрѣшно и свято — виталъ мой пяти... ...ній крошка Вася. Чистыя его наслажденія природою под... ...лялись еще то душистымъ желтымъ одуванчикомъ, то со... ...мъ и румянымъ яблочкомъ, то багряною гладкою вишен... ..., то наконецъ ласковымъ словомъ и сказочкой воркуньи Іо... ...ны, то поглаживаніемъ да похваливаніемъ самого тятеньки ...наконецъ ужь тѣмъ, что всего слаще и милѣе на свѣтѣ—лас... ...мъ поцалуемъ и приголубливаніемъ самой родимой мамень... О, золотое времячко!

Конечно, иногда случалось оно и такъ: Іоновна уходила къ ...й чудотворной иконѣ въ Калуханову или Богомилово—Богу ...иться; тятя говорилъ жестковато: «отстань, братецъ, съ пу...ками, мнѣ некогда теперь съ тобою толковать»; а мама такъ ...непривѣтливѣе и жостче покрикивала на Васю: «ну, что ты ...ъ за языкъ повѣшенъ, Васька! Мамкай еще! Видишь, некогда ...? пошелъ отъ меня прочь! опять вонъ черти—гости наѣхали, ...сти Господи! Не надоѣдай мнѣ, какъ горькая рѣдька, уби... ...ся отъ меня къ шуту!» — Ну и ступай мой бѣдный Вася къ ...ту, — а къ какому шуту? гдѣ онъ живетъ? — Этого онъ не ...етъ, да и никто не знаетъ,—Богъ одинъ знаетъ. Поневолѣ ...тъ того взгрустнется такъ, что захочется всплакнуть.

Хорошо еще, что это было въ такое время, когда плакать-то ...все было некогда: то подвернется подъ руку такой милый цвѣ...къ, который такъ самъ и впрыгиваетъ въ очи рѣзвушки Васи, ...зеленый бархатный лужокъ самъ нѣжно подманиваетъ ма...ленькаго Васю покататься, да поваляться по немъ, то тамъ изъ ...куста вспорхнетъ и заиграетъ передъ Васей, какъ радуга —

пестрая бабочка, то здѣсь вмѣсто мамы улыбнется ему и приг
лубитъ его само ясное божье солнышко.

И вотъ Вася забылъ уже, что его обидѣли тятя съ мамо
и вотъ Вася не сердится уже на то, что его отогнали отъ се
мама съ тятей. И этимъ чуднымъ забвеніемъ ребенокъ какъ бу
хочетъ сказать намъ: «я чистый младенецъ; у меня есть друг
нѣжная мама, она меня никогда не обидитъ и не отгонитъ, -
эта ласковая мама моя — мать природа». И этимъ ангельски
незлобіемъ ребенокъ какъ будто хочетъ сказать намъ: «я свят
младенецъ; у меня есть другой нѣжный тятя, онъ меня никог
не обидитъ и не отгонитъ, — этотъ ласковый мой новый тят
отецъ мой небесный — Богъ!»

Да, да! мое дорогое дитя! отжившимъ сердцемъ моимъ чу
ствую, что ты говоришь мнѣ вѣчную правду, и вѣруя въ теб
мой непорочный младенецъ, я утверждаю вѣчную истину сло
твоихъ словомъ великой книги: «Не возбраняйте дѣтямъ прих
дить ко Мнѣ».

ГЛАВА II.

Вотъ какъ я представилъ тебѣ, читатель, моего пятилѣтня
младенца Васю. Но что такое пятилѣтній ребенокъ у таки
родителей, какъ наши чѣмъ-то вѣчно занятые крѣпостн
люди? Не есть ли это мѣшокъ, напичканный до сыта гр
бою пищею отъ черстваго стола или мѣсячины, и развѣ е
изрѣдка дополненный ворованными лакомствами отъ сытна
господскаго стола? Безошибочно можно сказать, что вся е
физическая жизнь заключается въ пяти только словахъ: ѣсть
пить, спать и играть, а пятаго нельзя уже и сказать. В
умственное развитіе такого ребенка ограничивается любопы
ствомъ его глаза и памятью; онъ знаетъ названіе многихъ пре
метовъ и вовсе не знаетъ ихъ настоящаго употребленія или зн
ченія; онъ знаетъ нѣсколько десятковъ счета и вовсе не знае
его настоящаго примѣненія къ дѣлу; онъ съ грѣхомъ пополам
заучиваетъ названіе дней недѣли, безъ порядку, и много-мно
развѣ при строгости родителей — узнаетъ, что среда и пятни
дни постные, а воскресенье — это праздникъ. Все нравствен
его убѣжденіе есть безусловное повиновеніе волѣ родительско
и начинается и оканчивается оно только бранью матери,

угрозами отца и отцомъ, да иногда развѣ — при рѣзвости и упрямствѣ ребенка — плесками, теребачками, подзатыльниками и другимъ. Все его религіозное пониманіе заканчивается заучиваніемъ той молитвы, которую нанесла надъ нимъ бабушка Сампсониха, при его появленіи на свѣтъ божій, да много-много развѣ еще знаніемъ наизусть: «богородицы дивараdаваййся». О Богѣ ребенокъ знаетъ только то, что онъ у мамы, въ чуланѣ, виситъ въ переднемъ углу на веревочкѣ, или стоитъ на божницѣ въ мѣдномъ облаченіи, за стеклышкомъ, и что у него черное лицо;—развѣ еще ненарокомъ узнаетъ отъ кого нибудь, что Богъ живетъ на небесахъ, тамъ, дале-е-ко....

Что же изъ него должно выйти? Что? если ко всему этому присоединните еще цѣлую дворню учителей, безпрестанно своими живыми примѣрами поучающихъ ребенка и тому, и сему, и пятому, и десятому—и вовсе ужь не тому, чему нужно бы учить маленькаго пятилѣтняго ребенка. А между тѣмъ въ этомъ пятилѣтнемъ ребенкѣ, при такомъ неудовлетворенномъ состояніи и при такой страшной суетѣ и дѣятельности, безпрестанно затрогивается не только любопытство, а даже и сердчишко его и маленькій его умъ. Вотъ настоящее положеніе моего пятилѣтняго Васи.

Разсмотримъ же теперь, чѣмъ въ особенности затронуто было, въ настоящій періодъ, его любопытство. Первая картина, которая въ особенности затронула его любопытство и ярко сверкнула предъ очами ребенка, какъ что-то цѣлое и даже съ нимъ нераздѣльное и недѣлимое—это рожденіе брата его Вани.

Рожденіе Васина брата Вани было вотъ какъ. Разъ какъ-то Вася, проснувшись утромъ, замѣтилъ, что у него пропала мама. Во всѣхъ такихъ пропажахъ Вася имѣлъ обыкновеніе ревѣть, ибо впередъ уже былъ увѣренъ въ томъ, что ему стоитъ только покрѣпче рявкнуть, такъ непремѣнно кто нибудь изъ двухъ — тятя, или мама—а ужь явятся на свиданіе и утѣшатъ сироту въ уединеніи. Но на этотъ разъ случилось какъ-то не такъ; и мама не приходила, и тятя не являлся, а просто какая-то голосистая бабенка закричала на него съ печки: «Васька, шкура-сте долой, что ты глотку-то дерешь, жаба-те въ горло!—Наткось поди — наладилъ: мама да яма! Мамка твоя въ банѣ,—ступай туда; она тамъ тебѣ братишку родила. На-ко вотъ: штанишки-то надѣвай, что-ли!»

Вася очнулся и какъ будто образумѣлъ. «Пожалуй», поду-

валъ онъ: «и штанишки можно вѣдь надѣть, когда мама братца родила — надобно его посмотрѣть». Вася послѣ того живо напялилъ на себя амуницію и тотчасъ покатилъ въ баню. Отецъ съ удивленіемъ спросилъ его въ дверяхъ: «ты, братъ, зачѣмъ сюда появился? тебя кто звалъ?» Однако послѣ того тотчасъ показалъ ему маленькаго новаго брата, краснаго какъ говядина, и даже прибавилъ: «видишь, какъ онъ спитъ?»

Рожденіе Вани, читатель мой, для тебя не такъ уже интересно. Бабушка-Самисониха—дай ей Богъ царство небесное—отживши послѣдній сотенный годъ своей славной тысяче-внучатной жизни, переселилась въ вѣчность! Новая бабушка Сидориха не только не умѣла отхватать этакъ что нибудь замысловатое:— тамъ дунуть, плюнуть или пошипѣть на нечистаго да отогнать нелегкаго воскресной молитвой, не умѣла даже пупочка дѣтскаго порядкомъ перевязать, — допустила таки надуть грыжу. Сама мама, состарѣвшаяся пятью годами, уже гораздо хилѣе перенесла этотъ обычный періодъ, къ которому вѣрно и въ восемнадцатый разъ нельзя женщинѣ легко привыкнуть. Она даже на самый сердечный вопросъ: «какъ для нея назвать новаго ея сынка?»—махнула какъ-то отчаянно рукой и только вяло выговорила: «ну, зовите, какъ хотите, Господь съ нимъ!... всякіе были у меня, матушка Сидоровна, и Сергѣи, и Андреи, да проку-то въ нихъ какъ-то все мало — непрочны больно, только и знай, что хорони да рожай. Не стоитъ и имѣть то ихъ вовсе: только одно горе съ ними....» На что, впрочемъ, Сидориха тихо отвѣтила: «ну, полно, Семеновна, грѣшить-то! когда не стоитъ ничего? что ужь это, больно? кормилецъ, чай, будетъ то же? — сынъ вашъ.» Но въ самомъ голосѣ Сидорихи слышалось, что и сама она мало вѣровала въ новорожденнаго — ибо новенькій братикъ Васи ни крѣпостію мышцъ, ни упругостію тѣла нисколько не походилъ на Васю новорожденнаго, а былъ такъ какая-то неподвижная разваренная свекловица. Самый тятя какъ будто осовѣлъ, какъ будто онъ усталъ уже и крестить и хоронить дѣтей своихъ: онъ не пошелъ даже искать и кума съ кумою, махнулъ какъ-то горько рукой, и просто тутъ же изъ дворни отрядилъ, какъ на барщину, портнаго Аскалона да коровницу Лепестинью, и они въ этотъ же день за обѣдню отнесли въ церковь новорожденнаго Ваньку. Кума даже объявила Васѣ, что они идутъ въ церковь затѣмъ, чтобы новаго братца его ввести въ «крестьянскую вѣру». Вася любилъ

жкія новости и потому тотчасъ съ кумой же борзо отправился въ церковь, чтобъ высмотрѣть подробно, какъ это тамъ будутъ еще водить новаго его братца. Но напрасно и ходилъ; пошелъ-то онъ было и бодро да осѣлся: вовсе ничего для него не было веселаго и въ церкви. Просто сторожъ Романычъ съ храпомъ натаскалъ холодной воды и налилъ ее въ какую-то большую мѣдную рюмку съ донышкомъ, которая стояла въ углу на полу. Потапычъ, дьячокъ, бѣгая взадъ и впередъ суетливо по церкви, выронилъ уголекъ изъ кадила и наклонясь, чтобъ поймать его, жалостливо пропѣлъ что-то. Парамонычъ, дьячокъ, въ темномъ углу невнятно читалъ какую-то божественную молитву, а иногда задумавшись почесывалъ у себя за ухомъ. Молодой попъ опушился уже бородой, и служилъ медленнѣе, важнѣе, чѣмъ пять лѣтъ тому назадъ.

По возвращеніи изъ церкви, вмѣсто курника съѣли только пирогъ съ горохомъ, да закусили огурцомъ: это потому, что и день былъ постный да и новорожденнаго назвали Иваномъ Постнымъ. А потомъ дальше такъ и пошло все плоховато, да ветховато, да гниловато.

Иному новорожденному маменька, пожалуй, заготовитъ еще и распашоночки какія нибудь батистовыя, съ заграничными кружевами, да одѣяльце стеганое атласное, а то и на лебяжьемъ пуху; а у нашего Ваня-постнаго и рубашоночки не оказалось порядочной, не только теплаго халата. Мама, видишь, вовсе не разсчитывала, что у ней родится еще какой нибудь бѣдный Ваня, кромѣ ея боженаго и моленаго дитятки Развасюрыньки: ну такъ ничего и не думала сначала-то, а потомъ было и задумала, да за хлопотами, да за суетой все какъ-то и шить-то было некогда.

Вмѣсто бесѣдки, въ которой Вася бесѣдовалъ въ старые годы съ Сампсонихой, теперь повѣсили лукошко, въ которомъ индѣйка выводила въ эту зиму пырышатъ;—вотъ въ лукошко-то и высадили Ваню за-просто, какъ пырышенка. Это, видите, все потому такъ случилось, что Маѳа Семеновна, давши себѣ слово никогда болѣе не родить, подарила еще въ третьемъ году Васину колыбельку какой-то бѣдной солдаткѣ, у которой мужъ былъ уже лѣтъ двадцать пять на царской службѣ. Индѣйское проклятое корыто съ первыхъ же дней какъ-то ненарокомъ спрыгнуло съ очѣпа и маленькій крошка Ваня такъ брякнулся объ полъ, что у него закрылись глазенки и онъ полчаса лежалъ

недвижно, бѣлый какъ полотно. Сидориха ужь только и отходила его отъ смерти, подувая ему въ плѣшивую голову—въ темя.

А тамъ и недѣли не прошло, какъ Вася заползъ по глупости въ индѣйское корыто приголубить своего братца Ваню да такъ родственно бросился ему въ объятія, что лѣвымъ мизинцемъ чуть было и глазъ не выковырнулъ ему, вмѣсто изюмины, — впрочемъ не многимъ поплатился Ваня за это свиданіе: разорвалось немножко съ краюшку вѣко — и только! На третій день послѣ того ловкій Вася, въ качествѣ хорошей молочной кормилицы, чуть было не утопилъ возлюбленнаго братца въ молочкѣ. А кажись вѣдь ничего и не сдѣлалъ такого: просто только приставилъ рожекъ себѣ ко рту, понатужился немного, да дунулъ въ него. А вышла вонъ какая оказія: молоко точно изъ пожарной трубы такъ ударило и въ ротъ и въ глаза Ванѣ-постному, что тотъ чуть совсѣмъ не подавился братцовымъ угощеніемъ. А черезъ денекъ и опять вышла новая исторія: у новой кормилицы Ваня чуть было не проглотилъ соску! Мама даже въ толкъ не могла взять, какъ это все случается: лайка, что ли, была гнила, или ниточка — только сосочка сорвалась съ рожка-то да какъ прыгнетъ, шельма, въ горло, словно устрица—такъ было тамъ и засѣла, да ужь мама постаралась— вытащила ее оттуда за хвостъ. А черезъ два денька еще случилось съ Ваней двѣ новыхъ исторіи, на которыя ужь мама за недосугомъ своимъ да бѣготней только махнула рукой да добавила, убѣгая въ погребъ: «ахъ, Ванька, Ванька несчастный, и покормить-то тебя некогда!»

А на несчастнаго Ваню къ году еще и немочи напали. Злобная золотуха такой ему подставила желвакъ въ подзатылину, вмѣсто подушки, что бѣдному Ванѣ и лежать-то на спинкѣ было невозможно. А за этимъ (вѣроятно, еще мало было) такъ потянула Ваню за лѣвое ухо, что и глазъ-то лѣвый искосила ему на всю жизнь. Сама мама, которая не совсѣмъ-то долюбливала Ваню, и та грустно надъ нимъ выговарила: «эхъ, Ваня, Ваня несчастный, хоть бы ты умеръ у меня; и Господь-то тебя не прибираетъ!...» на что Ваня смотрѣлъ только съ удивленіемъ своими большими синими глазами.

И въ самомъ дѣлѣ съ Ваней все что-то не такъ клеилось, какъ съ Васей. Ужь, кажется, самое близкое къ Ванѣ существо, бабушка-Сидориха, и та какъ-то не долюбливала его писку, хвори и неуемнаго плача, и та скажетъ этакъ изрѣдка: «Господи!

что это съ этимъ ребенкомъ маята-то какая, какой онъ неуемчивый-то!» — а потомъ и пошла опять: «у! шелопоглазый-пучеглазикъ! выдупилъ ужь опять луковицы-то, не уймешься ты вѣрно никогда, каторжникъ! Экъ, опять глотку-то раздираетъ! Лежи! а то буку приведу.» И за этими убѣжденіями Сидориха примется пугать Ваню (обидно даже сказать — чѣмъ) или маминой козой Машкой, или просто скрипучимъ колесомъ у телеги. Вавила дворникъ поѣдетъ за водой, у него заскрипитъ колесо, а Сидориха увѣряетъ, что это за Ваней коза пришла. А послѣ этого еще въ добавокъ такъ страшно выворотитъ свою черную косматую шубищу, что и самъ неустрашимый Вася и тотъ затрясется отъ внезапнаго ужаса, а у трусливаго Вани, такъ просто выпученные его глаза выворотятся на лѣвую сторону. Полуторыхъ годовъ чуть было какая-то сосѣдняя свинья не съѣла Ваню, хорошо еще, что за него заступился отчаянный Цѣпляй, да сосѣдней свиньѣ оторвалъ за это на-прочь лѣвое ухо. Дальше, барыня Марья Александровна не обратила никакого вниманія на Ваню; когда онъ въ первый разъ пришелъ поцаловать у ней ручку: это потому, конечно, что къ этому времени Марья Александровна развела и своихъ собственныхъ дѣтенышей чуть ли не косой десятокъ. — «Мнѣ, говоритъ, и свои-то надоѣдаютъ крикомъ—несите этого вонъ! не смѣть и носить его въ горницу!»— Вотъ и только! А пальчикомъ опять подманила къ себѣ Лили съ кормилкой. Василій Иванычъ былъ вѣрно такого же мнѣнія, что своя рубашка къ тѣлу ближе. Словомъ, съ Ваней все было иначе, нежели съ Васей. И если кто не измѣнился въ ласкахъ къ Ванѣ маленькому, такъ это однѣ только дворовыя бабенки да собаченки, особенно послѣднія—тѣ такъ и остались съ нимъ пріятелями до возрасту, какъ и съ Васей. Да и то, я думаю, это осталось въ нихъ по-привычкѣ; мнѣ кажется, у нихъ ужь такъ было заведено: онѣ и передъ губернаторомъ виляли хвостомъ, если онъ пріѣзжалъ къ господамъ въ гости, и передъ нѣмцемъ булочникомъ виляли, если онъ приносилъ свои заскорблые хлѣбы нѣмецкіе, сильно засиженные русскими мухами, и передъ трубочистомъ виляли, когда онъ приходилъ чистить барскія трубы, и къ жиду Марейкѣ ласкались онѣ, когда онъ хотѣлъ купить ихъ на выдѣлку собачьяго мѣха, вмѣсто бобра.... Такая ужь была вѣрно ласковая собачья дворовая порода!

А прочая природа, не знаю, была ли сколько нибудь ласковѣе къ Ванѣ. Первый, самый близкій, сивый тятинъ меринъ —

и тотъ оказался противъ Вани какой-то злой мачихой: ну, какъ черезъ двадцать старыхъ лѣтъ такъ вздумалъ вдругъ разыграться и такъ копытомъ зацѣпилъ Ванѣ за ухо, что некрѣпкую Ванину кожу пришлось зашивать и чинить ниткой. Тятя съ мамой такъ и ахнули; они рѣшительно не могли надивиться: какъ старый сивый меринъ могъ у нихъ черезъ двадцать лѣтъ такъ разыграться?—«Еще слава Богу», говоритъ: «что по уху, не по головѣ, а то такъ на мѣстѣ бы и уложилъ».—Вотъ какъ недоброжелателенъ былъ противъ Вани и даже самъ сивый тятинькинъ меринъ,—чего же ему, бѣдному, должно было ожидать отъ чужихъ лошадей, собакъ, свиней и козловъ? Конечно, всякая чужая свинья готова была проглотить его цѣликомъ. Однимъ словомъ, рассматривая жизнь Вани съ правой и лѣвой стороны, ясно было видно, что это человѣкъ простой, ясно было даже видно, что онъ и рожденъ-то безъ сорочки, хотя этого намъ и не сказывала бабушка-Сидориха.

Но пока довольно. Теперь мы обратимъ вниманіе на то, что въ особенности затрогивало маленькое сердчишко Васи, къ чему онъ въ это время болѣе былъ привязанъ и кого въ особенности безсознательно любилъ.

Не получивши отъ пеленокъ правильнаго пониманія объ окружающемъ мірѣ, Вася началъ уже и съ этихъ нѣжныхъ лѣтъ мало по малу относиться къ нему какъ-то враждебно. Вмѣсто чистаго наслажденія милымъ цвѣткомъ, онъ уже находилъ наслажденіе другое — человѣческое: растерзать его милую головку, расщипать его чудную красоту и, какъ прахъ земной, развѣять его по землѣ; вмѣсто того, чтобъ любоваться милой и пестрой бабочкой, Вася уже изобрѣталъ средства, какъ бы поймать эту милую бабочку, и потомъ, наигравшись ею, оборвать ея прелестныя крылышки и растерзать это маленькое существо. Наконецъ далѣе: чувствуя въ себѣ какую-то особенно-животную силу, любуясь милымъ воробушкомъ издали, Вася въ то же время загребалъ въ маленькую горстишку свою большой камень и силился уже половче запустить его такъ, чтобъ пополамъ перешибить этого маленькаго крошку-воробушка! Съ голубями онъ поступалъ отнюдь не почетнѣе,— о галкахъ и воронахъ нечего и говорить. А противъ мухъ и тараканов, которыхъ мама съ Іоновной и тятя съ Анхимычемъ называли зловредными гадомъ, Вася оказался самый зловредный человѣкъ. Мухъ, напримѣръ, онъ выучился необыкновенно ловко хватать горстью со стола, на кухнѣ

(гдѣ была главная столица мушинаго корблевства), и послѣ каждаго взмаха, поднося еще кулакъ къ уху и послушавши, какъ въ немъ реветъ цѣлый пчелиный рой, безчеловѣчно швырялъ ихъ всѣхъ въ лахань съ помоями, или, размахнувшись, сильно хваталъ объ-полъ и еще подробно разсматривалъ, много ли онъ изъ нихъ съ-разу до-смерти заколотилъ. Гораздо снисходительнѣе обращался онъ съ тараканами. Забившись на печь (гдѣ была главная столица тмутараканскаго царства), онъ хваталъ за усъ рыжака, выглядывающаго на него съ удивленіемъ изъ щели, обрывалъ ему ноги и только вывѣшивалъ его за усы. Болѣе всего любилъ онъ разсматривать таракановое лицо, похожее на маленькій дорожный чемоданъ, до того укладистый, что въ чемоданѣ этомъ помѣщается до пятидесяти новенькихъ таракашковъ, которые когда всѣ выползутъ, такъ дѣлается непостижимо, какъ они могли всѣ помѣститься въ такой маленькой квартиркѣ, которая, право, тѣснѣе еще чиновничьей квартиры въ Петербургѣ. Вася дѣлалъ также бойкое нападеніе на пауковъ, и — къ несчастію же всѣхъ пауковъ — въ это время онъ узналъ отъ Іоновны, что тому прощается даже сорокъ грѣховъ, кто убиваетъ паука. И вотъ, узнавши, что несчастные долговязые сѣки-ноги были самые смиренные и плохіе пауки, Вася засѣлъ ихъ ловить и не болѣе, какъ въ одинъ счастливый мѣсяцъ передушилъ ихъ бездну. Съ ранняго утра вплоть до глубокой ночи онъ только тѣмъ и занимался, что выдергивалъ длинныя ноги коси-ноговъ, клалъ ихъ на стекло или на что нибудь гладкое, и безпрестанно повторялъ надъ ними: «коси ноги, коси ноги!» до тѣхъ поръ, пока эти ноги не переставали судорожно подергиваться, или косить. За этимъ клалась на стекло новая свѣжая пара ногъ, которая, для удовольствія Васи, должна была тоже безъ туловища поплясать по стеклу. Впрочемъ, въ настоящее время Вася былъ уже смѣлъ не только противъ однихъ коси-ноговъ, сѣки-ноговъ, или, по ученому, косарей, онъ даже, по приглашенію мамы, ловилъ съ ней и мышей въ амбарѣ, въ крупѣ, да не только изловчался смести крыломъ въ воду маленькаго сѣренькаго злодѣя, а прямо даже ухищрялся подсѣчь его на бѣгу.

Впрочемъ эти безсознательныя, неразумныя шалости, гдѣ еще вовсе не намекалось на то, чтò значитъ умертвить или убить, происходили, конечно, болѣе отъ рѣзвости ребенка, нежели отъ жестокости его сердца. Да, по моему трудно допустить

темную мысль, будто человѣкъ можетъ родиться съ жестокимъ сердцемъ. Не направленіе ли во всемъ этомъ виновато? — Очеркивая злодѣянія моего маленькаго рѣзвушки, мнѣ хочется заступиться за него и не только извинить, а прямо оправдать его передъ вами: ибо и соприкасаясь къ такому жосткому міру, какъ барская дворня, сердце маленькаго Васи въ это время было готово еще на многое мягкое и доброе. И вотъ тому примѣры.

При сломкѣ стараго флигеля отецъ подарилъ Васѣ пару вынутыхъ изъ гнѣзда, маленькихъ и слабенькихъ желто-шелковыхъ голубятъ, и при этомъ растолковалъ Васѣ, какъ только могъ, что онѣ теперь сиротки — безъ тяти и мамы — и потому такъ жалобно пищатъ; растолковалъ также, что они голодны и что ихъ надобно бы покормить. Вася тотчасъ вызвался быть голубиной мамой и въ тотъ же день выучился отъ отца своего — изо рту кормить птенцовъ своихъ творогомъ, и заботливо выполнялъ эту материнскую обязанность до совершеннолѣтія своихъ дѣтей. Правда, что въ то же время онъ не взлюбилъ другую пару — маленькихъ, синихъ и голыхъ галченятъ: тѣхъ онъ называлъ не иначе, какъ обжорами, не могъ слушать, когда они кричали по-галочьи, и даже не рѣшался брать въ руки холодное ихъ тѣло. Но все-таки, когда мама растолковала ему, что и эти безъ матери умрутъ съ-голоду, Вася вызвался тотчасъ и этихъ воспитывать. Конечно, воспитаніе послѣднихъ было похоже на воспитаніе пасынковъ, и Вася никакъ не рѣшался кормить галчатъ изо рту, увѣряя маму, что они и губу его откусятъ; но все-таки, изъ сожалѣнія, каждодневно забивалъ крикунамъ своимъ, въ широкіе ихъ рты, порядочные куски каши, и они все-таки не умирали, глотая пилюли отъ новаго своего родителя. А когда этотъ родитель добирался до горшечка Ванина, такъ отпускалъ имъ, какъ пансіонерамъ, по порціи и молочной кашки.

Разсматривая сердечную жизнь моего маленькаго Васи, я готовъ здѣсь до мелочей представить еще и другія событія, гдѣ она проявлялась.

Вася, напримѣръ, съ удовольствіемъ посматривалъ, какъ отцовскій лягавый кобель Евтушка, что-то въ особенности злобный противу котлетъ, отлично подбирался къ нимъ на кухню, черезъ окошко, и еще такъ дружелюбно посматривая стеклянными глазами на повара Анхимыча, шельмовски пошевеливалъ передъ нимъ хвостомъ. Вася не только веселился сердцемъ,

что у тяти его такой ловкій песъ, Вася даже прямо разражался громкимъ смѣхомъ, когда ловецъ-Евтушка, изъ-подъ самаго Анхимычева носа, выхватывалъ-таки себѣ подачку, да такъ ловко, что Вася не успѣвалъ во-время вскрикнуть: «посмотрите, посмотрите, Анхимычъ, этакій подлецъ Евтушка-то, какую опять изловилъ штуку!» — За то съ сокрушеніемъ сердца посматривалъ Вася на глупую Алоизу, которая, какъ нищая ханжа, съ поникнутой головой, заходила блудить на кухню въ двери и тоже протягивала глупый свой носъ къ остальнымъ котлетамъ. Вася впередъ уже чувствовалъ, что ловкій поваренокъ Тишка поддастъ Алоизѣ кипятку съ-заду, какъ на каменку, и ребяческое сердце его сжималось отъ боли; когда Вася заслыхивалъ жалобное южаніе Алоизы, похожее на плачъ человѣка, онъ какъ будто пугался, и слезой подергивало его дѣтскіе глаза, когда онъ смотрѣлъ на бѣдную Алоизу, ползущую какъ ребенокъ, или вертящуюся на одномъ мѣстѣ, какъ кубарь.

Эту сердечную нѣжность, теплоту и соболѣзнованіе ко всему окружающему въ немъ еще болѣе поддерживала сама мама. Въ этотъ нѣжный періодъ Вася болѣе всего на свѣтѣ любилъ маму, слушался ея безусловно и постоянно былъ при ней. Тятя замѣтенъ былъ болѣе по гостинцамъ съ базару и употреблялся еще только для острастки Васи, а отъ мамы Вася получалъ первыя свои убѣжденія, около мамы учился онъ мыслить и мамѣ же довѣрялъ первыя свои незрѣлыя, глуповатыя мыслишки.... конечно, когда мамѣ было время съ нимъ толковать или терпѣливо его выслушивать.

Нѣжныя ихъ отношенія можно видѣть и изъ случаевъ, вотъ такихъ, напримѣръ:

Вася не только съ особенной заботливостію кормилъ маленькихъ маминыхъ цыплятъ яичкомъ (которое самъ даже и рубилъ какъ можно мельче, чтобы крошки не подавились), онъ даже иногда подкарауливалъ и летающаго надъ пырыватами ястреба и съ страшнымъ испугомъ прибѣгалъ къ мамѣ объявить такую неминучую бѣду. Съ особенною нѣжностію слушалъ онъ, какъ его звонкая мама заливалась на заднемъ дворѣ, съ любовью подманивая къ себѣ безтолковыхъ птенцовъ своихъ: «пыръ, пыръ, пыръ!» — или вдругъ строго вскрикивала: «цыцыцы, вы, чертенята этакіе! Тига, вы, лѣшіе!» — Онъ даже съ любовью поглядывалъ, какъ мама, шепча и поплевывая налѣво,

мыла изъ корытца ножки новокупленному цыпленку, затѣмъ чтобы тотъ не сбѣжалъ у ней со двора. Онъ даже какъ будто сердился на тятю, когда тотъ, проходя мимо въ амбаръ свой, кричалъ на маму:—«полно тебѣ бабьими глупостями заниматься-то!—ты лучше отруби ему ноги-то, вотъ онъ тогда и не уйдетъ отъ тебя никуда. А то съ ворожбой-то твоей да съ чертовщиной... Выпусти-ко его изъ хлѣва-то, какъ онъ прыгнетъ,—онъ тебѣ хвостъ-отъ покажетъ.»—На что кроткая мама отвѣчала только: «ну, когда же хвостъ покажетъ! что пустяки-то говорить: не покажетъ онъ хвоста.»—И все таки съ шопотомъ домывала ножки до конца. А Вася былъ на ея же сторонѣ: Вася и самъ былъ того же мнѣнія, что маленькій цыпленокъ не покажетъ мамѣ хвоста.

Вмѣстѣ съ мамой потѣшались они надъ плутоватымъ ея цыпленочкомъ Оборвышемъ, который хотя всѣхъ былъ меньше, но при этомъ всѣхъ смѣтливѣе и шельмоватѣе. Оборвышъ, напримѣръ, всегда ложился на землю въ то время, когда мама кидала кашу всѣмъ своимъ воспитанникамъ-цыплятамъ, и когда прочіе глупцы бѣгали по немъ, топтали его, съ пискомъ поднимая къ верху носы и безтолково прося еще корму, Оборвышъ, лежа подъ ними, выклевывалъ всю кашу, и такъ за всѣхъ наѣдался, что кожа на немъ раздувалась, какъ пузырь, и жосткое перье поднималось, какъ на ежѣ щетина; такъ что этотъ плутоватый Оборвышъ и маму занималъ до улыбки, да и Вася смѣялся до слезъ, указывая на раздутаго карапузика и повторяя: «вонъ какъ опять налопался, мама, — смотри!»

А послѣ веселаго смѣха надъ Оборвышемъ, они вмѣстѣ съ мамой горевали о молодомъ котикѣ Мурыскѣ, который подросъ-было съ такими славными усищами, да Вавила дворникъ нечаянно-злобно перешибъ его избной дверью; вмѣстѣ съ мамой тужили они также о кончинѣ хилой маминой курочки Анны Андреевны. И такъ это все было горько, что Вася далъ мамѣ родственное обѣщаніе обоихъ покойниковъ богато и пышно похоронить, подъ сараемъ, и даже поставить надъ ними монументы изъ кирпича, а если достанетъ силы, такъ, пожалуй, заворотить и надгробные камни изъ тяжелаго алебастра.

Мамѣ же Вася жаловался на то, что теперь ему скучно безъ молодаго и рѣзваго Мурыски, и въ маминыхъ же глазахъ припадалъ къ шеѣ мурыскиной сестры, Маришки, и нѣжно ей выговаривалъ: «что, Маришинька, скончался братъ-отъ твой? — вотъ

теперь и не съ кѣмъ поиграть-то тебѣ, бѣдной!»—А дѣйствительно молодой бѣдной Маришкѣ не съ кѣмъ было поиграть, потому что серьёзный старый котъ Васька спасался все въ кладовыхъ и подвалахъ. А бѣдная молодая Маришка оставалась дома одна, и отъ скуки загребала себѣ въ окошко лапкой гостей съ улицы.

А иной разъ, напримѣръ, заслышавши свою маму, звонко кричащую: «цыпъ, цыпъ, цыпъ!» Вася весело прибѣгалъ и вступалъ съ нею въ разговоръ такого рода:

— Мама, а мама! отчего эта курочка съ коротенькимъ хвостикомъ, а эта вонъ съ какимъ хохлатымъ?

— Это, сынокъ, пѣтухъ называется, а не курица.

— Аа.... Что же это пѣтухъ-то значитъ, мама: — такая же вѣдь курочка?

— Ну когда же курочка, поправляла мама съ ласковой улыбкой сынка:—не курочка, а пѣтушокъ;—это мужчинка значитъ, а курочка-то дѣвушка.

— Аа!—а что, мама, пѣтушокъ яички-то несетъ, что-ли? такія же, какъ курочка, или большія?

— Ну вотъ, глупенькій.... Ну когда пѣтухъ несетъ яица! пѣтухи никогда не несутся.

— Ну, такъ что же, мама, его въ пирогъ не нарѣжутъ?

— Ну, потому не колятъ пѣтуха, что онъ нуженъ бываетъ.

— А?... нуженъ бываетъ? Да зачѣмъ же онъ, мама, нуженъ-то бываетъ: вѣдь онъ яичекъ-то не несетъ?... а?... мама?...

Мама при послѣднемъ вопросѣ переставала улыбаться. Она даже какъ-то особенно нахмуривала лѣвую бровь и отвѣчала съ запиночкой: «ну, это.... ты, сынокъ, тамъ когда нибудь самъ послѣ узнаешь.»

Изъ чего Вася выводилъ свое собственное заключеніе, что это вѣрно мама и сама-то не совсѣмъ твердо знаетъ. И сталъ послѣ того безсознательно отличать пѣтушка-утинаго отъ курочки-уточки, и сталъ даже приходить къ матери съ жалобой: что селезень, пѣтушокъ-утиный, все дерется съ уточкой, да кричитъ на нее, да теребитъ ее за хохолокъ. Да сталъ разсказывать мамѣ, что пѣтушокъ ея голландскій Антошка-долговязый все только похаживаетъ, да курочекъ къ себѣ подманиваетъ, да покрикиваетъ: самъ не клюетъ, а любитъ только ихъ угощать—такъ весь навозникъ имъ и пожертвовалъ.

Вотъ каковы были понятія Васи въ этотъ періодъ его жизни. И какъ бы мнѣ хотѣлось, мой дорогой читатель, еще подолѣе

задержать передъ тобою этотъ непорочный образъ малаго моего ребенка. Но..., увы, мой безцѣнный читатель! жизненный напоръ, какъ въ худое днище ладейки, началъ уже отовсюду сочиться въ душу ребенка, и милый мой дорогой Вася началъ уже проявлять такіе поступки, которые сами собой заговаривали ясно, что его начинаетъ топить уже жизнь — и вотъ уже обхватываетъ его она — великая, какъ океанъ — въ свои роковыя пучины!

Да, и съ пяти лѣтъ уже стало замѣтно, что пытливому ребенку Васѣ было очень недостаточно одного обыденнаго животно-безсловеснаго міра. Воробышки, голубки, котятки, азоры, шеверюшки—и даже самый глупый Ваня съ ними—говорить ничего не умѣли, а Васѣ часто хотѣлось уже и поговорить. И какъ на бѣду еще тятѣ съ мамой вѣчно было некогда; Іоновна—цѣлое лѣто на богомольяхъ, а Анхимычъ все только жарилъ да варилъ и ничего не говорилъ.

Оставленный и оброшенный всѣми, Вася пускался въ новыя, изобрѣтенныя имъ для убиванія времени, игры. Онъ, напримѣръ, отъ нечего-дѣлать стригъ иногда ножницами блины, или въ масляный блинъ завертывалъ ломоть хлѣба, чтобы вкуснѣе поѣсть, или, еще лучше, выкусывалъ въ блинѣ четыре дырки, надѣвалъ этотъ блинъ себѣ на рожицу, какъ маску, просовывалъ въ послѣднюю дыру языкъ и поддразнивалъ имъ маленькаго, удивленнаго Ваню. Когда безтолковый Ваня расчухивалъ, что подъ блиномъ сидитъ самъ Вася, онъ начиналъ ухмыляться и протягивать къ блину лапки. Васѣ въ это время дѣлалось какъ будто немного веселѣе; ну, а все скучно, потому что Вася ничего еще не говоритъ.

И вотъ изъ всего этого вышло наконецъ то, что, несмотря на запрещенія маменьки не уходить далеко отъ воротъ и не связываться крѣпко съ уличными мальчишками, которые, говоритъ, зашибутъ еще Ваню,—Вася не вытерпѣлъ, свелъ-таки знакомство и съ Ванькой-рыжимъ, и съ Матюшкой-разбойникомъ и съ Акулькой-сверстницей, которую баринъ называлъ еще дѣвкой-чернавкой—и даже съ сосѣдними полунѣмцами, дѣтьми настоящаго нѣмца столяра.

Что же сказать вамъ о новомъ знакомствѣ и друзьяхъ Васи? Если бы я былъ смѣлый аналитикъ сердца человѣческаго и его духовныхъ силъ, я не затруднялся бы найти мѣсто для новыхъ друзей Васи въ кругу міровыхъ существъ, а теперь я не знаю,

какъ ихъ точнѣе и опредѣлить? Это были не кутята и не волчата, потому что имѣли даръ слова и что-то лепетали по человѣчьи; а съ другой стороны, разбирая жизнь ихъ, мысль и слово, никакъ нельзя предположить, чтобъ это были люди-дѣти, имѣющіе что-либо общее съ человѣкомъ—въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Они даже не были чѣмъ-то среднимъ между человѣкомъ и домашнимъ животнымъ, — и если кому-либо изъ нихъ принадлежитъ это почетное мѣсто, такъ развѣ только Олешкѣ Почечкину и Акулькѣ-сверстницѣ, которые, хотя и бѣгали по-собачьи, травили телятъ и кошекъ по звѣрски, кусались по волчьи и царапались по кошачьи, но все-таки имѣли на себѣ обликъ человѣчій: опрятно ходили, причесывали волосы и даже изрѣдка отмывали себѣ руки и лицо;—эти не только говорили, даже и ругались какъ-то нѣжно и благородно. Прочіе же пріятели Васи и этого благородства не имѣли, а были — если можно такъ выразиться — какое-то особенное домашнее звѣрье, сильно испорченное нахальнымъ воспитаніемъ дворовой, людской и конюшни, да окончательно загаженное нарѣчіемъ задняго скотнаго и скотскаго двора. Ванька, напримѣръ, рыжій: онъ былъ вовсе не то, что называется уличный мальчишка, а мальчишка мерзавецъ въ полномъ значеніи этого слова. Онъ переругивалъ всякаго кучера вдоль и поперегъ самыми крупными, размашисто-широкими перебранками. Самое удалое его лихачество заключалось въ томъ, что онъ за кусокъ калача, или копѣйку съѣдалъ на показъ цѣльную свѣчу и еще торжественно допрашивалъ зрителей: «каково?» Самая веселая его штука заключалась въ томъ, что онъ веснушчатый свой носъ и даже вмѣстѣ съ головой засовывалъ минутъ на десять въ парной назёмъ, чтобъ распотѣшить всю честную компанію кучеровъ и форейторовъ, которые, залпомъ хохоча надъ представленіемъ Ваньки, кричали еще ему въ похвалу: «ай-да Ванюшка, молодецъ!» Матюшка-разбойникъ былъ звѣрь совершенно другаго сорта: приземистый и коренастый, онъ сцѣплялся со всѣми уличными мальчишками и, несмотря на то, что въ побоищахъ этихъ и глазъ ему покосили, и вѣчно ходилъ онъ съ синяками и подставленными подъ глазенки фонарями, все-таки былъ грозенъ для всего дѣтскаго робкаго народонаселенія. Матюшка-разбойникъ, въ случаѣ нападенія большаго человѣка, лихо хваталъ даже острую кость или горлышко бутылки и, размахивая ими, съ налитыми кровью глазенками, кричалъ почти съ неестественнымъ скрежетаніемъ зубовъ: «подойди только, такъ и раз-

ражу!» Самые удалые фарсы его заключались въ томъ, что онъ стоялъ на одной ногѣ на домовой трубѣ, и, кувыркнувшись въ воздухѣ, вѣрно спрыгивалъ на конецъ крыши и плясалъ тутъ въ присядку такъ же смѣло, какъ и по забору, убитому желѣзными гвоздями, торчащими вверхъ на подобіе гребенки. Самая важная его штука заключалась въ томъ, что Матюшка-разбойникъ, на показъ, со словами: «разъ, два, три!» проглатывалъ нежеваннымъ живаго чернаго таракана, съ божбой увѣряя, что онъ шевелится у него въ брюхѣ, и еще, залихватски обращаясь къ оторопѣвшему Васѣ, приговаривалъ: «а ты, братъ, Васька, дрянь, — вкусу не знаешь: это просто черносливинка-матушка, — вотъ что!»

Вотъ тѣ образцовые типы, съ которыхъ Вася, какъ съ модныхъ львовъ гостиныхъ, долженъ былъ заимствовать для себя свой новый модный покрой. И признаться, если кто изъ пріятелей поближе подходилъ къ Васѣ по характеру, трусости, ребести и дѣтской простотѣ, такъ это дѣти Богдана Иваныча, или Ивана Богданыча — что-то въ родѣ этого. Карлуша и Карнуша сначала и очень было снюхались съ Васей, даже частенько стали къ нему похаживать, да вдругъ—чортъ знаетъ, что съ ними сдѣлалось—въ нихъ оказалось что-то этакое нѣмецкое: они вдругъ стали прислушиваться, да присматриваться, да ахать, да вылуплять бѣлки свои, похожіе на луковицу, да заговаривать съ Васей по-русски такъ закомуристо, что и самъ чортъ ихъ не разберетъ; даже форейторъ Никишка, и тотъ ужь сталъ надъ ними смѣяться, да сталъ называть ихъ «нѣмчурой, картофельное брюхо, крахмальныя ноги». А потому такъ и пошло на разладъ между Русью-матушкой и нѣмцами-карлушами: чуть Вася лунетъ этакъ одного—ну тотчасъ оба въ слезы, какъ будто слезы-то у нихъ были вовсе не покупныя. Такъ и не сошлись. Чуть этакъ маленькая завороха—смотришь, самъ нѣмецъ тащится къ дворецкому; дворецкій зоветъ Васю на расправу — къ допросу: какъ было дѣло? А потомъ и пошла писать, — такъ и расклеились со столярятами. Ну, за то крѣпче всего склеился Вася съ Оленькой Почечкинымъ, съ которымъ они не только ходили въ садъ мечтать около малины и крыжевника: часто даже видали ихъ рядышкомъ висящими на высокомъ деревѣ. Акулька-сверстница запрягалась, какъ лошадь, въ салазки и тележки, а если не ѣздилъ еще Вася на ней верхомъ, такъ собственно только потому, что Акулька была мала и безсильна.

Вотъ тотъ пріятельскій кружокъ, въ которомъ Вася повелъ-было свои маленькія дѣла. Былъ ли Вася сердцемъ привязанъ къ этому кружку? — я этого, читатель, тебѣ не скажу; узнаешь впослѣдствіи. А теперь я сообщу тебѣ только, для порядка событій, что, несмотря на новыя запрещенія, новыя подтвержденія, новыя угрозы маменьки, не связываться съ такими головорѣзами, — Вася свелъ-таки знакомство съ цѣлымъ кварталомъ и часто-часто сталъ къ сосѣдямъ не только похаживать, даже черезъ заборы помахивать, а Ваню хиленькаго протаскивать за собою туда же сквозь заборныя дыры, или собачьи подлазы.

Вотъ тамъ-то и началось дальнѣйшее развитіе ребенка. Сначала опытные въ шалостяхъ сосѣди смѣялись только надъ простотой Васи, какъ надъ глупостью, и дѣлали съ нимъ истинно злодѣйскія штуки. Увѣрятъ, напримѣръ, Васю, что бѣлый, заиндевѣлый топоръ—въ сахарѣ, и предложатъ Васѣ лизнуть. Вася такъ лизнетъ, что съ половины языка примерзшая кожа остается на топорѣ. А пріятели еще потѣшаются: — смѣшно, —рады — надули фефѣлу.

Потомъ ученые сосѣди обучили Васю прыгать по улицѣ на одной ногѣ и кричать, безтолково вылупивъ глаза: «дождикъ, дождикъ, перестань, мы поѣдемъ во Рязань, Богу молиться, Христу поклониться!» И Вася, какъ жрецъ Ваала, бѣснующійся передъ жертвенникомъ, взывалъ о прекращеніи дождя, въ то время, когда дождя вовсе и не было. Въ дополненіе къ этой велѣмудрости выучили его говорить еще чепуху такого рода: «убояхся зѣло, чтобы въ наше село сила вражья не вступила, сирѣчь перцу не дала». А за этимъ выучили его еще тверже выговаривать вотъ и такой длинный вздоръ: «перведики, другедики, трынцы, волынцы, четверо-дранцы, пятой — ладонъ, шахманъ — лохманъ, шишелъ — вышелъ, Родивонъ — поди вонъ!» И хотя эта сосѣдская ученая дичь, по нашему человѣческому разумѣнію, не имѣетъ никакого примѣненія и даже здраваго смысла, однако — по мнѣнію ученыхъ сосѣдей Васиныхъ — не знать ея — считалось за рѣшительное невѣжество, и того даже не принимали въ военныя игры, кто не зналъ этой закомуристой чепухи, — точно такъ же, какъ у насъ не признаютъ того за врача, кто не знаетъ твердо того языка, которымъ говорили на кухнѣ Цицерона. И Вася, чтобы попасть въ компанію ученыхъ сосѣдей, долженъ былъ твердо знать всякую сосѣдскую дичь.

Что же дѣлать? такія ужь положены были сосѣдями условія: ученики должны знать то, что задаютъ учители.

Послѣ того, снюхавшись поближе, ученые сосѣди заманили Васю пробѣжаться съ ними взапуски около всего квартала, въ крещенскіе морозы — босикомъ. Это кругосвѣтное путешествіе было такъ жутко для неопытнаго въ этомъ дѣлѣ новичка Васи, что, по возвращеніи съ бѣгу, окоченѣвшія ноги свои онъ засунулъ подъ плиту на кухнѣ, какъ головешки, и несмотря на сильный кухонный огонь, онѣ не могли отогрѣться ранѣе, какъ черезъ полчаса! И хотя Вася плакалъ надъ своими крѣпкими русскими отмороженными ногами такъ же горько, какъ барыня, носящая шляпочку французскую на морозищѣ русскомъ, однако не утерпѣлъ — опять ушелъ къ сосѣдямъ.

Зато ученые сосѣди осмѣлѣвшаго Васю начали понемногу натравливать даже и противу такихъ передовыхъ личностей, каковы, напримѣръ, были Ванька-рыжій и Матюшка-разбойникъ-косоглазый. И этимъ Вася издали начиналъ уже покрикивать нѣчто въ родѣ такого собачьяго подзадориванія: «рыжій краснаго спросилъ, чѣмъ ты голову красилъ», или Матькѣ-косому: «косой заяцъ, нанесъ яицъ, вывелъ дѣтей косыхъ чертей!» Конечно оно, за все за это, сплоховавшему Васѣ, временемъ и очень-таки больно доставалось; ну, да за теребачкой онъ такъ же не гнался, какъ русскій мужичокъ за зуботычиной и тычкомъ; наплевать, говоритъ, на все это: до свадьбы заживетъ! За то ужь канальски сталъ смѣлъ.

Онъ не только сталъ покрикивать прямо въ глаза Ванькѣ-рыжему: «рыжая собака! рыжій семерыхъ выжилъ!» или Матюшкѣ съ праваго прямаго глазу: «косой чортъ! цыганенокъ!» сталъ даже покрикивать дремавшему на бочкѣ водовозу: «эй, дядя, смотри: ось-то въ колесѣ!» да такъ громко, что проснувшійся водовозъ начиналъ вертѣться на бочкѣ, какъ на шилѣ, и заглядывать съ обѣихъ сторонъ подъ телегу, чтобъ распознать окончательно, что въ самомъ дѣлѣ случилось съ его экипажемъ, на что ему указалъ добрый мальчикъ. А добрый мальчикъ захохочетъ со всей челядью, подожметъ еще одну ногу къ заду, а на другой ускачетъ въ сторону, какъ воробей. И этого всего мало; онъ сталъ даже изъ-за забору покрикивать идущему съ ношей ярморочному татарину: «князь-лопатчный! татаръ-собака! татаринъ, кошку ожарилъ!» Покрикивалъ даже съ крыши и крещеному жиду Марейкѣ: «эй, Зюзя! жидъ,

свиное ухо! Іуда христопродавецъ!« и не только покрикивалъ, а какъ-то особенно ловко свертывалъ полы своего сюртучишка на подобіе свинаго уха и показывалъ эти уши изъ-за трубы разсерженному Марейкѣ. Не щадилъ онъ даже и семинаристовъ и тѣмъ ловко кричалъ въ догонку: «поповичи-дергачи! шишишка, иго-го! жеребята! дурья-порода! птру-со, птру-со!» А подъ конецъ такъ даже до того сталъ смѣлъ Вася, что и голоднымъ приказнымъ, поздно-бѣгущимъ изъ должности, покрикивалъ смѣло сквозь щели забора: «строкули, строкуляція! канцелярское сѣмя, приказёры, крючки, приказная строка!»

И все сходило ему съ рукъ. Сходило ему съ рукъ и самое катанье на бѣшеныхъ лошадяхъ съ пьяными кучерами, когда объѣзжали они бѣшеную русскую тройку барскую; цѣлъ онъ оставался въ то время, когда форейторъ Никишка, растерявши всѣхъ пьяныхъ кучеровъ, какимъ-то чудомъ привозилъ Васю одного домой; сходило ему даже бѣшеное бросанье на запятки чужихъ санишекъ, или на дровни мужицкія въ то время, когда они во весь опоръ мчались вдоль улицы. Да и мало ли что ему сходило — всего даже не перечтешь! Ну, за то скоро узналъ онъ всѣ уличныя школьничества: сталъ хорошо играть въ свайку, прекрасно въ козны, отлично клеилъ змѣй съ трещеткой, и какъ кошка сталъ цѣпокъ на заборахъ, и какъ векша сталъ онъ лазить по угламъ и крышамъ.

А что касается до стравливанія Азора и Цѣпляя съ чужими собачонками, телятами и боровами, такъ Вася такъ ловко выучился ихъ взыкать, какъ взыкаетъ только самый ловкій доѣзжачій въ отъѣзжемъ полѣ. Часто даже случалось такъ, что глупый телишь, вылупивъ съ испугу оловянные глаза и подпявши при этомъ хвостъ строкой, какъ полусумасшедшій забѣгалъ съ-дуру туда, откуда приходилось вытаскивать его изъ ямы народомъ, всего опачканнаго желтою краской. Борововъ, по приказанію Васи, рыжій Пальмерстонъ выводилъ вѣжливо за ухо на улицу и, несмотря на страшный визгъ ихъ, провожалъ всякаго до угла и развѣ только тамъ уже, при размашистомъ и крутомъ поворотѣ въ переулокъ, отрываясь отъ свинаго уха, кувыркался иногда вверхъ-тармашкой, что, впрочемъ, по ловкости Пальмерстонки, было очень рѣдко. Въ настоящее время Вася уже съ наслажденіемъ посматривалъ на шельму Азора, когда тотъ, султански пошевеливая хвостомъ, поглядывалъ красными, огненными глазами въ ловушку, гдѣ сидѣла приго-

товленная для него, бѣдная заключенница крыса. Вася съ наслажденіемъ разсматривалъ ловкость Азора, когда тотъ, запускаясь по двору охотиться за выпущенной крысой — къ величайшему удовольствію и крику дворовыхъ—налету хваталъ ее поперегъ и трясъ до тѣхъ поръ, пока несчастная не издыхала. Еще интереснѣе для Васи была охота на ежей. Задорный и злобный Цѣпляй до такой степени былъ врагъ ежовый, что несмотря на свои собственныя мученія, несмотря на свое жалобное южанье, вытье и лай, несмотря на то, что въ кровь исцарапывалъ себѣ морду и лапы, несмотря наконецъ на то, что кровь лила ручьями съ его собственнаго языка — Цѣпляй все-таки злобно кидался на ежа, свернутаго клубомъ, и снова раздирая себя жестокими его иглами, одерживалъ-таки побѣду — задушалъ наконецъ ежа зубами, или перекусывалъ пополамъ! Васю даже начинала теперь затрогивать и интересовать сцена такого рода: лихой поваренокъ Моська, отрубивши на-прочь голову индѣйкѣ, для потѣхи дворни, выпускалъ ее изъ рукъ, и безголовая индѣйка, брызгая и обливаясь кровью, бѣгала по всему двору. Дворня съ наслажденіемъ смотрѣла, на эту сцену и хохотала, а забрызганный кровью лихой поваренокъ Моська носился за нею съ окровавленнымъ ножомъ и, растопыривая руки, кричалъ во все горло: «помогите, братцы, не поймаю проклятую!» И Вася первый готовъ былъ оказать помощь лихому поваренку, и первый загребалъ въ маленькую горстишку камень, чтобы еще-таки ударить бѣдную индѣйку, уже лишенную жизни человѣкомъ!

Вотъ, вотъ что вышло изъ Васи! И это не болѣе, какъ черезъ два года послѣ того, какъ видѣлись мы съ нимъ въ первой главѣ.

Тутъ-то бы вотъ и подвернуть нравоученьице, хоть въ родѣ такого: «какъ тамъ, молъ, ужасно вредно давать дѣтямъ свободу; да не лучше ли заменять ихъ родительскими клещами, да не водить ли ихъ за собой на привязи, на веревочкѣ, какъ собаченокъ по Невскому проспекту»,—ну, словомъ, подвернуть такое нравоученьице, которымъ у насъ, во время оно, заканчивались хорошія басни. Но какъ разсказъ мой не басня, а нравоученій мой важный читатель терпѣть не можетъ, — они ему ужъ насолѣли, — такъ мы и объѣдемъ околесной на нашу прежнюю дорогу, да поведемъ опять разсказъ о томъ: въ самомъ ли дѣлѣ это такъ ужасно, что мой рѣзвый Вася сдѣлался

такимъ неуемнымъ шалунишкой, или это намъ только показалось, будто онъ сдѣлался негодяемъ?

Да, именно только такъ показалось. И хотя сильно загрубѣлъ его голосъ и нѣжная рѣчь, хотя сильно загрязнились и заскорбли его руки и ноги, хотя сильно порыжѣла его бѣлая, нѣжная кожица на шеѣ, хотя сильно потемнѣли и ощетинились его мягкіе свѣтлорусые волосы — въ немъ все-таки не потемнѣлъ его младенческій образъ. Вася еще очень грустно посматривалъ на отца, съ притачиваніемъ ножей готовящагося заколоть мамина цыпленка. Вася еще съ сильнымъ біеніемъ сердца смотрѣлъ на трепетаніе крошки-цыпленка подъ ножемъ тятинымъ, и полною младенческою грудью выговаривалъ отцу: «эхъ, тятя, зачѣмъ ты его этакъ!..» И затѣмъ слезы брызгали изъ его прекрасныхъ глазъ. Нѣтъ, не потемнѣлъ въ немъ его младенческій образъ! А мнѣ онъ-то и нуженъ, мой дорогой читатель. Да, — онъ! Много я видалъ на своемъ вѣку и нѣжныхъ ручекъ, и бѣлотѣлыхъ шеекъ, и мягкошелковыхъ волосъ, но они большею частію сдѣлались мнѣ противны, потому что въ нихъ потемнѣлъ ихъ младенческій образъ. Я даже самъ себѣ противенъ въ эту минуту, потому что и во мнѣ потемнѣлъ мой младенческій образъ!

А младенческіе годы Васи шли своимъ чередомъ, и къ нему еще ничто нечистое и грязное крѣпко не льнуло! Шалилъ онъ потому, что другіе шалили, выкидывалъ скверную штуку потому, что другіе ее выкидывали, бранился скверными словами потому, что все около него бранилось — да еще погуще его; наконецъ ссорился и дрался со всѣми собственно потому, что порядочный человѣкъ безъ буйства и ссоры ужь жить не можетъ, — это уже такъ заведено. Да и какъ мнѣ примирить Васю съ ребятишками, когда передъ нимъ, для примѣра, даже цѣлая дворня грызлась по собачьи? А всякому извѣстно, какое важное значеніе, для начала дѣла, имѣетъ передовой тявкъ собачій и какъ легко потомъ заливаются за нимъ и всѣ прочіе моськи, шавки и даже щенята. Какъ же послѣ всего этого не огрызнуться и Васѣ? Но и огрызался онъ все-таки безсознательно.

И если подкрадывалось къ Васѣ въ это святое время какое-то темное, какъ призракъ, сознаніе, такъ это только то сознаніе, на которое безпрестанно указывала ему мама, а именное

что онъ у ней не барченокъ, и что онъ сталъ теперь грязный уличный мальчишка.

Дѣйствительно, когда Вася (по указанію мамы) искоса посматривалъ на барчатъ, то онъ и безъ объясненій видѣлъ, что на тѣхъ не только рубашки и пояса, но и кресты-то христіанскіе—и тѣ были вовсе не такіе, какъ у него, простаго мальчика,—такія славныя рубашки и кресты, что только посматривай, да дивуйся. — Но и на это Вася какъ-то мало обращалъ вниманія: онъ будто уже практически и основательно позналъ, что тому нельзя быть вѣчно чистымъ, кто съ утра до ночи копается въ землѣ. А поэтому и выходило всегда, что и, прослушавши совѣтъ мамы и посмотрѣвши на барчатъ нарядныхъ, Вася какъ будто подумывалъ: «ну, они сами по себѣ, а я самъ по себѣ. — Пойдемъ, Азорка, вальнемъ!»

И затѣмъ тотчасъ начинались гимнастическія упражненія съ Азоромъ и Шеверюшкой, которыя ей-ей лучше и живѣе французскихъ — жаль только, что не обратятъ на нихъ у насъ вниманія.

Здѣсь кстати бы сказать, что въ настоящее время Васѣ было бы приличнѣе дѣлать свои гимнастическія упражненія съ братомъ Ваней, нежели съ Азоромъ и Шеверюшкой. Да вотъ бѣда: отъ брата Вани Вася какъ-то все топырился прочь. Мама иногда и сама приглашала Васю поняньчиться съ Ваней, да какъ очутится на томъ синякъ или шишка — смотришь, Васѣ большаку опять и досталось за Ваню. — «Играй, говоритъ, да не заигрывайся смотри!» — Вотъ на этомъ-то основаніи Вася и думалъ о братѣ такъ: «что съ нимъ возиться?» — Ну, а съ Азоромъ и Шеверюшкой можно было и покрупнѣе обращаться: плакать они не плакали — взвизнутъ только изрѣдка разокъ: шишка у нихъ никогда не вскочитъ, а синякъ хоть бы и очутился, такъ его рѣшительно не видать подъ косматой ихъ шубой. Съ ними и очень-таки свободно можно было развивать свои физическія силы. А за развитіемъ физическихъ силъ, Вася незамѣтно дошелъ и еще до новыхъ, свѣжихъ сознаній. Онъ, напримѣръ, сталъ замѣчать за собой, что въ рукахъ у него дѣлается какой-то зудъ, и какъ будто онѣ, вмѣсто маминой иголочки съ лоскутчикомъ, теперь болѣе хватаются за то, что потяжеле и погрубѣе — ну, словомъ, за то, за что болѣе хватался уже тятя, а не мама! Онъ даже сталъ замѣчать, что въ маленькой его головѣ все чаще и чаще вертится во-

вросъ: «а какъ это онъ тамъ дѣлаетъ? — а что, не посмотрѣть ли?» И эти вопросы стали Васю частенько переманивать на тятину сторону, и Вася незамѣтно сталъ болѣе поглядывать, да болѣе подсматривать, да болѣе выпытывать, чтò и какъ тамъ дѣлаетъ тятя. А изъ этого и вышло, что тятя съ Васей какъ-то скоро снюхались, и тятя незамѣтно показалъ ему всѣ свои многосложныя дѣянія, да сталъ его иногда и съ собой поприхватывать: то въ лавочку, то на базаръ, то за водой, а то, пожалуй, и на рыбную ловлю. Не прихватывалъ его тятя только на охоту, потому что Вася съ мамой боялись тятинаго ружья, которое больно хлопаетъ пистономъ, да обоихъ ихъ пугаетъ. Однимъ словомъ, не болѣе, какъ въ полгода, Вася изъ мальчика-дѣвочки съ помощію тяти превратился въ совершеннаго мальчика, и только развѣ по одному ужь лизоблюдничеству слылъ еще за маменькина сынка.

За тятей, Вася сталъ попристальнѣе всматриваться и въ дѣянія прочей дворни по мужеской уже линіи. Впрочемъ мужскія личности, окружавшія его въ этотъ періодъ, двигались еще передъ нимъ, какъ какія-то безтѣлесныя, неосязаемыя тѣни, и весь этотъ омутъ житейскій, называемый большою барскою дворней, былъ похожъ — если можно такъ выразиться — на огромный шипящій и клокощущій котелъ, въ которомъ, Вася уже замѣчалъ, что-то варилось; но по слабому запаху, а еще болѣе по неразвитому вкусу, — онъ далеко еще не могъ раскусить: чтò это такое и зачѣмъ? Только самыя близкія личности, мама съ тятей да Іоновна съ Анхимычемъ, выяснялись передъ нимъ, какъ милые, незабвенные образы дѣтства, да и то понималъ и любилъ онъ ихъ болѣе сердцемъ, нежели умомъ. И если бы кто нибудь изъ любопытства спросилъ ребенка: «за что онъ ихъ такъ любитъ?» — то немудрый Вася конечно отвѣтилъ бы не болѣе: «такъ люблю: маму за то, что она цалуется все со мной; тятю за то, что онъ на салазочкахъ все меня катаетъ да растолковываетъ; Іоновну за то, что она сказочки сказываетъ славныя, а Анхимыча за то, что онъ больно сладко меня кормитъ». Вотъ и только! А если кромѣ этихъ сердечно милыхъ образовъ, кто либо болѣе и ярче представлялся Васѣ, такъ это одинъ только сосѣдній лавочникъ, который, по добротѣ своей, иногда давалъ Васѣ такіе жемочки, которые тятя съ мамой по серебрецу разрубали ножомъ, да такъ, что отъ жемочковъ летѣли искры, какъ отъ кремня; — рѣшительно ужь одинъ толь-

ко Васинъ зубъ и могъ точить этакія милости. Лавочника этого Вася издали узнавалъ по ястребиному носу съ загибомъ да по козлиной бородѣ. Дворня называла лавочника-сосѣда Скупчикъ, а тятя для разнообразія величалъ его «шклярвой» и «свалыгой»; мама же изрѣдка отзывалась объ немъ такимъ изреченіемъ: «а добрый, братъ, мужикъ-отъ, — ничего». Конечно оно бы ничего, — съ этимъ и я согласенъ, потому что Скупчикъ попаивалъ иногда тятю съ мамой и соломеннымъ чайкомъ, притомъ же и кланялся всегда нижайшимъ манеромъ, — да мнѣ-то онъ извѣстенъ, какъ естественная скряга, такая ужь естественная скряга, у котораго даже собственная борода, и та росла скупо: не пушисто, какъ у всякаго порядочнаго моховика, изъ породы бородатой купеческой, а такъ, какими-то плѣшинками съ клочьемъ, на подобіе рѣдочнаго хвоста, да съ такими жосткими и толстыми костылями, вмѣсто человѣческихъ волосъ, какъ будто самъ Господь далъ ему эти дикобразовы щетины на крѣпость, собственно затѣмъ, чтобъ онѣ никакъ уже не оборвались и не причинили бы этому человѣку убытку, ибо человѣкъ этотъ отъ убытку удавится.

Вотъ тотъ небольшой, но полный мірокъ, въ которомъ по своему жилъ мой маленькій шести или семи-лѣтній Вася. Чистыя наслажденія его природою въ это время подслащались и разнообразились не одной уже только вишенкой да сладкой маминой малинкой съ пушкомъ, а часто и тятиной родимой красной смородиной—кислятиной. Какъ насыплетъ въ шапку тятя, да скажетъ за просто: «ѣшь, братъ, покуда не вспотѣешь!» — такъ не только глазъ на сторону покоситъ, просто какъ гвоздемъ оба выворачиваетъ изъ глазницъ, рожицу-то всю Васѣ покоробитъ: носъ-то весь сдернется сморчкомъ, — вотъ каково тятенькино угощеніе! Ну, а спроси-ко кто у Васи: «что, братъ, каково?» — Ей-Богу, скажетъ: «сладко, ничего!» Впрочемъ не нужно бы и божиться: этому пока всѣ мы безусловно вѣримъ. Развѣ ужь только черезчуръ напавши на смородину, потрясетъ головой, скажетъ: «будетъ, ужь не хочу», да спроситъ затѣмъ отца: «что это, тятя, на зубахъ-то какъ скверно?» А тятя, для поясненія житейскихъ истинъ, отвѣситъ ему новый медицинскій терминъ: «это, сынокъ, оскомина называется». Вотъ тебѣ и объясненіе. А что такое оскомина? откуда она? зачѣмъ?... ну, это ты, сынокъ, тамъ послѣ когда-нибудь самъ ужь узнаешь.

И Вася приходитъ опять къ тому же заключенію, что это вѣрно тятя и самъ-то не совсѣмъ твердо знаетъ.

Узнавши, что это и весь окружающій Васю міръ, мой строгій критикъ укоритъ меня въ непростительной ошибкѣ, что я не очеркнулъ предъ нимъ ярче и не представилъ яснѣе образовъ тяти и мамы; а по его справедливому мнѣнію, они здѣсь главныя дѣйствующія лица. Это потому, мой цѣнитель и равцѣнщикъ, что они сами пройдутъ предъ тобою объ руку съ Васей сквозь весь романъ, и сами, вмѣсто описанія моего, представятъ тебѣ свои личности и поступки. А изъ поступковъ, по моему, виднѣе человѣкъ, нежели изъ его незамараннаго, непорочнаго формулярнаго списка. Что же касается до портретовъ тяти и мамы, то для тебя вѣрно все равно: будутъ ли они бѣленькіе, или черненькіе кожей—лишь бы были люди. А что они «люди», такъ въ этомъ нечего и сомнѣваться: ихъ даже во всемъ городѣ никто не называлъ ни крестьянами, ни мѣщанами, ни купцами, ни дворянами, а просто — «людьми». Иногда къ этому какъ будто для поясненія добавлялось: «крѣпостные», «дворовые», «господскіе», — ну, а въ сущности все-таки выходило: «люди», а не что иное.

Главная моя забота теперь вотъ въ чемъ: показать, что такое Вася? — Вотъ это дѣло другаго рода.

До сихъ поръ мы видѣли только котятъ, да голубятъ, да маленькаго мальчугана, который забавлялся съ ними, какъ котенокъ и голубенокъ; да видѣли мы еще собакъ и людей, да бѣгающаго между ними шести-лѣтняго ребенка. А что такое Вася? — Этого мы еще не видали. Я даже не сдѣлалъ ему обыкновенной училищно-гимназической оцѣнки головы, я даже не указалъ на него инспекторскимъ роковымъ перстомъ, не изрекъ надъ нимъ впередъ судьбы его и даже не заклеймилъ его казеннымъ приговоромъ: «этотъ вотъ мальчикъ, Вася, будетъ съ головой; а тотъ вонъ мальчикъ, Ваня, будетъ безъ головы». А вѣдь, говоря серьёзно, Вася мой въ такомъ уже возрастѣ, гдѣ дѣйствуютъ не одни только инстинкты да плотскія побужденія; въ шести-лѣтнемъ возрастѣ уже во многомъ проявляется и смышленность и умъ ребенка, при всей его животной неразвитости. Чтожъ бы мнѣ сдѣлать, чтобъ точнѣе опредѣлить: уменъ ли Вася и имѣетъ ли онъ какія нибудь познанія въ окружающемъ его?

А! вспомнилъ: слѣдуетъ проэкзаменовать его и непремѣн-

но проэкзаменовать по уставу, да по уставу нашихъ русскихъ учебныхъ заведеній, то есть сперва изъ закона божія, ну, потомъ изъ словесности и математики, тамъ изъ исторіи и географіи, а потомъ ужь и пошла писать: изъ языковъ да рисованія, изъ музыки да танцованія, изъ пѣнія да фехтованія, изъ гимнастики да маршированія, а потомъ ужь и изъ прочаго въ рукахъ и ногахъ человѣческаго познанія. Вотъ и дѣло съ концемъ! Выведите только изъ всего этого средній балъ съ поведеніемъ,— голова изъ него такъ сама собой и выглянетъ.

Начнемъ же съ главнаго. По закону божію Вася зналъ богородицу—молитву, да богородицу на дощечкѣ, у мамы, на полкѣ въ чуланѣ; зналъ онъ также, что недалеко есть церковь — троица, въ которой живетъ Богъ, что троица эта повыше барскаго дома, а внутри ея гораздо понаряднѣе, нежели въ господскихъ хоромахъ: впереди все зеленое съ золотцемъ, а по бокамъ стѣны такъ разукрашены, что ужь и не разберешь, какой краской—больно хорошо. Вася зналъ также, что въ церковь эту мама велитъ относить свѣчечку Богу да копѣечку нищему, въ большой праздникъ. Изъ священной исторіи Вася узналъ отъ Іоновны, что земля стоитъ на трехъ большущихъ китахъ, которые плаваютъ на-морѣ-на-окіянѣ. Разъ было кучеръ Ларивонычъ-кривой (который въ домашнемъ быту Кривымъ-бельмесомъ назывался) началъ при Васѣ повѣствованіе о томъ, «что фараонова воинства вся потонула, и изъ ефтого самого мѣста вылезли песьи-головы, единоглазые замаряне, и что даже теперича въ самой Европѣи двѣ вѣры заключается: значитъ, ледранская одна называется, да катаврическая еще другая, а потомъ послѣ такъ вмѣстѣ и сходятся, въ одного, вишь ты, Бога вѣруютъ».— Ну да этого, слава Богу, Вася ничего не понялъ,—видѣлъ только, что вся присутствующая тутъ дворня, молча и съ глубокимъ вниманіемъ, слушала законоучителя своего Ларивоныча. Вотъ и всѣ его познанія въ законѣ божіемъ. Изъ словесности Вася зналъ твердо одно: «мама, я ѣсть хочу». Изъ математики онъ вычислялъ уже, что одинъ да одинъ—два, два да два—четыре, а пять да пять—если подсказать—всегда выходило десять. Изъ географіи Вася узналъ, что есть городъ Сибирь, въ которомъ онъ живетъ съ тятей и мамой, на Дворянской улицѣ, которая проходитъ черезъ весь Сибирь и упирается прямо въ Сибирку, куда Вася уже ѣздилъ съ тятей за водой. Да зналъ онъ еще не совсѣмъ основательно, что отъ Германа подъ-горэй до Шага-

ровской будки такая страшная даль, какъ отъ Козьяго-болота въ Петербургѣ до самой Козихи—въ Москвѣ; зналъ онъ также, что до нихъ ни за что не дойдешь, — доходилъ до нихъ только одинъ сильный тятя да и тотъ больно уставалъ. А до крайняго полюса Васиныхъ географическихъ познаній — до барынииной деревни Задерихвостихи, такъ такая заграничная даль — просто пятьдесятъ пять верстъ, да еще съ половиной — говоритъ баринъ Василій Иванычъ. По исторіи Вася зналъ одно только важное событіе въ мірѣ: исторію о знаменитомъ происхожденіи Азора и Шеверюшки. Изъ языковъ Вася зналъ одинъ только языкъ, которымъ часто говорилъ Матюшка-разбойникъ, а именно языкъ тарабарскій, да и тотъ онъ зналъ плоховато, — ну, словомъ, по гимназически — только понималъ, а самъ не говорилъ. Изъ рисованія—онъ имѣлъ бойкую руку академическую, и, пожалуй, трехъ-оконный домъ съ крышей и трубой такъ отмалюетъ, что только развѣ ужь строгому экзаменатору покажется, что домъ покосился, а тятя съ мамой всегда находили, что домъ ничего—хорошій, — даже и очень! Мало того, самую старую церковь ухитрился изобразить на двери амбара, или каретника, въ видѣ новомодной, высоко-выведенной кулича нѣмецкой, такъ что самъ тятя, проходя мимо, остановился, чтобъ разобрать, что̀ это такое, и сказалъ; «ай да хватъ; славно, братъ!» Ну, словомъ, съ головы и рукъ Вася былъ очень-таки бойкій мальчуганъ, даже по фехтовальному искусству,—онъ такъ однажды просадилъ глазъ лучиной полунѣмцу Карлушѣ, что тотъ недѣли двѣ ходилъ повязанный синимъ платкомъ. И если былъ плоховатъ Вася въ чемъ нибудь, — такъ это съ ногъ: никакъ не могъ онъ выучиться танцовать по забору, усѣянному гвоздями, или проплясать удалаго камаринскаго въ присядку по коньку на крышѣ, и такая всегда забирала его благодѣтельная робость, что, мнѣ кажется, въ этомъ искусствѣ онъ не подавалъ рѣшительно никакой надежды, — развѣ впослѣдствіи развилась у него способности. Впрочемъ тебѣ, читатель, извѣстно, что нѣкоторыя дѣти и очень поздно развиваются. Въ музыкѣ и пѣніи часто испытывала Васю сама итальянская музыкантша и пѣвица — Марья Александровна, и та оставалась имъ довольна. Ужь если услышитъ Вася какую нибудь новую пѣсенку, такъ онъ такъ ее перейметъ и споетъ, что Марья Александровна не только заставитъ его повторить и похвалитъ, а еще развлечется отъ его пѣнія — до̀сыта нахохочется. Услышитъ ли

Вася, какъ Филатка Шебарша съиграетъ на рожкѣ барыню (а Филатка лихо пищалъ на рожкѣ), Вася попроситъ рожокъ у Шебарши и тоже пропищитъ на немъ, хоть не совсѣмъ настоящую барыню, однакожь и не кухарку же, такъ что сама мама, слушая его музыку, не вытерпитъ и прибавитъ: «ай Вася, Вася! на все-то ты у меня гораздъ, сыночикъ; не знаю вотъ грамотѣ-то будешь ли ты у меня учиться когда нибудь?»—А Вася повернется на одной ножкѣ, запоетъ да и уйдетъ поскорѣе, какъ будто не слышитъ, что̀ говоритъ ему мама о грамотѣ.

А слово «учиться» какъ острымъ ножемъ кольнетъ Васю въ сердце. И грустно, и тяжело, и невесело во весь этотъ день рѣзвому Васѣ: не бѣгается ему и съ Акулькой, превращенной въ лошадь, не играется ему въ большомъ саду съ другомъ и пріятелемъ Оленькой Почечкинымъ, не поется ему даже беззаботно: «туру, туру пастушокъ, калиновый подожокъ», — все хочется взгрустнуть да заплакать, а мысль, что насильно посадятъ за книгу, какъ безотвязная тѣнь, слѣдуетъ за нимъ до заката солнца, до глубокой ночи, до безмятежнаго сна.

Онъ бы можетъ быть и подумалъ: почему именно ему не хотѣлось учиться?—да думать было рѣшительно некогда! Съ вечера устанешь и скоро заснешь; утромъ, чуть всталъ съ постели— времени нѣтъ: то голубятъ накорми—пищатъ (они же такіе хорошенькіе и понимаютъ все: на руку уже стали садиться, а Вася ихъ любитъ за это); то тамъ, смотришь, еще глупый галченокъ выпалъ изъ гнѣзда—ну, ему заступи мѣсто матери; то тамъ, пожалуй, мама еще зоветъ: «брата, говоритъ, покачай; мнѣ некогда—иду на погребъ»; то сосѣдній забіяка-пѣтухъ подрался съ маленькимъ карапузикомъ Оборвышемъ: ну, конечно, его нужно пугнуть хорошенько, чтобъ онъ впередъ не смѣлъ разбойничать на чужомъ дворѣ; то тамъ, смотришь, и Оленька пришелъ: зоветъ въ свой садъ картофелю порыть: «маменька, говоритъ, велѣла звать,—яблоками хотѣла обоихъ накормить»; — ну какъ не идти? А тамъ, смотришь, Матюшка-разбойникъ моргаетъ изъ-за угла да зоветъ разсмотрѣть какую-то новую секретную штуку. А тутъ вдругъ и вѣтеръ подулъ — ну, змѣй непремѣнно нужно пустить. А тамъ, смотришь, травля чужаго теленка, да кто-то проѣхалъ, да еще какой-то крикъ на улицѣ, да мама опять зоветъ зачѣмъ-то: вѣрно сладкаго опять ужь приготовила—хочетъ подсластить Васю. Ну, конечно все это нужно просмотрѣть, вездѣ побывать, все разузнать. А время-то между

тѣмъ нисколько не ждетъ. А тамъ, смотришь, ужъ опять вечеръ; а тамъ, не успѣешь глянуть, и опять ночь. Бѣда да и только;—у дѣтей день впятеро короче, нежели у большихъ людей.

Такъ бы, мнѣ кажется, день за днемъ и капалъ въ вѣчность, а Вася вѣрно до глубокой старости не разрѣшилъ бы новаго для него вопроса: нужно ли въ самомъ дѣлѣ ему учиться? и почему именно ему не хотѣлось?

Вдругъ совсѣмъ случайно и нежданно Васю сняли съ заборовъ и посадили за книгу. Случай, кажется, вовсе ничтожный, а между тѣмъ онъ даетъ ужь новое направленіе ребенку. Этотъ ничтожно-замѣчательный случай указываетъ намъ ясно, что въ моемъ любезномъ отечествѣ многое еще родится, растетъ и зрѣетъ *безъ всякой* посторонней помощи. И хорошо еще, если на сильной почвѣ само вызрѣваетъ, а то часто, часто — о, какъ часто! —и самое благое и хорошее сѣмя заглушается плевелами, и впослѣдствіи очень мало, или даже и вовсе не приноситъ плода!

Отчего это все такъ идетъ у насъ? Не въ романѣ разсуждать объ этомъ; разскажемъ лучше случай, который случился съ моимъ маленькимъ Васей. Здѣсь кстати уже замѣтить, что Вася окончательно становился сынкомъ тятинымъ; а поэтому и случаи послѣдующіе стали чаще совершаться между имъ и отцомъ, а не мамой, какъ это было до сего времени. Вотъ этотъ случай.

ГЛАВА III.

Однажды Вася что-то очень усердно работалъ мѣломъ на дверяхъ амбара.

— Полно марать тебѣ стѣны, пачколя, твоей пачкотней! сказалъ отецъ, выдавая овесъ кучеру. — Вишь, какъ амбаръ-то опять у меня испестрилъ, какъ ситцемъ отдѣлалъ. Ты вѣрно, братъ, у меня рисовальщикъ будешь какой-нибудь? — а? Не купить-ли тебѣ, братъ, карандашика съ бумажкой, вмѣсто пряниковъ-то? а?...

Но Вася на всѣ эти аканья не сказалъ ни слова: фыркнулъ только носомъ, покосилъ губу вмѣсто улыбки, да какъ будто подумалъ: «оно хорошо бы, пожалуй, и карандашикъ съ бумажкой, да вѣдь и пряники тоже славная штука — охъ, какъ сладки!»

Отецъ между тѣмъ выдалъ овесъ, посвисталъ надъ Васиной

работой, погладилъ его по головѣ и прибавилъ: «а знаешь, что, братъ, мы съ тобой сегодня сдѣлаемъ?—Пойдемъ-ко со мной: я покажу тебѣ такое мѣсто, откуда можно, пожалуй, нарисовать хоть всѣ дома, какіе есть въ городѣ».

Вася при этомъ извѣстіи какъ-будто окунулся въ радость и вынырнулъ совершенно въ какую-то новую жизнь. Радость его, какъ радость ребенка, была такъ велика, что онъ могъ только съ стѣсненымъ сердцемъ вывести тоненькимъ просьбеннымъ голоскомъ:

— Гдѣ же это? куда же мы пойдемъ съ тобой, тятенька? сейчасъ, что-ли, идти-то, тятенька?.. а? — А ноги между тѣмъ сами уже встали и, не спросясь головы, готовы были бѣжать. Вася съ трепетомъ сердца ожидалъ тятина отвѣта.

— Ну, нѣтъ; не сейчасъ оно, а послѣ обѣда, мой другъ! прибавилъ кроткимъ тономъ тятенька, щелкнулъ при этомъ нутрянымъ замчищемъ амбарнымъ и, поигрывая ключемъ, пошелъ къ себѣ въ избу.

— Да я вѣдь ужь не хочу обѣдать-то, я вѣдь ужь обѣдалъ давно, я еще давеча утромъ обѣдалъ! пустилъ было въ догонку свои убѣжденія Вася.

— Ну, не хочешь, какъ хочешь, — жди пока я отобѣдаю! сказалъ жостко и утвердительно отецъ.

И Вася на это ужь ни слова не возразилъ. Вася уже сталъ привыкать къ этимъ твердымъ отвѣтамъ, — онъ зналъ уже самъ твердо, что тятя не мама — его ужь не заставишь проплясать по своей дудочкѣ. А поэтому и подумалъ только про себя: «и-и... какой! все жди, да жди его; шутки-ли это ждать, когда онъ пообѣдаетъ, да еще ляжетъ, да отдохнетъ? Что это у большихъ все это какъ тамъ дѣлается? Всѣ они этакъ: вонъ и баринъ съ барыней ложатся спать днемъ, да еще и ставни велятъ затворить, чтобъ не видать было, какъ они тамъ спятъ; и тятенька также на лавочкѣ подложитъ кулачокъ подъ голову, да захрапитъ такъ, что не слышитъ, какъ и мухи кусаются у него на носу. Нѣтъ, я такъ не люблю спать днемъ. Что за сонъ днемъ? — мама говоритъ правду: Богъ велѣлъ намъ спать ночью, — а днемъ лучше пѣть или рисовать.

«Туру, туру, пастушокъ», запѣлъ Вася смѣло, хватилъ опять мѣломъ по старому забору и вышло у него что-то какъ будто корова, или самъ пастушокъ.

«Калиновый подожокъ!» запѣлъ онъ еще смѣлѣе, черкнулъ снова, и у него съ одного маху вышелъ уже подожокъ.

«Отъ моря до моря, до Кіева города...» уныло пропищалъ Вася полутономъ ниже и не черкнулъ уже мѣломъ смѣло по доскѣ — тоскливо опустилъ онъ поднесенную руку и о чемъ-то не шутя задумался. Задумался мой ребенокъ о томъ, что въ это мгновеніе хотѣлось ему изобразить и море, и Кіевъ, а онъ еще не видывалъ ни того, ни другаго, — и крѣпко задумался Вася.

А отецъ тутъ, какъ тутъ, и кричитъ уже ему съ крыльца: «эй, маляръ! пойдемъ, что-ли?»

А самъ ужь въ сѣренькомъ мутномъ сюртучкѣ съ красной волжанкой подъ мышкой и въ кожаномъ картузѣ.

А въ рукѣ держитъ сюртучокъ и картузикъ для своего маляра, котораго, какъ видно, старикъ-то любилъ слаще обѣда и отдыха.

Чуть лишь заслышалъ Вася голосъ своего тятеньки, какъ птичка вспорхнулъ отъ радости и въ три прыжка очутился на крыльцѣ, мигомъ одѣлся, застегнулся, надѣлъ фуражку и даже успѣлъ заговорить весело:

— Пойдемъ-ко, тятенька; куда ты меня поведешь?

— А вотъ увидишь.....

— Ну, ладно....

И Вася, любопытно посматривая въ глаза тятенькѣ, съ веселымъ лицомъ побѣжалъ впередъ отца на улицу.

Вася зналъ уже заранѣ, что тятенька покажетъ ему что-нибудь такое, чего онъ никогда прежде не видывалъ. Тятенька всегда такъ и прежде дѣлывалъ; онъ, напримѣръ, возьметъ Васю за руку и поведетъ его далеко, далеко...

И приводилъ онъ Васю туда, гдѣ какіе-то кожаные мѣшки все топорщатся, дуются какъ пузыри, да пыхтятъ все этакъ: фу-у, фу-у! а огонь синій да съ искрами такъ и лѣзетъ изъ горнушки кверху, какъ шило вострое. А тятя покажетъ еще ему, какъ черномазый мужикъ въ кожаномъ фартукѣ и въ рукавицахъ возьметъ изъ огня клещами какой-то красненькій хорошенькій уголекъ, да и давай его молоткомъ постукивать на толстомъ желѣзномъ кускѣ, такъ что только брызги летятъ во всѣ стороны; а тятя покажетъ еще ему, какъ этотъ черномазый мужикъ сунетъ этотъ уголекъ въ воду, въ лоханку, а уголекъ тамъ только этакъ — чикъ! и выходитъ изъ него желѣзка. Да еще это-ли

видалъ тамъ Вася: черномазый мужикъ подносилъ желѣзку-то прямо къ Васину носу и даже подробно показывалъ, что это настоящая желѣзка, въ руки только не велѣлъ брать: «погоди, говорилъ, а то укуситъ.» — Да и это-ли одно. Вася даже видалъ тамъ, какъ черномазый мужикъ изъ одной желѣзки сковалъ веретено, а изъ другой желѣзки, тоненькой, вырѣзалъ ножницами такого пѣтуха, какъ живой, настоящій пѣтухъ, — такъ-что тятя его, вмѣсто живаго-то, проткнулъ веретеномъ желѣзнымъ да посадилъ на колодецъ, а онъ такъ тамъ и вертѣлся всегда, и теперь еще вертится.—«Такъ вотъ какъ дѣлаютъ желѣзки-то», подумывалъ Вася, а тятя при этомъ еще и растолкуетъ ему: что черномазый мужикъ въ рукавицахъ кузнецъ называется, толстый кусокъ желѣза, похожій на птичью голову съ носомъ — наковальня, а чурбанъ, на которомъ птичья голова-то посажена — стуломъ называется; а то, что онъ тутъ дѣлаетъ, кузнецъ-то—«это, говоритъ, дурачокъ, онъ желѣзо куетъ». И Вася вздохнетъ да и пойметъ, что говоритъ ему тятя.

Въ другой разъ тятя отводилъ Васю туда, гдѣ другой черномазый кузнецъ все колотитъ по самовару, потомъ нальетъ въ него свѣтленькой серебряной водицы, надѣнетъ хлопочекъ на палочку да и давай водицу-то размазывать по всему самовару; водица пристаетъ къ краишкамъ, а самоваръ дѣлается бѣлый да свѣтлый внутри. «Такъ вотъ какъ самоварчики-то дѣлаются», думаетъ Вася; а тятенька начинаетъ ему толковать, что этотъ черномазый кузнецъ — мѣдникъ называется, а то, что онъ тамъ размазываетъ въ самоварцѣ-то, «это, говоритъ, онъ мѣдь лудитъ, сынокъ». Вася даже видѣлъ, какъ тятя отсылалъ къ этому мѣднику цѣлый возъ кастрюль съ поваренкомъ Тишкой; а кастрюли-то все клалъ одна въ другую, — при чемъ Вася подмѣтилъ также, что большая барская кастрюля такъ велика, что въ ней быка можно сварить, а маленькая такъ мала, что ее можно надѣвать Ванѣ на голову, вмѣсто картуза. Тутъ-же Вася узналъ отъ тяти подробно, что длинная кастрюля, похожая на гробъ человѣческій, сдѣлана для того, чтобы варить въ ней рыбу цѣликомъ: видишь, будто по французскому поварскому уставу, русскій осетръ цѣликомъ гораздо деликатнѣе и важнѣе, за званнымъ господскимъ столомъ. И на эту длинную, похожую на гробъ человѣческій, кастрюлю Вася подивился-таки не мало.

Въ третій разъ тятя отводилъ Васю туда, гдѣ дѣлаютъ ружья для большихъ людей и для маленькихъ. И вотъ видитъ

такъ Вася такія же маленькія ружьецы, какъ и его деревянное, да только тѣ не деревянныя, а заправскія ружьецы—настоящія, какъ у барченка Илиньки, — тятя называлъ ихъ пистолетами. Впрочемъ, какъ видно, дѣланіе пистолетовъ Васѣ не понравилось: разъ, потому, что устройство было слишкомъ мудрено — перенять не переймешь,—и дома себѣ такіе-же сдѣлать не ухитришься; второе и потому, что въ домѣ этомъ больно ужь страшно: все шырчало, стучало, визжало, да шипѣло. А я такъ думаю, что тутъ была еще и третья причина, да и не главная-ли: намъ уже извѣстно, что Вася побаивался ружейнаго выстрѣла, а здѣсь онъ видѣлъ, что мастеръ безпрестанно примѣривалъ ружье къ своему носу и такъ прикладывался къ нему и щурилъ глаза, какъ будто хотѣлъ подстрѣлить Васю, какъ утку. Вася сперва-было какъ вѣжливый человѣкъ сторонился отъ выстрѣла и на право, и налѣво, да видя, что тотъ не унимается, а все въ него прицѣливается, тотчасъ сообщилъ отцу свое замѣчаніе такого рода, что здѣсь больно скверно южитъ желѣзо, когда его трутъ желѣзной палочкой, и что онъ этого не любитъ, и писку такого слышать не хочетъ. — «Пойдемъ домой». На что тятя тотчасъ соглашался и даже переводилъ Васю и въ другія замѣчательныя, по его мнѣнію, мѣста.

Такъ однажды отвелъ онъ Васю въ ту избушку, гдѣ изъ воску дѣлались свѣчки, да такія тоненькія, какія стоятъ у Бога въ церкви. Ну, свѣчечки конечно дѣлались тихо — не южали; тамъ даже не прицѣливались такъ злодѣйски въ Васю,— что Васѣ очень понравилось, до того понравилось, что, пришедши домой, онъ тотчасъ рѣшилъ, что свѣчи вещь очень немудреная—ихъ можно дома и самому накатать,—стоитъ только достать у мамы воску. За послѣднимъ дѣло тоже не стало: Вася для пробы тотчасъ стянулъ у мамы свѣчу, приготовленную за престолъ Божіей матери, и изъ нея мигомъ накаталъ по своему свѣчей маленькихъ, своей собственной фабрикаціи. Подумалъ-было онъ и зажечь ихъ, чтобы попробовать, будутъ-ли горѣть, — да какъ вспомнилъ при этомъ, какъ однажды досталось ему за трутъ, котораго онъ не умѣлъ потушить, запрятавъ горящее клочье въ боченокъ, изъ котораго такой повалилъ дымъ, что и сама мама заплясала-было отъ страху, — онъ тотчасъ отложилъ намѣреніе притвориться старостой церковнымъ.

Тятя однажды отвезъ-было Васю и на чугунный заводъ, даже показывалъ ему тамъ страшную кадушку, которую называлъ

Домной Ивановной; хотѣлъ-было растолковать, что въ этой Домнѣ Ивановнѣ сущій адъ, да Вася ничего не понялъ, потому что не зналъ еще, что это за штука сущій адъ; самый же заводъ больно ему не понравился, потому что былъ теменъ, черенъ и страшенъ. Больше всего любилъ Вася смотрѣть, какъ на веревочномъ заводѣ вертятся маленькія колесики: такъ хорошо вертятся, какъ настоящія игрушки. Онъ даже, возвратившись оттуда домой, всегда весело разсказывалъ мамѣ, что тамъ,—гдѣ они были съ тятей, — есть такія колесики, какъ у ней скальница, и такъ на нихъ сучится ниточка, какъ у ней на веретенѣ; тамъ даже изъ ниточекъ-то выходитъ послѣ такая толстая веревочка, просто толщиной съ Васину ногу.

Иногда отводилъ тятя Васю туда, гдѣ вѣтреная мельница шумно махала большими своими руками, да ворочала какое-то бревно, а въ ней все дрожало, тряслось, да все такъ страшно ворчало: «журръ», до того страшно, что Вася въ первый разъ не хотѣлъ-было и идти туда, да ужь самъ тятя взялъ его за плеча, подвелъ къ жернову да показалъ, какъ тамъ сѣрыми кольцами бѣгаетъ жерновъ-камень, и растолковалъ, что стоитъ только плюнуть на этотъ камень, тотчасъ отскочитъ назадъ да плюнетъ въ тебя же. И Вася, какъ ни боялся, однако не вытерпѣлъ, сдѣлалъ опытъ и ему показалось очень смѣшно, какъ камень плюется на человѣка. Осмотрѣвшись на мельницѣ, Вася замѣтилъ тамъ бѣлаго мужика, который весь былъ размазанъ мукой, и такъ занялъ Васю, что тотъ, пристально на него посмотрѣвши, спросилъ даже отца: «тятя, зачѣмъ это у него рожа-то такая размазанная? нось-то точно съ бѣлой заплаткой!»—на что тятя отвѣчалъ поучительно: — «такъ это, сынокъ, мельникъ онъ, — сморкнулъ вѣрно вонъ неосторожно, да носъ и прихватило мучкой, вотъ кончикъ-то бѣленькимъ и смотритъ.» Насмотрѣвшись на мельника съ бѣленькимъ кончикомъ, Вася сдѣлалъ на мельницѣ еще новое открытіе: онъ подмѣтилъ тамъ на-верху какую-то палочку, которая все подплясываетъ, да какъ будто выговариваетъ: «клокъ, клокъ!» и увидѣлъ онъ, что изъ-подъ этой палочки сорятся на камень зернушки; даже заглядывалъ-было и въ камень, чтобъ узнать хорошенько, какъ эти зернушки въ муку тамъ превращаются, да нѣтъ—не видать: подъ камнемъ все это дѣлается. А тятя еще разсказалъ ему дорогой, какъ родятся зернушки на полѣ, какъ сушатъ ихъ въ деревнѣ надъ огонькомъ, въ овинѣ,—въ которомъ еще, по разсказамъ Іоновны, держи

водятся, — какъ мужички деревянными цѣпочками сѣкутъ эти зернушки на току, какъ мельница мелетъ ихъ, а они дѣлаются мучкой, какъ наконецъ возьмутъ мучки, да водицы наболтаютъ — выйдетъ лепешечка; лепешечку поджарятъ на огонькѣ и отдадутъ съѣсть Васѣ. А въ субботу вотъ мама изъ мучки грѣшневой съ водицей таки-еще и блинковъ напечетъ, а тятя говоритъ: «родителей поминать.» Вотъ и все тутъ. Но чудо какъ хорошо это все разсказываетъ тятя.

Да и не только разсказываетъ, а еще возитъ онъ Васю съ собой, куда захочетъ, и показываетъ ему все новое. Разъ тятя свозилъ Васю въ подгородную сибирскую деревню, Параньку, ну и показалъ ему тамъ сперва мальчишекъ, да такихъ удивительныхъ мальчишекъ, что Вася разъахался, увидавши на нихъ сапоги не простые, а съ пятью пальцами. Да ужъ послѣ, какъ подошелъ да разсмотрѣлъ Вася, оказалось, что это были не сапоги, а просто собственная ихъ шкура, сама же — безъ завода и выдубленная на манеръ кожины. Тятя показалъ Васѣ также, въ какихъ черныхъ клѣвушкахъ живутъ параньскинскіе мужички, — даже и огонь-то у нихъ не въ трубу ходитъ: такъ по избѣ-то съ дымомъ и ползаетъ по потолку, такъ что Вася совсѣмъ и глазами-то смотрѣть не могъ, даже горько сдѣлалось ему такъ, чуть было не задохнулся, — такъ у нихъ сиверно въ избѣ. Да ужъ тятя ему растолковалъ: «это ничего, говоритъ, сынокъ, что дымокъ въ глаза къ тебѣ залѣзаетъ, — у нихъ это всегда такъ бываетъ: они ужъ къ этому привыкли, имъ это ни почемъ, какъ ероѳеичъ съ калачемъ.» Тятя также растолковалъ Васѣ, что косматыя бабы-замарашки — это жены и дочери этихъ деревенскихъ мужичковъ; онѣ также, согнувшись на полѣ, привычно ножами рѣжутъ золотую травку, да изъ травки этой: нажнутъ метелочки, а изъ метелочекъ выходитъ опять такой же хлѣбецъ, какой ѣстъ Вася. — «Это, говоритъ, сынокъ, они хлѣбецъ жнутъ: направо-то, говоритъ, вотъ бѣлый хлѣбецъ пшеничный, а налѣво-то — вонъ тутъ подъ оврагомъ — черный ржаной; бѣленькій-то они на базарѣ продадутъ, а черненькій себѣ возьмутъ да съѣдятъ; вотъ и только!»

Чудо какъ хорошо все это растолковывалъ Васѣ тятя! Тятя даже подружился съ прикащикомъ Параньской деревни, и тотъ не только приглашалъ ихъ безъ господъ къ себѣ въ гости, а даже часто просилъ ихъ бесѣдовать и въ барскій домъ, въ гостиную, гдѣ ужъ тятя прямо, указывая на икорку, говорилъ малень-

кому Васѣ: «а вонъ, братъ, гдѣ повѣшенъ самъ нараньквнскій баринъ,—поди-ко, поразсмотри его.» И Вася отправлялся разсмотрѣть старый оплеванный мухами портретъ нараньквнскаго барина-покойника.

Чудо какъ все это хорошо указывалъ и растолковывалъ Васѣ тятя! А тутъ еще купитъ глиннаго соловья, да самъ же и поиграетъ на немъ, чтобъ выучить сынка насвистывать по соловьинному; купитъ калиновую дудку, да научитъ сынка размачивать ее въ холодѣ, чтобъ дудка не сохла.—«На мокренькой-то, говоритъ, звончѣе играется, сынокъ!» А тутъ, смотришь, весна пришла. Тятя съ Васей сходятъ на пристань, да принесутъ оттуда апельсинъ душистый: и мамѣ дадутъ полакомиться, да и Васѣ выдерутъ шутя ушко.—«Это, говорятъ, братъ, новинка, такъ ушко тебѣ слѣдуетъ подрать за это.»—А тутъ рака чернаго покажетъ тятя да удивитъ Васю тѣмъ, что ракъ ходитъ задомъ; а тамъ, пожалуй, еще сваритъ его да покажетъ, какъ ракъ превратился въ краснаго; а тамъ еще вынетъ изъ него бѣлыя жерновки, да отдастъ Васѣ поиграть. И все покажетъ и растолкуетъ ему милый тятенька!

За то ужъ какъ и подружился съ тятей Вася. Онъ такъ подружился съ тятей, что для него забылъ все, что составляло прежде его жизнь: забылъ онъ и Жужутку, съ которой весело игралось ему на мягкомъ коврѣ, забылъ онъ и Марью Александровну и ея маленькую аристократическую ручку, которая гладила его шелковую головку и шейку, забылъ онъ и то, какъ она сама наливала ему кофей, забылъ онъ ея красныя привлекательныя конфеты, разучился онъ даже ходить поздравлять господъ съ праздникомъ и отвыкъ шаркать передъ ними ножкой. Да чего: сама мама теперь уже не такъ была лакома для Васи, потому-что мама все только кормила да бранила, а тятя все растолковывалъ. И все хотѣлось Васѣ идти къ тятѣ, да все хотѣлось у него обо всемъ подробно допросить да расспрашать.

Такъ возникла дружба между отцемъ и сыномъ,—и это была не та мимолетная дружба, которая основывается на свайкѣ, кознахъ, взаимной потасовкѣ и сладкомъ примиреніи послѣ розги, не та школьная дружба, которая разрывается съ разлукой и потомъ забывается съ перемѣною обстоятельствъ и образа жизни. Нѣтъ, это была дружба прочная, которую чувствуетъ во всю жизнь ученикъ къ своему учителю, чувствуетъ даже учитель къ своему хорошему ученику; это была та вѣчная дружба, кото-

рой связаны всѣ разумныя существа во вселенной,—дружба святая, которой сѣмя было въ сердцѣ и головѣ ребенка; и это сѣмя было живо, это сѣмя уже росло! И вотъ росла между ними любовь; любовь на основаніи не той только общей мысли, что отецъ долженъ любить сына за то, что тотъ кусокъ его собственной плоти; сынъ долженъ любить отца за то, что тотъ виновникъ его жизни; нѣтъ, между ними росла любовь не плоти, не однихъ естественныхъ законовъ и обязанностей, предписанныхъ природой,—нѣтъ, между ними росла любовь болѣе глубокая, сокрытая въ сродствѣ ихъ умовъ, въ одинаковости ихъ понятій, въ общей связи ихъ мечтаній и предчувствій, въ согласіи ихъ роднаго чувства и родственныхъ біеній сердечныхъ... и къ ней уже прибавьте горячую любовь отца къ сыну, влекущую любовь сына къ отцу. Такъ любилъ Павелъ Кузьмичъ сынка своего Васю, такъ любилъ сынъ Вася своего отца и наставника.

На что такое былъ этотъ наставникъ? далъ ли этотъ темный Павелъ сыну своему ту вторую жизнь нравственную, которая такъ важна передъ первой, какъ душа передъ тѣломъ, какъ жизнь міра передъ жизнію личности? Объ этомъ нечего и спрашивать; конечно — нѣтъ!

Достаточно сказать, что безграмотный Павелъ былъ такъ теменъ, какъ только можетъ быть омраченъ безграмотный русскій человѣкъ; поэтому и ученіе такого наставника ограничилось конечно лишь преподаваніемъ тѣхъ правилъ, которыя самъ Павелъ получилъ отъ отца своего, какъ завѣтъ и какъ что-то священное и неприкосновенное; къ этому онъ присоединилъ еще опыты своей собственной жизни и свое крайнее разумѣніе добра и зла. Вотъ и только.

Переманивши на свою сторону отъ матери слабаго Васю, отецъ скоро внушилъ ему бодрость и терпѣніе тѣмъ, что рѣшительно пересталъ съ нимъ нѣжничать по-бабьи. — «Дрянь ты», говорилъ онъ ему обыкновенно: «и брать тебя никуда съ собой не буду, когда будешь этакъ губу распускать, да бабиться;такъ и сиди тамъ дома съ бабами, — не мой и сынъ!» — Этого уже было достаточно, чтобы Вася опять насторожился и сдѣлался ко всему терпѣливымъ. Послѣ этого Вася уже не рѣшался отцу жаловаться на жаръ или холодъ, а переносилъ то и другое такъ же терпѣливо, какъ переносилъ это самъ крѣпостной Павелъ Кузьмичъ, по нуждѣ и безъ нужды. Находясь въ вѣчной суетѣ, Павелъ какъ будто мало обращалъ вниманія на

игры Васи и даже вовсе не останавливалъ его шалостей; но въ тоже время конечно не былъ для него и чужимъ человѣкомъ. Онъ при случаѣ принималъ живое участіе въ его дѣтскихъ играхъ и интересахъ, самъ даже помогалъ ему, гдѣ останавливалось Васино ребячье дѣло, а въ минуту свободы готовъ былъ даже поиграть съ нимъ и въ козны, или даже запустить змѣй. Но въ то же время, черезъ полчаса, гдѣ нибудь нечаянно изъ окна, или изъ-за угла, покрикивалъ на Васю и грозился, когда тотъ намѣревался устроить какую нибудь большую проказу. Онъ даже часто бранивалъ Васю жосткими словами на мѣстѣ преступленія, и всегда обѣщался высѣчь его, когда онъ сдѣлаетъ это еще и въ другой разъ. Первая забота Павла была — сдѣлать сына вѣжливымъ и, конечно, въ особенности противу господъ; онъ даже училъ Васю еще издали снимать шапочку передъ господскими окнами, даже и у чужихъ знакомыхъ домовъ, что всегда и самъ выполнялъ съ особенною заботливостію. Онъ даже иногда говаривалъ сыну: «ты, братъ, вѣдь что еще? червячокъ капустный — больше ничего, — раздавятъ тебя, какъ гадину, вотъ и дѣло съ концемъ; а вѣжливымъ будешь, такъ тебѣ же лучше», добавлялъ онъ въ заключеніе. Съ другой стороны онъ всегда, такъ же, какъ и мама, осматривалъ Васю, чтобъ онъ съ немытыми руками или съ нечесанной головой не приходилъ къ столу господскому; это не затѣмъ, конечно, чтобъ Павелъ Кузьмичъ въ особенности любилъ чистоту и опрятность, а потому, что Вася, какъ сынъ дворецкаго, и еще старшій сынъ, долженъ же былъ отличаться отъ прочихъ мальчишекъ дворовыхъ хоть вытертымъ, чистымъ носомъ. Кромѣ того, Павелъ зналъ уже впередъ, что если господамъ вздумается дать подачку, такъ скорѣе всего для этого выкликать изъ буфета ужь конечно Васю. Вотъ почему Павелъ Кузьмичъ и слѣдилъ за Васинымъ носомъ такъ же наконецъ зорко, какъ и за нравственностью. Пробовалъ-было Павелъ подъучать сынка своего лакейскому искусству, да оказывалось слишкомъ рано. Разъ отецъ послалъ было Васю къ мамѣ на погребъ съ тарелкой за огурцомъ, и Вася съ охотою согласился, даже бойко слеталъ, да на парадномъ крыльцѣ и вышла какая-то запятая. Чортъ-знаетъ какъ, Вася вѣрно запутался, что ли, за ноги свои и вышло, что тарелка-то полетѣла по скользкому полу, а огурецъ, подлецъ, пробѣжалъ по всѣмъ ступенямъ парадной лѣстницы и такъ напугалъ ре-

бенка, что Вася со слезами и мокрыми руками пришелъ къ тятѣ отжаловаться на огурецъ, и увѣрялъ еще тятю, что если бъ огурецъ не покатился, то онъ ужь конечно не разбилъ бы тарелки. Съ тѣхъ поръ такъ ужь и перестали пользоваться Васиной послугою. — Въ нравственномъ мірѣ Павелъ Кузьмичъ слегка запрещалъ сыну и лгать, и таскать чужое безъ спросу; даже при случаѣ крѣпко его побраниваль, когда Вася, соблазнившись, отщипывалъ клочочекъ отъ барскаго жаркого или пирожнаго и дѣлалъ его безъ замѣтнаго хвоста. Много ли имѣли вліянія на Васю эти нравственные уроки, когда вся прочая дворня, не моргая глазомъ, врала на пропалую предъ господами и тащила отъ нихъ что только было можно, чуть ли не на половину? — Тамъ даже случались курьёзныя оказіи такого рода. Старшій поваренокъ Моська, скормившій барскія свиныя почки своей семьюродной сестрицѣ, нахально приходилъ къ старой, выживающей изъ ума барынѣ, и смѣло допрашивалъ барыню самъ: «какія вы, сударыня, спрашиваете отъ меня еще жареныя почки? я вамъ уже третьяго-дни докладывалъ, что свинья была черная; какія же у ней почки?» И озадаченная барыня тихо спрашивала поваренка Моську: «да какъ же, Мосей, развѣ у черной свиньи совсѣмъ не бываетъ почекъ?» — «Да разрази меня на семъ мѣстѣ, лопни моя утробушка; если я съѣлъ ваши барскія почки. Да что же это такое? Это каторжная какая-то жизнь послѣ того!» — И старшій поваренокъ Моська, какъ чистѣйшая невинность, начиналъ рыдать, а старая, выживающая изъ ума барыня, испугавшись сильнаго бычачьяго мычанья, говорила Моськѣ тихо: «ну, ну, ступай, ступай, Господь съ тобой, ничего больше не нужно, — ступай только Христа-ради!» Конечно, иногда этотъ жизненный фактъ такъ занималъ старую барыню, что ей не спалось цѣлую ночь, и она, желая провѣрить, правду ли говорилъ Моська — призывала къ себѣ на другой день дворецкаго Павла и допрашивала его: «бываютъ ли въ самомъ дѣлѣ у черныхъ барскихъ свиней почки?» Но дворецкій Павелъ во всѣхъ такихъ случаяхъ держался середины и какъ-то особенно умѣлъ помирить обѣ враждующія стороны. Онъ отвѣчалъ, какъ Талейранъ: «да оно, сударыня, когда ужь свинья можетъ быть безъ почекъ? что ужъ говорить не дѣло-то? да вышло-то вѣрно у него такъ: это вѣдь онъ, сударыня, правду говорилъ, что у черной-то свиньи почечки какъ-то бываютъ помельче; а какъ онъ ихъ зажарилъ

неосторожно, да подсушилъ — вотъ онѣ, поди, чай, и вышли на бѣду съ орѣхъ величиной; онъ побоялся ихъ вамъ подать-то, да самъ и съѣлъ». — «Ну, то-то же; а я ужь думала, что въ самомъ дѣлѣ свинья безъ почекъ, — да опять и думаю: какъ же это?...» — «Да вотъ такъ вѣрно, сударыня, и случилось». — «Ну, то-то случилось, — пусть ужь случилось, да зачѣмъ же онъ, глупый, не сказалъ мнѣ правду-то?» — «Да правду-то, сударыня, побоялся вишь сказать: гнѣваться изволите; ну, онъ, чтобъ отойдти отъ грѣха-то, да не прогнѣвать васъ, вотъ и.... совралъ немножечко».... «Ну, то-то же, — а я ужь думала, какъ же это свинья безъ почекъ?... да опять и думаю, какъ же вѣдь это?... онъ плакалъ! значитъ, правду говоритъ человѣкъ».

Повторяю: много ли имѣли вліянія на Васю нравственные уроки Павла, тамъ, гдѣ господа изволятъ гнѣваться за правду, — это вы увидите сами впослѣдствіи. А здѣсь я долженъ повторить-таки опять, что весь этотъ омутъ житейскій — барская дворня — для Васи былъ еще совершенно теменъ; а уроки, которые давалъ ему тятя, какъ близкій человѣкъ, конечно такъ были ясны и поняты, какъ дважды-два-четыре. А если и случалось, что Вася, какъ ребенокъ, и эти ясные уроки не хотѣлъ понимать и забывалъ, или просто думалъ; нельзя ли этакъ пустить въ ходъ и свои правила? — такъ Павелъ тотчасъ и очень жестоко доказывалъ сыну свое: что у него, стараго дворецкаго Павла, пустить въ ходъ правилъ своихъ нельзя и думать! Это Вася очень скоро почувствовалъ; словомъ, чѣмъ дальше, тѣмъ вліяніе Павла на Васю становилось больше и больше. Конечно, опять-таки я долженъ завести здѣсь рѣчь о томъ, что въ нравственномъ мірѣ вліяніе Павла было не болѣе того, что онъ запрещалъ Васѣ кричать, когда онъ играетъ съ барчатами, — запрещалъ шибко бѣгать, когда Вася возилъ ихъ на тележкѣ (особенно маленькую Лили), и наконецъ училъ его какъ можно мягче и вѣжливѣе съ ними обращаться, — «а то, говоритъ, тебя будутъ гонять оттуда по шеѣ». И, словомъ, по мнѣнію дворецкаго Павла: Вася скорѣе могъ обращаться по-собачьи съ Ванькой, братомъ кровнымъ, нежели грубо или невѣжливо съ барскими дѣтьми. Относительно прочихъ личностей было то же. Если бы приходилъ параньканскій прикащикъ, то передъ нимъ приказывалось быть вѣжливымъ, потому что онъ прикащикъ; а если бы приходилъ маститый старецъ-нищій, или ни-

раньк**и**нскій крестьянинъ, старикъ почтенный, то передъ нимъ конечно дозволялось быть и невѣжливымъ, и грубымъ, потому что это были мужики, а не барины и не прикащики. Словомъ, при всей строгости правилъ, почтенный Павелъ Кузьмичъ никакъ не могъ отрѣшиться отъ важнаго для него въ мірѣ слова «баринъ». Онъ даже прочимъ молокососамъ изъ дворни поговаривалъ часто: «оно тамъ что ни говори, какой ни на есть, да все-таки баринъ; все-таки онъ сидитъ за столомъ да кушаетъ, а мы съ тобой только стоимъ за столомъ да поглядываемъ на него, — вотъ оно что! такъ, значитъ, и говорить объ нихъ нечего; а просто дѣлай только, что прикажутъ, да и дѣло съ концомъ; ихъ дѣло барское, а наше лакейское». Вотъ на какомъ основаніи Павлу хотѣлось утвердить также и сына своего. — «Наше дѣло служить», говорилъ онъ съ наслажденіемъ истиннаго слуги, и говорилъ это даже пяти-лѣтнему и ничего еще непонимающему Васѣ. И Вася видѣлъ ясно, что отецъ его неутомимо и безропотно служилъ, и день и ночь, и ночь и день, и въ будни и въ праздникъ! А изъ этого и выходило, что, при всей неутомимой заботливости Павла о сынѣ, многое, очень многое изъ нравственной жизни Васи или вовсе ускользало безъ вниманія, или проходило едва замѣтнымъ, или выказывалось наконецъ и очень примѣтно, да все откладывалось, — какъ обыкновенно у всѣхъ у насъ, заботливыхъ родителей, занятыхъ суетою житейской, — до слѣдующаго дня. А время между тѣмъ все шло.

А если что и было важно для Васи, такъ это развѣ то, что серьёзный Павелъ Кузьмичъ былъ наставленъ отцемъ своимъ тоже довольно серьёзно. И если, напримѣръ, Вася, послѣ разсказовъ Іоновны, сильно начиналъ потрушивать мертвецовъ или привидѣній, такъ онъ просто говорилъ сыну: «это, братъ, пустяки—бабьи бредни, ты ихъ меньше слушай; трусить этого нечего: стоитъ только сотворить вонъ воскресную молитву, такъ всѣ эти привидѣнія такъ прыснутъ, какъ чортъ отъ ладону — это ужъ дѣло извѣстное. А чтобы не приходили они, такъ нужно всегда, когда ложишься на ночь, помолиться Богу — вотъ и не будетъ ничего».—И послѣ этого, если Павелъ замѣчалъ, напримѣръ, что Вася ложился вечеромъ не молясь, то онъ настоятельно требовалъ, чтобъ сынъ помолился, и даже поднималъ его съ кровати, увѣряя, что безъ молитвы уснуть спокойно нельзя. Такъ онъ часто выводилъ его изъ-за стола за то только, что

тотъ, не перекрестясь передъ образомъ, садился. Словомъ, во всѣхъ случаяхъ жизни, Павелъ, въ самой простой оболочкѣ самаго не затѣйливаго дѣтскаго слова, хотѣлъ дать сыну понятіе о томъ, что есть Богъ, которому должно молиться. Но у Павла рѣшительно недоставало умѣнья объяснить, что̀ такое этотъ Богъ, которому нужно молиться? Точно такъ же, какъ заставляли его самого молиться, теперь онъ заставляетъ своего сына; и точно такъ же, какъ мама, указывая въ передній уголъ на божницу, заставляла Васю усердно класть земные поклоны за тятю съ мамой, точно такъ же теперь заставляетъ его отсчитывать ихъ тятя. Вотъ и все пониманіе обязанности человѣка: какъ должно чтить Бога. И если въ чемъ-либо отчасти проявлялось для Васи величіе Божіе, такъ это въ грозныхъ явленіяхъ природы. Вася съ трепетаніемъ сердца и страхомъ переживалъ тѣ торжественныя минуты, когда испуганные тятя, мама и вся дворня приготовлялись ко встрѣчѣ грозы. Первый трусливый тятя толковалъ Васѣ, что въ громѣ пророка Иліи, ѣдущаго по небу на колесницѣ, слышно, какъ гремитъ самъ Господь, и при этомъ онъ заботливо крестилъ всѣ окна, и при каждомъ сверканіи молніи набожно выговаривалъ: «святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ!» и въ то же время заставлялъ онъ непремѣнно креститься Васю, увѣряя, что того непремѣнно убьетъ Богъ, кто не хочетъ молиться ему въ такое страшное время, какъ Божья гроза. И Вася, конечно еще болѣе тяти трусившій грознаго Бога, гремящаго и сверкающаго въ небесахъ, съ любопытствомъ поднималъ туда прекрасные свои глаза и, крестясь, съ изумленіемъ посматривалъ—то на торопливаго тятю, съ молитвой закрывающаго и трубы и окна, то на блѣдную маму, стоящую иногда въ уголкѣ на колѣняхъ предъ Богородицею. И конечно, хотя безтолково и безсознательно, но глубоко западали въ душу ребенка эти торжественно-великія минуты. Маленькій и глупый Вася, хотя и непонятно, но какъ будто уже ясно, со страхомъ и біеніемъ сердечнымъ, чувствовалъ, что вѣрно на самомъ дѣлѣ есть гремящій, грозный Богъ.

Въ другія, спокойныя и счастливыя минуты жизни, послѣ—напримѣръ—обильнаго рыбнаго лова, послѣ удачной и счастливой охоты, или въ минуту семейнаго покоя, когда Павелъ можетъ быть считалъ себя даже счастливымъ,—ему, какъ любящему отцу, и хотѣлось можетъ быть выразить маленькому Васѣ, что есть

и другой Богъ, не только все грозящій и карающій, но Богъ милующій человѣка, Богъ посылающій человѣку и счастіе, и свои великія милости. Но, читатель — Павелъ и въ эти прекрасныя минуты ничего не могъ выразить даже и своему возлюбленному ребенку, сыну, рѣшительно ничего! Можетъ быть и очень хотѣлось бы, да....

Говоря правду, маленькій Вася мало понималъ отца, особенно если отецъ этотъ хотѣлъ высказать ему то, что было выше его простыхъ и темныхъ пониманій. Къ этому еще нужно добавить, что простая и грубая рѣчь Павла Кузьмича была-таки больно, больно неказиста. Если приносила рѣчь отца пользу сыну, такъ развѣ только тѣмъ, что сынъ сердцемъ вѣровалъ въ эту рѣчь и сыновнею любовью глубоко проникалъ въ смыслъ ея. Рѣчь Павла Кузьмича не была развита пустозвонной болтовней, какъ наше говорливое время; о рѣчи такой не мѣшаю бы здѣсь подвернуть нашу общую русскую, родную похвалу: «такъ, говоритъ, скажетъ, какъ обухомъ тебя дернетъ по лбу», — за то ужь она прямо и отпечатывалась въ сердцѣ ребенка, и самыя летучія истины такъ плотно пришлепывались въ голову Васи, что навсегда тамъ и оставались; — отцу очень рѣдко приходилось говорить съ укоромъ: «тебѣ, братъ, какъ къ стѣнѣ горохъ лѣпи». Словомъ, въ рѣчи этой былъ виденъ отецъ, который одной сжатой истиной поучалъ сына, виденъ былъ даже сынъ, который со страхомъ слушалъ наставника-отца, и опять-таки повторяю: если мало понималъ, то безусловно вѣрилъ ей, какъ самому тятѣ—впередъ уже зная, что не вѣрить этому нельзя, потому что жосткій отецъ заставитъ всему этому вѣрить. А изъ всего этого выходило почти всегда вотъ что. Если скажетъ тятя: «Вася, не кидай на полъ хлѣбецъ,—Богъ убьетъ», Вася въ дѣтской горсточкѣ доѣдалъ крошки божьяго хлѣбца, а упавшія подбиралъ на столъ или прямо въ ротъ, какъ изъ угожденія къ тятенькѣ, такъ и изъ боязни, что за это въ самомъ дѣлѣ убьетъ Богъ.

Вотъ почему Вася былъ такъ привязанъ къ тятѣ, такъ бѣжалъ къ тятѣ: тятя былъ для него само развитіе его познаній, свѣтъ сего міра.

Вася часто, напримѣръ, слыхалъ и отъ Іоновны, что «на морѣ, на окіянѣ, на островѣ на Буянѣ стоитъ быкъ печеный». Но это вѣдь были только сказки—бредни. Слыхалъ онъ часто и отъ мамы, что она седьмой годъ все сбирается въ Кіевъ — помолиться

Богу. Положимъ, это была не сказка, но Вася все-таки и до сихъ поръ не видалъ ни моря, ни Кіева, ни даже деревни, полной оборотней и мертвецовъ. А между тѣмъ когда Іоновна по обыкновенію начинала такъ: «у насъ, говоритъ, на старинѣ, въ Бѣлозерьѣ, было вотъ какое чудышко», — то сердце ребенка Васи сжималось такой тоской и такимъ любопытнымъ и заманчивымъ страхомъ, что ему сейчасъ бы хотѣлось слетать на старину, чтобы самому въ подробности разсмотрѣть чудышко, о которомъ съ такими вздохами и такъ страшно разсказывала Іоновна. А онъ все-таки ни чудышка, ни старины не видалъ, и все это представлялось ему въ однихъ только неясныхъ чудовищныхъ образахъ сказки, поддразнивая и привлекая къ себѣ его дѣтское любопытство.

А вотъ онъ теперь только спѣлъ, стоя у забора, свою любимую пѣсенку, и ему захотѣлось изобразить съ пастушкомъ и море, и Кіевъ; а онъ не видалъ ни того, ни другаго. И вотъ его дѣтская мечта хотѣла бы летѣть къ морю да къ Кіеву—но куда летѣть? Онъ самъ не зналъ! Его дѣтскій взоръ хотѣлъ-бы видѣть что-то... но что? Онъ самъ не постигалъ! Бѣдный былъ ребенокъ Вася: весь кругъ его познаній сосредоточивался на одномъ дворѣ, обнесенномъ со всѣхъ четырехъ странъ свѣта высокими заборами съ гвоздями. Правда, зналъ онъ, что за этимъ заборомъ живетъ Матюшка, затѣмъ Ванька-рыжій; зналъ, что черезъ эти заборы можно перемахнуть къ нимъ въ гости, поучиться отъ нихъ разнымъ гадостямъ, и только. Только вѣдь и зналъ этотъ бѣдный уличный мальчишка Вася. А между тѣмъ душа его, какъ душа человѣка, жаждала познаній и вѣчной истины; между тѣмъ его дѣтская игривая мечта, распаленная волшебствомъ сказокъ, колдуновъ, оборотней, вѣдьмъ, привидѣній, какъ рьяный конь неслась куда-то.... Но куда неслась? Надъ этою мыслію Вася часто-часто задумывался у амбара. И безъ пѣсни, и съ пѣсней ему дѣлалось грустно и тоскливо.... и тогда его дѣтское мурлыканье и безсмыслица имѣли такой же тайный смыслъ, какъ тѣ глубоко-знаменательные, сжато тоскливые отголоски пѣсни русской, въ которой ноетъ и плачется на судьбу свою русскій человѣкъ....

Читатель, ты уже понимаешь, чего хотѣлъ любознательный мой мальчикъ Вася; ты очень хорошо понимаешь, что ребенокъ былъ живъ, а около него все страшно несло той ужасающей мертвечиной, тѣмъ гнилымъ застоемъ сжатаго крѣпостнаго рус-

скаго ума, который еще не просвѣтленъ ни наукою, ни знаніемъ жизни, ни даже истиной духовной!

Мнѣ и самому представлялось, что тятенька, какъ отецъ, и самъ что-то чуялъ; но какъ отецъ темный, рѣшительно не понималъ, чего хотѣлось его сыну. Онъ дѣлалъ все для сына, что находилъ нужнымъ по своей близорукости. Онъ съ охотою готовъ былъ отдать послѣднія свои десять копѣекъ за знаменитыя картины: «какъ мыши кота погребаютъ» и «какъ генералъ-морозъ ухватился за большой носъ», и отдалъ онъ эти послѣднія десять копѣекъ за то только, что эти знаменитыя произведенія слишкомъ понравились Васѣ. Павелъ Кузьмичъ, даже съ нѣкоторымъ уничиженіемъ, упросилъ лавочника оказать ему съ Васей великую милость — прочитать надписи на картинкахъ, надъ которыми и самъ хохоча приговаривалъ: «слышишь, братъ, слышь, какъ тутъ прописано?» да и Васю подзуживалъ, чтобы тотъ ухмыльнулся. Павелъ даже торжественно подарилъ эти картины сыну своему и, растолковывая ему, какъ они придутъ домой и разукрасятъ ими стѣну, еще добавилъ: «вотъ Богъ дастъ выучишься читать со временемъ, такъ и прочитаешь мнѣ подпись, какъ лавочникъ». Павелъ даже часто останавливался передъ какой нибудь новой вывѣской и со вздохомъ говорилъ своему сыну: «эхъ, братъ, Вася, какъ бы ты читать-то умѣлъ теперича у меня—вотъ бы мы съ тобой и разузнали, что тутъ прописано,—ишь какая нарядная!» По всему этому видно, что темный Павелъ какъ будто и самъ отъ сына своего чего-то добивался. А чего? онъ и самъ не зналъ, чего.

Такъ онъ, напримѣръ, въ настоящій походъ дѣйствительно купилъ сыну и карандашъ и бумаги, дѣйствительно отвелъ его даже туда, откуда мальчикъ его могъ нарисовать и весь городъ и всѣ окрестности, — словомъ, Павелъ Кузьмичъ казалъ сыну своему весь полный міръ своихъ дѣтскихъ понятій, весь тѣсный кругозоръ людей дворовыхъ, такихъ же темныхъ и близорукихъ, какимъ былъ онъ самъ. Но, Боже мой! ты, образованный читатель, очень хорошо понимаешь и видишь, что тятенька въ своемъ темномъ невѣжествѣ ничего не могъ показать свѣтлаго и яснаго сыну! Водилъ онъ Васю, чтобъ показать ему механизмъ мельницы, водилъ онъ Васю, чтобъ показать, какъ куютъ желѣзо, какъ дѣлаютъ наконецъ свѣчи. Тятя былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что чѣмъ больше Вася увидитъ, тѣмъ больше узнаетъ. Но.... этими ли путями можно просвѣтить умъ чело-

вѣка? этого ли хотѣлось Васѣ? тверда ли была эта стопа, чтобъ идти къ свѣту, къ солнцу науки? — этихъ вопросовъ тятя рѣшительно не понималъ, рѣшительно даже и не подозрѣвалъ, что они существуютъ.... О бѣдный Павелъ Кузьмичъ!...

Одна только божественная идея, вложенная самимъ Господомъ въ темную голову невѣжды Павла Кузьмича, время-отъ-времени шевелилась въ умѣ его, — эта идея заключалась въ томъ, что Павелъ Кузьмичъ иногда подумывалъ: «поучу и и никакъ моего Василья грамотѣ, не будетъ ли въ этомъ проку?» Да и эта идея тотчасъ исчезала въ сомнѣніи пользы отъ грамоты, и даже временемъ страшила старика, когда онъ раздумывался о томъ, что сынъ его можетъ угодить и въ солдаты, какъ бо̀льшая часть изъ тѣхъ, которые черезчуръ переучились грамотѣ, а родомъ были тоже изъ его лакейской братіи.

Въ минуты сомнѣнія старикъ обращался-было за совѣтомъ къ своей подругѣ жизни, къ своей темной Мареушѣ; а Мареуша, только желавшая лучшаго своему любимцу Васѣ, но въ тоже время совершенно не постигавшая, въ чемъ это лучшее для человѣка, — тупо устремляя въ полъ или стѣну взоръ материнскій, полный думы, но не видѣвшій тамъ отвѣта — совѣтница Мареуша вяло и безжизненно отвѣчала на это Павлу Кузьмичу: «а Богъ знаетъ, какъ выйдетъ это дѣло; будетъ ли прокъ въ томъ? Иногда и ученый человѣкъ, кажись, да чортъ ли въ немъ! Дѣлай ты, какъ самъ знаешь, тебѣ это виднѣе». А между тѣмъ ей, какъ чадолюбивой мамынькѣ, представлялось тотчасъ, что ребенка будутъ мучить наукой, день-деньской тиранить за книгой, — она уже и теперь въ мечтаніяхъ видѣла только слезы Васи, которыхъ она никакъ не могла видѣть равнодушно, да еще подзатылины и постегиванія плетью, безъ которыхъ русская грамота и существовать не можетъ. И вотъ она такимъ грустнымъ хвостикомъ заканчиваетъ свою разбитую противоположными думами рѣчь: «по моему, кажись, такъ и рано еще сажать его за науку; пусть ужь десяточекъ-то дотянетъ; тамъ, пожалуй, можно и попробовать проучить чему нибудь; а-то теперь что еще за ученье? — онъ вѣдь младенецъ». И при этомъ обыкновенно мамынька вздыхала, тятя раздумывалъ, и у него выходило ни то, ни се. А между тѣмъ быстро мчалось время — и все впередъ, впередъ да впередъ.

А между тѣмъ мы сейчасъ видѣли, какъ самъ Вася кидался къ татѣ, видѣли, какъ восторженно-весело шелъ онъ туда, куда

велъ его тятя. Самъ Вася впередъ уже предчувствовалъ сердцемъ, что тятя покажетъ ему то, что̀ давно хотѣлось ему видѣть, что тятя разскажетъ ему то, что̀ давно хотѣлось ему слышать, что тятя наконецъ укажетъ ему и на то, къ чему онъ давно уже, но еще такъ темно, смутно и неопредѣленно стремился.

Мы сейчасъ видѣли, какъ вѣчно-живой Вася и вѣчно-задумчивый тятя шли вмѣстѣ по улицѣ. И къ удовольствію Васи, что тятя взялъ его съ собою, была еще такая нарядная, весело-смѣющаяся праздничная природа. А именно —

Была половина мая, полдень, и все улыбалось. Какъ пошелъ Вася съ тятей мимо Оленькина сада, увидалъ онъ что-то такое, чего онъ никогда прежде не видывалъ: увидалъ онъ, какъ ярко-зелено цвѣтутъ акаціи, какъ веселый вѣтерокъ играетъ ихъ листочками, а вѣточки обнимаются и шепчутся, будто радуются теплому утру. Всѣ птички словно смѣются; говорятъ, хвалятъ весну и красное солнышко. Кресты Божьихъ храмовъ, какъ звѣзды, блещутъ въ голубомъ небѣ. А небо — эта пучина радости и восторга — безпредѣльное, широкое, привольное и свободное, дышетъ прохладой и зноемъ, жизнью и любовью. Мотылекъ тонетъ въ его эфирѣ, рѣзвая ласточка носится въ его струяхъ, а тамъ чуть видный крошка-жаворонокъ вспорхнулъ и исчезъ въ его синѣющей лазури. Тамъ поетъ онъ свою чудную пѣсенку, оттуда слышится и льется она, чарующая насъ волшебнымъ звукомъ, и, жадно слушая ее и не наслушавшись, туда бы улетѣлъ и растаялъ въ голубомъ сіяніи, какъ черная точка-жаворонокъ. Туда хотѣла бы унестись душа ребенка Васи, такая же свободная, какъ небо, и такая же чистая и свѣтлая, какъ само солнце. Туда хотѣлось унестись ей, гдѣ не было ни тучки, ни облачка, ни пятнышка, гдѣ только солнце, какъ царь жизни и свѣта, стоитъ по срединѣ неба, любуется праздничной природой, а вокругъ него все живетъ, все блещетъ, все смѣется! Туда просилась душа ребенка, въ эту вѣчную свободу, отрѣшенную отъ всего земнаго и житейскаго, и Васѣ въ эту минуту хотѣлось плакать, хотѣлось даже молиться! И, какъ ребенку, все-таки было крайне весело.

— Эхъ, куда мы пойдемъ, вскричалъ весело маленькой Вася. — Высоко больно!

Онъ взглянулъ на лѣса новаго собора, смѣло пробѣжалъ первую лѣстницу; но взглянувъ внизъ, оробѣлъ, какъ ребенокъ, и остановился.

— Я боюсь, тятя; голова качается; ноги этакъ устанутъ,— пожалуй, упадешь еще....

— Экая, братъ, ты дрянь — ноги устанутъ! да объ этомъ и думать-то нечего: ты мальчикъ, а не дѣвчонка, — тебѣ молодцомъ слѣдуетъ быть.... иди, иди, нечего тутъ....

И тятя, за руку приподнимая кверху, тащилъ Васю, какъ окорокъ ветчины, а внизу болтались ноги и тоже представляли, будто идутъ вверхъ. По временамъ слышно было: «ну-ну-ну! этакой ты, братъ, лѣнтяй!» По временамъ только слышалось, какъ запыхавшійся и совершенно растрепанный ходьбой Вася силился вскрикнуть: «ухъ, какъ дѣлается высоко!»

Наконецъ самъ Павелъ, желавшій, чтобъ никогда и ни въ чемъ не уставалъ сынъ его, самъ Павелъ Кузьмичъ почувствовалъ, что Вася его дѣйствительно усталъ. Онъ велѣлъ сыну зажмурить глаза, чтобъ не кружилась голова, взвалилъ его на плечо, и хотя почувствовалъ, что Вася былъ вѣсомъ съ порядочнаго барана, упорно понесъ его вверхъ. Отцовское желаніе показать сыну-любимцу то, что крайне нравилось и самому Павлу Кузьмичу, это желаніе придало ему такія силы, что онъ борзо вознесъ Васю подъ самый куполъ и наконецъ остановившись, чтобъ перевести духъ, съ новою силою понесъ его еще выше, выше и выше... Лежавшій недвижно на плечѣ Вася, какъ было приказано, жмурилъ глаза и закрывалъ ихъ еще сверху ладонью отъ страха. Наконецъ старикъ торжественно поставилъ Васю на самомъ верху зданія и сказалъ: «ну, вотъ смотри теперь; видишь, братъ, какъ здѣсь славно!»

Вася испугался отъ восторга: онъ стоялъ на вершинѣ купола и какъ будто одинъ надъ всѣмъ міромъ. Внизу, какъ мухи, шевелился черный народъ, а лошади и телеги были такъ малы, какъ его игрушки. Весь городъ, всѣ улицы, всѣ дома какъ будто съ удивленіемъ смотрѣли на Васю; а самъ онъ никогда и не представлялъ себѣ ничего подобнаго: даже не воображалъ, что онъ когда-нибудь будетъ стоять такъ высоко. Высота имѣетъ чарующее обаяніе на человѣка; но такая громадная высота на ребенка должна была произвести вліяніе страшное, обхватывающее духъ ужасомъ, но все-таки полное величія и очарованія. Въ первое мгновеніе духъ ребенка объятъ былъ какимъ-то чуднымъ, выспреннимъ восторгомъ. Съ трепетаніемъ сердца, съ весельемъ и страхомъ обвелъ Вася удивленнымъ взоромъ окрестность — и ему представилось неви

данное и неслыханное, но диво-дивное, во мгновеніе ока унесшее его въ ту область мечтаній, гдѣ видѣлось ему и море, и городъ. Предъ нимъ въ первый разъ въ жизни развернулась картина, полная величія и красотъ природы.

Тамъ серебряной лентой тянулась Сибирка-рѣка, тамъ зеленымъ бархатомъ раскинулась степь, тамъ въ далекомъ туманѣ мелькали селенія и ярко сверкали бѣлыя ихъ церкви. Здѣсь Царь-рѣка, широкая какъ море, узорчатая какъ вышиванье, съ серебряными заливами и озерами, съ живыми лугами и островами, переметанными желтыми песками, съ красно-глинистыми, изрытыми, крутыми берегами и съ дальними сизыми и бѣлосіяющими горами, — все такъ было хорошо, что Васѣ оставалось только повторить : «ахъ, какъ здѣсь славно !»

И когда Вася опомнился отъ изумленія, онъ скороговоркой залепеталъ, прыгая и дергая за полу отца : «тятя , тятя! посмотри-ко, посмотри-ко : вонъ и мѣленка съ крылышками, куда мы ѣздили съ тобой къ куму-то; вонъ и кузница, гдѣ мы сивку-то ковали; а вонъ и Сибирка наша; вонъ плотина, гдѣ мы съ тобой раковъ-то ловили; а вонъ и плоты видно, — какіе маленькіе отсюда плотики-то виднѣются! а вонъ и озера — вонъ, вонъ — гдѣ сазанчики-то живутъ. Все видно отсюда! Ахъ, тятенька, тятенька! посмотри-ко! посмотри-ко! вонъ и домъ-то нашъ! Вò-онъ гдѣ сидитъ— вонъ! Колодецъ-то съ пѣтушишкой! а крыльчишко-то у Артамона Артамоныча какое маленькое отсюда. Да отсюда все видно до крошечки! какъ славно здѣсь! Я безпремѣнно, какъ приду домой, такъ все и нарисую. Хорошо вотъ Царь-рѣку-то нарисовать — какая славная она, точно море какое.... съ судами. Эхъ, какія они всѣ пузатыя! Что это на нихъ бѣленькое-то? а?«

— Это паруса, мой другъ, отхватилъ Павелъ Кузьмичъ, задумчиво всматриваясь въ окрестность.

— Паруса? а-а! славные паруса! прибавилъ Вася въ полномъ раздумьи, засмотрѣвшись на обширныя степи и на великолѣпную панораму рѣки-Царя.

— Ну, пойдемъ домой, сынокъ ! а?

— Ну, зачѣмъ?... погоди , я посмотрю еще.... затянулъ Вася элегическимъ напѣвомъ, на тотъ ладъ, какъ обыкновенно нищіе просятъ милостинку Христа-ради. — Эхъ, Царь-рѣка-то больно хороша, прибавилъ онъ со вздохомъ, какъ будто прощаясь съ великолѣпною рѣкою.

— Ну, сынокъ, хорошаго понемножку; посмотрѣлъ да и будетъ. Давай-ко тебя сюда, молвилъ лаконически Павелъ Кузьмичъ и, поддерживая Васю за плеча, началъ спускаться съ нимъ внизъ. Вася, разставляя вилами ножонки, пошаливалъ понемногу, гдѣ было можно, ухалъ тамъ, гдѣ оступался, покрикивалъ для смѣлости, гдѣ было боязно, и такимъ образомъ незамѣтно доползъ до земли.

Всю дорогу лепеталъ Вася безъ умолку, дѣлалъ множество своихъ ребячьихъ замѣчаній, и изъ всей болтовни ясно было видно, что все видѣнное имъ необыкновенно ему нравилось, и что онъ бесѣдуетъ теперь съ отцомъ въ самомъ лучшемъ расположеніи духа.

— Тятя! я вотъ что скажу тебѣ, говорилъ онъ, захлебываясь воздухомъ отъ удовольствія: — я какъ приду домой теперича, сейчасъ и разскажу мамѣ, куда мы съ тобой ходили. Больно славно паруса-то!... Эхъ, какіе!... такъ и идутъ по водѣ-то бѣгомъ! — Я и Ванѣ нашему разскажу, гдѣ я былъ съ тобой — высоко! — а? — разсказать?...

— Ну, мнѣ что? разскажи.

— Разскажу и Ванькѣ-курносику.... Тятя! а что это бабушка-Сидориха все говоритъ вонъ сказку объ Иванушкѣ-дурачкѣ? развѣ Ваня-то дурачокъ у насъ? а?... тятя?...

— Нѣту, братецъ, когда дурачокъ? онъ только кажется дурачкомъ, потому что мало понимаетъ; а то когда дурачокъ? вѣдь и ты былъ этакимъ же....

— Да что же это, тятя, Сидориха-то сказываетъ: Иванушка, говоритъ, дурачокъ сивку-бурку поймалъ; и Іоновна тоже разсказываетъ все объ Иванушкѣ?....

— Да вѣдь это, братецъ, не объ нашемъ, — это только такъ сказка сказывается — изъ сказки слова не выкинешь: так[illegible] это вѣдь о другомъ Иванушкѣ-дурачкѣ; тотъ мужикъ былъ с[illegible] волапикъ.

— А! ну, я такъ и думалъ, что другой, а не нашъ.... На[illegible] умненькій будетъ, а не дурачокъ. — Тятя! я вчера Ванѣ-то на[illegible] шему подставлялъ галченка-то голопогаго — шустраго-то, ч[illegible] ты все французомъ-то зовешь; а онъ его и гладитъ.... Ваня-т[illegible] взялъ да и погладилъ его...

— Ну, этого, братъ, не надобно дѣлать — рано еще. Ты п[illegible] годи, дай вотъ сперва Ванѣ нашему подрости немножечко, [illegible] поправиться: французъ твой мерзавецъ, онъ и глаза-то ему в[illegible]

выклюетъ; такъ слѣпымъ и сдѣлаетъ ребенка.,.. видѣть ничего не будетъ Ваня, — да!

— А-а!... ну, я не стану француза подставлять къ Ванѣ. А вотъ что, тятя, я хочу.... голубочка можно подпустить къ нему приласкаться?

— Ну голубочка еще ничего: это птица тихая. Вотъ когда подростете съ Ваней, я вамъ и заведу пару голубковъ нѣмецкихъ; они и будутъ около васъ ворковать.

— Ахъ! хоть бы скорѣе, Господи, ужь вырости!... А вотъ что, тятя, еще: на Пальмерстона можно садить Ваню верхомъ?

— Э, нѣтъ! это стара-штука, чтобы Пальмерстошка допустилъ васъ ѣздить на себѣ верхомъ, — это, братъ, дудки! Ты вѣрно забылъ, какъ онъ въ старые годы разъ тебя гамкнулъ? Къ нему совсѣмъ не нужно подходить близко: это собака злобная, — чуть что не по ней, такъ она опять такъ васъ хватитъ, что вы и своихъ-то не узнаете! Да!

— Э-э!... ну, пожалуй, я ужь не стану подходить.

— Да и не совѣтую, если хотите остаться цѣлы.

— Ну, не будемъ ужь....

Такъ незамѣтно дошелъ Вася до дому. Очаровательный Олинпъ исчезъ, но не исчезла мысль о немъ; она усилила только дѣятельность ребенка.

Едва успѣлъ Вася дойти домой, какъ-то особенно торопливо сбросилъ сюртучишко и картузъ, которые мѣшали ему производить задуманные дорогой работы.

Онъ уже давно забылъ намѣреніе срисовать городъ или разсказать все мамѣ. Пока шелъ домой, у него явились уже десятки новыхъ плановъ и желаній.

По приходѣ, онъ тотчасъ размежевалъ дворъ, провелъ прямые улицы, набилъ кольями заборы, наставилъ кирпичей, и углемъ и мѣломъ разрисовалъ на нихъ окна и двери, и назвалъ ихъ каменными домами; наклалъ тутъ же чурокъ, и назвалъ деревяннымъ строеніемъ; насадилъ кругомъ травы бѣлены съ дурманомъ, и назвалъ это загородными садами, и даже нагребъ въ уголокъ кучку сору, чтобъ она издали представляла подгородную Параньину деревню. И вотъ, на барскомъ дворѣ, у клѣвушка, на одной квадратной сажени, не болѣе какъ черезъ часъ выстроился цѣлый губернскій городъ Сибирь, со всѣми его соборами и заборами, монастырями и пустырями, сухими бульварами и мокро-гнилыми тротуарами, по всѣмъ правиламъ топор-

ной доморощеной архитектуры. Но впереди еще много было работы. Вася составилъ проэктъ непремѣнно складть и новый свой собственный соборъ. А какъ для этого потребно было много матеріаловъ, то посмотрѣли бы вы, какъ онъ работалъ: онъ самъ былъ зодчій, мастеръ, каменьщикъ, плотникъ, водовозъ, лошадь! и вѣроятно думая только о томъ, чтобъ зданіе было на славу, безо всякихъ подрядовъ дворянскихъ и обрѣзныхъ мѣстъ казенныхъ, съ улицы, отъ кухни, съ задняго двора, отъ бани, стаскалъ въ кучу всѣ кирпичи, камни, чурки, склянки, кости, и изъ всего этого принялся воздвигать громаду.

Работа кипѣла, за то ужь и платье и обувь горѣли. И вотъ черезъ три дня соборъ былъ совершенно оконченъ, и не только деревянный крестъ изъ лучинокъ торчалъ на верху, даже вмѣсто иконостаса былъ установленъ внутри лоскутокъ цвѣтной зеленой бумаги, съ прорѣзанными окошечками для святыхъ. Оленька и Матюшка, Ванька-рыжій и дѣти Богдана Иваныча-столяра, всѣ сосѣдніе мальчишки и даже Акулька-босоногая, въ видѣ царицы Савской, — всѣ приходили подивиться на великолѣпный храмъ. Всѣ хвалили Васю, — Вася былъ въ восторгѣ. Самъ звонилъ ртомъ въ большой колоколъ: бумиъ-бумиъ! и трезвонилъ: тилимъ-помъ! Самъ возглашалъ низкимъ басомъ многолѣтіе, самъ пѣлъ: «Господи помилуй» и «аминь», даже бралъ на себя исполнять должность дьякона и священника, и всѣхъ больше припадалъ къ землѣ, всѣхъ больше ползалъ на локтяхъ и на колѣнкахъ, всѣхъ больше рвалъ брючишки и сапожишки.

Вдругъ онъ почувствовалъ, какъ будто кто-то обжегъ его сзади, обернулся,—а мамынька съ грознымъ лицомъ и плеткой говоритъ надъ нимъ:

— Я тебѣ запрещала, каналья, чтобъ ты не пѣлъ божественнаго, когда играешь; я тебѣ, разбойнику, говорила, чтобъ ты не смѣлъ даже звонить — это не твое дѣло; говорила я тебѣ, или нѣтъ?

Вася всталъ съ удивленіемъ и посмотрѣлъ въ глаза мамынькѣ.

— Говорила я тебѣ, чтобъ ты не валялся и не рвалъ на себѣ платье? давно ли я его чинила? а? Посмотри-ко на себя, на что ты сталъ похожъ, оборванецъ ты этакой? а?...

— Да что, я вѣдь ничего....

— А-а? ничего еще?... Ну, такъ и я ничего....

Вася не успѣлъ мигнуть, какъ маменька вздѣла ему на шею хвостикъ плетки и потащила его, какъ плѣнника заарканеннаго къ себѣ въ избу, привязать къ столу на сахарную бичевку, гдѣ обыкновенно тиранили Васю, то есть заставляли молчать, не плакать, не чесаться, сидѣть прямо, и даже не ковырять въ носу. Ужасное положеніе! истинно ужасное положеніе для Васи, свободнаго какъ вѣтеръ и изобрѣтательнаго на шалости какъ вѣтреная жена передъ мужемъ.

А за что?—Да за то: не ходи пузато, не носи двойни!—именно такъ. На вопросъ: за что? здѣсь, мнѣ кажется, только и можно отвѣтить такой чепухой, ибо и всѣ мы не разрѣшимъ вопроса: за что, въ самомъ дѣлѣ, былъ засаженъ на веревку мальчикъ?—Платье его рвалось, потому что сильно производились работы; а работы сильно производились потому, что сильно производилъ ихъ духъ и тревожная дѣятельность ребенка; а тревожную дѣятельность ребенка безпрестанно разжигалъ самъ отецъ. Въ чемъ же виноватъ здѣсь Вася? Да какое до всего этого дѣло мамынькѣ?— мамынька запрещала Васѣ, чтобъ онъ не пѣлъ божественнаго? — ну, и не пой; мамынька запрещала Васѣ, чтобъ онъ не рвалъ на себѣ платье?—ну, и не рви! Не послушался мамыньки?—вотъ и досталось! Мамынькѣ некогда заниматься глупостями: думать еще о тревожной дѣятельности своихъ ребятишекъ, когда у ней и своей тревожной дѣятельности съ излишкомъ: у ней вонъ и кофей перекипѣлъ, да и черти гости опять наѣхали. Очень достаточно, что третьяго дня вечеромъ, послѣ полуночи, утомленная дневной бѣготней, засѣла она еще на цѣлые часы и принялась дошивать Ванину рубашонку, да выставлять Васѣ на колѣно четырехъ-угольную заплатку, въ видѣ арестантской мѣтки; а Вася ужь опять выдралъ эту заплату? — ну вотъ мамынька выдеретъ за это его самого съ досады; потому что мамынькѣ некогда же заниматься только вѣчнымъ чиненіемъ твоихъ штанишекъ: къ ней вотъ опять ѣдутъ еще гости опять пить да ѣсть! — Вотъ за все за это бѣдный Вася и сиди на цѣпи по-собачьи! Что дѣлать! мамынька заковала. А за что? — ну попробуй-ка сдѣлать такой вопросъ, такъ, пожалуй, и самъ тятя спуститъ еще шкуру дудкой!—А за что?— Да такъ—здорово живешь. За то, конечно, что Господь-Богъ сдѣлалъ ихъ родителями, да отдалъ имъ Васю въ дрессировку.

На нынѣшній разъ и дрессировка-то была всѣхъ разовъ хуже: Васю даже не спустили съ цѣпи до прихода отца съ охоты.

Былъ уже поздній вечеръ, когда Евтушка залаялъ на дворѣ, голосъ отца послышался въ сѣняхъ,—у Васи ёкнуло сердце.

Какъ стыдно было ему въ эту минуту, какъ боялся онъ взглянуть на дверь, въ которую долженъ былъ войти тятя, какъ неловко было ему съ веревкой на шеѣ (какъ будто бы онъ не зналъ даже причины, за что было дано ему такое украшеніе на шею); ему даже неловко было взглянуть на тятю, который вездѣ бралъ его съ собой и все ему показывалъ, который такъ ясно растолковывалъ ему, что̀ стыдно и что̀ не стыдно, который, наконецъ, такъ нѣжно любилъ и ласкалъ кроткихъ и скромныхъ дѣтей Ивана Богданыча-столяра и такъ ненавидѣлъ и шугалъ разбойника рыжаго Ваньку, да такъ шугалъ, что тотъ часто леталъ отъ него турманомъ съ забору. Все представилъ себѣ Вася въ эту горькую минуту; представилъ даже, что онъ теперь, съ веревкой на шеѣ, какъ будто и самъ помахиваетъ на Матюшку-разбойника, и тятя его будетъ такъ же ненавидѣть и такъ же шугать.

И ко всему этому еще тяжело ныло сердце этого бѣднаго мальчика: ныло оттого, что на него такъ осерчала нѣжная его любящая мама; ныло еще болѣе оттого, что мама ничего съ нимъ не говорила, мама даже грозила разсказать все отцу; ныло оно еще болѣе оттого, что и тятя наконецъ на него осерчаетъ такъ же, какъ милая мама. И вотъ какъ будто весь любящій его міръ оторвался отъ его нѣжно-любящаго сердца, и оставался онъ одинъ-одинокій, не любимый въ эту минуту даже и самимъ тятей, и самой милой мамой! Это ужасно!

Послѣ этого раздумья Васѣ стало еще грустнѣе, такъ что онъ наклонилъ голову, какъ будто хотѣлъ свой маленькій носишко воткнуть въ столъ или себѣ въ брюхо.

Еще грустнѣе стало Васѣ, когда Евтушка, нисколько не предчувствовавшій Васина несчастія, вбѣжалъ борзо съ ягташемъ, лизнулъ три раза Васю по мордочкѣ, вильнулъ ему хвостомъ въ знакъ свиданія, и обнюхивая его кругомъ, еще и веселился.

Еще стыднѣе стало Васѣ, когда, вслѣдъ за Евтушкой, вошелъ и самъ отецъ, довольный охотою и совершенно веселый и ласковый.

— А, сынокъ! ты здѣсь? Какого, братецъ, я тебѣ гостинца принесъ, — смотри-ко: вотъ славная какая штука-то! (И тятя выворотилъ изъ ягташа ежа, который поползъ по комнатѣ, какъ

баринъ въ зимнемъ дорожномъ платьѣ.) А ты, братецъ, и не встрѣтилъ меня сегодня? Хорошъ, голубчикъ!...

— Да какъ ему встрѣтить-то? ты посмотри-ко на него! зарычала сурово сердитая мамынька.

— Ба! это что значитъ? Ты никакъ на веревочку зацѣпленъ? а?... За что это, мать? а? Разскажи-ко, братъ!

Вася заплакалъ.

— А я еще-было и гостинца принесъ, какъ порядочному человѣку.

— Я отъ него совсѣмъ отступаюсь, и вотъ тебя только ждала: нечего съ нимъ больше биться — ни платья, ни обуви, ничего на него, разбойника, не наготовишься, — все какъ огнемъ *горитъ* на немъ; просто засади ты его, головорѣза, учиться!

И это страшное слово «засади» съ такимъ скрежетаніемъ зубовъ прошипѣла мамынька, что Васю будто спрыснуло холодной водой, такъ что волосенки поднялись на макушкѣ, и у Васи второпяхъ мелькнула страшная мысль: «этакая бѣда стряслась надо мной; упрячутъ вѣрно меня, голубчика, подальше, нежели въ острогъ. Вонъ какъ мама зубами-то скыркнула».

А когда отецъ, снимая долговязые сапоги охотничьи, прибавилъ: «что же? это недолго сдѣлать: отецъ вонъ крестный здѣсь; попросить его ужо — вотъ и только», — Васю обдало варомъ и онъ горько заплакалъ.

— Ну, а ты молчи, братъ, пока цѣлъ; не битъ еще, такъ не напрашивайся; а то вѣдь ты знаешь меня, я, пожалуй, и прутомъ попотчую какъ-разъ.

Вася зналъ обычаи отца: наскоро вытеръ слезы кулакомъ, чтобъ угодить ему, пересталъ даже всхлипывать, подумывая: «вѣдь онъ любитъ, когда я слушаюсь, — ну, авось взмилуется и не засадитъ меня учиться? А то какъ бы совсѣмъ забылъ, вотъ бы штука-то славная, — это еще бы лучше было». И при этомъ Вася пришипился, совершенно замолчалъ и языкомъ досталъ со щеки остальную слезу.

Но и это не помогло; дѣло было совершенно кончено. Вечеромъ же Павелъ Кузьмичъ передалъ куму Ѳедосѣю Лупычу давно желанную мысль — поучить маленько Васю грамотѣ. А кумъ былъ такой злодѣй противу Васи, что тотчасъ же съ-разу и сказалъ: «дѣльно ты, кумъ, придумалъ; право, дѣльно. Я давно и самъ хотѣлъ тебѣ посовѣтовать; что мальчишкѣ повѣсничать? Наука, братъ, какъ тамъ ни говори — дѣло доброе».

«Вотъ, вотъ онъ, тотъ отвѣтъ, котораго я добивался отъ кого нибудь!» подумалъ Павелъ Кузьмичъ, глубоко вздыхая.— «А въ самомъ дѣлѣ, что мальчишкѣ повѣсничать? Вѣдь онъ правду говоритъ,—человѣкъ онъ умный, на вѣтеръ слова не выпуститъ. Попытать никакъ — приняться ужь и мнѣ за мальчишку, — чего еще откладывать дальше?»

И тятя тотчасъ принялся просить крестнаго вплотную:

— Пожалуйста ужь, куманекъ, сдѣлай такую божескую милость, не оставь.... Я ужь тебѣ....

— И не проси, кумъ, нечего тутъ еще.... Вѣдь ты меня знаешь! Просто приводи его завтра — да и дѣло съ концомъ. Свои люди — вѣдь какъ нибудь сочтемся.

Тятя послѣ того безотвѣтно и глубоко задумался.

— Ну, буди его святая воля!... сказалъ онъ наконецъ, и сильно махнулъ правой рукой.

ГЛАВА IV.

— Что, братъ, промыслилъ еще?... молодецъ! говорилъ утромъ Павелъ, похваливая кота Ваську, который волокъ по избѣ крысу величиной съ борова.—Чортъ, не кошка!... продолжалъ онъ, обращаясь къ куму Аскалону, съ которымъ уговорился идти вмѣстѣ на базаръ:—одни усищи чего стоятъ! право, лучше Лешинскаго, который ѣздитъ къ господамъ, — не правда ли, кумъ?—У того какъ-то, точно лошадиные хвосты, внизъ висятъ по обѣимъ сторонамъ, а это — съ брызгомъ, канальство! во всѣ стороны такъ фонтаномъ и свищутъ! э!... и глаза зеленые! шельма-котъ!... — Ну, пойдемъ.

И полюбовавшись на красоту Васьки съ крысой, тятя съ кумомъ ушли.

Вася всталъ попозднѣе, покормилъ своихъ голубятъ, остригъ даже для разнообразія хваленые усы съ брызгомъ и только было принялся за завтракъ, подбрасывая безусому своему пріятелю разваренное въ мочало клочье говядины,—отецъ возвратился съ базару.

—А что, гостинца-то принесъ, что-ли? спросилъ весело Вася, по старой привычкѣ.

— На-ко вотъ тебѣ гостинецъ, выговорилъ ясно тятя и при

этомъ какъ-то особенно ловко выхватилъ изъ-за пазухи и козырнулъ красной азбукой, прихлопнувъ по столу.

Васю какъ будто чѣмъ-то жегнуло, и онъ оторопѣлъ и осовѣлъ.

— Бери да помни, продолжалъ отецъ: — «ученье, братъ, свѣтъ, а неученье тьма», говорятъ люди умные; да при этомъ ужь не забывай и того, что за ученаго даютъ двухъ неученыхъ. — Пойдемъ-ко вонъ къ крестному.

— Кись-кись-кись! раздалось жалобно, и Вася при этомъ засунулъ говову подъ столъ, думая хоть ласками къ коту нельзя-ли отдѣлаться отъ неотвязчиваго тяти съ азбукой. Ничего не бывало: тятя тотчасъ возвысилъ голосъ и заговорилъ покруче:

— Слышишь, что-ли? Я вѣдь не объ кошкахъ съ тобою говорю, а объ ученьи; ты вѣдь очень хорошо знаешь, какъ меня не слушаться: кошку-то я сегодня удавлю, а тебя-то отпорю, тѣмъ и кончатся твои кошачьи затѣи.

Тятя на этомъ было и остановился, но къ несчастію взглянулъ на кота.

— Вона! вѣдь этакой ты сквернавецъ! и когда ты успѣваешь сочинять свои гадости? Посмотри-ко: какого ты чорта изъ него устроилъ? а?... для какой, напримѣръ, надобности выстригъ ты ему морду? Гдѣ у него усы теперича? на что онъ сталъ похожъ? Скажи ты мнѣ на милость, разбойникъ, когда ты перестанешь у меня озорничать надо всѣмъ? Что это такое? а?...

И неотвязчивый тятя выхватилъ изъ-подъ лавки испуганнаго, ощетинившагося кота, и выставилъ его, обдѣланнаго по-модѣ, на-показъ передъ Васей, тряся и допрашивая: «что это такое? — Или тебя только на пакости и держать въ домѣ? Смотри-ко! вѣдь ты совсѣмъ испортилъ кошку-то!»

— Да будетъ ужь.... заговорила тихо мама.

— Что «будетъ ужь?»—Смотри—не жалко-ли?...

— Не жалко, а вспомни, куда ты его ведешь? отвѣтила грустно мама.

— Ну да, чего и говорить! не на висѣлицу ли его ведутъ, разбойника? а ты заплачь. Какъ-же! вѣдь въ каторжную работу его хотятъ — учиться.

— Не въ каторжную; а все ребенку съ непривычки-то не тово.... неловко; дай ужь ему сначала-то пообглядѣться.

— Ну да, побалуй, на свою шею: онъ тебѣ сядетъ верхомъ со временемъ!—Тятя замолчалъ.

А Вася безотвѣтно сталъ выползать изъ-за стола и чуть-чуть не со слезами сталъ медленно собираться къ крестному въ ученье. Сама мама взялась его одѣть и проводить учиться. Во все время сборовъ она ободряла сынка по-матерински, вычисляя при этомъ всѣ великія пользы отъ знанія расейской азбуки, даже развернула передъ нимъ картину: какъ будетъ славно, когда онъ сдѣлается ученымъ и ей, какъ мамѣ, первой прочитаетъ всю свою азбуку.

На все на это Вася только сопѣлъ и молчалъ.

— Ну, съ Богомъ, съ Богомъ, полно окошеливаться; да харю-то, братъ, перекрести, вспомни куда идешь, отхватилъ тятя на-дорожку.—И вслѣдъ за этимъ мама, вмѣсто лба, перекрестила уходящаго изъ избы сына сзади и пошла за нимъ проводить его въ сѣни.

Крестный, какъ управитель и прикащикъ, жилъ на антресоляхъ въ домѣ; а родной, какъ дворецкій, въ избѣ.

Долго-бы мнѣ пришлось разсказывать, почему именно крестный жилъ въ барскихъ хоромахъ, повыше, а родной въ избѣ, пониже. Достаточно, если въ настоящую минуту я очеркну портретъ Ѳедосѣя Лупыча, крестнаго, и представлю его читателю. Извѣстно, что самый лучшій портретъ человѣка пишется тѣми людьми, которые его окружаютъ. О крестномъ крестьяне, которыми онъ управлялъ, говорили единогласно: «это золотой человѣкъ, Ѳедосѣй Лупычъ—такая тишь божія, что не замутишь ее и водой; дай Господи, чтобы и внучатами-то нашими онъ же правилъ». Самый староста, который болѣе всѣхъ сталкивается съ управителемъ, и тотъ отзывался о Ѳедосѣѣ Лупычѣ передъ бариномъ въ такихъ лестныхъ выраженіяхъ: «смиреніе, батюшка, ангельское, чего ужь и говорить; отъ него не то что брани, а слова-то никогда не дощупаешься, и все единственно теперича, что нѣтъ его;—скажетъ только изрѣдка: «ха-ра-шо», да и все тутъ». Старостиха была отмѣнно довольна тѣмъ, что Ѳедосѣй Лупычъ не талекъ ея, ни холстовъ въ руки никогда не биралъ. Ключница была крайне довольна тѣмъ, что Ѳедосѣй Лупычъ яицъ у ней не считалъ. Мѣсячинные были довольны тѣмъ, что Ѳедосѣй Лупычъ даже и дровъ барскихъ таскать не запрещалъ. Ничѣмъ и никогда недовольная дворня была такъ же довольна тѣмъ, что Ѳедосѣй Лупычъ махнулъ ужь на нее рукой. Наконецъ послѣ дворни всей, сама Іоновна, и та оказалась довольна Ѳедосѣемъ Лупычемъ; она даже хвалила его, называя хорошимъ человѣ-

комъ, за то, что у него всегда въ рожкѣ есть замореный табакъ. Сами исправникъ и становой, и тѣ единогласно свидѣтельствовали, что крестный — человѣкъ исправный, къ тому же непьющій и знающій свое дѣло, даже и по письменному кое-что, а посему и на деревнѣ у него всегда обстоитъ благополучно. Попъ деревенскій говорилъ, что онъ такого человѣка и отродясь не видывалъ; онъ даже не видывалъ, чтобы крестный читалъ какую нибудь другую книгу, окромѣ божественной, а святое писаніе, такъ, говоритъ, знаетъ, не хуже меня грѣшнаго, и всю чети-минею словно проглотилъ: о чемъ съ нимъ не заговори, — это, говоритъ, вотъ гдѣ прописано, да сію минуточку и отыщетъ. Даже сосѣдъ по деревнѣ, и тотъ отзывался удовлетворительно: и тотъ говорилъ, что крестный не зазнаишко, и знаетъ самъ, которая спица въ колесницѣ, и всегда стоитъ безъ шапочки передъ бариномъ чужимъ, а въ воскресенье такъ даже и съ праздникомъ приходитъ поздравить. Дворня сосѣдская торжественно утверждала, что Өедосѣй Лупычъ не только никогда ничего не говоритъ, а будто и рожденъ собственно только затѣмъ, чтобы всю жизнь свою поздравлять съ праздникомъ да сопѣть. Поэтому вся сосѣдская дворня и сговорилась называть его «сопѣлкой», и даже, увидя его, добавляли: «а вонъ, ребята, сопѣлка идетъ съ праздничкомъ поздравлять.» Самыя старухи изъ сосѣдней деревни утверждали съ божбой, что Өедосѣй Лупычъ большой божественный грамотѣй: по этому самому и ходитъ онъ такъ важнительно, какъ отецъ благочинный. А для насъ онъ удивителенъ тѣмъ, что бывши человѣкомъ русскимъ, и къ этому еще управителемъ, онъ не только не пилъ водки, даже не пилъ и чаю! Наконецъ о крестномъ самъ Василій Иванычъ отзывался дворецкому Павлу въ такихъ выраженіяхъ: «онъ, братъ, у насъ человѣкъ грамотный, такъ ему и книги въ руки: ты вотъ купи тамъ чего понадобится, къ столу господскому, а онъ тебѣ счетецъ-то и сведетъ; ты, поди, я чай, иной разъ и надъ пятакомъ голову-то ломаешь Богъ знаетъ сколько, а ему, братъ, такъ и рубли плевка стоютъ. Я, вонъ, съ позволенія тебѣ сказать, и самъ вѣдь глуповатъ временемъ бываю на счетахъ-то, что̀ прикажешь дѣлать? Иной разъ, словно тумана̀ тебѣ въ глаза-то насядетъ какая-то, музюкаешь, музюкаешь, чортъ знаетъ что выходитъ, — чепуха какая-то, дербедень; а онъ, вонъ присядетъ только: щелкнетъ раза два по счетамъ, у него и готово, какъ пить дастъ. А отчего? — конечно оттого, что все-таки ученый человѣкъ,

хоть онъ на мѣдцу учился, да Богъ его надразумилъ, значитъ».— На что Павелъ обыкновенно отвѣчалъ только вздохомъ или такою рѣчью: «Истинную правду изволите говорить, батюшка Василій Иванычъ; само-собою ужь разумѣется, что человѣкъ грамотный не нашему брату чета—съ позволенія вашего сказать — олуху царя небеснаго; что ужь и говорить объ этомъ самомъ.»

И безграмотный Кузьмичъ смиренно покорялся грамотному Лупычу, а въ настоящую минуту такъ даже чувствовалъ и милость, которую Ѳедосѣй Лупычъ хотѣлъ оказать Васѣ.

Между тѣмъ Вася съ поникнутой головой, какъ озабоченный чиновникъ, и съ красной азбукой, вмѣсто портфеля, шелъ черезъ дворъ. Тятя, какъ на-смерть, велъ его учиться, а мама, желая сердцемъ благословить его на доброе дѣло, съ рукой, положенной на сердце, стояла въ сѣняхъ за косякомъ, и однимъ глазомъ выглядывала на медленную походку сына, подумывая: «дай ты Господи, чтобъ изъ этой науки вышло что нибудь путное».— Іоновна, скорчившись, тоже посматривала изъ-за плеча мамы, какъ будто для пополненія картины, и даже на вопросъ Анхимыча: «чего это вы тамъ разсматриваете?» — дрожащимъ голосомъ вывела грустно: «да вонъ золотаго Васиньку повелъ отецъ учиться.»

А между тѣмъ Вася уже тяжеловѣсно ступилъ на то крыльцо парадное, на которое сразу и весело вбѣгалъ когда-то. Когда-то само бѣжалось потому, что Вася бѣжалъ туда, чтобы поиграть съ Жужуткой, получить конфетку, напиться кофею и съ удовольствіемъ поглазѣть на свѣтлыя барскія хоромы да послушать пріятныхъ барскихъ рѣчей. А теперь? — Ну, теперь не бѣжится. Ноги подкашиваются, когда задумывается Вася о томъ, что онъ идетъ учиться.

А кажется самое обыкновенное явленіе въ жизни человѣческой—учиться, и если разобрать подробно жизнь человѣка, такъ мы придемъ къ такому заключенію, что онъ отъ первой минуты его рожденія до послѣдней его минуты на землѣ — всю жизнь учится. Что же это такое значитъ, что ребенку не хотѣлось учиться?

«Да вѣрно лѣнтяй будетъ мальчишка», рѣшитъ цѣнитель, быстрымъ взглядомъ оцѣнивающій способности дѣтей. И это, по моему, справедливо, потому что вѣчно-закормленный русскій мальчикъ всегда почти неохотно ходитъ въ школу. Справедливѣе всего конечно укорять русскаго человѣка въ лѣности и не-

радѣніи; трудно только отыскать въ немъ причину: отчего у него эта лѣность и нерадѣніе? Такъ и въ настоящемъ положеніи, разсматривая строго состояніе ребенка, я не рѣшусь укорить его въ лѣности и нерадѣніи, хотя на самомъ дѣлѣ и дѣйствительно налегли на него уже лѣность и нерадѣніе. Посмотримъ лучше причины, почему именно не хотѣлось учиться Васѣ.

Хорошо осуждать со стороны лѣность и нерадѣніе ребятишекъ тѣмъ, кто уже выучился почти жить и служить; но каково-то моему милому и живому Васѣ? Онъ еще вѣдь идетъ только учиться. Да и нейдетъ еще, а ведутъ, да и ведутъ-то куда, если бы вы знали!

Васъ, напримѣръ, кто училъ? — ужь вѣрно гувернантка или учитель по урокамъ? Ну вотъ изъ этого и слѣдуетъ, что вы ровно никакого не имѣете понятія о томъ, какъ будетъ учиться Вася. Да если бъ даже я и началъ трактовать съ вами о томъ: на сколько было живо ваше ученіе иностранное, и какая ужасная и убійственная мертвечина родное ученіе Васи, то мнѣ пришлось бы откровенно сознаться въ томъ, что въ моемъ любезномъ отечествѣ все хорошо, кромѣ азбуки, и во всемъ далеко ушли мы, кромѣ русской грамоты. Французъ д'Аббе хотя и былъ французъ убогій, онъ все-таки сдѣлалъ ваше иностранное ученіе на сколько нибудь живымъ и интереснымъ; а Ѳедосѣй Лупычъ самое живущее и самое близкое душѣ, животрепещущее ученіе— нашу родимую славянщину, и ту, матушку, такимъ сдѣлалъ для Васи трупомъ, отъ котораго на версту пахнетъ лѣнью, скукой, безъинтересностію и безтолковостью. Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ, вы даже не можете себѣ представить, какъ будетъ учиться Вася!

Это что за ученье, когда гувернантка предъ обѣдомъ возьметъ васъ въ садъ, да дорогою отъ скуки выучитъ съ вами шутя пять-шесть французскихъ словъ; это что за ученье, когда учитель по урокамъ, три-раза въ недѣлю, какъ комета съ фрачнымъ хвостомъ, пробѣжитъ чрезъ вашу классную, луной улыбнется гувернанткѣ и опять исчезнетъ, да и исчезнетъ-то такъ, что даже не затронетъ вашего дѣтскаго любопытства, и вы даже не спросите никого: зачѣмъ онъ къ вамъ приходилъ?—Развѣ ужь напомнитъ вамъ его гувернантка-же.

Это что за ученье, которое все заключается въ сшиваніи да обрѣзываніи тетрадей, да въ вѣчномъ линованіи и приготовленіи ихъ къ классу, да въ красивомъ уставливаніи чернилицы, да

въ заготовленіи тряпочекъ для учителя, да въ размачиваніи перышковъ въ стаканѣ, да въ построеніи пирамидъ изъ книгъ передъ приходомъ мимолетнаго учителя по урокамъ, да развѣ еще въ бѣготнѣ за грифелями и карандашами во время класса.—Это что за ученье?—это все игрушки.—У Васи — вотъ такъ ученье! Это что за ученье, когда сама «маманъ» тащится въ классную и, прикладывая пуховую ручку къ головкамъ своимъ любимцевъ Кокò, Жакò и Никò, съ сокрушеніемъ сердца выговариваетъ: «мистриссъ Бёркъ, поводите дѣтей по чистому воздуху.» Вотъ наука, когда сама мамынька говоритъ тятенькѣ: «ну-тко, отецъ! засадитка, говоритъ, его вплотную.» А тятенька, изъ угожденія мамынькѣ, такъ присадитъ за науку свое родимое чадо, что тотъ, бѣдный, по цѣлымъ днямъ не сползаетъ съ мѣста, сидя въ душной избѣ, скорчившись надъ книгой. Вотъ это ученье! А тамъ что — такъ, забавы!

Хорошо вамъ было, когда мистриссъ Бёркъ, изъ угожденія вашей маменькѣ, водила васъ съ утра до вечера все на Конюшенномъ бульварѣ по чистому воздуху; хорошо было, что ваша заботливая гувернантка съ учителемъ такъ и сторожили, какъ любопытное небесное явленіе, стрѣлку часовъ, и когда ваши аккуратные нѣмецкіе часы еще только шипчали колесами и собирались пробить двѣнадцать, — вы уже стремглавъ, вмѣстѣ съ вашей гувернанткой, летѣли съ верхняго этажа въ Усачовъ переулокъ или на Гороховую пользоваться чистымъ воздухомъ передъ обѣдомъ. Нѣтъ, поучились бы вы хоть денекъ такъ, какъ учился Вася, — ну, тогда и вы узнали бъ, чтò такое коренная-то наука?

Тамъ не было этихъ пустяковъ: «этотъ, говоритъ, часикъ поучись, да два погуляешь; часикъ, говоритъ, за фортепьяно посиди, да два потанцуешь для моціона»; нѣтъ, тамъ просто все было на чистоту: захотѣлось танцовать—танцуй подъ плеткой; захотѣлось гулять—гуляй задами по азбукѣ. Вотъ это наука!—А эти бестолковые часы, которыхъ Вася не понималъ и не допытывался — они и въ комнатѣ-то висѣли только для общаго безпорядка: вѣчно съ оборванными гирями, вѣчно съ повиснувшей внизъ стрѣлкой, они уже шесть лѣтъ показывали все только шесть часовъ. Слѣдовательно здѣсь на часы была надежда плоха; а какъ сказала мама утромъ: «тебѣ пора, сыночекъ, никакъ и учиться? теперь поѣлъ, ступай, голубчикъ!» — Ну и ступай, голубчикъ: значитъ, пора, когда сказала сама мама. А тамъ, какъ

пришелъ въ ученье, сядь да приклейся къ стулу, перекрестись, какъ обѣдня въ колоколъ, да и мели языкомъ до тѣхъ поръ, пока не придетъ другая пора: крестный возвратится съ базару и, соскучившись слушать чепуху, скажетъ: «ну, шабашъ; теперь ѣсть, братъ, пора, — ступай домой.» Хорошо еще, что Вася самъ былъ догадливъ: по солнышку иногда сталъ допытываться — скоро-ли отпуститъ? Да какъ пошлютъ, бывало, куда-нибудь крестнаго со двора, да на бѣду еще и день базарный, ну тогда ужь и солнышко ничего не поможетъ: такъ и сиди себѣ да мели день-деньской до тѣхъ поръ, пока онъ не придетъ по окончаніи базару. А солнышко еще, какъ на зло, идетъ да заглядываетъ въ окошки, какъ будто съ любопытствомъ или насмѣшкой хочетъ спросить: «а ты все сидишь, Вася, за наукой?» А послѣ того какъ будто и поманитъ Васю на улицу.

Вотъ оно — то тюремное состояніе, котораго такъ боялся Вася! Вотъ оно — то страшное тюремное состояніе, о которомъ съ такимъ скрежетаніемъ зубовъ говорила глупая мама: «засади ты его учиться!» Вотъ оно — то ложное и ужасающее ребенка положеніе, въ которое ставятъ его глупые отецъ и мать, по своему невѣжеству. Со дня рожденія у русскаго человѣка только три страха, которыми пугаютъ его во всю жизнь: въ младенчествѣ стращаютъ букой; въ ребячествѣ грозятъ засадить за азбуку, а въ зрѣломъ возрастѣ — сослать на каторгу. Вотъ оно — то мертвящее состояніе, обхватывающее ужасомъ сердце ребенка, когда его сажаютъ за книгу! — да за какую книгу!.. за такую же глупую, какъ онъ самъ, и за такую же безтолковую, какъ всѣ его учителя! — Вотъ такъ поучились бы вы хоть недѣлю, тогда и вы узнали бы, что «корень ученія горекъ», какъ утверждаетъ Ѳедосѣй Лукичъ крестный.

Тогда и у васъ заморозило бы сердце; тогда и у васъ заковало бы умъ, какъ у Васи въ ту минуту, когда онъ дѣлалъ первый шагъ въ училище. Тогда и вы почувствовали бы, что вамъ страхъ не хочется учиться, а если идете и учитесь, такъ собственно потому, что вамъ велятъ. Велятъ отъ ранняго утра вплоть до глубокой ночи молоть тотъ вздоръ, котораго вы не понимаете сами, котораго не слышитъ съ базару вашъ учитель и который нестерпимо надоѣдаетъ и самому учителю, не только ученику! Велятъ вамъ сидѣть и не оглядываться, иначе вы встрѣтите пренепріятный хвостикъ плетки, торчащій передъ глазами вашими отовсюду, изъ-за спины; велятъ вамъ болтать языкомъ

вѣчно вздоръ, похожій на усыпительное журчаніе ручья и только развѣ машинально повторяютъ надъ вами ваши безсмысленные учителя: «читай; читай! что всталъ ротъ-отъ разиня!» или иногда только для разнообразія добавляютъ: «уткни носъ-отъ въ книгу!» Вотъ тѣ пресловутые возгласы, которые—нечего грѣха таить — слышатся иногда и въ нашихъ казенныхъ школахъ. Вотъ такъ поучились бы вы, хоть денекъ одинъ, тогда и вы поняли бы ясно, что такое коренное русское ученіе и какая это горькая горечь!

Поэтому очень неудивительно, что мой бѣдный ребенокъ Вася такъ лѣниво-робко подступалъ къ своему храму просвѣщенія. Сердце человѣческое всегда полно предчувствій.

Вотъ наконецъ отворилась стеклянная дверь, въ которую вошелъ Вася съ отцомъ, и передъ нимъ представился наконецъ этотъ храмъ просвѣщенія.

На стѣнахъ клочье обой, такое же засаленное и грязное, какъ полотенцы, вывѣшенныя тутъ же вмѣсто украшеній. Два сильно-поношенные жилета, съ подкладкой изъ непромокаемой отъ поту и сала матеріи; очень жирныя помочи тятеньки крестнаго, какъ балыки, вывѣшенныя тутъ же для провялки; отлично прожаренная въ салѣ теплая шапка, изъ-подъ которой еще высунулся, какъ фунтовая калбаса, палецъ замшевой перчатки; пропыленный и просушенный насквозь скарбъ комнатный: перо, да крыло, да метелочка платяная; бутылка съ чернильной гущей; тарелка съ мухами вмѣсто ягодъ; жестяная коробка съ мыломъ, и даже чернилица съ такой плесенью, какъ будто мама приготовлялась дѣлать въ ней сметану,—все это въ крайнемъ безпорядкѣ, въ пыли и нечистотѣ, и еще въ мушиныхъ веснушкахъ. Столъ, какъ старый покосившійся подвалѣсъ, уставленъ былъ самимъ Лупычемъ на трехъ своихъ собственныхъ ногахъ, и на клюкѣ четвертой, какъ у хромоножки; три прошловѣковые кожаные стула, сколоченные гвоздями вмѣсто бронзовыхъ украшеній; еще что-то какъ будто похожее на вещь, да еще что-то какъ будто похожее на дрянь; а тамъ тряпочка съ голенищемъ, выглядывающія изъ-за сундука; а здѣсь черное бѣлье, завернутое въ сахарной бумагѣ и обмотанное бичевкой, вмѣстѣ съ кулькомъ, засунуто въ пряничный ящикъ; изъ того угла выглядываетъ закопченая печь съ заслонкой вѣчно-хилой и обломанной, какъ всѣ заслоны и двери въ барскихъ домахъ; изъ этого—посѣдѣвшіе отъ пыльной старости стѣнные часы; тамъ виситъ какая-

то фламандская барынова картинка съ вѣчно-разбитымъ стекломъ; тутъ на полу сидитъ котъ и глубоко философствуетъ надъ тѣмъ же поломъ. Все это освѣщено двумя небольшими окнами, до того отдѣланными мухами въ густой сѣрый мраморъ, что въ комнатѣ становилось темно, какъ въ лѣсу. Вотъ и вся полная рама для картины, изображавшей еще вотъ что:

Высокій мужчина, въ длинномъ сюртукѣ, воротникъ и галстукъ хомутиной, въ очкахъ, съ большимъ носомъ, похожимъ на архитектурный треугольникъ, съ большими опущенными красными вѣками, похожими на закрытыя заслонки, сидитъ спокойно за столомъ и читаетъ толстую книжищу Четьи-Минею, облокотившись на нее двумя могучими локтями.

— Здравствуй, крестникъ! Что, учиться, любезный, пришелъ? Хорошо, братецъ; молодецъ! — И за этимъ крестный, перекрестившись, со всего размаху заворотилъ книжищу, сильно надавилъ ее сверху и такъ щелкнулъ застежкой, какъ будто разкусилъ орѣхъ.

— Да ужь, куманекъ, сдѣлай такую божескую милость: поучи насъ, наставь уму-разуму; не забудемъ твоихъ милостей, засѣменилъ родной и поклонился при этомъ крестному въ поясъ.

— О чемъ же плакать-то? Это негодится: умные мальчики не плачутъ, отпечаталъ рѣчь свою крестный: — а ты вотъ съ Богомъ клади сорокъ земныхъ поклоновъ, да говори за мной такъ: «Боже въ помощь мою вонми и вразуми мя во ученіе сіе».

Вася принялся счетомъ отмѣривать сорокъ земныхъ поклоновъ, наварыдъ пропѣлъ молитву, дошелъ до *мя*, мяинулъ такъ, что отдалось въ сосѣдней пустой комнатѣ, и, заливаясь горючими слезами, не договорилъ остальныхъ двухъ словъ.

Крестный между тѣмъ вытащилъ жерновъ изъ кармана, посмотрѣлъ на часы, посаженные на цѣпь, съ сердоликовыми печатями, величиною въ лошадиное копыто, и съ достоинствомъ только крякнулъ въ заключеніе.

— Ну, ну, плакать-то не объ чемъ; теперь горько, подъ старость будетъ сладко, сынокъ, говорилъ родной, наклонившись надъ головой сына, которую поглаживалъ и которую хотѣлось ему обучить книжной мудрости.

— Ну, да, братъ, корень ученія горекъ, за то плоды его сладки, отдернулъ крестный, — причемъ сташилъ онъ съ носу очки стараго покроя съ зелеными ставнями и веревочкой, проходящей по затылку вмѣсто обруча. Въ очки эти крестный хук-

нулъ, какъ паровая труба, и протерши ихъ кончикомъ своего носоваго платка и взглянувши еще разокъ прищуристо въ одно стеклышко, принялся опять усаживать ихъ на носъ. Потомъ на обѣ ладони раскрывъ платокъ, какъ книгу, приложилъ къ сторонкамъ носа, тщательно высморкался, свернулъ платокъ клубкомъ и какъ птица почистилъ объ него конецъ длиннаго носа. Наконецъ, систематически откупоривъ синій стеклянный рожокъ и засучивши обшлагъ рукава, медленно натрусилъ на ладонь табачку, любовно сгрудилъ ободрительное зелье, указательнымъ пальцемъ крѣпко забралъ въ щепоть, какъ только было можно, и нюхнулъ во всю ивановскую.

— Ну, теперь садись, крестись и говори за мной: азъ, азъ.

Началась перекличка на азахъ. По временамъ слышно было: «не такъ, не такъ, не то, не то.... что ты мелешь, братецъ? не тяни, не пой.... видишь это азъ большой, а это азъ заглавный, а это азъ такой — азъ маленькій называется.» А слезы капъ, капъ на книгу.

Родной не выдержалъ, тихонько отворилъ стеклянную дверь, махнулъ изъ-за нея рукой крестному и на цыпочкахъ выбрался вонъ. А крестный широкой ладонью, какъ утюгомъ, разгладилъ Васѣ затылокъ и спину, даже провелъ по азбукѣ, у которой топырились кверху новые листки, и добавилъ въ родѣ ласки: «что, братъ, вѣрно топырится еще отъ тебя книжка-то? Ну, ничего: это новая-то; она какъ будто бы этакъ тово .. врозь глядитъ; а то оботрется, обомнется, все по старому пойдетъ».— На что Вася только ободрительно крякнулъ и, фыркнувъ въ носъ для ловкости, началъ немного на распѣвъ: «азъ буку вѣдаю, како люди мыслете»... и прочее этакое хитро-безтолковое ученіе.

Что думалъ ребенокъ въ то время, когда онъ читалъ первый урокъ? этого опредѣлить невозможно. Отецъ, пришедшій съ базару, красная азбука на столѣ, стриженые усы кота, строгое приказаніе одѣваться, особенныя ласки мамы, мученическое шествіе къ крестному, потомъ его фигура и въ особенности жилетъ съ дутыми стеклянными пуговицами, его манеры и рѣчь, толстая книга съ подтяжками, торжественная тишина комнаты, важныя изреченія крестнаго, горькія дешевыя слезы Васи, временные порывы скорѣй заучить буквы, обыкновенное дѣтское желаніе скорѣй отучиться, и безпрестанно мелькающій въ головѣ вопросъ: да скоро ли въ самомъ дѣлѣ меня отпустятъ? —

все это до такой степени смѣшалось, сбилось, сплелось, что Вася рѣшительно потерялъ сознаніе, гдѣ онъ, что онъ, что съ нимъ и какъ и зачѣмъ онъ здѣсь очутился, и въ такую пору, когда уже пора бы и поѣсть? Наконецъ ему стало представляться уже только одно: что онъ чрезвычайно долго сидитъ за наукой, до того долго, что ребенокъ въ заключеніе, переплакавшись и осморкавшись, зѣвнулъ и глубоко вздохнулъ, подумавши, какъ будто мимоходомъ: «какіе большіе у него сапоги; я думаю, меня всего можно туда засунуть!»

— Ну, что, крестникъ,—усталъ, братъ? Ну, крестись, закрой книгу, ступай домой да попроси отца, чтобы онъ сдѣлалъ тебѣ указку, — а то вонъ, какъ мазилкой, пальцемъ-то и размазалъ всю книгу, грязь-то со слезами и смѣшалась. Да скажи ему, не забудь: «крестный, молъ, говоритъ: безъ азбуки и розги учиться нельзя», — слышишь?

Вася не успѣлъ даже порядочно выговорить «слышу», схватилъ скорѣе со стола азбуку и тотчасъ же побѣжалъ къ своему собору. Но соборъ уже весь былъ разоренъ отцемъ до основанія, такъ-что не осталось и камня на камени, будто послѣ плѣненія вавилонскаго. Самъ тятя ласково встрѣтилъ Васю на крыльцѣ, и какъ будто и не думалъ разорять собора, поздоровался съ нимъ и научилъ его прятать красную азбучку на божницу за богородицу, и всегда креститься, когда онъ будетъ ее оттудова брать. За этимъ самъ тятя тотчасъ же отправился въ столярную дѣлать указку, а Васѣ насильно велѣлъ поиграть.

Но Вася не могъ уже играть свободно. Вася, какъ старуха, побрелъ къ амбару и, пошаривая у себя въ брючныхъ карманахъ, какъ будто что-то потерялъ, сѣлъ только на крыльчикѣ да грустно подумалъ: «а какой у тятеньки крестнаго славный котъ Бурмасека, какъ онъ важно все сидитъ въ уголкѣ и глаза прищурилъ, смотритъ въ полъ, тоже какъ читаетъ. А калоши-то у него какія большія, какъ ящики стоятъ. Ну, надо посмотрѣть завтра: какая у него картиночка тамъ приклеена. — Фють!... Азорка!... ахъ ты, шельмакъ: сейчасъ ужь опять и хвостомъ зазудѣлъ. Плясунъ, шельма, настоящій»....

Но и Азорка не такъ уже веселилъ Васю, какъ прежде. И имъ уже не много занялся Вася. И, словомъ, какъ будто съ перваго аза, ребенокъ уже взглянулъ на древо познанія добра и зла, и вотъ нѣжная его мать природа уже мрачитъ предъ нимъ его прежній прекрасный эдемъ!

Грустно провелъ Вася весь день остальной; еще грустнѣе стало ему къ вечеру, когда онъ подумалъ о томъ, что завтра опять потурятъ его учиться, и еще грустнѣе стало ему къ ночи, когда онъ раздумался о томъ, какъ завтра ласковая мама припадетъ къ его головкѣ да скажетъ ему ласково: «ну, сыночекъ, теперь ужь вѣдь съѣлъ и яичко и лепешечку, — ну, золотой, поди же проучись крошечку».

И вотъ наконецъ пришло это гнусное завтра, и Васѣ велѣли повторить зады; послѣ завтра опять зады; а тамъ за послѣ завтромъ опять-таки зады! такъ-что на Васю напала смертельная скука. Черезъ недѣлю началось: буки-азба—баба, а черезъ двѣ: мыслете-азма—мама. Вася хотя и сталъ привыкать къ скукѣ смертной, а все часто посматривалъ въ окно сквозь слезъ.

Бывало, славный вѣтеръ; змѣй Алеши Почечкина такъ и вьется: трещитъ, летаетъ весело и размашисто, а главное—летаетъ вольно, куда хочетъ; а Вася сиди только на одномъ мѣстѣ, какъ пришпиленный къ стулу, да все учись да учись! Просто бѣда да и только! Все это вышло скучнѣе старушечьяго гаданья на бобахъ, или нескончаемаго гран-пассіанса вице-директора Звонарева.

Сколько въ это ужасное время съѣлъ Вася однихъ указокъ и сколько просалилъ онъ, какъ блинъ, и протыкалъ насквозь, какъ вафлю, несчастныхъ азбучныхъ листовъ! — Ничто не помогало: неутомимый тятя будто созданъ былъ для того, чтобы вымучивать заучившагося Васю. Указку наконецъ онъ сдѣлалъ костяную и грозилъ (если эту изгложетъ) заказать кузнецу желѣзную, а объ азбукѣ въ послѣдній разъ выразился наконецъ рѣшительно такъ: «я тебѣ просто сошью азбуку кожаную изъ подошвъ, если ты неуймешься грызть ихъ, собака! Шутка сказать, — это ужь, кажется, седьмая! какъ на огнѣ горятъ, и не напасешься на него! Вотъ ученый подлецъ навязался!...»

Подите вы потолкуйте съ этакимъ тятей!

Мѣсяца черезъ три все это наконецъ до того надоѣло Васѣ, что у него подъ навѣсомъ составился совѣтъ съ Ванькой-рыжимъ, въ которомъ засѣдалъ также, какъ непремѣнный членъ, и Матюшка-разбойникъ. Послѣдній, какъ отчаянный совѣтникъ, не только подзудилъ Васю, а прямо съ укоромъ и кислой рожей сказалъ ему въ глаза:

— Плохъ ты, братъ, больно, Васька! размазня ты, кислошерстная дрянь! — вотъ что. Какъ бы на меня этакъ насуну-

лись съ ученьемъ, я бы ихъ отсунулъ: на подволокѣ удавлюсь, а ужъ не дамся учиться, — вотъ что, да!

«А что въ самомъ дѣлѣ», подумалъ Вася: «что же я-то за кислошерстый такой? — Матюшка называетъ все кислошерстымъ — вретъ онъ: я, пожалуй, этакъ и самъ попробую, я.... что же? пусть давиться нельзя: это боязно, да и умрешь еще, пожалуй, совсѣмъ; а отсунуть, что же? можно. Отчего жь не отсунуть?»

Къ этому Вася еще вспомнилъ, что Ванинъ крестный отецъ Аскалонъ Иванычъ «кислошерстыми» называетъ только тѣхъ барскихъ гостей, о которыхъ говоря, всегда плевался, какъ будто говорилъ о чемъ-то съ очень дурнымъ запахомъ.—«Вотъ опять эти кислошерстыя-то швабры приплелись». И при этомъ онъ такъ плевалъ, что Вася, припомнивши все это теперь, рѣшительно ужъ ни за что не хотѣлъ быть этакой дрянью.

Онъ даже всталъ и крякнулъ, а послѣ засѣданія съ Матюшкой-разбойникомъ вышелъ изъ-подъ сарая такимъ смѣлымъ и храбрымъ, хоть бы противъ Соловья-разбойника, не только бунтъ поднять противъ отца и науки. «Вотъ я докажу имъ, какой я кислошерстый!» шепталъ Вася. Въ простотѣ сердца, сгоряча онъ высказалъ отцу все, чему научилъ его Матюшка: «я, говоритъ, лучше ужь въ сапожники пойду, бурлакомъ буду, а учиться не хочу и не стану!» — «Посмотримъ», сказалъ упрямый тятя и, какъ видно, посмотрѣлъ у Васи зады.

«Подлецы, рыжій дьяволъ, косой чортъ, смутьяны, за нихъ терпи все этакое.... проклятые! не пойду къ нимъ больше никогда теперь», ворчалъ Вася въ минуту горькой досады на своихъ тайныхъ совѣтниковъ Ваньку-рыжаго и Матюшку-разбойника. И съ тѣхъ поръ какъ будто рукой сняло, никакой этакой крутой блажи не приходило ему и въ голову. Васю попросту сказать взнуздали ученьемъ. Поутру читаетъ, какъ поетъ— бойко, голосисто, а иногда и защурившись, для пробы—твердо ли знаетъ наизустъ; послѣ обѣда пишетъ такіе крючья и загогулины, что просто на! куда къ чорту всѣ эти, пишущіе по праздникамъ мыслете, письмоводители, гораздо бойчѣе ихъ!

Когда Вася промахнулъ кавыку и ерокъ, и азъ первое на десять, и како двадцать, и люди тридцать, и самые мыслете сорокъ — все прокатилъ, и сталъ уже добираться до той страницы, гдѣ было прописано: какъ быть благочестивымъ и уповать на Бога, — тутъ еще больше стало возни съ ученьемъ, такъ-что рѣшительно некогда у Іоновны и

сивку-бурку хорошенько послушать. Только бѣдный Вася окончитъ у крестнаго ученье, не успѣетъ еще хорошенько съ Ваней и голубчика понянчить, или проѣхаться верхомъ на Шеверюшкѣ, не успѣетъ даже закатить камнемъ въ сосѣднюю свинью, — родной сейчасъ привяжется: «почитай да почитай ему», — видишь, будто скучно одному башмаки шить или бредни вязать. И Вася сиди цѣлый осенній вечеръ да разбирай по складамъ, какъ быть благочестивымъ. А тутъ еще и мать пристанетъ: прочитай и ей, да еще безъ книги растолкуй, что значитъ «уповать на Бога и любить его всѣмъ сердцемъ»? А тутъ слушаетъ-слушаетъ да еще и прибавитъ: «ничего, сынокъ, не пойму, что ты читаешь». Вотъ тебѣ и растолкуй!

Васю просто замаяли. И ночью ему не спится: уснулъ бы, и тутъ мама-то, какъ днемъ, ясно видится, да опять со слезами и говоритъ: «то-то, мой другъ, золотой Васинька, вотъ что въ книгахъ-то хорошихъ пишутъ, а ты учись понимать-то это все, да и насъ, людей темныхъ, научи!» — Да такъ живо припадетъ къ Васиной головкѣ, что Васѣ сгрустнется и онъ заплачетъ сквозь сна. А тутъ и Іоновна видится во снѣ, и та тоже что-то бормочетъ о наукахъ разныхъ, да о хорошихъ русскихъ книгахъ, и та тоже со слезами проситъ Васю выучиться понимать, что тамъ прописано въ хорошихъ русскихъ книгахъ. Васѣ жалко маму, жалко и Іоновну, и хотѣлось бы постараться, да какъ поймешь? Богъ знаетъ вѣдь, какъ выучиться понимать, что тамъ прописано въ хорошихъ русскихъ книгахъ? Ничего не поймешь, такъ-таки ничего и не поймешь въ хорошихъ русскихъ книгахъ! И слова-то тамъ, какъ ежи да дикобразы, все неслыханныя, да невиданныя, да непонятныя, будто ихъ сейчасъ только дьячокъ Парамонычъ родилъ, а Потапычъ дуракъ въ воду окунулъ, да на свѣтъ пустилъ. И Вася объ этомъ обо всемъ крѣпко задумывается и съ этой крѣпкою думою скоро и крѣпко заснетъ.

А тамъ только встанетъ, покормитъ голубятъ, позавтракаетъ поплотнѣе, высунетъ разъ-другой Ванѣ языкъ въ утѣшеніе, да и пойдетъ самъ учиться, безъ понукалки уже. Между нами будь сказано: понукалкой въ домашнемъ управленіи мама называла не что иное, какъ плеть.

Давнымъ-давно забылъ Вася, гдѣ лежитъ его свайка, продалъ даже всѣ козны: видишь, будто тому, кто учится писать, не слѣдъ уже играть въ свайку и бабки — руку испортишь, говоритъ крестный, — ну, Вася и продалъ всѣ козны Матюшкѣ,

по старой дружбѣ, за пятнадцать копѣекъ — сто шестерокъ съ тройкой. Словомъ, чрезъ полгода Вася привыкъ ко всему грамотному и такимъ сдѣлался безпечнымъ студентомъ азбучнаго факультета, что даже съ пѣсенками сталъ побѣгивать изъ ученья, да похлопывать себѣ по рукѣ азбукой, да лягать себя въ запятки пятками, совершенно какъ студентъ-юристъ, ходящій на лекцію, вѣчно посвистывая и вѣчно поигрывая тетрадками профессора. А приходя къ мамѣ домой въ веселомъ расположеніи духа, онъ иногда прилаживался на корточки передъ безтолковымъ братомъ младшимъ и, повертывая передъ нимъ красную азбуку, какъ удивительную штуку, говорилъ ему заманчиво: «а у меня вонъ что есть! ттъ!» и въ заключеніе Вася щелкалъ еще разъ языкомъ.

Безтолковый Ваня, начинавшій уже кое-что смекать, сперва посматривалъ на азбуку свирѣпо, или глуповато, а потомъ, войдя во вкусъ и видя что-то красное, такъ крѣпко прицѣплялъ ее за ухо и такъ сильно начиналъ теребить и тащить себѣ ее въ ротъ, что новая азбука хрустѣла и трещала. А Вася съ испугу начиналъ кричать: «мама, Ванька-скотъ азбуку мою съѣлъ! батюшки!»

Мама, знавшая уже, какъ достается Васѣ отъ отца за азбуку, заговаривала скороговоркой:

— А ты уйди отъ него, да будь поумнѣе — не давай ему: вишь онъ, какъ теленокъ, ему бы все жевать только!...

— Да я вѣдь показать ему....

— Да что казать дураку этакія вещи: много онъ смыслитъ въ азбукѣ? У него вонъ своя азбука — каши горшокъ! Спрячь на божницу и не подходи никогда къ нему, пока не битъ еще. А то за него отецъ-отъ тебѣ опять припарку задастъ.

— Ну, реви, теленокъ-скотъ, мама не велѣла давать! на, вотъ — гложи козны.

— А ты не брани его; хуже будетъ ревѣть.

— А вонъ посмотри-ко, какой голубочекъ — видишь?

И Вася подставлялъ уже брату Ванѣ голубочка, вмѣсто брани съ азбукой.

Ваня, засмотрѣвшись на голубочка, тотчасъ переставалъ плакать о красной, не попавшейся ему въ лапу азбукѣ, и всѣ трое — дѣти и мать—оставались довольны собой.

Сдѣлавшись бумажнымъ человѣкомъ, Вася и въ играхъ сталъ употреблять болѣе бумагу, нежели козны и свайку. Конечно не

карты, какъ у насъ у всѣхъ, у большихъ людей, а змѣй, какъ это обыкновенно бываетъ у дѣтей. Къ счастію же Васи, рука его сдѣлалась такъ бойка и зудка на письмо, что онъ заразъ исписывалъ цѣлые вороха бумаги, — можно было клеить хоть по десятку змѣевъ на каждый день. А изъ этого всего и выходило, что маленькій Вася, что ни нарисуетъ, что ни напишетъ, тотчасъ все это на змѣй и тотчасъ все это летитъ на воздухъ. А вѣтра-злодѣи, какъ нарочно, стояли въ это лѣто самые злобные: чуть Вася запуститъ змѣй — разбойникъ-вѣтеръ тотчасъ оторветъ нитку и унесетъ славный змѣекъ чортъ-знаетъ куда! Васѣ опять забота: опять клей другой да устраивай путцы да хвостъ, да хлопочи, да запускай, да еще и на крышу полѣзай, когда онъ тамъ засядетъ. А тамъ: и самъ-то боится Вася на крышѣ, да и мама увидитъ его, такъ обомретъ да закричитъ, да и тятя увидитъ, такъ оборветъ да дастъ небольшую подзатылинку, да еще, говоритъ, и припарку задамъ: «не лазь по крышамъ, искалечишься — уродомъ выдешь». А посмотрите-ка все это вмѣстѣ: сколько тутъ хлопотъ, бѣготни! Такъ цѣлые мѣсяцы и улетаютъ за змѣями.

Кончилось все это наконецъ вотъ чѣмъ.

Отецъ какъ-то заглянулъ въ ларчикъ къ Васѣ, куда онъ самъ незадолго передъ тѣмъ положилъ двѣ дести бумаги для письма: бумаги тамъ было только два листа. Отецъ позвалъ Васю и началъ допрашивать, гдѣ бумага. Вася очень ловко разсказалъ, что бумагу онъ всю изрисовалъ и исписалъ. Отецъ потребовалъ тетради и рисунки. Вася открылся, что изъ тетрадей онъ все выдиралъ да клеилъ змѣи и себѣ и дѣтямъ Богдана Иваныча-столяра. Не сказалъ только, что подарилъ два листика Ванькѣ-рыжему да четыре отнялъ Матюшка-разбойникъ. А не сказалъ этого потому, что вообще, при допросахъ отцовскихъ, онъ боялся употреблять эти знаменитыя историческія имена, отъ которыхъ отецъ всегда дѣлался сердитѣе и строже, и ужь непремѣнно всегда самъ задавалъ таску. А поэтому и вышло, что тятя не сказалъ ни слова, такъ что Вася съ удивленіемъ подумалъ: «что это онъ сегодня какой добренькой и не бранится нисколько»?

Вскорѣ послѣ того Вася, увѣривши себя по-ребячьи, что онъ совсѣмъ отдѣлался отъ слѣдствія отцовскаго, вытащилъ послѣдніе два листа: одинъ по дружбѣ подарилъ Оленькѣ Почечкину, а изъ другаго смастерилъ себѣ славный листовой змѣй, такой змѣй, что при одной мысли, какъ высоко онъ будетъ стоять, зани-

малея у Васи духъ и трепетало сердце. Мало того, даже наклеилъ золотую конфектную бумажку для великолѣпія, вырѣзалъ изъ старой просьбы гербоваго орла, да слупилъ съ бутылки шампанскаго ярлыкъ и все это прилѣпилъ на великолѣпный змѣй; промыслилъ даже голландскихъ бичевокъ, затѣмъ, чтобъ этотъ отличный змѣй никакъ ужь не оборвался. И только-было приготовился съ ревучими трещотками пустить его на удивленіе и Оленькѣ, и Марюшкѣ, и даже симоновскому Петру, который выше всѣхъ запускалъ свои змѣи въ городѣ, — вдругъ шасть на дворъ буточникъ, черный, какъ голенище, страшный и злой, въ сѣрой толстой шинели, съ мѣднымъ лбомъ и съ палкой въ рукѣ; тигромъ бросился на змѣй и безбожно его исковеркалъ, спряталъ сейчасъ себѣ за пазуху бичевки подальше и такъ бойко раскричался на дворѣ, какъ никогда не крикивалъ и самъ самарскій городничій на пшеничныхъ своихъ купцовъ. А кажется еще знакомый былъ буточникъ, тятѣ всегда кланялся такъ почтительно да говорилъ ласково: «велите-съ травку посѣчь на улицѣ къ царскому дню». А теперь словно бѣлены объѣлся, даже на заступника Васина, Цѣпляя, и на того такъ пригрозилъ палкой, что тотъ, бѣдный, уползъ въ собачью закуту, оставленную ему въ наслѣдство послѣ старика Соколки. Точно будто его и самого спустили съ цѣпи, а не изъ полиціи, такъ и бросается на все да заграбастываетъ. Самъ нетрусливый Вася — и тотъ убѣжалъ на задній дворъ, да залѣзъ подъ клѣвушокъ на столбахъ. Да хорошо еще сдѣлалъ, что заползъ — спрятался, а то просто бестія буточникъ хотѣлъ-было и его забрать въ полицію. Каково это вамъ покажется! А полиціей нельзя шутить: Вася ужь слыхалъ, что такое полиція.

Вотъ съ тѣхъ-то поръ все такъ и пошло: какъ только Вася задумаетъ о томъ, чтобъ запустить змѣй — рука-то и не подымается отъ страху, такъ-что совсѣмъ должно было бросить всѣ змѣиныя затѣи. А безъ змѣевъ еще стало скучнѣе: поневолѣ послѣ того будешь только учиться да сидѣть.

И живой Вася сталъ не шутя привыкать къ своему мертвому ученію, то есть къ вѣчному сидѣнью за книгой, къ вѣчному качанью, какъ маятникъ, къ вѣчному болтанью языкомъ и ногами, какъ машина, нисколько не сознавая головой, что лепечется языкомъ. Такъ пригвоздилъ тятя Васю наукой, что Вася ужь и не уползетъ отъ этой острожной русской науки! Что дѣлать! такъ велѣлъ тятя.

Иногда развѣ, для разнообразія пустынно-мертваго ученія, придетъ наверхъ баринъ Василій Иванычъ, да погонитъ опять крестнаго на ярмарку и въ губернское правленіе по дѣламъ, или отъ-нечего-дѣлать остановится передъ часами, да ткнетъ маятникъ, какъ будто въ шею казачка, а маятникъ начнетъ опять мотаться и день и ночь. Ну, маятникъ, признаться, не мало занималъ Васю въ его ужасной одинокой скукѣ. Вася по цѣлымъ часамъ смотрѣлъ на эту простую, вѣчно-мотающуюся машинку и дивился тому, какъ это все хитро устроено: ткнетъ его баринъ — ну, онъ мотается, и день и ночь мотается; не ткнетъ его баринъ — ну, не мотается, стоитъ; отцѣпитъ и положитъ его баринъ — ну, лежитъ на окнѣ, или на полу валяется. Вася даже (когда никого не было въ комнатѣ) на цыпочкахъ подкрадывался къ этой хитрой машинѣ — часамъ: все хотѣлось ему разсмотрѣть, какъ это сдѣлалъ баринъ? на что прицѣпилъ этотъ вѣчно мотающійся маятникъ—на веревку или желѣзо? Онъ даже ловилъ иногда этотъ маятникъ за голову, онъ даже сильно его потягивалъ; но нѣтъ, не отрывается — видно крѣпко баринъ пристегнулъ его.... И сколько ни смотрѣлъ на него Вася, только и видѣлъ, что маятникъ, какъ живой, и день и ночь все мотается! Только одно и замѣтилъ зоркій Вася, что голова у этого маятника въ ногахъ!... Такъ больше ничего и не могъ разсмотрѣть любопытный Вася.

Бывало часто, крестнаго нѣтъ дома — на базарѣ, Вася смотритъ на симоновскій змѣй, или вовсе защуритъ глаза и отъ нечего дѣлать, поводя указкой, гдѣ вздумается или какъ рука ведетъ ее, валяетъ себѣ на память: буки-азба — ва-га, добро-ажза — ка-ла, мыслете-азна — па-ра, слово-анса — сала.... Вдругъ изъ сосѣдняго угла слышится ему голосъ Аскалона Иваныча, крестнаго Вани: «ну, у тебя, братъ, въ этомъ мѣстѣ что-то не такъ выходитъ — торопишься ужь больно». А Вася пріостановится, взглянетъ и подумаетъ: «это еще что за учитель появился? больно зудокъ!»

А этотъ учитель былъ тотъ самый Аскалонъ Иванычъ портной, крестный отецъ Вани, который еще такъ недавно, съ своими лоскутками, утюгами, прасолкой, ножницами, иголками, натыканными въ борты жилета и прочимъ портняжьимъ скарбомъ, переселился босикомъ въ комнату къ крестному. Вася тогда еще замѣтилъ, что верхняя губа у Аскалона Иваныча такая толстая, какъ будто ее укусила благая муха, а волосы такіе жирные,

какъ масляный блинъ, и так[illegible]изаны на макушкѣ, словно покрыты глазурью или лакомъ. Вася даже подмѣтилъ, что портной Аскалонъ безпрестанно поглаживаетъ голову свою гребенкой, а изъ гребенки вѣчно вытаскиваетъ грязь, и гребенку эту непремѣнно кладетъ себѣ въ карманъ; Вася также замѣтилъ, что у Аскалона Иваныча такой толстый и грубый голосъ, какъ у приходскаго учителя, и такіе неуклюжіе штаны и сапоги, какъ у учителя уѣзднаго. Вася даже подмѣтилъ, что и азбуку портной такъ же не твердо знаетъ, какъ одинъ учитель исторіи, по имени тоже Аскалонъ Иванычъ. Вася въ первый разъ съ удивленіемъ и любопытствомъ долго смотрѣлъ на то, какъ Аскалонъ Иванычъ выкусывалъ швы, какъ собака блохъ; еще болѣе подивился Вася тому, что этотъ простой портной-мужикъ и невѣжда, ничего не знавши прежде, слушая какъ читаетъ Вася, отъ него же выучился читать по-складамъ. А еще болѣе удивлялся Вася тому, что этотъ простой портной-мужикъ и невѣжда теперь уже, какъ настоящій учитель, не только поправляетъ его, Васю, а иногда даже и покрикиваетъ на него: «экъ ты, братъ, какую чепыжину несешь — врешь!» такъ-что Вася, вспыхнувши и покраснѣвши, тотчасъ и поправляется: ему ужь совѣстно дѣлается, что на него кричитъ и Аскалонъ Иванычъ портной, мужикъ простой.

Послѣ этого и Вася сталъ ясно видѣть, что ему пора усердно приняться, и принялся. Черезъ полгода онъ отъ корочки до корочки, защурившись, безъ запиночки сталъ читать склады, а еще черезъ годъ, отъ доски до доски проучилъ насквозь седьмую азбуку, такъ-что за этимъ стали было поговаривать и объ часословѣ.

Крестный между тѣмъ уѣхалъ въ деревню, управлять имѣніемъ Василія Иваныча. Онъ не былъ постоянный жилецъ въ городѣ: онъ пріѣзжалъ на время, какъ ходатай по дѣламъ, по базарамъ и по присутственнымъ мѣстамъ, отъ лица самого Василія Иваныча, потому-что подобное хожденіе для самого Василія Иваныча считалось уже слишкомъ грязно и скверно, слишкомъ низко и подло, слишкомъ даже неловко для дворянина, — какъ объ этомъ выражался самъ Василій Иванычъ. «Особенно, говоритъ, вотъ эти наши присутственныя мѣста: ой-ой ужь только! и говорить-то о нихъ совсѣмъ не хочется. Только, говоритъ, и знай, что тутъ, да тамъ все суль, да дай; ну, а какъ дашь благородному человѣку? чортъ знаетъ, какъ ему дать? А ты,

братъ, можешь съ ними [illegible] войска: сунулъ имъ въ глотку безъ зазрѣнія совѣсти, ну и дѣло съ концомъ. Что на нихъ смотрѣть? вѣдь это ужь извѣстное отродье — подъячіе, это хапуги! имъ, братъ, лишь бы зацѣпить какъ нибудь человѣка, а тамъ хоть шкуру долой, вмѣстѣ съ рубашкой, такъ и ту они вѣжливо обдерутъ, да допросятъ еще: нѣтъ ли другой? имъ все ни по чемъ. Это вѣдь ужь.... ну, да что и говорить о нихъ!»

И вотъ крестный, пріѣхавшій въ городъ на недѣльку, года полтора прожилъ только затѣмъ, чтобы хорошенько и безъ зазрѣнія совѣсти сунуть приказнымъ, и отправляясь въ деревню — несмотря на то, что былъ тишь Божія, которую и водой не замутишь, при всей своей совѣстливости и набожности не вытерпѣлъ — садясь въ ободранный прикащичій тарантасъ, плюнулъ и, перекрестясь, сказалъ: — «ну, слава тебѣ Господи! избавился я наконецъ отъ этихъ всѣхъ обдиралъ! голодныя чернильныя пьявицы — вотъ сатанинское племя».

Вася по этому случаю сдѣлался опять свободенъ, какъ птица, и началъ снова летать по крышамъ и черезъ заборы, что замѣтно не понравилось Павлу Кузьмичу. Павелъ Кузьмичъ началъ искоса поглядывать на грязное и оборванное свое чадо и сталъ иногда поговаривать: «исповѣсничается весь мальчишка, хоть брось; нѣтъ, вѣрно надо опять его приструнить!» И за этимъ Павелъ Кузьмичъ тотчасъ принялся откапывать новаго учителя, какъ допотопнаго мамонта.

И вотъ для дальнѣйшаго образованія передали Васю еще и къ башмачнику Ѳедору Жбанчику, за два съ полтиною въ мѣсяцъ — еще по старому курсу, на ассигнаціи. Хотя новый наставникъ Ѳедоръ Ѳедосѣичъ Жбанчикъ и самъ чувствовалъ, что грамоту онъ знаетъ весьма плохо и учить грамотѣ не можетъ даже и телятъ, не только ребятъ, однако все-таки взялся учить Васю, и даже на вопросъ Павла Кузьмича: «не можешь ли, братъ, моего большака оболванить немного?» смѣло отвѣчалъ: «могимъ — отчего же?» Впрочемъ, къ отвѣту такому побудили Ѳедора Ѳедосѣича, сапожника, и обстоятельства: во-первыхъ, жилъ онъ въ сосѣдствѣ; во-вторыхъ, Васѣ недалеко ходить; а въ-третьихъ, больно скучно одному кроить и строчить вѣчное голенище: «пусть, говоритъ, вмѣсто колокольчика звенитъ хоть Вася, все веселѣе съ мальчишкой». А по нашему, такъ даже и читанье Васи было гораздо толковѣе, нежели безтолковая сапожничья пѣсня. Впрочемъ, Ѳедоръ Ѳедосѣичъ о новомъ

своемъ учительскомъ званіи разсуждалъ еще и такъ: «отчего же и не поучить вьюношу неразумнаго? наплевать: пусть ходитъ и болтается около меня, пока Богъ грѣхамъ терпитъ; мѣсто есть — сиди сколько хочешь, хоть ночи насквозь; меня же онъ не укуситъ, а два съ полтинкой все-таки въ карманѣ. Да и кто же нонъче отказывается отъ денегъ? развѣ дуракъ-дураковичъ одинъ, да и тотъ, пожалуй, ужь подумаетъ: «эй, никакъ взять?»

Такъ и порѣшили; съ другаго же дня Вася по сосѣдству съ Азорожъ и Шеверюшкой сталъ побѣгивать черезъ дорогу въ новый башмачный пансіонъ. Но тутъ опять вмѣшалось одно обстоятельство: самъ Павелъ Кузьмичъ замѣтилъ, что наука у Жбанчика шла по-сапожному тугонько, и потому тотчасъ рѣшилъ перевести Васю (какъ обыкновенно переводятъ учениковъ изъ класса въ классъ) къ отцу дьякону.

Ну, конечно, приходскій дьяконъ Гурій Варсонофіевъ Амалимкоіерусалимовъ — само собою ужь разумѣется—не былъ похожъ на башмачника Ѳедора Жбанчика. Павелъ Кузьмичъ былъ самаго высокаго мнѣнія объ отцѣ-дьяконѣ Гуріѣ, и такъ былъ доволенъ, что тотъ взялъ учить его Васю, что даже съ одышкой прибѣжалъ домой, и еще съ улицы закричалъ въ окошко своей Маѳушѣ: «нашелъ, матушка, нашелъ! да еще какого человѣка-то нашелъ! просто сокровище!» Мало того, когда безтолковая Маѳуша замѣтила было что-то о дороговизнѣ дьяконскаго ученія, такъ Павелъ Кузьмичъ даже осердился на нее и закричалъ: «дура ты баба и есть! Ну, да ты забери себѣ въ голову-то хоть это: вѣдь не сбухту же барахту поставили его во дьяконы-то къ намъ? Пословица говорится: не учась въ попы не ставятъ; ну, значитъ и въ дьяконы тоже. Ужь вѣрно онъ протеръ лямку-то по-солдатски: поди, я чай, въ восемнаріи-то одной, примѣрно лѣтъ пятнадцать высидѣлъ, между четырьмя стѣнами! Ну, такъ неужели же по твоему, по-бабьи, какъ вошелъ онъ туда, такъ и вышелъ оттудова дуракъ-дуракомъ? Хоть по строчкѣ онъ зубри въ годъ, такъ все-таки пятнадцать-то строкъ знаетъ. Не Ѳедоръ же онъ Жбанчикъ какой нибудь наконецъ, все-таки отецъ-дьяконъ называется — человѣкъ ученый, человѣкъ обрѣзованный!»...

А дѣйствительно ученый и образованный отецъ-дьяконъ, какъ человѣкъ просвѣщенный, взялся учить Васю не просто одной только грамотѣ; нѣтъ, онъ взялся за двадцать-пять рублей, на-выучку, обучить Васю всему и даже пѣть по нотамъ. А

чтобы дѣло шло ходчѣе и учиться было веселѣе, отецъ дьяконъ денежки взялъ впередъ. Павелъ Кузьмичъ безусловно вѣровалъ въ отцовъ поповъ, дьяконовъ и монаховъ, а потому, посовѣтовавшись съ Маѳушей, тотчасъ занялъ у барина бѣленькую и съ почтеніемъ вручилъ ее отцу-дьякону. А Маѳуша съ этого же дня начала караулить субботы и въ каждую изъ нихъ стала отсылать къ отцу-дьякону свои блины. А мнѣ изъ достовѣрныхъ источниковъ извѣстно, что блинамъ этимъ отецъ-дьяконъ спуску не давалъ, и даже на скромный субботній приходъ Васи съ поклономъ всегда отвѣчалъ громогласно; «го-го-го! опять блины? — давай-ко ихъ сюда».

Дьяконское просвѣщеніе Васи началось вотъ чѣмъ: Вася каждое воскресенье сталъ ходить въ церковь, становился на клиросъ, и стоило только отцу-дьякону толсто выговорить: «Господу помолимся!» — Вася такъ выводилъ за дьячкомъ Парамонычемъ: «Господи помилуй», что самъ Павелъ Кузьмичъ съ умиленіемъ думалъ въ эту минуту: «ай-да злодѣй мальчишка, какъ онъ славно выводитъ!»

Но Павелъ Кузьмичъ, несмотря на восхищеніе, былъ человѣкъ безпокойный: онъ и тутъ скоро замѣтилъ, что у отца-дьякона все шло только пѣньё да пѣньё, а главныя науки — читанье и писанье — впередъ не подвигались; Павелъ Кузьмичъ взбунтовался противъ отца-дьякона до того, что не вытерпѣлъ, и самому Васѣ сказалъ однажды: «твой отецъ-дьяконъ вѣрно дьячка изъ тебя хочетъ сдѣлать; оставайся-ко сегодня дома, нечего туда шататься: ты тамъ все шалберничаешь да орешь, да сапоги только дерешь». Сердце Васи возрадовалось, когда онъ услыхалъ о томъ, что наука опять кончилась. И вотъ, почувствовавъ свободу, онъ опять сталъ дѣйствовать такъ размашисто, что отъ рубашонокъ и сапогъ полетѣло одно только клочье. Павелъ же Кузьмичъ на это размашистое житье сына опять взглянулъ искоса, — словомъ, Павелъ Кузьмичъ былъ изъ числа тѣхъ безпокойныхъ и упрямыхъ людей, которымъ если попадетъ что въ голову, обухомъ не выколотишь. Черезъ недѣлю онъ еще отшарилъ какого-то новаго учителя, Асафа Мироныча Бутылкина, по настоящему его ремеслу — сапожника, и упросилъ убѣдительно, чтобы тотъ ужь наконецъ доучилъ ему сына, какъ слѣдуетъ, до конца.

— Народишко-то больно нонче безсовѣстный сталъ, говорилъ Павелъ, когда они окончательно поладили съ новымъ учи-

темъ : — деньги-то берутъ, а ребятишекъ вѣдь ничему не учатъ. Шутка сказать : вонъ отецъ-дьяконъ двадцать-пять рубликовъ взялъ съ меня, а спроси-ка его : чему научилъ онъ мальчишку? — Пѣть развѣ только, а ужь больше-то ничему. Ну, а вѣдь для нашего брата двадцать-то-пять рублей — капиталъ! ихъ на полу не поднимешь.

— Что и говорить, золотикъ, конечно.... вишь народъ ужь сталъ такой, заключилъ глубокомысленно сапожникъ, смотря въ землю : — до денегъ-то больно падки, такъ и трясутся, какъ кощеи....

— То-то, другъ, падки, а это по моему не годится ; по нашему возьми, такъ возьми за дѣло, а попусту-то что обирать человѣка? Это не дѣло какое; тамъ хоть за труды,—а это что?... Пожалуйста ужь, Миронычъ, будь отецъ родной: прошколь хорошенько, сдѣлай милость, я ужь тебѣ тово....

— Не сумлѣвайтесь, я ужь.... чего тутъ толковать — это мнѣ дѣло извѣстное — не перваго вашего : вонъ у меня и Перепелкинъ старшенькій-то учился—ну, тоже остались бубушка съ дѣдушкой довольны такъ, что-и!...

Такимъ образомъ за Васю принялся еще и сапожникъ Асафъ Бутылкинъ, который вѣрно не читалъ басни Крылова.

У новаго учителя Асафа Мироныча Вася началъ закомуристо отхватывать заглавныя буквы, величиною въ полстраницу, началъ даже слегка пробовать себя и по прописи, проучилъ насквозь часословъ, перешелъ легонько на псалтырь и сталъ на послѣдней строкѣ пописывать и цифры до десяти.

Павелъ Кузьмичъ былъ отмѣнно доволенъ новымъ учителемъ Асафомъ. Да чего же и лучше : сапожникъ вѣчно сидитъ на одномъ мѣстѣ, а Вася сидитъ около сапожника ; сапожникъ вѣчно мурлычитъ свою пѣсню, а Вася сверчитъ, какъ сверчокъ, свой псалтырь. Иногда развѣ только для разнообразія сапожникъ постучитъ молоткомъ, а Вася въ это время молча разинетъ широко ротъ и выпишетъ свой заглавный азъ. Самое позѣваніе учителя съ ученикомъ, и то было удивительно согласно. Стоитъ только начать раздвигать челюсти учителю — Вася уже разѣваетъ ротъ свой какъ западню, — и наоборотъ: стоитъ только Васѣ разинуть ротишко и перекрестить его крестомъ — учитель Асафъ уже гамкнулъ, какъ волкъ! Даже въ самомъ разговорѣ, и то придерживались они какого-то согласнаго порядка. Если бы вздумалось, напримѣръ, учителю спросить ученика: «а что,

братъ, никакъ ужь позѣвается?» ученикъ отвѣчалъ какъ эхо: «да-съ, Асафъ Миронычъ, позѣвается».

— Ну, а что, братъ, поэтому не пора ли намъ кончить?

— Да-съ, Асафъ Миронычъ, пожалуй, пора ужь и кончить.

Словомъ, когда ни забѣгалъ Павелъ Кузьмичъ съ базару — въ качествѣ штатнаго смотрителя — всегда онъ находилъ въ отличномъ порядкѣ училище Асафа; такъ что наконецъ, проходя мимо, онъ ужь только подумывалъ: «да что мнѣ ихъ смотрѣть? Мнѣ ужь вѣдь извѣстно напередъ, что тамъ одинъ читаетъ, а другой поетъ». И весело махнувъ рукой, онъ мимо проходилъ домой.

Такимъ образомъ познакомившись на короткую ногу, Вася сталъ замѣчать, что учитель его Асафъ Миронычъ былъ очень добрый учитель, гораздо лучше отца-дьякона. Тотъ никогда и не думалъ отпускать Васю раньше вечеренъ: ударятъ въ колоколъ — ну и ступай домой, а не ударятъ — такъ и сиди да дожидайся вечерняго звона. А Асафъ Миронычъ мало того, что отпуститъ раньше утромъ; еще спроситъ иногда: «а что, братъ, Вася, поѣсть не хочешь ли? не пора ли ужь и домой махнуть?» А иногда такъ и просто хватитъ: «сегодня, говоритъ, братъ, суббота — баня, такъ послѣ обѣда можно бы и не учиться; а сегодня, говоритъ, понедѣльникъ, за вѣниками поѣдемъ въ лѣсъ послѣ обѣда, такъ ты ужь не учись; а завтра, говоритъ, купанье лошадей послѣ обѣда, некогда, ученья тоже не будетъ». А послѣ завтра, смотришь, скажетъ: «не забудь, говоритъ, съ тяпкой приходи — капустки нужно порубить, кочерыжекъ поѣдимъ, братецъ, съ тобой». Смотришь, опять цѣлый день нѣтъ ученья! А какъ хорошенько развозятся съ капусткой, такъ глядишь, не только другаго, и третьяго денька прихватятъ половинку. Что же дѣлать? — житейское все: не безъ капусты же сидѣть учителю Асафу,—безъ капустки жить русскому учителю нельзя. А время между тѣмъ идетъ да идетъ своимъ чередомъ. А тамъ, смотришь, и осень пришлепнула дождями — грязно ходить учиться; а тамъ и зима заворотила съ русскимъ морозомъ—ну, холодно ходить учиться, да темно, да еще день коротокъ; а тамъ и весна пришла и можно бы ходить учиться—ужь тепло и свѣтло—ну некогда. Масляница подкатила—нужно блинковъ поѣсть; а тамъ и чистый понедѣльникъ пришелъ,—ну кто же учится по чистымъ понедѣльникамъ?—и въ казенныхъ-то училищахъ этотъ день отдается на

баню, да и такъ-то всѣ въ этотъ день отдыхаютъ послѣ блиновъ. А тамъ и вторникъ на дворѣ—кажись-бы великопостный, самый легкій день для начала ученья — инъ опять нельзя: сборная ярмарка; суетливо какъ-то все—некогда! Самый неподвижный человѣкъ Асафъ Миронычь-сапожникъ, и тотъ говоритъ въ это время: «пойдти никакъ и мнѣ на ярмоночку сбродить» — ну и отправится сбродить на ярмоночку, да такъ сбродитъ, что цѣлый день тамъ и болтается.—«Нельзя, говоритъ: знакомые попадаются, поговоришь, кажись, немного, а день-то весь и ушелъ.» А тамъ на говѣнье мамыньки съ тятенькой по недѣлькѣ отойдетъ, да на говѣнье самаго учителя Асафа недѣлька отхватится; а тамъ Васѣ нужно позаботиться тоже о своихъ прегрѣшеніяхъ, а тамъ страстная, а тамъ и пасха,—такъ весь годъ-то и проскочилъ мимо науки.

Да, добрый былъ учитель Асафъ Миронычъ; онъ, напримѣръ, всегда давалъ бумаги на змѣй, а иногда и самъ устраивалъ Васѣ змѣй хорошій, а въ добрый часъ такъ и запускалъ его, когда былъ заманчивый вѣтеръ; ну самъ также трещетки привязывалъ и пословъ пускалъ. По милости мироны чевыхъ змѣевъ Вася давнымъ-давно забылъ уже, какъ въ старые годы буточникъ пошугивалъ его за змѣй. Очень добрый былъ учитель Миронычъ: на пасху, напримѣръ, онъ самъ въ козны игрывалъ съ ученикомъ своимъ Васей; на Рождество въ носки и мельники, а на Евдокею да на кузьминки такъ хваталъ даже и въ дураки! А что касается этакъ до учительскаго носа, такъ въноcкахъ Вася такъ обходился съ нимъ безцеремонно, такъ лупилъ его иногда и шестью еще картами безбоязненно, что ему въ азартѣ даже представлялось, будто онъ играетъ съ Вавилой дворникомъ, или съ Никишкой форейторомъ, а не съ учителемъ своимъ Асафомъ,—ему рѣшительно все равно — такъ и лупитъ! Учитель Миронычъ только морщился.

Да и кромѣ всего этого, Асафъ Миронычъ все-таки былъ добрый учитель; никогда, напримѣръ, и ни за что онъ не бранивалъ Васю, даже не кричалъ на него такъ голосисто, какъ кричалъ всегда отецъ дьяконъ. Конечно, иногда стегнетъ его, бывало, и нótегомъ раза два-три, да за этимъ что же гнаться? кого же въ жизни не простегиваютъ, если хотятъ изъ человѣка сдѣлать теплаго парня? Сердиться же за это никакъ было нельзя, потому что все это было ни шумъ, ни брань, ни побои на масляницу съ фонарями подъ глазомъ, ни училищное наказаніе съ двойными

криками учителя и ученика, а такъ ни то, ни се — словомъ: попался подъ руку—ну стегнутъ разъ-другой, а не попался—ну и не нужно—не взыщи! Это постегиваніе Асафъ Миронычъ называлъ такъ: «а перцу-азра, говоритъ, задать оно не мѣшаетъ; оно значитъ: такъ, для полировки крови, ну и для порядка тожь!» Сапожникъ на этотъ счетъ былъ мнѣнія сапожнаго: онъ зналъ, что у насъ на Руси святой ученику въ училищѣ и сапожнику въ мальчикахъ безъ этого обойтись нельзя: какъ задашь имъ перцу-азра, дѣло-то и пойдетъ опять какъ по маслу! Дѣйствительно, всѣ мы видимъ изъ опыта, что въ мірѣ русской дѣятельности все такъ и идетъ своимъ чередомъ, какъ лошаденка по проселочной дорогѣ: залѣнится, остановится — стегнутъ, ну опять пойдетъ.

Такъ можетъ быть и Васѣ пришлось бы понемногу проучиться лѣтъ двадцать,—словомъ, до тѣхъ поръ, какъ пришлось бы ему наконецъ жениться и начать учить дѣтей своихъ. Асафъ Миронычъ Бутылкинъ на этотъ счетъ зналъ даже какую-то забористую пословицу, кажется въ такомъ родѣ: «курочка, говоритъ, по сѣмечку клюетъ да сыта живетъ», — ну, а пищу духовную вѣдь нельзя же глотать кусками, и Вася вѣрно ужь наклевался бы современемъ.

Но тутъ опять вмѣшалось что-то, что перекувыркнуло и учителя и ученика и все окружающее Васю, и обработало все посвоему; такъ что читая слѣдующую главу, не придется-ли намъ сознаться въ томъ, что сама судьба заботилась объ этомъ ребенкѣ больше, нежели тятя съ мамой и всѣ его учителя. Съ Васей случилось вотъ что.

Г. ПОТАНИНЪ.

СТАРОЕ СТАРИТСЯ, МОЛОДОЕ РОСТЕТЪ.

РОМАНЪ.

ГЛАВА V.

Къ Васѣ пріѣхалъ дядя изъ Петербурга, такой же лощеный, какъ самъ Петербургъ.

Дядя былъ черный усачъ, и такой славный, высокій, видный, ловкій; ходилъ прямо, какъ палка, носилъ густые бакенбарды котлетами и узкіе кольями сапоги на высокихъ каблукахъ, какъ человѣкъ офранцуженный. Носилъ онъ даже сначала — какъ пріѣхалъ — на шеѣ и стеклышко очковое на одинъ глазъ, и толковалъ тятѣ, что въ Петербургѣ носятъ эти стеклышки не одни слѣпые старики, а всѣ молодые, и не затѣмъ, чтобы зорче видѣть, а просто такъ — по модѣ. Разъ даже такъ всплылилъ глазъ этимъ стеклышкомъ, что простой тятя плюнулъ и добавилъ: «вотъ чертовщина-то придумана!» Петербургскій человѣкъ, на первый же день, объявилъ всей дворнѣ, что онъ служилъ тамъ не просто гдѣ-нибудь, а прямо при дворѣ — ламповщикомъ. Онъ все зналъ, все видалъ и все разсказывалъ.

Онъ разсказывалъ, какъ ѣлъ корюшку, ряпушку и салакушку, и при этомъ разставлялъ пальцы по столу, чтобы вѣрнѣе показать величину рыбокъ, увѣряя тятю съ мамой, что онѣ такъ сладки, какъ медъ, и жаль только одного, что скоро пріѣдаются. И тутъ же кстати объяснялъ, что корюшка и ряпушка рыбка — морская, а салака — рыба не русская — нѣмец-

кая; поэтому и дано ей такое смѣшное названіе: «салака». А въ заключеніе еще и добавитъ: «есть, говоритъ, этакіе нѣмцы-чухонцы, — у насъ еще свиньи чухонскими называются,—вотъ у нихъ-то такая рыбка-то и есть. На Сѣнной площади, тамъ около Спаса-Милостиваго живетъ все народъ богомольный и постный; тамъ для него и продается эта салака, да такъ, что просто хоть пробками затыкай носъ, когда идешь мимо: такой душище поддастъ тебѣ, особенно въ постъ-отъ великій—самый ужь великопостный!... такъ по носу тебя и дернетъ.... Полиція ужь только крякаетъ, какъ отъ крѣпкаго табаку».

Онъ разсказывалъ также, какъ выпивалъ порцію спирту, не морщась, и при этомъ, въ родѣ кукиша, выставлялъ всѣмъ на показъ палецъ, чтобы точнѣе опредѣлить величину стаканчика, заканчивая рѣчь свою тѣмъ, что здѣшняго, простаго, поганаго винишка тамъ и во снѣ не подносятъ. А тятю съ мамой увѣрялъ, что ему и горла никогда не перехватывало, — «такъ, говоритъ, какъ на каменку и поддашь»! Онъ даже иногда проговаривался, что царскіе поставщики не то, что откупщики, — они ни за сто раковъ не подпустятъ и близко купороснаго маслица, вмѣсто сивушнаго, и что ерофеичъ тамъ ерофеичемъ, а миненчъ миненчемъ, — всякій подъ своей печатью и ярлыкомъ, и что нѣмецъ аптекарь, хоть сто лѣтъ нюхай ихъ, ничего не пронюхаетъ: не будетъ ерофеичъ миненчемъ, а миненчъ ерофеичемъ, такъ и останутся всякій съ своимъ запахомъ и вкусомъ. О свѣтланѣ и ночной красавицѣ петербургскій человѣкъ такъ сокрушался, какъ сокрушаются у насъ въ провинціи только о потерѣ жены-друга, съ которой прожито душа въ душу лѣтъ двадцать пять, до серебряной свадьбы. Онъ даже иногда добавлялъ, что если бы Петербургъ былъ такъ близко, какъ барынина Задерихвостиха, такъ онъ непремѣнно сходилъ бы въ него пѣшкомъ и принесъ бы оттуда на себѣ боченочекъ дѣйствительной свѣтланы, да бутылочку настоящей ночной красавицы, и что та ночная красавица, которую употребляютъ здѣсь въ захолустьѣ, рѣшительно и не пахнетъ той прелестью, какая тамъ, собственно въ Петербургѣ. У насъ, говоритъ, въ Петербургѣ, — да и начнетъ онъ разсказъ о кушаньяхъ царскихъ, да о томъ, какъ на кухняхъ у царя чисто и опрятно: мундкохи въ при часахъ, съ завитыми волосами, а кухмистеры во фракахъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ; всѣ важно такъ ходятъ по кухнѣ; кушанья же никто изъ нихъ не готовитъ, потому что за нихъ готовятъ

кушанье повара да поварята простые; а они около блюдъ похаживаютъ, да посматриваютъ, да покрикиваютъ, чтобы все было чище, да понюхиваютъ, да полизываютъ, чтобы узнать только вкусъ — чѣмъ попахиваетъ царское кушанье. Петербургскій человѣкъ, какъ знаменитый Диккенсъ, великолѣпно описывающій свои свиныя котлеты, подробно расписалъ предъ всей дворней щеголеватую царскую кухню. Кафельныя бѣлыя стѣны, сверкающія какъ зеркала; мраморные гладкіе полы, ровные какъ столъ и лавка въ застольной; воздушные шкафы съ воздушными французскими пирожными; паровые котлы съ паровыми нѣмецкими сосисками; духовыя печи съ духовыми англійскими пудингами, — все было такъ подробно изображено, какъ можетъ только изобразить человѣкъ, живущій на кухнѣ царской, какъ дома. Самый дворникъ Вавила, и тотъ замѣтилъ, что во всемъ этомъ была видна наблюдательность самого наблюдательнаго Вальтера Скотта. А простые слушатели — тятя съ мамой, да Іоновна съ Анхимычемъ — такъ тѣ до того заслушивались диковинокъ, что просто разѣвали рты! что̀ подмѣчаши, придворный петербургскій человѣкъ — чтобъ озадачить всѣхъ окончательно — добавлялъ еще въ заключеніе: «я и самъ зажигалъ мои лампы въ дворцовыхъ сѣняхъ, и даже въ самомъ дворцѣ въ коррпдорахъ!»

«Экъ куда его занесло! затесался вишь въ самый царскій дворецъ», подумывалъ безтолковый Вася о питерскомъ дяденькѣ.

А дяденька послѣ того пріостановится разсказывать о кушаньяхъ царскихъ, возьметъ гитару, да какъ хватитъ трепака или барыню, да такъ бойко, что половицы и столъ запляшутъ въ застольной отъ притопыванія лихаго петербургскаго человѣка. А потомъ и поведетъ опять разсказъ свой о томъ, какой у царя кучеръ, да какъ другіе лошадей ему закладываютъ и выводятъ, а онъ только сядетъ, тряхнетъ важно возжами да поѣдетъ съ самимъ царемъ или царицей. Самъ-то онъ, видишь, никогда лошадей не закладываетъ — даромъ что кучеръ, — потому что онъ благородный, или повыше того; ну, ему и закладываютъ все подмастерья, другіе кучера подначальные, а онъ только катается по Петербургу. Да-съ, вотъ какъ тамъ поживаютъ и кучера-то, самые, не только господа! А о господахъ ужь и говорить нечего!...

И дядя о петербургскихъ господахъ махнетъ только сильно рукой.

— Поглядишь этакъ иной разъ попристальнѣе на какого нибудь княжескаго кучера, такъ и глаза-то пожалуй просмотришь, право, такъ! Шапочка на немъ, шельмовство, бобровая, какъ на архиреѣ какомъ нибудь, — такъ золотомъ и горитъ; кафтанъ запушенъ весь бобрами; кушакъ, въ ладонь шириной, весь золотой, какъ поповскій поясъ. Одна бородища чего стоитъ: просто цѣны ей нѣтъ! у одного развѣ турецкаго салтана еще такая борода.... А вотъ посланникъ его, — такъ при мнѣ онъ тутъ пріѣзжалъ ко двору, — я у воротъ стоялъ: нарочно еще полюбопытствовалъ, взглянулъ, — ну, нѣтъ — далеко не кучерская борода! — клинышекъ какой-то — кисточка, просто какимъ-то козелкомъ французскимъ отзывается, даромъ что турокъ. Ничего въ ней нѣтъ этакъ ни осанистаго, ни великатнаго! Самъ какъ сухарь сухой, приземистый да дрянненькій; глаза какъ угольки горятъ,—весь какъ головяшка черный; спрыгнулъ да побѣжалъ.... По моему, такъ нейдетъ даже ему и посланникомъ-то быть: такъ какой-то блинникъ, аладьи бы ему продавать....

По людской раздался хохотъ дворни.

— Да право — увѣряю васъ! аладьи бы.... Сулея съ постнымъ масломъ, больше ничего.

По людской повторился глухой сдержанный смѣхъ.

— А что дѣлаютъ тамъ съ этими кучерами господа петербургскіе, такъ ужь просто только рукой махни! Ну, кормятъ то тамъ ихъ не то, чтобы очень жирновато: не то, что нашъ царь-горохъ-батюшка,—другой такъ себѣ напрется, что лопнуть съ него хочетъ; тамъ, пожалуй, и баранья похлебочка изъ мосолковъ такъ за лакомство; поэтому и выходитъ, что кучера петербургскіе не совсѣмъ-таки жирноваты. На другаго этакъ посмотришь въ торговой банѣ, такъ стерва стервой; сухъ персухъ, какъ вонъ пересушеная вобла-щепка. Ну, а попробуй посмотри на него въ парадномъ выѣздѣ зимой, на катаньѣ, въ представленіи ко двору, такъ просто ахнешь... ей-богу такъ! Съ рожи-то будто сидитъ тотъ же Сидоръ графскій, мертвечинкой отзывается; а по туловищу бочка бочкой, настоящій Илья Муромецъ. А какъ пораспросишь его гдѣ-нибудь втихомолку, въ закоулочкѣ: «какъ это съ нимъ случилось?» ну, и обнаружится, что на него три тулупа наворочено, да е

пожалуй, ваточный халатъ-пудовикъ, чтобы онъ дюжѣе казался. Баринъ-графъ говоритъ: «кучеръ долженъ быть кучеромъ, а не сухаремъ». А къ этому, пожалуй, еще и бородки прикупитъ у цирюльника, да такъ привѣситъ и расчешетъ на обѣ стороны Сидору-сухому, что иной и на святки такъ не ухитрится. Такъ и выходитъ, что весь Петербургъ щеголяетъ съ жирными кучерами, да пушистыми бородами.

Дворня начинаетъ ахать и дивиться надъ тѣмъ, какъ въ Петербургѣ тоненькаго человѣка передѣлываютъ въ толстаго, и сухаго, не кормивши, выкармливаютъ жирнымъ, а петербургскій человѣкъ заканчиваетъ свое повѣствованіе еще и такимъ умнымъ заключеніемъ: «да это все намъ здѣсь только въ диковинку, а въ Петербургѣ всѣ эти штуки нипочемъ: въ Петербургѣ-батюшкѣ и на бороду-то матушку придумана надувательная система. Тамъ у иной барыни голова-то какъ арбузъ, не только косы, и волоска съ огнемъ не отыщешь; а какъ разрядится, да выйдетъ на Невскій пройтись съ кавалеромъ, такъ такія букольки съ кудерками распуститъ, словно у молодаго щеголя попа. А у кавалера-то иного, по буднямъ, запросто, такъ и хлѣба-то нечѣмъ откусить — ни одного зуба во рту нѣтъ, а какъ вышелъ въ праздникъ на улицу, посмѣяться надъ публикой, такъ такіе тебѣ клыки выставитъ, такой окажется зубастый, что только иди да сторонись, чтобъ онъ не укусилъ тебя. А пришелъ домой къ вечеру — ну, опять зубы на полку: [illegible]-то опять деснами жуетъ. А тамъ какъ нужно опять, — [illegible] и опять ихъ выставилъ, какъ частоколъ, на показъ всему Петербургу. Тамъ эта невидаль не очень дорога: за какой нибудь рублишко серебромъ, такъ, пожалуй, тебѣ зубарь-лекарь [illegible]ую челюсть въ ротъ-отъ ввороти тъ, не только одинъ зубъ; [illegible] и гложи себѣ на здоровье во всю свою жизнь. Ему нѣмцу [illegible] жидовъ не очень грѣшно торговать христіанскими костями. [illegible] это все ужь ни почемъ».

И не успѣютъ еще тятя съ мамой надивиться порядкомъ и [illegible] кучеромъ царскимъ, какъ, смотришь, питерскій дяденька [illegible]распространился уже и объ лакеяхъ придворныхъ.

— Ну, а что касается до царской прислуги, такъ я вамъ [illegible]жу, это просто мое почтеніе, да-съ! Это не то, что мы вотъ [illegible] этакъ грѣшные фуфлыги, — морду тебѣ начистятъ, а ты [illegible]ько облизывайся, да еще кланяйся и благодари; ну, нѣтъ, [illegible]! тамъ не то, тамъ не начистятъ: тамъ чистые, сударь

ты мой, дворяне служатъ въ лакеяхъ, и всѣ благородные, да высокоблагородные, а иногда между ними, смотришь, проскочитъ и генералъ! Да-съ! Особливо вотъ когда ко двору пріѣзжаетъ кто нибудь изъ земель иностранныхъ — посолъ тамъ этакой какой нибудь, или королишко какой ни-на-есть. А этихъ, что тамъ этакъ крестъ на шеѣ, или медалька — этихъ и вездѣ встрѣтишь. Въ Петербургѣ небось не выйдетъ квартальный середи базару, не будетъ указывать мужику на медаль свою, не закричитъ на него во всю глотку: «ты меня бойся,—видишь это!» Тамъ медалью мужика не запугаешь: ужь укажутъ или нѣтъ на звѣзду, — это еще по хоже на что нибудь; пожалуй, и страху можно внушить гдѣ нибудь дорогой; а медалей тамъ так много, что на нихъ ужь и не смотритъ никто — просто копѣйки серебромъ, или вмѣсто солдатской пуговицы. А сколько всякаго этого народу при дворцѣ царскомъ! Боже мой!... И каких тамъ, братецъ ты мой, нѣтъ названій и должностей, просто перечитать-то трудно. Ну, а всякому свое дѣло назначено, как поглядишь, дѣло все нешуточное. Всѣ цѣлый день заняты. У меня, вонъ, бывало, цѣлый день чистка идетъ, заправка свѣтильни, перетирка стеколъ, наливанье масла; — потомъ тебѣ вскомандуютъ: «зажигать»,—ну, зажигаешь почти цѣлый часъ и все въ дѣлѣ, и отдыха тебѣ нѣтъ! И народъ все молодецъ к молодцу, точно на отборъ. Видано все....

«А какъ щеголяютъ, чортъ бы ихъ ободралъ! это уму человѣческому непостижимо: другой тутъ цѣпь на себя наворотит просто думаешь, веревка у него на шеѣ-то—ей-Богу, съ палец толщиной; у того тамъ перстень торчитъ на рукѣ этакой, как подкова лошадиная — просто весь *зіяетъ*, тотъ тамъ галстук себѣ хомутинный какой-то наворотитъ — этакъ вотъ: торчи на пол-аршина; у этого тамъ пуговицы на жилетѣ висятъ б лобойками, какъ колокола; у того тамъ собака цѣлая пришпилена, вмѣсто какой нибудь манишной булавки. Просто загадѣнье! Глаза-то всѣ просмотришь на нихъ.

«А шаркуны какіе тонкіе! въ обхожденіе этакъ войдти ними, — да просто, что твои дворяне наши! хоть любаго с часъ въ какую ни-на-есть гостинную, такъ и то не уронитъ с лицомъ въ грязь.—Пырсиковъ вонъ здѣсь и оченно-таки зуд кавалеръ; ужь, кажется, больно манерно увивается около на барыни, — ну, а все далеко не то. Тамъ тотчасъ видна придворная птица. Подкрадется къ тебѣ, бестія, какъ лисица, шарки

передъ тобой тихонечко съ улыбкой, и начнетъ допрашивать: «позвольте, говоритъ, узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить? — а какую вы должность при дворѣ изволите занимать?» — и все этакое. Ну, конечно, отвѣтишь ему, что я вотъ такой-то Миронъ Ерофеичъ Огаркинъ — занимаюсь съ лампами. — «Ахъ, говоритъ, очень, очень пріятно познакомиться: это вы насъ просвѣщаете по ночамъ?» — ну и пошелъ расписывать: «какъ пріятно, говоритъ.... вы насъ изъ темноты на свѣтъ выводите....» и все такое. Съ удовольствіемъ можно его прослушать; — такъ и пишетъ!

«А народъ все этакъ видный, молодой, красавцы (дяденька-питерскій при этомъ и самъ пріосанится, да крякнетъ, какъ будто подумаетъ: «оно конечно и мы тоже въ свою очередь»...). Ну, много тамъ есть изъ нихъ и такихъ, которые по-французскому да по-нѣмецкому такъ и чешутъ. Послушаешь этакъ ино разъ—непонятно, ну и слышно, что точатъ между собой язычокъ по-нѣмецки. Или къ нимъ этакъ туда проберешся во дворецъ — въ шашечки сразиться, — и это можно, ничего! У всякаго своя комнатк нумерная, и все такъ чистенько. Сами ужь это наблюдаютъ: всякій конечно понимаетъ, что онъ не въ клѣвѣ свиномъ.

«Ну, а на гуляньѣ гдѣ нибудь, въ загородномъ, пойдешь этакъ съ нимъ, такъ только смотри на него да дивись. Такъ, шельма, шаркаетъ съ знакомыми мамзелями, съ чиновными, что просто — баринъ настоящій, да и баринъ-то еще не простой: деликатность такая у него, манерничаетъ со всякой мамзелькой, просто какъ чистый графъ. Небось, не купитъ ужь жомочка съ подсолнечнымъ сѣмячкомъ,—нѣтъ, шалишь! просто по-княжески, бестія, закричитъ: «эй, человѣкъ! мороженщикъ! подавай, говоритъ, порцію мороженнаго этой мадемуазели».—Ну и закипитъ у него все живо. Слабодно все, такъ-что любо! Ему и дѣла нѣтъ, что рядышкомъ съ нимъ гуляетъ настоящій свѣтлѣйшій; онъ и въ усъ ему не дуетъ—самъ себѣ князь. Посвистываетъ, да покрикиваетъ тому подъ самый носъ; а тотъ только поглядывай на него, да посматривлй, какъ онъ веселится! Здѣсь вонъ вынешь на какую нибудь заржавленную копѣйку, да ужь и лѣзешь скорѣе съ задняго двора куда нибудь на сѣнницу, чтобы баринъ тебя не увидѣлъ, да еще лупку бы тебѣ не задалъ, а тамъ такъ этого нѣтъ.... тамъ какъ дернетъ человѣкъ порядкомъ, такъ тотчасъ и въ публику лѣзетъ: ему тамъ что за дѣло,

что это, говорятъ, министръ? онъ и съ министромъ, пожалуй, рядышкомъ сядетъ, да табачку съ нимъ разнюхаетъ, или еще пожалуй тютюнцу министершѣ самой подпустить подъ-носъ,—нюхай барыня на-здоровье. Вотъ какъ тамъ,—это не по нашему, вѣрно, по-мужичьи... Слабодно такъ, что и!...»

Вся дворня начинаетъ глупо ухмыляться, а нѣкоторые изъ восторженныхъ слушателей такъ даже и добавляютъ: «вишь, какъ тамъ поживаетъ наша-то братья!... по-питерски, вѣрно...»

— Н-да! не по-нашенски — видно, отвѣчаютъ тихо тятя съ мамой, и о чемъ-то даже весело задумались древнія ихъ; простодушныя, грустныя лица выразили какъ-будто предчувствіе новой жизни и души ихъ шептали: «да, это не по нашему!...»

— Кажется вѣдь ужь обыкновенный человѣкъ въ Петербургѣ, ну, а все не то, что здѣсь. Есть у него лишняя копѣйка, — пошелъ, закричалъ себѣ Ваньку, развалился къ нему на дрожечки господиномъ, выставилъ тутъ себѣ тросмь съ птичьей или звѣриной головой, какъ баринъ какой, ну и ѣдешь себѣ да покачиваешься, какъ помѣщикъ въ своей колясочкѣ, — и знать-то никого не хочешь! Баринъ знакомый попался — ну, шляпу поправитъ вмѣсто поклона; а нѣтъ, такъ отвернется, да и такъ мимо промахнетъ, будто не видитъ. Впрочемъ, тамъ и отъ своего-то собственнаго, такъ и то можно морду отворотить, а чужой-то и не прогнѣвается, давно ужь къ этому всему привыкъ.... Да тамъ, впрочемъ, на это на все ужь какъ-то и не смотрятъ. Всѣмъ-то кланяться, такъ козырь переломишь....

— Ай-ай, ты, свѣтикъ мой Ерофеичъ, больно притоманно разсказываешь, словно сказку какую старушечью; какъ гусельки звончатые распѣваютъ у тебя подъ языкомъ-то, настоящій ты котъ заморскій.... Тебя вѣрно не переслушаешь? сказала чуть слышно старая Іоновна и пошла отдохнуть на свою широкую и теплую русскую печь.—А петербургскій человѣкъ все-таки продолжалъ разсказъ свой о лакеяхъ петербургскихъ, и въ особенности о лакеяхъ царскихъ.

— Ну, а какъ скоро на службу, говорилъ онъ важно: — въ дежурство — во дворецъ — такъ тамъ мое вамъ почтеніе; хвостъ-отъ тоже прижимаютъ и имъ. Хомутины всѣ свои долой, къ чорту, и надѣвай формочку. Да, красный воротничокъ съ обшлажками, какъ у квартальнаго; жилетъ тоже красный весь —грудь выйдетъ такая славная, какъ у снигиря — красная; на ноги — штиблетцы съ башмачкомъ, хоть въ танцъ пускайся! — —

Такъ въ этомъ всемъ цѣлыя суточки и торчи на мѣстѣ, повертывайся передъ царскими зеркалами. А уйдти ужь и не думай, ни-ни, не смѣй. За это, пожалуй, какъ разъ и вонъ попросятъ: сонней-то тамъ очень не долюбливаютъ. Да много-то съ ними и не разсуждаютъ: если скажутъ «вонъ!» — такъ ужь мое почтеніе, въ другой разъ не пожалуетъ—и близко-то не подойдетъ къ двору царскому. Да, вотъ какъ!... Ну, а все-таки великое дѣло — придворный человѣкъ: это ужь одно чего стоитъ—«на лицо у царя!»

«Экъ, какъ тамъ поживаютъ!» думаетъ маленькій Вася: — «вотъ посмотрѣлъ бы на ихъ житье-бытье... Грудь, видишь, вся красная — снигиремъ, у царскаго лакея! это стало быть больно ужь хорошо — по настоящему, по придворному.»

И безтолковый Вася глубоко задумается, и еще вздохнетъ, какъ мѣхи, о томъ, что до сихъ поръ не видалъ онъ здѣсь ничего этакого прекраснаго—петербургскаго.

А дяденька послѣ того пріостановится разсказывать, отдергаетъ на гитарѣ «по мосту-мосту», хватитъ еще разсказецъ о томъ, какія лихія и ухорскія штуки выдѣлываютъ петербургскіе лакеи во время иллюминацій въ Петергофѣ и въ другихъ садахъ царскихъ, и за этимъ ужь и пустится въ описаніе историческое.

— У насъ, говоритъ, въ Петербургѣ... ну, и начнетъ разсказъ о томъ, какъ тамъ въ Петергофѣ маленькіе мальчики-кадеты лѣзутъ на водяную гору, по командѣ; а сквозь воды свѣтятся плошки да разноцвѣтные стаканчики—«чичайно, говоритъ, привлекательный видъ».—Хотя, говоритъ, оно, конечно, перемочатся, и точно сейчасъ изъ воды вылѣзли, ну, а все-таки весело, смѣются да лѣзутъ впередъ и вверхъ.

А послѣ того и дальше продолжаетъ разсказъ свой петербургскій человѣкъ, еще въ такомъ родѣ: какъ тамъ въ Павловскѣ маленькіе мальчики, морскіе кадеты, по веревочкамъ лѣзутъ на мачту, да по верхушкамъ тамъ и бѣгаютъ высоко, какъ пауки. И такіе-то выдѣлываютъ штуки, что просто съ непривычки никакъ непоймешь: шалятъ они, или учатся. Послѣ ужь только разнюхаешь, что тутъ гдѣ нибудь у нихъ стоитъ учитель, да командуетъ: разъ, два, три!... Конечно оно: трудна и эта наука — морская, особливо для маленькихъ-то дѣтей, ой-ой солоно обходится и имъ! По нашему, кажись бы, оно ничего. Въ лагерѣ тоже стоятъ лѣтомъ, какъ солдаты, такъ уже цѣлое

лѣто и не возвращаютъ ихъ въ Петербургъ, въ палаткахъ и живутъ вплоть до осени. Издали составляютъ пріятный видъ.

Но болѣе всего понравился Васѣ дяденькинъ разсказъ о томъ, какъ въ Петербургѣ маленькіе мальчики-кадеты ходятъ зимою въ однихъ военныхъ мундирчикахъ съ ружьями по улицѣ; каски и кивера на нихъ тоже какъ на военныхъ; шапочки передъ начальствомъ не снимаютъ, даже не кланяются никому такъ низко, какъ кланяется всѣмъ Вася, а просто, какъ солдаты прямые, ружьемъ отдаютъ честь царю и всякимъ большимъ генераламъ; какъ наконецъ самъ царь бываетъ часто у нихъ въ училищѣ, и какъ наконецъ эти маленькіе кадеты играютъ даже съ царемъ самимъ, по-ребячьи, кричатъ ему: «ура!» и лѣзутъ подъ ноги, а онъ только такъ ласково въ отвѣтъ имъ: «дѣти, дѣти, не уроните царя!» А самъ послѣ того еще заѣдетъ къ нимъ въ училище корпусное, въ праздникъ царскій, и привезетъ имъ конфетокъ съ орѣшками — полакомить дѣтей.

Чудо какъ хорошо это мѣсто разсказываетъ питерскій дяденька. А Вася по своему глупому уму-разуму заключитъ еще и такъ:

«А вѣдь скотъ я порядочный; ничего такого славнаго — петербургскаго — и во снѣ мнѣ не снилось. Господи, Господи! хотя бы глазкомъ однимъ посмотрѣлъ на этихъ маленькихъ солдатиковъ! Царь ужь самъ, и тотъ съ ними заигрываетъ да потчуетъ ихъ орѣшками, — значитъ, хороши. А поди, я чай, все не простые вѣдь мальчики? — генераловы дѣти, да всякихъ этакихъ большихъ господъ чиновныхъ: сенаторовъ, да губернаторовъ, да флюгеровъ-дютантовъ, да такихъ вотъ, какъ у меня на картинкѣ сидитъ?» И Вася при этомъ благоговѣйно взглянулъ на измятую лубочную картинку свою, представляющую какого-то проѣденнаго насквозь прусаками русскаго генерала съ выломленной рукой, и крѣпко задумался о томъ, какъ хорошо генераловымъ дѣтямъ учиться у царя, въ Петербургѣ.

А дяденька послѣ того, чтобъ возбудить интересъ въ слушателяхъ, разсказалъ тутъ же ни къ селу, ни къ городу о томъ, какіе длинные сумерки въ Петербургѣ зимою, и какъ весело проводитъ ихъ молодежь на Невскомъ.

— Тамъ даже, братецъ ты мой, можно этакъ и мамзельку любую подъ ручку прицѣпить — погулять, лишь бы только цѣлкачъ въ карманѣ шевелился! выговорилъ громко и лихо петербургскій человѣкъ, и при этомъ еще такъ подщелкнулъ язы-

комъ и такъ подмигнулъ глазомъ, какъ будто проглотилъ что-то уже слишкомъ лакомое. Вся дворня захохотала залпомъ, а удивленный, ничего не понявшій Вася только подумалъ:

«Господи! какой онъ счастливецъ: все-то онъ видалъ и высмотрѣлъ этакое-такое петербургское, отъ чего ужь только ротъ разѣвай, да дивуйся, да ахай. Ай-ай, онъ долженъ быть пройдоха.»

И послѣ генерала, изображеннаго на картинкѣ, Вася тотчасъ взглянулъ на питерскаго пройдоху.

А питерскій пройдоха тотчасъ за этимъ отваляетъ на гитарѣ бойко какой-то нерусскій либеравгустенъ, да опять за этимъ и ударится въ исторію.

— Разъ, говоритъ, порядкомъ я тоже кутнулъ, такъ что до чертиковъ чуть дѣло не дошло, вотъ и.... И затѣмъ длинный разсказъ о кутежѣ петербургскомъ дяди.

Словомъ, историческія повѣствованія петербургскаго человѣка относились всегда болѣе къ лѣтнимъ гуляньямъ, разводамъ, прогулкѣ по Невскому, да къ тому еще, какъ онъ тамъ лихо кутилъ. Да если разобрать жизнь питерскаго дяди, такъ окажется, что болѣе этого онъ и видѣть-то ничего не могъ: потому что и на гуляньяхъ, и безъ гуляній, онъ вѣчно былъ подъ-шефе. Въ разговорѣ только себя не выказывалъ и всегда говорилъ о себѣ: я все видалъ.

— Эхъ, счастливецъ! говорилъ обыкновенно съ глубокимъ вздохомъ Вася: — хоть бы глазкомъ однимъ посмотрѣть мнѣ сквозь какую нибудь щелочку на царскій дворъ. Просвѣщенье, видишь, какое у нихъ: однихъ свѣчей сожигаютъ съ тысячу пудовъ въ вечеръ; ай-ай, должно быть свѣтло живутъ тамъ?... Вотъ посмотрѣлъ бы на ихъ житье-бытье царское! Да гдѣ ужь мнѣ соваться съ моимъ посконнымъ рыломъ; поди, я чай, тамъ за версту и къ забору-то царскому не подпускаютъ близко, не только къ людской, али кухнѣ?

И послѣ этого Вася еще такъ глубоко вздохнулъ, что самъ безтолковый Ваня вылупилъ на него большіе синіе глаза свои и долго смотрѣлъ съ такимъ удивленіемъ, какъ будто силился выговорить: «а что ты, братъ, такъ сопишь? что тебя забираетъ?»

А петербургскій человѣкъ между тѣмъ все-таки продолжаетъ:

— Да, оно мило служить и въ придворныхъ, ну а все какъ-то страшновато: неловко тебѣ дѣлается, все какъ-то думается, что ты не дома у себя на печкѣ. Особливо вонъ съ первоначалу-то: и ступить-то ты боишься, все будто скользко тебѣ становится, и сказать-то ты боишься, словно у тебя ужь и рѣчь-то какая-то звѣриная. Ну, а тутъ какъ пообыркаешься, такъ ничего: иной разъ такъ смѣло лѣзешь впередъ, будто ужь и не знай какая птица. Самъ себѣ дивишься, братецъ ты мой, откуда что возьмется въ человѣкѣ? гордость какую-то возымѣешь противу всѣхъ, носъ поднимешь такъ высоко, что самому на диво; иной разъ даже думается, будто ужь и самъ чортъ тебѣ не братъ! Ну, а тутъ опять какъ столкнулся гдѣ нибудь съ какимъ нибудь важнымъ лицомъ, глядишь — сень-пень да и смерклось, и осѣкся ужь; такъ и перетрусишься его, какъ заяцъ косой. Первый-то годъ, какъ поступилъ туда въ услуженіе, все прятался по закоулкамъ. Чуть этакъ заслышишь издали звякнетъ сабля, или что нибудь этакое — ну, сейчасъ и въ кустъ: куда нибудь въ темный уголокъ и маршъ! А тутъ, какъ по обсмотрѣлся послѣ, ну и поговаривать сталъ, — кто этакъ о чемъ спроситъ. А тамъ какъ попривыкъ совсѣмъ, такъ и смѣлости поприбавилось. — У придворнаго у истопника, у моего пріятеля, былъ дядя гвардеецъ — такой лихой бакенбардистъ, чудо! вотъ этакія помелы висятъ у него тутъ съ обѣихъ сторонъ на щекахъ, — такъ онъ намъ тоже часто разсказывалъ много хорошаго. Парады такіе, что и....

— Слышишь, Никишка?

— Ну, молчи, лѣшій, — не мѣшай.

— А славная тоже это штука — майскій парадъ, продолжаетъ петербургскій человѣкъ: — я вонъ посмотрѣлъ теперича третьяго дня: прокурорскій барченокъ вотъ съ Васей разставили по столу своихъ деревянныхъ солдатиковъ, ну и припомнилъ, какъ бывало въ Петербургѣ, глядишь этакъ же на Царицыномъ-то лугу. Артиллерія несется тебѣ на встрѣчу, такъ что земля-то вся дрожитъ — настоящій громъ небесный идетъ за тобой по землѣ; отъ одной проклятой стукотни такъ заползешь куда нибудь подальше въ канаву, особливо, какъ тяжелое-то орудіе лѣзетъ; гулъ такой, какъ свѣта преставленье: а еще замѣтьте, не палятъ ни въ кого, а просто только ѣдутъ! Генералы тутъ летаютъ взадъ и впередъ, какъ вихри какіе — всѣ на коняхъ верьхами. Войска всѣ вытянуты въ струн-

ку; ну, также съ разными музыками проходятъ мимо палатки царской; пыль такую пустятъ въ глаза всѣмъ, что просто не дохнешь! Ну, а все мило смотрѣть издали, когда этакъ всѣто идутъ церемоніальнымъ маршемъ, кричатъ: «ура!» да полегохоньку подвигаются впередъ. Вотъ дьявольщина выходитъ: когда вдругъ протрубитъ трубачъ и всѣмъ вскомандуютъ: «маршъ-маршъ!» ну, тогда ужь держись: того и гляди, что нибудь случится. Такъ вихремъ и летятъ. Ну, а со стороны всетаки пріятный видъ. Чичайно привлекательно!

«Эхъ! дай Господи только скорѣе-бы вырости, а то, какъ только буду большой, выучусь хорошенечко грамотѣ, отпрошусь у мамы и сейчасъ же уйду туда, къ царю, въ ламповщики. Ну что здѣсь? — просто наплевать на все!»

А питерскій дяденька вздохнетъ еще о прошломъ своемъ житьѣ-бытьѣ въ Петербургѣ, задумается надъ своимъ прошлымъ страхомъ, громогласно пропоетъ подъ гитару: «Коль славенъ Господь въ Сіонѣ», добавитъ глупой дворнѣ, что это же самое чудесно наигрываютъ въ Петропавловской крѣпости колокола, и потомъ уже прибавитъ какъ будто въ заключеніе: «А удивительно подлажены эти колокола, точно органчикъ какой; такъ и выигрываютъ, просто прелесть! «Боже царя храни» тоже играютъ и тоже чичайно хорошо! — очень похоже, словно музыка какая полковая. Ну и нельзя не молиться за него: однимъ словомъ — царь! Онъ, братецъ ты мой, добрѣйшій у насъ, чудо! никого не обидитъ словомъ, Боже сохрани! Да чего вамъ еще: онъ до того добръ, что вотъ, напримѣръ, на пасху, или на новый годъ тамъ этакъ, въ какой нибудь тамъ праздничный день царскій, или на именины чьи нибудь, такъ мало того, что генераламъ-то всѣмъ большимъ придворнымъ по кресту да по звѣздѣ подаритъ, да лентами ихъ разукраситъ, фрелинамъ-то пришпилитъ по звѣздѣ; а для перваго-то дня праздника, такъ и дрянцу-то всю — насъ-то, напримѣръ, задворниковъ — и то всѣхъ обдѣлитъ: кого чинами, кого деньгами; да еще что-о? — до гроба этого не забуду — эхъ, какъ теперь помню! и я подошелъ съ прочими — самъ христосовался съ нами!»

«Фу, ты Господи! какой царь-то у насъ, просто чудо!» думаетъ Вяся. — И эта послѣдняя вѣсть такъ изумляетъ всю дворню, что даже самъ форейторъ Микишка, и тотъ останавливается съ разинутымъ ртомъ, и тотъ произноситъ очень явственно: «Э!» между тѣмъ какъ всей дворнѣ извѣстно было, что Ми-

кишка съ роду ничему не дивился, да и не имѣлъ этого глупаго обыкновенія. Сама старая Іоновна, и та призадумалась и вздохнула; тятя съ мамой уставились и смотрѣли въ землю; а Вася маленькій только и думаетъ о томъ, какъ бы ему скорѣе выростп, отучиться, бросить тятю и милую маму, и уйти туда къ царю въ ламповщики.

А дяденька послѣ такихъ правдивыхъ разсказовъ обыкновенно на время перестаетъ говорить о Питерѣ, беретъ гитару и такъ плавно и нѣжно начинаетъ распѣвать: «Боже царя храни»,—гораздо лучше самаго Василья Иваныча, — басомъ еще.

Петербургскій человѣкъ, какъ будто желая подманить Васю въ свой волшебный Питеръ, начнетъ еще иной разъ разсказывать Павлу Кузьмичу и объ удовольствіяхъ столицы: о томъ, напримѣръ, какъ часто бывалъ онъ въ итальянской оперѣ въ театрѣ; о томъ, какъ тамъ страшно дорого платятъ за одно мѣсто и за одинъ вечеръ тѣ, кто садится къ представленію ближе, и, напротивъ, какъ мало и дешево платилъ онъ самъ, потому что садился въ раекъ, и выбиралъ себѣ такое славное мѣсто, откуда все видно, какъ съ колокольни. — «Хотя, говоритъ, и не разберешь, что тамъ впереди, за версту отъ тебя, поютъ и говорятъ актеры, ну а все-таки такъ хорошо, что этого нельзя ни какими манерами и пересказать; ничего этакого нѣтъ здѣсь, да и быть не можетъ, да и представить себѣ нельзя, какъ хорошо тамъ на театрѣ! Другая шельма такъ выведетъ голоскомъ да пискнетъ на концѣ, что весь театръ, такъ и зареветъ фору, — точно обѣсятся всѣ. А эти плясуньи, чортъ-бы ихъ ободралъ, такія выдѣлываютъ ногами фантифлюшки передъ публикой, — просто ужь только рукой махни! Другая, проклятая, обѣ ноги задираетъ въ-разъ выше головы!...»

— Тьфу, какая скверность! — плюнула неутерпѣвшая мама, а Іоновна такъ даже перекрестилась и прошептала: «съ нами крестная сила!»

— Э, нѣтъ, нарѣченная кумушка, ты погоди — не плюйся: я самъ сперва также думалъ, что это скверность, а тутъ какъ раскусилъ эту штуку, такъ вышла просто — прелесть. Во-первыхъ, онѣ всѣ въ штанишкахъ,—значитъ тутъ, нѣтъ ничего этакаго-такого... а во вторыхъ, ты себѣ представить не можешь, какія она штукенціи вырабатываетъ обѣими ногами, — просто мое почтеніе! Засмотришься на нее.

— Ну, да вы вѣдь всѣ таковскіе: вамъ-бы только погоготать было надъ чѣмъ. А по моему, такъ женщинѣ все-таки нѐ приходится такъ кобениться передъ мужчиной.

— Напрасно ты такъ думаешь! она вовсе не кобенится, а это ужь танецъ такой выдуманъ, — по театральному.

— Чортъ, я думаю, выдумывалъ тамъ и танцы-то ваши, прости Господи!

— Да ужь чортъ-ли, дьяволъ ли, я не знаю навѣрное, который изъ нихъ; знаю только, что танцовщица на сценѣ дѣлаетъ чичайно привлекательный видъ. Самые старики со звѣздами, у которыхъ плѣшь вотъ съ это рѣшето, и тѣ всѣ выскакиваютъ изъ креселъ, какъ пробки, да стучатъ теплыми сапогами.

— Да, разсказывай. Я думаю, тамъ и старички-то ваши почтенные такіе, что ой-ой.... Свисни только дѣвка-халда, такъ, поди, любой готовъ пуститься съ ней въ присядку не только въ театрѣ, хоть передъ храмомъ божьимъ?

— Есть тотъ грѣхъ—и это бываетъ: ну, за то тамъ пляшутъ и передъ гробовой доской; живутъ весело!

— Ну, до смерти пляшутъ, такъ когда не весело жить? Въ могилахъ-то тамъ не поютъ-ли хоть пѣсни?

— Этого навѣрно не могу тебѣ сказать, кума, — не знаю.

Веселый петербургскій человѣкъ, послѣ этого отвѣта, о чемъ-то слегка задумался; но тотчасъ-же очнувшись, по прежнему сталъ весело продолжать свой разсказъ.

— А какія тамъ, братецъ ты мой, холщевыя небеса представляютъ на театрѣ, говорилъ петербургскій человѣкъ, обращаясь съ рѣчью своей болѣе къ Павлу Кузьмичу: — или теперича волны морскія изъ досокъ устроютъ, такъ съ непривычки-то просто ты не различишь ихъ съ настоящими!

— Вотъ какъ?

— Право, не различишь. Дождикъ у нихъ, у чертей, какъ настоящій, такъ и зашумитъ, какъ вонъ у насъ здѣсь лѣтомъ, да еще что? — представь себѣ это: не сухой, а настоящій, какъ есть, мокрый дождикъ, такъ и польетъ сверху на сцену ливнемъ.

— Что за шутъ?—Ну такъ всѣхъ и перемочитъ? актеры-то какъ же? или они прячутся на это время?

— Вотъ въ томъ-то и штука, что и не прячутся: тутъ же подъ дождемъ стоятъ, да ихъ не мочитъ ни капля.

— Это ужь какая-то дьявольщина выходитъ наконецъ! Ну,

какъ теперича человѣкъ стоитъ подъ дождемъ и вдругъ его не промочитъ? Этого не можетъ быть.

— Не можетъ да можетъ—у нихъ, видишь, такъ ужь устроено: машинами, значитъ, все поддѣлано.—Или теперь еще представятъ вонъ дворецъ самой русалки Лесты. Что это за прелесть такая! просто не выговоришь, какъ это хорошо: словно пожаръ какой, такъ и горитъ весь золотой бумагой да фольгой. Музыка въ это время такъ, мнѣ кажется, и реветъ словно корова съ громомъ. Однихъ барабановъ при ней, такъ чортъ знаетъ сколько: такъ всѣ и зудятъ, какъ тревогу. А тутъ и пойдутъ еще: и цимбалы-жидовскіе, и бубенчики, и колокольчики, и гремушки, и трещотки, и брякалки еще какія-то — чортъ ихъ знаетъ — трубы военныя. — Другая бестія такъ тебѣ крякнетъ въ самое ухо—словно буравомъ просверлитъ всю голову,—поморщишься только; ну, а ничего—вынесешь! Настоящіе знатоки говорятъ, что безъ этого нельзя: крякалки, слышь, въ хорошей музыкѣ такъ же нужны, какъ колокола и турецкіе барабаны. Мнѣ вотъ тамъ понравился больно турецкій-то барабанъ въ Александринскомъ театрѣ: ну, тотъ ужь барабанъ!—настоящій шельма—пушка; какъ ухнетъ, такъ все и заглушитъ! За-версту отъ театра-то раздается: такъ весь оркестръ на немъ и выѣзжаетъ; его ужь только и слушай; словно колоколъ какой нибудь соборный, такъ безъ-умолку и гудитъ! Тамъ же, помню, мнѣ понравились очень какія-то чертовскія мѣдныя тарелочки; такъ, бестіи, звякаютъ, словно кто въ раму, или въ сотню стеколъ кирпичемъ хватитъ, канальство! такъ что и человѣка-то, испужаетъ спервоначала. Вотъ какова тамъ музыка театральная! Сто двадцать человѣкъ, братецъ ты мой, сидитъ всегда въ одномъ театрѣ! да еще что-о!—одинъ играетъ на трехъ инструментахъ, особливо вотъ изъ барабанныхъ-то музыкантовъ. А какъ всѣ-то примутся отдергивать какую нибудь увертюру, такъ просто стонъ стоитъ; такой пойдетъ трескъ и ломъ по всему театру, громче пожару; турецкій, шельма, барабанъ такъ и усаживаетъ—прелесть! кондробасы какъ медвѣди ревутъ, а этихъ пискуньевъ-скрипокъ—дряни—такъ вовсе ужь и не слыхать ни крошечки! А какъ да къ этому еще громъ тебѣ на сценѣ представятъ съ провалами, или молнію, въ какой нибудь этакой волшебной піесѣ, гдѣ люди—черти, обшитые въ черное сукно, бѣгаютъ по сценѣ, такъ другой съ непривычки-то такъ ужь и прищмится гдѣ-нибудь въ темномъ уголкѣ въ галлереѣ, — боязно

даже страшно сдѣлается ему. Ужасть просто! — Вотъ какъ тамъ работаютъ на театрѣ.

— Н-да! отвѣтилъ молчаливый Павелъ Кузьмичъ.

А петербургскій человѣкъ тутъ же, какъ будто кстати, тотчасъ началъ разсказывать молчаливому своему слушателю о торжественномъ служеніи митрополита, особенно въ дни царскіе, въ которые онъ всегда ходилъ въ соборъ.

— А пѣвчіе, братецъ ты мой, митрополичьи, такъ ужь и говорить нечего; особливо вотъ когда идутъ толпой по парадной-то формѣ: непоймешь, что это такое на нихъ: просто прелесть — заглядишься: какъ жаръ-птица, всѣ горятъ въ золотѣ: басономъ обложены кругомъ, просто вотъ въ ладонь шириной. А потомъ какъ поютъ! эхъ и не говори. Придешь этакъ иной разъ изъ собору-то послушавши ихъ, такъ цѣлый день въ ушахъ все гудитъ и отдается пѣвчими.

По людской раздался Васинъ вздохъ, а старая Іоновна произнесла только: «Господи»! Тятя съ мамой молча и набожно смотрѣли въ землю.

— Э, да ужь и разсказывать-то всего не хочется, такъ хорошо!

Затѣмъ петербургскій человѣкъ отчаянно махнулъ только рукой, и съ какимъ-то горемъ и досадой добавилъ заключеніе:

— Э-эхъ, Питеръ, Питеръ!... славный ты, братъ, былъ для меня городишко! какъ-бы можно, можно — эхъ! такъ сейчасъ и улетѣлъ бы туда живьемъ! Да, ей-Богу такъ. — Ну, что мы живемъ-то здѣсь? — вѣдь небо только коптимъ сальными огарками! больше ничего. Баре вонъ вѣдь тоже называются, — положимъ хоть наши вотъ. Ну, и есть все у нихъ: и чины, и деньги, и имѣньице порядочное, и все этакое приличное при домѣ, а какъ посмотришь тенерича на ихъ житье-бытье домашнее, — ну, что въ немъ путнаго? — сидятъ только вонъ по угламъ, да сопятъ про себя, да дремлютъ, да позѣваютъ! — Нѣтъ, тамъ не позѣвнешь, небось! — уснуть тебѣ не дадутъ порядкомъ: часу до втораго все ходенемъ ходитъ; весь городъ дрожитъ отъ скачки каретъ, возковъ, да Ванекъ со своими дребезжалками. А тамъ угомонились часъ-другой, смотришь, въ четыре-пять опять пошла возня: всѣ идутъ и ѣдутъ, и такъ день цѣлый, какъ нетолченая труба; улицы такъ полны народу, какъ здѣсь на пасху никогда не бываетъ. Тамъ Невскій проспектъ одинъ, или эта тамъ, какъ бишь еще? — Милліонная съ Гороховой — такъ это просто тысячи, — право, въ торговой банѣ у насъ по субботамъ

меньше народу. Или эти опять гулянья, напримѣръ, перваго-то мая?... Впрочемъ перваго мая, пожалуй, иной разъ и носъ отморозишь,—а вотъ въ іюнѣ въ Петергофѣ, или въ Стрѣльнѣ, что это такое? пылища, давка, народу-народу! яблоку негдѣ упасть. А ужь какъ вечеръ придетъ, да садъ освѣтятъ, да заиграетъ во всѣхъ концахъ музыка всякая, и на трубахъ, и на скрыпкахъ, и на инструментахъ разныхъ, и всякая этакая духовая и роговая, или просто новая — голосная, да подхватятъ пѣсенники жуковскіе, или какіе нибудь другіе этакіе лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка—семеновцы, или преображенцы,—такъ просто такъ ужь и разинешь ротъ, и осовѣешь, и растаешь, и дурь какая-то на тебя нападетъ, и глаза разбѣгутся: такъ ужь и не знаешь, смотрѣть-то на что!...

Петербургскій человѣкъ въ этомъ мѣстѣ воодушевился. Вся дворня сдвинулась въ тѣсный кружокъ, и вся дворня слушаетъ его молча и внимательно, гораздо внимательнѣе домашняго своего законоучителя Ларивоныча. Маленькій Вася съ дѣтскимъ любопытствомъ думаетъ про себя: «эхъ, кабы все это да мнѣ пересмотрѣть когда нибудь!»

Питерскій дяденька продолжаетъ дальше:

— До чего, братецъ ты мой, доходитъ тамъ этотъ народъ! Возьми, что хочешь, — все тамъ не по нашему. Коснись вотъ хоть самаго этакого-такого: ну вотъ возьмемъ примѣрно теперича хоть лавочку распивную. Ну — лавочка, по нашему, такъ лавочка и должна быть — ну, словомъ, кабачокъ! Кажись, вѣдь что такое? Ну кабакъ, такъ кабакъ и есть: ну—бочка, стойка, лавка, грязь — только вѣдь, кажись, по нашему? — Ничего не бывало: такъ тебѣ шельма откупщикъ-целовальникъ распишетъ ее и внутри, и снаружи—войти пріятно, словно въ собраніе какое благородное, или въ маскерадъ,—да-а; какъ честный благородный человѣкъ! Тутъ тебѣ мамзель какая нибудь въ шляпочкѣ, зонтикомъ поигрываетъ да поглядываетъ умилительно, дескать: не угодно ли пройтися по хересамъ? тамъ гусаръ какой нибудь золотой смотритъ чернымъ глазомъ въ стѣну, да молча закручиваетъ усы, еще прикрякнетъ для важности; шарманка въ уголкѣ турлыкаетъ какую нибудь околесицу; гарднина тоже растопырена на окнѣ; цвѣточекъ посаженъ въ баночку для украшенья; ну лампы тоже запалятъ, бестія, вечеромъ. Закусочка такъ мило нарѣзана кусочками на тарелочкѣ, селедочка съ лучкомъ приготовлена и перч

комъ обсыпана, бутерброты въ три копѣйки серебромъ тутъ же гдѣ нибудь торчатъ; графинчикъ полненькій и аккуратненькій съ ночной красавицей, ну и очищенная наша тутъ же присутствуетъ—нельзя и безъ нея. Все это такъ мило—чистенько. Порційку селяночки подвернетъ тебѣ ловко шаркунъ-ярославецъ; спросишь чаю—ну и чай тоже съ такимъ вывертомъ подкинетъ, что только чашки задрожатъ на подносѣ. Выпьешь всегда съ пріятностью,—ну и побесѣдовать всегда есть тоже съ кѣмъ. И чиновники вѣдь временемъ заползаютъ туда — ничего, потому что все чистенько; съ ними побалагуришь — ничего, говорятъ; тамъ не воротятъ этакъ рыло въ сторону, какъ здѣсь вонъ какой нибудь калеской легистраторъ; тамъ были бы только денежки любезныя въ карманѣ, и съ крестомъ тебя обнимутъ, не только съ пряжкой безпорочной. Всѣ друзья, только деньги имъ за дружбу заплати.

Петербургскій человѣкъ остановился, чтобъ перевести духъ.

— А деньги Петербургъ любитъ! ай-ай любитъ онъ деньги, это просто какой-то омутъ, такъ ужь и держись за оба кармана; такъ и рвутъ у тебя изъ рукъ по-собачьи во всѣ стороны. На однихъ Ванекъ въ мѣсяцъ-то уйдетъ не десятокъ рублей, — сущіе разбойники! Тотъ тебѣ кричитъ: «баринъ, дай на водочку», этотъ: «ваше благородіе, на табачокъ», ну и давай, а то, собака, обругаетъ такъ при всѣхъ на улицѣ и осрамитъ. Еще, говоритъ, баринъ называется — фуфлыга, больше ничего, одно слово; божьяго, говоритъ, человѣка-извощика ограбилъ, я ужь, говоритъ, знаю, что за меня Господь накажетъ. А чего накажетъ: самъ какъ разбойникъ, глаза красные, и еще пьянъ, какъ сапожникъ. Вотъ тебѣ и накажетъ Господь! А денежки все-таки ему подай. Тутъ прачка съ тебя теребитъ столько, что просто волосъ становится дыбомъ — бѣлье, говоритъ, у вашего благородія больно было грязно. Хорошо, если еще смазливенькая попадется, такъ скоро съ ней помиришься, а нѣтъ, такъ такой бестія шумъ подыметъ, просто пыль коромысломъ пойдетъ, — неотвяжешься отъ нея. А въ ряды тамъ ужь и не ходи — не думай, ни-ни — такой соблазнъ, что просто ни на что не похоже: никакъ не вытерпишь, хоть бездѣлюшку ненужную да купишь. А вотъ эти треклятые, жидконогіе французики-магазинщики — особливо на Невскомъ приплохнѣ въ магазинахъ—ну такъ такъ дерутъ ужь! — живьемъ, канальство! Перчатишки этакіе какіе нибудь — такъ на ми-

зимецъ-то не напялишь ее, бестію, и кожа-то на ней словно бумажная, тоненькая, такъ что и носить-то, кажись, нечего,—а смотришь, рубль, полтора, а не то такъ и два серебрецомъ! Вотъ тутъ такъ ужь ухаютъ наши баре денежки. Такъ тысячи и летятъ на какіе нибудь финтифлюшки-финтифлю. У меня такъ знакомый былъ изъ конторы—трубочку ходилъ ко мнѣ покуривать — такъ онъ иногда говаривалъ: «вѣрите ли, говоритъ, все жалованье уходитъ на однѣ перчатки»! И это вѣрно—ужасно дорого. Да что перчатки — однѣ ли тамъ перчатки: булочники тамъ нѣмцы, и тѣ изъ булокъ себѣ выстраиваютъ трехъ-этажные каменные дома, да выдаютъ дочерей своихъ замужъ за генераловъ! Вотъ какъ-съ! Сапожники строятъ дачи себѣ, да разъѣзжаютъ на такихъ рысакахъ, что другому барину здѣсь и во снѣ не приснится. Ну,-а все оттого, что дерутъ со всѣхъ; такъ безъ зазазрѣнія совѣсти лупмя и лупятъ! И вѣдь это не одни сапожники, а всѣ! Попробуй, попроси ты тамъ кого нибудь сходить куда нибудь, онъ и за это слупитъ съ тебя деньги. Да еще что: ну, положимъ покупаешь ты хоть товаръ. Ужь чортъ бы съ нимъ, что онъ беретъ съ тебя дорого,—говорятъ же вѣдь у насъ здѣсь «дорого, да мило?»—нѣтъ-съ: возьметъ дорого, да надуетъ тебя и обочтетъ, да еще отпуститъ-то съ тобой такую чертовщину, что ты и не разберешь послѣ: что это у тебя куплено? За то, все это съ улыбками канальскими, разговорцами, да такой божбой, которой и самъ дьяволъ не вѣритъ, не только люди. Тамъ есть, напримѣръ, покойная яма, такъ-называемая — Щукинъ дворъ! Вотъ ужь гдѣ пословица-то говорится: «на то щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ». Ужь тамъ не дремли карась,—цѣликомъ тебя, шельмы, проглотятъ! штанишки съ тебя ходя снимутъ—не услышишь, крестъ съ шеи отгрызутъ, если вздумаютъ съ тобой похристосоваться на пасху—вотъ каковъ тамъ народецъ православный,—да! Божба у нихъ, такъ это вмѣсто заскуски какой-то, какъ хлѣбъ солью, такъ и посыпаютъ, бестіи; а надуть кого нибудь, — такъ это все равно, что утромъ помолиться Богу: безъ этого онъ ужь и дня своего не начинаетъ, — тошно ему, если до завтраку не успѣлъ обшельмовать человѣкъ десятокъ. Вотъ туда то-же пріѣзжіе олухи царя небеснаго много спускаютъ своихъ денежекъ.—А все приманка на дешевизну. Часы ли безъ потроховъ, сюртукъ ли безъ рукавовъ, брюки ли на одну ногу, или на обѣ до колѣнокъ, сапожки ли щегольскі съ бумажной подошвой — тамъ все можно купить и сходно,

дешево! Съ такимъ почтеніемъ все это засунетъ тебѣ въ карманъ, бестія, что ты дома и навозу-то не выгребешь въ двѣ недѣли. И дешево, и сердито! Ну, за то ужь домой неси, такъ не тряси, дорогой никому не показывай, а то и самъ нахохочешься до слезъ, да пріятель-то твой наплачется съ тобой до-сыта. Ужь если купилъ, примѣрно, въ апраксиномъ, или щукиномъ, хоть мыла кусочекъ, такъ неси его до дому въ горсткѣ, а въ карманъ не клади — и не думай: мокренько только останется — все уплываетъ дорогой въ Неву, — поэтому вѣрно оно и называется «Невскимъ» по всему Петербургу. Я самъ сначала повадился ходить туда покупать фраки. Пять рублей пара, — думаю себѣ: вѣдь это шалина,—дешевле пареной рѣпы!—дай хватимъ и мы? ну, и хватилъ горяченькаго до слезъ! Какъ принесъ его домой, голубчика, да какъ распялилъ его на себя середи дня-то бѣлаго, ну и пошла писать! Гляжу: въ спину залеплена такая четвероугольная заплатвица, съ окошко величиной, какъ у исправнаго арестанта; рукавъ одинъ, правый — красный; лѣвый очутился содраннымъ съ ломбернаго стола—зеленый; фалда одна за какимъ-то дьяволомъ—вѣрно для красы, что ли?—приставлена коричневая. Ну, а другую съ воротникомъ?—мы какъ пристально ни разглядывали,—такъ и не могли разсмотрѣть, какого она цвѣту? Называли послѣ черной, потому только, что весь фракъ разношерстный купленъ былъ за черный. И только. Въ другой разъ я купилъ тамъ же себѣ къ свѣтлому празднику лакированные сапоги. И далъ еще тогда что-то очень дорого; думаю: «купить, такъ купить подороже, а то вѣдь опять надуютъ». Къ заутрени-то пошелъ въ новенькихъ, а отъ заутрени-то пришелъ на своихъ собственныхъ подошвахъ; а новенькія-то отклеились да въ церкви остались у праздника! Вотъ и только. А куплено было еще по знакомству: въ великую пятницу такъ, мошенникъ, распинался предо мной, словно присягу принималъ на вѣрность отечеству. Ходилъ-было тутъ на третій-то день праздника къ нему поругаться, и сапоги носилъ даже напоказъ, да съ тѣми же голенищами и возвратился вспять. Говорю: «развѣ не совѣстно тебѣ для такого великаго праздника?» Только ухмыляется, аршинникъ безсовѣстный.—Спрашиваю: «что дѣлать мнѣ теперь съ ними?»—да что, говоритъ, дѣлать уже теперь съ ними—все сдѣлано; развѣ вотъ что, говоритъ, еще: «весна теперича идетъ, такъ скворешницы изъ нихъ хорошо устроить.»—Каково это вамъ покажется, слышите?—

изъ пятирублевыхъ-то лакированныхъ сапожковъ, не надѣвая ихъ не разу, скворешницы устроитъ? — Ну, я такъ взялъ плюнулъ, да и ушелъ домой.

Павелъ Кузьмичъ тоже молча плюнулъ и куда-то ушелъ. А Микишка-форейторъ, который никогда и ничему не удивлялся, въ этотъ разъ почему-то громче всѣхъ прокричалъ: «ай-ай! вотъ такъ Штукинъ-дворъ! да тамъ какіе-то черти живутъ вмѣсто людей?»...

На этомъ словѣ точно оборвался разсказъ петербургскаго человѣка, и затѣмъ вся внимательно слушавшая дворня побрела по своимъ мѣстамъ, въ свои темные, невидимые закоулки.

Петербургскій человѣкъ, какъ-то послѣ ужь, далеко послѣ описанія помойной ямы и Апраксина двора, досказалъ внимательной дворнѣ о какихъ-то еще благородныхъ мошенникахъ петербургскихъ, о которыхъ маленькій Вася — и внимательно слушая—ничего не понялъ; понялъ только, что дяденька называлъ ихъ «мазуриками» и «салопницами», да въ заключеніе еще такъ громко закричалъ:

— Это не то, что въ Москвѣ! придетъ мошенникъ въ толкучку примѣрить сапоги, да прыснетъ изъ лавки такъ, что только каблуки засверкаютъ: опорки свои безъ подошевъ оставитъ купцу, а въ новенькихъ на-здоровье пощеголяетъ. Это не то! Въ Петербургѣ обработываютъ дѣла свои почище Москвы. Тамъ, если увидалъ ты, что мазурикъ вытягиваетъ у тебя изъ кармана платокъ, да спросилъ его: «что ты дѣлаешь?» онъ ужь не убѣжитъ отъ тебя по-московски, нѣтъ — шалишь! Онъ просто отвѣтитъ: «ничего, говоритъ, не дѣлаю», — пойдетъ прочь да посвищетъ. Вотъ и только. Въ Петербургѣ вотъ какъ воруютъ мазурики: что съѣшь ты, и то изъ тебя вытащутъ — не услышишь. Да!

Дворня дико захохотала, а Микишка добавилъ дурковато: «вотъ такъ Питеръ, глаза вытеръ!» И затѣмъ петербургскій человѣкъ пустился уже въ описаніе великолѣпныхъ улицъ петербургскихъ, да въ разсказы о томъ, что по мостовой петербургской можно такъ же танцовать, какъ «по мосту-мосту, по калиновому».—«Петербургская, говоритъ, шоссея идетъ и за Петербургъ Богъ-знаетъ куда, и вездѣ-то она такъ гладка, какъ вотъ этотъ столъ». Не сказалъ только ничего петербургскій человѣкъ объ улицахъ Плуталовой и Теряловой, да почему-то не знаю, о一

сталъ безъ описанія улицу Петровскую, въ которой живутъ чиновники небольшаго полета, безъ четвертака даже на Ваньку, и питаются великопостно грибами, тутъ же растущими у нихъ на тротуарахъ, — на тѣхъ самыхъ тротуарахъ, которые на столбахъ своихъ висятъ, какъ балаганные канаты, и покачиваютъ на себѣ чиновниковъ своихъ, какъ балаганныхъ плясуновъ! Да! только объ улицѣ Петровской, о тротуарахъ, лѣзущихъ кверху отъ наводненія, да о мелкихъ чиновникахъ, боящихся глубокаго паденія, и умолчалъ петербургскій человѣкъ; а то онъ все зналъ, все видалъ и все разсказывалъ.

Всѣ эти волшебныя сказки о Петербургѣ такъ располагаютъ Васю къ дядѣ, что онъ всюду слѣдитъ за нимъ, чтобы только послушать, какъ и что будетъ говорить новый петербургскій человѣкъ.

А эти новыя стороны жизни петербургскаго человѣка? Его умѣнье одѣваться чистенько, носить скворчиные жилеты, дудками брюки и востроносые стерляжьи сапоги; особенное умѣнье повязывать узелки передъ зеркаломъ и наворачивать на шею свою хомутину, которую петербургскій человѣкъ выставлялъ на груди своей то пирамидой, то просто копромъ, смотря по-очереди моды, которую онъ самъ же и выдумывалъ; умѣнье выдергивать изъ кармана часы, прищуристо посматривать на нихъ и показывать ихъ внутренній механизмъ безтолковой дворнѣ; умѣнье иностранное не валяться по-русски, и не пачкаться, какъ дворовая скотина Николашка; умѣнье, на манеръ военнаго, ловко закручивать усы, отбрасывать залихватски назадъ голову и размахивать резонно-некстати руками; умѣнье лихо отдергивать на гитарѣ трепака съ «барыней» да Ваньку съ Танькой, и торжественно разсказывать пошло-занимательный вздоръ лакейскій; умѣнье наконецъ размашисто и широко высказывать себя передъ всѣми, какъ птица высшаго полета. Все это, какъ новость, чрезвычайно интересовало Васю. Съ другой стороны, бойкая рѣчь петербургскаго человѣка, которую дяденька рѣшительно не процѣживалъ сквозь зубы, какъ цѣдила ее большая часть дворни, какъ будто пожевывая да потягивая съ языка по одному только слову; его ухорское пѣніе пошловатыхъ театральныхъ куплетовъ, которыхъ прежде не только Вася, и самая дворня не слыхивала; его лихія манеры и фарсы, нисколько не похожіе на манеры мѣшковатаго Павла Кузьмича и всей прочей дворни, объѣвшейся барскаго дароваго хлѣба. Все это, какъ новость, чрезвы-

чайно занимало Васю, и Вася такъ началъ поглядывать и засматриваться на своего питерскаго дяденьку, какъ обыкновенно поглядываетъ дикообразый провинціалъ деревенскій, въ первый разъ увидавшій передъ собою человѣка столичнаго, и поглядываетъ на него до тѣхъ поръ, пока окончательно не раскуситъ, что за птица передъ нимъ—этотъ человѣкъ столичный? Сегодня и завтра видя и слыша все новое, невиданное и неслыханное имъ прежде, Вася наконецъ такъ принялся слѣдить всюду дядю, какъ астрономъ новую любопытную комету.

Правда, что вліяніе этой кометы на жизнь моего героя было непродолжительно и невелико, однако очень важно, потому что впечатлѣнія дѣтства сильны и неизгладимы, и часто впослѣдствіи отражаются въ жизни человѣка. А поэтому я считаю здѣсь нужнымъ еще сильнѣе освѣтить картину и ярче показать сущность: что такое, въ самомъ дѣлѣ, былъ этотъ дядя изъ Петербурга?

Надобно отдать справедливость: этотъ человѣкъ былъ не изъ числа тѣхъ буффоновъ, о которыхъ у насъ обыкновенно говорятъ: «онъ умѣетъ бахвалить — и больше ничего!» Нѣтъ, онъ дѣйствительно имѣлъ врожденныя способности русскаго человѣка, и способности очень сильныя, но растратилъ ихъ на мелочи и пустяки. Онъ кое-что видалъ и слыхалъ, и не только бойко читалъ, писалъ и рисовалъ, а даже съ грѣхомъ пополамъ прочитывалъ конфетные билетики по-французски, да говорилъ съ дворней въ-шутку «гутъ-моргенъ» по-нѣмецки. Конечно, при этомъ онъ ничего не смыслилъ въ русской грамматикѣ, ну да этого съ него и требовать было нельзя. Скажите-ко по совѣсти, кто у насъ смыслитъ русскую грамматику? За то петербургскій человѣкъ много слыхалъ объ Лондонѣ, Парижѣ, Варшавѣ, о земляхъ аглицкой, галанской, французской, исключая конечно самой близкой къ намъ земли — нѣмецкой, о которо безпрестанно говорили съ нимъ въ Петербургѣ тутошные иностранцы. Онъ даже фальшиво наигрывалъ на фортепьяно, разставляя по немъ руки на подобіе каракулей или граблей, смотря по характеру музыки. Словомъ, это была такая же недодѣлка въ образованіи, какъ барышня, окончившая курсъ въ частномъ пансіонѣ Шиссенталя,—кажется, въ городѣ Самарѣ?— и разница между ними заключалась только въ томъ, что барышня, окончившая курсъ, только чуть-чуть разставляетъ по гитарѣ свои соломенные пальцы и чуть-чуть тренькаетъ на ней и поетъ,—никакъ не

болѣе «кольца души-дѣвицы», или много-много развѣ: «прощаясь, ангелъ мой, съ тобою», — между тѣмъ какъ петербургскій человѣкъ — мы уже знаемъ — лихо отдергивалъ на гитарѣ все, что ни попадалось, и даже «Ванька Таньку полюбилъ»—на гармоникѣ. А что касается до пѣнья, такъ иногда и такъ отдиралъ громко, что маленькій Ваня уползалъ отъ него подальше съ испугу, а Вася, съ изумленіемъ посматривая на дядю, только шепталъ: «эхъ, Господи, какъ онъ закатываетъ—просто, ого-го!»

Что же касается до другихъ клочкообразныхъ свѣдѣній въ какихъ бы то ни было наукахъ, такъ петербургскій человѣкъ надъ барышней, кончившей курсъ въ степномъ пансіонѣ, бралъ рѣшительный верхъ. Онъ, напримѣръ, не только видалъ, а даже разъ прочиталъ до конца алгебру, о которой кончившая курсъ барышня только и слыхала, что есть на свѣтѣ книжка алгебра; онъ, напримѣръ, въ геометріи былъ до того силенъ, что въ квадратномъ полѣ могъ даже высчитать число десятинъ, между тѣмъ какъ кончившая курсъ барышня-степная о геометріи только и слыхала одно, что геометрію знаетъ ея папаша-землемѣръ. Наконецъ петербургскій человѣкъ архитектуру зналъ такъ хорошо, что даже спорилъ съ ярославскими плотниками о постройкѣ мостовъ поперекъ рѣки, а не вдоль, и о постройкѣ тротуаровъ вдоль улицы, а не поперекъ; а въ техникѣ былъ до того силенъ, что отъ него далеко летѣли щепки и чурбаны, когда онъ, вмѣсто ярославскаго подрядчика, самъ отхватывалъ что нибудь скоблемъ или топоромъ, — между тѣмъ какъ кончившая курсъ барышня въ обѣихъ этихъ наукахъ рѣшительно ужь не смыслила ни уха, ни рыла! Въ заключеніе, ученый Васинъ дядя привезъ съ собою изъ Питера такіе чертежи и проэкты судовъ съ колпаками, да котловъ съ паровиками, что называлъ ихъ не иначе, какъ умными вещами, о которыхъ кончившая курсъ губернская барышня не только никакого не имѣла понятія, а даже самую бумагу-то, на которой они были нарисованы, считала годной только на папильотки, да на зашпиливаніе вышитыхъ по канвѣ туфлей со звѣздочками.

Что же касается до практики, то какая бы ни была эта барышня, хотя бы окончившая всевозможные курсы, все-таки ей и во всю жизнь не сдѣлаться на столько практичной, какъ былъ практиченъ петербургскій человѣкъ въ нѣкоторыхъ частяхъ человѣческихъ знаній и въ особенности въ механикѣ. Онъ, напримѣръ, по пріѣздѣ тотчасъ разобралъ часы, которые столь-

ко лѣтъ хранились подъ сѣро-бархатнымъ колпакомъ пыли, обдулъ ихъ, потеръ и заставилъ наконецъ идти и показывать не только одинъ вѣчный шестой часъ, — заставилъ высовываться изъ нихъ деревянную кукушку, и лайковымъ горломъ аккуратно, по-нѣмецки, куковать всѣ двѣнадцать часовъ, чему дивился не только Вася, а даже и отецъ его, Павелъ Кузьмичъ. Самъ Павелъ Кузьмичъ, посматривая на мудреный часовой механизмъ и покачивая головой, тихо проговаривалъ: «ай-ай, какой ты, братъ, Ерофеичъ, дотошный до всего!» А петербургскій дядя принялся послѣ того устроивать еще, въ барской банѣ, кожухъ въ передбанникѣ, и устроилъ его такъ, что при каждомъ отворяніи двери западня этого кожуха поднималась вверхъ, и паръ, вмѣсто того, чтобы ползать по потолку передбанника, да капать оттуда чортъ-знаетъ какою-то гадостью въ лицо самого Василья Ивановича барина, теперь, по приказанію петербургскаго механика, выползалъ весь въ дыру на подволоку, а оттуда въ слуховое окно на улицу, и тамъ уже капалъ, какъ ему угодно, лишь бы подальше отъ барскаго лица. Этому дивились уже не одинъ Павелъ Кузьмичъ съ Васей, а вся перепарившаяся въ банѣ дворня. Всѣ голые мужики и бабы останавливались передъ этой хитрой штукой и, посматривая вверхъ, проговаривали съ изумленіемъ: «ай-ай! онъ должно быть башка мозголовая: какую тутъ возстановилъ, братъ, дьявольщину!» Но петербургскій человѣкъ и похвалой всей дворни остался всетаки недоволенъ, потому что послѣ всего этого онъ принялся еще устроивать какое-то хитро-ременное сверло для сверленія стали, да модель какой-то самодвижной вѣтряной мельницы. И въ своей комнаткѣ наверху, гдѣ жилъ до этого степенный отшельникъ Ѳедосѣй Лупычъ — такую развелъ пропасть колесъ, валовъ, зубцовъ, шестерней, и такую выстроилъ изъ всего этого чортовщину, что на весь его трескъ, скрипъ, ломъ и стукотню, отъ сдѣланнаго русскимъ топоромъ механизма, часто прибѣгалъ къ нему наверхъ самъ испуганный Василій Иванычъ-баринъ — и тотъ въ свою очередь приговаривалъ: «Ерофеичъ! что ты, братецъ, какъ развозился съ твоими колесами? Это бѣда, ей-Богу, съ тобой! ты у меня и дрова-то всѣ переведешь на свои машины; топить-то намъ съ тобой нечѣмъ будетъ», — на что Ерофеичъ всегда почти отвѣчалъ такъ: «ничего, сударь, много еще ихъ». А Василій Иванычъ послѣ того торопливо уходилъ на половину жены своей и разсказывалъ ей о чудесахъ, которыя

сотворилъ тамъ, наверху, петербургскій человѣкъ, и затѣмъ оба они приходили на верхъ еще подивиться на крѣпостнаго своего инженера-механика.

Что же, смотря на все это, долженъ былъ чувствовать Вася?—Отвѣтъ очень коротокъ: начиная отъ этой чортовщины—колесъ, до самаго носка моднаго стерляжьяго петербургскаго сапога—все влекло Васю непостижимой силой къ такому чудному петербургскому дядѣ.

Было время, когда Вася не могъ обойтись безъ того, чтобы не бѣгать по улицѣ тройкой, не кувыркаться турманомъ на сѣноволѣ, не лазить по-кошачьи и не дѣлать всевозможныхъ, а иногда и невѣроятныхъ шалостей, могущихъ придти въ голову *только* изобрѣтательному и свободному уличному мальчишкѣ,—теперь онъ сталъ совсѣмъ не тотъ.

Было время, когда Вася съ поникнутой головой грустно и медленно ползъ на тотъ же самый верхъ къ крестному учиться,—скука и тоска преслѣдовали его тамъ, и много-много слезъ было пролито на этомъ ненавистномъ верху! теперь совсѣмъ стало не то. Теперь, тотъ же самый Вася, только окончитъ свое форменное ученье у Асафа, не запрягая Азора въ корень и Акульки на пристяжку, весело бѣжитъ на тотъ же самый верхъ, даже норовитъ набѣжать на него съ одного маху: то есть, не переводя духу и растопыривая крошечныя свои ноженки на три и на четыре ступени. Бѣжитъ онъ туда затѣмъ, чтобы подробно выглядѣть и разсмотрѣть, какъ его дядя-машинный устроиваетъ тамъ свои машины, какъ его дядя-ахтитектуръ рисуетъ свои питерскіе дворцовскіе планы, какъ наконецъ его дядя-красильщикъ раскрашиваетъ черносажныя свои картинки, да такія нагія картины петербургскія, какихъ Вася и отъ роду не видывалъ, живя въ темномъ углу у тяти съ мамой. И Вася до такой степени засматривается на все этакое, такое славное петербургское, что и ѣсть ему вовсе не хочется: совсѣмъ забываетъ онъ о томъ, что ему нужно бы еще пообѣдать, змѣй попускать послѣ обѣда, да потомъ еще и пописать малую толику у Асафа. Теперь тотъ же самый Вася готовъ цѣлый день торчать наверху у петербургскаго своего дяди; вовсе нейдется ему въ избу; такъ и забываетсся само, что въ темныхъ конурахъ этой избы проживаютъ тятя съ мамой и Іоновна съ славной сказкой. Только и является онъ туда затѣмъ, чтобы наконецъ устроить все то, что окончательно переналъ онъ у хитраго дяди. Жаль

только одного, что устроивалось-то у него все какъ-то не такъ. Увидалъ, напримѣръ, Вася у дяди, какъ тотъ устроилъ подвижной календарь, Вася и самъ задумалъ-было устроить подвижной календарь, и бумажку даже ухитрился разграфить такъ же на клѣточки, да только чиселъ-то у него въ юлiѣ написалось сорокъ-три! А то все было вѣрно.

Между тѣмъ Павелъ Кузьмичъ, замѣчая отношенія сына своего Васи къ питерскому дядѣ, сталъ заискивать въ этомъ не простомъ человѣкѣ, и даже для большаго сближенія съ нимъ, какъ только Марфа Семеновна представила случай, тотчасъ покумился, что онъ обыкновенно дѣлывалъ со всѣми, кажущимися ему людьми порядочными, или могущими, по взгляду его, быть ему полезными. Онъ даже вскорѣ послѣ того съ какой-то привѣтливостію выучился говорить: «кумъ любезный», и съ какой-то особенной мягкостію и задушевнымъ выраженіемъ простоты выучился приговаривать: «куманекъ, куманечикъ, кумъ-голубчикъ, кумъ золотой и серебряный кумъ, краснобай ты нашъ, гусельки-самогудочки!» Каждый день раза по два началъ онъ заманивать въ конурочку свою кума золотаго, приговаривая ему въ плечо привѣтливо: «пойдемъ-ко, пойдемъ, любезный нашъ золотой куманекъ, выкушаемъ съ нами чайку чашечку.» А по праздникамъ такъ даже и такъ умасливалъ кума золотаго: «пойдемъ-ко, серебряная ты наша головушка, поѣдимъ-ко мы съ тобою малую толику пирожка, авось на сердцѣ-то у тебя повеселѣетъ, а то ты все вѣрно о Питерѣ своемъ воздыхаешь? А рыбка-то свѣженькая: вчера такого сазанчика поддедюлилъ,— что въ ротъ, то спасибо! А пирожокъ-то горяченькій: кума-то вонъ для кума постаралась. Садись-ко, любезный кумъ, хватимъ горяченькаго до слезъ!...»

И питерскій куманекъ безцеремонно пилъ чай и поѣдалъ пироги кума простаго-провинціальнаго.

Однажды кумъ, золотой-краснобай, пришелъ къ Павлу Кузьмичу на чашку чаю въ тотъ уголокъ, гдѣ, какъ намъ извѣстно, имѣлъ проживательство съ тятей и мамой нашъ Вася. По обыкновенію петербургскій человѣкъ началъ такъ: «у насъ, говоритъ, въ Петербургѣ».... и за этимъ чрезвычайно ловко расхвалилъ то, какъ тамъ запросто, играючи, учатся военму царскія дѣти; потомъ съ большой похвалой отозвался о томъ, какъ на военную ногу учатся кадеты; потомъ, какъ-то кстати, коснулся того, какъ и самъ онъ, несмотря на то, что былъ человѣкъ

уже взрослый, много учился разнымъ наукамъ на заводахъ, да разнымъ художествамъ на машинахъ; «да сверхъ того, говоритъ, я дома еще по вечерамъ отъ-нечего-дѣлать читалъ грамматику съ геометріями разными, да алгебру съ реториками всякими». А подъ конецъ, чтобы ужь окончательно озадачить своею ученостію Павла Кузьмича, петербургскій кумъ-золотой началъ безпрестанно прихватывать въ рѣчь свою слова иностранныя; а разговорившись рѣшительно, онъ какъ будто для сильнаго выраженія своей петербургской рѣчи поставилъ на концѣ еще три къ разъ: «коронація», «варьяція» и «эмансипація»! — такъ что простой, обыкновенный человѣкъ Павелъ Кузьмичъ не только послѣ того нахмурился и потеръ себѣ лобъ ладонью, а прямо напыжился, какъ будто дѣлалъ что-то понудительное, и съ сопѣньемъ и вздохами только подумалъ: «ну, человѣкъ! поди ты вотъ пойми, что онъ говоритъ! пусть «коронація» — царевъ праздникъ, это я понимаю, а дальше-то?... Да дальше-то, видно теперича, хоть всю жизнь здѣсь проживи, не поймешь ничего этакого... Это, значитъ: какъ написано тебѣ на роду быть человѣкомъ темнымъ, такъ вѣрно теперича и въ могилу сойдешь человѣкомъ темнымъ! Такъ ужь, вишь, Господу-Богу угодно!...»

И Павелъ Кузьмичъ, при всей своей смѣтливости, за которой не приходилось ему лѣзть въ карманъ, при всемъ своемъ здравомъ смыслѣ и умѣ, котораго даровалъ ему Господь-Богъ безобидно, такъ былъ ошеломленъ, что не нашелся даже и слова отъ себя подставить, только дакнулъ разъ, другой, да молча про себя подумалъ: «вонъ оно что значитъ Питеръ-то батюшка! кажись, вѣдь такой же простой человѣкъ, какъ и нашъ братъ замухрыга, а куда тебѣ!... ну-ко вонъ помѣряйся-ко съ нимъ теперь въ какой тамъ ни-на-есть наукѣ, такъ смотришь, рукой его не достанешь! Да, вѣрно правду говоритъ пословица-матушка, что ученье свѣтъ, неученье тьма». И, вздохнувъ, Павелъ Кузьмичъ сталъ молча дослушивать куманька серебрянаго. А серебряный куманекъ послѣ того пустился еще разсуждать и въ такомъ тонѣ:

— Эхъ, Питеръ!... Питеръ такъ Питеръ и есть ужь, — что ни говори, а все тамъ не по нашему. Дѣти вотъ, напримѣръ, такъ теперича, простые-то, и то, какъ посмотришь, да поглядишь, будто не такъ сотворены они, какъ наши: другой, напримѣръ, вотъ этакой тебѣ чертеночекъ, просто и отъ земли-то его чуть только видно, — право, съ клопика величиной, не

больше будетъ, — ну, а посмотри-ко его, какъ онъ по французскому да по нѣмецкому валяетъ, просто не поспѣешь слушать! Словно онъ такъ ужь объ трехъ языкахъ и родился. Шутъ его знаетъ, какъ онъ все это успѣваетъ и болтаетъ?... Чудо, ей-Богу! А что этакъ вотъ косяись того: сынъ булочника, напримѣръ, нѣмца, или портнаго какого тамъ ни-на-есть иностраннаго, такъ это такіе бестіи образованные, просто на обѣ корки разучены всему, чему угодно! Какъ благородный человѣкъ! Да и вообще тамъ у всѣхъ очень умненькіе дѣтки.

Павелъ Кузьмичъ какъ будто этого только и ждалъ. Павелъ Кузьмичъ какъ будто нашелъ какую-то новую мысль, такъ что встрепенулся и зуднулъ на лавочкѣ, даже возвысилъ голосъ и какъ-то особенно нѣжно вывелъ свою покорнѣйшую просьбу ученому петербургскому человѣку.

— Ужь конечно, оно безъ сумлѣнія тамъ все обрѣзованные люди, заговорилъ онъ скороговоркой:—это ужь что и толковать объ эвтомъ самомъ. А мнѣ хотѣлось бы вотъ что, голубчикъ-куманекъ, Миронъ Ерофеичъ, кабы ты проучилъ мнѣ хоша малую толику Василья моего, не въ службу, въ дружбу; сдѣлай такую божескую милость!

И Павелъ отвѣсилъ еще три убѣдительныхъ поклона.

— Василья? выговорилъ важно петербургскій человѣкъ: — чтожъ! можно поучить, отчего же нѣтъ? Онъ мнѣ понравился: онъ у васъ такой смѣтливый малый, — любопытный такой; допрашиваетъ вонъ все у меня на-верху: это, говоритъ, дяденька, зачѣмъ, да это вотъ что такое?...

— Да онъ на этотъ счетъ ужь будь покоенъ: не дастъ никому покою; вѣдь, у него вонъ и съ отцемъ такая же исторія: ему чѣмъ больше толкуй, тѣмъ онъ еще больше надоѣдаетъ съ своимъ расправшиваньемъ, подхватила мамынька въ похвалу сынку.

— А-а? да ты, братъ племянникъ, молодецъ вѣрно будешь у насъ? — вотъ какъ. — Дяденька за это погладилъ по головѣ племянника, который обоими локтями, упершись въ столъ, подперъ себѣ голову. Поглаживаніе дяди такъ понравилось Васѣ, что онъ изъ скромности закрылъ глаза, какъ котъ.

Безтолковый Ваня, который тутъ же присутствовалъ на столѣ, для полнаго семейнаго засѣданія, думая вѣрно, что онъ тоже съумѣетъ погладить Васю по головкѣ, такъ вцѣпился ему въ

затылокъ обѣими руками, по братски, что Вася недаровымъ матокъ заревѣлъ:

— Мамынька! Ванька деретъ меня.

— Я тебя... шельма ты этакая! Посмотрите-ко: настоящій клещъ; какъ впился ему въ голову-то! Вотъ бестія-то будетъ. Я тебя драчунъ!... вишь... повадился съ котятами-то царапаться...

Ваня посмотрѣлъ на мать и тоже заревѣлъ.

— Полно тебѣ орать-то съ ними! Слова путнаго вы не дадите сказать съ человѣкомъ порядочнымъ. — Поди, не перекусилъ-ли того?...

— Ну вотъ еще новости: такъ это и дать ему драться съ большимъ. Я тебя, гадина!...

— Ну, вытащи, что ли, его вонъ отсюдова; да дай намъ кончить!...

Мамынька подхватила Ваню. Павелъ Кузьмичъ обратился къ куму.

— Признаться, я вѣдь давно-таки подумывалъ объ этомъ, золотой нашъ куманекъ, — попросить тебя на счетъ моего Василья (Павелъ Кузьмичъ подсѣлъ къ куму поближе), — да право, мнѣ было все какъ-то совѣстно говорить-то тебѣ о такихъ пустякахъ: дѣла, вишь, у тебя всегда такая пропасть; дѣло же все этакое-такое сурьезное, махинное; ну да признаться — и отъ Асафа-то мнѣ не хотѣлось его отрывать, — онъ ужь какъ-то и попривыкъ къ нему. Ну, а теперь все это какъ-то къ слову ужь пришлось. Сдѣлай такую божескую милость, куманекъ!... До гроба не забудемъ, другъ, тебя, оба со старухой!... Хоша оно конечно... я, какъ видишь, человѣкъ... хоша оно... и не тово: не больно по наукѣ-то.. ну, а все-таки я вѣдь ужь очинно разбираю: вижу наконецъ, что Асафъ совсѣмъ не то, что ты. Питерщинка-то, братъ, и больно-таки изъ тебя повыглядываетъ....

Провинціальный кумъ послѣ этого дружески потрепалъ по плечу кума столичнаго.

— Ну, да объ этомъ что говорить, Павелъ Кузьмичъ! Оно само собой разумѣется: «столицу увидать, не мутовку облизать.» Тамъ какъ въ солдатахъ, всему понатрешься да понаучишься. Это дѣло сторона. Главное—нужно вотъ твое согласіе, а объ ребенкѣ что говорить — ребенокъ глупъ: привыкъ онъ къ Асафу — привыкнетъ и ко мнѣ.

— Слышишь, Вася? сказала ласковая мама, тютюшкая Ва-

ню: — хочешь что-ли учиться-то у дяди? а? — И мама умилительно наложила руку на спину молчаливаго Васи, которому въ эту минуту представлялись все нагія картинки петербургскаго человѣка.

— Э, да ужь я знаю, что онъ хочетъ! перебилъ ее дяденька: — такъ, что-ли? а? Что, братецъ, молчишь?

— А ты говори же, добавила довольная мама.

— Ну, да вѣдь онъ лошадь съ норовомъ, его понукать все нужно: разѣвай ротъ-отъ, отвѣчай, что-ли!..

— Говори, братецъ: молчать нехорошо, увѣщевалъ петербургскій.

— Ну-у!... заговорилъ по лошадиному родной.

И Вася тотчасъ послѣ того началъ вытягивать изъ себя слова.

— Когда же... не хотѣться... дяденька? очешно... къ вамъ хочется.

— Ну вотъ и только, братецъ! сказалъ сіяющій петербургскій человѣкъ. — Молодецъ, значитъ, племянникъ; славно, братецъ; спасибо тебѣ, голубчикъ! Значитъ, это кончено? — Значитъ, ты завтра у меня начнешь твой классъ?

«Глазъ?..» подумалъ Вася: «это еще что за штука?» Но дядя не далъ ему и подумать хорошенько. Онъ тотчасъ спросилъ племянника: «ну, а покажи-ко мнѣ, братецъ, теперь, какъ ты пишешь. Вотъ что посмотримъ пока: не испорчена-ли у тебя рука?»

Вася торопливо вскочилъ изъ-за стола, вытянулъ изъ своего ларчика за ухо лоскутокъ бумаги и поднесъ его торжественно петербургскому человѣку. На страничкѣ, по двумъ графамъ, крупно и четко было написано такъ:

«Люпесная Тѣтипка Дарія. Симеѡвна желаемъ, тибе доб-«рыва зравія и всякыва благапалучия навѣки нерушимова ци-«луимъ; тебя все...» и прочія семейныя вѣжливости и нѣжности.

Это былъ верхъ его чистаго правописанія, потому что Вася любилъ пощеголять передъ родными какъ слогомъ, такъ и изяществомъ письма.

Дяденька пристально посмотрѣлъ на письмо и прямо, и съ боку, и сказалъ наконецъ, смотря на Васю: «у тебя испорчена рука».

«Это еще что значитъ?» спросилъ самъ-себя Вася и при этомъ искоса посмотрѣлъ изподтишка на обѣ руки, и нашедши, что онѣ обѣ одинаковы и ни одна не выломлена такъ, какъ у

генерала на картинкѣ, усомнился, и прошепталъ: «правду-ли говоритъ дяденька?»

— Ну, молодецъ, такъ завтра ко мнѣ — не забудь? А съ Асафомъ я переговорю самъ. — И съ этимъ словомъ дядя вышелъ.

Асафъ Миронычъ къ этому времени былъ взятъ съ оброку во дворъ, для обшиванія самого Василья Иваныча, да вѣрно кстати еще потребовалось какіе-нибудь дѣтскіе ботиночки смастерить, да дѣвкамъ обувь починить, да сдѣлать на пузырахъ съ пробками, чтобъ не боялись мочи, калоши самому Василью Иванычу, да для главной прислуги по парѣ сапогъ отвалять, въ числѣ которыхъ одна была и съ востроносыми стерляжьими носками. И вотъ, какъ работа была барская, то Асафъ Миронычъ со своими колодками, шильцами, клещами, шайкой вонючей воды для размачиванія кожи, смѣло поселился, по приказанію Василья Иваныча, въ боковой лакейской, и тамъ, постукивая громко молоткомъ и попѣвая сапожную пѣсню, въ синей рубахѣ и грязномъ фартукѣ, съ ременнымъ обручикомъ на головѣ, какъ обыкновенный сапожникъ, развивалъ свой сапожный талантъ, то есть: спускалъ дратву, варилъ варомъ концы и потомъ отдергивалъ на обѣ руки, подшивая на-крѣпко господскую подошву, или, пожалуй, еще и стельку.

А если какой-нибудь господинъ, гость, не нашедши никого въ главной прихожей, заглядывалъ въ бокоушку къ Асафу и сквозь постукиванія и мурлыканья пѣсни выкликивалъ его: «эй, человѣкъ!»—или просто говорилъ: «послушай, братецъ, а что, ваши дома?» Асафъ Миронычъ, видя, что ему мѣшаютъ, и чувствуя, что ему некогда, обертывался обыкновенно къ гостю сидя и отвѣчалъ такъ, какъ-будто не его дѣло: «дома, сударь, дома-съ, пожалуйте вонъ туда-съ, проходите насквозь.» — При этомъ онъ простодушно махалъ рукой гостю и приказывалъ, чтобъ тотъ проходилъ мимо—насквозь. Если же видѣлъ, что гость подавалъ ему визитную свою карту, то отвѣчалъ запросто: «положьте тутъ гдѣ-нибудь, руки-то у меня больно не тово... не совсѣмъ чисты, знаете — я послѣ доложу-съ.» — «Слушаю-съ», обыкновенно заканчивалъ онъ глухо, и затѣмъ начиналъ опять постукивать и попѣвать. А Василью Иванычу всегда жаловался на гостей такъ: «напрасно, сударь, изволите гнѣваться, что работа идетъ теперича не спѣшно, по евтой самой причинѣ, что я допрежь того докладывалъ вашей милости, что

нельзя тутъ мнѣ теперича работать; хоша въ гостиную изволите посадить, — все единственно: и тамъ равномѣрно такожде будетъ, по евтому самому, что всеконечно отрываютъ отъ дѣла-съ, мѣшаютъ-съ больно часто: пріѣздъ великъ–съ у васъ!»

— Послушай, братъ, Асафъ! сказалъ вошедшій въ бокоушку питерскій дядя:—передай мнѣ нашего Василья, поучиться?...

— Что же? оченно хорошо-съ, извольте... Оно конечно, что-же: исторію онъ у меня вытвердилъ твердо, псалтырь тоже почти весь наизусть валяетъ; ну, а вы совсѣмъ не то: канечно человѣкъ питерскій! рахметики, граматики тамъ всѣ—они, одно слово, вамъ какъ пять пальцевъ извѣстны,—чего ужъ и говорить объ этомъ! Ну вотъ тоже теперече и художествомъ этакимъ всякимъ занимаетесь. Онъ же этакой произительный мальчишка, смѣтливый на все этакое, ну и понатрется кое-чему около васъ. Возьмите, возьмите, что жь?... для чего не взять? Я, вѣдь, оно -тоже: конечно могу и другихъ найдти, если найдутся. Агапынька, вонъ Перепелкиныхъ внучекъ, въ третьемъ году у меня тоже выучился читать грамоту; ну теперича подчаянно еще навернется кто–нибудь.... Что жь, ничего — по мнѣ пожалуй берите! я вѣдь за хвостъ его не держу.

— Благодарствуй! сказалъ слушающій отовсюду похвалы дяденька столичный и протянулъ послѣ того руку нестоличному Асафу, но все-таки человѣку съ достоинствомъ, такому человѣку, который былъ и сапожникъ, и лакей, а по нуждѣ такъ даже и учитель.

Впрочемъ петербургскій человѣкъ былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что Асафъ непремѣнно согласится на его просьбу, потому что съ Асафомъ они уже снюхались и сдѣлались закадычные друзья, почти на ты: съ Асафомъ они часто (какъ только улягутся спать господа) ночи насквозь рѣзались въ три листка съ бардадымомъ, фалей, темной и подходцемъ,—ну однимъ словомъ, въ подкаретную, да такъ рѣзались, что Боже упаси, такіе возили вороха пятаковъ по ларю въ прихожей, что просто—что твои екатеринбургскіе казенные обозы. Какъ же послѣ того не согласиться Асафу? Петербургскій человѣкъ и теперь, безцеремонно ощупавши засаленный табачный кисетъ Асафа, съ какой-то особенной радостью сказалъ: «никакъ въ немъ ужь опять пятаки поживаютъ? значитъ, ужо можно будетъ намъ и засѣсть, а что, гривеничекъ изъ тавлинки явится?» На всѣ эти вопросы

сапожникъ Асафъ отвѣтилъ коротко и ясно: «могимъ»... Какъ же послѣ всего этого не согласиться Асафу?

Дѣйствительно, на другой день Вася пришелъ учиться къ дядѣ наверхъ. Дядя, на выигрышные у Асафа деньги, купилъ ему новую азбуку съ картинками, купилъ даже новую пропись московскую, въ которой на первомъ листѣ изображена была пишущая рука, купилъ даже новую черкилицу петербургскую, которая смѣялась сама, потому что изображала собою смѣющагося бѣса съ рогами. Петербургскій человѣкъ основательно думалъ такъ, что ребенку охотнѣе будетъ учиться по новому, и посему онъ не только купилъ все новое для Васи, а даже и учить-то сталъ по новому — не прежнимъ манеромъ — не по-крестьянскому, а по-петербургски.

Удивленный дяденька-петербургскій громко засмѣялся, когда Вася въ первый разъ выворотилъ букву: «азъ». Онъ даже съ наморщеннымъ лбомъ сказалъ ему сердито: «фу, братецъ! какъ это тебѣ несовѣстно? ну, что за азы такіе съ буками? кто же это нынче учится такъ, кромѣ сапожниковъ и дьячковъ? Брось ты, братецъ, эти гадости и наплюй на все. Что за старообрядчина такая? вѣдь я не Ѳедосѣй Лупычъ твой крестный?» И послѣ этого, чтобъ сторообрядчина не мѣшала ученью, онъ тотчасъ велѣлъ Васѣ смѣло бросить въ печь просаленную насквозь старую азбуку, въ которой были мудрыя изрѣченія, и даже басня о медвѣдѣ у пчелъ. Петербургскій человѣкъ тотчасъ отрекомендовалъ Васѣ новую славную азбуку, въ которой все было такъ знатно разрисовано, и велѣлъ непремѣнно говорить такъ: а-арбузъ, бе-бесѣдка, ге-генералъ. Дяденька окончательно увѣрилъ Васю, что «слово-анса» и «твердо-онто» — это рѣшительно не то, и что азъ, буки и вѣди — учатъ теперь ужь только мужики да поповичи-дураки, а что русскіе господа, нѣмцы, французы, галанцы и аглицкій народъ и весь свѣтъ учатъ: а, бе, ве, ке, ле, ме, не, пе, ре, се, те, фе. Нечего дѣлать: нужно вѣрить. Дяденька самъ только что пріѣхалъ изъ Петербурга; дяденька своими собственными глазами видѣлъ такъ и галанцевъ и аглицкій народъ, значитъ — все знаетъ и говоритъ такъ, какъ есть оно въ натурѣ.

«Каково это въ самомъ дѣлѣ?» думалъ Вася: «вѣдь вотъ оно что значитъ быть петербургскимъ-то человѣкомъ! Ну, здѣсь, напримѣръ, ну что у насъ за читанье? — я думаю, что

такъ и читаютъ-то эдакъ не понашенски, когда у нихъ такія знатныя галанскія буквы?»

И что-же? каково было удивленіе ребенка, когда онъ, переучившись съизнова на ке-ле-ме-не, сталъ читать точно такъ же, какъ и прежде! Вася и послѣ того долго, долго.... и выросъ, и состарѣлся — все не могъ дать себѣ строгаго отчета въ томъ: почему именно одинъ учитъ: азъ-буки; другой учитъ: ке-ле-ме-не, и оба читаютъ одно и тоже! Не могъ даже сообразить себѣ: почему именно люди порядочные спорятъ, умные доказываютъ, а ученые такъ пишутъ и диссертаціи о томъ, что новые ке-ле-ме-не гораздо лучше, нежели старые коренные: азъ да буки.

Съ перваго же классу петербургскій дядя озадачилъ Васю и новой методою ученія. Онъ запретилъ ему писать по бумагѣ чернилами,—видишь, опять собственно потому, что у Васи испорчена рука, и «чтобы, говоритъ, она поправилась, пиши-ко ты пока по песку.» Не знаю, заставлялъ-ли Васю питерскій дядя писать по водѣ; но безъ воды сухимъ перомъ выводить буквы по печатной прописи заставлялъ, и даже часто. Къ довершенію же преобразованія племянника, дядя отрекомендовалъ ему еще и третью азбуку, взятую отъ барчатъ на прочтеніе, — самую легчайшую азбуку Дараганъ, въ которой ужь рѣшительно не было ничего труднаго: ни заповѣдей, ни славянскихъ молитвъ, ни тѣхъ жосткихъ правоучительныхъ изрѣченій, объ которыя можно было занозить языкъ, словомъ—ничего шероховатаго; но за то были самыя легкія для чтенія слова: духъ, бухъ, пухъ, донъ, тонъ, звонъ, ракъ, бракъ, кракъ, и все этакое самое легкое, до того легкое, что даже самый процесъ чтенія по этой азбукѣ названъ легчайшимъ способомъ; вовсе ни чему неучившись, вы учишься скоро читать. Поэтому и самая азбука носила названіе «самоучителя», какъ будто въ доказательство того, что по ней вовсе не нужно учиться, а учится по ней все само.

Любя своего дядю, Вася полюбилъ и его новое ученье, созданное изъ пустяковъ и вздору, по образцу петербургскому. Подъ руководствомъ новаго учителя, онъ скоро переучилъ всѣ свои старые склады на новый ладъ, и у него вмѣсто буки-азъ баба, мыслете-азъ-мама—стало выходить только: бе-а—ба и ме а — ма. Несмотря на то, онъ все-таки добился только до того что могъ разбирать книгу прямо, а не тогда, когда она ложилась передъ нимъ вверхъ ногами. Дяденька же петербургскій послѣ церковной азбуки, тотчасъ напалъ на псалтирь, и какъ ди

жды два четыре доказалъ своему племяннику, что въ псалтирѣ онъ ничего не понимаетъ, а потому и учить его наизусть совершенно безполезно. Послѣ того онъ прямо велѣлъ застегнуть его на обѣ пуговки и отправить вмѣстѣ съ старой исторіей въ кладовую на полку. Вмѣсто старой исторіи, которая начиналась словами: «Богъ сотворилъ небо и землю такъ прекрасно и великолѣпно»,—петербургскій учитель подсунулъ Васѣ новую исторію Зонтагъ, которую перехватывалъ у барчатъ на воскресенье. По этой новой исторіи Вася къ понедѣльнику долженъ былъ заучить страничку и бойко разсказывать новому учителю о томъ, какъ Господь сотворилъ козочку съ баранкомъ и его самого Васю въ шестой день, о чемъ въ старой исторіи ничего не говорилось.

Не успѣлъ Вася пройдти по новой исторіи до потопа, какъ новый учитель сказалъ однажды Павлу Кузьмичу: «а что, кумъ, не начать-ли намъ съ твоимъ Васильемъ грамматику?»—На что темный Павелъ махнулъ только рукой, что въ переводѣ означало: «дѣлай съ нимъ, что хочешь». Одобренный этимъ маханьемъ, петербургскій учитель на другой же день подцѣпилъ въ толкунѣ на рогожкѣ ту старую департаментскую грамматику, изданную во время оно, въ которой было еще семь родовъ, десять частей рѣчи, десять склоненій и два супружества, вмѣсто спряженій. По этой грамматикѣ дяденька, каждый день аккуратно, началъ отмѣчать крестами по пяти строкъ, и требовалъ отъ Васи, чтобы онъ непремѣнно зналъ ихъ наизусть, безпрестанно повторяя племяннику, что грамматика книга важная, безъ которой нельзя почти жить на свѣтѣ, если онъ хочетъ быть человѣкомъ. Вася безусловно вѣрилъ своему питерскому дяденькѣ и потому усердно принялся за грамматику. Сама мама съ Іоновной часто видали, какъ маленькій Вася шепталъ про себя: «Господи, Господи! что же это такое значитъ? Господи, я ничего не понимаю!» — Но, и ничего не понимая, онъ все-таки училъ твердо въ долбяжку, потому что Господь далъ ему такую славную память, съ которой онъ ни въ чемъ не затруднялся, и такъ все прокатывалъ насквозь, какъ будто бы училъ писанную стихами ариѳметику временъ Ломоносова.

За успѣхи въ наукахъ дядя дарилъ племяннику бумагу, карандаши, резину, и даже дозволялъ копировать легонькіе планы петербургскихъ домовъ. А родной за успѣхи въ наукахъ дарилъ ему еще больше: онъ давалъ Васѣ и сурикъ, и сибирлетъ и дру-

гія яркія краски, которыя хранились у него въ барской кладовой. Мало того, изъ маминой вязальной иглы онъ самъ устроилъ Васѣ циркуль, а изъ старыхъ негодныхъ подошевъ, взятыхъ у стараго учителя Асафа, выкроилъ даже транспортиръ и треугольникъ, какъ настоящему архитектору. Кромѣ этого всего, онъ даже упросилъ новаго архитектора Васю нарисовать ему домъ и флигель, которые стояли напротивъ. Правда, что Вася нѣсколько разъ начиналъ рисовать одно и тоже, портилъ, рвалъ, досадовалъ и плакалъ, но все-таки наконецъ добился до того, что отецъ сказалъ ему: «ну, спасибо, сынокъ; вотъ теперь такъ такъ изобразилъ, какъ живенькій домикъ; что, этотъ домъ прокурорскій? Мать, посмотри-ко».

Но оцѣнку мамыньки намъ нечего описывать. Мамынька, не глядя еще, начинала уже охать отъ восхищенія; а когда она заглянула да разсмотрѣла работу сына, такъ нашла, что лучше этого и свѣтъ никогда не производилъ. Оставалось только упросить, чтобъ Вася подарилъ ей свою работу. А намъ остается пожалѣть, что это знаменитое произведеніе скоро съѣлъ у мамыньки Ванька-скотъ. Ванька-скотъ, видите, около этого времени начиналъ пробовать свои крѣпкіе зубы, и, къ чести его зубовъ надо сказать: отъ него не только планамъ, а доставалось теперь больно и архитектору.

Подъ руководствомъ новаго учителя Вася сталъ также развивать и заборную свою живопись. Такъ однажды, только успѣлъ онъ возвратиться съ отцомъ изъ Паранькиной деревушки, какъ у него на цѣломъ листѣ тотчасъ очутились и копны, и плетни, и черныя свиньи въ лужѣ, и бѣлые гуси на лужайкѣ, и деревенскій кабакъ съ елкой, и даже ходившій передъ нимъ мужикъ безъ шапки, — ну, словомъ — все, что видѣлъ онъ тамъ достопримѣчательнаго, какъ свѣжій путешественникъ.

Такимъ образомъ, когда дѣятельность ребенка была занята, буйная воля его и размашистыя, заборныя дѣянія стали сами собою пропадать; даже въ нравственномъ отношеніи ребенокъ сталъ измѣняться къ лучшему. Бывало, имѣлъ онъ старинное обыкновеніе (отъ времени еще Ѳеодосѣя Лупыча) приходить иногда въ классъ съ кусочкомъ хлѣбца. Вася отщипнетъ тихонько въ карманѣ кусочекъ, и, заворотивши его секретно за щеку, пожевывая почитываетъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Продоха-дяденька сталъ это замѣчать: онъ обыщетъ карманы, отыщетъ хлѣбъ, а Васю до вечера оставитъ не ѣвши. Васѣ, как

нецъ, это наскучило—и Вася бросилъ коровью жвачку. Бывало, имѣлъ онъ старинное обыкновеніе (отъ временъ отца дьякона) изловить гдѣ нибудь у тяти пятакъ, и купить на него калачъ. Зоркій тятя тотчасъ излавливалъ Васю самого вмѣстѣ съ калачемъ, и спокойно повѣситъ аппетитный калачикъ съ рожками на гвоздь вмѣстѣ съ плетью. А потомъ еще въ продолженіе недѣли предъ каждымъ обѣдомъ и ужиномъ даетъ Васѣ понюхать и калачъ и плеть. Такого рода понюхиваніе было чрезвычайно невкусно, и Вася бросилъ старинное обыкновеніе воровать пятаки.

За то ужь если хорошо велъ себя Вася, то тятя и дядя дѣлали для него все, что только могли. Мало того; когда наконецъ и бумага, и краска, и похвалы, и всѣ прочіе дѣтскіе пустяки стали уже тупо дѣйствовать на Васю, какъ поощреніе, дяденька и тятенька тотчасъ же придумали еще и новыя средства заставить Васю учиться. А именно: если Вася хорошо, напримѣръ, читалъ и учился поутру, дядя выпрашивалъ у барчатъ и читалъ ему за то вечеромъ Рауля Синюю-Бороду, и Кота въ сапогахъ, и Шапочку-невидимку, и Сапоги-скороходы-семимильные, и Самъ съ ноготь, борода съ локоть, — и все этакое петербургское да французское, милое да страшное; а если Вася хорошо писалъ послѣ обѣда, дядя писалъ ему за это въ книжечку стихи: какъ котъ, жеманный баловникъ служанки, за мышкой крадется съ лежанки; мало того, даже кота и мышку изображалъ ему тутъ же на картинкѣ. А если, напримѣръ, Вася читалъ или писалъ дурно, то въ этотъ день дядя ничего ужь не читалъ, а только тятя записывалъ сыну кое-что прозой. Словомъ, вдвоемъ они такъ принялись за Васю, что тотъ бѣдный началъ худѣть. Мамынька начала надъ Васей вздыхать и побаиваться, чтобъ любимца ея вовсе не заучили до смерти, а Іоновна такъ даже сердилась и ворчала, что нелегкая принесла изъ Питера такого еще учителя, который не даетъ ни дня, ни ночи покою ребенку,—да еще такому милому ребенку, какъ ея любимецъ Вася.

Но опасенія старухъ были совершенно напрасны, ибо съ тѣхъ поръ, какъ подно-ученый дядя пріѣхалъ изъ Петербурга, Вася будто машинами его былъ крѣпко притянутъ къ нему наверхъ. Минуя отцовскія поученія прутомъ, онъ, какъ заклятый энтузіастъ, готовъ былъ цѣлые шесть часовъ сряду торчать у новаго своего учителя. И сначала ему вовсе не было тамъ скучно: то онъ засматривается на голыя картины петербургскія, то онъ, какъ знатокъ, разглядываетъ планы петербургскихъ до-

мовъ, то читаетъ какіе-то легчайшіе способы, да Елки, да басни, то на память закатываетъ свою грамматику, то пишетъ какія-то мудреныя слова Сенеки философа, то, постукивая бойко грифелемъ по аспидной, выставляетъ вторую сотню цифры, то выправленной рукой выписываетъ такія прописи, которыя дяденька откладываетъ прямо напоказъ, то наконецъ къ имянинамъ мамыньки, въ видѣ сюрприза, начинаетъ Америку, богатую серебромъ и золотомъ. Словомъ, Вася оказывается такъ усидчивъ за книгой, что самъ Василій Иванычъ задумываетъ употребитъ его, какъ примѣръ, для понуканія старшаго своего сына-лѣнтяя Илиньки. Самъ Василій Иванычъ распорядился и приказалъ, чтобы Вася, кромѣ занятій на-верху, учился еще вечеромъ, вмѣстѣ съ дѣтьми его, у школьнаго учителя Павла Павлыча. Это конечно не затѣмъ, чтобы Василій Иванычъ въ особенности заботился о развитіи и усовершенствованіи Васи, а вотъ зачѣмъ. Когда кантонистскій учитель Павелъ Павлычъ жаловался Василью Иванычу на сына его — лѣнтяя Илиньку, Василій Иванычъ становился передъ сыномъ въ драматическую позу и начиналъ громко говорить такъ:

— Ну, Илья, ты меня огорчаешь! Вонъ — онъ твой собственный человѣкъ, да какъ учится; а ты у меня, ослятина, на что похожъ? Въ пастухи не будешь годиться! — вотъ что. А еще сынъ дворянина называешься. Пороть, братъ, тебя надо, — да!

— Онъ у насъ умный будетъ мальчикъ, — откуда ни возьмись прибавляетъ къ слову Марья Александровна, и при этомъ гладитъ Васю по головѣ. — Смотри, Базиль, какіе у него умные глазенки? не правда ли?...

— Да, да, да... заговоритъ на это Василій Иванычъ, и пойдетъ послѣ того въ свой кабинетъ, насвистывая какую нибудь арію.

Послѣ ухода Василья Иваныча обыкновенно скоро и съ шумомъ заканчивался барскій дѣтскій классъ. А Вася тотчасъ убѣгаетъ въ избу, запирается въ своемъ чуланѣ, пялитъ глаза передъ зеркаломъ, гримасничаетъ, прищуривается и косится, и долго разсматриваетъ себя, какъ онъ, по его собственному мнѣнію, будетъ еще интереснѣе и умнѣе казаться.

Иногда эти похвалы выходили какъ будто иначе. Не жаловался кантонистскій учитель Павелъ Павлычъ на Илиньку, не кричалъ Василій Иванычъ на Илиньку и не ставилъ въ примѣръ ему Васю. Просто Марья Александровна, какъ мать, подходила

къ столу, за которымъ въ залѣ учились дѣти, и спрашивала Павла Павлыча, вѣчно считающаго съ Илюнькой на аспидной доскѣ:

— А что, какъ учились сегодня дѣти?

Павелъ Павлычъ при этомъ вопросѣ имѣлъ обыкновеніе вскакивать вкось со стула, и, крѣпко держась руками за оба борта военнаго, растегнутаго мундира, съ почтеніемъ отвѣчалъ такъ: «Анна Васильевна, нонышній классъ изволили вести себя довольно добропорядочно и учились также хорошо-съ, а вотъ Илья-съ Васильичъ, осмѣлюсь доложить, такъ они и въ прошлый и въ позапрошлый классы не совсѣмъ вели себя исправно — все пошаливаютъ немножечко-съ, да и учатся не совсѣмъ, чтобы этакъ, какъ слѣдуетъ — плоховато-съ.

— Это вѣчный лѣнтяй — шалунъ! За то кататься сегодня не поѣдешь.

— Да за что же, маменька? я вѣдь....

— Ну за то наконецъ, что оправдываешься еще, дерзкій мальчишка!—Ну, а что этотъ, какъ?... Марья Александровна при этомъ вопросѣ указывала на Васю, а Вася послѣ этого обыкновенно вскакивалъ со стула, какъ пружина, и вытягивался въ струнку предъ своей доброй барыней.

— Да про этого что и говорить-съ, преспособный будетъ мальчишка-съ; то есть такъ сказать: еслибъ этому мальчику да дорога была дана-съ, далеко-бы онъ по ней прошелъ-съ... Огонь-съ—не ребенокъ.

Павелъ Павлычъ при этомъ всегда имѣлъ обыкновеніе свертывать голову на лѣвую сторону, и со вздохомъ посматривалъ на Васю, своего прилежнаго ученика.

— Онъ вѣрно по дядѣ пойдетъ. Вы видѣли, я думаю, у насъ тутъ человѣкъ, который недавно изъ Петербурга пріѣхалъ? — очень неглупый человѣкъ,—и знаете, что въ немъ необыкновенно: онъ ничему не учился, а все знаетъ, — да! Вообразите: высшія науки, какъ напримѣръ, реторику, алгебру—и о тѣхъ онъ можетъ говорить.

Марья Александровна при этомъ улыбалась, а Павелъ Павлычъ закончилъ рѣчь по-учительски:

— Да-съ; да вѣдь это оченно обыкновенно: ужь если примѣрно дастъ Богъ человѣку дарованіе, такъ и алгебру можно приняться и выучить твердо, не знамши ее никогда прежде того.

Это, то есть такъ сказать: генію стоитъ только захотѣть, у него все закипятъ живо-съ!..

— А что вы думаете, Павелъ Павлычъ, объ этомъ: развѣ изъ него не можетъ выйти современемъ ученый?..

— Да Богъ его знаетъ-съ, что изъ него можетъ выйти-съ? Впередъ какъ же-съ можно угадать судьбу человѣка? Это вѣдь... то есть такъ сказать-съ: оно какъ поведутъ человѣка-съ, по какому, то есть, пути: и ученый, и неученый можетъ изъ него выйти; ему нужна сперва дорога-съ.

— Да дорогу мы ему дадимъ, сказала барыня такъ великодушно, какъ будто бы самъ Спаситель далъ ей власть разрѣшать и вязать душу человѣческую на земли. — Онъ вѣдь умный будетъ мальчикъ, продолжала барыня еще великодушнѣе, погладивъ однимъ пальцемъ сальную голову крѣпостнаго своего раба Васьки. — Умѣютъ ли только цѣнить эти хамы наши милости? выговорила торжественно великодушная русская барыня, и такъ взглянула на школьнаго учителя, что тому поперхнулось отъ ея вопроса, и онъ, вмѣсто отвѣта, только кашлянулъ въ горсть.

Маленькій Вася, ровно ничего не понимая, опускалъ только въ землю глаза, и, краснѣя отъ стыда и удовольствія, гордо выпрямлялся предъ обаятельной похвалой своей барыни, подумывая про себя такъ: «каковъ я? когда и мама, и тятя, и Павелъ Павлычъ, и даже сама барыня Марья Александровна—всѣ хвалятъ меня въ запуски!—каковъ долженъ быть я-то?»

И Вася, еще ничему не научившись, начиналъ уже чувствовать, какъ онъ хорошъ, уменъ, ученъ.

ГЛАВА VI.

Обаятельныя похвалы барыни и глупаго учителя Павла Павлыча—первыя начали оказывать свои послѣдствія: Вася мало по малу сталъ небреженъ къ матери, которую нѣжно и горячо любилъ. Воображая себя умнымъ, онъ уже пробовалъ иногда ослушаться ея приказаній, какъ будто сознавая, что мать теперь нужна ему только затѣмъ, чтобы дать поѣсть. Правда, что нѣжныя ея ласки и горячіе поцалуи по прежнему были для него лакомы и обаятельны, но все-таки слегка стало замѣтно, что Вася отъ нихъ уже порывался куда-то въ сторону,

какъ будто задумывая: «а что, не уйти ли опять къ дяденькѣ посмотрѣть его славныя нагія картинки?» Впрочемъ, сердце ребенка было еще такъ глубоко чувствительно и нѣжно, а душа такъ по-дѣтски безпредѣльно предана матери, что эти порывы въ сторону были едва замѣтны, и вовсе еще не причиняли боли глубоко-любящему материнскому сердцу. Сквозь временнаго каприза, ослушанія или упрямства, у ребенка тотчасъ проглядывали самыя чуткія и тонкія проявленія дѣтской ласки: Вася еще съ особеннымъ удовольствіемъ бѣжалъ къ старухамъ и имъ первымъ разсказывалъ, что онъ увидалъ новаго и достопримѣчательнаго на улицѣ, или тамъ, наверху. Онъ имъ первымъ разсказывалъ съ удовольствіемъ, какъ похвалилъ его Василій Иванычъ, или Марья Александровна, зная напередъ, что мама и Іоновна не только порадуются его радости, а еще и разцалуютъ его, и обгладятъ кругомъ и по головѣ, и по спинѣ, и по рукамъ. Онъ имъ первымъ бѣжалъ разсказывать, какую славную сказку или басню услыхалъ онъ сегодня отъ новаго своего учителя, и въ то же время совалъ подъ носъ старухамъ книгу, прося ихъ послушать, какъ хороша его петербургская сказка. Словомъ, теперь онъ, безъ понуканія матери, готовъ былъ съ удовольствіемъ читать все, что ему въ особенности нравилось, или что занимало его и читалось само хорошо.

Но вотъ на этихъ-то пагубныхъ сказкахъ и басняхъ Вася и не могъ сойтись со старухами. Это не потому конечно, что онѣ были старухи, а онъ дитя,— нѣтъ, эти крайніе полюсы человѣческой жизни удивительно стройно сводятся и гармонируются матерью-природой: самое влеченіе ребенка и его сердечныя отношенія къ старухамъ уже показываютъ, что природа связала ихъ тѣсно; нѣтъ, тутъ вмѣшались разные ихъ взгляды на ученье. Первой суровой мамѣ не понравились басенные пустяки,— и вотъ тамъ, гдѣ Вася съ особеннымъ увлеченіемъ начиналъ читать, мама останавливала его, начинала спорить и доказывать, что звѣри не говорятъ, что это все — неправда, и что онъ теперь начинаетъ учиться пустякамъ. При этомъ она какъ будто вздыхала о старой церковной азбукѣ и сердцемъ припоминала, какъ хорошо было въ той книжкѣ прописано: какъ быть благочестивымъ и уповать на Бога. Старая Іоновна, въ свою очередь, слушая о бѣсовской силѣ Рауля Синей Бороды, въ то же время перебивала Васю и заговаривала съ нимъ о псалтирѣ. Ей какъ будто хотѣлось сказать, что то время было бли-

же и отраднѣе ея старушечьему сердцу, когда Вася сидѣлъ предъ ней съ псалтиремъ, а она съ любовью и благоговѣніемъ смотрѣла на славянскіе узоры съ пріятными красными буквами, и слушала хотя вовсе непонятное, но все-таки такое, гдѣ слышались ей слова «Боже» и «Господи»,—значитъ, божественное и важное для человѣка. И затѣмъ Іоновна даже глубоко вздыхала: зачѣмъ этотъ псалтирь, книга божья, поставленъ теперь тамъ невозвратно на полочку въ амбаръ, у образа.

А изъ этого всего выходило вотъ что:

Равнодушное слушаніе такой милой сказки на первый же разъ такъ охлаждало ребенка, что онъ во второй разъ читалъ уже вовсе не такъ горячо; а споры родной мамы поселяли какое-то недовѣріе къ новой заманчивой наукѣ и дѣлали ребенка къ ней день-ото-дня равнодушнѣе.

Ко всему этому Вася такъ былъ чутокъ къ своимъ старухамъ, какъ могутъ быть только чутки дѣти его лѣтъ. По одному взгляду Іоновны мальчикъ уже понималъ, что это было не по ней, и по одному ея вздоху ему уже слышалось, какъ ясно говорила старуха: «это все бѣсовщина, золотой мой; а божескаго-то тутъ нѣтъ ничего.» А также и по одному взгляду мамы онъ уже понималъ, что это мамѣ было не-по-нутру, и по одному ея вздоху чуялъ, какъ мама хотѣла ему сказать: «нѣтъ, онъ учитъ моего ребенка не по-божески.»

Что же изъ этого должно было выйти?

Что?—кромѣ того, что мой бѣдный Вася и съ младенческихъ лѣтъ сдѣлался уже беззащитной жертвой какой-то ужасной борьбы!

Мы сейчасъ говорили о томъ, какъ Вася любилъ своего дядю и вѣрилъ ему безусловно, какъ человѣку всевидящему и всезнающему. Но когда противу уроковъ его говорила сама мама: «это, сынокъ, пустяки — звѣри не говорятъ», то хотя Вася и опечаливался, что мама ему не вѣритъ, и какъ будто сердился на то, что не вѣритъ она даже и той книжечкѣ, которую ему похвалилъ самъ дяденька петербургскій: но задумавшись надъ этимъ, съ какой-то духовной тоской, какъ будто возчувствовавъ, что онъ лежалъ подъ сердцемъ этой женщины, ребенокъ сердцемъ соглашался съ нею и сердцемъ же отвергалъ хорошую книгу дяди. То же было и со второй его матерью — Іоновной. Хотя Вася наотрѣзъ сказалъ Іоновнѣ, что псалтирь онъ ничего не понимаетъ, и дядя читать ему не велѣлъ,—однако, когда онъ

видѣлъ Іоновну опечаленною, когда онъ услыхалъ, съ какой задушевной тоской выговорила ему она: «псалтирь—книга божія, Васинька: ее не надобно оставлять», Вася, и ничего не понимая, задумывался надъ этимъ глубоко. Смотря на Іоновну, и видя ея грустное выраженіе, онъ какъ будто хотѣлъ прошептать въ эту минуту: «эхъ, дядя, дядя, зачѣмъ ты не велѣлъ читать псалтирь? видишь, какъ задумалась моя Іоновна, а мнѣ вѣдь ее жалко». И ребенокъ съ задушевной тоской припадалъ къ колѣнямъ Іоновны, и просилъ, хоть бы она разсказала ему какую нибудь сказочку отъ скуки.

И затѣмъ Іоновна налагала свою костлявую руку на голову ребенка. И въ это мгновеніе души этихъ двухъ дѣтей опять единялись съ такой любовію, какъ будто бы самъ Господь присутствовалъ при ихъ сочетаніи. Святой духъ его осѣнялъ и малаго ребенка съ баснями, и глупую Іоновну съ псалтиремъ, и присутствовалъ Онъ, вѣчный, и въ баснѣ и въ псалтирѣ, какъ выраженіе вѣчной непреложной истины, представленной въ двухъ различныхъ формахъ древняго и новаго человѣка.

Но старая, окоченѣвшая Іоновна, и не старая, но сильно-загрубѣлая мама и знать этого не хотѣли. Имъ не открывалъ Господь, что въ истинахъ басни есть то же вѣчное присутствіе святаго духа. Окостенѣлыя по своему въ предразсудкахъ, мама и Іоновна твердили одно, что новое ученіе дяди—пустяки, и что въ немъ нѣтъ ничего божескаго и псалтирскаго!

И вотъ, какъ только почуяли старухи порывы отъ нихъ Васи куда-то въ сторону, онѣ обѣ всѣми силами нравственнаго своего бытія вцѣпились въ ребенка, и рѣшились до послѣдняго издыханія не давать его на жертву, какъ не даетъ свое возлюбленное дитя мать, въ крайней опасности, когда онъ у нея горитъ, тонетъ, или попадаетъ въ когти плотоядному звѣрю.

Какъ только замѣтили старухи, что золотой ихъ сыночекъ Развасюрынька началъ иногда мыслить, задумываться, а наконецъ и худѣть еще — онѣ, бѣдныя, съ материнскимъ горячимъ сердцемъ кинулись на него съ своими врачеваніями: утѣшеніемъ, ласками, обаяніемъ и даже приторнымъ баловствомъ. Первая мама начала заботливо посматривать на дверь, какъ будто ее, деревянную, допрашивая: «а что, нейдетъ еще мой золотой сыночекъ отъ ученья?» Особенная радость выказывалась у ней на лицѣ материнскомъ, когда въ этой двери показывался онъ; съ

особенной лаской цаловала она его въ голову, приговаривая: «что, усталъ, мой голубчикъ-сыночекъ? заучился сегодня; что-то ужь больно долго тебя не пущали, — не хочешь ли поѣсть?» И затѣмъ тотчасъ высчитывалось, что бы такое поѣсть: «не хочешь ли лапшицы, жарева, молочка, дрочены, — яишеньки не сдѣлать ли?» Яблочка, наконецъ, моченаго не дать ли, а наконецъ и пряничка съ орѣшками? несмотря на то, что это было натощакъ! И Васенька, мамынькинъ сынокъ, такъ опять заѣдалъ свою петербургскую науку, что у него хлопали только глаза. А за мамою тотчасъ являлась и Іоновна. Старая Іоновна, какъ кукушка, повторяла за мамой, что ужь оченно безбожно томятъ за наукой золотаго ея Развасюрыньку; этакъ, пожалуй, вѣдь можно совсѣмъ замучить учьбой ребенка-младенца, и охоту всю отбить. И затѣмъ, въ тоскливомъ недовольствѣ противъ новаго ученія, старая Іоновна еще приторнѣе приголубливала къ къ себѣ своего любимца. И воркованію Іоновны не было конца. — «Не сказать ли тебѣ сказочку про бѣлаго бычка?» спрашивала она разъ по-девяти на день, сходясь съ Васей для того, чтобы повидаться съ любимцемъ. — «Да вотъ еще хорошая загадка, голубчикъ мой Васенька; да вотъ еще, послушай-ко, славную прибауточку я тебѣ разскажу; да вотъ еще, какъ на морѣ на окіянѣ стоялъ быкъ печеный, а въ него еще засунутъ и чеснокъ толченый, съ боковъ-то порѣзывай, а съ заду-то помакивай и ѣшь, такъ жирно и смачно, что по-усу тебѣ потечетъ, да въ ротъ не попадетъ». А послѣ того еще и увѣритъ Іоновна золотаго Развасюрыньку, что тамъ и она сама была, и медъ пила, и по усу у ней текло, да въ ротъ тоже не попало. Итакъ все это хорошо и заманчиво, что до другаго-то дня некогда и за книгу приняться — за грамматику департаментскую. Несмотря на то, что отецъ каждый день встрѣчалъ Васю со своей розочной фразой и говорилъ ему жостко: «а? кончилъ, братецъ? ну, поиграй часокъ, да и за урокъ, слышишь!» И слышалъ Вася, все онъ слышалъ, да развѣ оторвешься отъ такой милой сказки, какую, съ поглаживаніемъ и приголубливаніемъ, разсказываетъ ему милая его Іоновна. Не оторвешься отъ нея ни за что!

Да, и самъ петербургскій дядя съ приманками своими не могъ оторвать Васю отъ сердца старухъ. Послѣ нагихъ картинъ петербургскаго человѣка, ребенокъ еще отраднѣе клонилъ головку на лоно цѣломудренной своей матери, и, послѣ умнаго французскаго Рауля Синей Бороды, Вася еще обаятельнѣе заслу-

шивался волшебно-золотой нити гомеровской рѣчи Іоновны и ея цѣломудреннаго голубинаго воркованія.

Засидѣвшись цѣлый день у петербургскаго учителя, Вася съ какой-то сладостной дремотой преклонялъ вечеромъ усталую свою головку въ колѣни Іоновны, и тутъ-то сердце его навзрыдъ плакалось надъ «дѣтушками-козлятушками», которыхъ пожиралъ-таки, наконецъ, страшный для ребенка, сѣрый волкъ. Съ сердечной тоской слышалось ему, какъ изъ рѣки «Оленушка-сестрицушка» заунывно пѣла милому своему братцу Иванушкѣ-козелку: «горючь камень ко дну тянетъ, змѣя-тоска сердца сосетъ!» Ныло, ныло его бѣдное сердчишко въ этой глубокой задушевной тоскѣ, и ребенокъ, лежа головкой въ колѣняхъ старой своей мамы Іоновны, торжественно говорилъ: «нѣтъ, это лучше французскаго Рауля; какъ она хорошо разсказываетъ! какая эта Іоновна!»....

А Іоновна, какъ великій Гомеръ, выше лѣсу стоячаго, выше облака ходячаго раздвигаетъ надъ волшебнымъ міромъ свою узорчатую, мощную, чудодѣйственную фантазію. И вотъ маленькій Вася, сквозь котораго пробѣгаетъ сладостный трепетъ, ужь ясно видитъ, какъ мчатся мимо его кощеи съ костяными руками, колдуны съ локотными бородами и чародѣи съ бурями и грозой! Ужасомъ обхватываетъ его черная ночь, и нагорѣвшая лучина кажется ему свѣчкой въ переднемъ углу; сама вѣчно-рокочущая дворня притаиваетъ свое дыханіе, и въ это мгновеніе — вдругъ лопается желѣзный обручъ, поднимается крыша гробовая и встаетъ мертвецъ! Заживо всхватываетъ Васю всего, и летитъ съ нимъ высоко-высоко... нашъ державно-могущественный Сивко-бурко; прядаютъ подъ нимъ далеко низко наши косматыя кіевскія вѣдьмы на своихъ помелахъ и метлахъ. И вотъ всю эту страшную вереницу съ грохотомъ заканчиваетъ, въ желѣзной ступѣ своей, грозно-русская баба-яга, и ясно говоритъ она сердцу малаго ребенка: «фу, фу, фу! здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ! Слыхомъ было не слыхано, видомъ было не видано, а нонѣ онъ сталъ въ глазахъ вершиться!»

Часто за полночь, какъ очарованный, поднимался Вася съ колѣнъ своей волшебницы Іоновны, въ какомъ-то сладостномъ полуснѣ отходилъ онъ къ своей ребячьей постелькѣ, и, помянувъ усопшихъ своихъ родителей-сродничковъ, прежде-отшедшую братію и всѣхъ православныхъ христіанъ, долго еще не могъ за-

снуть, приговаривая только одно: «какія славныя сказки! Нѣтъ, въ книгахъ тамъ нѣтъ такихъ, у дяденьки! это точно живыя!»

И на другой же день Вася снова приходилъ къ своей воркуньѣ-волшебницѣ Іоновнѣ, прикладывался головой къ ея теплымъ колѣнямъ и упрашивалъ ее разсказать ему еще другую.

И вотъ ужь ѣдетъ онъ путемъ-дорогою, стороною далекою— и далеко уносится опять за тридевять земель, въ тридесятое государство, за Добрыней Никитичемъ и за простымъ Алексѣемъ Поповичемъ. Съ дива падаетъ ребенокъ отъ силы Ильи Муромца и посвиста Соловья-Разбойника. Сила и могущество этихъ богатырей, быки, ими пожранные, и котлы, ими слопанные — все это проходитъ сквозь сердце маленькаго неразумнаго Васи, какъ что-то свое, родимое, широко-мощное и крѣпко-сильное, и затѣмъ ужь такъ само и растетъ въ его мышцахъ! И доброта, и простота этихъ неподдѣльныхъ богатырей русскихъ — все это, съ поцалуемъ Іоновны и ея приголубливаніемъ, какимъ-то божественнымъ наитіемъ осѣняетъ его душу. Такъ что ребенокъ опять только за полночь поднимается съ колѣнъ своей голубицы Іоновны — у него даже словъ нѣтъ, какъ ее благодарить!

И вотъ на третій вечеръ онъ самъ бѣжитъ ужь къ ней, какъ къ чему-то близко-родному, живыми ласками умасливаетъ онъ свою старую волшебницу, и снова, подъ журчаніемъ ея веретена, плыветъ гдѣ-то тамъ, Богъ-знаетъ въ какой дали, словно на утлой ладейкѣ на морѣ на окіянѣ, или дремлетъ подъ шатрами Бовы-Королевича, да Ивана-Царевича. Самое сѣдло богатыря кажется ему колыбелью матери, и пѣснью кормилицы убаюкиваетъ его монотонный разсказъ о Петрѣ Золотыхъ-ключахъ! И въ полуснѣ и въ полубдѣніи уже ясно видится ему сама она, летящая Жаръ-птица, отъ которой и въ ночи такъ свѣтло, какъ днемъ. И затѣмъ уже слышится ясно, какъ сама святая Русь говоритъ очарованному ребенку: «нѣтъ, у питерскаго дяденьки нѣтъ такихъ славныхъ сказокъ, какія знаетъ твоя кормилица Іоновна».

Вотъ какъ началось перевоспитаніе ребенка. Старая Іоновна, вмѣсто неразобраннаго ею псалтиря, напустилась на Васю съ своими росказнями. Жалѣя ребенка и думая только о томъ, чтобы хотя чѣмъ нибудь его утѣшить, она безъ разбору принялась толковать ему: какъ оборотни, на святые вечера, бѣгаютъ по перекресткамъ въ видѣ свиней и поросятъ; какъ иногда кладами разсыпаются въ деньги дохлыя собаки; какъ свиныя туши хрю-

чать на погребахъ и предвѣщаютъ дѣвицѣ судьбу; какъ мохнатая рука поглаживаетъ въ банѣ дѣвушку, вмѣсто богатаго жениха; какъ домовые шепчутъ хозяину на ухо къ худу; какъ вѣдьмы, вмѣсто двери, прилетаютъ въ завѣтные дома въ трубу, и какъ, наконецъ, въ мертвеца, чтобъ онъ больше не вставалъ изъ могилы, забиваютъ осиновый колъ. — Сколько разумный петербургскій человѣкъ ни увѣрялъ Васю, что это все старушечьи бредни и слушать ихъ ему не слѣдъ, — нѣтъ! сердце само слушало эти старушечьи бредни, и Вася, послѣ разумной ариѳметики, опять сладко дремалъ въ колѣняхъ Іоновны и опять просилъ ее въ десятый разъ разсказать ему и дѣвушку-снѣгурку, и котокъ золотой лобокъ, и даже курочку-поташурочку съ пѣтушкомъ золотымъ гребешкомъ.

И вотъ опять, въ длинный осенній вечеръ, шурчитъ и звучитъ оно, однообразно-пѣвучее веретено Іоновны, и плавна, какъ божественный гимнъ, ея старушечья рѣчь, и торжественна она, какъ само восшествіе во храмы русской славы. Недосягаемо велики представляются въ глазахъ маленькаго ребенка могучіе образы ею сотворенныхъ богатырей! Такъ бы и слушалъ вѣчно-милую сказку Іоновны, такъ бы и лежалъ и баюкался всю жизнь въ теплыхъ колѣняхъ старушки-воркуньи! А она еще и спроситъ Васю: «слышишь ли, свѣтикъ мой?» А гдѣ страшно ему — поцалуетъ его; а гдѣ жутко ему — тамъ обойметъ его, припадетъ надъ головкой любимца и такъ сладко шепнетъ ему въ ухо: «ну, не бойся, мой свѣтъ, это сказка!» — Но это была такая сказка, отъ которой самъ безтолковый Ваня, ловя ручонками мыльный пузырь, радужно играющій въ яркомъ пламени вспыхнувшей лучины, и тотъ надолго останавливается съ поднятыми кверху ручонками, и обратя съ любовью ясныя свои очи на Іоновну, какъ будто силится уже сказать: «вотъ и я подросту, такъ пойму тебя, моя старая волшебница!»

Вся дворня, въ тѣсномъ кружкѣ, обращаетъ свой жадный взоръ на Іоновну и въ томительномъ нетерпѣніи ожидаетъ: что-то будетъ дальше съ Иваномъ царевичемъ? Десять рукъ протягиваются быстро, поднять оторвавшееся веретено Іоновны, и двадцать очей хотятъ прочитать въ глазахъ простодушной старухи: что-то будетъ дальше съ ея русскимъ богатыремъ? А Вася все лежитъ на колѣняхъ Іоновны и, подперши локоткомъ голову, смотритъ въ очи, и съ любовію думаетъ: «милая, какъ ты хорошо говоришь!»

А кромѣ сказки, развѣ мало знала Іоновна. Сидя лѣтнею порою вечеркомъ, она такъ же ясно, какъ учитель географіи, толковала милому Развасюрынькѣ о планидѣ божьей—мѣсяцѣ, и даже изъясняла, что вмѣсто ученыхъ пустяковъ—пропастей и морей—на немъ, самъ Богъ нарисовалъ Ваньку-Каина, того самаго разбойника, который въ старые годы убилъ брата своего роднаго; а сдѣлалъ Богъ это для того, чтобы казнился человѣкъ. Іоновна даже знала такихъ дотошныхъ людей—знахарей, которые могли скрадывать съ неба эту божью планиду, да такъ, что вдругъ сдѣлается темно; а въ ведрѣ, куда они стянутъ мѣсяцъ-то, очутится человѣчья кровь. О падающихъ звѣздахъ Іоновна отзывалась своему любимцу, что это душеньки грѣшниковъ: онѣ сорвались съ небеси отъ Господа и падаютъ тамъ на краю свѣта въ рѣку,—тамъ, вишь, и погаснутъ,—такъ, слышь, судилъ имъ Богъ; «отъ этого самаго и выходятъ утопленники», добавляетъ она, такъ ужь, для круглоты рѣчи. О сильныхъ вешнихъ заряхъ Іоновна только и знала, что лѣтомъ заря съ зарей сходится, точно такъ же, какъ зимою, говоритъ, сумерки съ сумерками,—да къ этому еще добавляла, что зорница по вечерамъ сожигаетъ въ полѣ хлѣбъ у того человѣка, который посѣялъ его не въ урочный часъ. Годъ свой старая Іоновна дѣлила по своему: на петровки и страду, на спожинки и кузьминки, на филиповки и михайловки, на великое говѣнье, ѳомину, да сплошную, и безъ всякихъ чиселъ и мѣсяцевъ у ней вѣрно опредѣлялось время, и выходило всегда: то передъ петровымъ заговѣньемъ, то на богородицыно заговѣнье, то послѣ великаго заговѣнья, то передъ казанской, то послѣ Покрова, то передъ Ивановъ-постнымъ, то около великаго праздника. Родительскія субботы она знала, какъ пять своп пальцевъ, а дмитровскую, камъ собственную ладонь; девятую и десятую пятницу она не прокарауливала ни разу въ остальныя сорокъ лѣтъ. По понедѣльникамъ понедѣльничала, въ память того, что понедѣльникъ есть понедѣльникъ,—и вѣрно русскому человѣку ужь такъ назначено судьбой—послѣ праздника отрезвляться. Времена года и распредѣленіе работъ Іоновна такъ расписывала, какъ самый точный церемоніалъ или распредѣленіе дежурства во дворцѣ. Знала она, когда придутъ Петры-повороты и поворотятъ солнце на зиму, а лѣто на жары; знала она также, когда придетъ и Спиридонъ-солноворотъ и перевернетъ у ней обратно солнце на лѣто, а зиму на морозъ. За этимъ Іоновна, какъ первое и глав-

нее, знала основательно, что въ имянины мученика Луппа — бабы ленъ лунятъ и сѣмя изъ него трясутъ. И по замѣткамъ Іоновны счастливѣе этого дня, для бабьяго льна, и самъ свѣтъ не производилъ: — «тотъ раскается и себя проклянетъ, кто въ этотъ день льна не соберетъ». — Іоновна даже замѣчала, что на Марьи-росы—льны всегда ужь живутъ сыры и косы. Это ужь какъ дважды два четыре. Твердо также знала Іоновна, что на Семенъ-день сѣмена съ поля долой — и не сѣй больше ни маковой росинки: земля-матушка не приметъ. Затѣйница Іоновна караулила и апостола Луку, чтобы въ день его лукъ изъ грядокъ выдергать; иначе, говоритъ, — я ужь сорокъ лѣтъ вотъ это знаю, — и сладокъ онъ не будетъ, да и въ прокъ не пойдетъ; ползимы не проживетъ, такъ весь и прогніетъ, а то осоплявѣетъ да въ ростъ уйдетъ. «Всему, вишь, Господь опредѣлилъ время свое», добавляла она въ видѣ разсужденія. А за этимъ не забывала также замѣтить питомцу своему, что на великій праздничекъ Воздвиженье — шуба уже съ кафтаномъ сдвигается: зиму, значитъ, почуяли; — хотя Вася въ это время вовсе еще не чуялъ зимы, и въ состояніи былъ отхватывать по улицѣ и босикомъ, — ну, а все-таки ему сообщено было это для того, чтобы онъ позналъ порядокъ временъ и теченіе божіихъ планидъ. Аккуратный календарь-Іоновна замѣтила даже, что около этого времени какъ-то живутъ и Ѳеклы-заревницы, и утромъ — говоритъ — придется ужь съ заревомъ вставать да лучинку ярую зажигать. «Вишь, Господь ужь, значитъ, ведетъ къ тому; наступаетъ вѣрно осень темная да ночи черныя. — Ѣду, ѣду, знать, да пощупаю: тутъ ли лошадь-то моя? Вотъ какъ, золотой мой Васенька, бываетъ въ осень-то». — «Да, хорошо», отвѣчаетъ Вася, и вздохнетъ. А тутъ за росказнями незамѣтно и Покровъ привалитъ. На Покровъ-то землю Господь снѣжкомъ покрываетъ: это Іоновна очень твердо знаетъ. — «Ну, а до Покрова, что еще за холода?» говоритъ храбрая Іоновна, сильно корчась отъ старушечьей зябкости: «вотъ на Ѳедора-Студита—тамъ ужь будетъ студить зима; да и то на Введенье сломаетъ въ иной годъ леденье. А вотъ что-то скажетъ намъ Никола-зимній? послѣ Николина дня — говорятъ люди добрые — можно и зиму похвалить. Какъ придутъ они, мои батюшки: Егорій съ мостомъ да Никола съ гвоздемъ, ну тамъ ужь и закуетъ... и закуетъ ужь и рѣчушку, и ручеекъ всякой; тамъ ужь и ступай, какъ по калинову мосту...

и ступай и взадъ и впередъ, и вдоль и поперекъ по всякой лужицѣ. Ну, а тамъ за никольскими-то рожественскіе наступятъ— ухъ! лютущіе морозищи бываютъ въ ину зиму, — бѣда! А тамъ ужь и крещенскіе — трескучіе...» И за этимъ словомъ Іоновна хоть въ августѣ, а ползетъ уже на печь.

А тамъ не успѣетъ еще нашъ профессоръ-Іоновна прочитать и половину годичнаго своего курса, — смотришь, и сочельникъ на дворѣ. Пристукнетъ подъ угломъ рожественскій капитанъ-морозъ, и затѣмъ тихо подкрадется ночь-ярая, и загорится какъ серебро; звѣзды такъ и прядаютъ, словно отъ радости. А профессоръ-Іоновна натягиваетъ уже шубенку, и съ печи отправляется на дворъ: ей, видите, нужно пересчитать звѣзды, чтобы ужь доподлинно узнать, много ли уродитъ въ этотъ годъ Господь Богъ агнятъ да гороху?

А вотъ за этимъ и святки, и святые вечера. Ну, тогда еще увлекательнѣе сказка волшебницы Іоновны; тогда ужь того и гляди, что въ самомъ забористомъ и страшномъ мѣстѣ съ ревомъ распахнется морозная скрипучая дверь, хлынетъ изъ сѣней въ избу паръ, словно дымъ колдуна, и повалятъ изъ него, какъ изъ омута, и черти съ балалайками, окутанные въ черные армяки, съ рожами, размазанными сажей, и съ искрами во рту; и попы въ рогожныхъ ризахъ съ мочальными бородами, лихо плящущіе въ присядку; и медвѣдь съ гармоніей, въ вывороченной бараньей шубѣ, до поту лица выдѣлывающій, какъ ребята воровали горохъ; и гусаръ въ инвалидной шинели, со звѣздою на груди, съ выведенными углемъ усами по всей щекѣ, съ бумажными эполетами и въ сине-бумажномъ дурацкомъ колпакѣ съ орломъ; и румяный мальчикъ въ узенькихъ бѣлыхъ офицерскихъ штанахъ и курткѣ, съ полными грудями и косой, торчащей изъ подъ соломенной фуражки; и мельникъ-колдунъ съ толстымъ ваточнымъ брюхомъ, конопляной бородой, торбаномъ и дикимъ басомъ, и съ такимъ же дикимъ и безсмысленнымъ задоромъ. Все это заразъ обхватываетъ сердце ребенка и холодомъ и жаромъ, и въ разъ ему и весело и страшно, и забираетъ самого охота замаскировать рожицу свою сажей, или пуститься въ присядку съ попомъ! По самой фигурѣ его, стоящей на прилавкѣ, видно, какъ бы онъ теперь отдергалъ трепака съ этими всѣми чертями, если бы только былъ не маленькій.

А тамъ, на другой половинѣ барскаго двора, въ барскихъ свѣтло-высокихъ хоромахъ, цѣлая вереница сѣнныхъ горнич-

ныхъ дѣвушекъ съ визгомъ подхватываетъ похороны золота, гораздо звончѣе похоронъ самихъ господъ. Самъ питерскій дяденька подъигрываетъ имъ на гитарѣ щуку изъ Нова-города, и даже самъ Василій Иванычъ подтягиваетъ басомъ для пополненія хора, воспѣвающаго славу солнцу высокому на небѣ и государю на сей землѣ. А тамъ, только схлынетъ ватага чертей изъ избы и пріумолкнетъ на время хоръ, воспѣвающій славу конямъ и слугамъ царскимъ, — опять пошла писать: и деревня, полная мертвецовъ и привидѣній, и покойникъ съ кладбища, подошедшій постучать въ окно, и морозная сверкающая ночь, и сѣнная дѣвушка съ зеркаломъ передъ мѣсяцемъ, и предательскій скрипъ ноги человѣка по морозу, и рѣзвушки, бѣгущія на перекрестокъ спросить: какъ зовутъ молодаго парня Кувардашку, и овинъ, и подслушиваніе, и церковь, и баня, и оборотни, и колдуны, и вѣдьмы, и журчаніе веретена, и дрема Васи, и длинная заманчивая сказка волшебницы-Іоновны — и все это наконецъ смѣшивается и представляется воображенію ребенка въ какомъ то сіяющемъ ореолѣ старины. Чуденъ твой волшебный міръ, широкая святая Русь!

Какъ теперь мнѣ чудится она, сидящая передъ дымной, нагорѣлой лучиной, и прихотливое сверканіе и замираніе огня играетъ съ ея добродушнымъ лицомъ. Ярко озарится изба, сильно вспыхнетъ пукъ сухой лучины, и въ это время непремѣнно сверкнетъ предъ всѣми добродушная улыбка сказочницы Іоновны; запищитъ мозглявая сырая лучинка, синіе язычки огоньковъ покажутся изъ обоихъ ея боковъ, уголекъ стрекнетъ съ кончика въ сторону и завертится буравчикомъ дымокъ.... «Что ты, Господь съ тобой, такъ не весело горишь у насъ?» спроситъ озабоченная старушка у лучинки. А затѣмъ, какъ-будто утомившись, позѣвнетъ и заговоритъ опять ласково своему любимцу:

— А вотъ, мой батюшка, золотой Васенька, и Васильевъ вечеръ къ намъ подошелъ. Люди добрые говорятъ: на Васильевъ-то вечеръ денька на куриный шагъ прибываетъ. Вотъ какъ ужь... А тамъ, глядишь, и весна ужь не за горами: какъ-разъ подкатитъ къ намъ съ тобой, со своими ясными деньками. Тепло таково будетъ человѣку, а на душѣ — такъ ясно, особливо какъ придетъ праздничекъ-то свѣтлый Христовъ. О, о-хо-хо! кому-то приведетъ Господь Богъ разговѣться да встрѣтить ее, матушку? Птички таково весело будутъ распѣвать! ну, скворчики опять пожалуютъ къ намъ, жаворонушки тоже прилетаютъ на

сороки-то мученики. Ну и мы жаворонку съ тобой испечемъ,— знатнаго такого — просто залюбуются всѣ! А тамъ, послѣ сорокъ-то мучениковъ, ужь недалеко и веснѣ быть. Пристукнетъ еще послѣ того ровно сорокъ утренничковъ легонькихъ, да ужь на великій-то праздничекъ Благовѣщенье лѣто зиму-то и поборетъ, — такъ ужь и поборетъ!... Вишь, Господомъ все такъ устроено, родимый мой Васенька! Сперва-то на-перво, вишь, Василій-капельникъ, угодникъ божій, подходитъ, — ну, онъ и пожметъ немножко зиму-то: она и заплачетъ капельками.... и заплачетъ съ крыши-то.... Слезки, вишь, роняетъ зима-то, — знать, жалко насъ ей.... А тутъ, за угодникомъ-то божьимъ Васильемъ, и Евдокеи сейчасъ на дворѣ. Вотъ на нее-то и подуютъ вешніе вѣтры. Да ужь, золотикъ мой, около Евдокеи-то и засвищутъ, и засвищутъ ужь.... вѣтры. А тутъ — около же Евдокеевъ живетъ рядышкомъ и Герасимъ-грачевникъ: на него, батюшку, грачи прилетаютъ къ намъ,—такіе черноносые да большіе!... бѣда!... А каркаютъ-то какъ, — страхъ возьметъ человѣка! Словно онъ все къ чудушкѣ какой ни-на-есть скырчитъ, — даромъ ужь, небось, не каркнетъ ни разу: какъ разинулъ ротъ— ну, и поминай, какъ звали —и нѣтъ человѣка!

— Развѣ они кусаются, баушка? спросилъ-было Вася со страхомъ.

— Не кусаются, голубчикъ, а больно люты смерть разсказывать: вишь, чуютъ, когда человѣкъ замретъ. Въ иную пору на крышу сядутъ на ту избу, гдѣ быть покойнику-то, да и учнутъ на ней выкликивать душеньку-то.... Ну ихъ къ Богу!... и разсказывать-то про нихъ не слѣдъ бы.... Ну, а тутъ ужь вотъ послѣ грачевника-то и Ѳедулъ—вешній вѣтеръ подулъ, и Алексѣй-съ-горъ-вода, а тамъ ужь и Агаѳы-руѳы — ледъ весь порушатъ на рѣкахъ, и Дарьи-плющихи — грязныя пролуби. — Намочатъ бабамъ хвосты-то такъ, что и!... А тамъ ужь и Антипъ-водополъ. Такъ всѣ сберутся въ кучечку, да зиму-то и столкнутъ ужь, такъ и столкнутъ ее!... Ну, а тамъ ужь на Василья-то-пария, говорятъ по замѣтамъ, хошь оглобли вывертни да сани клади на повѣть, — такъ ужь до Еремея-запрягальника и проходу нѣтъ божьему человѣку; такъ ужь она, матушка, вода вешняя, вода полая, и растечется по всей землѣ!... А все больше тутъ дѣйствуетъ Алексѣй, божій человѣкъ. Другой разъ, Васинька-батюшка, на Сибиркѣ вонъ такъ подопретъ, что и мостокъ-отъ своротитъ. Что съ ней будешь дѣлать? гдѣ возьмешь?

Стихея божія, стихея вольная — ее въ остроги не запрячешь. Поди—ищи: она вонъ своротитъ мостокъ-отъ, да и ушла; ступай, жалуйся на нее Богу, пожалуй! А что возьмешь? — шишъ. Ну, а все-таки безъ моста, а иной годъ и безъ плотинки,—одно слово: вода—стихея вольная.... Ну, а тамъ ужь на апостола-то Пуда и пчелокъ божіихъ вынутъ изъ-подъ спуда. А какъ пришелъ тамъ ужь вешній Егорій съ припекомъ, да Никола съ тепломъ — ну! тамъ ужь и лѣто почитай-что настоящее. А тутъ же подъ рукой и поворотъ-Петры — такъ ужь и поворотитъ лѣто на жары, а зима пойдетъ на покой. Вотъ какъ все это бываетъ, свѣтикъ мой, Васюрынька!

И старая Іоновна, разнѣжившись будущимъ теплымъ лѣтомъ своимъ, еще и поцалуетъ своего Васеньку лишній разъ.

— Ну, не пора ли, родимикъ мой, тебѣ на покой? Завтра именникъ ты у меня: ну, мы пораньше встанемъ съ тобой, принарядимся, чѣмъ Богъ послалъ, да къ обѣденкѣ сбродимъ— ангелу твоему свѣчечку отнесемъ. Поди, золотикъ, Христосъ съ тобой! постелька такая тепленькая....

И какъ Васѣ ни хотѣлось еще остаться, однако нужно было послушаться Іоновну — и лечь. Отходя ко сну, ребенокъ опять-таки подумалъ: «все-то знаетъ эта Іоновна».

Э, да это ли одно знала затѣйщица Іоновна. Іониха точно будто сама ходила въ царство небесное и поглядывала да высматривала, чѣмъ тамъ занимается всякій угодникъ? Кромѣ Спиридона и Петра, которые поворачивали ей божью планиду — солнышко красное, она познакомила еще Васю своего со Флоромъ и Лавромъ, и увѣрила его, что это лошадиные угодники.—«Когда заболитъ, или пропадетъ у кого лошадушка, такъ, вмѣсто Миколы-милостиваго, имъ можно поставить свѣчечку — и они найдутъ лошадушку, безпремѣнно найдутъ!» — Божій угодникъ Власій занимался у ней коровами. И ужь если заболѣла машина Субботка, Іоновна неутомимо твердитъ одно и то же: «что стоитъ только Власію поставить свѣчу — безпремѣнно, какъ рукой сниметъ, батюшка, всякую лихую болѣсть коровью». А Кузьма и Демьянъ занимались у ней скотами безъ различія. «Тутъ ужь, говорятъ, все равновно: корова ли, лошадь ли, да только поставишь свѣчу этимъ угодникамъ, ну и поможетъ». Іоновна выводила даже это такъ: «безсребренники, свѣтикъ мой, Васенька, были эти угодники, — денегъ-то, значитъ, не любили, ну вотъ и помогаютъ всякому, — и человѣку, и скоту. Имъ, вишь, все

едино, что тотъ, что другой». Курамъ, кажется, старая шутиха Іониха не назначала никакого угодника, — ну, зато всякій разбитый горшокъ и всякій безмордый кувшинъ таскала къ нимъ въ хлѣвъ, и все это подвѣшивала подъ самый насѣстъ, увѣряя Васю, что это куриные боги, которымъ куры молятся. Правда, что куры не очень-то почетно обходились со своими богами, тѣмъ больше, что эти боги и вѣшались у нихъ подъ ногами, и были въ этомъ отношеніи куры безчиннѣе даже мухъ съ своимъ кушаньемъ; но что до этого за дѣло: куры глупы! По крайней мѣрѣ все-таки у нихъ есть свой богъ, — вотъ что хорошо. Іоновна была только распространительница куриныхъ религій, а какъ принимали ихъ сектанты-куры — это не ея дѣло: въ настоящее время и за человѣкомъ не усмотришь, не только еще за курицей или скотомъ!

Кромѣ святыхъ угодниковъ, старая шутиха Іониха была также знакома и съ чертями. Но, какъ видно, послѣднихъ она сильно побаивалась, поэтому и мало объ нихъ распространялась съ Васей. Скажетъ иной разъ только къ слову: «они-то больно побаиваются грозы Божьей, такъ и лѣзутъ въ это время къ человѣку въ жилье. Ну, а какъ перекстишь со Христовымъ имянемъ всѣ окна и двери — ну, и ничего, не пройдутъ. Такъ тамъ на полѣ гдѣ нибудь и зашибетъ иного. Мужики, вонъ, пашутъ иной разъ землю, да и найдутъ: этакую выкопаютъ каменную стрѣлу Господнюю. Все это, вишь, Богъ въ нихъ лукаетъ во время грозы. Всякій человѣкъ, гдѣ бы онъ ни былъ въ это время, безпремѣнно долженъ перекреститься во время божьей грозы, а то бѣда!... Или вотъ теперича, въ крещенскій сочельникъ — водяному, знать, какъ жутко приходится въ рѣкѣ: въ самую тысесь полночь, значитъ, въ ту самую минуточку, какъ Христосъ-отъ окстился, батюшка, въ Ердани, во всѣхъ прорубяхъ вода-то такъ страшно заколыхнется, что и Боже упаси! Значитъ, это онъ, вишь, поворотится, — тошнехонько, вишь, приходитъ сидѣть, не къ могоду подъ своей мельницей. По этому-то самому — ты видалъ вѣдь? — отецъ-то нашъ Іонъ и крестить въ это время мѣлкомъ всѣ двери и трубы въ избѣ, чтобъ они-то къ намъ, храни Богъ, не пришли. Ну, а коли перекстятъ — ну, и ничего!... Ну, а ужъ когда воля-то имъ дана — ну, такъ вольготно имъ, какъ взвоютъ — бѣда! Особливо вотъ предъ свѣтлой-то заутреней, до той самой минутушки, какъ пропоютъ «Христосъ воскресъ» — просто стономъ у нихъ стоитъ, и не попадайся чело-

вѣкъ: того и гляди, въ омутѣ очутится гдѣ нибудь, али въ прорубь, али ужъ, пожалуй, туда заведутъ, что и въ пять лѣтъ дороги-то назадъ не найдти! Они вѣдь на это мастера: такъ подлестятся, что просто бѣда!... Ну ихъ совсѣмъ! и говорить-то ажно про нихъ страшно....

Но и переставши говорить объ нихъ, словоохотливая Іоновна-шутиха не могла остановиться на этомъ, и благочестиво еще разсказывала Васѣ, какъ баринъ читалъ ей житіё святыхъ и растолковывалъ, какъ они жили и что ѣли, а къ этому и добавляла, какъ они сдѣлались святыми. Вася всегда со вниманіемъ слушалъ о столпникахъ.

Въ особенности любила старая Іоновна разсказывать своему любимцу «о двухъ братьяхъ, о двухъ Лазаряхъ». Куда сладко повѣствовала она о томъ, какъ бѣдный-то Лазарь попалъ въ рай пресвѣтлѣющій, прямо въ лону Раганову, и какъ богатый-то Лазарь попалъ въ такой жарище, что и языкъ-отъ весь ему пересушило. Какъ послѣ того умаливалъ богатый Лазарь брата милаго, Лазаря бѣднаго, помочить хоть персту одну въ водицѣ холодной, да дать обсосать братцу богатому. А тотъ ужъ и отвѣтилъ: «у меня, говоритъ, братья псы носольные, а у тебя, братецъ, князья да бояре,—такъ проси, говоритъ, теперича ихъ, а я ужъ не хочу теперича. Я, говоритъ, теперича тебя и знать не хочу, какъ, на томъ свѣтѣ, живой ты меня знать не хотѣлъ!»

Въ иные дни, вмѣсто Лазарей, Іоновна разсказывала еще и вотъ какой стихъ: какъ матушка Морея шла изъ города Ерусалима: шла она—пріустала, легла—пріуснула; вотъ и привидѣлся ей сонъ-страшонъ: на той-ли на горѣ на Сіонской жиды прокляты Христа у ней распинали, да шиповыми прутьями пытали! Да въ заключеніе добавляла, что кромѣ этого, есть еще и длинный сонъ Богородицынъ, весь расписанный на бумажкѣ, и что тотъ домъ, въ которомъ есть этакая бумажка, избавляется и отъ пожара, и отъ смертей, и отъ нечистой силы.

Но увлекательнѣе и трогательнѣе всего у Іоновны былъ еще вотъ какой стихъ:

«Мимо раю, мимо свѣтлаго, мимо царствія небеснаго, пролегала тутъ дороженька, дороженька непроходная, сквозь темна-лѣса все дремучаго, сквозь терна-куста все колючаго. Тута шли прошли двоя ангелы, божьи ангела, два архангела: одинъ ясенъ былъ какъ день-солнечный, другой теменъ былъ какъ черна ночь. Провели-то они вдоль путинушки, провели тута душу

грѣшную. — Какъ возговоритъ ей первой ангелъ: «что ты, душенька! что ты, грѣшная! ты зачѣмъ зачѣмъ, мимо рай прошла? мимо раю, мимо свѣтлаго, мимо царствія небеснаго! Что ты, душенька! что ты, грѣшная! ты зачѣмъ, зачѣмъ не вошла къ намъ въ рай? Хорошо у насъ во раю свѣтлòмъ, хорошо у насъ да жить некому, цвѣтутъ цвѣтъ-цвѣты все лазоревы, растутъ дрèвы-древà кипарисовы, на древахъ-то сидятъ птички райскія, поютъ пѣсенки херувимскія и гласы гласятъ серафимскіе». Какъ возговоритъ ей второй ангелъ: «что ты, душенька! что ты, грѣшная! ты зачѣмъ, зачѣмъ его слушаешь? Мы пойдемъ съ тобой до конца-дорогъ; ты узнаешь всю, всю путинушку; мы придемъ-придемъ на ночлегъ съ тобой; мы приляжемъ тогда по скончаніи; отдохнешь ты со мной сладко-дремотно, и заснемъ мы съ тобой на всю ноченьку, и заспишь ты, заспишь крѣпко-на-крѣпко, не пробудитъ никто и во вѣки-вѣковъ»!..

Часто, часто дрожалъ старый голосъ Іоновны, прошибала слеза ее самое, и разсказъ ея въ эту минуту былъ похожъ на рыданіе по покойникѣ, такъ-что бѣдный Вася, какъ ни любилъ свою милую Іоновну, а иногда останавливалъ ее на половинѣ, и умоляющимъ взоромъ тоски упрашивалъ: «будетъ ужь, не разсказывай, баушка, о второмъ-то ангелѣ-хранителѣ—мнѣ больно плакать хочется.... не знаю, отчего»... Іоновна, по просьбѣ Васеньки, какъ нитку обрывала разсказъ на половинѣ, цаловала своего золотаго Развасюрыньку и нѣжно приговаривала ему въ голову: «что это ужь больно?.. отчего плакать закачивается тебѣ, мой свѣтикъ?... Это вѣдь такъ-все стихъ только такой божій идетъ, а то ничего, — храни тебя Господи! Отчего тутъ плакать человѣку, кажись?.. Божеское все только поется одно»...—И затѣмъ въ утѣшеніе своего воспитанника Іоновна пускалась въ область загадокъ.

Какой былъ мастеръ Вася угадывать загадки,—особенно тѣ, которыя уже разсказывала ему Іоновна разъ по двадцати,—чудо! Вы, напримѣръ, читатель, вовсе не мастеръ отгадывать загадки, и поди, я чай, и самыхъ обыкновенныхъ не можете разгадать? По вашему, напримѣръ, что бы это значило: четыре потата, да четыре мотата, да два охтухта, да одинъ цахтукъ? — Вотъ и не знаете! А если бы Вася мой былъ тутъ предъ вами въ эту минуту, онъ и сказалъ бы вамъ чистосердечно: «эхъ, вы, и этого не знаете! а я такъ вотъ знаю. Это просто — корова: четыре потата-то — ноги значутъ, а мотата-то — вымечки, а два

охтухта-то—роги, а нахтукъ-отъ—хвостъ. Вотъ и вся она, мамина Субботка—какъ есть! Поняли теперь»? А поняли, такъ разгадайте вотъ еще что: «идетъ свинья изъ Питера, вся истыкана?» И это не хитро! Другой, пожалуй, подумаетъ, что тутъ и въ самомъ дѣлѣ идетъ рѣчь о петербургской свиньѣ, которыхъ я, благодаря Бога, до сихъ поръ въ Петербургѣ и не видывалъ. А если бы Вася былъ въ это время, такъ онъ просто сказалъ бы: «это наперстокъ, а не петербургская свинья».

А кромѣ этого, развѣ мало узналъ Вася отъ забавницы Іоновны и мамы? Онъ, напримѣръ, твердо пѣлъ надъ Ванькой братомъ: «баю-баюшки-баю, колотушекъ надаю: колотушекъ съ пять, лучше будетъ спать». Спалъ ли послѣ того крѣпко Ваня — этого я не знаю; — знаю только то, что Вася пѣсенку эту зналъ твердо и часто пѣвалъ надъ роднымъ братомъ. Доучилъ онъ также до конца и «турушка-пастушка» и даже часто пѣвалъ: «какъ поповы ребята горохъ молотили, да попа не спросили, а попъ-отъ съ казенки вытращилъ глазенки». Видишь, вѣрно, удивился попъ, что ребята-то его нынѣ ужь не спрашиваютъ.— Пѣвалъ онъ иногда забавно, какъ княгиня умаливаетъ русскаго купца, а можетъ быть и откупщика: «пенекъ, пенекъ, отдай твою дочку за мово сыночка, за моего князя, за князя младова. У нашего князя кареты высоки, да все однобоки; кони вороные, да все-то храмые, кобыленка гнѣда, на ней ѣдетъ бѣда». И тутъ же—какъ будто кстати—дабавлялъ: «какъ ворона-невѣста сѣла не на мѣсто, а воробушокъ-шуринъ глазки прищурилъ.»— «Смѣется, вишь, знать?» добавляетъ старуха: «какъ пенекъ-то отдалъ свою дочку за князя-то. Воробышку все смѣшно: онъ вѣдь, веселенькій, золотой мой Васенька». А Васенька узналъ еще: «какъ у нашего господина разыгралася скотина: и коровы, и быки, и дворовы мужики, тараканы въ барабаны...» И все это разсказывалъ отлично, защуривши глаза. А за этимъ вдругъ еще и пропоетъ весело: «ты Николка-Николай, сиди дома не гуляй: твоя жена пышка, на улицу вышла; на камышекъ сѣла, три лягушки съѣла». — Зачѣмъ этотъ невкусный французскій соусъ? — Вася съ Іоновной не разсуждали много, а просто пѣли, потому только, что изъ пѣсни слова не выкинешь. А послѣ этого еще звончѣе пѣлось ему: «какъ Сашуркина мать собиралась умирать; умереть не умерла, только время провела.»

Но это еще все теорія, а то и въ практической жизни много узналъ отъ старухъ своихъ маленькій Вася.

Если, напримѣръ, кошка вытягивала строкой хвостъ и бросалась изъ угла въ уголъ, или сидитъ на окнѣ и лижетъ лапу— да какъ еще весной это, или лѣтомъ —такъ, по примѣтамъ мамы и Іоновны, это непремѣнно означало: къ теплу. Ну, а если при этомъ кошка еще и по мордѣ себя прихватитъ: это, говоритъ, она умывается передъ гостями—непремѣнно. А если дворовыя собаки переставали играть и начинали выть, то Іоновна тотчасъ спрашивала маму: «что это псы-то смердящіе опять заголосили? вѣрно, Семеновна, старая-то барыня умретъ у насъ?» И дѣйствительно старая барыня, которая лѣтъ семьдесятъ была въ чахоткѣ, по предсказанію Іоновны съ собаками, умирала наконецъ. Курица ли гдѣ-нибудь загорланитъ отъ ястреба, или собаки, — Іоновна тотчасъ предскажетъ дождь. Пѣтуху ли Матюшка-разбойникъ заворотитъ палкой хвостъ на сторону,—это ужь, по словамъ мамы, онъ непремѣнно подманиваетъ тучи. Глупая ли ворона, или шельмоватая галка сядетъ передъ Іоновной, да вздумаетъ почесаться подъ крыломъ,—такъ ужь и жди не сегодня, такъ завтра, дождя. Голубь ли тамъ начинаетъ нѣжничать да ворковать на крышѣ съ голубкой, — ну, опять ненастье. Пара воробьевъ завозятся между-собою и зароются въ пыль на дорогѣ, — это непремѣнно гроза будетъ — это ужь какъ самъ барометръ у Іоновны. Ласточка пролетѣла низко подъ окномъ, — «это она, птичка божья, за грозой летала, Васенька-батюшка», — говоритъ Іоновна. Мухи ли, наконецъ, нападутъ на Іоновну, — «это онѣ, проклятыя, передъ ненастьемъ ѣдятъ такъ человѣка». А наконецъ и человѣка этого — себя — Іоновна разбирала по косточкамъ. Не говоря уже о томъ, что нездоровье и немочь Іоновны всегда предсказывали ненастье, Іоновна предсказывала не одни эти пустяки, что правая рука чешется, напримѣръ, къ тому, чтобъ отдавать деньги, а лѣвая къ тому, чтобъ взять деньги; нѣтъ, она, мнѣ кажется, знала: у какого изъ нашихъ сословій чешется больше правая рука, и у какого зудитъ больше лѣвая; у кого, по какому министерству, чесотка на правой, и у кого завелись шелуди на лѣвой? Она, мнѣ кажется, знала даже: кто изъ насъ встаетъ съ постели правой ногой и переходитъ по бархату счастливцемъ въ пуховое свое кресло, и кто пораньше встаетъ лѣвой ногой и ползетъ верстъ за семь на службу, а кто наконецъ вскакиваетъ въ разъ обѣими, и цѣлый день мечется, какъ угорѣлая кошка, не присѣдая даже и по нуждѣ глядя. — Объ одномъ носѣ у Іоновны такъ, мнѣ ка-

жется, читался трактатъ обширнѣе славнаго трактата профессора Пирогова о рукѣ. Если только кончикъ носа зачесывался — это означало: въ рюмочку смотрѣть; а если подальше чесался — ну, это означало ужь тогда: въ стаканчикъ заглянуть. Съ другаго конца зачесывался носъ, то есть-съ переносицы — ну, это видѣться съ гостемъ, или кланяться съ пріятелемъ. А какъ на-бѣду да весь носъ зазудѣлъ—ну, это ужь не хорошо: это не собачій вой, — пожалуй, какъ-разъ и барину русскому напророчить карачуна, не только старой барынѣ. Зудъ въ правой ноздрѣ всегда у ней означалъ: или встрѣтиться съ попомъ, или снюхиваться табачкомъ; а зудъ въ лѣвой, кажется, встрѣчу, или знакомство съ самимъ чортомъ. Въ обѣихъ же ноздряхъ появившійся зудъ — по нашему это просто насморкъ, —ну, чихнулъ разъ-другой по-русски, пожелалъ здоровья.., и только! — а у Іоновны—нѣтъ! у ней это предвѣщало чуть ли не моръ съ голодомъ; или ужь по крайней мѣрѣ войну съ Наполеономъ XIX — вотъ какъ! Что-то такое-этакое больно замысловатое!....

Впрочемъ довольно и этого. Всего вѣдь не перескажешь, что по замѣтамъ своимъ предвѣщала старая вѣщунья Іоновна человѣку, у котораго чешется носъ. Недаромъ Іоновна прожила чуть-ли не столѣтіе: она много-таки видала на своемъ вѣку.

По одной народной медицинѣ (которою теперь такъ дорожатъ у насъ) Іоновна стояла гораздо выше баушки-Чудихи, и даже не уступала Звѣробоихѣ-лекаркѣ, которая во всемъ городѣ безъ разбору лечила всѣхъ — и коровъ, и людей, и лошадей. Какихъ не знала болѣзней и травъ хитрая Іоновна! Чирей, напримѣръ, она называла бариномъ, и даже утверждала окончательно, что лечить его ничѣмъ нельзя; онъ тогда только проходитъ, когда сорвешь ему голову, и то это ужасно больно. Барыней она называла какую-то безполезную чилигу — колючій желтый пустоцвѣтъ. Барченкомъ она называла рѣпей, и утверждала окончательно, что онъ такъ сильно отращиваетъ волосы, что и плѣшивый человѣкъ обростаетъ, когда вытопишь изъ него сокъ да помажешь голову больному. Обыкновенный нашъ лопухъ, она, замысловатая, называла холостымъ рѣпьемъ, и онъ съ величайшею пользою употреблялся у ней во всѣхъ женскихъ болѣзняхъ, и еще при сидячей жизни чиновника, да въ собачьей старости. Всесильный сороконедужникъ и знаменитую матрешку знахариха-Іоновна употребляла не только ото всѣхъ недуговъ, а даже съ пользою совѣтовала и бабамъ употреблять ихъ,

вмѣсто волшебнаго корешка бабушки Самсонихи, и всѣмъ дѣвкамъ, въ случаѣ необходимости, предлагала прибѣгать непремѣнно къ матрешкѣ. Это конечно не потому, чтобы Іоновна сама возставала противу волшебныхъ корней покойницы, а потому собственно, что подъ старость она какъ-то избѣгала наговоровъ и ворожбы, чтобы лишній грѣхъ не палъ на ея душу. Наговоры она дѣлала только надъ мордвинникомъ или татарами. Вотъ только ихъ и рѣшалась старуха заламывать съ нашептываньемъ: «трава-травица, трава-мордвинничекъ, ты выгонь мнѣ, ты выведи злобныхъ червей изъ коровушки, изъ коровушки моей, матушки — свѣтъ Субботушки, въ три дня, въ три часа, въ три минутушки: выгонишь — такъ выпущу, не выгонишь — такъ высушу». Но и дѣлалось это Іоновной не грѣха ради, а только ужь для одной васиной Субботки, — только для нее и ворожила грѣховница! А для чужихъ коровъ Іоновна заломить мордвинникъ вѣрно-бы не рѣшилась — грѣхъ! Да; большею частію употреблялись у ней въ лекарство травы самыя невинныя, какъ напримѣръ, «дѣвичій разумъ» да «бабье раздумье», что̂ въ переводѣ на аптекарско-кухонный языкъ означало — «перекати-поле». О знаменитыхъ же зельяхъ «плакунъ-травѣ», «разрывъ-травѣ» и «жабрей-травѣ» трусливая Іоновна повѣствовала всегда съ такимъ страхомъ, что у ней округлялись глаза и закатывались зрачки. — «Въ нихъ, говоритъ, это ужь самъ онъ-то и сидитъ!» И затѣмъ старуха или крестилась, или плевалась, или ужь махала только рукой.

Разъ-было видѣлъ Вася, какъ Іоновна съ мамой понесли Ваню–братишку къ воротному столбу и, смотря на него, что-то долго ворчали, а Іоновна такъ даже и вслухъ выговорила: «воротный крюкъ, придорожный крюкъ, сними съ раба божья Ивана крикъ, деппой–полуденный, ночной–полуночный, отъ свѣтлаго–мѣсяца до краснаго солнышка, во имя отца и сына и святаго духа.» — Да и то дѣло–то было передъ масляной, а на первой-то мама съ Іоновной говѣли: вѣрно покаялись обѣ въ глупостяхъ старому своему духовнику Макарычу, а тотъ вѣрно и шугнулъ ихъ за это. Да на дѣлѣ–то оказалось послѣ — порядкомъ, — такъ шугнулъ, что съ тѣхъ-поръ, какъ рукой сняло — не ворожутъ и до сихъ поръ ни та, ни другая. Вотъ такъ духовный отецъ! вотъ этакихъ бы намъ побольше, такъ мы бы тогда раскидывали на бобахъ-то поменьше.

Изъ всѣхъ познаній, которыя почерпалъ въ это время отъ

старухъ своихъ Вася, всего плоше удавались ему наши бѣдныя славянскія молитвы. Это не потому, конечно, чтобы мама ихъ не знала, или Іоновна не могла его научить, — напротивъ! онѣ обѣ были настоящіе-молитвенники: знали очень много, и съ охотой та и другая порывались взапуски научить своего любимца Васеньку главному — молиться Богу. Да дѣло-то здѣсь въ томъ, что охота-то смертная, да участь-то горькая: знали-то онѣ такъ, что лучше бы вовсе ничего не знали! И это еще самое правильное, когда вмѣсто «сѣмени Авраамова», читалось у нихъ на молитвѣ «Семена Романова», а то были у нихъ мѣста еще и позамысловатѣе этого. — Одно, что благодѣтельно было для Васи: это строгій и своеобразный взглядъ мамы на эти молитвы. Если бы, напримѣръ, Вася по лѣности утверждалъ, что такую-то длинную молитву онъ еще не доучилъ, какъ слѣдуетъ, до конца, — мама, по своему разумѣнію, строго отвѣчала: «ну, ничего, что не доучилъ; половину проговори и то съ тебя будетъ: Богу не нужно, что ты много болтаешь языкомъ, — хоть немножко помолись да съ толкомъ.» И за эти разумныя слова вѣрно Господь Богъ прощалъ и самое маму, которая, по невѣдѣнію ея и по рабскому вѣчному недосугу, такъ безбожно перевирала наши великія и чудотворныя, святыя славянскія молитвы!

Да, строга была мама относительно моленія Богу, ай-ай строга! Часто, часто надъ залѣнившимся Васей стояла она съ плеткой, и совершенно спящаго постегивала для возбужденія къ вечерней молитвѣ. Нѣжно и горячо любила она своего баловня-Развасюрыньку, ну, а что касается до праздниковъ или молитвы, такъ только держись! — «Успѣешь, говоритъ, послѣ научиться чему-нибудь другому, а молиться не научишься ужь, — учись теперь вотъ, пока я учу!» — и за этимъ хоть сквозь слезъ, а все-таки разрѣшала Васю своего стегнуть. Однажды бѣдный маленькій Ваня, выучившійся отъ брата старшаго такъ хорошо высовывать свой язычокъ, высунулъ его къ несчастію въ то время, когда Вася съ мамой молились Богу. Вася, недовольный, что возмущаютъ духъ его, тотчасъ же заревѣлъ: «мамынька, что Ванька все высовываетъ языкъ, смущаетъ меня, какъ смутьянъ какой, — уйми его: нельзя молиться Богу»!..

— А ты плюнь, да отвернись отъ него! выговорила мама твердо, стегнувъ разокъ возмутившагося духомъ богомольца, а затѣмъ такъ принялась отстегивать и маленькаго смутьяна Ваню,

что тотъ, бѣдный, послѣ и во всю жизнь свою помнилъ, что не слѣдуетъ порядочному человѣку высовывать свой языкъ, въ то время, когда православный христіанинъ молится Богу. Словомъ, скорѣе тятя-рыбакъ, долго растолковывающій своему сыну о перышкахъ окуня и красноперки, отставалъ наконецъ отъ Васи и говорилъ такъ: «ну, братъ, ты вѣрно малъ еще — безтолковъ: не понимаешь, что у этого идетъ перышко вотъ куда, на спинку, а у того вонъ куда, на брюшко». Какими бы то ни было средствами, хоть съ помощію Іоновны, Чудихи и прочихъ старухъ, которыя еще безтолковѣе перевирали молитвы, она все-таки доучивала ихъ съ Васей до конца! Какіе плоды отъ всего этого внушенія закона Божія — разбирать теперь рано. Достаточно сказать, что Вася побѣгивалъ одинъ уже изъ обѣднѣ, усердно отмаливался на колокольнѣ, и во время прибѣгалъ домой, прямо подъ поцалуй мамы, которая еще и допрашивала его: «ну, что, сынокъ, помолился?» На что Вася всегда смѣло отвѣчалъ: «отмолился, мамынька, совсѣмъ ужь отмолился, — вся ужь отошла....» И затѣмъ тотчасъ начиналось опять заботливое допрашиванье мамы: «ну, теперь не хочешь ли, сынокъ, позакусить до обѣда?... Да не хочешь ли закусить вотъ и этого еще?... Да закуси вотъ крошечку еще пирожка съ яичками...» И Вася такъ опять закусывалъ, что у него начинали слипаться глаза.

Сильное вліяніе старухъ на ребенка не затѣмъ здѣсь такъ широко разсказано, чтобы этимъ затмить вліяніе на него отца. Ничего не бывало. Намъ уже извѣстно, что тятя потасовкой, тузами и теребачками превосходилъ иного уѣзднаго учителя и даже всѣхъ приходскихъ, взятыхъ вмѣстѣ; но дѣло здѣсь въ томъ, что онъ передавалъ сыну терпѣливо и съ толкомъ, отнюдь не требуя того, чего требовать было нельзя. Мама же, напротивъ: она, напримѣръ, знать не хотѣла, что Вася спитъ: «во снѣ молись!» кричала она въ азартѣ русскаго религіознаго духа. И разница ихъ ученія заключалась въ томъ, что у тяти Вася исподоволь научался только тому, что ему больше нравилось или занимало. Сокрушаясь, напримѣръ, о томъ, что тятя принесъ съ охоты много пташекъ, и всѣ убитыя, Вася незамѣтно узналъ, что̀ это за птички и для чего ихъ тятя убилъ. Вздыхая о покойникахъ и съ сожалѣніемъ поглаживая ихъ перышки, Вася незамѣтно научился разбирать, который изъ нихъ куличокъ, а который бекасикъ, который чирочикъ, а которая кря-

ковная. Позналъ, наконецъ, что такое пигалица и что такое Мартынъ,—тотъ самый Мартынъ, котораго еще петербургскій дяденька называлъ «Мартынъ Задека». — «Этакій, говоритъ, есть какой-то въ гадательной книжкѣ у старой барыни». Узналъ Вася постепенно и научился скоро отличать убитаго скворца отъ убитой перепелки. Узналъ онъ даже пѣніе пѣвчихъ птицъ: видалъ въ клѣткѣ желтобокаго чижика и молодца-щегленка. Видѣлъ даже у сосѣда попугая, и часто съ удивленіемъ посматривалъ, какъ твердо и ясно выговариваетъ тотъ своему барину: «дуррр-акъ!» У тяти были даже два соловушка, которые сидѣли въ зеленыхъ коленкоровыхъ клѣткахъ,—и ихъ узналъ Вася, и научился даже щипать и черныхъ таракановъ для тятиныхъ соловьевъ. Отличалъ уже голубя нѣмецкаго отъ мохноножки, а мохноножку отъ верхолета и турмана, не говоря уже о сизякахъ и голубяхъ дикихъ. Зналъ твердо зиньку, которая была сущій разбойникъ противъ таракановъ-прусаковъ, и глотала ихъ живыми; зналъ даже это, что Вавила-дворникъ, появившійся изъ какихъ-то верховыхъ мѣстъ, называлъ эту же самую пташку смѣшнымъ названіемъ «берглеска». Вася познакомился даже съ сосѣднимъ ястребомъ помѣщика Смирнаго и оттащилъ ему парочку своихъ голубей, — конечно не подозрѣвая того, что ястребъ ихъ не помилуетъ. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство былъ обманъ. Помѣщикъ Смирной купилъ голубей очень смирно, много объ этомъ съ Васей не разсуждалъ и не разсказывалъ ему: зачѣмъ именно нужны были ему голуби, а просто подманилъ Васю къ окну, спросилъ: не наловилъ ли онъ ему голубей? и потомъ насыпалъ ему за принесенныхъ столько въ подолъ яблоковъ, что Вася въ восторгѣ прибѣжалъ домой. Да послѣ ужь, когда Іоновна растолковала ему, что ястребъ навѣрное голубчиковъ его съѣлъ, Вася вздумалъ-было задать ревку о покойникахъ, да и то долженъ былъ вытереть кулакомъ слезы, потому что грозная мама, сказавши пословицу такую, что «снявши голову, по волосамъ не плачутъ», хотѣла еще Васю поколотить: зачѣмъ отдалъ своихъ голубей, не спросясь ее. «А отдалъ, такъ ужь, говоритъ, молчи, — теперь не воротишь ихъ: они съѣдены». Ну, словомъ, въ настоящее время Вася узналъ уже такъ много житейскаго, что всего и не перескажешь.

Достаточно, если я обращу вниманіе на то, какъ велико было вліяніе старухъ въ религіозномъ настроеніи ребенка, и

было ли это въ самомъ дѣлѣ религіозное настроеніе, или это были только однѣ угловатыя формы, неуклюжія и непонятыя сердцемъ, а внушенныя только страхомъ и плеткой. Прослѣдимъ для этого тотъ любопытный періодъ, когда Вася перестаетъ уже быть непорочнымъ младенцемъ, и религіозной своей стороной—первымъ своимъ говѣньемъ—входитъ уже въ жизнь.

Мы уже видѣли, какъ мама учила Васю молиться Богу, видѣли, какъ вторая его мать, Іоновна, — вздыхая безпрестанно о божьей книжкѣ псалтирѣ, въ которой она ни слова не понимала, — научала ребенка всякому вздору. И конечно точно также, какъ научили онѣ Васю предразсудкамъ, повѣрьямъ, замѣтамъ, преданіямъ, — словомъ, всякому хламу, заграждающему прямую дорогу къ истинѣ, точно также научили бы онѣ его и суевѣрію, и ворожбѣ, и колдовству, и волхвованію, еслибы самихъ ихъ не шугнулъ за это старый ихъ попъ, Макарычъ. Теперь посмотримъ, какъ старухи научили Васю говѣть, и въ чемъ именно, по ихъ пониманію, заключалось значеніе этого таинства.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ сердцѣ строгой и твердой мамы была глубокая преданность Промыслу, страхъ Божій, упованіе и сокрушеніе сердца, — ну, словомъ, всѣ прекрасныя начала, которыя мы всюду находимъ въ дѣтяхъ природы безъискуственнаго воспитанія. Но что такое эти прекрасныя начала? Вѣчно-подавленная неволей Марѳа Семеновна развѣ могла ихъ чѣмъ нибудь выяснить своему любимцу сыну, когда у ней даже не было для этого слова, не было, наконецъ, и минуты свободной, чтобы обдумать, обсудить, прояснить себѣ, а потомъ уже передать своимъ дѣтямъ?

И она, какъ Іоновна, начинаетъ безсмысленно съ того же совершенно непонятнаго ей псалтиря, и она, зная только одно, что псалтирь книга божія, такъ же, какъ безтолковая сказочница Іоновна, вздыхаетъ и говоритъ своему ребенку: «грѣхъ тебѣ будетъ, другъ мой, Васенька, что ты совсѣмъ псалтирь оставилъ — псалтирь книга божественная, а отъ Бога грѣхъ отставать. Тебѣ ужь вотъ семь лѣтъ исполнилось, постъ скоро придетъ, говѣть со мной будешь; какъ-то попу-то ты скажешь, что лѣнился учиться-то?»

А за этимъ тотчасъ опять является Іоновна и начинаетъ вздыхать безмолвно и благочестиво, или за вздохомъ еще не вытерпитъ и добавляетъ: «попъ-то, золотой мой, сядетъ на же-

лѣзный стулъ, да и заставитъ возить себя по всей церкви, да такъ, что просто и.... какъ, — бѣда! А за лѣность-то еще заставитъ въ ступѣ воду толочь, аль еще хуже — изъ песку веревки вить, — просто смерть, какъ мудрено, ни въ жисть не совьешь съ непривычки-то. Ну, а за скоромное! ну!... ужь нечего и говорить! просто-запросто напрочь ухо отрѣжетъ, да на извѣстное мѣсто заплату и положитъ. Такъ и ходи съ заплаткой! Вотъ какъ, золотой мой! Ты еще не оскоромься, кормилецъ, постомъ-то? сохрани тебя Господи, — бѣда! Попъ же такой сердитый, старый-то, страхъ! А ему стоитъ только слово пикнуть, такъ Господь вѣдь ужь ни за что не дастъ разговѣться, — и яичка красненькаго не дастъ, такъ и сиди цѣлую паску безъ яйца. Да что ужь и за праздникъ безъ яичка? особливо пасха-то безъ красненькаго — что?...»

И за этимъ наставница Іоновна наскажетъ еще такіе страхи ребенку, что тотъ, бѣдный, не знаетъ, какъ и съ собой справиться. Какъ въ самомъ дѣлѣ пойдешь къ попу, когда этотъ отецъ святой, по разсказамъ Іоновны, вышелъ страшнѣе медвѣдя, котораго, кажется, болѣе всего на свѣтѣ боится русскій человѣкъ? Поневолѣ послѣ того будешь благочестиво вздыхать, да смиренно поджидать великаго поста.

Но вотъ и постъ пришелъ. Вася не ходитъ и на кухню къ Анкиничу, не хочетъ и думать о скоромномъ; только въ благочестивомъ настроеніи нетерпѣливо допрашиваетъ маму: «скоро ли будутъ печь кресты да жаворонки?» Вотъ только этимъ и утѣшалъ себя Вася: Вася уже зналъ основательно, что кресты и жаворонки, это такая штука, около которой можно еще поститься. Стоитъ только обработать парочку, то такъ наѣшься исправно, какъ наѣдаются у насъ только на масляницу, да еще на поминкахъ.

Вотъ наконецъ и кресты пришли. Вася разломилъ одинъ изъ нихъ и нашелъ въ немъ, какъ и въ прежніе годы своей жизни, запеченный гривенникъ. Іоновна сама же этотъ крестъ съ гривенничкомъ и подсунула Васѣ, чтобы не огорчить его: будто онъ у ней такой несчастный, что ему ужь и гривенничка не достается на счастье. И Вася былъ доволенъ своимъ счастіемъ въ гривенникѣ: крестъ тотчасъ съѣлъ, а гривенничекъ послѣ того прожилъ на лакомство. И сталъ послѣ того еще смиреннѣе поджидать подлета жаворонковъ.

Вотъ и жаворонки наконецъ прилетѣли изъ печки, какъ изъ

жаркихъ странъ, да такіе важные жаворонки, съ растопыренными, какъ у орла, крыльями, съ заслонъ величиной; голова въ кулакъ, носъ какъ бородавка, а вмѣсто глазъ изюмины воткнуты. У одного такъ даже на заду такая вздулась шишка отъ жару, словно кто ему на хвостъ-отъ мушку поставилъ. Сама мама научила Васю, какъ подсовывать ладонь подъ хвостъ къ жаворонку—изъ предосторожности, чтобы весенній пѣвецъ не переломился! А Іоновна такъ даже наставила Васю, какъ должно нести пѣвца на дворъ, гдѣ удобнѣе выставить на высокое мѣсто, какъ будто на удивленіе всѣмъ глупымъ воронамъ и воробьямъ, и какъ бы получше пропѣть то, что пѣвала она сама когда-то въ дѣтствѣ: «жаворонушко, мой батюшко, полетай въ теплый край, принеси весну, весну красную!» Или вотъ такъ еще: «жаворонушко лѣсной, не пой рано весной!...» Или наконецъ ужъ еще вотъ какъ: «жаворонки, на море полетите, весну красную принесите!...» Іоновна даже сама поплелась за Васей, какъ тѣнь его, сама и мѣсто ему указала, сама и пѣсенку ему подсказала, чуть-чуть только не подтянула тенора. Такъ было любо Васѣ, что скоромнаго ужь вовсе ѣсть не хочется.

Правда, что тутъ случилась съ ними маленькая непріятность: на новомъ неудачно-выбранномъ мѣстѣ — пока они разсуждали между собою—перваго жаворонка тотчасъ стянула бестія-Шерерюшка, и, даже не подѣлившись съ Азоромъ (который-было такъ ловко подскочилъ), въ глазахъ Васи и Іоновны, проглотила чуть не цѣликомъ! Но это огорченіе Іоновна тотчасъ же замяла: вмѣсто одного жаворонка, она живо принесла еще двухъ, и даже принялась объяснять Васѣ въ утѣшеніе, что ихъ обоихъ можно съѣсть. Послѣднее, конечно, Вася и самъ зналъ очень твердо, но все-таки отраднѣе ему, когда тоже повторяетъ и уставщица Іоновна. А потому, покарауливъ уже зорко втораго, сидящаго высоко на крышѣ, Вася, какъ только окончилъ свое отпѣваніе, тотчасъ стянулъ его за хвостъ и съ азартомъ отхватилъ зубами крыло, съ тѣмъ, чтобы жаворончекъ его ужъ не безпокоился— не летѣлъ далеко за границу. Съ другаго хватка онъ перекусилъ его голову, а съ третьяго раза выкусилъ изъ хвоста что-то въ родѣ магометанской луны, — такъ что, когда послѣ всей этой операціи Вася взглянулъ на своего жаворонка, то самъ себя спросилъ: «что это за птица? Ну, на что онъ сталъ теперь похожъ?—настоящій блинъ безъ головы-то!» И Вася рѣшилъ наконецъ, что въ память масляницы не худо и блинъ съѣсть, — и

блинъ съѣлъ. И послѣ того забылъ Вася день, въ который прилетали сытные жаворонки изъ печи, забылъ даже и то, что былъ у него истыканный ключекъ, рябой и желтый, какъ канарейка, великопостный жаворонокъ.

За жаворонками и Алексѣй божій-человѣкъ пришелъ. Объ Алексѣѣ божіемъ-человѣкѣ Іоновна навѣрняка пророчила, что около этого времени непремѣнно пойдетъ съ горъ вода, по долямъ трава; а между тѣмъ съ Алексѣева дня, на цѣлую недѣлю, такой заворотилъ генералъ-морозъ, что и сама пророчица убралась на печку и, скорчившись, какъ сморчокъ, смирно посматривала на запушенныя бѣлой мерлушкой стекла, да съ кашлемъ приговаривала: «какая ноньче сердитая зима-то стоитъ у насъ на дворѣ, — бѣда. Сохрани Господи, коли долго будутъ этакіе морозищи! — пожалуй, этакъ и на печкѣ-то совсѣмъ заморозитъ человѣка.... Страхъ Господень какъ студено!...»

Но за то вслѣдъ за этимъ, такой дохнуло весной, что въ одинъ день живо заплясали всѣ навозные кофейные ручьи и даже зашлепали мужицкія лапти по зеленой грязи; высоко замочились бабьи хвосты, а двѣ изъ нихъ такъ, подъ общій хохотъ, растянулись еще и на базарѣ. Словомъ, все опять ожило до того, что даже сама Іоновна сползла съ печи и пошла посмотрѣть, въ которую лужу запускаетъ Вася грецкія скорлупы, съ соломенными мачтами, представляя въ лицахъ безчисленный флотъ королевы Викторіи.

Болѣе всѣхъ весна, конечно, подѣйствовала на Васю. Сами ручьи не плясали такъ живо, какъ плясалъ онъ по всѣмъ лужамъ и на дворѣ, и на улицѣ. Никакія лапти, никакія даже онучи не принимали въ себя столько воды, какъ Васины сапожишки,—словомъ, вечеромъ они такъ мягко спускались съ ногъ, что твой чулокъ, и не только хлюпали и чавкали скромно, а прямо мама выливала воду изъ нихъ, какъ изъ кувшина. Наконецъ у самой скромной бабы съ бѣльемъ, на рѣчкѣ, хвостъ не былъ такъ высоко вымоченъ, какъ у Васина тулупишка, и мама говорила величайшую скромность, если она бранила Васю только такъ: «посмотри-ко, собака, вѣдь ты по поясъ шубу-то отдѣлалъ!»—Не по поясъ, нѣтъ, совсѣмъ не такъ: а самый воротничишко-то,—чертъ его знаетъ, какими-то окольными дорогами,—сползалъ съ шеи на пятки и полоскался тоже въ лужахъ! Словомъ, если оставалось на Васѣ что нибудь истинно-сухое, такъ это шапка, и то ужь только потому, что выше шапки Вася

въ лужи никогда не заползалъ. Да, болѣе всѣхъ дѣйствовала весна на Васю. Самъ Вавила, стоящій среди улицы, — облокотясь на лопату и мысленно думая надъ кучею навоза: «а что, не спустить ли весь въ рѣку? — эй, стечетъ?...» — самъ Вавила не могъ испугать Васю даже въ то время, когда говорилъ ему: «эй!... вонъ мать идетъ, — смотри»... Ничего не бывало: и на эту страшную грозу Вася только взглядывалъ въ ту сторону, да бурчалъ про себя: «ну, ври еще, — гдѣ она идетъ?» И затѣмъ опять принимался устанавливать въ быстрейку свою мельницу, вертлявую какъ петербургская модистка. Сама Іоновна, подходя и говоря: «опять ты, Вася, весь размокъ, золотой мой; мать-то побьетъ тебя, — поди хоть на кухню ко мнѣ — просушись маленько», — и сама Іоновна не дѣйствовала въ то время, когда заманчиво ревѣлъ полуденный навозный ручей. Самъ тятя, бѣгущій на базаръ и кричащій издали: «Эй, любезный, опять ты мочишься? пошелъ-ко въ избу!...» — и самъ тятя дѣйствовалъ не болѣе Іоновны. И если убѣгалъ Вася послѣ того за калитку, такъ собственно только для того, чтобъ посмотрѣть изъ-за нея: далеко-ли ушелъ тятя? не заворотилъ ли ужь въ переулокъ? А затѣмъ шалунъ опять прыскалъ на самую середину улицы. Наконецъ сама грозная мама, плеткой указывающая на штанишки, окрашенныя въ навозную грязь, и та дѣйствовала не болѣе, какъ на полчаса, — словомъ, до тѣхъ поръ, какъ появлялось у Васи такое неопредолимое желаніе, которое не въ силахъ уже была превозмочь и самая мамина гроза.

Да и могло ли быть иначе? Посудите: солнышко точно смѣется, и послѣ длинной скучной зимы само манитъ всякаго человѣка на улицу, такъ что и взрослый, и старикъ, и больной — всѣ порываются погулять. Каково же терпѣть Васѣ? А тутъ еще гдѣ нибудь на проталинкѣ, смотришь, ужь высунулся хохолокъ новенькой травки, да такой ярко-зеленый, что просто поцаловалъ бы его, еслибъ только выпустила мама. А тамъ рѣзвая быстрейка подъ лучемъ солнышка-краснаго такимъ серебромъ шевелится и такимъ живьемъ прыгаетъ, что и самъ не замѣтишь, какъ опять упрыгнешь за ней изъ избы. А тутъ еще зажурчитъ, заревётъ, да набьетъ въ ямкѣ такія славные бѣлые клубья пѣны, что такъ бы вотъ и подхватилъ ихъ на руку! — Ни за что не усидишь въ избѣ; мнѣ кажется, съ самой маминой сахарной бечевки и то сорвешься весною, въ полдень. А тутъ еще мельница такъ катаетъ, что только въ глазахъ пестритъ крыльями; а тамъ

еще лодку такъ хватило въ рытвину, гораздо сильнѣе какого нибудь Ненасытнецкаго порога! Здѣсь ужь не такимъ нужно быть ловкимъ лоцманомъ, какъ на Днѣпрѣ: здѣсь, чуть только сплошай—глядишь, и лодку-то унесло, и самъ за нею полетѣлъ носомъ въ лужу, особливо когда стоишь на одной только кочкѣ, на которой сверху разогрѣтый мокрый навозъ, а подъ нимъ, какъ плѣшь, скользкій, гладкій ледъ. Вотъ и стой на этомъ ловко!—А все-таки хорошо весною, особенно маленькому Васѣ, — эхъ!... какъ хорошо!

За играми да просушиваніемъ Васи незамѣтно подвинулись и вешніе праздники. Прошло и Благовѣщеніе, въ которое — по сказаніямъ Іоновны и всѣхъ дворовыхъ старухъ — даже птица гнѣзда не завиваетъ, — такъ великъ этотъ праздникъ! Прошли наконецъ и воскресенье за воскресеньемъ, и дошло до того, что очутились и два рядомъ: лазарево и вербное.

Въ послѣднее воскресенье, поутру, мама съ Іоновной пришли отъ заутрени съ порядочными пучками вербы, изъ которыхъ одинъ — у Іоновны — былъ голый и длинный, и готовился для коровы, чтобы стегнуть ее разокъ-другой, когда весной погонятъ ее въ первый разъ въ стадо; другой — у мамы — коротенькій и мохнатый, какъ пушистая муфта, готовился для Васи, чтобы и его ужь стегнуть разъ-другой, хотя онъ и не похожъ былъ на теленка и не готовился отправиться въ стадо. Стегнуть же все-таки слѣдовало. Конечно оно не затѣмъ, чтобы онъ, какъ Субботка, давалъ больше молока, а такъ.... то есть такъ, какъ и многое, еще дѣлается у насъ на Руси святой, дѣлается часто всѣми, и дѣлается все-таки собственно потому, что прежде такъ дѣлалось нашими стариками. А почему старикамъ такъ дѣлалось?— такъ на это всякій изъ внуковъ отвѣчалъ только: «да такъ, видно обычай былъ такой въ стары годы. А теперь ужь что его бросать? не нами вѣкъ начался, не нами и кончится: уживались съ нимъ кое-какъ наши старики-дураки, да жили еще припѣваючи, жили — говорятъ—не тужили, — ну, значитъ, и мы какъ-нибудь проживемъ по старому обычаю»... Ну, а обычаи старыхъ годовъ затѣйница Іоновна знала такъ хорошо, какъ не знаетъ твердо и монахъ иной своего стараго монастырскаго устава.

Съ умиленіемъ, чуть-ли не съ молитвой, заворотила мама живописно-раскинутую рубашонку спящаго Васи, и такъ благочестиво принялась его постегивать, что иной, смотря издали, по-

думалъ-бы, что она подошла только благословить спящаго ребенка. Одно только умильное подпѣваніе: «вербы хлестъ, бей до слезъ, на куличи, на перепочины, на красныя яицы!» — одно только подпѣваніе и доказывало, что мама была занята не материнскимъ благословеніемъ, а дѣлала свое дѣло—занималась полицейскимъ постегиваніемъ воскреснымъ.

Удивленный Вася, со сна хотѣлъ-было покрѣпче рявкнуть, чтобы ужь сразу отшугнуть тѣхъ наглецовъ, которые такъ рано и такъ безсовѣстно осмѣлились распорядиться безъ спросу его спиной;—оказалось, что плакать рѣшительно было некстати, потому что мама и Іоновна стояли передъ нимъ, какъ само утѣшеніе, хотя и съ прутьями, но съ такими веселыми лицами, съ такими материнскими улыбками, которыя замѣчались у старухъ только развѣ ужь въ самые большіе праздники, когда смѣется весь христіанскій міръ.

А проказница Іоновна — только открылъ Вася удивленные глаза — тотчасъ принялась ему разсказывать: «тебя, Васенька, Господь Богъ велѣлъ похлыстать за то, что ты проспалъ вербную заутреню.»

«Полно, такъ ли? правда ли, однако?» подумалъ Вася, наскоро одѣваясь, какъ обыкновенно одѣвался онъ въ праздникъ. И хотя любилъ Іоновну и вѣрилъ ей, какъ уставщицѣ, однако въ настоящую минуту усомнился и подумалъ: «да что это такое однако: какъ только проснется человѣкъ, тотчасъ его, по повелѣнію Божію, хлыщутъ вербами? — это что нибудь да не такъ! Вѣрно, вретъ наконецъ Іоновна-баушка? ну да! прихвастнула немного, знать, старая шутиха. И по глазамъ то вижу, что прихвастнула. Какъ-бы Богъ-то въ самомъ дѣлѣ велѣлъ, глаза-то не смѣялись бы такъ у ней...»

А Іоновна между тѣмъ продолжала все:

— Какая жалость, мой батюшка Васенька, что ты не былъ у вербушки-то на заутрени! какія тамъ знатныя вербы-то были, любо-дорого посмотрѣть, ужь на всякія-то маперы разукрашены: и золотцомъ, и тряпочками-то, и бумажками-то, да ужь такъ, что и сказать-то тебѣ всего не умѣю. Особливо вонъ барская-то верба — у-у! какъ знатно разубрана! всякой-таки вотъ всячиной и расписана! просто заглядѣнье да и только! А ты, знаешь, что: какъ вотъ умоешься, да помолишься Богу, возьми да и сходи въ горницу-то, да и посмотри въ углу тамъ, въ залѣ, верба барино-

ва поставлена: чудо, какая знатная,—просто глаза-то всѣ пересмотришь на нее. Словно праздникъ какой нарядный....

— А?... ты правду говоришь, не врешь, бабушка?

— Ей-Богу, золотой! да развѣ я буду тебѣ напраслину говорить для праздника такого? Что ты, золотикъ?

— Ну, я схожу, пожалуй, погляжу. Вотъ только чулокъ найду. «Ахъ, ты Господи! Какова однако эта старая Іоновна?» думалъ Вася: «а еще вѣдь каждый день со вздохомъ разсказываетъ: «не вижу, говоритъ, батюшка кормилецъ, не вижу: глаза ужъ больно плохи стали!» — Ну, а вотъ и оказывается, что она просто все видитъ; выходитъ, значитъ, что она притворяется только, старая шутиха. Вишь и къ заутрени успѣла ужъ слетать, и тамъ все разнюхала, у всѣхъ выглядѣла и высмотрѣла всѣ хорошія-то вербы. Ай-ай, какая она птица! Настоящій гусь лапчатый! А все не вижу, говоритъ....»

Такъ разсуждалъ Вася. Между тѣмъ его подергивало любопытство, и онъ только что вздѣлъ сапожишки, поутру жесткіе, какъ желѣзные, и напялилъ брючишки съ махорной бахрамой внизу, живо побѣжалъ изъ своего чуланчика въ господскій домъ, чтобы разсмотрѣть, что это за барская верба такая?

— Эхъ, какая штука-то! сказалъ онъ, осматривая въ переднемъ углу что-то мохнатое. И съ этимъ словомъ подвинулся впередъ, ближе. Оглянувшись, нѣтъ ли кого въ комнатѣ, чтобы невидимая рука не схватила его за чубъ, Вася принялся пальцемъ потыкивать въ коленкоровые цвѣты, да поглаживать скользячую золотую бумагу, чтобы ужъ окончательно убѣдиться, что Іоновна говорила правду.

Дѣйствительно, въ переднемъ углу стояла верба, пушистая, какъ древо, и пестрая, какъ ситецъ для обойки мебели. И чего тамъ не было: на ней были нашиты и цвѣты изъ тряпочекъ, и звѣзды изъ золотой бумаги, и искуственные конфетные плоды и ягоды, и огарочки восковыхъ свѣчей, прилѣпленныхъ со всѣхъ сторонъ, какъ на паникадилѣ, и горѣвшихъ во время всенощной на дому, и наконецъ восковые, сильно румяные херувимы, отъ собственной тяжести висящіе внизъ головой, какъ живыя куры, которыхъ несутъ съ базару. Словомъ, это было такое великолѣпіе, что Вася, совершенно сбитый съ толку, только подумалъ, уходя въ свою избу: «ну, да не можетъ же вѣдь быть, чтобы Господь не любилъ того человѣка, который съ этакой знатной вербой пріѣзжаетъ

въ церковь. Мамина, напримѣръ, верба, или Іоновнина передъ этой, да что онѣ такое значутъ, — просто розги какія-то! А эта?...» И онъ со вздохомъ остановился въ дверяхъ, оглянулся, чтобы еще издали окончательно обозрѣть барскую вербу, и еще-таки добавилъ въ заключеніе: «какіе же счастливцы эти господа, — все-то они себѣ сдѣлаютъ, что захотятъ; вонъ вѣдь ужь херувимчики-батюшки, и тѣ тутъ же привязаны — мотаются. Чудо, какъ все это красиво. Ну, славная это штука! Э-эхъ! вѣрно мнѣ съ этакой вербушкой никогда не придется молиться?..

И онъ со вздохомъ затворилъ дверь, и понуривъ голову, пошелъ къ себѣ въ избу.

Въ тотъ же день вечеромъ мама объявила Васѣ, что онъ съ завтрашняго дня долженъ будетъ говѣть, вмѣстѣ съ нею, на что Вася охотно согласился, и только про себя, по-ребячьи, подумалъ: «какъ это еще говѣютъ? что тамъ дѣлаютъ въ церкви-то?»

И вотъ въ понедѣльникъ Васю дѣйствительно заставили говѣть, то есть: велѣли ему умыться, помолиться, прочитать кромѣ богородицы еще и другія молитвы, хоть съ подсказываніемъ, а многія по половинѣ только, но за то всѣ — много молитвъ. Запретили таскать съ ранняго утра хлѣбъ и притрогиваться къ маминымъ сухарямъ, словомъ: не дали ѣсть до тѣхъ поръ, пока мать не пришла отъ обѣдни. Надзирательницею надъ всѣмъ этимъ была поставлена Іоновна, которая по этой необходимости и говѣла сама на шестой.

Но понедѣльникомъ Вася остался недоволенъ, потому что, какъ нарочно, именно въ понедѣльникъ и напалъ на него страшный ѣдунъ, въ особенности послѣ сытнаго вербнаго пирога съ соминой. Вечеромъ, на сонъ грядущій, онъ даже сдѣлалъ такое заключеніе: «это, значитъ, дома такъ говѣютъ — не ѣдятъ, а вотъ узнать бы надо, какъ въ церкви-то они еще говѣютъ?...»

Для этого во вторникъ Вася самъ напросился-было съ мамой идти въ церковь къ обѣдни, чтобы ужь окончательно распознать, какъ тамъ еще говѣютъ православные христіане; но остался недоволенъ и вторникомъ, а именно тѣмъ, что служили очень долго, и—главное—не пѣли, какъ въ праздники большіе, а все что-то читали изъ золотой книжки. Въ этотъ день, на сонъ грядущій, Вася сдѣлалъ вотъ какое заключеніе: «совсѣмъ не такъ служатъ, какъ на масляницу».—И даже спросилъ маму свою: зачѣмъ дьяконъ былъ въ черномъ? На что засыпающая мама

отвѣтила: «это страсти Господни, сынокъ, всегда ужъ такъ бываетъ на страшной-то недѣлѣ».

— А, а?... отозвался Вася — и оба заснули.

Въ среду, несмотря на то, что Вася отнѣкивался-было и отзывался болѣзнями брюха и головы, его все-таки повели въ церковь насильно, да еще два раза: поутру и послѣ обѣда. Мама и Іоновна говорили ему — со вздохомъ — важно, что это «такъ ужъ слѣдуетъ....» Всѣ приближенные къ нему провожали Васю, какъ въ походъ. А нѣкоторые изъ дворни, въ людской, такъ даже и спрашивали заботливо: «а что, братъ, грѣшки-то попу свалилъ, что ли, или нѣтъ еще?... Поди, я чай, порядочный-таки мѣшечекъ понакопилось, али одинъ грѣшокъ во весь мѣшокъ? — а? Ступай-ко, братъ, отвороти его....»

— Ну, много еще на немъ грѣха — съѣлъ пѣтуха; — экая важность! говорилъ, лихо подбоченясь, петербургскій человѣкъ: — не очень-то скоромная штука! вотъ кабы до курочки-то самой добрался!... ну, такъ оно погрѣшистѣе тогда было бы.

Раздался хохотъ. Вася не понялъ, но вздрогнулъ.

— Что вы, ребята, ржете надъ ребенкомъ, словно жеребцы какіе? Онъ у меня всю сороковку умницей былъ: поста держался.

— Да что постъ? Это ничего: Постъ дѣло извѣстное теперича: ѣшь только меньше, да не грѣши. А вотъ, какъ онъ-то туда пойдетъ?...

— Куда это, ребята, исповѣдываться, что ли? спрашиваетъ заштатный учитель Аскалонъ.

— Да, вотъ.... съ Васей говоримъ: какъ на исповѣдь ему идти....

— Ну да, братъ, ты этимъ не шути — туда идти: веревочку совьешь, совьешь веревочку, это я тебѣ предсказываю.... подбавлялъ наставительнымъ тономъ учитель.

— Ничего.... я думаю: вы все стращаете меня только? выговорилъ наконецъ скромно Вася.

— Ничего?... ну, нѣтъ, не ничего! Поди-ко, сходи, попробуй это «ничего-то», такъ узнаешь, небось, ерша ершовича щетинникова. Батько-то — не свой братъ, онъ какъ разъ тебя обдѣлаетъ! Онъ, братъ, выряжетъ тебя лихо; стулъ-отъ, у него ой-ой, какой заковырчетый, покряхтишь небось!... А ты вотъ дай-ко сюда брюхо-то, я пощупаю: плотно ли поѣлъ-то сегодня ты? Смотри, братъ, не острамись, сдѣлай милость, какъ нибудь: вы-

вози ужь хорошенечко! На славу, шельмовство, прокати! такъ чтобы ужь ну-ну только!... до паперти такъ и отдерни!...

— Да ужь я знаю его! поддакивалъ другой учитель Асафъ.— Ученаго учить, значитъ—ужь портить только!... Онъ лихо отработаетъ, — ты ужь не сумлѣвайся, Аскалонъ Иванычъ: провезетъ на славу! Одно только вотъ и конфузно, канальство: силишки мало, — изговѣлся весь!... А то бы изъ него вышло просто иго-го!...

— Такъ, что-ли, братъ? а?... допрашивалъ Асафъ, поворачивая за плечи отвернувшагося ребенка.

— Ничего я не знаю, отвѣтилъ обидчиво Вася, вывернулся и ушелъ.

А за всѣ эти наставленія мама еще велѣла поклониться въ ноги: и учителю Асафу, и портному Аскалону, и тятѣ, и себѣ, и Іоповнѣ, и всей дворнѣ—и всѣмъ велѣла сказать: «простите меня Христа-ради», и тотчасъ послѣ того повела Васю въ церковь со свѣчою въ рукѣ.

Дорогою бѣдная мама материнскимъ сердцемъ принялась было толковать своему сыну: что̀ значитъ говѣть; но у нея на словахъ ничего не выходило, и ничего не оказалось! По однимъ только слезамъ ея Вася подумалъ: «это стало быть совсѣмъ невеселое — говѣть-то?» Кое-какъ она уже объяснила сыну, что онъ идетъ теперь исповѣдываться къ батюшкѣ-попу, и что онъ долженъ священнику разсказать всю подноготную: «что̀ и когда онъ дѣлалъ нехорошаго».

— А если я забуду, мама, что нибудь? спросилъ испуганный Вася.

— Ну, Богъ тебя проститъ, когда забудешь, только на духу покайся.

Послѣ двухъ остальныхъ словъ, совершенно непонятныхъ для ребенка, Вася окончательно сбился. Въ воображеніи его опять мелькнули и ступа, и веревки изъ песку, и желѣзный стулъ, и слезы мамы, и ея печальный видъ,—и все это вмѣстѣ такъ встревожило безпечнаго Васю, что онъ невытерпѣлъ и спросилъ: «а что же, мама, попъ-то со мной сдѣлаетъ?...»

— Ничего не сдѣлаетъ, а просто будетъ спрашивать: не дѣлалъ ли этого, или чего нибудь тамъ другаго? ну, а ты на все ему и отвѣчай все только: «грѣшенъ, батюшка». Вотъ и все тутъ. А потомъ не забудь, пятачокъ-то ему подай, поклонись въ землю, — ну, и пойдемъ назадъ домой.

Но не смотря на успокоенія мамы, Вася, по приходѣ въ церковь, зорко искалъ въ темныхъ углахъ стула поповскаго, веревокъ, святыхъ исповѣдниками, которые тутъ же сидѣли тихо, съ печальными лицами; искоса посмотрѣлъ на купель и прошепталъ: «это вѣрно самая ступа-то и есть; ну, слава Богу, она безъ воды».

Мама принялась тотчасъ усердно молиться въ землю, а Вася сталъ любопытно заглядывать за ширму, чтобъ подробнѣе разсмотрѣть: что тамъ дѣлаютъ старухи, и зачѣмъ онѣ такъ громко охаютъ и вздыхаютъ.

Сильно забилось сердце ребенка, когда мама нечаянно схватила его холодной рукой за шею и повела тоже туда за ширму. Но тамъ на самомъ дѣлѣ ничего страшнаго не было: просто Васю спросили: «не лѣнился ли молиться Богу? знаешь ли молитву Богородицы? не припомнишь ли еще какой нибудь особенной? не ѣлъ ли скоромнаго? не лѣнился ли учиться? не бранилъ ли мать, отца, учителя? не бралъ ли безъ спросу чужаго?» Вася на все это скромно отвѣтилъ, что велѣла мама: «грѣшенъ, батюшка».

— Ну, хорошо, ступай домой да приходи завтра, отвѣтилъ на все это старый священникъ.

«Когда же веревку-то вьютъ?» подумалъ ребенокъ и вышелъ изъ храма. Молясь низко на паперти, вмѣсто молитвы Вася шепнулъ: «что же это желѣзнаго-то стула не было? Асафъ-отъ Мироныч вѣрно для страху только придумалъ его? Ай-ай, они молодцы съ Асколономъ-то Иванычемъ учить меня пелѣнцѣ; — какую околесину наврали мнѣ; я вѣрить имъ больше не стану».

Но только что ребенокъ въ дверь, Асафъ и Аскалонъ съ улыбками уже встрѣтили его, и тотчасъ заговорили въ запуски: «что, братъ, что-о? каково-о?»

— Ничего!... отвѣтилъ смущенный Вася.

— Ну, да чего тебѣ,—ничего! растопыривай карманъ-отъ,—ничего, какже! Знаемъ мы вѣдь это ничего-то: повозилъ вѣрно? вотъ что! А что? какъ этакъ па твой взглядъ: стулъ-отъ поповскій тяжело-вѣсоватъ? — а?...

— Экъ, какъ его отдѣлали! и не говоритъ ничего. Какой сердитый сталъ!

— Что мнѣ сердиться-то? прибавилъ кротко Вася, совершенно сбитый съ толку: — я не сержусь, а не вѣрю вамъ, Асафъ Мироныч; вы все меня обманываете—тамъ стула-то не было....

— Ну-да! ладно, ладно!.. и мы вѣдь не совсѣмъ вѣримъ, и насъ вѣдь тоже не надуешь. Прокатилъ, знать, попа-то? а? ужь мы вѣдь знаемъ это? Кайся намъ: прокатилъ разъ чекъ? что ужь скрываться-то отъ насъ? — а? Сами были грѣшны въ стары годы, сами тоже важивали частенько, да еще такъ, бывало, что только ну-ну, держись знай! индо хребетъ трещитъ!

Вася молчалъ и сильно досадовалъ на то, что ему не вѣрятъ. Спорить же и возражать не смѣлъ, потому что спорить и возражать до завтра было грѣхъ, — такъ по крайней мѣрѣ растолковала ему законодательница Іоновна.

Весь вечеръ мать безпрестанно говорила Васѣ, чтобы онъ не сердился, не говорилъ ничего лишняго и ни подъ какимъ видомъ не смѣлъ бы класть ломти хлѣба на носъ Ептушкѣ, съ прочитываньемъ ему азбуки церковной до буквы *есть*. Мама принесла на этотъ вечеръ псалтирь изъ амбару и не утерпѣла — прочитала-таки съ Васей двѣ совершенно ей непонятныя странички, безпрестанно вздыхая и простодушно толкуя сыну, что завтра онъ будетъ святой, когда его причастятъ въ церкви. А случившаяся, какъ на грѣхъ, тутъ Іоновна, та даже распространилась и о томъ, какъ пріобщать ребенка святыхъ таинъ. Съ глубокими сокрушительными вздохами она говорила своему питомцу: «молись, батюшка, Васюрынька, какъ можно больше молись, золотой, особливо завтра у обѣденки. Такъ въ землю все и клади поклончики. Попъ-то изъ олтаря увидитъ, что ты больно хорошо молишься, ну и дастъ тебѣ кое-чего за это. Какъ можно нужно больше молиться, серебряный, и Богъ увидитъ, что ты молишься, и Онъ полюбитъ тебя за это: ну, сейчасъ и вышлетъ тебѣ съ отцомъ-то дьякономъ сладкаго. А кто не будетъ молиться, — ну, тому и не вышлетъ, — не прогнѣвайся.... Онъ — вѣдь все видитъ Царь небесный, Его не обманешь. Ты думаешь: вонъ барыня со стуломъ ѣздитъ въ церковь, да сидя молится Богу, такъ ей и достанется что-нибудь? — какъ же! дожидайся — шишъ возьметъ она, вмѣсто причастья-то! Дядя-то вонъ сказывалъ, что этакъ-то, въ Пентенбуркѣ, сидя-то нѣмцы только молятся; а хорошій человѣкъ, да коли онъ хочетъ замолить Іисуса Христа, батюшку — такъ стоя молись! Вотъ это похоже сколько-нибудь на дѣло. А сидя-то, али лежа еще, такъ этакъ-то и всякій замолить съумѣетъ. Завались вонъ на печку вмѣсто церкви-то, да и шепчи себѣ: «Господи-помилуй». А Гос-

подь-то такъ самъ и пойдетъ къ тебѣ да и помилуетъ, — дожидайся!..

Отецъ и петербургскій человѣкъ также говорили Васѣ, что нужно молиться, только мнѣнія ихъ были различны. Отецъ говорилъ просто, что нужно молиться, а какъ? — этого не толковалъ. А петербургскій человѣкъ не вытерпѣлъ и сказалъ при этомъ какую-то умную рѣчь, кажется, въ такомъ родѣ:

— Нужно, братецъ, различать: что постное и что скоромное? — У насъ вонъ крупинку яица откуси или маслица лизни, — такъ это скоромное, а мужика возьми да зарѣжь — ну это постное, — ничего! Этакъ, братецъ, только бабы-дуры говорятъ, а умные люди такъ ужь не думаютъ. По моему: ѣсть мало, не дѣлать зла, дѣлать добро, быть добрымъ, заниматься добродѣтелью и все такое — вотъ это постъ-великій! А сердце, злословіе, ехидство, коварство, недоброжелательство, ну вотъ гордость еще — это ужь скоромное-настоящее. Вотъ какъ, братецъ, племянничекъ! да!...

— Вася надъ этимъ задумался и все-таки ничего не понялъ. А петербургскій человѣкъ между тѣмъ продолжалъ:

— Или теперича вотъ — молитва. Молитва молитвѣ рознь. Другой и въ землю кланяется — да ничего не вымолитъ, а другой и не кланяется — да все вымолитъ. А отчего? — оттого, что духомъ нужно, братецъ, молиться, — духомъ..... Образъ — это изображеніе, — ты понимаешь? — изображеніе, братецъ! А вотъ кто духомъ помолится, — ну такъ это будетъ молитва!... Это ужь...

«Что же это такое: «духомъ сбѣгаю», «духомъ слетаю», «духомъ помолюсь»?.. а! скорѣе значитъ нужно вѣрно обмалываться?..» рѣшилъ племянникъ, по своему понявшій наставленія петербургскаго дяди.

На другой день, утромъ, Васю наряжали какъ на пасху: надѣли новые сапоги, которые еще въ лужахъ не путешествовали, надѣли новый сюртукъ, съ узкимъ хвостомъ, который Асидонъ Иванычъ сшилъ къ великому дню, надѣли новую рубашечку красненькую, новую манишечку бѣленькую. Всѣмъ этимъ завѣдывалъ новый камердинеръ Васи — Іосиона. Все это надѣла она на Васю съ молитвой, и все такъ одернула и ощипала, такимъ представила торчащимъ и глаженнымъ, что стоило только самой полюбоваться Васей. Мамынька между тѣмъ одѣлась и сама: сама надѣла бѣлое платье коленкоровое, бѣлую косынку

на голову и бѣлый, съ голубыми полосками, шерстяной платокъ на шею. И пошли они въ церковь.

А въ церкви словно праздникъ большой. Народу много, и всѣ почти одѣты въ бѣломъ. Всѣ идутъ къ алтарю, да отдаютъ свои просвирки Парамонычу-дьячку, а Парамонычъ носитъ ихъ въ алтарь и передаетъ батюшкѣ-священнику.

Вася самъ пошелъ въ алтарь съ маминой просвирой, собственно затѣмъ, чтобы окончательно подглядѣть, что тамъ дѣлаютъ съ просвирами. Гусемъ вытянулъ онъ голову изъ-за толстаго дьячка Парамоныча, зорко высмотрѣлъ, что совершалъ священникъ; но конечно ничего не понялъ и тотчасъ же отправился къ матери спросить: «зачѣмъ батюшка сдѣлалъ на просвиркѣ четыре дырочки?» Мамынька принялась-было толковать Васѣ, что это «вынимаютъ части»; но Вася и этого не понялъ, зачѣмъ вынимаютъ, тѣмъ больше, что мама сказала объ этомъ только два-три слова, да и закончила такъ: «послѣ — говоритъ — сынокъ, когда-нибудь я тебѣ растолкую, а теперь некогда: молись Богу!»

Въ половинѣ обѣдни Вася не вытерпѣлъ: обернулся назадъ — посмотрѣть, что дѣлаютъ православные христіане. Анъ глядь: за нимъ стояла уже Іоновна. Вася съ радости еще обернулся посмотрѣть, какъ молится Іоновна; Іоновна тотчасъ сообщила ему, что батюшка истинный Христосъ очень не любитъ тѣхъ, кто много вертится въ церкви. Вася тотчасъ пересталъ вертѣться.

Вскорѣ послѣ того Іоновна припала къ самому уху Васи и такъ горячо дыша ему въ шею, заговорила такъ: «сію минуточку будешь причащаться, золотой мой, — слышишь, шркнула занавѣсь-то? вонъ и ворота царскія отворяются, — сдѣлай еще земной поклончикъ.

«Все-то знаетъ эта Іоновна», подумалъ Вася, и бухнулъ въ землю тяжеловѣсно.

Дѣйствительно отецъ дьяконъ отворилъ царскія врата, вознесъ святые дары, и на основаніи завѣта Спасителя: «не претите дѣтямъ ко Мнѣ», — первыхъ подвели дѣтей, въ числѣ которыхъ былъ и Вася. Мама сама подвела его за плечи.

По возвращеніи отъ св. причастія, гдѣ-то въ уголкѣ подвернулась опять Іоновна. Іоновна поцаловала въ голову Васю, пожала даже ему руку съ закушенной просвирой, и шепнула ласково: «усталъ, и чай, голубчикъ мой сизенькій, обѣдня-то больно долго шла; поди-тко вонъ сядь, отдохни въ уголокъ, на мою

шубенку: сюртучокъ-то и не замарается, къ пасхѣ-то опять новенькій и будетъ.» Вася тотчасъ отправился и возсѣлъ на шубенку, устроенную копромъ, на подобіе старииннаго стула. И перекрестившись еще, сильно принялся ѣсть просвиру. Заплаканная мама скоро пришла туда же и горячо поцаловала сына въ губы.

По окончаніи всего, Вася положилъ отцу дьякону и Парамонычу по грошику за обѣдню, и пошелъ домой. На паперти онъ долго и съ любопытствомъ ребенка засмотрѣлся на то, какъ хромой нищій, плюгавый старичишка, задавалъ теребачку мальчишкѣ, за то, что тотъ ловко просунулъ руку впередъ и словилъ цѣлый грошъ съ-разу. Хромоногій, какъ въ колоколъ звонилъ, подергивая за чубъ товарища и приговаривая: «не суйся Аксинья на чужія кстины! Будь вѣжливъ,—каналья! я старшій,—подлецъ! здѣсь храмъ божій, — собака ты этакая!...

По возвращеніи домой, мама тотчасъ настроила Васю, чтобъ онъ отправился къ господамъ и поздравилъ ихъ съ говѣньемъ. Баринъ съ барыней въ этотъ день были необыкновенно ласковы и добры, и не только принимали ото всѣхъ поздравленія, но даже въ числѣ прочихъ поздравили и Васю самого. Марья Александровна сказала ему привѣтливо: «будь уменъ, Вася»; старый баринъ сказалъ ему по старому: «ну, поздравляю и тебя также, братъ: тѣлу во здравіе, душѣ во спасенье». Старшая барышня-институтка, двумя пальчиками обмакивающая въ чай самый великопостный сухарикъ, отъ нѣмецкаго булочника, манерно проговорила сквозь зубы: «и тебя также». А Илинька-лѣнтяй, такъ тотъ даже поздравилъ Васю съ какимъ-то праздникомъ, и пожелалъ ему того, чего и самъ не понималъ. Даже обѣ барыньки-проживалки: карлица и Степанида Ивановна Шустиха, и тѣ поздравили Васю съ принятіемъ святыхъ таинствъ. А мама съ Іоновной, такъ тѣ не знали даже, что имъ и сдѣлать съ Васей. Не знали даже, чѣмъ и накормить Васю: и просвиру ему еще цѣлую дали, и чай сладкій ему сдѣлали, и пирожнаго Іоновна уже сунула — не утерпѣла, и самъ Анхимычъ какого-то грибнаго соусу принесъ. И наконецъ еще самъ баринъ съ барыней, черезъ маму, прислали ему двѣ просвиры. Вотъ какъ всѣ заботились о Васѣ въ этотъ необыкновенный день! Даже самъ тятенька и дяденька поцаловались съ Васей дружески, говорили съ нимъ запросто и даже шутили очень на короткую ногу, а что всего важнѣе, въ этотъ день не только не побранили его, даже

цѣлый день не учили ничему! Такъ что, когда Вася выросъ наконецъ и состарѣлся, онъ все-таки помнилъ, что самый покойный и счастливый день въ его жизни—былъ этотъ, а самый веселый а радостный — была чрезъ два дня пасха!

Въ великую субботу, не смотря на то, что эта суббота въ самомъ дѣлѣ великая, — начали хлопотать около куличей, зудѣть и соваться около яицъ и горшковъ съ сандаломъ. А когда между всѣмъ этимъ забѣгали еще и дѣвки со своими утюгами, ну тогда пошла работа суетливѣе таскапья дровъ на пароходъ, а суета вышла, какъ на самой большой ярмаркѣ.

— Лба-то не дадутъ перекстить, не токмо-что въ церковь божію сходить, для такихъ великихъ дней! утверждали мама и Іоновна, командуя всѣмъ этимъ, какъ полководцы въ рѣшительную минуту. «Согрѣшила я, грѣшница, съ ними окаянными!» говорила сокрушительно мама, называя въ этотъ день окаянными не гостей господскихъ, а дѣвокъ, которыя безсовѣстно надоѣдали ей со своими пасхальными юбками. Тятя, какъ отшельникъ отъ суеты міра сего, такъ на цѣлый день и закатился по закупямъ, такъ до ночи и прошатался гдѣ-то на привозномъ базарѣ, отыскивая какія-то вареныя чесноковыя колбасы, господамъ на розговѣнье. Самъ петербургскій дяденька объявилъ Васѣ, что въ этотъ суетливый день учиться некогда, потому что ему рѣшительно нѣтъ минуточки свободной—дѣла по самое горло. Да если посудить резонно, да разобрать подробно, такъ и самому Васѣ тоже было рѣшительно некогда: то онъ сунется посмотрѣть, какъ мама краситъ яица, — ну, конечно, и ему нужно не опоздать также запустить въ краску свое маленькое шпанское яичко, собственно для своей праздничной забавы; то онъ сунется посмотрѣть, какъ она оплетаетъ веревочками изъ тѣста праздничные куличи,—ну, конечно, и ему нужно также отхватить кусочекъ тѣста и изъ него слѣпить свой узорчатый маленькій куличокъ, собственно для своего розговѣнья завтра; то сунется посмотрѣть, какъ отъ луковичной шелухи красятся у тетушки Лепестиньи желтыя яица; то сунется разсмотрѣть, какъ отъ шелковыхъ лоскутьевъ росписываются у Іоновны пестро всякія яица; то вдругъ сама мама дастъ ему особое порученіе: окончательно отдѣлать ей куличу нумера втораго, и даже выставить на ней рѣшительно всѣ миндальныя и изюмныя украшенія, — словомъ, нарядить ее такъ, какъ слѣдуетъ къ такому великому празднику. А это вѣдь, осмѣлюсь до-

ложить, господа петербургскіе булочники, трудъ не шуточный! Положимъ, что тыкать пальцемъ въ сырое тѣсто и всякій изъ насъ съумѣетъ; но такъ искусно подтыкать всѣ бока у самой лучшей, великолѣпной, нумера втораго кулячи, едва ли кто возьмется, да едва ли кто и кончитъ такое большое дѣло такъ безукоризненно и добросовѣстно, какъ Вася. Онъ вамъ растычетъ не просто какъ нибудь, очертя голову — нѣтъ! онъ растычетъ съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой, да еще подумавши, да еще сообразивши, да еще нѣсколько разъ выковырнувши и поставивши изюмный и миндальный глазъ на другое мѣсто, прищуривъ при этомъ свой собственный глазъ и посмотрѣвъ на это дѣло издали, съ такимъ удовольствіемъ, какъ будто желая кого нибудь спросить: «а? каковъ я-то! каково, напримѣръ, я тыкнулъ ее въ послѣдній-то разъ!» Такъ что, смотря на него, вамъ даже дѣлается грустно, что такой необыкновенный талантъ гибнетъ безъ образованія. «Родись-ко такой геній въ Петербургѣ!» думаете вы: «о-о! да онъ непремѣнно выстроилъ бы себѣ трехъ-этажный дворецъ изъ плюхъ съ кренделями.» Ну, однимъ словомъ, Вася былъ однимъ изъ величайшихъ булочныхъ геніевъ, погибшихъ въ неизвѣстности. Впрочемъ, къ чести сказать: поощрительная мама не только всегда съ удовольствіемъ смотрѣла на произведенія Васи, а даже съ особеннымъ удовольствіемъ задавала сынку такую работу, не говоря уже о томъ, когда сынокъ вызывался на нее самъ.

А между тѣмъ такое родственное обращеніе съ изюмомъ и миндалемъ, такое близкое сношеніе съ великолѣпной куличой, нумера втораго, вводило постнаго Васю въ такое искушеніе, что онъ едва-едва крѣпился, и чуть-чуть было не словилъ горсточку изюму при отдѣлкѣ; хорошо еще, что сама мама догадалась и дала сама ему, будто за работу.

Но вотъ наконецъ отдѣланные нумера первый, второй и третій, и Васина маленькая куличка, — все это, какъ свадебный поѣздъ, поскакало на лопату и все это наконецъ запятили въ печь. Печь эту, для пробы, подсыпали-было и мукой, но все-таки, какъ видно, оказалась она безнадежна, потому что мама, Лепестинья, баушка Чудиха, Іоновна и даже самъ Анхимычъ, какъ часовые, безпрестанно заглядывали въ чело и будто у заслона допрашивали: «а что, ваши-то каковы? Э, еще не зарумянились хорошенечко; вѣрно плохи выйдутъ. Экая бѣда какая!»... Однако, несмотря на пророчество самой Іоновны, что куличи для

такого великаго праздника навѣрное выйдутъ не то, чтобы этакъ-такъ того... все-таки, когда ихъ допекли, да вынули, да расклали по столамъ, лавкамъ и полкамъ, да пошелъ отъ нихъ праздничный, благородный, масляный запахъ, не такой, какъ отъ будничнаго ржанаго, да еще изъ-подъ чистыхъ полотенцевъ выглянули они такимъ смѣющимся лакированнымъ глянцомъ, то такой вышелъ соблазнъ для Васи, что хоть вонъ бѣги. Да оно, признаться, и лучше было бы, если бъ онъ во время вышелъ вонъ, а то какъ-то нечаянно и случилось съ нимъ вотъ что....

Вася смотрѣлъ, смотрѣлъ на все это, да какъ вспомнилъ, что поповскій стулъ и веревки — все это дудки, не вытерпѣлъ и искусился. Мать только-было отвернулась куда-то, вышла, что называется, на минуточку, Вася степенно выковырнулъ изъ кулича нумера втораго одинъ миндальный глазъ и тотчасъ его проглотилъ; еще отвернулась мама, онъ еще отлупилъ съ пятокъ и этими полакомился. А какъ вышла она зачѣмъ-то въ амбаръ — минутъ на десять—Вася въ такое впалъ искушеніе, что совершенно забылъ о поетѣ великомъ, и о говѣньи, и о всѣхъ наставленіяхъ законоучительницы Іоновны. Онъ не только облупилъ окончательно куличъ нумера втораго, а даже какъ-то ненарокомъ прихватилъ еще и одно красное яицо. Живо кокнулъ его о печь, чтобъ не смѣло впередъ соблазнять Васю; запѣлъ что-то великопостное, чтобъ не слышно было изъ сосѣдней конурки, какъ Вася занимается лупленіемъ, и послѣ всего, запрятавъ скорлупу въ сапогъ, скромно засѣлъ въ уголъ — попробовать разговѣться заблаговременно. Надобно же было случиться бѣдѣ, или какъ говорятъ объ этомъ старухи: вышелъ грѣхъ такой — полосой. Мама вслѣдъ за этимъ пришла изъ амбара и, какъ на бѣду, стала считать яица: одного все у ней не доставало. Осмотрѣлась кругомъ, анъ для порядку въ хозяйствѣ и Васи не доставало; еще осмотрѣлась, и что же? самая великолѣпная кулича нумера втораго облуплена и вотъ уже стоитъ безъ миндальныхъ глазъ!

Мамынька тотчасъ сообразила, что все это значитъ, и очень свирѣпо зарычала: «Василій!»

Вася грустно и нѣжно вывелъ изъ-за печки: «я здѣсь, мамынька!»

— Ты, что ли, взялъ отсюдова яицо?

«Эхъ, какая скверная штука!» подумалъ оторопѣвшій Вася;

и затѣмъ, какъ можно скорѣе, какъ пробку, заколотилъ пальцемъ вторую половину яйца въ ротъ, чтобы ужъ спрятать его окончательно и потомъ отнѣкаться, сказать что онъ не бралъ, и знать не знаетъ, кто взялъ; не видалъ даже. А въ случаѣ нужды такъ все это и подтвердить, примѣрно, хоть такими доказательствами: «лопни у меня утробушка; дай Господи въ тартарары мнѣ провалиться и не сойти съ этого мѣста!» или ужь заплакать наконецъ, и увѣрительными слезами убѣдить маму, что все это поклепъ на него взведенъ, и что онъ совершенно непричастенъ этому грѣху.

Но не тутъ-то было. Вася самъ подпортилъ все дѣло тѣмъ, что слишкомъ поспѣшилъ. Онъ вовсе не зналъ свойства печенаго желтка: въ торопяхъ никакъ не могъ проглотить его, какъ кисель — задохнулся, какъ отъ щекоты, и крошки полетѣли изо рта во всѣ стороны. А мама на этотъ грѣхъ подошла еще со свѣчкой и ярко освѣтила огаркомъ всѣ эти дѣла тьмы. Вася совершенно осовѣлъ отъ стыда, и рѣшительно не зная, что ему съ собой дѣлать, сталъ молча собирать яичныя крошечки.

— Экъ, ты, безсовѣстный! заговорила еще свирѣпѣе мама: — не могъ развѣ ты подождать до завтра? Цѣлыхъ ты семь недѣль не бралъ въ ротъ ничего скоромнаго, а тутъ, на-тко, вотъ что придумалъ! Пошелъ въ хлѣвъ, скотъ; у меня не смѣй и разговляться приходить сюда, слышишь! не смѣй и думать! такъ тамъ съ курами и разговляйся. Да еще вотъ отцу скажу, пусть онъ тебя за это хорошенечко!...

Вася, не говоря ни слова, сталъ лѣниво одѣваться, и только глаза засверкали слезой.

«Это еще ничего», думалъ онъ про себя: «что ты разговѣться не дашь мнѣ, — это штуки. Я знаю; ты всегда меня такъ стращаешь; а по правдѣ-матькѣ, ты такая для меня добренькая мама, что сама же придешь за мной, да ласково скажешь: «Вася, поди ко мнѣ». А вотъ это, что ты отцу-то хочешь сказать — это вотъ очень неловко! Я вѣдь ужь знаю, каковъ онъ: чуть, этакъ, не въ добрый часъ подвернешься, такъ опять глядишь, и того....»

Вася искоса посмотрѣлъ на плетку, которая, какъ представительница отцовскаго страха и домашняго управленія, тутъ же смиренно висѣла на гвоздѣ, — и процѣдилъ сквозь зубы:

— Мамынька, а мамынька!...

— Чего тебѣ нужно еще? я сказала: пошелъ вонъ...

— Да я пойду ужь вонъ-то, такъ и быть, только тятенькѣ не сказывай.

— И не думай этого, поросенокъ эдакой! скажу непремѣнно все отцу: пусть онъ задастъ тебѣ баню для субботы-то великой.

«Эхъ, скверность какая! больно худо будетъ»... подумалъ Вася и пошелъ невесело на дворъ.

Подходитъ вечеръ, мамынька за Васей нейдетъ. Вотъ и ночь легла на черный городъ, темная, холодная, страшная... а мамынька все нейдетъ за Васей. Даже съ крыльца не слыхать этихъ обычныхъ ласковыхъ словъ: «Вася, гдѣ ты? поди-ткось сюда!» — а это очень худо. Очень худо, когда мама не хочетъ приголубить Васю: ему грустно становится отъ ея неприязненности! И вотъ онъ сидитъ у амбара, да разливается-плачетъ. Правда, хотѣлось было ему по прежнему, чтобъ мама сама пришла за нимъ, да нѣтъ! вѣрно и не думаетъ она о немъ: въ суетахъ совсѣмъ забыла про Васю!

А между тѣмъ Вася сидѣлъ, сидѣлъ, да началъ ужь и зябнуть. А морозъ, извѣстно, какъ голодъ — не тетка, не приголубитъ. Надобно было придумать что нибудь рѣшительное. Вася для такого случая избралъ себѣ посредника Матюшку-разбойника и настроилъ его, чтобъ тотъ сходилъ къ мамынькѣ и донесъ ей рѣшительно, что Вася начинаетъ мерзнуть. Ловкій Матюшка тотчасъ сдѣлалъ донесеніе, и чтобы ужь сразу остраститъ ему, окончательно объявилъ, что Вася замерзъ совсѣмъ.

— Э, пусть его мерзнетъ, умнѣе будетъ! выговорила суровая мамынька, и затѣмъ такъ прицыкнула на посланника, что тотъ, какъ можно скорѣе, убрался вонъ изъ избы. А мамынька и послѣ донесенія все-таки не пошла за Васей, даже съ крыльца не позвала его къ себѣ ласково.

«Ну, плохое мое дѣло»... думаетъ Вася. Пождалъ было еще; прислушался даже: не зовутъ ли его? но наконецъ видя, что суровая мамынька и не думаетъ звать, рѣшился самъ отправиться въ избу. Для этого обошелъ онъ избу кругомъ, посмотрѣлъ въ окно: нѣтъ ли тамъ отца, и убѣдившись окончательно, что тамъ никого посторонняго нѣтъ, пошелъ просить прощенья. Съ повинной головой вошелъ онъ въ чуланчикъ и издали еще затянулъ свое обычное: «мамынька, прости-и... меня!»

А мамынька къ этому времени устряпалась и отдохнула — значитъ, вплоть до христовой заутрени можно было читать

Васѣ наставленія о грѣхѣ. И Іоновна тоже устряпалась и отдохнула, и тоже пришла въ чуланчикъ затѣмъ, чтобъ ужь окончательно объявить Васѣ «насколько батюшка истинный Христосъ не любитъ тѣхъ, кто по субботамъ ѣстъ яица, и какое именно за это будетъ наказаніе на томъ свѣтѣ». Даже какъ будто Іоновна сама ходила на тотъ свѣтъ, потому что рѣшительно объявила Васѣ такъ:

— Бѣда вѣдь, кормилецъ мой, по постамъ-то ѣсть скоромное, — что ужь и говорить объ этомъ самомъ! *Они* вонъ прицѣпятъ грѣшника-то за брюхо на желѣзный крюкъ, да такъ въ огонь-то всего и повѣсятъ: брюхо-то, знаешь, виновато — оно, вѣдь, яичко-то съѣло, — ну, вотъ за него и прицѣпятъ раба божьяго, да спину-то и учнутъ поджаривать, да подпекать, какъ блинъ какой. Вотъ и узнаешь тогда, что значитъ ѣсть по субботамъ яица! *Они* вѣдь шутить съ нами не любятъ: силища такая, что у-ухъ!

Затѣмъ Іоновна тутъ же, какъ-то кстати ужь, распространилась и насчетъ того, что въ эту ночь, до той самой минутушки, какъ запоютъ: «Христосъ воскресъ», нечистая сила такъ воюетъ, что чуть-чуть только не ѣздитъ верхомъ на насъ, православныхъ христіанахъ.

— Батюшка-то истинный Христосъ, значитъ, теперича умерши, вотъ имъ и слабодно безъ него-то: ну ужь они тутъ и кутятъ и мутятъ... и кутятъ ужь!... Ну, а вотъ какъ завтра-то оживетъ Онъ — вотъ опять хвостъ-отъ и прижмутъ ужь... да, и прижмутъ!... При немъ вѣдь много-то не нашумаркаютъ; у него силы-то побольше будетъ ихняго. Стоитъ только послать вонъ архангела Михаила: ткнетъ пикой-то разочекъ, ну и провалились сквозь землю всѣ. Боятся тоже и его батюшку — такъ боятся, что и.... бѣда!

А между тѣмъ пришелъ и дяденька. Мамынька не утерпѣла и тотчасъ ему сказала: «вѣдь вотъ, говоритъ, что надѣлалъ сахаръ-то мой», да еще и добавила: «ну что, говоритъ, съ нимъ дѣлать-то станете, когда онъ, скотъ этакой безрогій, еще читаетъ книгу, а видитъ-то вѣрно фигу: какъ будто ужь тамъ и не прописано все этакое, что грѣхъ и что не грѣхъ хорошему человѣку. Нѣтъ ужь вѣрно и книга намъ не поможетъ; не поможетъ ли развѣ вонъ отецъ?»

— А въ чемъ? пожалуй, помогу! сказалъ, какъ будто воставшій изъ земли, отецъ, пришедшій съ базару.

— Да вотъ вѣдь что сдѣлалъ дурандасъ-то нашъ....

Мама не утерпѣла, и тятенькѣ разсказала все также до крошечки: и про куличу облупленную, и про яицо проглоченное, да такъ подробно, что тятенька наморщилъ даже лобъ.

И вотъ наконецъ всѣ они: и тятя, и мама, и Іоновна взапуски пустились говорить надъ Васей, какъ стыдно ѣсть скоромное, и какой это грѣхъ; и какой великій грѣхъ ѣсть скоромное въ такіе великіе дни, да еще послѣ причастія; какъ наконецъ Богъ этого не любитъ, и какъ онъ наказываетъ за это человѣка: не даетъ ему разговѣться и увидѣть пасху.

— Да и на томъ свѣтѣ, въ свѣтло Христово воскресенье, за это, ни за что не дадутъ краснаго яичка, добавляетъ Іоновна:— ангелы-то божьи всѣ будутъ разговляться яичками, ну и угодники христовы съ ними тутъ же ужь... а ты и сиди да посиди гдѣ нибудь въ уголкѣ безъ яичка, по этому самому, что здѣсь не соблюлся, согрѣшилъ значитъ — оскоромился. Вотъ и взгрустнется тогда! и-ихъ, какъ взгрустнется!... Тошнехонько будетъ...

— Да тѣмъ больше не слѣдовало ѣсть, что всего и осталось-то часа четыре до заутрени. Это баловство только одно, за которое вотъ порку тебѣ, братъ, слѣдуетъ задать передъ праздникомъ-то, говорилъ жостко тятя.

— Что это, братецъ, у тебя за нетерпѣніе такое ребяческое! вскрикивалъ петербургскій дяденька: — ну, какъ это тебѣ не совѣстно?

— Да добро бы ужь, хоша бы поѣлъ-то вплотную, какъ слѣдуетъ человѣку: ну, тогда бы ужь хоть не досадно было; а то вѣдь такъ себѣ — лизнулъ только, и больше ничего: выходитъ одно только баловство, заключила послѣ всѣхъ мама, и что-то въ родѣ угрозы добавила: — ну, а ты смотри, Василій, отецъ-отъ вонъ не сѣчетъ тебя, дурака, потому только, что нынче дни такіе... а ужь при случаѣ онъ тебѣ этого не забудетъ!

— Да, любезный, ты пока это заруби-ко себѣ на носъ, а ужь я, братъ, тебѣ это въ добрый часъ припомню! Ты вѣдь знаешь меня? отхватилъ наконецъ тятенька.

Вася зналъ этотъ добрый часъ; притомъ же все, что говорилось ему, было въ самомъ дѣлѣ такъ трогательно и горько, что ребенокъ расплакался, и, засыпая въ полусонномъ бреду, подумалъ: «счастливцы, ей-богу, эти люди — господа; цѣлый постъ они ѣдятъ скоромное, какъ нехристи, и все имъ ничего! А я

вонъ разъ только попробовалъ всего-то одно только яичко съѣсть,— всѣ принялись со мной ругаться; а ихъ вонъ такъ никто не ругаетъ. А я-то?... Эхъ, Господи — несчастненькій! попробуй-ко хоть крошечку откусить, такъ тятя, пожалуй, отпоретъ такъ, что небо покажется съ овчинку. Вотъ оно что значитъ простой-то человѣкъ!...»

И на этомъ словѣ Вася заснулъ наканунѣ свѣтлаго Христова воскресенья.

Мама съ тятей тоже прикурнули передъ заутреней; петербургскій дяденька пошелъ установить на окно свой транспоранъ, а надъ соннымъ Васей осталась одна только вѣчно-безсонная Іоновна. Іоновна съ таинственнымъ шопотомъ и бормотаньемъ про себя усадила въ лукошко чучелы пѣтуха и курицы, слѣпленные изъ хлѣба, клейстеру и прочей дряни, учителемъ Асафомъ, и купленные у него за пятакъ съ уступкою, собственно для Іоновны. Съ молитвою подсунула подъ нихъ старуха маленькія шпанскія яица своего пестро-всякаго раскрашиванія; даже вмѣсто подстилки очутился въ лукошкѣ ея праздничный нарядный платокъ. Все это собственно для того, чтобъ съ этимъ явиться къ своему Васѣ утромъ и окончательно развеселить его по праздничному, а въ бесѣдѣ съ нимъ, пожалуй, и увѣрить безтолковаго, что эти яички снесли ему деревянныя куры къ свѣтлому дню.

Вѣчно занятая заботой о своемъ Васѣ, Іоновна долго еще возилась около своего коробка, усаживая, высаживая и пересаживая все тѣхъ же деревянныхъ болвановъ и раздумывая, какъ бы приличнѣе ихъ усадить, и какъ бы ловчѣе представить ихъ внезапно обрадованному праздникомъ ребенку. Окончивъ хлопоты, она вышла взглянуть на черную ночь, и даже послушать, не ударили ли ужь и къ заутрени; но тотчасъ съ дрожью возвратилась на свою родину — печь, кряхтя, покашливая и бормоча: «ночь-то какая бѣдовая, Христосъ съ ней! точно свѣта преставленье... Я думаю, скоро и къ заутренькѣ ударятъ, вотъ и праздничокъ при...шъ ...шъ ...шъ.»

А между тѣмъ черная ночь все гуще и гуще ложилась надъ святою Русью! Старая Іоновна на много ошиблась въ часахъ, и потому ей еще очень долго пришлось почесываться да повертываться на горячихъ кирпичахъ. Не скоро дождалась Іоновна свѣтлаго праздничка, такъ долго и нетерпѣливо ожидаемой пасхи!...

ГЛАВА VII.

— Сынокъ, вставай!

Но мать остановила поднесенную надъ сыномъ руку, какъ-будто въ раздумьи: будить, или нѣтъ, ей своего любимца, который такъ крѣпко спитъ.

— Свѣтикъ мой, пасха!... выговорила надъ ухомъ ребенка старая Іоновна, и Вася быстро вскочилъ. Но тѣмъ пока и кончилось: онъ сѣлъ на кровати такимъ растрепой, какъ-будто ему сейчасъ только задавали таску. Продирая глаза и протирая ихъ кулакомъ, онъ еще не очнувшись спросилъ: «а что, развѣ пришла пасха?»

—Пришла, золотикъ мой, пришла—съ яичками.... взволнованнымъ голосомъ, перебивая родную, ворковала Іоновна: — да съ красненькими, добавляла она въ заключеніе. Родная между-тѣмъ говорила твердо: «Пришла, мой другъ, и пасха наша, — вставай теперь. Слышишь, вездѣ звонъ какой? — Это насъ зовутъ: пойдемъ къ заутрени».

— Къ заутрени?... Вася почесалъ въ затылкѣ, позѣвнулъ въ раздумьи и даже сѣлъ поперекъ кровати. Но тѣмъ опять и кончилось; онъ прищуристо посмотрѣлъ на маму, которая свѣтила ему огаркомъ, и опять таки позѣвая, повторилъ: «да тамъ дадутъ, что-ли, мнѣ яичко-то?»

— Дадутъ, свѣтикъ мой, безпремѣнно дадутъ..... перебивала дрожащимъ голосомъ Іоновна: — красненькое дадутъ, славное такое — съѣсть можно.

Родная въ этотъ разъ заговорила построже:

— Да-ну! одѣвайся, полно ломаться-то! вѣдь скучно стоять-то наконецъ передъ тобой; — дадутъ и яичко въ свое время, только сбирайся скорѣе!

— Ну ладно, пойду пожалуй, — давай нарядиться-то во что? И Вася свѣсилъ ужь съ кровати ноги.

— Нарядись-ко, золотикъ мой! на-ко, вотъ халатикъ-то твой... и старуха впопыхахъ растянула предъ Васей длиннополый старый кафтанъ, который приготовила сыну родная мама къ заутрени.

— Это не тотъ, баушка, — что ты какой?...

— Ахъ, какой ты скучной! заговорила уже нетерпѣливо

родная: — тебѣ говорятъ, вставай да умывайся скорѣе, — не продерешся совсѣмъ впередъ, такъ и придется стоять въ сѣняхъ. — Надѣвай!....

— Старый-то? ну какъ бы я не пошелъ въ староиъ на пасху! Чего тебѣ — всѣ наряжаются, а я въ старомъ ступай....

— Наряди ужь его, Семеновна, родимая, въ новенькой-то, — вишь какъ захотѣлось ребенку; знать, брюшкомъ ужь.... что ужь? — Праздничекъ свѣтлой же... умоляя, дребезжала Іоновна.

— Знаю я, матушка Іоновна; наряжу я его къ обѣдни, какъ должно быть; а у заутрени-то его воскомъ зальютъ: сертучокъ-отъ новенькой, ну и испакоститъ его за одинъ разъ — вотъ вѣдь что! — Надѣвай, сынокъ, этотъ....

— Надѣвай, свѣтикъ мой, надѣвай; мамынька-то сущую правду говоритъ. Дай-ко ручку-то правую, я всуну въ рукавокъ-отъ.

— Не пойду я въ старомъ на пасху! прикрикнулъ Вася на попечительницъ, и вырвалъ у Іоновны руку, которую старуха взяла-было такъ бережно, какъ самый нѣжный цвѣтокъ.

— Ну, оставь его дома, да запри, сказалъ строго отецъ.

«Эхъ»! подумалъ Вася: «опять попался».

Вася совсѣмъ не замѣтилъ съ просонокъ отца, который тутъ же сидѣлъ за тѣнью матери. Какъ можно скорѣе сталъ натягивать Вася штанишки, чулчишки и сапоги. И чтобы какъ-нибудь занять это сердитое дѣло, однимъ плескомъ умылся и на скорую руку мольнулся, прочитавъ только: «во имя», да «Господи помилуй тятю съ мамой», — не договорилъ даже: «Васю съ Ваней».

Впрочемъ сама мама, поторапливая Васю, сказала: «ну, говоритъ, въ церкви ужь домолишься, сынокъ; а теперь будетъ и этого; пойдемъ только скорѣе, чтобъ не опоздать». Вася вразъ всунулъ обѣ руки въ рукава, и застегиваясь уже на улицѣ, бодро пошелъ къ заутрени съ тятей и мамой, помахивая руками отъ веселаго расположенія духа.

А въ самомъ дѣлѣ весело было идти къ заутрени: вездѣ звонятъ во всѣ колокола, вездѣ плошки да свѣчи на окнахъ, — а въ дяденькиномъ окнѣ на-верху такъ растопыренъ даже и транспарантъ съ большими красными буквами «ижемъ» и «хѣромъ», подъ короной, да съ херувимами по угламъ; вдоль улицы такъ свѣтло, по обѣимъ сторонамъ играютъ огоньки. А Вася еще прищуриваетъ глазъ, и отъ плошекъ идутъ лучи, такіе прямые да

длинные, — очень хорошіе лучи. А надъ всѣмъ этимъ черныя небеса и мрачные переулки, а тутъ еще и яркій свѣтъ, перемѣшанный съ черными тѣнями. И вотъ на бѣломъ домѣ мелькаютъ уродливыя тѣни, да огромныя головы людей; а тутъ вдругъ высунется страшная рука; а тамъ черныя ноги идутъ, какъ бревны. Васѣ какъ будто страшно; за то весело и хорошо, даже дрожь пробѣгаетъ отъ легонькаго сюртучка и легонькаго морозца. Куда ни посмотри, вездѣ бѣжитъ народъ: торопливо стучатъ старички и старухи своими подожками, произнося удушливо: «Господи, Господи!» стучатъ каблуками мастеровые по тротуарамъ, произнося ясно: «соборной-то какъ реветъ, батюшка»; шаркаютъ новыми башмаками дѣвки въ новыхъ лакированныхъ кушакахъ, безсовѣстно шумя лубочными своими ситцами и растопыренными, какъ павлиные хвосты, юбками. Въ запуски бѣгутъ къ церкви Ванька-рыжій и Матюшка-разбойникъ, показывая на ожерелье изъ плошекъ около церковной главы.

— Лихо! закричалъ Ванька-рыжій на всю улицу отъ восторга.

— Ловко! заревѣлъ Матюшка-разбойникъ, поддерживая своего пріятеля. И оба закатились бѣжать.

— Пришла матушка!... пришла свѣтлая!... повторяла, крестясь, Іоновна, усиливая старушечью поступь за Васей.

— Слава тебѣ Господи, дождались праздничка Христова! выговорила ясно мама, поправляя на сынѣ воротничокъ.

— Ну—ну, братецъ, не заглядывайся! добавилъ строго тятя, посовывая слегка сына впередъ. И всѣ пошли скорѣе.

Въ это время вышли они на площадь, прямо противъ освѣщенной церкви.

И вотъ предстала она лучезарная въ своей сіяющей праздничной ризѣ. — «Доподлинно ужъ свѣтлый праздничекъ», — повторяла, крестясь, Іоновна: — «храмъ-отъ Господень какъ разукрашенъ, Господи! — Посмотри-ко, золотикъ мой, какъ горятъ окошки-то, — знатно таково»!...

Въ самомъ дѣлѣ, на паперти словно пожаръ былъ отъ огней: всѣ лѣстницы заставлены плошками, на колокольнѣ, туда—высоко, по самому карнизу тоже рядъ плошекъ, подъ колоколами фонари, на куполѣ церкви двойной рядъ бисерныхъ мелкихъ огоньковъ. Такъ что Вася, вывернувшись изъ-за угла и взглянувъ разомъ на всю горящую церковь, вывелъ свое собственное

заключеніе такое: «поди, я чай, тутъ плошекъ будетъ съ тысячу цѣлую»!... И сказавши это, оборотясь къ молящейся мамѣ, веселыми ногами пошелъ въ верхнюю церковь по лѣстницамъ, освѣщеннымъ тоже плошками.

Внутри церковь тоже была убрана разноцвѣтными стаканчиками, и сильно освѣщена свѣчами въ вычищенныхъ паникадилахъ и подсвѣчникахъ у иконъ. Бантики, которые пожертвовала на эти подсвѣчники добрая барыня Марья Александровна, красовались тутъ же предъ всѣми православными христіанами.

Народъ уже густѣлъ, и особенно тяжела была масса его около старосты церковнаго. Сотни рукъ протягивались со всѣхъ сторонъ съ грошами и копѣйками, прося передать оныя праздничку Христову; у многихъ зажжены были уже въ рукахъ свѣчи, и отъ холоду ярко освѣщали веселыя, сіяющія лица. Мама съ Іоновной побрели на лѣвую сторону церкви, уговариваясь встать въ уголокъ, чтобъ имъ не помѣшали молиться Богу. Васю отецъ отвелъ на клиросъ. Вася громко уже пѣлъ ирмосы пасхальные, которые слыхалъ часто отъ отца, самъ любилъ ихъ, и зналъ наизусть. Самъ тятя повелъ его въ алтарь отрекомендовать батюшкѣ благочинному, старому попу Степану Макарычу, и даже прибавилъ: «вотъ, отецъ святой, мой-то». — Батюшка, какъ и всѣ мы на пасху, былъ очень добръ, приласкалъ Васеньку, погладилъ по головѣ, похвалилъ за то, что онъ звонко поетъ, даже похристосовался и благословилъ его, а что всего важнѣе — далъ Васѣ золотое яицо. А тятя еще и прибавилъ въ похвалу сынка: «да онъ у меня, будьте покойны, что касается до того, чтобы спѣть что-нибудь, вѣдь ученый на этотъ счетъ: — онъ вѣдь ученикъ отца-то дьякона, онъ и на высокую ноту выдержитъ».

—Вотъ какъ! сказалъ отецъ благочинный, и хотѣлъ-было подивиться. Но дивиться талантамъ Васи было рѣшительно некогда: нужно было скорѣе перемѣнить ризу и выходить опять со крестомъ, евангеліемъ и богородицей христосоваться съ прихожанами.

Тятенька тронулъ Васю по плечу и сказалъ тихо: «ну пойдемъ, молодецъ, теперь ужь домой».

— Какъ? развѣ вся ужь заутреня-то? Отошла развѣ?

— Вся, мой другъ, отошла.

Вася еще посмотрѣлъ на утомленные и гаснувшіе отъ жару разноцвѣтные стаканчики, взглянулъ на нагорѣвшія свѣчи въ

висячемъ въ куполѣ паникадилѣ и подумалъ со вздохомъ: «въ самомъ дѣлѣ, значитъ, вся заутреня: шабашъ стало быть; идти ужь вѣрно домой, нечего здѣсь больше дѣлать».

При этомъ Вася запустилъ – было руку въ карманъ, чтобы пощупать, гдѣ тамъ засѣдаютъ два шпанскія маленькія яичка, приготовленныя для христосованія съ мамой и Іоновной; а яички въ тѣснотѣ сплюснулись въ блинъ. Вася сообщилъ отцу, что у него въ карманѣ сдѣлалась настоящая яишница, и пошелъ со вздохомъ за тятей домой, обтряхивая да облизывая пальцы, да поплевывая въ оставшіеся на улицѣ, кое-гдѣ пилькавшія плошки. Поплевываніе дѣлалось конечно такъ ловко, чтобъ не увидалъ отецъ; ну, а все-таки плюнуть въ плошку нужно было непремѣнно, потому что Васю забирала сильная охота посмотрѣть, какъ фыркнетъ сердитый огонь на его плевокъ. А шалилось еще конечно больше потому, что всѣ члены Васи прыгали и шалили сами отъ веселаго праздника.

На кого изъ насъ не производило глубокаго впечатлѣнія это могущественное, воскрешающее слово «пасха»? — Чтò же долженъ чувствовать ребенокъ, который семь недѣль ожидалъ ее съ томительнымъ нетерпѣніемъ дѣтскаго возраста, который свѣжимъ младенческимъ взглядомъ прослѣдилъ всю суматоху предпраздничныхъ дней, который наконецъ сердцемъ подслушивалъ всякій вздохъ ожиданія мамы и Іоновны, въ полночь пробужденъ былъ сіяющими ихъ праздничными лицами и, еще не очнувшись, слышалъ уже высокоторжественные звуки колоколовъ и видѣлъ уже яркое сіяніе праздничнаго свѣта? Что чуствовалъ Вася въ то мгновеніе, когда онъ былъ звонкимъ пѣвцомъ, восхваляющимъ свою милую пасху, и къ этому былъ еще отвсюду окруженъ веселыми лицами праздничныхъ людей? Чтò почувствовалъ ребенокъ, когда наконецъ самое слово «праздникъ»—такой очаровательный и милый звукъ для дѣтей — лежало у него въ сердцѣ, и самъ онъ сознавалъ, что пришло то время, когда можно не учиться цѣлую недѣлю, бѣгать и играть сколько душѣ угодно, ходить и гулять вездѣ и съ тятей, и съ мамой, и съ Іоновиой, и наконецъ, безъ брани за ученье, можно все высмотрѣть и распросить? Чтò послѣ всего этого могъ высказать на словахъ маленькій ребенокъ Вася? — Отвѣтъ коротокъ: все это такъ подѣйствовало на свѣжіе дѣтскіе нервы, что онъ, какъ будто захлебываясь праздничнымъ воздухомъ, дорогой же обращаясь къ отцу, сказалъ:

— Какая славная была заутреня!

— То-то и есть, а ты еще не хотѣлъ идти къ заутрени!

Вася на это ничего не отвѣтилъ. Вразъ ему сдѣлалось и стыдно, и жалко, и досадно, что онъ, по упрямству своему, не хотѣлъ идти къ такой веселой заутрени. Онъ даже подумалъ про себя: «а ей-Богу славно было у заутрени, еще бы выстоялъ такую-другую».

Но за этимъ непорочнымъ и милымъ желаніемъ и ребяческое малодушіе взяло-таки свое. Вася послѣ похвалы великой заутренѣ, тотчасъ обратился къ отцу съ скромнымъ вопросомъ такого рода:

— А что, теперь можно поѣсть? Пасха пришла вѣдь?

— Нѣтъ, мой другъ, ѣсть рано еше теперича—послѣ обѣдни ѣсть; а теперь ляжемъ-ко да уснемъ,—вотъ это дѣло другаго рода.

— Значитъ, еще не настоящая пришла пасха-то? прибавилъ Вася въ родѣ разсужденія съ отцомъ.

— Ну, тамъ настоящая, или не настоящая, это не твое дѣло—ложись да спи! говорятъ тебѣ,—выговорилъ твердо отецъ:—сонъ разгуляешь, послѣ не заснешь.

Вася тотчасъ по голосу родительскому услыхалъ, что его разсужденія не принимаются, тотчасъ началъ завертывать себя въ одѣяло, какъ будто отъ тятиной двухвостки, и кренделемъ уложилъ себя въ постель, пошоптывая про себя:

— Да, чего тебѣ, уснешь, какъ же! ѣсть—смерть какъ хочется. Что ужь это такое?молишься — кусочка не даютъ! — И затѣмъ онъ глубоко вздохнулъ.

Въ это время въ чуланчикъ пришла мама и за нею просунула голову Іоновна, ища глазами своего любимца и поглаживая въ рукѣ еще какое-то особенное, маленькое, шпанское яичко, которое она вымѣняла у сосѣдки — именно для Васи.

— Вы ужь пришли, а мы васъ тамъ-было посматривали.

— Да нечего тамъ долго глазѣть-то: отзвонилъ, да и съ колокольни долой; отошла, — ну я сейчасъ и вонъ. Отдохнешь хоть немного до обѣдни-то.

— Ну, а этотъ улегся ужь?

Мама съ любовію наложила руку на одѣяло, а Іоновна высунулась изъ-за плеча.

— Я ужь сплю, мамынька, — отворивъ одѣяльную западню, проговорилъ тоненько Вася.

— Ну, Христосъ съ тобой! — спи.

Старухи еще поговорили о томъ, кому идти къ обѣдни, а кому остаться дома—караулить свѣчи у образовъ да маленькаго Ваню: потому что баушка Сидориха караулила въ заутреню, и ее нужно было отпустить къ обѣдни. Сдѣлавши кое-какія замѣчанія о коркахъ куличей, да о неудачной выборкѣ сандала, за которымъ ходила знающая свое дѣло Іоновна, —рѣшили даже, что маленькую куличу Васи тоже непремѣнно слѣдуетъ отнести въ церковь.—«Пѣтая будетъ лучше для ребенка», замѣтила Іоновна. Затѣмъ старухи разбрелись.

— Мамынька, а мамынька! я что хочу сказать....

— Спи, говорятъ тебѣ! выговорилъ твердо тятя: — экой ты, братецъ, болтунъ, спать мнѣ не даешь.

И Вася послѣ того окончательно нахлобучился одѣяломъ съ головой, сдѣлалъ только окошечко, чтобы просунуть свою мордочку. И затѣмъ тотчасъ принялся сопѣть и представлять спящаго.

А между тѣмъ долго, долго видѣлись ему и разноцвѣтные стаканчики, и фольгою наряженная свѣча у священника, и новыя, безпрестанно мѣняющіяся, свѣтлыя ризы, и его собственное пѣніе, и рекомендація тятиньки, и похвала батюшки-священника, съ золотымъ яйцомъ, и свѣча предъ ликомъ каждаго молящагося христіанина, и отраженіе всѣхъ ихъ разомъ въ стеклянномъ шарѣ подъ паникадиломъ, и движеніе и волнованіе тяжелой народной массы, и священникъ тамъ далеко движущійся съ кадиломъ въ этой черной, громадной тучѣ народа, и его веселое смѣющееся лицо, и его торжественный выходъ съ крестомъ, на которомъ распятъ Тотъ, Кто теперь воскресъ, и торжественное подъятіе этого креста въ воздухъ, и звучное его слово: «Христосъ воскресе»; и затѣмъ этотъ дрожащій, пробѣгающій по церкви, какъ молнія, отвѣтный шопотъ: «Воистинну воскресъ!» и это торжественное рокотаніе народа, отдающееся во всѣхъ уголкахъ, и весело носящееся подъ сводами церковными, и радостно улетающее на небо отъ сонма всего христіанскаго міра! И наконецъ это страшное волнообразное движеніе ко кресту, — натискъ и давка, гдѣ кипитъ такая полная сила нашей народной свободо-торжествующей жизни. Все, все мерещилось Васѣ, все представлялось ему, что только было въ заутреню на первый день пасхи!

Васю точно также разбудили къ обѣдни, но ужъ безо всякихъ

условій надѣли на него новый сюртукъ, новыя брюки и сапоги, надъ которыми Іоновна трудилась цѣлую страшную пятницу, подмазывая ихъ жирцомъ да маслецомъ, чтобы смотрѣли по праздничному, — надѣли новую клѣтчатую фуражку съ кисточкой, даже новыя пеньковыя перчатки, пальцы которыхъ были похожи на дули. Такъ что когда Іоновна подвела его къ осколышку зеркала и предложила заглянуть, такъ Вася рѣшительно увидалъ, что это просто прелесть.

Отецъ завернулъ въ салфетку куличи (свой большой и Васинъ маленькій), яицы, сыръ, три свѣчи желтаго воску — и пошелъ съ Васей къ обѣдни. Вмѣсто мамы, поплелась за ними скорченная Іоновна.

«Вотъ она вѣрно настоящая-то пасычка гдѣ сидитъ!» подумалъ Вася, запуская глаза въ салфетку. «Какъ только приду отъ обѣдни, сейчасъ отхвачу себѣ половину: ѣсть до смерти хочется!» И за этимъ Вася даже облизнулся.

Всю обѣдню—какъ велѣно было, такъ и молился Вася—прилежно, часто, даже разъ бухнулъ въ землю,—безпрестанно допрашивая отца: «скоро ли это отойдетъ обѣдня? долго ли еще?» и даже временемъ прибавлялъ свое разсужденіе: «сегодня, кажется, долго ужь больно служатъ»?

Наконецъ и обѣдня кончилась, а отецъ только поглядываетъ во всѣ стороны, да стоитъ, вовсе не думаетъ о томъ, что Васѣ уже очень хочется ѣсть.

— Да что еще ждать намъ? Пойдемъ, что ли?—народъ вонъ ужь выходитъ! спросилъ голодный Вася.

— Какой ты, братъ, зуда; долго ждалъ—потерпи немного: вотъ намъ пасху отпоютъ.

«Это еще чтò такое?» подумалъ Вася, и рѣшился поджидать безъ вопросовъ, чтобы ужь окончательно увидать, какъ будутъ еще отпѣвать пасху.

Подождавши еще съ четверть часа и посмотрѣвши на народъ, движущійся изъ церкви и идущій ко кресту, какъ на приступъ; разсмотрѣвши наконецъ подробно, какъ петербургскій лядёнька, придерживая рукой новый торчащій во всѣ стороны галстукъ, пролѣзъ черезъ всѣхъ до креста, Вася увидалъ наконецъ, что изъ алтаря поспѣшно вышелъ Парамонычъ дьячекъ, въ такомъ же золотомъ платьѣ, какъ Васинъ учитель — отецъ-дьяконъ, только безъ ленты чрезъ плечо. Парамонычъ вынесъ въ рукахъ огромную чашку, а въ чашкѣ лежалъ большой ножикъ.

Парамонычъ отрѣзалъ наскоро у каждаго по куску куличи, сыру, яица — и все это ловко положилъ въ чашку.

— Это зачѣмъ же онъ этакъ дѣлаетъ? хотѣлъ-было спросить у тяти удивленный Вася.

Но и спросить было некогда, потому что въ это мгновеніе Парамонычъ протянулъ уже обѣ руки къ Васину куличику. Кулича Васи была такая маленькая, хорошенькая, разукрашенная необыкновенно искусно самой мамой и Іоновной, а отъ нее, какъ отъ другихъ, Парамонычъ отрѣзалъ тоже кусокъ, причемъ еще испортилъ всѣ бывшія на ней украшенія, такъ что отпали и веревочки изъ тѣста. Вася такъ и обмеръ.

— Экой... Господь съ нимъ! прошепталъ про себя Вася:—изломалъ всѣ мамынькины завиточки.

По окончаніи обряда отпѣванія куличей, отецъ съ сыномъ и пасхой, подъ громкій трезвонъ колоколовъ во всѣхъ церквахъ, весело шли домой. Улица ярко пестрѣла народомъ. Мимо нихъ пронеслась въ четвероместной своей каретѣ, на четвернѣ, Марья Александровна, съ петербургскимъ человѣкомъ на запяткахъ и съ московскимъ кучеромъ Ларіонычемъ на козлахъ; Микишка звончѣе праздничныхъ колоколовъ кричалъ: «пади!» Василій Иванычъ въ десятимѣстномъ тарантасѣ проѣхалъ за нею съ дѣтьми. Прокуроръ съ женой прокатилъ въ такомъ экипажѣ, которому до сихъ поръ нѣтъ имени. Всѣмъ имъ отвѣсилъ по низкому поклону Вася. Ванька-рыжій и Матюшка-разбойникъ разговѣлись уже и попались на встрѣчу: летѣли звонить на колокольню. Высунувшаяся изъ окошечка мама давно поджидала ихъ, какъ гостей, чтобы съ нею похристосоваться, разговѣться и отпраздновать пасху, какъ это заведено было ея отцами; даже столикъ покрыла мама самымъ лучшимъ столешникомъ.

Іоновна, какъ-то впередъ Васи приплетшаяся домой, уже выглядывала изъ калитки, съ веселіемъ истиннаго праздника, первая встрѣтила Васю у воротъ, и первая же подошла съ нимъ похристосоваться. Іоновна и тутъ не вытерпѣла: пожалѣла о томъ, что Вася не проснулся утромъ пораньше, — увидалъ бы, какъ весело солнышко играло на восходѣ. — «Солнышко-то божье, вишь, радуется, золотикъ мой, тому, что Христосъ-батюшко воскресъ». И за этимъ тотчасъ потащила Васю къ поставленному на столъ лукошку, въ которомъ сидѣли и поглядыва-

вали красными сургучными глазами черненькій пѣтушокъ и бѣленькая курочка.

— Ну, мать, теперь давай христосоваться, а ему разговляться; онъ и такъ долго ждалъ пасхи.

Отецъ перекрестился и разставилъ по столу узлы. А Вася вздохнулъ поглубже, чтобы ужь окончательно показать мамѣ, какъ онъ усталъ и какъ онъ долго ждалъ.

Веселая мамынька заговорила: «ну, сейчасъ, сейчасъ». Начала суетиться около узловъ, вывязала изъ одного пѣтые куличи, изъ другаго пасху и красныя яицы; сняла съ полочки отъ образовъ еще яицо отдѣльное, которое получила въ церкви, въ заутреню, отъ священника, разрѣзала его на три части, посыпала четверговой солью и стала христосоваться съ тятей и Васей.

Вася, по растолкованію старой Іоновны, долженъ былъ подойти сперва къ отцу и матери, и сказать имъ: «Христосъ воскресъ!», потомъ точно такъ же онъ долженъ былъ сходить и сказать то же Василью Иванычу, Марьѣ Александровнѣ, институтской барышнѣ, Илинькѣ, дяденькѣ питерскому, Асафу Миронычу, Аскалону Иванычу и всѣмъ, кого встрѣтитъ и увидитъ, ко всякому протянуть снизу вверхъ губы и со всякимъ поцаловаться непремѣнно трижды крестъ-на-крестъ, по старинному прекрасному обычаю христіанскому,— обычаю, столь же дорогому и завѣтному для мамы и Іоновны, какъ наша святая старина. Въ заключеніе она добавила, что самое цалованіе непремѣнно нужно начинать съ правой стороны, а не съ лѣвой, и что цалованіе безъ яицъ не такъ еще важно, какъ цалованіе съ яицами, и что яица непремѣнно нужно брать куриныя, и лучше всего—у кого есть—отъ курицы бѣлой.

— Такъ-то такъ, да вонъ-то какъ! что къ господамъ-то мы нейдемъ? А вѣдь похристосоваться съ ними нужно? Какъ ты объ этомъ думаешь, старая Іоновна?

— Ахъ! въ самомъ дѣлѣ, сыночекъ; хорошо, что вспомнилъ отецъ-отъ: ступай-ко, ступай, пока никого нѣтъ у нихъ. Вотъ было бѣда-то, а у меня и изъ ума вонъ вышли господа-то.

И затѣмъ всѣ трое — и тятя, и мама, и Іоновна — пустились изъяснять Васѣ, какъ вѣжливѣе нужно ему подойти къ господамъ и какъ поучтивѣе слѣдуетъ съ ними похристосоваться. А мама, несмотря на то, что это все было на пасху, даже потыка-

ла сынка пальцемъ въ голову, какъ свайкой, и провожая добавила: — «смотри же!»

— Да ты бы сама его отвела, добавилъ тятя:—а то, смотри, одинъ-отъ пойдетъ, чтобы не вышло еще чего нибудь....

Что могло выйти — это я разскажу впослѣдствіи; а теперь поведемъ нашъ скромный разсказъ о томъ, какъ маленькій Вася, по совѣту отца и матери, отправляется поздравить господъ своихъ съ праздникомъ.

Маленькій Вася хочетъ уже поумнѣе и поаккуратнѣе,—словомъ, по праздничному послушать и выполнить все, что говорили ему тятя съ мамой относительно поздравленія господъ, а главное — относительно христосованія съ ними. Но вотъ опять обстоятельство: тятя съ мамой какъ-то не сходятся на этомъ пунктѣ. Тятя, напримѣръ, поддерживаетъ сторону барина, и утверждаетъ, что баринъ любитъ, чтобы цаловались съ нимъ по-христіански, непремѣнно три раза; и даже сердится на тѣхъ, кто христосуется съ нимъ не трижды. Мама, напротивъ, поддерживаетъ сторону барынину, толкуетъ Васѣ свое, чтобъ онъ не лѣзъ къ господамъ съ своимъ рыломъ, а просто бы подошелъ къ ручкѣ: барыня, говоритъ, цаловаться терпѣть не можетъ, а барышня институтская и еще того хуже; слѣдовательно нечего выводить ихъ изъ терпѣнія для такого великаго дня. «Грѣхъ-то весь на тебѣ же, Вася, и будетъ, если ты ихъ разгнѣвишь». Поскромнѣе-то лучше будетъ, продолжала мама: «онѣ же похвалятъ тебя, какъ подойдешь тихонько къ ручкѣ, еще и скажутъ, пожалуй: «вотъ, дескать, какой умненькій мальчикъ». А съ рыву-то бросаться на нихъ не хорошо, хошь и на пасху, а все-таки помни, что тамъ не кухня, а гостиная; не на кулачки драться съ ними пришелъ, а знаешь, зачѣмъ.... осудятъ еще, да еще, пожалуй, и мимо пройдутъ, и не посмотрятъ на тебя, — вотъ оно и пошелъ, какъ несолоно хлебалъ, и стыдно тогда будетъ. А коли сами-то будутъ напрашиваться поцаловаться, такъ губки-то, смотри, оботри передъ этимъ. Понимаешь? А руки-то назадъ въ это время загни. Слышишь? Смотри, не полѣзь на нихъ съ обниманьями твоими—Боже тебя сохрани! Это вѣдь не мы съ Іоновной: они этого терпѣть не могутъ. Ну, подойдешь тихонечко, поскромнѣе къ ручкѣ, али тамъ въ щечку приложишься, да и отойди на цыпочкахъ къ сторонкѣ. Вотъ оно и хорошо выйдетъ! Да ты слушай, что я тебѣ говорю! Губы-то, смотри, держи покрѣпче, ротъ-отъ не разѣвай, да на барина-то съ

барыней смотри поприглядне́е, слышишь? изъ подлобья-то не косись, а то барыня-то и скажетъ: «вотъ, дескать, какой мужикъ пришелъ сюда, и въ гостиной-то барской стоять не умѣетъ». А держи-то себя какъ слѣдывать: руки-то внизъ опусти, къ носу-то не задирай ихъ, да не чешись, какъ мужланъ какой нибудь; смотри, умненькій будь. Ступай же, Христосъ съ тобой!»

Послѣ совѣта Вася отправился къ господамъ въ гостиную христосоваться. Путеводительницей его была конечно Іоновна, которая, по старости и болтовнѣ своей, также что-то позамѣшкалась и не ходила къ господамъ съ поздравленіемъ.

Барская гостиная на пасху — это предметъ, достойный описанія. Съ великаго четверга начинается въ ней возня: вытаскивается на дворъ мебель для рванья, называемаго выбиваніе пыли; цѣлые десятки лакеевъ слоняются взадъ и впередъ съ страшенными щетками для выметанія двухъ пауковъ-дураковъ, которые не нашли себѣ мѣста въ покойной избѣ. Безсовѣстный стукъ, возня и ломка идутъ на цѣлый домъ, и къ пятницѣ все это заканчивается тѣмъ, что изъ барской гостиной выметаютъ наконецъ къ празднику за годъ соръ. Затѣмъ появляются также цѣлые десятки бабъ, съ голыми ногами и заткнутыми хвостами, и домываютъ, по приказанію барынину, гостиную до того чисто, что она становится наконецъ какъ дорогая игрушечка. За то перебранки и огрызанья бабъ съ лакеями продолжаются вплоть до Христовой заутрени, пока поставленныя на карачки креслы и вверхъ ногами стулья не уставятся по-праздничному въ порядокъ. Дворецкій и камердинеръ до самаго удара къ заутрени понукиваютъ поломоекъ, и наконецъ въ гостиной къ празднику появляются полы, сверкающіе какъ зеркала, зеркала, сіяющія какъ окна, и наконецъ окна, свѣтлыя и прозрачныя какъ вода. Ловкій петербургскій человѣкъ предъ праздникомъ снимаетъ кисейную юбку съ серединной лампы и вывѣшиваетъ это бальное свѣтило предъ поздравляющими съ праздникомъ; трехъ-рожковые подсвѣчники,—съ распущенными розетками, издѣлія петербургскаго человѣка,—въ этотъ день сверкаютъ на столахъ своею позолотой и серебромъ. Великолѣпныя гардины, такъ тщательно глаженныя почти трое сутокъ, теперь пышно рисуются на окнахъ для дополненія праздничнаго вида. Картины, бронза, хрусталь и камень, все это, сверкающее ярче самаго праздника, — по прихотливому вкусу самой барыни-хозяйки—разметано, развѣшано и разставлено такъ, какъ не приду-

маетъ и самый изящнѣйшій въ пустякахъ французъ въ своемъ модномъ французскомъ магазинѣ. Но это все рѣшительно ничто въ сравненіи съ тою картиною, которую вы увидите на праздничномъ барскомъ столѣ. Столъ русскаго помѣщика на пасху— это ужь не откупщичья закуска. Нѣтъ, онъ не только въ состояніи подманить къ розговѣнью такого человѣка, который въ этотъ день пообѣдалъ по крайней мѣрѣ раза три, а прямо въ состояніи выдержать первенство надъ всѣми европейскими выставками всѣхъ обжорныхъ рядовъ. Попробуемъ взглянуть.

Первый и главный предметъ стола — это пасха русскаго помѣщика. Она ставится на самой срединѣ стола и такъ велика и душиста, что разноситъ свои заграничные ароматы корицы, мускатовъ и кардамоновъ даже во всѣ сосѣдніе закоулки. Двухъ-этажная кулича, искусно построенная булочникомъ-нѣмцемъ, на подобіе игрушечнаго павильона, съ портиками, колоннадами и гирляндами изъ тряпочныхъ цвѣтовъ, изображаетъ рѣшительно храмъ любви.... Около этихъ главныхъ предметовъ красуются еще на столѣ, какъ пополненіе къ щеголеватому городу, построенному изъ хлѣба, масла и творогу, еще и другія замысловатыя куличи и пасхи маленькія, передѣланныя нѣмецкими хлѣбниками и французскими поварами въ троянову колонну, въ обелискъ, въ пирамиду, въ минаретъ и въ такія наконецъ зданія новаго стиля, надъ которыми задумается и сломаетъ голову самъ новѣйшій архитекторъ. Тутъ вы встрѣтите и бабу, румяную, какъ красная дѣвка, и коровай, похожій на брюхана старосту деревенскаго, и торты, начиненные вареньемъ какъ граната, и пастеты, куда пошли и бѣдные маленькіе воробьи, конечно не на розговѣнье, а такъ, и великолѣпный черепокъ съ страсбургской гнилью, и сниренные рябчики, плавающіе въ маслѣ, какъ рыба въ водѣ, и индѣйка, возлелѣянная птичницей Ѳадѣевной, величиною съ лошадь. Тутъ же и скромный чухонскій, масленый баранъ, съ золотыми рогами и зеленою травой петрушкой во рту, съ ошейникомъ на шеѣ изъ розовой бумаги, и даже листкомъ золота вмѣсто билета на лбу, и рядомъ съ нимъ смѣющаяся клыками своими свиная голова, разряженная въ цвѣты, банты и кудри, словно въ чепчикъ, или головной уборъ самой барыни, даже съ билетомъ изъ золотой бумаги на лбу, на которомъ чуть-чуть не прописано, чья эта голова? Тутъ же и непремѣнная принадлежность всякой русской закуски: калбаса и сосиска нѣмецкая, а для разговѣнья

барина самого еще и сыры голландскіе и швейцарскіе и прочихъ сырныхъ и колбасныхъ европейскихъ земель. Тутъ же, не знаю, для чего такъ рано — встрѣтите вы и всевозможные разноцвѣтные графины и фляги, фляжки и бутылки съ винами французскими, нѣмецкими, испанскими и съ надписями на тѣхъ же языкахъ, для ознакомленія простаго русскаго человѣка съ правописаніемъ или литературами этихъ народовъ. И на этомъ же столѣ вы можете узнать не только вкусъ нашей русской вочной красавицы, а даже бишофа—съ переводомъ на русскій языкъ, и лякрима-христи — пожалуй, хотя безъ перевода. Вотъ какъ! Рядомъ съ саваринами и плумбоками, съ воздушными пирогами венеціанскими, савойскими, неаполитанскими и чортъ знаетъ каковскими, вы встрѣтите разламывающій блюдо своею пудовою тяжестію, жирный, какъ московская купчиха, окорокъ русскій; а тамъ опять, рядомъ съ самыми легкими шванскими вѣтрами, вы встрѣчаете такъ же легкій, какъ перо, и нѣжный, какъ пухъ, гастрономическій окорокъ вестфальскій. Оба съ бумажными кисточками, наподобіе бѣлыхъ султановъ и оба съ лентами, наподобіе чего? не знаю. А съ одного изъ нихъ, кажется съ вестфальскаго, содрана даже и шкура, и весь онъ утыканъ гвоздикой, какъ гвоздями каблукъ. И это все не просто конечно, а собственно для великолѣпія и убранства стола. Но и этого мало: надъ всѣмъ этимъ — и надъ свиными ногами, и надъ головой самой свиньи — красуется еще, посрединѣ стола, обжаренный цѣльный баранъ безъ головы, поставленный на четыре ноги, какъ слѣдуетъ всякому четвероногому..

Вотъ каковъ столъ помѣщичій на пасху! Впрочемъ, много еще, много достопримѣчательнаго можно бы увидать на русскомъ, праздничномъ барскомъ столѣ.

Самъ Василій Иванычъ, разговѣвшись какъ слѣдовало, сидитъ недвижно на диванѣ и получаетъ поздравленія и поклоненія отъ приходящихъ; онъ жалуется на то, что мало спалъ ночь. Марья Александровна, утомленная праздничной обѣдней, опрокинувшись въ пуховое свое кресло, тихо говоритъ съ подходящими и только протягиваетъ ручку на цалованіе. Институтская барышня, общипывающая все утро бантикъ, вмѣсто бабочки, тоже не цалуется ни съ кѣмъ, а только говоритъ подходящимъ къ ней: «воистинну воскресъ. Вотъ тебѣ яицо, а цаловаться я не могу». Анна Васильевна и Илинька-лѣнтяй, какъ главные

хлѣбодары и распорядителя яицъ, щедро раздаютъ ихъ каждому изъ приходящихъ.

Что въ особенности поразило Васю въ барской гостиной, такъ это страшные вороха яицъ, приготовленные на особенномъ столѣ, для раздачи въ первый день пасхи, и нищимъ, къ окну подходящимъ, и дворовымъ своимъ людямъ, послѣ христосованья. Много видѣлъ Вася яицъ на своемъ вѣку, но столько вразъ никогда и нигдѣ еще не видывалъ. «Это, пожалуй, и въ годъ не съѣешь», подумалъ онъ про себя и направился христосоваться прямо къ барынѣ. Барыня была такъ добра, что даже протянула ему руку и сказала: «воистину, Вася, воскресъ», и даже наконецъ добавила: «какой онъ франтъ былъ сегодня у обѣдни, съ воротничками даже!» При этомъ институтская барышня скорчила какую-то улыбку, въ родѣ жалкаго плача, и даже не утерпѣла, сказала что-то по-французски. За Васей подошла къ барынѣ Марѳа Семеновна. Марѳа Семеновна попросила у барыни съ поклономъ: пожаловать поцаловать ручку ея Ванькѣ. На что барыня отвѣтила: «ну, вотъ еще этому суслику ручку — онъ не смыслитъ еще ничего. Иля, дай, милый, и ему тоже яичко». Тѣмъ и кончилось представленіе маленькаго Ваня къ господамъ своимъ на пасху. И чтобы Ваня не лѣзъ болѣе и не тащилъ безсовѣстно, что попадетъ ему въ лапу, — мама тотчасъ оттащила его самого обратно въ избу. Зоркій же Вася между тѣмъ остался еще поглазѣть и подивиться кое-чему въ барской гостиной.

Съ удивленіемъ, напримѣръ, посмотрѣлъ Вася на бородатаго дворника Вавилу и кучера Ларивоныча, которые туда же пошли въ гостиную съ дегтярными своими сапогами, поклонились барынѣ низко и тоже, обтирая бороду ладонью, поцаловали у ней ручку, приговаривая шопотомъ: «Христосъ воскресъ, сударыня!» Еще болѣе удивился Вася, когда гужеѣдъ форейторъ Никишка и замасляный судомойка Тишка—поваренокъ младшій—и тѣ смѣло подошли христосоваться къ барышнѣ институтской, приговаривая: «позвольте, сударышня-барышня, хоть ручку-то поцаловать.» Наконецъ еще болѣе удивился онъ, когда вслѣдъ за этимъ и стряпка, и прачка, и скотница, и баушка Сидориха, которая во всю свою жизнь не подходила къ господамъ близко, и всѣ остальныя дворовыя бабы и ребятишки смѣло полѣзли въ гостиную и всѣ лѣзутъ наконецъ христосоваться съ господами. Всѣ съ какимъ-то особеннымъ праздничнымъ благого-

веніемъ, въ глубокой тишинѣ, подкрадываются къ дремавшему Василью Иванычу и къ ожидающей въ окно гостей барынѣ, всѣ толпятся около господъ своихъ, цалуютъ ручку барыни и на конецъ получивши отъ Илиньки-лѣнтяя по яицу или по два, кланяются низко, прося молодаго барина: дозволить имъ попаловать золотую ручоночку алмазнаго барчоночка. А сѣдые почтенные старики и преклонныя лѣтами старухи, въ родѣ Іоновны, тѣ кланялись до дверей. И затѣмъ еще-таки кланялись уходя, вовсе забывая, что они безпрестанно жалуются на спину.

Да, многому, можетъ быть, и еще пришлось-бы подивиться маленькому неразумному Васѣ въ гостиной, если бъ его не пронялъ наконецъ такой голодъ и нетерпѣніе, какіе приходятъ къ дѣтямъ только на пасху, какъ соблазнъ и искушеніе послѣ великаго поста. Хорошо еще, что соблазны эти, какъ и поздравленія, были очень рѣдки, а именно: Вася въ настоящій періодъ поздравлялъ господъ своихъ только на пасху да въ большіе праздники, которые тятя съ мамой называли годовыми, а Іоновна величала двунадесятыми. А если бы чаще! — бѣда. Вотъ и теперь онъ усталъ до изнеможенія, такъ что ему захотѣлось наконецъ страшно ѣсть. Анна Васильевна подала ему красное яичко, и Вася хотѣлъ ужь было отправиться разговляться, въ избу. Но вотъ опять бѣда! «Ахъ, ты Господи!»... думаетъ Вася: «и не уйдешь — этакъ, пожалуй, не разговѣешься до вечера? Смерть какъ ѣсть хочется»! — Въ самыхъ дверяхъ остановили его еще: карлица, да Степанида Ивановна Шустиха, поймали за новый сюртукъ, и тоже ласково говорятъ по праздничному: «а съ нами-то, Вася, похрастосоваться?» Но тутъ ужь Вася подумалъ: «ну, пожалуй, и съ вами похристосуемся: это ужь не долго, — ничего...» И затѣмъ онъ тотчасъ побѣжалъ въ избу разговляться вплотную, и немедленно пристроилъ себя къ чашкѣ съ красными яицами. — Мѣсто, какъ видите, чуть-ли не откупщичье!

Въ это время петербургскій человѣкъ, повертываясь какъ флюгеръ на высокихъ каблукахъ, пришелъ отъ воротъ въ людскую — себя показать и людей посмотрѣть. Не помятый и самой странной толкотней обѣдни, его голубой галстукъ и полосатая манишка, его сюртукъ съ красно-розово-желто-зелено-бѣлой подкладкой, его наконецъ широчайшія, съ раструбами величайшими, цвѣта парижскаго дождя или грязи, панталоны, — все такъ далеко отличалось отъ обыкновеннаго платья дворни, какъ небо

отъ земли. Одна возвороченная къ часамъ цѣпь, съ пристегнутыми къ ней брелоками, изображающими графинъ, окорокъ, рюмку, вилку, оленью голову и еще какія-то необходимости — была такое удивленіе для дворовыхъ ребятишекъ, что не успѣетъ еще петербургскій человѣкъ остановиться гдѣ нибудь для красованія, какъ смотришь: пьявки-мальчишки и носами, и глазами впились уже въ необыкновенную цѣпь. Петербургскій человѣкъ остановился въ избѣ передъ окномъ на улицу, и лѣвой рукой заворотилъ необыкновенную подкладку сюртука пониже поясницы, а правою началъ ковырять въ зубахъ на тощакъ, не ѣвши однако говядины почти съ шестой недѣли. Впрочемъ онъ ковырялъ не потому, чтобы что нибудь завязло; а такъ собственно для того, чтобы можно было плюнуть сквозь зубы по модѣ, да еще показать дворнѣ низанную бисеромъ, новую зубочистку съ зеленымъ шелковымъ хохолкомъ.

Петербургскій человѣкъ, постоявши минутъ пять, какъ въ рамкѣ, въ окнѣ на улицу, и полюбовавшись внутренно собою, отправился наконецъ въ чуланчикъ и какъ-то мимоходомъ спросилъ Васю: «а ты, братъ, лупишь ужь яички?»

— Да-съ, дяденька, луплю понемножечку, вывелъ праздничнымъ голоскомъ Вася, и, обтерши ладонью нарисованные желткомъ усы, пропустилъ въ это время бѣлокъ, — только гораздо уже свободнѣе, нежели вчера.

— А что, братецъ, послѣ поста-то, я думаю, ловко этакъ пропустить парочку, другую?

— Ничего-съ, дяденька, ловко.

И Вася проглотилъ еще ходчѣе и желтокъ.

— Впрочемъ, ты вѣдь еще вчера разговлялся?

— Это-съ неправда, дяденька, — вчера я не разговлялся: я вчера только одно яичко съѣлъ—попробовалъ только.

— А что, братецъ, не обработать-ли и мнѣ съ тобой парочку?

— Обработайте, дяденька, что же-съ — ничего. Маменька вонъ сколько ихъ наварила, сказалъ Вася съ весельемъ истинно-праздничнымъ, указывая на полную чашку, и открывъ еще крышку, подъ которой стоялъ полный яицами горшокъ.

Петербургскій человѣкъ заворотилъ обшлага у сюртука съ желтой подкладкой, — на которой съ любопытствомъ остановился Вася, — и изящно приготовилъ себя къ лупленію яицъ.

— Дяденька, а дяденька! заговорилъ тихо Вася, облупивъ пятое:—зачѣмъ это у господъ на столѣ въ гостиной поставленъ

масляный барашекъ? Славный какой: съ золотыми рожками, травка во рту, съ краснымъ ошейникомъ. Его всегда, что-ли, ставятъ на пасху-то?

— Всегда, братецъ. Этотъ барашекъ — Іисусъ Христосъ, отвѣтилъ тотчасъ дяденька.

Озадаченный этимъ необыкновеннымъ открытіемъ, Вася замолкъ и только, поглядывая въ шестое въ смятку, подумалъ про себя:

«Фу, ты, Господи! какой я дуракъ. Вѣдь вотъ ужь и новую-то барскую священную исторію всю почти проучилъ насквозь, а до сихъ поръ вотъ не знаю, что люди умные дѣлаютъ изъ масла вонъ что! вѣдь это ни на что непохоже. Ну, когда же я-то буду знать все эдакое нѣмецкое да петербургское, — такое, что знаетъ мой дяденька? Поди-ко я этакъ спроси вонъ у тятеньки: «что, дескать, это барашекъ-то значитъ»? А онъ просто и ляпнетъ: «это, дескать, просто масло»; а вонъ-оно что значитъ! Ступай-ко раскуси это простое масло».

Петербургскій человѣкъ между тѣмъ обработалъ парочку яичекъ, растопырилъ обѣ руки, какъ лучи, запустилъ ихъ въ полотенце, чрезвычайно долго теръ, и потомъ, вскочивши съ мѣста, ловко повернулся на асафовыхъ французскихъ каблукахъ и исчезъ опять на улицу.

Васю взяло однако сильное сомнѣніе, такъ что онъ хотѣлъ-было объ этомъ потолковать съ отцомъ и убѣдиться окончательно: правду ли говоритъ самъ-то питерскій дяденька о барашкѣ? Но Вася боялся однако спрашивать на пасху роднаго о чемъ-нибудь ученомъ. Вася зналъ ужь напередъ, что тятя сейчасъ вѣдь ужь и привяжется. А тамъ еще пожалуй упрется и на исторію, а тамъ ужь и пошла писать исторія: ты-дескать училъ самъ исторію, да справься съ исторіей, да давай исторію, да читай мнѣ исторію, да и выйдетъ изъ всего этого такая скучная исторія, не хуже какого-нибудь полугодичнаго училищнаго экзамена съ привязчивымъ смотрителемъ. Тятя ужь извѣстно какой человѣкъ: ему тамъ что̀ за дѣло, что такой большой праздникъ, изъ праздниковъ праздникъ, да еще первый день пасхи: онъ, пожалуй, еще за книгу, — вотъ тебѣ и барашекъ будетъ! и не захочешь впередъ спрашивать! «Нѣтъ, я ужь лучше послѣ спрошу про это когда-нибудь, — тамъ на Ѳоминой недѣлѣ».

И Вася послѣ того, одинокій, какъ отшельникъ, еще усерднѣе пристроился къ яицамъ и принялся лупить ихъ немилосердно.

— Ну-ко, братъ, Василій Павлычъ, чокнемся, что-ли? сказалъ весело подвернувшійся Аскалонъ Иванычъ и подвернулъ подъ самый носъ къ Васѣ свое яицо, которое держалъ въ горсти и какъ-будто на показъ выставилъ одинъ только носикъ его.

Вася попробовалъ объ зубы нѣсколько яицъ изъ горшка, выбралъ наконецъ самое крѣпкое, кокнулъ имъ въ яицо Аскалона Иваныча и, переконфуженный, прибавилъ: «ну, этакъ вамъ, пожалуй, всю чашку проиграешь: ваше-то вѣрно собачье?

— Да, есть, братъ, тотъ грѣшокъ маленько; пожалуй, что и такъ!

Аскалонъ Иванычъ взялъ выигранное яицо. Вася выбралъ было еще яица два, и тѣ кокнулъ, и тѣ проигралъ.

Послѣ того онъ махнулъ рукой и сказалъ рѣшительно: «будетъ съ васъ и этого»! И за этимъ опять приготовился было напуститься еще на яицы.

Но у насъ бываютъ дни, которые такъ аккуратно прописаны въ брюсовомъ календарѣ, дни, въ которые не только не сдѣлаешь ничего путнаго, даже десяточокъ яичекъ, и то не можетъ доѣсть человѣкъ удачно: помѣшаютъ да и только! Такой брюсовскій день нашелъ на Васю именно въ первый день пасхи. Только-было разохоченный Вася протянулъ опять лапу — входитъ самъ отецъ.

— А ты, братъ, ужь никакъ тово.... уписываешь?

— Нѣтъ еще, тятенька, не уписываю,—я только разговѣться хотѣлъ, я еще только....

— Знаю, братъ, я твое разговѣнье-то. Ну, валяй, валяй, ничего ужь.... — Мать, дай-ка намъ чайку — размочить вонъ Васѣ желточки.

— Ну, сейчасъ, сейчасъ.... заговорила торопливо веселая маменька.

И за этимъ тотчасъ зашипѣлъ аппетитный пузатикъ самоваръ, заплясали по столу чашки, показались субботкины сливки, въ которыхъ ложка торчала, какъ въ сметанѣ.

Изъ семьи дворецкаго Павла не были конечно выключены и Іоновна съ Анхимычемъ, и золото-серебряный кумапекъ петербургскій, и даже коровница Лепестинья съ мужемъ. Всѣ усѣлись около самовара, всѣ принялись фыркать и вытягивать изъ

блюдечекъ чай, молча и искусно уставляя ихъ на пятерню, чтобы донышкомъ не жгло человѣческую руку.

Вася, по разрѣшенію отца, принялся уже окончательно за яица, а противныя, которыя оставалвивались въ горлѣ, началъ проталкивать чаемъ, намазывая при этомъ творогъ на куличъ, соль на яйцо, масло на ветчину—какъ, видалъ, дѣлаетъ баринъ— и все это опять-таки заливалъ и запивалъ чаемъ.

Вотъ послѣ всего этого онъ уже окончательно почувствовалъ, по-своему, по-ребячьи, что наступила и настоящая пасха.

А наконецъ когда его отпустили бѣгать сколько хочетъ, играть какъ только можно-было выдумать, когда его сводили въ комедію, сводили подъ качели, сводили въ гости на вѣтрянку, сводили даже позвонить на колокольню, сводили вездѣ, куда только было можно; когда увидалъ онъ, что и самъ маленькій Ваня, для такого великаго праздника, всталъ съ своей четверни и смѣло пошелъ, по человѣчески, на двухъ ногахъ; когда увидалъ онъ на всѣхъ улицахъ снимание шапки и троекратное цалованіе при встрѣчѣ съ знакомыми; когда Вася увидалъ, что всѣ наряжены, всѣ веселы, кто изъ кучеровъ и солдатъ подкутилъ, а кто изъ мастеровыхъ, щеголеватыхъ портныхъ и просто такъ гуляетъ съ тросточкой, да подмаркиваетъ съ улыбкой передъ дѣвками, ходящими подъ ручку парой, или тройкой; когда удалось ему разика два-три такъ ловко подвернуть на чурбанѣ доску, что сама кисейная Полинька, со своими пунцовыми бархотками на рукахъ и со своими новыми подвѣсками, которыя ей подарилъ семиюродный братецъ, чуть-было не шлепнулась съ вертлявой качели носомъ прямо въ грязь; когда удалось Васѣ лихо обработать въ козны даже и самого учителя Асафа, и семь разъ на шашкахъ запереть заштатнаго учителя Аскалона Иваныча въ такое мѣсто, что надъ этимъ хохотали во все горло даже и Никишка форейтеръ съ Вавилой дворникомъ; когда Вася увидалъ даже и Іоновну, подъ качелями, съ самой праздничной улыбкой, — услыхалъ, какъ и она закричала ему издали весело: «ахъ, Васенька, золотой мой! и ты сюда пришелъ; поди-ко, поди, посмотри, мой родной, я проведу тебя: вонъ у моего у крестника, у Оськи, въ комедіи бѣсовщина-то какая! веселье такое, что просто поди-на»!—когда Вася наконецъ подмѣтилъ, что вездѣ гармоника да балалайка въ ходу, вездѣ пляшутъ, играютъ и поютъ такъ горласто, что заглушаютъ даже самый праздничный звонъ колоколовъ;

когда Вася увидалъ наконецъ, что нѣкоторые даже тыкаются и носомъ, и загибаютъ такое крѣпкое русское словцо, отъ котораго стыдливая на видъ горничная заворачиваетъ носъ покруче, нежели отъ нашатырнаго спирту, — тогда онъ окончательно убѣдился, что это была дѣйствительно настоящая пасха, то есть тотъ широкій русскій праздникъ, который семидневной свободой искупляетъ жизнь вѣчнаго труженика и семидневнымъ небеснымъ веселіемъ бодритъ жизнь бѣдняка, тотъ самый размашистый, отчаянный, разгульный, широкій праздникъ, о которомъ веселый малый подчасъ говоритъ такъ: «вѣдь я ее, матушку, годъ цѣлый ждалъ, — нечего тутъ меня упрашивать да умаливать: «полно да полно»! — полно будетъ въ Ѳоминъ понедѣльникъ, вотъ тогда пожалуй и полно, а теперь я знаю, что дѣлать: катай-валяй, да и только»!.... И веселый человѣкъ выпьетъ, пошумитъ, погуляетъ, подерется, помирится, ляжетъ, проспится, опохмѣлится, опять напьется — заворотитъ даже отъ горечи жизни и красное словцо барину своему, снова проспится, одумается, возьметъ закомуристое словцо свое назадъ, и снова опохмѣлится, и опять заворотитъ еще два барынѣ своей, и затѣмъ веселыми ногами сходитъ въ кутуску, какъ на именины, и возвратившись оттуда здравъ и невредимъ—опять опохмѣляется, напивается и еще-таки заворачиваетъ среди улицы три забористыя словца! — Вотъ такъ праздникъ, славный праздникъ!

Недаромъ же ты, пасха, стоишь во главѣ весны, и съ тебя начинается обновленіе природы, какъ будто новая жизнь русскаго человѣка. Недаромъ съ тобой все на Руси оживаетъ: и старъ, и младъ, и средній возрастъ. Старикъ покидаетъ свой теплый уголокъ на полатяхъ; онъ идетъ кочевать на завалинку — ковырять свой вѣчный лапоть и смотрѣть на вѣчную потасовку ребятишекъ изъ-за козновъ; старуха для тебя забываетъ свою любимицу-печку, и съ годовалой внукой идетъ на улицу посмотрѣть вѣчное катанье яицъ, и полюбоваться играми рѣзвой молодости, или поворчать да пожурить наше новое вѣтряное племя. Съ перваго дня красная дѣвка бросаетъ свой овчинный шубнякъ и напяливаетъ свой лѣтній кумачный сарафанъ; съ перваго дня удалой молодецъ, вмѣсто бараньей шапки и зипуна, надѣваетъ поярочную съ перомъ павлинымъ, да красную рубаху, съ мѣднымъ гребнемъ и кистями поясокъ; съ перваго дня, послѣ вѣчныхъ зимнихъ посидѣлокъ, прокопченные дымомъ сырой осиновой лучины, выйдутъ они, вымытые и разряженные въ са-

ногъ и коты, развернуть свой широкій хороводъ. Съ перваго дня заводится она—пѣсня русская, пѣсня звонкая, раскатистая, и пойдетъ она по Руси-матушкѣ, растечется во широку даль, отзовется переливами вездѣ, и застонетъ мать-сыра земля подъ весенней пляской молодца, и отгрянетъ гулъ до Троицы, отзовется и на Духовъ день, и замолкнетъ развѣ къ осени. И пойдетъ вотъ она — душа дѣвица, а за ней и разудалый добрый молодецъ, и возьметъ онъ ея руку бѣлую и пожметъ онъ руку у сердца; она взглянетъ огневымъ глазкомъ, словно мѣсяцъ изъ-за облачка, да потупитъ очи ясныя, какъ предъ исповѣдью матушки, и зардѣетъ щечка алая, словно утромъ заря-зоренька! Какъ пойдетъ она съ нимъ объ руку, въ звонкой цѣпи не оторвется; расплетется въ плетень съ дѣвками, да опять съ нимъ и очутится, и опять ужь идетъ объ руку, и опять взглянетъ на милаго, какъ рублемъ даритъ сердечнаго! Разыграется, расплашется она, распоется, расхохочется, разойдется съ нимъ съ улыбкою; побѣжитъ отъ него въ играхъ прочь, да такъ дастся изловить себя, что сердечушко токъ-токъ забьетъ! И хохочется звонкимъ голосомъ, и поется ей соловушкой: «Сладко, сладко жить съ милымъ дружкомъ, сладко выйти съ нимъ на улицу, еще слаще въ горѣлкахъ по веснѣ, еще слаще въ хороводѣ съ нимъ пройтись, возвращаться съ зарей утренней, поприжаться въ теннотѣ къ нему, и послушать рѣчи ласковой, рѣчи милаго-сердечнаго, отъ которой душа дѣвицы таетъ словно бѣлоярый воскъ, и горитъ предъ нимъ, какъ свѣчечка, все любовью горитъ солнечной!» Любо — сладко жить съ тобой, весна! Любъ ты сердцу, свѣтлый праздничекъ; отъ тебя всѣ бѣды дѣвушки, тѣ бѣды, что серцемъ вяжутся, что душою заплетаются, игрой-смѣхомъ перевиваются и любовью начинаются! тѣ бѣды, что подъ вѣнецъ ведутъ, и дарятъ намъ счастье-радости, родной матушкой крещенныя, самимъ батюшкой благословенныя. Эхъ! широкій русскій праздничекъ! вѣдь недаромъ въ поцалуѣ у тебя все любовью дышетъ братскою: погляжу-ли на любезнаго, обниму-ли мужа вѣрнаго, поцалую-ль брата милаго, поклонюсь-ли своему батюшкѣ, припаду-ли на грудь къ матушкѣ, приголублю-ль дочку-ласточку, приласкаю-ли кормильца-сынка, — все мнѣ слышится: «Христосъ воскресъ»! все мнѣ чуется: «Воистинну»!—все мнѣ вѣрится и плачется, и любить весь міръ такъ хочется: размахнулъ бы широко рукой, обнялся бы съ нимъ, какъ братъ съ сестрой!

И всѣ мы, всѣ: и Вася, и веселый человѣкъ, и добрый молодецъ съ красною-дѣвкой, и дѣдушка съ бабушкой, — всѣ мы чуемъ, что есть другая паска, которую ждетъ истинный христіанинъ, какъ утро яснаго солнышка, какъ птичка ждетъ утра, какъ цвѣтокъ жаждетъ животворной росы и луча свѣта; есть пасха, которую встрѣчаютъ люди со слезами радости, съ восторгомъ сердца, та пасха, съ которою душа стремится къ Богу, голосъ дрожитъ отъ полноты чувства, и сердце бьется въ груди, какъ родникъ живой воды; та пасха, съ наступленіемъ которой всѣ фибры настраиваются съ гимнами утрени, чтобы воспѣть воскреснаго; всѣ поры отверзаются къ воспріятію небеснаго веселія, и весь бренный составъ человѣка испаряется въ свѣтъ и духъ и, исчезая въ неприступномъ свѣтѣ Христа, сливается съ душою всего христіанскаго міра; та пасха, въ которую истинный христіанинъ глубоко чувствуетъ силу своего воскресенія и ясно сознаетъ свое нетлѣніе и вѣчность!

Но Васѣ еще глубоко нужно было окунуться въ бездну житейскаго моря, много поглотить горечи и несчастія, грузясь въ жизненныя пучины, чтобы сколько-нибудь почувствовать пасху духовнаго веселія, пасху искупленія и новой вѣчной жизни.

И вотъ онъ пошелъ дальше тропою житейскою. Прослѣдимъ же, мой снисходительный читатель, его полную счастія и несчастія жизнь.

Г. ПОТАНИНЪ.

ВЗГЛЯДЪ НА РУССКІЕ ГРАЖДАНСКІЕ ЗАКОНЫ.

«Мы одно любимъ, одного желаемъ: любимъ отечество; желаемъ ему благоденствія еще болѣе, нежели славы».

КАРАМЗИНЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

«Общество наше быстро шагаетъ впередъ; общественные вопросы всесторонно разрѣшаются; теперь время развитія и усовершенствованій!» Эти громкія фразы слышите вы на каждомъ шагу въ большомъ и маломъ свѣтѣ. Съ разными варіаціями лепечетъ ихъ, въ гостиной, маленькая барыня, съ аристократическими ножками и ручками, преисправно дающая келейнымъ образомъ пощочины своей горничной Матрёнкѣ или Пашкѣ. Эти фразы прохрипитъ и выгнанный изъ службы за взятки чиновникъ, послѣ третьяго пунша; и добродѣтельный помѣщикъ, вкусившій въ газетныхъ фельетонахъ филантропическія идеи, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ему.... Ему вторитъ уѣздный городничій, человѣколюбиво морящій голодомъ и холодомъ арестантовъ и дерущій съ живыхъ и мертвыхъ... Да, мы всѣ теперь прогрессисты, мы всѣ шагаемъ впередъ по-суворовски: вѣдь общественные вопросы всесторонно *затронуты*.... Жалкіе общественные вопросы! Мы только затрогиваемъ васъ: оттого-то такъ легко сдѣлалось создать изъ себя передоваго человѣка! Стоитъ только сдѣлать себѣ англійскій проборъ, вставить стеклушко въ глазъ, играть по полтиннику въ ералашъ, бранить съ-плеча полицію и акціонерныя общества, — и слава за вами упрочится,

— «Голова! либералъ!»

Отзовется о васъ превосходительная особа, глотая на вашемъ ужинѣ устрицу и бросая страстные взоры на замороженную бутылку шампанскаго. Этотъ превосходительный отзывъ бросаетъ васъ въ жаръ, голова ваша кружится, сердце бьется сильнѣе обыкновеннаго и вамъ невольно приходитъ мысль: «я — человѣкъ передовой!» Но простите меня великодушно, я уйму вашъ восторгъ, я разрушу ваше самообольщеніе; скажу вамъ откровенно, на-прямикъ, что ваши общественные вопросы только затронуты, а не разработаны: оттого-то нашъ прогрессъ, несмотря на всѣ ваши крики и вопли, стоитъ на точкѣ замерзанія. Но въ этомъ не вы, невинные либералы, виновны, а наши ученые авторитеты... Для того, чтобы двигать общество впередъ, нужно не только затрогивать его вопросы, а разработывать науку законовѣдѣнія; потребно уяснить интересы и нужды народа; привести все это въ систему и высказать свой крайній выводъ. И въ самомъ дѣлѣ: у насъ есть юристы, пишущіе о всѣхъ возможныхъ законодательствахъ и всевозможныхъ вопросахъ по исторіи начиная съ Рюриковскаго законодательства (котораго, по всей вѣроятности, и не было). Но того мало; при всей нашей учености и глубокомъ знаніи историческаго развитія нашего законодательства, мы не позаботились даже до настоящаго времени анализировать наши законодательные своды.

Мы рѣшительно не можемъ объяснить себѣ этого равнодушія нашего къ общему дѣлу, къ дѣлу святому, за которое ожидаетъ насъ, какъ награда, благословеніе и благополучіе народа.... Но я надежды не теряю; я уповаю, что настоящимъ моимъ немного рѣзкимъ, но правдивымъ и искреннимъ словомъ, я выведу нашихъ ученыхъ юристовъ изъ летаргіи.... Время уходитъ безвозвратно; а между тѣмъ сколько можно было прекраснаго создать въ послѣднія пять лѣтъ!... Мы должны трудиться: это нашъ священный долгъ; иначе мы по справедливости заслужимъ укоръ нашихъ современниковъ и осужденіе потомства. Неужели мы осуществимъ слова Лермонтова и не оставимъ послѣ себя «слѣда, ни мысли плодовитой, ни геніемъ начатаго труда?» Такъ было при Лермонтовѣ, когда всѣ наши общественныя силы дремали, когда мы коснѣли въ рутинѣ, когда мы, парализованные, не сознавали ранъ и язвъ своихъ.... Теперь другое время: мы увѣряемъ себя, будто мы полны энергіи и жизни! Если такъ, будемъ же серьёзно и добросовѣстно работать на открытомъ предъ нами пути; забудемъ нашу вражду; выскажемъ яснѣе наши убѣжденія: кто знаетъ? быть-можетъ и наше зерно когда нибудь взойдетъ и не будетъ безплодно.... Вѣруя не столько въ свои силы, какъ въ то, что я начинаю доброе дѣло, я приступаю къ систематической критикѣ нашихъ гражданскихъ законовъ.

По этой программѣ, разсматривая наши гражданскіе законы, я нашелъ въ нихъ много добрыхъ установленій; но, къ сожалѣнію, въ Сводъ Законовъ вошли многія устарѣлыя учрежденія; въ настоящее время, не принося никакой существенной пользы нашему отечеству и составляя мѣры временныя, они потеряли свое юридическое значеніе. Кромѣ этого, въ нашемъ гражданскомъ законодательствѣ многіе предметы неразъяснены и требуютъ дополненія и толкованій. Въ изложеніи моихъ мыслей по всѣмъ этимъ предметамъ буду строго придерживаться того порядка, въ какомъ изложены наши опредѣлительные (*) гражданскіе законы. Порядокъ этихъ законовъ въ Сводѣ научный. Зародышъ союза общественнаго возникаетъ въ бракѣ; отсюда являются взаимныя права и обязанности супруговъ. Отъ жизни брачной раждаются дѣти и проистекаетъ союзъ семейственный, съ его правами и обязанностями. Затѣмъ законы излагаютъ порядокъ опеки и попечительства— естественныхъ послѣдствій союза семейственнаго, когда одинъ или оба супруга умираютъ. Во всѣхъ этихъ постановленіяхъ законъ разсматривалъ человѣка въ его семействѣ, что составляетъ въ 1-й части Т. X, книгу первую. Во 2-й и 3-й книгѣ человѣкъ разсматривается закономъ въ обществѣ: самостоятельность человѣка и его гражданственность выражаются внѣ его семейныхъ отношеній въ свободномъ пользованіи и пріобрѣтеніи собственности; поэтому наше законодательство, непосредственно за изложеніемъ правилъ о союзѣ семейственномъ, въ двухъ послѣдующихъ затѣмъ книгахъ излагаетъ: порядокъ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на имущества вообще и въ особенныхъ случаяхъ. Пользуясь и пріобрѣтая собственность, человѣкъ приходитъ въ столкновеніе съ другими гражданами: отсюда возникаетъ необходимость обязательствъ и договоровъ, опредѣляющихъ взаимныя отношенія гражданъ между собою по ихъ имуществу; эти права и обязанности излагаются въ 4-й книгѣ Т. X. Такого естественнаго порядка буду и я придерживаться въ настоящемъ моемъ сочиненіи; поэтому я разсмотрю: 1) права и обязанности, вытекающія изъ союза семейственнаго; 2) порядокъ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на имущества и 3) обязательства и договоры.

(*) Гражданскіе законы раздѣляются: на опредѣлительные и охранительные; къ первымъ относятся правила, опредѣляющія взаимныя права и обязанности гражданъ; ко вторымъ относятся мѣры для охраненія правъ гражданъ. Гражданскіе охранительные законы были разсмотрѣны мною въ сочиненіи моемъ: «Взглядъ на русское судоустройство судопроизводство» (см. «Современникъ» за 1860 годъ).

ЧАСТЬ I.

О ПРАВАХЪ И ОБЯЗАННОСТЯХЪ, ВЫТЕКАЮЩИХЪ ИЗЪ СОЮЗА СЕМЕЙСТВЕННАГО.

ГЛАВА I.

О БРАКѢ.

Природа назначила человѣка не только къ отдѣльному, самобытному существованію, но и къ воспроизведенію подобныхъ себѣ существъ. Этотъ естественный законъ въ проявленіи своемъ, кромѣ матеріальной своей стороны, сопровождается еще внутренними чувствами и стремленіемъ человѣка — осчастливить ту особу, которую сердце его избрало предметомъ своей привязанности. Этотъ нравственный характеръ брака есть одно изъ важнѣйшихъ отличій человѣка отъ другихъ животныхъ; и чѣмъ образованнѣе и развитѣе человѣкъ, тѣмъ чище и возвышеннѣе его понятіе о бракѣ. Что можетъ быть выше цѣли брака: рождать, воспитывать и образовывать людей?

Высокая цѣль брака вызвала положительныя законодательства къ опредѣленію правъ и обязанностей, вытекающихъ изъ этого союза. Но тутъ законодательства начали впадать въ крайности. Нравственнаго чувства нельзя вселить ни положительнымъ закономъ, ни предписаніемъ поступить такъ или иначе; нравственное чувство или прирожденно человѣку, или пріобрѣтается имъ вслѣдствіе хорошихъ примѣровъ и воспитанія. Поэтому, чтобы бракъ не низходилъ съ его величественнаго пьедестала, нужно обратить тщательное вниманіе на воспитаніе юношей и дѣвицъ; строгость же гражданскаго закона влечетъ только озлобленіе, желаніе нарушить его, тайное и явное ему неповиновеніе. Развѣ законъ хлопочетъ только объ одной внѣшности? Мнѣ кажется, что въ бракѣ, какъ такомъ высокомъ таинствѣ, по силѣ котораго въ союзѣ мужа и жены изображается божественный союзъ Христа и церкви,—должно признавать преобладающимъ — нравственное начало; и если этой внутренней его силы нѣтъ, то и исчезаетъ самое понятіе о бракѣ. Поэтому законодательная власть относительно брака имѣетъ только полное право требовать: во-первыхъ, чтобы онъ правильно установлялся; во-вторыхъ, чтобы онъ имѣлъ нравственную и юридическую силу.

Къ первымъ установленіямъ въ нашемъ законодательствѣ относится — установленіе брака; ко вторымъ — порядокъ его расторженія и послѣдствія развода.

А] УСТАНОВЛЕНІЕ БРАКА.

Наши законы, признавая бракъ духовнымъ союзомъ и таинствомъ, имѣющимъ цѣлью взаимное вспомоществованіе супруговъ, рожденіе и воспитаніе дѣтей, — постановили слѣдующія правила и условія для этого союза: 1) непринужденность воли; 2) запрещеніе вступать въ бракъ въ извѣстныхъ степеняхъ родства; 3) запрещеніе иновѣрцамъ иностранцамъ вступать въ бракъ съ православными безъ высочайшаго разрѣшенія; 4) запрещеніе всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ, за исключеніемъ лютеранско-евангелическаго, вступать въ бракъ съ евреями, магометанами; 5) опредѣленный возрастъ для брачащихся; 6) условія для супруговъ, когда одинъ изъ нихъ еврей или магометанинъ, или язычникъ, а другой христіанинъ; 7) условія для военно-плѣнныхъ; 8) къ какой религіи должны принадлежать дѣти родителей разныхъ исповѣданій.

Всѣ эти узаконенія разсмотримъ въ отдѣльности и вникнемъ въ ихъ философскія основанія, для того, чтобы опредѣлить — въ какой степени они соотвѣтствуютъ наукѣ и нашей общественной жизни.

1) *Непринужденность воли* (*).

Непринужденность воли есть первое условіе нашего закона для брака: вотъ почему онъ признаетъ недѣйствительнымъ бракъ *по насилію*, или совершенный въ сумасшествіи одного изъ брачившихся (**). Но этотъ справедливый законъ собственною неясностью и другими узаконеніями такъ ограниченъ, что не вполнѣ достигаетъ благодѣтельной цѣли въ нашемъ обществѣ.

а) Слово насиліе — значитъ взять кого нибудь съ силою, повести въ церковь и обвѣнчать: такъ понимается на практикѣ этотъ законъ. Но вѣдь такъ не дѣлается въ жизни; родитель или опекунъ, для достиженія своихъ цѣлей, употребляетъ вовсе другія средства. Въ этихъ случаяхъ больше играетъ роль нравственная пытка, нежели насиліе; а нравственныя муки, какъ извѣстно, сильнѣе физическихъ. Невольно вспоминаешь при этомъ слѣдующую мысль одного изъ нашихъ лучшихъ русскихъ: «человѣчество», сказалъ онъ: «по

(*) Т. X, изд. 1857 г. Св. Зак., ст. 12.
(**) Тамъ же, ст. 37.

своему несовершеннолѣтію считаетъ только тѣ страданія великими, гдѣ видны синія пятна и кровь, гдѣ гремятъ цѣпи, какъ будто физическія страданія сильнѣе нравственныхъ!...»

Да, нравственная пытка во сто-кратъ сильнѣе физической.... Что можетъ, напримѣръ, сравниться съ ежеминутными укорами, попреками, сценами, униженіемъ, которыми нѣжный родитель или опекунъ обременяетъ беззащитную дѣвицу, для того, чтобы склонить ее къ немилому ей браку. И что остается въ подобномъ случаѣ дѣлать невинной жертвѣ, какъ не согласиться объявить въ церкви, что она охотно выходитъ замужъ!... Вѣдь «неволя пляшетъ, неволя скачетъ, неволя пѣсенки поетъ»; но въ подобныхъ пляскахъ и пѣсенкахъ слышится больше тоски, печали, нежели въ отчаянныхъ крикахъ, кривляньяхъ и слезахъ плакальщицъ. Бѣдныя женщины! чтобы оградить васъ отъ адскихъ мученій немилаго вамъ брака, законъ постановилъ, что онъ не долженъ быть *насильнымъ*, то есть, другими словами, чтобы васъ не привлекли въ церковь и чтобы вы произнесли тамъ свое — «согласна». И если эти условія выполнены, то значитъ вашъ бракъ состоялся по добровольному вашему согласію; а до вашихъ глазъ, которые изсякли отъ слезъ, до вашего обморока, съ которымъ сопровождается слово — «согласна», — никому дѣла нѣтъ: вѣдь это дѣвичьи причуды!...

б) Самъ законъ отдалъ дѣвицу совершенно во власть родителей и опекуновъ (*): онъ прямо запрещаетъ, безъ разрѣшенія опекуновъ и родителей, вѣнчать кого либо, при чемъ онъ не опредѣляетъ даже возраста, до котораго мы должны подчиняться этому постановленію.

Этотъ вопросъ разрѣшается только косвенно относительно опекуновъ: опека существуетъ только до совершеннолѣтія опекаемаго; само собою разумѣется, что съ уничтоженіемъ опеки уничтожается и самое подчиненіе даннаго лица опекуну. Но относительно родителей законъ не постановилъ никакихъ предѣловъ; безъ ихъ согласія дитя не можетъ вступить въ бракъ, хотя бы оно давно вышло изъ несовершеннолѣтія. Такимъ образомъ дѣвица ставится на всю жизнь у своихъ родителей въ самую тѣсную зависимость и, безъ ихъ позволенія, она не можетъ избрать себѣ мужа. «Но, возразите вы, такъ-какъ въ законѣ не выговорено, что послѣдствіемъ брака безъ согласія родителей бываетъ его расторженіе, то дѣвицы могутъ выходить замужъ противъ воли родителей?» На это отвѣчу:

(*) Т. X. кн. I, ст. 6.

1) что за похищеніе и увозъ дочерей (*) отъ родителей (**), для вступленія въ бракъ, виновные (***) подвергаются наказанію, въ 2118 статьѣ Уложенія о наказаніяхъ опредѣленному; 2) оставленіе родительской кровли дочерью влечетъ всегда за собою такой скандалъ, что имя ея навсегда покрывается пятномъ.

Эти двѣ причины, при необозначеніи закономъ, до какого возраста дѣти должны относительно брака подчиняться власти родительской, дѣлаютъ женщину, до ея замужества, совершенною рабою. Должно полагать, что женщина, хотя бы она была совершеннолѣтняя, подчинена совершенно власти родительской относительно брака; это доказывается исключеніемъ, сдѣланнымъ закономъ для губерній Черниговской и Полтавской (****), а именно: законъ для нихъ постановилъ, «что если отецъ или мать, имѣя въ своемъ опекунскомъ управленіи имѣніе, принадлежащее *совершеннолѣтней* дочери, будутъ препятствовать выходу ея въ замужество, то ей предоставляется объявить о томъ въ судѣ и, съ его разрѣшенія, вступить въ бракъ». По смыслу этого исключенія, общее правило должно имѣть тотъ смыслъ, что дѣвица на всю жизнь подчинена родителямъ и что она не вправѣ обратиться въ судъ, въ случаѣ запрещенія ей родителями выйти замужъ. Признавая исключеніе, существующее для малороссійскихъ губерній, раціональнымъ, мы находимъ его впрочемъ немного ограниченнымъ. Можно, кажется, было бы предоставить дѣвицѣ безусловное право — обращаться въ судъ, если родители препятствуютъ ей выйти замужъ; при этомъ нечего обращать вниманіе, совершеннолѣтняя ли она или малолѣтняя. Мы желаемъ этого безусловнаго права: потому что женщина во всякомъ возрастѣ можетъ подвергнуться деспотизму родительскому; потому что не всегда имущество дѣвицы есть поводъ къ этому деспотизму. Странно, почему Литовскій статутъ принялъ одно только имущество основаніемъ своего постановленія: какъ будто религіозный фанатизмъ и сословныя предразсудки, а иногда семейная вражда, не сильнѣе скупости и жадности къ богатству?

Положеніе же мужчины въ обществѣ совершенно другое: отъ власти родительской относительно брака онъ отдѣлывается тѣмъ, что въ законѣ не выговорено, что для вступленія имъ въ бракъ, кромѣ согласія начальства, требуется еще согласіе и родителей; по-

(*) Т. X, к. I. ст. 8.

(**) Замѣтьте, въ законѣ не выговорено: «и отъ опекуновъ». Въ законѣ также не выговорено: должны ли вдовы подчиняться относительно новаго брака своимъ родителямъ.

(***) Одинъ ли женихъ, или и невѣста?

(****) См. т. X, к. I, ст. 7. Законъ этотъ почерпнутъ изъ Литовскаго статута.

этому на практикѣ принято, что съ мужчины, когда онъ на службѣ, требуется согласіе его начальства (*), и такъ-какъ не постановлены никакія послѣдствія за обвѣнчаніе его безъ согласія родителей, то оно вовсе и не требуется, хотя бы вѣнчающійся былъ и внѣ службы. Такимъ образомъ, мужчина находитъ себѣ изворотъ во всемъ, даже въ законахъ о бракѣ, такъ что наши женщины вправѣ сказать, что «законы писались мужчинами; поэтому и вся тяжесть ихъ падаетъ на однихъ слабыхъ женщинъ». И въ самомъ дѣлѣ, законъ, не постановивъ никакихъ послѣдствій относительно тѣхъ мужчинъ, которые женятся безъ согласія начальства, или родителей, или опекуновъ, сдѣлалъ это согласіе одною пустою формальностью, между тѣмъ какъ этотъ же самый зaконъ поставилъ женщину въ тѣсную зависимость на всю жизнь. Это же самое сдѣлалъ законъ, требуя отъ крестьянъ, для вступленія ихъ въ бракъ, согласія помѣщиковъ (**). Такимъ образомъ я прихожу къ слѣдующему заключенію: во 1-хъ, что законъ долженъ опредѣлить возрастъ, до котораго человѣкъ долженъ подчиняться родителямъ или опекунамъ относительно брака; во 2-хъ, что бракъ долженъ быть признаваемъ недѣйствительнымъ, хотя бы не было насилія, а было бы доказано впослѣдствіи по суду, что мужчина или женщина были къ нему понуждаемы разными нравственными пытками, угрозами и тому подобными другими средствами, исключая развѣ тотъ случай, когда сами такіе супруги не захотѣли бы уже расходиться; въ 3-хъ, что дѣти имѣютъ полное право обратиться въ судъ, когда родители или опекуны препятствуютъ ихъ браку; въ 4-хъ, что дозволеніе начальства на бракъ, требуемое закономъ отъ служащихъ, можно бы отмѣнить; въ 5-хъ, что независимость крестьянъ въ отношеніи брака должна быть безусловная, какъ одно изъ важнѣйшихъ правъ человѣка.

2) Запрещеніе вступать лицамъ въ бракъ въ извѣстныхъ степеняхъ родства. (***).

Коренной нашъ законъ по предмету брака лицъ, находящихся въ родствѣ, есть тотъ, что этотъ вопросъ долженъ разрѣшаться по правиламъ той религіи, къ которой принадлежитъ данное лицо. Относительно же православныхъ прямо выговорено, что имъ запрещается вступать въ бракъ съ родственниками и свойственниками до четвертой степени включительно.

(*) Т. X. к. I. ст. 9 и 10
(**) Тамъ же, ст. 14.
(***) Т. X. ст. 23, 64, 37, пунктъ 2.

Основанія, по которымъ законъ нашъ запретилъ брачный союзъ въ близкихъ степеняхъ родства, всѣмъ извѣстны: они были на столько же медицинскими, на сколько религіозными. Дознано, что отъ кровосмѣшенія слабѣетъ развитіе человѣчества, потухаетъ чувство родственной любви и портятся добрые нравы. Эти основанія совершенно справедливы. Но близость родства имѣетъ гораздо тѣснѣе предѣлы, нежели это опредѣлено нашими законами. Само собою разумѣется, что я хочу изложить объ этомъ важномъ предметѣ свое *частное* мнѣніе, подвергая его общему обсужденію любящихъ истину и разсуждающихъ объ ней. Мнѣ кажется, что восходящіе и нисходящіе: братья и сестры, тетки, дяди и племянники, — вотъ близкіе родственники; въ нихъ можно-сказать одна кровь. Дальнѣйшее же родство состоитъ или изъ чистой отдѣльной крови, или въ смѣси съ другой самостоятельной. Такъ напримѣръ, какое отношеніе имѣютъ два родныхъ брата къ совершенно чуждымъ имъ двумъ роднымъ, а тѣмъ болѣе двоюроднымъ сестрамъ? Два родныхъ брата, женясь на двухъ родныхъ сестрахъ, составляютъ отдѣльныя поколѣнія, не принося обществу никакого ни нравственнаго, ни физическаго зла. Или можетъ быть такой случай: я влюбляюсь въ дѣвицу Марію, а ея братъ влюбленъ въ мою сестру Анну: какія нравственныя или естественныя причины могутъ быть помѣхою нашего брака? Я и сестра моя совершенно чужды дѣвицѣ Маріѣ и ея брату; почему же Марія не можетъ быть моею женою, а Анна — женою ея брата?

Совѣсть и убѣжденіе должны быть предоставлены совершенно доброй волѣ гражданъ, и законодательство не въ правѣ ставить ему какія бы то ни было насильственныя преграды къ свободному пользованію имъ естественными его правами. Какъ же мы можемъ, послѣ этого, насильно требовать, чтобы всѣ сограждане наши непремѣнно принадлежали къ той или другой церкви. Развѣ здѣсь рѣчь идетъ объ одной внѣшности?... Если кто нибудь въ своихъ вѣрованіяхъ отступаетъ отъ догматовъ данной церкви, то развѣ она можетъ такого отщепенца удержать насильно въ своемъ лонѣ? И какая польза отъ этого? Ни матеріальной, ни духовной. Мірскихъ выгодъ церковь не ищетъ, да ихъ и нѣтъ; а духовное можетъ ли существовать только въ одной внѣшности? Боже мой! да неужели люди во всѣ вѣка будутъ только хлопотать о внѣшности и формализмѣ? Не великодушнѣе ли было бы со стороны человѣчества предоставить каждому свободу убѣжденія религіознаго и гражданскаго? И къ чему ведетъ наше вмѣшательство въ то, какія религіозныя убѣжденія имѣетъ такой-то, или какой у него взглядъ

на бракъ, и считаетъ ли онъ его таинствомъ или простымъ гражданскимъ союзомъ?

Если кто нибудь не вѣритъ въ догматы данной религіи; если онъ не вѣритъ въ святость брака, то никакой положительный законъ не заставитъ его перемѣнить его образа мыслей.... Лицемѣрно будетъ онъ совершать извѣстные религіозные обряды и взглядъ свой внесетъ непремѣнно въ бракъ. А въ этомъ ли заключается цѣль религіи? Убѣжденіе должно быть свободно и непринужденно; кто не вѣритъ въ наши принципы, тотъ ступай совершенно свободно во всѣ четыре стороны. Такое положеніе, мнѣ кажется, болѣе можетъ укрѣпить общество; оно тогда сынамъ своимъ вправѣ говорить: «никто васъ не заставлялъ, не принуждалъ принять наши нравственныя начала, наши чувства и мысли». Духовная крѣпость и сила могутъ существовать только тамъ, гдѣ воля свободна: вотъ почему общество сектаторовъ такъ сильно, такъ упорно въ своихъ убѣжденіяхъ и вѣрованіяхъ; и каждый человѣкъ безъ твердыхъ убѣжденій и правилъ—призракъ личности, призракъ подобія божества. А вѣдь тамъ, гдѣ религія входитъ въ положительный законъ, за нарушеніе котораго слѣдуетъ строгое наказаніе, (*), тамъ труднѣе искать твердыхъ убѣжденій у человѣка; — онъ и не силится сознать истины и догмата. Вѣдь никакихъ послѣдствій нѣтъ отъ его познанія и сознанія; во всякомъ случаѣ онъ останется въ той религіи, въ которой родился, не обращая вниманія на то, вѣритъ ли онъ въ ея догматы, или нѣтъ. Оставаясь, такимъ образомъ, чуждъ предписаніямъ данной религіи, не сознавая разумности положительнаго закона, подобный гражданинъ можетъ быть и не станетъ чтить, какъ святой завѣтъ, законъ, запрещающій ему жениться въ такихъ степеняхъ родства, гдѣ онъ не видитъ никакой кровной связи. Поэтому, находя препятствія въ законѣ относительно женитьбы, онъ можетъ внести развратъ въ общество. Тайно или явно живутъ подобные люди съ своими родственницами, попирая ногами законъ, который долженъ быть священнымъ правиломъ для каждаго гражданина. Въ особенности это явленіе рѣзко бросается въ глаза въ небольшихъ сельскихъ обществахъ: здѣсь бòльшая часть обывателей находятся или въ родствѣ или свойствѣ, и такъ какъ законъ запрещаетъ имъ вступать въ бракъ и, при крѣпостномъ правѣ, выходъ невѣсты изъ другаго села затруднителенъ, то развратъ есть явленіе нерѣдкое въ подобномъ обществѣ. Поэтому ни въ гражданскомъ, ни религіозномъ отношеніяхъ законъ этотъ не можетъ принести поль-

---

(*) См. Улож. о наказаніяхъ изд. 1845 г. ст. 182—240.

зы; а онъ могъ бы, кажется, быть ограниченъ такъ: вступать въ бракъ не могутъ восходящіе родственники съ своими нисходящими; братья съ родными сестрами, а въ боковыхъ линіяхъ кровные дяди и кровныя тетки (*) съ племянниками и племянницами. Въ этихъ лицахъ и существуетъ только кровное родство, и законъ долженъ запретить кровосмѣшеніе. Остальныя же степени родства могли бы быть предоставлены религіознымъ убѣжденіямъ человѣка; вѣрующій въ ихъ значеніе — самъ откажется отъ своего права. Значитъ, святыня религіозныхъ установленій остается во всей неприкосновенности. Но ради святѣйшей изъ религій— Христовой надо помнить намъ, что ни въ одномъ изъ общественныхъ учрежденій такъ полно не проявляются страсти, какъ въ половомъ союзѣ, — а законъ страсти извѣстенъ: чѣмъ больше она имѣетъ препонъ, тѣмъ глубже она въ сердцѣ человѣка пускаетъ свои корни. Поэтому законодательство не должно играть ни съ сердцемъ, ни съ страстями общества, и по возможности должно избѣгать всѣ причины, разжигающія страсти.

Съ смягченіемъ закона о степеняхъ родства, потухло бы пристрастіе наше къ золовкамъ и кузинамъ: этотъ плодъ не былъ бы ужь запрещеннымъ, а перспектива брака охладила бы многихъ, и мы не покушались бы на растлѣніе своихъ родственницъ.

3) Запрещеніе иновѣрцамъ-иностранцамъ вступать въ бракъ съ православными безъ высочайшаго разрѣшенія (**).

Иновѣрцамъ-иностранцамъ разрѣшено вступать въ бракъ съ иновѣрцами-русскоподданными, а съ православными это имъ запрещается безъ высочайшаго разрѣшенія; развѣ они согласятся, вступая въ бракъ, или принять русское подданство, или православіе.

Законъ этотъ, мнѣ кажется, не вполнѣ удовлетворяетъ справедливости и международнымъ нашимъ отношеніямъ.

а) Если иностранныя государства не запрещаютъ своимъ подданнымъ вступать въ бракъ съ русскоподданными-православными, то и мы могли бы сдѣлать для нихъ то же самое.

б) Когда разрѣшено иновѣрцамъ русско-подданнымъ вступать

(*) Кровный дядя и кровная тетка суть: братья моей матери и моего отца; сестры моей матери и моего отца; слѣдовательно къ предлагаемому мною правилу не относятся: мужъ моей тетки и жена моего дяди.

(**) Т. X, к. 1, ст. 67.

въ бракъ съ православными, то значитъ законъ нисколько не боится, что православные женихъ или невѣста совратятся съ пути истины, потому что какъ иностранный иновѣрецъ можетъ имѣть вліяніе на жену,—также точно можетъ это сдѣлать и русскій иновѣрецъ. Слѣдовательно, законъ никакъ не имѣлъ здѣсь въ виду причинъ религіозныхъ: иначе запрещеніе это простиралось бы безразлично на всѣхъ иновѣрцевъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Политическихъ же причинъ въ этомъ законѣ не видно; если бы законъ не хотѣлъ сдѣлать русско-подданную иностранкой, то онъ простирался бы и на иновѣрцевъ русскихъ; мы же, напротивъ, находимъ, что иностранцамъ разрѣшено брачиться съ русскими иновѣрцами; кромѣ того православнымъ иностранцамъ разрѣшено брачиться съ православными (*).

в) Дозволеніе иностранцамъ испрашивать высочайшаго разрѣшенія на вступленіе въ бракъ, хотя и открываетъ имъ путь къ женитьбѣ на православныхъ, но 1) законъ не опредѣлилъ основаній, по которымъ можно прибѣгать къ этому разрѣшенію; 2) порядокъ этотъ очень сложенъ и не каждому доступенъ; 3) эти дѣла такъ ничтожны, что только обременяютъ верховную власть. Кого интересуетъ, что какой нибудь Адамъ Адамовичъ Думкопоръ возъимѣлъ страсть къ кухаркѣ своей Соломеѣ Онуфріевнѣ Маслобойкиной; или что какая нибудь сантиментальная вдовушка плѣнилась своимъ гувернеромъ Еженемъ Адоро и, загорѣвшись страстью, захотѣла свою неплатоническую любовь закончить законнымъ бракомъ? Боже мой! да мы наберемъ тысячу подобныхъ дѣлъ ежедневно, при настоящемъ сближеніи нашемъ съ Европою.

г) Принятіе подданства или православія иностранцами, для того, чтобы имъ былъ открытъ путь къ браку съ православными, — не всегда возможно: человѣку съ убѣжденіемъ не легко измѣнить своей религіи; принять же подданство Россіи, значитъ — попасть или въ сословіе купцовъ или мѣщанъ. Но для перваго нужно состояніе; а на второе не каждый польстится; извѣстно, что съ званіемъ мѣщанина у насъ сопряжено тѣлесное наказаніе и рекрутская повинность.

д) Въ заключеніе же я долженъ присовокупить, что въ законѣ не выговорено, что иностранка-иновѣрка не можетъ выйти замужъ за православнаго; поэтому мы считаемъ вопросъ этотъ только косвенно разрѣшающимся; въ законодательствѣ же такихъ пробѣловъ не должно быть, во избѣжаніе ложныхъ толкованій и злоупотребленій со стороны исполнителей закона.

(*) Т. X, к. I, ст. 1.

4) Запрещеніе всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ, за исключеніемъ Лютеранско-евангелическаго, вступать въ бракъ съ евреями и магометанами (*).

Ничто такъ не сближаетъ народы, какъ брачныя связи. Эту истину понимали всѣ великіе законодатели, начиная отъ Моисея (**). Китайцы понимаютъ, что брачныя отношенія съ европейцами нанесутъ рѣшительный ударъ ихъ неподвижности; вотъ почему они запретили эти отношенія своимъ согражданамъ. Но и мы не дозволяемъ всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ, за исключеніемъ лютеранско-евангелическаго, вступать въ бракъ съ евреями и магометанами. При этомъ мы не можемъ не возразить слѣдующее:

а) Господствующая религія у насъ — православная. Сообразно тому, католическое вѣроисповѣданіе и другія христіанскія секты не обращены у насъ въ положительный законъ; а между тѣмъ гражданское право вмѣшалось въ брачныя ихъ отношенія, или, другими словами: постановленія ихъ церквей обратило въ положительный законъ. Мнѣ не понятно также постановленіе, по которому евангелическо-лютеранскому исповѣданію разрѣшено брачиться съ евреями и магометанами, а запрещено брачиться съ язычниками. Скорѣе, мнѣ кажется, можетъ имѣть вліяніе на христіанина законъ Моисея и чувственная религія Магомета, нежели грубыя, нелѣпыя языческія секты.

б) Разрѣшеніе всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ брачиться съ иновѣрцами могло бы, кажется, принести пользу въ политическомъ же отношеніи: если наше правительство желаетъ слитія евреевъ и магометанъ съ русскими, то первый шагъ къ этому (кромѣ ихъ образованія и дарованія имъ полноправности) есть разрѣшеніе имъ вступать въ бракъ съ христіанами; и если правительство, по какимъ либо причинамъ, не можетъ это распространить на православныхъ, то разрѣшеніе могло бы, кажется, по крайней мѣрѣ, касаться другихъ исповѣданій.

в) Желаемое нами разрѣшеніе не противорѣчитъ, кажется, философскому основанію нашего закона: такъ мы находимъ у насъ постановленіе (***), что съ принятіемъ однимъ изъ супруговъ — магомета-

---

(*) Т. X, к. I, ст. 85—89.

(**) Моисей запретилъ евреямъ брачиться съ хананеянками, но не съ другими иностранками. См. Энцикл. Зак. Неволина, § 249.

(***) Т. X. К. 1. ст. 79.

виномъ или евреемъ—христіанства, бракъ его не расторгается и онъ можетъ оставаться въ супружествѣ съ иновѣрческою своею женою. Значитъ—законъ, во-первыхъ, не находитъ въ этой брачной связи ничего антихристіанскаго; онъ даже не требуетъ новаго вѣнчанія и глядитъ на бракъ этотъ какъ на таинство; во-вторыхъ, законъ не боится въ подобномъ случаѣ совращенія съ пути христіанина. Но, возразятъ мнѣ быть-можетъ: «законъ оградилъ въ подобномъ случаѣ христіанскаго супруга или жену тѣмъ, что съ иновѣрца или иновѣрки берется подписка — о несовращеніи съ религіи христіанскаго супруга...» Едва ли можно придать какую нибудь силу подобной подпискѣ, и она на практикѣ не имѣетъ значенія. Тѣмъ же, кто скажетъ, что законъ, единственно по милосердію своему, допускаетъ относительно новыхъ христіанъ отступленіе отъ своего общаго правила, — тѣмъ я возражу, что не отвергая въ этомъ случаѣ милосердія закона, я нахожу законъ къ тому вполнѣ основательнымъ: если супруги, проживши многіе годы, не могли имѣть другъ на друга религіознаго вліянія и одинъ изъ нихъ принялъ христіанство, то этого вліянія не можетъ быть ужь до конца ихъ жизни. Но допустимъ, что при бракѣ христіанина съ иновѣркою *можетъ* грозить первому опасность. Но что изъ этого слѣдуетъ? «*Быть можетъ*» не должно, мнѣ кажется, существовать въ законодательствѣ и служить его руководнымъ началомъ. Почему же, послѣ этого, изъ боязни о вліяніи одного изъ супруговъ на другаго, дѣлать неограниченнымъ запрещеніе — брачиться христіанамъ съ евреями и магометанами? Но можетъ ли быть универсальнымъ самое это вліяніе? — Вотъ вопросъ, подлежащій еще разрѣшенію. Мы думаемъ такъ: если христіанинъ возъимѣлъ желаніе сочетаться бракомъ съ иновѣркою, значитъ— онъ не обращаетъ ужь вниманія на ея религіозныя убѣжденія; онъ этимъ доказываетъ, что ему все равно — какихъ религіозныхъ убѣжденій его невѣста; при чемъ онъ сохраняетъ самостоятельность своего собственнаго взгляда на религію. Вникните въ жизнь и вы убѣдитесь въ справедливости моихъ словъ: много ли супруговъ католиковъ и другихъ вѣроисповѣданій обращаютъ своихъ иновѣрческихъ супругъ въ свою религію и обратно? На каждомъ шагу, даже въ одномъ и томъ исповѣданіи, вы найдете: мужа религіознымъ, жену—атеисткой, и обратно. Это явленіе ясно доказываетъ, что религіозное вліяніе супруговъ другъ на друга не можетъ быть универсальнымъ принципомъ; поэтому оно и не можетъ быть принято и философскою основою закона.

5) Для вступленія въ бракъ требуется опредѣленный возрастъ (*).

Условіе брака, по которому законъ требуетъ отъ данныхъ лицъ, для вступленія ихъ въ этотъ союзъ, опредѣленныхъ лѣтъ: для мужчины — 18, а для женщины — 16 лѣтъ, совершенно справедливо.

6) Условія, требуемыя для супруговъ, когда одинъ изъ нихъ еврей или магометанинъ или язычникъ, а другой христіанинъ.

А) «Лицо нехристіанскаго исповѣданія, по воспріятіи св. крещенія, можетъ пребывать въ единобрачномъ сожительствѣ съ некрещенною женою; бракъ ихъ остается въ своей силѣ и безъ утвержденія его вѣнчаніемъ по правиламъ *православной церкви* (**)».

Выше было говорено мною, что наше гражданское законодательсто обратило постановленія другихъ исповѣданій въ свой законъ относитетьно степеней родства; въ приведенномъ же мною законѣ уже говорится только о православной церкви. Какъ же понимать: слѣдуетъ ли вновь вѣнчать супруговъ, если одинъ изъ нихъ принялъ, положимъ, католицизмъ или другое исповѣданіе, или нѣтъ? Вы на это отвѣтите, быть можетъ, что вопросъ этотъ разрѣшается каждымъ исповѣданіемъ особо; если оно такъ, то можно бы и другія частныя ихъ постановленія не обращать въ общій законъ. Пусть каждое исповѣданіе считаетъ свои правила частными постановленіями, и исполненіе или неисполненіе ихъ пусть остается на совѣсти ихъ членовъ. Общее же правило должно носить въ себѣ признаки, подъ которые должны подходить всѣ исповѣданія.

Б. Далѣе нашъ законъ говоритъ (***): «если жена или одна изъ женъ магометанина или другаго лица нехристіанскаго исповѣданія приметъ св. крещеніе, то бракъ ея можетъ оставаться въ своей силѣ, безъ утвержденія онаго вѣнчаніемъ по правиламъ православной церкви (****); но тогда лишь, когда мужъ, остающійся въ своей вѣрѣ, дастъ обязательство: 1) имѣющихъ родиться отъ нихъ съ того времени дѣтей, которыя должны быть крещены въ православную вѣру, ни прельщеніями, ни угрозами, ниже другими какими либо способами не приводить въ свой законъ, и женѣ своей, за содержаніе православной вѣры, поношенія и укоризны не наносить; 2) со-

(*) Т. X. К. I. ст. 3, 4, 37, 63, 91.
(**) Т. X. изд. 1857. К. I. стр. 79.
(***) Тамъ же, ст. 80.
(****) Здѣсь снова не говорится о другихъ христіанскихъ исповѣданіхъ.

стоять съ принявшею св. крещеніе, во все время ея жизни или доколѣ продолжится бракъ ихъ, въ единобрачномъ сожительствѣ, откинувъ прочихъ женъ, если имѣетъ. Сверхъ того, должно быть извѣстно, *что принявшая св. крещеніе не была предъ тѣмъ отлучена* мужемъ своимъ отъ брачнаго съ нимъ сожительства. Въ противномъ случаѣ, т. е. когда мужъ не согласится дать вышеизложенныя обязательства, или откроется, что принявшая крещеніе была имъ отлучена отъ сожительства съ нимъ, бракъ ихъ расторгается, и женѣ дозволяется вступить въ новый съ лицомъ христіанскаго исповѣданія».

Законъ этотъ не вполнѣ ясенъ и представляетъ многія неудобства:

а) Онъ говоритъ, что бракъ лицъ, изъ которыхъ одно приняло христіанство, а другое осталось иновѣрческимъ—*можетъ* остаться въ своей силѣ. Но вопросъ: отъ воли кого это зависитъ? Отъ христіанина ли, или иновѣрца? Судя по слѣдующему затѣмъ постановленію, что съ оставшагося въ своей вѣрѣ супруга берется подписка въ томъ, что онъ не будетъ склонять ни дѣтей, ни жену къ оставленію христіанства, — должно полагать, что право это предоставлено мужу: такъ какъ при выполненіи иновѣрческимъ супругомъ условій, требуемыхъ отъ него закономъ,—бракъ его съ женою-христіанкою долженъ остаться въ своей силѣ. Намъ кажется, что право это должно быть обоюдно: обоимъ супругамъ должно бы быть предоставлено право изъявлять согласіе или несогласіе на продолженіе сожительства.

б) Выраженіе «отлучка отъ сожительства», употребленное закономъ, не ясно. Въ жизни можетъ быть тысячи причинъ и варіацій отлучки двухъ супруговъ; поэтому законодательство должно было опредѣлить, что̀ подразумѣвать подъ *отлучкой*.

в) Въ законѣ не разъяснено: какія власти должны разсматривать вопросъ о томъ, — долженъ ли остаться въ силѣ бракъ христіанскаго супруга съ иновѣрческимъ. Здѣсь, мнѣ кажется, нельзя предоставить всю власть однимъ христіанскимъ властямъ: во-первыхъ, нехристіанскій супругъ, въ подобномъ случаѣ, не можетъ положиться на безпристрастное рѣшеніе его дѣла; во-вторыхъ, чтобы рѣшить вопросъ о томъ, была ли въ дѣйствительности отлучка данной жены отъ сожительства съ ея мужемъ-магометаниномъ или евреемъ, — нужно, чтобы этотъ вопросъ былъ рѣшенъ единовѣрцами мужа, такъ какъ каждая религія имѣетъ по этимъ предметамъ свой взглядъ, свои постановленія; къ тому же законодательство должно опредѣлить самый срокъ *отлучки*, такъ какъ размолвка супруговъ

можетъ быть кратковременная; а отъ неясности закона могутъ происходить неправильныя толкованія и злоупотребленія.

г) На практикѣ у насъ принято, что христіанскія власти, по полученіи отъ обратившагося въ христіанство супруга прошенія о разрѣшеніи ему вступить въ новый бракъ, — немедленно разрѣшаютъ ему это вступленіе въ брачный союзъ, не испросивъ на то согласіе другаго супруга, оставшагося въ своей вѣрѣ. Мы находимъ въ этомъ нарушеніе общественныхъ началъ.

Такъ напримѣръ: еврей имѣетъ жену, съ которою онъ жилъ многіе годы и съ которой онъ прижилъ множество дѣтей; вдругъ ему вздумалось принять христіанство: бракъ его расторгается, всѣ отношенія его къ семейству прерываются и онъ вступаетъ въ новый бракъ. Это несправедливо. Законъ не позаботился въ этомъ случаѣ ни о женѣ, ни о дѣтяхъ новообращеннаго христіанина, и первый шагъ его въ христіанское общество запечатлѣнъ вопіющею несправедливостью.

д) Законъ не разъяснилъ въ точности: въ какой религіи должны быть воспитываемы дѣти двухъ супруговъ, изъ которыхъ одинъ принялъ христіанство; въ законѣ выговорено только относительно дѣтей, имѣющихся родиться послѣ крещенія одного изъ супруговъ, а именно, что они должны быть православными (*).

При разрѣшеніи вышеизложеннаго мною вопроса, должно принять во вниманіе нѣсколько случаевъ: 1) при принятіи однимъ изъ супруговъ христіанства, дѣти его могутъ быть малолѣтними. Здѣсь общее правило должно бы быть то, что дѣти должны слѣдовать религіи отца, такъ какъ общественное положеніе дѣтей зависитъ отъ него. Впрочемъ, предоставивъ это право отцу, законъ долженъ бы ему разрѣшить оставлять дѣтей и въ вѣрѣ ихъ матери. 2) Когда дѣти совершеннолѣтни, то родители не вправѣ вмѣшиваться въ ихъ религіозныя убѣжденія. 3) Что же касается до дѣтей, родившихся послѣ принятія однимъ изъ супруговъ крещенія, то и здѣсь могутъ быть два случая: а) зачатіе можетъ быть до принятія крещенія, и б) послѣ его принятія. Въ первомъ случаѣ, мы полагаемъ, что отецъ вправѣ требовать и желать, чтобы родившееся дитя было въ его религіи; въ противномъ случаѣ, онъ имѣетъ право отречься отъ него. Было бы несправедливо со стороны закона требовать, чтобы магометанинъ или еврей признали своимъ наслѣдникомъ христіанина, когда это противно ихъ религіи. Другое дѣло, если онъ добровольно остается въ сожительствѣ съ новообращенною въ христі-

---

(*) Ст. 80, Т. X. Здѣсь также говорится только о православныхъ.

анство женою: въ этомъ случаѣ ему извѣстно, что дѣти его, имѣющіяся родиться, должны быть христіанами; поэтому законъ ужъ имѣетъ полное право требовать, чтобы онъ призналъ ихъ законными.

В) «Если одинъ изъ супруговъ (*), принадлежащихъ къ іудейскому закону, обратится къ православію, а другой останется въ прежнемъ законѣ, но съ обратившимся жить пожелаетъ, то, оставивъ ихъ въ супружествѣ безъ расторженія, обязать подписками: *перваго* въ томъ, чтобы онъ тщательное имѣлъ попеченіе — о приведеніи другаго увѣщаніемъ къ воспріятію православной вѣры; а *сего* въ томъ, чтобы рождаемыхъ въ семъ бракѣ дѣтей, ни прельщеніями, ни угрозами, ниже другими какими либо способами не приводили въ законъ іудейскій, и обратившемуся въ православную вѣру супругу за содержаніе оной — поношенія и укоризны не наносилъ. Если же мужъ или жена, по обращеніи другаго супруга, жить въ прежнемъ брачномъ союзѣ не пожелаютъ, то бракъ расторгается и обратившемуся лицу разрѣшается вступить въ бракъ съ лицомъ православнымъ». Прежде мы изложили общій законъ; теперь же мы привели частный относительно евреевъ, чтобы показать несходство послѣдняго съ первымъ:

а) Въ общемъ законѣ прямо сказано, что мужъ имѣетъ право объявить свое согласіе или несогласіе на бракъ съ женою, обратившеюся въ христіанство; и въ частномъ законѣ это право предоставлено вообще тому изъ супруговъ, который остался въ своей прежней вѣрѣ.

б) Общій законъ не требуетъ, чтобы обратившійся въ христіанство мусульманинъ далъ подписку объ обращеніи въ христіанство оставшагося въ своей вѣрѣ супруга; этой же подписки требуетъ законъ относительно евреевъ. Почему такое исключеніе послѣднимъ?... Если законъ придаетъ этой подпискѣ силу формальнаго обязательства, то остающійся въ своей вѣрѣ супругъ, зная объ этой подпискѣ, или не пожелаетъ больше жить съ обратившимся лицомъ, имѣя въ виду, что оно формально обязалось обратить его въ христіанство, или же, оставаясь въ бракѣ, будетъ остерегаться — подпасть подъ вліяніе своего христіанскаго супруга. Такимъ образомъ то вліяніе, которое можно бы было предполагать въ супругахъ, законодательство своимъ постановленіемъ ослабляетъ, или совсѣмъ уничтожаетъ. Если же законъ не придаетъ подпискѣ такого значенія, то она обращается въ формальность, которая могла бы быть отмѣнена.

(*) Т. X, к. I, ст. 81.

в) Частный законъ подобно общему не пояснилъ : отъ кого должно зависѣть расторженіе брака лица іудейскаго закона, когда оно не пожелаетъ жить въ бракѣ съ лицомъ, обратившимся въ христіанство?

г) Въ частномъ законѣ точно такъ, какъ и въ общемъ, участь женъ и дѣтей не обезпечена, при обращеніи мужа въ христіанство.

Г) «Буде новокрещенный имѣлъ прежде нѣсколькихъ женъ, то, по воспріятіи св. крещенія, онъ долженъ выбрать изъ нихъ одну, съ коею жить пожелаетъ, преимущественно же обратившуюся равномѣрно къ христіанству, и тогда бракъ ихъ благословляется по церковному чиноположенію. Сіе же правило распространяется и на женъ, бывшихъ за нѣсколькими мужьями» (*).

Этотъ частный законъ относительно магометанъ несходенъ съ общимъ закономъ; послѣдній не требуетъ новаго вѣнчанія при обращеніи одного изъ супруговъ въ христіанство; а частный законъ ужь требуетъ этого условія.

Потомъ законъ продолжаетъ : «если ни одна (**) изъ женъ креститься не пожелаетъ и мужъ не изъявитъ согласія жить съ некрещеною, то ему дозволяется вступить въ новый бракъ съ православною. Бракъ остается въ своей силѣ и тогда, когда оба супруга перейдутъ въ христіанство, хотя бы оный былъ совершенъ въ степеняхъ родства, церковью возбраненныхъ».

Прочитавши этотъ законъ, дѣлаешь себѣ вопросъ: новообращенному супругу законъ совѣтуетъ преимущественно избрать изъ женъ своихъ ту, которая приняла христіанство; но дѣло въ томъ, что, по смыслу послѣдняго правила и общаго закона — что бракъ новообращенныхъ супруговъ считается законнымъ безъ особеннаго утвержденія его церковью, — слѣдуетъ и безъ выбора новообращеннаго христіанина признать бракъ его дѣйствительнымъ относительно той жены, которая приняла христіанство. Но тутъ встрѣчается еще одно обстоятельство: какъ поступать въ томъ случаѣ, когда вмѣстѣ съ мужемъ и всѣ его жены принимаютъ христіанство? Которой изъ нихъ законъ долженъ отдать предпочтеніе? Вопросъ этотъ по всей справедливости долженъ бы разрѣшиться слѣдующимъ образомъ: 1) первое преимущество должно быть отдано той женѣ, у которой есть дѣти отъ обратившагося въ христіанство супруга; 2) если же всѣ жены имѣютъ отъ него дѣтей, то отдать преимущество той, у которой ихъ больше; 3) относительно же дру-

(*) Т. X. к. I, ст. 82.
(**) Т. X. к. I, ст. 83 и 84.

гихъ женъ законъ долженъ бы постановить мѣры къ обезпеченію какъ ихъ, такъ и ихъ дѣтей.

Д) 86 ст. т. X, к. I мы находимъ, совмѣстно съ ея примѣчаніемъ, совершенно излишнею: въ этихъ постановленіяхъ находится разрѣшеніе военнымъ нижнимъ чинамъ и поселянамъ жениться на кавказскихъ жительницахъ, если они примутъ христіанство. Это само собою разумѣется изъ общаго закона.

Е) «Съ заграничными азіатцами (*), женившимися на россійскихъ подданныхъ евангелическаго исповѣданія, при выѣздѣ ихъ изъ Россіи въ свое отечество, жены ихъ и дѣти не должны быть отпускаемы».

Цѣль этого закона повидимому благодѣтельная: зная, что въ магометанскихъ государствахъ женщина унижена, не имѣетъ никакого общественнаго значенія и личности, законъ хотѣлъ ее оградить отъ этого; вслѣдствіе чего онъ и воспретилъ азіатцамъ вывозить изъ Россіи въ свое отечество своихъ женъ *евангелическо-лютеранскаго* исповѣданія. Но намъ кажется:

во-1-хъ) если въ этомъ заключается цѣль закона, то онъ долженъ бы относиться ко всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ, и не только русско-подданнымъ, но и къ иностранкамъ, вышедшимъ замужъ за мусульманъ, такъ какъ законъ нашъ дѣйствуетъ на нихъ, когда онѣ находятся въ Россіи;

во-2-хъ) законъ долженъ бы былъ выговорить въ подобномъ случаѣ, что мусульманскій супругъ не иначе можетъ отлучиться на свою родину, какъ прежде обезпечивъ жизнь своихъ дѣтей и своей жены.

Впрочемъ, вникая въ приведенный мною законъ, я нахожу его не вполнѣ справедливымъ:

а) Если жена хочетъ слѣдовать за мужемъ, зная, что ее ждетъ въ его отечествѣ, то законодательство могло бы не полагать ей препятствія въ томъ. Не легко разставаться съ человѣкомъ, съ которымъ ты прожилъ многіе годы и имѣешь съ нимъ дѣтей. Поэтому женѣ могла бы быть предоставлена полная свобода — слѣдовать или не слѣдовать за мужемъ.

б) Относительно дѣтей я также не вижу причины, почему законъ удерживаетъ ихъ въ Россіи. Если они совершеннолѣтни, то они вправѣ располагать собою по своему произволу, и всякое стѣсненіе этихъ правъ есть нарушеніе личности человѣка. Если же дѣти несовершеннолѣтни, то попеченіе объ нихъ есть первая забота и обязанность ихъ отца; и если законъ находитъ необходимымъ

(*) Ст. 88, т. X, к. I.

оставить ихъ въ Россіи, то эти обязанности должны перейти къ правительству, то есть, другими словами: или правительство обязано дать имъ воспитаніе, или же оно должно обязать ихъ отца, чтобы онъ обезпечилъ ихъ. Но послѣднее не дѣлается у насъ, и притомъ оно не всегда и возможно, потому что ихъ отецъ можетъ быть человѣкъ несостоятельный, прокармливающій свою семью собственнымъ трудомъ; вотъ почему я нахожу, что лучше всего было бы отпускать дѣтей съ ихъ отцами.

в) Наконецъ несправедливо же допустить, чтобы мусульманинъ, приживъ съ христіанскою своею женою дѣтей, могъ отдѣлаться отъ нихъ единственно подъ предлогомъ отъѣзда его въ свое отечество. При такомъ условіи можетъ найтись много охотниковъ, изъ мусульманъ, которые, по пріѣздѣ въ Россію, вовлекутъ въ бракъ христіанокъ, зная, что само правительство будетъ имъ способствовать къ тому, чтобы отдѣлаться имъ отъ женъ и прижитыхъ съ ними дѣтей. Наше законодательство относительно обезпеченія послѣднихъ только постановило: «что съ отъѣзжающаго за границу азіатца брать подписку въ томъ, что онъ въ теченіе двухъ лѣтъ вернется въ Россію». На этотъ же срокъ брать съ него обезпеченіе на содержаніе его жены. Но законъ не выговорилъ, что должно воспослѣдовать, если онъ этого обезпеченія не дастъ: долженъ ли онъ быть отпущенъ за границу или нѣтъ? Или послѣдствіемъ того, что отъѣзжающій мужъ не даетъ этого обезпеченія, — должно быть только немедленное разрѣшеніе остающейся его женѣ выйти вновь замужъ?

г) «Заграничные азіатцы (*), вступившіе въ бракъ съ россійскими подданными магометанскаго закона, подлежатъ, на случай ихъ отлучки тѣмъ же ограниченіямъ, какія установлены для нихъ при бракѣ съ женами христіанскаго закона,—но бухарцамъ не запрещается брать въ свое отечество женъ своихъ магометанскаго закона, если согласны на то отцы и матери послѣднихъ. Тоже право распространяется на турецкихъ и персидскихъ подданныхъ, изъ магометанъ, въ отношеніи къ Закавказскому краю; но если женившіеся на магометанкахъ заграничные магометане, при обратномъ выѣздѣ во свое отечество, пожелаютъ оставить свои семейства въ Россіи, то обязаны, на основаніи статьи 89, давать подписки «о возвращеніи къ женамъ, въ опредѣленный тою статьею срокъ и обезпечивать ихъ содержаніе».

Законъ о томъ, что мусульманинъ не можетъ вывезти въ свое отечество жену свою христіанку,—можетъ быть еще оправданъ тѣмъ,

(*) Т. X. к. I. стр. 66.

что мужъ мусульманинъ, по прiѣздѣ въ свое отечество, можетъ заставить жену свою принять магометанство; наконецъ законъ можетъ не желать униженiя христiанки за границею. Но этихъ причинъ не существуетъ, когда жена азiатца мусульманка; почему же не отпускать ее съ мужемъ за границу? Религiозныя ея понятiя совпадаютъ съ понятiями азiатокъ; поэтому за границею положенiе ея въ обществѣ нисколько не можетъ противорѣчить ея собственнымъ понятiямъ. Почему отдано премущество бухарцамъ, турецкимъ и персидскимъ мусульманамъ противъ другихъ? Почему также это преимущество простирается на закавказскихъ мусульманокъ? Намъ извѣстно, что всѣ мусульмане имѣютъ одинаковыя понятiя о женщинахъ; поэтому законъ могъ бы быть общимъ для всѣхъ ихъ. И если законъ находитъ вреднымъ и зломъ — отпускать за границу вообще мусульманокъ съ ихъ азiатскими мужьями, то могло бы не быть исключенiя и для Закавказскаго края. Мы находимъ также не вполнѣ справедливымъ постановленiе, что на увозъ азiатцемъ жены своей, онъ долженъ имѣть согласiе только ея отца и матери; намъ кажется, что здѣсь первое условiе должно быть — согласiе увозимой жены, о чемъ не говорится въ законѣ. Наконецъ мы должны присовокупить, во-первыхъ, что 96 ст. т. X, говоритъ только о томъ, что бухарцамъ, турецкимъ и персидскимъ мусульманамъ разрѣшено брать въ свое отечество женъ, но ничего не говорится объ ихъ дѣтяхъ; во-вторыхъ, предоставивъ бухарцамъ, персидскимъ и турецкимъ мусульманамъ право брать съ собою женъ за границу, законъ объявляетъ, что если бы они ихъ оставили въ Россiи, то брать съ нихъ подписки въ томъ, что они въ теченiе двухъ лѣтъ возвратятся въ Россiю. На этотъ же срокъ требовать отъ нихъ обезпеченiя содержанiя ихъ женъ. Мы полагаемъ, что если законъ къ означеннымъ лицамъ имѣетъ такое довѣрiе, что разрѣшаетъ увозить за границу своихъ женъ, то въ этомъ случаѣ для нихъ могъ бы существовать общiй законъ о безъизвѣстномъ отсутствiи. Цѣль закона, чтобы русскоподданныя-мусульманки не были вывезены за границу; поэтому вѣроятно и существуютъ всѣ означенныя мною ограниченiя. Но если законъ, разрѣшилъ этотъ вывозъ, и если мусульманинъ не хочетъ имъ воспользоваться, то законъ могъ бы ему въ этомъ случаѣ не предписывать такiя условiя, на которыя онъ не всегда можетъ согласиться и которыя могутъ заставить его вывезсти жену съ собою на родину, т. е. дѣйствовать въ противорѣчiе принципу нашего закона.

7) *О военно-плѣнныхъ.*

«При отпускѣ въ отечество военно-плѣнныхъ, вступившихъ въ бракъ, во время нахожденiя ихъ въ Россiи, съ россiйскими поддан-

ными *православнаго исповѣданія*, требуется отъ нихъ подписка въ томъ: намѣрены ли они возвратиться къ своимъ женамъ; и если отсутствіе ихъ продолжится болѣе двухъ лѣтъ, то жены получаютъ свободу на вступленіе въ новый бракъ» (*).

Съ иностранцевъ, которые женятся на православныхъ, требуемая этимъ закономъ подписка не берется, и они подлежатъ общему закону о безвѣстно-отсутствующихъ; почему же сдѣлано это исключеніе для военно-плѣнныхъ?.. Военно-плѣнные могутъ быть и православные, напримѣръ: греки, болгаре, сербы и т. д.; а для нихъ нѣтъ никакихъ ограниченій, по нашимъ общимъ законамъ (**), для вступленія въ бракъ съ русско-подданными. Почему же и на нихъ простирать законъ о военно-плѣнныхъ? Кромѣ этого, мы должны сказать:

1) Закономъ не разъяснено:—должна ли быть отпущена съ военно-плѣннымъ его православная жена.

2) Если законъ вообще полагаетъ отъѣздъ за границу иностранца вреднымъ для его жены — православной, то онъ не только относительно военно-плѣнныхъ, но и вообще для всѣхъ иностранцевъ могъ бы сдѣлать ограниченіе, обозначенное въ вышеприведенномъ мною законѣ.

3) Русско-подданная, выходя замужъ за иностранца, становится сама иностранкою; хотя это не выговорено въ нашемъ законѣ, но это само собою подразумѣвается, такъ-какъ мужъ сообщаетъ женѣ своей состояніе, къ которому она принадлежитъ. Поэтому законодательство могло бы не вмѣшиваться въ отношенія супруговъ-иностранцевъ. Намъ кажется, что при нарушеніи мужемъ-иностранцемъ своихъ обязанностей, то есть съ удаленіемъ его въ свое отечество и оставленіемъ жены своей на чужбинѣ, безъ помощи, супруга можетъ въ его отечествѣ чрезъ судъ возстановить свои права. Законодательства всѣхъ европейскихъ державъ признаютъ законными всѣ браки, совершенные ихъ подданными въ иностранныхъ государствахъ, хотя бы они были заключены на основаніи обычаевъ или законовъ той страны, гдѣ они совершились. Поэтому вмѣшательство нашихъ законовъ въ дѣла иностранцевъ оказывается, по нашему мнѣнію, излишнимъ — и мы находимъ, что для иностранцевъ долженъ только быть въ силѣ законъ о безвѣстно-отсутствующихъ.

4) Мы находимъ, что если законъ требуетъ непремѣнно участія правительства относительно брака военно-плѣнныхъ, то оно долж-

(*) Т. X, к. I. ст. 78.
(**) Т. X, к. I. ст. 1.

но ужь въ такомъ случаѣ позаботиться и объ обезпеченіи участи его жены и дѣтей, остающихся въ Россіи; вотъ почему военно-плѣнный не долженъ бы быть отпущенъ за границу иначе, какъ одно изъ двухъ: или взять съ собою жену и дѣтей, или же обезпечить ихъ жизнь.

8) Къ какой религіи должны принадлежать дѣти родителей разныхъ исповѣданій.

Относительно православныхъ, общее правило у насъ слѣдующее (*): во всей Россійской имперіи, кромѣ Финляндіи, если одинъ изъ супруговъ православный, а другой иновѣрческій, то дѣти принадлежатъ къ православной религіи. Относительно же супруговъ, принадлежащихъ къ двумъ другимъ исповѣданіямъ, нѣтъ въ нашемъ законѣ ни одного правила, и неопредѣлено, къ какому исповѣданію должны принадлежать ихъ дѣти. Въ Финляндіи же, въ бракахъ лицъ разныхъ исповѣданій, дѣти, раждающіяся въ этихъ бракахъ, должны быть воспитываемы въ той вѣрѣ, къ которой принадлежитъ отецъ, не допуская о семъ особыхъ договоровъ (**).

Изъ этихъ постановленій мы находимъ, впрочемъ только по отношенію къ правамъ самихъ супруговъ, раціональными именно правила, существующія въ Финляндіи: общественное положеніе даннаго лица (пока оно не достигло самостоятельности) опредѣляется положеніемъ его отца въ обществѣ; также его національность зависитъ отъ него же; поэтому справедливѣе всего, чтобы дѣти слѣдовали и религіи отца,—безъ запрещенія заключать какіе либо о семъ договоры. Справедливѣе бы было предоставить родителямъ полную волю воспитывать дѣтей въ той религіи, которую они найдутъ по своему крайнему разумѣнію лучшею; и если женихъ или невѣста захотятъ по этому предмету войти въ особенное соглашеніе, то законъ могъ бы имъ въ томъ не препятствовать. Впрочемъ, это нисколько не должно мѣшать существованію общаго правила, что дѣти должны слѣдовать религіи своего отца. Законъ этотъ могъ бы имѣть силу въ тѣхъ случаяхъ, когда между женихомъ и невѣстою не будетъ по этому предмету никакихъ особыхъ договоровъ. Неопредѣленіе же закономъ (какъ это мы находимъ у насъ, относительно иновѣрческихъ лицъ) отношеній дѣтей къ родителямъ своимъ—ведетъ за собою несогласіе и раздоръ семейный. Намъ кажется, что если наше законодательство нашло необходимымъ свое вмѣшательство въ другія брач-

(*) Т. X. К. I, ст. 67 и 69.

(**) Постановленіе это въ отношеніи лицъ, исповѣдывающихъ православную вѣру, распространяется на однихъ только коренныхъ жителей Финляндіи.

ныя отношенія иновѣрцевъ, то не было бы излишнимъ его вмѣшательство и по этимъ предметамъ.

Кромѣ того, по 67 статьѣ, Т. X, к. I., мы должны еще обратить вниманіе на слѣдующее:

1) Какъ скоро законодательство наше находитъ возможнымъ сдѣлать исключеніе для финляндцевъ, то значитъ, что не противно православію, когда дѣти православной жены слѣдуютъ религіи своего отца.

2) При существованіи закона, что дѣти одного изъ православныхъ супруговъ должны быть непремѣнно православными, лица другихъ исповѣданій неохотно женятся на русскихъ, чрезъ что уничтожается благодѣтельное для человѣчества сближеніе націй и религій.

3) Мы не сомнѣваемся въ томъ, что съ уничтоженіемъ означеннаго закона и введеніемъ правила, что дѣти должны слѣдовать религіи отца, православная церковь относительно ежегоднаго пріобрѣтенія христіанъ нисколько не потеряетъ, а напротивъ—выиграетъ. Это само собою вытекаетъ изъ того, что въ такомъ случаѣ будетъ больше браковъ православныхъ съ иновѣрцами; слѣдовательно будетъ и больше дѣтей.

4) Національность даннаго лица нисколько не зависитъ отъ его религіозныхъ убѣжденій; опыты послѣднихъ двухъ вѣковъ доказали, что прошли ужь невозвратно времена, когда политика и религія государствъ составляли два синонима. Въ настоящемъ вѣкѣ, когда національность стала на первомъ планѣ государственной жизни, потухли сами собою всѣ религіозные оттѣнки одного и того же народа: различіе религіозныхъ убѣжденій нисколько не препятствуетъ народу имѣть одну и ту же цѣль, заключающуюся въ національномъ единствѣ. Это-то единство и составляетъ теперь душу государства; поэтому я полагаю, что ст. 67, Т. X., к. I въ настоящемъ вѣкѣ потеряла ужь свое общественное значеніе. И въ самомъ дѣлѣ, полякъ женится на русской; дѣти, раждающіяся отъ нихъ,—православныя. Но вопросъ: сдѣлались ли они отъ этого русскими? То же самое и бываетъ съ лицами другихъ національностей: чрезъ приведенный мною законъ, они отъ своихъ отстаютъ, а къ русскимъ не пристаютъ. Но возразятъ мнѣ на это, что если этого слитія нѣтъ въ первомъ, то во второмъ или третьемъ колѣнѣ оно должно непремѣнно воспослѣдовать. Согласенъ съ этимъ; но дѣло въ томъ, что если полякъ, или нѣмецъ, или другой иностранецъ поселится въ Россіи и потомство его дойдетъ до третьяго колѣна, то Россія становится и безъ принятія имъ православія его родиной, за которую онъ готовъ будетъ отдать свою жизнь и свое достояніе. Это явленіе въ порядкѣ

вещей: гдѣ человѣкъ родился, гдѣ онъ воспитывался, гдѣ онъ сроднился съ обществомъ и его интересами, тамъ его отечество. Наши южные колонисты въ минувшую войну доказали справедливость моихъ словъ; считая Россію своимъ отечествомъ, они не щадили, ни состоянія, ни трудовъ, для того, чтобы способствовать нашимъ войскамъ въ передвиженіи, продовольствіи и квартированіи. А послѣ алминскаго дѣла, не боясь угрожавшаго имъ непріятеля, они явились по собственной охотѣ на поле битвы, подобрали на свои подводы всѣхъ раненыхъ и доставили ихъ въ Симферополь. Я думаю, что бо́льшихъ доказательствъ патріотизма нечего требовать и желать,—дай Богъ, чтобы всѣ подданные Россіи питали всегда такія чувства къ своей родинѣ (*).

Б) РАСТОРЖЕНІЕ БРАКА.

Расторженіе брака у православныхъ допускается въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда одинъ изъ супруговъ лишенъ всѣхъ правъ состоянія; 2) по безвѣстному отсутствію одного изъ супруговъ; 3) при прелюбодѣяніи одного изъ нихъ; 4) по неспособности къ брачной жизни мужа или жены (**).

Прежде нежели мы разсмотримъ эти основанія, долгомъ считаемъ обратить вниманіе нашихъ читателей на пренія по этому же самому предмету во Франціи, когда вводились въ Code Civil Наполеона I-го законы о бракѣ. Французское законодательство временъ первой имперіи—о бракѣ—потому интересно для насъ, что католицизмъ, подобно намъ, признаетъ бракъ за таинство. Поэтому разрѣшеніе наполеоновскимъ кодексомъ вопроса о разводѣ имѣетъ ближайшее отношеніе къ намъ. Это разрѣшеніе указываетъ намъ, въ какой степени и наше гражданское право можетъ участвовать въ этомъ дѣлѣ и что оно можетъ сдѣлать для общества.

Выводы изъ этихъ преній были: 1) разводъ принадлежитъ гражданскому, а не каноническому праву; 2) разводъ необходимъ для благополучія общества; 3) разводъ долженъ быть допущенъ по обоюдному добровольному согласію супруговъ.

Эти три основанія и мы разберемъ подробно, въ примѣненіи ихъ къ нашему обществу.

(*) Я не разсматриваю вопроса — о совершеніи брака, такъ-какъ это есть предметъ прямо религіи, что не входитъ въ мою программу. По тому же самому въ отношеніи къ самой религіи, я вовсе почти не разбиралъ и статьи 67 т. X и проч., о которой выше была рѣчь.

(**) Т. X, к. I. ст. 45—60.

1) Разводъ есть дѣло — гражданскаго или каноническаго права?

Когда иновѣрецъ принимаетъ православіе, а жена его остается иновѣрческою, то ихъ бракъ признается нашею церковью дѣйствительнымъ; то же самое бываетъ и тогда, когда жена иновѣрца принимаетъ христіанство, а мужъ остается въ своей вѣрѣ. Значитъ, православная церковь не сама учреждаетъ, а только признаетъ и утверждаетъ таинствомъ, что именно Богъ учредилъ бракъ и онъ Самъ сочетаваетъ супруговъ при ихъ взаимномъ и добровольномъ на то согласіи. Отсюда развиваются православною церковію всѣ права и обязанности супруговъ,—права и обязанности такія, которыя, опредѣляясь Божіимъ закономъ, держатся вмѣстѣ и на свободномъ обязательствѣ самихъ супруговъ. Въ существѣ дѣла, по тому же основанію, и законъ гражданскій, будучи во всякомъ случаѣ выраженіемъ общественнаго мнѣнія, или вытекая изъ народнаго духа, дѣлаетъ бракъ тоже положительнымъ закономъ, усвояя ему извѣстныя права и обязанности.

Подчиняя себѣ бракъ подъ условіемъ свободнаго обязательства супруговъ, религія при совершенномъ нарушеніи сего условія (невѣрностями) не настаиваетъ уже на неразрывность брака; законъ гражданскій тѣмъ скорѣе можетъ допускать этотъ разрывъ, когда требовали бы этого нравственность и общественное благо. При православіи нашей церкви нѣтъ и нужды намъ, какъ было нужно Наполеону, оспоривать бракъ у каноническаго права.

2) О причинахъ развода.

Наше законодательство допускаетъ расторженіе брака въ случаяхъ неспособности одного изъ супруговъ къ супружеской жизни, 2) прелюбодѣянія, 3) безвѣстнаго отсутствія; 4) политической смерти.

I. НЕСПОСОБНОСТЬ ОДНОГО ИЗЪ СУПРУГОВЪ.

Нашъ законъ совершенно справедливъ, когда допускаетъ въ подобномъ случаѣ разводъ. Но, къ величайшему сожалѣнію, онъ одностороненъ. Законъ понимается и принимается у насъ въ томъ смыслѣ, что расторженіе брака допускается только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ одинъ изъ супруговъ признается судомъ и медицинскимъ осмотромъ *совершенно неспособнымъ къ брачной жизни, чрезъ собственные недостатки*. Неспособность же вслѣдствіе тяжкихъ болѣзней и развратной жизни на практикѣ не принимается. Въ законѣ также ничего не

говорится о заразительныхъ и наслѣдственныхъ болѣзняхъ, какъ-то: чахоткѣ, черной болѣзни, колтунѣ и проч. Намъ кажется, что и эти причины суть важныя основанія, по которымъ одинъ изъ супруговъ можетъ требовать развода, такъ какъ наслѣдственныя и заразительныя болѣзни суть язва и бичъ человѣчества.

II. ПРЕЛЮБОДѢЯНІЕ.

Это основаніе, справедливое по своей сущности, требуетъ; по нашему каноническому и гражданскому праву, доказательства de visu, т. е. очевидныя, что̀ на практикѣ въ очень рѣдкихъ случаяхъ возможно. Даже собственное признаніе виновнаго супруга не принимается за доказательство: оно только должно служить, по выраженію закона, *печатью достовѣрности происшествія* (*). Поэтому бракоразводныя дѣла, основанныя на началѣ прелюбодѣянія, почти никогда не достигаютъ правильнаго исхода въ пользу обиженнаго супруга. Слѣдовательно, если законодательство допускаетъ ужь это начало, то оно должно бы изыскать и мѣры, чтобы оно имѣло практическую пользу.

Законодательство никакъ не можетъ опредѣлить, какія именно доказательства могутъ служить въ подтвержденіе факта прелюбодѣянія. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, могутъ быть тысячи разныхъ оттѣнковъ, и какъ бы ни были совершенны формы и свойство доказательства, но они не будутъ удовлетворять всѣмъ даннымъ случаямъ. При такой недостаточности и несовершенствѣ формы доказательствъ, законъ могъ бы прибѣгнуть къ общественному мнѣнію и совѣсти. Это дѣлаютъ всѣ европейскія законодательства въ уголовныхъ дѣлахъ, прибѣгая къ суду присяжныхъ; это же самое могло бы у насъ быть въ дѣлахъ о прелюбодѣяніи. Польза прибѣгать къ общественному мнѣнію еще потому важна въ дѣлахъ о развратной жизни кого либо изъ супруговъ, что, по большей части, прежде общество знаетъ о дурномъ поведеніи даннаго лица, нежели его супругъ. Тутъ авторитетъ общества былъ бы прямымъ выраженіемъ правды и справедливости.

Сверхъ этихъ двухъ основаній, также на основаніи справедли-

(*) См. Уставъ консисторій и Т. X. К. I. ст. 47. Въ послѣднемъ сказано: «собственное признаніе отвѣтчика въ нарушеніи святости брака прелюбодѣяніемъ не принимается въ уваженіе, если оно не согласуется съ обстоятельствами дѣла и не сопровождается обстоятельствами, несомнѣнно его подтверждающими.

вости, всѣ усовершенствованныя законодательства допускаютъ разводъ *добровольнаго согласія* (*).

Въ опроверженіе этого начала приводятъ слѣдующія основанія:

1) Что добровольное согласіе на расторженіе брака противорѣчитъ понятію религіи — о бракѣ; 2) что оно вредно для нравовъ.

Добровольное согласіе супруговъ на разводъ нисколько не противорѣчитъ нашей религіи: а) священство также таинство; между тѣмъ каноническое право допускаетъ, по добровольному согласію, священнику растригаться и снова вступить въ свѣтскую жизнь. Слѣдовательно, что̀ не противорѣчитъ одному таинству, не можетъ противорѣчить другому; б) наша религія глядитъ на бракъ какъ на союзъ духовный, какъ на союзъ, имѣющій образъ божественнаго союза Христа съ Церковью; но союзъ со Христомъ каждой частной Церкви и каждой души можетъ и поддерживаться и разрываться отъ свободнаго направленія воли послѣднихъ; слѣдовательно подобное должно имѣть мѣсто и въ союзѣ брака. Въ Евангеліи прямо указано, что неразрывность брака, въ случаѣ *«словесе любодѣйнаго»*, не имѣетъ уже мѣста (см. Матѳ. гл. V, ст. 32); но, по евангельскому же взгляду, вина *любодѣянія* бываетъ уже и при одномъ сердечномъ вожделѣніи (см. тамъ же, ст. 28), и значитъ,—тѣмъ болѣе при упорныхъ привязанностяхъ супруговъ къ чужимъ и отвращеніи къ собственной женѣ или мужу. Очевидно, что въ подобныхъ случаяхъ вовсе нельзя поставлять никакого другаго болѣе законнаго основанія къ согласному съ самымъ Евангеліемъ расторженію брачнаго союза, кромѣ добровольнаго соглашенія самихъ супруговъ; потому что только ихъ совѣсти и чувствамъ можетъ быть прямо извѣстна *внутренняя* упорная невѣрность кого либо изъ нихъ брачному союзу.

2) Второе основаніе: что будто-бы онъ противорѣчитъ добрымъ нравамъ — также едва ли вполнѣ правильно.

Чѣмъ труднѣе разводъ, чѣмъ болѣе препятствій противуставляютъ ему, тѣмъ больше поводовъ къ безнравственности въ супружеской жизни; женщина, въ подобномъ случаѣ, подъ ширмою мужа, можетъ безнаказанно предаваться своимъ страстямъ; многія изъ нихъ только и выходятъ замужъ, чтобы дать своимъ дѣтямъ имя. Поэтому въ такихъ обществахъ, гдѣ разводъ труденъ, мы видимъ, что супруги вынуждены расходиться. При разводѣ же они

(*) «Добровольное согласіе» — отвергается по нашимъ законамъ въ ст. 46 и 76, Т. X. К. I.; въ послѣдней статьѣ говорится, что это запрещеніе простирается даже и на тѣ исповѣданія, которыя считаютъ бракъ за союзъ гражданскій. *Авторъ.*

бы могли принести пользу обществу и не внесли бы въ него разврата, вслѣдствіе своей разлуки; они могли бы вновь вступить въ супружество и осчастливить тѣхъ особъ, съ которыми они бы соединились.

Въ тѣ блаженныя, добрыя старыя времена, когда, по словамъ «Домостроя», мужъ обязанъ былъ поколачивать свою жену, чтобы она знала, что онъ ея законный мужъ, — въ тѣ времена разводъ былъ излишней роскошью: женщины по развитію своему стояли на такой степени, что рабское повиновеніе мужу было нравомъ, обычаемъ, вошедшимъ въ ихъ плоть и кровь. Но въ такомъ обществѣ, какъ наше, гдѣ женщина получила почетное мѣсто, гдѣ она возвысилась на степень человѣка самостоятельнаго, въ такомъ обществѣ недопущеніе развода — можетъ привести даже къ злу. Невинная дѣвица, безъ опыта, знанія свѣта и людей, часто, единственно по желанію и требованію родителей и родственниковъ, выходитъ замужъ за человѣка, къ которому въ ней нѣтъ ни привязанности, ни уваженія. Спустя годъ, два, а иногда и менѣе того, по закону человѣческаго сердца, она должна кого нибудь полюбить; но бракъ заковалъ ее въ свои цѣпи, и ей остается одно изъ двухъ: или съ геройскимъ самоотверженіемъ умертвить свое сердце, заглушить его вопли и протесты, или же броситься въ объятія любимаго человѣка... Неужели религія, нравственность и законъ могутъ желать и доводить человѣка до такихъ ужасныхъ мукъ, до такой страшной его борьбы со своими страстями, въ которой по большей части женщины падаютъ... Не всѣ же могутъ быть героинями, не у всѣхъ же есть такая сила воли, которая можетъ одержать побѣду надъ всѣми силами сердца... Да и какія послѣдствія можетъ имѣть подобный бракъ? Есть ли въ немъ хотя тѣнь того, что̀ могло бы ему дать названіе таинства? Духовная и тѣлесная связь супруговъ рушилась; воспитаніе дѣтей идетъ безпорядочно; существа, которыя при разводѣ могли бы быть нравственными, впадаютъ въ порокъ и развратъ и, подъ вліяніемъ страсти, встрѣчая въ супружествѣ бездну, они рѣшаются даже на преступленія... Учрежденіе, влекущее за собою подобныя послѣдствія, едва ли вполнѣ религіозно и нравственно. Допущеніе развода, по мнѣнію нашему, есть гарантія нравственности супружеской, мѣра заставить обѣ стороны свято и ненарушимо исполнять свои обязанности. Природа человѣка такъ странно устроена, что онъ дорожитъ тѣмъ, что онъ легко можетъ потерять. Приглядитесь къ тѣмъ обществамъ, гдѣ разводъ допускается, и вы убѣдитесь въ справедливости моихъ словъ; не обращаю ужь ваши взоры на европейскія государства, а посмотрите на нашихъ евреевъ: — разводъ у нихъ допускается очень легко, а между тѣмъ мы не можемъ обвинить ихъ

въ развратѣ; напротивъ того, они даже отличаются своими семейными добродѣтелями. Неужели такъ легко разлучиться съ человѣкомъ, который былъ намъ нѣкогда дорогъ, съ которымъ есть у насъ дѣти? Кто близко знакомъ съ обществомъ и человѣческимъ сердцемъ, тотъ можетъ указать тысячи случаевъ, что мужчинами составляются партіи единственно ради дѣтей, которыхъ они прижили съ женщинами, далеко отстающими отъ нихъ и образованіемъ, и умомъ, и наконецъ общественнымъ положеніемъ. Человѣкъ больше склоненъ къ привязанности, нежели къ вѣтренности. Привычка—великое дѣло, и пословица нисколько не говоритъ преувеличенно, что привычка вторая натура. Повторяю снова, что по нашему мнѣнію, лучшая гарантія семейной нравственности есть разводъ: онъ служитъ, если можно такъ выразиться, охранителемъ супружескихъ обязанностей. Вступая въ бракъ, каждый будетъ угождать супругѣ; ни мужъ, ни жена не опустятся и будутъ другъ другу помогать. Тогда мужъ не скажетъ женѣ: «твое дѣло заниматься только хозяйствомъ и дѣтьми, а до общества тебѣ дѣла нѣтъ!» А жена не скажетъ обратно мужу: «ты одинъ долженъ трудиться, заботиться о семействѣ и его нуждахъ; а я по воспитанію своему должна ѣздить только по баламъ, спектаклямъ, гуляньямъ, имѣть кавалеровъ»... Обѣ стороны поймутъ тогда, въ чемъ ихъ обязанности; поймутъ, что бракъ не есть пустой обрядъ, по которому женщинѣ предоставляется право—жить какъ ей вздумается. Такое важное учрежденіе, какъ бракъ, въ которомъ лежатъ многія изъ важнѣйшихъ правъ и обязанностей человѣка, въ которомъ сосредоточивается большая часть его духовныхъ силъ, требуетъ законовъ кроткихъ, основанныхъ на любви и милосердіи. Вникните въ наше общество вы увидите, что браки у насъ установляются со страхомъ и трепетомъ: «что», думаетъ каждый:—«если я ошибаюсь, если я свяжу себя только безвыходно на всю свою жизнь?—я жертвую браку всѣми своими благами, счистьемъ, жизнію».

Повторяю снова, приглядитесь къ обществу и вы увидите, что многіе остаются на всю жизнь холостяками, единственно изъ боязни — связаться несчастливымъ и неудачнымъ бракомъ. Слѣдствія отъ этого неблагопріятны для общества: съ холостою жизнію вносятся въ него безнравственность и эгоизмъ. При возможности развода установлялось бы больше браковъ не по холодному расчету. Супруги перестали бы другъ на друга роптать, другъ-друга чернить; никто не вправѣ былъ бы извинять порокъ и развратъ безвыходностью своего положенія; въ обществѣ установились бы возможная гармонія и добрые нравы. Разводъ не нарушаетъ послѣднихъ: онъ напротивъ того покровительствуетъ имъ и составляетъ ихъ равновѣсіе; онъ не обращаетъ браковъ въ *неотразимую судьбу*, дѣлаю

щую часто жизнь человѣка преждевременнымъ, ничѣмъ не заслуженнымъ адомъ... Не каждый же мужчина можетъ возвыситься до Сократа и говорить подобно ему: «что послѣ грозы бываетъ всегда ливень», чѣмъ великій философъ оправдывалъ дѣйствія своей жены, послѣ громкихъ ея перебранокъ... И обратно: не каждая женщина можетъ сдѣлаться Шарлотою Штиглицъ.... Но при всемъ томъ, разводъ долженъ однако имѣть свои предѣлы, свои разумныя условія, предостереженія противъ неразумія и необузданности страстей; иначе послѣдствіемъ его можетъ быть утонченная полигамія и безнравственность. Такъ должно постановить, что разводъ долженъ быть съ согласія обѣихъ сторонъ и притомъ долженъ быть во всякомъ подобномъ случаѣ признаваемъ плодомъ и выраженіемъ нравственной невѣрности той или другой стороны брачному союзу. Въ послѣднемъ довольно заключается побужденій, а въ первомъ довольно же можетъ быть поводовъ — къ предотвращенію отъ безпорядковъ и вообще къ должному ограниченію добровольнаго согласія супруговъ на разводъ, — къ допущенію его только по истиннымъ и настоятельнымъ нравственнымъ нуждамъ. По моему мнѣнію, разводъ не можетъ имѣть больше никакихъ ограниченій. Требованія же нѣкоторыхъ юристовъ, чтобы разводящихся супруговъ подвергнуть предварительному испытанію, я нахожу неосновательными.

Къ чему ведетъ это испытаніе? Прежде нежели человѣкъ рѣшается на такой шагъ, — какъ разводъ, онъ обдумываетъ свой поступокъ. Если же кто нибудь дѣйствуетъ по увлеченію страсти, и послѣ развода если онъ раскаевается въ своемъ поступкѣ, то законъ можетъ не препятствовать ему вновь соединиться съ своею женою. Притомъ, съ установленіемъ *предварительнаго испытанія* супруги будутъ поставлены въ самое неестественное положеніе: законъ будетъ прямо покровительствовать ихъ разлукѣ. Нельзя быть увѣреннымъ, что оба супруга не внесутъ тогда въ общество разврата, — человѣкъ не камень!

Условіе развода, по нашему мнѣнію, есть то, что онъ долженъ быть по обоюдному согласію супруговъ: односторонность выраженія воли въ подобномъ случаѣ имѣла бы характеръ деспотическій. Но на это, быть можетъ, возразятъ мнѣ: что при несогласіи одного изъ супруговъ на разводъ, благая цѣль закона, соединенная съ постановленіемъ — *о добровольномъ согласіи*, рушится. На это возражу: если одинъ изъ супруговъ дурнаго поведенія и служитъ причиною требованія развода другимъ супругомъ, то сторона, желающая развода, можетъ заставить противника на согласіе по этому предмету угрозою: начать процессъ — о прелюбодѣяніи.

Если же причиною развода есть простое несогласіе характеровъ супруговъ, то одна изъ сторонъ будетъ имѣть полное право — согласиться или не согласиться на разводъ. Впрочемъ съ допущеніемъ при бракахъ контрактовъ, супруги могутъ выговаривать всѣ условія на случай развода, и такимъ образомъ всѣ недоразумѣнія закона сами рушатся.

Разводъ *по добровольному согласію*, при извѣстныхъ условіяхъ, допущенъ быть не можетъ. Напримѣръ: если женщина частыми родами разстроила на столько свое здоровье, что ей не представляется больше возможности вступить въ новый бракъ; или когда она перешла критическій возрастъ; или когда у нея съ мужемъ прижито *нѣсколько* (*) дѣтей, которыя живы, — во всѣхъ этихъ случаяхъ законъ не можетъ допустить развода по добровольному согласію. На это быть-можетъ возразятъ, что закону нечего вмѣшиваться въ это дѣло, такъ-какъ жена обезпечена тѣмъ, что она можетъ согласиться или не согласиться на разводъ. На это отвѣчу: мужъ, угрозами, истязаніемъ и другими насильственными моральными и физическими мѣрами можетъ принуждать ее на это согласіе. Но,—возразите вы,—это же самое можетъ-быть во всѣхъ данныхъ случаяхъ; поэтому разводъ по добровольному согласію вовсе не долженъ быть допущенъ. Съ тѣмъ, что истязаніе можетъ во всѣхъ данныхъ случаяхъ побудить одного изъ супруговъ дать согласіе на разводъ, — я вполнѣ согласенъ. Но я придерживаюсь того правила, что если какое нибудь постановленіе заключаетъ въ себѣ больше суммы добра, нежели зла, то оно должно быть принято обществомъ — совершенства нѣтъ на землѣ. Я уже выше показалъ всѣ достоинства развода по добровольному согласію; эти достоинства такъ важны, что приведенный мною недостатокъ его — ничто въ сравненіи съ ними. Женщина молодая, не истощенная супружескою жизнію, не связанная съ мужемъ дѣтьми, находясь во цвѣтѣ лѣтъ, если и подвергнется неудобствамъ этого закона, то ей можетъ предстоять перспектива новаго брака; притомъ же она можетъ обезпечить будущность свою брачнымъ контрактомъ. Другое дѣло — женщина, имѣвшая нѣсколько дѣтей съ мужемъ, или потерявшая здоровье въ брачной жизни, или перешедшая тотъ возрастъ, когда можно вступить въ новый бракъ, — такая женщина достойна защиты закона, достойна того, чтобы законъ не далъ мужу противъ нея оружіе и поводъ къ ея истязанію. Да и какъ вы въ этихъ дѣлахъ рѣшите вопросъ относительно дѣтей при разводѣ? Кому

(*) Опредѣленіе числа этихъ дѣтей есть дѣло положительнаго законодательства.

отдать ихъ, на кого возложить обязанность ихъ воспитанія и образованія? И достоинъ ли мужъ снисхожденія закона, когда онъ рѣшается, по капризу, прогнать отъ себя жену, съ которой онъ прожилъ многіе годы, которая выстрадала своихъ дѣтей, которая за одни свои материнскія муки достойна того, чтобы ея мужъ оказывалъ ей — если не любовь, то по крайней мѣрѣ уваженіе и почтеніе.

III. БЕЗВѢСТНОЕ ОТСУТСТВІЕ (*).

Кромѣ этихъ общихъ послѣдствій, которыми требуется пополнить наши законы о бракѣ, слѣдуетъ разсмотрѣть законы — о разводѣ по безвѣстному отсутствію одного изъ супруговъ. Пятилѣтній срокъ и формальности, требуемыя въ этомъ случаѣ закономъ, дѣлаютъ его неудобопримѣнимымъ къ практикѣ. Женщина, если остается въ 30 лѣтъ безъ мужа, никакъ не можетъ надѣяться, на основаніи безвѣстнаго отсутствія мужа, получить разводъ: 5 лѣтъ она должна его ожидать. Потомъ, когда она подала о томъ въ консисторію прошеніе, то требуемое закономъ формальное слѣдствіе о причинахъ отсутствія супруга и справки, забираемыя консисторіею, чрезъ всѣ россійскія губернскія правленія, объ отсутствующемъ—могутъ долго не окончиться... А тамъ наступилъ критическій возрастъ женщины и жизнь ея прошла безъ радостей и пользы человѣчеству!...

Наконецъ законъ постановилъ, что коль скоро *мѣстопребываніе* отсутствующаго супруга открыто, то дѣло о разводѣ прекращается. На основаніи этого закона очень часто консисторіи расходятся въ своихъ рѣшеніяхъ съ уголовными палатами: послѣднія, когда данное лицо, нарушивъ паспортный уставъ (**), по публичному вызову, въ узаконенный срокъ, не явится, то признаетъ его безвѣстно-отсутствующимъ, хотя бы и мѣстопребываніе этого лица за границею было извѣстно. Консисторіи же придерживаются буквально вышеприведенному закону. Но спрашивается: какая польза требующему развода супругу, что открыто мѣстопребываніе его жены гдѣ нибудь за границею? Находящіяся за границею жены могутъ имѣть тамъ мужей, а мужья — женъ. Наконецъ тѣ и другіе могутъ больше не возвращаться въ свое отечество. Намъ кажется, что законъ, находя необходимымъ свое постановленіе, могъ бы пояснить, что оно должно относиться только къ Россіи. Впрочемъ я полагаю, что лучше

(*) Т. X. к. 1. ст. 54—60.
(**) См. т. XIV, Уст. паспортный.

бы было безвѣстное отсутствіе въ супружествѣ подвести подъ общій законъ по этому предмету: годичный срокъ, по моему мнѣнію, есть самый справедливый. При этомъ срокѣ можно даже допустить формальное слѣдствіе — только не о причинахъ отсутствія супруга, а единственно о дѣйствительности отсутствія; а для выигрыша времени, это можетъ воспослѣдовать при самомъ началѣ иска о разводѣ. Подобное постановленіе удовлетворяло бы всѣмъ требованіямъ справедливости. Но для того, чтобы этотъ законъ не повлекъ за собою злоупотребленія, отсутствующему супругу могъ бы быть запрещенъ новый бракъ. Это постановленіе было бы справедливымъ наказаніемъ мужу за то, что онъ покинулъ жену свою.

IV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СМЕРТЬ ОДНОГО ИЗЪ СУПРУГОВЪ.

Политическая смерть, сопряженная съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, есть поводъ къ расторженію у насъ брака, если невинный въ преступленіи супругъ пожелалъ бы о томъ просить духовное вѣдомство (*). Другія же уголовныя наказанія не служатъ поводомъ къ расторженію брака; такъ законъ выговорилъ (**), «что женамъ (***) *людей, которые*, по Уложенію о наказаніяхъ, вмѣсто ссылки въ Сибирь на поселеніе, по ст. 80 сего Уложенія, *обращены въ солдаты безъ выслуги*, дозволяется просить о расторженіи брака тогда только, *когда отданный въ военную службу лишенъ всѣхъ правъ состоянія*».

1) Значитъ, по общему духу нашего законодательства, одно только лишеніе всѣхъ правъ состоянія есть поводъ къ разводу; а другія уголовныя наказанія, какъ-то: ссылка, продолжительное тюремное заключеніе, записка въ солдаты безъ выслуги, или опредѣленіе въ арестантскія роты разныхъ вѣдомствъ — не есть поводъ къ расторженію брака. Но коль скоро законъ признаетъ кого-нибудь негодяемъ и извергаетъ его изъ общества, слѣдуетъ извергнуть его и изъ его семейства, куда онъ можетъ внести свои пороки и растлѣніе. Наконецъ мы видимъ не только въ лишеніи всѣхъ правъ состоянія, но и въ другихъ уголовныхъ наказаніяхъ — нарушеніе сущ-

---

(*) Т. X. к. ст. 45, 50.

(**) Т. X. к. 1, ст. 51.

(***) Относительно мужей ничего не сказано въ законѣ; а вѣдь и женщины могутъ, кромѣ лишенія ихъ всѣхъ правъ состоянія, подвергнуться другимъ уголовнымъ наказаніямъ. *Авторъ*.

ности брака: такъ тюремное заключеніе, записавъ солдаты или арестантскія роты или ссылка — влекутъ за собою разлуку супруговъ. Значитъ, — здѣсь нѣтъ и сожительства: какимъ же образомъ, послѣ этого, остается въ силѣ бракъ?

Не можемъ не желать, чтобы при всѣхъ чисто уголовныхъ наказаніяхъ право на разводъ было бы предоставлено невинному супругу.

2) Законъ не выговорилъ, что должно воспослѣдовать, когда оба супруга лишены всѣхъ правъ состоянія. Долженъ ли остаться въ силѣ ихъ бракъ, или нѣтъ? Или — имѣетъ ли право въ подобномъ случаѣ одинъ изъ супруговъ требовать развода?

3) Ссыльный можетъ сочетаться новымъ бракомъ, когда прежній бракъ его расторгнутъ. Но дѣло въ томъ, что разводъ не отъ него зависитъ, а отъ невиннаго супруга; послѣдній же можетъ не послѣдовать за ссыльнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не испрашивать себѣ развода. Поэтому мы находимъ, что ссыльному, въ томъ случаѣ, — когда невинный супругъ не захочетъ въ 3-хъ годичный срокъ послѣдовать за нимъ, слѣдовало бы предоставить право требовать развода. При такомъ постановленіи участь ссыльнаго не будетъ въ рукахъ невиннаго супруга.

4) Законъ (*) запрещаетъ арестантамъ холостымъ, или вдовцамъ, въ арестантскихъ ротахъ инженернаго и гражданскаго вѣдомствъ содержащимся, вступать въ бракъ во все время нахожденія ихъ въ этихъ ротахъ.

При этомъ рождается вопросъ: женщины, находящіяся въ рабочихъ домахъ, могутъ ли сочетаться бракомъ? Къ тому же мы должны присовокупить, что ссыльнымъ разрѣшается бракъ; а по духу нашего закона ссылка есть бóльшее наказаніе, нежели арестантскія роты (**). Такимъ образомъ выходитъ, что при сильнѣйшемъ преступленіи — бракъ разрѣшается, а при слабѣйшемъ — нѣтъ.

5) «Оставшійся въ своей силѣ, вслѣдствіе послѣдованія за осужденнымъ или осужденною въ мѣсто назначенія, бракъ можетъ по просьбѣ невиннаго супруга быть расторгнутъ, если присужденный къ лишенію всѣхъ правъ состоянія супругъ будетъ за новое преступленіе подвергнутъ вновь влекущему за собою разрушеніе правъ семейственныхъ приговору. На семъ же основаніи могутъ просить о расторженіи брака и тѣ изъ невинныхъ супруговъ, которые заключили оный съ лицами, лишенными уже правъ состоянія,

(*) Т. X, к. I. ст. 19.
(**) Ст. 19 — 61, Улож. о наказаніяхъ, изд. 1845 г.

буде сіи послѣднія впадутъ вновь въ преступленіе, влекущее за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія» (*).

На это сдѣлаемъ слѣдующее замѣчаніе: а) намъ кажется, что невинный супругъ, хотя бы онъ послѣдовалъ въ ссылку за осужденнымъ, могъ бы во всякое данное время сохранить свое право на разводъ. По смыслу же приведеннаго мною закона, если невинный супругъ послѣдовалъ за ссыльнымъ, то онъ уже теряетъ право на разводъ; вотъ почему законъ и разрѣшаетъ ему только при новомъ преступленіи ссыльнаго - требовать развода. б) Вторая половина закона имѣетъ тотъ смыслъ, что лишенная всѣхъ правъ состоянія женщина можетъ выйти замужъ; но почему законъ лучше не разрѣшаетъ это прямо?

6) Законъ не опредѣлилъ также всѣхъ послѣдствій брачныхъ сочетаній лицъ, лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія, съ лицами неосужденными: онъ разрѣшаетъ только вопросъ относительно несообщенія въ этомъ случаѣ мужемъ своего состоянія женѣ (**). Какія же должны быть ихъ отношенія по семейству и относительно наслѣдованія другъ другу?

В] ПОСЛѢДСТВІЯ РАСТОРЖЕНІЯ БРАКА.

Наши постановленія относительно послѣдствій развода съ одной стороны недостаточны, съ другой не всегда вполнѣ справедливы. Поэтому я считаю необходимымъ разсмотрѣть этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ.

Послѣдствія развода могутъ быть — личныя и по имуществу; кромѣ этого общаго дѣленія, нужно еще различать ихъ по отношенію ихъ къ разводу. Послѣдній можетъ быть: по прелюбодѣянію, по неспособности, по безвѣстному отсутствію, по обоюдному согласію и по лишенію преступника правъ семейственныхъ; во всѣхъ этихъ случаяхъ должны быть опредѣлены особыя послѣдствія. Кромѣ этого, мы разсмотримъ по этимъ предметамъ наши общія и частныя постановленія.

А. *По общимъ законамъ.*

1) Послѣдствія развода по прелюбодѣянію.

Супругъ, обвиненный въ прелюбодѣйной жизни, долженъ быть лишенъ права или вовсе вступить въ новое супружество, или

(*) Т. X, кн. I, ст. 52.
(**) Т. X, кн. I, примѣчаніе къ 100 ст.

же это запрещеніе должно быть временное. Кромѣ этого, послѣдствія такого развода должны быть: 1) отнятіе отъ него законныхъ дѣтей. Законъ въ подобномъ случаѣ имѣетъ полное право не довѣрять ему воспитаніе дѣтей, такъ какъ онъ своимъ безнравственымъ поведеніемъ можетъ имѣть вредное вліяніе на душу и сердце своего ребенка. Дѣти должны быть отданы или невиному родителю, или опекуну. 2) Выдѣлъ изъ имущества стороны обвиненной законной доли въ пользу оправданнаго супруга. Основаніемъ этого постановленія будетъ то, что супругъ, обвиненный въ прелюбодѣяніи, долженъ считаться граждански-умершимъ, такъ какъ ему новый бракъ воспрещенъ; поэтому долженъ вступить въ силу общій законъ о наслѣдованіи, какъ это бываетъ при политической смерти.

2) *Послѣдствія развода по неспособности.*

Неспособность можетъ быть или естественная, или вслѣдствіе разныхъ болѣзней, или простое нерожденіе дѣтей. Выше я доказалъ, что во всѣхъ этихъ данныхъ случаяхъ можетъ быть допущенъ разводъ; а потому нужно опредѣлить и послѣдствія развода во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ.

1) При естественной неспособности одного изъ супруговъ къ брачной жизни, ему должно быть воспрещено вступать въ новый бракъ; но въ замѣнъ этого, разведшійся съ нимъ супругъ обязанъ дать ему приличное содержаніе на всю жизнь; а если у него есть недвижимость, то супругу, признанному неспособнымъ, судъ выдѣляетъ указную часть.

2) При признаніи одного изъ супруговъ одержимымъ заразительными и наслѣдственными болѣзнями, пріобрѣтенными не отъ другаго супруга, разведшійся съ нимъ супругъ обязанъ обезпечить жизнь больнаго, или судъ долженъ выдѣлить ему указную часть изъ имѣнія другаго супруга. Супругу же, признанному болѣзненнымъ, долженъ быть воспрещенъ новый бракъ впредь до признанія его врачебною управою совершенно излечившимся.

3) *Послѣдствія развода по безвѣстному отсутствію.*

Единственнымъ послѣдствіемъ безвѣстнаго отсутствія у насъ постановленъ разводъ; относительно же личности и имущества отсутствующихъ мы не имѣемъ ни одного постановленія. Выше было мною говорено, что при разводѣ даннаго лица съ отсутствующимъ супругомъ, послѣднему могло бы быть воспрещено новое вступленіе въ бракъ. Разведшійся съ нимъ супругъ могъ бы получить право на указную часть изъ его имущества.

4) *Послѣдствія развода при лишеніи одного изъ супруговъ правъ состоянія.*

Относительно послѣдствій развода при лишеніи одного изъ супруговъ всѣхъ правъ состоянія, хотя и нѣтъ прямаго закона, но онъ косвенно разрѣшается закономъ объ открытіи наслѣдства (*); тамъ ясно выговорено, «что лишеніе всѣхъ правъ состоянія есть поводъ къ открытію наслѣдства». На основаніи этого закона, невинный супругъ имѣетъ право получить указную часть изъ имущества осужденнаго. Съ предоставленіемъ же права одному изъ супруговъ требовать развода, когда другой супругъ подвергнутъ тяжкому уголовному наказанію, послѣдствіемъ развода въ подобномъ случаѣ долженъ быть также выдѣлъ указной части изъ имущества осужденнаго.

5) *Послѣдствія развода по обоюдному согласію супруговъ.*

Съ разрѣшеніемъ развода по обоюдному согласію супруговъ, послѣдствія этого развода относительно самой личности супруговъ, особенно относительно ихъ права на новый бракъ, могутъ быть опредѣлены только снисхожденіемъ и судомъ религіи, предметъ которой и составляетъ совершеніе брака (какъ выше было замѣчено). Религія же не только признаетъ полную самостоятельность (или несвязанность бракомъ) одного супружескаго лица въ случаѣ смерти другаго, къ которой по нашимъ законамъ отнесены и разные роды смерти политической и неспособность къ супружеству; но и въ случаѣ *«словеси любодѣйнаго»* религія наша допускаетъ подобную же самостоятельность супруговъ, но съ поставленіемъ на видъ невѣрности брачному союзу. Послѣдствія развода какъ относительно имущества, такъ и относительно дѣтей могутъ быть предоставлены волѣ супруговъ. Но законъ не можетъ допускать развода по обоюдному согласію, пока супруги не порѣшатъ между собою вопроса объ ихъ имуществѣ и дѣтяхъ. Эти предметы должны бы быть въ точности опредѣлены разводнымъ актомъ. При подобномъ порядкѣ супруги были бы совершенно обезпечены; раздѣлъ дѣтей и имущества происходилъ бы у нихъ по добровольному согласію, и обѣ стороны были бы довольны.

Всѣ изложенныя мною правила могли бы существовать только на тотъ случай, если брачный договоръ супруговъ упуститъ что либо изъ виду; главнымъ же основаніемъ при разводѣ долженъ бы служить брачный договоръ, въ которомъ должны быть опредѣлены

(*) Т. X. к. III, ст. 1222.

отношенія супруговъ во всѣхъ данныхъ случаяхъ. Бракъ есть дѣло частное; поэтому и характеръ отношеній супруговъ долженъ быть такой же: въ бракѣ главную роль должна играть свободная воля супруговъ, и въ такомъ лишь случаѣ необходимо въ этомъ союзѣ посредство закона, когда эта воля ничѣмъ оффиціально не выразилась.

Въ губерніяхъ Черниговской и Полтавской признаніе брака недѣйствительнымъ, а равно разлученіе имъ супруговъ, имѣютъ слѣдующія послѣдствія (*):

1) «Если мужъ признанъ виновнымъ, то обязанъ возвратить женѣ ея приданое, и жена сверхъ того удерживаетъ въ пожизненномъ владѣніи имущество мужа, служившее приданому обезпеченіемъ, и обратно: при обвиненіи жены, она лишается приданаго въ пользу мужа.»

Этотъ законъ слишкомъ суровъ для обѣихъ сторонъ и, кромѣ того, правосудіе въ немъ не уравновѣшено. Онъ можетъ обратиться въ страшное орудіе корыстолюбія. Къ тому же законъ этотъ не только измѣняетъ весь порядокъ существующаго у насъ наслѣдованія, но онъ ставитъ еще обоихъ супруговъ въ щекотливое положеніе. Имѣя въ виду это правило, мужья могутъ не покупать недвижимости, и такимъ образомъ приданое жены остается необезпеченнымъ. Въ случаѣ же развода, такъ какъ въ законѣ сказано, «что жена удерживаетъ въ пожизненномъ владѣніи имѣніе мужа, *обезпечивающее ея приданое*» и не постановлено, что должно воспослѣдовать, когда такого имѣнія нѣтъ, то этотъ законъ не обезпечиваетъ вполнѣ женъ. Напротивъ того, въ этомъ постановленіи больше говорится въ пользу мужа, нежели жены. Послѣдняя можетъ принести въ приданое мужу — недвижимость и движимость и теряетъ ее безвозвратно при ея осужденіи; при оправданіи же ея, она получаетъ только то имущество мужа, которое обезпечиваетъ ея приданое, и то только пожизненно.

2. Въ тѣхъ же губерніяхъ отчуждается имущество разведенныхъ супруговъ въ пользу ихъ родственниковъ или дѣтей, по расторженіи брака, вслѣдствіе родства или свойства брачившихся.

Разсматривая этотъ законъ въ сравненіи съ другими уголовными законами, мы находимъ, что относительно имущества онъ превосходитъ всѣ наказанія за убійство, грабежъ, воровство и другія уголовныя преступленія; онъ можетъ только сравниться съ наказаніями, постановленными для государственныхъ преступниковъ. Въ послѣднемъ случаѣ имущество преступника конфискуется въ пользу государства; въ первомъ—въ пользу родственниковъ осужденныхъ.

М. ФИЛИПОВЪ.

(*) Т. X. к. I. ст. 118.

УГОЛОКЪ ИТАЛІИ.

(ОТРЫВОЧНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ 1858 ГОДА.)

.... Въ то время сцена, на которой разыгрывается теперь драма Италіи, была пуста. Первый сюжетъ ея (*) выходилъ по одному разу въ недѣлю, въ скромной роли шкипера, на маленькомъ пароходѣ, изъ Ниццы въ Марсель; другіе числились въ бѣгахъ, или содержались подъ крѣпкими запорами нѣмецкой работы. Голова Орсини катилась съ плахи въ Парижѣ,... Бѣдная Италія, по выраженію ея поэта, «съ цѣпями на рукахъ, спрятавъ лицо въ колѣни, плакала отъ стыда и отчаянія». Палочные удары чужеземцевъ сыпались на ея античную спину, и языкъ «Аугсбургской Газеты» царствовалъ въ отечествѣ Аріоста и Данта. Таможенные надсмотрщики у воротъ Милана оставляли въ сильномъ подозрѣніи дорожніе сундуки путешественницъ и между юбками доискивались патроновъ. Обнерашившая, покинутая страна походила на богатое помѣстье въ рукахъ плута-арендатора, гдѣ постройки легли на бокъ, гдѣ въ комнаты со штофными обоями посажены насѣдки, и толпа бѣлыхъ крысъ хозяйничаетъ повсюду.... Уголокъ безъ крысъ, втихомолку и несмѣ-

---

(*) Гарибальди.

ло, только-что начиналъ разставлять капканы по Италіи.... Полу-итальянскій самъ, двоюродный ей, онъ протягивалъ свою руку изъ холоднаго Турина за ея голубыя моря и въ знойныя долины. Пограничные пьемонтскіе городки дѣлались гнѣздами, въ которыхъ незамѣтно выводилась итальянская революція.... Маленькій заливъ Специи, эта общая ванна Италіи, принималъ грозный видъ крѣпости и сулилъ ей въ будущемъ свой Севастополь....

. . . .

Мало мѣстъ въ Италіи, такихъ дорогихъ сердцу итальянца, какъ Специя. Уютный заливъ, голубѣющій равно глазамъ и тосканца, и моденца, и пармеджіана, голубѣлъ имъ не просто заливомъ, но отрадною точкою спасенія отъ бурь и гоненій.... Эта лучшая гавань на Средиземномъ морѣ, какъ бы прихотью обстоятельствъ, долгое время была вмѣстѣ и гаванью политическаго моря Италіи...: Пристрастные къ Специи итальянцы умѣли приписать даже ничѣмъ невиноватому купанью чуть не чудотворныя свойства.

Medicar si alla Spezzia (лечиться въ Специи) было мечтою цѣлой жизни итальянца, и съѣздить туда лѣтомъ значило для него тоже, что правовѣрному туркѣ сходить въ Мекку, или православной мѣщанкѣ въ Іерусалимъ. Чудеса, проистекавшія отъ этихъ поѣздокъ, соперничали съ чудесами, какія дѣлаетъ одна Мадонна. Случалось, напр., поѣхать въ Специю безъ руки, а воротиться съ рукою; у кого нибудь жена faceva la cativa donna (гуляла), а въ Специи унялась. Лекаря въ Италіи предпочитали Специю кровопусканью, а лекаря въ Италіи ничего не предпочитаютъ кровопусканью.... Напрасно сталъ бы кто допрашивать: чѣмъ такъ врачуетъ Специя? «La Spezzia fa bene» (Специя помогаетъ) или alla Spezzia si sta bene (въ Специи хорошо) — отвѣчали ему, и только умильно покачивали головами... *Виттурини* (извощики) не давали прохода путешественнику за сто миль въ окружности и требовали, чтобъ ихъ непремѣнно нанимали въ Специю. Гражданинъ унылой Низы — и кучеръ, Камфора, ударялъ себя при этомъ въ грудь и, картавя по-тоскански, кричалъ надъ самымъ ухомъ: «вы *меня* спросите, куда ѣхать, эччеленца, — *я* скажу эччеленцѣ, куда ему надо ѣхать».... А надо было ѣхать, разумѣется, въ Специю.

Довольно было выѣхать изъ воротъ Низы, чтобы едва замѣтное глазу очертаніе берега, слившееся лазурью и серебромъ съ моремъ, заставило вдругъ подскочить Камфору на козлахъ.

— Eccola La Spezzia! вонъ она, Специя! произносилъ онъ торжественно и простиралъ длинный бичъ въ воздухѣ. Нескоро онъ усаживался опять и прибавлялъ: — «вы *меня* спросите, эччеленца, гдѣ Специя!»

.... Выѣхавъ изъ Пизы поутру, вечернюю ave Maria услышишь въ Спеціи. Но Камфора находитъ это возможнымъ только при такихъ лошадахъ, какъ его, и всю дорогу удивляется ихъ необыкновеннымъ качествамъ.

— Sono i cavalli de principi — княжескія лошади, говоритъ онъ, щолкая бичомъ надъ ихъ спинами. Княжескія лошади отвѣчаютъ ему любезнымъ фыржаньемъ....

Камфора и самое утро какіе-то праздничные. Воздухъ словно звенитъ, и на каждый звукъ отзывается полнымъ голосомъ. Тосканскія долины, съ лентами ихъ общинныхъ дорогъ и темными четами кипарисовъ у жилья, уходятъ, поворачиваясь передъ глазами.... Блеснуло море у Віареджіо и заслонилось мелколиственною, блѣдною оливою, сквозною на густо-голубомъ небѣ.... Темный лѣсъ бѣлой акаціи, лавра и каштана вышелъ точно на встрѣчу, и обхватилъ запахомъ и тѣнью.... Бичъ Камфоры зазвучалъ рѣзко, и его передразнила тысяча лѣсныхъ голосовъ. Лошади съ удовольствіемъ закивали головами.... Пошли мелькать избы, оплетенныя жасминомъ, который непремѣнно гдѣ нибудь да обгладываетъ коза, стоя на заднихъ лапкахъ.... И вотъ уже, высоко надъ дорогою, сверкаютъ домки своими чистыми мраморами на сѣрыхъ скалахъ... Коляска Камфоры мало-по-малу дѣлается похожею на пароходъ, а шоссе на волны океана... Камфора ворчитъ и почесываетъ темя, у котораго то и дѣло происходитъ столкновеніе съ зонтикомъ надъ козлами...

— Масса-Каррара, ворчитъ съ досадою Камфора, оборотясь къ стеклу и звякнувшись въ него лбомъ.

Безотрадное и глухое мѣсто... Задымленныя груды камней съ отверстіями вмѣсто оконъ, изъ которыхъ валитъ дымъ; бѣлые мраморные пороги и наличники у сгнившихъ дверей... Тощія смоковыя деревья у пороговъ и мрачная громада выступившихъ впередъ скалъ. Толпа женщинъ и дѣтей въ рубищахъ; мужчины съ лицами masnadieri (разбойниковъ), — и все это безъ дѣла и посереди дороги—точно на другой день пожара или непріятельскаго набѣга...

— Ihre Pafs, mein Herr (вашъ паспортъ, сударь), раздается надъ ухомъ, и нѣмецъ, съ гербомъ дома Эсты на киверѣ, протягиваетъ руку въ коляску. Руки мужчинъ, дѣтей и женщинъ протягиваются за нею...

— Eccola la Modena! говоритъ съ упрекомъ Камфора:—«нѣмецкое государство!» прибавляетъ онъ: — «si sta male in Modena, signore (скверно въ Моденѣ, синьоръ)!» И, слѣзши съ козелъ, плюетъ.

Гербъ Эсты между тѣмъ лѣниво и не торопясь отходитъ съ паспортомъ.

— Вы дайте сперва ему-то, замѣчаетъ Камфора: — а то простоимъ *до двадцати четырехъ* (то есть часовъ) — fin'alle venti quatro (*).

— Эй, ты — patate (картофель)! кричитъ онъ вслѣдъ воину: — вотъ тебѣ за службу — поворачивайся! и бросаетъ на шоссе монету.

Patate съ торопливостью ее отыскиваетъ; потомъ бѣжитъ въ припрыжку, приложившись къ козырьку.

— Animalacio! (скотинище) ворчитъ свирѣпо Камфора, и напускается на двухъ калѣкъ, которые ничѣмъ невиноватѣе другихъ....

— Прочь, канальи! кричитъ онъ, задыхаясь. — Прочь! ступайте просить вашихъ бестій-нѣмцевъ, чтобъ дали хлѣба... Или сами весь съѣли — вамъ не осталось!... Прочь! Вѣдь все отъ нѣмцевъ (обратился онъ ко мнѣ) animalaci!!

— Что это (спросилъ *я*, думая навести Камфору на чувства болѣе миролюбивыя): пожары были, что ли?

— Гдѣ пожары? зачѣмъ быть пожарамъ? никакихъ не было пожаровъ. — отвѣтилъ онъ грубо.

— Отчего же все въ дыму?

— Топятъ, бестіи — оттого и дымъ (коротко объяснилъ кучеръ и пронзительно ударилъ бичомъ надъ самыми ушами ребятишекъ, уцѣпившихся за ось...).

— Это точно топятъ, эччеленца (жалобно заговорила женщина, худая, жолтая, пряча въ грязную ветошку мѣдную монету): оно для синьоровъ форестьеровъ, разумѣется, par'brutto a vedere (скверно на видъ). Только ужь когда холодно — это un gran' bel commodo, signoria (большое удобство).

— Вы ихъ извините, вступился Камфора:—бабы глупы, оттого и разговариваютъ... вы ужь ихъ извините — онѣ глупы...

— Это ничего, — только какъ же они топятъ безъ печей?...

— Э! извѣстно какъ: народъ глупый, натаскаютъ дровъ въ избу, да и разведутъ костеръ на полу (**), а сами кругомъ сядутъ. Вотъ и

(*) Простой народъ въ Италіи считаетъ часы такимъ образомъ: когда ударятъ вечеромъ, при закатѣ солнца, къ *ave Maria* — это 24 часа; затѣмъ начинаются новыя сутки — 1, 2, 3 часъ и т. д., до слѣдующей вечерней *ave* или до 24 часовъ. Прійти въ 22-мъ часу, значитъ — передъ вечеромъ; въ 12 часовъ — рано утромъ; въ 17 или 18 часовъ, смотря по времени года — въ полдень.

(**) Полы въ Италіи всегда каменные.

тепло глупому народу. Оконъ-то нѣтъ — дымъ и выходитъ; дыму какъ не выйти, когда нѣтъ оконъ.

— Ну, а если дождь, какъ же они безъ оконъ-то?

— Э, si sa (извѣстно), если дождь, въ избѣ все мочитъ. У иныхъ есть ставни, такъ закроютъ ставни,—тогда хорошо, и отъ солнца тоже хорошо ставни...

Въ это время вышелъ нѣмецъ въ киверѣ — уже другой и, приложившись тоже къ козырьку, подалъ паспортъ. Я паспортъ взялъ, а нѣмецъ все прикладывается къ козырьку.

— Ужь дайте и ему, отозвался кучеръ.—Да вонъ еще таможня впереди... Здорово, *бестіи*! (это привѣтствіе относилось къ показавшейся толпѣ чиновниковъ, нечистыхъ, и уже не нѣмцевъ. Толпа расклананялась). Paga (платитъ), прибавилъ Камфора лаконически:—«стало быть — via (прочь)!

И точно, они отошли прочь. Кучеръ вынулъ изъ кармана деньги.

— Я имъ дамъ, синьоръ, *скудо!* крикнулъ онъ: — а вы мнѣ отдадите послѣ...

Черезъ головы чиновниковъ мнѣ было видно, что онъ имъ давалъ не *скудо*. Тѣмъ не менѣе, признательные слуги моденскаго герцога всѣ поснимали шапки и пережали руки Камфоры, который сѣлъ на козлы, повторивши, что я ему долженъ скудо...

Не прошло и двухъ часовъ послѣ таможни, гдѣ Камфора распоряжался какъ у себя въ конюшнѣ, когда онъ остановилъ лошадей и произнесъ, обдергиваясь: «пьемонтская».

— Надобно давать?

Камфора зашикалъ и погрозился пальцемъ, а потомъ защолкалъ языкомъ, какъ будто говоря: «экой ты, братецъ, простофиля!»

— Piemontesi sono (пьемонтцы), объяснилъ онъ коротко.

Черезъ минуту вышелъ чиновникъ въ форменной фуражкѣ и, кивнувъ Камфорѣ, стоявшему безъ шапки, приступилъ къ осмотру.

Ужь и осмотръ кончился, а Камфора все стоялъ; ужь и чиновника не стало, а Камфора стоялъ,—и только, когда солдатъ сунулъ ему въ руку il permesso (пропускъ), онъ полѣзъ на козлы.

— Piemontesi sono, повторилъ онъ, отъѣхавши и многозначительно приподнявъ брови...

Но не одною таможнею сказались piemontesi,—колеса покатились иначе: и бока и голова почувствовали Пьемонтъ. Деревни уже не походили на пожарища, мужики на masnadieri; женщины спускались съ горъ съ тяжелыми кусками мрамора на головѣ, и, хотя были въ ру-

бницахъ, но не протягивали рукъ, а употребляли ихъ тутъ же въ дѣло, и на ходу выводили нитку. Въ живописномъ мѣстѣ, каменьщики клали своды исполинскаго моста черезъ пропасть... Мальчики, по колѣни въ потокѣ, набирали гравій; даже дѣти и дѣвчонки полными подолами носили глину, врядъ ли для своей забавы...

Я обратилъ вниманье Камфоры на этотъ муравейникъ.

— Eh! lavorano troppo (работаютъ черезъ-чуръ)! отозвался онъ:— слишкомъ много платятъ налоговъ...

— За то свободны,—замѣтилъ я.

— Э, свобода стóитъ слишкомъ дорого: per noi non convieni (намъ не годится)!

— Австрійская неволя, стало, лучше? поддразнивалъ я Камфору.

— Ни австрійская неволя, ни воля пьемонтская не хороши, — отрѣзалъ онъ, хлеща бичомъ надъ лошадиными ушами.

— Стало быть, вы, тосканцы, не хотѣли бы принадлежать Пьемонту?

— «А зачѣмъ? Тоскана старшая Пьемонта... Что Пьемонтъ? che? i piemontesi non sono italiani (пьемонтцы не итальянцы).

— Кто жь они?

— Eh! sono francesi (они французы): per noi non convieni (намъ не годится!),—опять рѣшилъ мой итальянецъ, старшій Пьемонта, и пустился крупной рысью...

Море, то мелькавшее внизу изъ-за деревьевъ пятнами, то занавѣсомъ поднимавшееся при спускѣ съ горъ, — осталось влѣвѣ и закрылось. Южный лѣсъ принялъ дорогу подъ свои зеленыя сѣни; вечеръ золотомъ лучей игралъ пó-низу между стволами, и растянутая тѣнь экипажа, съ Камфорой, его бичомъ и парой лошадей, бѣжала передъ нами... Вдругъ на поворотѣ показалось озеро, сверкнуло, какъ большой сафиръ, и скрылось. Новый поворотъ—оно сверкнуло снова, и осталось — удлиненное, переходя въ узкій и заманчивый заливъ...

— Eccolo il golfo del la Spezzia! обрадовался Камфора.

Дорога улеглась довѣрчиво у самыхъ ногъ залива, обставленнаго кактусомъ, какъ частоколомъ. Горы, зеленыя вблизи, лиловыя на дальнихъ планахъ, съ бѣлыми пятнами селеній и монастырей, обращенныхъ въ крѣпости; бѣлая лента цвѣтущихъ акацій, съ трактиромъ, подъ вывѣскою «Croce di Malta» (мальтійскаго креста), какъ всѣ трактиры Пьемонта, — служили рамою заливу съ трехъ сторонъ; четвертая открыта была морю, и въ нее-то оно вливалось далекою своею зыбью.

Городокъ Специя пріютился всторонѣ — подъ навѣсомъ скалъ. Казалось, вотъ-вотъ онѣ упадутъ и раздавятъ его...

Камфора пронзительной музыкой бича вызвалъ всю прислугу «Croce» за ворота... и лошади его зазвякали копытами подъ сводами подъѣзда.

Если бъ «*Крестъ*» не отдѣлялся отъ воды дорогой, то изъ его двери можно было бы прямо кидаться въ море. Когда сидишь въ комнатѣ, кажется, будто сидишь въ ваннѣ... морской лепетъ и морской вѣтерокъ такъ и ходятъ около.

...Весна. Кусты, деревья, травы—все цвѣтетъ; вѣнки букетныхъ розъ, желтыхъ, бѣлыхъ и розовыхъ, оплели ограду сада, перевѣсились между деревьями и, заодно съ акаціями, надушили воздухъ... Хлѣбный колосъ отцвѣлъ и наливается къ первой жатвѣ (*). Жаркія утра, насквозь пропитанныя густымъ духомъ садиковъ; темный кипарисъ, недвижно стройный, и недвижный свѣтлый тополь въ яркомъ небѣ; заливъ, какъ налитая ртуть, гладкій и выпуклый, и бѣлая дорога въ голубыхъ тѣняхъ... Всѣ ставни на-запорѣ. Полдень тяжело движется посреди общей тишины... Ни голоса, ни шаговъ на берегу; только прозвенитъ бубенчиками подъѣзжающій къ привалу витуринъ... Но потянуло съ моря вѣтеркомъ; зыбь засверкала, сперва мелко и далеко, послѣ подошла поближе, покрупнѣе — и заливъ словно разбился и блеститъ осколками... Свѣжая струя, напитанная моремъ, ворвалась въ стоячій воздухъ; разлилися соляныя испаренья... Настежь ставни! Какъ хорошо впивать эту воздушную влажную волну и отдавать ей грудь, шею и голову... или скорѣе выйдти на берегъ,—и пусть всего продуетъ моремъ и обдастъ мелкимъ, соленымъ дождемъ прибоя...

Подъ лучами полдня, скалы, какъ опалъ, спускаются въ сафировое море. Слѣва, туча Аппениинъ, мелькающая снѣгомъ въ высотѣ, нежется такъ близко въ этомъ ясномъ небѣ... Голубая черточка тосканскаго прибрежья завершаетъ кругозоръ, какъ голубая Специя кончала его изъ Тосканы... Воздухъ серебрится и будто журчитъ... и серебрится и журчитъ море... и не знаешь, чье это журчанье: моря или вѣтра?

Когда припомнишь эти краски, эти ощущенія, сидя гдѣ-нибудь на кочкѣ сѣвернаго поля, а блѣдный березникъ стоитъ вдали, повѣсивъ голову, и сѣро-голубое небо тянется надъ сѣрою деревуш-

---

(*) Земля нѣкоторыхъ частей Италіи производитъ по три жатвы въ годъ, и при этомъ полю нѣтъ даже надобности въ отдыхѣ: одной перемѣны зерна уже достаточно для урожая. Въ Ломбардіи сѣнокосъ производится *ежемѣсячно*, стало быть, 7 или 8 разъ въ лѣто.

кою, — покажется, что то былъ сонъ, или мечта художника, когда-то видѣнная на холстѣ...

Бываютъ въ жизни впечатлѣнія до того полныя, радости такія совершенныя, что когда вернешься къ нимъ воспоминаніемъ, то перестаешь вѣрить, что въ сердцѣ, наполненномъ болью, было мѣсто носить ихъ и чувствовать...

Часъ, другой картина Специіи оставалась та же... Только подъ вечеръ волна все уменьшалась, все ложилась дальше; влажные слѣды ея на берегу обозначались раковинами — причиной не одной дѣтской радости... Дѣтскіе шаги мелькали отпечаткомъ на сыромъ пескѣ, и дѣтскій голосокъ звонко кричалъ и лепеталъ надъ ухомъ... А солнце опускалось къ той чертѣ, гдѣ воздухъ и вода перевязывались серебряною нитью, и, круглое, горячее, тихонько погружалось посреди залива. Городъ, «Croce di Malta», крѣпости и горы — облекались въ измѣнчивые, яркіе, разноцвѣтные оттѣнки прихотливаго заката... Солнце потонуло — и все точно загрустило и задумалось... только звенитъ безпечный дѣтскій голосокъ, да рыбаки переговариваются звучными нотами, таща лодку въ воду. Вотъ одинъ изъ нихъ, въ старомъ колпакѣ и самъ старый, а другой съ молодцоватою походкою, съ курчавой непокрытой головой и въ красномъ кушакѣ, идутъ къ дитяти.

— Дай на счастье ручку, bimbo, говоритъ старикъ и, улыбаясь, похлопываетъ жосткою рукою дѣтскую ладонь.

Молодой вынимаетъ изъ кармана билетики; свертываетъ въ трубочки: «выбери, *синьорино*,—возьму на твое счастье въ лоттерею», говоритъ онъ и, присѣвъ на корточки, подставляетъ горсть съ бумажками.

Дитя осторожно вынимаетъ номерокъ.

— Grazia, angellino (спасибо, ангельчикъ)!—che il Dio ti benedisce (награди тебя Господь)! кричатъ оба, садясь въ лодку, убѣжденные — одинъ, что много наберетъ рыбы, а другой, что выиграетъ въ лоттереѣ.

Темная ночь тѣмъ временемъ ложится на окрестность. Маленькая дѣтская тѣнь перебѣгаетъ къ дому... Изъ-за черныхъ скалъ вспыхнуло зарево пожара — и мѣсяцъ выросъ исполинскимъ кругомъ, перебросивъ золотистый мостъ свой поперегъ залива... Воздухъ стихъ и благоухаетъ... Гдѣ-то льется знакомая, слегка волнующаяся пѣсня:

O, dolce Napoli,
O, sol beato,
Ove sorridere
Vuol il creato.

Tu sei l'impero
Del' armonia...
Santa Lucia! Santa Lucia!

Какой-то разрывающій душу восторгъ движетъ пѣніемъ, — можетъ быть пѣніемъ изгнанника изъ-подъ неба еще лучшаго, чѣмъ это....

O, dolce Napoli,
O, sol beato!...

начинаетъ онъ вновь, какъ бы находя наслажденіе растравлять свою рану... И быстрые шаги тревожно приближаются вмѣстѣ съ пѣніемъ.

Въ календарѣ стояло: non vi spogliate, perche e ancora presto (не снимайте одеждъ — еще рано)! Spogliar-si позволялось только въ маѣ....

Съ первымъ майскимъ утромъ (что у насъ апрѣль на половинѣ) «Croce» было поднято *майскою пѣсней*. Толпа крестьянъ, съ цвѣтами, флагами на длинныхъ палкахъ и шляпами въ цвѣтахъ, пѣла передъ окнами, подъ гудки и скрипки, гимнъ веснѣ... Это было музыкальное «spogliate vi» (снимайте одежды) календаря. Дополненный мальчишками и городскимъ свободнымъ людомъ, майскій хороводъ пу*стился* отъ трактира дальше. До полудня раздавалась въ разныхъ уголкахъ залива все одна и та же свѣжая, исполненная по-истинѣ майскихъ звуковъ, пѣсня...

Италію, которая, по словамъ одного писателя, «пѣла, рѣзала, ваяла и живописала», пока прочіе дѣлали совсѣмъ другое, — даже и теперь, когда она ваяетъ и живописуетъ не такъ много, а рѣжетъ больше только по большимъ дорогамъ, — можно еще узнать по пѣнію... Чуть смеркнется, по улицамъ польются каватины, посыпятся изъ оконъ и съ балконовъ аріи... Италія приправляетъ пѣніемъ горе и радость, вѣчный досугъ и рѣдкую работу, нѣжность и досаду, любовь, негодованье, даже трусость, какъ бываетъ въ Римѣ по ночамъ... Италія живетъ припѣваючи. Итальянскій городъ подъ-вечеръ исполненъ фіоритуръ, какъ русскій крѣпкихъ словъ.

Италія отъучитъ и отъ безмолвія передней: изъ нея несутся тоже каватины. Чистя сапоги, какой нибудь *Маріо* (*) вдругъ за-

(*) Въ Римѣ есть очень извѣстный *Маріо*, — не извѣстный всѣмъ теноръ Маріо, но извѣстный нанимавшимъ себѣ въ Римѣ лакеевъ, Маріо.... Онъ успѣлъ собрать гораздо больше письменныхъ свидѣтельствъ въ томъ, что онъ дѣйствительно лакей, чѣмъ удается ихъ набрать какому нибудь обладателю стараго холста въ томъ, что эта дрянь — Рафаэль....

тянетъ сладкимъ голосомъ: «vieni, diletta luna!» или, тараща глаза отъ высокой ноты и поднявши ножъ съ бруска, закончитъ дребезжащимъ теноромъ финалъ Эдгара: «o, ba-a-a-a-ar-baro!» И если вамъ нуженъ въ это время стаканъ воды, вы не добьетесь ни капли отъ Маріо: онъ принадлежитъ не вамъ. Только когда разразится надъ переднею отчаянное: «O, bella alma inamorata! o, bella alma in-a-mo-ra-ta-a-a-a-a-a!» заколовшагося Эдгара, и Эдгаръ снова зашаркаетъ ножомъ по оселку, — вы можете разсчитывать напиться: Маріо снова вашъ и снова говоритъ: «comandi, eccelenza? (что прикажете, ваше сіятельство).

Горничная гладитъ какую нибудь юбку, а сама то и дѣло обращается къ Эрнани съ требованіемъ, чтобы тотъ ее увезъ: «Ernani, Ernani, involami!» кричитъ она благимъ матомъ. Или вдругъ пуститъ такое *скерцо*, отъ котораго въ ушахъ затрещитъ...

Каменщики и плотники, сапожники, скульпторы, маляры, особенно придерживаются «la donna e mobile»; и потому, если знаменательный мотивъ раздается на дворѣ, это вѣрнѣйшій знакъ, что красятъ или строятъ, а не то сапожникъ перенесъ соломенный свой стулъ и кучу старой обуви отъ кофейни къ вашему порогу...

Кухарки, раздѣляя вкусъ сапожниковъ, басисто повторяютъ пѣсню про непостоянство женщины, пока козленокъ поворачивается на вертелѣ....

По улицамъ проходятъ дарованія, въ куртках и безъ сюртуковъ, обреченныя современемъ приводить въ трепетъ оперныя залы: могучіе, не надорванные оркестровками басы, еще не гибкіе, но звучные, рыдающіе тенора, альты, исполненные нѣги (послѣдніе—молодые мальчики). Трудная ли арія, или сложный хоръ, дуэтъ, или тріо, цѣлая сцена, — все исполняется стройно и на ходу, изъ ноты въ ноту.... Согласныя, несдержанныя волны звуковъ разливаются по площадямъ, на улицахъ, стихая за углами, вырываясь снова и колеблясь среди слушающей ихъ звѣздной темно-синей ночи....

При удивительно-развитомъ слухѣ итальянцевъ, вчера поставленная опера уже разносится на другой день по улицамъ; черезъ недѣлю она откликается въ переднихъ, а потомъ и пятилѣтніе ребята кричатъ ее своими тоненькими голосками... Тутъ становится понятно, почему композиторъ попадаетъ въ divino maestro (въ божественные мастера), если создастъ хорошее творенье.

И какъ безжизненны, какъ молчаливы, или грубо-шумны города всей остальной Европы, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жизни въ этомъ краѣ говорливой музыки! Какъ скучны комнаты, въ которыхъ только рѣзкій стукъ тарелки или задѣтое ногою стуло озна-

чаютъ, что въ домѣ есть люди. Итальянская прислуга, это правда, не умѣетъ ходить на цыпочкахъ, зато ужъ, прослуживши одну зиму, она къ вамъ привязалась до того, что горько плачетъ, провожая васъ въ дорогу. И не думайте, что тутъ оплакиваются деньги и подарки: плачутъ люди, уже поступившіе на новыя мѣста, ихъ родственники, которые приходили цаловать вашего ребенка и которымъ вы дарили только добрымъ словомъ; плачетъ прачка, чужой кучеръ, принимавшій безкорыстное участье въ тасканьи вашихъ чемодановъ, — можетъ быть обглодавшій нѣсколько костей вашего жаркова.... Все это, свое и пришлое, протягиваетъ вамъ руки и жметъ ваши, и цалуетъ и беретъ понянчить вашего ребенка; желаетъ вамъ того, чего и вамъ самимъ въ голову не приходило, напримѣръ: скорѣйшаго выхода души вашихъ предковъ изъ *пургаторіи*, или сопутствія Мадонны... Возвратитесь на будущую осень, васъ встрѣтятъ улыбающіяся лица, побѣгутъ за экипажемъ прежніе ваши слуги и будутъ цаловать кончики своихъ пальцевъ вамъ навстрѣчу... А Маріо, взявшись изъ толпы факиновъ, вдругъ кинется на васъ, съ торжествомъ объявляя этой оборванной толпѣ, успѣвшей тоже къ вамъ *привязаться*, только уже по-своему: «Ecco il mio pardone» (вотъ мой баринъ)! Но о Маріо собственно не позволительно не сказать двухъ словъ. Честолюбіе чаще другихъ чувствъ толкаетъ *этого* всѣми признаннаго лакея на встрѣчу; оно же внушаетъ ему часто почти невѣроятные поступки самоистязанія.

— Позвольте мнѣ доѣхать съ вами до Чивита-Веккіи, синьоръ! пристанетъ онъ вдругъ въ то самое время, когда вы, уже разсчитавши его, выѣзжаете изъ Рима.

— Вѣдь вы мнѣ не служите, я разсчиталъ васъ, — говорите вы.

— Э! извѣстно разсчитали. Только эччеленцѣ это ничего не будетъ стоить. Я для себя. Синьору нечего объ этомъ думать.

— Гдѣ же вы сядете?

— Э! гдѣ сяду? съ кучеромъ, на верху, на чемоданахъ — гдѣ нибудь... Синьору нечего думать...

И Маріо лѣзетъ куда-то. Вамъ видны только его ноги.

У подъѣзда онъ распоряжается, таскаетъ тяжести, подсаживаетъ васъ на подножку, бранитъ нищихъ, — словомъ, всячески старается показывать свое лакейское значеніе, которое утратилъ. Планы стратегіи его, непонятной сразу, скоро объясняются. Дѣло въ томъ, что онъ успѣлъ налгать своимъ знакомымъ — посѣтителямъ сосѣдняго *кафе*: сапожнику у порога, факинамъ, грѣвшимся всю зиму надъ горячими каштанами на перекресткѣ, прачкѣ, фрату, который исповѣдуетъ его жену и лечитъ его отъ мозолей, — всѣмъ кому надо, — а тѣ пересказали отъ себя и тѣмъ, кому не надо, — что синь-

оръ, богатый форестьеръ и принчипе, везетъ Маріо съ собой въ Лондонъ, въ Специію, въ Миланъ, — словомъ, во весь свѣтъ. Сапожникъ, фратъ и посѣтители кафе давно уже пристаютъ къ Маріо: скоро ли онъ ѣдетъ во весь свѣтъ? Прачка спрашиваетъ то же, и факины спрашиваютъ. Какъ же ему признаться, что солгалъ, что не только никуда не ѣдешь, но остаешься безъ мѣста? Вотъ Маріо и плетется до Чивита-Веккіи, которой суждено представлять на этотъ разъ Миланъ и Лондонъ....

— Eccolo Mario! guarda Mario (вонъ онъ, Маріо! посмотрите на Маріо)! раздается по улицѣ.

— Куда ѣдетъ Маріо? спрашиваютъ непосвященные въ тайну его путешествія.

— Э! во весь свѣтъ...

А Маріо только разсылаетъ привѣтствія руками.

Послѣ, по улицамъ ходятъ цѣлый день толки про то, какимъ образомъ уѣхалъ во весь свѣтъ Маріо...

А Маріо, поздно вечеромъ, какъ тать, проберется въ городскія ворота и во все лѣто будетъ выходить изъ дому только ночью. За то, черезъ полгода, скараулившии въ Чивитта-Веккіи своего *подроне*, онъ его представитъ сейму факиновъ и тріумфально въѣдетъ въ Римъ, разсылая тѣ же привѣтствія руками.

— Чего только не разсказываетъ Маріо! загомонятъ по угламъ и у фрата...

— Э! извѣстно, былъ во всемъ свѣтѣ! замѣтитъ важно какой-нибудь *скорѣе человѣкъ* (piu tosto un nomo), простоивающій дни на перекресткѣ, въ вѣчномъ порывѣ раскланяться съ каждымъ проходящимъ форестьеромъ (*).

— Я сдѣлаю изъ своего сына *фрата*, говаривалъ Маріо: — «намъ, свѣтскимъ, слишкомъ много дѣла.

И при этомъ онъ даже вздыхалъ.

Маріо часто страдалъ нервами. Такое нелакейское свойство вызывало въ одномъ изъ нашихъ соотечественниковъ глубокую непріязнь къ Маріо: «прошу покорно!» говорилъ онъ: «онъ смѣетъ имѣть нервы!»

Смѣлость имѣнія нервовъ тѣмъ болѣе казалась преступной человѣку, обладавшему сотнями людей, которые не смѣли имѣть ровно ничего, — что она проявлялась дерзкою потребностью распѣвать аріи съ утра до вечера.

(*) *«Скорѣе человѣкомъ»* называется у итальянцевъ всякій, принадлежащій къ разряду людей, недавно получившихъ въ Петербургѣ званіе «людей средняго рода» отъ одного извѣстнаго дворянина «древняго московскаго рода.»

— Чего онъ такъ оретъ у васъ? спрашивалъ помѣщикъ, заглушаемый руладами.

— «*Широкко*» (*), отвѣчали ему простодушно: — у Маріо нынче болятъ нервы....

А Маріо только кричитъ, что есть мочи: «o bà-a-ar-baro!!!»

За мирнымъ праздникомъ весны, Специя отпраздновала по военному день своей свободы — *статута*, какъ говорятъ въ Пьемонтѣ (la festa del statuto). Тихій заливъ разцвѣтился флагами и значками; бѣлые клубы пушечнаго дыма пронеслись съ громомъ изъ врачныхъ крѣпостей... Хозяинъ «Croce», но цѣлымъ днямъ проигрывавшій съ подчиненною ему прислугою въ какой-то исполинскій мячь, преобразился вдругъ въ полковника національной гвардіи и, звеня саблей, шелъ на площадь... Даже взялся откуда-то отрядъ солдатъ и барабанилъ очень крѣпко, ходя по улицамъ... Толпа дѣтей и взрослыхъ бѣгала за нимъ, какъ за медвѣдемъ,—словомъ, Специя нарядилась Палладой, и, какъ хорошенькая женщина, оказалась такою же прекрасною съ мечомъ въ рукѣ, какъ и съ оливковою вѣткой...

Прошелъ начальникъ порта — бывшій глава морскихъ силъ последней венеціанской республики, въ мундирѣ капитана пьемонтской службы... Прошло множество громкихъ именъ и большихъ умовъ, — общихъ надеждъ Италіи, — обреченныхъ моденскимъ, австрійскимъ и неополитанскимъ висѣлицамъ, или казематамъ папы, — кто въ эполетахъ штабъ-офицера, кто съ солдатскимъ тесакомъ, а кто просто съ длинною окладистою бородою, въ соломенной шляпѣ и въ пальто...

Каждый день столовая «Croce di Malta» наполнялась этими лицами, исполненными думъ и страданія, или тоски по родному, отчаянія и надеждъ за родное... Вѣрѣ въ себя и своихъ (но только въ себя и своихъ) тутъ не было предѣловъ. Сразу видно было, что ни одинъ изъ этихъ людей

> *У* чуждыхъ защиты не просить,
> И въ гордомъ покоѣ
> Насмѣшку и зло переноситъ...

До сихъ поръ я слышу эти гармоническіе голоса, то сдержанные и едва внятные подъ сводами столовой, то звонко разбѣгающіеся потоками рѣчей... Вижу эти могучія головы, понуренныя, и вдругъ подниваемыя кверху, съ загорѣвшимся взглядомъ; эти пальцы, спокойно скатывающіе хлѣбные шарики, и внезапно начинающіе дро-

(*) Южный вѣтеръ.

жать при словѣ austriaci.... Слово guerra повторяется черезъ каждыя десять словъ...

Появленіе новаго лица рѣдко было по душѣ этому особенному собранію, тѣмъ болѣе, что новое лицо было или англичанинъ (а англичанъ они считали главною помѣхою въ своемъ дѣлѣ), или нѣмецъ, который имѣлъ невыгоду напоминать австрійца.... Только русскому, послѣ двухъ-трехъ размѣнянныхъ поклоновъ, ласково подвигался приборъ...

— «Если кто намъ окажетъ услугу, — такъ это Россія!» говаривалось часто за обѣдомъ: — «пусть только Россія не мѣшаетъ, намъ завоевать свободу для Италіи: Италія дастъ свободу всему міру!..» Бѣдные! съ ихъ дѣтскою вѣрою во все, они такъ мало походили на преступниковъ, избѣгнувшихъ висѣлицы, что романическій искатель извергов, увидѣвъ ихъ, непремѣнно почувствовалъ бы разочарованіе. Ихъ скромные и сдержанные пріемы, наружность, въ которой добродушіе итальянца закрывало и силу воли и рѣшимость, — соотвѣтствовали какъ нельзя болѣе положенію людей, приходящихъ пообѣдать, а вовсе не собравшихся жечь, разбивать и уничтожать порядокъ — хотя бы даже и австрійскій. Маленькая газета ими издаваемая, отражала гораздо ярче то, что въ нихъ происходило. Смерть Австріи, бурбонамъ и фратамъ, соединеніе воедино, статутъ и Италія итальянцевъ — требовались каждою ея статьею, — и это конечно было очень дурно и обличало большой запасъ неблагодарности въ людяхъ къ правительствамъ, не успѣвшимъ, даже ихъ повѣсить... Но этимъ и ограничивались ихъ преступленія...

Въ неблагодарномъ обществѣ, собравшемся со всѣхъ концовъ Италіи, — изъ княжескихъ дворцовъ Милана и Флоренціи, изъ каменоломенъ Каррары, изъ венеціанскихъ палаццо, изъ римскихъ мастерскихъ, — господствовало что-то въ родѣ дисциплины убѣжденій. Только разъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, чрезмѣрно увлеченный жаркимъ разговоромъ, одинъ ломбардскій выходецъ забылся и заносчиво воскликнулъ: «Э! да что такое пьемонтцы? пьемонтцы не итальянцы—они французы!»—точь-въ-точь, какъ Камфора со своихъ козелъ.

Выходка эта произвела тяжелое впечатлѣніе: всѣ переглянулись и опустили глаза въ тарелки. Никто не сказалъ ни слова, потому что внутренно всякій думалъ то же.... Только лакей, очевидно недослышавшій всего, спросилъ мрачно: «cosa» (что такое)? и измѣрилъ съ ногъ до головы проговорившагося патріота.

Ну, не странно ли, что люди, спасенные Пьемонтомъ, думавшіе спасти имъ и всю Италію, — сами отказываютъ ему даже въ

итальянскомъ имени? Что это: зависть или заблужденіе? Можетъ быть и не то, и не другое....

Пьемонтецъ въ самомъ дѣлѣ болѣе французъ, чѣмъ итальянецъ; даже типъ его составляетъ уже переходъ къ южно-французскому типу. Синяя блуза простолюдина и французскій языкъ высшаго сословія, два французскихъ театра въ Туринѣ, нѣкоторая доля этикета и неговорливость постоянно озабоченнаго дѣломъ народа—охлаждаютъ итальянца, для котораго не поговорить — значитъ и дѣла не сдѣлать.

Маріо въ Пьемонтѣ почти невозможенъ, а половина итальянцевъ — Маріо. Между тѣмъ пьемонтцу не до басенъ: шестилѣтній мальчикъ уже рубитъ въ Специи мраморъ на пристани, а генуэзецъ, какъ каторжникъ, встрѣчаетъ и проводитъ день въ своей конторѣ или ворочаетъ тюки въ гавани. Въ Туринѣ, Алессандріи, Новаррѣ, трудятся, чтобъ выплатить налогъ на строющуюся крѣпость, на туннель, который пробуравитъ Альпы—всюду та же трудовая жизнь, и ея вѣчный лозунгъ: «guerra all'Austria!» Стѣны туринскихъ зданій были исписаны этимъ крикомъ Пьемонта въ то время, когда въ воздухѣ горѣло самое мирное солнце. Банкиръ—эта ртуть войны и мира, въ Пьемонтѣ говорилъ о вожделеніи войны, и на свои червонцы смотрѣлъ какъ на отрядъ волонтеровъ, припасенный на всякій случай.... Женщина считала своимъ долгомъ — родить Италіи сына и Австріи врага. Въ такомъ горнилѣ человѣкъ пріобрѣтаетъ закалъ съ дѣтства и сосредоточивается въ кружкѣ интересовъ исключительныхъ. Онъ дѣлается эгоистомъ патріотизма.... Но не въ этомъ ли эгоизмѣ и вся сила націй?

Пришельцу изъ странъ нѣги, покоя и созерцательной тишины было не по себѣ между такими крѣпкими мускулами. Воинственность, которая такъ къ лицу коренастому пьемонтцу, наводила нѣкоторый ужасъ на неаполитанца, похожаго и подъ ружьемъ на переодѣтаго статиста.... И если слабая, какъ женщина, Италія отдавала свою руку этому солдату, плохо говорящему по-итальянски, то сердце оставалось чуждо сдѣлкѣ.... Крѣпкая на память, она не умѣла забыть исторіи славы своихъ Флоренцій, Пизъ, Венецій, готовыхъ лучше кое-какъ донашивать отрепья своихъ порфиръ, чѣмъ переодѣться въ платье простыхъ гражданокъ Пьемонта.

— Безъ Рима нѣтъ Италіи! твердили самые практическіе патріоты, и никли головами: — только передъ Квириналомъ и Капитоліемъ преклонится Италія.

Слова ихъ дѣлаются пророчествомъ....

.... Дальше въ Пьемонтъ, лихорадка, готовившая кризисъ, била все болѣе и сильнѣе Италію.... Въ Генуѣ въ окнахъ магази-

новъ висѣли портреты Орсини и его защитника Фавра. По улицамъ расхаживали толпы офицеровъ, солдатъ и простыхъ граждань, съ какою-то вызывающею на бой рѣшимостью и задирчивостью. Guerra! пестрила всѣ дома.... У Новарры, у Алессандріи возвышались валы изъ свѣжей земли, подъ руками нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ.... Il Fischietto (Свистокъ) (*) кусался на сѣверъ и на югъ, и состоялъ въ категоріи патроновъ у воротъ Милана. Рѣзвый Тичино на рубежѣ Ломбардіи журчалъ что-то недоброе камышамъ, и сердце сжималось при видѣ его низменныхъ, одинъ другому враждебныхъ береговъ.... Высокій мостъ, съ мальтійскимъ крестомъ на одномъ концѣ и двуглавымъ растрепаннымъ орломъ на другомъ, желтая съ чернымъ рогатка заставы —

Colore esecrabile per un italo cor (**) —

все говорило о неизбѣжной встрѣчѣ.... Дальше—бѣлые мундиры на улицахъ Corso francesco и на площади миланскаго дуома, штыки кроатовъ и двуглавые орлы.... Тамъ — тихія долины, переплетенныя гирляндой виноградныхъ лозъ, и Lago di Garda (Гардское озеро), которымъ, какъ голубыми чудными очами, глядитъ Ломбардія.... и опять бѣлые мундиры въ Пескьерѣ и штыки на лазури неба....

Вотъ, на одной изъ станцій, два жандарма съ карабинами ведутъ въ вагонъ угрюмаго и блѣднаго человѣка.... Паровозъ засвистѣлъ. Онъ оглянулся назадъ — и можетъ быть и «Изгнанникъ» Канту пришелъ ему на память:

Въ послѣдній разъ стоя надъ голой стремниной,
Прощаюсь я съ милой ломбардской долиной.
Прими поцалуй мой и вздохъ и поклонъ....
О, какъ вы, когда васъ лишаюсь на вѣки,
Милѣй мнѣ озера, и горы, и рѣки,
Луговъ изумрудъ, голубой небосклонъ....

Венеція подплыла въ своемъ вѣчномъ траурѣ и тишинѣ.... Черныя гондолы, да колокола церквей своимъ монастырскимъ звономъ одни мягко и жалобно носились надъ ея лагунами.... Австрійская пушка гремѣла зарю.... Паспортная коммиссія судила пріѣзжихъ, раздѣляла на группы и таинственно пропускала однихъ, задерживая, неизвѣстно почему, другихъ. Офицеръ въ бѣломъ мундирѣ грозно предсѣдательствовалъ.

(*) Журналъ политическихъ каррикатуръ, въ родѣ англійскаго *Понча*.
(**) Цвѣтъ убійственный для итальянскаго сердца.

Венеція была такъ пуста, такъ грустна, что быть пустѣе и грустнѣе даже и ей казалось невозможно....

Спустя три года, я переѣзжалъ Тичино. Узкая рѣка бѣжала въ дружныхъ берегахъ такъ же проворно, и шептали такъ же камыши... Воображеніе могло бы наслушаться многаго отъ этихъ бывалыхъ камышей.... На мосту, взорванномъ австрійцами и временно замѣненномъ деревяннымъ, двуглавый орелъ былъ замазанъ на-скоро тремя цвѣтами Италіи и еще сквозилъ своими растопыренными крыльями.... Въ Миланѣ, на мѣсто надписи Corso francesco, красовалось Corso Vittore Emanuelle, и *Свистокъ* продавался безпечно на улицахъ.... Тихія долины Ломбардіи лежали такъ же кротко. Деревья и виноградники обнимались такъ же мирно.... Ни слѣда отъ крови, утучнившей рисовыя поля.... Развѣ только всходы были гуще прежняго.... Еслибъ у станціи *Madжента* не продавали какихъ-то пуль, да австрійскихъ тесаковъ и гербовъ съ касокъ, то не повѣрилъ бы, что въ этомъ саду усиліями неслыханными люди избивали тысячами другъ друга и дико оглашали аллеи воплями звѣрскаго восторга или неудержимой боли....

— Eccolo Solferino — а вонъ и Сольферино, — показалъ кондукторъ на отдаленную возвышенность, царившую надъ долиною: — Австрійцы какъ съ крыши обсыпали насъ и французовъ, продолжалъ онъ: — каждое наше движеніе въ долинѣ имъ было видно. Страшная была штука (una cosa terribile) это сраженіе, синьоръ....

И точно, даже безъ австрійцевъ эта гора глядѣла угрозою на долину.... Какимъ образомъ можно было ихъ выбить оттуда—кажется просто невѣроятнымъ.

Но вотъ и Гардское озеро смотритъ, какъ и прежде, все тѣмъ же голубымъ и яснымъ взглядомъ.... и бѣлѣютъ опять, какъ и прежде, мундиры на стѣнахъ Пескьеры.... Только новыя еще укрѣпленія выросли, какъ изъ земли.... «Свистокъ» исчезаетъ изъ рукъ путешественниковъ, и пьемонтскіе кондукторы не безъ удовольствія набиваютъ имъ себѣ карманы.

Опять таможня; опять паспортное слѣдствіе, и томительный часъ ожиданія въ сквозной залѣ, съ бѣлыми офицерами за кружками пива.... Опять Австрія....

Австрійская Венеція какъ будто еще траурнѣе. Тишина ея еще тише.... Кроткая лагуна нагцетена рядомъ грозныхъ укрѣпленій, черныя жерла пушекъ выглядываютъ изъ нихъ, какъ глаза,[illegible]тству? Паспортная коммиссія еще таинственнѣй; даже бѣлый офиц[illegible] на свѣ[illegible]
[illegible]ного пу-

будто бѣлѣе.... У него на рукѣ почему-то трауръ.... Ужъ конечно не по Венеціи....

— Trista e la Venezia, signore, muta (печальна Венеція, нѣма)! говорилъ старый Беппо, гоня свою гондолу по темному безмолвному каналу: — giovini наши (молодежь) не поютъ по ночамъ баркароллъ, какъ бывало! Чуть ночь — толпами пробираются потихоньку въ Кіоджію, на рыбачьихъ лодкахъ, а оттуда къ Гарибальди. Скоро ни одного сына въ семьѣ не будетъ. Вотъ и мой Беппо — синьоръ знаетъ моего Беппо — тоже пошелъ въ красныя рубахи.... Ахъ, синьоръ, синьоръ, скоро ли кончатся tutte ste cose (всѣ эти вещи)?

— Скоро, Беппо, утѣшалъ я старика: — дождетесь, прійдетъ Гарибальди.

— Эхъ, синьоръ, ужъ кто бы тамъ ни пришелъ — хоть турки, намъ все равно! Только бы кончились tutte ste cose!

Бѣдный Беппо! бѣдная Венеція!

П. КОВАЛЕВСКІЙ.

(*) Жу
(**) Цв

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ НЫНѢШНИМЪ АВСТРІЙСКИМЪ ДѢЛАМЪ.

Вниманіе Европы сильно занято теперь австрійскими дѣлами; потому человѣкъ неопытный и легкомысленный можетъ предположить, что наши очерки, въ которыхъ будутъ разсказаны австрійскія событія послѣднихъ тринадцати лѣтъ, не нуждались ни въ какомъ другомъ поводѣ къ своему появленію на свѣтъ. «Что такое дѣлается теперь въ Пештѣ, Вѣнѣ, Прагѣ, Загребѣ? спрашиваетъ каждый: — какъ возникло это запутанное положеніе? откуда взялись эти Шмерлинги и Сѣчены? чего они хотятъ? на что они могутъ согласиться? почему ими недовольны ни Рехбергъ и Бенедекъ, ни венгры, ни австрійскіе нѣмцы, ни австрійскіе славяне? Поставленные между разнорѣчивыми стремленіями разныхъ народностей и представителями прежней системы, на какую сторону склонятся люди, управляющіе теперь судьбами Австріи? чего кто хочетъ въ Австріи, и что въ ней выйдетъ?—это любопытно узнать каждому; потому натурально явиться въ журналѣ статьѣ, объясняющей нынѣшнее положеніе Австріи ходомъ предшествовавшихъ событій. Другихъ поводовъ не нужно искать.»

Нѣтъ, о легкомысленный и неопытный читатель, нельзя довольствоваться такими поверхностными мыслями! неужели ты думаешь, что мы унизились бы до служенія суетному твоему любопытству? Положимъ, что въ Австріи путаница,—но мало ли путаницъ на свѣтѣ; обозри шаръ земной мысленнымъ окомъ, ты увидишь много пу-

таницъ, еще менѣе тебѣ понятныхъ. Читалъ ли ты, что въ Мехикѣ Хуаресъ или кто-то другой побѣдилъ Мирамона? Согласись, что Мирамонъ и Хуаресъ еще загадочнѣе для тебя, чѣмъ Шмерлингъ и баронъ Вай. Почему же мы пишемъ не о Мехикѣ, а объ Австріи? Тутъ очевидно есть другая причина, кромѣ желанія разъяснить темныя для тебя отношенія. Читатель можетъ отвѣчать: «но Мехикою не интересуется никто, Австріею заняты всѣ». Положимъ, такъ; но почему не заняты? Вотъ въ это и надобно вникнуть: изслѣдуй причину своего любопытства, посмотри въ корень, по правилу Кузьмы Пруткова.

Итакъ, почему публику интересуетъ австрійская путаница? Иной скажетъ: по географическому сосѣдству. Нѣтъ, этого мало. Граничитъ съ Россіею Персія, граничитъ Бухара, и драматическихъ эпизодовъ въ этихъ земляхъ происходитъ ужь навѣрное не меньше, чѣмъ въ Австріи; почему же мы не интересуемся ими? Теперь причина обнаруживается уже довольно ясно. То—страны, слишкомъ низко стоящія на пути цивилизаціи, недостойныя особеннаго вниманія исторіи, не завлекательныя для просвѣщенной мысли,—Австрія не то: это страна, довольно высоко поднявшаяся въ цивилизаціи, потому дѣла ея и любопытны.

Такъ. Но чѣмъ же измѣряются успѣхи цивилизаціи?—Развитіемъ науки, искусствъ, литературы, поэзіи. Назовите же мнѣ хоть одного австрійскаго философа или историка, живописца или романиста, поэта или скульптора. Ни о какомъ австрійскомъ имени ни по какому изъ этихъ сортовъ никто никогда не слыхивалъ; никто не можетъ назвать ни одного, —

Молчанье на вызовъ отвѣтъ.

Такъ оно и было до послѣдняго времени; потому и мы до послѣдняго времени молчали объ Австріи: она не представляла доказательствъ, что достигла высокой цивилизаціи.

Но неужели то же и теперь? Припомните, не имѣетъ ли Австрія теперь знаменитаго человѣка по одному изъ высшихъ направленій цивилизаціи? нѣтъ ли австрійскаго имени, которое было бы драгоцѣнно каждому изъ насъ? нѣтъ ли австрійца, которому былъ бы каждый изъ насъ обязанъ признательностью за возбужденіе многихъ высокихъ идей, за доставленіе многихъ минутъ возвышеннаго наслажденія? Подумайте....

А на какомъ же языкѣ, позвольте васъ спросить, писалъ свои благоуханныя произведенія Яковъ Хамъ? какой онъ націи поэтъ, позвольте васъ спросить? — «На австрійскомъ! австрійскій!» гремитъ

дружный отвѣтъ всѣхъ читателей, и на глазахъ у каждаго является слеза умиленія.

Вотъ то-то же, недогадливые люди. Появленіе Якова Хама возвеличило Австрію, показало въ ней страну великую, достойную изученія; и вотъ мы изучаемъ ее.

I.

До 1815 года Австрія существовала на свѣтѣ очень благополучно и очень тихо, кромѣ однихъ тѣхъ случаевъ, когда приходила ей охота воевать съ кѣмъ нибудь: тутъ поднимался по необходимости громъ и трескъ; австрійцевъ обыкновенно били,—сначала Фридрихъ Великій, потомъ французскіе республиканскіе генералы, потомъ Наполеонъ; побивъ ихъ достаточное количество разъ, побѣдитель отрѣзывалъ себѣ какую нибудь часть прежнихъ австрійскихъ владѣній; если эта отрѣзанная часть не возвращалась потомъ Австріи, начинала она сливаться съ другимъ государствомъ и сама не жалѣла о томъ, да и Австрія не жалѣла о томъ; такъ было съ Силезіей. Если же потерянныя земли возвращались, какъ, напримѣръ, провинціи, отнятыя у Австріи Наполеономъ, тоже не происходило ничего особеннаго: возвращавшіяся провинціи думали: «вотъ и прекрасно!» другія австрійскія провинціи тоже думали: «вотъ и прекрасно!» А внутренняя австрійская жизнь при всѣхъ этихъ разгромахъ и безвозвратныхъ потеряхъ и при возвращеніи другихъ потерь шла себѣ очень ладно.

Не были исключеніями изъ этого ни Миланъ съ Венеціею, ни Венгрія. Венгры были очень привержены къ Австріи, не поддались во время наполеоновскихъ войнъ никакимъ уловкамъ Наполеона, рекомендовавшаго имъ отдѣлиться отъ Австріи при его помощи, и сражались противъ него за Австрію съ полнымъ усердіемъ, изъ всѣхъ своихъ силъ. А миланцы оказались еще усерднѣе: они сами низвергли прежнее свое правительство, зависѣвшее отъ Французской имперіи, и сами отдались австрійцамъ въ 1814 г.,—поступили точь-въ-точь по Нестору, будто начитались несторовато поклонника Шлёцера: «пріидите княжить и володѣть нами». Венеціанцы также приняли австрійскихъ главнокомандующихъ и губернаторовъ, вмѣсто французскихъ, съ удовольствіемъ. Теперь оно кажется невѣроятно, а тогда въ самомъ дѣлѣ ломбардо-венеціанцы имѣли такія чувства; и, что еще невѣроятнѣе, для нынѣшняго мнѣнія, надобно сказать, что сѣверо-восточная Италія не проиграла, а выиграла на первое время передъ остальною Италіею тѣмъ, что стала подъ господство

австрійцевъ. Да и не на первое время только, а вплоть до самаго 1848 года остальные итальянцы могли во многомъ завидовать положенію своихъ сѣверныхъ соотчичей подъ австрійскою властію. Нечего разсказывать, какой порядокъ былъ до прошлаго года въ Неаполѣ, — этотъ порядокъ существовалъ въ Неаполѣ съ самаго 1814 года. Въ Папской Области хозяйничанье было точно такое же съ той же самой поры. Ничѣмъ не отличался отъ Неаполя съ Папской Областью и Піэмонтъ до самыхъ послѣднихъ мѣсяцевъ 1847 г.: въ немъ такъ же безгранично владычествовала клерикальная партія, доводившая до крайности систему Меттерниха, котораго слѣдуетъ назвать либеральнымъ по сравненію съ піемонтскими его учениками. Въ этомъ отзывѣ нѣтъ ничего преувеличеннаго: сами итальянцы свидѣтельствуютъ, что до 1848 года Ломбардо-Венеціанское королевство управлялось гораздо лучше остальной Италіи: оно имѣло, по крайней мѣрѣ, не очень дурное судопроизводство по обыкновеннымъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, не относившимся къ политикѣ; оно имѣло довольно исправную полицію въ хорошемъ смыслѣ слова—въ томъ смыслѣ, что воры не могли вламываться безнаказанно въ домы, грабить людей по улицамъ и по большимъ дорогамъ; самыя дороги содержались въ исправности и улучшались; строились даже желѣзныя дороги, одна мысль о которыхъ считалась преступной въ остальной Италіи. Словомъ сказать, Ломбардо-Венеціанское королевство пользовалось такимъ же сноснымъ полицейскимъ и судебнымъ управленіемъ, какъ Саксонія или Баварія. Ничего подобнаго въ остальной Италіи не было: тамъ господствовала полнѣйшая безурядица, самая произвольная, самая безнадежная. Въ Піэмонтѣ, въ Пармѣ, въ Моденѣ, Романьѣ, Умбріи, Неаполѣ, Сициліи нельзя было получить управы ни на какого уличнаго мошенника, добиться правильнаго рѣшенія ни по какому гражданскому иску: полиція находилась на откупу у воровъ и бандитовъ, судебная власть рѣшала всѣ процессы по взяткамъ или связямъ. Мы все это говоримъ къ тому, что масса итальянскаго населенія, еще не думавшая ни о національномъ единствѣ, ни о какихъ политическихъ вопросахъ, завидовала ломбардо-венеціанцамъ: землевладѣльцы, купцы остальной Италіи находили, что ломбардо-венеціанцы лучше обезпечены въ своей собственности, имѣютъ гораздо больше простора по своимъ хозяйственнымъ и денежнымъ дѣламъ, чѣмъ они; поселяне, когда случалось имъ слышать или думать о чемъ нибудь, происходящемъ за границею ихъ прихода, находили то же самое; но слишкомъ рѣдко, слишкомъ немногіе изъ поселянъ и думали о чемъ нибудь такомъ. Сельское населеніе до послѣдняго времени жило по всей Италіи въ такомъ патріархальномъ застоѣ, что не только въ ка-

какихъ нибудь 1830-хъ годахъ, но въ 1848 году или вовсе оставалось чуждо всякаго отношенія къ событіямъ, или расположено было поддерживать прежній порядокъ. Даже въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ большинство поселянъ въ 1848 году было очень довольно возстановленіемъ австрійской власти.

А если такъ было въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, если тамъ въ теченіе долгихъ лѣтъ послѣ 1814 года господствовала скорѣе готовность къ довольству судьбою, отдавшею эти земли подъ австрійскую власть, чѣмъ расположеніе къ какой нибудь оппозиціи правительству, — если и въ Венгріи владычествовала совершенная преданность габсбургскому дому, то объ остальныхъ австрійскихъ земляхъ нечего и говорить. Чтобы видѣть, какъ смирны, послушны, даже расположены къ обскурантизму были мысли въ провинціяхъ Австріи, принадлежащихъ къ нѣмецкому Союзу, мы обратимъ вниманіе на столицу; вѣдь столица всегда бываетъ самымъ прогрессивнымъ городомъ, — а въ столицѣ обратимъ вниманіе на молодежь, которая уже всегда бываетъ самою прогресивною частью населенія, и притомъ на университетскую молодежь, самую передовую часть молодежи. Мы увидимъ, что однимъ изъ первыхъ проявленій переворота былъ адресъ, поданный студентами императору. Мы увидимъ, что для поднесенія этой просьбы императору выбранъ былъ профессоръ Ги, пользовавшійся огромнѣйшею популярностью между студентами. Онъ послѣ 1848 года, во все продолженіе сильнѣйшей реакціи, занималъ важное мѣсто по управленію, написалъ множество законовъ, имѣлъ сильное вліяніе на дѣла, совершенно въ такомъ духѣ, какой тогда требовался; и для этого не было ему надобности измѣнять свои прежнія убѣжденія.

Словомъ сказать, когда основалась нынѣшняя Австрійская имперія съ 1813 и 1814 гг., никакихъ оппозиціонныхъ расположеній не существовало въ составившихъ ее народахъ, и было бы чрезвычайно легко управлять ими такъ, чтобы они Богъ-знаетъ сколько времени оставались, — не говоримъ покорны, потому что о непокорности никто и не думалъ, — нѣтъ, всею душою привержены къ австрійскому правительству. Закваска этой приверженности была такъ сильна, такъ живуча, что очень долго не могла быть искоренена не только въ массахъ, — въ массахъ она оставалась даже и въ 1848 году въ самой Ломбардіи, — а даже въ прогрессивнѣйшихъ слояхъ венгерскаго общества, не говоря уже о славянахъ и нѣмцахъ. Какими же силами произведена была поразительная перемѣна въ расположеніи умовъ, обнаружившаяся событіями 1848 года? Почему образованныя сословія потребовали перемѣны, прибѣгли къ насильственнымъ

средствамъ для ея полученія; а расположенная къ правительству масса покинула его безъ помощи?

Многіе тутъ говорятъ о развитіи мадарскаго патріотизма, о панславизмѣ, объ итальянскомъ стремленіи къ единству, приписывая дѣло неудержимому пробужденію національностей, которыя будто бы почувствовали невозможность ужиться мирнымъ образомъ въ одномъ государствѣ. Спора нѣтъ, передъ 1848 годомъ уже существовало въ чехахъ очень сильное нерасположеніе къ нѣмцамъ и даже намѣреніе ввести въ Австріи федеративную систему, а венгры и ломбардо-венеціанцы даже воевали тогда противъ австрійцевъ; но чтобы рѣшить, должны ли эти національныя чувства считаться причиною переворота, надобно точнѣе опредѣлить, во-первыхъ, какое направленіе имѣли они даже и въ 1848 году у чеховъ и венгровъ, а во-вторыхъ, какимъ образомъ развились они до политическаго значенія и у нихъ, и у австрійскихъ итальянцевъ.

Мы ни мало не желаемъ уменьшать значенія, принадлежащаго національностямъ; но отъ національнаго чувства до стремленія къ полной государственной отдѣльности отъ другихъ племенъ и къ государственному единству съ другими частями своего племени еще очень далеко. Конечно, такое стремленіе является логическимъ выводомъ изъ національнаго чувства, и въ сознаніи нѣкоторыхъ народовъ такой выводъ уже сдѣланъ; но не дадимъ себѣ забывать о безчисленномъ множествѣ фактовъ, изъ-за громкихъ событій, которыми проявился онъ въ нѣкоторыхъ странахъ, напримѣръ въ послѣдніе два года въ Италіи. Не будемъ говорить о такихъ государствахъ, какъ Португалія и Голландія. Мы видимъ, что голландцы, одно изъ нижне-нѣмецкихъ племенъ, не имѣютъ никакого желанія присоединяться къ нѣмецкой Имперіи, которую хотятъ устроить себѣ другіе нѣмцы; а португальцы, отличающіеся по языку отъ жителей Мадрида не больше, чѣмъ андалузцы, и меньше, чѣмъ арагонцы, до сихъ поръ не обнаруживаютъ стремленія слиться въ одно государство съ остальными испанцами. Скажутъ, что Испанія не имѣетъ достаточнаго блеска, что нѣмецкаго единства еще нѣтъ въ близкой перспективѣ, что нерасположенность голландцевъ и португальцевъ стремиться къ національному идеалу происходитъ только отъ разсудительнаго разсчета, запрещающаго жертвовать вѣрнымъ для невѣрнаго. Возьмемъ другой фактъ, относящійся къ народности, самой блистательной по своему политическому единству, проникнутой самымъ укорененнымъ и пылкимъ энтузіазмомъ къ нему. Савойцы не имѣли ровно никакого расположенія перейти къ Французскому государству отъ итальянскаго Піэмонта. Французская часть Швейцаріи рѣшительно враждебна

проектамъ о ея присоединеніи къ Франціи. Да и въ итальянскомъ племени есть такой же примѣръ. Итальянская часть Швейцаріи не имѣетъ ни малѣйшаго расположенія присоединиться къ Итальянскому королевству, и самому Маццини, вѣроятно, не приходила никогда мысль о такомъ присоединеніи. Этихъ примѣровъ достаточно, чтобы сдѣлать такое заключеніе: еще и въ нынѣшнее время, въ 1860-тыхъ годахъ, національныя идеи сами по себѣ не имѣютъ такой силы, чтобы заставлять часть племени стремиться къ соединенію въ одно государство съ другими частями того же племени и къ разрушенію государства, въ которомъ она соединена съ другими племенами. Просимъ не придавать нашимъ словамъ теоретическаго смысла, не считать ихъ выраженіемъ нашего идеала: точно такъ же должны бы мы были сказать, напримѣръ, что еще не всѣ народы проникнуты стремленіемъ къ цивилизаціи или къ справедливымъ общественнымъ учрежденіямъ. Мы только свидѣтельствуемъ о существованіи факта; только характеризуемъ нынѣшнюю ступень человѣческаго развитія. Если, напримѣръ, мы читаемъ о какомъ нибудь переворотѣ въ Персіи или Кабулѣ, мы никакъ не можемъ, къ сожалѣнію, повѣрить писателю, который вздумалъ бы объяснить его стремленіемъ мѣстныхъ племенъ къ просвѣщенію, недовольствомъ ихъ на господствующій въ тѣхъ земляхъ обскурантизмъ, — тѣ народы еще не дошли до такой охоты просвѣщаться, чтобы могли возникать изъ нея политическія событія. Точно также мы говоримъ, что еще и до сихъ поръ въ Европѣ національность сама по себѣ недостаточна для произведенія перемѣнъ въ распредѣленіи границъ. Еще и теперь необходимо присутствіе другихъ болѣе сильныхъ причинъ, чтобы могло произойти что-нибудь важное. Если, напримѣръ, Молдавія и Валахія очень сильно пожелали соединиться въ одно государство, тутъ дѣйствовало очень простое обстоятельство чисто матеріальнаго, если хотите, даже хозяйственнаго характера: жители Валахіи подвергались грабительству турокъ, жители Молдавіи также; каждая область въ отдѣльности не чувствовала у себя силы помѣшать туркамъ грабить ее, — вотъ они и вздумали соединиться, въ надеждѣ, что соединившись будутъ имѣть силу успѣшнѣе защищаться отъ грабежа. Національность была тутъ лишь облегчающимъ обстоятельствомъ, а не коренною причиною соединенія.

Опять просимъ не придавать нашимъ словамъ преувеличеннаго значенія. Мы вовсе не говоримъ, что національное чувство не составляетъ теперь факта, уже очень важнаго, не служитъ очень сильнымъ пособіемъ къ происхожденію извѣстныхъ событій, — служитъ безъ всякаго сомнѣнія. Но мы видимъ, что и теперь еще нужны для произведенія событій другія причины, кромѣ этой, что безъ

другихъ причинъ національное чувство еще не возбуждаетъ стремленія къ государственному единству. Мы все это говоримъ только къ тому, чтобы привести въ надлежащія границы господствующее преувеличенное мнѣніе, будто бы главная причина нынѣшнихъ австрійскихъ событій—разноплеменность австрійскаго населенія, будто бы и десятки лѣтъ тому назадъ, какъ теперь, нужны были Богъ знаетъ какія усилія, чтобы удержать Австрійскую имперію отъ распаденія, которымъ будто бы грозила ей собственно разноплеменность ея провинцій. Дѣло и теперь не совсѣмъ таково, какъ мы увидимъ; а лѣтъ 40 тому назадъ — было рѣшительно не таково.

Изъ австрійскихъ славянъ самый сильный оттѣнокъ враждебности къ нынѣшнему устройству Австріи имѣетъ національное чувство у чеховъ. Извѣстно, что они всегда и были предводителями австрійскихъ славянъ въ политической тактикѣ. Что же?—До сихъ поръ огромное большинство прогрессивной партіи у чеховъ считаетъ дѣломъ необходимости имѣть Вѣну столицею Австрійской имперіи,—не говоримъ уже о томъ, что оно считаетъ необходимостію сохранить самую Австрійскую имперію. Въ 1848 г. это чувство было еще сильнѣе: чешскіе депутаты въ рѣшительную минуту спасли австрійское правительство на вѣнскомъ сеймѣ. А венгры? Читатель помнитъ письмо Семере о томъ, что венграмъ необходимо поддерживать единство Австрійской имперіи, что ея разрушеніе было бы для нихъ гибельно. Увлеченный этою мыслью, Семере говорилъ даже, что венгры должны принять дипломъ 20 октября и примириться съ вѣнскимъ правительствомъ на его основаніи. Этотъ Семере былъ министромъ при Кошутѣ въ 1848 году. Самъ Кошутъ еще весною 1848 г. не хотѣлъ отдѣляться отъ Австріи, и знаменитая рѣчь его 3 марта (1848 г.), о которой мы еще будемъ говорить, заключаетъ въ себѣ выраженія искренней преданности австрійскому императору.

Такимъ образомъ даже въ началѣ 1848 года національное чувство самыхъ радикальныхъ людей между австрійскими славянами и венграми еще не представляло ничего враждебнаго сохраненію Австрійской имперіи. Другое дѣло — ломбардо-венеціянцы; они тогда уже дѣйствительно хотѣли отторгнуться отъ Австріи: какимъ же образомъ дошло національное чувство у нихъ до желанія отторгнуться отъ Австріи, а у чеховъ и венгровъ, не дошедши до этого, все-таки получило сильный политическій вѣсъ, когда за тридцать, даже за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ оно не имѣло ровно никакого политическаго значенія?

Дѣло объясняется очень просто. Есть очень вѣрный способъ увидѣть чорта,—надобно только чувствовать себя достойнымъ попасться въ лапы къ нему,—всматриваться въ каждый уголокъ, не лѣзетъ

ли онъ оттуда, и въ этой трусости прибѣгнуть къ заклинаніямъ противъ него, чтобы онъ не смѣлъ явиться,—онъ не замедлитъ придти. Съ самаго 1814 года австрійскіе правители рѣшили, что слѣдуетъ имъ бояться злоумышленій противъ Австрійской имперіи и у славянъ, и у венгровъ, и у итальянцевъ, которые тогда и въ головѣ своей не имѣли не только злоумышленій, но и ровно никакихъ общественныхъ или политическихъ мыслей; что слѣдуетъ также опасаться успѣховъ просвѣщенія у австрійскихъ нѣмцевъ, не имѣвшихъ ни капли охоты дѣлать успѣхи въ просвѣщеніи. На этихъ двухъ соображеніяхъ была построена вся внутренняя политика австрійскаго правительства. Безъ всякой надобности, она стала преслѣдовать просвѣщеніе и стѣснять всѣ провинціи во всемъ; ну, разумѣется, человѣкъ не камень; какъ бы ни былъ онъ безчувственъ, не можетъ онъ не почувствовать наконецъ стѣсненія, когда тѣснятъ его; вотъ и явилось неудовольствіе противъ австрійскаго правительства во всѣхъ провинціяхъ. Гдѣ населеніе говорило тѣмъ же нѣмецкимъ языкомъ, какъ и правительство, тамъ стали говорить, что стѣснительна система, что надобно перемѣнить систему. Но ужь это въ нѣкоторомъ родѣ тонкость—разбирать системы и принципы. За такое многотрудное дѣло берутся люди лишь при отсутствіи внѣшнихъ примѣтъ,—напримѣръ, гораздо легче различить, разнится ли отъ васъ человѣкъ цвѣтомъ волосъ или покроемъ одежды, языкомъ или исповѣданьемъ, чѣмъ замѣтить, въ чемъ разница между его и вашимъ характеромъ, вашимъ и его образомъ мыслей. Пойдите вы разбирайте, какой темпераментъ у человѣка, а блескъ черныхъ глазъ у черноволосаго виденъ каждому,—вотъ и рѣшено, что черноволосые люди одарены особенно пылкими страстями. Подобнымъ образомъ было и въ австрійскихъ провинціяхъ, населенныхъ не нѣмцами: акты стѣснительной системы писались на нѣмецкомъ языкѣ,—чего же больше? Значитъ, стѣснительно господство нѣмцевъ, значитъ надобно избавиться отъ нѣмцевъ,—и чехи начали толковать о народности, начали толковать о народности венгры, начали говорить ломбардо-венеціанцы, что они не хотятъ быть австрійцами, потому что австрійцы—нѣмцы, а они итальянцы. А нѣмцы эти были между прочимъ таковы: по титулу, послѣ Меттерниха первымъ сановникомъ въ Вѣнѣ былъ Коловратъ; исполнителемъ и прожектеромъ всѣхъ стѣснительныхъ мѣръ и преслѣдованій, настоящимъ правителемъ имперіи по внутреннимъ дѣламъ былъ Сѣдльницкій; усмирялъ Италію въ 1848 г. Радецкій; помощниками Меттерниха и Сѣдльницкаго были Монтекукколи и Коллоредо; Венгрія управлялась по совѣтамъ венгерца Аппони; теперь знамениты венгерцы Бенедекъ и Гіулай, или, по венгерскому выговору, Джулой,—

словомъ сказать, если разобрать поближе, то изъ людей, имѣвшихъ главное участіе въ управленіи съ 1814 до 1848 г., едва ли не одинъ Меттернихъ оказывается нѣмцемъ; остальные правители были люди славянской, мадярской и итальянской народностей. Какая же это нѣмецкая система и съ какой стати нѣмцы должны отвѣчать за Сѣдльницкаго, Радецкаго, Гіулая и Коллоредо?

Впрочемъ мы опять не говоримъ, что вражды національностей не было въ послѣднее время передъ 1848 годомъ. Какъ ей не быть! была очень сильная. Мы только говоримъ, что появилась она по обыкновенному порядку почти всѣхъ историческихъ явленій, по недоразумѣнію, по несообразительности. Существуютъ двѣ массы людей—положимъ двѣ націи, — которымъ нѣтъ ровно никакой надобности враждовать между собою. Но если одной изъ нихъ что нибудь тяжело, она тотчасъ начинаетъ думать, не виновата ли въ томъ другая; въ другомъ недостатки находить легче, чѣмъ въ себѣ, потому и оказывается всегда, что не мы виноваты въ своихъ бѣдахъ, а другіе; что намъ надобно не исправляться самимъ для избавленія себя отъ бѣды, а поссориться съ кѣмъ нибудь. Такимъ образомъ двѣ націи, изъ которыхъ каждая виновата въ своихъ бѣдахъ и не виновата въ бѣдахъ другой націи, начинаютъ сваливать другъ на друга вину въ своихъ бѣдахъ,—и вотъ уже является вражда, а при враждѣ уже необходимо становится бояться другъ друга, тѣснить другъ друга, помогать врагу мнимаго своего недруга, который отплачиваетъ тѣмъ же самымъ.

«Однако же, какъ ни говорите, а душою австрійской системы былъ Меттернихъ—нѣмецъ; его разноплеменные помощники были только исполнителями его воли. Ужасный человѣкъ былъ этотъ Меттернихъ; но зато и великаго ума былъ человѣкъ. Какъ же вы говорите, что не нужна, неосновательна была система, которой онъ держался? Неужели этотъ великій государственный человѣкъ не понималъ потребностей своего положенія?» — Какъ вамъ на это отвѣчать? Лучше всего, вѣроятно, будетъ отвѣчать по правдѣ. Господствующее мнѣніе о Меттернихѣ совершенно ошибочно. Начать съ того, что онъ вовсе не былъ ни человѣкъ безчувственный, ни обскурантъ, какъ его обыкновенно понимаютъ; напротивъ, онъ имѣлъ характеръ мягкій, былъ расположенъ къ добродушію, снисходительности, состраданію. Онъ только принужденъ былъ, какъ принужденъ бываетъ всякій разсудительный человѣкъ, сдерживать доброту своего сердца въ случаяхъ крайней необходимости. Что же касается до обскурантизма, то Меттернихъ очень недолюбливалъ его; если была у него душевная наклонность къ какому нибудь образу мыслей, то уже конечно къ либеральному; онъ нимало не таилъ, что желалъ бы

сдѣлать Австрію конституціоннымъ государствомъ, — къ своему сожалѣнію, онъ видѣлъ только, что это невозможно; навѣрное онъ не уступалъ просвѣщенностью своего образа мыслей ни Токвилю, столь знаменитому у насъ, ни Гизо, еще болѣе знаменитому, и безъ всякаго сравненія былъ въ душѣ либеральнѣе Тьера. Но опровергая одну сторону ошибочнаго мнѣнія о немъ, будто безчувственномъ обскурантѣ, мы должны, къ сожалѣнію, прибавить, что столь же ошибочно считать его человѣкомъ обширнаго ума. Чего онъ хотѣлъ? Конечно того, чтобы Австрія имѣла вліятельный голосъ между великими европейскими державами, — возвышать дипломатическое значеніе своего государства — цѣль всякаго дипломата. Никогда Австрія не была такъ ничтожна въ дипломатическомъ отношеніи, какъ при Меттернихѣ. Припомните европейскую исторію тѣхъ временъ. Очень важныя роли играютъ въ ней Англія, Россія, Франція. Австрія вѣчно является второстепенною спутницей той или другой изъ этихъ державъ. Самостоятельнаго голоса она не имѣетъ ни по какому общему европейскому вопросу. Въ самой Германіи русское вліяніе господствовало надъ австрійскимъ. Кто хочетъ убѣдиться въ дипломатической слабости Меттерниха, долженъ только просмотрѣть исторію переговоровъ о нѣмецкомъ таможенномъ Союзѣ. Всѣ второстепенныя нѣмецкія государства всегда *желали* опираться на Австрію противъ Пруссіи. Пруссія успѣла принудить всѣ ихъ подчиниться ея господству въ торговыхъ дѣлахъ, вступить въ таможенный Союзъ, которымъ распоряжается она. Чего, чего не старался сдѣлать противъ этого Меттернихъ, — но ничего не съумѣлъ сдѣлать. Онъ мѣшалъ возникновенію таможеннаго Союза, Союзъ возникъ и постепенно расширялся. Меттернихъ хотѣлъ заключить такой же союзъ съ южными и средними нѣмецкими государствами, пока Пруссія привлекала въ свой Союзъ сѣверныя, — не удалось ему и это. Государства, расположенныя къ Австріи, составили наконецъ свой особенный союзъ, видя, что съ Меттернихомъ ничего не сдѣлаютъ; надобно было по крайней мѣрѣ поддерживать этотъ союзъ, противный прусскому — Меттернихъ и того не съумѣлъ сдѣлать. Исторія этихъ жалкихъ, неловкихъ, вялыхъ попытокъ его — самая комическая исторія. Не показываютъ въ немъ большаго искусства и дѣла его со Швейцаріею. Швейцарія постоянно расположена была искать опору себѣ въ Австріи, опасаясь быть снова поглощена Франціей. Меттернихъ постоянно отталкивалъ отъ себя эту союзницу ссорами изъ-за неважныхъ для него причинъ. Столь же очевидно безсиліе Меттерниха и во внутренней политикѣ. Напрасно думаютъ, что онъ былъ врагомъ нововведеній, — онъ постоянно занимался проэктами раз-

ныхъ преобразованій и улучшеній, только ни одного не успѣлъ сдѣлать въ 34 года своего управленія: онъ поднималъ вопросъ, начиналъ совѣщанія о немъ, дѣло тянулось, потомъ встрѣчалась какая нибудь помѣха, оно бросалось, потомъ опять возобновлялось. Сколько хлопотъ, напримѣръ, было у Меттерниха съ австрійскимъ тарифомъ! и все-таки ничего не вышло изъ всѣхъ его хлопотъ.

Меттернихъ принадлежалъ къ числу такихъ же людей, какъ Талейранъ: они умѣютъ чрезвычайно ловко вести разговоръ или переписку о какой угодно темѣ, но сами придумать никакой темы не могутъ. Талейранъ при Наполеонѣ совершалъ чудеса дипломатическаго искусства, потому что Наполеонъ говорилъ ему: «на это дѣло надобно смотрѣть вотъ какъ; я хочу, чтобы вы сказали или написали вотъ что и вотъ что, а вы придумайте, какъ бы сказать или написать это половчѣе». Безъ Наполеона Талейранъ оказался идеаломъ ничтожества. Меттернихъ, подобно ему, былъ созданъ служить секретаремъ, дѣлопроизводителемъ, докладчикомъ, — словомъ сказать, служить превосходною правою рукою для кого нибудь. На его бѣду пришлось ему не облекать въ прекрасную форму чужія мысли, не хлопотать самымъ ловкимъ образомъ объ исполненіи чужихъ плановъ, а придумывать планы самому, — это было уже не по его силамъ. Мы безпрестанно видимъ людей, которые кажутся чрезвычайно умны, пока добиваются перваго мѣста въ какомъ нибудь дѣлѣ, и оказываются очень плохи, когда займутъ первое мѣсто. Въ этихъ людяхъ энергія характера вся поглощена изворотливостію на счетъ твердости, сила ума вся направлена на мелочи, въ которыхъ они величайшіе мастера и которыми они занимаются такъ мастерски, что уже никакъ не могутъ сообразить ничего существеннаго. Умны ли они? Богъ знаетъ какъ сказать: вѣроятно очень умны; потому что съ перваго же раза производятъ на всѣхъ впечатлѣніе очень умныхъ людей, которое и продолжается до той поры, какъ случится вамъ имѣть съ ними важное дѣло. Знаменитъ въ этомъ родѣ по военной части Маккъ, который всѣхъ поражалъ необыкновеннымъ умомъ, пока не поручили ему командовать арміею. Не столь знаменитъ Вейротеръ, такъ отлично устроившій аустерлицкое сраженіе; но этотъ Вейротеръ замѣчателенъ тѣмъ, что, будучи въ чинѣ полковника, показался геніаленъ даже самому Суворову, очень проницательному человѣку и притомъ не любившему хвалить австрійцевъ.

Мы замѣчаемъ однако, что опровергая господствующій ошибочный взглядъ на Меттерниха, мы сами допустили въ наши слова одну, едва ли не самую важную ошибку изъ этого неосновательнаго взгляда. Мы говорили, что Меттернихъ, будучи способенъ исполнять лишь должность секретаря или дѣлопроизводителя, не имѣлъ даро-

ваній, нужныхъ главному распорядителю. Но дѣло въ томъ, что напрасно и думаютъ, будто онъ былъ главнымъ правителемъ Австрійской имперіи, будто онъ могъ слѣдовать своей системѣ, дѣйствовать самостоятельно. Вовсе нѣтъ; его власть была очень обширна или, пожалуй, безгранична, но лишь на томъ условіи имѣлъ онъ ее, чтобы поддерживать извѣстную систему, не имъ составленную. Онъ былъ дѣйствительно только тѣмъ, къ чему имѣлъ полную способность, — былъ исполнителемъ чужихъ мыслей. Первыя 20 лѣтъ своего всемогущества (до 1835 г.) онъ управлялъ государствомъ въ императорствованіе Франца I. Имя Франца I далеко не такъ знаменито, какъ имя его министра, но существенный ходъ дѣлъ былъ направляемъ тогда не Меттернихомъ, а самимъ императоромъ. Францъ I не любилъ блистать, не имѣлъ ослѣпляющихъ дарованій къ изящнымъ разговорамъ, но имѣлъ всѣ качества самостоятельнаго дѣловаго человѣка. Онъ вникалъ во всѣ подробности дѣлъ до самыхъ мелочей каждаго отдѣльнаго управленія; у него былъ очень опредѣленный и совершенно твердый взглядъ на вещи; все, что дѣлалось при немъ, должно было дѣлаться въ его духѣ; онъ охотно признавалъ превосходство сообразительности въ своемъ министрѣ, уважалъ его блестящіе таланты, но справедливо находилъ, что самъ не нуждается въ опекунахъ, самъ можетъ давать направленіе, и давалъ его. Меттернихъ при немъ былъ только исполнителемъ воли императора. По кончинѣ Франца I, Меттернихъ 13 лѣтъ былъ уже дѣйствительно главою государства, — это правда; но въ прежнія 20 лѣтъ онъ такъ проникся системою, служителемъ которой былъ, что, и получивъ свободу распоряжаться дѣлами, не могъ уже дѣйствовать иначе, какъ въ прежнемъ духѣ, — да и поздно было бы ему измѣняться или перевоспитываться: въ 1836 году онъ имѣлъ болѣе 60 лѣтъ. Притомъ же, и въ это время свобода дѣйствій принадлежала ему больше на словахъ, чѣмъ по сущности отношеній. Здѣсь мы должны сдѣлать небольшое отступленіе.

Въ Англіи, въ Бельгіи, въ нынѣшней Италіи государственный человѣкъ, превосходящій своихъ совмѣстниковъ умомъ, можетъ доставить своимъ личнымъ убѣжденіемъ большое вліяніе на государственныя дѣла. Во-первыхъ, онъ пользуется свободою стать на ту или другую сторону. Чтобы пріобрѣсти помощь его дарованій и авторитетъ его имени, каждая изъ соперничествующихъ партій готова бываетъ сдѣлать довольно большія уступки его убѣжденіямъ. Такъ теперь Пальмерстонъ, не долюбливающій реформъ, очень сильно сдерживаетъ прогрессивную партію въ Англіи. Безъ него, вѣроятно, давно уже была бы произведена вторичная реформа палаты общинъ; но изъ уваженія къ нему, изъ надобности въ его содѣйствіи

прогрессисты или бездѣйствуютъ, или дѣйствуютъ слабо. Точно также, только въ противоположномъ смыслѣ, силенъ былъ герцогъ Веллингтонъ: когда онъ видѣлъ, что безъ произведенія реформы или подниметея волненіе въ государствѣ или отнимется власть у тори, онъ вынуждалъ торійскую партію производить самыя ненавистныя ей реформы. Тутъ мы дѣйствительно видимъ громадное вліяніе личной воли извѣстнаго человѣка на государственную жизнь. Еще быть можетъ ярче выказывается эта сила отдѣльнаго человѣка въ такихъ карръерахъ, какою были послѣдніе годы жизни Роберта Пиля. Когда онъ потребовалъ слишкомъ громадной уступки отъ партіи, признававшей его своимъ предводителемъ, и когда тори не согласились на эту уступку — на отмѣненіе хлѣбныхъ законовъ. Робертъ Пиль отошелъ отъ нихъ въ сторону, сталъ одинъ въ совершенной независимости ни отъ какихъ чужихъ желаній. Тотчасъ же нашлось довольно много людей, которые стали безусловно поддерживать его, полагаясь на его умъ больше, чѣмъ на свои собственныя симпатіи или антипатіи къ спорнымъ рѣшеніямъ. Такимъ образомъ Робертъ Пиль сдѣлался настоящимъ владыкою англійской государственной жизни: отъ него зависѣло, — уже лично отъ него, исключительно отъ него, — пропустить или отвергнуть каждую мѣру, посадить, удержать или низвергнуть каждое министерство. Онъ сталъ такъ могущественъ, что уже не соглашался быть первымъ министромъ, — онъ просто приказывалъ первому министру дѣлать такъ или иначе. Въ Австріи никто, какимъ бы титуломъ ни пользовался, не могъ имѣть подобнаго личнаго вліянія на духъ управленія. Тутъ правитель окруженъ исключительно людьми извѣстнаго направленія, и по самымъ формамъ устройства никакъ не можетъ замѣнить ихъ людьми другаго направленія; онъ имѣетъ полную власть мѣнять своихъ совѣтниковъ и помощниковъ какъ ему угодно: но всѣ новые непремѣнно будутъ людьми одной партіи со старыми. Еслибъ онъ захотѣлъ произвести какую нибудь реформу, онъ или былъ бы остановленъ ихъ совѣтами и сопротивленіемъ, или, поручивъ имъ исполненіе своей мысли, отдалъ бы реформу въ распоряженіе людей, не сочувствующихъ ей, и они повели бы дѣло такъ, что реформа ограничилась бы одними словами, а сущность дѣла осталась бы прежняя. Но трудно ему и пожелать реформы, которая дѣйствительно касалась бы сущности вещей, потому что человѣкъ не въ состояніи бываетъ ясно знать или желать того, что превышаетъ кругъ понятій среды, воспитавшей и продолжающей окружать его.

Кто безпристрастно взвѣситъ силу этихъ обстоятельствъ, тотъ не будетъ винить ни Меттерниха, ни Франца I-го за то, что они

держались извѣстной системы. Отдѣлиться отъ нея было не въ ихъ власти. А еслибъ и произошло въ ихъ личныхъ мысляхъ явленіе, которое никакъ не могло произойти,—еслибъ лично въ нихъ и явилось сомнѣніе относительно достоинствъ господствующей системы, явилось желаніе измѣнить ее, отъ этого не произошло бы никакого фактическаго результата, потому что ни Миттернихъ, ни самъ Францъ I не имѣли никакой личной силы надъ господствующею системою: они имѣли полную власть дѣлать все, чего требовала эта система, но ничего инаго не въ силахъ были бы исполнить. У нихъ была только форма личной силы, а существенной власти не было. Такъ распоряжается, повидимому, всѣмъ на пароходѣ и всѣми движеніями самаго парохода капитанъ; но въ его ли власти измѣнить рейсъ? Нѣтъ, онъ полновластенъ лишь для того, чтобы удерживать пароходъ въ направленіи, данномъ не волею капитана.

Австрія сложилась извѣстнымъ образомъ; вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ событій господство надъ австрійскою общественною жизнію принадлежало извѣстнымъ кругамъ общества, и сообразно съ ихъ интересами была устроена государственная машина; она по необходимости должна была дѣйствовать противъ элементовъ, не согласныхъ съ интересами господствующихъ сословій или круговъ. Францъ I и Меттернихъ были только органами этихъ коренныхъ властей, составлявшихъ своего рода парламентъ, хотя и безъ имени парламента, хотя и съ враждою противъ такого названія.

Еслибъ не это существенное обстоятельство, былъ бы не понятенъ весь ходъ австрійской исторіи до 1848 года. Положимъ, напримѣръ, Меттернихъ или Францъ I считали Ломбардо-Венеціанское королевство готовымъ отторгнуться отъ Австріи. Не только такимъ дѣловымъ людямъ, какъ они, но и людямъ, мало опытнымъ, самъ собою бросался въ глаза фактъ, дававшій вѣрную возможность обратить массу ломбардо-венеціанскаго населенія въ самыхъ усердныхъ приверженцевъ австрійскаго господства. Ломбардо-венеціанскіе поселяне должны были очень много давать землевладѣльцамъ за пользованіе землю; къ политикѣ и къ національности поселяне были совершенно равнодушны; но своими поземельными отношеніями они очень тяготились. Стоило только приступить къ выкупу земель въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ — и поселяне прониклись бы безграничною преданностію къ австрійскому правительству. Ничего подобнаго не сдѣлалъ и даже не думалъ дѣлать Меттернихъ, — это даже не приходило ему въ голову. Отдѣленный своею обстановкою отъ всего остальнаго въ государствѣ, онъ едва ли даже зналъ фактъ, извѣстный каждому, находившемуся не въ этомъ заколдованномъ кругу; а если онъ ко-

гда и слыхивалъ о немъ, — что очень сомнительно, — онъ рѣшительно не могъ знать его въ настоящемъ видѣ. Наконецъ, еслибъ онъ и зналъ ясно фактъ, котораго вѣроятно не зналъ и смутно, онъ не въ силахъ былъ бы подумать о томъ, чтобы воспользоваться имъ для упроченія австрійскаго владычества въ Италіи: такая мѣра была бы противна всему настроенію мыслей, какое навѣвалось на Меттерниха всѣмъ его окружающимъ, была бы противна духу господствовавшей системы; притомъ же она и не могла быть проведена посредствомъ тѣхъ органовъ дѣйствія, которые одни находились въ распоряженіи у Меттерниха.

На какую провинцію Австрійской имперіи мы ни взглянемъ, вездѣ мы увидимъ подобные факты, бывшіе очевидными для всѣхъ и незамѣтными или непонятными только для Меттерниха и другихъ австрійскихъ правителей.

Не онъ создалъ господствующую систему; онъ не силахъ былъ измѣнить ее; но оправдывая его, какъ отдѣльнаго человѣка, не бывшаго ни чѣмъ хуже другихъ, мы должны сказать, что система, органомъ которой онъ былъ, — система, съ успѣхомъ примѣнявшаяся къ дѣлу во времена Маріи Терезіи и Леопольда, оказывалась не пригодною для XIX вѣка и потому не могла не произвести дурныхъ послѣдствій. Мы уже видѣли, какими формами облеклось ея несоотвѣтствіе съ характеромъ времени. Въ нѣмецкихъ провинціяхъ прямо обнаруживался духъ системы; и въ 1848 г. лозунгомъ неудовольствія прямо и служила сущность дѣла: потребность политическихъ правъ для населенія. Мы не хотимъ подробно передавать здѣсь результата, какой самъ собою будетъ вытекать изъ послѣдующаго разсказа о событіяхъ; но все-таки выскажемъ здѣсь въ короткихъ словахъ это заключеніе, которое придавало бы комическій видъ всему дѣлу, если бы могли быть смѣшны недоразумѣнія, надѣлавшія столько страданій столькимъ милліонамъ. Каждому извѣстно, что человѣческія стремленія разгараются съ преувеличенной силой, когда должны рваться противъ препятствій и преслѣдованій. Изъ этого слѣдуетъ, что сила, съ какою въ 1848 году обнаружилось подавлявшееся тридцать лѣтъ стремленіе къ политическимъ правамъ, была гораздо значительнѣе, чѣмъ какой достигло бы это стремленіе, еслибъ не было раздражаемо стѣснительностію прежней системы. Что же мы видимъ однако и въ 1848 году въ такъ называемыхъ либералахъ и, пожалуй, радикалахъ нѣмецкихъ провинцій Австріи? Мы видимъ въ нихъ людей не довѣряющихъ своимъ силамъ, не надѣющихся на свое умѣнье, готовыхъ полагаться во всемъ на правительство, искреннѣйшимъ образомъ преданныхъ мысли, что надобно поддерживать его, никакъ не слѣдуетъ ослаблять

его, сознающихся, что сами не знаютъ ничего, не могутъ судить ни о чемъ, что правительство должно просвѣщать ихъ, подготовлять для нихъ рѣшенія. Стоило ли опасаться такихъ людей, стоило ли преслѣдовать ихъ, стоило ли даже отказывать имъ въ ихъ младенческихъ желаніяхъ? Рѣшительно не стоило. Если бы съ такими людьми имѣлъ дѣло дѣйствительно проницательный человѣкъ, онъ и не сталъ бы заботиться, какую конституцію для нихъ составить, а просто сказалъ бы: друзья мои, напишите все, что приходитъ вамъ въ голову,—я все подпишу не читавши. И онъ сдержалъ бы слово, потому что при какой бы то ни было конституціи онъ все-таки остался бы съ такими людьми безграничнымъ властелиномъ во всѣхъ дѣлахъ. Превосходнѣйшимъ доказательствомъ тому служитъ исторія Пруссіи въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ. Въ Пруссіи населеніе конечно гораздо развитѣе относительно политической жизни, чѣмъ въ нѣмецкихъ провинціяхъ Австріи; а между тѣмъ, что мы видимъ въ Пруссіи съ 1848 года по настоящую минуту? Покойному королю прусскому казалось нужно управлять государствомъ по извѣстной системѣ; зная такое желаніе короля, пруссаки выбирали депутатовъ, совершенно согласныхъ съ этою системою. Два года тому назадъ, по неизлечимости тяжелой болѣзни короля, началъ управлять государствомъ братъ его, державшійся другой системы; пруссаки въ соотвѣтствіе мыслямъ регента выбрали другихъ депутатовъ, вполнѣ раздѣляющихъ его желанія. Такимъ образомъ палата представителей ни мало не стѣсняетъ свободы дѣйствій прусскаго короля: онъ и теперь управляетъ государствомъ столь же полновластно, какъ управляли его предшественники до возникновенія палаты депутатовъ. А если въ Пруссіи палата депутатовъ до сихъ поръ остается ни мало нестѣснительною для правительства формальностью, то въ Австріи, менѣе развитой, она была бы еще менѣе стѣснительна до сихъ поръ, а еще гораздо меньше вліянія на дѣла имѣла бы тридцать или сорокъ лѣтъ тому назадъ, при Францѣ I и Меттернихѣ.

Но безпрестанно мы видимъ примѣры, что человѣкъ становится недоволенъ, не получая на свое желаніе согласія, которымъ не воспользовался бы, если бы получилъ его. Мы говорили, что такъ и случилось съ австрійскими нѣмцами: у нихъ явилось и стало рости неудовольствіе на то, что не предоставляются имъ политическія права, изъ которыхъ навѣрное они не сдѣлали бы никакого употребленія, когда бы Меттернихъ не опасался удовлетворить ихъ желанію. Въ нѣмецкихъ провинціяхъ, какъ мы говорили, система Меттерника стала считаться реакціонною.

Въ другихъ провинціяхъ, населенныхъ славянами, венграми или итальянцами, называлась она иначе—системою онѣмеченія, вражды

противъ національностей. Оно, если хотите, такъ по наружности, но сущность дѣла состояла не въ преслѣдованіи національностей, какъ національностей. Правда, что въ Богеміи преслѣдовалась чешская литература, изгонялся чешскій языкъ изъ училищъ и т. д. Но дѣло тутъ было не собственно въ чешскомъ языкѣ: писателямъ, которые въ Вѣнѣ желали на нѣмецкомъ языкѣ писать противъ господствующей системы, противопоставлялись точно такія же препятствія, какъ чехамъ, желавшимъ въ Прагѣ писать на чешскомъ языкѣ; кто хотѣлъ писать по-чешски въ духѣ Меттерниха, находилъ столько же поощренія, какъ и нѣмецкій писатель такого же направленія. Разница была только въ томъ, что чехи, поддерживавшіе систему Меттерниха, сами любили писать на нѣмецкомъ языкѣ, а между людьми, желавшими писать на чешскомъ языкѣ, было очень мало лицъ такого направленія. Оно и натурально: офиціальныя мысли удобнѣе всего излагать на офиціальномъ языкѣ для офиціальной публики. Виноватъ ли былъ Меттернихъ въ этомъ обстоятельствѣ, — въ предпочтеніи къ нѣмецкому языку со стороны чеховъ, поддерживавшихъ его систему, въ недостаткѣ у нихъ любви къ чешскому языку, къ чешской литературѣ? Намъ кажется, что винить его за этотъ фактъ такъ же напрасно, какъ порицать его за пристрастіе къ французскому языку въ свѣтскихъ кругахъ. Можно ли также видѣть несправедливость собственно къ чешской литературѣ въ томъ, что для чешскихъ книгъ были постановлены точно тѣ же границы, какъ и для нѣмецкихъ? — Точно то же, что о чешской народности, надобно сказать о всѣхъ другихъ славянскихъ, и о венгерской и объ итальянской народностяхъ. Сущность дѣла тутъ была не въ любви или нелюбви къ тому или другому языку, а въ томъ, какія направленія мыслей одобряются или не одобряются, на какомъ бы то ни было языкѣ,—все равно. Мы очень хорошо понимаемъ, что многимъ изъ читателей не легко будетъ съ перваго раза согласиться на взглядъ, излагаемый нами. Слишкомъ распространено и укоренено ошибочное представленіе, будто бы при Меттернихѣ стѣснялась собственно, напримѣръ, чешская литература; но понимать дѣло такимъ образомъ, значитъ останавливаться на внѣшнихъ примѣтахъ, не вникая въ смыслъ факта. Говорятъ, напримѣръ: стѣснена была у чеховъ разработка чешской исторіи. Такъ, безспорно такъ, но почему? Первымъ дѣломъ чеха, пишущаго о чешской исторіи, было стремленіе восхищаться Гуссомъ, прославлять Жижку, оправдывать чеховъ, начавшихъ 30-лѣтнюю войну, оплакивать бѣлогорскую битву; разумѣется, не дозволялось писать такихъ вещей на чешскомъ языкѣ; но развѣ допускались подобныя вещи и на нѣмецкомъ языкѣ? А развѣ не былъ бы поощряемъ чешскій писатель, который

сталъ бы говорить въ противоположномъ смыслѣ? Говорить тутъ о языкѣ, а не о направленіи — грубое недоразумѣніе.

Но исторія едва ли не еще богаче грубыми недоразумѣніями, чѣмъ самыми войнами и сраженіями. Чехи, венгры, итальянцы Австрійской имперіи прямо такъ и поняли дѣло, что оно состоитъ въ стѣсненіи ихъ народностей, между тѣмъ какъ стѣсненіе ихъ народностей было лишь внѣшнимъ признакомъ дѣла въ ихъ провинціяхъ. А забавнѣе всего то, что и сами австрійскіе нѣмцы, которымъ по собственному опыту легче было бы разобрать, въ пользу ли ихъ ведется это дѣло, тоже обманулись внѣшнимъ признакомъ и вообразили, что изъ любви къ своей народности должны сочувствовать вліянію—тяготѣвшей надъ ними самими—системы на жизнь другихъ племенъ. Кажется, они могли бы замѣчать, благопріятствуетъ ли развитію нѣмецкой литературы или ученой жизни въ Австріи система, на которую жаловались итальянцы и чехи. Но нѣтъ, они такъ и положили, что не должны сочувствовать стремленіямъ славянъ и итальянцевъ. Увидѣвъ ихъ нерасположеніе къ себѣ, итальянцы и славяне, разумѣется, стали платить имъ такою же враждою.

Зачѣмъ была нужна, кому могла быть полезна вся эта дикая путаница стѣсненій, антипатій, реакціонныхъ мѣръ? Навѣрное она *не была* въ самомъ дѣлѣ ни нужна, ни полезна ни одному изъ этихъ племенъ, ни самому Меттерниху, на личности котораго все повидимому основывалось, между тѣмъ какъ въ сущности онъ почти ровно ничего не значилъ. О вредѣ этой путаницы для самихъ племенъ Австрійской имперіи, въ томъ числѣ и для нѣмецкаго племени, мы не станемъ говорить, потому что онъ замѣтенъ каждому. Но любопытно обратить вниманіе на то, что олицетворявшаяся въ Меттернихѣ система приносила только одинъ вредъ самому Меттерниху, и еслибъ онъ былъ дѣйствительно умнымъ человѣкомъ, не захотѣлъ бы онъ держаться ея. Вспомнимъ только, кто такой былъ онъ? Онъ былъ первый министръ, онъ почитался полновластнымъ правителемъ государства. Въ чемъ же состоитъ интересъ правителя,—мы не будемъ пускаться въ сантиментальныя фантазіи, а возьмемъ дѣло съ матеріальной, житейской, политической или дипломатической стороны, — въ чемъ состоитъ интересъ правителя по этимъ обыкновеннымъ разсчетамъ? Ему выгодно быть могущественнымъ, имѣть въ своемъ распоряженіи хорошее войско, богатую казну, чтобы возвышать свой голосъ въ европейскихъ дѣлахъ, чтобы самому ни въ комъ не нуждаться, а быть предметомъ зависти, удивленія, заискиванія со стороны другихъ. Вела ли къ тому система, исполнявшаяся трудами Меттерниха? Австрійскій бюджетъ

былъ скуденъ; денегъ въ казнѣ не было; даже занимать деньги можно было только за границею, — вѣнская биржа зависѣла, и вмѣстѣ съ нею Меттернихъ зависѣлъ, отъ франкфуртскихъ, амстердамскихъ, парижскихъ, лондонскихъ банкировъ; австрійская армія была плоха; голосъ Австріи былъ ничтоженъ передъ голосами Англіи, Россіи, Франціи; австрійскій кабинетъ только и дѣлалъ, что заискивалъ милости у какого-нибудь другаго кабинета, смирялся передъ какимъ нибудь кабинетомъ. Съ каждымъ годомъ эти жалкія отношенія становились все бѣднѣе, ниже, хуже. Средства другихъ державъ развивались, средства Австріи оскудѣвали.

Нѣтъ, такая система противорѣчила выгодамъ перваго министра. Не надобно, кажется, прибавлять, что интересы Меттерниха были совершенно одинаковы съ интересами габсбургскаго дома, и что о выгодахъ Франца I и Фердинанда I слѣдуетъ сказать то же самое, что о выгодахъ перваго министра этихъ государей.

Кому же была нужна и полезна эта система, не выгодная и для австрійскаго правительства, и для населявшихъ Австрію племенъ? Это мы поймемъ изъ слѣдующаго разсказа, когда увидимъ, какой существенный характеръ принадлежалъ перевороту 1848 года. Въ событіяхъ этихъ много было шума, заглохшаго потомъ какъ будто безъ слѣдовъ, много было стремленій, потерпѣвшихъ полную неудачу, — но среди всѣхъ неудачныхъ попытокъ совершился одинъ фактъ, уцѣлѣвшій невредимымъ, несмотря на всю безпощадность послѣдовавшей затѣмъ реакціи. Этотъ фактъ — уничтоженіе феодальныхъ обремененій, тяготѣвшихъ надъ австрійскими поселянами. Неужели противно было истиннымъ интересамъ Франца I или Фердинанда I, или Меттерниха избавить поселянъ отъ феодальныхъ повинностей и платежей? Неужели выгодно имъ было поддерживать феодальныя привилегіи, отнимавшія у нихъ самихъ всякую силу? Разумѣется, нѣтъ; но они были слишкомъ слабы для исполненія дѣла, требуемаго собственными ихъ выгодами, — и только по слабости ихъ, только по робости ихъ приняться за исполненіе этого дѣла, выгоднаго для нихъ самихъ, поддерживалась ими система, невыгодная для нихъ самихъ и породившая событія 1848 года.

II.

Броженіе, предшествовавшее перевороту, началось не въ столицѣ Австрійской имперіи, а въ Ломбардіи, Венеціи, Венгріи, Богеміи. Но вѣнскими событіями данъ былъ рѣшительный толчокъ перевороту. Потому начнемъ съ Вѣны.

Меттернихъ и Сѣдльницкій очень зорко сторожили и за нѣмецкою литературою въ Австріи, и за всѣми другими явленіями, которыя считаются опасными для господствующаго порядка съ точки зрѣнія людей, подобно Меттерниху и Сѣдльницкому, не понимающихъ, что никакія изустныя или печатныя рѣчи не производятъ никакого дѣла, если оно не готово произойти безъ всякихъ рѣчей; а если оно должно произойти изъ существующихъ общественныхъ отношеній, то никакое молчаніе не задержитъ его хода. Въ самой Австріи не печаталось ни книгъ, ни журналовъ, ни газетъ, которыя имѣли бы хотя малѣйшее политическое значеніе. Почти всѣ нѣмецкія газеты, печатавшіяся за границами Австріи, были запрещены въ ней; была запрещена чуть ли не половина и книгъ, издававшихся въ Германіи. Словомъ сказать, были заперты, повидимому, всѣ входы, которыми политическое волненіе могло бы проникнуть въ Австрію, и были отняты у него всѣ способы обнаружиться. Но дѣло въ томъ, что никакими средствами нельзя бываетъ скрыть главныхъ фактовъ внутренняго быта и общей европейской исторіи; а фактъ всегда уже производитъ свое дѣйствіе на умы, хотя бы являлся безъ всякихъ разъясненій: главный характеръ его бываетъ виденъ самъ собою. Такъ было и въ Австріи. Когда стало овладѣвать Италіею, Франціею, Германіею волненіе, предшествовавшее событіямъ 1848 года, никакъ нельзя было утаить отъ австрійской публики, что умы волнуются во всей остальной Европѣ; когда начались перевороты въ Италіи, Франціи, западной Германіи и въ Венгріи, потрясеніе, ими произведенное, отразилось и въ самой Вѣнѣ, по необходимости, такъ сказать чисто физически. И удивительно было видѣть, какимъ ничтожнымъ органамъ общественнаго мнѣнія придана была непреоборимая сила тѣмъ обстоятельствомъ, что не нашлось другихъ болѣе значительныхъ органовъ для передачи потрясенія. Это было въ томъ родѣ, какъ люди бьютъ другъ друга камнями, если не имѣютъ оружія, бьютъ другъ друга кулаками, если не имѣютъ даже и камней. Дѣло тутъ зависитъ не отъ изобилія средствъ, а только отъ расположенія духа. При миролюбивомъ расположеніи, люди спокойно бесѣдуютъ въ арсеналѣ или лавкѣ оружейника; вздумавъ подраться, могутъ перебить другъ друга, не имѣя ничего, кромѣ кулаковъ. Въ Лондонѣ 1848 годъ прошелъ мирно, несмотря на приготовленность всѣхъ средствъ для агитаціи, несмотря на свободу парламентскихъ преній, журналистики, несмотря на свободу составлять какія угодно общества и митинги. Посмотрите же, какія ничтожныя средства оказались въ то же время достаточными для произведенія переворота въ Вѣнѣ.

Представительныя формы не имѣли ровно никакой силы въ пра-

вительственномъ механизмѣ нѣмецкихъ провинцій Австріи. Провинціальные феодальные сеймы, состоявшіе изъ представителей аристократіи, были враждебны не только политическимъ, но и всякимъ мыслямъ или потребностямъ новаго времени, потому никто не обращалъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія, и собирались они лишь для соблюденія формы, да и не были уничтожены лишь потому, что очень давно стали совершенно ничтожны. Когда усилилось волненіе умовъ въ остальной западной Европѣ около 1845 года, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ сеймовъ нѣкоторые, впрочемъ лишь очень немногіе, представители австрійской аристократіи стали обнаруживать нѣсколько либеральный образъ мыслей. При ничтожности самыхъ собраній и при непоколебимомъ консерватизмѣ огромнаго большинства въ каждомъ изъ нихъ, либеральныя рѣчи оставались совершенно пустою забавою, до того робкою и безвредною для Меттерниха, что онъ даже и не считалъ нужнымъ косо смотрѣть на титулованныхъ либераловъ: находясь на службѣ, они получали награды и повышенія наравнѣ съ другими, какъ люди совершенно невинные, какими дѣйствительно и были: они только потѣшались вздорными разговорами безъ всякой серьёзной цѣли. Напримѣръ въ провинціальномъ сеймѣ эрцгерцогства Нижней Австріи, — сеймѣ, собиравшемся въ Вѣнѣ,—особенно любили полибеpальничать Доббльгофъ, Монтекукколи, Шмерлингъ (нынѣшній министръ); всѣ трое они занимали важныя мѣста по гражданской службѣ или въ придворномъ штатѣ, пользовались благосклонностью Меттерниха, а Шмерлингъ не задолго передъ 1848 годомъ получилъ повышеніе по службѣ.

Кромѣ засѣданій провинціальнаго нижне-австрійскаго сейма, либеральные люди могли зарекомендовать себя публикѣ въ Вѣнѣ на вечерахъ двухъ-трехъ, устроенныхъ для невиннаго развлеченія обществъ. Изъ нихъ важнѣйшее было «Общество для чтенія», Leseverein; это было нѣчто среднее между учрежденіями въ родѣ нашихъ англійскихъ клубовъ и учрежденіями въ родѣ Географическаго Общества; отъ англійскаго клуба отличалось оно тѣмъ, что не имѣло въ своей залѣ столовъ для карточной игры, а отъ Географическаго Общества тѣмъ, что не наряжало экспедицій и не издавало книгъ; но подобно англійскому клубу и Географическому Обществу, устроивало оно обѣды для посѣщавшихъ Вѣну знаменитостей чиновнаго или ученаго міра. Сѣдльницкій, вообще слишкомъ уже мрачно смотрѣвшій на вещи, не долюбливалъ «Общества для чтенія» и говаривалъ: «кто въ него вступаетъ, зачитывается до преступности». Но Меттернихъ, болѣе умный и добрый человѣкъ, находилъ подозрительность Сѣдльницкаго дѣломъ неосновательнымъ. Да и правда, что общество было самое невинное и вздорное.

Большинство членовъ въ немъ составляли чиновники; занимательнѣйшими собесѣдниками считались профессора вѣнскаго университета, а въ профессора вѣнскаго университета люди назначались не иначе, какъ съ одобренія іезуитовъ; наконецъ главнымъ покровителемъ общества и душою его былъ Зоммаруга, воспитатель эрцгерцоговъ императорскаго дома, въ томъ числѣ отца нынѣшняго австрійскаго императора, — сановникъ, справедливо уважаемый тогдашнимъ вѣнскимъ дворомъ. Блистательнѣйшимъ гражданскимъ подвигомъ въ лѣтописяхъ «Общества для Чтенія» былъ обѣдъ, данный когда-то въ честь знаменитаго нѣмецкаго политико-эконома Фридриха Листа, прославившагося изобрѣтеніемъ теоріи, что у нѣмцевъ должна быть своя особенная политическая экономія, различная отъ англо-французской. — Не столь важно было «Благотворительное общество» (Hülfsverein), занимавшееся приготовленіемъ «супа для бѣдныхъ», — читатель не долженъ смѣяться надъ этимъ выраженіемъ: оно подлинное, автентетичное и имѣетъ еще то достоинство, что совершенно характеризуетъ всю дѣятельность и всѣ стремленія почтеннаго общества. Было еще третье общество, называвшееся Concordia, основанное вѣнскими художниками, преимущественно живописцами: они собирались по вечерамъ похвастать другъ передъ другомъ эскизами будущихъ картинъ и этюдами, рисованными въ одинъ карандашъ или въ два карандаша; нѣкоторые изъ нихъ пописывали стишки и почитывали ихъ на вечерахъ, въ дополненіе къ своимъ картинкамъ; словомъ сказать, время проходило съ большою пользою для искусства и вѣроятно еще съ большею пользою для доброй нравственности художниковъ, которые на этихъ вечерахъ по крайней мѣрѣ отвыкали напиваться до-пьяна и привыкали держать себя пристойнымъ образомъ. Самъ Сѣдльницкій убѣдился наконецъ въ благоправномъ направленіи юныхъ и престарѣлыхъ жрецовъ искусства, и смотрѣлъ на «Конкордію» съ благодушіемъ.

Такъ и шли себѣ дѣла въ этихъ будущихъ центрахъ революціоннаго движенія: въ одномъ центрѣ рисовались очень миленькія акварели, въ другомъ варился не слишкомъ вкусный, но чрезвычайно благотворительный супъ, въ третьемъ разсуждали за обѣдами «о Байронѣ и о матеріяхъ важныхъ», въ четвертомъ, — но четвертый центръ существовалъ лишь по нѣскольку дней въ году, зато прямо уже занимался въ эти дни политикой, разсуждая о ремонтѣ почтовыхъ дорогъ въ эрцгерцогствѣ нижне-австрійскомъ и съ каждымъ годомъ блистая все большимъ количествомъ лентъ и звѣздъ, даваемыхъ отъ Меттерниха въ награду знатнымъ ораторамъ провинціальнаго сейма за ихъ усердную службу.

Вообразите же себѣ теперь положеніе жителей благоправнаго го-

рода Вѣны въ началѣ марта 1848 года! Вдругъ читаютъ они во французскихъ газетахъ, — т. е. во французскихъ газетахъ не читаютъ, потому что французскія газеты съ незапамятныхъ временъ не допускаются до Вѣны,—а читаютъ въ «Аугсбургской газетѣ», что произошла въ Парижѣ какая-то катавасія, составилось какое-то временное правительство изъ Ламартина, Араго, неслыханнаго никѣмъ въ Вѣнѣ Ледрю-Роллена. Что это за вещь такая Ледрю-Ролленъ? Фамилія человѣка это, или названіе какой нибудь должности? А Ламартину вовсе не слѣдъ быть правителемъ; жителямъ Вѣны извѣстно, что онъ пишетъ стихи, очень сантиментальные и длинные; или это однофамилецъ поэта? Странно также читать въ спискѣ правителей имя Араго, — вѣдь онъ астрономъ; что же, новое правительство не затѣмъ ли устроилось, чтобы въ каждомъ французскомъ городѣ устроить по обсерваторіи? Постепенно «Аугсбургская Газета» объясняетъ, что новое правительство занимается не устройствомъ обсерваторій и не сочиненіемъ стиховъ: оно хочетъ передѣлывать французскіе законы; «Аугсбургская Газета» прибавляетъ, что всей Европѣ грозитъ опасность отъ задурившихъ французовъ. А тутъ само австрійское правительство объявляетъ, что собирается также дурить Миланъ; а тутъ и въ Германіи начинается такая же каша. Жители добраго города Вѣны чувствуютъ то же самое, что чувствуетъ неопытный птенецъ, поступившій юнкеромъ въ гусарскій полкъ и увидѣвшій, какъ кутятъ другіе юнкера. Ему и совѣстно, онъ и краснѣетъ, но стыдно ему отстать отъ другихъ. Парижъ, Мюнхенъ, Франкфуртъ, Берлинъ, Туринъ, Миланъ, Венеція, Римъ, Неаполь, Палермо волнуются: разсудите добрые люди, какъ же отстанетъ отъ нихъ Вѣна? да послѣ этого она будетъ хуже Мюнхена! Нѣтъ, она не отстанетъ отъ другихъ.

Но вѣдь тамъ волнуются вездѣ съ какими-то политическими требованіями. «Какъ бы это придумать и намъ свои политическія требованія?»—думаютъ наивные дѣти города Вѣны. А! да штука тутъ не хитрая, скоро рѣшаютъ они. Въ другихъ городахъ вездѣ кричали, что надобно прогнать прежняго министра, значитъ, въ Вѣнѣ надобно кричать, чтобы прогнали Меттерниха. Тамъ вездѣ кричали о замѣнѣ прежней реакціонной системы либеральною, стало быть и и тутъ жителямъ Вѣны матеріалъ требованій уже приготовленъ.

Но штука состояла въ томъ, что въ Австріи существовали два важныя обстоятельства, о которыхъ нечего было хлопотать ни прусскимъ, ни другимъ германскимъ прогрессистамъ или революціонерамъ. Франція и Германія — страны, населенныя однимъ племенемъ: число нѣмцевъ во Франціи, поляковъ въ Германіи, такъ незначительно по сравненію съ господствующимъ племенемъ, что

не могло имѣть важнаго вліянія на ходъ дѣлъ. Парижскіе французы, берлинскіе и франкфуртскіе нѣмцы могли не заботиться о другихъ народностяхъ. Въ Австріи не то. Вѣнскіе нѣмцы были представителями лишь незначительнаго меньшинства жителей имперіи. Судьба и всего государства и самой столицы зависѣла отъ того, въ какія отношенія австрійскіе нѣмцы и представители ихъ вѣнскіе граждане станутъ къ другимъ племенамъ. Прежняя система развила въ этихъ племенахъ недовѣріе и вражду къ нѣмцамъ. Слѣдовало бы, кажется, подумать объ этомъ, слѣдовало бы позаботиться о томъ, чтобы расположить другія народности въ пользу вѣнскаго движенія. Вѣнскимъ простакамъ не пришло въ голову такое мудреное соображеніе.

Въ Пруссіи, Вюртембергѣ и т. д., а тѣмъ болѣе во Франціи, сельское населеніе давно уже было сравнено въ правахъ съ городскимъ. Въ Австріи еще существовало крѣпостное право. Толковать о немъ ни въ остальной Германіи, ни во Франціи уже не приходилось прогрессистамъ, а въ Австріи слѣдовало бы не забыть о поселянахъ. Вѣнскіе простяки не сообразили и этого.

При такой наивности составить программу требованій было для нихъ не трудно: они выхватили изъ французской и германской программъ вещи, какія припомнились имъ—и дѣло было въ шляпѣ. Но вотъ важное затрудненіе: вездѣ у прогрессистовъ были предводители, существовали организованные комитеты, управлявшіе движеніемъ. Какъ же быть теперь жителямъ добраго города Вѣны, у которыхъ всякаго рода знаменитостей было достаточно, — много было славныхъ каретниковъ, ресторатеровъ, капельмейстеровъ и т. д., не было лишь одного сорта людей, прежде считавшагося ненужнымъ и вдругъ понадобившагося до крайности: не было ни революціонеровъ, ни даже либераловъ, хотя бы мало-мальски извѣстныхъ публикѣ. Но при усердіи не отстать отъ другихъ столицъ, Вѣна и тутъ не сконфузилась. Изъ художниковъ, рисовавшихъ картинки, изъ благотворителей, варившихъ супъ, изъ чиновниковъ, любившихъ почитать хорошія книжки, а въ особенности изъ вельможъ провинціальнаго нижне-австрійскаго сейма, признанныхъ полезными людьми отъ самого Меттерниха, глубокаго знатока людей, — мало ли можно было набрать совѣтниковъ и руководителей на новое дѣло? И вотъ жители добраго города Вѣны возложили свое упованье на общество для рисованья картинокъ, на общество для варенія супа, а еще больше на общество, соотвѣтствовавшее шустеръ-клубу, а еще больше на провинціальный сеймъ. Сама судьба явно благопріятствовала разсчетамъ на провинціальный сеймъ: когда ни Миланъ, ни Парижъ еще не дѣлали ничего образцоваго для Вѣны,

стало быть и Вѣна не чувствовала никакой надобности отличаться на революціонномъ поприщѣ. Меттернихъ назначалъ нижне-австрійскому сейму собраться 24 марта для обычныхъ невинныхъ упражненій въ краснорѣчіи. Но послѣ парижскихъ событій явилось въ городѣ волненіе, начались толки о томъ, какъ нижне-австрійскій сеймъ будетъ ходатайствовать предъ правительствомъ въ пользу реформъ, и Меттернихъ изъ любезности къ благонравнымъ жителямъ столицы ускорилъ срокъ собранія сейма съ 24 марта на 13-е. Тутъ виденъ замѣчательный умъ Меттерниха, какъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ видна, какъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ, и вялость, не дававшая ему сдѣлать ничего какъ слѣдуетъ. Ускоряя открытіе сейма, онъ справедливо разсчитывалъ, что чѣмъ раньше дать такой надежный органъ въ руководство вѣнскому движенію, тѣмъ вѣрнѣе удержится движеніе въ размѣрахъ, безвредныхъ для прежней системы. Но при этомъ основательномъ разсчетѣ слѣдовало бы уже не терять времени. По первому же извѣстію о парижскомъ переворотѣ Меттернихъ долженъ былъ сообразить, что умы въ Вѣнѣ начнутъ волноваться; надобно было бы тотчасъ же созвать сеймъ, чтобы съ перваго же дня движеніе было захвачено въ руки ораторами этого сейма, людьми безопасными для Меттерниха. Онъ пропустилъ болѣе двухъ недѣль драгоцѣннѣйшаго времени; въ эти двѣ недѣли городская молодежь, не имѣя готовыхъ руководителей, успѣла разгорячиться до того, что сеймъ уже не могъ совладать съ толпою. Въ эти двѣ недѣли Вѣна успѣла подвергнуться возбуждающему вліянію отголосковъ, произведенныхъ парижскимъ переворотомъ въ Венгріи. На венгерскомъ сеймѣ оппозиція, подъ предводительствомъ Кошута, давно уже стремилась возстановить прежнюю автономію Венгріи и произвести либеральныя реформы въ законахъ. До парижскаго переворота она имѣла мало надежды на скорое достиженіе своихъ цѣлей, но теперь ободрилась, и 3 марта Кошутъ произнесъ въ Пресбургѣ передъ сеймомъ рѣчь очень сильную. Сущность рѣчи состояла въ томъ, что прежняя система австрійскаго кабинета вредна не для одной Венгріи, а также и для всѣхъ другихъ провинцій и что свобода Венгріи можетъ быть ограждена лишь въ томъ случаѣ, когда всѣ другія провинціи получатъ конституціонное устройство; потому онъ предлагалъ венгерскому сейму просить императора о дарованіи конституціи всѣмъ австрійскимъ областямъ и объ удаленіи не только Меттерниха, но и самого эрцгерцога Людвига, который при болѣзненномъ состояніи императора былъ регентомъ имперіи, хотя и не носилъ этого титула. Мы увидимъ, какой рѣшительный толчокъ вѣнскимъ собы-

тіямъ придало чтеніе нѣмецкаго перевода этой рѣчи передъ массою въ первый день вѣнскаго переворота.

Шумъ въ Вѣнѣ поднимался уже очень громкій. Благоразумные люди, желавшіе отвратить насильственный переворотъ, уже видѣли надобность поскорѣе занять мѣсто посредниковъ между правительствомъ и столицею, мѣсто, которое выгоднѣе всего для Меттерниха было бы занять провинціальному сейму. Въ засѣданіи вѣнскаго промышленнаго общества (Gewerbverein), 8 марта, предсѣдатель этого общества Артгаберъ, одинъ изъ богатѣйшихъ вѣнскихъ фабрикантовъ, предложилъ подать императору адресъ и прочелъ проэктъ адреса, — онъ былъ принятъ единодушно всѣмъ собраніемъ, въ которомъ находились эрцгерцогъ Францъ-Карлъ, отецъ нынѣшняго императора, и государственный министръ Коловратъ, первый сановникъ имперіи послѣ Меттерниха. Они оба уже понимали необходимость немедленныхъ большихъ уступокъ. За четыре дня передъ тѣмъ, 4 марта, явилась въ «Оффиціальной Вѣнской Газетѣ» статья, которая провозглашала, что при волненіяхъ, охватывающихъ Европу, Австрія можетъ избавиться отъ бѣдствій только «твердой рѣшимостью подданныхъ быть въ единодушіи съ правительствомъ». Адресъ Артгабера отвѣчалъ на это, что Австрія можетъ спастись только «твердою рѣшимостью правительства быть въ единодушіи съ подданными». По принятіи адреса собраніемъ, представлявшимъ собою все коммерческое сословіе Вѣны, Артгаберъ обратился къ эрцгерцогу Францу-Карлу съ просьбой, чтобы онъ лично передалъ адресъ императору. Эрцгерцогъ отвѣчалъ, что онъ сдѣлаетъ это, и что онъ самъ раздѣляетъ мнѣніе промышленнаго собранія. Эрцгерцогъ Карлъ-Францъ не имѣлъ важнаго вліянія на дѣла, по слабости характера и отсутствію дарованій. Но его супруга эрцгерцогиня Софья, мать нынѣшняго императора, къ которому долженъ былъ тогда перейдти престолъ при бездѣтности Фердинанда II-го, отличалась энергіею. Она уже нѣсколько дней требовала отъ Меттерниха уступокъ для упроченія престола своему сыну. Однажды послѣ очень жаркаго спора съ Меттернихомъ она сказала, уходя изъ залы, что не дѣлая уступокъ, Меттернихъ готовитъ ея сыну участь герцога Бордосскаго.

У популярнѣйшаго изъ членовъ нижне-австрійскаго сейма, будущаго министра Доббльгофа, собирались его товарищи, ожидавшіе въ Вѣнѣ начала засѣданій, и нѣкоторыя другія лица, въ томъ числѣ будущій министръ, а тогда простой адвокатъ Бахъ, ставшій впослѣдствіи времени самымъ горячимъ слугою реакціи, а тогда находившій выгоду разыгрывать либерала. На вечерахъ у Доббльгофа также

признавали всѣ необходимость немедленныхъ уступокъ, и, руководясь выражаемыми тутъ мнѣніями, Бахъ написалъ адресъ къ провинціальному нижне-австрійскому сейму; съ 7 марта многочисленные списки этого адреса ходили по Вѣнѣ для собиранія подписей; почетнѣйшія лица торговаго сословія и многіе аристократы ѣздили съ этими списками по своимъ знакомымъ; въ книжныхъ лавкахъ также были выложены списки адреса. Въ немъ заключалась настойчивая просьба къ сейму, чтобы онъ изложилъ передъ императоромъ надобность преобразовать формы государственнаго управленія. Многочисленныя подписи на этомъ адресѣ принадлежали людямъ самыхъ богатыхъ и почетныхъ сословій: негоціантамъ и сановникамъ государственной службы.

Изъ этого горячаго желанія такихъ лицъ, какъ эрцгерцогиня Софья, Коловратъ, аристократы провинціальнаго сейма, банкиры и т. д., можно уже заключать о силѣ волненія, овладѣвавшаго умами. Дѣйствительно, народъ предмѣстій волновался. Меттернихъ не могъ принять противъ этого никакихъ мѣръ, потому что безпорядковъ никакихъ не происходило. При невозможности усмирять насильственными мѣрами движеніе, не представлявшее никакого предлога для полицейскаго или вооруженнаго вмѣшательства, не принималось и никакихъ мѣръ успокоить его хотя бы только обѣщаніями реформъ, хотя бы только увѣреніями, что недостатки прежней системы будутъ исправлены. А казалось бы, что Меттернихъ самъ хорошо понялъ невозможность удержать прежнюю систему въ Австріи послѣ парижскихъ событій. Получивъ первое извѣстіе о революціи 24 февраля, онъ поблѣднѣлъ, опустился въ кресла и минутъ десять сидѣлъ какъ пораженный параличемъ, не будучи въ силахъ пошевелить рукой, сказать слово. Какимъ образомъ могъ онъ послѣ этого опять впасть въ прежнюю самоувѣренность и такъ упорно отвергать просьбы эрцгерцогини Софіи?

Около 7 числа начали увлекаться общимъ движеніемъ и студенты вѣнскаго университета. 7 марта нѣсколько человѣкъ ихъ, собравшись случайно, вздумали пригласить товарищей подать императору адресъ. Черезъ два дня они собрались въ числѣ 40 человѣкъ на квартирѣ одного изъ товарищей, одобрили адресъ къ императору, составленный юристомъ Шнейдеромъ, и рѣшили предложить его для подписи всѣмъ студентамъ въ слѣдующее воскресенье, 12 марта, пользуясь тѣмъ, что всѣ студенты собирались по воскресеньямъ въ университетъ для слушанія обѣдни. Собравшіеся поутру въ воскресенье студенты толковали о томъ, какимъ порядкомъ поднести адресъ

къ императору, когда въ большую залу, гдѣ собрались они, вошелъ профессоръ Ги, пользовавшійся большою популярностію. Студенты поручили ему, вмѣстѣ съ его пріятелемъ профессоромъ Эндлихеромъ, отправиться съ ихъ адресомъ на аудіенцію, а сами остались ждать въ залѣ университета. Профессоры и депутаты явились съ просьбою своею объ аудіенціи императора къ эрцгерцогу Людвигу. Услышавъ отъ нихъ, что нужна отставка Меттерниха, губящаго династію, эрцгерцогъ Людвигъ холодно прекратилъ разговоръ, и они должны были удалиться изъ его комнаты; но тотчасъ же эрцгерцогъ самъ поспѣшилъ за ними, схватилъ Эндлихера за руку и сказалъ, что просьба ихъ объ аудіенціи будетъ разсмотрѣна въ государственномъ совѣтѣ, который соберется послѣ обѣда. На совѣтѣ было рѣшено дать аудіенцію депутатамъ, и вечеромъ они были допущены къ императору. Адресъ просилъ дарованія свободы печати и преподаванія, и учрежденія представительной формы. Императоръ не далъ никакого опредѣленнаго отвѣта, а сказалъ только, что эти желанія будутъ разсмотрѣны. Студенты не могли дождаться въ тотъ день возвращенія своихъ депутатовъ и разошлись, положивъ собраться на слѣдующее утро, 13 марта, чтобы узнать, чѣмъ кончилась аудіенція; а на слѣдующее утро открывались засѣданія провинціальнаго сейма.

Ночь прошла спокойно, не было никакихъ тайныхъ собраній, и самые тѣ люди, которые явились предводителями массы въ слѣдующій день, легли спать, не предвидя ничего особеннаго на утро. Надобно было только предполагать, что предъ домомъ провинціальнаго сейма соберется довольно много любопытныхъ. Чтобы предотвратить всякую манифестацію, члены сейма рѣшили ѣхать въ залу сейма врозь и въ обыкновенномъ статскомъ платьѣ, а не по прежнему обычаю открывать сеймъ процессіею въ своихъ мундирахъ или мантіяхъ.

Утромъ 13 марта, въ понедѣльникъ, погода стояла ясная, теплая, такъ что манила каждаго на улицу погулять. Дѣйствительно, и отправились гулять по улицамъ жители Вѣны, не думая ни о какихъ манифестаціяхъ, а соблюдая только гигіеническое правило о пользѣ моціона. Студенты между тѣмъ собрались въ 8 часовъ утра въ большой университетской залѣ узнать о результатѣ вчерашней аудіенціи. Профессоръ Ги старался доказать имъ, что полученный отвѣтъ самый благосклонный и наилучшій, какого только можно желать. Молодежь, не видя въ его словахъ ничего положительнаго, отправилась къ дому провинціальнаго сейма, чтобы видѣть какъ

пойдетъ засѣданіе. Вѣна состоитъ изъ внутренняго центральнаго города, который, въ родѣ московскаго Кремля, образовался изъ старинной крѣпости и очень не великъ: онъ имѣетъ не многимъ больше версты въ поперечникѣ. Этотъ внутренній городъ опоясанъ очень широкими бульварами, занимающими мѣсто прежняго гласиса крѣпости; за бульварами лежатъ огромныя предмѣстья. Университетъ находится на одномъ концѣ внутренняго города; на другомъ концѣ, почти рядомъ съ дворцомъ и съ государственною канцеляріею, гдѣ жилъ Меттернихъ, находился домъ провинціальнаго сейма. Разстояніе отъ университета до этого дома, до дворца и до государственной канцеляріи составляетъ всего съ версту или меньше. Извилистыя улицы и небольшія площади между дворцомъ и университетомъ служатъ мѣстомъ прогулки. Онѣ были уже наполнены гуляющими въ щегольскихъ платьяхъ. Эта движущаяся толпа состояла, какъ обыкновенно на прогулкахъ, вполовину изъ женщинъ и дѣтей. По случаю открытія сейма, разумѣется, была она особенно густа передъ домомъ провинціальнаго сейма и на просторномъ дворѣ этого дома. По обыкновенію, распрашивали другъ друга о новостяхъ, слушали съ интересомъ разсказчиковъ, сообщавшихъ новости, и, одинъ изъ нихъ, хирургъ вѣнскаго госпиталя Фишгофъ, вздумалъ сказать рѣчь. Чтобы рѣчь была слышнѣе, стоявшіе подлѣ него молодые люди приподняли его на свои плеча. Онъ коротко изложилъ содержаніе адресовъ и доказывалъ необходимость дружескихъ отношеній между разными племенами, населяющими Австрію. Вслѣдъ за нимъ явились и другіе ораторы. Толпа, разохотившись слушать рѣчи, начала вызывать популярнѣйшихъ членовъ провинціальнаго сейма, чтобы они подошли къ окнамъ и сказали что нибудь. Но вызываемые члены сейма — Доббльгофъ, Монтекукколи, Шмерлингъ не подходили къ окнамъ. Наконецъ толпа стала кричать, чтобы Фишгофъ шелъ въ залу сейма вызвать этихъ популярныхъ вельможъ; Фишгофъ былъ отысканъ, и толпа втѣснила его вверхъ по лѣстницѣ въ залу сейма. Онъ убѣдилъ сеймоваго маршала или президента Монтекукколи подойти къ окну, чтобы успокоить народъ. Монтекукколи сказалъ изъ окна нѣсколько успокоительныхъ словъ стоявшей внизу массѣ; она отблагодарила его такими восторженными апплодисментами и виватами, что Монтекукколи расчувствовался и, отступивъ отъ окна, сказалъ Фишгофу: «пусть они выберутъ 12 человѣкъ депутатовъ, которые участвовали бы въ совѣщаніяхъ сейма, какъ свидѣтели и представители.» Толпа стала выбирать депутатовъ, а между тѣмъ въ разныхъ углахъ двора слушала безпрестанно смѣнявшихся ораторовъ. Одинъ изъ нихъ началъ читать рѣчь Кошута

3 марта; съ восторженными криками толпа встрѣтила то мѣсто рѣчи, гдѣ Кошутъ выражалъ любовь и преданность венгерской націи къ императору. Рѣчь эта, очень сильная, воспламенила толпу, которая стала повторять ея заключеніе, требовавшіе конституціоннаго устройства для всѣхъ австрійскихъ провинцій.—Депутація, выбранная участвовать въ совѣщаніяхъ сейма, была уже въ залѣ, велись толки о надобности сдѣлать что нибудь въ удовлетвореніе общихъ желаній; но сеймъ не рѣшался ничего предпринять, а время шло. Члены сейма и депутаты нѣсколько разъ выходили на балконъ произносить успокоительныя рѣчи. Въ одинъ изъ такихъ разовъ депутаты, отправляясь съ балкона назадъ въ залу совѣщаній, ошибкою попали вмѣсто одного корридора въ другой, дверь изъ котораго въ залу не была отперта. Они смутились, испугались, выбѣжали изъ корридора назадъ на балконъ и закричали: «мы заперты!» На дворѣ поднялся шумъ; нѣкоторымъ показалось, будто слышатъ они вдалекѣ выстрѣлы; поднялся крикъ: «насъ бьютъ!» — Часть толпы бросилась бѣжать со двора; другая часть, ища себѣ спасенія, рванулась въ двери залы сейма. Тутъ сеймъ увидѣлъ, что нельзя терять времени. Президентъ Монтекукколи сказалъ, что надобно отправиться къ императору и поднести ему адресы, врученные сейму для передачи ему. Съ нѣсколькими членами сейма онъ отправился во дворецъ, находившійся въ нѣсколькихъ шагахъ. Весь уголъ внутренняго города, гдѣ стоятъ дворецъ и домъ сейма, былъ наполненъ народомъ; въ разныхъ мѣстахъ говорились рѣчи; между прочимъ говорились они и подъ окнами квартиры Меттерниха, жившаго въ государственной канцеляріи, которая находится тутъ же по сосѣдству. Когда одинъ изъ такихъ ораторовъ, посаженный на плечи нѣсколькими молодыми людьми, доказывалъ надобность отставки Меттерниха подъ самымъ окномъ его, супруга Меттерниха подошла къ окну, послушала и насмѣшливо улыбнулась. Дѣйствительно, дворецъ и государственная канцелярія были охраняемы сильными отрядами войска, которое было расположено и по всему внутреннему городу. На площадяхъ стояли баттареи; бастіоны старыхъ укрѣпленій, окружающихъ внутренній городъ, также были вооружены пушками; гренадеры заряжали ружья боевыми патронами въ виду народа, чтобы онъ самъ зналъ серьёзность готовящагося отпора. Чтобы предотвратить столкновеніе, составился наскоро въ залѣ провинціальнаго сейма изъ горожанъ комитетъ для охраненія порядка, и депутація этого комитета отправилась къ бургомистру требовать, чтобы онъ созвалъ городскую гвардію, въ которую записаны были 6,000 почетнѣйшихъ вѣнскихъ горожанъ. Эта городская милиція должна

была принять на себя охраненіе порядка. Бургомистръ не рѣшался, медлилъ. А между тѣмъ какой-то офицеръ, командовавшій отрядомъ піонеровъ, увидѣвъ нѣсколькихъ простолюдиновъ, вооружавшихся палками и обломками скамей, приказалъ своимъ солдатамъ стрѣлять. Выстрѣлы эти къ счастью никого не ранили въ толпѣ, но все-таки она разсердилась: въ солдатъ полетѣли обломки стульевъ, скамей и камней. Эрцгерцогъ Альбрехтъ, начальствовавшій войсками, скомандовалъ стрѣлять; сдѣланы были два залпа, и толпа побѣжала отъ дворца и съ площади передъ домомъ сейма; на опустѣвшей площади лежало пять труповъ. Вѣсть о нападеніи разнесена была бѣгущими по всему внутреннему городу, по всѣмъ предмѣстьямъ, и дѣло начало принимать серьёзный оборотъ. По всѣмъ улицамъ предмѣстій собирались и вооружались толпы, и двинулись на внутренній городъ противъ войскъ. Начались въ разныхъ мѣстахъ стычки; депутаты комитета, составившагося изъ горожанъ,—богатые негоціанты, и будущій министръ Бахъ, — снова явились къ бургомистру и заставили его созвать городскую гвардію. Самъ эрцгерцогъ Альбрехтъ, не ожидавшій, чтобы скомандованные имъ залпы произвели такое дѣйствіе, согласился теперь, что лучше будетъ передать охраненіе порядка гражданской гвардіи и что разсѣянныя имъ по городу войска находятся въ опасности. Онъ отозвалъ назадъ свои отряды и сосредоточилъ все войско въ немногихъ пунктахъ внутренняго города, — на площадяхъ и у воротъ стѣны его. Предмѣстья были очищены отъ войскъ, и многочисленныя толпы собирались на бульварахъ, опоясывающихъ внутренній городъ, готовясь къ битвѣ. Ея надобно было ждать съ минуты на минуту.

Депутація провинціальнаго сейма еще утромъ отправилась, какъ мы говорили, во дворецъ. Она поочередно имѣла аудіенціи у Коловрата, у эрцгерцога Карла-Франца, наконецъ у эрцгерцога Людвига, управлявшаго государствомъ отъ имени больнаго императора. Эрцгерцогъ Людвигъ принялъ ее холодно и сурово, но когда хотѣла она удалиться, онъ просилъ ее обождать въ аванъ-залѣ, пока онъ посовѣтуется съ членами государственной конференціи. Эта государственная конференція была высшимъ правительственнымъ учрежденіемъ, отъ котораго зависѣли министры и другіе сановники; вѣрнѣе всего можно опредѣлить ее, сказавъ, что она соотвѣтствовала совѣту регентства. Кромѣ эрцгерцога Людвига, постоянными членами ея были эрцгерцогъ Францъ-Карлъ, Меттернихъ, Коловратъ и графъ Гартигъ, очень даровитый придворный, ученикъ и искренній другъ Меттерниха (имя графа Гартига теперь

часто упоминается въ газетахъ; потому что онъ начерталъ основныя правила для составленія знаменитаго диплома 20 октября). Иногда приглашались въ конференцію и два или три человѣка изъ другихъ министровъ. Теперь эрцгерцогъ Людвигъ созвалъ въ свой кабинетъ эрцгерцога Франца Карла, Меттерниха, Коловрата, Гартига и графа Пильграма, одного изъ членовъ государственнаго совѣта. Они вшестеромъ совѣщались, а депутація провинціальнаго сейма дожидалась въ аванъ-залѣ, наполненной генералами и адъютантами. Тутъ же находились другіе эрцгерцоги. По временамъ выходилъ изъ кабинета адъютантъ эрцгерцога Людвига, приглашалъ кого нибудь изъ сановниковъ или эрцгерцоговъ въ кабинетъ; потомъ члены государственной конференціи снова отпускали приглашеннаго и продолжали совѣщаться на-единѣ. Два или три раза призывали къ себѣ они депутацію провинціальнаго сейма, и снова отпускали ее, прося подождать. Такъ прошло нѣсколько часовъ. Передъ вечеромъ явились въ аванъ-залу у дверей государственной конференціи двѣ другія депутаціи.—Мы видѣли, какъ разбѣжалась толпа съ площади сеймоваго дома и какъ предмѣстья начали послѣ того вооружаться. Предвидя столкновеніе, студенты снова собрались въ университетской залѣ и просили своихъ прежнихъ депутатовъ, профессоровъ Ги и Эндлихера, вмѣстѣ съ ректоромъ университета Йенуллемъ, 70-лѣтнимъ старикомъ, отправиться во дворецъ, чтобы предотвратить кровопролитіе своими совѣтами. Мы говорили также, что зажиточные горожане, составлявшіе городскую гвардію, не дождались никакихъ распоряженій отъ бургомистра; они начали собираться сами на бульварахъ между предмѣстьемъ и внутреннимъ городомъ, чтобы устранить своимъ посредничествомъ схватки между народомъ и войсками. Офицеровъ гражданской гвардіи собралось тутъ очень много; но рядовые, жившіе въ отдаленныхъ частяхъ предмѣстій, еще не знали о рѣшимости своихъ товарищей, и офицеры гражданской гвардіи, видя нерѣшительность ея начальника бургомистра, сами взяли барабаны и пошли по предмѣстьямъ бить сборъ. Тогда отряды гражданской гвардіи на бульварахъ быстро увеличились. Офицеры ея видѣли начинающіяся стычки, старались разводить сражающихся, но чувствовали, что скоро не въ силахъ будутъ прекращать эти схватки. Они выбрали изъ своей среды также депутацію и послали ее во дворецъ. Эта депутація, подобно университетской, была препровождена къ аванъ-залу эрцгерцога Людвига. Много разъ призывалась то одна, то другая изъ этихъ депутацій, то опять депутація провинціальнаго сейма въ кабинетъ конференціи, нѣсколько разъ выходилъ въ аванъ-залу изъ кабинета

графъ Гартигъ; по временамъ вбѣгали въ аванъ-залу офицеры съ извѣстіями о новыхъ стычкахъ между войсками и народомъ. А время все шло и шло, безъ всякаго результата. Вотъ вышелъ графъ Гартигъ, вотъ вышелъ самъ эрцгерцогъ Людвигъ въ аванъ-залу; они спрашиваютъ у депутатовъ гвардіи, какой же наименьшій размѣръ уступокъ можетъ успокоить горожанъ. Офицеры гражданской гвардіи говорятъ, что необходимо по крайней мѣрѣ уволить въ отставку Меттерниха. — «Неужели вы полагаете, что это возможно, что мы согласимся на это?» отвѣчаютъ имъ. Гартигъ и эрцгерцогъ Людвигъ возвращаются въ кабинетъ, и опять продолжается совѣщаніе конференціи, опять призываютъ въ кабинетъ одну депутацію за другою. Вотъ призвана въ кабинетъ депутація гражданской гвардіи. Меттернихъ подходитъ къ одному изъ депутатовъ, офицеру Шерцеру, ласково и ободрительно треплетъ его по плечу и говоритъ: «неужели гражданская гвардія, вмѣстѣ съ войсками, не въ силахъ будетъ одолѣть чернь?» — «Ваша свѣтлость! это не чернь, — волнуется весь городъ». — «Но вмѣстѣ съ войсками вы легко усмирите волненіе». — «Ваша свѣтлость! мы не можемъ сражаться вмѣстѣ съ войсками». Депутацію опять отпускаютъ, снова тянется совѣщаніе за запертыми дверями кабинета; на дворѣ уже смерклось, наступаетъ ночь. Вотъ явилась въ аванъ-залу новая, четвертая депутація. Собралась корпорація вѣнскихъ медиковъ. Будучи по своему положенію хорошо знакомы съ расположеніями всѣхъ сословій, медики яснѣе чѣмъ кто нибудь понимали положеніе дѣлъ. Они прислали своихъ депутатовъ съ настоятельнѣйшими убѣжденіями. Они принесли извѣстіе, что великолѣпный загородный домъ Меттерниха въ Ландштрасскомъ предмѣстьи разрушается народомъ, что во многихъ мѣстахъ толпы готовятся брать въ плѣнъ караулы гауптвахтъ и ломать двери у оружейныхъ лавокъ. Они видѣли, что занимая войсками всѣ ворота, ведущія во внутренній городъ изъ предмѣстій, эрцгерцогъ Альбрехтъ забылъ поставить отрядъ во Францовскихъ воротахъ, и черезъ эти ворота внутренній городъ наполнился простолюдинами предмѣстій. Ближайшія къ дворцу улицы и площадь передъ дворцомъ снова наводнены толпою, какъ было поутру и толпа уже разсуждаетъ, что проникнуть во дворецъ легко: въ одномъ изъ фасовъ дворца есть между сплошнымъ каменнымъ строеніемъ промежутокъ, занятый деревяннымъ театромъ; если зажечь этотъ театръ, онъ рухнетъ очень скоро и черезъ прогорѣлое мѣсто будетъ доступъ внутрь дворца. Толпы уже вооружены ломами, топорами; онѣ со всѣхъ сторонъ готовятся штурмовать ворота внутренняго города, охраняемыя войсками. Депутаты медиковъ го-

ворятъ, что послѣдняя отсрочка атаки, выпрошенная ими у волнующейся массы — срокъ до 9 часовъ вечера. На рѣзкое слово, сказанное одному изъ медиковъ сановникомъ, бывшимъ въ аванъ-залѣ, находящееся въ аванъ-залѣ собраніе адъютантовъ и другихъ почетныхъ лицъ отвѣчаетъ свистомъ и раздается общій говоръ: «поздно, поздно!». Члены конференціи слышатъ это въ своемъ кабинетѣ. Шумъ на улицѣ усиливается. Бахъ восклицаетъ въ аванъ-залѣ: «еще 5 минутъ, еще 5 минутъ, и я не отвѣчаю ни за что». Одинъ изъ присланныхъ медиками депутатовъ берется за ручку двери, ведущей изъ аванъ-залы въ кабинетъ,—въ эту самую минуту двери кабинета отворяются и члены всѣхъ депутацій слышатъ приглашеніе войти въ кабинетъ. Эрцгерцогъ Людвигъ, Коловратъ, Гартигъ, а нѣсколько впереди ихъ князь Меттернихъ, выступаютъ на встрѣчу входящихъ депутатовъ. Меттернихъ спокоенъ. Онъ обращается къ депутатамъ гражданской гвардіи: «вы объявляли», говоритъ онъ: «что только мое удаленіе можетъ возстановить спокойствіе въ Австріи. Потому я съ радостью удаляюсь. Желаю вамъ счастія при новомъ правительствѣ, желаю счастія Австріи».—«Мы не имѣемъ ничего противъ вашего лица, свѣтлѣйшій князь», отвѣчали депутаты: «мы были только противъ вашей системы. Потому благодаримъ васъ именемъ народа. Да здравствуетъ императоръ Фердинандъ!» По всѣмъ заламъ отозвался этотъ крикъ въ честь императора. Меттернихъ повторилъ, что онъ съ радостью удаляется въ отставку для пользы государства, и потомъ продолжалъ разговоръ спокойнымъ голосомъ, безъ всякихъ признаковъ волненія. Коловратъ показалъ депутатамъ готовый проэктъ императорскаго манифеста, обѣщавшій преобразованія, и объявилъ, что студентамъ дозволяется взять оружіе изъ арсенала, чтобы ихъ легіонъ служилъ городу ручательствомъ въ исполненіи обѣщанныхъ реформъ. Съ восторгомъ поспѣшили депутаціи сообщить такую успокоительную развязку толпамъ горожанъ, окружавшимъ дворецъ, наполнявшимъ всѣ сосѣднія улицы; народъ расходился съ радостными криками въ честь императора. Депутаты студентовъ и докторовъ торопливо вришли въ университетъ, и студенты раздѣлились на отряды, поочередно отправлявшіеся въ арсеналъ вооружаться; изъ арсенала расходились они по предмѣстіямъ, повсюду возстановляя порядокъ, уже бывшій низвергнутымъ во многихъ частяхъ столицы. Простолюдины охотно слушались увѣщаній университетской молодежи и прекращали нападенія на войска. Скоро вся Вѣна успокоилась, и ночь прошла тихо. Поутру жители Вѣны узнали, что князь Меттернихъ уже уѣхалъ.

Последніе часы его власти и вѣрность данному обѣщанію удалиться отъ власти приносятъ большую честь и характеру и уму Меттерниха. Онъ могъ бы надѣлать страшнаго кровопролитія, разрушить половину столицы въ послѣдній день своей власти. Но, какъ человѣкъ умный, онъ разсчиталъ, что это было бы напрасно. Онъ былъ такъ сообразителенъ, что умѣлъ смѣрить свои силы съ силою движенія, не нуждаясь въ испытаніяхъ разсчета посредствомъ дѣйствительной борьбы,—онъ умѣлъ предвидѣть, что былъ бы побѣжденъ, и нашелъ въ себѣ столько силы характера, чтобы не вступать въ безуспѣшную битву. Хладнокровіе и спокойствіе, съ какимъ онъ объявилъ, что отказывается отъ власти, облекаетъ его фигуру даже какимъ-то высокимъ блескомъ. Если хотите, говорите, что все это былъ только разсчетъ умнаго человѣка,—по воля ваша, кромѣ расчета, есть тутъ и благородство и патріотизмъ. Выставляютъ Меттерниха какимъ-то олицетвореніемъ коварства,—нѣтъ, коварный человѣкъ не сдержалъ бы своего послѣдняго слова такъ вѣрно и строго, какъ онъ: не сдѣлавъ никакихъ попытокъ измѣнить ему, уклониться отъ своего обѣщанія, не пытаясь сохранить въ своихъ рукахъ власть, онъ равнодушно оставилъ другимъ дѣлать попытки къ подавленію движенія, а самъ честно сталъ готовиться къ отъѣзду, и кончилъ сборы быстрѣе, чѣмъ самой недовѣрчивый врагъ могъ бы требовать отъ старика, привыкшаго жить сибаритомъ. Мы вовсе не поклонники Меттерниха, но конецъ его правленія доказываетъ, что онъ былъ человѣкомъ гораздо лучшимъ, чѣмъ какъ обыкновенно думаютъ о немъ. Тотъ же самый фактъ обнаруживаетъ и другую сторону его политической жизни. Его система пала безъ борьбы отъ первой волны движенія, охватившаго Вѣну, отъ одного желанія, выраженнаго этимъ городомъ, самымъ неприготовленнымъ изъ всѣхъ западныхъ столицъ къ энергическому дѣйствію, самымъ слабымъ, безпомощнымъ, — если позволительно такъ выразиться, — самымъ пустымъ изъ всѣхъ западныхъ большихъ городовъ. Жители Вѣны были тогда въ гражданскомъ смыслѣ не больше какъ дѣти. Умѣли ли они сражаться? Способны ли они были выдерживать огонь регулярныхъ войскъ? Имѣли ли они тогда по крайней мѣрѣ хотя какихъ нибудь предводителей, годныхъ для боя? Имѣли они по крайней мѣрѣ оружіе?—Ничего этого у нихъ не было. Или быть можетъ они замѣняли эти недостатки настойчивостью характера, ясностью понятій о томъ, къ чему стремятся? — И этого ничего въ нихъ не было тогда. То были люди, не имѣвшіе ни твердыхъ желаній, ни опредѣленныхъ цѣлей, ни привычки къ дружному дѣйствію — рѣшительно ничего и ничего, — и стоило

такимъ ничтожнымъ людамъ лишь походить нѣсколько часовъ по улицамъ съ разговорами, что они недовольны Меттернихомъ, и оказалось, что Меттернихъ слабѣе даже ихъ, слабѣе которыхъ не могло быть, кажется, ничего на свѣтѣ. Сдѣлано было нѣсколькими маленькими отрядами солдатъ въ разныхъ мѣстахъ по нѣскольку выстрѣловъ; брошено было нѣсколькими десятками горячихъ людей изъ простонародья нѣсколько камней въ солдатъ—и, только всего. Кажется, не нужно было бы и солдатъ; достаточно было бы нѣсколько десятковъ полицейскихъ служителей, чтобы разогнать по домамъ весь этотъ далеко не воинственный народъ,—и оказалось, что стрѣлять въ него нельзя, — что войска не годятся против него, что надобно уступить безсильному желанію безсильнаго города; система Меттерниха оказалась невыдерживающею самого слабаго прикосновенія. Къ чему же была нужна она? спрашиваемъ мы теперь. Меттернихъ думалъ, что необходима она для охраненія порядка, для обузданія волненій. Оказалось, что при первой попыткѣ низвергнуть существовавшій порядокъ, она сама упала; что первый легкій порывъ волненія ниспровергъ ее. Значитъ, она не годилась для своей цѣли, и если существовала съ 1814 до 1848 года, то лишь потому, что не было тогда въ австрійскомъ населеніи расположенія волноваться, то есть не было причины, по предположенію которой была установлена эта система, не существовало цѣли, для которой она предназначалась.

Система эта возникла просто изъ незнанія объ истинномъ положеніи дѣлъ, изъ незнакомства съ расположеніемъ умовъ, изъ ошибочнаго предположенія несуществовавшихъ опасностей и зловредностей, и только своею ненужною обременительностью породила наконецъ то волненіе, котораго никогда не произошло бы безъ ея раздражавшаго тяготѣнія, безъ ея напрасной и обезсиливавшей само правительство, самого Меттерниха, самого Франца I и его наслѣдника стѣснительности. Меттернихъ просто не зналъ государства, которымъ управлялъ; вся бѣда произошла оттого, что онъ, не потрудившись познакомиться съ управляемыми племенами, предположилъ ихъ враждебными, когда они и не думали еще быть враждебны, а напротивъ, проникнуты были искреннѣйшею преданностью,—вообразилъ, будто онъ долженъ управлять какими-то чеченцами, лезгинами, шансугами, у которыхъ, за каждымъ холмомъ, на каждой полянѣ таится Шамиль или Казы-Мулла, готовый выскочить на борьбу съ нимъ, а не мирными людьми, которые вѣки-вѣковъ рады были жить подъ властью Габсбургскаго дома, и не имѣли никакой мысли ни о какихъ волненіяхъ. Къ ихъ и къ своему несчастью, Меттернихъ

не зналъ этого. Что дѣлать, это было его и ихъ несчастіе; но нельзя винить за то самого Меттерниха: онъ находился въ такой обстановкѣ, что не могъ знать того, чего къ несчастію не зналъ; таково было его положеніе, лишавшее его вѣрныхъ свѣдѣній о жизни массъ и о мысляхъ просвѣщенной части общества, — положеніе, повидимому, всесильное, но въ сущности безпомощное.

Мы знаемъ, что говоримъ противъ предубѣжденій, очень сильно укорененныхъ въ нашей публикѣ. Но будемъ безпристрастны, не будемъ несправедливы, даже къ Меттерниху. Къ чему говорить о злонамѣренности, о коварствѣ, — этого не было; было нѣчто другое,—было незнаніе, непониманіе.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

Часть первая.

1830—1839.

ГЛАВА V.

АЛЬМАНАХЪ ВЪ ПАМЯТЬ ОТКРЫТІЯ ТИПОГРАФІИ. — Ѳ. Н. ГУБЕРЪ. — ВЕЧЕРЪ У ВОЕЙКОВА ВЪ ВЕЛИКОМЪ ПОСТУ. — ЧТЕНІЕ «СУМАСШЕДШАГО ДОМА». — НУМЕРЪ «РУССКАГО ИНВАЛИДА», ПРИСЛАННЫЙ МНѢ ВОЕЙКОВЫМЪ. — ЮБИЛЕЙ КРЫЛОВА. — С. Н. ГЛИНКА. — ЛИТЕРАТУРНО-ВЕЛИКОСВѢТСКІЯ СУББОТЫ У КНЯЗЯ В. Ѳ. ОДОЕВСКАГО. — САХАРОВЪ, ИЗДАТЕЛЬ «СКАЗАНІЙ РУССКАГО НАРОДА». — ОТЕЦЪ ІАКИНФЪ. — ОТНОШЕНІЯ ОДОЕВСКАГО КЪ МОЛОДЫМЪ ЛИТЕРАТОРАМЪ. — СМЕРТЬ ПУШКИНА И РАЗБОРЪ ЕГО БУМАГЪ.

Присутствовавшіе на обѣдѣ Воейкова при открытіи типографіи, по предложенію, если я не ошибаюсь, Владиславлева, обязались подарить по статьѣ *на зубокъ* новой типографіи. Если бы всѣ они сдержали свое слово, изъ этихъ приношеній составилась бы книжища листовъ во сто. Мысль эта улыбалась Воейкову, но, къ прискорбію его, она не осуществилась: только человѣкъ десять или пятнадцать, изъ самыхъ молодыхъ литераторовъ, движимыхъ рьяною страстью *печататься* (и въ томъ числѣ, конечно, я), поднесли ему свои стишки и разсказцы, изъ которыхъ составилась тощая и плохая книжечка. Передъ

выходомъ ея, Воейковъ пустилъ объ ней прекурьёзное объявленіе съ китайскимъ бордюромъ, какъ объявленія о чаѣ. Онъ наименовалъ всѣ статьи своего Альманаха и при этомъ дѣлалъ небольшую, но презабавную характеристику каждаго автора. Я только помню двѣ изъ этихъ характеристикъ—мою и Губера. Напечатавъ заглавіе моего разсказа, онъ замѣтилъ: «сочиненіе И. И. Панаева, автора повѣсти: «Она будетъ счастлива» (*), *въ которой въ первый разъ изображена настоящая русская женщина»;* объявляя о стихотвореніяхъ Губера, онъ прибавилъ: *«того самаго Э. И. Губера, который вступилъ въ борьбу съ исполиномъ Германіи—Гёте и побѣдилъ его».* Остальныя характеристики были въ этомъ же родѣ.

Здѣсь кстати надо замѣтить, что Губеръ незадолго передъ этимъ появился съ большимъ эффектомъ на литературномъ поприщѣ, какъ переводчикъ «Фауста». Объ этомъ переводѣ, еще до появленія отрывковъ изъ него, толковали очень много: говорили, что переводъ его—образецъ переводовъ, что болѣе поэтически и болѣе вѣрно невозможно передать Фауста. Кажется, Губеръ явился съ отрывками изъ своего перевода прежде всего къ Пушкину, и Пушкинъ передѣлалъ нѣкоторые изъ этихъ отрывковъ. Объ этомъ уже узнали впослѣдствіи. Губеръ сначала довольно часто появлялся на литературныхъ утренникахъ г. Краевскаго, потомъ онъ сблизился съ Брюловымъ, Глинкою и Кукольникомъ.... но о Губерѣ я буду еще говорить впослѣдствіи....

Объявленіе Воейкова разсмѣшило всѣхъ. Искренно ли было написано оно, или это была злая шуточка, до которыхъ Воейковъ былъ такой охотникъ? Богъ знаетъ.—Воейковъ какъ критикъ былъ вообще до крайности пошлъ, и легко могъ не шутя дѣлать такого рода характеристики.

Въ своихъ выходкахъ въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» противъ Надеждина, Бѣлинскаго и другихъ, онъ являлся тупымъ, плоскимъ, отсталымъ старцемъ, огрызавшимся съ безсильною злобою.

Въ Воейковѣ-журналистѣ не было, казалось, ничего общаго съ авторомъ «Сумасшедшаго дома», умно и мѣтко злымъ, какимъ онъ являлся иногда и въ обществѣ.

(*) Повѣсть эта была напечатана въ «Телескопѣ», какъ я упомянулъ выше.

Однажды на вечерѣ у Владиславлева, — когда зашла рѣчь о «Сумасшедшемъ домѣ», — Владиславлевъ спросилъ у него:

— Скажите, Александръ Ѳедорычъ, откуда вы берете эти слова, которыми вы такъ безпощадно бичуете въ вашемъ «Сумасшедшемъ домѣ?»

Воейковъ улыбнулся, и масляные глазки его засверкали.

— Они мнѣ не легко достаются, отвѣчалъ онъ протяжно и въ носъ: — я вѣдь, почтеннѣйшій, нѣсколько лѣтъ коплю въ себѣ желчь, и когда она накопится черезъ мѣру, такъ ужь сама собой какъ-то разливается.

У Владиславлева висѣлъ на стѣнѣ въ его кабинетѣ портретъ масляными красками Г*.

Краевскій спросилъ у Владиславлева, почему онъ повѣсилъ у себя этотъ портретъ Г*: развѣ онъ такъ уважаетъ оригиналъ?

— Ахъ, Андрей Александрычъ, прогнусилъ Воейковъ: — оставьте его: пусть до висѣлицы-то хоть на гвоздикѣ повиситъ!

Однажды Воейковъ пригласилъ меня къ себѣ на вечеръ. Это было въ великомъ посту. Онъ жилъ гдѣ-то около Шестилавочной, въ небольшомъ отдѣльномъ деревянномъ домикѣ. На этомъ вечерѣ были: Жуковскій, князь Вяземскій, г. Краевскій, Владиславлевъ, Гребенка и нѣкоторые другіе литераторы.

Воейковъ былъ очень любезенъ съ своими гостями и льстилъ самолюбію каждаго.

Вяземскій потребовалъ, чтобы онъ непремѣнно прочелъ весь свой «Сумасшедшій домъ», не скрывая ничего.

— Ты вѣдь вѣрно и меня помѣстилъ въ него, сказалъ Вяземскій: прочти обо всѣхъ. Я не разсержусь на тебя, я тебѣ даю слово; другіе вѣрно также не разсердятся.

— Что это ты, князь! вскрикнулъ Воейковъ: — съ чего ты это взялъ? Клянусь тебѣ, что о тебѣ нѣтъ ни одной строки. Я тебя такъ люблю, такъ уважаю!... Сохрани Боже, какъ это можно!

— Да и Жуковскаго ты вѣрно любишь и уважаешь, возразилъ Вяземскій: — однако Жуковскій попалъ же въ «Сумасшедшій домъ».

Жуковскій улыбался.

Воейковъ смутился.

— Это прошедшее.... это было такъ давно, началъ Воейковъ: — я теперь въ этомъ раскаяваюсь.... Это гадко, низко съ моей стороны было трогать такого человѣка, какъ онъ (и

Воейковъ указывалъ на Жуковскаго); я торжественно каюсь въ этомъ поступкѣ....

— Ну, полно, полно, отвѣчалъ Жуковскій: — принеси-ка свой «Сумасшедшій Домъ» и прочти его намъ, ничего не утаивая....

Всѣ пристали къ Воейкову. Онъ вышедъ и скоро возвратился съ тетрадкою.

— Право, это не стоитъ читать, говорилъ онъ: — вамъ всѣмъ это извѣстно, новаго тутъ ничего нѣтъ.

— Нѣтъ, читайте, читайте! закричали всѣ въ одинъ голосъ....

— Если вы непремѣнно требуете, я повинуюсь — дѣлать нечего.

И Воейковъ неохотно раскрылъ тетрадку....

— Господа! сказалъ Вяземскій: — онъ непремѣнно пропустить что нибудь. Пусть прочтетъ кто нибудь другой.... Дай кому нибудь изъ насъ тетрадку.

Воейковъ началъ кляться, что пропускать нечего, что новаго нѣтъ ничего, — однако тетрадка его была передана Гребенкѣ, который взялся читать.

Во время чтенія Воейковъ стоялъ сзади стула Гребенки и прерывалъ чтеніе, повторяя:

— Видите ли, вѣдь я не солгалъ, тутъ нѣтъ ничего новаго.. Право, не стоитъ читать....

— Молчи! молчи! замѣчалъ ему Жуковскій, грозя пальцемъ.

Новаго дѣйствительно ничего не оказалось, за исключеніемъ неизвѣстныхъ для Вяземскаго и Жуковскаго четырехъ страшно-оскорбительныхъ стиховъ на Карглофа, съ которымъ Воейковъ былъ въ очень пріятельскихъ отношеніяхъ.

— Видишь ли, князь, воскликнулъ Воейковъ по окончаніи чтенія, обращаясь къ Вяземскому: — что я не солгалъ, что о тебѣ нѣтъ ни слова. Я бы отсѣкъ себѣ руку, которая бы написала о тебѣ хоть одну ядовитую строчку.... Клянусь тебѣ, клянусь!

Вечеръ этотъ окончился постнымъ ужиномъ. Воейковъ во все время ужина извинялся, что онъ угощаетъ постнымъ.

— Жаль, говорилъ онъ: — что мнѣ пришлось принимать моихъ дорогихъ гостей въ посту.... ну, а вы ужь меня извините, господа, — я свято исполняю христіанскій долгъ.... Я всегда весь великій постъ ѣмъ постное.

Провожая насъ, Воейковъ говорилъ каждому:

— Благодарю васъ за честь, которую вы сдѣлали старику и не погнушались его приглашеніемъ, я это очень чувствую. Вы доставили мнѣ истинное удовольствіе. Я этого вечера никогда не забуду, и такъ далѣе...

Изъ литераторовъ Воейковъ болѣе всѣхъ ненавидѣлъ Сенковскаго и Булгарина и всякій разъ выискивалъ съ наслажденіемъ случаи, чтобы нанести имъ какую нибудь непріятность торжественно, передъ лицомъ публики.

Одинъ изъ такихъ случаевъ представился ему при юбилеѣ Крылова.

Мысль о юбилеѣ Крылова возникла, если я не ошибаюсь, на вечерахъ у князя Одоевскаго. Объ этой мысли сообщено было графу Уварову, который, какъ министръ просвѣщенія, взялся испросить на этотъ литературный праздникъ высочайшее разрѣшеніе. Сенковскій и Булгаринъ, ненавидѣвшіе Одоевскаго и Вяземскаго потому только, что инціатива этого юбилея принадлежала имъ, отказались отъ участія въ немъ; но когда юбилей, высочайше одобренный, принялъ оффиціальный характеръ, они начали хлопотать о билетахъ для себя; билеты уже были всѣ розданы, и они на юбилей не попали.

Воейковъ воспользовался этимъ случаемъ и напечаталъ въ «Инвалидѣ», что на праздникѣ въ честь нашего знаменитаго баснописца не пожелали принять участіе: Сенковскій и Булгаринъ.

Воейковъ очень тщеславился этою выходкою и разослалъ всѣмъ своимъ пріятелямъ, въ томъ числѣ и мнѣ, тотъ нумеръ «Инвалида», въ которомъ она была напечатана.

У меня онъ хранится до сихъ поръ.

На верху карандашомъ рукою Воейкова написано:

«Любезнѣйшему Ив. Ив. Панаеву на память отъ Ал. Воейкова».

Юбилей Крылова праздновался въ большой залѣ дома Энгельгардта, гдѣ теперь *Русскій Магазинъ*. Онъ принялъ, какъ я уже замѣтилъ, совершенно офиціальный характеръ. Передъ началомъ обѣда графъ Уваровъ украсилъ грудь баснописца звѣздою ордена св. Станислава, и въ краткихъ, но выразительныхъ словахъ поздравилъ его съ этою высочайшею милостію.

За обѣдомъ говорили рѣчи: Жуковскій и князь Одоевскій отъ лица молодаго поколѣнія литераторовъ; князь Вяземскій про-

челъ свое извѣстное стихотвореніе къ «Дѣдушкѣ Крылову». На хорахъ въ залѣ присутствовало много любопытныхъ великосвѣтскихъ дамъ. Крыловъ казался очень растроганнымъ.

Къ концу обѣда, послѣ всѣхъ рѣчей, всталъ съ своего мѣста Сергѣй Николаевичъ Глинка. На немъ былъ синій фракъ съ бронзовыми пуговицами и съ огромнымъ Владиміромъ въ петлицѣ, манишка повязанная сверхъ жилета и сапоги сверхъ панталонъ. Онъ направлялся съ торжественностію къ серединѣ стола, гдѣ сидѣлъ Крыловъ, имѣвшій своимъ сосѣдомъ съ правой стороны министра народнаго просвѣщенія, а съ лѣвой Жуковскаго.

Сергѣй Николаевичъ остановился противъ Крылова, размахнулъ рукой и произнесъ горячо краткую рѣчь, при всеобщихъ ироническихъ взглядахъ, и затѣмъ потянулся къ Крылову, который обнялъ его и поцаловалъ.

Когда пили за здоровье Крылова, энтузіазмъ въ залѣ былъ страшный, и дамы на хорахъ кричали, махали платками и, кажется, бросили съ хоръ нѣсколько букетовъ...

Крыловъ бывалъ иногда на субботахъ князя Одоевскаго, и я въ первый разъ увидѣлъ тамъ нашего знаменитаго баснописца. Онъ имѣлъ много привлекательности, и несмотря на тучность тѣла, казался еще очень живымъ старикомъ. Онъ вообще мастерски разсказывалъ, когда былъ въ хорошемъ расположеніи, и передавалъ съ добродушнымъ юморомъ различные забавные факты о своей безпечности и разсѣянности и между прочимъ о томъ, какъ какой-то сочинитель принесъ ему свое сочиненіе и просилъ его совѣтовъ, какъ Крыловъ взялся очень охотно прочесть это сочиненіе и продержалъ его больше года; какъ сочинитель, выведенный наконецъ изъ терпѣнья, вошелъ къ нему разъ утромъ въ спальню и увидѣлъ его спящаго, а свое сочиненіе плавающимъ въ какомъ-то сосудѣ, стоявшемъ у постели; какъ Крыловъ потерялъ жилетъ съ самого себя, и прочее. Анекдоты эти извѣстны почти всѣмъ.

Всякій разъ, когда Крыловъ бывалъ у Одоевскаго, за ужиномъ являлся для него поросенокъ подъ сметаной, до котораго онъ былъ величайшій охотникъ, и передъ нимъ ставилась бутылка квасу.

На вечерахъ Одоевскаго бывали также довольно часто Пушкинъ, на котораго молодые литераторы съ благоговѣніемъ выглядывали издалека, потому что онъ всегда сидѣлъ въ кругу

свѣтскихъ людей и дамъ, и князь Вяземскій, появлявшійся обыкновенно очень поздно.

Извѣстно, что желаніе Одоевскаго сблизить, посредствомъ *своихъ* вечеровъ, великосвѣтское общество съ русской литературой не осуществилось. Я уже намекнулъ объ этомъ, говоря о Бѣлинскомъ.

Большинство нашихъ такъ-называемыхъ свѣтскихъ людей того времени отличалось крайней пустотою и отсутствіемъ всякаго образованія, потому что болтанье на французскомъ языкѣ, болѣе или менѣе удачное усвоеніе внѣшнихъ формъ пошлаго европейскаго дендизма и чтеніе романовъ Польдекока нельзя же назвать образованіемъ. Исключеній было немного, и къ нимъ принадлежалъ графъ Михаилъ Юрьевичъ Вьельгорскій — человѣкъ съ тонкою артистическою натурою и притомъ съ большою начитанностію для свѣтскаго человѣка. Остальные не принимали и не могли принимать ни малѣйшаго участія ни въ развитіи отечественной литературы, ни въ какихъ человѣческихъ интересахъ, а знали о существованіи русской литературы только по Пушкину и по другимъ, которые принадлежали къ ихъ обществу. Они полагали, что вся русская литература заключается: въ Жуковскомъ, Крыловѣ (басни котораго ихъ заставляли учить въ дѣтствѣ), Пушкинѣ, князѣ Одоевскомъ, князѣ Вяземскомъ и графѣ Соллогубѣ, который своимъ свѣтскимъ пріятелямъ читалъ тогда своего «Серёжу», еще не появившагося въ печати. Чтобы получить литературную извѣстность въ великосвѣтскомъ кругу, необходимо было попасть въ салонъ г-жи Карамзиной — вдовы исторіографа. Тамъ выдавались дипломы на литературные таланты. Это былъ уже настоящій великосвѣтскій литературный салонъ съ строгимъ выборомъ.

Духъ касты, аристократическій духъ внесенъ былъ такимъ образомъ и въ литературу. Аристократическіе литераторы держали себя съ недоступною гордостью и вдалекѣ отъ остальныхъ своихъ собратій, изрѣдка относясь къ нимъ только съ вельможескою покровительственностію. Пушкинъ, правда, былъ очень ласковъ и вѣжливъ со всѣми, какъ я уже говорилъ, но эта утонченная вѣжливость была быть-можетъ признакомъ самаго закоренелаго аристократизма. Его, говорятъ, приводило въ бѣшенство, когда какіе нибудь высшія лица принимали его, какъ литератора, а не какъ потомка Анибалла, предъ кѣмъ....

«...... громада кораблей всплывала
И палъ впервые Наваринъ!»

Князь Одоевскій, напротивъ, принималъ каждаго литератора и ученаго съ искреннимъ радушіемъ, и протягивалъ дружески руку всѣмъ выступавшимъ на литературное поприще, безъ различія сословій и званій. Одоевскій желалъ все обобщать, всѣхъ сближать, и радушно открылъ двери свои для всѣхъ литераторовъ. Онъ хотѣлъ показать своимъ свѣтскимъ пріятелямъ, что кромѣ избранниковъ посѣщающихъ салонъ Карамзиной, въ Россіи существуетъ еще цѣлый классъ людей, занимающихся литературой. Одинъ изъ всѣхъ литераторовъ-аристократовъ, онъ не стыдился званія литератора, не боялся открыто смѣшиваться съ литературною толпою, и за свою страсть къ литературѣ терпѣливо сносилъ насмѣшки своихъ свѣтскихъ пріятелей, которымъ не было никакого дѣла до литературы и которые вовсе не хотѣли сближаться съ людьми не своего общества... Свѣтскіе люди на вечерахъ Одоевскаго окружали обыкновенно хозяйку дома, а литераторы были биткомъ набиты въ тѣсномъ кабинетѣ хозяина, заставленномъ столами различныхъ формъ и заваленномъ книгами, боясь заглянуть въ салонъ... Цѣлая бездна раздѣляла этотъ салонъ отъ кабинета.

Но для того, чтобы достичь вожделѣннаго кабинета, литераторамъ надобно было проходить черезъ роковой салонъ — и это было для нихъ истинною пыткою. Неловко кланяясь хозяйкѣ дома, они какъ-то скорчившись, съежившись и притаивъ дыханіе, торопились достичь кабинета, преслѣдуемые лорнетами и разными не совсѣмъ пріятными для ихъ самолюбія взглядами и улыбочками.

Особенное вниманіе великосвѣтскихъ госпожъ и господъ обращалъ на себя издатель «Сказаній русскаго народа» И. П. Сахаровъ, появлявшійся всегда на вечерахъ Одоевскаго въ длиннополомъ гороховомъ сюртукѣ. Сахаровъ, впрочемъ, русскій человѣкъ, себѣ на умѣ, хитро посматривалъ на все изъ-подъ навѣса своихъ густыхъ бѣлокурыхъ бровей, и не смущался бросаемыми на него взглядами и возбуждаемыми имъ улыбочками. Онъ даже, кажется, нарочно облекался въ свой гороховый сюртукъ, отправляясь на вечера Одоевскаго.

— Пусть ихъ таращатъ на меня глаза, говорилъ онъ: — мнѣ наплевать, меня не испугаютъ.

Книга Сахарова («Ссказанія русскаго народа»), только-что появившаяся въ то время) обратила на себя всеобщее вниманіе въ литературѣ, и черезъ эту книгу Сахаровъ скоро сблизился со всѣми литераторами и сталъ особенно ухаживать за журналистами. Онъ довольно часто появлялся у г. Краевскаго.

Кромѣ Сахарова, привлекалъ къ себѣ любопытство великосвѣтскихъ гостей князя Одоевскаго — отецъ Іакинфъ, изрѣдка появлявшійся на субботахъ. Онъ ораторствовалъ о Китаѣ, превознося до небесъ все китайское.

Онъ до того окитаился, вслѣдствіе своего долгаго пребыванія въ этой странѣ, что даже наружностію сталъ походить на китайца: глаза его какъ-то съузились и поднялись кверху.

Когда Іакинфъ заговаривалъ о своемъ Китаѣ, многіе свѣтскіе господа изъ салона приходили слушать его.

Отецъ Іакинфъ говорилъ грубо, рѣзко напиралъ на букву *о* и не стѣснялся въ своихъ выраженіяхъ.

Однажды Іакинфъ проповѣдывалъ о томъ, что медицина въ *Китаѣ* доведена до высочайшаго совершенства и что многія весьма серьёзныя болѣзни, отъ которыхъ становятся въ тупикъ европейскіе врачи, вылечиваются тамъ очень легко и быстро.

— Какія же, напримѣръ? спросила одна дама.

— Да вотъ хоть бы кровавый поносъ, отвѣчалъ онъ....

Когда я въ первый разъ былъ у Одоевскаго, онъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. Его привлекательная, симпатическая наружность, таинственный тонъ, съ которымъ говорилъ онъ обо всемъ, безпокойство въ движеніяхъ человѣка, озабоченнаго чѣмъ-то серьёзнымъ, выраженіе лица постоянно задумчивое, размышляющее, — все это не могло не подѣйствовать на меня. Прибавьте къ этому оригинальную обстановку его кабинета, уставленнаго необыкновенными столами съ этажерками и съ таинственными ящичками и углубленіями; книги на стѣнахъ, на столахъ, на диванахъ, на полу, на окнахъ—и притомъ въ старинныхъ пергаментныхъ переплетахъ съ писанными ярлычками на задкахъ; портретъ Бетговена съ длинными сѣдыми волосами и въ красномъ галстукѣ; различные черепы, какія-то необыкновенной формы склянки и химическія реторты....

Я почувствовалъ внутреннюю лихорадку, когда онъ заговорилъ со мною. Такъ точно дѣйствовалъ Одоевскій и на моего пріятеля Дирина, о которомъ я говорилъ выше.

Дíринъ благоговѣйно любилъ Одоевскаго, но одна мысль объ его учености приводила его въ трепетъ.

— Меня такъ и тянетъ къ этому человѣку, говаривалъ мнѣ Дíринъ: — въ немъ столько симпатическаго!... Но когда онъ о чемъ нибудь заговоритъ со мною, я вдругъ робѣю, чувствую внутреннюю дрожь, и языкъ прилипаетъ у меня къ гортани.... Меня это мучитъ, онъ долженъ считать меня ужаснѣйшимъ дуракомъ!

Дíринъ и въ могилу унесъ отроческій раболѣпный страхъ къ Одоевскому.

У меня этотъ страхъ прошелъ скоро.

Я имѣлъ случай не разъ убѣдиться, что всѣ эти ученые аксессуары Одоевскаго, такъ пугавшіе новичковъ, не были нисколько страшны . . . .

. . . .

Я мало встрѣчалъ людей, которые бы могли сравниться съ Одоевскимъ въ добродушіи и довѣрчивости. Никто болѣе его не ошибался въ людяхъ, и никто, конечно, болѣе его не былъ обманутъ,—я увѣренъ въ этомъ . . . .

. . . .

.... Я скоро пересталъ бояться Одоевскаго; но до сихъ поръ я питаю самое симпатическое чувство къ этому человѣку, который изъ всѣхъ литераторовъ-аристократовъ принималъ дѣйствительное и искреннее участіе во всѣхъ своихъ бѣдныхъ собратахъ по литературѣ и обращался съ ними истинно *по-человѣчески* и безъ всякихъ заднихъ мыслей. Въ нашемъ обществѣ это большая заслуга!

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ Одоевскій чуть-было еще разъ не сдѣлался журналистомъ. Его настроивалъ на это г. Краевскій, хотѣвшій издавать журналъ вмѣстѣ съ нимъ. Однако, предпріятіе это не удалось . . . .

. . . .

Трагическая смерть Пушкина пробудила Петербургъ отъ апатіи. Весь Петербургъ всполошился. Въ городѣ сдѣлалось необыкновенное движеніе. На Мойкѣ у Пѣвческаго моста (Пушкинъ жилъ тогда въ первомъ этажѣ стариннаго дома княгини Волконской) не было ни прохода, ни проѣзда. Толпы народа и экипажи съ утра до ночи осаждали домъ; извощиковъ нанимали, просто говоря: «къ Пушкину», и извощики везли прямо туда. Всѣ классы петербургскаго народонаселенія, даже

люди безграмотные, считали какъ бы своимъ долгомъ поклониться тѣлу поэта. Университетская и литературная молодежь рѣшила нести гробъ на рукахъ до церкви; стихи Лермонтова на смерть поэта переписывались въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, перечитывались и выучивались наизусть всѣми.

Дирпнъ былъ страшно пораженъ смертію Пушкина. Онъ первый увѣдомилъ меня о ней, потому что во все время страданій Пушкина, забѣгалъ справляться объ его состояніи разъ десять въ день.

Въ день погребенія, вся Конюшенная площадь была усыпана народомъ. Въ церковь пускали только по билетамъ, а у насъ билетовъ не было.... Мы съ Дирпнымъ потолкались въ толпѣ и печально отправились домой.

Недѣли черезъ двѣ послѣ того, какъ тѣло, по высочайшему повелѣнію отвезено было А. И. Тургеневымъ въ Святогорскій Успенскій монастырь (въ 4 верстахъ отъ с. Михайловскаго), — г. Краевскій объявилъ, что ему поручено разобрать книги и бумаги въ кабинетѣ Пушкина, что онъ пригласилъ къ себѣ въ помощники Сахарова и еще кого-то не помню.

— Не хотите ли вы помочь намъ? прибавилъ онъ.

Я конечно не отказался отъ такого предложенія.

Нечего разсказывать, съ какимъ ощущеніемъ я входилъ въ кабинетъ Пушкина....

Мы провозились цѣлый вечеръ. Я между прочимъ нашелъ подъ столомъ, на полу, записку Мегниса, бывшаго въ то время секретаремъ англійскаго посольства въ Петербургѣ.— Пушкинъ просилъ его быть своимъ секундантомъ, и Мегнисъ въ своей запискѣ отказывалъ Пушкину въ этой просьбѣ, замѣчая, что, по его положенію, онъ неможетъ вмѣшиваться въ такого рода дѣла. Записку эту я передалъ г. Краевскому, который хотѣлъ отдать ее Жуковскому. — Мегнисъ былъ правъ. — Но съ какой точки зрѣнія Пушкинъ адресовался къ нему? Съ такого рода просьбами относятся, кажется, обыкновенно только къ самымъ близкимъ людямъ.

Во время нашихъ занятій, на порогѣ дверей кабинета появился высокій сѣдой лакей.

Онъ вздыхая и покачивая головою завелъ съ нами рѣчь:

— Не думалъ я, чтобы мнѣ, старику, пришлось отвозить тѣло Александра Сергѣича! (онъ сопровождалъ А. И. Тургенева). — Я помню, какъ онъ родился, я на рукахъ его нашивалъ.. :

И потомъ старикъ разсказалъ намъ нѣкоторыя подробности о томъ, какъ они везли тѣло, въ какомъ мѣстѣ Святогорскаго кладбища погребено оно, и прочее....

Г. Краевскій, кажется, посвятилъ разбору библіотеки Пушкина нѣсколько вечеровъ, но я помогалъ ему только одинъ вечеръ....

ГЛАВА VI.

ВЕЧЕРА У ГРАФА Ѳ. П. ТОЛСТОВА. — КУКОЛЬНИКОВСКАЯ ПАРТІЯ. — ВЕЧЕРЪ У ГРЕБЕНКИ. — ШЕВЧЕНКО. — СОТРУДНИКЪ СЕНКОВСКАГО И М. А. ЯЗЫКОВЪ. — СЕРАПІОНОВЫ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕЧЕРА ВЪ 2 КАДЕТСКОМЪ КОРПУСѢ.—А. А. КОМАРОВЪ, П. В. АНЕНКОВЪ И КАПИТАНЪ КЛЮГЕ ФОНЪ КЛУГЕНАУ. — ЗНАКОМСТВО МОЕ СЪ Н. А. МАЙКОВЫМЪ. — 14-ЛѢТНІЙ АППОЛОНЪ МАЙКОВЪ.— И. А. ГОНЧАРОВЪ И Г. ДУДЫШКИНЪ. — КУКОЛЬНИКЪ ВЪ КРУГУ ОФИЦЕРОВЪ. — ПРІѢЗДЫ А. В. КОЛЬЦОВА ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ. — МОЕ СБЛИЖЕНІЕ СЪ НИМЪ. — РАЗГОВОРЫ О БѢЛИНСКОМЪ. — ВПЕЧАТЛѢНІЯ ПРОИЗВЕДЕННЫЯ НА МЕНЯ «ЛИТЕРАТУРНЫМИ МЕЧТАНІЯМИ», БѢЛИНСКАГО.

Петербургскіе литераторы въ тридцатыхъ годахъ сходились обыкновенно по средамъ и по воскресеньямъ у П. А. Плетнева, по воскресеньямъ-же у графа Ѳ. П. Толстова и по субботамъ у князя Одоевскаго. — У Плетнева сбирались только самые короткіе пріятели его (г. Краевскій былъ въ числѣ ихъ) и изрѣдка появлялись Пушкинъ, Вяземскій и Соболевскій. О вечерахъ князя Одоевскаго я уже говорилъ; общество графа Ѳ. П. Толстова имѣло свой особенный колоритъ. Оно состояло изъ молодыхъ художниковъ, подававшихъ, по мнѣнію гг. академиковъ, большія надежды, изъ литераторовъ партіи Кукольника и изъ какихъ-то молодыхъ и пожилыхъ любителей литературы и искусствъ, захлебывавшихся при появленіи Брюлова и Кукольника, и, для удовольствія хозяина дома, готовыхъ на все, — даже протанцовать, за неимѣніемъ лучшихъ кавалеровъ (у Толстова часто устроивали танцы). Брюловъ бывалъ на этихъ воскресеньяхъ рѣдко, Кукольникъ не пропускалъ почти ни одного воскресенья.

. . . .

. . . .

Домъ графа Толстова имѣлъ въ это время такъ много привлекательнаго для молодыхъ людей съ артистическими наклонностями. . . . .

Никакихъ претензій, никакого стѣсненія, совершенное равенство, полная свобода для всѣхъ, которые переступали за этотъ счастливый порогъ, почти патріархальная простота, искренность и радушіе хозяевъ дома. . . . .

Къ числу замѣчательнымъ ораторовъ литературно-артистическихъ вечеромъ графа Толстова, за исключеніемъ царившаго на нихъ Кукольника, — принадлежали: зять хозяина дома — жаркій поклонникъ Кукольника, повторявшій его фразы о святынѣ искусства, и тогда еще ученикъ академіи Рамазановъ, нынѣ извѣстный скульпторъ. . . . .

. . . .

Я часто бывалъ на вечерахъ Толстова. Простота и безцеремонность царствованія на этихъ вечерахъ — вначалѣ очень нравились мнѣ.... Любители бильярда цѣлый вечеръ не выходили изъ кабинета графа, въ которомъ стоялъ большой бильярдъ.

. . . .

Въ залѣ собирались любители танцовъ, и составлялись кадрили. Самъ хозяинъ дома и братъ его графъ К. П. Толстой —подавали въ этомъ примѣръ молодежи.... Въ кабинетѣ у Каменскаго шли горячіе толки о литературѣ, и вообще объ изящныхъ искусствахъ. Онъ передавалъ планы замышляемыхъ имъ твореній, или разсказывалъ о томъ, что̀ созидаетъ Кукольникъ, что̀ замышляетъ Брюловъ, и прочее. Всякій могъ свободно удовлетворить своимъ наклонностямъ: играть въ бильярдъ, танцовать, ораторствовать о святынѣ искусства, или выслушивать планы повѣстей Каменскаго.

Графъ Ѳ. П. Толстой велъ жизнь чрезвычайно скромную, ни въ немъ самомъ, ни въ его домѣ не было и тѣни какихъ-нибудь аристократическихъ привычекъ и замашекъ. Онъ рѣдко выходилъ изъ дому и всегда почти сидѣлъ съ карандашемъ или съ рѣзцомъ въ своемъ кабинетѣ.

Онъ принадлежалъ къ артистамъ стараго поколѣнія.—Новое поколѣніе артистовъ, развивавшееся подъ вліяніемъ Брюлова — человѣка съ дикими и неудержимыми страстями, — пустилось въ эффекты, во фразы: кричало о величіи артиста, о святынѣ искусства, отпускало бородки и бороды, волосы до плечь и облекалось въ какіе-то эксцентрическіе костюмы для отличія себя отъ простыхъ смертныхъ, и въ довершеніе всего, по примѣру своего учителя, разнуздывало свои страсти....

По мнѣнію тогдашнихъ молодыхъ артистовъ, къ нимъ нельзя

было прилагать ту узкую и пошлую мѣрку, которая прилагается обыкновенно ко всѣмъ обыкновеннымъ людямъ............ Обвинять артиста въ безнравственности могли только пошлые, разсудочные люди съ мелкими потребностями, не понимающіе широкихъ титаническихъ натуръ артистовъ и ихъ волканическихъ страстей.

Это безумное возвеличеніе самого себя въ качествѣ живописца, скульптора, музыканта, литератора, ученаго; это отдѣленіе себя отъ остальныхъ людей, которые получаютъ презрительное названіе *толпы*, или *черни*; это обожествленіе своего ума, своихъ знаній, или своего таланта; это самопоставленіе себя на пьедесталъ — самое смѣшное и вмѣстѣ печальное явленіе. Въ Европѣ оно ведетъ къ доктринёрству, у насъ просто — къ пьянству.

Кромѣ положенныхъ еженедѣльныхъ артистически-литературныхъ, великосвѣтски-литературныхъ и просто литературныхъ вечеровъ, литераторы изрѣдка сходились другъ у друга и дѣлали вечера. Самымъ гостепріимнымъ изъ литераторовъ того времени былъ Е. П. Гребенка, постоянно сзывавшій къ себѣ своихъ литературныхъ пріятелей, при полученіи изъ Малороссіи сала, варенья, или наливокъ. Гребенка въ это время еще не былъ женатъ. Онъ жилъ на Петербургской сторонѣ въ казенной квартирѣ 2-го кадетскаго корпуса, гдѣ былъ учителемъ.

Однажды онъ пригласилъ меня къ себѣ вмѣстѣ съ М. А. Языковымъ, который пользовался уже тогда большою извѣстностью между всѣми литераторами, съ которыми былъ я близокъ, какъ пріятный и веселый собесѣдникъ, острякъ и каламбуристъ. Многіе Языкова принимали за литератора и сотрудника г. Краевскаго.

— Вы чѣмъ именно занимаетесь? спрашивали его: — какая ваша спеціальность?

— Да такъ, отвѣчалъ обыкновенно, улыбаясь, Языковъ: — больше *по смыслямъ* прохаживаюсь.

Въ этотъ разъ у Гребенки сошлось многочисленное общество и между прочими Шевченко, который начиналъ уже пользоваться большою популярностью между своими соотечественниками; товарищи Гребенки по службѣ — А. А. Комаровъ и Прокоповичъ (товарищъ Гоголя по нѣжинскому лицею и пріятель его). Прокоповичъ и Комаровъ оба очень любили литературу и пописывали стишки. Съ Комаровымъ я былъ знакомъ съ дѣтства,

и впослѣдствіи, по пріѣздѣ въ Петербургъ Бѣлинскаго, сблизился съ нимъ еще болѣе. О Комаровѣ и о вліяніи на него Бѣлинскаго я еще буду имѣть случай говорить впослѣдствіи. На вечерѣ у Гребенки некому было проповѣдывать ни *о святынѣ искусства*, ни о какихъ-нибудь возвышенныхъ предметахъ; тамъ просто болтали о вседневныхъ и литературныхъ новостяхъ и приключеніяхъ.

Въ началѣ вечера Гребенка познакомилъ меня съ какимъ-то господиномъ, бывшимъ въ это время (это было чуть-ли не въ 1837 году) однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ «Библіотеки для Чтенія». Фамилію этого господина я не припомню. Онъ имѣлъ *очень* почтенный и глубокомысленный видъ и, вмѣсто бѣлья, шерстяную красную фуфайку, которая виднѣлась изъ-подъ галстука и высовывалась изъ-за рукавовъ.

Языковъ обращалъ на себя всеобщее вниманіе своими забавными разсказами и многихъ смѣшилъ до упада.

За ужиномъ ему пришлось сидѣть рядомъ съ сотрудникомъ «Библіотеки для Чтенія» въ шерстяной фуфайкѣ. Сотрудникъ изъявлялъ не только величайшее уваженіе къ Языкову, но обнаруживалъ передъ нимъ какую-то робость, какъ передъ авторитетомъ.

— Позвольте спросить, отнесся онъ къ Языкову: — я имѣю честь говорить съ вашимъ знаменитымъ поэтомъ Николаемъ Михайловичемъ Языковымъ?

— Такъ точно, отвѣчалъ Языковъ, скромно потупя глаза и ни мало не задумавшись.

— Очень лестно и пріятно познакомиться, сказалъ сотрудникъ, протягивая ему свою руку.

Языковъ, нисколько не смущаясь, пожалъ ее.

— Не подарите ли вы насъ какимъ либо новымъ произведеніемъ? продолжалъ сотрудникъ.

— Да у меня есть много набросаннаго, отвѣчалъ Языковъ съ чувствомъ достоинства: — но все это надо привести въ порядокъ.... Я все собираюсь, и все откладываю.

Этотъ разговоръ былъ подслушанъ многими, и къ Языкову стали обращаться съ разными вопросами, какъ къ поэту, его однофамильцу. Языковъ выдерживалъ свою роль довольно удачно. Нѣкоторые смѣшливые выскочили изъ-за стола....

Сотрудникъ «Библіотеки для Чтенія», послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, крякнулъ и снова отнесся къ Языкову:

— Смѣю ли обратиться къ вамъ, Николай Михайловичъ, началъ онъ:—съ покорнѣйшею просьбою. Я сотрудникъ «Библіотеки для Чтенія», и если бы вы удостоили украсить нашъ журналъ какимъ-либо, хотя небольшимъ произведеніемъ, вы сдѣлали бы истинное удовольствіе Осипу Ивановичу Сенковскому, глубоко уважающему вашъ талантъ.

Языковъ наклонилъ голову, въ знакъ благодарности за лестное мнѣніе о немъ Сенковскаго, и отвѣчалъ, что въ настоящую минуту онъ ничего обѣщать не можетъ, но что современемъ, можетъ быть, когда что нибудь обработаетъ, и такъ далѣе...

— И самая надежда на полученіе отъ васъ чего нибудь будетъ льстить намъ, отвѣчалъ сотрудникъ.

Въ эту минуту многіе не выдержали и покатились со смѣху; но ужинъ кончился, и громъ отодвигаемыхъ стульевъ заглушилъ этотъ смѣхъ.

Гдѣ теперь этотъ сотрудникъ? Вспоминаетъ ли онъ о своей встрѣчѣ съ знаменитымъ поэтомъ Языковымъ? И кто знаетъ, можетъ быть въ какомъ нибудь повременномъ изданіи появится его статейка, подъ названіемъ: «Воспоминаніе о поэтѣ Языковѣ». Вотъ будетъ кладъ-то для нашихъ почтенныхъ библіографовъ!

Въ описываемое мною время, кромѣ литературныхъ собраній, о которыхъ я упомянулъ, были еще извѣстныя немногимъ литературныя небольшія сходки любителей, еще, такъ сказать, домашнимъ образомъ занимавшихся литературой. Къ такимъ собраніямъ принадлежали вечера въ квартирахъ у А. А. Комарова и кадетскаго капитана Клюге-фонъ-Клугенау. Они назывались *серапіоновскими вечерами* (Гофманъ у насъ былъ тогда въ большомъ ходу). На этихъ вечерахъ *наши серапіоны* читали по очереди свои сочиненія. Къ числу ихъ принадлежалъ и П. В. Анненковъ, впослѣдствіи получившій въ литературѣ извѣстность изданіемъ Пушкина и критическими статьями.

Въ домѣ у Николая Аполлоновича Майкова, бросившаго мечъ для кисти и палитры, сходились также еще тогда темные любители искусствъ и литературы, изъ которыхъ иныхъ ожидала свѣтлая литературная извѣстность. Тринадцати или четырнадцатилѣтній сынъ Майкова, Аполлонъ, обнаруживалъ уже тогда значительный литературный талантъ. Изъ его стихотвореній, изъ опытовъ брата его Валеріана и изъ трудовъ дру-

лей дома Майкова и любителей литературы, между прочимъ И. А. Гончарова,—составлялись цѣлыя книжки, которыя отлично переписывались, переплетались и показывались гостямъ Майкова.

И. А. Гончаровъ, безъ сомнѣнія, много способствовалъ развитію эстетическаго вкуса въ Аполлонѣ Майковѣ. Если я не ошибаюсь, къ числу сотрудниковъ майковскаго рукописнаго альманаха принадлежалъ и г. Дудышкинъ, нынѣ соиздатель г. Краевскаго по «Отечественнымъ Запискамъ».

Я усердно посѣщалъ всѣ литературные вечера и сборища, которые уже начинали прискучивать мнѣ, и убѣдился только въ томъ, что за литературными кулисами такъ же не хорошо, какъ и за театральными.... На Кукольника я даже началъ посматривать нѣсколько съ юмористической точки зрѣнія . . . . .

. . . .

Разъ вечеромъ я засталъ его у Доминика за круглымъ столомъ, за которымъ сидѣли разные офицеры. Онъ предсѣдательствовалъ и ораторствовалъ.

— А-а-а! воскликнулъ Кукольникъ, увидѣвъ меня, щурясь и прикладывая руку къ бровямъ: — это ты!... Я сначала и не узналъ тебя, — мы съ тобой теперь видимся рѣдко.... Ты — Краевскій.

Кукольникъ произнесъ послѣднія слова такимъ тономъ, какъ бы хотѣлъ сказать: «Ты пропащій человѣкъ!» и махнулъ рукой.

Я говорилъ уже, что съ г. Краевскимъ онъ никакъ не могъ сойтись. Г. Краевскій не признавалъ въ немъ таланта, во-первыхъ потому, что Сенковскій и Булгаринъ кричали о его геніи, а во-вторыхъ потому, что вся пушкинская партія была очень равнодушна къ поэзіи творца «Рукъ», «Роксоланъ» и прочаго.

Въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» появлялись о Кукольникѣ неблагосклонные отзывы. Онъ зналъ, что я принимаю участіе въ газетѣ ему враждебной — и вотъ что означало восклицаніе: «ты — Краевскій....»

— Ну, садись съ нами! продолжалъ Кукольникъ:—я еще, по старой памяти, люблю тебя. Здѣсь ты видишь все людей, горячо преданныхъ искусству (онъ указалъ на офицеровъ), и тѣмъ, которые ему служатъ вѣрою и правдою.... — А твой Краевскій ничего не понимаетъ, прибавилъ онъ улыбаясь.

Кукольникъ говорилъ безъ умолку, но не совсѣмъ связно. Офицеры слушали его съ тѣмъ простодушнымъ благоговѣніемъ,

съ которымъ я нѣкогда слушалъ его. Они переглядывались другъ съ другомъ и, кажется, внивали въ себя каждое его слово.

Фразы «о святынѣ искусства» хотя еще не совсѣмъ огадились мнѣ, но съ каждымъ днемъ уже теряли для меня значеніе и дѣлались приторными. Я началъ притомъ смутно понимать, что въ литературѣ господствуютъ устарѣлые взгляды, рабское поклоненіе передъ старинными литературными кумирами, какое-то пошлое лицемѣріе передъ ними. Мнѣ хотѣлось услышать *новое слово*, голосъ *правды* — но какой правды? я не отдавалъ себѣ отчета. Но это неопредѣленное желаніе начало пробуждаться во мнѣ послѣ двухъ или трехлѣтняго пребыванія моего въ литературномъ кругу, еще до изданія г. Краевскимъ «Литературныхъ Прибавленій». Отъ кого же было услышать это новое слово, эту желанную правду? Полевой, на котораго еще съ ожиданіемъ и надеждою смотрѣло новое поколѣніе, видимо ослабѣвалъ: онъ не понялъ Гоголя, и этотъ могучій талантъ встрѣтилъ даже съ недоброжелательствомъ, да и Полевой припужденъ былъ скоро замолкнуть....

Однажды, прохаживаясь по Невскому проспекту, я зашелъ въ кандитерскую Вульфа, въ которой получались всѣ русскіе газеты и журналы. Я подошелъ къ столу, на которомъ они были разложены, и мнѣ прежде всего попался на глаза послѣдній нумеръ «Молвы». Въ этомъ нумерѣ было продолженіе статьи, подъ заглавіемъ: «Литературныя Мечтанія — Элегія въ прозѣ». Это оригинальное названіе заинтересовало меня: я взялъ нѣсколько предшествовавшихъ нумеровъ и принялся читать.

Начало этой статьи привело меня въ такой восторгъ, что я охотно бы тотчасъ поскакалъ въ Москву, познакомиться съ авторомъ ея и прочесть поскорѣе ея продолженіе, если бы это было можно.

Новый, смѣлый, свѣжій духъ ея такъ и охватилъ меня.

«Не оно ли», подумалъ я: «это новое слово, котораго я жаждалъ, не это ли тотъ самый голосъ правды, который я такъ давно хотѣлъ услышать?»

Я выбѣжалъ изъ кандитерской, сѣлъ на перваго попавшагося мнѣ извощика и отправился къ Языкову.

Я вбѣжалъ къ нему съ крикомъ:

— Ну, братъ, у насъ появился такой критикъ, передъ которымъ Полевой — ничто. Я сейчасъ только пробѣжалъ начало его статьи — это чудо, чудо!...

— Неужто? возразилъ Языковъ: — да кто такой? Гдѣ напечатана эта статья?...

Я перевелъ духъ, бросился на диванъ и, немного успокоясь, разсказалъ ему, въ чемъ дѣло.

Мы съ Языковымъ, какъ люди, всѣмъ дѣтски увлекавшіеся, тотчасъ же отправились въ книжную лавку, достали нумера «Молвы» и я прочелъ ему начало статьи Бѣлинскаго.

Языковъ пришелъ въ такой же восторгъ, какъ я, и впослѣдствіи, когда мы прочли всю статью, имя Бѣлинскаго уже стало дорого намъ.

Какъ ничтожны и жалки казались мнѣ, послѣ этой горячей и смѣлой статьи, пошлыя, рутинныя критическія статейки о литературѣ, появлявшіяся въ московскихъ и петербургскихъ журналахъ!

Въ статьѣ Бѣлинскаго, я это очень хорошо помню, я останавливался съ особеннымъ удовольствіемъ на слѣдующихъ строкахъ:

«У насъ еще и по сію пору царствуетъ въ литературѣ какое-то жалкое, *дѣтское* благоговѣніе къ авторитетамъ: мы и въ литературѣ высоко чтимъ табель о рангахъ и *боимся говорить вслухъ правду о высокихъ персонахъ*. Говоря о знаменитомъ писателѣ, мы всегда ограничиваемся одними пустыми возгласами и надутыми похвалами: *сказать о немъ рѣзкую правду, у насъ святотатство!*» (Соч. Бѣлин. Томъ I, стр. 38).

«Знаете ли, что̀ наиболѣе вредило, вредитъ и, какъ кажется, еще *долго будетъ вредить* (какія пророческія слова!) распространенію на Руси основательныхъ понятій о литературѣ?... Литературное идолопоклонство! Дѣти, мы еще все молимся и поклоняемся многочисленнымъ богамъ нашего многолюднаго Олимпа, и ни мало не заботимся о томъ, чтобы справляться почаще съ метриками, дабы узнать, точно ли небеснаго происхожденія предметы нашего обожанія. Что дѣлать! Слѣпой фанатизмъ всегда бываетъ удѣломъ младенчествующихъ обществъ» (стр. 57).

Эти строки были мнѣ по сердцу, потому что послѣ моего дѣтскаго увлеченія Кукольникомъ, послѣ смѣшнаго и рабскаго преклоненія передъ нимъ, я чувствовалъ озлобленіе противъ всѣхъ авторитетовъ, даже противъ моего кумира Марлинскаго. Я съ какимъ-то наслажденіемъ любовался, какъ Бѣлинскій безпощадно разбивалъ его.

И какъ понятна ненависть, которую питали къ Бѣлинскому тогдашнія литературныя знаменитости и посредственности, лицемѣрившія передъ старыми авторитетами изъ боязни за самихъ себя, за собственную литературную участь.

«Чего остается ожидать для себя», говорилъ Бѣлинскій: «напримѣръ, г. Иванчину Писареву, г. Воейкову, или кн. Шаликову, когда они слышатъ, что Карамзинъ не художникъ, не геній и другія подобныя безбожныя мнѣнія?» (стр. 58.)

. . . .

. . . .

Гоголь встрѣченъ былъ молодымъ поколѣніемъ съ еще большимъ энтузіазмомъ, чѣмъ Бѣлинскій.

Новый міръ открылся для меня, когда я прочелъ «Ивана Иваныча и Ивана Никифорыча» и «Миргородъ». Его «Вечера на Хуторѣ», привѣтствованные Пушкинымъ въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ» Воейкова, признаюсь, не произвели на меня большаго впечатлѣнія.... но о Гоголѣ и о переворотѣ, который онъ произвелъ въ литературѣ, мнѣ еще придется говорить много разъ.

Послѣ «Литературныхъ Мечтаній» и статьи о Бенедиктовѣ, которая надѣлала большаго шума, я уже не пропускалъ ни одной статейки Бѣлинскаго.

О личности Бѣлинскаго начали носиться между петербургскими литераторами какіе-то сбивчивые, противорѣчивые и неблагопріятные слухи. Его смѣлость и рѣзкость дѣйствовали непріятно на литераторовъ. Они видѣли, что на нихъ идетъ нешуточная гроза. Мнѣ ужасно хотѣлось узнать, что̀ за человѣкъ Бѣлинскій, и я очень обрадовался, узнавъ о пріѣздѣ въ Петербургъ А. В. Кольцова. Я зналъ, что Кольцовъ близокъ съ Бѣлинскимъ. Кольцовъ пріѣхалъ въ Петербургъ уже послѣ напечатанія въ «Телескопѣ» моей повѣсти «Она будетъ счастлива». Краткій отзывъ Бѣлинскаго объ этой повѣсти польстилъ въ высшей степени моему самолюбію. — Быть замѣченнымъ въ литературѣ въ первый разъ — и кѣмъ же еще, этимъ неумолимымъ и безпощаднымъ Бѣлинскимъ! Такой чести я ужъ никакъ не ждалъ.

Я хотѣлъ отправиться отыскивать Кольцова, но въ одно утро, очень скоро послѣ своего пріѣзда, онъ явился ко мнѣ самъ.

Портретъ Кольцова, приложенный къ его сочиненіямъ,

очень вѣрно передаетъ его черты; художникъ не умѣлъ только схватить тонкаго и умнаго выраженія глазъ его. Кольцовъ былъ небольшаго роста и казался довольно крѣпкаго сложенія. Одѣтъ онъ былъ даже съ нѣкоторою претензіею на щегольство: на манишкѣ его сверкали пуговицы съ камешками, сверхъ жилета красовалась цѣпь отъ часовъ, онъ былъ напомаженъ и даже раздушонъ. Впослѣдствіи за эти духи ему жестоко доставалось отъ Бѣлинскаго. «Охота вамъ прыскаться и душиться какою-то гадостію», говорилъ онъ: «отъ васъ какимъ-то бергамотомъ или гвоздичкой пахнетъ. Это нехорошо. Если мнѣ не вѣрите — спросите у него (и Бѣлинскій указывалъ на меня): онъ франтъ, онъ ужь, батюшка, авторитетъ въ этомъ дѣлѣ».

Разговоръ мой съ Кольцовымъ начался прямо съ Бѣлинскаго. Онъ привезъ мнѣ поклонъ отъ него. Кольцовъ, человѣкъ проницательный и осторожный, умѣвшій, какъ я узналъ впослѣдствіи, сдерживать себя и таившій передъ петербургскими литераторами свои убѣжденія, замѣтивъ мой энтузіазмъ къ Бѣлинскому, заговорилъ со мною довольно откровенно.

— Да-съ, Иванъ Иванычъ, Бѣлинскій единственный человѣкъ у насъ въ настоящее время, владѣющій эстетическимъ вкусомъ и понимающій искусство. Его немногіе цѣнятъ, особенно изъ вашихъ петербургскихъ литераторовъ, — это очень жаль-съ.... И какой свѣтлый умъ у этого человѣка! Какое горячее, благородное сердце! Я обязанъ всѣмъ ему; онъ меня поставилъ на настоящую дорогу; безъ его совѣтовъ я не рѣшаюсь теперь печатать моихъ мараній: онъ мнѣ говоритъ всегда, что̀ нужно выкинуть, что̀ исправить, что̀ вовсе бросить. Ужь онъ такъ добръ ко мнѣ, такое участіе принимаетъ во мнѣ!

Кольцовъ разсказалъ мнѣ нѣкоторыя подробности о жизни Бѣлинскаго. Онъ былъ въ восторгѣ отъ московскаго кружка Бѣлинскаго и говорилъ:

— Пріѣзжайте въ Москву-съ. Вы увидите, тамъ люди больше по васъ, и Бѣлинскій будетъ очень радъ вамъ. Онъ заочно полюбилъ васъ.

До знакомства моего съ Бѣлинскимъ, Кольцовъ пріѣзжалъ раза два или три въ Петербургъ, и въ одинъ изъ пріѣздовъ привезъ мнѣ первое письмо отъ Бѣлинскаго (см. «Воспоминанія о Бѣлинск.», «Совр.» 1860 г. № 1).

Кольцовъ считалъ долгомъ дѣлать визиты ко всѣмъ литераторамъ, изъ которыхъ многіе посматривали на него съ высоты

своего величія, съ покровительствомъ, какъ на талантливаго мужичка.

Но этотъ мужичокъ, усвоившій уже себѣ кое-какія изъ убѣжденій и взглядовъ московскаго кружка Бѣлинскаго и прочитавшій всѣ пьесы Шекспира въ русскомъ переводѣ (Шекспиръ произвелъ на него глубокое впечатлѣніе; онъ говорилъ о немъ съ энтузіазмомъ, особенно о «Гамлетѣ», котораго, по его словамъ, объяснилъ ему еще болѣе Мочаловъ на сценѣ), этотъ необразованный мужичокъ понималъ гораздо болѣе и смотрѣлъ на литературу гораздо глубже многихъ изъ такъ-называемыхъ образованныхъ литераторовъ — своихъ покровителей. Съ каждымъ пріѣздомъ своимъ, онъ становился со мною откровеннѣе. Онъ передавалъ мнѣ впечатлѣнія, которыя производили на него разные петербургскіе литераторы и литературныя знаменитости, и характеризовалъ каждаго изъ нихъ. Эти характеристики были исполнены ума, тонкости и наблюдательности; я былъ пораженъ, выслушивая ихъ.

— Эти господа, прибавилъ Кольцовъ въ заключеніе, съ лукавою улыбкою: — несмотря на ихъ внимательность ко мнѣ и ласки, за которыя я имъ очень благодаренъ, смотрятъ на меня, какъ на совершеннаго невѣжду, ничего не смыслящаго, и презабавно хвастаютъ передо мной своими знаньями, хотятъ мнѣ пускать пыль въ глаза. Я слушаю ихъ, разиня ротъ, и они остаются мною очень довольны, а между тѣмъ я вѣдь ихъ вижу насквозь-съ.

— Ну, Алексѣй Васильичъ, сказалъ я ему: — вѣдь и я, грѣшный человѣкъ, посматривалъ на васъ тоже немножко свысока. Простите меня.

Кольцовъ улыбнулся.

— Да вѣдь на меня, Иванъ Иванычъ, возразилъ онъ: — человѣка необразованнаго, иначе и не могутъ смотрѣть образованные люди, — я это очень хорошо понимаю; но вы вѣдь меня не принимаете за дурачка, а они на меня совсѣмъ, какъ на дурачка смотрятъ, вотъ хоть бы Евгеній Павлычъ Гребенка.... а вѣдь я не глупѣе же его.... Впрочемъ, я это такъ только замѣтилъ: всѣ здѣшніе литераторы и Евгеній Павлычъ—люди очень добрые и почтенные.... вотъ хоть бы князь Одоевскій, онъ такой привѣтливый, ужь онъ такъ меня обласкалъ, а впрочемъ московскій кружокъ — то есть я разумѣю именно кружокъ Бѣлинскаго—все-таки нельзя сравнить съ здѣшними: вотъ вы по-

ѣдете въ Москву, сами убѣдитесь въ этомъ.... Я, откровенно вамъ скажу, только и отдыхаю тамъ отъ разныхъ своихъ заботъ и непріятностей.... Кому же у этихъ людей есть чему поучиться....

Почти всякій свой пріѣздъ въ Петербургъ, Кольцовъ созывалъ къ себѣ литераторовъ на угощеніе, и между прочимъ потчивалъ ихъ какой-то соленой рыбой, которую онъ привозилъ изъ Воронежа.

Но я узналъ еще ближе Кольцова впослѣдствіи, когда переѣхалъ въ Петербургъ Бѣлинскій.

ГЛАВА VII.

«Телескопъ». — «Библіотека для чтенія», Сеньковскій и геніи имъ созданные. — Возвращеніе больнаго Надеждина изъ Усть-Сысольска. — Мое сближеніе съ нимъ. — Надеждинъ, какъ собесѣдникъ. — Отвѣтъ Надеждина на вопросъ: почему теперь нѣтъ хорошихъ стиховъ? — Отношенія Надеждина къ разнымъ издателямъ. — Два слова о Н. И. Гречѣ. — Гоголь у Прокоповича. — Башуцкій и его вечера. — Приготовленія къ изданію «Отечественныхъ Записокъ». — Разговоръ мой съ г. Краевскимъ по этому поводу. — Объявленіе объ изданіи «Отечественныхъ Записокъ».

«Телескопъ» не долго пережилъ «Телеграфъ».

Издатель «Телескопа» возбуждалъ большой энтузіазмъ между московскою университетскою молодежью своими лекціями. Объ его удивительномъ дарѣ слова и многообразныхъ свѣдѣніяхъ доходили слухи и до Петербурга; но его критическія статьи въ «Телескопѣ», подъ псевдонимомъ *Надоумки*, несмотря на много дѣльнаго, высказывавшагося въ нихъ, неправились въ Петербургѣ по своему тону, отзывавшемуся нѣсколько бурсою.

Какъ бы то ни было, «Телеграфъ» и «Телескопъ» были любимыми журналами петербургской читающей молодежи. Несмотря на свой огромный успѣхъ и блестящія имена на оберткѣ, «Библіотека для Чтенія» не пользовалась никакимъ кредитомъ между молодежью и тѣми литераторами, которые смотрѣли на литературу серьёзно. Бѣлинскій справедливо замѣчалъ о ней: «Библіотека» журналъ провинціальный: вотъ причина ея силы» (см. Соч. Бѣлинскаго, томъ 2, стр. 21). Направленіе, заключавшееся въ томъ только, чтобы во что бы то ни стало забавлять, при отсутствіи своихъ убѣжденій, производство Кукольника въ Гёте, неудачная попытка своихъ домашнихъ журнальныхъ со-

трудниковъ, въ родѣ г. Тимоѳѣева, возводить въ рангъ замѣчательныхъ талантовъ, — вообще всѣ мистификаціи и шуточки Сеньковскаго оскорбляли эту горячую молодежь.

Съ Сеньковскимъ я познакомился не задолго до его смерти. Въ это время онъ былъ уже разслабленъ нравственно и физически, и пописывалъ фельетоны въ «Весельчакъ» и «Сынъ Отечества» г. Старчевскаго. Дѣла Сеньковскаго были въ это время разстроены; отъ прежней роскоши, съ которою онъ, говорятъ, жилъ, не оставалось почти и слѣда... Сеньковскій умеръ во время. Если бы онъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ, ему пришлось бы играть печальную роль при г. Старчевскомъ. Изъ самовластнаго начальника онъ превратился бы въ подчиненнаго и даже можетъ-быть принужденъ былъ бы пользоваться благодѣяніемъ того, которому онъ нѣкогда самъ благодѣтельствовалъ.

О Сеньковскомъ, его редакторствѣ и объ его странныхъ отношеніяхъ къ сотрудникамъ вѣроятно много любопытнаго можетъ передать Е. Ѳ. Коршъ, который года полтора, вмѣстѣ съ Грановскимъ (до отъѣзда Грановскаго за границу), трудился для «Библіотеки для Чтенія». Я слышалъ отъ Грановскаго множество пресмѣшныхъ разсказовъ о Сеньковскомъ; въ нихъ вполнѣ охарактеризовалась личность человѣка, игравшаго нѣсколько лѣтъ такую шумную роль въ русской литературѣ.

Но я заговорилъ не о немъ, а о «Телескопѣ» и о Надеждинѣ. Перейдемъ же къ нему. Въ 1837 году Надеждинъ возвратился изъ мѣста своего изгнанія Усть-Сысольска въ Петербургъ, разслабленный и безъ ногъ. Онъ остановился въ гостинницѣ Демута. Здѣсь перебывали у него всѣ петербургскіе литераторы, за исключеніемъ нѣкоторыхъ аристократовъ. Кромѣ литераторовъ, я часто встрѣчалъ у Надеждина его друзей К—ей, конногвардейскаго полк. Галахова (бывшаго потомъ оберъ-полиціймейстеромъ) и другихъ лицъ — извѣстныхъ, или начинавшихъ дѣлаться извѣстными въ чиновномъ мірѣ. Кто познакомилъ меня съ Надеждинымъ — я не помню, но Надеждинъ увлекъ меня съ перваго раза. Меня такъ и тянуло къ нему. Онъ также обнаружилъ ко мнѣ нѣкоторое влеченіе. Я ѣздилъ къ нему почти всякій день.

Я былъ въ то время довольно веселымъ разсказчикомъ, начиналъ подмѣчать комическую сторону жизни, и пародировалъ довольно удачно нѣсколькихъ лицъ, извѣстныхъ въ литературѣ и въ обществѣ. Надеждинъ отъ моихъ разсказовъ катал-

ся обыкновенно со смѣху, и этимъ ободрительнымъ смѣхомъ еще болѣе подстрекалъ меня.

Его обширныя свѣдѣнія, изумительная память, даръ слова — все это поразило меня. Это былъ первый литераторъ, удовлетворившій моему идеалу. Я полагалъ во время оно, что всякій литераторъ непремѣнно долженъ обладать ученостію или по крайней мѣрѣ обширнымъ образованіемъ. Если бы кто нибудь сказалъ мнѣ тогда, что можно быть весьма недурнымъ поэтомъ, или довольно даровитымъ разсказчикомъ, не имѣя не только образованія, но даже ума, я ни за что не повѣрилъ бы этому. А сколько такихъ нехитрыхъ господъ изъ литераторовъ случалось мнѣ встрѣчать потомъ въ теченіе тридцати-лѣтняго моего литературнаго поприща! — Нѣкоторые изъ нихъ пользовались значительнымъ успѣхомъ въ публикѣ, и творенія ихъ подвергались даже тонкимъ анализамъ, глубокомысленнымъ критикамъ, очень лестнымъ для авторовъ, по тонкости и глубинѣ, но совершенно непонятнымъ для нихъ.

Надеждинъ, по своимъ обширнымъ свѣдѣніямъ и по уму, стоялъ во главѣ тогдашнихъ литераторовъ. Наружность Надеждина была мало привлекательна. Черты болѣзненнаго, осунувшагося и побагровѣвшаго лица его были рѣзки; у него былъ длинный красный носъ, ротъ почти до ушей, раскрывавшійся совсѣмъ не только при смѣхѣ, даже при улыбкѣ, и обнаруживавшій не только зубы, даже десны. Манеры его были неуклюжи и аляповаты, голосъ крикливъ. Въ минуты одушевленія, онъ издавалъ какіе-то звуки, похожіе на рычаніе, и дикія восклицанія, въ родѣ: «а-га-га-га!» Но несмотря на все это, онъ имѣлъ въ себѣ много симпатическаго. Такова сила ума, смягчающая даже самое безобразіе и придающая одушевленіе и пріятность самымъ грубымъ чертамъ. Если бы умъ и знанія соединялись въ Надеждинѣ съ твердостію воли, — онъ, вѣроятно, оставилъ бы по себѣ прочную память въ лѣтописяхъ московскаго университета, или въ исторіи русской литературы. Къ сожалѣнію, при своемъ замѣчательномъ умѣ и при своихъ блестящихъ способностяхъ, онъ вертѣлся, какъ флюгеръ, по прихоти случайностей: безъ сожалѣнія покидалъ свое ученое поприще для литературныхъ занятій, литературныя занятія для служебной дѣятельности — и нигдѣ не оставлялъ по по себѣ глубокаго слѣда. — Въ наукѣ, въ литературѣ, на служебной аренѣ—онъ вездѣ обнаружилъ большія способности, но

не сдѣлался серьёзнымъ ученымъ, и не имѣлъ вліянія ни въ литературномъ, ни въ чиновничьемъ мірѣ. Надеждинъ былъ человѣкъ вполнѣ просвѣщенный и свободномыслящій, но не имѣвшій никакихъ твердыхъ убѣжденій, которыя заставляютъ человѣка идти неколебимо по избранному имъ пути, преодолѣвая всѣ препятствія и не отклоняясь ни на шагъ въ сторону.

Какъ бы то ни было, онъ, какъ я уже замѣтилъ, всегда вносилъ въ бесѣду мысль и одушевленіе. Въ немъ былъ своего рода юморъ, не совсѣмъ тонкій, но иногда довольно злой; какъ въ человѣкѣ (я не говорю въ писателѣ) въ немъ не было ни малѣйшей сухости и педантизма. Онъ не пугалъ своими знаніями, какъ это дѣлаютъ многіе ученые, не хвасталъ своей эрудиціей, хоть при случаѣ любилъ блеснуть ею, и былъ почти постоянно одушевленъ веселостію—несмотря на разстройство своего здоровья. Въ этой веселости было что-то добродушное, искреннее, возбуждавшее веселость въ другихъ, хотя искренность и добродушіе не были его отличительными качествами...

Всѣ его недостатки, истекавшіе изъ слабости характера, очень видимы были для всѣхъ его пріятелей: они обсуживались за глаза строго, возбуждали даже негодованіе; но когда пріятели сходились съ нимъ лицомъ къ лицу—они искренно забывали все, и все прощали ему.

Онъ имѣлъ даръ привлекать къ себѣ всевозможнаго рода людей — не однихъ литераторовъ... Люди свѣтскіе, купцы, значительные чиновники—сойдясь съ нимъ случайно, привязывались къ нему.

У Надеждина былъ наемный человѣкъ *Иванъ*. Онъ началъ служить при немъ сначала изданія «Телескопа».

Когда Надеждинъ уѣзжалъ въ Москву, онъ призвалъ Ивана для того, чтобы разсчитаться и проститься съ нимъ. Онъ никакъ не предполагалъ, чтобы тотъ рѣшился ѣхать съ нимъ, Богъ знаетъ куда, и на неопредѣленное время; но Иванъ рѣшительно объявилъ, что хоть бы онъ ѣхалъ на край свѣта, онъ не оставитъ его.

Надо замѣтить, что Надеждинъ обращался съ Иваномъ не совсѣмъ гуманно; какъ всѣ больные, онъ былъ иногда несносно капризенъ и придирчивъ, — и несмотря на это, Иванъ остался при немъ до послѣдней минуты. Послѣдніе годы, когда Надеждина разбилъ параличъ, Иванъ не оставлялъ его ни на шагъ, и ухаживалъ за нимъ, какъ добрая нянька за ребенкомъ.

Недаромъ же возбуждалъ Надеждинъ такую сильную привязанность къ себѣ!

Въ двѣ недѣли я сблизился съ нимъ такъ, какъ будто былъ вѣкъ знакомъ. При моемъ появленіи онъ обыкновенно улыбался, разѣвалъ ротъ, обнаруживая десны, протягивалъ ко мнѣ свои длинныя руки, и восклицалъ:

— А-га-га-га!... Вотъ и онъ! Вотъ и онъ!... Ну, что новаго въ литературѣ?...

Надеждина интересовали всякія литературныя сплетни.

Я передавалъ ему все, что зналъ: о жалобахъ Якубовича на Карлгофа, о Воейковскомъ обѣдѣ въ холерной больницѣ, и прочее, и прочее. Надеждинъ хохоталъ отъ всей души. Онъ собиралъ тогда статейки для «Одесскаго Альманаха» и просилъ меня дать что нибудь. Я написалъ для него разсказъ, подъ заглавіемъ: «Какъ добры люди!» Этотъ разсказъ былъ до такой степени пошлъ и плохъ, что мнѣ стыдно вспоминать объ немъ. Я и тогда впрочемъ чувствовалъ, что онъ плоховатъ, и замѣтилъ это Надеждину, который вскрикнулъ:

— Э, ничего! Сойдетъ съ рукъ!... А давно ли вы видѣли нашего Лукьяна? прибавилъ онъ (Якубовича звали Лукьяномъ).— Мнѣ онъ нуженъ... Вѣдь и у него надо взять стишковъ на *затычку*...

И Надеждинъ, говоря это, осклаблялся и издавалъ звуки, похожіе на смѣхъ.

— Лукьянъ славный малый, добрый, продолжалъ онъ: — безъ его стиховъ намъ нельзя обойтись... И ему вѣдь ничего не стоитъ налупить по заказу три-четыре стихотворенія, только слово скажи.

Я не могу себѣ объяснить нерасположенія Надеждина къ Бѣлинскому. Надеждинъ не любилъ говорить объ немъ, и на вопросы о Бѣлинскомъ отвѣчалъ обыкновенно нехотя и представлялъ его какимъ-то циникомъ, о чемъ я уже упоминалъ въ статьѣ моей о Бѣлинскомъ. Въ то же время Надеждинъ ужь слишкомъ яркими красками и даже не безъ энтузіазма описывалъ мнѣ нѣкоторыхъ изъ друзей его. По его описанію я воображалъ найти въ одномъ изъ нихъ что-то похожее на Рафаэля или на Іоанна Богослова.

Впослѣдствіи я убѣдился, что въ этихъ характеристикахъ Надеждина гораздо болѣе было его собственной фантазіи, чѣмъ правды.

По возвращеніи Надеждина не только петербургскіе журналисты, но даже и издатели альманаховъ—бросились къ нему съ просьбами о статьяхъ... Онъ прежде всѣхъ удовлетворилъ Владиславлева. Владиславлевъ боялся ума и учености Надеждина; Надеждинъ въ свою очередь.... не-то, чтобы боялся Владиславлева, но оказывалъ ему особое вниманіе и ласку по мѣсту его служенія. — Вслѣдствіе этого они были въ очень короткихъ отношеніяхъ. Г. Краевскій обращался съ Надеждинымъ довольно фамильярно, какъ и слѣдуетъ ученому съ ученымъ, но кажется, не любилъ его и вѣроятно побаивался, сознавая, что Надеждинъ все-таки ученѣе его.

Надеждинъ, напротивъ, обнаруживалъ къ нему расположеніе, и даже очень любилъ говорить объ немъ, называя его просто *Андреемъ*... Если кто нибудь при немъ не совсѣмъ хорошо отзывался о г. Краевскомъ, Надеждинъ обыкновенно восклицалъ:

— Полноте нападать на моего Андрея . . . .

. . . .

По натурѣ своей Надеждинъ былъ очень лѣнивъ; но свои журнальныя статьи онъ писалъ съ необыкновенною быстротою и легкостію, почти безъ помарокъ. Рукописи его отличались большою оргинальностію: онъ писалъ обыкновенно на бумагѣ очень длиннаго формата и довольно узко обрѣзанной. Почеркъ у него былъ довольно четкій, но русскія буквы принимали подъ его перомъ какую-то старинную форму нѣсколько похожую на готическую.

Усть-Сысольскъ значительно охладилъ его литературную дѣятельность. Онъ, послѣ своего пріѣзда оттуда, началъ смотрѣть на литературу какъ на дѣло, отошедшее для него на второй планъ. Онъ рѣшился всего себя посвятить служебной дѣятельности и мечты о служебной карьерѣ занимали его уже гораздо болѣе.

Знакомство съ Надеждинымъ, который рѣзко отличался отъ всѣхъ петербургскихъ литераторовъ, возбудило во мнѣ еще бо̀льшее желаніе познакомиться съ московскими литераторами. Москва начала очень занимать меня. На московскую литературу я смотрѣлъ всегда съ бо̀льшимъ уваженіемъ. Направленіе ея выражалось «Телеграфомъ», «Телескопомъ», «Молвою» и наконецъ «Московскимъ Наблюдателемъ», редакцію котораго принялъ на себя впослѣдствіи Бѣлинскій; тогда выступали въ Москвѣ на литературное поприще — молодые люди только что вышедшіе

изъ московскаго университета, — съ горячею любовію къ дѣлу, съ благородными убѣжденіями, съ талантами... Это было самое блестящее время московской литературной дѣятельности. Къ Петербургу съ его «Библіотекою» и «Сѣверною Пчелою» я получилъ уже совершенное отвращеніе; петербургскіе литераторы также не возбуждали во мнѣ никакого интереса. Я былъ знакомъ со всѣми ими, не исключая даже Николая Иваныча Греча, который всегда обращался со мною съ большою благосклонностію, хотя и изъявлялъ сожалѣніе моему дядѣ, что я связываюсь въ литературѣ съ людьми неблагонамѣренными, которые заразятъ меня своими вредными идеями....

Изъ находившихся въ ту минуту въ Петербургѣ литераторовъ я не былъ знакомъ только съ Гоголемъ.... Мнѣ очень хотѣлось взглянуть на автора «Старосвѣтскихъ Помѣщиковъ» и «Тараса Бульбы», съ которыми я носился и перечитывалъ всѣмъ моимъ знакомымъ, начиная съ К—ова.

К—ова поразилъ, или, вѣрнѣе сказать, ошеломилъ «Бульба». Онъ во время моего чтенія безпрестанно вскакивалъ съ своего мѣста и восклицалъ:

— Да это chоеuf-d'oeuvre!... это сила... это мощь... это... это... это...

— Ахъ, да не перебивайте, Василій Иванычъ, кричали ему другіе слушатели...

Но К—овъ не выдерживалъ, и перебивалъ чтеніе безпрестанно, засовывалъ свои пальцы въ волосы, раздиралъ свои волоски съ какимъ-то ожесточеніемъ.

Когда чтеніе кончилось, онъ схватилъ себя за голову и произнесъ:

— Это, батюшко, такое явленіе, это, это это..... самъ старикъ Вальтеръ-Скоттъ подписалъ бы охотно подъ этимъ Бульбою свое имя.... У-у! это ужь талантъ изъ ряду вонъ... Какая полновѣсность, сочность въ каждомъ словѣ... Этотъ Гоголь... да это чортъ знаетъ что такое, — такъ и брызжетъ умомъ и талантомъ....

К—овъ долго послѣ этого чтенія не могъ успокоиться.

Случай скоро представился мнѣ увидѣть Гоголя. Черезъ А. А. Комарова я познакомился съ Прокоповичемъ, учителемъ словесности въ кадетскомъ корпусѣ, стихотворцемъ, большимъ чудакомъ и — главное — добрѣйшимъ человѣкомъ. Прокоповичъ въ одинъ годъ съ Гоголемъ кончилъ курсъ въ Нѣжинскомъ лицеѣ.

Пріятель съ нимъ еще со школьной семьи, Прокоповичъ, горячо любившій литературу, послѣ первыхъ произведеній Гоголя, присоединилъ къ своей школьной дружбѣ еще благоговѣйную привязанность къ нему, какъ къ писателю. — Гоголь, повидимому, былъ очень близокъ съ нимъ: во время своего пребыванія въ Малороссіи, или за границей, онъ всегда дѣлалъ Прокоповичу различныя порученія, и возвращаясь въ Петербургъ — останавливался у него.

Прокоповичъ, узнавъ черезъ А. А. Комарова мое желаніе посмотрѣть на Гоголя, пригласилъ меня въ тотъ день, когда Гоголь обѣщалъ у него обѣдать.

Наружность Гоголя не произвела на меня пріятнаго впечатлѣнія. Съ перваго взгляда на него, меня всего болѣе поразилъ его носъ, сухощавый, длинный и острый, какъ клювъ хищной птицы. Онъ былъ одѣтъ съ претензіею на щегольство, волосы завиты и кокъ напереди поднятъ довольно высоко, въ формѣ букли, какъ носили тогда. Вглядываясь въ него, я все разочаровывался болѣе и болѣе, потому что заранѣе составилъ себѣ идеалъ автора «Миргорода», и Гоголь нисколько не подходилъ къ этому идеалу. Мнѣ даже не понравились глаза его — небольшіе, проницательные и умные, но какъ-то хитро и непривѣтливо смотрѣвшіе. Онъ занятъ былъ передъ обѣдомъ приготовленіемъ макаронъ по-итальянски (это было уже послѣ второй поѣздки его за границу), и безпрестанно выходилъ на кухню смотрѣть за ихъ приготовленіемъ. За обѣдомъ онъ говорилъ мало и ѣлъ много. Разговоръ его не былъ интересенъ, онъ касался самыхъ обыкновенныхъ и вседневныхъ вещей; о литературѣ почти не было рѣчи, только, не помню къ чему, онъ замѣтилъ, что по его мнѣнію первый поэтъ послѣ Пушкина — Языковъ, и что онъ не только не уступаетъ самому Пушкину, но даже превосходитъ его иногда по силѣ, громкости и звучности стиха. Меня еще непріятно поразило то, что въ обращеніи двухъ друзей и товарищей не было простоты: сквозь любовь Прокоповича къ Гоголю невольно проглядывало то подобострастіе, которое обнаруживаютъ друзья низшіе къ друзьямъ высшаго ранга; Гоголь, въ свою очередь, посматривалъ на Прокоповича тоже какъ будто немножко свысока. Тотчасъ послѣ обѣда мы всѣ разошлись, и когда я уходилъ, Прокоповичъ замѣтилъ мнѣ, что Гоголь сегодня былъ не въ духѣ.

Я слышалъ, что Гоголь въ духѣ — разсказывалъ раз-

личные анекдоты съ необыкновеннымъ мастерствомъ и юморомъ; но послѣ изданія «Миргорода» и громаднаго успѣха этой книги, — онъ принималъ уже тонъ болѣе серьёзный и строгій и рѣдко бывалъ въ хорошемъ расположеніи.... Иногда только онъ обнаруживалъ свой юморъ передъ людьми высшаго общества, съ которыми началъ сближаться. — До этого и обращеніе его съ Прокоповичемъ было гораздо проще и искреннѣе, такъ по крайней мѣрѣ увѣряютъ тѣ, которые были знакомы съ нимъ съ самаго пріѣзда его въ Петербургъ....

Говоря о литераторахъ и литературныхъ вечерахъ, я забылъ сказать объ А. П. Башуцкомъ. Дѣятельность Башуцкаго была изумительна: онъ занимался службой, литературой, составлялъ различные промышленные проекты — и въ то же время выѣзжалъ въ свѣтъ и былъ однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ и краснорѣчивыхъ собесѣдниковъ. Онъ затѣвалъ все въ роскошныхъ широкихъ размѣрахъ, разсчитывалъ на десятки и сотни тысячъ, но его литературныя и другія затѣи никогда почти не удавалась и не приносили ему ничего, кромѣ убытка. Онъ издалъ «Панораму Петербурга», заказалъ гравюры для этого изданія въ Лондонѣ, но корабль съ его гравюрами погибъ въ морѣ; онъ началъ издавать газету «Общеполезныхъ Свѣдѣній», но отъ этихъ свѣдѣній подписчики не только не получили никакой пользы, но потерпѣли убытокъ, потому что она прекратилась на первыхъ нумерахъ.

Аккуратность Башуцкаго и внѣшній порядокъ въ его кабинетѣ были изумительные: картоны и ящики съ различными надписями, письменный столъ съ безчисленными кипами бумагъ подъ красивыми прессъ-папье .... и все это такъ изящно и такъ мастерски разложено и разставлено. Въ комнатахъ его, каждая самая незначительная вещица постановлена была такъ, что производила эффектъ. Самъ хозяинъ всегда былъ одѣтъ съ удивительною тщательностію; ни на галстукѣ, ни на манишкѣ ни малѣйшей складочки, точно какъ будто на немъ было все подклеено; парикъ прекрасно разчесанъ и распомаженъ; говорилъ Башуцкій съ большимъ искусствомъ; плавный разговоръ его такъ и лился и журчалъ; въ разговорѣ его можно было слышать—гдѣ запятая, гдѣ тире, гдѣ точка съ запятой и т. д.... У него было пять-шесть разсказовъ, и въ числѣ ихъ знаменитый разсказъ о смерти Милорадовича, при которомъ онъ былъ адъютантомъ 14 декабря. — Этотъ разсказъ онъ при мнѣ по-

вторялъ разъ десять, не измѣняя въ немъ ни іоты, и всегда производилъ имъ величайшій эффектъ на тѣхъ, которые имѣли удовольствіе первый разъ слушать его. Когда Башуцкій развивалъ свои проэкты разныхъ коммерческихъ предпріятій (а они рождались у него чуть не ежедневно), его слушатели, пораженные его краснорѣчіемъ, готовы были отдать на эти предпріятія послѣдній грошъ. Такъ убѣдителенъ и заманчивъ казался ораторъ. Для начатія самыхъ исполинскихъ предпріятій, по мнѣнію Башуцкаго, требовались самыя ничтожныя суммы. Положивъ, напримѣръ, тысячъ пять на предпріятіе Башуцкаго, вы могли, по его словамъ, въ нѣсколько лѣтъ сдѣлаться милліонеромъ. Все это было такъ ясно, такъ просто, какъ дважды два четыре. Глядя на самого Башуцкаго и на его обстановку, и слушая его рѣчи, можно было принять его за человѣка самаго положительнаго, самаго практическаго, а между тѣмъ трудно было найти человѣка болѣе увлекавшагося. Это фантазёръ, облекавшій свои фантазіи въ щегольскія фразы, которыми онъ съ начала только любуется, не вѣря имъ, но которыми потомъ самъ увлекается до такой степени, что принимаетъ ихъ серьезно....

Къ Башуцкому сходились по пятницамъ. Общество на этихъ пятницахъ было немногочисленное и притомъ случайное.... На нихъ появлялись впрочемъ изрѣдка и знаменитости — Кукольникъ и Каратыгинъ. Однимъ изъ постоянныхъ посѣтителей пятницъ Башуцкаго былъ Владиміръ Строевъ, который извѣстенъ въ литературѣ тѣмъ, что Воейковъ удостоилъ его почему то помѣстить въ свой «Сумасшедшій домъ» вмѣстѣ съ литературными знаменитостями, назвавъ его *лѣвымъ глазомъ Греча съ бѣльмомъ*. — На этихъ пятницахъ можно было безъ удивленія встрѣтить вмѣстѣ кого угодно: Краевскаго и Греча, Булгарина и Воейкова, Сеньковскаго и Бѣлинскаго.... Башуцкій былъ эклектикъ. У него появлялся даже и К—овъ, очень любившій его и въ особенности его ужины, съ *доброю бутылкою мадеры*.

О литературной дѣятельности Башуцкаго, которая развернулась въ началѣ сороковыхъ годовъ, о его изданіяхъ, романахъ, о знакомствѣ съ Бѣлинскимъ — обо всемъ этомъ я буду говорить въ свое время....

Теперь я приступаю къ очень любопытному времени въ нашей литературѣ—къ покупкѣ Краевскимъ знаменитыхъ «Отечественныхъ Записокъ» Свиньина.

Успѣхъ «Библіотеки для Чтенія» не могъ не подѣйствовать на редактора «Литературныхъ Прибавленій» къ «Русскому Инвалиду». Пять тысячъ подписчиковъ (*) — какая пріятная цыфра! О роскоши, съ которою жилъ редакторъ «Библіотеки», носились тогда преувеличенные, чуть не баснословные слухи.... Литераторы съ завистливымъ удивленіемъ разсказывали о великолѣпномъ кабинетѣ Сеньковскаго, о его лѣстницѣ, установленной цвѣтами и тропическими растеніями.... и всѣмъ этимъ остроумный профессоръ восточныхъ языковъ, пожаловавшій самъ себя въ бароны, былъ обязанъ — *журналу*. Слѣдовательно большой журналъ — хорошее коммерческое предпріятіе.... Редактору «Литературныхъ Прибавленій» недоставало только денегъ для начатія журнала. Онъ однако составилъ нѣчто въ родѣ небольшаго акціонернаго общества изъ нѣсколькихъ своихъ пріятелей и пріятелей этихъ пріятелей и въ половинѣ 1838 года вступилъ въ переговоры съ Свиньинымъ. Къ числу вкладчиковъ, сколько я помню, принадлежали слѣдующія лица: князь В. Ѳ. Одоевскій А. В. Всеволожскій, Н. П. Мундтъ и Владиславлевъ. Всѣ они обязались внести, кажется, по 3,000 р. асс. — и я также.... Я впрочемъ не внесъ денегъ, — г. Краевскій и не требовалъ ихъ съ меня, потому, вѣроятно, что нашелъ достаточною для начала сумму, внесенную другими.—Такимъ образомъ «Отеч. Записки» начались съ весьма не значительнымъ капиталомъ.

— Кто же у васъ будетъ заниматься критическимъ отдѣломъ? спросилъ я однажды у г. Краевскаго:—вѣдь критическій отдѣлъ въ журналѣ самая важная вещь.

— Я еще не знаю, отвѣчалъ Краевскій и прибавилъ глухо:— у меня есть одинъ человѣкъ на примѣтѣ....

Разговоръ этотъ происходилъ въ домѣ Брянскаго.

— Да вотъ вамъ человѣкъ для этого — Бѣлинскій, продолжалъ я:—чего же лучше? Если бъ онъ рѣшился только переселиться въ Петербургъ, это было бы отлично.

— Покорно васъ благодарю, сказалъ г. Краевскій рѣзко и сухо: — я не имѣю никакого желанія связываться съ этимъ крикуномъ-мальчишкой....

(*) Извѣстно, что «Библіотека для Чтенія» въ первый годъ существованія своего имѣла пять тысячъ подписчиковъ—цифра, до которой не достигалъ ни одинъ изъ русскихъ журналовъ того времени.

Онъ видимо не желалъ продолженія этого разговора и завелъ рѣчь съ кѣмъ-то другимъ, отвернувшись отъ меня....

Г. Краевскій заключилъ условіе съ Свиньинымъ, обязавшись за право пользованія его «Отеч. Записками» — платить извѣстную сумму Свиньину, а послѣ смерти Свиньина — вдовѣ его. Через годъ, кажется, Свиньинъ умеръ. Г. Краевскій вошелъ съ просьбою къ министру народнаго просвѣщенія, о передачѣ ему права изданія и утвержденія его редакторомъ.—На всеподданнѣйшее представленіе объ этомъ министра, — послѣдовало Высочайшее соизволеніе....

Объявленіе объ изданіи «Отеч. Зап.» подъ новою редакціею было не безъ эффекта. Для этого объявленія набрано было чуть ли не до ста именъ различныхъ петербургскихъ и московскихъ ученыхъ и литераторовъ....

Представителемъ какого направленія выступалъ возобновленный журналъ?... . . . .

. . . .

Г. Краевскій не спалъ ночи и проводилъ ихъ за корректурой въ типографіи, передъ выходомъ первой книжки... Объ ней уже ходили заранѣе различные — доброжелательные и враждебные слухи. Я ожидалъ ея съ нетерпѣніемъ, потому что для этой книжки и я скропалъ статейку о французской литературѣ....

1 января 1839 г. — книжка явилась. Это была впрочемъ не книжка, а книжища, вдвое—если не болѣе—толще «Библіотеки для Чтенія»....

ГЛАВА VIII.

НАЧАЛО «ОТЕЧ. ЗАПИСОКЪ».—ГРАФЪ СОЛЛОГУБЪ И «ИСТОРІЯ ДВУХЪ КАЛОШЪ».—ЛЕРМОНТОВЪ И ЕГО ОТНОШЕНІЯ КЪ Г. КРАЕВСКОМУ. — СТИХОТВОРЕНІЕ ЛЕРМОНТОВА: «ЕСТЬ РѢЧИ....»—ВПЕЧАТЛѢНІЕ, ПРОИЗВЕДЕННОЕ НА ЛЕРМОНТОВА ПОЯВЛЕНІЕМЪ ЕГО «КАЗНАЧЕЙШИ» ВЪ «СОВРЕМЕННИКѢ» ПЛЕТНЕВА.—ЛЕРМОНТОВЪ ПОСЛѢ ДУЭЛИ СЪ БАРАНТОМЪ.—БѢЛИНСКІЙ ВЪ ОРДОНАНСЪ-ГАУЗѢ У ЛЕРМОНТОВА.—ОШИБКА Г. ДУДЫШКИНА.—НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ХАРАКТЕРѢ ЛЕРМОНТОВА. — ПРІѢЗДЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ МЕЖЕВИЧА И ПРІЕМЪ, СДѢЛАННЫЙ ЕМУ Г. КРАЕВСКИМЪ.—ОЧЕРКЪ МЕЖЕВИЧА.—СОСТОЯНІЕ ЛИТЕРАТУРЫ ВЪ КОНЦѢ ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ. — ОТЪѢЗДЪ МОЙ ВЪ МОСКВУ. — ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО.

Первая книжка «Отечественныхъ Записокъ» произвела сильный эффектъ. «Отечественныя Записки» раздѣлялись на 8 отдѣловъ: 1) Современная хроника Россіи. 2) Науки (статьи сбор-

нія). 3) Изящная словесность. 4) Художества (этимъ отдѣломъ завѣдывалъ зять графа Ѳ. П. Толстова Каменскій). 5) Домоводство, сельское хозяйство и промышленность вообще. 6) Критика. 7) Современная библіографическая хроника и 8) Смѣсь. —

Статья критическая о «Фаустѣ» по-поводу перевода Губера (въ 1 № «Отечественныхъ Записокъ») принадлежитъ И. К. Гебгарту. Слѣдовавшіе книжки новаго журнала обратили также общее вниманіе. «Отечественныя Записки» подняли шумъ въ литературныхъ кружкахъ. И немудрено. Въ этихъ книжкахъ явились: Лермонтовъ съ своею «Белою» и нѣсколькими стихотвореніями, Кольцовъ съ своими «Пѣснями», графъ Соллогубъ съ своими «Калошами», князь Одоевскій съ «Княжною Зизи» и такъ далѣе.

«Отечественныя Записки» возобновились кстати. «Библіотека для Чтенія» начинала уже прискучивать публикѣ повтореніемъ своихъ остротъ и шуточекъ; она оскорбляла многихъ своимъ глумленіемъ надъ литературою; ея критическій авторитетъ поколебался послѣ возвеличенія Кукольника, Тимофѣева и нѣкоторыхъ другихъ, послѣ неблагосклонныхъ отзывовъ о Гоголѣ и пріятельскаго заигрыванья съ Булгаринымъ, послѣ неприличныхъ и неумѣстныхъ выходокъ противъ передовыхъ людей европейской науки.... Бо́льшая часть извѣстныхъ русскихъ литераторовъ начинала отзываться съ неудовольствіемъ о деспотическомъ обращеніи редактора «Библіотеки» съ ихъ произведеніями, которыя появлялись въ журналѣ Сенковскаго въ совершенно изуродованномъ видѣ, съ сокращеніями, передѣлками или прибавленіями самого редактора, навязывавшаго авторамъ такія возрѣнія и мысли, которыхъ они не могли раздѣлять.... Шутка въ «Библіотекѣ» переходила всѣ границы. Это была уже *шутка для шутки*, желаніе смѣшить публику во что бы то ни стало, и на чей бы счетъ ни было. Она посягала на все и на всѣхъ безъ разбора, и изобличала въ редакторѣ журнала полное отсутствіе всякихъ серьёзныхъ убѣжденій, возбуждая уже не смѣхъ, а негодованіе....

Потребность новаго журнала съ направленіемъ болѣе дѣльнымъ, который обнаруживалъ бы бо́льшее уваженіе къ литераторамъ и публикѣ, чувствовалась всѣми — и въ такую-то благопріятную минуту появился г. Краевскій съ своими «Отечественными Записками».

Въ возобновленныхъ «Отеч. Запискахъ» допѣвали свои лебединыя пѣсни лучшіе изъ нашихъ беллетристовъ и блистательно

начали свои дебюты молодые люди, только-что выступавшіе на литературное поприще.

Г. Краевскій послѣ смерти Пушкина добился-таки до того, что имя его появилось на оберткѣ «Современника», рядомъ съ именами друзей поэта — съ Жуковскимъ, Вяземскимъ, Одоевскимъ и Плетневымъ. Аристократическая литературная партія, прекратившая всѣ сношенія съ Булгаринымъ и Сенковскимъ, протежировала г. Краевскаго и хотѣла сдѣлать «Отечественныя Записки» своимъ органомъ. Г. Краевскій заискивалъ въ то же время въ московскихъ ученыхъ и литераторахъ, пользовавшихся авторитетомъ, просилъ ихъ совѣтовъ, сотрудничества и разсыпался передъ ними въ комплиментахъ. Онъ невольно возбуждалъ къ себѣ участіе въ ученыхъ и литераторахъ своею скромностію, аккуратностію и благонамѣренностію. Съ благороднымъ ожесточеніемъ онъ говорилъ о Булгаринѣ, скорбѣлъ о паденіи Полеваго, оскорблялся до глубины души шутовскими выходками Сенковскаго и твердилъ только о томъ, что необходимъ новый органъ въ журналистикѣ, въ которомъ бы сгруппировались всѣ талантливые, серьёзные, честные и благонамѣренные ученые и литературные дѣятели. Онъ достигъ этого. — «Отечественныя Записки» были встрѣчены привѣтливо всѣми тогдашними литературными знаменитостями, московскими и петербургскими; вся талантливая молодежь съ жаромъ принялась сотрудничать въ нихъ. Только Сенковскій, Булгаринъ, Кукольникъ и ихъ партія смотрѣли враждебно на новый журналъ. Сенковскій прикидывался, что онъ не знаетъ даже о его существованіи; Булгаринъ открылъ свои походы противъ г. Краевскаго, придравшись къ *доуенъ-дажъ* (такъ было неудачно переведено въ 1 № «Отеч. Зап.» слово: doyen d'age). Походы эти упорно продолжались около пятнадцати лѣтъ и возобновлялись съ особеннымъ ожесточеніемъ осенью, *при подпискѣ*, нисколько, разумѣется, не вредя «Отечественнымъ Запискамъ», потому что число подписчиковъ ихъ возрастало съ каждымъ годомъ.

Г. Краевскій, довольный своимъ успѣхомъ, упрочившій свои связи со всѣми литературными знаменитостями, гордый враждою къ нему Булгарина и Сенковскаго, ставшій во главѣ журнала, принявшаго литературно-аристократическій оттѣнокъ, былъ очень доволенъ собою. Это самодовольство выражалось въ немъ тою серьёзностью и самостоятельностью, тѣмъ строгимъ уче-

нымъ видомъ, который онъ принялъ на себя и котораго уже не оставлялъ потомъ.

Въ это время Бѣлинскій и его молодые друзья, участвовавшіе въ «Телескопѣ» и «Молвѣ», начали издавать «Московскій Наблюдатель»... Г. Краевскій никакъ не предвидѣлъ, что этимъ молодымъ, горячимъ людямъ суждено будетъ играть замѣчательную роль въ исторіи русской литературы, что имя Бѣлинскаго сдѣлается историческимъ именемъ и что ему суждено будетъ поддержать и придать нравственную силу и значеніе «Отечественнымъ Запискамъ». Литературные авторитеты и знаменитости или не удостоивали замѣчать въ то время Бѣлинскаго, или отзывались о немъ презрительно, какъ о вздорномъ и нагломъ крикунѣ, не имѣвшемъ ни foi, ни loi и осмѣливавшемся нападать на безсмертныя имена, на неприкосновенные доселѣ авторитеты. Сближаться съ Бѣлинскимъ—значило компрометировать себя во мнѣніи авторитетовъ, передъ которыми усердно преклонялся г. Краевскій.... Но не изъ боязни компрометировать себя передъ ними, а совершенно искренне и добродушно онъ цѣнилъ Бѣлинскаго и его молодыхъ друзей, и называлъ ихъ именемъ *мальчишекъ-крикуновъ*.

Онъ сознавалъ, что для журнала необходимъ критикъ, что безъ дѣльной критики журалъ не можетъ существовать, что время литературныхъ сборниковъ прошло... Но откуда же взять критика? Эта мысль озабочивала его сильно. Онъ отвергъ мое предложеніе о Бѣлинскомъ; выборъ его уже былъ сдѣланъ, онъ только хранилъ его въ тайнѣ.

Критическій дебютъ «Отеч. Записокъ» былъ неудаченъ; впрочемъ статья подъ заглавіемъ: «Русская литература въ 1840 году» —плохая компиляція, безъ всякаго взгляда, наполненная общими мѣстами—скрылась за прекрасными стихотвореніями и повѣстями, въ особенности за «Исторіей двухъ калошъ» графа Соллогуба, которая и литературой и публикой принята была съ восторгомъ.— Имя Соллогуба, дебютировавшаго въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» разсказомъ «Сережа», послѣ «Исторіи двухъ калошъ», стало пользоваться громкою извѣстностію и не въ однихъ аристократическихъ салонахъ, гдѣ читалъ ее авторъ... Повѣсть эта возбудила большую симпатію къ автору во всѣхъ классахъ читающей публики и во всѣхъ литературныхъ кружкахъ. Бѣлинскій былъ отъ нея въ восторгѣ. —

«Соллогубъ своими «Тарантасомъ» разстрогалъ меня до слезъ!» говорилъ онъ мнѣ впослѣдствіи.

Ободренный блистательнымъ успѣхомъ, Соллогубъ съ жаромъ принялся писать новую повѣсть, и сталъ изрѣдка появляться между литераторами, но онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко въ этомъ новомъ для него обществѣ. Онъ разыгрывалъ между ними велико-свѣтскаго человѣка и какъ бы нѣсколько женировался званіемъ литератора.

Я замѣчаю это не въ упрекъ графу Соллогубу. Это былъ недостатокъ общій всѣмъ тогдашнимъ литераторамъ аристократамъ, за исключеніемъ, какъ я уже говорилъ, Одоевскаго. Графъ Соллогубъ имѣлъ сначала непреодолимую наклонность къ литературѣ, но серьёзному развитію этой наклонности мѣшали его великосвѣтскіе взгляды и привычки, и онъ потомъ уже занимался ею слегка, какъ дилетантъ...

Появленіе всякаго новаго замѣчательнаго таланта въ русской литературѣ было праздникомъ для Соллогуба. Въ Соллогубѣ не было ни малѣйшей тѣни той литературной зависти или того непріятнаго ощущенія при чужомъ успѣхѣ, которыя, къ сожалѣнію, нерѣдко встрѣчаются въ очень талантливыхъ артистахъ и литераторахъ... Онъ былъ увлеченъ «Бѣдными Людьми» Достоевскаго и приставалъ ко всѣмъ намъ: — «Да кто такой этотъ Достоевскій? Бога-ради покажите его, познакомьте меня съ нимъ!» Онъ ходилъ какъ помѣшанный на другой день послѣ прочтенія комедіи Островскаго: «Свои люди—сочтемся», прокричалъ объ этой комедіи во всѣхъ салонахъ и устроилъ у себя вечеръ для чтенія ея; но объ этомъ вечерѣ и вообще о литературныхъ вечерахъ Соллогуба — я буду говорить подробно во 2-й части моихъ «Воспоминаній».

Наклонность къ такъ-называемой великосвѣтскости, которой были подвержены нѣкоторые литературные дѣятели 20-хъ, 30-хъ и 40-хъ годовъ, дѣйствовала на нихъ и на ихъ произведенія весьма неблаготворно. Этой наклонности были подвержены даже такіе могучіе таланты, какъ Пушкинъ и Лермонтовъ.

Лермонтовъ хотѣлъ слыть во что бы то ни стало и прежде всего за свѣтскаго человѣка, и оскорблялся точно также, какъ Пушкинъ, если кто нибудь разсматривалъ его, какъ литератора. Не смотря на сознаніе, что причиною гибели Пушкина была между прочимъ наклонность его къ великосвѣтскости (сознаніе это ясно выражено Лермонтовымъ въ его заключительныхъ стихахъ

«На смерть Пушкина»),—несмотря на то, что Лермонтову хотѣлось иногда бросать въ свѣтскихъ людей *желѣзный стихъ* —

«Облитый горечью и злостью»...

онъ никакъ не могъ отрѣшиться отъ свѣтскихъ предразсудковъ, и высшій свѣтъ дѣйствовалъ на него обаятельно.

Лермонтовъ сдѣлался извѣстенъ публикѣ своимъ стихотвореніемъ «На смерть Пушкина»; но еще и до этого, когда онъ *былъ* въ Юнкерской школѣ, носились слухи объ его замѣчательномъ поэтическомъ талантѣ—и его поэма «Демонъ» ходила уже по рукамъ въ рукописи.

Литературная критика обратила на него вниманіе послѣ появленія его повѣсти «о купцѣ Калашниковѣ» въ «Литературныхъ Прибавленіяхъ кѣ Русскому Инвалиду», издававшихся подъ редакціею г. Краевскаго. . . . .

Наружность Лермонтова была очень замѣчательна:

Онъ былъ небольшаго роста, плотнаго сложенія, имѣлъ большую голову, крупныя черты лица, широкій и большой лобъ, глубокіе, умные и пронзительные черные глаза, невольно приводившіе въ смущеніе того, на кого онъ смотрѣлъ долго. Лермонтовъ зналъ силу своихъ глазъ, и любилъ смущать и мучить людей робкихъ и нервическихъ своимъ долгимъ и пронзительнымъ взглядомъ. Однажды онъ встрѣтилъ у г. Краевскаго моего пріятеля М. А. Я—ва.... Я—въ сидѣлъ противъ Лермонтова. Они не были знакомы другъ съ другомъ. Лермонтовъ нѣсколько минутъ не спускалъ съ него глазъ. Я—въ почувствовалъ сильное нервное раздраженіе и вышелъ въ другую комнату, не будучи въ состояніи вынести этого взгляда. Онъ и до сихъ поръ не забылъ его.

Я много слышалъ о Лермонтовѣ отъ его школьныхъ и полковыхъ товарищей. По ихъ словамъ, онъ былъ любимъ очень немногими, только тѣми, съ которыми былъ близокъ, но и съ близкими людьми онъ не былъ сообщителенъ. У него была страсть отыскивать въ каждомъ своемъ знакомомъ какую нибудь комическую сторону, какую нибудь слабость, — и отыскавъ ее, онъ упорно и постоянно преслѣдовалъ такого человѣка, подтрунивалъ надъ нимъ, и выводилъ его наконецъ изъ терпѣнія. Когда онъ достигалъ этого, онъ былъ очень доволенъ.

— Странно, говорилъ мнѣ одинъ изъ его товарищей: — въ

сущности онъ былъ, если хотите, добрый малый: покутить, повеселиться, — во всемъ этомъ онъ не отставалъ отъ товарищей; но у него не было ни малѣйшаго добродушія, и ему непремѣнно нужна была жертва, — безъ этого онъ не могъ быть покоенъ, — и выбравъ ее, онъ ужь безпощадно преслѣдовалъ ее. Онъ непремѣнно долженъ былъ кончить такъ трагически: — не М*, такъ кто бы нибудь другой убилъ бы его.

Лермонтовъ по своимъ связямъ и знакомствамъ принадлежалъ къ высшему обществу, и былъ знакомъ только съ литераторами, принадлежавшими къ этому свѣту, съ литературными авторитетами и знаменитостями. Я въ первый разъ увидѣлъ его у Одоевскаго и потомъ довольно часто встрѣчался съ нимъ у г. Краевскаго. Гдѣ и какъ онъ сошелся съ г. Краевскимъ, этого я не знаю; но онъ былъ съ нимъ довольно коротокъ и даже говорилъ ему *ты*.

Лермонтовъ обыкновенно заѣзжалъ къ г. Краевскому по утрамъ (это было въ первые годы «Отечественныхъ Записокъ» въ 40 и 41 годахъ) и привозилъ ему свои новыя стихотворенія. Входя съ шумомъ въ его кабинетъ, заставленный фантастическими столами, полками и полочками, на которыхъ были аккуратно разставлены и разложены книги, журналы и газеты, Лермонтовъ подходилъ къ столу, за которымъ, сидѣлъ редакторъ, глубокомысленно погруженный въ корректуры, въ томъ алхимическомъ костюмѣ, о которомъ я упоминалъ, и покрой котораго былъ снятъ имъ у Одоевскаго, — разбрасывалъ эти корректуры и бумаги по полу и производилъ страшную кутерьму на столѣ и въ комнатѣ. Однажды онъ даже опрокинулъ ученаго редактора со стула. Г. Краевскому, при его всегдашней солидности, при его наклонности къ порядку и аккуратности, такія шуточки и школьничьи выходки не должны были нравиться; несмотря на это, пріятно улыбаясь, онъ говорилъ:

— Ну, полно, полно.... перестань, братецъ, перестань. Экой школьникъ....

Г. Краевскій походилъ въ такія минуты на гётевскаго Вагнера, а Лермонтовъ на маленькаго бѣсёнка, котораго Мефистофель могъ подсылать къ Вагнеру нарочно для того, чтобы смущать его глубокомысліе.

Когда ученый приходилъ въ себя, поправлялъ свои волосы и отряхалъ свои одежды, поэтъ пускался въ разсказы о своихъ свѣтскихъ похожденіяхъ, прочитывалъ свои новые стихи и

уѣзжалъ. Посѣщенія его всегда были очень непродолжительны.

Заговоривъ о Лермонтовѣ, я выскажу здѣсь кстати все, что помню объ немъ, и читатель, вѣрно, проститъ меня за нарушеніе въ разсказѣ моемъ хронологическаго порядка.

— Разъ утромъ Лермонтовъ пріѣхалъ къ г. Краевскому въ то время, когда я былъ у него. Лермонтовъ привезъ ему свое стихотвореніе:

«Есть рѣчи значенье
Темно, иль ничтожно....»

прочелъ его и спросилъ:

— Ну, что годится?...

— Еще бы! дивная вещь! отвѣчалъ г. Краевскій: — превосходно; но тутъ есть въ одномъ стихѣ маленькій граматическій промахъ, неправильность....

— Что такое? спросилъ съ безпокойствомъ Лермонтовъ.

«Изъ *пламя* и свѣта
Рожденное слово....»

— Это неправильно, не такъ, возразилъ г. Краевскій: — понастоящему, по грамматикѣ надо сказать, изъ *пламени* и свѣта....

— Да если этотъ пламень не укладывается въ стихъ? Это вздоръ, ничего,—вѣдь поэты позволяютъ себѣ разныя поэтическія вольности—и у Пушкина ихъ много.... Однако.... (Лермонтовъ на минуту задумался)... дай-ка я попробую передѣлать этотъ стихъ.

Онъ взялъ листокъ со стихами, подошелъ къ высокому фантастическому столу съ выемкой, обмакнулъ перо и задумался...

Такъ прошло минутъ пять. Мы молчали.

Наконецъ Лермонтовъ бросилъ съ досадой перо и сказалъ:

— Нѣтъ, ничего нейдетъ въ голову. Печатай такъ, какъ есть. Сойдетъ съ рукъ....

Въ другой разъ я засталъ Лермонтова у г. Краевскаго въ сильномъ волненіи. Онъ былъ взбѣшенъ за напечатаніе, безъ его спроса, «Казначейши» въ «Современникѣ», издававшемся Плетневымъ. Онъ держалъ тоненькую розовую книжечку «Современника» въ рукѣ и покушался было разодрать ее, но г. Краевскій не допустилъ его до этого.

— Это чортъ знаетъ что такое! позволительно ли дѣлать

такія вещи! говорилъ Лермонтовъ, размахивая книжечкою... Это ни на что не похоже!

Онъ подсѣлъ къ столу, взялъ толстый красный карандашъ и на оберткѣ «Современника», гдѣ была напечатана его «Казначейша», набросалъ какую-то каррикатуру.

Вѣроятно, этотъ нумеръ «Современника» сохраняется у г. Краевскаго въ воспоминаніе о поэтѣ.

Я также встрѣтился у г. Краевскаго съ Лермонтовымъ въ день его дуэли съ сыномъ г. Баранта, находившимся тогда при французскомъ посольствѣ въ Петербургѣ.... Лермонтовъ пріѣхалъ послѣ дуэли прямо къ г. Краевскому и показывалъ намъ свою царапину на рукѣ. Они дрались на шпагахъ. Лермонтовъ въ это утро былъ необыкновенно веселъ и разговорчивъ. Если я не ошибаюсь, тутъ былъ и Бѣлинскій.

Бѣлинскій часто встрѣчался у г. Краевскаго съ Лермонтовымъ. Бѣлинскій пробовалъ-было не разъ заводить съ нимъ серьёзный разговоръ, но изъ этого никогда ничего не выходило. Лермонтовъ всякій разъ отдѣлывался шуткой или просто перерывалъ его, а Бѣлинскій приходилъ въ смущеніе.

— Сомнѣваться въ томъ, что Лермонтовъ уменъ, говорилъ Бѣлинскій: — было бы довольно странно; но я ни разу не слыхалъ отъ него ни одного дѣльнаго и умнаго слова. Онъ, кажется, нарочно щеголяетъ свѣтскою пустотою.

И дѣйствительно, Лермонтовъ какъ будто щеголялъ ею, желая еще примѣшивать къ ней иногда что-то сатанинское и байроническое: пронзительные взгляды, ядовитыя шуточки и улыбочки, страсть показать презрѣніе къ жизни, а иногда даже и задоръ бретёра. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если онъ не изобразилъ въ Печоринѣ самого себя, то по крайней мѣрѣ—идеалъ, сильно тревожившій его въ то время и на который онъ очень желалъ походить.

Когда онъ сидѣлъ въ ордонансъ-гаузѣ послѣ дуэли съ Барантомъ, Бѣлинскій навѣстилъ его; онъ провелъ съ нимъ часа четыре глазъ на глазъ, и отъ него прямо пришелъ ко мнѣ.

Я взглянулъ на Бѣлинскаго и тотчасъ увидѣлъ, что онъ въ необыкновенно пріятномъ настроеніи духа. Бѣлинскій, какъ я замѣчалъ уже, не могъ скрывать своихъ ощущеній и впечатлѣній и никогда не драпировался. Въ этомъ отношеніи, онъ былъ совершенный контрастъ Лермонтову.

— Знаете ли, откуда я? спросилъ Бѣлинскій.

— Откуда?

— Я былъ въ ордонансъ-гаузѣ у Лермонтова, и попалъ очень удачно. У него никого не было. Ну, батюшка, въ первый разъ я видѣлъ этого человѣка настоящимъ человѣкомъ!!.. Вы знаете мою свѣтскость и ловкость: я взошелъ къ нему и сконфузился, по обыкновенію. Думаю себѣ: ну, зачѣмъ меня принесла къ нему не легкая? Мы едва знакомы, общихъ интересовъ у насъ никакихъ, я буду его женировать, онъ меня.... Что еще связываетъ насъ немного,—такъ это любовь къ иствусству, но онъ не подается на серьезные разговоры.... Я признаюсь, досадовалъ на себя и рѣшился пробыть у него не больше четверти часа. Первыя минуты мнѣ было неловко, но потомъ у насъ завязался какъ-то разговоръ объ англійской литературѣ и Вальтеръ-Скоттѣ... «Я не люблю Вальтеръ-Скотта», сказалъ мнѣ Лермонтовъ, «въ немъ мало поэзіи. Онъ сухъ», — и началъ развивать эту мысль, постепенно одушевляясь. Я смотрѣлъ на него — и невѣрилъ ни глазамъ, ни ушамъ своимъ. Лицо его приняло натуральное выраженіе, онъ былъ въ эту минуту самимъ собою.... Въ словахъ его было столько истины, глубины и простоты! Я въ первый разъ видѣлъ настоящаго Лермонтова, какимъ я всегда желалъ его видѣть. Онъ перешелъ отъ Вальтеръ-Скотта къ Куперу и говорилъ о Куперѣ съ жаромъ, доказывалъ, что въ немъ несравненно болѣе поэзіи, чѣмъ въ Вальтеръ-Скоттѣ, и доказывалъ это съ тонкостію, съ умомъ—и что удивило меня — даже съ увлеченіемъ. Боже мой! Сколько эстетическаго чутья въ этомъ человѣкѣ! Какая нѣжная и тонкая поэтическая душа въ немъ!... Не даромъ же меня такъ тянуло къ нему. Мнѣ наконецъ удалось-таки его видѣть въ настоящемъ свѣтѣ. А вѣдь чудакъ! Онъ, я думаю, раскаявается, что допустилъ себя хотя на минуту быть самимъ собою, — я увѣренъ въ этомъ....

Въ матеріалахъ для біографіи, во 2 части сочиненій Лермонтова, г. Дудышкинъ говоритъ:

«Въ 1840 году, когда Лермонтовъ сидѣлъ уже подъ арестомъ за дуэль, онъ познакомился съ Бѣлинскимъ. Бѣлинскій навѣстилъ его, и съ тѣхъ поръ *дружескія отношенія ихъ не прерывались*».

Это несправедливо. — Бѣлинскій послѣ возвращенія Лермонтова съ Кавказа, зимою 1841 года, нѣсколько разъ видѣлся съ нимъ у г. Краевскаго и у Одоевскаго, но между ними не только

не было никакихъ дружескихъ отношеній, а и серьёзный разговоръ уже не возобновлялся болѣе....

Странные и забавные отзывы слышатся до сихъ поръ о Лермонтовѣ. «Что касается до его таланта, азсуждаютъ такъ — объ этомъ и говорить нечего, но онъ былъ пустой человѣкъ, и притомъ не добраго сердца.»

И вслѣдъ затѣмъ приводятся, обыкновенно, доказательства этого—различные анекдоты о немъ во время пребыванія его въ Юнкерской школѣ и въ Гусарскомъ полку.

Какъ же соединить эти два понятія о Лермонтовѣ — человѣкѣ и о Лермонтовѣ — писателѣ?

Какъ писатель, онъ поражаетъ прежде всего умомъ смѣлымъ, тонкимъ и пытливымъ: его міросозерцаніе уже гораздо шире и глубже Пушкина — въ этомъ почти всѣ согласны. Онъ далъ намъ такія произведенія, которыя обнаруживали въ немъ громадные задатки для будущаго. Онъ не могъ обмануть надеждъ, возбужденныхъ имъ, и если бы не смерть, такъ рано прекратившая его дѣятельность, онъ, можетъ быть, занялъ бы первое мѣсто въ исторіи русской литературы... Отчего же большинству своихъ знакомыхъ онъ казался пустымъ и чуть не дюжиннымъ человѣкомъ, да еще съ злымъ сердцемъ? Съ перваго раза это кажется страннымъ.

Но это большинство его знакомыхъ состояло или изъ людей свѣтскихъ, смотрящихъ на все съ легкомысленной, узкой и поверхностной точки зрѣнія, или изъ тѣхъ мелкоплавающихъ мудрецовъ-моралистовъ, которые схватываютъ только одни внѣшнія явленія и по этимъ внѣшнимъ явленіямъ и поступкамъ произносятъ о человѣкѣ рѣшительные и окончательные приговоры.

Лермонтовъ былъ неизмѣримо выше среды окружавшей его и не могъ серьезно относится къ такого рода людямъ. Ему, кажется, были особенно досадны послѣдніе — тупые мудрецы, важничающіе своею дѣльностію и разсудочностію и невидящіе далѣе своего носа. Есть какое-то наслажденіе (это очень понятно) казаться самымъ пустымъ человѣкомъ, даже мальчишкой и школьникомъ передъ такими господами. И для Лермонтова это было, кажется, дѣйствительнымъ наслажденіемъ. Онъ не отыскивалъ людей, равныхъ себѣ по уму и по мысли внѣ своего круга. Натура его была слишкомъ горда для этого, онъ былъ весь глубоко сосредоточенъ въ самомъ себѣ и не нуждался въ посторонней опорѣ.

Конечно, отчасти предразсудки среды, въ которой Лермонтовъ взросъ и воспитывался, отчасти увлеченія молодости и истекавшее отсюда его желаніе эффектно драпироваться въ байроновскій плащъ, непріятно дѣйствовали на многихъ, дѣйствительно серьёзныхъ людей, и придавали Лермонтову непріятный, неестественный колоритъ. Но можно ли строго судить за это Лермонтова?.. Онъ умеръ еще такъ молодъ. Смерть прекратила его дѣятельность въ то время, когда въ немъ совершалась сильная внутренняя борьба съ самимъ собою, передѣлка, изъ которой онъ вѣроятно вышелъ бы побѣдителемъ и вынесъ бы простоту въ обращеніи съ людьми, твердыя и прочныя убѣжденія...

Появленіе Лермонтова въ первыхъ книжкахъ «Отечественныхъ Записокъ», безъ сомнѣнія, много способствовало успѣху журнала; но безъ критики, какъ бы ни былъ блистателенъ его беллетристическій отдѣлъ, журналъ не могъ идти. Г. Краевскій тайно принималъ мѣры, какъ я сказалъ, обезпечить себя относительно этого предмета.

Въ началѣ 1839 года, я, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, прожилъ у г. Краевскаго нѣсколько дней... Разъ утромъ, это было, если не ошибаюсь, въ концѣ февраля мѣсяца, въ квартирѣ г. Краевскаго послышался сильный звонокъ... Г. Краевскій вышелъ въ залу, чтобы посмотрѣть, кто звонитъ. Онъ заглянулъ въ переднюю, вдругъ бросился туда и въ одно мгновеніе очутился въ объятіяхъ человѣка, только-что освободившагося отъ шубы, съ радостнымъ крикомъ:

— Василій Степанычъ! Любезнѣйшій Василій Степанычъ — наконецъ-то!

Это былъ Межевичъ, давно ожидаемый критикъ, выписанный г. Краевскимъ изъ Москвы... Межевичъ былъ старый московскій знакомый г. Краевскаго. Онъ былъ, кажется, учителемъ въ томъ пансіонѣ, который содержала мать г. Краевскаго. Межевичъ печаталъ въ «Телескопѣ» какія-то статейки по части теоріи словесности, очень нравившіяся многимъ. Г. Краевскій, вѣроятно, заключилъ по этимъ статейкамъ, что Межевичъ долженъ имѣть критическое дарованіе.

Они вошли въ залу рука объ руку.

Г. Краевскій представилъ насъ другъ другу.

Межевичъ былъ небольшаго роста, бѣлокуръ, съ незначительными чертами лица, съ мутными подслѣповатыми глазами и въ очкахъ, которые онъ поправлялъ безпрестанно. Въ манерахъ

его было что-то нерѣшительное и даже робкое, говорилъ онъ не совсѣмъ складно о самыхъ обыкновенныхъ предметахъ. Въ его движеніяхъ, словахъ, взглядахъ была такая неувѣренность въ самомъ себѣ, которая даже возбуждала состраданіе. Межевичъ имѣлъ сердце мягкое, расплывавшееся, характеръ совершенно слабый и мелкій. Онъ чувствовалъ боязнь къ уму, къ убѣжденіямъ, ко всякой моральной силѣ, и впослѣдствіи почти тайкомъ ускользнулъ изъ редакціи «Отечественныхъ Записокъ», сошелся съ Булгаринымъ, началъ писать статейки въ «Пчелу», вдался въ мелкую литературу и сталъ во главѣ ея въ «Репертуарѣ», и наконецъ добился редакторства «Полицейскихъ Вѣдомостей»... Въ этомъ послѣднемъ пріютѣ онъ нравственно упадалъ съ каждымъ днемъ, сдружился съ какимъ-то г. Смирновскимъ, сочинявшимъ безграмотныя статьи и дошелъ до гимновъ кандитеру Излеру, который открылъ увеселительное заведеніе на «Минеральныхъ Водахъ»...

Вотъ каковъ былъ выборъ г. Краевскаго, вотъ кому ввѣрялъ онъ критическій отдѣлъ своего журнала, вотъ кого предпочелъ онъ Бѣлинскому!

Я былъ свидѣтелемъ приготовленія Межевича къ критическимъ дебютамъ въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Мы писали съ нимъ въ одной комнатѣ на квартирѣ г. Краевскаго: онъ разборъ какой-то книжки, я — конецъ повѣсти «Дочь чиновнаго человѣка» для 4 № «Отечественныхъ Записокъ.»

Межевичу, кажется, не легко доставались его критическія статейки: онъ морщился, грызъ перо, поправлялъ очки, прохаживался въ размышленіи по комнатѣ, теръ себѣ лобъ, выжималъ послѣ этого изъ себя нѣсколько строчекъ, и снова начиналъ мучиться.

На процедуру его писанія было смотрѣть тяжело.

Надежды, возложенныя г. Краевскимъ на Межевича, должны были рухнуть очень скоро.... Но я не буду забѣгать впередъ....

Петербургская литература и журналистика, какъ я замѣчалъ уже по мѣрѣ моего сближенія съ нею, теряла для меня ту прелесть, въ которой представлялась мнѣ нѣкогда издалека. Я видѣлъ, толкаясь за литературными кулисами, какъ мелкія человѣческія страстишки: самолюбіе, корыстолюбіе, зависть, двигали тѣми, которыхъ я нѣкогда считалъ за полубоговъ.... Статьи

Бѣлинскаго въ «Телескопѣ», въ «Молвѣ», повѣсти Гоголя въ его «Миргородѣ», стихотворенія Лермонтова начинали нѣсколько расширять мой горизонтъ, они повѣяли на меня новою жизнію, заставляли биться сердце предчувствіемъ чего-то лучшаго. Статьи Бѣлинскаго начинали окончательно колебать мою тупую вѣру въ литературные авторитеты и мой раболѣпный страхъ передъ ними. Я уже иногда задумывался надъ такими явленіями, которыя прежде не возбуждали во мнѣ ни малѣйшей думы; начиналъ пристальнѣе вглядываться въ лица и въ окружавшую меня дѣйствительность; сомнѣніе нѣсколько начинало тревожить меня и мнѣ уже какъ-то не хотѣлось принимать на вѣру и безусловно разные жизненные факты, которымъ я привыкъ подчиняться съ дѣтства, вслѣдствіе домашней и школьной рутины. Но всѣ эти признаки пробуждающагося сознанія еще проявлялись во мнѣ очень блѣдно и слабо. . . . .

Мысль, что искусство должно служить самому себѣ, что оно составляетъ отдѣльный, независимый, свой міръ, что чѣмъ художникъ безучастнѣе въ своихъ произведеніяхъ, или чѣмъ онъ объективнѣе, какъ выражались тогда, тѣмъ выше — эта мысль была самою рельефною и господствующею въ литературѣ тридцатыхъ годовъ. Пушкинъ развивалъ ее въ своихъ звучныхъ, гармоническихъ стихахъ и довелъ ее до вопіющаго эгоизма въ своемъ стихотвореніи: «Поэтъ и Чернь», которое всѣ мы декламировали съ восторгомъ и считали чуть ли не лучшимъ изъ его лирическихъ стихотвореній. Всѣ замѣчательные литературные дѣятели тогдашняго времени вслѣдъ за Пушкинымъ, и кипѣвшая около нихъ молодежь—были ревностными, горячими защитниками искусства для искусства.

Въ послѣдніе годы жизни Пушкина, и еще рѣзче послѣ его смерти, Кукольникъ, принадлежавшій также къ поклонникамъ этой теоріи, проповѣдывалъ, какъ мы видѣли, еще о томъ, что истинное искусство не должно обращать вниманія на обыденную, современную, пошлую жизнь, что оно должно парить высоко и изображать только героическія, историческія и артистическія личности. Отсюда эти длинныя и скучнѣйшія драмы съ художниками, холодныя внутри, какъ ледъ, но съ клокочущими на поверхности страстями, огромныхъ размѣровъ картины, съ эффектными освѣщеніями, — и чѣмъ длиннѣе и скучнѣе была драма, чѣмъ больше холстъ, на которомъ была написана картина, тѣмъ болѣе удивлялись поэту или художнику. Любимыми тема-

ми не только для драмъ, но и для повѣстей сдѣлались артисты. Кукольникъ въ своихъ пяти-актныхъ драмахъ, Полевой въ своихъ многотомныхъ романахъ представляли различныхъ артистовъ и художниковъ въ апоѳеозѣ. Кукольникъ кромѣ того еще пустилъ въ ходъ патріотическія драмы съ трескучими фразами, въ которыхъ нѣмцевъ выбрасывали изъ оконъ, при дикихъ крикахъ и рукоплесканіяхъ райка. Полевой соперничалъ съ нимъ въ такомъ патріотизмѣ и еще придавалъ ему пошлый, сантиментальный колоритъ. Оба они наперерывъ другъ у друга пожинали сценическіе лавры.... Все это было однако до такой степени лицемѣрно и фальшиво, что не могло долго держаться....

Петербургская журналистика представляла также не совсѣмъ привлекательное зрѣлище: Полевой являлся уже совершенно безцвѣтнымъ и выдохшимся въ «Сынѣ Отечества», съ появленіемъ каждаго нумера теряя свой нравственный кредитъ.... О Сеньковскомъ, я говорилъ. О Булгаринѣ и другихъ журналистахъ говорить нечего.... Второстепенные петербургскіе литераторы писали только такъ, по рутинѣ и для собственнаго удовольствія, подражая первостепеннымъ и не заботясь ни о какихъ вопросахъ и теоріяхъ, даже о теоріи искусства для искусства....

Тоска и апатія невольно овладѣвала въ такой средѣ... Ни живаго слова, ни живаго звука при литературныхъ сходкахъ: или одни и тѣ же фразы объ искусствѣ, которыя всѣмъ прискучили и повторялись уже вяло, или литературныя сплетни, выводившія литераторовъ изъ апатіи и оживлявшія ихъ на минуту.

Даже имя Пушкина уже не такъ электризовало меня, какъ прежде. Его *Русскія сказки* и *Анджело* непріятно подѣйствовали на всѣхъ его многочисленныхъ и восторженныхъ поклонниковъ; его «Современникъ» былъ довольно холодно принятъ и въ литературѣ и въ публикѣ (*). Большинство говорило, что поэту не слѣдовало пускаться въ журналистику, что это не его дѣло. Начинали поговаривать, но еще робко, что Пушкинъ старѣетъ, останавливается, что его принципы и воззрѣнія обнаруживаютъ недоброжелательство къ новому движенію, къ новымъ идеямъ, которыя проникали къ намъ изъ Европы медленно, но все-таки проникали, возбуждая горячее сочувствіе въ

(*) Одна только статья Гоголя въ 1 № «Современника»: «о движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 году» надѣлала большаго шуму въ литературѣ, и произвела очень благопріятное впечатлѣніе на публику.

молодомъ поколѣніи. И несмотря на то, что въ художественномъ отношеніи Пушкинъ достигалъ совершенства съ каждымъ новымъ своимъ произведеніемъ, молодое поколѣніе начинало замѣтно охлаждаться къ поэту, и только неожиданная и трагическая смерть его возвратила ему общее горячее сочувствіе....

. . . .

Въ обществѣ неопредѣленно и смутно уже чувствовалась потребность чего-то свѣжаго и новаго. И въ эту минуту вдругъ является Гоголь....

«Ревизоръ» Гоголя имѣлъ успѣхъ колоссальный, но въ первыя минуты этого успѣха никто даже изъ самыхъ жаркихъ поклонниковъ Гоголя не понималъ вполнѣ значенія этого произведенія и не предчувствовалъ, какой огромный переворотъ долженъ совершить авторъ этой комедіи. Кукольникъ послѣ представленія «Ревизора» только иронически ухмылялся и, не отрицая таланта въ Гоголѣ, замѣчалъ: «а все-таки это фарсъ, недостойный искусства.»

Вслѣдъ за Гоголемъ появляется Лермонтовъ. Бѣлинскій своими рѣзкими и смѣлыми критическими статьями приводитъ въ негодованіе литературныхъ аристократовъ и всѣхъ отсталыхъ и отживающихъ литераторовъ, и возбуждаетъ горячую симпатію въ новомъ поколѣніи.

Новый, свѣжій духъ уже вѣетъ въ литературѣ....

—

Кольцовъ, какъ я говорилъ, возбудилъ во мнѣ непреодолимое желаніе познакомиться съ Бѣлинскимъ, съ которымъ я уже былъ въ перепискѣ, и съ его друзьями.

Случай къ этому скоро представился.... По нѣкоторымъ домашнимъ обстоятельствамъ, я долженъ былъ уѣхать на время изъ Петербурга....

Я написалъ письмо къ Бѣлинскому, что скоро надѣюсь его видѣть.... и съ трепетнымъ наслажденіемъ приготовлялся къ минутѣ этого свиданія....

Я выѣхалъ изъ Петербурга 9 апрѣля 1839 года....

—

Въ Москвѣ, кромѣ Бѣлинскаго, ожидало меня знакомство съ Грановскимъ, Аксаковыми, Хомяковымъ, Кудрявцевымъ, Коршемъ (Е. Ѳ.), Катковымъ, Б—ымъ, Боткинымъ (В. П.), Клюшниковымъ (печатавшимъ свои стихотворенія подъ буквою—Ѳ—въ «Наблюдателѣ» Бѣлинскаго и потомъ въ «Отечественныхъ За-

пискахъ»).... Я вступалъ въ новую среду, не имѣвшую ничего общаго съ описанною мною.... Этой средѣ я обязанъ всѣмъ. Въ ней начинала пробуждаться и развиваться моя мысль, въ ней я получилъ сознаніе человѣческаго достоинства и пріобрѣлъ тѣ убѣжденія, которыя осмыслили мою жизнь.... Бѣлинскому и его друзьямъ, кромѣ моего развитія, я обязанъ самыми лучшими, самыми счастливыми минутами въ моей жизни....

Но объ нихъ я буду говорить во второй части моихъ «Литературныхъ Воспоминаній»....

Я подхожу къ времени уже слишкомъ близкому къ намъ, и потому продолжать мои «Воспоминанія» въ послѣдовательномъ порядкѣ—не нахожу возможнымъ.... Изъ второй части я представлю впрочемъ нѣсколько отрывковъ о Грановскомъ, Бѣлинскомъ, Гоголѣ, Аксаковыхъ и Загоскинѣ....

ИВ. ПАНАЕВЪ.

МѢЩАНСКОЕ СЧАСТЬЕ.

ПОВѢСТЬ ПЕРВАЯ.

Егоръ Иванычъ Молотовъ думалъ о томъ, какъ хорошо жить помѣщику Аркадію Иванычу на бѣломъ свѣтѣ, жить въ той деревнѣ, гдѣ онъ, помѣщикъ, родился, при той рѣкѣ, въ томъ домѣ, подъ тѣми же липами, гдѣ протекло его дѣтство. При этомъ у молодаго человѣка невольно шевельнулся вопросъ: «а гдѣ же тѣ липы, подъ которыми прошло мое дѣтство? — нѣтъ тѣхъ липъ, да и не было никогда». Припомнился ему отецъ-мѣщанинъ, слесарь, жизнь въ темной конурѣ, грязь и бѣдность, и первыя дѣтскія радости, смѣхъ и горе, и молитвы. Матери онъ не помнилъ; отецъ же ему представлялся очень живо. Онъ помнилъ, какъ, бывало, отецъ долго работаетъ, потъ выступитъ на его широкомъ лицѣ, а онъ, Егорка, тутъ же копается. Отецъ вдругъ оставитъ работу, вздохнетъ на всю комнату, ущипнетъ ребенка за щеку и скажетъ: «а поди ко мнѣ, чертёнокъ!» посадитъ его къ себѣ на колѣни, любуется на сынишку, цалуетъ его крупными губами, подымаетъ къ потолку, хохочетъ.

— Чего ржёшь, тятька?

— Что, Егорка? а?

— Ржёшь чего?

— А стихъ такой нашелъ.

— Ишь ты! отвѣчаетъ Егорка.

— А спѣть тебѣ пѣсню? спрашиваетъ отецъ.

— Спой, тятька.

И поетъ отецъ дряннымъ голосомъ пѣсню.—Дѣтская жизнь Егора Иваныча совершилась въ грязи и бѣдности, а вотъ и теперь онъ вспоминаетъ ее съ добрымъ чувствомъ. Егорушка былъ мальчикъ бойкій: подпилки, клещи, бурава, отвертки, обрѣзки желѣза и мѣди — замѣняли ему дома игрушки.

— Изъ тебя, Егорка, лихой выйдетъ мастеръ; много у тебя будетъ денегъ.

— О? говоритъ Егорка.

— Тогда не забудешь своего тятьку?

— Я тебя, тятька, не забуду...

Отецъ бесѣдовалъ съ Егоркою, какъ со взрослымъ, разговаривалъ обо всемъ, что занимало его: побранится ли съ кѣмъ, получитъ ли новый заказъ, болитъ ли у него съ похмѣлья голова, — все разскажетъ сыну.

— Башка трещитъ, Егорка: вчера хватилъ лишнее. Выростешь, не пей много.

— Я, тятька, пиво буду пить...

— И молодецъ!... Ты у меня молодецъ вѣдь?

— Еще бы! отвѣчаетъ сынъ.

Иногда отецъ совѣтуется съ нимъ.

— Вотъ, Егорка, деньги получилъ за работу, а завтра праздникъ: такъ мы щей сваримъ, пирогъ загнемъ, да еще чего бы? Киселя, аль каши?

— Каша не въ примѣръ лучше...

— Ну, такъ каши, соглашается отецъ.

И во всемъ такъ: идетъ ли отецъ гулять, въ церковь, въ гости — вездѣ съ нимъ Егорка. Мальчикъ свободно относился къ отцу, точно взрослый, да и живетъ онъ дома не безъ пользы: онъ и въ лавочку сбѣгаетъ, и заказъ отнесетъ, съумѣетъ и кашу сварить, и инструментъ отточить, и пьянаго отца раздѣнетъ, спать уложитъ, да еще приговариваетъ:

— Ну, ложись!... ишь ты нарѣзался!...

— Молчи, Егорка!

— Ладно, не разговаривай, лежи себѣ...

Вотъ въ подобныхъ случаяхъ выпадали тяжелыя минуты въ жизни Егорки. Иногда придетъ отецъ сильно пьяный, злой, не покладный, и ни съ того, ни съ другаго поколотитъ сына...

— Не озорничай, тятька!... чортъ этакой!... право, чортъ! отвѣчаетъ ему сынъ.

— Врешь, каналья, врешь!.. Я тебѣ овчину-то натреплю...

При этомъ отецъ ловитъ Егорку за вихоръ и обижаетъ его. На другой день отецъ все припомнитъ; ему совѣстно, онъ не знаетъ, какъ и взглянуть на Егорку, какъ приступиться къ нему. Отецъ молчитъ и сынъ молчитъ; у обоихъ лица пасмурныя. Подъ вечеръ, выглянувъ изъ-подлобья, отецъ сказалъ:

— Полно, Егорка; ну, тебя...

— А! теперь и рожу въ сторону!... стыдно небось стало?... а ты не дерись!...

— Да ну тебя...

— Ишь нарѣзался, на стѣны лѣзетъ!

Отецъ замолчалъ. Прошло нѣсколько мучительныхъ минутъ. Отецъ тяжело вздохнулъ на всю комнату. Егорка выглянулъ сердито и сказалъ:

— Въ лавочку, что ли, надо? давай! Чего молчишь-то? тутъ нечего молчать!...

Такая уступка со стороны Егорки служила шагомъ къ примиренію, и у отца отлегло отъ сердца. Впрочемъ, случалось, что отецъ и въ трезвомъ видѣ давалъ своему сыну потасовку. Заспорятъ иногда: отецъ хочетъ киселя, а сынъ каши; отецъ закричитъ: «молчи!», а сынъ отвѣчаетъ: «чего молчи? я тебѣ дѣло говорю». Отецъ и натрясетъ ему вихоръ. Только тогда ужь отцовъ верхъ, и Егорка не знаетъ, какъ подойти къ нему. Но ссоры рѣдко случались; отецъ большею частію соглашался, что «каша не въ примѣръ лучше киселя», тѣмъ дѣло и кончалось.

Слесарь былъ человѣкъ безграмотный; зналъ онъ свое ремесло, нѣсколько молитвъ на память и безъ смысла, много пѣсенъ и много сказокъ; работу онъ любилъ и часто говаривалъ: «Богъ труды любитъ, Егорка», «кто трудится, свое ѣстъ». Вотъ и весь нравственный капиталъ, который онъ могъ передать своему сыну. Богъ знаетъ, что бы вышло впослѣдствіи изъ мальчика? вѣроятно, второй экземпляръ отца, слесаря, Ивана Иванова Молотова.

Но судьба готовила ему иную жизнь. Егорушка скоро лишился отца. Тогда одинъ профессоръ, по имени Василій Иванычъ, — а фамиліи не скажемъ, — у котораго слесарь работалъ и которому понравился сынъ его, взялъ Егорушку къ себѣ. Василій Иванычъ былъ странный старикъ, и судьба его была странная. Съ-молоду ему трудно было побѣдить науку, но онъ побѣдилъ ее; хворалъ отъ безсонныхъ ночей, но все-таки взялъ свое,

вѣря въ истину, что терпѣніе и усидчивость все преодолѣваютъ, что въ терпѣніи геній. Онъ въ прежніе годы даже водку пилъ, на томъ основаніи, что умный человѣкъ не можетъ не пить, не любитъ женщинъ, — тоже на ученыхъ основаніяхъ; былъ неопрятенъ, разсѣянъ, нюхалъ табакъ. Онъ довольно поработалъ на своемъ вѣку, много перевелъ нѣмецкихъ и французскихъ книгъ, а нѣкоторыя изъ его статей и теперь еще имѣютъ значеніе, какъ матеріалы. За наукою онъ такъ и позабылъ жениться. Но чѣмъ онъ становился старѣе, тѣмъ дѣлался опрятнѣе, водки терпѣть не могъ, и съ завистью смотрѣлъ на женатыхъ людей. Жизнь, построенная на ученыхъ основаніяхъ, сказалась; ему хотѣлось наверстать безсемейность, и онъ полюбилъ своего воспитанника страстно. Бѣда къ старой дѣвѣ попасть на воспитаніе, но если старый холостякъ полюбитъ ребенка, то онъ полюбитъ его горячо: такъ бабушки любятъ своихъ внуковъ. И Василій Иванычъ скоро превратился въ бабушку, — и то умная была бабушка, хотя довольно старопечатная, древле-славянская. Егоръ Иванычъ, какъ теперь, видитъ честное лицо старика, его широкій лобъ въ морщинахъ, его добрые глаза подъ синими очками. Но Егорушка не сразу сошелся съ своимъ воспитателемъ; онъ слушался его во всемъ, учился прилежно, но все дичился чего-то и боялся: самъ не вздумаетъ подойти къ старику, а все надобно позвать; не приласкается къ нему, ничего не попроситъ; капризовъ никакихъ; всегда скроменъ, тихъ и застѣнчивъ. Старикъ замѣтитъ ему что нибудь — безъ строгости, ласково и осторожно, чтобы не обидѣть, а мальчикъ все-таки испугается, съежится и потомъ усиленно слѣдитъ за каждымъ своимъ шагомъ. — «Что это значитъ?» думалъ съ безпокойствомъ старый человѣкъ. — А дѣло было очень просто. То же бываетъ въ сельскихъ школахъ: онъ, въ глазахъ ребенка, былъ «на барина похожъ». Если учитель говоритъ ученикамъ-мужичонкамъ: «эй, вы!... тише!... Слушай!... когда входите въ школу, то сапоги, а у кого ихъ нѣтъ, то ноги — вытирайте въ сѣняхъ; въ ладонь не сморкаться; на улицѣ должны мнѣ шапку снимать; не говорить мнѣ «ты», а «вы» и т. п., что найдетъ онъ нужнымъ замѣтить, — повѣрьте, школьникъ-мужичонко рѣдко заставитъ повторять сказанное, почти всегда сразу запомнитъ и потомъ строго слѣдитъ за собою. Какъ-бы то ни было, учитель, если онъ только не деревенскій дьячокъ, все же ходитъ въ сюртукѣ, подъ-часъ въ шляпѣ и съ

тростью въ рукахъ; значитъ, онъ на барина похожъ, а барина мужичонко слушаетъ полнымъ ухомъ. Сначала и Егорушка съ тѣмъ же чувствомъ относился къ своему воспитателю. Кромѣ того, у Егорушки не было товарищей. Потребность товарищества для дѣтскаго сердца старый человѣкъ опустилъ совсѣмъ изъ виду, и понятно, что въ началѣ Егорушкѣ тяжело было, дико было среди комнатъ профессора, которыя ему казались уже очень чистыми и громадными послѣ отцовской конуры. Ему хотѣлось бы повидаться съ Микиткой-беззпалымъ, съ которымъ онъ познакомился въ кабакѣ, куда, бывало, отецъ посылалъ его за виномъ, — повидаться съ Лешкой-столяровымъ, съ Машуткой подкидышемъ, которой онъ покровительствовалъ и за которую часто дирался съ уличными друзьями; хотѣлось бы, задравши лихо рваный козырь на шапкѣ, запустить свинчатку въ конъ; часто ему чудился молотъ наковальни, визгъ желѣза и мѣди; его тянуло за церковную ограду, куда цѣлыми стаями собирались оборваныя дѣти. Потому-то онъ иногда гдѣ нибудь въ углу плакалъ потихоньку, чтобъ никто не видѣлъ; онъ любилъ заходить въ кухню къ лакею профессора, человѣку старому, какъ самъ профессоръ — тамъ ему было привольнѣе.

— Что ты, Егорушка, все скучаешь? спросилъ его однажды слуга.

— Домой хочу, отвѣтилъ мальчикъ, и вдругъ разрыдался.

— Что ты?... что ты?... Богъ съ тобой! говорилъ оторопѣвшій слуга:—вѣдь ты теперь барчонкомъ сталъ.

Мальчикъ плакалъ....

— Ну, на, голубчикъ мой, съѣшь вотъ это, съѣшь, Егорушка.

Лакей гладилъ мальчика по головѣ и совалъ ему въ ротъ кусокъ сахару; но тотъ все плакалъ.

— Эка бѣда! сказалъ лакей и пошелъ позвать профессора....

— Домой хочу, твердилъ Егорушка и Василью Иванычу.

— А у меня жить не хочешь? спросилъ старикъ.

— Не хочу.

Крѣпко задумался профессоръ....

— Вѣдь здѣсь лучше, Егорушка!

— Нѣтъ, дома лучше....

— Пойдемъ же домой, сказалъ старикъ....

И вотъ пришли они на старую квартиру, гдѣ прежде Егорушка жилъ съ отцомъ. Тамъ теперь поселился сапожникъ, все перемѣнилось; мальчикъ не узналъ своего стараго гнѣзда.

— Сходимте на ограду, попросился онъ.

И здѣсь Егорушка не встрѣтилъ никого изъ старыхъ знакомыхъ.... Тогда Егорушка остановился съ недоумѣніемъ, подумалъ, взглянулъ пытливо на профессора и потомъ застѣнчиво, потупясь въ землю, шопотомъ сказалъ:

— Къ Машуткѣ сходимте...

— Къ какой Машуткѣ?

— Вонъ тамъ живетъ....

Старикъ подумалъ, покачалъ головой, однако согласился.... Но оказалось, что Машутку отдали въ науку, на другой конецъ города. Тогда-то понялъ Егорушка, что старая жизнь никогда не воротится, нигдѣ ея не отъищешь, пропала она. Мальчикъ инстинктивно прижался къ старику. Это тронуло старика.

— Ты мой теперь, Егорушка, сказалъ онъ.

Много было добраго, стариковскаго чувства въ этихъ словахъ. Егорушка невольно поддался ихъ вліянію, и съ той минуты сталъ довѣрчивъ къ старику и полюбилъ его. Они весь вечеръ провели вдвоемъ. Егорушка разсказывалъ о своей прежней жизни, и профессоръ подивился, какъ сильно былъ привязанъ этотъ мальчикъ къ своему углу, къ отцу, старымъ товарищамъ и играмъ.

Съ тѣхъ поръ старикъ внимательно слѣдилъ за Егорушкою, слушалъ его разсказы, выпытывалъ его понятія и наклонности, и скоро увидѣлъ, что мальчикъ имѣлъ доброе сердце и хорошія способности, но грубоватъ, не отёсанъ, съ дикими понятіями о Богѣ, людяхъ, жизни и природѣ. Старикъ сталъ проводить съ нимъ вечера, разсказывалъ совершенно о иномъ Богѣ, какого онъ и не зналъ до сихъ поръ; ему не вѣрилось сначала, что Богъ совсѣмъ не тотъ старикъ, котораго онъ видѣлъ на иконѣ. То же самое случилось, когда старикъ усердно и радушно старался объяснить ему явленія природы и разсказывалъ объ историческихъ лицахъ и событіяхъ. Многія внушенія и взгляды впослѣдствіи, когда Молотовъ развился, отвѣдалъ новой науки и сталъ самостоятельно вглядываться въ природу и жизнь, — были отвергнуты имъ: тогда снова, въ третій разъ, онъ увидѣлъ, что Богъ и люди совсѣмъ не то, что онъ думалъ; но теперь все было для него въ рѣчахъ старика поразительно и ново, онъ увлекался, для него открылся новый, до тѣхъ поръ невѣдомый, роскошный нравственный міръ. Не долго совершалась борьба въ дѣтской душѣ; Егорушка скоро бросилъ старую

жизнь. Онъ не перессталъ любить своего отца, старыхъ знакомыхъ и товарищей, но ему жалко было ихъ, и онъ усердно молился за нихъ Богу. Иному невѣроятнымъ покажется, что въ дѣтской душѣ, на двѣнадцатомъ году жизни, могла бы совершиться серьёзная моральная борьба, какая бываетъ въ душѣ юноши. Да, невѣроятно, потому что мы родились въ болѣе или менѣе образованной средѣ и многія истины приняли обыденный характеръ въ нашей жизни; а неужели вы думаете, что двѣнадцать лѣтъ невѣжества легко уступятъ новой жизни? Онъ до сихъ поръ помнитъ, какихъ мученій моральныхъ и сомнѣній стоила ему та истина, что не Илья пророкъ производитъ громъ. Ничего сразу не давалось, ничему новому не вѣрилось, его не тому училъ отецъ. Спорить съ профессоромъ онъ не могъ, силъ не хватало, но его дѣтскія убѣжденія были органическими убѣжденіями, вошли въ него съ молокомъ матери, развились подъ вліяніемъ отца. Потому и совершалась въ его душѣ борьба серьёзная, съ болью, хотя исходъ она получила скоро, потому что Егорушка былъ молодъ, а старикъ уменъ и вкрадчивъ. Нравственная работа принесла пользу Молотову: онъ научился не вѣрить старинѣ и авторитету,—и то, что нами въ молодости принимается на слово, вотъ такъ, какъ онъ принималъ на слово, что Илья гремитъ на небѣ, у него было переварено собственной головой; онъ привыкъ къ самодѣятельности, къ умѣнью отрѣшаться отъ ложныхъ взглядовъ. Онъ сталъ человѣкомъ способнымъ къ развитію, и потому-то впослѣдствіи онъ бросилъ многія убѣжденія, воспитанныя въ немъ старикомъ: у него стало на то силы; но онъ не посмѣялся надъ старикомъ, потому что когда-то вѣрилъ ему. Мальчикъ полюбилъ науку; онъ инстинктивно чувствовалъ, что чрезъ нее только станетъ человѣкомъ, потому что онъ не былъ породистымъ мальчикомъ. Старикъ радовался, глядя на ребенка, какъ онъ усидчиво занимается книгою, и чрезъ годъ нельзя было узнать въ Егорушкѣ прежняго Егорку — грязнаго, оборваннаго, босоногаго, изъ устъ котораго нерѣдко слышалось площадное бранное слово. Микитка-безпалый, увидавъ его, не повѣрилъ бы, что этотъ мальчикъ, такъ прилично, по-барски одѣтый, такъ скромно идущій по улицѣ, былъ слесарскій Егорка, прежній другъ его закадычный. Перемѣна въ жизни Егорушки, очевидно, была къ лучшему. Но у него попрежнему не было игрушекъ, дамочекъ фарфоровыхъ и гусаровъ деревянныхъ, бубен-

чиковъ и лошадокъ, барабановъ и солдатскихъ киверовъ; онъ, послѣ уроковъ, что нибудь строгалъ, лѣпилъ или рисовалъ; страсть къ такимъ занятіямъ у него осталась навсегда. Если же ему не хотѣлось ничего мастерить, онъ уходилъ въ кухню къ лакею, или садился у камина и смотрѣлъ въ огонь, или же былъ подлѣ старика. Эта уединенная жизнь въ товариществѣ старыхъ людей, рѣдкіе ученые гости, рѣдкіе выѣзды, причемъ мальчикъ на короткое время видѣлся съ другими дѣтьми, отсутствіе женщинъ, серьёзныя рѣчи — положили особый отпечатокъ на личность дитяти. Жизнь въ кабинетѣ старика сдѣлала его застѣнчивымъ, противъ чего онъ послѣ долго боролся. Онъ остался нѣсколько угловатъ и неловокъ, тѣмъ болѣе, что и самъ профессоръ не былъ свѣтскимъ человѣкомъ. Егорушка былъ не по-дѣтски серьёзенъ, но въ то же время у него не было идеальной худобы въ тѣлѣ и блѣдности въ лицѣ; это былъ не замореный мальчикъ; онъ былъ очень здоровъ.

Быстро пролетѣлъ гимназическій курсъ. Молотовъ выросъ, развился, но въ сущности жизнь его мало перемѣнилась. Онъ сталъ больше ростомъ и ученѣе, съ товарищами мало сошелся, въ гимназіи былъ только во время классовъ, считался умнымъ мальчикомъ и шелъ въ первыхъ ученикахъ. Только за полтора года до университета онъ узналъ дружбу, коротко сблизившись съ сыномъ одного чиновника, Андреемъ Негодящевымъ. Они оба попали въ университетъ казенно-коштными студентами. Дружба ихъ была оригинальная; ихъ называли «непримиримыми друзьями», потому что они постоянно бранятся и спорятъ между собою, а одинъ безъ другаго жить не могутъ. Бывало, придутъ послѣ лекціи, станутъ читать какого нибудь поэта или философскую статью, заспорятъ, раскричатся, дѣло коснется личностей, обоихъ заберетъ самолюбіе, начнутся насмѣшки, чуть не брань. Какъ ужиться при подобныхъ условіяхъ? Но въ слѣдующій разъ они опять встрѣчаются съ радостію, и, нисколько не стѣсняясь, сообщаютъ одинъ другому всевозможные вопросы и всѣ личные взгляды, и это не по обязанности, что друзья должны быть откровенны, а просто имъ не удержаться было отъ разговору. Оба они не любили прѣсной дружбы, а потому часто они выводили одинъ другаго на свѣжую воду. Профессоръ удивлялся ихъ ярымъ рѣчамъ; иногда вставитъ и свое слово; тогда оба дружно сцѣпятся со старикомъ, начнутъ доказывать отсталость его идей. Добродушный Василій Иваныч

замахаетъ руками; «ладно, ладно!» кричитъ: «мы стары!... гдѣ намъ?» — Такъ что жь такое, что стары? напустятся на него студенты.—«Отстаньте!» отвѣтитъ имъ старикъ, закроетъ уши руками и уйдетъ въ кабинетъ. Наши друзья продолжаютъ воевать. И какъ могли сойдтись эти совершенно противоположные характеры? Одинъ былъ сынъ мѣщанина, другой чиновника; одинъ выросъ въ большой семьѣ, между братьями и сестрами, другой въ товариществѣ стараго профессора. Молотовъ любилъ говорить о широкихъ началахъ, обще-міровыхъ идеяхъ и замогильныхъ вопросахъ; «жизнь, природа, человѣчество» — на этихъ предметахъ постоянно вертѣлись его мысли; онъ смотритъ идеалистомъ, хотя странно, онъ всегда остороженъ, аккуратенъ, осмотрителенъ и всегда у него есть деньги; Негодящевъ же терпѣть не могъ общихъ разсужденій, говорилъ все о карьерѣ, называлъ себя практическимъ человѣкомъ, хотя и часто бывалъ безъ деньжонокъ, любилъ кутнуть и иногда пропускалъ лекціи, необходимыя, для студента. Негодящевъ былъ на юридическомъ факультетѣ, и говорилъ, что онъ пойдетъ въ чиновники; Молотовъ — на историческомъ, и никогда не думалъ, что изъ него выйдетъ. Негодящевъ былъ ловокъ, рѣчистъ, иногда лгалъ немного, мастеръ поддѣлываться подъ характеръ людей; онъ былъ франтъ и всегда одѣтъ щегольски; а Молотовъ—тяжолъ, говорилъ много—не когда угодно, а лишь въ минуту увлеченія, прямъ былъ на слова и рѣзокъ, не податливъ: на немъ мундиръ сидѣлъ не такъ ловко. Молотовъ не сразу усвоивалъ принципы новой жизни, но они крѣпко вростали въ его душу; Негодящевъ увлекался быстро. Негодящевъ уже успѣлъ влюбиться и поклясться дочери одного чиновника въ вѣчномъ и пламенномъ чувствѣ, въ чемъ и сознался другу въ задушевной бесѣдѣ; а другъ отвѣчалъ, что онъ не понимаетъ еще этого чувства, что онъ мало видалъ женщинъ и совсѣмъ ихъ не знаетъ. Негодящевъ говорилъ, что онъ довольно опытный человѣкъ и людей нѣсколько знаетъ. Негодящевъ былъ болѣе пессимистъ, а Молотовъ—оптимистъ. Они и наружностью не похожи: Негодящевъ высокаго роста, блѣднолицый, черномазый и съ волосами до плечъ, а Молотовъ средняго роста, плечистый, съ румянцемъ на широкомъ лицѣ, коротко остриженъ, глаза у него сѣрые... Такъ, по законамъ дружбы, существующимъ искони, сошлись между собою люди противоположныхъ характеровъ. Но дружба, основанная на этихъ законахъ, рѣдко бываетъ прочна и кон-

чается добромъ; такая дружба обманчива, ее разъѣдаетъ постоянное противорѣчіе, въ ней зрѣетъ вражда. Случилось то, что часто случается съ такими друзьями: Молотовъ попрекнулъ чѣмъ-то Негодящева, и они разругались не на животъ, а на смерть. Тогда Молотовъ испыталъ ту молодую ненависть, когда вчерашній другъ представляется ни больше, ни меньше, какъ гадиной, оскверняющей человѣчество, когда думается, что самое ужасное наказаніе другу — презрѣніе къ нему, хотя другъ то же самое думаетъ, и когда оба рады примириться, только не хочется первому просить мира. Молотовъ и Негодящевъ воображали, что они ненавидѣли другъ друга, а между тѣмъ они любили другъ друга; они еще не знали, что значитъ ненавидѣть.

Тогда же съ Молотовымъ случилось и другое несчастіе. Его старикъ опасно занемогъ. Молотовъ дни и ночи проводилъ у постели больнаго. Горькое настало время. На шестнадцатый день старый человѣкъ сказалъ Молотову:

— Скоро умру, Егорушка... вся грудь высохла... не забывай меня... поминай...

Молотовъ наклонился и поцаловалъ его руку.

— Утѣшилъ ты меня, Егорушка... спасибо... и я тебя любилъ...

Молотовъ заплакалъ.

— Полно... не плачь... что жь дѣлать? говорилъ шопотомъ умирающій: — пора!..

Старикъ тоскливо посмотрѣлъ на Молотова. Потомъ онъ сталъ говорить о завѣщаніи, — это самая бываетъ трудная и мучительная минута для присутствующихъ, когда человѣкъ актомъ, на гербовой бумагѣ совершеннымъ, отказывается отъ всѣхъ правъ собственности и власти, какія успѣлъ пріобрѣсти во всю жизнь свою... Молотовъ рыдалъ, а старикъ говорилъ, что у него есть статьи, приказывалъ отослать ихъ въ Москву, деньги за нихъ назначилъ на раздачу нищимъ, велѣлъ поминать Евдокію, сестру его, умершую давно уже, и давалъ предсмертныя увѣщанія:

— Честно живи, Егорушка... Богу молись... старшихъ почитай...

Потомъ больной велѣлъ принести образъ и, благословивши своего воспитанника, забылся на время. Молотовъ отошелъ къ окну и долго смотрѣлъ безсмысленно на улицу. Чувство сильнаго горя и одиночества охватило душу восемнадцатилѣтняго

юноши. «Одинъ во всемъ мірѣ!»—эта мысль подавляла его душу, жала мозгъ его. Но... настала развязка старой жизни. Молотовъ подошелъ къ постели: старикъ лежалъ неподвижно; глаза были открыты...

— Добрый мой учитель, прошепталъ Молотовъ, поцаловалъ его въ лобъ, поцаловалъ его руку и закрылъ глаза.

Долго онъ смотрѣлъ въ лицо мертвому — оно было спокойно и безотвѣтно.

На третій день похоронили профессора. На похоронахъ была все ученая братія, все старики, одинъ лишь молодой человѣкъ— Молотовъ, и ни одной женщины. Помянемъ добрымъ словомъ человѣка добраго и не мало потрудившагося на вѣку своемъ...

Наслѣдства Молотовъ получилъ около четырехъ тысячъ ассигнаціями, бо̀льшую часть мебели онъ продалъ, переѣхалъ на новую квартиру, гдѣ и повѣсилъ портретъ старика надъ диваномъ. На новой квартирѣ скучно проходили каникулы. Молотовъ пошелъ однажды къ товарищу Череванину, о которомъ говорили, что онъ «съ философскимъ направленіемъ» (мы съ нимъ встрѣтимся еще) и у котораго любили собираться студенты. Здѣсь онъ встрѣтился съ Негодящевымъ. Въ душѣ Молотова шевельнулось все доброе старое, слезы стали къ горлу подступать. Негодящевъ отвернулся въ сторону. Молотовъ первый заговорилъ:

— Андрей, полно злиться...

Что, если бы его оттолкнулъ Негодящевъ? Но этого быть не могло. Возвращеніе отъ вражды къ дружбѣ было внезапно. Негодящевъ бросился на шею къ Молотову. Они поумнѣли, вспомнили вражду, хохоту было не мало.

— Андрей, сказалъ Молотовъ: — мы теперь будемъ осторожнѣе.

— А что?

— Опять поссоримся.

— И помиримся опять — вотъ и все.

— Опять переѣдаться будемъ?

— Будемъ.

— Ну, какъ хочешь.

Тѣмъ и кончили. Быстро понеслось время. Теперь только, во второмъ курсѣ, Молотовъ сошелся съ товарищами. Его полюбили. Молотову прекрасными людьми представлялись товарищи — бодрые, смѣлые, честные, за общее благо готовые на всѣ жер-

твы, оригиналы. Не думалось тогда Егору Иванычу, что многіе изъ нихъ потеряютъ и бодрость, и смѣлость, и оригинальность, и способность къ жертвамъ, а нѣкоторые даже.... и честность. Но тогда вѣрилось и жилось хорошо. Вообще онъ мало зналъ жизнь; у него было мало знакомыхъ: знакомъ онъ былъ съ семействомъ Негодящева и съ семействомъ еще одного чиновника, Игната Васильевича Дорогова, съ купцомъ, у котораго училъ сына, да съ хозяйкой своей квартиры. Онъ жилъ товарищеской и университетской жизнью. Между тѣмъ Молотовъ никогда не имѣлъ претензіи на ученую или художественную карьеру; ему придется дѣйствовать въ чисто практической сферѣ, одному, безъ друзей, безъ родни, безъ знакомыхъ, безъ яснаго сознанія цѣли въ жизни, но съ дѣтски яснымъ взглядомъ на міръ Божій. Какъ-то онъ будетъ жить въ людяхъ съ подобною подготовкою?

По окончаніи курса, Негодящевъ уѣхалъ въ губернію на службу. У Молотова отъ наслѣдства остались кое-какія крохи, и онъ нѣсколько времени промышлялъ въ столицѣ дешевыми уроками, и вотъ уже три мѣсяца живетъ у помѣщика, Аркадія Иваныча Обросимова.

Съ балкона барскаго дома открывается во всѣ стороны прекрасный видъ: деревня въ яблонныхъ и липовыхъ садахъ; направо, налѣво виднѣются еще деревушки; на горѣ церковь, отовсюду лѣса, пашни и луга; къ западу бѣжитъ рѣчка — небольшой притокъ Волги. Тишина стоитъ въ воздухѣ; природа облита заревомъ вечерняго солнца. На балконѣ Егоръ Иванычъ Молотовъ и Елена Ильинишна Илличова—молодой человѣкъ и молоденькая, хорошенькая дѣвушка; значитъ, повѣсть начинается. Они смотрятъ на дорогу, на дорогѣ поднялась пыль, слышны голоса животныхъ, идетъ стадо съ поля; съ другой стороны шлепаетъ огромное стадо гусей и утокъ—все это повалило мимо барскаго дома. Леночка имѣла полное право сказать:

— Какая поэзія!... прелесть!...

Молотовъ молчалъ.

— Посмотрите же, Егоръ Иванычъ!...

— Гдѣ поэзія? спросилъ онъ.

— Да вотъ — стадо.

Молотовъ усмѣхнулся.

— Ну, какіе вы! сказала Леночка.

— Что же?

— Тутъ чувство нужно, а нечего умничать.

Молотовъ уклонился отъ разговора о поэзіи. Онъ, не смотря на то, что былъ юноша двадцати двухъ лѣтъ, не часто говорилъ объ интимныхъ предметахъ и важныхъ матеріяхъ. «Говорить о такихъ вещахъ», думалъ онъ: «такъ говорить серьёзно». А серьёзно говорить приходилось рѣдко. Онъ боялся фразерства, и потому не проповѣдывалъ новыхъ идей, не кричалъ о прогрессѣ, рѣдко позволялъ себѣ нѣжныя слова и возвышенныя рѣчи, хотя въ университетскомъ кружкѣ, а особенно съ Андреемъ, онъ, бывало, спорилъ до слезъ и до глубокой ночи о томъ самомъ, о чемъ теперь онъ смалчивалъ. Онъ стѣснялся завести съ женщиной разговоръ о ея призваніи, о поэзіи, о любви; онъ никогда не былъ влюбленъ, читалъ о любви, слышалъ, размышлялъ о ней, но сознательно не понималъ любви и потому боялся наговорить о ней вздору. Онъ вообще не любилъ пѣть съ чужаго голосу, проповѣдывать заученное, кидаться изъ стороны въ сторону, находясь подъ вліяніемъ только-что прочитанной статейки. Заговорятъ, напримѣръ, о любви и кто нибудь обратится къ нему за мнѣніемъ, онъ всегда какъ-то съежится и неловко уклонится отъ отвѣта, не потому, чтобы считалъ разговоръ о такомъ предметѣ пустымъ или неприличнымъ, а по какой-то непонятной застѣнчивости, робости и стыдливости, хотя онъ и не былъ тѣмъ, что называется «красною дѣвушкою». Боясь инстинктивно говорить о высокихъ предметахъ, онъ въ то же время не мастеръ поддерживать дамскій вздоръ и дребедень, хотя бы и не прочь отъ того: «что же, не все серьёзное: наука, да искусство, да восходъ солнца»; а потому въ обществѣ держался ближе къ мужчинамъ и пожилымъ дамамъ. Самая фигура его показываетъ, что онъ не созданъ дамскимъ кавалеромъ. Егоръ Иванычъ былъ средняго роста, плотно сложенъ и широкъ въ плечахъ, нѣсколько сутуловатъ; его нельзя назвать красавцемъ, но выраженіе лица доброе, и въ сѣрыхъ, огромныхъ глазахъ свѣтился умъ; лобъ большой, ноздри широкія, крупныя губы плотно сжаты, подбородокъ выдался впередъ. Онъ казался мужественнѣе своихъ лѣтъ. Егоръ Иванычъ имѣлъ большія руки, сильныя и мускулистыя, съ толстыми пальцами и коротко остриженными на нихъ ногтями; ступня ноги была большая. Внѣшніе пріемы его не были безъукоризненны: походка тяжеловата, съ переваломъ и крупными шагами; французскій языкъ зналъ, но

имѣлъ плохое произношеніе, потому и воздерживался отъ этого элегантнаго діалекта; онъ смѣялся слишкомъ громко, стѣснялся при женщинахъ въ первую минуту, а потомъ говорилъ съ ними, какъ съ мужчинами, вставляя часто словцо, нетерпимое въ дамскихъ рѣчахъ. Но онъ не былъ циникъ, былъ опрятенъ и чистоплотенъ, любилъ порядокъ и не мало сокрушался о своихъ внѣшнихъ недостаткахъ. Но эти недостатки обнаруживались сами собою, особенно, когда онъ, увлекшись, не вытерпитъ и заговоритъ, какъ прежде, въ кружкѣ товарищей: тогда, въ монологахъ, его голосъ поднимался нѣсколькими нотами выше, но лишь только ему возражали, онъ выслушивалъ спокойно, отвѣчалъ хладнокровно, и чѣмъ болѣе направляли на него насмѣшекъ и остротъ, тѣмъ онъ становился хладнокровнѣе, замѣтно сдерживая себя и сосредоточиваясь. Онъ въ этихъ случаяхъ былъ очень деликатенъ, на остроты не сердился: смѣшно, такъ и самъ смѣялся, но терпѣть не могъ, когда не давали человѣку высказываться. «Зачѣмъ говорить съ человѣкомъ, если его самого не выслушивать? онъ тогда ничего не пойметъ», и потому голосъ его тогда лишь поднимался, когда его была череда говорить. Онъ не любилъ горломъ брать. Однажды къ Обросимову заѣхалъ одинъ помѣщикъ, человѣкъ съ авторитетомъ и во всемъ околоткѣ считавшійся умнымъ. Онъ разговорился съ Молотовымъ, скоро напалъ на современную тему, взялъ молодаго человѣка за пуговицу и цѣлый часъ развивалъ свои идеи. Молотовъ цѣлый часъ усиливался вставить свое слово; авторитетъ закричитъ: «помилуйте, какъ этого не понять?» Молотовъ продолжаетъ слушать, но лишь улучитъ минуту и вставитъ свое слово, помѣщикъ опять кричитъ: «помилуйте, какъ этого не понять?» и продолжаетъ сыпать снова. Наконецъ, авторитетъ истощился и послѣднія слова его были: «кажется, ясно?» Молотовъ отвѣтилъ:— Ясно, но у меня есть *свои* возраженія. — «Помилуйте, какія же могутъ быть возраженія?» — Можетъ быть неосновательныя, но если онѣ останутся, то я все-таки.... «Могутъ-ли онѣ быть основательными», перебилъ его помѣщикъ и перешелъ къ новой темѣ.—«Зачѣмъ же онъ говорилъ со мной?» думалъ Молотовъ и назвалъ его въ душѣ болваномъ, хотя помѣщикъ говорилъ не глупо и съ этимъ соглашался и Егоръ Иванычъ. За то съ самимъ Егоромъ Иванычемъ говорить было легко.... Леночка не первый день знакома съ Егоромъ Иванычемъ. Она часто бываетъ у Обросимова, своего крестнаго отца, и не разъ проводила

время съ Молотовымъ; онъ тоже бывалъ въ гостяхъ у матери Илличовой. Леночкѣ случалось слышать, какъ Молотовъ, подавивъ въ себѣ застѣнчивость, увлекался разговоромъ. Она однажды прямо ему сказала: «я люблю, когда вы говорите», послѣ чего онъ постарался замять разговоръ. У Леночки и сегодня явилось невинное желаніе вызвать Молотова на разговоръ. Желаніе не исполнилось.

На балконъ вышелъ Аркадій Иванычъ съ дочерью, Лизаветой Аркадьевной. Лизавета Аркадьевна была женщина высокая, стройная, красивая. Она года полтора назадъ лишилась мужа, директора одного изъ петербургскихъ департаментовъ. Вдова пріѣхала къ отцу гостить весну и лѣто. Скоро вбѣжалъ на балконъ Володя, сынъ Обросимова, а наконецъ явилась и сама хозяйка, Марья Павловна. Аркадій Иванычъ предложилъ прогулку на водѣ; всѣ были согласны, и минутъ черезъ двадцать сидѣли въ лодкѣ. Молотова просили грести. Подъ его руками лодка пошла быстро. Рѣчка бѣжитъ среди липоваго лѣса и яблонь, отряхающихъ розовые цвѣты въ ея тихую воду.

— Вы устанете, замѣтила Марья Павловна.

— Ничего-съ, отвѣтилъ Молотовъ, и въ одинъ пріемъ подвинулъ лодку на полсажени.

— Я люблю быструю ѣзду, сказала вдова: — она — какъ все сильное, энергичное, выходящее изъ ряда обыденныхъ...

Въ это время лодка на поворотѣ рѣки обогнула уголъ и неожиданно изъ-за яблонь солнечные лучи ударили прямо въ глаза гребцу, что̀ заставило его опустить весла. Когда женскій страхъ прошелъ, всѣ стали смѣяться.

— Вамъ солнце мѣшаетъ, сказала Леночка, и защитила его зонтикомъ.

Леночка быстро овладѣла разговоромъ, съ удивительною легкостью переходила съ предмета на предметъ; разсказала, какъ она тонула однажды; что у нихъ новый дьячокъ; про козу свою разсказала; отъ козы перешла къ дядѣ, къ нянѣ, подругамъ; послѣ этого ей ничего не стоило заговорить о цвѣтахъ, о новомъ платьѣ; а чрезъ нѣсколько минутъ она говорила, что терпѣть не можетъ пауковъ и тараканов, что она любитъ толстыя пѣнки на сливкахъ, клубнику и запахъ резеды. Черноглазая болтунья была неистощима. Лизавета Аркадьевна смотрѣла на Леночку пристально, наблюдала ее, *изучала*, какъ любила выражаться, нарочно вызывала на болтовню, при чемъ и дѣлала тонкія про-

ническія замѣчанія. Егоръ Иванычъ видѣлъ, что Обросимовы объ Илличовой имѣли понятіе, какъ о дѣвочкѣ пустой и легкой. Только отецъ поддерживалъ свою крестницу и гостью и, казалось, понималъ ее иначе. Леночка не догадывалась, что надъ нею смѣются и съ намѣреніемъ заставляютъ говорить.

— Я завидую легкости вашего характера, сказала Лизавета Аркадьевна съ едва замѣтною улыбкою.

—Я веселая!... отвѣчала простодушно Леночка, и при этомъ ударила въ ладошки.

Проѣхали еще около версты, и потомъ положили вернуться домой. Молотовъ повернулъ лодку; ее понесло внизъ по теченью. Онъ сложилъ весла.

— Папа, позвольте мнѣ править.

Обросимовъ уступилъ дочери руль. Она довольно вѣрно повела лодку. Когда доѣхали до деревни, гдѣ жила Леночка, она просила остановиться. Высадили ее на берегъ, простились и отправились дальше. Немного погодя, Лизавета Аркадьевна сказала:

— Кисейная дѣвушка!

— Лиза! началъ съ упрекомъ отецъ...

— Да что, папа! перебила Лизавета Аркадьевна: — вѣдь жалко смотрѣть на подобныхъ дѣвушекъ — поразительная неразвитость и пустота!.. Читали онѣ Марлинскаго,—пожалуй, и Пушкина читали; поютъ: «всѣхъ цвѣточковъ болѣ розу я любила» да «стонетъ сизый голобучекъ»; вѣчно мечтаютъ, вѣчно играютъ... Ничто не оставитъ у нихъ глубокихъ слѣдовъ, потому что онѣ не способны къ сильному чувству. Красивы онѣ, но не очень; нельзя сказать, чтобы онѣ были очень глупы... непремѣнно съ родимымъ пятнышкомъ на плечѣ или на шейкѣ... легкія, бойкія дѣвушки, любятъ сантиментальничать, нарочно картавить, хохотать и кушать гостинцы... И сколько у насъ этихъ бѣдныхъ, кисейныхъ созданій!..

— Ты Леночку не знаешь, сказалъ отецъ: — оттого и говоришь такъ. Она дѣвица очень добрая.

— Добрая? отвѣтила дочь съ досадою: — знаю, очень хорошо я это знаю. Онѣ всѣ у насъ добренькія: всегда спасутъ муху изъ паутины и раздавятъ паука...

— Я тебѣ совѣтую познакомиться съ нею покороче; тогда ты ее полюбишь...

— Я ее и теперь люблю, папаша, разумѣется, какъ можно ее любить... какъ птичку... цвѣтокъ... какъ хорошенькій узоръ...

не больше.... Она не способна отвѣчать на привязанность глубокую, на страсть сильную...

— Держи отъ берега дальше, Лиза: тамъ очень мелко...

— Хорошо, папа... Скажите, чѣмъ можно привязать ее? подарить фунтъ конфетъ? шелковое платье?

— Жениха хорошаго, сказалъ Обросимовъ.

— Что, папа?

— Хорошаго жениха... только не дари ты ей портрета Жоржъ-Занда.

— Вы, пожалуй, правду сказали. Да, для этихъ дѣвушекъ одно спасенье — въ женихѣ... Пока не замужемъ, онѣ мечтаютъ... вы думаете, объ идеалѣ? нѣтъ, о душкахъ, и между тѣмъ очень хорошо понимаютъ, что вся цѣль ихъ стремленій — женихъ, о чемъ и хлопочутъ мамаши и папаши... душка самъ по себѣ.... Да и къ душкамъ своимъ эти дѣвушки имѣютъ какія-то странныя отношенія: онѣ не способны ни къ какому рѣшительному шагу, онѣ не полюбятъ безъ позволенія папаши...

— У ней, Лиза, нѣтъ отца.

— Все одно—мамаши.

— Мамаши она не боится, потому что командуетъ всѣмъ домомъ. Какъ же это, Лиза, не зная человѣка, говорить о немъ? Могла ли ты такъ скоро понять Леночку?

— Она дала мнѣ три сеанса — этого довольно: ея портретъ я могу написать во весь ростъ... Я пыталась развить ее...

— Въ три сеанса?

— По крайней мѣрѣ понять, можетъ-ли она развиться. Бываютъ натуры нетронуться, а эти? кисейная дѣвица, дѣвица-душка!

— Лиза, вѣдь ты бранишься, сказалъ отецъ.

Лизавета Аркадьева вспыхнула.

— Я знаю Леночку лучше тебя, продолжалъ Обросимовъ:— она умная и добрая дѣвица, только необразованная и держать себя не умѣетъ — въ этомъ не она виновата... Наконецъ, ты не имѣешь права говорить такъ рѣзко о Леночкѣ...

— Почему же, папа?

— Потому что ей женихъ нуженъ, пойми ты это.

— Фи, какія понятія!

— Самыя здравыя понятія. Вѣдь она не способна къ страсти глубокой? да? сама сказала, что для такихъ дѣвушекъ — одно спасенье въ женихѣ... Такъ не сбивай же ее пожалуйста съ

толку, не навязывай ей того, къ чему она не способна!.. зачѣмъ это?.. Оставь ты ее въ покоѣ... А то вѣдь «кисейная дѣвушка», «душка» — это такія выраженія, что могутъ испортить ея репутацію...

— Но, папа, могу же я имѣть свое понятіе о ней?

— Не совсѣмъ...

— Какъ такъ?

— О дѣвушкѣ не только мужчина, но и женщина должна выражаться осторожнѣе; между дѣвушкой и женщиной большая разница.

— Разумѣется, большая: дѣвушкѣ жениха нужно.

— Непремѣнно-съ...

— Отчего же, папа, послѣ этого не сказать и такъ: о мужчинѣ не только женщина, но и мужчина не долженъ говорить худо, потому что ему невѣста нужна?.. то же самое, папа!..

— Совсѣмъ не то, нисколько не похоже... Впрочемъ, Лиза, оставимъ этотъ разговоръ...

— Отчего же, папа?

— Ну, мнѣ не пріятно продолжать разговоръ... оставь пожалуйста...

Лизавета Аркадьевна замолчала. Близко была Обросимовка.

— Этакъ говорить нельзя, прибавилъ отецъ: — и твоего Жоржъ-Занда можно на смѣхъ поднять.

— Вѣдь мы оставили, папа, этотъ разговоръ....

Отецъ замолчалъ. Лодка причалила къ берегу. Всѣ отправились домой. Но Обросимовъ не утерпѣлъ и прибавилъ еще:

— Тебѣ хочется жить по-своему, и другимъ хочется. Что тебѣ за дѣло до Леночки? пусть живетъ, какъ знаетъ...,

— Ахъ, папа!... это скучно, наконецъ, отвѣтила дочь.

Тѣмъ и кончили. Обросимовъ пошелъ съ женой и сыномъ, а Лизавета Аркадьевна подошла къ Молотову. Молотовъ былъ согласенъ съ принципами вдовы, но не хотѣлъ согласиться относительно Леночки. «Она, кажется, не такая», думалъ онъ: «если она не развитая, такъ развейте; не можете, нельзя, такъ не троньте». — Такъ онъ съумѣлъ согласиться съ обоими спорившими....

— Какой чудный вечеръ! сказала Лизавета Аркадьевна, и, начавъ съ этого, она незамѣтно разговорилась, припомнила другіе вечера, проведенные ею нѣкогда въ Италіи; потомъ вспомнила Жоржъ-Занда, а тамъ перешла къ Татьянѣ Пушкина —

Татьяну побранила за то, что она не отдалась Евгенію, который отъ того и погибъ. Много о чемъ говорила вдова.... Егоръ Иванычъ больше молчалъ; Лизавета Аркадьевна не то, чтобы разговаривала съ нимъ, а больше поучала его, хотя онъ и не догадался о томъ. Когда они расстались, Молотовъ подумалъ: «какая разница бываетъ между женщинами — Леночка и Лизавета Аркадьевна!... Положимъ, Илличова—кисейная дѣвушка, а эта? не знаю. Только съ каждымъ днемъ я убѣждаюсь, что попалъ къ добрымъ людямъ....»

Егоръ Иванычъ отправился на крыльцо. Здѣсь онъ сидѣлъ одинъ-одинешенекъ, опершись подбородкомъ на ладони и глядя на длинныя сѣдыя облака, которыя еле тянулись по небу.... Настали сумерки; горитъ заревомъ лишь то мѣсто, гдѣ закатилось солнце.... Онъ сидитъ, ни о чемъ не думая.... Вѣтры утихли, спать легли; дневныя птицы молчатъ, а ночныя не подали еще своихъ голосовъ; одни насѣкомыя наполняютъ воздухъ жужжаньемъ, свистомъ и стрекотомъ, да кричатъ играющіе ребятишки — гдѣ это: у рѣки иль на задахъ?... Промычала корова... раздается плачъ ребенка: «ой, бойно, бойно; мамка, бойно!»—чего онъ плачетъ?... Какіе-то неуловимые звуки, неопредѣленные: то будто шумъ пронесется въ воздухѣ; не было вѣтру, а вотъ покачнулась береза; въ ухѣ звенитъ... Все становится темнѣе и темнѣе... тихо.... но вдругъ набѣгаетъ чуть замѣтный вѣтерокъ; онъ отсталъ отъ майскихъ братьевъ своихъ, а братья ушли туда, гдѣ спряталось солнце. Это онъ поднялъ изъ саду запахъ сиреней и тополей; отъ него, какъ мошки, полетѣли лиловые цвѣты и осыпали дорогу, крыльцо и плечи Молотова. И сидитъ Егоръ Иванычъ, и глядитъ — чего онъ тутъ глядитъ? Онъ, отдаваясь безотчетно природѣ, сливается съ нею и въ свою очередь составляетъ одно изъ явленій ея. Вонъ и старуха цѣлый часъ глазѣетъ изъ своей избушки и на Молотова, и на облака, и на кресты кладбищенскіе, и на туманную полосу воды на западѣ; и Обросимовъ глазѣетъ изъ своего окна; и кляча, вытянувъ шею и положивъ на изгородь морду, тоже глазѣетъ на все окружающее. Все сливается въ одну картину, въ единую жизнь природы, въ которой всякое мелкое явленіе, всякая былинка, звукъ, вздохъ и шорохъ поютъ, вмѣстѣ съ вами, что-то кроткое, тихое, душевное, благоуханное... Совсѣмъ сливаются предметы.... По рѣкѣ, по горамъ встали длинныя, безобразныя, громадныя тѣни... Что это?.. чудная птица, стоголосый соловей

пустилъ надъ рѣкою свой яркій, сладострастный рокотъ. Долго поетъ прекрасная птица, а рѣка спитъ подъ темно-голубыми небесами, спитъ деревня, лѣса, поля и теплый воздухъ; заснули люди и животныя... и соловей задремалъ... тише... тише... Ознобъ пробѣжалъ по тѣлу; брезжетъ утро; загорается ранняя заря, а съ ней опять майская жизнь... Такъ совершаются въ природѣ майскія погоды, цвѣтутъ весеннія звѣзды, темно-голубыя и темно-синія ночи и первыя зори!... Все это наше!... Будемъ гулять, охотиться, купаться и, измаявшись, поужинаемъ съ деревенскимъ аппетитомъ и заснемъ здоровымъ сномъ на сѣнникѣ... Вотъ и отжитъ день; онъ уже никогда не повторится въ жизни: не тѣ будутъ цвѣта и подробности, не тотъ смыслъ дня. Но жалѣть ли о немъ? Нѣтъ, пусть плетъ себѣ жизнь.... А вѣдь хорошо жить на свѣтѣ?—хорошо. Ну, и пусть его хорошо.

Мы не сказали еще, зачѣмъ и на какихъ условіяхъ Молотовъ живетъ въ Обросимовкѣ. У Аркадія Иваныча была заматорѣлая тяжба, которую онъ непремѣнно хотѣлъ покончить—такъ или иначе; для этого дѣла ему нуженъ былъ человѣкъ, который бы слѣдилъ за тяжбою, ѣздилъ въ городъ, сносился съ чиновниками; потомъ ему хотѣлось составить подробную вѣдомость своему имѣнію; потомъ надобно было привести довольно большую библіотеку въ порядокъ и составить ей каталогъ. Когда Молотову предложили заняться всѣмъ этимъ, за сорокъ рублей въ мѣсяцъ, при чемъ предлагали готовый столъ и комнату, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, — онъ отказывался совершеннымъ незнаніемъ судейскаго дѣла и деревенской статистики; но его успокоили, обѣщая поучить на первыхъ порахъ. Послѣ этого, Молотовъ, долго не думая, продалъ все, что было у него движимаго, оставивъ у себя только образокъ, которымъ благословилъ его воспитатель, портретъ его, нѣкоторыя книги и вещицы; сосчиталъ нѣсколько рублей въ портъ-моне—и покатилъ въ Обросимовку. Ему понравилась и деревня и обитатели деревни. Онъ живетъ здѣсь около трехъ мѣсяцевъ и успѣлъ познакомиться со всѣми. Особенно нравился Молотову самъ помѣщикъ; онъ былъ прекрасный хозяинъ, человѣкъ образованный, бывавшій за границею. Крестьяне называли его «отцомъ роднымъ» и благоденствовали сравнительно съ крестьянами другихъ помѣщиковъ. Въ числѣ болѣе полутысячи его крестьянъ можно было

насчитать около двадцати, ни разу не бившихъ женъ своихъ, что, какъ извѣстно, не у насъ только рѣдкость. Наказывать женщинъ онъ строго запретилъ, считая это варварствомъ. Обросимовъ даже школу хотѣлъ завести, но какъ-то не собрался. Онъ слылъ отличнымъ сосѣдомъ-хлѣбосоломъ и отличнымъ семьяниномъ. Человѣкъ онъ былъ пожилой, съ красивымъ и умнымъ лицомъ— такія лица бываютъ у нѣкоторыхъ нашихъ баръ и именно баръ дѣловыхъ; спокойствіе, увѣренность въ своихъ достоинствахъ, степенность и привѣтливость разлиты были во всей его фигурѣ. По крайней мѣрѣ, онъ такимъ представлялся Молотову.

Молотову легче было войти въ свѣтъ, нежели другимъ образованнымъ юношамъ темнаго происхожденія. Онъ спрашивалъ себя: «гдѣ тѣ липы, подъ которыми протекло мое дѣтство?» и отвѣчалъ: «нѣтъ тѣхъ липъ!» Это много значило для него; онъ не былъ связанъ ни съ какою почвой. Посмотрите на бóльшую часть людей, которыхъ судьба, такъ или иначе, выдвинула изъ среды своей, какъ они относятся къ средѣ. Какъ часто случается, купецкій сынъ, получивши образованіе, ненавидитъ свое сословіе: отвратительно для него купечество, всѣ купцы негодны и пошлы, и никогда не прибавитъ, что имъ трудно быть иными и что онъ не самъ собою, а чрезъ образованіе сталъ выше ихъ. Или вотъ иной помѣщикъ: выдернутъ его изъ степи, привезутъ въ столицу, обломаютъ его понятія, пересоздадутъ натуру барскую, научатъ совершенно иной жизни: какъ онъ потомъ относится къ степнякамъ своимъ? Послушайте вы семинариста, которому счастье благопріятствоввало развиться лучше собратовъ своихъ: онъ золъ на долбню, фискальство, формализмъ и прочую чепуху, копившуюся въ родномъ гнѣздѣ вѣками.... Всѣ они — и дворянинъ, и купецъ, и семинаристъ—отвернулись отъ своихъ собратій: «о, какъ тамъ пошло все!... дичь какая!» Откуда эта антипатія къ родной грязи, которую человѣкъ только-что успѣлъ отъ себя отскрести? Она понятна и законна. Какъ не возбудиться всей жолчи, когда зло, понятое вами и отвергнутое, вы видите въ самыхъ дорогихъ вамъ людяхъ, въ томъ гнѣздѣ, гдѣ впервые узрѣли свѣтъ Божій, гдѣ проснулся разумъ, заговорило чувство, воля попросила дѣлъ и работы? Отсюда для многихъ вытекаютъ нелѣпыя положенія. Вотъ, напримѣръ, у откупщика, скопившаго тысячи при помощи мерзостей и подлостей, сынъ усвоиваетъ гуманныя начала современной жизни, и что же выходитъ? противны ему стѣны отцовскаго

дома, а и жаль отца — вѣдь кровь родная!... Вотъ и пойдетъ мысль ломанымъ путемъ, хочется, во что бы то ни стало, доказать, что не зачѣмъ бичевать того, въ комъ зло совершается; что не лицо виновато, а законъ, обычай, форма, преданіе, сокъ и кровь житейскіе и народные; среда насъ заѣдаетъ, внѣшнія обстоятельства виноваты, дѣйствуютъ историческія причины.... Но отчего же онъ? отчего другіе уцѣлѣли?—Неисходное положеніе!... Молотовъ былъ происхожденія темнаго, мѣщанскаго, но счастливъ этотъ юноша: въ немъ не было разлада молодой жизни со старою, ему не пришлось жить въ сословіи, въ которомъ онъ родился; онъ говорилъ: «гдѣ тѣ липы, подъ которыми протекло мое дѣтство? — нѣтъ тѣхъ липъ». У Егора Иваныча никого и родни не осталось, и вышло такъ, какъ будто онъ и не былъ мѣщанскаго рода, хотя онъ и не думалъ отъ того отказываться. Онъ былъ счастливѣйшій homo novus. Все это дало ему особый отпечатокъ. Судьба, отстранивши отъ него борьбу, скрывши въ далекомъ младенчествѣ его мѣщанскую грязь, дала ему, свѣтлый, невозмущаемый взглядъ на себя; держался онъ спокойно, ровно, съ достоинствомъ; чувствовалъ себя честнымъ и свободнымъ такъ же, какъ чувствовалъ себя физически-здоровымъ. Это же самое дало ему надежду на людей; онъ былъ снисходителенъ, онъ былъ оптимистъ и любилъ приникать къ доброй сторонѣ жизни, повсюду отыскивая искру божію. Зачѣмъ же онъ говорилъ: «гдѣ тѣ липы, подъ которыми протекло мое дѣтство?» и съ грустью отвѣчалъ: «нѣтъ ихъ!» Но это была минутная грусть и минутное раздумье.

Однако, оправдывался ли его оптимизмъ? вѣдь онъ жилъ въ чужихъ людяхъ. Положеніе человѣка, живущаго въ чужой семьѣ, въ качествѣ ли учителя, секретаря, компаньона, приживальщика, въ большей части случаевъ стѣснительное, зависимое отъ нанимателя и кормильца. «Я тружусь, слѣдовательно независимъ, самъ себя знаю и ни предъ кѣмъ не хочу гнуть спицы»— такая истина рѣдко имѣетъ смыслъ въ нашихъ обществахъ. Протекцію, деньги, поклоны, пронырство, наушничество и тому подобныя качества надобно имѣть для того, чтобы добиться права на трудъ; а у насъ хозяинъ почти всегда ломается надъ наемщикомъ, купецъ надъ прикащикомъ, начальникъ надъ подчиненнымъ, священникъ надъ дьячкомъ; во всѣхъ сферахъ русскаго труда, который вамъ лично деньги приноситъ, подчиненный является нищимъ, получающимъ содержаніе отъ благодѣтеля-

хозяина. Изъ этихъ экономическихъ, чисто русскихъ, кровныхъ началъ нашихъ вытекаетъ принципъ національной независимости: «ничего не дѣлаю, значитъ—я свободенъ; нанимаю, значитъ—я независимъ»; тотъ же принципъ, иначе выраженный: «я много тружусь, слѣдовательно рабъ я; нанимаюсь, слѣдовательно чужой хлѣбъ ѣмъ». Не трудъ насъ кормитъ — начальство и мѣсто кормитъ; дающій работу — благодѣтель, работающій — благодѣтельствуемый; наши начальники — кормильцы. У насъ самое слово «работа» происходитъ отъ слова «рабъ», хотя странно, мы и у Бога не рабы, а дѣти. Вотъ отсюда-то для многихъ очень естественно и законно вытекаетъ презрѣніе къ труду, какъ признаку зависимости, и любовь къ праздности, какъ имѣющей авторитетъ свободы и человѣческаго достоинства. Существовалъ ли экономическій національный законъ въ отношеніяхъ Обросимова къ Молотову? Если да, то какъ же Егоръ Иванычъ могъ сохранить свѣтлый, невозмущаемый взглядъ на себя? Въ томъ-то и сила, что скорѣе не существовалъ, хотя и нельзя сказать того вполнѣ категорически, потому что когда же наниматель, хотя отчасти, не считаетъ себя кормильцемъ? Но уже и то хорошо, что экономическій законъ дѣйствовалъ слабо, незамѣтно. Здѣсь скорѣе дѣйствовалъ какой-то другой законъ. Обросимовъ относился къ Молотову почти какъ къ равному, ласково, добродушно, благодарилъ за всякую услугу, иногда совѣтовался съ нимъ по какому нибудь дѣлу, вводилъ въ интересы свои, такъ что Молотову казалось, будто онъ не чужой въ семьѣ. Онъ не сразу дошелъ до такого убѣжденія, боялся навязываться и напрашиваться въ «свои люди» въ чужую семью; но помѣщикъ, какъ нарочно, давалъ ему случай оказывать себѣ услуги разнаго рода и чрезъ то сближаться съ нимъ. Молотовъ, посѣщая фабрику Аркадія Иваныча, въ которой, разумѣется, онъ не много смыслилъ, успѣлъ какъ-то замѣтить нѣкоторыя продѣлки управляющаго и сообщилъ о нихъ Обросимову. То была важная услуга, потому что помѣщикъ успѣлъ спасти при этомъ порядочный капиталъ. Молотову были благодарны. Однажды Егоръ Иванычъ спросилъ, отчего это Володя не учится; ему сказали, что Володя учился, но теперь учителя нѣтъ. Жена Обросимова при этомъ выразила опасеніе, что мальчикъ многое перезабудетъ и ему опять придется начинать снова. Егоръ Иванычъ съ своей стороны выразилъ сожалѣніе, что не имѣетъ особенныхъ педагогическихъ способностей и что хотя и давалъ уро-

кя въ столицѣ, но не по призванію. Однако вышло же такъ, что онъ самъ предложилъ заняться нѣкоторыми предметами съ Володей, пока не найдутъ учителя, за что Обросимовы опять ему были благодарны. Такъ существовалъ ли здѣсь національный экономическій законъ? Напротивъ, едва ли не наниматель былъ въ бо̀льшей зависимости отъ нанимающагося. Всѣ были ласковы и любезны съ Молотовымъ. Въ деревнѣ люди сближаются скоро, и Егоръ Иванычъ, мало по малу оставивши осторожность и боязнь навязаться чужимъ людямъ, сталъ незамѣтно для самого себя втягиваться въ семейную жизнь Обросимовыхъ; чужія заботы дѣлались его заботами, точно онъ былъ членъ семейства. Съ Обросимовыми онъ ѣздилъ къ сосѣдямъ въ гости, и со многими изъ нихъ познакомился. Плебейское происхожденіе пока не смущало Молотова. Ничто не тревожило его гордости. Онъ былъ молодъ, надеждъ впереди много, и, значитъ, Егоръ Иванычъ вполнѣ наслаждался жизнью.

И вотъ Молотовъ, сынъ столицы, который родился и выросъ въ ней, который жилъ въ огромныхъ каменныхъ домахъ, никогда не видалъ деревни, не видалъ весны во всемъ ея цвѣтѣ и прелести, не зналъ и семейной жизни,—онъ теперь въ деревнѣ, среди приволжской природы, въ доброй, по его убѣжденію, семьѣ... Поле, рѣка, лѣсъ, деревенскій воздухъ, полная свобода — все это давало Молотову еще неиспытанныя имъ впечатлѣнія. Миріады невиданныхъ предметовъ представлялись его любопытству, и на первыхъ порахъ глаза его разбѣгались. Онъ впервые видѣлъ, какъ сѣютъ хлѣбъ, садятъ капусту, какъ распускается цѣлый лѣсъ, ползетъ и лѣзетъ трава изъ земли, какъ сразу цвѣтетъ вся окрестность, какъ живетъ деревенскій обыватель. Съ изумленіемъ останавливался молодой человѣкъ, когда высоко въ воздухѣ неслись гусиныя стада; иногда онъ долго прислушивался въ лѣсу къ шелесту листьевъ, голосамъ птицъ и насѣкомыхъ, ко всему лѣсному движенію. Онъ съ жадностью всматривался въ невиданную имъ доселѣ жизнь и природу. Во всемъ этомъ рѣзко выдавалась одна сторона его характера.—У насъ есть типъ особаго рода людей, живыхъ, подвижныхъ, вѣчно занятыхъ, типъ человѣка хлопотливаго, который все замѣчаетъ, которому все надобно знать. Случалось ли вамъ встрѣчать людей, у которыхъ, что вы ни спросите, они на все отвѣтятъ вамъ; заговорите съ ними о разныхъ замѣчательныхъ лицахъ, о картинѣ, о цѣнѣ на какую угодно вещь, гдѣ и какъ добыть тотъ или дру-

гой продуктъ, о томъ, что и вычитать нельзя и о чемъ говорятъ за угломъ и потихоньку, что угодно,—все до нихъ какъ-то дойти успѣло. У людей такого рода много знакомыхъ, въ жизни ихъ множество случаевъ, потому что они всюду носъ суютъ. Понятно, что въ полномъ развитіи этотъ типъ встрѣчается въ людяхъ пожилыхъ; иначе не можетъ-быть по самому свойству его. Такіе люди вообще пользуются у насъ уваженіемъ, хотя не скроемъ, что изъ нихъ бо́льшею частію выходятъ пройдохи, народъ ловкій, умѣющій отовсюду извлечь высшій процентъ. Въ нихъ выразилась практическая сила. Молотовъ былъ застѣнчивъ и неловокъ, противъ чего онъ боролся сильно; такой недостатокъ иногда мѣшалъ ему сходиться съ людьми; потомъ, онъ образованія реальнаго не получилъ; но въ немъ все-таки были задатки типа, рекомендованнаго нами читателю. Очевидно, пройдохой его назвать нельзя, но съ другой стороны, трудно опредѣлить смыслъ его дѣятельности, самой разнообразной и неутомимой. Его постоянно можно видѣть наблюдающимъ на полѣ, на фабрикѣ, въ огородѣ, столярной, въ мужицкой избѣ, на рѣкѣ, въ лѣсу; онъ умѣетъ рѣзать, точить, пилить, нѣсколько рисуетъ; техническія занятія онъ всегда любилъ, хотя до всего приходилось ему доходить самому, потому что его не учили никакому мастерству. Загляните въ его комнату: чего, чего тутъ нѣтъ! модели, картины, книги, экземпляры изъ гербаріума, инструменты разнаго рода, цвѣты, скрипка, ноты, даже ружье, которымъ онъ не умѣетъ владѣть, но положилъ непремѣнно выучиться. Иногда онъ берется за дѣло, которое совсѣмъ не по его способностямъ. Такъ онъ любитъ музыку, но самъ не можетъ-быть музыкантомъ; однако, несмотря на то, что у него пальцы онѣмѣли надъ грифомъ и струнами, онъ все-таки хотѣлъ добиться своего. По бо́льшей же части все ему какъ-то удавалось. Это натура упругая и терпѣливая, что̀ выражалось въ самой фигурѣ Егора Иваныча. Многоталантливость и неугомонность дались ему отъ природы; такія качества не пріобрѣтешь, не сдѣлаешь, не купишь; это даръ врожденный,—хотя и странно, что вся дѣятельность Молотова была безъ всякой напередъ заданной мысли, безъ опредѣленной цѣли: ему просто хотѣлось все знать и все сдѣлать — вотъ такъ, какъ вамъ ѣсть хочется; то была дѣятельность безъ принципа, потребность натуры, «комплекція такая». Одно ясно, Молотовъ еще не опредѣлился; его натура нетронутая; мы видимъ въ немъ пока одну силу безъ приложенія; его

нельзя назвать практическимъ человѣкомъ; вся его дѣятельность есть не что иное, какъ любознательность, продолженіе учебнаго курса; онъ въ настоящую минуту скорѣе идеалистъ, только съ практическими задатками для будущаго. Его все занимаетъ: и повѣрье старой бабы, и рецептъ деревенскаго лекарства, и пѣсня Варламова, и разсказы объ Италіи, и разсада капусты, и критическая статья въ журналѣ. Онъ еще не сформировался, не получилъ полный, законченный образъ. Изрѣдка онъ задумывается о родѣ службы, но мысль о ней какъ-то не долго удерживается въ его головѣ. Она всегда заканчивалась разсужденіемъ: «еще успѣю, вѣдь мнѣ всего двадцать два года».

Егоръ Иванычъ всталъ поутру бодрый, свѣжій; купанье окончательно поставило его на ноги. Онъ часто, въ свободное время, отправлялся въ походъ, путешествовалъ по лѣсамъ и полямъ, ѣздилъ по рѣкѣ, посѣщалъ сосѣднія деревни. Его занятія не опредѣлялись извѣстнымъ часомъ; иногда онъ занимался по дѣламъ помѣщика цѣлые дни, почти безъ отдыха, ѣздилъ въ городъ, копался въ библіотекѣ, разбиралъ бумаги, ходилъ къ прикащику, священнику, составлялъ вѣдомости; иногда же выдавалось у него много свободнаго времени. Сегодня онъ на лодкѣ отъѣхалъ версты двѣ съ половиной и остановился у лѣса, гдѣ онъ вчера замѣтилъ одно мѣсто и хотѣлъ теперь снять съ него видъ. «Значитъ, онъ хорошо рисуетъ», спроситъ читатель: «когда рѣшается снимать видъ съ натуры». Онъ не художникъ, однако набросать видъ можетъ, рисуетъ только для себя; искусство пріобрѣтено имъ для домашняго обиходу; онъ учился рисовать, чтобы умѣть сдѣлать картинку, и сегодня онъ пріѣхалъ сдѣлать картинку. Но вотъ та же лужайка и тотъ же ручей, та же группа дубовъ, осинъ и кустарника, но не тотъ видъ, — при другомъ освѣщеніи онъ принялъ иную физіономію. Молотовъ привязалъ къ кусту лодку и отправился по лужайкѣ въ лѣсъ. Безъ всякой думы и заботы гулялъ онъ, какъ, бывало, мы гуляли съ вами на каникулахъ, перепрыгивалъ чрезъ пни и кочки; то кричитъ во все горло, и эхо откликается далеко въ лѣсу, то разсматриваетъ какую нибудь невиданную имъ траву; или вотъ остановился онъ надъ муравейникомъ, безъ всякой жалости разрылъ его и смотритъ съ любопытствомъ ребенка на возню насѣкомыхъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ не что иное, какъ большой ребенокъ, поучившійся и кончившій курсъ хорошо. При немъ оставалась юность; не прошли еще тѣ без-

заботные, медовые мѣсяцы юности, которые не во всякой жизни и бываютъ, о которыхъ иной и понятія не имѣетъ, а развѣ только читывалъ въ книжкахъ, пасторалахъ разныхъ и идилліяхъ: это то время въ жизни человѣка, когда онъ развился, взрослый совсѣмъ, а доброта и вѣра въ людей у него не тронута, когда онъ еще зла не позналъ,—все предъ нимъ розово и свято и въ будущемъ ясно. Хороши эти медовые мѣсяцы, но большая часть людей не вѣритъ въ нихъ, говоритъ, что ихъ поэты выдумали. Мы нынѣ рано узнаемъ подлость и пошлость житейскую, едва не въ пеленкахъ обличаемъ и протестуемъ, все поражено ироніей и смѣхомъ сквозь слезы. Неподдѣленъ этотъ смѣхъ, законенъ, изъ души онъ идетъ, — но легче ль отъ того? Егоръ Иванычъ еще не позналъ подлости и пошлости житейской. Изъ кабинета своего профессора, гдѣ жила наука и куда жизнь заглядывала рѣдко, онъ не видѣлъ людей. Онъ зналъ своихъ учителей и профессоровъ, которые читали такія прекрасныя лекціи, нѣсколькихъ товарищей, два-три семейства— все это были прекрасныя личности; онъ слышалъ, какъ одни говорили хорошо, и видѣлъ, какъ другіе жили хорошо. Откуда же ему было почерпнуть мрачный взглядъ? Кто мало видѣлъ добра, тотъ не вѣритъ въ него, тому приходится выдумывать, вычитывать добро; кто видѣлъ мало зла, тотъ тоже говоритъ о немъ по наслышкѣ, да и говоритъ рѣдко, потому что насъ занимаетъ только то, что мы знаемъ и испытали сами. Онъ кончилъ курсъ четырнадцать лѣтъ тому назадъ. И тогда знали, что борьба неизбѣжна, но не знали, какъ она трудна. — «Насъ много», думалъ Молотовъ, окидывая взоромъ аудиторію; «и тамъ нашихъ много», думалъ онъ, вспоминая профессора-бабушку, его ученыхъ гостей и нѣсколькихъ добрыхъ знакомыхъ. Не думалось ему тогда: «насъ много, а тамъ, за порогомъ университета и кабинета ученаго, безконечно больше; насъ тысяча, тамъ тьма....» Вотъ онъ и вышелъ въ свѣтъ большимъ ребенкомъ, и стоитъ теперь онъ надъ муравейникомъ, и осклабляется весело. Правда, онъ слышалъ, что въ чужихъ людяхъ, даже добрыхъ, жизнь не всегда весела, «но что же они могутъ мнѣ сдѣлать?» думалъ онъ: «денегъ не отдадутъ? сдѣлаютъ какую нибудь несправедливость?... велика важность!... въ одинъ день можно собраться и уйдти». И эти мысли посѣтили его на время, когда онъ сбирался изъ столицы къ помѣщику; но, проживши немного времени въ деревнѣ, онъ и Обросимова и семью

его причислилъ къ тѣмъ «многимъ», къ которымъ онъ самъ принадлежалъ. Что же можетъ смущать его? И вотъ онъ кричитъ на весь лѣсъ, и веселъ, и спокоенъ, и живется ему безъ сомнѣнія, просто и легко.

Егоръ Иванычъ вышелъ на лужайку и на ней увидѣлъ двѣ небольшія могилки. Это заняло его. «Кто бы тутъ похороненъ былъ?» думалъ онъ: «какъ странно — въ лѣсу!» Оглянувшись кругомъ, онъ увидѣлъ, что его отовсюду окружаетъ лѣсъ. Не долго думая, онъ взлѣзъ на самое большое дерево и отсюда разсмотрѣлъ дорогу. Онъ вышелъ на дорогу и, заслышавъ бабьи голоса, пошелъ на нихъ. Показались три бабы. Старшая тараторила что-то. Молотовъ обратился къ старшей.

— Тетушка! крикнулъ онъ.

Бабы оглянулись, отвѣсили по низкому поклону, въ полспины, какъ обыкновенно дѣлаютъ деревенскіе простолюдины, встрѣчая всякаго одѣтаго по барски.

— Чего тебѣ, батюшка? спросила старшая.

— Не знаешь ли, тетушка, чьи тамъ могилки?

— Гдѣ это, баринъ, могилки?

— Вотъ тутъ и есть на рѣкѣ, у лужайки.

— А! вскрикнула баба: — есть могилки, есть.... это Мироновы дѣтки.... двое померло....

— Отчего же они тамъ похоронены?

— Кто?... дѣтки-то? — а некрещены померли.

Она подняла глаза къ небу, вздохнула и, сказавши: «Господи помилуй, Господи помилуй», понурила голову. Но вдругъ лицо ея оживилось и она заговорила:

— Извѣстно, некрещеное дитя да померло, — это все одно, что дерево.... Гдѣ ни закопай, все равно.... Въ немъ и духу нѣтъ.... это ужь такой человѣкъ.... безъ духу онъ родится.... паръ въ немъ... Этаконького и не окрестишь, такъ и помретъ... Богъ не попуститъ, нѣтъ....

— Откуда жь ты взяла, что въ некрещенномъ духу нѣтъ? спросилъ Молотовъ.

— А чего жь христіанское дитя да безъ крещенья помираетъ? развѣ можно? — не можно... Иной и вовсе мертвенькой родится.... у этого и пару нѣтъ.... Некрещеное дитя такъ знать, и родится не святое дитя.

Баба развела руками и замолчала. Подивился Молотовъ бабьему смыслу.

— Прощай, тетушка, спасибо, сказалъ онъ.

— Прощай, батюшка.

Еще болѣе подивился Молотовъ бабьему смыслу, когда послѣ оказалось, что повѣрье о некрещеныхъ дѣтяхъ у бабы было чисто личное, что оно въ деревнѣ никому неизвѣстно. Ему попалась баба-поэтъ, баба-мистикъ. Можетъ-быть, ей самой до сихъ поръ не приходилось объяснять себѣ непонятную для нея судьбу нѣкоторыхъ дѣтей, и вотъ, лишь только пришелъ ей въ голову вопросъ о дѣтяхъ, она, не желая оставаться долго въ недоумѣніи, сразу, при помощи своего вдохновенія, миновала всѣ противорѣчія и мгновенно создала миѳъ. И очень можетъ быть, что этотъ миѳъ перейдетъ къ ея дѣтямъ, внукамъ, переползетъ въ другія семьи, къ сосѣдямъ и знакомымъ, и чрезъ тридцать-сорокъ лѣтъ явится новое мѣстное повѣрье, и догадайтесь потомъ, откуда оно пошло. Не одна старина запасаетъ предразсудки, они еще и нынѣ создаются. Удивительно то чувство, съ которымъ простолюдинъ относится къ природѣ: оно непосредственно и создаетъ миѳъ мгновенно.

Легкая грусть напала на Молотова. Онъ задумался и пошелъ медленно назадъ... Неужели судьба дѣтей опечалила его?.. Но во всякомъ случаѣ, то была пріятная грусть, которую жаль согнать съ души. Онъ вздохнулъ, легъ на траву и долго задумчиво смотрѣлъ на небо, голубое-голубое, какъ дѣтскіе голубые глаза. Онъ слѣдилъ за полетомъ золотистыхъ облачковъ, которыя тянулись по небу. Неужели онъ думалъ: «куда это бѣгутъ облака?» — Вѣдь это ребячество. Улыбнулся онъ задумчиво. . Но вдругъ раздался трескъ сухаго дерева. Молотовъ не могъ понять причину звука, всталъ на ноги и осмотрѣлся кругомъ. Потомъ пошелъ отъискивать лодку; пора было домой. Когда онъ, на возвратномъ пути, проѣзжалъ мимо Илличовки, то увидѣлъ, какъ дѣвушка какая-то, въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, порхнула между кустами и быстро скрылась.—«Кажется, Елена Ильинишна», подумалъ Молотовъ. Ему вспомнился вчерашній разговоръ...: «Что это въ самомъ дѣлѣ за дѣвушка?» думалъ онъ: «не знаю я ихъ. Только, кажется, Лизавета Аркадьевна ошиблась».—Егора Иваныча не долго занималъ этотъ вопросъ. Онъ вдругъ налегъ на весла и сталъ работать ими, что есть силы. Лодка полетѣла быстро, вода шла вьюромъ отъ веселъ и щелкала въ бока. Молотовъ вернулся домой къ обѣду.

Послѣ обѣда, въ комнату Егора Иваныча вошелъ Обросимовъ.

— Какъ ваши занятія идутъ? спросилъ онъ.

— Съ библіотекою кончилъ, отвѣчалъ Егоръ Иванычъ.

— Совсѣмъ нынѣ отсталъ отъ ученаго дѣла, говорилъ Обросимовъ.—Вотъ уже лѣтъ десять, какъ у меня такъ и валятъ книги и журналы, безъ всякаго порядка... Не начали ли еще чего нибудь интереснаго?

— Нѣтъ, Аркадій Иванычъ, не нашелъ...

Надо замѣтить, что Молотову удалось отъискать между разнымъ хламомъ дневникъ, веденый дѣдомъ Обросимова.

— Тамъ еще на чердакѣ есть шкафъ съ книгами, да по чуланамъ и подваламъ надобно посмотрѣть; я увѣренъ, что есть тамъ кое-какіе клочки.

— Я посмотрю, отвѣчалъ Молотовъ.

— Вы пожалуйста, Егоръ Иванычъ, очень не безпокойтесь, не торопитесь; вѣдь дѣло не къ спѣху... Теперь гулять надобно.

— Какой у васъ прекрасный лѣсъ, Аркадій Иванычъ; я сегодня гулялъ въ немъ...

— Здѣсь прежде были заповѣдные лѣса съ непроходимыми чащами, медвѣдями и разбойниками... Что дубу одного было!.. теперь совсѣмъ не то, что прежде...

Но Молотовъ замѣтилъ, что у Обросимова есть что-то на умѣ, что̀ онъ не договариваетъ.

— Вотъ намъ и гулять некогда, говорилъ Обросимовъ:—заботъ полны руки, посѣвы, по фрабрикѣ работы... да что, совсѣмъ закружился... книги давно не держалъ въ рукахъ... Хотѣлъ отъискать одну статейку въ газетахъ.... крайне-необходимо... до сихъ поръ не могъ собраться...

— Не угодно ли, Аркадій Иванычъ, я отъищу?

— Вѣдь листовъ двѣсти придется перебрать.

— Помилуйте, у меня много свободнаго времени...

— Очень благодаренъ вамъ...

— Позвольте узнать заглавіе статьи?

— Кажется, о компостѣ... только знаю, что объ удобреніи. Видите, вамъ не мало будетъ работы, я даже и заглавія подлиннаго не помню.

— Я подобныя заглавія всѣ выпишу...

— Благодарю васъ... Э, да что это у васъ? спросилъ Обро-

синовъ, перемѣняя разговоръ. — Никакъ тутъ вся усадьба старосты Мирона?

Дѣло въ томъ, что Молотовъ давно уже ходилъ въ крестьянскую избу, вникалъ въ ея постройку, матеріалы, службы ея, считалъ бревна, доски и жерди, и потомъ сдѣлалъ модель избы точь въ точь, со всѣми ея подробностями...

— Подождите, я и до фабрики доберусь, отвѣчалъ Молотовъ...

— Она къ вашимъ услугамъ... Однако у васъ врожденный талантъ...

— Молотовъ показалъ ему еще разныя вещицы своего издѣлія. Въ это время вошла въ комнату Лизавета Аркадьевна.

— Егоръ Иванычъ, я къ вамъ съ маленькой просьбой, сказала она.

Молотовъ поклонился.

— Вы будете такъ добры, что перепишете мнѣ вотъ эти ноты.

— Позвольте узнать, что это?

— Пѣсни Варламова.

— Я и себѣ спишу...

— Благодарю васъ. Впрочемъ, можетъ быть...

— О, пожалуйста, не стѣсняйтесь...

Когда Молотовъ остался одинъ, онъ подумалъ: «вотъ какой вѣдь деликатный человѣкъ этотъ Обросимовъ... Право, преблагородно съ его стороны, что онъ такъ просто обращается ко мнѣ съ просьбами своими». Послѣ обѣда Егоръ Иванычъ занялся отъисканіемъ статьи... Но статья не попадалась сразу.

Часу въ пятомъ Володя вбѣжалъ въ комнату Егора Иваныча.

— Что вамъ угодно? спросилъ его Молотовъ

— Письмо къ вамъ, отвѣчалъ Володя...

— Не Андрей ли пишетъ? проговорилъ Егоръ Иванычъ. Онъ хотѣлъ посмотрѣть на адресъ, но, къ удивленію своему, адреса не нашелъ.—«Не отъ него же», подумалъ онъ и сломалъ печать. Краска бросилась въ лицо Егора Иваныча, когда онъ прочиталъ письмо.

— Кто принесъ письмо?

— Мальчикъ какой-то,

— Гдѣ онъ?

— Онъ ушелъ...

— Нѣтъ, но если онъ вамъ очень нуженъ, папа велитъ отъискать его...

— Нѣтъ, Володенька, не нужно...

— Вы, Егоръ Иванычъ, хотѣли мнѣ змѣя сдѣлать...

— Сдѣлаю, Володенька, а теперь позвольте мнѣ остаться одному.

Володя ушелъ. Егоръ Иванычъ прочелъ еще разъ письмо. Замѣтно было, что онъ сильно взволнованъ и озадаченъ. Онъ ничего подобнаго не читалъ во всю жизнь свою. Вотъ письмо:

«Егоръ Иванычъ!

«У васъ есть чувство, и вы завтра въ 6 часовъ придете на рѣку къ мельницѣ вечеромъ, и здѣсь встрѣтите даму, и если любите, узнаете ее; и если нѣтъ, я останусь по гробъ вѣрная вамъ и любящая.»

Письмо безъимянное; оно, какъ холодной водой, обдало Молотова. «Что это такое?» думалъ онъ: «кто эта по гробъ вѣрная и любящая?» По сосѣдству не мало было дѣвицъ, которыхъ онъ зналъ, но всѣ онѣ очень мало знакомы ему. «Развѣ Елена Ильинишна?» пришло ему въ голову: «да нѣтъ, не можетъ быть, съ какой стати? Не сдѣлаетъ она этого...» Молотову невѣроятнымъ казалось, чтобы какая бы то ни было дѣвица рѣшилась сама назначить свиданіе мужчинѣ, и потому онъ подумалъ, не написалъ ли кто-нибудь письма нарочно, для мистификаціи. Но рука была женская, и притомъ некому надъ нимъ шутить. Онъ терялся въ недоумѣніи. «Какъ же это можно?» говорилъ онъ и перечитывалъ письмо. Письмо не давало отвѣта. Интрига не представлялась ему въ привлекательномъ видѣ; онъ не привыкъ къ интимностямъ подобнаго рода; самая форма дѣла казалась ему такъ эксцентрична; онъ отчасти трусилъ, отчасти ему просто было стыдно. Егоръ Иванычъ былъ крайне неопытенъ. До сихъ поръ онъ еще не целовалъ ни одной женщины, и теперь спрашивалъ себя: «какъ тутъ быть?— Андрей все бы это разъяснилъ, онъ знаетъ. Нужно идти, или нѣтъ? Что изъ всего этого выйдетъ?» Ему нуженъ былъ авторитетъ, учитель, книга, которая пояснила бы непонятный случай. Но прошло нѣсколько времени, онъ — будь Андрей подлѣ него — пожалуй и не сказалъ бы о письмѣ своему другу. Этотъ случай, представлявшійся ему въ такомъ неблаговидномъ свѣтѣ, мало

по малу получалъ иные оттѣнки. Его любопытство было раздражено, и хотя литературныя достоинства письма охлаждали его, но слово «любящая», первый разъ въ жизни коснувшись его уха, дѣйствовало на него волшебнымъ образомъ... Онъ начиналъ увлекаться; но, вглядываясь въ буквы, изображенныя амуромъ приволжскимъ, онъ ощущалъ какую-то приторность въ сердцѣ, и вдругъ съ чего-то припоминалась ему одна актриса въ сюртучкѣ и панталонахъ, игравшая роль молодаго мужчины на Александринскомъ театрѣ. Странная смѣсь и бореніе чувствъ поднимались въ душѣ Молотова при этомъ интимно-комическомъ случаѣ. Воображеніе его не можетъ оторваться отъ письма, и вотъ, помимо всей любовной дряни, оно создаетъ какой-то прекрасный образъ, и не одинъ, а нѣсколько — и всѣ они льнутъ къ нему, толпятся въ воздухѣ, летаютъ, ласкаютъ его; но лишь только появляется среди нихъ «по гробъ вѣрная и любящая», пропадаютъ всѣ граціозные образы. — «Что же это будетъ?» говоритъ Молотовъ вслухъ. Онъ берется за газеты, чтобы отъискать статью о компостѣ или какомъ нибудь другомъ удобреніи, но между газетными строками укладываются другія строки и мѣшаютъ изысканіямъ. Сталъ что-то строгать, обрѣзалъ палецъ. Тогда онъ бросилъ все, и рѣзьбу и компостъ. Онъ пошелъ въ садъ, изъ саду вышелъ безсознательно на улицу, спустился подъ гору и очутился у рѣки.—«Зачѣмъ меня сюда занесло?» спросилъ себя Молотовъ, а самъ какъ будто хотѣлъ угадать, кто завтра придетъ на это мѣсто. Онъ вернулся домой, разбирая со всѣхъ сторонъ интимно-комическій фактъ, предъявленный ему амуромъ приволжскимъ. Молотовъ увлекался.

Пили чай на балконѣ. Былъ прекрасный вечеръ. Теперь наступили постоянныя погоды.

— Садитесь поближе, сказала хозяйка.

Егоръ Иванычъ не дослышалъ. Онъ сидѣлъ, облокотившись на перила, и смотрѣлъ на рѣку...

— Егоръ Иванычъ, поближе садитесь, повторила хозяйка.

Молотовъ подвинулся и взялъ стаканъ. Въ улицѣ тамъ и самъ выѣзжали крестьяне съ боронами. Опять, какъ и вчера, повалило стадо. Какъ и вчера, тишь и благодать въ воздухѣ. Но все то же, да не то: и въ пѣніи птицъ, и въ ворчаньи самовара, и въ легкомъ плескѣ рѣки, и въ воздухѣ, и въ отдаленныхъ голосахъ, для Егора Иваныча пронеслось какое-то новое движеніе, какъ будто съ души его поднялось что-то, и вмѣстѣ

съ вечерними тѣнями покрыло и рѣку, и садъ, и кладбище. Къ Молотову обратились съ вопросомъ. Онъ не къ дѣлу отвѣтилъ:

— Не знаю, хорошо-ли.

— О чемъ вы говорите? спросили его

— О нотахъ.

Всѣ засмѣялись.

— Что это съ вами, Егоръ Иванычъ? сказала Лизавета Аркадьевна: — о чемъ вы думаете?

Егоръ Иванычъ покраснѣлъ.

— Ужь не влюбились ли вы? спросила она, причемъ отецъ посмотрѣлъ на нее сердито.

— Пожалуй, вы и угадали, отвѣтилъ довольно храбро Молотовъ: — только я и самъ не знаю, въ кого.

— Это прекрасно; въ незнакомку, значитъ?

— И незнакомки нѣтъ...

— Такъ не въ портретъ ли чей-нибудь?

— И портрета нѣтъ...

— Что жь, вы выдумали, что ли, какую красавицу и теперь видите ее въ воздухѣ? Но вы, кажется, такой солидный человѣкъ, мечтой не увлечетесь...

Отецъ перемѣнилъ предметъ разговора. Егоръ Иванычъ воспользовался первой удобной минутой и оставилъ общество. Егору Иванычу было не до смѣху. Письмо сбило его съ толку, настроило его на странныя душевныя движенія и породило фантастическую ночь. Долго онъ не могъ заснуть въ тотъ день; ему было жарко подъ одѣяломъ. Молотовъ раскрылъ окно и сѣлъ къ нему въ одной рубашкѣ. Никакого голосу не было въ природѣ. Туманы поднимались съ рѣки. Молотова жгло что-то, голова его горяча, нервы раздражены, и понять онъ не можетъ, что съ нимъ дѣлается. Влюбился онъ, что ли? Да въ кого же влюбился?.. въ фантазію?.. въ воздухъ? въ письмо?.. О, молодые, горячіе, полные жизненности годы!.. Боже мой, какія мечты поднимались въ его головѣ, какіе образы видѣлъ онъ въ воздухѣ, какія граціозныя, прекрасныя тѣни выходили изъ тумана и плыли надъ рѣкою, а съ кладбища, изъ лѣсу и съ горъ выглядывали безобразныя дивы!.. Носятся граціозныя тѣни, безплотные образы, поютъ, манятъ его къ себѣ, онъ видитъ, чувствуетъ ихъ. Но вотъ будто плачетъ кто-то... Рыданіе слышно... слезы льются... сердце сжимается отъ тоски... душно въ

приволжскомъ воздухѣ... Среди образовъ появился новый. Отчего Молотову думается, что это «по гробъ вѣрная и любящая?..» Чего она плачетъ, а вотъ теперь смѣется?.. Зачѣмъ свѣтлыя тѣни побѣжали прочь, тонутъ, тонутъ и пропадаютъ въ воздухѣ?.. Волкъ взвылъ — сова откликнулась. Пусто въ воздухѣ и глухо во всей природѣ. Жарко... Долго маялся Егоръ Иванычъ. Когда онъ заснулъ наконецъ, то и во снѣ грёзы тревожили его молодую душу... Странны молодые люди, и намъ, старикамъ (проговорился авторъ), трудно понимать игру горячей жизни. Такъ что же?.. не хотимъ и понимать; а потребуютъ отвѣта, мы скажемъ, что всѣ эти волненія — не что иное, какъ химическіе процессы въ организмѣ молодаго человѣка.

Съ утренними лучами солнца, ночныя фантазіи и бредни, получившія подъ конецъ мрачный оттѣнокъ, явились въ болѣе свѣтломъ видѣ. Взглядъ на письмо перемѣнился. Егоръ Иванычъ прочиталъ письмо много разъ, такъ что приглядѣлся къ нему. По этой ли причинѣ или по какой другой, только ему не приходили въ умъ мужскіе панталоны на актрисѣ и тому подобные, разрушающіе иллюзію аттрибуты. Онъ уже примирился и съ эксцентричностью письма, и съ его литературными достоинствами; въ письмѣ было что-то завѣтное для него; гордость его затронута довѣріемъ незнакомой женщины. Читатель, вѣроятно, догадался, что письмо писала Леночка, иначе зачѣмъ автору было выводить ее на первыхъ страницахъ; но Молотовъ не догадывался. Онъ представлялъ себѣ какую-то другую дѣвицу, и, послѣ ночи мечтаній и фантастическихъ образовъ, послѣ многихъ думъ и волненій, онъ точно знакомъ былъ съ нею, хотя и не сказалъ бы, каковъ ея ростъ, цвѣтъ волосъ, глаза, походка. Это былъ образъ туманный и неясный, сформировавшійся изъ тысячи прежде нажитыхъ впечатлѣній. Ему казалось, что и прежде онъ видѣлъ его гдѣ-то, и почему-то припоминалась ему семья Дороговыхъ. Егоръ Иванычъ вглядывался въ этотъ образъ и, помимо здраваго смыслу, не то, чтобы вѣрилъ, что у рѣки встрѣтитъ именно того, кого онъ выдумалъ,—нѣтъ; но молодость, свѣжіе годы, непотраченное чувство предъявляли свои права, и онъ любилъ кого-то, кто-то ему дорогъ былъ. И вотъ письмо стало ему завѣтнымъ уже потому, что оно могло такъ возмутить его душу. Онъ ни за что и никому не показалъ бы его.

Егоръ Иванычъ нетерпѣливо ждалъ означеннаго часа. Поиски компоста по газетамъ или какого другаго удобренія были неуспѣшны. Ноты онъ переписалъ, увидѣлъ, что навралъ, и опять сталъ переписывать. Ожидаемый часъ крался еле ползущими минутами. Когда наступило время, и Егоръ Иванычъ отправился на мѣсто свиданія, сердце его билось тревожно; онъ былъ возбужденъ, онъ трусилъ. Подъ горой ему встрѣтилась баба и низко-низко поклонилась; Молотовъ отвѣчалъ на поклонъ со смущеніемъ и проводилъ бабу глазами до тѣхъ поръ, пока она не скрылась изъ виду. Онъ шелъ все медленнѣе и медленнѣе. Приближаясь къ мельницѣ, онъ увидѣлъ женщину въ бѣломъ кисейномъ платьѣ, обивавшую концомъ зонтика цвѣты. Онъ разсмотрѣлъ Леночку. — «Какъ не кстати», подумалъ Молотовъ, и—вотъ туманный образъ воплотился, форму принялъ. Чего же смущается Егоръ Иванычъ? или онъ не къ тому приготовленъ?

— Здравствуйте, Елена Ильинишна, сказалъ онъ.

— Здравствуйте, отвѣтила Леночка, стыдливо опустивъ глаза.

«Она!» подумалъ Егоръ Иванычъ и кончилъ тѣмъ, что растерялся. «Елена Ильинишна?» вертѣлось въ его головѣ: «тутъ несообразность какая-то, противорѣчіе». Онъ, оглядываясь по сторонамъ, все еще не терялъ надежду увидать другую женщину. Новое для него положеніе—свиданіе съ дѣвицею, которой онъ не ожидалъ, поставило его въ тупикъ... Она молчала, онъ тоже. Прошли нѣсколько шаговъ по берегу. Егоръ Иванычъ взглянулъ на спутницу искоса. Она вздохнула. Молотовъ чувствовалъ, что онъ долженъ сказать что нибудь, но не было у него ни одного звука, ничего въ голову не шло; онъ не зналъ, куда дѣвать свои большія ладони. Онъ придумывалъ какое нибудь слово, былъ бы радъ самой пошлой фразѣ, а въ головѣ только и было: «чортъ же знаетъ, что это я... вѣдь не хорошо»... Онъ рѣшилъ, что напрасно трудится, что ничего не придумаетъ, и махнулъ рукой: «пусть себѣ!... чѣмъ нибудь да кончится!... погубила меня проклятая застѣнчивость!» А Леночка идетъ, опустивши длинныя, прекрасныя рѣсницы. Наконецъ, она сказала:

— Вы очень скоро идете...

— Виноватъ, отвѣтилъ Егоръ Иванычъ...

— Какая сегодня прекрасная погода, сказала Леночка.

«Нашла же она что сказать?» подумалъ Молотовъ. Но надобно отдать честь и ему. Онъ поддержалъ разговоръ:

— Да, хорошая стоитъ погода,—и тотчасъ сдѣлалъ еще такія слова:—давно ужъ стоитъ такая... дождей совсѣмъ мало... отличное наступило время.

Молчаніе. — «Нѣтъ», думалъ Молотовъ: «я обязанъ говорить.»

— Вы любите природу? спросилъ онъ, а самъ про себя подумалъ: «однако это съ какой стати? вѣдь это очень глупо!»

— Люблю.

— Я третьяго дня просидѣлъ до разсвѣту, продолжалъ Молотовъ, и опять подумалъ: «ну, это еще хуже.» — У него такъ и шло два разговора, одинъ съ Леночкой, другой про себя, какъ это всегда бываетъ у застѣнчивыхъ людей.

— Такой былъ прекрасный вечеръ, прибавилъ онъ. «Нѣтъ, стоило бъ меня хорошенько!» разсуждалъ онъ.

Но вотъ Леночка совершенно оправилась, взглянула открыто и сказала.

— Я сама люблю вечеромъ гулять... Я всегда почти гуляю. Особенно *смерть* люблю воду... У насъ всегда рѣчка передъ глазами, и я привыкла къ ней... Я люблю удить, только червяковъ гадко брать въ руки... впрочемъ, теперь ничего... привыкла... Вы знаете иву? вонъ тамъ,—показала рукой Леночка.

— Знаю, отвѣтилъ Молотовъ, и вздохнулъ свободно, потому что надѣялся, что Леночка не скоро остановится.

— Тамъ очень хорошо клюетъ.... Тамъ я въ третьемъ году вотъ какого язя поймала. (Она показала руками). У насъ дяденька гостилъ. Онъ очень хорошихъ аглицкихъ крючковъ привезъ.

— А мамаша не боится, что вы утонете?—«Очень прилично сказано», одобрилъ себя Егоръ Иванычъ.

— Ахъ, нѣтъ; мамаша мнѣ все позволяетъ. А вы любите удить?

— Никогда не удилъ, хочу попробовать. Скажите, въ чемъ тутъ удовольствіе?

— Ахъ, какже, очень весело!

«Дѣло очень прилично идетъ», думалъ Молотовъ: «впрочемъ, какая она странная, какъ будто ни въ чемъ не бывало, а я то?»....

— Очень весело! повторила Леночка...

Она стала, какъ бабочка, порхать съ предмета на предметъ. О письмѣ ни полслова. Оно-то сильно и безпокоило Молотова. «Неужели не намекнетъ? Что же я тогда стану дѣлать? Однако нельзя сказать, чтобы она была неспособна къ рѣшительному шагу... Но что же это за дѣвушка?»

Леночка болтала, прыгала, какъ козочка; а право, она была премиленькая козочка — гибкая, стройная, черноглазая. Стали они спускаться съ берега рѣки. У мельницы надъ водой росла береза; подъ березой была скамейка...

— Сядемте здѣсь, предложила Леночка.

Сѣли. Молотовъ подумалъ: «сейчасъ намекнетъ». — Онъ вздохнулъ.

— О чемъ вы, Егоръ Иванычъ, вздохнули?

— Такъ...

— Такъ никогда не бываетъ: вы вспомнили кого нибудь?

— Нѣтъ, мнѣ некого вспоминать...

— У васъ есть родственники?

— Ни души, Елена Ильнинишна...

— Никого?

— Рѣшительно никого. У меня и знакомыхъ очень мало. Я мало кого знаю...

— А другъ у васъ есть...

— Есть.

— Хорошій?

— Прекрасный человѣкъ.

— Какъ весело имѣть друга, сказала Леночка и задумалась.

«Сейчасъ о письмѣ намекнетъ», подумалъ Молотовъ. «Что жь? я скажу ей деликатно...» Дальше мысль не шла. — Что онъ хотѣлъ сказать ей деликатно?... «Все-таки это обидитъ ее», докончилъ онъ прерванную мысль. Но напрасно онъ испугался. Слова: «какъ весело имѣть друга», были сказаны безъ задней мысли, такъ, по ходу рѣчи... Странно было смотрѣть на молодыхъ людей. Леночка не менѣе Молотова боялась разговора о письмѣ. Она лишь только увидала Егора Иваныча, ей страшно стало за свой легкомысленный поступокъ, который она, кажется, сдѣлала такъ, спроста, по птичьи... Любила ли она Молотова? Она не первый разъ его видѣла; онъ говоритъ иногда такъ хорошо, хотя когда онъ говоритъ-то хорошо, тогда она его и понимаетъ меньше; онъ такой добрый; онъ ей нравится, но предположить въ ней серьёзное чувство едва ли возможно. Письмо ея было од-

ною изъ тѣхъ эксцентрическихъ выходокъ, на которыя способны иногда наши деревенскія барышни и обитательницы Песковъ, Коломны, Петербургской стороны и другихъ поэтическихъ мѣстъ. Онѣ не сробѣютъ, напишутъ, хотя не думаемъ, что онѣ по нравственности ниже тѣхъ, которыя сробѣютъ и не напишутъ. Послѣ онѣ иногда и каются, но уже дѣло сдѣлано. Такъ и Леночка теперь сама поняла, что слѣдовало бы надрать ей хорошенькое ея ушко. Когда она увидѣла Молотова, ей страшно стало, и прежде всего пришло въ голову: «Боже мой, что я надѣлала? Что, если онъ возьметъ, да и прочитаетъ всѣмъ мое письмо? Пропала я!... Лиза Варакова, Таня Песоцкая, Саша Нечаева... всѣ, всѣ ему знакомы!... ай, маменька узнаетъ!» Она чуть не плакала, и въ первую минуту едва не сказала: «Егоръ Иванычъ, не говорите маменькѣ... я больше не буду.» Но увидѣвъ, что Молотовъ едва ли не больше ея струсилъ, она сказала себѣ: «онъ не страшный, онъ такой добрый», и рада была, что Молотовъ не говоритъ ничего о письмѣ. Теперь она была спокойна...

Егоръ Иванычъ наклонился и сорвалъ цвѣтокъ.

— Дайте мнѣ цвѣтокъ, сказала Леночка.

— Извольте.

— Это мнѣ на память.

— Развѣ нельзя помнить безъ цвѣтка?

Молотовъ сорвалъ другой цвѣтокъ. Леночка опять:

— Дайте мнѣ цвѣтокъ.

— И этотъ на память?

— Дайте же, сказала Леночка строго, вырвала неожиданно цвѣтокъ и ударила имъ по рукѣ Молотова.

Все это сдѣлалось какъ-то ужь очень наивно. Оба засмѣялись. Оба были довольны, что о письмѣ и намека нѣтъ. Леночка наклонилась и стала водить зонтикомъ по землѣ. Съ плеча ея скатилась мантилья, вѣтеръ шелестилъ кисейнымъ рукавомъ; обнажилось бѣлое плечо, на которомъ, какъ муха, сидѣло родимое пятнышко; ротикъ ея полуоткрытъ; вся она замерла и затихла, какъ птица на вѣткѣ. Молотовъ и не замѣтилъ, какъ залюбовался ею. Въ это время Леночка взглянула на него. Онъ покраснѣлъ.

— Что это, Егоръ Иванычъ, вы все молчите?

Молотовъ вынулъ часы, посмотрѣлъ на нихъ и объявилъ,

что ему пора домой. На желаніе Леночки посидѣть онъ сказалъ, что у него есть дѣло.

— Жаль, отвѣчала Леночка: — посмотрите, какой хорошій вечеръ. Ну, пойдемте.

Они поднялись на берегъ. Молотовъ проводилъ ее нѣсколько. Разставшись, она еще разъ крикнула:

— Прощайте!

— Прощайте! отвѣтилъ Молотовъ...

Никакого дѣла у Егора Иваныча не было. Онъ просто струсилъ, когда Леночка замѣтила его взглядъ. «Глупо, глупо», твердилъ онъ: «надо бы узнать!.. Чего я струсилъ?.. Развѣ первый разъ взглянулъ я на нее?» Онъ вспомнилъ, что и прежде встрѣчались ихъ взгляды. «Но тогда другое дѣло», прибавилъ онъ: «не тѣ были отношенія».

Что же вынесъ Егоръ Иванычъ изъ сегодняшняго событія? Ничего опредѣленнаго. Онъ только увѣрился, что письмо написала Леночка, и ему казалось, что разсѣялись его грёзы и иллюзіи. Но что такое Леночка? что это за дѣвица? какія должны быть отношенія къ ней? зачѣмъ сходились они тамъ у мельницы? какъ это такъ ничего не объяснилось? — всего этого онъ не понималъ. «Неловко же мнѣ было спросить ее», думалъ онъ: — «впрочемъ нельзя сказать, что она не способна къ рѣшительному шагу... Но неужели она любитъ? Развѣ такъ любятъ, какъ она?.. А я тутъ что такое?»... Множество вопросовъ роилось въ головѣ Молотова. Страннѣе всего со стороны Егора Иваныча спрашивать: «развѣ такъ любятъ, какъ она?»—Въ книжкѣ, что ли, онъ вычиталъ, или Андрей ему сказалъ, что любятъ не такъ. И почему онъ знаетъ, какъ она должна любить? Любовь — это такая книжка, которую всякій самъ сочиняетъ и авторъ которой всегда оригиналенъ. У него точно была какая-то скрытая мысль, въ которой онъ не хочетъ сознаться, но которая сама собою слышится за всѣми вопросами. Онъ сталъ прислушиваться къ душѣ своей и чувствовалъ въ ней тревогу и беспокойство; что-то ходило въ немъ, дышалъ онъ сильнѣе, сердце его сжималось и расширялось. Онъ сказалъ: «вотъ теперь самому совѣстно за нелѣпую, непростительную застѣнчивость, изъ-за которой все дѣло осталось неразъясненнымъ. Вѣдь она, Богъ знаетъ, что подумаетъ!» Онъ вспомнилъ, что такую же тревогу совѣсти ему случалось ощущать и прежде. Такія же были въ душѣ движенія, когда онъ, послѣ ссоры, увидѣлъ своего дру-

га и, не смѣя глядѣть ему прямо въ глаза, сказалъ: «полно злиться!» — Когда онъ убѣдился, что это его совѣсть мучитъ, ему стало немного легче; но онъ долго еще обсуживалъ интимно-комическій фактъ, предъявленный амуромъ приволжскимъ, припоминая всѣ мельчайшіе штрихи событія. Засыпая, онъ вспомнилъ, какъ скатилась мантилья съ плеча Леночки, и прошепталъ съ раскаяньемъ: «стыдно, стыдно!.. ты не долженъ былъ оставить дѣло въ такомъ положеніи.» На другой день Молотовъ отъискалъ статью о комнюстѣ и ноты переписалъ. Съ этого дня начались усиленныя занятія по дѣламъ Обросимова...

Время летѣло быстро. Егоръ Иванычъ и не замѣтилъ, какъ прошли двѣ недѣли. Оно постоянно былъ занятъ, работалъ безъ устали, составлялъ вѣдомости, рылся на чердакахъ въ книжномъ хламѣ, учился съ Володей; кромѣ того, къ нему было нѣсколько особыхъ просьбъ, которыя онъ охотно и исполнилъ. Помѣщикъ иногда зайдетъ къ нему, спроситъ, какъ идутъ его занятія, скажетъ, что вотъ такую-то статью не худо бы окончить, посовѣтуется съ Егоромъ Иванычемъ и всегда прибавитъ:

— Много, много дѣла, Егоръ Иванычъ, совсѣмъ сбился съ толку... А вы-то что жь не гуляете?

— Нѣтъ, я гуляю, отвѣтитъ Молотовъ, только прибавитъ, что вотъ такую-то статью ему хочется поскорѣе кончить.

Въ воскресенье Обросимовы, и вмѣстѣ съ ними Егоръ Иванычъ, собрались къ Аграфенѣ Митревнѣ Илличовой. Она была женщина толстая, сырая, находившаяся въ строгомъ, праотческомъ законѣ у покойника-мужа и потому немного поглупѣвшая. Аграфена Митревна рада была видѣть въ гостяхъ богатаго сосѣда и подняла тяжелую возню на весь домъ. Скоро завязалась общая бесѣда, говорили о погодѣ, о посѣвахъ и всходахъ, о деревенскихъ новостяхъ. Немного спустя, Лизавета Аркадьевна сѣла на своего конька, т. е. Жоржъ-Занда, и поѣхала на немъ. Егоръ Иванычъ слушалъ внимательно; Обросимовъ морщился и посматривалъ непривѣтливо на дочь, чего впрочемъ никто не замѣчалъ; Леночка половину не понимала; мать ничего не понимала и тяжело дышала.

— Какую вы это эманципацію говорите? спросила Леночка: — ученое что-нибудь?

— Вы не знаете, что такое эманципація? спросила снисходительно вдова.

— Не знаю, разскажите о ней что-нибудь...

—Видите ли, нынѣ многіе стремятся возстановить права женщины, дать ей воспитаніе полное, какъ и мужчинѣ, свободу въ выборѣ мужа, въ выборѣ занятій, участіе не только въ семейной, но и гражданской жизни, личную независимость; хотять возстановить права женщины, которыя не должны быть меньше правъ мужчины. Понимаете, это и называется эманципаціею.

Вдова говорила, какъ читала. Отецъ съ безпокойствомъ думалъ: «о чемъ говоритъ съ дѣвушкой!.. совсѣмъ безъ такта... это у насъ не принято.» — Леночка задумалась.

— Нѣтъ, не понимаю, отвѣтила Леночка простодушно: — что это такое, напримѣръ, значитъ — свобода въ выборѣ мужа?

Отецъ съ безпокойствомъ повернулся на стулѣ.

— Очень просто, говорила вдова поучительнымъ тономъ, забывая слова свои, что Леночка неспособна къ развитію: — очень просто: женщина выбираетъ мужа себѣ сама, какъ мужчина ее выбираетъ, и тутъ нѣтъ дѣла ни родственникамъ, никому. Она сама за себя отвѣчаетъ...

— Этакъ иная Богъ-знаетъ кого выберетъ...

— Ужь то ея дѣло.

— Этого не бываетъ никогда...

— Да, рѣдко бываетъ...

— Такъ, значитъ, и нѣтъ никакой эманципаціи на свѣтѣ: это, значитъ, ученость...

— Что ученость?

— Да вотъ эманципація... Вѣдь этого нѣтъ, и никто не позволитъ дѣвицѣ самой выбирать жениха; — ну, значитъ, и неправду вы сказали.

— Браво, крестница, браво! подхватилъ Обросимовъ.

Молотову занимательно было слѣдить за этимъ забавнымъ споромъ между двумя женщинами, изъ которыхъ одна, очевидно, мало развитая женщина, но отъ души говорила и вѣрила тому, что говорила; а другая, образованная дама, ломалась, говорила свысока, и сомнительно, чтобы говорила съ убѣжденіемъ...

— Я никогда не понимала учености, сказала Леночка.

Лизавета Аркадьевна съ комическимъ участіемъ спросила ее:

— Что же васъ вооружило противъ учености?

— Это самая скучная вещь. Стихи я люблю, и то, чтобъ хорошіе были. Я много знаю стиховъ.

— Какого же поэта больше вы читаете?

— А вотъ, у Лизы Вараковой, я недавно достала стишки Пушкина.

— Какіе?

— Хотите, прочитаю.

Лизавета Аркадьевна изъявила желаніе. Леночка сказала: «слушайте», и стала читать: «Какъ пошелъ нашъ воевода вдоль по Клязьмѣ погулять».

«Эхъ, бѣдняжка», подумалъ Обросимовъ: «теперь поднимутъ ее на смѣхъ».

— Хорошо? спросила Леночка, когда кончила чтеніе.

— Это не Пушкина стихи, сказала вдова.

— Пушкина, Лизавета Аркадьевна, Пушкина. Мнѣ Лиза Варакова говорила: она ужь знаетъ... Ахъ, вотъ Лиза Варакова ученость любитъ. Какъ начнетъ говорить: «жизнь моя стремится.:. родникъ души... идеалы...» просто смѣхъ!

— А вотъ вы читали, Елена Ильинишна, сказала вдова: — что пляшутъ самъ-другъ мужикъ съ бабою и они счастливѣе воеводы, — это правда?

Леночка задумалась.

— Какъ же можно, чтобы правда? вѣдь это стихи! отвѣчала она.

Лизавета Аркадьевна засмѣялась.

— Такъ и стихи лгутъ, какъ ученость?

— Ахъ, какіе вы, Лизавета Аркадьевна! За то это стихи, а то ученость. Неужели вы не понимаете? Смотрите, какъ хорошо выходитъ: «Въ минуту жизни трудную, тѣснится ль въ сердце грусть...» Она прочитала эти стихи съ увлеченіемъ...

— Это худо? сказала она: — я много стиховъ знаю...

— Это прекрасные стихи, отвѣтила Лизавета Аркадьевна, и потомъ перешла опять въ область разныхъ размышленій. Леночкѣ стало скучно отъ «учености» и, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, она напомнила Егору Иванычу, что онъ хотѣлъ посмотрѣть ея козу и голубей.

Леночка показала свою любимую козу съ голубой лентой на шеѣ, голубей, свои куртины. Потомъ стали гулять по саду. Мо-

лотовъ не чувствовалъ особеннаго стѣсненія. Онъ быстро развивался.

— Вѣдь я правду говорила? спросила Леночка.

— По крайней мѣрѣ, вы говорили то, что думали, чему вѣрите.

— А она?

— Не знаю, вѣритъ ли она тому, что говоритъ.

— Такъ зачѣмъ же она и говорила?

— Хотѣла порисоваться.

— То есть хвасталась? Да вѣдь она не про себя говорила, а такъ... разсуждала...

— Это тоже хвастовство...

— Какъ же такъ?... и не вѣрила?... ай, какъ это смѣшно!...

Леночка, по наивности своей, не знала, что можно вычитать какую нибудь хорошую мысль; вычитавши, запомнить ее хорошенько и для того даже на бумажку записать со всѣми красивыми оборотами, и потомъ сдѣлать изъ мысли игрушку. Обыкновенное лганье она понимала, но этого не могла себѣ представить. Ей на минуту пришла въ голову Варакова Лиза: «не такъ ли, какъ та?» но нѣтъ, у той бѣдняжки дѣйствительно «жизнь стремилась» изъ «родника души» и тому подобное, а эта не вѣритъ и говоритъ; притомъ правду говоритъ и не вѣритъ. «Вѣдь смѣшно выходитъ», подумала Леночка.

— Этого не бываетъ, сказала она.

— Бываетъ, Елена Ильинишна...

— Зачѣмъ же она говоритъ?

— Чтобы сказали, вотъ какая она умная женщина...

— Будто умными называютъ тѣхъ, кто такъ говоритъ?

— Да.

— За что же?

— Всѣ умные люди проповѣдуютъ то же самое...

— Такъ правда и то, что она о женихахъ разсказывала?

— Правда, отвѣчалъ Молотовъ, невольно улыбаясь...

— Когда же это сдѣлаютъ? скоро?

— Объ этомъ толкуютъ пока, да пишутъ...

— Ну, и что же?

— Больше ничего, Елена Ильинишна.

Леночка засмѣялась и вдругъ побѣжала, крикнувши: «нагоните».

Егоръ Иванычъ сразу поймалъ ее.

— Нѣтъ, снова; дайте мнѣ уйти сначала.

— Ну-съ.

Молотовъ опять поймалъ ее. Онъ замѣтно скоро развивался.

— Вы очень скоро бѣгаете... Хотите, я запрячусь? отъищите меня.

Молотовъ согласился. Онъ ушелъ въ бесѣдку.

— Пора! закричала Леночка.

Онъ прямо пошелъ на-голосъ и отыскалъ Леночку въ густыхъ кустахъ жимолости.

— Сразу нашли... теперь вы прячьтесь.

Онъ спрятался.

— Пора! крикнулъ Молотовъ.

Леночка тоже пошла на-голосъ, нагибалась подъ кусты, посмотрѣла за дерновымъ диваномъ.

— Пора! раздалось совсѣмъ съ другаго конца сада.

— А!... вы перепрятались... подождите же!...

Молотовъ сидѣлъ въ кусту. Онъ вдругъ почувствовалъ прикосновеніе къ шеѣ нѣжной, мягкой руки: онъ схватилъ руку и крѣпко сжалъ ее въ своей большой рукѣ... Леночка хохотала.

— Довольно прятаться... Давайте гулять... Хотите, я еще прочитаю стихи?

— Хочу.

— Пойдемте туда.

Они пошли къ забору въ тополевую аллею. Аллея разрослась густо, и солнце пробиралось между листьями на черную, проросшую травой дорожку бѣлыми пятнами. Съ боковъ дорожки кустами росла малина, сирень, жимолость, между ними огромная крапива и какая-то жирная трава подымались отъ земли. Пѣла пѣнка, маленькая желтая птичка, бойкая и шаловливая на свободѣ и не могущая трехъ дней прожить въ клѣткѣ: сейчасъ стоскуется, нахохлится и умретъ. Еще меньшая птичка, гвоздокъ, шмыгала по кустамъ; московки, чижи, пухляки, зяблы — всевозможная мелочь лѣсная и садовая—надували свои горла и издавали разнообразные писки. На верху стрижи визжатъ, воробей туда же пытается со своимъ дряннымъ голосомъ... Въ самой глуши сада стоялъ дерновый диванъ, по бокамъ въ черныхъ плѣшахъ и съ густой, сочной травой на срединѣ. Надъ диваномъ полубесѣдка, оплетенная хмѣлемъ. Тысячи мелкихъ звуковъ, производимыхъ насѣкомыми, составляли аккомпаниментъ птичьему хору, какого не создастъ ни одинъ художникъ въ мірѣ.

Сверчокъ барабанитъ, оса жужжитъ густо, кузнечикъ отколачиваетъ металлическіе звуки, тонкой иглой вставилъ комаръ свой голосъ, а на верху съ визгомъ несутся стрижи, а еще выше небо голубое, беспредѣльное, океанъ лазури и благодати божьей. Голосистый бабій крикъ слышенъ издалека. Въ воздухѣ дрожатъ и пѣсня.

— Сядемте, сказала Леночка. — Ну, слушайте: «Конченъ, конченъ дальной путь, вижу край родимый».—Она долго читала стихи. Молотовъ не ее слушалъ, а другую пѣсню, которая совершалась въ природѣ.

— Хорошо? спросила Леночка.

— Очень хорошо, отвѣчалъ Молотовъ.

Леночка смолкла.

«Нѣтъ, вотъ что хорошо», думалъ Молотовъ: «сидѣть въ такое время въ бесѣдкѣ, оплетенной хмѣлемъ, да еще хорошо, когда тутъ же сидитъ какая нибудь дѣвушка: все одно, любитъ она васъ или не любитъ, лишь бы кротко было выраженіе лица ея, лишь бы она не хохотала въ это время и не сантиментальничала, а сидѣла бы молча и смирно».

Лицо Леночки было именно кроткое и спокойное. Она угомонилась и сидѣла теперь сложа руки, не шевелясь, забыла «стихи» и «ученость». Закутавшись въ мантилью, она уеѣлась такъ удобно и ловко, что ей жаль было потерять положеніе головы, рукъ, стана, пошевелить ногой,—пріютилась, какъ котенокъ на солнцѣ, какъ дитя, которое, положивъ головку на руку, долго о чемъ-то задумается. . . . .

. . . .

Но вотъ въ душѣ ея непремѣнно промелькнуло что нибудь... Лобъ ея наморщился, черныя брови сошлись вмѣстѣ, глаза посмотрѣли какъ-то нехорошо, и малиновыя, какъ вишня, губки сжались, хорошенькое личико сдѣлалось совсѣмъ не хорошо. Она отбросила мантилью, ея локти сверкнули на солнцѣ и раскрылась красивая шейка.

— Пойдемте, Егоръ Иванычъ, на рѣку.

— Пойдемте, согласился Молотовъ, не охотно оставляя диванъ.

Они отправились на рѣку. Пришли.

— Нѣтъ, здѣсь страшно, всякій годъ тонутъ; пойдемте вонъ туда, на горку.

Пришли на горку.

— Нѣтъ, опять пойдете въ садъ; я устала.

«Что это съ нею?» подумалъ Молотовъ.

Когда они пришли и усѣлись подъ кимѣлемъ, Леночка совсѣмъ перемѣнилась: скучная такая, усталая, а въ хорошенькіе, черненькіе, какъ угольки, глазки, опущенные внизъ, просто не смотрѣлъ бы: такъ тамъ нехорошо, точно зависть оттуда выглядываетъ. Брови еще ближе сошлись; нижняя губка выдвинулась впередъ. Смотритъ Егоръ Иванычъ и недоумѣваетъ. Вздохнула Леночка такъ глубоко, такъ серьёзно. «Боже мой, что же это съ нею?... ай, какъ она постарѣла!»—Молотову стало жаль Леночки,

— Что за перемѣна съ вами, Елена Ильинишна? спросилъ онъ.

— Никакой перемѣны нѣтъ, отвѣчала она.

— Вы такая печальная, говорилъ Молотовъ съ участіемъ.

— Скучно мнѣ.

— Чего же вамъ скучно?

— Не знаю, отвѣтила Леночка.

У ней стали навертываться слезы.

Егоръ Иванычъ не зналъ, что дѣлать. Ему неловко было видѣть дѣвушкины слезы, какъ-то совѣстно. Онъ боялся оскорбить ее нескромными вопросами.

— Отчего же? спросилъ онъ съ замѣшательствомъ.

— Я думаю оттого, что жизнь моя худая...

Молотовъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ на эту бойкую, розовую, кисейную дѣвушку.

— И живешь здѣсь!... ну, что здѣсь?... особенно зимой.... снѣгомъ занесетъ.... волки воютъ.... никого нѣту.... одна маменька.... Какое это житье?

— Зачѣмъ же лѣтомъ зиму вспоминать, Елена Ильинишна?

— Ахъ, Егоръ Иванычъ, какъ иногда невесело бываетъ!... отчего это?

Молотовъ думалъ: «ну, что я скажу?... чего ей?... право, какая она!»

— Я думаю, оттого, что тамъ я росла.... Что я видѣла? ничего не видала.... Хоть бы братъ былъ у меня хорошій.... Сестра замужемъ и уѣхала.

— Вѣдь у васъ есть братъ? спросилъ Молотовъ.

— Богъ съ нимъ, съ этимъ братомъ.... Отчего это братья не любятъ сестеръ своихъ? И другія подруги тоже жалуются.

— А васъ братъ не любилъ?

— Нѣтъ.... Мы, бывало, у него не говоримъ, а дребезжимъ все.... Всегда, бывало, съ насмѣшкой, все на зло.... Маленькія росли, только и помню, что билъ да ломалъ мое, да ябедничалъ, а отецъ былъ такой угрюмый, строгій, всегда за старшихъ.... Что-нибудь сдѣлаетъ худое, да на меня же и нажалуется.... Прозвищъ всякихъ надавалъ... Не могъ азбуки выучить безъ колотушекъ... Теперь ему же маменька посылаетъ деньги; развѣ это хорошо? Мужчина долженъ самъ деньги доставать, а сестрамъ гдѣ взять?

Леночка помолчала.

— Была одна знакомая, продолжала она:—стала учить по-французски, такъ братецъ же отбилъ охоту,-коверкаетъ нарочно слова, и сестрица тоже хохочетъ... Ну, вотъ и житье!.. А строгость какая!.. всѣмъ воля, всѣмъ праздникъ, лишь мы никуда... У папеньки и не заикайся выѣхать куда нибудь... и на маменьку прикрикнетъ... какъ можно въ самомъ дѣлѣ?.. Развѣ такъ получаютъ образованіе?.. Все сама... потихоньку и манерамъ выучилась, и танцовать, и моду перенимать...

— У вашего отца, я слышалъ, было большое состояніе?

— Давно прожили, я еще маленькая была. Тогда папенька сталъ Богу все молиться... станетъ какую нибудь спасительную книгу читать, наставленія дѣлать, а потомъ бранить насъ... просто тоска!.. Что мнѣ Богу молиться? я гулять хотѣла!.. Чѣмъ я хуже другихъ?.. Говорятъ, Саша Песоцкая и умная, и хорошая, и все,—ничего нѣтъ хорошаго, а вотъ одѣвается хорошо, потому что богата...

«Что же это за Леночка?» размышлялъ съ недоумѣніемъ Молотовъ: «сначала я думалъ, что она хорошенькая, наивная, бойкая провинціалка, которой ничего не стоитъ назначить свиданіе съ мужчиной, которое, разумѣется, ни къ чему не поведетъ, — говорить разную наивную дребедень, играть въ прятки, словомъ: дѣлать тысячу дѣтскихъ шалостей. А теперь? ее одолѣваетъ скука жизни, ей не сойтись съ подругами, ей хотѣлось бы... хоть брата хорошаго... Кстати, сколько ей лѣтъ?» — Молотовъ не могъ опредѣлить года Леночки: «восьмнадцать ей или двадцать?»

Между тѣмъ Леночка продолжала жаловаться, и всего неожиданнѣе было, когда она перешла опять къ брату и сказала: «вѣдь онъ хорошій былъ... всѣмъ здѣсь дѣвицамъ понравился...

ловкій какой!.. смѣшилъ какъ!.. только какъ сестра ни любитъ брата, онъ не полюбитъ сестру».

Леночка замолчала.

— Что вамъ на это сказать? не поминайте стараго — Богъ съ нимъ... Можно еще поправить дѣло...

Леночка взглянула на него при этихъ словахъ.

— Читайте, учитесь, продолжалъ Молотовъ, и вдругъ остановился, вспомнивъ, что юноши наши всегда предлагаютъ это универсальное лекарство отъ всѣхъ дамскихъ болѣзней.

— Я неспособная, отвѣчала Леночка.

— Это неправда; вы такъ же способны, какъ и другія дѣвицы.

— Знаете что, Егоръ Иванычъ, одна цыганка мнѣ предсказала, что я не буду счастлива... Ахъ, Егоръ Иванычъ, какъ ее высѣкли тогда! и изъ деревни папенька велѣлъ выгнать ее... Я тогда еще маленькая была.

— Что жъ, вы вѣрите?

— Иногда и правда выходитъ. Та же цыганка предсказала, что моя сестра будетъ за офицеромъ,—такъ и вышло.

— Но вѣдь ту же цыганку высѣкли, а она не могла это узнать...

— Да... протяжно сказала Леночка: — а все же страшно. Зачѣмъ бы ей говорить, что вотъ Богъ тебѣ счастья не дастъ?

— Со злости.

— Ей не на что было сердиться.

— Этого нельзя знать, Елена Ильинишна.

— Ай, какая я странная! вдругъ сказала Леночка:—зачѣмъ это я все говорила?... Вы, Егоръ Иванычъ, не будете смѣяться?

— Въ вашихъ словахъ ничего не было смѣшнаго. Вы видѣли, какъ я васъ слушалъ.

— Вамъ какъ будто удивительно было? Какъ я—не говорятъ дѣвицы...

Молотовъ немного покраснѣлъ. Онъ дѣйствительно не безъ удивленія слушалъ Леночку. Но у Егора Иваныча было много добродушія. Онъ вѣрилъ, что человѣкъ рѣдко бываетъ виноватъ въ недостаткахъ своихъ, что его портятъ воспитаніе и другія условія жизни; онъ давалъ громадное значеніе внѣшнимъ обстоятельствамъ, вѣрилъ, что въ самой темной душѣ бываетъ искра божія, которая, лишь только подуетъ благотворный вѣтеръ,

можетъ разгорѣться прекраснымъ пламенемъ. «Чужая душа — потемки» — это была одна изъ любимыхъ его поговорокъ. Поэтому онъ не рѣшался осудить Леночку, не думалъ и смѣяться надъ ней; ея странная откровенность возбуждала его жалость. Можетъ быть, тутъ дѣйствовала и еще какая нибудь причина. Чего не случается на свѣтѣ? Кто жь ее знаетъ! можетъ, ей и въ самомъ дѣлѣ трудно было на душѣ, напала тоска, захотѣлось высказаться,—вотъ и явилась неожиданная исповѣдь. Она, быть можетъ, сама себѣ бы разсказала, первому воробью стала бы жаловаться, цвѣтку, кусту сирени. Да, бываютъ въ жизни человѣка рѣдкіе моменты, когда возникаетъ въ душѣ жажда откровенности и рѣчей, хотя послѣ часто и стыдно бываетъ, особенно когда догадаетесь, что васъ слушали безъ сочувствія.— «Экъ меня разносило!» думается увлекшемуся человѣку: «опять, опять не утерпѣлъ!.. Зачѣмъ было высказываться до такихъ подробностей? Къ чему эти вопли, которые не нормальное же мое состояніе?... Развѣ первый разъ ощутилъ я приливъ этихъ чувствъ? Надобно смотрѣть на другихъ: всѣ спокойны, не увидишь одушевленнаго лица — всѣ, какъ доска, безъ выраженія, не услышишь сильно поднятой ноты въ голосѣ. Мало ли, что вчера было больно, нестерпимо, кричать хотѣлось, а сегодня больно отъ неумѣреннаго крику.» — Но напрасно человѣкъ заклинаетъ горячее слово и откровенную бесѣду; когда созрѣетъ вопль душевный, радостный или печальный, опять явится откровенность, потому что это законъ физіологическій и психическій, это законъ природы. Есть какой-то хмѣль въ откровенности; она одуряетъ и увлекаетъ; и какъ радъ человѣкъ, когда найдетъ другаго человѣка, и когда онъ, оглядѣвшись, увѣрится, что надъ его мыслью никто не стоитъ, запретъ двери — и тутъ-то польются рѣчи рѣкой, и тогда именно можно заговориться до охмѣленія. Поговорить хоть, если нельзя дѣлать; хоть потихоньку, если нельзя вслухъ. Кто не испытывалъ этого блаженства рѣчи?... Вотъ и Леночка высказала жалобу, назрѣвшую въ душѣ ея: она не могла не говорить въ данную минуту; хотѣла бы, да не могла. Каковы ея жалобы, то другой вопросъ. Молотовъ не зналъ, что̀ отвѣчать на Леночкины слова: «вы не станете смѣяться, Егоръ Иванычъ?» Онъ чувствовалъ, что Леночка съ болѣзненнымъ напряженіемъ ожидала отвѣта, что она боится за свою откровенность, и потому онъ отвѣчалъ съ одушевленіемъ:

— Увѣряю васъ, Елена Ильинишна, что ничего нѣтъ смѣшнаго въ вашихъ словахъ... напротивъ...

— Что напротивъ?... вамъ жалко было?

Молотовъ отвернулся въ сторону, — такъ ему неловко было отъ подобнаго вопроса. «Неужели же сказать: жалко было?» думалъ онъ. Егоръ Иванычъ ощутилъ острое чувство, легко непятное для человѣка, который не любитъ, когда при немъ рѣжутъ пробку, скрипятъ дверью или водятъ гвоздемъ по стеклу.

— Вы только никому не разсказывайте, просила Леночка.

— Помилуйте, я это понимаю.

— Вы добрый, Егоръ Иванычъ... право... А я все-таки странная... чудачка... Ну, да ничего... вы никому не скажете.

Потомъ Леночка попросила у Молотова стиховъ Пушкина, которые онъ и обѣщалъ прислать ей. И Леночка совсѣмъ повеселѣла. Они отправились домой. Егоръ Иванычъ думалъ, что давно пора. Онъ боялся, чтобы не обратили вниманія на ихъ долгое отсутствіе. Но Обросимовъ съ дочерью пошли прогуляться по деревнѣ и не позвали молодыхъ людей; мать же Леночки и не подумала о нихъ. У насъ на долю иныхъ дѣвушекъ выпадаетъ удивительно широкая свобода—что̀ хотятъ, дѣлаютъ. У иныхъ очень умны матери, а у иныхъ очень глупы. Мать Леночки была забита мужемъ, пріучена къ подчиненію чужой волѣ, и когда Леночка стала подростать, Аграфена Митревна подпала ея вліянію.

Такъ и завязывались отношенія между молодыми людьми. Впрочемъ они еще не опредѣлились, хотя и можно замѣтить, что Молотовъ былъ болѣе страдательнымъ лицомъ. Что это значитъ? безхарактерность его? Онъ всему какъ-то странно подчиняется. Вотъ и Леночка — во всемъ указывала дорогу. Она первая написала письмо, первая руку пожала, первая пустилась въ откровенности и едва не слезы, да и во всемъ она какъ-то умѣла указать череду. Она била его цвѣтами, едва не обняла, когда отыскала въ кусту, кричала ему «пора» и его заставляла кричать «пора». Какой-то узелокъ завязывался въ ихъ отношеніяхъ. Характеръ Леночки нѣсколько опредѣлился, а Молотовъ до сихъ поръ стоитъ какой-то молчаливой фигурой. Мы до сихъ поръ видѣли только, какъ онъ работаетъ. Чѣмъ-то онъ скажется?

Время летѣло такъ быстро, какъ оно можетъ летѣть только въ молодые годы. Съ каждымъ днемъ Егоръ Иванычъ занимался усерднѣе, потому что съ каждымъ днемъ прибавлялась срочная работа. Онъ по прежнему беззаботенъ и юношески счастливъ, по прежнему вѣритъ въ себя и ближнихъ. Намъ, старикамъ, досадно бываетъ видѣть эту безпечность и вѣру юности. Нетрудно разочарованіе для того, кто съ-молоду ознакомился со зломъ, да и какое очарованіе для того, кто семилѣтнимъ ребенкомъ на грошъ не вѣрилъ своему товарищу, что его надуютъ или сдѣлаютъ какую-нибудь пакость? Такой человѣкъ ходитъ всегда осторожно. Но вотъ такіе люди, какъ Егоръ Иванычъ, долго и упорно сохраняютъ розовый взглядъ на міръ Божій. Правда, и онъ знаетъ, что зла очень много въ мірѣ и очень много подлыхъ людей. Но спросите же его, откуда это онъ узналъ, — «слышалъ, читалъ», отвѣтитъ онъ вамъ.—Гдѣ подлые люди? — Они представлялись ему «тамъ», въ «мірѣ», въ «свѣтѣ». И ходилъ онъ, не глядя подъ ноги, не всматриваясь въ окружающія его лица, не написана ль на нихъ подлость. Неужели онъ долго еще не разочаруется, долго сохранитъ этотъ ясный, спокойный взглядъ, который такъ досаденъ намъ, старикамъ. Мы согласны, что юношеское невѣдѣніе завлекательнѣе нашего старческаго знанія; но все-таки старческое знаніе лучше юношескаго невѣдѣнія. Да извинитъ читатель старика, который не могъ посмотрѣть на юношу безъ зависти!

Воскресенье. Молотовъ свободенъ сегодня. Все дозрѣвало въ саду Обросимова, какъ и во всѣхъ садахъ приволжскихъ. Громадные, въ кулакъ величиною, яблоки гнули вѣтви деревъ; малина въ полномъ соку, а вишня уже перезрѣла; тяжелыя кисти красной смородины висятъ до земли. Легкій вѣтеръ приподнимаетъ ароматъ въ саду, въ чистомъ и прозрачномъ воздухѣ, и ходитъ въ огромной, не кошеной травѣ, ходитъ вольно и скромно. Ровные, степенные звуки въ природѣ, птицы поютъ не весенними голосами. Хорошо въ такую погоду забраться въ малину и полной рукою обирать крупныя ягоды. Знаете ли вы то счастье, то довольство собою и всѣмъ міромъ, которое вытекаетъ чисто изъ физическихъ причинъ? Непремѣнно знаете, если вы здоровый человѣкъ. Молотовъ наслаждался этимъ физическимъ счастьемъ. Онъ недавно выкупался; грудь дышетъ свободно; охладѣвшее тѣло согрѣвается теплымъ солнцемъ, щеки его пылаютъ здоровьемъ, въ тѣлѣ легко переливается молодая, неиспорчен-

ная кровь. Онъ силенъ въ настоящую минуту, что угодно подниметъ; но это спокойная, сосредоточенная въ себѣ сила. Онъ оперся о сукъ яблони, и суставы у него хрустнули въ пальцахъ. Вѣтеръ приподнялъ воротнички его рубашки и пробрался за пазуху. Стрижъ рѣзнулъ своимъ пронзительнымъ голосомъ надъ самой головой его, оставивъ звукъ жести въ воздухѣ, такъ-что онъ поневолѣ закрылъ ухо. Недозрѣлое яблоко, падая, ударило его по плечу. Онъ взялъ яблоко, насадилъ его на хлыстъ и, потѣшаясь, какъ мальчикъ, запустилъ его подъ облака. «Какая вкусная малина!» думаетъ онъ: «однако довольно».—Но солнце такъ привѣтливо играетъ въ пунцовомъ золотѣ одной ягоды, что сама рука протянулась къ ней, а другая еще привлекательнѣе смотритъ изъ-подъ зеленаго листа, а третья еще соблазнительнѣе... и онъ эпикурейски роскошествуетъ... Но вотъ его рука остановилась на полдорогѣ къ ягодѣ, взоръ его неподвиженъ, вся фигура не колыхнется. Увидалъ онъ что нибудь? ничего не увидалъ, а просто въ полусонномъ, въ полубодрственномъ состояніи замеръ, вдыхая легко и ровно воздухъ. О чемъ же онъ задумался? Ни о чемъ не задумался, или, по крайней мѣрѣ, самыя незамѣтныя, милолетныя, мелкія и легкія впечатлѣнія проходятъ по душѣ. Это самыя простыя, едва не животныя отношенія къ природѣ. Такъ неподвижно иногда виситъ вѣтка въ воздухѣ, такъ ребенокъ задумчиво смотритъ на огонь, такъ прудъ стоитъ, не колыхнется при вечернемъ освѣщеніи солнца. Мысль его замерла, ушла въ глубь души. Ему хорошо, и черная зависть и злость тревожатъ мое старческое сердце, никогда не видавшее такихъ безмятежныхъ дней. Вотъ мягкій вѣтеръ пахнулъ ему въ лицо и повелъ бархатомъ по щекѣ. Пѣнка обратила его вниманіе, а рука, остановившаяся въ воздухѣ, подноситъ ягоду къ устамъ. Въ это время въ калиткѣ мелькнуло кисейное платьице.

— Елена Ильинишна! проговорилъ Молотовъ.

— Здравствуйте! отвѣчала Леночка.

— Вы однѣ?

— Съ маменькой.... Что вы такъ пристально на меня смотрите?

Молотовъ покраснѣлъ.

— Говорите же...

— Да ничего... такъ... мало ли...

Въ ихъ обращеніи замѣтно что-то новое. Они какъ будто

стыдятся другъ друга. Леночка, начавшая разговоръ, притихла и смолкла. Былъ шестой часъ вечера. Они отправились въ одну изъ бесѣдокъ сада...

. . . .

Позвольте разсказать небольшую исторію о стрижѣ. По маленькой аллеѣ бѣжалъ Володя съ новымъ прутомъ въ рукахъ. Мимо самаго носа его пролетѣлъ стрижъ. Володя побѣжалъ на другую бесѣдку, оглядѣлся, взлѣзъ на крышу и сталъ бросать въ воздухъ перья и пухъ. Стрижи хватали ихъ на-лету. У Володи явилось страстное желаніе поймать стрижа, этого мошенника, который не боится ни ястреба, ни человѣка, который такъ досадно смѣлъ, что летитъ едва не между ногъ вашихъ, летитъ стрѣлой по улицѣ и полю, вьется съ трепетомъ и крикомъ на рѣкѣ передъ погодой.

— Подожди же, я тебя поймаю, разговаривалъ Володя съ птицей, а птица, какъ на зло, летитъ мимо его.

— Хорошо! говоритъ Володя.

Шевельнулась береза надъ его головой, закачались вѣтви, зашептали листья.

— А ты чего трясешь листьями?... Тебѣ что смѣшно? Посмѣйся, когда я поймаю его!

Володя со всѣми перессорился.... Потомъ онъ, приложивъ палецъ ко рту, немного подумалъ и сказалъ:

— А!... подожди же!

Онъ бѣжитъ по малиновой аллеѣ къ Егору Иванычу.—«Егоръ Иванычъ все знаетъ; онъ поймаетъ стрижа.»—Но что̀ поразило его, когда онъ добѣжалъ до другой бесѣдки? отчего онъ остановился у полуотворенной двери?

— Цалуется кто-то? проговорилъ онъ въ раздумьи. — Ахъ, какой я чудакъ! прибавилъ онъ сейчасъ же:—это мнѣ послышалось.

И Володя рѣзво вбѣжалъ въ бесѣдку.

Егоръ Иванычъ сказалъ, что онъ не знаетъ, какъ поймать стрижа, онъ обѣщалъ подумать. Тѣмъ и кончилась эта маленькая исторія. . . . .

Молотовъ и Леночка вышли изъ бесѣдки. Молотовъ смотрѣлъ въ землю, точно совѣсть у него не чиста. Леночка смотрѣла въ сторону, изрѣдка бросая косвенные взгляды на своего спутника. Глаза ея горѣли, они еще чернѣе стали, глубже и въ то же время

острѣе. Вы догадываетесь, куда они пошли? къ мельницѣ. Леночка была тиха и застѣнчива.

Шли молча и скоро. Егоръ Иванычъ не могъ оторвать своего взгляда отъ земли. Но Леночка оправилась нѣсколько; разъ, другой взглянула прямо на Молотова, почти повисла на его рукѣ, и такъ близко наклонилась къ его плечу, что жаръ ея щеки охватилъ его лицо.

— Очень скоро, прошептала Леночка.

Молотовъ еще ниже наклонился, точно каждое слово Леночки имѣло особую силу, садилось на его спину и гнуло ее.

— Теперь очень тихо, сказала она.

Въ душѣ Егора Иваныча совершалось небывалое, никогда имъ неиспытанное. Онъ со страхомъ прислушивался къ трепещущему своему сердцу. Леночка нѣжно смотрѣла на Молотова, а его душа ныла отъ тоски; что-то неопредѣленное, смутное, но тяжелое безпокоило его. Нехорошія мысли появлялись въ головѣ. То краска выступала на лицо, то въ глазахъ свѣтилась грусть, а въ то же время въ крови жаръ, въ головѣ туманъ; прохладный воздухъ душенъ для него. Сидитъ онъ молча, уйти ему не хочется, хотя онъ, долго не думая, и порывается соскочить и броситься бѣжать, но... хочется сидѣть тутъ, взглядывать на Леночку, слушать шорохъ ея платья, ощущать жаръ близкой къ лицу ея горячей щечки. Сердце расширяется, и тоскливое чувство, сухое и неласковое, переходитъ въ робкое предчувствіе еще незнаемаго существованія, въ ожиданіе событій душевныхъ, которыхъ онъ никогда не зналъ и не понималъ. На лицѣ его было написано: «что̀ со мной будетъ? случиться что-то хочетъ.» Полумысли нехорошія, которыя Богъ-вѣсть откуда выходили, изъ совѣсти иль разсудка,—пропадаютъ. Все становится просто и понятно: и плескъ рѣки, и киванье ивы, и долгій вздохъ Леночки, и птичья пѣсня. Но вдругъ онъ спрашиваетъ себя: «что̀ я дѣлаю?»

— Егоръ Иванычъ, шепчетъ Леночка.

Молотова лицо серьёзно. Онъ обдумалъ рѣшительный шагъ. Онъ хочетъ встать...

Леночка положила голову на его плечо... Молотовъ вздрогнулъ и закрылъ лицо руками... Леночка смотрѣла своими чудными глазами въ голубое небо задумчиво, мирно, кротко. Какая тихая, прекрасная жизнь горѣла въ глазахъ ея!

— Я въ монастырь пойду, Егоръ Иванычъ.

— Зачѣмъ?

— Спасаться буду...

— Что за мысли, Елена Ильинишна?..

Егоръ Иванычъ молчалъ, тоскливо глядя въ воздухъ. Леночка то ляжетъ ему на плечо, то опять приподниметъ голову; разбираетъ его волосы; одна рука ея лежитъ въ его рукѣ; вздохнетъ, прищурится и опять откроетъ свои блестящіе глаза. Вотъ щека ея такъ близко къ щекѣ Молотова. Егоръ Иванычъ взглянулъ ей въ лицо, взоры ихъ встрѣтились, и—не знаемъ, кто изъ нихъ кого поцаловалъ: губы ихъ слились... У Егора Иваныча голова кружилась, въ груди точно молоты стучатъ... Вѣтеръ отпахнулъ кисейный рукавъ Леночки и покрылъ лицо Молотова...

— Люби меня, Егорушка, прошептала Леночка.

Молотовъ молчалъ.

— Хоть не навсегда, хоть немного.

Молотовъ молчалъ.

Леночка поцаловала его въ лобъ.

Молотовъ ни слова.

И пѣли птицы тихія пѣсни. Рѣка въ крутыхъ берегахъ поднимала грудь свою; винтомъ прошелъ лучъ солнца до самаго дна рѣки; летитъ мошка надъ водой; кузнечикъ трепещетъ въ осокѣ; толпы комаровъ вѣнчаютъ свадьбу; по травѣ прошелъ мягкій вѣтеръ и стыдливо прокрался въ сочныя волны ея; горитъ мѣдный крестъ колокольни... И поютъ легкія птицы тихія пѣсни, и радуется мое оскопленное, старческое сердце, глядя на счастье молодыхъ людей... Чужая любовь расшевелила его. Играйте, дѣти, играйте!.. мы, старые люди, будемъ любоваться на васъ...

Егоръ Иванычъ всталъ. Лицо его озабочено. Онъ прислушивался къ чему-то. На берегу показался Володя.

— Егоръ Иванычъ, васъ папа проситъ къ себѣ.

Молотовъ и Леночка пошли назадъ...

— Егоръ Иванычъ, спросилъ Володя.

— Что вамъ угодно?

— Сдѣлайте дудочку.

— Пожалуйте, сдѣлаю дудочку.

Леночка съ Аграфеной Митревной отправились домой. Все семейство Обросимовыхъ было въ кабинетѣ, куда пригласили и Молотова.

— Вамъ завтра ѣхать въ городъ, Егоръ Иванычъ, объявилъ помѣщикъ...

— Хорошо-съ, отвѣтилъ Молотовъ; не первый разъ въ его всегда покорномъ «хорошо-съ» слышалась досада, которой впрочемъ никто не замѣтилъ.

— Кстати, Егоръ Иванычъ, будьте такъ обязательны, не завезете ли письмо къ Казаковой; къ ней въ сторону не болѣе четырехъ верстъ...

— Хорошо-съ, отвѣтилъ Молотовъ.

— Мамаша, пусть Егоръ Иванычъ купитъ барабанъ; вы давно обѣщались.

— Хорошо-съ, отвѣтилъ Молотовъ.

— Кстати, захватите фунта три табаку.

— Хорошо-съ.

— Заверните на почту, нѣтъ ли писемъ?

— Хорошо-съ.

— Не можете ли узнать, по чемъ ходятъ сукна?

— Хорошо-съ.

— Вы бы записали, а то забудете что нибудь...

— Я запишу-съ.

Молотовъ раскланялся и вышелъ. «Чортъ знаетъ, что такое!» думалъ онъ: «на шею, что ли, хотятъ сѣсть? Не все же хорошо-съ!... Конца нѣтъ разнымъ претензіямъ». Но Молотову скоро совѣстно стало отъ своихъ мыслей. На него не смотрѣли какъ на наемщика; къ нему обращаются, не стѣсняясь, не думая, что у него есть заднія мысли. Ему надобно и самому купить кое-что въ городѣ; онъ ожидалъ письма отъ Негодящева. Онъ обязанъ ѣхать въ городъ. Главное же то, что онъ любитъ Обросимовыхъ, и если у него явилась досада, такъ будто мы не досадуемъ на того, кого любимъ?

Такъ, наконецъ, дошло и до того, что Егоръ Иванычъ любитъ Леночку? Она положила на широкое плечо Молотова свою милую головку, съ роскошной косой, съ черными, страстными глазами, вишневыми устами и розовыми, горящими яркимъ румянцемъ щечками.... Онъ любитъ?... Ему не заснуть сегодня спокойно, не усидѣть дома. Онъ гуляетъ ночью, и, значитъ, по всѣмъ признакамъ, онъ любитъ. Прощальный поцалуй горѣлъ на его щекѣ.... Онъ ощущаетъ силу въ сердцѣ, полноту въ тѣлѣ.... Вотъ онъ остановился у рѣки и смотритъ въ ея тихую воду; забылся совершенно, прислушиваясь къ го-

лосу какой-то ночной птицы. «Завтра въ городъ поѣду», думаетъ онъ: «нѣтъ ли письма отъ Негодящева?» Сѣлъ на берегъ, и напѣваетъ что-то; бросилъ камень въ воду, и прислушался чутко къ паденію его и всплеску рѣки.... Опять поцалуй загорѣлъ на его щекѣ; но вдругъ сердце сжалось, онъ со страхомъ оглядѣлся вокругъ, но ничего не увидалъ среди темной ночи. Егоръ Иванычъ быстро всталъ и крупными шагами пошелъ къ дому. Новыя мысли заходили въ головѣ. «Это слишкомъ, это слишкомъ!» прошепталъ онъ: «Боже мой! къ чему же все это поведетъ?» Поцалуи не горѣли на его щекахъ. «Что я тутъ за роль играю?» Егоръ Иванычъ, наклонивши голову, шелъ быстро. Если бы не ночь, можно бы разсмотрѣть сильное волненіе во всей его фигурѣ. «Вѣдь это значитъ», началъ онъ вслухъ и не договорилъ, что «это значитъ», а неожиданно, какъ вкопанный, остановился на дорогѣ. Егоръ Иванычъ вслухъ говоритъ. Есть люди съ сильно-развитымъ воображеніемъ, имѣющіе привычку разговаривать съ самими собою: они остаются до старости дѣтьми, играющими вслухъ. Егоръ Иванычъ не по той причинѣ заговорилъ: по всѣмъ признакамъ, онъ любитъ... «Боже мой!» прошепталъ онъ и двинулся большими шагами. Долго шагалъ онъ. Но вотъ.... Молотовъ идетъ тише, дыханіе ровнѣе, онъ видитъ что-то въ воздухѣ, ноздри дышутъ широко, раскрываются губы и онъ цалуетъ воздухъ.... Но, чортъ возьми, зачѣмъ это лѣзутъ въ голову думы, смущающія мысли? Зачѣмъ припоминается та страстная ночь, фантастическая ночь, когда онъ слышалъ плачъ и смѣхъ своей «по гробъ вѣрной и любящей» дѣвы? Зачѣмъ старый образъ тревожитъ душу? Иль онъ не старый, не пережитый, не забытый еще? «Эва, ученость-то!» въ ухѣ самъ собою возникаетъ этотъ раздражающій нервы звукъ, дразнитъ его и сердитъ, и тревожитъ совѣсть. Онъ хватается за голову руками, а въ головѣ жаръ отъ приливщей крови. «Неужели такъ любятъ?» раздумываетъ онъ: «такъ ли?» разводитъ руками и шагаетъ сердито. «Говорятъ, кто любитъ, не стыдится своей любви.... правда ли это?.. можетъ быть, и не такъ?» Безпокойныя, требующія отвѣта мысли не отстаютъ отъ него. «Вѣдь это не шутка, серьёзное дѣло!» Такъ волнуясь, онъ дошелъ до дому, вошелъ въ комнату. Онъ зажегъ свѣчу и сѣлъ къ окну. Мракъ ночной увеличивался отъ комнатнаго свѣта. Онъ долго смотрѣлъ въ открытое окно: темно, ничего не видать; лишь слышно, какъ шепчутся листья и скрипитъ калит-

— Стану я въ пустынѣ проповѣдывать... Вотъ хоть Егоръ Иванычъ — дѣльный человѣкъ, куда хочешь, его употреби; а откройся мѣсто, сейчасъ въ чиновники уйдетъ. Будь же у насъ просвѣщеніе сильнѣе, такихъ Егоровъ Иванычей явились бы тысячи. У насъ бы каждая деревня имѣла своего учителя, врача, издавала бы каждая деревня свою газету. А теперь? нѣтъ людей, нигдѣ нѣту, оттого они и дороги.

Значитъ, мы не ошиблись, когда сказали, что не нашъ національный экономическій законъ существовалъ въ отношеніяхъ Молотова и Обросимова. Въ основаніи этихъ отношеній лежалъ принципъ просвѣщеннаго человѣка, и, что всего удивительнѣе, этотъ принципъ существовалъ уже лѣтъ четырнадцать назадъ, а разные обличители кричатъ, что мы спали все это время... нѣтъ, мы принципы вырабатывали, которые теперь во многихъ мѣстахъ нашли уже практическое приложеніе. Многіе гораздо ранѣе севастопольской войны понимали, что образованіе намъ необходимо, что тогда дешевле будутъ люди, и многіе тогда уже, изъ просвѣщенныхъ видовъ, отдавали *своихъ людей* въ науку и дома устроивали школы. Усильте просвѣщеніе, ученыхъ будетъ много,—оттого они сдешевѣютъ, придутъ къ намъ просить работы и за дешевую цѣну будутъ дѣлать отлично дѣло. Словомъ, намъ будетъ выгоднѣе. И выходитъ, что Аркадій Иванычъ былъ передовой человѣкъ... Послѣ доброй бесѣды всегда посѣщаетъ душу и чувство доброе.

— Отчего это, жена, мы не цалуемся давно? спросилъ передовой человѣкъ.

— Стары стали...

— Будто старикамъ запрещено цаловаться...

Раздался поцалуй въ той самой бесѣдкѣ, по поводу которой мы разсказали небольшую исторію о стрижѣ.

— Господи, какъ время-то идетъ! говорилъ Аркадій Иванычъ: — двадцать семь лѣтъ прошло послѣ свадьбы, а ты и теперь еще не дурна.

Раздался снова поцалуй... Только два поцалуя и было. Обросимовы отправились домой.

Егоръ Иванычъ однажды думалъ: «отчего это здѣсь въ Обросимовкѣ хорошо такъ, легко живется?» — Между прочими причинами отъискалась и такая: «весело смотрѣть, какъ всѣ счастливы здѣсь, а счатье заразительно.» Какъ же онъ долженъ

быть счастливъ, когда, двадцать семь лѣтъ спустя послѣ свадьбы, здѣсь раздался нѣжный поцалуй?

Всю душу его поворотило.

— Плебей?.. нищій?.. дворянскаго гонору нѣтъ?.. а я, дуракъ, думалъ, что они меня любятъ и довѣряютъ мнѣ... Черти, черти! они мнѣ подачку готовятъ!.. Вотъ какъ они смотрятъ на меня! хорошо же!..

А что «хорошо же?» Первая мысль, которая пришла ему въ голову, это оставить домъ Обросимова; второю, что онъ издержался въ городѣ и у него не много осталось денегъ. Думалъ, думалъ онъ, и конца не было тяжелымъ думамъ. Онъ дошелъ наконецъ до того, что сказалъ: «ну, Богъ съ вами!.. не нужны вы мнѣ!» а потомъ не вытерпѣлъ и сряду же обругался: «негодяи, аристократишки, бары-кулаки!» Припомнились ему думы въ какой-то прекрасный вечеръ: «жизнь Обросимова—это жизнь человѣка образованнаго, но не поломаннаго, жизнь подъ тѣми же липами, подъ которыми онъ родился и гдѣ протекло его дѣтство». Теперь онъ смѣялся надъ своими старыми мыслями. Шевельнулись невѣдомые до сихъ поръ вопросы; они смутно пробивались: «куда лежитъ моя дорога? кому я нуженъ на свѣтѣ?.. одинъ, одинъ!.. и съ Андреемъ, кажется, покончено?.. Но куда бы то ни было, а уйду отсюда». Очень тяжело было молодому человѣку, но онъ еще не созналъ своего положенія. Наступила ночь, и онъ скоро забылся.

Проснулся Егоръ Иванычъ, какъ и всегда, въ добромъ расположеніи духа. Онъ припоминалъ какой-то сонъ, который совершенно выскользнулъ изъ памяти, и оттого выраженіе его лица было неопредѣленное. Онъ не могъ даже припомнить, каковъ былъ сонъ, хорошъ или худъ. Но то не сонъ былъ, а дѣйствительность вчерашняго дня: она не сразу далась его сознанію, а сначала смутно, какъ забытый сонъ, представлялась ему. Мое старое сердце радовалось и питалось желчью: оно видѣло послѣднія минуты дѣтскаго счастья, золотаго, молодаго счастья; оно не завидуетъ теперь, оно спокойно. Теперь плебей узналъ, что его кровь не освящена столѣтіями, что она черна, течетъ въ упругихъ, толстыхъ, какъ верви, жилахъ, и твердыхъ нервахъ, а не подъ атласистой бѣлой кожей въ голубыхъ нитяхъ и нѣжныхъ... Мое старое сердце знаетъ, что человѣкъ самъ

усомнится въ своихъ достоинствахъ, когда познаетъ этотъ общественный, мало того—общемировой законъ, который такъ осязательно представился тебѣ... Ты почувствуешь силу, которая существуетъ во всѣхъ странахъ міра, которой до сихъ поръ не зналъ и которой не вѣрилъ.

Егоръ Иванычъ слово въ слово припомнилъ разговоръ помѣщика, и въ тотъ день онъ перекреститься еще не успѣлъ, а уже ругался. Онъ почувствовалъ въ себѣ присутствіе дурныхъ инстинктовъ, которые теперь проснулись въ немъ: въ немъ злость заходила, драться ему хотѣлось. Потомъ въ каждой чертѣ его лица, въ складѣ губъ, въ глазахъ, поворотѣ головы выразилось глубокое, безпощадное презрѣніе. Въ грубыя и крупныя слова одѣвалась мысль его. — «Бѣлая порода!.. чѣмъ же мы, люди черной породы, хуже васъ? Мы мѣщане, плебеи, дворянскаго гонору у насъ нѣтъ? У насъ свой есть гоноръ!»—Такъ онъ глупъ и гордъ былъ, что ему вѣрить не хотѣлось въ возможность вчерашнихъ рѣчей о породѣ.—«Быть не можетъ!.. за что же!.. чѣмъ мы хуже ихъ?» — Нелѣпостью ему представлялся вчерашній разговоръ, нарушеніемъ здраваго смысла. «Неужели вездѣ такъ?» шевельнулся у него вопросъ, и сердце у него упало. Иногда достаточно одного случая, чтобы убѣдиться въ тысячѣ подобныхъ; есть факты, въ которыхъ выражается идея, присущая многимъ фактамъ. Когда онъ понялъ, что Обросимовы оттолкнули его подъ вліяніемъ общественнаго закона, что ему предложили держаться дальше, не спрашиваясь его согласія, а не то его безъ церемоніи отодвинутъ, и онъ долженъ будетъ попятиться,—тогда тоска напала на него.—«За что же?» прошепталъ онъ: — «да нѣтъ! этого быть не можетъ!» Молотовъ не могъ примириться съ мыслью, что онъ явился на свѣтъ неполнымъ человѣкомъ, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ; что для многихъ оскорбительно, когда онъ будетъ относиться къ нимъ открыто и съ достоинствомъ, какъ къ равнымъ. — «Не нужны вы мнѣ! но за что же?» онъ спрашивалъ. Не нужны? нѣтъ, ему тяжело было убѣдиться, что Обросимовы не могутъ уважать его, какъ они уважаютъ своего собрата. Этотъ человѣкъ, не понимавшій до сихъ поръ, что онъ мѣщанскій сынъ, былъ жалокъ въ настоящую минуту. — «При всемъ этомъ они думаютъ, что я навязывался къ нимъ, хотѣлъ быть своимъ въ этой барской семьѣ?» Совѣсть ему отвѣтила: «да, сначала ты, по какому-то инстинкту, не хотѣлъ сближать-

ся съ этими людьми, а потомъ обманулся и считалъ помѣщика чуть не родственникомъ; ты думалъ, что всѣ, какъ старый профессоръ, будутъ тебѣ бабушкой». Онъ, какъ обожженный, соскочилъ отъ этой мысли и, разумѣется, обругался, но теперь онъ себя бранилъ. Тогда сказалась эта гордая натура. Ему совѣстно было самого себя. — «Какъ я заискивалъ? это съ какой стати? развѣ они нужны мнѣ?» — этотъ вопросъ невыносимо мучилъ его. «Нѣтъ, я имъ скажу, что они лгутъ; я въ нихъ не нуждаюсь и знать ихъ не хочу». Но лишь только явилась эта неразумная мысль, какъ Егоръ Иванычъ отказался отъ нея.—«Это значило бы, что я претендую, зачѣмъ не сталъ своимъ въ ихъ семьѣ... Это та же навязчивость!»—Послѣ того, онъ рѣшился не показывать и виду, что слышалъ несчастный разговоръ, такъ обидѣвшій его гордость, возмутившій его душу; онъ понялъ, что тогда еще больнѣй, еще обиднѣй было бы для его гордости. И въ то же время онъ почувствовалъ, что отдѣляется отъ общей массы людей, перестаетъ быть какою-то неопредѣленною личностью, онъ находитъ свое мѣсто въ обществѣ и занимаетъ его. Люди, прежде близкіе, стали ему чужды и далеки. Онъ, зорко наблюдая окружающія его лица, къ удивленію своему находилъ, что они незнакомы ему, что онъ видѣлъ только похожія на эти, но не эти самыя. У матери совсѣмъ не доброе лицо; въ глазахъ папаши такъ и свѣтится дворянинъ-кулакъ; у дочери лицо красивое, но посмотрите, какое надутое. — «Это не наши», говорилъ онъ: «какъ же я не разглядѣлъ ваши рожи?» (онъ въ патическихъ мѣстахъ часто употреблялъ крупныя выраженія). «Гдѣ же наши?» спрашивалъ онъ: «кому же я-то нуженъ?» — Все его безпокоитъ, дразнитъ, поднимаетъ всѣ силы, дѣлать велитъ что-то. Новое тревожное чувство всею силою молодой жизни прошло чрезъ его душу; невѣдѣніе и страхъ будущаго охватили его. Но одна бѣда не ходитъ. Не сегодня, такъ завтра Молотовъ оставилъ бы Обросимовку; но къ несчастью онъ издержался въ городѣ, денегъ у него было мало, а еще одинадцать дней осталось до конца мѣсяца, значитъ, и до полученія жалованья сорока рублей. Эти одинадцать дней будутъ ему долго памятны. Часто онъ, понуривъ голову, ходилъ въ саду крупнымъ шагомъ, и въ забывчивости иногда остановится, подумаетъ что-то, махнетъ рукой и опять шагаетъ. Съ той минуты, какъ онъ остался въ деревнѣ на одинадцать дней, къ чувству оскорбленнаго самолюбія приба-

вилось постоянное чувство угрызенія совѣсти. Въ душѣ онъ бранился, а прямо въ глаза людямъ, его окружающимъ, смотрѣть не могъ... Положеніе среди чужихъ людей стало крайне фальшиво и безтолково. По обыкновенію, по привычкѣ, жена Обросимова попросила его что-то сдѣлать. Онъ не нашелся, сжалъ только зубы и проговорилъ: «хорошо-съ».—Это, наконецъ, глупо! скажутъ иные. Что же дѣлать! онъ не пріобрѣлъ еще той житейской наглости, при которой такъ легко отстранить желаніе ближняго сѣсть на вашу шею и прокатиться на ней. Впрочемъ, потомъ какъ-то онъ ухитрился отказаться раза два-три отъ порученій, которыя онъ не обязанъ былъ исполнять. Въ немъ быстро развивались подозрительность и мнительность; такъ и чудилось, что вездѣ слѣдятъ за нимъ, потому что «его насквозь знаютъ», потому что онъ «умный молодой человѣкъ» и живетъ «не у дурака». Подозрительность его росла не по днямъ, а по часамъ... Сядетъ онъ за столъ, боится лишній кусокъ взять, — такъ ему и припомнится этотъ прекрасный комплиментъ дамскій: «какъ онъ ѣстъ много!» Этотъ комплиментъ былъ плохою приправою къ обѣдамъ, чаямъ и десертамъ помѣщика. Женщина сильнѣе умѣетъ обидѣть, чѣмъ мужчина: въ ея жалобѣ, въ ея упрекѣ всегда слышится, какъ будто вы ее угнетаете, будто ей трудно васъ побѣдить, и смотритъ она, точно проситъ пощады; захочетъ уязвить, такъ отъищетъ самую больную струну. Просто сказано: «ѣстъ много»; а эти слова всего тяжеле легли на сердце Молотова. Онъ слышалъ въ этой фразѣ самое безпощадное презрѣніе къ своей плебейской натурѣ. Ему казалось, что Обросимовы въ немъ ничего не разсмотрѣли, кромѣ брюха, что онъ въ ихъ глазахъ не что иное, какъ большой-большой животъ. Это было обидно для Молотова. Бывало, заберется онъ въ огромный садъ, который такъ предлагали ему обязательно, и роскошествуетъ въ немъ; а теперь каждое яблоко, слива и малина напоминали ему, что онъ батракъ, котораго надобно пріурочить. Кажется, и конца не будетъ этому тяжелому мѣсяцу, а онъ и приноровиться не можетъ, какъ ему вести себя: то усиливается держаться съ Обросимовыми наравнѣ, что̀ прежде выходило безъ всякихъ усилій, само собою, то заберетъ вдвое выше, то смотритъ обиженнымъ. Онъ радъ былъ уединенію. Такъ прошли четыре дня. Всѣ стали замѣчать перемѣну въ немъ.—«Здоровы ли вы?» спросила его однажды хозяйка. — Здоровъ-съ, отвѣтилъ онъ,

а самъ подумалъ: «слѣдятъ за плебеемъ, слѣдятъ!..» Онъ отказывался нѣсколько разъ отъ чаю, чтобы только рѣже видѣться съ семействомъ... Онъ похудѣлъ... Въ отвѣтахъ его было что-то странное, рѣзкое, большею частію они были односложны. Видѣли, что онъ полюбилъ уединеніе; видѣли, какъ онъ опускалъ надъ работой голову и долго о чемъ-то думалъ. Онъ ѣсть меньше сталъ... Все это обращало на себя вниманіе, все это замѣчали. Для него наступило время, когда такъ легко портится характеръ.

Егоръ Иванычъ сидѣлъ измученный и угрюмый въ своей комнатѣ. Вошелъ Володя.

— Что-съ? спросилъ непривѣтливо Молотовъ.

— Егоръ Иванычъ...

— Что?

— Вы не будете сердиться за то, что̀ я вамъ скажу...

— Нѣтъ, ничего, говорите, отвѣчалъ Молотовъ мягче.

— Я васъ нынче боюсь...

— Полно, дружокъ, сказалъ ласково и грустно Егоръ Иванычъ: — развѣ я обидѣлъ васъ? Полно, Володенька, мы всегда были друзьями. Вѣдь вы меня любите?

— Да, вы хорошій, добрый такой...

Егоръ Иванычъ погладилъ его по головѣ.

— Что же вамъ нужно?

— Савелій привезъ вамъ письмо...

— Изъ города?

— Изъ города.

— Гдѣ же оно? Ахъ, да вы и не принесли!

— Я думалъ...

— Скорѣй же бѣгите и несите, скорѣе, Володя...

— Сейчасъ!.. я живо!..

Егоръ Иванычъ замѣтно встрепенулся. — «Это онъ, непремѣнно онъ!.. что̀-то пишетъ?.. Спасибо тебѣ, Андрей!»

— Вотъ! сказалъ Володя, вбѣгая въ комнату и подавая письмо.

Егоръ Иванычъ взглянулъ на адресъ и вскрикнулъ:

— Онъ и есть!... Володенька, я хочу одинъ остаться...

Вотъ что писалъ къ нему Негодящевъ:

«Задушевный другъ,
Егоръ Иванычъ!

«Насилу время нашелъ, чтобы написать тебѣ письмо. Не повѣришь, сколько дѣла: шесть слѣдствій сряду произвелъ, изъѣздилъ четыре уѣзда, перевидалъ множество люду, переписалъ множество бумаги. Поздравь меня, я вполнѣ чиновникъ, наглухо застегнутый, безкорыстный и безстрастный, какъ сама Ѳемида, хотя и не завязаны у меня глаза. Я всегда говорилъ, что созданъ для слѣдственныхъ дѣлъ... Служу пока счастливо, но не безъ хитрости. Чиновникъ долженъ быть великимъ психологомъ... Ты думаешь, что если чиновникъ знаетъ свое дѣло и не кривитъ совѣстью, такъ онъ уже и полезенъ обществу? Нѣтъ, при такихъ условіяхъ успѣхъ не всегда вѣренъ, нужно еще быть и психологомъ. Необходимо изучить начальниковъ, подчиненныхъ, сослуживцевъ, ихъ женъ, знать весь городъ, какъ пять своихъ пальцевъ; всякую сплетню надобно умѣть предупредить, всякую подлость и каверзу... Подкоповъ бездна! потому что я хоть и не великая птица, но тяжелъ имъ пришелся. Тотъ, кого у насъ зовутъ «самъ», въ моихъ рукахъ. Помню, что ты говорилъ противъ моей системы, доказывая, что въ ней большая доля іезуитства. Но если тебя на недѣлю послать сюда, ты увидишь, что нѣтъ больше средствъ на свѣтѣ. Здѣсь всѣ враги закона, а насъ самый небольшой кружокъ. Мы отбываемъ свой постъ, на сколько то возможно. Цѣлый годъ я трудился, чтобы выворотить секретаря вонъ,—выворотили наконецъ!... и никто не знаетъ, откуда ему такое счастье. Я съ тобою всегда былъ откровененъ... Ты спросишь, кто я такой: наушникъ, доносчикъ, фискалъ? Ничуть не бывало!... я дипломатъ и психологъ: моя задача такъ вести дѣло, чтобы провалился негодный человѣкъ, подвести его на службѣ, напутать, повредить ему. Впрочемъ, я не прочь и шепнуть кому слѣдуетъ на ухо, что̀ можно. Мы всѣ знаемъ, что̀ надобно дѣлать, но не знаемъ, какъ дѣлать. Пишу теперь вообще, сообщаю только свои служебныя начала. Похожденій своихъ не описываю.

«Главная цѣль моего письма—ты. Я довольно хорошо основался здѣсь, имѣю нѣкоторую силу, и, руководствуясь своею системою, подвожу мину подъ одного чиновника. Это негодный человѣкъ, на совѣсти котораго не мало черныхъ дѣлъ. Онъ непремѣнно провалится—часъ его пробилъ! Вотъ тебѣ и вакансія. Кромѣ того, «самъ» ищетъ дѣльнаго чиновника. Я говорилъ

ему о тебѣ, и онъ соглашается принять тебя. Вотъ и другая вакансія. Прошу подумать серьёзно о моемъ предложеніи. Опять мы заживемъ по старому; я посвящу тебя въ нашъ кружокъ; здѣсь довольно весело; жалованья меньше, чѣмъ въ Обросимовкѣ, но за то есть шансы для будущаго. И что ты забрался въ Обросимовку? Тамъ ли твое мѣсто? Ты долженъ дѣлать другое дѣло, а не тратить жизнь на службу какому-то барину. Развѣ въ томъ твое призваніе? Но я и забылъ твои понятія о призваніи. Ты обложилъ себя книгами, вглядываешься въ жизнь, изучаешь себя и людей, и только послѣ такой работы хочешь добиться, къ чему ты призванъ... Вопросъ поистинѣ громаднаго размѣра! Шутка ли, на двадцать третьемъ году онъ хочетъ понять себя за всю прошлую и за всю будущую жизнь, составить программу, да потомъ и выполнять эту программу! Но, другъ мой, мы родились жить, а не составлять программы. Живи и учись, одно отъ другаго не отдирай насильно, а то, Богъ знаетъ, до чего можно додуматься. Не ты первый, не ты послѣдній. Иной создастъ себѣ норму жизни, носится съ нею, кричитъ, трепещетъ, а чѣмъ кончитъ? Какъ идіотъ, упрямо тянетъ многолѣтнюю лямку, самимъ на себя наложенную, — и самому-то наконецъ ему тяжело, и люди на него пальцами показываютъ, и спину ему ломитъ,—но нѣтъ, несетъ свое ярмо, свою проклятую ношу, самимъ же на свои плечи взваленную, и оглянется потомъ бѣдняга, да ужь поздно, часто сорокъ лѣтъ стукнуло, нѣтъ молодыхъ силъ и энергіи. Что же остается? заплакать о даромъ потраченной жизни, озлобиться на весь міръ, запить, или сдѣлаться лежнемъ, байбакомъ? Мало ли у насъ этихъ рыцарей печальнаго образа? Нѣтъ, мой другъ, жизнь пускай насъ учитъ, а не будемъ выдумывать жизни. Два-три слѣдствія лучше познакомятъ тебя съ человѣкомъ, нежели сто книгъ,—только смотри всему прямо въ глаза, смѣло всему давай свое имя. Ошибаешься—поправиться можно; тогда лишь не поправишься, когда упрямо пойдешь по одной дорогѣ. Жизнь сама скажется. Ты опять спросишь, какое твое призваніе? ты все дѣлать можешь. Притомъ, развѣ ты не можешь служить и въ то же время изучать свое призваніе, если тебѣ ужь очень нравится это занятіе? Знаю я твои запросы отъ службы. Иногда подумаешь: что, если этотъ человѣкъ попадетъ на свою дорогу? вонъ онъ сидитъ теперь сиднемъ, а какъ разомнетъ кости и пойдетъ шагать, такъ куда тебѣ и Илья Муромецъ! Дайте ему только осмыслить все,

привести въ систему, понять всякое явленіе и всю жизнь связать одною идеею, а ужь тамъ вѣдь «тряхнулъ кудрями—дѣло вмигъ поспѣло?» Жизнь осмыслить? никогда ты ее не осмыслишь! Гдѣ ее одолѣть и притомъ, не зная хорошо? Бери ее, наконецъ, безъ смысла, или добивайся смыслу и въ то же время служи; для службы человѣкъ созданъ. — «Мы не приготовлены къ труду.» — «Самъ» готовься. — «Мы не чувствуемъ любви къ той или другой службѣ». — Безъ любви служи.—«Этакъ засохнешь на службѣ».—Сохни, Егоръ Иванычъ, сколько тебѣ угодно! кому какое дѣло до безполезнаго человѣка? Отъ тебя и не потребуютъ любви къ службѣ; намъ нужны твои умъ, честь и трудъ, а любви пожалуй и не надо; ее и въ формуляръ не вносятъ... А то вы и на службѣ ищете счастья, а не пользы общественной. И любовь, и удовольствіе, и прогулка среди лѣсовъ, и луна, что ли,—все это должно быть на второмъ планѣ въ нашей жизни. Поэзію всякій любитъ; нѣтъ, надобно въ прозѣ покупаться—вѣдь отъ нея не убѣжишь. Наконецъ, вы и къ поэзіи притупляетесь, создаете Богъ вѣсть какія стремленія, которыхъ и сами опредѣлить не можете. Мы тоже любимъ и закаты солнца, и май, и нѣгу, и поцалуи, и вечернюю зарю, но мы и ломать себя умѣемъ... Можно читать «Фауста» и служить очень порядочно, не носить докторской хламиды, а приличный вицъмундиръ. Прочь вопросы! ихъ жизнь разрѣшитъ, только бери ее такъ, какъ она есть, не прибавляя и не убавляя: безъ смысла жизнь, живи безъ смысла; худо жить, живи худо — все лучше, чѣмъ только мыслью носиться въ заоблачныхъ странахъ. Прямая линія не ведетъ къ данной точкѣ, такъ есть ломаная. Ты бы хоть посмотрѣлъ на своихъ товарищей; бóльшая часть населила присутственныя мѣста; немногіе пошли въ учители и продаютъ теперь старыя познанія; одинъ уѣхалъ въ Китай; очень немногіе промышляютъ только частными дѣлами, и между прочимъ нашъ любезнѣйшій Патокинъ читаетъ газеты у слѣпой княгини Зеленищевой, но и тотъ ищетъ протекціи для чиновной же карьеры. Двое женились уже. А ты-то что же? должность твоя немного повыше Патокина. Правда, ты писалъ въ послѣднее время, что занялся съ сыномъ помѣщика и хочешь отъискать, по своему обыкновенію, искру божью въ этомъ болванчикѣ; но вѣдь это все-таки служба частнымъ лицамъ, а будто мы къ тому готовились? Смотри, придется вспомнить мои слова, что частная служба хуже общественной и относительно гонору, и

относительно выгодъ. Ты опять спросишь, гдѣ же служить? такъ считай же: ты не можешь быть докторомъ, не можешь быть купцомъ, архитекторомъ, механикомъ, литераторомъ, бариномъ, священникомъ... ты можешь быть чиновникомъ — это неизбѣжно. Больше и говорить не хочу. Я высказалъ откровенно свои мысли и прошу тебя подумать хорошенько о моемъ предложеніи. Пора начинать карьеру. А какъ мы знатно заживемъ!... опять вмѣстѣ, опять воротятся старые годы!... Довольно, хотя и есть что написать. Завтра рано ѣду въ Д* на слѣдствіе. Дѣла пропасть... Подумай о моемъ предложеніи, а теперь прощай!

«Другъ твой, Андрей Негодящевъ.»

Лицо Егора Иваныча было грустно и въ то же время выражало недоумѣніе. Онъ еще разъ прочиталъ письмо все сполна, потомъ читалъ его по мѣстамъ, отрывками, а самъ думалъ:

«Вотъ чиновные принципы, возведенные къ вѣчнымъ началамъ разума!.. трансцедентальное чиновничество!.. Фаустъ въ вицъ-мундирѣ, Гамлетъ канцеляріи его превосходительства!.. Боже мой, много-ли времени прошло, а ужь ты, Андрей, начинаешь подаваться! Ты ли это говоришь: «если прямая линія не ведетъ къ данной точкѣ, то есть ломаная?» Остается одинъ шагъ до убѣжденія, что можно и дугой дойти до того же... Хорошо же ты философствуешь и обличаешь! Громи, добрый сынъ отечества, громи! Неужто надобно опутать всѣхъ, надуть, быть психологомъ и дипломатомъ? да лучше безполезнымъ человѣкомъ остаться. Вотъ дорога: либо подличай, либо ходи по ломаной линіи. Это возмутительно, этого быть не можетъ! Иначе даю честное слово навсегда остаться безполезнымъ человѣкомъ.»

Молотовъ опять открылъ письмо. Его вниманіе остановилось на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ идетъ дѣло о призваніи, карьерѣ, службѣ. Эти мѣста подѣйствовали на него. Рѣзко высказанныя, онѣ ясно встали предъ его воображеніемъ и неотступно требовали отвѣта. Трудно было что-нибудь сказать противъ той истины, что Молотовъ готовился не для службы частнымъ лицамъ, хотя и оскорбило его слово «болванчикъ», приложенное къ Володѣ, мальчику очень умному. Трудно было спорить съ тѣмъ, что служба государству есть общечеловѣческое призваніе. Онъ самъ уже дошелъ до вопроса: «я уйду отсюда, но куда?» Потому письмо поразило его. «Неужто въ канцелярскіе Гамлеты?» онъ спрашивалъ себя. Вопросъ требовалъ отвѣта настоятельно. Молотову

хотѣлось отбиться отъ него, подавить его хотя на время, потому что тяжело, мучительно тяжело идти на службу сегодня, когда вчера еще не зналъ, какую избрать дорогу, да вовсе и не думалъ о томъ, а жилъ день за днемъ, какъ птица, безъ заботы, безъ будущаго. Это минута критическая, потому что служба — пол-жизни нашей. Ему хотѣлось хоть на время обмануть себя, а когда человѣкъ захочетъ доказать что-нибудь, онъ непремѣнно докажетъ. Я зналъ одного крайне упрямаго господина, который, если доказывали что-нибудь противное ему, и если онъ не находился въ данную минуту что-нибудь отвѣчать, то всегда говаривалъ: «постойте, господа, постойте, дайте подумать, я вамъ непремѣнно скажу что-нибудь.» Подумавши, онъ изворачивался и дѣйствительно изобрѣталъ резонъ. Если его ловили и на этомъ резонѣ, то онъ опять просилъ: «постойте, господа, постойте, дайте подумать, я вамъ непремѣнно скажу что-нибудь.» Словомъ, за нимъ не угоняешься. Это къ тому, что Егоръ Иванычъ, напрягая силы, чтобы отвязаться отъ назойливыхъ вопросовъ, успѣлъ извороститься съ удивительною ловкостью древняго діалектика. Онъ прибѣгнулъ къ правилу: «если тебя обвиняютъ, ты не оправдывайся, а обвиняй самъ». Прочитавъ слова: «безъ любви служи», онъ пришелъ сначала къ той мысли, что нигдѣ не нуженъ слуга безъ любви къ службѣ, потомъ, что онъ не машина, а человѣкъ тоже. «А тряхнулъ кудрями—дѣло вмигъ поспѣло». Это что такое? Надо мной смѣется или надъ поэтомъ? Боже мой, писать-то какъ легко! давайте, всѣхъ обличу, всѣмъ опредѣлю призванія и родъ занятій. А какъ горячо пишетъ? отъ души, такъ и кипитъ, и все таки неправду,—значитъ, и отъ души лгать можно. Но нѣтъ, тутъ и правда есть, правда горькая. Не о себѣ ли ты пишешь? Думая обличить меня, ты обнаружилъ свою душу, ту болѣзнь, которую носишь въ ней теперь. Ты уже выдумалъ норму и носишься съ нею едва ли не такъ, какъ тотъ идіотъ, о которомъ говоришь, что онъ своими руками надѣлъ себѣ на шею проклятое ярмо. Вѣрно, не легко ходить по ломаной линіи, и ты уже чувствуешь тяжесть своей нормы, она гнетъ тебѣ спину, оттого ты и кричишь въ письмѣ: не меня, а себя обличаешь! О комъ ни пиши, все одно: душевное состояніе скрыть трудно, оно слышится въ твоемъ письмѣ съ полуслова, сквозитъ между строками... Призваніе?.. ты уже Фаустъ въ вицъ-мундирѣ, а я все еще Молотовъ; ты уже создалъ норму жизни и какую норму! а я все еще нѣтъ. Я только одно понялъ:

мое призваніе — жить... всей душой, всѣми порами тѣла жить хочу. «Бери жизнь, какъ есть она, не прибавляя и не убавляя?» да, вонъ она, вонъ смотритъ въ глаза; она идетъ, въ дверь стучитъ. Я не могу пока постигнуть, что она такое, но безъ смысла не возьму ее; разгляжу я жизнь, разниму по частямъ, душу ея выну. Я и учился для того, чтобы жить; государству часть себя отдамъ, а весь не отдамся. Эхъ, Андрей, поговорить бы съ тобою. Да подожди, я напишу тебѣ.» Видите ли, читатели, какъ легко отдѣлаться отъ назойливыхъ вопросовъ, но повѣрьте, отдѣлаться только на время. Онъ сѣлъ писать письмо и описалъ все, что случилось въ Обросимовкѣ, только о Леночкѣ не упомянулъ, вѣроятно потому, что съ разстояніемъ уменьшается откровенность. Письмо отвело душу Молотова, но не надолго. Ему хотѣлось живой рѣчи, а вотъ уже нѣсколько дней, какъ Егоръ Иванычъ прервалъ всѣ искреннія отношенія съ окружающими лицами. Онъ все злился въ это время; его мучила гордость. Горячая кровь ключомъ била въ молодомъ, здоровомъ организмѣ Егора Иваныча, и въ это-то время пришлось ему испытать не молодую злобу. Его ломало и коробило. Въ чистую кровь благороднаго и добродушнаго плебея жизнь начала вливать дурные соки. Да, наступила пора, когда такъ легко портится характеръ человѣка...

Въ тотъ же день Марья Павловна сказала своему супругу:

— Ты ничего не замѣчаешь въ Егорѣ Иванычѣ?

— А что?

— Онъ, послѣ поѣздки въ городъ, какъ въ воду опущенный.

— Да; что-то странное съ нимъ дѣлается; никогда я не видалъ его такимъ... даже похудѣлъ...

— Нѣтъ ли у него какихъ непріятностей?

— Должно быть, есть. Стоитъ вчера у окна мрачный такой; «ахъ», говоритъ, «черти, черти!», потомъ махнулъ рукой и задумался. Я изумился, потому что никогда не слыхалъ отъ него такихъ выраженій.

— Ты бы, мой другъ, поговорилъ съ нимъ. Богъ знаетъ, что съ бѣднымъ дѣлается. Можетъ быть, надо помочь чѣмъ нибудь.

— Охъ, ты моя добрая!.. всегда одинакова, отвѣчалъ Обросимовъ: — хорошо, я поговорю...

Въ тотъ же день Аркадій Иванычъ зашелъ къ Молотову и пошелъ прямо къ цѣли.

— Извините, Егоръ Иванычъ, сказалъ онъ: — мою нескромность. Увѣряю васъ, что одно только искреннѣйшее участіе руководитъ мною въ настоящемъ случаѣ. Я замѣтилъ, что вы въ послѣднее время самъ не свой. У васъ есть какое-то горе...

— Вы замѣтили... нѣтъ... что же... ничего не случилось...

Егоръ Иванычъ отвѣчалъ съ трудомъ, съ замѣшательствомъ. Онъ невольно закрылъ рукою только-что конченное письмо, въ которомъ относился о помѣщикѣ не очень лестно. Такое движеніе Обросимовъ принялъ за желаніе скрыться отъ него. Онъ понималъ, что глубокая печаль не всегда откровенна, что человѣкъ не сразу покажетъ душевную рану, что простое любопытство раздражаетъ ее, и касаться раны можетъ только любящая рука. Поэтому онъ деликатно и ласково сказалъ:

— Егоръ Иванычъ, довѣрьтесь мнѣ, какъ другу: вы встрѣтите во мнѣ не пустое любопытство. Я осмѣливаюсь думать, что пріобрѣлъ нѣкоторое право на вашу откровенность...

Молотовъ ничего не отвѣтилъ. Онъ спряталъ въ карманъ письмо, и, потупясь, молча отошелъ къ окну и сталъ писать вензеля на вспотѣвшемъ стеклѣ.

— Егоръ Иванычъ!

Молотовъ писалъ вензеля и молчалъ.

— Послушайте, сказалъ Обросимовъ, подошелъ къ нему и взялъ его за руку: — у васъ, право, есть какое-то горе... будьте откровенны... Богъ знаетъ, я, быть можетъ, и помогу вамъ... Все, что отъ меня зависитъ...

Молотовъ высвободилъ свою руку.

— Вы, Аркадій Иванычъ, заслужили полное право на мою откровенность... я знаю, что вы уважаете меня, но... повѣрьте, мнѣ ничего, ничего не нужно...

Аркадій Иванычъ отошелъ въ сторону и остановился въ раздумьи. На лицѣ его замѣтно выразилось недоумѣніе.

— Можетъ быть, Егоръ Иванычъ, я дѣйствительно не въ свое дѣло суюсь... можетъ быть, сердечныя обстоятельства...

Обросимовъ наблюдалъ за нимъ. Егоръ Иванычъ опустилъ руки въ карманъ и наклонился къ стеклу. Онъ покраснѣлъ.

«Дуракъ же я», подумалъ Обросимовъ.

А на душѣ Егора Иваныча было одно чувство ожиданія, скоро ли отстанетъ отъ него помѣщикъ, — похожее на чувство

школьника, которому учитель читаетъ нотацію, когда у школьника не бываетъ ни раскаянія, ни вниманія къ словамъ учителя, а одно тягостное ожиданіе, скоро ли скажутъ: «пошелъ, негодяй, на мѣсто». Потомъ у него повторилась въ умѣ фраза помѣщика: «можетъ быть, сердечныя обстоятельства», и почему-то Молотову припоминались фразы гоголевскихъ героевъ; ему казалось, что гоголевскіе герои говорятъ точно такимъ языкомъ. Молотову немного весело стало.

— Ну, такъ извините великодушно, сказалъ Обросимовъ.

Егоръ Иванычъ вдругъ засмѣялся.

— Богъ васъ пойметъ, сказалъ помѣщикъ, и пошелъ съ этими словами къ дверямъ.

Но у него явилось новое предположеніе, за которое онъ и ухватился съ живостью. Страннымъ можетъ показаться, что Обросимовъ отъ души сожалѣлъ молодаго человѣка. Но глядя на дѣло объективнымъ окомъ (по старости, мы не пишемъ обличительной статьи, а просто анализируемъ данныя явленія), должно сказать, что онъ любилъ Молотова, хотя въ то же время смотрѣлъ на него, какъ на плебея. Тутъ нѣтъ никакого противорѣчія: развѣ вы, напримѣръ, не любите свою старую няню, но смѣетъ ли она думать о равенствѣ съ вами? Можно любить собачку, картину, куклу, — это не подлежитъ сомнѣнію; можно любить своего лакея, крестьянина, подчиненнаго — это не подлежитъ сомнѣнію; и при всемъ томъ, можно собаку выгнать, картину продать, куклу разбить, лакея выпороть, подчиненному дать головомойку — это не подлежитъ сомнѣнію. Обросимовъ любилъ Молотова; ему жалко было молодаго человѣка, хотѣлось помочь ему; онъ готовъ былъ сильно безпокоиться о немъ. Егоръ Иванычъ не понималъ этого. Онъ думалъ, что его не любитъ Обросимовъ. Молодой человѣкъ, очевидно, заблуждался...

— Можетъ быть, денежныя затрудненія, такъ вы не стѣсняйтесь пожалуйста, сказалъ помѣщикъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, отвѣтилъ Молотовъ сухо.

Обросимовъ переминался.

— Не оскорбилъ ли васъ кто, Егоръ Иванычъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! съ живостью заговорилъ Молотовъ: — какъ можно?... нѣтъ, никто не обидѣлъ, Аркадій Иванычъ.

Обросимовъ пожалъ плечами.

— Но васъ не узнать, вы совсѣмъ перемѣнились...

Наконецъ Егоръ Иванычъ не вытерпѣлъ:

— Да, у меня есть... затрудненія... большія затрудненія...

Обросимовъ сталъ слушать съ полнымъ вниманіемъ.

— Но мнѣ невозможно высказаться... поймите это... Господи, да что же это такое?

Егоръ Иванычъ взялся за голову руками и опять повернулся къ окну...

— Извините меня великодушно, Егоръ Иванычъ... Будьте увѣрены, я нисколько не претендую на вашу скрытность... есть такія чувства...

— Да, да, есть такія чувства! нетерпѣливо и съ замѣтной досадой перебилъ Молотовъ.

— Ну, извините меня... Пошли вамъ Богъ миръ на душу...

Обросимовъ отправился къ двери, но опять остановился:

— Вотъ что, Егоръ Иванычъ: вы теперь разстроены, поэтому вамъ не совсѣмъ удобно заниматься... вы не стѣсняйтесь, отдохните...

Молотовъ молчалъ. У него появилось судорожное движеніе въ скулахъ... Еще бы немного, и онъ наговорилъ бы помѣщику грубостей; въ головѣ его стали складываться довольно энергическія фразы...

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь, — и съ этими словами помѣщикъ вышелъ вонъ.

— Насилу-то!.. проговорилъ Молотовъ:—черти! мерзавцы!..

. . . .

Тутъ изящнаго ничего нѣтъ: Егоръ Иванычъ ругается, и ругается довольно грубо...

. . . .

Егоръ Иванычъ отвелъ душу энергическими выраженіями, и мы будемъ продолжать.

Послѣ изліяній Обросимова ему еще тяжеле; еще запутаннѣе и безтолковѣе стали его отношенія къ чужой семьѣ. Никогда онъ не ощущалъ такого сильнаго, неисходнаго, томящаго чувства одиночества, кокое теперь охватило все его существо. Слезы пробивались на его глазахъ, а онъ всегда стыдился слезъ, не любилъ ихъ... Егоръ Иванычъ напрягалъ мускулы, чтобы не заплакать, но непрошенныя слезы сами полили, и, медленно пробираясь по щекамъ, падали тяжелыми каплями, и много было соли въ тѣхъ слезахъ... Пустое, беззвучное, глухое пространство охватило его. «Одинъ, одинъ на всемъ свѣтѣ!»—эта мысль поражала его, холодомъ обдавала кровь, онъ терялся.... «Пора

жизнь начинать, надобно уйти отсюда, а куда идти? зачѣмъ идти? для кого?»—Толпами идутъ изъ души мысли, самыя разнообразныя и доселѣ мало знакомыя — откуда онѣ поднялись? Среди ихъ основное чувство — досада и жалоба на обиду. Гордость, эта страшная сила въ своемъ развитіи, мучила его такъ, какъ мучитъ человѣка преступнаго совѣсть. Ему стыдно было, что его отталкивали отъ себя нѣкоторые люди, а какъ примутъ его другіе — не зналъ онъ, и являлось сомнѣніе въ своемъ достоинствѣ. И все одинъ, некому слова сказать. Заперта въ немъ эта сила гордости, не разрѣшенная ни единымъ откровеннымъ словомъ, сила жалобъ на одиночество, тревога несозрѣвшихъ вопросовъ и предчувствія темной будущности. Переломъ совершался въ его жизни, а тяжелы тѣ минуты, когда человѣкъ переходитъ тяжелымъ шагомъ изъ безсознательнаго юношества, яснаго, какъ майскій день, въ зрѣлый, сознательный возрастъ. Это время дается легко и мирно однимъ дуракамъ да счастливцамъ... Онъ просилъ смиренія и спокойствія, не понимая, что смиреніе не въ его натурѣ, которая теперь сказалась, а спокойствіе рѣдко бываетъ въ періодъ его жизни...

Но вотъ онъ оглядѣлся, пошелъ къ двери, посмотрѣлъ въ сосѣднюю комнату — тамъ никого не было. Лицо его освѣтилось особеннымъ свѣтомъ; въ немъ выразилось что-то доброе, смѣшанное съ впечатлѣніями, только что согнанными... Надежда проливалась въ его сердце. Неужели такъ сильна его натура, что лишь только возникли въ душѣ вопросы, онъ сряду же рѣшилъ ихъ?.. Вернувшись, онъ заперъ дверь на ключъ, потомъ остановился въ раздумьи... Разнообразныя впечатлѣнія пробѣжали по лицу его...

— Нѣтъ, не могу! сказалъ онъ съ тоскою.

Но онъ сдѣлалъ усиліе, и... какъ вы думаете, что онъ сталъ дѣлать?.. онъ началъ молиться . . . .

. . . .

Не долго онъ молился.

. . . .

Молотовъ подошелъ къ окну и нѣсколько времени смотрѣлъ въ него; потомъ подошелъ къ столу, закрылъ глаза и взялъ на обумъ книгу.

— Что это? — спросилъ онъ самъ себя.

— Лермонтовъ, — самъ же и отвѣтилъ Молотовъ.

Началось пустое гаданье, которому человѣкъ образованный

не вѣритъ; но кто не испытывалъ этого любопытства, смѣшаннаго съ тайнымъ, глубоко зарытымъ суевѣріемъ, которое говоритъ:—«дай открою, что выйдетъ!»—Егоръ Иванычъ раскрылъ книгу... Лицо его покрылось легкой блѣдностью и руки задрожали. Онъ прочиталъ:

«Несчастіе мужиковъ ничто не значитъ противъ несчастія людей, которыхъ преслѣдуетъ судьба.»

Онъ судорожно скомкалъ книгу, бросилъ ее на полъ и захохоталъ. Что-то дикое было въ его фигурѣ; странно видѣть молодое лицо, искаженное злобой,—непріятно. Онъ въ эту минуту озлобился на поэта, лично на Лермонтова, забывая, что поэтъ не отвѣчаетъ за своихъ героевъ, что бъ они ни говорили. Но онъ почти ни съ кѣмъ не сообщался въ это время, былъ въ положеніи школьника, отвергнутаго своими товарищами, въ положеніи ужасномъ, при всемъ сознаніи правоты своей.

«Несчастье мужиковъ ничего не значитъ!.. ихъ судьба не преслѣдуетъ! говорилъ онъ: — это господинъ Арбенинъ сказалъ!... большой баринъ и большой негодяй!.. Черти, черти!»— шепталъ онъ. — «Господи, да съ чего я выхожу изъ себя? Что мнѣ до нихъ?»

Однако не скоро улеглась его злость.

Мало по малу мысль Молотова перешла къ тому, о чемъ писалъ Негодящевъ. Быть можетъ, и справедлива была догадка, что другъ, обличая Молотова, высказалъ свои личныя немощи, но за всѣмъ тѣмъ много рѣзкой правды осталось въ письмѣ. При помощи письма, недавно возникшіе вопросы опредѣлились окончательно и съ новою силою хлынули въ его душу: «Призваніе?» — вотъ вопросъ, отъ котораго онъ не могъ отдѣлаться всею силою діалектики. Это слово было такъ значительно, что не оставляло его головы. Съ полнымъ напряженіемъ мозговой силы работалъ Егоръ Иванычъ. Врасплохъ застала его новая задача; и учился онъ, и жилъ, не думая о будущемъ.—«Ты изучаешь свою старую жизнь, и на основаніи такого изученія хочешь рѣшить вопросъ поистинѣ громаднаго размѣра» —этого-то съ нимъ и не было. Онъ раскаявался, зачѣмъ не думалъ о томъ прежде, зачѣмъ проглядѣлъ въ своей жизни такой важный вопросъ; Егоръ Иванычъ не привыкъ къ нему, не приготовленъ. Всего остается жить въ Обросимовкѣ нѣсколько дней, а дальше? дальше видѣлась какая-то бездна пустоты, безбрежный океанъ жизни, въ которомъ ничего не разсмотрѣть. — «Господи, твоя

воля!» думалъ онъ: «сегодня или завтра, на этихъ дняхъ надобно рѣшить задачу, зачѣмъ я родился на свѣтъ.» Ему даже приходило на умъ, не остаться ль въ Обросимовкѣ еще на мѣсяцъ; но лишь только Молотовъ вспоминалъ, какъ онъ «ѣстъ много»—злость закипала съ тѣмъ большей силой, что онъ раздраженъ былъ душевными вопросами и измученъ. — «Черти, черти!..» шепталъ онъ. Молиться Егоръ Иванычъ не могъ, да ему казалось, и некогда молиться. Ужасъ охватилъ его страшнымъ холодомъ, какъ человѣка, потерявшаго надежду найти дорогу изъ лѣсу. «Призваніе?» — охъ, какая сила въ этомъ словѣ для того, кто не успѣлъ отъискать въ немъ никакого смысла, а между тѣмъ понялъ все значеніе его. Многіе у насъ родятся какъ будто взрослыми, сразу поймутъ, что имъ надобно дѣлать на свѣтѣ, и, не спрашивая, что такое жизнь, начинаютъ жить; иные эту безвѣстность жизни возводятъ даже въ принципъ, какъ Негодящевъ; иному скажутъ папаша и мамаша: «будь юнкеромъ, чиновникомъ, дипломатомъ», — и эти счастливцы съ пяти, шести лѣтъ знаетъ, что они должны дѣлать на свѣтѣ. Егоръ Иванычъ былъ поставленъ въ иныя условія. — «О, проклятая, безсознательная, птичья жизнь!», говорилъ онъ и не понималъ теперь, какъ это онъ жилъ до сихъ поръ; ему не вѣрилось, что онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ такъ безмятежно; представлялось прожитое время какой-то сказкой, лирическимъ отрывкомъ изъ давно-читанной поэмы, а между тѣмъ эта поэма кончилась всего нѣсколько дней назадъ... Отъ мучительной работы ослабѣли его твердые нервы... наконецъ, пусто стало въ головѣ... Такъ ученый труженикъ, послѣ семи или осьми - часовой работы архивной, послѣ микроскопическаго вглядыванья въ мелкіе факты, цифры и штрихи историческіе, въ виду огромныхъ, покрытыхъ пылью фоліантовъ, которые еще предстоитъ одолѣть ему, — наконецъ опускаетъ обезсмыслѣвшій на время взоръ и не видитъ ничего въ своей тетради, куритъ сигару и запаху въ ней не слышитъ. Легко сказать: «я прямо смотрю въ жизнь!... вонъ она!» — Какже!.. Лишь только жизнь глянула своими широкими, прекрасными и страшными очами, Молотовъ зажмурился отъ невыносимаго блеску очей ея. Оно въ поэзіи, въ пастораляхъ и эклогахъ — такъ, а на дѣлѣ невыносимо трудно бываетъ, если только папаша не сказалъ: «ты дипломатъ», или мамаша: «ты юнкеръ»..... Наступилъ покой въ душѣ Молотова, тишина; никакая мысль не шевелится, ниче-

го не хочется, не чувствуется... Сгорбившись, съ помутившимся взглядомъ, съ глупымъ выраженіемъ лица, смотритъ онъ въ воздухъ и ничего не видитъ... Вонъ трещина на штукатуркѣ стѣны, и онъ слѣдитъ за ея изгибами и сѣченіями: какъ будто носъ выходитъ; потомъ начинаетъ побалтывать ногою и внимательно смотритъ на кончикъ сапога; съ чего-то припоминаются слова сказки, говоренной еще отцомъ: «а Спиря поспириваетъ, а Сёма посёмываетъ»; потомъ онъ сталъ разглядывать ладонь свою, близко поднесъ ее къ лицу, и важно и безъ смыслу глядѣлъ на нее; слышитъ онъ, какъ будто волоса шевелятся у него, а по ногѣ ползутъ мурашки; всѣ мелкія явленія останавливаютъ его утомленную полумысль. Онъ вздохнулъ, но это вздохъ физическій, какъ и спокойствіе его — физическое спокойствіе, мучительное, миръ, отъ котораго избави Богъ всякаго, страданіе безъ борьбы; такъ охватываетъ вода человѣка, такъ душитъ его тяжелая перина... Но наконецъ засидѣвшееся тѣло просило, чтобы въ немъ разбили кровь. Молотовъ вышелъ на улицу, пошелъ черезъ поле, мимо пашни, обогнулъ кусты у рѣки, къ лѣсу, оттуда къ кладбищу. Спокойствіе уже не душило его. Это былъ простой моціонъ. Движеніе и разнообразіе предметовъ занимали его. Вотъ онъ у мельницы, на той скамейкѣ, гдѣ сиживалъ съ Леночкою. Теперь онъ едва ли не совершенно спокоенъ, даже выраженіе лица его довольно и кротко, взоръ ясенъ, мысль блуждаетъ безпредметно. Онъ сталъ напѣвать что-то, какъ часто напѣвалъ сквозь зубы. Возвращались силы и способность къ впечатлѣніямъ. Надолго ли онъ успокоился? Не всякому выдаются такіе деньки, какіе выдались на долю Егора Иваныча, хотя—что такое съ нимъ случилось? ничего особеннаго. Это большой мальчикъ капризится, оттого, что старшаго надъ нимъ нѣтъ. Будь у него старшіе, они, вѣроятно, объяснили бы Молотову, что ему иначе надобно понимать Обросимовыхъ и иначе вести себя по отношенію къ нимъ, но у него не было руководителя, и пришлось все понимать по своему, такъ, какъ Богъ на душу положитъ. Предоставьте человѣка самому себѣ, и выйдетъ съ нимъ то же, что съ Егоромъ Иванычемъ: человѣкъ будетъ очень требователенъ. Хорошо ли это?.. нехорошо?

Егоръ Иванычъ занимался съ Володей по грамматикѣ.

— Извините, я, кажется, помѣшала вамъ, сказала Лизавета Аркадьевна, входя въ комнату Молотова.

— Ничего-съ; вотъ мы и кончили, отвѣтилъ онъ.

— Я къ вамъ съ просьбой.

Молотовъ поклонился.

— Вы не достанете ли мнѣ китайскій розанъ?

— Но гдѣ же я могу достать, Лизавета Аркадьевна?

— У Леночки Илличовой есть китайскіе розаны.

Молотову показалось, что эти слова были сказаны насмѣшливо, не безъ задней мысли; но онъ не довѣрялъ себѣ, потому что потерялъ способность судить объ окружающихъ его людяхъ безпристрастно.

— Вамъ бы удобнѣе самимъ обратиться къ Илличовой, сказалъ онъ.

— Не хочется мнѣ. Кажется, въ послѣднее время вы довольно коротко сошлись съ нею.

Молотовъ покраснѣлъ и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Лизавету Аркадьевну, которая отвѣчала ему испытующимъ взглядомъ.

— Вы такъ часто проводили съ ней время, — гуляете, говорите. Но скажите, пожалуйста, какія книги вы посылаете ей? Что читаетъ эта дѣвушка?

— Я давалъ ей Пушкина, отвѣтилъ Молотовъ неохотно.

— Такъ вы достанете мнѣ розанъ?

— Хорошо-съ...

— Я надѣюсь, что это вамъ легко будетъ сдѣлать.

Лизавета Аркадьевна ушла.

«Неужели это намеки?» думалъ Молотовъ. «Какъ это неделикатно съ ея стороны!»

Это Молотова безпокоило.

«Еще Леночка!» подумалъ онъ.

— Егоръ Иванычъ, спросилъ Володя.

— Что?

— Знаете, какая глупость мнѣ пришла въ голову?

— Скажите, Володя.

— Я въ воскресенье бѣгалъ по саду; мнѣ захотѣлось стрижа поймать...

— Ну-съ...

— Вотъ я и побѣжалъ къ вамъ...

— Ну-съ...

— Вы были въ бесѣдкѣ съ Еленой Ильинишной.

— Ну-съ...

— Мнѣ показалось, кто-то цаловался.

Молотовъ покраснѣлъ и съ досадой сказалъ:

— Глупости вы говорите, Володенька.

Володя не понялъ, отъего ему сдѣлали такое строгое замѣчаніе, однако не продолжалъ исторіи о стрижѣ. Егору Иванычу неловко было въ присутствіи этого простодушнаго и наивнаго мальчика.

— Я пойду, сказалъ Володя.

— Ступайте, отвѣтилъ Молотовъ.

«Какъ запуталось все!» думалъ онъ: «еще Леночка на моихъ рукахъ — это дѣло чѣмъ кончится?... Что, если слѣдятъ за нами?... Но никому нѣтъ дѣла до меня; всякій за себя отвѣчаетъ... Мѣшаться въ дѣла такого рода нельзя...»

Но никто и не думалъ мѣшаться и напрасно Егоръ Иванычъ езпокоился. Егоръ Иванычъ долго обдумывалъ что-то.

Въ шесть часовъ вечера Молотовъ отправился въ Илличовку. Не доходя до ней, онъ услышалъ съ берегу знакомый голосъ:

— Егоръ Иванычъ!

Онъ вздрогнулъ. Елена Ильинишна удила рыбу.

— Какъ хорошо клюетъ!... ступайте сюда!

Когда Егоръ Иванычъ спустился къ рѣкѣ, Леночка оставила удочку и пошла къ нему навстрѣчу.

— Здравствуйте, Егоръ Иванычъ; что это вы не откликаетесь?

Егоръ Иванычъ подалъ ей руку и поздоровался.

Леночка, казалось, вполнѣ была счастлива; она смѣялась и заглядывала въ лицо Молотову. Но вдругъ лицо ея приняло озабоченное выраженіе.

— Что это, Егоръ Иванычъ, васъ не узнать совсѣмъ... скучный какой!... Егорушка, что съ тобой? говорила ласково и заботливо Леночка.

Она поправила его волосы и приложила ко лбу свою руку.

— Какая горячая голова!

Она поцаловала его.

— Да ну, Егорушка, перестань; что ты такой сердитый?

Въ ея голосѣ слышались слезы.

Егоръ Иванычъ тряхнулъ головой и повелъ плечами.

— Ишь какой! сказала Леночка: — что дуться-то? муху что ли проглотилъ?

— Ахъ, Леночка, проглотилъ!

— Здоровъ ли ты?

— Здоровъ.

Оба помолчали.

— Такъ давно не видались, сказала Леночка: — а ты вотъ какой! а я про тебя все думала.

Они дошли до дому Илличовыхъ и отправились въ садъ, на дерновую скамейку.

— Ну, что же выдумали вы? спросилъ Молотовъ.

— Ахъ, какой ты сегодня!... что̀ выдумала?... ничего не выдумала...

— Леночка...

— Что?

— Хотите, я вамъ скажу о чемъ-то.

— Хорошо.

— Что бы вы сказали, когда бы привели къ вамъ кого нибудь и спросили: дайте этому человѣку дѣло на всю жизнь, но такое, чтобы онъ былъ счастливъ отъ него.

— Зачѣмъ это вамъ?

— Нужно.

— Да этого никогда не бываетъ.

— Бываетъ.

Леночка задумалась, наклонила головку и затихла. Хорошо выраженіе лица дѣвушки, когда она занята серьёзною мыслью, а Леночка почувствовала женскимъ инстинктомъ, что ей не пустой вопросъ заданъ. Она, ей Богу, отъ всей души желала бы разрѣшить его, но ничего не смыслила тутъ.

— Не знаю, сказала она и посмотрѣла на Молотова — что съ нимъ будетъ.

Онъ усмѣхнулся.

— Вы бы спросили умныхъ людей, если это вамъ такъ надобно, посовѣтовала Леночка серьёзно...

— Умныхъ людей? да они меньше всего смыслятъ въ этомъ дѣлѣ. Никто не знаетъ такого дѣла, да и нѣтъ его на свѣтѣ... Кого занимаютъ такіе вопросы? И говорятъ о нихъ рѣдко и слегка, и то для того, чтобы языкъ не залежался. А! пустяки все! сказалъ онъ и махнулъ рукою.

— Ты, Егорушка, не думай объ этомъ...

Молотовъ не слыхалъ ея словъ. У него поднялись и заходили мысли о будущемъ. Опять вспыхнула внутри работа...

— Господи, сказалъ онъ въ глубокомъ раздумьи:—не старую, отцами переданную жизнь продолжать, а создать свою... выдумать ее, что-ли?.. сочинить?.. у умныхъ людей спросить?.. Умные люди оттого и умны, что никогда о такихъ вещахъ не говорятъ...

— Такъ и мы не будемъ говорить...

— Нельзя, Леночка...

Леночка слушала его съ полнымъ вниманіемъ, раскрывши глаза широко. Въ ея чудныхъ глазахъ любовь свѣтилась; ротикъ ея полуоткрытъ; яркій румянецъ горитъ на щекѣ...

— Неужели моя жизнь пропадетъ даромъ?.. Гдѣ моя дорога?.. Неужели такъ я и не нуженъ никому на свѣтѣ?

Онъ крѣпко задумался. Елена все смотрѣла на него, ожидая признаній; но, при послѣднихъ словахъ Молотова, она неожиданно обвила его шею руками и осыпала все лицо поцалуями крѣпкими и жаркими, какими еще никогда не цаловала его.

— Егоръ Иванычъ!.. душка!.. ты герой!..

Молотовъ пожалъ плечами и чуть вслухъ не сказалъ: «Душка!.. герой!.. вонъ куда хватила!..»

Поцалуи не разогрѣли его, несмотря на то, что Леночка первый разъ охватила его такъ страстно. Въ ея поцалуяхъ горячихъ и бѣшеныхъ было что-то серьёзное; станъ ея выпрямился, она точно больше ростомъ стала; во всей ея позѣ была рѣшительность и какая-то женственная смѣлость и отвага; грудь подымалась медленно и равномѣрно, и чудно откинула она въ сторону свою маленькую ручку... Молотовъ ничего не замѣтилъ. Онъ смотрѣлъ угрюмо въ землю...

— Милый мой!.. Егорушка!.. И мнѣ тоже все чего-то хочется... Я перестала понимать себя... боюсь всего... такіе страшные сны... Я плакала давеча...

— О чемъ, Леночка?

— И сама не знаю, о чемъ... Но теперь ты сталъ говорить, и мнѣ такъ легко, такъ легко... Я никого на свѣтѣ не боюсь... я птица!.. полетимъ, Егорушка!..

— Полетимъ, сказалъ Молотовъ и засмѣялся...

Леночку обидѣлъ этотъ смѣхъ...

— Всегда такъ... зачѣмъ чувство охлаждать?..

— Куда же летѣть?

— А вотъ чрезъ кладбище, за озера, за Волгу... туда, туда... Ты понесешь меня въ объятіяхъ... Пойдемъ въ долину; хижину выстроимъ... Пусть всѣ меня оставятъ; я никого не хочу...

— Леночка, возможно ли это?

— Ахъ, какой ты несносный!.. я знаю, что нельзя, вѣдь не дурочка... Для того развѣ говорятъ?.. это такъ. Вѣдь я люблю тебя, Егорушка...

Молотовъ засмѣялся...

— Ой, какъ ты громко смѣешься!

Леночка замолчала, опустила рѣсницы внизъ; досадныя слезы пробивались на ея глазахъ, она гнѣвно щипала мантилью.

— Господи, чѣмъ это все кончится? вырвалось у Молотова.

— Да о чемъ же ты горюешь, Егорушка?

Не спросила бы его Леночка съ такою любовью, если бы знала, о чемъ онъ думаетъ. Молотовъ отъ злости сталъ несправедливъ; у него желчь разливалась... Онъ думалъ: «полетимъ, Егорушка!.. ахъ, ты, птичка, птичка!.. Полетимъ!.. Я сама знаю, что нельзя!.. Что это я надѣлалъ?.. Какъ такъ втянулся въ эти странныя отношенія?» — Припомнилась ему вся любовь, вся игра въ поцалуи, пожатіе рукъ и сладкіе глазки, припомнились страстныя ночи, и досадно ему было, зачѣмъ все это случилось. Но, несмотря на все это, онъ какъ-то невольно тянулъ время послѣдняго свиданія.—«Надобно покончить», думалъ онъ: «сказать ей...» а самъ все сидѣлъ и не хотѣлось ему уйдти такъ скоро...

— Егорушка, да что ты такой скучный?.. что съ тобой сдѣлалось?..

Егоръ Иванычъ не отвѣчалъ; онъ думалъ: «ахъ, вы, божьи ласточки!.. Господи, какъ все это сдѣлалось? Неужели наши отношенія кладутъ на меня серьёзныя нравственныя обязательства?.. Что насъ связало? нѣсколько поцалуевъ, Богъ-знаетъ какимъ образомъ полученныхъ. Я и самъ не знаю, что такое у насъ вышло. Во всякомъ случаѣ, одинъ исходъ — разстаться».

— Егорушка, говорила Леночка...

«Допрашивается!» думалъ Молотовъ: «но, быть можетъ, я напрасно безпокоюсь; вѣроятно кончится все просто...»

Леночка опять обняла Молотова. Ему сдѣлалось невыносимо.

— Елена Ильинишна, сказалъ онъ серьёзно...

— Что?

— Намъ пора объясниться...

У Леночки сжалось сердце. Она предчувствовала какое-то горе; никогда Егоръ Иванычъ не говорилъ такъ съ нею.

— Развѣ мы не объяснялись? спросила она...

— Нѣтъ, не объяснялись; все у насъ было, кромѣ объясненій.

— Ну, скажите, отвѣтила Леночка, боязливо глядя на собесѣдника.

— Вы меня любите?

Леночка хотѣла обнять его. Онъ уклонился.

— Я васъ очень люблю...

— Но, разумѣется, можете привыкнуть къ той мысли, что мы не всегда будемъ поддерживать наши отношенія.

— Къ чему же объ этомъ говорить?

— Подумайте пожалуйста и выскажитесь откровенно.

Ей никогда не приходилъ такой вопросъ на умъ, и она съ замѣшательствомъ отвѣчала:

— Да, я васъ люблю...

— Простите же меня, Елена Ильинишна, я вамъ не могу отвѣчать тѣмъ же...

Леночка взглянула на него испуганнымъ взглядомъ и вскрикнула. Болѣзненно отозвался этотъ крикъ въ душѣ Молотова. — «Вотъ она такъ любила!» подумалъ онъ.

— Елена Ильинишна, кто жь виноватъ? кто виноватъ? вы должны помнить, что не я первый... Молотовъ оборвался на полуфразѣ, потому что невольно почувствовалъ угрызеніе совѣсти. — «Что жь такое, что не я первый?» шевельнулось у него въ душѣ, и онъ кончилъ иначе, нежели началъ:

— Боже мой, что же это на меня напало!..

Онъ страдалъ. Леночка смотрѣла все молча и испуганно. Лицо ея было блѣдно; сердце сжалось и ныло страшно; рука ея какъ лежала на плечѣ Молотова, такъ и осталась, и Молотовъ слышалъ, какъ рука ея дрожала слегка. — «Зачѣмъ же она любила?» думалъ Молотовъ со страхомъ.

— Что жь это, Егоръ Иванычъ, развѣ можно такъ?... вы говорили, что будете любить...

— Нѣтъ, Елена Ильинишна, проговорилъ онъ съ усиліемъ:

—я никогда этого не говорилъ... припомните пожалуйста... Я и самъ не понимаю, какъ все это случилось...

Леночка не возражала.

— Вѣдь это пройдетъ; вы меня не сильно любите...

Леночка заплакала.

— Этого еще не доставало, прошепталъ Молотовъ.

Послышалось всхлипыванье и тихое, ровное, мучительное рыданіе; запрется въ груди звукъ, надтреснетъ, переломится и разрѣшится долгой нотой плача; слезы катились градомъ... Прислушиваясь къ ея плачу, Егоръ Иванычъ невольно вспомнилъ ночь, когда видѣлъ «до гроба вѣрную и любящую...»

— Вонъ изъ чего слагается горе человѣческое, прошепталъ онъ: — плачетъ она, бѣдная!.. что же я-то могу сдѣлать?

— Никому мы не нужны... кому любить такихъ?..

Она зарыдала сильнѣе.

Молотовъ сидѣлъ ополоумѣвши. Послѣднія слова задавили его. Мучительныя минуты одна за другою еле ползли. Онъ слышалъ, какъ въ вискахъ его стучало... Наконецъ Леночка стихла.

— Кого же вы полюбили? спросила она.

— Никого, Елена Ильинишна...

— Вы не хотите сказать... не бойтесь...

— Увѣряю васъ, никого не полюбилъ...

— Что же это? спросила она съ изумленіемъ.

— Ахъ, какъ тяжело мнѣ, сказалъ Молотовъ...

Долго они сидѣли молча. Вечернее солнце уходило за лѣсъ, и листья сада зыблились и блестѣли красноватымъ свѣтомъ. Мелкая птица кончала свои пѣсни. Тѣни ложились углами и квадратами. Блѣдный серпъ мѣсяца уже глядѣлъ съ неба. Ласточки, вылетая изъ подъ крышъ, трепетали въ воздухѣ, летѣли на рѣку, омакивали крылья въ воду и опять неслись съ визгомъ... Кто не знаетъ, что въ птичьей пѣснѣ нѣтъ человѣческаго смысла? но кто не отъискиваетъ въ ней смысла? И Егору Иванычу казалось, что птицы его дразнятъ. Зябликъ все одну и ту же руладу повторяетъ... отчего?.. оттого, что одну только и знаетъ... Не всегда бываетъ такъ тяжело разставанье для истинно-любящаго, какъ оно было тяжело для Молотова.—«Итакъ, ко всѣмъ несчастіямъ еще подлость?» думалъ онъ: «ты не долженъ былъ цаловать ее, если впереди не видѣлъ ничего

серьезнаго. Но кто же могъ все это предвидѣть? Бѣдная, бѣдная Леночка! какъ она плачетъ!.. какъ ей тяжело!..»

— Леночка, сказалъ онъ, взялъ ея руки и крѣпко поцаловалъ ихъ. — Леночка, простите меня... все это пройдетъ какъ-нибудь... не горюйте... не сердитесь на меня... скажите, что вы вспомните меня добрымъ словомъ...

Леночка опять заплакала... Она какъ будто предчувствовала, что въ ней чего-то нѣтъ, за что любятъ другихъ женщинъ, что ее полюбили такъ, нечаянно, по ошибкѣ, и теперь, такъ поздно, хотятъ поправить ошибку. И уже въ ея слезахъ слышалась не только жалоба о потерянномъ счастьи, но и жалоба на обиду, недовѣріе къ себѣ... Между тѣмъ Молотовъ думалъ: «Ничѣмъ нельзя оправдаться: я подло поступилъ, подло!»

Онъ вслушивался въ это новое для него слово, какъ человѣкъ, который вслушивается въ только-что родившуюся и начинающую рости мысль. Вотъ онъ что-то очень ясно понялъ и усвоилъ, такъ что это выразилось во всей его фигурѣ, и онъ прищурилъ глаза отъ внутренней боли. — «Подлость? ну такъ что жь такое?» думалъ онъ: «съ новымъ чувствомъ познакомился. Опыты обходятся не легко, ничего даромъ не узнаешь. За то теперь вполнѣ человѣкъ!» Ему противно стало отъ такого направленія мыслей. — «Но кому какое дѣло?» думалъ онъ: «всякій самъ за себя отвѣчаетъ, а тутъ иначе и быть не могло.» Ему хотѣлось остановить въ себѣ это мучительное броженіе мыслей.

— Елена Ильинишна, намъ проститься надобно.

Она не отвѣчала.

— Не плачьте, Елена Ильинишна; простите меня.

— Егорушка, меня никто больше любить не будетъ.

Она бросилась къ нему на грудь, обняла, поцаловала его. Рыданія ея надрывали душу Молотову.. Жутко ему стало... слеза прошибла, и онъ съ чувствомъ отвѣчалъ на ея поцалуи... Жаль, невыносимо жаль стало ему этой бѣдной дѣвушки... глупенькой, кисейной дѣвушки... Она такъ жить хотѣла, такъ любить хотѣла, и доживала послѣднюю лучшую минуту жизни. Впереди ея пошлость, позади тоже пошлость. Ясное дѣло, что она выйдетъ замужъ, и, быть можетъ, еще бить ее будутъ... Теперь она могла бы воскреснуть и развиться, но... суждено уже такъ, что изъ нея выйдетъ не человѣкъ-женщина, а баба-женщина. Молотовъ чувствовалъ это. Страшно ему было за Леночку. «Пропадетъ она!» думалъ онъ.

— Леночка, прости меня, шепталъ онъ...

— Я знаю, отчего ты не можешь любить меня...

Молотовъ цаловалъ ея руки и самъ не зналъ, что съ нимъ творилось. Онъ сознавалъ, что не имѣетъ любви къ ней, но Леночка была дорога ему... не какъ сестра, не какъ другъ... а за то, что она любила его... Никому и дѣла не было до него, а она?

— Я знаю, повторила Леночка: — ты не можешь любить меня, потому что я глупенькая...

Молотовъ невольно закрылъ лицо руками...

— Тебѣ жалко меня, потому что ты добрый.

— Боже мой!... проговорилъ Молотовъ, и по какому-то инстикту онъ прибавилъ:—такъ женщины не говорятъ.

— Насъ много такихъ дѣвушекъ, говорила Леночка: — но, Егорушка, и такія, какъ Лизавета Аркадьевна, не лучше насъ.

— Леночка, ты ревнуешь?... Я не могу ее любить... я уѣзжаю отсюда... я ненавижу ихъ... Эти аристократы обидѣли, обругали меня...

Молотовъ, будучи радъ, что нашелъ человѣка, предъ которымъ могъ высказаться, вполнѣ открылъ свою душу. Онъ разсказалъ Леночкѣ все, что онъ пережилъ въ послѣдніе дни, и какъ подслушалъ разговоръ Обросимовыхъ, и что онъ думалъ, какъ помѣщикъ помочь ему хотѣлъ, какъ гадалъ онъ по Лермонтову, и о письмѣ друга своего, и какъ страшна для него будущность—все, все, точно Леночка подругой его стала... Она слушала его съ увлеченіемъ, положивъ на его плечо свою хорошенькую головку. Тогда она не сказала ему свое оригинальное: «да этого не бываетъ»...

— Я ихъ не люблю, сказала она горячо...

Молотовъ поцаловалъ ее, но это былъ не страстный, а добрый поцалуй.

— Богъ съ ними, сказалъ онъ...

— Никогда ихъ не буду любить... Я тебя люблю; я не сержусь на тебя. . . . .

. . . .

Они разстались добрыми друзьями, но Леночка всю ночь проплакала и все понять не могла, «отчего же насъ любить нельзя?... отего?» — Прошли для нея хорошіе, добрые дни; но ей было жалко не только добрыхъ дней, тихихъ вечеровъ и ясныхъ поцалуевъ, — она чувствовала какую-то особенную

горечь на сердцѣ и все спрашивала: «отчего же насъ любить нельзя?» У насъ не мало встрѣчается такихъ женщинъ, какъ Леночка, и многіе увлекаются ихъ щечками, щечки цалуютъ, и хорошо, если останавливаются только на томъ, на чемъ остановился Молотовъ... Иначе для нихъ невозможна будетъ и бабья карьера. Что тогда?... Молотову пришло въ тотъ день на умъ: «Обросимовъ не хочетъ меня признать полнымъ человѣкомъ, какъ самъ онъ, а я Леночку не хотѣлъ признать полной женщиной. Но дѣло сдѣлано, теперь не воротишь!» Однако и Молотовъ эту ночь провелъ не спокойно, несмотря на то, что въ тотъ день измучился и физически, и нравственно.

Егоръ Иванычъ не мало услыхалъ добрыхъ пожеланій отъ Обросимовыхъ, когда они узнали, что онъ ѣдетъ на службу, по приглашенію пріятеля. Всѣ были къ нему внимательны, ласковы, добры. Вотъ уже въ залѣ накрытъ столъ бѣлой салфеткой, раскинутъ огромный дорогой коверъ, изъ спальной комнаты принесена большая икона, свѣчи зажжены. Аркадій Иванычъ настоялъ, чтобы отслужили напутственный молебенъ. Пришли священникъ и дьячокъ. Во время обряда, отъ котораго Молотовъ хотѣлъ было уклониться, его посѣтили кротость и смиреніе. Ему представилось, что онъ, быть можетъ, никогда не встрѣтится съ этими людьми, а послѣ этого ему казалось дико и нелогично сердиться на нихъ. Тогда возникло на душѣ его то чувство, которое создало афоризмъ: «о мертвыхъ либо ничего, либо хорошо». — «Все это прошло», думалъ онъ: «а на прошедшее нечего сердиться. Все мертвое, все прошлое, все, что больше не встрѣтится въ жизни нашей,—не возбуждаетъ злости.»

— Ну, дай вамъ Богъ счастья на новомъ поприщѣ, сказалъ Обросимовъ:—не забывайте насъ...

— Желаемъ вамъ всего хорошаго; мы васъ любили, сказала Марья Павловна:—пусть всѣ васъ такъ любятъ.

Лизавета Аркадьевна подала ему руку.

— Прощайте, Егоръ Иванычъ, сказалъ Володя.

Молотовъ поцаловалъ его въ голову...

Прислуга толпилась и тоже кланялась Молотову и отъ души желала ему всего хорошаго.

Его провожали, какъ роднаго, и умилительна была эта картина, когда чужому человѣку чужіе люди желали всего хороша-

го. Вѣдь это рѣдко бываетъ . . . .

. . . .

Но не выдумывать же автору несуществующихъ пока примиреній! Егоръ Иванычъ все-таки ненавидѣлъ ихъ, хотя и говорилъ: «о мертвыхъ либо ничего, либо хорошо».—«Такъ гдѣ же счастье?» спроситъ читатель:—«въ заглавіи счастье обѣщано?» Оно, читатели, впереди. Счастье всегда впереди — это законъ природы.

Н. ПОМЯЛОВСКІЙ.

СВИСТОКЪ

Собраніе литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ.

7

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ, О ШРИФТАХЪ ВООБЩЕ И О МЕЛКОМЪ ВЪ ОСОБЕННОСТИ.

Скажите пожалуйста, что за скачки у этого «Свистка»! То въ полгода словечка отъ него не добьешься; со всѣхъ сторонъ его задѣваютъ, чуть не ѣдутъ на немъ верхомъ, — онъ, какъ чурбанъ въ баснѣ о лягушкахъ и царѣ, молчитъ! То вдругъ начнетъ появляться каждый мѣсяцъ; можетъ быть, появлялся бы и чаще, но вѣдь это почти то же, что ѣзда изъ Москвы въ Петербургъ: больше одного раза въ сутки ни туда, ни сюда пріѣхать нельзя, и дорога длинна, а главное: поѣздъ только одинъ разъ въ день идетъ; развѣ завести экстренные поѣзды, какъ сдѣлалъ уже «Русскій Вѣстникъ», приславшій намъ 1 № своей «Лѣтописи» на 1861 годъ, тогда какъ главный

его поѣздъ съ грузомъ № 23 и 24, 1860 года, застрялъ гдѣ-то на половинѣ пути, вѣроятно, по причинѣ глубокихъ снѣговъ» (*).

Такіе толки, безъ сомнѣнія, раздадутся при появленіи настоящаго № «Свистка», появляющагося вслѣдъ за № 6, который вышелъ только въ прошломъ мѣсяцѣ.

Но, милостивые государи, «Свистокъ» ничего не дѣлаетъ безъ причины, и на нынѣшній разъ, точно также какъ всегда, онъ имѣетъ законную причину, оправдывающую скорое его появленіе.

Просимъ прислушаться. Рѣчь пойдетъ о *шрифтѣ*. Вамъ уже конечно извѣстно, что съ 1861 года появился на Руси новый журналъ «Время». Вотъ это-то «Время» между прочими упреками, дѣлаемыми имъ всей литературѣ вообще и каждому автору въ разбивку, вздумало упрекать «Свистокъ» тѣмъ, что онъ публиковалъ объявле-

(*) 13 января 1861 года, послѣ долгаго ожиданія, означенный грузъ прибылъ благополучно въ С.-Петербургъ, упакованный въ одинъ тюкъ, съ двойнымъ: нумеромъ, 23—24.

Разговоръ въ журнальной конторѣ.

— «Одна-то книжка — за двѣ книжки?»
(Кричитъ подписчикъ сгоряча).

ПРИКАЩИКЪ.

То были плоскія коврижки,
А эта — толще кирпича!
Въ ней есть «Гармонія въ Природѣ»
И битва съ Утинымъ въ Смѣси.
Читайте, судырь, на свободѣ!»

ПОДПИСЧИКЪ (*принимая книгу.*)

«Merçi, почтеннѣйшій, merçi!»

(*Уходитъ.*)

Такъ древле тощій «Москвитянинъ»
По полугоду пропадалъ,
И вдругъ, огроменъ, пухлъ и страненъ,
Какъ бомба съ неба упадалъ.
Подписчикъ въ радости великой
Бросался съ жадностью на томъ
Плохихъ стиховъ и прозы дикой,
И сердце ликовало въ немъ.
Онъ говорилъ: «Такъ ты не умеръ?»
«Какъ долго былъ ты нездоровъ!»
И принималъ нежданный нумеръ
Охотно за пять нумеровъ.

Примѣч. конторщика.

ніе о самомъ себѣ «*робко, мелкимъ шрифтомъ*». Робко—это ничего; у всякаго свои понятія о храбрости.... Но — *мелкимъ шрифтомъ!* объ этомъ стоитъ подумать, необходимо объясниться. Читателю извѣстно, что съ тѣхъ поръ, какъ г. Серно-Соловьевичъ, въ залѣ Пассажа, предъ многочисленнымъ собраніемъ, вошелъ въ подробное преніе о *курсивѣ*, вопросъ о шрифтѣ получилъ въ Россіи громадное значеніе. Говорятъ, что иногда книжки журналовъ запаздывали по цѣлымъ мѣсяцамъ по причинѣ спора, возникавшаго между почтенными редакторами, какимъ шрифтомъ должна быть отпечатана та или другая статья, и гдѣ именно слѣдуетъ поставить *курсивъ*. Лучшіе умы пошли далѣе: отъ шрифтовъ крупныхъ и мелкихъ, отъ косыхъ и прямыхъ, они перешли къ обсужденію самой формаціи шрифтовъ. «Русскій Вѣстникъ», какъ и всегда, явился первымъ, подавшимъ свой голосъ въ этомъ дѣлѣ: въ 1-мъ № своей «Лѣтописи» онъ предложилъ нѣкоторыя измѣненія въ отлитіи русскихъ буквъ, и ввелъ ихъ у себя, начавъ такимъ образомъ годъ блистательнымъ нововведеніемъ. Здѣсь мы должны на минуту уклониться съ прямой дороги и сказать нѣсколько словъ объ этомъ нововведеніи. Нѣтъ сомнѣнія, что преобразованіе въ русскомъ шрифтѣ, изобилующемъ въ настоящемъ своемъ видѣ прямыми линіями, при малѣйшей порчѣ шрифта, дѣлающими чтеніе затруднительнымъ, — нѣтъ сомнѣнія, что это преобразованіе нужно, но тѣмъ не менѣе, по поводу попытки «Русскаго Вѣстника», «Свистокъ» слышалъ слѣдующія разсужденія, о которыхъ, принимая въ соображеніе важность вопроса, не считаетъ удобнымъ умолчать.

— Можетъ быть, нововведеніе господина Каткова очень хорошо, говорилъ недавно одинъ господинъ, потрясая 1 № «Лѣтописи Русскаго Вѣстника»: — но я полагаю, что мѣсто такимъ попыткамъ не въ газетѣ, а въ какомъ нибудь спеціальномъ изданіи, посвященномъ филологіи или просто: вопросу о шрифтахъ. Пятьдесятъ-три года читаю я русскія книги и журналы и никогда не встрѣчалъ затрудненія въ чтеніи ихъ, исключая того случая, когда господину Лажечникову вздумалось напечатать своего «Басурмана» хотя и по-русски, но съ какимъ-то чудовищнымъ правописаніемъ, которымъ поставлялось читателю въ обязанность разучиться всякому правописанію, да еще того небольшаго періода въ изданіи «Отечественныхъ Записокъ», когда редакція, въ виду всей Россіи, чуть-было не поскнулась на буквѣ *ѫ*, но это скоро и благополучно прошло. И вотъ теперь, подъ старость, получаю «Лѣтопись», начинаю читать.... да еще въ слухъ, передъ мало знакомыми людьми пришлось читать. Представьте себѣ! читаю — и запинаюсь, поминутно запинаюсь. Глазъ мой, въ теченіе долгаго времени освоившійся съ обык-

*

новеннымъ русскимъ шрифтомъ, никакъ не можетъ привыкнуть къ этимъ закругленіямъ, усикамъ, раздвоеніямъ, рожкамъ, подножкамъ и ко всякимъ другимъ улучшеніямъ, введеннымъ «Лѣтописью» въ русскій шрифтъ. Подножки! Усики! Спрашивается, зачѣмъ тутъ усики?

«Усы гусара украшаютъ,
Усы герою видъ даютъ,
Невѣстъ усами добываютъ,
Усы для дѣвушекъ магнитъ....»

Но я не дѣвушка! А эти высокіе *к*, *ф*, *ѣ*, — что это такое? для чего?... Въ цѣломъ страница представляетъ какую-то невообразимую пестроту, неровную, несимметричную, какъ будто съ высокой-высокой колокольни смотришь на подгулявшую толпу, покачивающуюся съ боку на бокъ, или, еще лучше, какъ будто, къ ужасу г. Серно-Соловьевича, ящикъ курсива всыпали въ ящикъ обыкновеннаго прямаго шрифта да и пошли писать, то есть набирать! такъ-что самъ господинъ Серно-Соловьевичъ едва ли въ состояніи различить, что̀ здѣсь собственно набрано курсивомъ, что̀ прямымъ шрифтомъ. А ужь *я* такъ просто и прочесть не умѣлъ порядкомъ; нѣкоторые гости ушли, не дослушавъ чтенія и — что мудренаго — сочли меня за безграмотнаго! Вотъ какую услугу оказалъ мнѣ «Русскій Вѣстникъ»!

— Изъ чего вы убиваетесь? возражали ему. — Такъ-то у насъ во всемъ, ничего для общей пользы; маленькое затрудненіе для глазъ, пустой щелчокъ самолюбію — и мы готовы бросить камень въ того, кто хлопоталъ для пользы науки. Вѣдь господинъ Катковъ конечно имѣлъ въ виду пользу науки....

— Пользу науки! грубо вскричалъ господинъ.— Хочешь пользы наукѣ, такъ печатай свои опыты особо. Если *я* къ наукѣ радѣтелень, заплачу деньги и испорчу глаза — и жаловаться не буду. Или объяви заранѣе. А то —

На языкѣ тебѣ невнятномъ
Свои статейки подношу,
И въ заблужденіи пріятномъ,
Вниманья твоего прошу...(*)

Покорно благодарю! Я не хотѣлъ ни денегъ бросать, ни глаза портить, я хотѣлъ читать «Современную Лѣтопись». Такъ и давайте мнѣ ее въ такомъ видѣ, чтобъ я могъ читать. Еще бы вы вздумали для пользы науки ставить буквы къ верху ногами или санскритскій

(*) Пушкинъ: «Иностранкѣ».

алфавитъ ввели бы, да не объявили бы зараңѣе! Покорно благодарю! Цѣлый годъ теперь убивайся, привыкай къ новому шрифту, а тамъ удержится ли еще онъ, или вздумается выписать другой журналъ.

— Да зачѣмъ же другой? говорили ему.—Вы всегда были такимъ жаркимъ поклонникомъ «Русскаго Вѣстника»...

— Такъ по-вашему цѣлый вѣкъ и прикажете мнѣ выписывать только его? запальчиво возразилъ господинъ.

— Почему же нѣтъ?

— Почему, почему? А вотъ почему, милостивый государь.

Какимъ ни ухищряйся шрифтомъ
Печатать слабыя статьи,
Вѣрь, ни сотрудники твои,
Ни самъ ты — вѣкъ не будешь Свифтомъ!

Онъ посмотрѣлъ на насъ съ явнымъ самодовольствіемъ. Онъ видимо былъ счастливъ, что ему удалось высказать свое негодованіе въ этой плохой эпиграммѣ. Мы пробовали ему замѣтить, что г. Катковъ никогда не претендовалъ на славу Свифта, и потому, конечно, останется совершенно равнодушнымъ къ этой выходкѣ; но онъ не далъ намъ рта разинуть, продолжая порицать шрифтъ «Лѣтописи». И вотъ каковы люди! Пять лѣтъ этотъ человѣкъ былъ жаркимъ поклонникомъ «Русскаго Вѣстника», онъ почерпалъ оттуда свои убѣжденія, свои высшіе взгляды,—короче: свой умъ. «Русскій Вѣстникъ» помогалъ ему держаться на высотѣ современности, какъ и многимъ, внезапно застигнутымъ этимъ требованіемъ, — и вотъ ничтожное развѣтвленіе въ верхней части буквы *ъ*, ничтожный усикъ, придѣланный къ буквѣ *ь*, — и все забыто! Пріязнь обратилась во вражду! О люди! о вѣкъ! о время!

Само собою разумѣется, что эти два послѣднія восклицанія не относятся ни къ «Вѣку», издаваемому г. Дружининымъ и К°, ни ко «Времени», издаваемому г. М. Достоевскимъ. Но такъ какъ мы кончили наше отступленіе, то и переходимъ къ одному изъ этихъ журналовъ, съ которымъ начали нашу бесѣду.

Собственно мы начали статейку съ тѣмъ, чтобы сказать «Времени», что никакъ мы не можемъ признать справедливымъ упрека его въ томъ, что «Свистокъ» объявилъ о себѣ мелкимъ шрифтомъ. Мы всегда думали и продолжаемъ думать, что этотъ случай должно приписать въ заслугу ему. Да когда же, скажите на милость, «Свистокъ» говорилъ о себѣ не въ выноскѣ, крупнымъ шрифтомъ? Во-первыхъ, крупные шрифты у насъ берегутся для публикованія именъ тѣхъ знаменитостей, которыя удостоиваютъ насъ обѣщаніемъ

своихъ произведеній, а во-вторыхъ: не всегда ли «Свистокъ» отличался скромностію и благоприличіемъ?

Итакъ, надѣемся, мы доказали «Времени», что мелкій шрифтъ въ нашемъ объявленіи не долженъ быть понимаемъ иначе, какъ за выраженіе этихъ качествъ, при которыхъ «Свистокъ» желаетъ остаться навсегда. Горькую минуту переживетъ онъ, когда «Время» или другой какой либо журналъ будетъ въ состояніи съ полнымъ правомъ обратиться къ нему съ извѣстнымъ карамзинскимъ вопросомъ:

«Бѣдный Свистокъ! гдѣ твоя невинность?»

Онъ откровенно сознается, что не желаетъ дожить до этого времени.

Объяснившись и успокоивъ умы касательно мелкаго шрифта, мы теперь займемся словомъ «*робко*», такъ-какъ это маленькое словечко, признаемся, тоже укололо насъ, хотя и менѣе, нежели мелкій шрифтъ. Глупо! но что же дѣлать? У всякаго есть свои мировые судьи, своя г-жа Свѣчина! Притомъ, не служитъ ли и эта самая щекотливость доказательствомъ невинности «Свистка?» Это не то, что обстрѣлянные журналисты, на которыхъ раздражительные господа, потерпѣвшіе неудачи на различныхъ поприщахъ — акціонерномъ и другихъ, — изливаютъ свою желчь изъ разныхъ газетныхъ закоулковъ, покуда ихъ оттуда не выгонятъ за глупость, какъ отвсюду, куда они совались. Молчатъ обстрѣлянные журналисты, даже виду не подадутъ, долетѣли ли до нихъ хоть брызги помой, которыми была разведена желчь, — молчатъ, и сохнетъ, и таетъ, какъ воскъ, не по днямъ, а по часамъ, раздражительный господинъ въ тщетномъ ожиданіи. Нѣтъ, «Свистокъ» не имѣетъ ни столько навыку, ни столько твердости. Онъ готовъ оправдываться противъ каждаго двусмысленнаго слова, пущеннаго на его счетъ, разумѣется, если уважаетъ противника.

Если бы «Время», вмѣсто *робко*, употребило слово *кротко*, тогда нечего бы и говорить. Но — робко! Въ чемъ же по мнѣнію «Времени» выразилась робость «Свистка?» Въ томъ, что онъ не написалъ о себѣ широковѣщательнаго объявленія, не расхвастался въ немъ своими заслугами, не натыкалъ въ него сотни заглавій небывалыхъ статей и десятки именъ, съ сомнительной знаменитостью? Помилуйте! да если вопросъ только въ этомъ, такъ «Свистокъ» могъ бы удивить публику своею храбростію не хуже самихъ «Отечественныхъ Записокъ». Вы скажете, у него не хватитъ воображенія, не найдется умѣнья составить хорошую программу, нужно набить руку, напрактиковаться, что̀ пріобрѣтается годами, а вы сами уши намъ прожужжали своей неопытностью? Что жы! По-

ложить такъ. Но развѣ нельзя воспользоваться чужою опытностью? «Свистку» стоило переписать почти любую изъ програмъ на 1861 годъ — и вы не назвали бы его робкимъ.

Онъ могъ бы сказать, напримѣръ:

«Свистокъ» не имѣетъ надобности рекомендоваться публикѣ «подробными программами, а потому редакція съ удовольствіемъ «оглядывается на прошедшее свое поприще, въ которомъ находитъ «разгадку постояннаго своего успѣха въ публикѣ, несмотря на «обиліе вновь являющихся повременныхъ изданій. Не для того, «чтобы хвалиться всѣмъ тѣмъ, что успѣлъ сдѣлать въ это «время, а для того, чтобъ искать въ прошедшемъ руководящей «идеи для будущаго, бросимъ мы взглядъ на пройденное нами широкое поприще.»

Довольно. Рука устаетъ выписывать. Скажите, чѣмъ это было бы худо? Очень было бы даже хорошо! И труда никакого не стоило бы, потому что это выписано *слово въ слово* изъ программы одного большаго журнала, богатаго опытностію по части програмъ. Затѣмъ «Свистокъ» съумѣлъ бы, конечно, переписать съ громкими прибавленіями названія статей, въ немъ помѣщенныхъ, перечислить имена сотрудниковъ, въ немъ участвовавшихъ, расхваливъ ихъ на-пропалую и задѣвъ по дорогѣ сотрудниковъ чужаго прихода, — и наконецъ заключилъ бы такъ:

Читатели видятъ, что редакціи «Свистка» въ прошломъ году *посчастливилось* соединить на своихъ страницахъ превосходныя произведенія ЯКОВА ХАМА, АППОЛОНА КАПЕЛЬКИНА и КОНРАДА ЛИЛІЕНШВАГЕРА.

Въ слѣдующемъ году «Свистокъ» надѣется быть еще счастливѣе, помѣстивъ слѣдующія статьи:

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАВЛЯ или РАЗДРАЖЕННЫЙ БИБЛІОГРАФЪ, самообличительная поэма-автобіографія.... САВВЫ НАМОРДНИКОВА.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПАРАЛЛЕЛИ:

В. А. КОКОРЕВЪ и ЛАФИТЪ.

ЖОРЖЪ САНДЪ и ЕВГЕНІЯ ТУРЪ.

БИТВА ГОРАЦІЕВЪ СЪ КУРІАЦІЯМИ и бой 13 декабря 1859 г. въ петербургскомъ Пассажѣ.

ЛАМОРИСЬЕРЪ и Н. Ф. ПАВЛОВЪ.

ЛЕГЕНДА О ЧЕРНОКНИЖІИ или ШОТЛАНДСКАЯ ВѢДЬМА, поэма А. КАПЕЛЬКИНА.

Рядъ статей О ВРЕДѢ ЛЮДОѢДСТВА — ДАРЬИ КУНИЦЫНОЙ (урожденной княжны Безхвостовой).

Рядъ статей О ЮМОРѢ У ЖИТЕЛЕЙ ЛАПЛАНДІИ и У САМОѢДОВЪ (посвящается редакторамъ «Свистка»)—И. ШУТЕНКОВА (потомка древней графской фамиліи, утратившей документы при пожарѣ Москвы въ 1612 году).

«ТЫСЯЧУ ДВѢСТИ СТИХОТВОРЕНІЙ» — КОНРАДА ЛИЛІЕНШВАГЕРА.

ЖОХЪ и ПЛОЦКА, драма — АННЫ МОНУМЕНТОВОЙ (псевдонимъ мужчины-писателя).

ИДИЛЛІЯ и ПРЕДСКАЗАНІЯ. — ЯКОВА ХАМА.

ЧЕЛОВѢКЪ БЕЗЪ ДЕНЕГЪ — СОЛДАТЪ БЕЗЪ РУЖЬЯ! — ХАДЖИ-ПОДХАЛИМОВА (поэтъ-самоучка, армянскаго происхожденія. Мать грузинка).

КАКЪ ПОНИМАЮТЪ СВИСТОКЪ образованные народы Европы, рядъ писемъ изъ Лондона. ТИТМАРША, МЛАДШ. (племянника славнаго Тэккерея, давшаго клятву писать исключительно въ нашемъ журналѣ).

ИСТИНА ВЪ НАУКѢ
ИСТИНА ВЪ ИСКУССТВѢ
ИСТИНА ВЪ ЖИЗНИ — Три лекціи А. УКРАИНСКАГО, которыя будутъ читаны въ залѣ Пассажа, въ пользу новозадуманнаго Общества для сдиранія шкуры — съ живыхъ и мертвыхъ, подъ благовидными предлогами, по новому способу, имъ же изобрѣтенному).

Басни. К. ПРУТКОВА (*).

И проч. и проч. и проч. Сколько еще могли бы мы насчитать статей! сколько поименовать сотрудниковъ! Но въ томъ-то и дѣло, что при всей легкости въ подборѣ подобныхъ хвастливыхъ обѣщаній, при всей безотвѣтственности въ случаѣ ихъ неисполненія, «Свистокъ» удержался въ границахъ скромности и приличія.

Спрашивается теперь: порицанія или похвалы достойно подобное поведеніе?

Доказавъ свою невинность, «Свистокъ» спѣшитъ увѣрить новый журналъ, что нисколько не сердится за опрометчивое его сужденіе. Напротивъ, «Время» ему понравилось, и онъ, какъ восторженный юноша, не умѣющій скрывать своихъ чувствъ, сложилъ ему гимнъ, который и печатаетъ теперь съ большимъ удовольствіемъ.

(*) Это имя, какъ дѣйствительно знаменитое, должно быть напечатано въ полтора раза крупнѣе прочихъ, чего не сдѣлано здѣсь изъ опасенія обезобразить страницу.

I.

ГИМНЪ «ВРЕМЕНИ»,

НОВОМУ ЖУРНАЛУ, ИЗДАВ. М. ДОСТОЕВСКИМЪ.

Межъ тѣмъ какъ Гарибальди дремлетъ,
Колеблется неннинскій тронъ,
Гаэта грому пушекъ внемлетъ,
Даетъ права Наполеонъ, —
Въ странѣ затронутыхъ вопросовъ,
Не перешедшихъ въ сферу дѣлъ,
Короче: тамъ, гдѣ Ломоносовъ
Когда-то лирою гремѣлъ,
Явленье новаго журнала
Внезапно потрясло умы:
Въ немъ слышны громы Ювенала,
Въ немъ не замѣтно духа тьмы.
Отваженъ тонъ его суровый,
Его программа широка....

Привѣтъ тебѣ, товарищъ новый!
Явилъ ты мудрость старика.
Неси своей задачи бремя,
Неуставая и любя!
Чтобы ни «Вѣкъ», ни «Наше Время»
Не покраснѣли за тебя;
Чтобы не сѣлъ тебѣ на плечи
Редакторъ-дама «Русской Рѣчи»,
Чтобъ фельетонъ «Вѣдомостей»
Не похвалилъ твоихъ статей!
Какъ пароксизмы лихорадки,
Терпи журнальныя нападки,
И Воскобойникова лай
Безъ раздраженія внимай!

Блюди разумно духъ журнала,
Бумагу строго береги:
Страшись «Суэзскаго Канала»
И «Зундской Пошлины» бѣги (*)!

(*) О «Суэзскомъ перешейкѣ», «О Зундской пошлинѣ» — любимыя статьи скучныхъ журналовъ. Дѣйствіе ихъ на читателя ужасно. Одинъ извѣстный журналъ имѣлъ неосторожность коснуться разъ Суэзскаго перешейка — и долго потомъ не могъ поправиться.

Съ девонской, съ силурійской почвы
Ученой дани не бери;
Кричи такимъ твореньямъ: «прочь вы!»
Творцамъ ихъ: «чортъ васъ побери!»
А то какъ о «Сухихъ Туманахъ» (*)
Статейку тиснешь не взначай,
Внезапно засвиститъ въ карманахъ....
Бѣда! Ложись — и умирай (**).

Будь рѣзкимъ, но не будь бранчивымъ,
За личной местью не гонись.
Не называй «Свистка» трусливымъ
И самъ безмѣрно не гордись!
Припомни ямбы Хомякова,
Что гордость — грѣшная мечта,
Припомни афоризмъ Пруткова,
Что все на свѣтѣ — суета!
Мы здѣсь живемъ не вѣчны годы,
Здѣсь каждый шагъ невѣренъ нашъ,
Погибнутъ царства и народы,
Падетъ штенбоковскій Пассажъ,
Со срамомъ Пинто удалится
И лекцій больше не прочтетъ,
Со трескомъ небо развалится
И «Время» на косу падетъ (***)!

II.

НА РУБЕЖѢ СТАРАГО И НОВАГО ГОДА.

Грёзы и видѣнія Новаго Поэта.

«Чудная картина,
Какъ ты мнѣ родна....
Бѣлая равнина,
Полная луна,
Свѣтъ небесъ высокихъ,
И блестящій снѣгъ»....

(*) «О Сухихъ Туманахъ» одна изъ послѣднихъ статей, напечатанныхъ въ «Атенеѣ», послѣ которой онъ вскорѣ умеръ.

(**) «Свистокъ» надѣется, что редакція «Времени» оцѣнитъ безкорыстность и доброжелательство этихъ предостереженій, которыми вовсе не должно пренебрегать.

(***) Послѣдніе два стиха заимствованы у Дмитріева.

Эти стихи всякій разъ вертятся у меня на языкѣ, когда, закутавшись, съ ногъ до головы, въ шерсть и мѣхъ и все-таки замирая отъ холода, я прохаживаюсь, какъ всѣ праздные люди, для здоровья и аппетита по петербургскимъ улицамъ....

Чудная картина! Вотъ она — настоящая-то русская зима, во всемъ своемъ трескучемъ и колючемъ величіи и во всей своей леденящей поэзіи!...

Въ самомъ дѣлѣ, что за прелесть! Петербургъ весь окутанъ бѣлымъ, пушистымъ покрываломъ: на крышахъ, на карнизахъ домовъ, на драконахъ, на каріатидахъ, на заборахъ, на столбахъ, на сточныхъ трубахъ, на монументахъ—вездѣ груды снѣга; на улицѣ у тротуаровъ снѣжныя стѣны выше роста человѣческаго; всѣ зеркальныя и цѣльныя стекла магазиновъ расписаны снѣжными пейзажами и узорами; всѣ граниты и мраморы опушены снѣгомъ; всѣ фонари покрылись матомъ и сквозь этотъ матъ чуть-чуть мерцаетъ газъ; прозрачное, ясное небо, ночью, усѣяно милліонами ярко-сверкающихъ звѣздъ; первая четверть мѣсяца ярко вырѣзывается на синевѣ неба; весь Петербургъ топится, и бѣлый дымъ поднимается кверху надъ исполинскими зданіями, застилая прозрачную синеву; паръ отъ лошадей и людей стелется по улицамъ; длинныя, прозрачныя, какъ хрусталь, капели висятъ на украшеньяхъ домовъ, какъ стекла на люстрѣ; высунувшіеся изъ шубъ носы бѣлѣютъ; колесы и санныя полозья визжатъ и скрыпятъ по плотной, снѣжной равнинѣ, искрящейся звѣздочками; Нева вся всколышена снѣжными волнами и буграми; всѣ вѣтви на кустахъ и деревьяхъ петербургскихъ садовъ и скверовъ висятъ отягченные снѣгомъ; гремя бубенчиками, тройки, птицы-тройки, какъ ихъ назвалъ Гоголь въ поэтическомъ экстазѣ, летаютъ по улицамъ, съ весельчаками, покрытыми инеемъ и морозною пылью....

Восхитительная картина,

«Чудная картина,
Какъ ты мнѣ родна»!...

И сколько въ тебѣ поэзіи, особенно *для насъ*, у которыхъ камины и печи, войлоки и ковры на полахъ, подушки на окнахъ, и которымъ нечего заботиться о цѣнѣ дровъ, — а дрова-то, говорятъ, очень вздорожали. Бѣдные эти люди, живущіе въ Галерной, на Выборгской и Петербургской сторонахъ, въ Семеновскомъ полку, на Пескахъ! «Имъ теперь вовсе не до поэзіи зимы!...» подумалъ я, вздохнувъ довольно эгоистически, и поправивъ уголья въ каминѣ....

Это было наканунѣ новаго года. Я чувствовалъ себя не то чтобы совсѣмъ здоровымъ, не то чтобы больнымъ.... У меня, такъ,

слегка болѣла поясница. Эта легкая боль доставляетъ мнѣ всегда большую пріятность: она располагаетъ къ лѣни, къ нѣгѣ, къ разнымъ мечтамъ и фантазіямъ. Въ комнатѣ моей было хорошо, тепло и уютно: съ одной стороны раскаленый каменный уголь въ каминѣ и синій огонекъ, пробѣгавшій по его трещинамъ; съ другой — лунный блескъ, освѣщавшій стекла оконъ, причудливо расписанныя морозомъ, и на треножникѣ, освѣщенномъ карселемъ, небольшой, но прекрасный пейзажъ Пуссеня, за нѣсколько часовъ передъ этимъ подаренный мнѣ. Я отказался отъ всѣхъ приглашеній и рѣшился встрѣтить новый годъ одинъ.

Пріятнѣйшая теплота разливалась по моимъ членамъ, я ощущалъ удивительное внутреннее спокойствіе и довольство; кругомъ меня была ничѣмъ ненарушаемая тишина, и я только отъ времени до времени потягивался и позевывалъ, смотря то на моего Пуссеня, то на перебѣгавшіе огоньки въ каминѣ, то на узоры стеколъ....

Никакія желанія, никакія надежды, никакія ожиданія не раздражали моей крови, — а сколько петербургскихъ чиновныхъ и сановныхъ сердецъ бьется наканунѣ этого дня желаніями и ожиданіями наградъ, украшеній, повышеній и тому подобнаго!... И какъ они, бѣдные, волнуются въ эту минуту, когда я лежу спокойно на моемъ диванѣ!

Я потянулся и взглянулъ на часы.

Оставался только часъ до новаго года.

Теперь эти господа брѣются, моются, чистятся, душатся, помадятъ свои парики, прикрываютъ остатками волосъ свои лысины, облекаются въ бѣлыя или красныя панталоны съ золотыми лампасами, надѣваютъ свои разшитые и раззолоченные мундиры.

И при этой мысли, я крѣпко завернулся въ свой байковый халатъ....

Въ воображеніи моемъ грустно мелькнули-было заштатные, отставленные, служащіе труженики, ожидающіе крупицы изъ *остаточныхъ* суммъ, — вся эта корпящая надъ бумагами мелюзга и мой бѣдный Андрей Петровичъ на Выборгской сторонѣ; но я тотчасъ же, чтобы ничѣмъ не тревожиться, отогналъ отъ себя всѣ эти мрачныя тѣни....

Вотъ ужь и половина двѣнадцатаго....

Прощай, 1860 годъ! Несмотря на оскорбленія, клеветы и насмѣшки, претерпѣнныя мною отъ тебя, я не питаю къ тебѣ ни малѣйшей злобы, и провожаю тебя съ миромъ!

Ты совершилъ много, и имя твое не забудется.

Ты одушевлялъ великій итальянскій народъ патріотическою мыслію единства; ты сокрушилъ чужеземное владычество въ

Италіи и троны мелкихъ владѣльцевъ; ты далъ силу Гарибальди съ горстью патріотовъ и почти безъ пролитія крови совершить чудо — и войти побѣдителемъ въ Палермо и Неаполь; ты высоко поднялъ предъ изумленнымъ взоромъ европейскихъ дипломатовъ знамя итальянскаго единства; ты затронулъ вопросъ о свѣтской власти папы; ты поколебалъ упорство габсбургскаго дома и заставилъ его прибѣгнуть къ нѣкоторымъ уступкамъ и реформамъ; ты во Франціи дозволилъ разсуждать о тронныхъ рѣчахъ, и не безъ благосклонности улыбнулся французской *прессѣ*; ты даже въ апатической, налитой пивомъ, Германіи пробудилъ какое-то смутное стремленіе къ единству; ты обнаружилъ вполнѣ безсиліе Турціи (это впрочемъ небольшая заслуга.... кто же не зналъ до тебя объ этомъ безсиліи?); ты расшевелилъ неподвижный Китай съ его громаднымъ населеніемъ, и съ горстью европейцевъ побѣдоносно вошелъ въ Пекинъ, блистательно доказавъ, что передъ однимъ дуновеніемъ цивилизаціи падаютъ, какъ карточныя куклы, милліоны людей, коснѣющіе въ мертвыхъ формахъ.... Эту горсть европейцевъ могли бы, казалось, закидать своими шапками только одни почтенные мандарины. Ты поднялъ горячій, грозный вопросъ о постыдномъ невольничествѣ въ Американскихъ Штатахъ и поставилъ во враждебное положеніе Сѣверъ съ Югомъ. Ты разработывалъ въ нашемъ любезномъ отечествѣ великій вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права. До какой степени ты серьёзно смотрѣлъ на этотъ вопросъ и подготовлялъ его къ разрѣшенію — мы еще не знаемъ; это можетъ-быть обнаружитъ намъ твой преемникъ, но все-таки ты усердно занимался этимъ вопросомъ, что̀ дѣлаетъ тебѣ, конечно, большую честь....

Въ короткое время твоего существованія—ты обнаружилъ большую и полезную дѣятельность, и грѣшно было бы тѣмъ, которые вѣруютъ въ прогрессъ человѣчества, не помянуть тебя добрымъ словомъ!

Ты и для насъ не прошелъ даромъ. Ты сдѣлалъ первый шагъ къ нашему народному образованію.... Ты завелъ тысячи комитетовъ и коммиссій по поводу различныхъ имѣющихся въ виду реформъ и улучшеній.

Сколько утонченныхъ удовольствій далъ ты намъ, поклонникамъ искусства (хотя бы и не для искусства). Ты заставилъ Тургенева подарить насъ двумя прелестными повѣстями, изъ которыхъ въ одной онъ изобразилъ намъ благороднаго болгара—Инсарова, тщетно порывающагося освободить свое отечество.... Ты оживилъ нашу сцену новою драмою Островскаго, въ которой столько народной правды и поэзіи.... Изъ таинственнаго портфёля Гончарова ты

вынулъ тайкомъ нѣсколько страницъ, и опубликовалъ ихъ почти противъ воли автора, доставивъ ему чуть не капиталъ, потому что онъ каждую строчку справедливо цѣнитъ на вѣсъ золота.... Ты доставилъ г. Авдѣеву, за его «Подводный Камень», тысячу прелестнѣйшихъ поклонницъ.... У насъ въ Петербургѣ по крайней мѣрѣ большинство дамъ восхищены этимъ романомъ!... Ты пригласилъ къ намъ въ Петербургъ великую артистку, доставившую намъ минуты высокаго эстетическаго наслажденія.... Ты былъ такъ снисходителенъ, что безкорыстно для себя выхлопоталъ дозволеніе поставить на сцену «Свои люди—сочтемся» и поднесъ великодушно этотъ неожиданный подарокъ своему преемнику.... Ты изъ пожарныхъ развалинъ петербургскаго цирка воздвигнулъ великолѣпный театръ, освѣтилъ газомъ нѣсколько петербургскихъ улицъ — и только никакъ не могъ совладѣть съ водопроводной компаніей, въ трубы которой — увы! — до сихъ поръ не проходитъ вода....

А гласность-то! гласность-то!... Никакъ нельзя сказать, чтобы она сдѣлала при тебѣ *исполинскіе* шаги.... да и можно ли требовать этого? Она еще родилась у насъ такъ недавно, она дитя,—у ней шажки невѣрные и маленькіе, голосокъ неустановившійся, она ковыляетъ и спотыкается, шалитъ и кричитъ о пустякахъ, воображая, что дѣлаетъ дѣло,—все это, конечно, довольно смѣшно и забавно для взрослыхъ. Но что бы ни говорили, а это милое дитя подаетъ большія надежды, по крайней мѣрѣ болѣе основательныя и прочныя, чѣмъ тѣ надежды, которыя такъ недавно еще возбуждали въ насъ, неисправимо-увлекающихся людяхъ, — гг. Случевскій и Апухтинъ! Ты былъ немилосердъ, 60-й годъ, къ этимъ юнымъ поэтамъ!...

А какихъ удивительныхъ героевъ гласности вывелъ ты передъ нами! Какъ они смѣшно размахивали своими картонными мечами! Какъ гордо издѣвались надъ своими жертвами!... И кто забавнѣе — герои, или жертвы — рѣшить трудно.

Прелестное дитя—русская гласность—открыло намъ великія истины, что драться на улицахъ и бить дамъ въ вагонахъ—совершенное готтентотство; что юродивые, дурачки, прикидывающіеся пророками, въ родѣ московскаго лжепророка Ивана Яковлича — праздношатающіеся негодяи, достойные преслѣдованія, а ихъ поклонники и поклонницы — жалкіе, невѣжественные ханжи... Шаловливая гласность, къ великому удовольствію настоящаго г. Якушкина, открыла намъ еще Лже-Якушкина и какую-то милую даму, граціозно подносящую лавровый вѣнокъ больному и лежащему въ постелѣ Гарибальди.

Съ какимъ горячимъ и благороднымъ негодованіемъ малютка — гласность—изобличала и преслѣдовала калужскихъ прогрессистовъ, шумѣвшихъ въ театрѣ; г. доктора Николина за перенесеніе изъ

больницы г-жи Требуховой съ рвотою и болью въ животѣ; почтеннаго московскаго аптекаря Миндера за фунтъ желѣзнаго купороса, который онъ, вмѣсто назначенной министерствомъ внутреннихъ дѣлъ цѣны 4 к. с., продаетъ (будто-бы) за 1 р. 25 к. с.... Съ какою любовію и жаромъ трактовала она о жалованьѣ предводителямъ дворянства; описывала орлиный носъ какого-то шарлатана г. Грабянки и его *зубы, которыми онъ гордился, грызъ орѣхи, и любилъ кожу ветчины, которую жевалъ свободно*. Въ какое негодованіе приходила она на какихъ то забулдыкъ-цыганистовъ, шумѣвшихъ и неприлично державшихъ себя въ увеселительномъ саду московскаго эрмитажа передъ дамами и передъ мундирами. — Какія необыкновенныя открытія совершала она, открывъ въ Москвѣ, въ ея сердцѣ—Кремлѣ, залу съ барельефами, на которыхъ иносказательно изображены подвиги императрицы Екатерины II. Это открытіе принадлежитъ нашему земляку, петербургцу, что̀ особенно лестно для насъ, петербургскихъ жителей, въ которыхъ москвичи не признаютъ никакихъ достоинствъ и талантовъ... «А вотъ-таки пригодился-же на что нибудь москвичамъ нашъ петербургскій землякъ»! подумали мы съ гордостію.

Наша гласность, между прочимъ, оказывала бойкость и смѣлость не по лѣтамъ. Она вступала въ откытую борьбу.... съ кѣмъ бы вы думали? — съ пожарными командами (астраханской и полтавской)... Ребенокъ, воюющій съ полиціймейстерами, брантмейстерами и ихъ командами... Какое зрѣлище! Чего же не ожидать отъ такого ребенка, когда онъ подростетъ немного?... Какую глубокую ученость выказала милая гласность въ спорахъ по поводу упраздненнаго города Никитса, въ *гербѣ котораго были три отесаные камня* и въ уѣздѣ котораго родился одинъ изъ скончавшихся недавно свѣтильниковъ нашей церкви!...

Невозможно ни припомнить, ни перечесть всѣхъ подвиговъ, совершенныхъ гласностію въ 1860 году.

Меня особенно интересовали ея безъименныя обличенія дурныхъ поступковъ и злоупотребленій разныхъ лицъ подъ буквами А, Б, В, Г, Д и такъ далѣе.

— Какого рода пользу могутъ приносить такаго рода таинственныя обличенія? Это нелѣпо! восклицали строгіе судьи, слѣдившіе за подвигами гласности....

Эти господа не хотѣли принять въ соображеніе, что то были только реторическія упражненія малютки, первые ея опыты въ краснорѣчіи, пробы еще неопытнаго пера, но опыты и пробы, въ которыхъ виденъ талантъ и которыя подаютъ большія надежды....

Они были помѣщаемы на *страницахъ журналовъ* (какъ выра-

жаются журналисты) именно въ этомъ смыслѣ. Неужели же наши ученые редакторы смотрѣли на нихъ серьёзно, думали придавать имъ какое нибудь значеніе?... Конечно, они только поощряли малютку-гласность и гладили ея по головкѣ....

Въ такомъ же, кажется, смыслѣ «Современникъ» печаталъ *на своихъ страницахъ* стихотворенія гг. Случевскаго, Апухтина, Кускова и другихъ.... Нѣкоторые журнылы подняли при этомъ страшный гвалтъ и закричали, что «Современникъ» серьёзно принимаетъ ихъ за *великихъ поэтовъ* (это было бы забавно!), и пустились строчить пародіи на гг. Случевскихъ и Кусковыхъ. Не явись произведенія этихъ господъ *на нашихъ страницахъ*, ни одинъ бы журналъ навѣрно не упомянулъ объ нихъ.... Мы замѣчаемъ это не потому, что самолюбиво придаемъ себѣ какое нибудь значеніе, — Боже сохрани! но хотимъ только показать, до какой степени любезны и внимательны къ намъ наши собраты по журнальному ремеслу....

Кстати о пародіяхъ.... Какъ человѣкъ неученый и веселый по натурѣ, въ противуположность ученому редактору «Отечественныхъ Записокъ» (я говорю не о г. Дудышкинѣ, а о г. Краевскомъ), я очень люблю шуточныя стихотворенія и пародіи, имѣющія какой-нибудь смыслъ и значеніе.... Стихотворенія австрійскаго поэта Хама, въ переводѣ Лиліеншвагера, приводятъ, напримѣръ, меня въ восторгъ, также какъ и нѣкоторыя оригинальныя его произведенія; но признаюсь, эти *пародіи для породій* разныхъ неувѣнчанныхъ, увѣнчанныхъ, обличительныхъ и другихъ поэтовъ, которыхъ развелось такъ много въ 1860 году—явленіе весьма жалкое и запоздалое. Есть что-то оскорбительное и непріятное въ этомъ пошломъ, безцѣльномъ, грязномъ и тупомъ передразниваньи нашихъ лучшихъ поэтовъ... Такого рода пародіи не могутъ заставить никого даже улыбнуться.

Неужели, напримѣръ, есть что нибудь остроумное въ такихъ стишкахъ:

Не гляди такъ убійственно строго,
Дай мнѣ сроку еще хоть немного,
А ужь деньги когда получу,
Ты увидишь, какъ я закучу....

или:

Если жь ты джинъ и коньякъ
Ставишь на мой произволъ,
Я напиваюся такъ,
Что упадаю подъ столъ....

или:

Я вѣрю: пьянъ я, пьянъ. Да и нельзя не вѣрить,
Мошенникъ этотъ, хмѣль, не можетъ лицемѣрить,
Все непритворно съ нимъ: лица багровый жаръ,
Надъ бровью рѣзь и ломъ,—слѣпой оглобли даръ,
Къ бульварнымъ мотылькамъ стремительная нѣжность,
И съ ногъ, пустившись къ нимъ, свалиться неизбѣжность...

Ко мнѣ захаживалъ, во время оно, майоръ А*, одинъ изъ тѣхъ вѣчно-полупьяныхъ героевъ, просителей въ форменныхъ сюртукахъ и съ подвязанною рукою, которые часто останавливаютъ на петербургскихъ улицахъ просьбами о пособіи. Мой герой-проситель имѣлъ чрезвычайно галантерейное обращеніе, и входя въ комнату, всегда говорилъ: «*Ексюзе пуръ деранже*», расшаркивался и потомъ заговаривалъ обыкновенно стихами...

— Я считаю васъ не иначе, какъ моимъ благодѣтелемъ, сказалъ онъ мнѣ однажды, принимая цѣлковый и потомъ прикладывая два пальца ко лбу.... Мнѣ пришла въ голову третьяго дня вечеромъ фантазія.... *ву саве ке жемъ ла поэзи*... Я взялъ перо и тряхнулъ стишками... позвольте прочесть?...

Онъ сталъ въ позицію и, поводя плечами, прочелъ немного въ носъ свое стихотвореніе, изъ котораго я запомнилъ только четыре стиха:

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день,
И послѣ выпивки заляжешь, утомленный,
Полѣзетъ въ голову такая дребедень,
Глаза закатятся и захрапишь мгновенно....

Гдѣ теперь этотъ господинъ?... Я потерялъ его изъ виду.... Ужь не онъ ли, подъ различными псевдонимами, снабжаетъ наши сатирическія газеты такими милыми подражаніями и передѣлками?...

Мысли мои начинали немного мѣшаться, глаза застилалъ легкій туманъ, въ этомъ туманѣ изрѣдка пробѣгали то синіе огоньки, то морозныя искорки.... Майоръ А* кланялся г. Козляинову, выставивъ локти впередъ, — тому самому Александру Павловичу Козляинову, который пріобрѣлъ такую громадную извѣстность на Руси своимъ подвигомъ на желѣзной дорогѣ, о которомъ *пресса* наша не умолкаетъ до сей минуты и черезъ котораго мы имѣли случай познакомиться съ гг. Львомъ Камбекомъ, княземъ Н. Н. Голицынымъ и другими.

Какимъ образомъ г. Козляиновъ очутился передо мною, и почему это былъ именно г. Козляиновъ? — Я спрашивалъ себя объ этомъ, но не могъ дать себѣ отчета.

Майоръ А* остановился передъ нимъ, поднялъ правую руку и произнесъ въ носъ:

Съ прекраснымъ поломъ обращаться
Нѣжнѣе слѣдуетъ, — mon-chèr,
Какой рѣшится кавалеръ
Бить даму, или съ дамой драться?...

Г. Левъ Камбекъ отталкивалъ майора и кричалъ, что съ г. Козляниновымъ слѣдуетъ говорить не стихами, а приказной прозой, и грозился начать съ нимъ искъ. Князь Н. Н. Голицынъ, глядя на г. Камбека, иронически улыбался и спрашивалъ:

— Ну что же вы не начинаете его?

Вдругъ откуда ни возмись небольшой, очень почтенной наружности господинъ, въ которомъ я почему-то узналъ провизора Лубянской аптеки г. Фосса.

— Справедливо изобличать, произнесъ г. провизоръ съ разстановкою:—дурные поступки какого либо господина—это принято во всякомъ благоустроенномъ государствѣ, и я противъ этого не могу сказать ничего; но обвинять человѣка публично и несправедливо — это значитъ злоупотреблять печатнымъ словомъ. Г. Забѣлинъ, обвинившій меня въ томъ, что я продаю фунтъ желѣзнаго купороса, вмѣсто 4 к., 1 р. 25 к.,—вполнѣ доказываетъ незнаніе своего предмета, ибо на 48 страницѣ аптекарской таксы, изданной отъ медицинскаго совѣта, значится: Ferrum sulphuricum цѣна за 1 унцію 1 к., то есть за фунтъ 12 к. сер. — Здѣсь идетъ рѣчь о простомъ, неочищенномъ купоросѣ—crudum; очищенный же желѣзный купоросъ — ferrum sulphuricum purum за 1 драхму платится 3 к. — то есть за унцію 18 к. с., а за фунтъ 2 р. 16 к. сер. — Да позволено же мнѣ будетъ удивляться, что г. Забѣлинъ *не зналъ и не догадался* о существованіи двухъ различныхъ сортовъ желѣзнаго купороса...

— Placet probis suo rem quamque homine apellare! воскликнули въ одинъ голосъ провизоръ г. Фоссъ и занимающій должность рецептаріуса Лубянской аптеки г. Миндеръ...

На это возраженіе не отвѣчалъ никто....

«Отчего же молчитъ г. Забѣлинъ?» вскрикнулъ я, — очнувшись, протирая глаза и озираясь кругомъ....

— Я, кажется, на яву брежу, подумалъ я и продолжалъ думать лѣниво:

Всѣ прошлогоднія продѣлки гласности не перечтешь! Вотъ сколько мѣсяцевъ г. Илья Арсеньевъ ожидаетъ вызова къ суду, которымъ грозятъ ему генералъ Кабатъ, гг. Ефремовъ, Ламне и Виттенгеймъ, нынѣшніе директоры царскосельской желѣзной доро-

ги, оскорбившіеся тѣмъ, что г. Арсеньевъ замѣтилъ о безпорядкахъ, происходившихъ на Павловскомъ праздникѣ 9 іюля.... Г. Арсеньевъ предложилъ почтеннымъ директорамъ порѣшить дѣло третейскимъ судомъ, *безъ апелляціи*.... и просилъ ихъ отвѣта на это предложеніе....

Послѣдовалъ ли отвѣтъ? Кончилось ли чѣмъ нибудь это важное дѣло, о которомъ трубила гласность почти такъ же долго, какъ о г. Козляиновѣ?...

Что если всѣ господа обличаемые вздумаютъ вести дѣла съ своими обличителями судебнымъ порядкомъ и станутъ путаться по нѣскольку лѣтъ въ канцелярскихъ формальностяхъ и тайнахъ?... Это было бы оригинально... А вѣдь гласность, заварившая всю эту кашу, останется въ сторонѣ, да еще будетъ подсмѣиваться надъ тяжущимися.

Вотъ, напримѣръ, славная тема для процесса:

Въ какомъ-то городѣ (я ужь не помню) разыгрывалась лотерея въ пользу чего-то или кого-то (я также забылъ). Въ числѣ выигрышей была «Искра» 1859 года. Эту «Искру» выигралъ какой-то гимназистъ, и вообразите—о, ужасъ!... вмѣсто неоказавшейся «Искры», гимназисту выдали деньги... Изъ этого возникаетъ страшный шумъ..., Сейчасъ является *обличитель*... Онъ мечетъ громы и молніи на учредителей лотереи, — учредители въ свою очередь бросаютъ въ обличителя грязью: говорятъ, что онъ пользуется въ ихъ городѣ самой незавидной репутаціей, изъ службы уволенъ... и прочее. За обличителя противъ учредителей вступается нѣсколько гражданъ, противъ этихъ гражданъ возстаютъ другіе граждане. Завязывается безконечный бой, дѣла принимаютъ страшные размѣры; въ теченіе десяти мѣсяцевъ гласность не умолкаетъ о гимназистѣ и «Искрѣ». Человѣкъ десять, а можетъ быть и болѣе оскорбили другъ друга по этому дѣлу.... А между тѣмъ гимназистъ, получившій вмѣсто «Искры» деньги, вѣроятно, очень доволенъ своей судьбой!...

Глаза мои совсѣмъ слипались, мнѣ показалось, что кто-то положилъ мнѣ руку на плечо, наклонился къ моему уху и прошепталъ старческимъ голосомъ:

— Знаете ли, за что я люблю гласность?

— За что? спросилъ я.

— За то, что по ея милости теперь чаще являются передъ нами изящнѣйшіе писатели *нашего времени*, нашего добраго стараго времени, наши первые стилисты и люди — это только, Бога ради, между нами (старческій голосъ прошепталъ едва слышно), и люди... съ либеральными воззрѣніями!!

— Да что вы шепчете-то? Не бойтесь... Опасности нѣтъ никакой — вѣдь теперь всѣ либералы...

— Какъ? неужели? воскликнулъ наивно старческій голосъ и засмѣялся.

— Въ нашу молодость, продолжалъ онъ: — между нами, людьми либеральными и образованными (а такихъ избранныхъ было тогда не много; мы считались такъ-сказать общественными перлами), отличался въ особенности одинъ — своимъ блестящимъ умомъ, свѣтскостію и литературнымъ талантомъ. Онъ появлялся черезъ пять-шесть лѣтъ со статьею (разумѣется, по какому-нибудь важному поводу). Появленіе каждой его статьи — была эпоха: изящество выраженій, остроуміе, тонкость оборотовъ, выдѣлка фразъ, глубина взгляда, все это поражало насъ, — и мы послѣ появленія такой статьи нѣсколько лѣтъ сряду кричали объ ней. Черезъ четыре года — авторъ даритъ насъ новой статейкой; опять шумъ и гвалтъ на нѣсколько лѣтъ. Слава его такимъ образомъ дошла до новыхъ поколѣній, и онъ, ободренный возникшею у насъ гласностію, вздумалъ издавать «Наше Время»....

«А-а! такъ вотъ о комъ идетъ рѣчь», подумалъ я.

— Откровенно скажу вамъ, господа, продолжалъ старческій голосъ: — что вы, по моему, относительно *стиля* далеко отстали отъ нашего времени: — вы только все хлопочете объ одной мысли — и представляете намъ ее голою, безъ всякихъ украшеній, безъ всякихъ фіоритуръ. А сколько теперь прелестныхъ предметовъ для изощренія слога.... Вотъ, напримѣръ, кто-то задѣлъ недавно калужскихъ молодыхъ прогрессистовъ, шумѣвшихъ въ театрѣ. Г. Жемчужниковъ вступился за прогрессистовъ. Это прекрасно, но дѣло въ томъ, что хотя молодые прогрессисты заслуживаютъ, по его свидѣтельству, полную благодарность за ихъ благородную и честную дѣятельность, — все-таки остается фактъ, что они вели себя въ театрѣ передъ публикою не совсѣмъ осторожно... Вы бы, господа нынѣшніе, и возразили на это г. Жемчужникову въ двухъ словахъ, какъ я теперь возражаю вамъ, а стиллистъ «Нашего времени» воспользовался этимъ случаемъ, чтобы, такъ сказать, разсыпать перлы своего краснорѣчія. Онъ умѣлъ сдѣлать изъ этого прелестную статейку, обдѣланную, какъ игрушечку, и читая ее, ощущаешь такое же наслажденіе, какое доставляетъ вамъ на сценѣ отличный и граціозный танцоръ. Послушайте, я вамъ прочту изъ нее отрывокъ:

«Что же хотѣли мы выразить, куда мѣтили, какое нравоученіе извлекли изъ показаній калужскаго жителя? Намъ подумалось, что это обыкновенная исторія, нисколько не любопытная и не оригинальная; что у насъ иногда бываетъ странное смѣшеніе чувствъ,

понятій и поступковъ; что они соединяются въ одномъ лицѣ, когда между ними нѣтъ ни химическаго сродства, ни логической связи; что люди, называющіе себя, или слывущіе передовыми, прогрессистами, принадлежащіе къ такъ называемому хорошему обществу, львы или сливки его, умѣютъ сберечь въ своемъ сердцѣ уголокъ для дикихъ побужденій; что они точно также, какъ эти несчастныя, загнанныя и грубыя натуры, извѣстныя подъ позорными именами вандаловъ, готтентотовъ, отсталыхъ, — способны, въ случаѣ надобности, наругаться надъ личностью человѣка, за которую такъ горячо ратуютъ, оказать пренебреженіе къ обществу, котораго права такъ превозносятъ, совершенно потеряться въ самообожаніи, въ наслажденіи своимъ *я* и думать, что этому *я* должно быть все позволено, потому что оно образовано, просвѣщено, стремится къ распространенію великихъ идей, имѣетъ въ виду высокія цѣли. Отвергнете ли вы эту мысль? Найдете ли ее ложной или преувеличенной! Согласитесь ли, что, высказывая ее, мы думали собственно не о калужскомъ театрѣ? Конечно, не отсталые хоронили Мартынова, не невѣжды показали столько чувствительности къ искусству и столько благоговѣнія къ таланту. Это было утѣшительное явленіе новаго времени, тутъ находились *будущія надежды Россіи, всѣ обожатели человѣчества, всѣ просвѣщенные люди, не пропускающіе ни одного дня, чтобъ много и много разъ не повторить, какъ молитву, прекрасныхъ и завѣтныхъ словъ: развитіе, народъ, прогрессъ*! Но въ то самое время, какъ попирая ногами рутину, они воздавали неслыханныя почести актеру, не *ихъ ли языкъ грозно кричалъ* на присутствующихъ и проходящихъ: *шапки долой. Становилось страшно*! Ну, если кто нибудь изъ этихъ прогрессистовъ да попадетъ въ квартальные, вѣдь въ городѣ жить будетъ нельзя. Власть присоединится къ теоріи, и тогда пошла писать. Можетъ быть проходилъ мимо гроба человѣкъ съ больною головой, который боялся открыть ее на воздухѣ; можетъ быть онъ отъ роду не бывалъ въ театрѣ и ходить въ него считаетъ грѣхомъ; можетъ быть онъ задумался о затрудненіи, въ какое эти похороны ставятъ итальянцевъ на случай смерти Гарибальди, какъ надо будетъ хоронить его? Наконецъ можетъ быть онъ, оставаясь съ покрытою головой, хотѣлъ заявить свой протестъ, и полагалъ, что если человѣкъ сотворенъ человѣкомъ, то ему не слѣдуетъ *отправлять должность лошади и возить на своихъ плечахъ кого бы то ни было изъ мертвыхъ и живыхъ*».

— Согласитесь, что это прелесть! Какая текучесть фразъ, какія тонкія à propos — о Мартыновѣ, Гарибальди; какія варіаціи на самую простую тему. Вотъ это мастерство! — Это *стиль*!...

Кстати о Гарибальди, или лучше о той русской дамѣ, которая напечатала въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» о своемъ визитѣ къ Гарибальди, о поднесеніи ему вѣнка, и прочее. Какое тонкое свѣтское остроуміе, какую изящную иронію возбудила въ публицистѣ «Нашего Времени» эта дама!... Слушайте, слушайте!

«Мы молчали» (начинаетъ онъ и ставитъ точку)... «Московскія Вѣдомости» вводили насъ въ искушеніе, но мы вооружились твердостію и не поддавались соблазну. Онѣ, по чувству безпристрастія или отъ *притупленной чувствительности*, не пощадили прекраснаго пола и приняли въ свои столѣтнія нѣдра отрывокъ изъ письма русской дамы»....

Молчаніе публициста «Нашего Времени» было нарушено только появленіемъ того же отрывка въ газетѣ Le Nord... Появившись въ «Нордѣ», русская дама дѣлается для него, какъ онъ прелестно выражается:—«чужой, какимъ-то *неземнымъ существомъ*, которому мы и не смѣемъ причесться въ родню»....

«Она», продолжаетъ онъ: «превратилась для насъ въ *безплотнаго духа, въ идею*; мы видимъ уже не одну путешественницу; за нею тянется длинный рядъ другихъ, многихъ»......

И пошелъ и пошелъ о русскихъ путешественницахъ, да вѣдь съ какимъ краснорѣчіемъ!.., Досталось же имъ!

«Дѣло въ томъ», восклицаетъ краснорѣчивый публицистъ: «что до сихъ поръ ни одна русская дама, кромѣ *княгини Голицыной въ прошломъ столѣтіи, г-жи Свѣчиной и княгини Ливенъ въ нынѣшнемъ, не заявили себя въ Европѣ на ряду съ тѣми женскими именами, которыми гордится общество, воспитавшее ихъ*».... и такъ далѣе, и такъ далѣе.... Прелесть!

«А-а! опять Свѣчина! подумалъ я: — праху этой бѣдной Свѣчиной не даютъ покоя въ могилѣ... Для нее забываютъ наши ученые, журналисты и публицисты современные внутренніе вопросы; изъ за нее вступаютъ въ споръ г-жа Туръ и г. Катковъ, при чемъ обнаруживается деспотизмъ послѣдняго относительно его сотрудниковъ; г-жа Свѣчина — ну кто могъ подумать это? — причиною того, что отъ «Русскаго Вѣстника» отдѣляются нѣкоторые изъ его дѣятелей и основываютъ «Русскую Рѣчь»... Вотъ какія чудеса производитъ послѣ смерти своей въ русской литературѣ — эта русская дама, не знавшая отечественнаго языка, но которой, по мнѣнію г. Павлова, гордится *общество, воспитавшее ее*.... то есть, какое же? Іезуитское общество?

— Ну-съ, такъ какой же результатъ выводитъ г. Павловъ изъ своей статейки о русской барынѣ, поднесшей вѣнокъ Гарибальди?...

— Авторъ заключаетъ свою статью блестящимъ образомъ, про-

изнесъ съ нѣкоторой торжественностью старческій голосъ. — Онъ оправдываетъ и Гарибальди, принявшаго русскую даму, и русскую даму, посѣтившую его, — для которой, какъ онъ выражается, спасеніе народа и величіе человѣка есть ничто иное, какъ препровожденіе времени. «Они (то есть Гарибальди и русская дама) *хотя поговорили дружелюбно, но вышли изъ противоположныхъ становъ, изъ разныхъ атмосферъ и имѣютъ не ту же родословную. Усилія одного человѣка, какъ бы онъ ни напрягался,* не дадутъ ему той серьёзности воззрѣній, тѣхъ святынь души, которыми такъ сладка и разумна жизнь....»

Я ничего не понялъ. Я чувствовалъ, что отъ усилія понять эти слова у меня кровь приливаетъ къ головѣ, жилы на вискахъ бьются. Эти слова показались мнѣ даже просто собственнымъ бредомъ...

А старческій голосъ продолжалъ нашептывать мнѣ еще какія-то витіеватыя фразы, восхищался ими и повторялъ мнѣ подъ самое ухо: «Вотъ *стиль-то!*... Нѣтъ, воля ваша, вы, нынѣшніе, не умѣете такъ писать. Писатели «Нашего Времени» пишутъ, точно жемчугъ нижутъ! Вы, господа, пренебрегаете изяществомъ слога, красотою формы... Къ тому же вы пускаетесь все въ крайности, увлекаетесь различными несбыточными утопіями, отвлеченными общечеловѣческими теоріями опередившихъ насъ народовъ, забываете, что синица въ рукѣ вѣрнѣе журавля въ небѣ; вы не знаете никакой мѣры, не признаете никакой постепенности, не чувствуете земли подъ ногами, стремитесь въ какую-то высь. Все это юношеская заносчивость, безумное увлеченіе, непростительная гордость, необузданное самолюбіе... Умѣрьте свои порывы, не заноситесь въ облака, не забѣгайте впередъ, идите на ряду съ нами, благонамѣренными людьми, тихимъ, ровнымъ и сдержаннымъ шагомъ, обработывайте вашъ *стиль*, изучайте отечественные нравы, потребности и постановленія, вникайте во все это, пусть каждый дѣйствуетъ въ своемъ небольшомъ кружочкѣ; будьте справедливы, незлобивы, безпристрастны, больше дѣлайте, чѣмъ говорите, ибо во многоглаголаніи нѣтъ спасенія.

Старческій голосъ сталъ, признаться, немного надоѣдать мнѣ.

— Да и Асконенскій говоритъ то же самое, *ваше превосходительство!* перебилъ я.

Мнѣ почему-то показалось, что старческій голосъ принадлежалъ одному изъ тѣхъ, нѣкогда горячихъ защитниковъ прогресса, которыхъ лѣта, чинъ и связи съ разными значительными лицами остановили въ должныхъ границахъ свѣтсккго приличія.

— Мы, пожалуй, для удовольствія вашего превосходительства послѣдуемъ вашему мудрому совѣту, но — я не могу этого скрыть отъ васъ, простите великодушно моей откровенности, — мнѣ очень

больно, что вы съ такимъ пренебреженіемъ изволите отзываться нынѣ объ утопіяхъ и общечеловѣческихъ теоріяхъ, отъ которыхъ нѣкогда такъ горячо билось ваше чистое, юношеское сердце. Мнѣ больно это потому, что я въ первый разъ отъ васъ же услышалъ объ этихъ утопіяхъ и теоріяхъ; вы первый, ваше превосходительство, расширили мой кругозоръ, показали мнѣ смыслъ жизни, заставили меня прозрѣть, объяснивъ мнѣ значеніе прошедшаго и настоящаго, съ любовію и вѣрою указавъ на будущее. Я никогда не забуду того, чѣмъ я обязанъ вамъ, тѣхъ чудныхъ и поучительныхъ вечеровъ, которые я имѣлъ честь проводить въ вашемъ обществѣ...

Старческій голосъ при этихъ словахъ смягчился немного. Послышался глубокій вздохъ.

— Эхъ! произнесъ онъ: — все-то это, батюшка, было кипѣніе крови, порывы молодости. Благоразуміе, лѣта смиряютъ это и ставятъ насъ на настоящую, благоразумную и умѣренную точку зрѣнія.

— Положимъ, что лѣта, возразилъ я: — потушили у насъ съ вами юношескій пылъ, но какъ же вы хотите остановить этотъ пылъ въ молодыхъ людяхъ? Что бы сказали вы, ваше превосходительство, если бы кто нибудь вздумалъ останавливать ваши порывы въ молодости? Какъ бы вы отозвались тогда объ такого рода людяхъ?... Слово «отсталой» въ устахъ молодыхъ людей приводитъ васъ въ трепетъ; при этомъ роковомъ словѣ губы ваши блѣднѣютъ, точно также, какъ блѣднѣли губы у тѣхъ убѣленныхъ опытомъ практическихъ мудрецовъ, которыхъ вы нѣкогда, да еще съ презрительной ироніей, клеймили этимъ словомъ...

Старческій голосъ ничего не отвѣчалъ мнѣ на это, и мнѣ показалось какъ будто кто-то удаляется отъ меня на цыпочкахъ.

Вслѣдъ затѣмъ я почувствовалъ страшный шумъ въ ушахъ, какія-то лица замелькали передъ моими глазами, толкая, перебивая и стараясь перекричать другъ друга. Крики эти, сначала неясные, постепенно усиливались; сначала слышны были слова: журналистика, литература, искусство для искусства, истина въ искусствѣ, истина въ наукѣ, истина въ жизни, прогрессъ, цивилизація, современные вопросы, критика чисто-эстетическая и философская. Потомъ уже можно было различать цѣлыя фразы: «Мы проводники историческаго направленія въ литературѣ». «Мы презираемъ всякое скороспѣлое рѣшеніе трудныхъ общественныхъ вопросовъ»... «Мы будемъ изучать коренныя народныя свойства и смѣло прилагать къ нимъ послѣдніе выводы науки, слѣдить за развитіемъ русской жизни и науки»... «Мы люди самостоятельные, потому что наши теоріи пользуются сочувствіемъ просвѣщеннѣйшаго меньшинства»... «Мы

останемся вѣрны однажды принятому нами направленію....» *Мы, мы!!* — и все снова слилось въ мычаніе и нестройный гулъ... Кричавшіе и шумѣвшіе господа развертывали различныхъ форматовъ объявленія и программы и помавали ими въ воздухѣ.

Я догадался, что это объявленія о журналахъ и газетахъ на 1861 годъ.

Изъ этой кричащей и помавающей печатными листами толпы рѣзко отдѣлились два господина: одинъ изъ нихъ возвѣщалъ съ большою торжественностію, что съ наступающаго 1861 года критическимъ отдѣломъ русской литературы въ «Отечественныхъ Запискахъ» будутъ завѣдывать С. С. Дудышкинъ и *Андрей Александровичъ Краевскій.*

Возвѣщеніе это было принято съ криками: Bravo! Bravo! Bis! Bis!...

Господинъ, возвѣщавшій такую неожиданную новость, раскланялся и повторилъ еще громче — и Андрей Александровичъ Краевскій....

Снова раздались рукоплесканія и крики: Bravo!

— Но какъ же мы узнаемъ, раздался голосъ: — критическія статьи, принадлежащія перу Андрея Александровича?... Въ стары годы думали, что всѣ критическія статьи пишетъ самъ Андрей Александровичъ.... Необходимы подписи подъ статьями. Намъ пріятно будетъ познакомиться съ критическимъ дарованіемъ г. Краевскаго, а безъ подписей это невозможно. — Сколько подписчиковъ прибудетъ у г. Краевскаго, когда появятся на оберткѣ статьи съ его подписью.... Любопытно, въ высшей степени любопытно!!

— Подписи! Подписи! раздалось со всѣхъ сторонъ.

Другой господинъ, выступившій изъ толпы, объявлялъ также съ неменьшею торжественностію, что «Библіотека для Чтенія», при *хорошемъ расположеніи къ ней многихъ литераторовъ*, не исключая и тѣхъ, которые *наиболѣе пользуются любовію публики*, будетъ съ такимъ же успѣхомъ продолжать свое дѣло — и скромно замѣтилъ, что въ концѣ 1860 года «Библіотека» *успѣла счастливо соединить* повѣсть Тургенева, драму Островскаго и драму *самаго редактора*: *«Горькая судьбина», удостоенную Уваровской преміи.*

— Да кто же говоритъ это? спросилъ я у какого-то человѣчка, вертѣвшагося передо мною.

— Боже мой, да самъ же редакторъ — г. Писемскій.

— Странно! замѣтилъ я.

— Что жь тутъ страннаго? Почему же не отдать самому себѣ должную справедливость, замѣтилъ человѣчекъ....

Среди этой самолюбиво-шумящей толпы прохаживались разныя

весьма оригинальныя личности. Мнѣ, между прочими бросились особенно въ глаза два джентльмена: одинъ совершенно лысый и полный, съ двойнымъ лорнетомъ на носу, очень гордо посматривавшій на всѣхъ, въ тончайшемъ бѣльѣ и съ дырявыми сапогами, все потиравшій рукою у ложечки и жаловавшійся, что страдаетъ *гастритомъ*. Мнѣ сказали, что это одинъ изъ героевъ «Нашего Времени», по имени *Ѳеопотала*. Онъ подходилъ ко всѣмъ и всѣмъ объявлялъ, что онъ самаго аристократическаго происхожденія, а именно сынъ чорта, и потому наслѣдовалъ отъ своего почтеннаго батюшки всѣ его добродѣтели—сомнѣніе, ядовитую иронію, адскую насмѣшку и т. п., разсказывалъ о своихъ короткихъ связяхъ со всѣми замѣчательными современными дипломатами, и рѣшалъ судьбы Европы.

Другой джентльменъ, человѣкъ весьма уже пожилыхъ лѣтъ, но съ необыкновенно-пріятной и добродушной физіономіей, безпечно прохаживался, страстно закатывая глаза подъ лобъ и распѣвая въ экстазѣ любовныя стихотворенія. Онъ не обращалъ вниманія ни на кого и не заботился о томъ, слушаютъ его, или нѣтъ. Это былъ одинъ изъ послѣднихъ приверженцевъ *искусства для искусства*. Онъ пѣлъ, какъ поетъ соловей на вѣткѣ:

«Мой ангелъ, не гляди такъ строго и сурово....» и проч.

. . . .

«Разстались грустно мы. Въ окно кареты прямо
Свѣтъ падалъ отъ луны, мы мчались по шоссе....» и т. д.

Пылкій поэтъ становился на колѣни то передъ воздушною блондинкою, то передъ энергическою брюнеткою, то бросалъ обѣихъ, кидался къ восхитительной *шантреткѣ* и восклицалъ:

«Не правда ли, чужда душа твоя обмана?
Но если.... о солги!...»

Сѣдые волосы его развѣвалъ вѣтеръ.... Онъ, вздыхая, расхаживалъ съ своею лирою и подглядывалъ подъ шляпки, не пропуская ни одной барыни, ни одной барышни..... Онъ имъ дарилъ сладкіе взгляды и страстныя строфы.... Онъ не видѣлъ ничего въ мірѣ, кромѣ природы и *женщины*.... Природу и женщину, женщину и природу, воспѣвалъ онъ, приводя въ негодованіе г. Розенгейма, который всѣ обличенія, печатающіяся въ «Московскихъ» и другихъ «Вѣдомостяхъ» усиливался перелагать въ стихи и отыскивалъ поэзію (вотъ чудакъ-то!) въ Надворныхъ и Уголовныхъ Судахъ....

О, пламенный поэтъ! думалъ я, глядя на вздыхающаго поэта, задумавшагося надъ фіалкою и въ тоже время срывавшаго розу, — тебѣ простится многое, потому что ты такъ много любилъ... Но по-

слушайте! послушайте! Онъ уже не вѣритъ въ любовь... это ужасно!... На шестидесятой веснѣ, онъ доходитъ до горькаго разочарованія и называетъ себя ребенкомъ. Онъ поетъ — обращаясь къ кому бы вы думали?... къ Камеліи:

«Дитя! не вѣрю я любви,
Но благодаренъ *всей душою*
За ласки нѣжныя твои,
За страстной поцалуй *порою*.
Твое роскошно такъ плечо,
Такъ кудри вѣютъ ароматомъ,
Ты такъ *сжигаешь душу взглядомъ*!
Зачѣмъ любовь?...» и т. д.

Я не могъ выдержать долѣе. Я выскочилъ изъ моего фельетоннаго уголка, гдѣ скрывался до сихъ поръ никѣмъ не замѣчаемый, бросился къ поэту и вскрикнулъ невольно:

— Милый поэтъ! Бога ради... Что вы дѣлаете, и въ ваши лѣта! Зачѣмъ вы клевещете на вашу *безсмертную* душу (вы, какъ поэтъ, вѣроятно вѣрите ея безсмертію) и заставляете ее унижаться передъ какою нибудь Камеліею!... Вы знаете, что мои, благородные, литературные собраты, такъ много занимавшіеся мною въ послѣднее время, прозвали меня *пѣвцомъ камелій* и пишутъ въ честь мою стихи... Я могу васъ увѣрить, какъ спеціалистъ по этой части, что Камеліи не понимаютъ *душевной* благодарности и что ихъ никто никогда не благодаритъ *душою*!...

Я хотѣлъ сказать еще что-то, но меня сурово оттолкнулъ «Московскій Вѣстникъ» и принялъ пламеннаго поэта, съ *ропотомъ любви*, въ свои объятія.

Толчокъ былъ такъ силенъ, что я чуть-было не сшибъ съ ногъ какого-то меланхолическаго господина, съ благороднымъ, гордымъ и умнымъ челомъ, прохаживавшагося въ отдаленіи отъ всѣхъ съ знаменитымъ бельгійскимъ политико-экономомъ г. де-Молинари.

— Меня оставили почти всѣ мои сотрудники, говорилъ меланхолическій господинъ: — почти всѣ.... и если бы не вы, мой благородный европейскій другъ... я не зналъ бы что дѣлать.... О, самолюбіе! ты перессорило меня со всѣми моими сотрудниками-соотечественниками....

И я стою теперь — одинъ,
Какъ голый пень среди долинъ!

Онъ вздохнулъ и продекламировалъ, съ выраженіемъ:

«Такъ позднимъ хладомъ окруженный,
Какъ бури слышенъ зимній *свистъ*

Одинъ, на вѣткѣ обнаженной
Трепещетъ запоздалый листъ....

Но съ вами и съ вашею помощію, — я не трепещу за свое изданіе, прибавилъ онъ черезъ минуту и крѣпко сжалъ руку г. де-Молинари....

Въ эту минуту вдругъ изъ одного угла раздались неистовые крики: «Измѣна! измѣна!»

Всѣ всполошились.

— Что за измѣна? какая измѣна? кто измѣнилъ и кому? раздалось отовсюду.

— «Современникъ» измѣнилъ своимъ принципамъ, кричали «С.-Петербургскія Вѣдомости»: — и отнынѣ никто уже не будетъ вѣрить «Современнику» и никто, къ нашему удовольствію, не будетъ *подписываться* на этотъ журналъ....

— Что же такое онъ сдѣлалъ? Въ чемъ его преступленіе?

— Г. Григоровичъ издалъ нелѣпѣйшія книжонки для «Народнаго Чтенія», а «Современникъ»—это ужасно! невѣроятно! — хвастающій своей любовью къ народу, промолчалъ объ этихъ книжонкахъ, и отчего бы вы думали? — оттого, что г. Григоровичъ сотрудникъ этого журнала. Такого поступка еще не бывало въ русской журналистикѣ!!... Измѣна! измѣна! Тотъ, кто послѣ этого будетъ *подписываться* на «Современникъ», — долженъ быть преданъ позору!!

Когда шумъ поутихъ немного, я осмѣлился замѣтить, что г. Григоровичъ и безъ того уже достаточно наказанъ журналами за свой опрометчивый поступокъ, что гласность была къ нему безпощадна и почти цѣлый годъ обличала его, и что «Современникъ» промолчалъ о «Народномъ Чтеніи», придерживаясь одной очень умной пословицы, которую приводить здѣсь безполезно....

Слова мои подняли страшную бурю. Григоровичъ былъ мгновенно забытъ, и рецензенты, критики, фельетонисты съ неописаннымъ ожесточеніемъ кинулись на мои «Замѣтки о петербургской жизни», имѣвшія дерзость появиться отдѣльными книжками. Остроты, колкости, насмѣшки, намеки, нѣсколько впрочемъ притупившіеся отъ частаго употребленія, посыпались на меня.

Господами этими предводительствовали «Отечественныя Записки», которыя, ко всеобщему изумленію, вдругъ измѣнивъ свой мрачный и строгій характеръ, обнаружили какую-то неестественную и яростную веселость. Онѣ начали съ того, что сорвали съ меня маску псевдонима, стали подпрыгивать передо мною, кривляться, дразнить меня языкомъ и восклицать:

«Ахъ, Иванъ Иванычъ! если бы вы знали, что вы сдѣлали! вы напечатали свои повѣсти и вмѣстѣ съ вами Новый Поэтъ напе-

чаталъ свои «Очерки». Я васъ знаю, какъ свои пять пальцевъ, Иванъ Иванычъ!.. Ахъ, что вы сдѣлали!...

Глядя на эти странныя кривлянья и шуточки ученѣйшаго журнала, я улыбался и думалъ:

«Ахъ, Андрей Александрычъ, Андрей Александрычъ! что съ вами сдѣлалось! Вы выходите изъ себя. Ну, идетъ ли такой балагурный тонъ къ вашей глубокомысленной и строгой физіономіи, къ вашему ястребиному взгляду?... Прилично ли вамъ, редактору ученаго журнала, *дѣятельному сотруднику* «Академической газеты», главному директору «Энциклопедическаго Лексикона, члену разныхъ ученыхъ обществъ, акціонеру всевозможныхъ компаній, одному изъ видныхъ петербургскихъ домовладѣльцевъ, автору «Мыслей объ Россіи» и такъ далѣе, и такъ далѣе,— прилично ли вамъ, старцу, умащенному сѣдинами, такъ счастливо устроившему свою карьеру, даже болѣе самаго Ѳ. В. Булгарина, обезпечившему себя своими учеными и литературными трудами, — прилично ли вамъ, я повторяю, разгнѣваться до юмора на какіе-то бѣдныя фельетонныя статейки, не претендующія ни на что, кромѣ обличенія разныхъ шарлатановъ и спекуляторовъ, прикидывающихся либералами и подвизающихся на журнальныхъ и иныхъ поприщахъ?...»

Но ученый редакторъ, при моемъ скромномъ замѣчаніи, разгнѣвался еще болѣе, оставилъ свой гнѣвно-шуточный тонъ и загудѣлъ какъ набатъ:

— Вы родоначальникъ всѣхъ литературныхъ гадостей и скандаловъ! вы первые подняли знамя шутовства своимъ «Литературнымъ Маскерадомъ». Вы ни на что болѣе неспособны, какъ прославлять Шармера, позорить своихъ пріятелей, описывать гнусныхъ камелій... Скандалъ! скандалъ!

— Да! плодотворная мысль — писать стихи на смѣхъ принадлежитъ безпорно Новому Поэту, вскрикнула, подбоченясь и *икнувъ*, «Библіотека для Чтенія», слѣдовавшая за «Отечественными Записками»: — отъ небольшихъ этюдовъ, писанныхъ на смѣхъ, Новый Поэтъ дошелъ до значительныхъ книжекъ, изданныхъ для потѣхи, просто сказать, дошелъ до геркулесовскихъ столбовъ!... Онъ сдѣлался *значительно староватымъ* и дошелъ до послѣдней крупицы своего остроумія. Это второй Булгаринъ!...

Извѣстно, что обиднѣе этого сравненія ужь ничего быть не можетъ въ литературѣ. Я вздрогнулъ отъ боли.

— Новый Поэтъ, — скромнымъ и тоненькимъ голоскомъ прибавилъ, въ свою очередь, «Свѣточь», изрѣдка появляющійся и похожій

болѣе на печально-мерцающіе стариные масляные фонари:—пѣвецъ хлыщей и моншеровъ, поэтъ камелій и женщинъ изъ петербургскаго полусвѣта. О! въ этомъ родѣ у него конечно нѣтъ соперниковъ!! Онъ имѣлъ бы полное право дать своимъ очеркамъ названіе *Камеліадъ*....

И произнеся это, скромный «Свѣточь» замигалъ и, потухая, пустилъ легкую струйку копоти.

Признаюсь, что этотъ шумъ, возбужденный моимъ именемъ, это единодушное ожесточеніе, и даже нѣкоторая ярость, обнаруженная противъ меня руководителями разныхъ журнальныхъ органовъ — подѣйствовали не безъ пріятности на мое самолюбіе.

— Trop d'honneur! Trop d'honneur, Messieurs, повторялъ я про себя: — я никакъ не ожидалъ отъ васъ такого вниманія къ себѣ... До сихъ поръ я имѣлъ только одну претензію быть не хуже *вашихъ* фельетонистовъ (это, кажется, не велика претензія!), но вы, удостоивая меня вашей лестной ярости, вашего лестнаго гнѣва, придаете мнѣ такое значеніе, о которомъ мнѣ и во снѣ не снилось.—Вы дѣлаете меня *родоначальникомъ* цѣлой школы — правда, — школы скандаловъ, но все-таки родоначальникомъ!... Вы говорите, что я моими стихотворными пародіями развелъ цѣлую фалангу смѣхотворцевъ-подражателей. Ничего подобнаго никогда не нашептывало мнѣ — даже мое самолюбіе, а извѣстно, что самолюбіе есть тончайшій льстецъ. — Вы ставите мнѣ въ вину, что я описывалъ хлыщей, моншеровъ, камелій и дамъ петербургскаго полусвѣта, но я писалъ и пишу фельетоны—не болѣе какъ фельетоны!... нельзя же мнѣ говорить въ нихъ о «Борисѣ Годуновѣ», или сообщать свои «Мысли объ Россіи» — это дѣло людей ученыхъ, а я не берусь *не за свое дѣло*. Я никогда не заявлялъ претензію быть чѣмъ нибудь кромѣ фельетониста.... Я не приписывалъ себѣ никогда чужихъ ученыхъ и литературныхъ статей, не выдавалъ себя за критика, не пользовался чужою славою, не жилъ чужимъ трудомъ, не хвалилъ самого себя въ своихъ объявленіяхъ и въ своихъ изданіяхъ, не брался за редижированіе Энциклопедій, не называлъ *кровожадными тихонями* моихъ литературныхъ противниковъ, не пользовался денежными поощреніями откупщиковъ, — словомъ, не былъ причастенъ къ тому, что всѣми уже единогласно признается за *скандалъ*... Я не злоупотреблялъ гласностію... Развѣ скандалъ выставлять, по мѣрѣ своихъ способностей, на позоръ—мелочность, пустоту, тщеславіе, закоснѣлость и дурные поступки литераторовъ, журналистовъ, разныхъ ученыхъ и простыхъ смертныхъ?.. Развѣ кто нибудь изъ порядочныхъ людей упрекалъ, васъ г. Краевскій, въ *скандалѣ*, когда нѣкогда вы или сотрудники вашего журнала выставляли на позоръ Булгарина?.. Но положимъ,

что я родоначальникъ литературныхъ скандаловъ;—какъ же вы благосклонно принимали мои скандальныя статьи въ вашемъ журналѣ? Вспомните, — я въ теченіе почти *десяти* лѣтъ имѣлъ честь быть *безкорыстнымъ* сотрудникомъ «Литературныхъ прибавленій къ Инвалиду» и «Отечественныхъ Записокъ» подъ вашей редакціей; имя *Новаго Поэта* вышло изъ «Отечественныхъ Записокъ».... Отчего же вы поощряли нѣкогда скандалъ, на который нападаете теперь съ такимъ ожесточеніемъ?... Какъ пояснить такое противорѣчіе? Не принадлежитъ-ли все это къ тѣмъ *тайнамъ* петербургской журналистики, на которыя намекаетъ протоколъ общества пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ?...

При послѣднихъ словахъ моихъ, вся окруженная ореоломъ свѣта, появилась малютка-гласность, притопнула грозно ножкой и вскрикнула дѣтскимъ голоскомъ, нѣсколько косноязычнымъ:

— Кто смѣетъ говорить о *тайнѣ*? Я ненавижу *тайну*... *Тайна* — дитя мрака. Она прикрываетъ всякую ложь и нечистыя дѣянія — и вы, мои поклонники (она обратилась ко всѣмъ органамъ журналистики), не должны терпѣть въ средѣ вашей никакихъ тайнъ, если любите меня искренней, нелицемѣрной любовью.... Смотрите, господа! Я разоблачу всѣ ваши тайны, если только, какъ говорятъ, они водятся за вами....

— Позвольте однакожъ, гласность гласности — рознь, сурово и отрывисто возразилъ ученый редакторъ, который обѣщаетъ писать съ 1861 г. критическія статьи въ своемъ журналѣ: — на меня пишутъ шутовскія статьи и стишонки, такъ я долженъ терпѣливо сносить ихъ, во имя гласности? Провались она совсѣмъ, такая неприличная гласность!... Это скандалы, пасквили....

— Если затронутъ васъ, произнесъ голосъ изъ толпы: — то это скандалъ, пасквиль, а если вы затрогиваете другихъ *не съ литературной стороны*, то это вы какъ называете?

— Я не пишу шутовскихъ статеекъ, я не свищу....

— Вѣдь только потому, мой милый, что вы не умѣете свистать, замѣтила гласность.

— Я, продолжалъ ученый редакторъ злобно: — развиваю *истину въ наукѣ*, *истину въ искусствѣ и истину въ жизни*...

При этомъ онъ взглянулъ какъ-то особенно на редакцію «С. Петербургскихъ Вѣдомостей», въ которыхъ принимаетъ *дѣятельное участіе*, и значительно мигнулъ ей лѣвымъ глазомъ.

Въ тоже мгновеніе изъ этой редакціи выскочилъ какой-то маленькій, дикій и растрепанный человѣчекъ, знакомый только доселѣ правленіямъ акціонерныхъ компаній и не имѣющій ничего общаго съ

литературой.... Онъ дико сверкалъ глазенками, сжималъ кулаченки, на оконечностяхъ рта его была пѣна... Онъ походилъ въ каррикатурѣ на Маіерони, въ 4 дѣйствіи «Юдифи», изображающаго пьянаго «Олоферна».... Этотъ невѣроятный человѣчекъ тащилъ для чего-то за волосы бѣднаго «Алеко» Пушкина и кричалъ во все горло и такъ пронзительно, что всѣ должны были заткнуть уши...

— Эй, вы! *перестаньте бить и драться литераторы!!..*

А самъ между тѣмъ, съ удивительною наглостію, замахивался на всѣхъ московскихъ и петербургскихъ литераторовъ, попадавшихся ему на глаза.

Всѣ, и литераторы и люди посторонніе, съ удивленіемъ и улыбкой посматривали на этого человѣчка и отстранялись отъ него. Одинъ только ученый редакторъ, обѣщающій въ 1861 г. свои критическія статьи, пріятно потиралъ свои руки и бормоталъ про себя: «Молодецъ! молододецъ!»

Человѣчекъ съ особенною яростію бросился на меня и, размахивая своимъ кулачкомъ, передъ моимъ носомъ, кричалъ:

— Ты *наглая* бездарность! ты *невѣроятная* бездарность ! Ты *колосальная* бездарность,—бездарнѣе тебя еще ничего въ мірѣ не было! Ты породилъ множество бездарныхъ и наглыхъ личностей...

И человѣчекъ началъ перечислять ихъ имена, которыя я не повторяю здѣсь... Я только думалъ, смотря на буйствующаго человѣчка:—Боже мой! какое удивительное значеніе имѣлъ бы я въ русской литературѣ, если бы я могъ порождать такого рода людей!

— Слышалъ ли ты, повторялъ мнѣ человѣчекъ, задыхаясь: — я говорю тебѣ, что ты *чудовищная* бездарность и вся ваша редакція...

— Славно! славно! повторялъ ученый редакторъ, обѣщающій въ 1861 г. лично заняться критикой, и началъ было рукоплескать своему клеврету, но взрывъ единодушнаго хохота заглушилъ это рукоплесканіе...

— Что это за явленіе? Объясните пожалуйста!— кричали и литераторы и публика, обращаясь къ будущему критику, выпустившему на сцену забавнаго буяна...

— Что же? грубо возразилъ ученый редакторъ: — ничего... Онъ говоритъ дѣло... Онъ вступается *за истину въ наукѣ, за истину въ искусствѣ, за истину въ жизни*—противъ шутовъ и крикуновъ...

Но при этомъ раздался хохотъ еще сильнѣе и громче...

Вся картина освѣтилась разноцвѣтными бенгальскими огнями. Ученый редакторъ и *будущій* критикъ, поддерживая яростнаго человѣчка, своего новаго сотрудника, карабкался вмѣстѣ съ нимъ на какія-то подмостки.... Тамъ на высотѣ, освѣщенные этими огнями, они приняли живописную позу, обнявъ другъ друга.

Снова раздался хохотъ и рукоплесканія публики, которые вѣроятно были приняты ими за одобреніе, потому что они начали раскланиваться.

Огни однако потухали, распространяя чадъ и смрадъ. Раздался «Свистокъ» — и такой рѣзкій и пронзительный, что ученый редакторъ и его клевретъ вздрогнули и, взглянувъ другъ на друга, произнесли со скрежетомъ:

— А онъ все еще свищетъ, да еще какъ! — этотъ проклятый «Свистокъ»!...

Чадъ, дымъ и копоть отъ бенгальскихъ огней закрыли отъ меня всѣ видѣнія. Я началъ задыхаться, чихать, кашлять, и едва открылъ глаза.

Въ комнатѣ моей дымился потухшій карсель.

Я вскочилъ, какъ сумасшедшій, съ дивана, открылъ форточку и нѣсколько минутъ съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя холодный воздухъ, съ пріятностію ощущая на разгорѣвшихся щекахъ освѣжающія снѣжинки.

На улицѣ была страшная мятель. Снѣгъ, сметаемый съ крышъ, смѣшивался съ снѣжнымъ вихремъ, поднимавшимся съ дороги, и крутился вихрями.

Часы пробили часъ.

Я записалъ все видѣнное мною и когда пробѣжалъ мою рукопись, то воскликнулъ невольно:

— Въ «Свистокъ» ее! въ «Свистокъ», на который теперь обращено въ особенности вниманіе всѣхъ нашихъ ученыхъ, публицистовъ, журналистовъ, беллетристовъ, и т. д.

Я знаю. Времени безжалостный потокъ
Уничтожаетъ все и жертвъ повсюду ищетъ,
Лишь посмѣвается надъ нимъ одинъ «Свистокъ»
И съ прежней силою онъ въ *новомъ годѣ* свищетъ, —

съ которымъ (то есть съ новымъ годомъ) имѣю честь поздравить гг. Краевскаго и другихъ моихъ критиковъ и собратовъ по журналистикѣ.... Mieux tard que jamais!

III.

ОДА

НА ВЫСЕЛЕНІЕ ТАТАРЪ ИЗЪ КРЫМА (*).

Межъ тѣмъ какъ въ Сиріи чудовищные друзы
Свирѣпствуютъ надъ горстью христіанъ,

(*) Это стихотвореніе писано три мѣсяца тому назадъ. *Авт.*

Межь тѣмъ какъ изъ-за нихъ волнуются французы
И ничего не дѣлаетъ султанъ,
Межь тѣмъ какъ Англія оспориваетъ право
Посылки войскъ французскихъ на востокъ,
И разливается, какъ огненная лава,
Неистовства безумнаго потокъ, —
Иное зрѣлище, отрадное для взора,
Я нахожу въ отечествѣ моемъ.

Не очень далеко отъ славнаго Босфора,
Есть уголокъ не меньше славный въ немъ.
То — Крымъ! Пять лѣтъ назадъ онъ пламенемъ военнымъ
Объятъ былъ весь — за благо христіанъ.
Тамъ наша кровь лилась; тамъ въ бой съ врагомъ надменнымъ
Стремились мы, какъ грозный ураганъ.
Но кончилась война, и съ братскою любовью
Спѣшили мы враговъ своихъ простить,
И на землѣ святой, политой нашей кровью,
Поклонникамъ Пророка дали жить!
И водворясь на ней, счастливые безъ мѣры,
Они безпечно дни свои вели.
Никто не принуждалъ ихъ къ перемѣнѣ вѣры,
Не отнималъ ни хлѣба, ни земли.
Но, обольщенные невѣжествомъ и лѣнью,
Татары самовольству предались,
И вдругъ, покорствуя какому-то внушенью,
Всѣ на утекъ изъ Крыма поднялись!!..
Чтожь мы? Послали ль мы, исполненные гнѣва,
Огонь и мечъ въ догонку бѣглецамъ?
Побиты ль старцы ихъ? Поругана ли дѣва?
Пронесся ли пожаръ по ихъ домамъ?
Нѣтъ, вѣрны были мы гражданственности узамъ, —
Мы дали имъ спокойно уходить;
Мы жалкой сей толпѣ, единовѣрной друзамъ,
Хотѣли лишь любовью отомстить!

И зрѣлище единственное нынѣ
Являетъ Крымъ: куда ни оглянись,
Въ немъ рѣдокъ человѣкъ, какъ посреди пустыни
Цвѣтущій оазисъ!

КОНРАДЪ ЛИЛІЕНШВАГЕРЪ.

IV.

ФИНАНСОВЫЯ СООБРАЖЕНІЯ.

(Голосъ изъ провинціи.)

Денегъ нѣтъ — передъ деньгами.
(Народная пословица.)

Между тѣмъ, какъ въ глуши
Въ преферансъ на гроши
Мы палимъ, беззаботно ремизясь,

Изъ столицъ каждый часъ
Вѣсть доходитъ до насъ
Про какой-то невѣдомый кризисъ.

Эхъ! вольно жь, господа,
Вамъ туда и сюда
Необдуманно деньги транжирить.

Надо жить поскромнѣй,
Коли нѣтъ ни рублей,
Ни умѣнья доходы расширить.

А то роскошь у васъ,
Говорятъ, завелась
Непонятная даже разсудку.

Не играйте, молю,
Въ ералашъ по рублю,
Это первое: вредно желудку.

Во-вторыхъ, но — увы!...
Разсердились ужь вы:
«Ты совѣтовать намъ начинаешь?»

Что жь? я буду молчать.
Но вѣдь такъ продолжать —
Такъ, пожалуй, своихъ не узнаешь!

Каждый графомъ живетъ:
Дай квартиру въ пятьсотъ,
Дай каминъ и отъ Тура кушетку.

Одѣваетъ жену
Такъ, что только — ну, ну!
И публично содержитъ лоретку!

Самъ же чуть не банкрутъ....
Что жь мудренаго тутъ,
Если вы и совсѣмъ разоритесь?

Вамъ Прутковъ говоритъ:
«Мудрый въ корень глядитъ»,
Такъ смотрите на насъ — и учитесь!

Вѣдь у насъ въ городахъ,
Вѣдь у насъ въ деревняхъ
Деньги были всегда не обильны.

А о кризисѣ думъ
Не вспадало на умъ —
Сохранялъ, сохраняетъ Всесильный!

Цѣлый годъ нашъ уѣздъ
Все готовое ѣстъ:
Натащатъ, навезутъ мужичонки.

На наряды женѣ
Да на выпивку мнѣ
Только вотъ бы и нужны деньжонки.

Что жь? добуду кой-какъ...
А что бѣденъ бѣднякъ,
Такъ вѣдь былъ не богаче и прежде.

Что подниметъ мужикъ
Среди улицы крикъ,
Не простительный даже въ невѣждѣ:

«Я-де сѣно привезъ
«Да и отдалъ весь возъ
«За размѣнъ трехрублевой бумажки!

«Лишь бы соли достать,
«А то сталъ я хворать
«И цынга появилась у Глашки», —

Такъ за эту бы рѣчь
Мужичонку посѣчь
Да съ такой бы еще прибауткой:

— «Было что размѣнять,
А ты смѣлъ разсуждать —
Важный баринъ, съ своею Глашуткой!»

Ну и дѣло съ концомъ...
Больше, меньше рублемъ —
Велика ли потеря на лажѣ?

А для тѣхъ, у кого
Вовсе нѣтъ ничего
Такъ совсѣмъ не чувствительно даже....

У——кій старожилъ.

V.

ОТВѢТЪ НА ВОПРОСЪ

или

ОСВИСТАННЫЙ ВМѢСТѢ СО ВСѢМИ ДРУГИМИ ЖУРНАЛАМИ «СОВРЕМЕННИКЪ».

Давно припадала намъ охота освистать «Современникъ», да все какъ-то совѣстились мы, — все, знаете ли, неловко какъ-то: вѣдь подъ одною обверткою съ нимъ являемся мы, хотя ничего общаго, кромѣ обвертки, не имѣемъ, да и не желаемъ имѣть. Усердіе посвистать «Современнику» было у многихъ другихъ, и усердіе ихъ насъ плѣняло, но пробы эти не удавались никому — выходило вмѣсто веселаго свиста беззубое, бранчивое шипѣнье, котораго конфузились сами же наши неловкіе соперники. Наконецъ таки откликнулся хорошій, умный, достойный отголосокъ, — и кто же бы, думали вы, просвисталъ «Современнику» такъ, что любо было намъ слушать звонкій, молодецкій мотивъ?

Кто отгадаетъ? Въ награду дается «Кредитъ» г. Безобразова.

— Фельетонистъ «Петербургскихъ Вѣдомостей»?

— Полноте, что вы. Онъ умѣетъ только самъ себя же хлопать такъ, что жаль бѣдняка становится. Кто отгадаетъ? Въ награду дается «Машка Гамильтонъ» г. Семевскаго.

— «Знаменитый нашъ остроумецъ Н. Ф. Павловъ?»

— Что вы, что вы, прилично ли упоминать на страницахъ «Свистка» о вотяцкомъ остроуміи! — Кто отгадаетъ? Въ награду дается «Альбертъ» гр. Л. Н. Толстаго съ придачею «Клеопатры» въ переводѣ г. Фета, —

Что другія всѣ награды
Предъ сокровищемъ такимъ?

(Жуковскій.) (*)

(*) Цитата ошибочная: г. Геннади помѣстилъ эти стихи въ пьесѣ Пушкина:

«Роняетъ лѣсъ багряный свой уборъ.....»

Но по точнѣйшимъ изслѣдованіямъ оказывается, что хотя они и дѣйствительно написаны на листкѣ, лежавшемъ подлѣ черновой рукописи этого стихотворенія,

— «Значитъ, ужь некому быть, кромѣ Бай-Бороды?

Полноте, никто не могъ дочесть до конца писемъ Бай-Бороды противъ гг. Кошелева и Черкасскаго, а статейка, о которой мы говоримъ, такъ мила, такъ остра, такъ язвительна, что каждый назо-

---

однакоже принадлежитъ извѣстному гр. Хвостову, листокъ изъ бумагъ котораго случайно остался на столѣ Пушкина. Неизвѣстно, на чемъ основывался авторъ статейки «Свистка», приписавшій ихъ Жуковскому, но самая возможность такой ошибки обнаруживаетъ, что редакція «Свистка» не изучала изслѣдованій г. Буслаева, положительно доказавшаго, что тутъ скрывается драгоцѣнный слѣдъ эпическаго воззрѣнія: слово награда (= скандинавскому gardarik, какъ обозначается Русь въ сагахъ) происходитъ отъ словъ городить, городъ; а изъ этого ясно, что предки наши представляли себѣ награду въ видѣ Валгаллы (огороженная зала, wall стѣна и halle зала) скандинавовъ. Валгаллу, мѣсто награды павшимъ въ битвѣ героямъ, воображеніе скандинавовъ населило валкиріями, вѣчно-юными дѣвами (невольно вспоминается при этомъ греческій миѳъ о Гебѣ, данной Юпитеромъ въ награду Геркулесу). Итакъ очевидно, что подъ «сокровищемъ», о которомъ говоритъ гр. Хвостовъ, надобно понимать валкиріи или сербскую вилу, и эпическій смыслъ двустишія:

Что другія всѣ награды
Предъ сокровищемъ такимъ, —

открывается слѣдующій: «моя вила или валкирія такъ прекрасна, что затмѣваетъ собою всѣхъ вашихъ валкирій». Если же такъ, то ясно, что стихи эти взяты графомъ Хвостовымъ изъ эпической народной пѣсни, изображавшей ратоборство славянскаго Перуна съ скандинавскимъ злымъ божествомъ Фенриромъ, имѣвшимъ видъ громадной собаки. Передъ боемъ, по эпическому порядку, противники хвалятся одинъ передъ другимъ. Фенриръ должно быть сказалъ Перуну: «если ты убьешь меня, я буду жить въ Валгаллѣ съ прекрасными валкиріями, потому не страшусь смерти». Перунъ же на это отвѣчаетъ ему: «а я еще меньше боюсь смерти, потому что наша славянская вила, съ которою буду жить я по смерти, прекраснѣе всѣхъ вашихъ валкирій». Такъ возстановляется нашъ утраченный народный эпосъ по этимъ двумъ стихамъ. Битва Тора (соотвѣтствовавшаго нашему Перуну) съ Фенриромъ составляетъ эпизодъ въ Муспилли, великой битвѣ Асовъ съ Локе и его сестрою Гелою. Вотъ доказательство, что у языческихъ славянъ кончина міра представлялась слѣдствіемъ битвы свѣтлыхъ боговъ съ черными враждебными свѣту силами ночи и ада (вспомнимъ Бѣлбога, параллельнаго Бальдуру). Г. Аѳанасьевъ въ своихъ зооморфическихъ божествахъ справедливо замѣчаетъ, что обычное у славянъ сѣченіе дѣтей розгами служило нѣкогда символомъ смерти Бальдура, пораженнаго вѣткою омелы (смыслъ обычая утратился, но самый обычай свято хранится). Мы представили здѣсь только краткое извлеченіе изъ прекраснаго изысканія г. Буслаева, у котораго читатель найдетъ всѣ необходимыя подробности. Вотъ какія драгоцѣнныя черты народнаго эпоса и языческаго міросозерцанія открываетъ ученое изслѣдованіе въ двустишіи, повидимому ничтожномъ:

«Что другія всѣ награды
«Предъ сокровищемъ такимъ?»

Безвѣстный, но полезный труженикъ науки.

ветъ ее украшеніемъ нынѣшняго «Свистка». Гдѣ вамъ отгадать ея автора, — мы говоримъ о статьѣ почтеннаго редактора «Чтеній въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ», да, его, О. М. Бодянскаго.

— О. М. Бодянскаго!!?? О. М. Бодянскій остритъ? Онъ, авторъ «Глаголицы» и изслѣдованія о годѣ изобрѣтенія кирилловской азбуки?

— Да, онъ, и превосходно остритъ, и мы не дивимся: потому что г. Бодянскій не только гражданинъ, въ серьёзномъ смыслѣ, — не только ученый славянинъ, не только редакторъ «Чтеній», напечатавшій въ нихъ столько драгоцѣнныхъ историческихъ матеріаловъ, которыхъ не успѣлъ бы напечатать никто другой, — нѣтъ, О. М. Бодянскій также острякъ, когда хочетъ быть острякомъ.

Но погодите, начнемъ по порядку. Въ декабрьской книжкѣ «Современника» за прошлый годъ напечатанъ былъ разборъ послѣднихъ трехъ книжекъ «Чтеній». Тутъ замѣчалось между прочимъ, что статьи о современныхъ дѣлахъ въ «Чтеніяхъ» не такъ хороши, какъ матеріалы по старинному времени. Мы впередъ знали, что почтенный редакторъ «Чтеній» не оставитъ этого безъ реплики, — не было еще примѣра, чтобы онъ спускалъ когда кому, если кто скажетъ что не по немъ, —

Не родилась та рука заколдованная
Ни въ дворянскомъ роду, ни въ купеческомъ,

по которой-бы не стукнулъ О. М. Бодянскій своимъ славянскимъ кулачкомъ, если она чуть до него дотронется. И точно, онъ не замедлилъ пристукнуть дерзкую резенцію, — и что всего лучше, пристукнулъ съ отличнымъ присвистомъ.

Сначала онъ немножко сердится; но Богъ съ нимъ, мы-то на него ужь не разсердимся за это. А вотъ послушайте, что слѣдуетъ за первыми нѣсколько суровыми звуками, — это уже свистъ, чистѣйшій, благозвучнѣйшій свистъ:

«Современникъ» замѣчаетъ, что «современная исторія вообще какъ-то плохо удается «Чтеніямъ». Но, во-первыхъ: «мы ходимъ *древними* путями, и совратились бы съ нихъ и вступили бы на пути новые и стропотные, если бы приняли таковыя притязанія», кто-то когда-то сказалъ кому-то въ положеніи, нашему подобномъ. Современнымъ мы занимаемся лишь по отношенію къ древнему: это вытекаетъ изъ того состоянія, въ которомъ не однимъ намъ суждено вращаться. Во-вторыхъ: кому же современность удается у насъ? У кого бы, кажись, болѣе всего искать современной исторіи, какъ не у «Современника», и, однако же, гдѣ же она у него? Не его ли и всѣхъ современныхъ и

несовременныхъ русскихъ журналовъ и газетъ составляетъ она то тайное вожделѣніе и постоянное воздыханіе сердца, къ которому стремились, стремимся и не перестанемъ стремиться, дондеже постигнемъ? Зачѣмъ же-то колоть другимъ глаза отсутствіемъ того, чего не больше и у васъ самихъ? Вѣдь это просто сбивается на русскую пословицу: «Кума, а кума! Сойди съ ума, купи вина!»

О. БОДЯНСКІЙ».

Января 2-го, 1861 г.
Москва.

Правда, правда, прямодушный Осипъ Максимовичъ! О, да какъ же ловко освистали вы,—не «Современникъ» одинъ, а всѣ наши журналы, всѣ, всѣ! Правда, да вѣдь свистъ и бываетъ тѣмъ хорошъ, что правду свищетъ.

Мы посѣтуемъ на васъ за одно, Осипъ Максимовичъ: за чѣмъ вы не прислали эту молодецкую реплику для напечатанія прямо въ «Современникъ», затронувшій васъ? Онъ съ удовольствіемъ напечаталъ бы ее.

Эхъ, только тѣмъ и отведешь душу, что иной разъ кольнешь глаза другому отсутствіемъ того, чего и у самого почти столько же! Пиши о варягахъ, о г. Погодинѣ, о Маколеѣ и г. Лавровѣ съ Шопенгауэромъ, о Молинари и письмахъ Кэри къ президенту Соединенныхъ Штатовъ. И сиди за этою белибердою, ровно никому не нужною, кромѣ какъ развѣ для нагнанія сна — и сиди за нею, да еще — чего добраго — услышишь потомъ о себѣ отъ добрыхъ людей «какую интересную статью написалъ г. NN о г. Лавровѣ, какъ онъ мастерски высказалъ все, что хотѣлъ, и какъ много чрезвычайно важнаго, полезнаго, живаго высказалъ!» Да, Осипъ Максимовичъ, вы повѣрите: тяжело писать эту дребедень, унизительно, отвратительно писать ее, — а еще тяжеле, унизительнѣе слушать, что ее хвалятъ, что тебя многіе уважаютъ за нее. Это довольство безцвѣтною, безполезною отвлеченностью, эти похвалы ей показываютъ, что не найдешь ты опоры, чтобы подняться изъ своего унизительнаго положенія, что еще не нуженъ писатель никому ни для чего, кромѣ какъ для пустяковъ. Грустно, Осипъ Максимовичъ, быть писателемъ человѣку, который не хотѣлъ бы прожить на свѣтѣ безполезнымъ для общества говоруномъ о пустякахъ.

Будьте же здоровы, Осипъ Максимовичъ, и честь вамъ за то, что вы, начавъ досадою и кончивъ правдивою, ѣдкою шуткою, подали «Свистку» случай, начавъ шуткою, кончить не шуточнымъ, — въ первый и въ послѣдній разъ, — свистомъ, а визгомъ стѣсненной груди.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ТРАВЛЯ

или

РАЗДРАЖЕННЫЙ БИБЛІОГРАФЪ.

(Эпизодъ изъ поэмы-автобіографіи, Саввы Намордникова.)

... О, свѣтскія забавы!
Пришлось вамъ поклониться,
Литературной славы
Рѣшился я добиться.

Недолго думалъ думу,
Досталъ два автографа —
И вышелъ не безъ шуму
На путь библіографа.

Шекспировыхъ твореній
Составилъ полный списокъ,
Безъ важныхъ упущеній
И безъ большихъ описокъ.

Всего-то двѣ ошибки
Открыли журналисты,
Какъ ихъ умы ни гибки,
Какъ перья ни рѣчисты:

Какую-то Заиру
Позднѣйшаго поэта —
Я приписалъ Шекспиру,
Да пропустилъ Гамлета.

Ну, чтожь? большая важность!
Эхъ! русскіе журналы!
Невѣжество, продажность,
А мѣтятъ въ либералы!

Посыпались нападки.
Я пробовалъ сначала
Свалить на опечатки,
Но вышло толку мало!

Тогда я хвать брошюру —
И тутъ остался съ носомъ:
На всю литературу
Сочли ее доносомъ!

И тутъ пошла потѣха!
«Ты варваръ, ты китаецъ,
«Другъ мрака, врагъ успѣха!»
Такъ пса увидя, заяцъ

Засуется, мѣтнется
Къ тому, къ другому краю
И разомъ попадется
Во всю собачью стаю!

Дней сто не прекращали
Журнальной этой бани,
И даже тѣхъ ругали,
Кто мало сыпалъ брани!

Такой ужасной травли
Невидано лѣтъ двѣсти.
А вѣдь за что? Не правъ ли,
Не правъ ли я, по чести?

Что я сказалъ? «Мальчишки
Негодные мнѣ въ слуги!
Какіе ихъ чинишки?
Какія ихъ заслуги?

«Дудышкинъ, Чернышевскій,
Какой-то Бовъ, Громека!
Одинъ Андрей Краевскій
Похожъ на человѣка!

«Какъ посмотрѣть построже
Да привести все въ ясность,
Такъ тутъ, помилуй Боже!
Отечеству опасность....

«Всѣ завистію дышутъ,
Кто къ чину, кто къ карману,
Не по призванью пишутъ,
А съ голоду, да съ пьяну!

«И смѣли цѣлой ратью
Глумиться надо мною!
Ужель, по ихъ понятью,
Я Гербеля не стою?...»

И вотъ за правду-матку
Терплю теперь гоненье!
Пускай бы взялъ я взятку,
Отжилилъ чье имѣнье....

Да если бъ и канальство
Зашло въ мои дѣлишки —
Карай меня начальство,
А вы молчать, мальчишки!

А впрочемъ я за гласность,
Я самъ бывалъ въ Парижѣ,
Но тамъ — какая разность!
Народъ гораздо тише.

Притомъ, языкъ французскій
И брань облагородитъ:
Уклончивъ, милъ.... а русскій
Какъ кнутъ по плечамъ ходитъ.

Къ ругательствамъ способенъ —
Признала вся Европа:
Своеобразенъ, злобенъ!
Хорошъ онъ для холопа,

Но грубъ для нашей кожи;
Притомъ и формы узки,
Недаромъ всѣ вельможи
Писали по-французски.

Де — Жеребцовъ, Мещерскій,
Де — Кокоревъ.... Но будетъ!
Отъ этой брани дерзкой
Меня вѣдь не убудетъ!

Не оттого нѣмѣемъ,
Что защищаться нечѣмъ.
Съ Булгаринымъ Ѳаддеемъ
И съ Николаемъ Гречемъ

Исторіи такія
Не такъ кончались прежде,
Но времена другія....
А впрочемъ я въ надеждѣ!

Я повторяю тоже:
Лишь привести все въ ясность,
Такъ тутъ, помилуй Боже!
Отечеству опасность!...

Но лучшій, безъ сомнѣнья,
Отвѣтъ на укоризны —
Трудъ полный изученья
И нужный для отчизны.

Могу себя прославить
И безъ журнальныхъ стычекъ
Рѣшился я составить
«Словарь Собачьихъ Кличекъ»!

Сей трудъ монументальный
И деньги мнѣ доставитъ,
И зависти нахальной
Шипѣніе подавитъ.

Довольно будетъ аховъ....
Я знаю, будутъ ради
Дудышкинъ и Галаховъ,
Гаевскій и Геннади!

Самъ Лонгиновъ напишетъ
Статью — онъ мнѣ пріятель.
Пускай весь міръ услышитъ...
Пока прощай, читатель!

VII.

ЧИНОВНИКЪ И КУРИЦА.

(Новая басня К. Пруткова.)

Чиновникъ толстенькій, не очень молодой,
По Невскому, съ бумагами подъ мышкой,
Потѣя и пыхтя и мучимый одышкой,
Бѣжалъ рысцой.
На встрѣчныхъ онъ глядѣлъ заботливо и странно, —
Хотя не видѣлъ никого, —
На службу онъ спѣшилъ, твердя себѣ: «бѣги!
Изъ прежнихъ опытовъ давно уже ты знаешь,
Какъ экзекуторъ нашъ съ той и другой ноги
Старается въ чуланъ упрятать сапоги,
Коли хотя немножко опоздаешь!...»
Онъ все бѣжалъ, но вотъ —
Вдругъ слышитъ голосъ изъ воротъ:
— Чиновникъ, окажи мнѣ дружбу:
Скажи, куда несешься ты? — «На службу!»
— Но изъ сего какой же выйдетъ плодъ?
— «Такъ надобно!» — Признайся напослѣдокъ:
Мечталъ ли ты когда объ участи насѣдокъ?
— «А что?» — Послѣдуй-ка примѣру моему!...

Чиновникъ, курицу узрѣвши эдакъ
Сидящую въ лукошкѣ, какъ въ дому,
Ей отвѣчалъ: «тебя увидя,
Завидовать тебѣ не стану я никакъ!
Несусь я, — точно такъ!
Но двигаюсь впередъ: а ты — несешься, сидя!...»

—

Разумный человѣкъ коль басню сію прочтетъ,
То, вѣрно, и мораль изъ оной извлечетъ.

VIII.

МЫСЛИ ЖУРНАЛИСТА,

ПРИ ЧТЕНІИ ПРОГРАММЫ, ОБѢЩАЮЩЕЙ НЕ ЩАДИТЬ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ АВТОРИТЕТОВЪ.

Что ты задумалъ, несчастный?
Что ты дерзнулъ обѣщать?...
Помыселъ самый опасный —
Авторитеты карать!

Въ доброе старое время,
Время эклогъ и балладъ,
Пишущей братіи племя
Было скромнѣе сто-кратъ.

Съ неостывающимъ жаромъ
Съ дѣтства до старости лѣтъ
На альманачника даромъ
Пишетъ, бывало, поэтъ;

Скроменъ какъ майская роза,
Онъ не гнался за грошомъ.
Самая лучшая проза
Тоже была ни-почемъ.

Руки дыханіемъ грѣя,
Труженикъ пѣлъ соловьемъ,
А журналистъ, богатѣя,
Строилъ — то дачу, то домъ.

Нынче — ужасное время —
Нѣтъ и въ поэтахъ души!
Пишущей братіи племя
Стало сбирать барыши.

Всякой живетъ сибаритомъ...
Майковъ, Полонскій и Фетъ —
Подступу къ этимъ піитамъ,
Что-называется, нѣтъ!

Дорогъ ужасно Тургеневъ —
Публики первый герой —
Эта Елена, Берсеневъ,
Этотъ Инсаровъ... ой-ой!

Выгрузишь разомъ карманы
И поправляйся потомъ!
На Гончарова романы
Можно бы выстроить домъ.

Даже ученый, историкъ
Деньги лопатой гребетъ:
Корень ученія горекъ,
Такъ подавай ему плодъ!

Русскій обычай издревле:
«Брать такъ ужь брать» говоритъ....
Вотъ Молинари дешевле,
Но черезъ-чуръ плодовитъ.

Мало что денегъ: почету
Требовать стали теперь;
Если поправишь работу,
Разсвирѣпѣетъ какъ звѣрь!

«Я журналисту полезенъ —
«Такъ зазнаваться не смѣй!»
Будь остороженъ, любезенъ,
Льсти, унижайся, немѣй.

Я ли, — о Боже мой, Боже! —
Имъ угождать не усталъ?
А какъ повелъ себя строже,
Такъ совершенно пропалъ:

Гордость ихъ такъ нестерпима,
Что ни строки не даютъ,
И, какъ татары изъ Крыма,
Вонъ изъ журнала бѣгутъ....

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ

М. БЕРНАРДА,

на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, № 10.

ЦѢНЫ ОЗНАЧЕНЫ НА СЕРЕБРО.

ДЛЯ ФОРТЕПІАНО.

VOSS. Airs russes favoris transcrits et variés op. 232. № 1. Air de l'opéra «Жизнь за Царя». № 2. «Шестнадцать лѣтъ». № 3. «Матушка голубушка». № 4. «Пѣснь цыганки», Булахова. № 5. «Хуторокъ», Климовскаго. № 6. «Ахъ ты, время времячко» и «Что мнѣ жить и тужить» (каждый 1 р.); «Скажите ей!» Romance de la Princesse Kotschoubey transcrite (75 к.).

WOLLENHAUPT. La gazelle. Polka brillante (75 к.).

WALLACE. Célèbre quatuor du Rigoletto transcrit (60 к.); Le retour. 4-me Polka de concert (1 р.).

TRESTER. Элегія по случаю кончины ея императорскаго величества государыни императрицы Александры Ѳеодоровны (75 к.); Souvenir de Pawlowsk. Morceau de salon (60 к.); Une nuit de printemps. Chant du rossignol (75 к.); Souvenir de Vilna. Mazurka élégante (75 к.).

SCHULHOFF. Souvenir de St. Petersbourg. Mazurka (85 к.); Trois poëmes lyriques № 1 à 3 (каждый 50 к.).

RUBINSTEIN. Une soirée à St. Petersbourg. Romance (40 к.); 3-me Barcarolle op. 50 (50 к.).

RAVINA. Marche Impériale (1 р.); La raillère. Grande valse brillante (1 р.).

PRUDENT. Folie. Etude de salon (75 к.); Le feu follet. Etude de genre (85 к.).

PACHER. Romance de Dom Sebastien (50 к.); Romance d'Ernani (50 к.); Danse de sylphides. Morceau de salon (75 к.).

OSTEN. «Матушка голубушка». Fantaisie (60 к.).

MAYER. Deux chansons bohémiennes-russes de Boulahoff transcrites. № 1. «Пѣснь Цыганки». № 2. «Не хочу, не хочу» (каждый 1 р.); Hedurg-Polka (40 к.); Préludes dans tous les tons usités op. 323, liv. 1 à 2 (каждый 1 р.).

MENDELSSOHN-BARTHOLDY. Liéder ohne Worte. Chansons sans paroles.—Знаменитыя пѣсни безъ словъ. Новое красивое изданіе. 7 тетрадей (каждая 1 р. 30 к.); Deux piecés inedites: Andante cantabile et presto agitato (85 к.).

LISZT. Miserere du Trovatore. Paraphrase de concert (1 р. 15 к.); Valse caprice d'aprés Schubert (85 к.); Chanson polonaise de Chopin (60 к.).

KONTSKI. L'inconstante; Grande valse brillante (1 p. 30 к.); L'enfant gati. Mazurka op. '191 (75 к.); Olga-Polka op. 192. (75 к.); Un ange de plus. Elegie op. 193 (75 к.); Transcription du Rigoletto (1 p. 30 к.); **Воспоминаніе о Москвѣ. Импровизація на романсъ «Соловей». Новое изданіе (1 р. 50 к.).**

KETTERER. «Скажите ей!» Romance de la Princesse Kotchoubey paraphrasée (75 к.); Chanson créole (60 к.).

JAELL. Paraphrase de l'opera Traviata (75 к.).

HAMMER. Bagatelle en forme de trot militaire (60 к.); «Вотъ на пути село большое». Chanson bohêmienne transcrite et variée (75 к.).

GREULICH. Souvenir de Zytomir. Morceau élégant (75 к.).

FIELD. Nocturnes. Nouvelle édition № 1. (40 к.); № 5. (30 к.).

EGGHARD. Chanson allemande (40 к.); Simple mélodie (40 к.).

ДЕРФЕЛЬДЪ. Погребальный маршъ, исполненный во время траурнаго шествія тѣла въ Бозѣ усопшей государыни императрицы Александры Θеодоровны (75 к.).

CRAMER. 3 morceaux faciles op. 105 (каждый 40 к.).

BERNARD. Polonaise d'Oginski transcrite en pièce de salon moderne (60 к.); La violette de Faust paraphrasée (75 к.); Harmonie helvétique (50 к.).

РАЗНЫЯ ШКОЛЫ.

ЧІАРДИ. Новѣйшая теоретическая и практическая школа для флейты, составленная для инструментальныхъ классовъ, учрежденныхъ при придворной пѣвческой капеллѣ и театральномъ училищѣ. Съ многими упражненіями и пьесами для одной и двухъ флейтъ (3 р.).

БЕРІО. Новѣйшая школа для скрипки на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (4 р.).

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер. получаютъ *двадцать пять процентовъ уступки*, а выписывающіе на десять руб. сер., кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы или объявлены.

Въ томъ же магазинѣ вышла 1-го января 1-я тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллистъ» (годъ XXII), которая содержитъ въ себѣ: *Liszt*, Ernani. Paraphrase de concert.—*Mayer*, Chant bohêmien-russe.—*Lefebure-Wely*, Après la chasse. Caprice. — *Egghard*, Nocturne. — *Filtsch*, Rêverie. — *Sekat*, Quadrille Amaranthe. — *Wallerstein*, Polka de Francfort. — *Eggahrd*, Le bijou de salon. Impromptu.—*Wachtmann*, Rondino. — ***Булаховъ***. **Романсъ для пѣнія.** — *Kontski*, le reveil du lion. Caprice héroique a 4 mains. — **Литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты.**

(Годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 р. 50 к. сер.).

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ. 19 января 1861 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ*.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ настоящаго и будущаго. Соч. Бруно Гильдебранта, переводъ Щепкина. Спб. 1850 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

НАЧАЛА НАРОДНАГО ХОЗЯЙСТВА. Соч. В. Рошера, перев. профессора московскаго университета П. Бабста. Томъ 1-й М. 1860 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ПУБЛИЧНЫЯ ЛЕКЦІИ политической экономіи, профессора П. Бабста, 5 выпусковъ. М. 1860 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р.

ХАТА. Изд. 2-е П. Кулиша. Спб. 1960 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

БУКВАРЬ южно-русскій. Сост. Т. Г. Шевченко. Спб. 1861 г. Ц 3 к. за экземпляръ, съ пер. 4 коп.

КОБЗАРЬ Тараса Шевченка. съ его портретомъ. Спб. 1860 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

УКРАИНСКІЕ НАРОДНЫЕ РАЗСКАЗЫ Марка Вовчка; пер. И. С. Тургенева. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1859 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

ПОВѢСТИ П. А. КУЛИША. Новое изданіе въ 4 томахъ. Спб. 1860 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

СОЧИНЕНІЯ В. БѢЛИНСКАГО 10 томовъ. М. 1860—61 г. Ц. по 1 р. за томъ, съ пер. по 1 р. 50 к.

ВИССАРІОНЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ БѢЛИНСКІЙ. Біографич. очеркъ Д. Свіяжскаго. Спб. 1860 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

СОЧИНЕНІЯ И. С. ТУРГЕНЕВА. Новое изданіе въ 4 томахъ. М. 1860 г. Ц. 5 р., съ пер. 6 р. (1 и 4-й томы выдаются, а на остальные выдается билетъ).

СОЧИНЕНІЯ ЛЕРМОНТОВА. Новое изданіе подъ редакціею С. Дудыщкина, въ 2 томахъ, съ портретомъ автора и двумя снимками. Спб. 1860 г. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

ПЯТЬДЕСЯТЪ ЛѢТЪ НАЗАДЪ. Романъ въ 2 частяхъ; соч. М. Каменской. Спб. 1861 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ДАНІЕЛА. Романъ, соч. Жоржъ Занда; перев. съ франц. Большой томъ въ 482 стр. въ 8 д. л. убористой печати. Спб. 1857 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

НИКОГДА НЕ ПОЗДНО ИСПРАВИТЬСЯ. Обыкновенная исторія Чарльза Рида; перев. съ англ. Большой томъ въ 620 стр. въ 8 д. л. Спб. 1857 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

ВЪ АМЕРИКУ! Романъ Фридриха Герсткера; перев. съ нѣмецк. Большой томъ въ 870 стр. въ 8 д. л. убористой печати. Спб. 1857 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

УЛИЧНЫЕ ТИПЫ. Текстъ А. Голицынскаго, съ 20 рисунками. М. Пиколло. М. 1860 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Печатать позволяется, С.-Петербургъ. 19 января 1861 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ПО ПОВОДУ ИЗСЛѢДОВАНІЙ Г. БУСЛАЕВА
О РУССКОЙ СТАРИНѢ.

Мы уже не разъ замѣчали, что русская народность стала въ послѣднее время серьёзно занимать нашихъ ученыхъ. Одни издаютъ матеріалы для ея изученія, собираютъ сказки и легенды, печатаютъ духовные стихи и пѣсни, издаютъ старые памятники, гдѣ является народность цѣликомъ сама, съ непосредственнымъ выраженіемъ ея нравственныхъ и общественныхъ идей. Другіе ставятъ вопросъ теоретически, опредѣляютъ разныя направленія исторической судьбы народа, развитіе народности и государственнаго начала, наконецъ отношеніе народности къ такъ-называемой западной цивилизаціи, какъ оно было встарину и до чего дошло въ настоящее время. Разные люди различно понимаютъ эти вопросы, но всѣ больше или меньше убѣждены въ томъ, что современное *общество* и народъ значительно расходятся во многихъ важныхъ понятіяхъ, что изученіе народности необходимо для историческаго ея пониманія и для правильнаго взгляда на нее въ настоящую минуту, когда народность готовится получить въ жизни не только отвлеченныя, но и положительныя права. Въ какомъ видѣ она войдетъ, съ какими мыслями должны мы ее встрѣтить, чѣмъ наполнить то разстояніе, которое отдѣляло новую общественную жизнь отъ народности? Никто не сомнѣвается,

кажется, что между двумя противуположными сторонами должно произойти сближеніе; но кто первый сдѣлаетъ шагъ: общество ли сдѣлаетъ уступку народности, отказываясь отъ нѣкоторыхъ своихъ особенностей, или народъ оставитъ что нибудь, чтобы войти съ успѣхомъ въ движенье другихъ слоевъ общества?

Нѣтъ сомнѣнія, что у насъ не пройдетъ даромъ то изученіе, которое обращается теперь съ различныхъ сторонъ къ народности, и хотя еще рано было бы угадывать впередъ, какими новыми элементами выразится она въ въ нашей жизни впослѣдствіи, но историческія воспоминанія о нашей народности встарину были бы не безполезны и въ настоящую минуту. Мы попробуемъ взглянуть исторически на путь, которымъ развивался характеръ народныхъ воззрѣній, по крайней мѣрѣ съ одной стороны, въ которой обыкновенно видятъ одно изъ самыхъ выразительныхъ проявленій народа. Мы говоритъ о народной поэзіи. Книга г. Буслаева даетъ намъ случай и матеріалы для такихъ наблюденій; въ ней является одинъ изъ самыхъ обширныхъ опытовъ объясненія русской народности, какіе только представляла наша ученая литература. Русская народная поэзія, ея древніе памятники, древняя русская литература и искусство одинаково занимали ученое вниманіе г. Буслаева и нашли въ немъ объяснителя, чрезвычайно старательнаго и любящаго свой предметъ. Г. Буслаевъ питаетъ тѣплое сочувствіе къ русской древности; оно, конечно, не похоже на ту славянофильскую манію, которой столько примѣровъ мы видѣли и еще видимъ, — при всемъ томъ мы найдемъ много особеннаго во взглядѣ г. Буслаева на старую народность, съ чѣмъ мы не можемъ согласиться. Долгое изученіе оставило въ немъ обыкновенное пристрастіе ученаго; народность и ея поэзія стали въ глазахъ его чѣмъ-то идеальнымъ, и этотъ идеалъ онъ желаетъ поднять и въ глазахъ другихъ, и какъ будто хочетъ дать ему практическую силу, — хотя самый предметъ не даетъ для этого достаточныхъ основаній.

Предметъ изученія г. Буслаева собственно народная поэзія, сама по себѣ и какъ средство для изученія самого народа, — потому что поэзія есть полнѣйшее выраженіе народности, то есть тѣхъ характерныхъ особенностей, которыя отличаютъ воззрѣнія народа и составляютъ его нравственную физіономію. Исторія народности вмѣстѣ съ исторіей народа восходитъ къ отдаленнымъ, доисторическимъ временамъ его перваго появленія: уже тогда онъ имѣетъ всѣ основныя черты своего характера въ языкѣ и миѳологіи, изъ которыхъ выходятъ его нравы, обычаи и поэзія. Народъ не помнитъ, когда вѣрованья и обычаи являются у него въ первый разъ; утвердившись еще въ эпохѣ доисторической, они идутъ изъ рода въ родъ,

какъ старина, какъ искони̇ая особенность народнаго характера. Также древне и незапамятно происхожденіе народной поэзіи: образованіе ея происходитъ въ то же время, когда совершается формація самаго языка, въ которомъ уже находятся поэтическіе и религіозные или миѳическіе зародыши. Въ отдѣльномъ словѣ, входившемъ въ языкъ, заключалось уже извѣстное поэтическое представленіе о предметѣ, имъ обозначаемомъ.

Древнѣйшая поэзія была однозначительна съ миѳологіей и обнимала съ ней всю духовную дѣятельность народа. Его космогоническія представленія вышли изъ его миѳологіи, т. е. его поэтической религіи, въ которой была своя исторія природы и человѣка; такъ древне-германскіе памятники сохранили очень свѣжо народные миѳы этого рода, разсказывавшіе о происхожденіи міра изъ частей тѣла одного необычайнаго великана. Понятія народа о жизни сопровождались также цѣлымъ рядомъ миѳическихъ преданій, обстановившихъ народный бытъ множествомъ повѣрій, обычаевъ и обрядовъ, къ которымъ народъ и впослѣдствіи не даромъ питаетъ почти религіозное уваженіе: обрядъ былъ только внѣшнимъ изображеніемъ народныхъ вѣрованій. Право имѣло тоже тѣсное родство съ религіозными представленіями: юридическій обычай былъ вмѣстѣ обычаемъ религіи, какъ божій судъ; хранители закона были вмѣстѣ и обладателями вѣщей мудрости, какъ судныя дѣвы въ древней чешской поэмѣ о «судѣ Любуши», или какъ древніе кельтскіе друиды; въ нашей миѳологіи отыскались несомнѣнные слѣды религіознаго почитанія рода. Даже позднѣйшіе памятники, уже много утратившіе народной старины, даютъ возможность слѣдить за такими выраженіями народныхъ понятій въ древнюю эпоху; наши пѣсни, бытовые обряды и повѣрья до сихъ поръ могутъ быть объясняемы въ этомъ смыслѣ.

Такимъ образомъ поэзія, выражавшая языческую религію и миѳологію, вмѣстѣ съ ними проникала во всѣ общественныя отношенія стариннаго человѣка. Естественно, что при такомъ значеніи она должна была постоянно выражаться соотвѣтственно съ ея обширнымъ содержаніемъ. Старинная жизнь дѣйствительно была роскошно обстановлена пѣсней, которая до сихъ поръ сохранила много своего первобытнаго разнообразія: она поется при всякомъ удобномъ случаѣ, т. е. при всякомъ болѣе или менѣе важномъ житейскомъ событіи. Въ древности пѣсня разсказывала о старыхъ герояхъ, давала житейскія правила, пѣлась при колыбели ребенка и сопровождала человѣка во всѣхъ обстоятельствахъ жизни до самой могилы, когда провожали его причитаньями и плачами. Множество обрядныхъ пѣсенъ до сихъ поръ остались съ этимъ исключительнымъ назначеніемъ, идущимъ изъ глубокой старины.

Господствующій характеръ первоначальной поэзіи былъ *эпическій*. По содержанію свойство народнаго эпоса заключается въ томъ, что онъ представляетъ весь объемъ понятій народа о самомъ себѣ и доступномъ ему мірѣ и человѣчествѣ. Такимъ образомъ онъ обнималъ все знаніе народа, разсказывалъ о происхожденіи міра, какъ это удержалось и въ позднѣйшихъ колядныхъ пѣсняхъ; передавалъ миѳическую исторію божествъ, къ которой присоединялась исторія народныхъ богатырей и героевъ, извѣстныхъ намъ теперь по былинамъ: борьбу съ чужими, враждебными народами, воспоминаніе о которыхъ также осталось въ нашихъ историческихъ пѣсняхъ. Эпосъ идетъ вообще изъ той отдаленной поры, когда народъ вполнѣ жилъ своими первыми впечатлѣньями, когда вся жизнь его была окружена миѳологіей, когда создавался самый языкъ и первыя общія понятія. Обыкновенно мы знаемъ однако народный эпосъ болѣе поздней эпохи, когда народъ теряетъ первобытную полноту подобнаго быта и многое забываетъ. Несмотря на то и въ позднѣйшихъ памятникахъ легко отличаются слѣды древней формаціи языка, стариннаго быта и миѳологіи. Такъ миѳологія древней эпохи очевидна въ Иліадѣ или въ германскомъ эпосѣ. Не такъ ясно, но все-таки безъ малѣйшаго труда она открывается и въ современныхъ нашихъ пѣсняхъ: многія очень понятно намекаютъ на старинныя божества, въ родѣ Перуна; старые поэтическіе памятники, какъ «Слово о полку Игоревѣ», прямо называютъ ихъ. Пѣсни о Владимірѣ, записанныя даже теперь, сохраняютъ миѳическую обстановку: князь Владиміръ, мнимое историческое лицо, окруженъ лицами, которыя отличаются сверхъестественными, миѳическими качествами: Змѣемъ-Горынычемъ, Добрыней, который сражается съ водянымъ чудовищемъ, Ильей-Муромцемъ, побѣждающимъ Соловья-разбойника и т. д. Разныя миѳическія существа, въ родѣ русалокъ, полудницъ и т. п. до сихъ поръ удержались въ памяти народа, и онъ еще вѣритъ имъ, какъ вѣрилъ въ языческія времена. Если и донынѣ не исчезли эти миѳическія особенности старинной эпопеи, то естественно, что въ древнѣйшую пору, когда у насъ впервые вводилось христіанство, они выступали еще ярче, и понятно, почему первые наши писатели, проводившіе христіанскую грамотность, такъ вооружались противъ языческихъ бѣсовскихъ пѣсенъ. Народная поэзія и церковная письменность существовали тогда рядомъ, какъ противоположныя явленія; они исключали другъ друга. Это противорѣчіе сгладилось впослѣдствіи, когда, какъ говоритъ г. Буслаевъ, «творческій духъ народной фантазіи проникъ въ замкнутое святилище стариннаго грамотника, и съ другой стороны, когда книжное ученіе низошло до поэтическихъ на-

тересовъ цѣлаго народа». Здѣсь наступилъ новый періодъ для народа и для народности: они подверглись сильному вліянію новаго элемента, который такъ или иначе долженъ былъ необходимо измѣнить многія ихъ свойства. Этимъ соединеніемъ двухъ началъ различнаго происхожденія опредѣляется характеръ поэзіи народа, уже вышедшаго изъ прежней исключительно языческой жизни и вступившаго на новую дорогу. Для народной поэзіи явилась новая среда: г. Буслаевъ очень вѣрно характеризуетъ ее слѣдующими словами:

«Эта все примиряющая, благотворная среда — было теплое, искреннее *вѣрованье* — единственный и самый обильный источникъ всякой поэзіи, въ ея первобытномъ, безсознательномъ эпическомъ періодѣ. Въ этой примирительной средѣ, безъискуственная поэзія каждаго христіанскаго народа проходитъ три замѣтные періода: миѳологическій, смѣшенный и собственно христіанскій. Въ среднемъ періодѣ, который характеризуется *двоевѣріемъ*, поэзія смѣшенная, или двоевѣрная, служитъ необходимымъ историческимъ переходомъ отъ миѳологической къ собственно христіанской. Но такъ-какъ въ устной поэзіи народной и доселѣ явственно присутствуютъ элементы миѳологическіе; такъ-какъ и доселѣ творческая фантазія и русскаго, и другихъ христіанскихъ народовъ еще не достаточно очистилась отъ старой, языческой примѣси: то подъ указанными мною тремя періодами скорѣе должно разумѣть моменты въ развитіи народной поэзіи, моменты, которые могутъ существовать одновременно, другъ подлѣ друга. Потому, и въ устной и письменной словесности, поэзія, обыкновенно называемая христіанскою, вѣрнѣе есть поэзія смѣшенная, въ которой органически слились два враждебные элемента, примирившіеся въ одномъ общемъ ихъ средоточіи — въ искреннемъ вѣрованіи» (т. 2, стр. 4).

Этимъ господствующимъ характеромъ *двоевѣрія*, на который указалъ уже одинъ изъ древнихъ писателей нашихъ, возстававшій противъ языческихъ обычаевъ, — отличается вся русская народная поэзія стараго времени. Повидимому, можно было ожидать, что введеніе христіанства окончитъ нашу древнюю поэзію, герои которой принадлежали языческимъ понятіямъ и быту; можно бы думать, что она съ повсемѣстнымъ распространеніемъ новой религіи совсѣмъ исчезнетъ въ народѣ, — но вмѣсто того явилось двоевѣріе. Съ тѣхъ поръ, какъ два противоположныя начала помирились, въ содержаніе народной поэзіи вошло изъ новаго все то, что занимало народное воображеніе, и наоборотъ, въ церковныя произведенія, въ повѣсти и переводныя сказанья разнаго рода вошли поэтическія подробности, свидѣтельствовавшія о присутствіи старой народной поэзіи. То чужое содержаніе литературы, которое приходило

къ намъ извнѣ, особенно изъ Византіи, могло входить въ массу народныхъ представленій, потому что народная поэзія получила нѣкоторыя права въ книгѣ и часто измѣняла книгу въ народно-поэтическомъ смыслѣ. Этимъ объясняется, почему нѣкоторыя произведенія этой старинной литературы, напримѣръ апокрифическія книги и легенды, могли пріобрѣтать въ народѣ такую популярность и такое вліяніе. Г. Буслаевъ собралъ очень много доказательствъ въ пользу этого присутствія поэтическихъ элементовъ въ церковныхъ памятникахъ, апокрифическихъ исторіяхъ и легендахъ, и справедливо утверждаетъ, что духовная литература, на которую до сихъ поръ смотрѣли какъ на что-то отличное отъ народной и чуждое народнымъ произведеніямъ, питалась тѣми же поэтическими силами, какъ безъискусственная пѣсня, былина и сказка.

Въ этомъ результатѣ, безъ сомнѣнія очень важномъ для исторіи внутренней жизни старой Руси, г. Буслаевъ шелъ отчасти противъ вообще принимавшагося мнѣнія: большинство нашихъ историковъ не предполагали такой тѣсной связи между устной поэзіей народа и церковными памятниками. Доказавши это, г. Буслаевъ имѣлъ полное право утверждать, что старая литература слѣдовательно не такъ бѣдна, какъ думали; но онъ прибавляетъ еще, что отвѣчая такъ полно на вѣрованья и идеи народа, она вполнѣ отправила свой долгъ, и не заслуживаетъ упрека въ исключительной церковности: въ ней жили богатыя *эпическія* начала народной поэзіи. Изъ этого г. Буслаевъ выводитъ дальнѣйшее опредѣленіе древней литературы и поэзіи, которое еще болѣе возвышаетъ ея достоинство: въ книжную литературу, съ элементами народной поэзіи, перешли и внутреннія ея свойства, перешелъ эпическій тонъ и стиль. Мы скажемъ объ этомъ подробнѣе, чтобы по возможности вѣрно передать мысль г. Буслаева.

Эпическій стиль не знакомъ новымъ искусственнымъ литературамъ. Онъ составляетъ исключительную принадлежность тѣхъ временъ поэзіи, когда свѣжо народное творчество, тѣхъ произведеній, которыя близки къ первобытной поэзіи. Характеръ эпическаго стиля опредѣляется существенными свойствами народнаго эпоса. Такъ какъ эпосъ создается въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ и такъ какъ въ его созданіи участвуетъ цѣлый народъ, то тѣмъ самымъ эпосъ дѣлается всегда вѣрнымъ и правдивымъ выраженіемъ народныхъ идей. Все случайное и произвольное исчезаетъ изъ него, потому что противорѣчитъ общимъ понятіямъ; все неправильное и фальшивое, чѣмъ такъ часто страдаютъ индивидуальныя произведенія поэта, невозможны въ эпосѣ народа, который считаетъ пѣсню—былью и правдой, и не приметъ въ нее черты, заключающей по его понятію ложь. Эта неиз-

зія не знала перемѣнъ вкуса, бывающихъ въ литературѣ искусственной, и одинаково служила старому и молодому поколѣнію; одному она была «на утѣху», другому «на послушанье» и для памяти. Потому народный эпосъ и могъ жить цѣлыя столѣтія: онъ шелъ изъ рода въ родъ, потому что былъ правдивымъ преданьемъ старины, къ которой народъ вообще бываетъ привязанъ въ эпоху наивности. Потому одни и тѣ же герои проходятъ черезъ длинный рядъ поколѣній, и на нихъ сосредоточивались нравственные и историческіе интересы народа. Поэтическія личности героевъ также теряли свою исключительность и какъ выборные люди совмѣщали въ себѣ подвиги и стремленія массы; Илья-Муромецъ, какъ Сидъ или Роландъ, былъ представителемъ народа.

Содержаніе эпоса, взятое изъ временъ миѳическихъ, разсказывавшее о геройскихъ подвигахъ, привычное народнымъ воспоминаніямъ, опредѣляло и тонъ эпоса, всегда спокойный и ясный. Онъ не нарушается ни лирическими изліяніями, неизбѣжными у позднѣйшаго поэта, ни драматическимъ увлеченіемъ, которое слишкомъ вводитъ слушателя въ чужое страданье или радость. Эпическій поэтъ остается спокойнымъ разсказчикомъ о совершившихся событіяхъ, которыя онъ отодвигаетъ обыкновенно въ туманную старину. Слушатель съ тѣмъ же ровнымъ чувствомъ слѣдитъ за разсказомъ; не волнуясь ожиданіемъ, онъ терпѣливо ждалъ конца и даже много разъ съ одинаковымъ удовольствіемъ выслушивалъ одну и ту же пѣсню о старинѣ. Пѣсня становилась чѣмъ-то неизмѣннымъ и догматическимъ: изъ нея «слова не выкинешь».

Все это дало эпическому стилю извѣстную опредѣленность и необходимость: въ немъ по преданью были извѣстныя постоянныя формы, поэтическіе пріемы, сравненія и эпитеты. Многіе изъ нихъ образовались въ весьма древнюю, еще миѳологическую эпоху, и впослѣдствіи держались по привычкѣ, которая вообще такъ сильна бываетъ въ народной поэзіи. Извѣстный поэтическій образъ такъ сильно врѣзывается въ воображеніе слушателей и въ обычай пѣвца, что многіе обороты и эпитеты стали въ пѣснѣ неизбѣжны: сколько-нибудь привычный слушатель всегда зналъ ихъ и ожидалъ знакомой картины. Такимъ образомъ даже въ мелкихъ подробностяхъ эпосъ пріобрѣталъ качества, дѣлавшія его произведеніемъ всенароднымъ; его частности, какъ и его цѣлое, скрѣплялись согласіемъ цѣлой массы. Всякую поэзію народъ понималъ подъ этимъ угломъ зрѣнія; народъ распространялъ его и на тѣ новые элементы, которые вступали въ кругъ его воображенія.

Онъ распространилъ его и на ту книжную литературу, съ которой поэзія народа сблизилась въ указанный выше періодъ *двоевѣрія*.

Книжныя произведенія, которыя успѣли проникнуть въ народъ, необходимо приняли тогда много эпической внѣшности, потому что и самую сущность ихъ народъ понялъ съ своими обыкновенными поэтическими воззрѣніями. Новая поэзія, которую мы вмѣстѣ съ г. Буслаевымъ будемъ называть *двоевѣрною*, понята была народомъ съ тою же наивною непосредственностью, какъ чисто народный эпосъ: легенда, апокрифическая исторія, повѣсть, «исполненная страха и ужаса» и т. д. дѣлались для него чисто эпическимъ произведеніемъ; они такъ же становились общимъ достояніемъ многихъ поколѣній, такъ же передѣлывались въ народномъ вкусѣ, переходя изъ рода въ родъ. Они вносили конечно и свое, прежде неизвѣстное народу; но въ теченіе долгаго времени, когда совершалось броженіе религіозныхъ и поэтическихъ идей, чужое успѣло во многомъ слиться съ народнымъ, и новыя произведенія сами приняли эпическій тонъ и одѣлись въ условный языкъ. Этимъ путемъ новыя произведенія могли сдѣлаться принадлежностью всей массы; это не была уже литература одной касты, потому что содержаніе ея было знакомо всѣмъ грамотнымъ людямъ и для всѣхъ привычно; участіе отдѣльной личности въ ней исчезало и скрадывалось отъ вліянія, которое эти произведенія испытывали отъ воззрѣній всего круга читателей и слушателей. Почти всегда эти апокрифическія, полународныя, баснословныя исторіи теряли имя автора и становились подъ эгиду какого нибудь знаменитаго и священнаго имени, какъ народный эпосъ становился подъ защиту стараго преданья отцовъ. Сліяніе двухъ поэзій, шедшихъ изъ разныхъ источниковъ, выражалось весьма ясно въ томъ любопытномъ явленіи, что очень часто и въ чисто народныхъ памятникахъ и въ письменныхъ произведеніяхъ двоевѣрной поэзіи смѣшиваются герои и событія двухъ разныхъ разрядовъ, церковное соединяется съ профаннымъ и мірскимъ.

На этомъ основаніи элементы книжные, враждебные сперва народной поэзіи, переставали уже противорѣчить началамъ народнымъ, и книжная литература стараго времени, при всемъ недостаткѣ самобытности, въ которой могутъ ее упрекнуть, пріобрѣтаетъ значеніе историческое, какъ одно изъ важныхъ проявленій народности. Г. Буслаевъ указываетъ въ ней много народно-поэтическаго содержанія, которое даетъ ей право на большое вниманіе, чѣмъ ей оказывали до сихъ поръ, и такъ какъ книжныя основы этой литературы приходили къ намъ въ древности почти исключительно изъ Византіи, то г. Буслаевъ приходитъ къ новому заключенію о характерѣ византійскаго вліянія и представляетъ его очень благопріятнымъ.

«Въ настоящее время, — говоритъ онъ, — довольно распространено между людьми, впрочемъ образованными, мнѣніе, будто вліяніе византійское было вообще вредно для развитія и процвѣтанія нашей древней національной словесности; будто, кромѣ книжной схоластики, сковывающей всякое свободное движеніе мысли и чувства, литература византійская ничего не внесла въ нашу древнюю, собственно литературную дѣятельность; будто недостатокъ поэзіи въ древне-русскихъ письменныхъ памятникахъ преимущественно объясняется этимъ византійскимъ началомъ, враждебнымъ всему поэтическому, всему восторженному и воодушевляющему къ истинно-художественному творчеству» (т. 2, стр. 53).

Доказательство противнаго онъ видитъ прежде всего въ Патерикахъ, распространившихся на Руси изъ Византіи уже съ XI вѣка. Эти Патерики отличаются, по словамъ г. Буслаева, высокимъ поэтическимъ характеромъ, и имѣли на Руси такой громадный успѣхъ, что не только входили въ составъ собственно русскихъ повѣствованій этого рода, — что въ самомъ дѣлѣ доказывается легко сравненіемъ нашихъ житій съ греческими и египетскими, — но проникали и въ самую жизнь. По нимъ составлялись идеалы христіанской жизни, которые господствовали не только въ монастырскихъ стѣнахъ, но и въ кругу всего вѣрующаго народа. Кромѣ этихъ, перешло изъ Византіи много другихъ произведеній, которыя въ томъ же смыслѣ овладѣвали народной фантазіей, и между прочимъ множество апокрифическихъ сказаній, тѣмъ легче проникавшихъ въ народъ, что они сами были поэтической обработкой церковныхъ преданій. Въ этой сферѣ и находила себѣ пріютъ древняя народная поэзія. Строгіе блюстители истинныхъ вѣрованій своими запрещеніями предупреждали читателей отъ «прилежанія къ книгамъ отреченнымъ», но поэтическая потребность народа требовала себѣ удовлетворенія и находила его въ этой двоевѣрной литературѣ. «Болѣе и болѣе расширяясь въ своихъ предѣлахъ, духовное повѣствованіе — говоритъ г. Буслаевъ — обнимало собою всѣ литературные интересы русскаго грамотнаго человѣка. Какъ на западѣ уже въ XII вѣкѣ изъ духовной легенды развивались религіозныя стихотворенія повѣствовательнаго и драматическаго характера, такъ и у насъ, только въ эпоху гораздо позднѣйшую, изъ тѣхъ же источниковъ произошло не мало литературныхъ произведеній, въ которыхъ интересъ поэтическій беретъ верхъ передъ всѣми прочими» (т. 2, стр. 55).

Такимъ образомъ г. Буслаевъ положительно отвергаетъ прежнее мнѣніе о характерѣ византійскаго вліянія и находитъ, что оно, напротивъ, доставило древней русской словесности много поэтическаго матеріала, способнаго развиться у насъ, какъ развилось изъ церков-

ныхъ источниковъ и элементовъ литература старо-нѣмецкая и романская. Не останавливаясь пока на этомъ выводѣ, мы прослѣдимъ дальше основные результаты г. Буслаева, выведенные изъ изслѣдованія древней литературы. Эта литература перестала такимъ образомъ быть въ глазахъ его явленіемъ, чуждымъ народной поэзіи, и на этомъ основаніи онъ признаетъ ея историческую законность и необходимость: она давала матеріалъ и средства для народной поэзіи, слѣдовательно не была противна народу; онъ даже тѣсно сжился съ ней, слѣдовательно она была въ духѣ русской народности, и слѣдовательно, думаетъ г. Буслаевъ, пища, которую она давала, была здорова. Источники этой литературы были византійскіе, и г. Буслаевъ естественно долженъ былъ, чтобы остаться вѣрнымъ себѣ, защищать эти послѣдніе отъ упрековъ, которые имъ дѣлались: если результаты ихъ вліянія были, пожалуй, иногда и неудовлетворительны, то, по мнѣнію г. Буслаева, виноваты русскіе, не съумѣвшіе ими воспользоваться, а не Византія.

Въ тѣсной связи съ литературными элементами, зашедшими изъ Византіи, были и элементы художественные. Византійская живопись принялась у насъ очень рано и также сроднилась съ народными вкусами; г. Буслаевъ защищаетъ древнее русское художество съ той же точки зрѣнія, съ какой защищалъ двоевѣрную литературу, напитанную народнымъ содержаніемъ. И то и другое было проникнуто наивнымъ вѣрованіемъ, къ которому сходились всѣ народныя понятія: старинное художество, какъ старинная поэзія, говорило не за отдѣльную личность, а за цѣлыя массы, и это отсутствіе исключительности придаетъ тѣмъ больше цѣны памятникамъ, отражающимъ въ себѣ характеръ цѣлой народности. Г. Буслаевъ особенно сочувствуетъ этимъ эпохамъ, когда литература и художество были такимъ полнымъ выраженіемъ общей, а не индивидуальной мысли: какъ выставляетъ онъ высокое достоинство эпическаго стиля въ поэзіи, точно такъ же онъ цѣнитъ и ту эпоху развитія искусства, когда надъ нимъ исключительно господствуютъ вѣрованія народа и его религіозныя и художественныя представленія.

«Было время,—говоритъ г. Буслаевъ,—когда идеи литературныя и художественныя составляли въ сознаніи народа одно нераздѣльное цѣлое, будучи въ своихъ зародышахъ сосредоточены къ религіозному созерцанію и набожному чувству вѣрующаго благочестія. Религія поглощала тогда всѣ другіе духовные интересы человѣка; кромѣ безотчетнаго, самаго полнаго вѣрованья не зналъ онъ другихъ путей изъ дѣйствительности въ область идей, до которой возвышался онъ не ради какихъ либо случайныхъ (?) цѣлей знанія или наслажденія, а только по настоятельной потребности — найти тамъ для себя руководящую нить

въ практической жизни, утѣшеніе въ горѣ, спасенія отъ бѣдъ и напастей, прибѣжище для добродѣтели и наказаніе порока. Чтеніе книжное было для него подвигомъ благочестія; скульптурное или живописное изображеніе предметомъ чествованія. Внѣ своихъ практическихъ взглядовъ, опредѣляемыхъ религіею, онъ не зналъ и не хотѣлъ знать ни литературы, ни искусства.

«При такомъ расположеніи духа, свободная дѣятельность литературной или артистической личности невозможна. Личный произволъ уже отклоняется отъ общепризнаннаго преданія, и потому ведетъ за собою неминуемое распаденіе того единства духовныхъ интересовъ, какое представляетъ намъ эта вѣрующая эпоха. Писатель и художникъ перестаютъ быть рабскими исполнителями преданія, и, уклоняясь каждый въ свою сторону, способствуютъ общему перевороту въ исторіи образованности. Писатель подвергается тогда опасности быть обвиненнымъ въ кичливости своего ума, въ ереси; — а художникъ, усовершенствуя технику своего искусства, больше начинаетъ заботиться о внѣшней формѣ, и.... нарушаетъ спокойное созерцаніе вѣрующаго благочестія прибавкою своихъ личныхъ соображеній къ произведенію, предназначаемому для общаго чествованія....

«Есть счастливые моменты въ исторіи европейскаго искусства, когда безотчетное вѣрованье окрыляло артистическія силы художника, и когда изящество и правдоподобіе формы бывало не намѣренною, случайною прикрасою, нарушающею благочестивое впечатлѣніе, а естественною оболочкою самаго искренняго религіознаго воодушевленія. Въ произведеніяхъ отъ XIII и не далѣе XV вѣка можно кое-гдѣ встрѣтить это счастливое соединеніе художественной формы и вѣрующаго чувства. Такія произведенія столько же принадлежатъ исторіи церкви, сколько составляютъ предметъ изученія для художника.

«Но поднимаясь выше въ старину, къ эпохѣ, когда древне-христіанская, классическая техника исказилась въ рукахъ средневѣковыхъ варваровъ, мы усмотримъ именно то первобытное броженіе литературныхъ, художественныхъ и религіозныхъ элементовъ, въ которомъ все разнообразіе духовныхъ интересовъ сосредоточивалось въ неразвитомъ чувствѣ наивнаго благочестія. Скульптурныя и живописныя произведенія этой эпохи не остановятъ на себѣ вниманія художника, ищущаго красоты очертаній и правдоподобія, но глубиною своихъ идей и полнотою религіознаго впечатлѣнія поразятъ мыслителя, слѣдящаго за историческимъ развитіемъ человѣческаго духа» (т. 2, стр. 199—200).

Съ этой точки зрѣнія г. Буслаевъ смотритъ и на древнее русское художество, съ которымъ онъ знакомитъ читателя по миньятюрамъ старыхъ рукописей. Не смущаясь уродливой формой, по которой они стоятъ не выше нынѣшнихъ лубочныхъ картинокъ, онъ вникаетъ въ ихъ содержаніе, находитъ въ немъ рѣдкую глубину мысли, и видитъ въ старыхъ картинахъ превосходную поэму религіознаго характера. Миньатюры вообще строго слѣдятъ за содержаніемъ тек-

ста; интересъ литературный и художественный такъ тѣсно соединяются въ нихъ, что старинныя миньятюры дѣлаются съ одной стороны любопытнымъ дополненіемъ литературной исторіи, съ другой поучительнымъ матеріаломъ для художника, который за ея младенческой техникой найдетъ глубокую внутреннюю мысль.

Итакъ, въ условіяхъ стараго наивнаго искусства опять открывается то же явленіе, которое мы видѣли въ древнемъ народномъ эпосѣ и позднѣйшей двоевѣрной поэзіи. Типы древняго искусства не были исключительнымъ произведеніемъ одного художника; они принадлежали всѣмъ и никому въ особенности; они хранились строго въ теченіе вѣковъ и стали наконецъ священной необходимостью искусства, ненарушимой частнымъ произволомъ, какъ эпическій стиль поэзіи. Форма этихъ типовъ, пришедшихъ изъ византійскихъ оригиналовъ, получила характеръ закона въ такъ-называемыхъ *Подлинникахъ*, составлявшихъ непреложное правило для стариннаго художника. Вслѣдствіе этой всеобщности древняго типа, въ развитіи котораго участвовало не только сознаніе народа, но иногда и цѣлаго христіанства,—г. Буслаевъ отдаетъ ему преимущество надъ индивидуальными произведеніями даже геніальныхъ художниковъ. Для объясненія этого мнѣнія г. Буслаева указываемъ его комментаріи къ одному изъ знаменитѣйшихъ типовъ средневѣковаго христіанскаго искусства, который играетъ роль и въ русской народности,— именно къ изображенію Страшнаго Суда. Оно прошло со временъ Владиміра черезъ всю русскую исторію, и преданіе сохранило священный типъ съ такой точностью, что даже въ новѣйшихъ лубочныхъ копіяхъ древней иконы родная Русь все еще стоитъ между язычниками Кизылбашами и Литвой, какъ обреченная на вѣчный огонь за упорство въ язычествѣ. Мы не считаемъ нужнымъ напоминать содержаніе слишкомъ извѣстной картины, которую объясняетъ г. Буслаевъ.

«Не утонченные пороки развитой эпохи и не ухищренія грѣха, не ереси и расколы—должны были занимать мѣсто въ этихъ изображеніяхъ, но первоначальныя и основныя нарушенія правды божественной и человѣческой, проступки и грѣхи, извѣстные и понятные народу грубому и невѣжественному; не отдѣльныя личности извергов или тирановъ и безбожниковъ, никого не интересующія,—но цѣлыя массы народовъ языческихъ, которые осуждены на вѣчную муку, если не обратятся къ Христу. Всякая мысль объ отдѣльной личности, какъ капля въ морѣ, исчезаетъ здѣсь во всемірномъ переворотѣ, который совершается во имя новой религіи. Эти изображенія Страшнаго Суда должны были отразить въ себѣ необъятную картину того всемірнаго средневѣковаго движенія, въ которомъ одни народы смѣняются другими, и вотъ они въ своемъ шествіи по временному пути исторіи, вне-

запно останавливаются въ этихъ изображеніяхъ Страшнаго Суда, для того, чтобы своимъ отвѣтомъ передъ вѣчнымъ Судіею опредѣлить свое вѣчное, непреходящее значеніе въ судьбахъ міра. Такова, по нашему мнѣнію, высокая эпическая идея древнѣйшихъ изображеній Страшнаго Суда, которыя были приносимы проповѣдниками христіанства къ язычникамъ» (т. 2, стр. 145).

Разборъ подробностей нашего народнаго изображенія Страшнаго Суда, которое принадлежитъ къ тому же средневѣковому типу и въ которомъ совмѣстилась вся церковная исторія, начиная отъ первыхъ святыхъ, наслаждающихся блаженствомъ рая, до невѣрныхъ, осужденныхъ въ адскую геенну, — этотъ разборъ приводитъ г. Буслаева къ слѣдующему выводу:

«Едва ли что можно представить себѣ величественнѣе этого присутствія народовъ и царствъ, призванныхъ къ отвѣту въ день судный. Передъ этимъ всеобъемлющимъ, всенароднымъ эпосомъ, какъ ничтожны кажутся всѣ личныя чувствованія, всѣ мелкія страсти, которыя составляютъ главное содержаніе лучшихъ, извѣстнѣйшихъ изображеній Страшнаго Суда, — не исключая — осмѣливаемся сказать — изображеній Орканьи, Беато Анджелико, Луки Синьорелли и даже самого Микель-Анджело! Нужно ли упоминать, — для устраненія всякихъ недоразумѣній, — что все обаяніе высокой художественности на сторонѣ этихъ великихъ мастеровъ итальянскихъ? Но они принадлежатъ уже той новой эпохѣ, когда, вслѣдствіе успѣховъ образованности, развитая личность живописца не могла уже довольствоваться болѣе внѣшними — хотя и широкими — мотивами эпическаго творчества» (т. 2, стр. 147).

Изъ этого читатель можетъ видѣть, какое высокое значеніе г. Буслаевъ, не смотря на всѣ оговорки, даетъ нашему древнему художеству. Если форма была груба, за то идея была такъ высока, что до нея не достигаютъ и великіе представители искусства, какихъ только знала исторія. Эти идеи были приняты отъ того народа, которому вообще старая Русь обязана очень многимъ, между прочимъ и тѣмъ, что считаютъ существеннымъ въ русской народности. Уже одной мысли объ этихъ высокихъ идеяхъ, данныхъ намъ византійскимъ художествомъ, достаточно, чтобы придти къ совершенно особому заключенію о характерѣ византійскаго вліянія. Г. Буслаевъ увѣренъ въ самомъ дѣлѣ, что противники византійскаго направленія, знакомые съ нимъ только по слухамъ, измѣнятъ о немъ свое мнѣніе, когда лучше объяснится классическое вліяніе, принесенное къ намъ изъ Византіи. Извѣстно, что формы, которыми воспользовалось византійское искусство для выраженія идей христіанскихъ, были формы классическія. Древне-христіанская живопись, какъ ея классическіе оригиналы, остатки которыхъ уцѣлѣли на древнихъ

вазахъ и въ развалинахъ Помпеи, одинаково основывались на скульптурномъ началѣ: древнія картины и иконописный типъ на одноцвѣтномъ или золотомъ полѣ были перенесеніемъ на плоскость скульптурнаго изображенія; икона со многими лицами, иногда съ нѣсколькими отдѣльными сценами и эпизодами, безъ перспективы и безъ фона, была первонально только повтореніемъ древняго барельефа, который по физической невозможности почти не имѣлъ перспективы, совмѣщалъ разнородныя группы и обходился безъ фона, оставляя фигуры на воздухѣ. Вмѣстѣ съ цѣлымъ скульптурнымъ характеромъ представленія, древне-христіанская и византійская живопись заимствовали и много античнаго символизма и подробностей. Всѣ эти древнія формы пришли черезъ грековъ и въ старинное русское художество. Г Буслаевъ конечно справедливо считаетъ древнія русскія миньятюры весьма важными для изученія древне-христіанскаго символизма въ живописи, но, кромѣ того, эту археологическую сторону дѣла онъ ставитъ стариннымъ нашимъ художникамъ въ великую заслугу, — которую мы впрочемъ весьма затрудняемся оцѣнить въ смыслѣ г. Буслаева.

«*Для* многихъ въ настоящее время будетъ пріятною новостью узнать, — говоритъ онъ, — что въ какомъ нибудь Угличѣ во второй половинѣ XV вѣка, и наивный писецъ и его *невзыскательные* читатели лучше многихъ образованныхъ людей нашего времени *понимали античныя формы*, принятыя христіанскимъ искусствомъ въ самую раннюю эпоху его развитія и господствовавшія у насъ даже во времена Петровской реформы. *Правда*, что эти формы были уже очень искажены, потому что отвѣчали самымъ ограниченнымъ требованіямъ вовсе не эстетическаго вкуса, какъ теперь лубочныя изданія удовлетворяютъ простонародье. Зато, чѣмъ невзрачнѣе очертаніе самыхъ миньятюръ, тѣмъ поразительнѣе въ нихъ явственные слѣды античныхъ формъ древне-христіанскаго искусства, на которые средневѣковое варварство наложило свою тяжелую руку. Оттого эти античныя формы стали такъ неуклюжи, что только при пособіи археологіи можно было открыть въ нихъ слабое подобіе нѣкогда господствовавшимъ изящнымъ типамъ» (т. 2, стр. 203—204).

Для краткости мы должны ограничиться указаніемъ только существенныхъ явленій въ исторіи нашей *поэтической* народности, какъ понимаетъ ихъ г. Буслаевъ, и постараемся теперь объяснить, въ чемъ по нашему мнѣнію неполно его воззрѣніе, въ чемъ оно ушло слишкомъ далеко и что въ немъ забыто.

Мы видѣли, что литература и искусство, по выводамъ г. Буслаева, вовсе не были тѣмъ, чѣмъ представляли ихъ еще недавно: съ одной стороны они богаты поэтическимъ матеріаломъ, идущимъ изъ древ-

нѣйшихъ народныхъ и позднѣйшихъ византійскихъ началъ; съ другой они имѣли большое достоинство, какъ явленія, созданныя фантазіей цѣлаго народа, принадлежавшія всѣмъ русскимъ людямъ, а не одной кастѣ, не одному сословію. Эти результаты, выраженные нами въ самыхъ общихъ чертахъ, несомнѣнно пріобрѣтены для рѣшенія занимающаго насъ вопроса о старой народности, и г. Буслаевъ справедливо замѣняетъ ими односторонность прежнихъ мнѣній, изъ которыхъ одно отказывало старой церковной литературѣ въ народности, другое только въ этой литературѣ, понятой въ ея исключительномъ смыслѣ, видѣло единственную потребность и идеальное выраженіе народа, и разсматривало литературу только съ душеспасительной точки зрѣнія. Критика г. Буслаева особенно важна въ этомъ послѣднемъ пунктѣ; надобно надѣяться, что послѣ нея г. Шевыревъ, которому адресованы эти толкованія, и вся многочисленная компанія, одобряющая его глубокія идеи, перестанутъ наполнять исторію литературы героями, для нея вовсе излишними, и дѣлать изъ нея проповѣдь и поучительную домашнюю бесѣду. Г. Буслаевъ, какъ мы замѣчали, видитъ положительное участіе народнаго вліянія въ легендѣ, господствовавшей въ древней нашей литературѣ, и проводитъ передъ читателемъ весь процессъ ея происхожденія, въ которомъ церковный элементъ сходился съ народнымъ вѣрованьемъ и поэзіей. Во всей массѣ старой поэтической литературы г. Буслаевъ указалъ несомнѣнное двоевѣріе и положительные слѣды язычества въ народномъ эпосѣ. Это всего лучше отвѣчаетъ на возгласы мнимыхъ проповѣдниковъ народности, которые недавно, цѣлымъ московскимъ обществомъ россійской словесности, объявили Илью-Муромца высшимъ выраженіемъ христіанскихъ началъ русскаго народа,—когда пѣсни Владимірова цикла на каждомъ шагу говорятъ о понятіяхъ языческой или двоевѣрной эпохи.

Но, если выводы г. Буслаева важны для уничтоженія упомянутыхъ нами «ученыхъ» предразсудковъ о старой литературѣ, то сами они еще нуждаются въ строгой повѣркѣ, чтобы не сдѣлаться другимъ предразсудкомъ. Г. Буслаевъ сосредоточилъ свое изученіе древней поэтической дѣятельности на народномъ вѣрованьѣ, и, принявъ его за исходную точку, совершенно удовлетворяется, нашедши, что оно безраздѣльно господствовало и въ литературѣ и въ искусствѣ и сообщало имъ народный характеръ. Но при этомъ историческій вопросъ о народности и объ истинномъ смыслѣ ея идей и развитія, все еще остается далекъ отъ рѣшенія: мы становимся на его почву, но не знаемъ, какое было свойство тѣхъ путей, которые прошла поэзія, то есть внутреннее сознаніе народа, чтобы сдѣлаться синонимомъ двоевѣрія; и было ли дальнѣйшее ея развитіе по этой дорогѣ успѣ-

хомъ или паденіемъ? Намъ указываютъ въ древней поэзіи нашей, оригинальной и заимствованной, множество поэтическихъ образовъ, много идей высокаго достоинства и глубины, — но дѣйствительно ли они были таковы, и чѣмъ разрѣшается то вопіющее противорѣчіе между этимъ идеальнымъ выраженіемъ русской народности и тѣми мрачными фактами жизни, которые даетъ исторія того же самаго народа?

Мы думаемъ именно, что изслѣдованія г. Буслаева остаются односторонними, если они не будутъ дополнены историческимъ разборомъ памятниковъ, который бы опредѣлилъ ихъ эпоху и ихъ реальный смыслъ для народа. Что касается до древнѣйшаго періода, г. Буслаевъ очень точно отдѣляетъ первобытную эпоху народности, — ея эпоху миѳологическую и переходъ отъ язычества къ христіанству. Но періодъ двоевѣрія, который для народа должно въ сущности довести до нашихъ дней, — этотъ періодъ слишкомъ длиненъ, чтобы его можно было счесть одинаковымъ съ начала до конца. Г. Буслаевъ положительно ошибается, когда думаетъ, что въ него можно съ одинаковымъ правомъ внести и двоевѣріе старинного лѣтописца и современное народное преданье, въ которомъ только его ученый взглядъ, опытный въ археологіи вѣрованій, открываетъ слѣды древняго миѳа. Съ тѣхъ поръ, какъ начинается двоевѣріе, понятія народа не останавливались на одной точкѣ, но продолжали измѣняться: повѣрья и обычаи остаются повидимому не тронуты, но время и для нихъ проходило не даромъ, — то, что было прежде свободнымъ поэтическимъ представленіемъ, въ другое время дѣлается гнетущимъ суевѣріемъ; — что было прежде священнымъ обрядомъ, становится пустой, непонятной церемоніей; — что прежде было ненарушимымъ закономъ въ понятіяхъ всего народа, то отвергалось потомъ цѣлыми массами его, ушедшими въ расколъ и составившими себѣ новыя понятія наперекоръ старому единству. Такимъ образомъ, съ исторической точки зрѣнія поэтическія черты и представленія народа, и слѣдовательно самый характеръ народности, теряютъ ту абсолютную цѣну, которую даетъ имъ г. Буслаевъ. Объясняя ихъ съ другой стороны, въ ихъ практическомъ отношеніи къ дѣйствительной жизни, мы также часто будемъ склонны видѣть мрачное и нелѣпое въ томъ, что могло казаться свѣтлымъ и поэтическимъ. Наша старинная поэзія уже нерѣдко подъ конецъ становилась совершеннымъ суевѣріемъ, заглушавшимъ и поэзію и человѣческое достоинство, и мы не видимъ въ этомъ ни большаго достоинства, ни прогресса въ ея развитіи: она доживала до окончательной дряхлости.

Историческое изученіе, о которомъ мы говоримъ, даетъ возмож-

ность опредѣлять эти различныя ступени, пройденныя народной поэзіей и не оставшіяся безъ вліянія на народность. Онѣ болѣе или менѣе замѣтны впрочемъ и безъ подробнаго изслѣдованія фактовъ.

Г. Буслаевъ постоянно разсматриваетъ нашу поэтическую народность стараго времени въ ея цѣлой массѣ, хранившейся болѣе или менѣе свѣжо народною памятью; онъ собираетъ въ своемъ изслѣдованіи подъ одну тему черты весьма различнаго времени, различнаго свойства и характера, черты изъ XI и XIX вѣка, изъ монашескаго поученія и обычая, изъ народной пѣсни и переводной апокрифической книги, — все равно. Это можетъ-быть отчасти справедливо въ томъ отношеніи, что разныя направленія народной поэзіи проникнуты въ извѣстную эпоху одними коренными понятіями, что одна и та же народная фантазія воспитываетъ и соединяетъ эти разнообразные поэтическіе элементы; но въ то же время это невѣрно на томъ основаніи, что самая поэзія имѣетъ свою исторію, періоды которой не похожи одинъ на другой, и народная фантазія мѣняется отъ историческихъ, то есть житейскихъ вліяній, она облагороживается или грубѣетъ, смотря по обстоятельствамъ: археологія можетъ отыскать единство сюжета въ старыхъ и позднѣйшихъ ея представленіяхъ, но характеръ представленій уже мѣняется и ихъ ближайшій, реальный смыслъ бываетъ совершенно иной. Одинъ и тотъ же типъ Зевса или Аполлона выражался и въ великолѣпныхъ произведеніяхъ цвѣтущаго искусства и въ грубыхъ подражаніяхъ временъ упадка. Народная поэзія также имѣетъ свое счастливое время и свои границы: отъ времени и обстоятельствъ она забывается и вымираетъ. Для народа приходятъ эпохи, когда поэтическое преданье теряетъ силу и держится только по привычкѣ, когда народное творчество видимо ослабѣваетъ и не можетъ даже просто сберечь старую поэзію. Такой упадокъ творчества и исчезновеніе поэзіи иногда очень легко объясняются внѣшней исторической судьбой народа. У чеховъ въ настоящее время окончательно исчезъ въ народѣ старинный національный эпосъ, который въ XIII и XIV столѣтіяхъ способенъ былъ произвести превосходныя пѣсни Краледворской рукописи. У сербовъ, дѣятельная и энергическая защита племенной самобытности сберегла не только героевъ старой эпопеи, но и богатую струю народнаго творчества, которая до сихъ поръ одушевляетъ народныхъ пѣвцовъ. Въ Малороссіи почти не осталось и слѣдовъ Владимірова цикла, но вѣроятно потому, что позднѣе, во времена бурныхъ козацкихъ войнъ, явились новыя пѣсни о болѣе дорогихъ народу герояхъ XVI и XVII вѣка. Великорусскій народъ сберегъ древнѣйшія воспоминанія, но потерялъ уже старинную свободу творчества; народъ перестаетъ сочинять пѣсни или нескладно сочиняетъ ихъ на но-

вый ладъ: таковы современныя намъ мѣщанскія и солдатскія пѣсни, отъ которыхъ съ пренебреженіемъ отворачиваются аматеры народной поэзіи. Итакъ, если нѣтъ никакого сомнѣнія въ этомъ упадкѣ творчества, то есть поэтической силы и впечатлительности въ ихъ прежнемъ тонѣ, то несомнѣнно и то, что матеріалъ, уцѣлѣвшій отъ старины, уже не имѣетъ для народа прежней осязательной красоты, прежней обаятельной силы впечатлѣнія. Для исторической вѣрности необходимо уловить эту разницу и указать, отчего и гдѣ начинается паденіе: съ этого начинается уже иной періодъ, съ иными условіями.

Впрочемъ, народъ еще удерживаетъ при этомъ много старыхъ пріемовъ пѣсни и поэтическихъ оборотовъ, но они дѣлаются чисто внѣшнимъ украшеніемъ. И дѣло на томъ не останавливается: если поэтическая форма пропадаетъ или замираетъ, не находя сознательнаго пониманія, это значитъ только, что нѣчто подобное совершилось и въ самомъ содержаніи поэтическихъ представленій, которыя находились въ народномъ обращеніи и составляли идеальную сторону народной жизни. Дѣйствительно, пропадала и эта идеальная сторона. Первое введеніе христіанства уже сильно подѣйствовало на народные обычаи, и многое изъ нихъ затерялось совершенно. Впослѣдствіи, тоже продолжается въ періодъ двоевѣрія: послѣ первой, еще наивной и поэтической поры начинаетъ открываться какой-то новый порядокъ вещей, за которымъ яснѣе и яснѣе обнаруживаются признаки упадка. Конецъ древней Руси былъ этой критической эпохой: обычаи начинаютъ превращаться въ безсознательныя формулы; обрядность, такъ ярко обставлявшая древнюю жизнь, уже дѣлается чѣмъ-то похожимъ на китайскія церемоніи; поэтическое вѣрованье начинаетъ переходить въ темное, фанатическое суевѣрье.

Г. Буслаевъ не могъ конечно не замѣтить этой стороны древней русской жизни и ея поэзіи; она слишкомъ бросается въ глаза. Но онъ едва ли не слишкомъ мало отдалъ себѣ отчета въ историческомъ смыслѣ этого явленія. Отмѣтивъ въ древней поэзіи господствующее смѣшеніе христіанскихъ понятій со старыми языческими представленіями, г. Буслаевъ продолжаетъ:

«Не надобно думать, чтобъ это смутное пониманье христіанскихъ идей было достояніемъ одной только Руси; оно господствовало въ средніе вѣка и на западѣ, но при другихъ условіяхъ принимало другой характеръ и вело къ другимъ результатамъ.

«Отличительною чертою этого смутнаго состоянія духа было суевѣрное убѣжденіе въ какую-то чарующую, сверхъестественную силу, которая ежеминутно, въ быту житейскомъ, въ томъ или другомъ болѣе

важномъ случаѣ жизни, можетъ внезапно оказать свое необычайное дѣйствіе. Въ періодъ эпической жизни народа это убѣжденіе выразилось въ *чудесномъ*, какъ основной пружинѣ всего народнаго эпоса. Пока миѳологія народная не была остановлена въ своемъ развитіи благотворными успѣхами христіанскаго просвѣщенія, это суевѣрное чудесное находило себѣ свободный исходъ въ эпическомъ творчествѣ. Но потомъ, захваченная христіанствомъ врасплохъ, народная фантазія, не очищенная отъ языческихъ представленій, и запуганная ими, уже какъ наважденіемъ дьявольскимъ, но все же какъ отъ родной старины не отказавшаяся отъ нихъ, естественно должна была сойти съ своего свободнаго творческаго поприща, и такъ сказать сжаться въ болѣе тѣсномъ кругу цѣлаго ряда мелкихъ суевѣрій, которыя однако тѣмъ не менѣе обнимали и доселѣ въ простомъ народѣ объемлютъ всю жизнь, всѣ крупныя и мелкія явленія ея.

«Народное *суевѣріе* есть одинъ изъ существенныхъ видовъ поэзіи, перешедшій въ жизнь и съ нею слившійся. Потому, несмотря на свою фантастическую основу, суевѣріе важно для народа своею практическою примѣнимостію въ дѣлахъ житейскихъ. Это неразрывное сочетаніе поэзіи съ жизнію, низводящее художественныя и религіозныя идеи до примѣненія въ быту дѣйствительномъ, и постоянно возносящее этотъ послѣдній въ міръ идей, во всей силѣ господствовало въ ту эпоху, когда фантазія народа беспрепятственно предавалась эпическому творчеству, слабые слѣды котораго остались въ народныхъ суевѣріяхъ» (т. 2, стр. 31—32).

Для г. Буслаева суевѣрье дорого своей поэтической внѣшностью; онъ наблюдаетъ въ немъ чисто поэтическій процессъ и остается при совершенно отвлеченномъ взглядѣ. Но попробуйте перевести слова его на болѣе практическій языкъ и вы получите въ результатъ, что вся эта жизнь, такъ богатая *суевѣріемъ*, — другими словами,—съ начала до конца была опутана фантастическими пугалами: что человѣкъ дѣлался рабомъ призраковъ, созданныхъ его собственнымъ воображеніемъ; что онъ отказывался отъ свободной воли и отдавался подъ надзоръ и опеку. Г. Буслаевъ утверждаетъ, что для стариннаго человѣка «обаятельна была поэзія» памятниковъ, черезъ которые размножалось въ народѣ это суевѣріе; конечно, бывало иногда, особенно сначала, что подобныя вещи дѣйствовали на читателя своими поэтическими образами, но къ сожалѣнію, это вовсе не было исключительнымъ качествомъ стариннаго суевѣрія. Кромѣ фантазіи, суевѣріе дѣйствуетъ и на нравственную сторону человѣка; оно запугиваетъ его, лишаетъ его нравственной энергіи и дѣлаетъ изъ него трусливаго фаталиста. Вспомнимъ тѣ ужасные, отвратительные образы, которые представляетъ авторъ «Соломоніи», одной изъ повѣстей, изданныхъ г. Костомаровымъ: здѣсь уже кончается поэзія, и фантазія писателя интересна уже въ патологическомъ,

а не въ литературномъ отношеніи. Въ этомъ смыслѣ древняя поэзія наша, которой такъ восхищается г. Буслаевъ, очень часто оказывала весьма плохія услуги народному развитію.

Если г. Буслаевъ видѣлъ всю глубину суевѣрія, охватившаго древнюю жизнь и поэзію, то изслѣдованіе этого суевѣрія должно бы стать для него однимъ изъ первыхъ вопросовъ: имъ опредѣляется все культурное значеніе древней поэзіи, т. е. ея главное значеніе. Изучать одни поэтическія формы, разбирать одни художественныя черты,—словомъ, заниматься искусствомъ для искусства, можетъ быть очень пріятно и интересно въ эстетическомъ отношеніи, но очень недостаточно для историческаго рѣшенія. Если онъ на одну сторону ставитъ поэтическое богатство старины, и съ нѣкоторою гордостью выставляетъ художественные образы, созданные народной фантазіей, то на другой сторонѣ является масса темнаго суевѣрія, которое тяжелымъ пластомъ легло на народномъ воображеніи и положительно вредило всякому самобытному движенію его ума и нравственной силы. Мы увидимъ культурное значеніе русской поэзіи только тогда, когда рѣшимъ, которая изъ двухъ сторонъ перевѣшивала во вліяніи на практическую дѣйствительность народа, — потому что сущность въ ней и заключается. Въ исторіи народности поэтическія созданія составляютъ дѣйствительную заслугу только въ той степени, на сколько они подвинули впередъ сознаніе: мы уменьшимъ историческую цѣну этой поэзіи, если она была только путами развитія и отдадимъ преимущество тѣмъ историческимъ явленіямъ, которыя освобождали народъ отъ этихъ помѣхъ и вводили его на свободную дорогу. Мы осудимъ и тѣ мутные источники, изъ которыхъ питалась эта поэзія и которымъ она больше или меньше обязана своими качествами.

Г. Буслаевъ справедливо замѣчаетъ, что это суевѣріе и смутное пониманье христіанства существовало и на западѣ, но при другихъ условіяхъ приняло тамъ другое направленіе. Въ самомъ дѣлѣ, сходство двоевѣрія, одинаково извѣстнаго востоку и западу, далеко нейдетъ; оно кончается при первомъ развитіи западныхъ литературъ, освободившемъ ихъ отъ нелѣпаго суевѣрія. Въ западномъ обществѣ и литературѣ очень рано подымались рѣзкіе голоса противъ притязаній клериковъ и противъ вздорнаго суевѣрія, которое черезъ ихъ руки распространялось въ народѣ. Болѣе образованные классы скоро освободились отъ кучи этихъ предразсудковъ, и это было одной изъ первыхъ побѣдъ новаго образованія, первой дорогой въ дремучемъ лѣсу.

У насъ эта дорога почти не прокладывалась. Люди, возстававшіе у насъ противъ суевѣрія и «отреченныхъ» книгъ, сами не были

отъ нихъ свободны; читая ихъ нападки, легко видѣть, что за ихъ филиппиками скрывается образъ мыслей, въ сущности очень сходный съ понятіями тѣхъ, кого они обличаютъ. Такимъ образомъ, древняя Русь представляла круговую поруку суевѣрія, выходъ изъ котораго былъ очень труденъ. Противъ «отреченной» книги выставляли другую книгу, которая понималась тѣмъ же суевѣрнымъ образомъ. Иностранцамъ, пріѣзжавшимъ въ Россію, очень скоро бросалось въ глаза это суевѣріе, распространенное во всѣхъ классахъ съ одинаковой силою; иностранцы, конечно, хорошо были знакомы и съ своимъ суевѣріемъ, еще господствовавшимъ въ Европѣ въ удивительныхъ размѣрахъ; но русская жизнь, не смотря на то, поражала их множествомъ нелѣпыхъ убѣжденій и предразсудковъ.

Подобное состояніе понятій знакомо всѣмъ народамъ; вездѣ первобытныя эпохи народности пропитаны были суевѣрными воззрѣніями, которыя не только не останавливали поэтическаго развитія, но доставляли ему богатый матеріалъ. И греческая миѳологія очень долго жила въ литературѣ и въ искусствѣ; но въ позднѣйшую развитую эпоху она была возможна только потому, что греческіе боги сдѣлались свободнымъ поэтическимъ образомъ, въ которомъ способны были выразиться болѣе разумныя религіозныя идеи. Въ искусствѣ божества миѳологіи могли тогда существовать только потому, что сдѣлались разумными типами человѣческой красоты. Литература, имѣющая внутреннюю способность развитія, не можетъ оставаться на прежней почвѣ суевѣрныхъ воззрѣній и покидаетъ ее рано или поздно. Какъ бы ни произошелъ разрывъ литературы съ этими старыми началами, вдругъ или постепенно, онъ неизбѣженъ, и во всякомъ случаѣ неизбѣженъ рѣзкій контрастъ между сознательнымъ движеніемъ мысли и безсознательнымъ вѣрованьемъ и суевѣрнымъ страхомъ стараго времени. Г. Буслаеву этотъ разрывъ кажется «печальнымъ», вѣроятно на томъ же основаніи, по которому другіе любители старины сожалѣютъ, что никакое преданье не связываетъ древней литературы съ новой, что послѣдняя совершенно *отказывается* отъ своихъ древнихъ идеаловъ и вслѣдствіе того перестала быть русской и національной. Какова бы ни была новѣйшая литература, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что у нея не было и нѣтъ тѣсной связи съ древней только потому, что древнія формы слишкомъ задеревенѣли и не способны были принять новаго содержанія, такъ, какъ это было въ западныхъ литературахъ, гдѣ развитіе не остановилось на такой ограниченной односторонности, какова была наша. Если этотъ разрывъ «печаленъ», то сожалѣніе должно относиться не къ литературѣ новаго времени, будто бы поте-

равшей народныя свойства, а къ одной старинѣ, которой горизонтъ былъ такъ узокъ, что не давалъ видѣть ничего новаго.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что недостаточно опредѣлить всю старинную поэзію однимъ принципомъ двоевѣрія, принять этотъ принципъ за коренное народное воззрѣніе и потомъ изучать только одни художественныя формы и поэтическія подробности. Принявши это двоевѣріе за принципъ, г. Буслаевъ впадаетъ въ рѣшительно одностороннее объясненіе фактовъ; онъ безусловно защищаетъ византійское вліяніе, какъ источникъ поэзіи Патериковъ и Лимонисовъ, но отдавъ себѣ отчета въ другой сторонѣ его, въ его вліяніи на общественные нравы и понятія. Забывая послѣднее, онъ забываетъ весьма важный моментъ, который кладетъ по нашему мнѣнію рѣзкое различіе между древнею Русью и Россіей XVII вѣка, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ эпоху и въ исторіи поэзіи. Мы уже замѣчали, что принимая одинъ длинный; сплошной періодъ двоевѣрія, г. Буслаевъ смѣшиваетъ разные, вѣка, очень не похожіе другъ на друга. Вѣка не проходили даромъ для Руси и въ ея поэтическихъ представленіяхъ: все, что накопилось до XVI — XVII столѣтія отъ Византіи, отъ татарскаго ига, отъ московскаго царства, — все это до такой степени измѣняло народный характеръ, что человѣкъ XVII-го столѣтія вовсе не походилъ на древняго русскаго человѣка, сколько ни толкуютъ о томъ, что онъ вѣрно сберегалъ преданья, хранилъ священную старину и т. д. Въ подтвержденіе этого достаточно припомнить взглядъ народа на его собственную народную особность. Извѣстно, какъ исключителенъ былъ этотъ взглядъ въ позднѣйшее время старой Россіи: національная нетерпимость доходила до крайняго предѣла, почти до китайства; русскій человѣкъ не ѣздилъ въ чужія страны, кромѣ развѣ Аѳона; западный человѣкъ былъ нехристемъ и латынникомъ, зараженнымъ аполлинаріевой ересью; вѣрили, что «та земля не долго стоитъ», которая измѣнитъ свой обычай, и крѣпко за него держались, и съ недовѣріемъ смотрѣли на иностранцевъ, отъ которыхъ могла идти одна «прелесть» (въ дурномъ смыслѣ) и пагуба. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что древнѣйшая Русь не имѣла подобной исключительности, хотя примѣръ Владиміра, выбиравшаго религію для своего народа, ясно доказываетъ, что національное сознаніе было очень твердо. У насъ еще мало оцѣнена эта историческая разница понятій. Мы знаемъ изъ случайныхъ указаній лѣтописи, что русскіе князья нерѣдко женились на чужихъ принцессахъ и не боялись отдавать дочерей своихъ за иностранныхъ принцевъ не только близкихъ, но и дальнихъ, до самой Франціи; одинъ князь знаетъ пять языковъ и научился имъ конечно не изъ одного дилеттантизма; пѣвецъ другаго князя, Игоря, знаетъ, и гордится, что

слава его героя дошла до нѣмцевъ и венеціанъ. Однимъ словомъ, мы встрѣчаемъ въ древности нашей совершенно другія понятія: русскій не только не чуждается иныхъ народовъ, но ведетъ съ ними знакомство; у него нѣтъ еще ни боязни къ иноземцу, ни ненависти къ чужой вѣрѣ, ни страха за свои обычаи, — что явилось у него впослѣдствіи. Народъ уже издавна, безъ сомнѣнія съ первыхъ христіанскихъ временъ, назвалъ себя *святой* Русью, но какая разница въ пониманіи этого одного слова прежде и въ позднѣйшее время. Эпитетомъ *святой* Руси весьма поэтически выразилось сознаніе народа, въ первый разъ принявшаго христіанство и оцѣнившаго достоинства новой религіи. Впослѣдствіи, когда многое затемнилось въ народныхъ понятіяхъ, это самое выраженіе получило грубый, буквальный смыслъ, какого безъ сомнѣнія не имѣло прежде. Въ переводѣ съ поэтическаго языка на языкъ жизни, оно значило уже, что всѣ остальные народы,—не русскіе и неправославные,—были не святые, съ которыми русскій не имѣетъ и не долженъ имѣть ничего общаго. Это и дѣйствительно такъ думалось: другіе народы были поганые и нехристи; «басурманъ» стало ихъ общимъ названіемъ; водиться съ ними нельзя было не осквернившись. Каждому, кто занимался нѣсколько русской стариной, не трудно припомнить много фактовъ въ подтвержденіе нашихъ словъ; для спеціалистовъ мы укажемъ только одинъ примѣръ, поразительный по своей нелѣпости, у одного изъ лучшихъ писателей русской старины, Максима Грека, въ словѣ «на общую прелесть» и проч. (ср. Опис. синод. рук. 3,526). Это — геркулесовы столбы въ своемъ родѣ.

Признавши такое явленіе, не трудно разобрать новыя черты, вошедшія въ характеръ русскаго народа, и, кажется намъ, не трудно доискаться, откуда могла зайти эта исключительная народность, эта гордость невѣжества и презрѣніе ко всему иноземному, эта нетерпимость въ дѣлѣ вѣры,—откуда, или съ чьей помощью по крайней мѣрѣ, явилось множество мелкихъ суевѣрій, проникшихъ цѣлый бытъ народа и ведущихся до сихъ поръ. Къ сожалѣнію, г. Буслаевъ не обратилъ вниманія на этотъ вопросъ, существенно важный въ нашихъ глазахъ, — хотя у него не было бы недостатка въ средствахъ для его разрѣшенія. Упомянутыя черты русской народности значительно объясняются при внимательномъ чтеніи той литературы, которая шла къ намъ изъ Византіи и которую такъ защищаетъ г. Буслаевъ съ поэтической стороны.

Въ самой литературной дѣятельности точно также совершилось измѣненіе, которое можно наблюдать въ нравахъ и понятіяхъ, и оно опять мало оттѣнено у г. Буслаева. Онъ беретъ обыкновенно всю массу поэтическаго матеріала и объясняетъ его такъ-сказать по сю-

жетамъ, не опредѣляя цѣлаго историческаго движенія литературы. Мы уже замѣчали, что самое крупное явленіе въ немъ, именно двоевѣрная поэзія, имѣла свои періоды, которые можно еще услѣдить по оставшимся памятникамъ. Двоевѣріе застало въ полномъ развитіи нашъ богатырскій эпосъ, остатки котораго уцѣлѣли въ пѣсняхъ о Владимірѣ. Коренная поэзія была еще очень сильна, когда въ литературѣ, порожденной христіанствомъ и Византіей, могло явиться произведеніе, подобное слову о «Полку Игоревѣ», т. е. эпосъ книжный, но еще богатый народной поэзіей и языческими воспоминаніями. Хотя «Слово» было уже памятникомъ двоевѣрнымъ, но въ немъ еще нѣтъ собственно византійскихъ элементовъ. Уже нѣсколько позднѣе начало дѣйствовать вліяніе византійскихъ памятниковъ, которые такъ пригодны были русской народности по мнѣнію г. Буслаева. Когда новое вліяніе съ теченіемъ времени вошло глубже, изъ него выросла уже иная поэзія, — это была обширная литература легенды. Разбирая сказанія о св. Меркуріи смоленскомъ, о Петрѣ муромскомъ, объ ордынскомъ царевичѣ въ Ростовѣ и т. д., г. Буслаевъ приходитъ къ заключенію, что церковная литература такъ была богата народнымъ поэтическимъ характеромъ, что ей необходимо дать мѣсто въ исторіи русской поэзіи, и что несправедливо находить въ древней Руси недостатокъ поэтическаго развитія: въ доказательство онъ ссылается на массу легендъ и красоты ихъ. Г. Буслаевъ утверждаетъ, что кромѣ того, эта литература, съ точки зрѣнія двоевѣрія, совершенно соотвѣтствовала поэтическимъ потребностямъ и понятіямъ древней Руси, — но мы прибавимъ, что она отвѣчала имъ уже въ то только время, когда этотъ разрядъ произведеній успѣлъ насильственно вытѣснить прежнюю, болѣе народную и свободную поэзію стариннаго эпоса. Возвышая литературное вліяніе византійскихъ источниковъ, г. Буслаевъ положительно не правъ тѣмъ, что забываетъ другое ихъ вліяніе, дѣйствовавшее на нравы и общественныя понятія народа. Литературное вліяніе вообще нельзя понимать отдѣльно, какъ что-то независимое отъ другихъ сторонъ народной мысли; если оно дѣйствуетъ уже очень замѣтно, это значитъ, что въ понятіяхъ произошла перемѣна. Такую нравственную перемѣну произвело въ древней Руси и византійское вліяніе, котораго истинная оцѣнка, во всемъ объемѣ его дѣйствія, опредѣлитъ иначе и литературную услугу Византіи, такъ высоко поставленную г. Буслаевымъ. Возвращаясь къ литературному вопросу, мы увидимъ именно, что въ то время, когда это вліяніе было еще слабо, народный эпосъ могъ сложиться въ прекрасную и свѣжую поэму, какъ «Слово», и что впослѣдствіи оно было уже невозможно. Что переходъ отъ этого кореннаго эпоса къ

позднѣйшей легендарной поэзіи былъ именно насильственный, можно догадываться потому, что народъ; несмотря на сильное развитіе ея, никогда не могъ забыть прежнихъ пѣсенъ о старинѣ, и сложилъ очень мало хорошихъ пѣсенъ изъ того новаго матеріала, который дали ему книги. Нѣтъ сомнѣнія, что народность новой двоевѣрной поэзіи была только относительная,—и это очень естественно, потому что, хотя въ нее и входили иногда народные мотивы, въ сущности она всегда была произведеніемъ церковниковъ и монаховъ, отражала въ себѣ ихъ понятія и ихъ идеалы, и слѣдовательно не могла имѣть популярности свободныхъ произведеній самаго народа. Вообще, преобладаніе новой двоевѣрной поэзіи было не правильнымъ развитіемъ старыхъ элементовъ поэзіи, а упадкомъ ихъ; въ примѣненіи къ народности, крайнее господство новаго направленія было не естественнымъ ходомъ народности, а ея порчей и односторонностью: усовершенствованное суевѣріе конечно не есть прогрессъ. Любопытно наконецъ, что въ тоже время, когда былъ еще возможенъ старый эпосъ, съ XI до XIII—XIV столѣтія, въ нашей письменности появились чужіе памятники поэтическаго содержанія, ходившіе тогда и въ западной Европѣ и представлявшіе такую же героическую поэзію: литература южныхъ славянъ доставила намъ романъ объ «Александрѣ», «Троянскую исторію», «Повѣсть о Соломонѣ», «Исторію храбраго Девгенія» и т. д. Впослѣдствіи не продолжалась и эта свѣтская литература, къ ней не прибавилось уже ничего замѣчательнаго. Когда новая литература легенды и двоевѣрія утвердилась, господство ея было исключительное: она двигалась все въ одномъ направленіи, пока не дошла до физической невозможности идти дальше. Господство ея оканчивается съ реформой Петра Великаго.

Съ своей обыкновенной точки зрѣнія г. Буслаевъ защищаетъ и перешедшее къ намъ византійское искусство. Мы видѣли, что достоинства его г. Буслаевъ видитъ въ томъ, что, во-первыхъ, оно передало древне-русскому художеству сбереженныя имъ античныя формы, и что, во-вторыхъ, въ своихъ обычныхъ типахъ оно обладало глубокой идеей и пришлось къ народнымъ поэтическимъ взглядамъ: если оно не развилось на Руси, виной тому была уже не Византія.

«Какъ бы ни понимали наши предки намеки на античную миѳологію, — говоритъ авторъ, — все же нельзя никоимъ образомъ отвергать того факта, что византійская письменность вносила въ древнюю Русь элементы европейскаго, классическаго образованія; и если эти элементы, будучи ограничены церковнымъ кругомъ, не получили у насъ встарину свѣтскаго и вообще народнаго развитія ни въ литера-

турѣ, ни въ искусствѣ; то конечно виною тому была не Византія, дававшая намъ литературныя и художественныя основы, а та невоздѣланная почва, на которую эти основы переносились» (т. 2, стр. 206).

Конечно нельзя винить Византію за то, что она дала эти основы, но мы затрудняемся видѣть въ этомъ особенную заслугу. Если на западѣ византійское искусство было матеріальнымъ началомъ, изъ котораго развилось потомъ итальянское искусство, то заслуга принадлежитъ конечно не Византіи, а той почвѣ, гдѣ развились слабые зачатки, данные Византіей. Итальянскіе художники, поднявшіе искусство, не были продолжателями византійскихъ учителей, а самостоятельными реформаторами; успѣхъ ихъ былъ возможенъ только потому, что они мало по малу высвободились и наконецъ отказались совсѣмъ отъ византійскаго преданья и самобытно воспользовались наслѣдіемъ своей классической старины, въ изученіи которой ихъ не руководили чужія наставленія. Византія, давшая первый матеріалъ итальянскому искусству, навсегда осталась съ одними зачатками, изъ которыхъ сама не могла развить ничего путнаго. Если она сама такъ мало развила свои античные матеріалы, то какая особенная заслуга съ ея стороны, что этотъ сырой матеріалъ она передала народу, который еще менѣе могъ имъ воспользоваться безъ чужой помощи. Живопись наша очень естественно должна была остаться на степени суздальской. Въ ней однако сохранились античныя формы, переданныя Византіей, и г. Буслаевъ увѣряетъ, что наши иконописцы XV вѣка будто бы *лучше понимали* античное искусство, чѣмъ образованные люди нашего времени. Говоря безъ эмфаза, они машинально переняли античныя формы у грековъ, и пониманіе его, по словамъ самого г. Буслаева, состояло въ томъ, что русскій живописецъ стараго времени, срисовывая византійскія копіи древнихъ типовъ, «безъ сомнѣнія понималъ, что онъ рисуетъ если не Аполлона, Діану, Нептуна, Эола, то по крайней мѣрѣ условныя и общепринятыя фигуры, подъ которыми для вразумленія своихъ читателей подписывалъ: солнце, мѣсяцъ, море, вѣтръ», и т. п. (стр. 206). Какъ далеко заходило иногда пониманіе стариннаго художника, можно видѣть изъ миньятюръ, описанныхъ г. Буслаевымъ, гдѣ напримѣръ текстъ: «языкъ ихъ прейде по земли», объясняется миньятюрой, на которой изображено: идутъ два человѣка съ высунутыми языками, которые почти волочатся по землѣ (стр. 203). Не слишкомъ ли г. Буслаевъ увлекается археологическимъ интересомъ русскихъ памятниковъ? Для археолога конечно чрезвычайно любопытно найти въ русской картинкѣ XV вѣка эмиляцію древняго художественнаго типа, узнать подъ ея грубыми формами античнаго Аполлона и Нептуна; но самъ по себѣ этотъ фактъ не

есть свидѣтельство за наше византійское искусство, которое, несмотря на античные типы, такъ напоминаетъ китайскую живопись своими фигурами, стоящими на воздухѣ, неизбѣжно обрядными позами, отсутствіемъ перспективы и бурымъ колоритомъ.

При всемъ сочувствіи къ древней живописи, г. Буслаевъ не согласенъ съ тѣми, которые желали бы возстановить ее, какъ настоящую русскую школу. Онъ считаетъ «нескромнымъ» желаніе облагороживать древне-русскія живописныя преданья, и думаетъ, что разумнымъ образомъ это желаніе должно ограничиться только введеніемъ правдоподобія, вѣрности природѣ, которой такъ постоянно противорѣчитъ русское искусство. Онъ признаетъ далѣе, что современная образованность потеряла религіозное вдохновеніе и забыла тѣ идеалы, во имя которыхъ возможно было «стремленіе къ чистой красотѣ благочестиваго религіознаго стиля».... Мы не совсѣмъ понимаемъ это нѣсколько темное опредѣленіе тѣхъ отношеній, которыя бы могли быть между старымъ и новымъ искусствомъ, но во всякомъ случаѣ г. Буслаевъ крѣпко стоитъ за идею старинаго искусства, изученіе котораго, по словамъ его, могло бы быть поучительно для современныхъ художниковъ. Г. Буслаевъ раздѣляетъ вообще симпатіи нынѣшнихъ дилеттантовъ и историковъ искусства къ старой итальянской школѣ и особенно къ Беато Анджелико. Этотъ знаменитый теперь флорентинецъ дѣйствительно былъ замѣчательнымъ явленіемъ для XV вѣка, но мы не находимъ особенно разумнымъ, чтобы новѣйшіе художники, которымъ рекомендуютъ для поученія старую живопись, пріобрѣли отъ него только подслащенный піэтизмъ и подарили насъ новой школой во вкусѣ Овербека.

Черезъ все изслѣдованіе г. Буслаева о древнемъ художествѣ и поэзіи проходитъ мысль, что произведенія ихъ важны и высоки именно тѣмъ, что были вполнѣ *народны*, что въ созданіи ихъ участвовали не одни отдѣльныя личности, а цѣлая масса: она создавала ихъ по своему общему разумѣнію; оттого они были для нея совершенно удовлетворительны; наконецъ, это было лучшее, что могъ придумать цѣлый народъ. Народные художественные типы, какъ картина Страшнаго Суда, обнимаютъ гораздо шире предметъ, чѣмъ личная фантазія даже великаго художника; эпическая поэзія есть самое общее и высокое выраженіе народныхъ идеаловъ, свободное отъ индивидуальныхъ ошибокъ и увлеченій; она правдива и нравственна, потому что создается по общему сознанію, которое исключаетъ изъ нея все невѣрное и ложное. Все это справедливо только до нѣкоторой степени, и было бы слишкомъ простодушно считать поэтическія представленія древняго народнаго эпоса палладіумомъ на-

родности, съ нарушеніемъ котораго она падаетъ. Народная поэзія и искусство могутъ существовать только въ извѣстныхъ предѣлахъ; переходъ отъ нихъ къ развитому, индивидуальному искусству и литературѣ странно было бы считать печальнымъ раздвоеніемъ, нарушающимъ гармонію общенародныхъ представленій, какъ склоненъ думать г. Буслаевъ и другіе историки нашей народности. Глубина идеи, которую, при всей слабости формы, г. Буслаевъ видитъ въ древнемъ искусствѣ, также весьма относительная: многосторонность его представленій могла явиться единственно оттого, что оно совершенно пренебрегало формой, вводило грубую условную символику, отъ которой откажется сколько нибудь развитое искусство, — что оно прибѣгало къ чисто механическимъ способамъ, соединяя нѣсколько картинъ вмѣстѣ, чтобы передать многосложный сюжетъ; древній художникъ просто надписывалъ имена, когда не могъ сдѣлать портрета. Очевидно, что эти наивныя формы не могли продолжаться, какъ только являлась мысль о какомъ нибудь усовершенствованіи искусства; но такъ какъ эти формы были народны или популярны, то бросая ихъ, искусство конечно удаляется отъ народа. Но это вовсе не лишаетъ его ни глубины, ни прежней универсальности идеи; болѣе разумными средствами оно достигаетъ не менѣе высокихъ цѣлей; и фантазія отдѣльнаго художника бываетъ столько же способна къ цѣльнымъ и обширнымъ созданіямъ универсальнаго характера, какъ въ «Станцахъ» Рафаэля и фрескахъ Каульбаха. Эпическая поэзія такимъ же образомъ могла удовлетворительно существовать для цѣлаго народа только въ то время, когда народъ еще не подымается выше уровня наивно-патріархальныхъ понятій. Народныя формы и ихъ содержаніе забываются, когда больше и больше личностей возвышается надъ этимъ уровнемъ; тогда же появляется и литература индивидуальныхъ произведеній, свободныхъ отъ воззрѣній массы и идущихъ дальше ея. Безъ этой причины народная поэзія не падаетъ: если она сохранилась до сихъ поръ въ полномъ цвѣтѣ у сербовъ, это случилось только отъ того, что народъ до сихъ поръ остается на той степени наивности, на которой былъ цѣлые вѣка передъ тѣмъ. Г. Буслаевъ, по своему влеченію къ древности, мало оцѣниваетъ это историческое отношеніе. Напримѣръ, онъ отдаетъ рѣшительное преимущество типамъ женщины, созданнымъ западнымъ эпосомъ, передъ тѣмъ пониманіемъ ея, которое выразилось въ лирикѣ провансальскихъ трубадуровъ. Любовь стала искусственна въ этой лирикѣ, по его словамъ; «служеніе дамѣ» дошло до неестественной сантиментальности и до пошлыхъ крайностей; — между тѣмъ какъ въ жизни порядокъ былъ самый грубый развратъ. Въ противоположность этому онъ выставляетъ наивную простоту эпо-

самихъ типовъ въ германскомъ эпосѣ, гдѣ было бы невозможно подобное извращеніе чувства и пониманія женщины. Ограничиваясь однимъ примѣромъ трубадуровъ, не трудно видѣть невѣрность этого сравненія. Если въ эпоху трубадуровъ общественные нравы представляли много темныхъ сторонъ, то это бывало вездѣ и всегда и ничего не доказываетъ; что же касается до поэзіи трубадуровъ, то несмотря на всѣ странныя и смѣшныя увлеченія нѣсколькихъ рыцарей, она представляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ исторіи общественныхъ правъ женщины: эта самая поэзія была голосомъ въ защиту женщины, и пониманіе женщины въ провансальской лирикѣ по своему принципу безъ сомнѣнія гораздо выше понятій предшествовавшей эпохи. Для убѣжденія въ этомъ достаточно вспомнить то отсутствіе женственности и грубый характеръ, съ которымъ рисуется женщина въ эпопеяхъ о Карлѣ Великомъ, болѣе раннихъ, чѣмъ трубадуры, и свободныхъ отъ вліянія ихъ лирики. «Служеніе дамѣ» было первымъ сознательнымъ шагомъ къ признанію за женщиной ея общественныхъ правъ. Мы не оспариваемъ красоты женскихъ типовъ, представленныхъ германскимъ эпосомъ, но вообще говоря—не признаемъ за народной поэзіей такого безусловнаго превосходства въ пониманіи и изображеніи женщины, какое видитъ въ ней г. Буслаевъ, — особенно, когда народная поэзія сама измѣняетъ себѣ въ этомъ отношеніи. Въ изображеніяхъ женщины нашимъ народнымъ эпосомъ г. Буслаевъ не могъ не различить двухъ періодовъ, не похожихъ одинъ на другой. Въ одномъ, женщина отличается характеромъ величавымъ и такъ-сказать героическимъ, какъ жена Дуная Ивановича, жена боярина Ставра и другія: онѣ неустрашимы и даже воинственны; въ нихъ отзывается еще бытъ, воспитанный природой и патріархальный. Въ другомъ, женщина является въ тѣхъ непривлекательныхъ чертахъ, съ какими является напримѣръ княгиня Апраксѣевна, не знающая скромности даже за почестнымъ столомъ князя Владиміра; женщина не имѣетъ здѣсь никакихъ героическихъ доблестей и отличается отсутствіемъ стыдливости. Оба типа одинаково развиты въ нашемъ народномъ эпосѣ, который слѣдовательно самъ не выдерживаетъ чистоты стариннаго представленія. Г. Буслаевъ думаетъ, что на этомъ извращенномъ типѣ оказалось вліяніе дикихъ понятій о женщинѣ, развитыхъ нашими старыми грамотниками; но скорѣе причину испорченности надобно искать въ самомъ бытѣ народа, страдавшемъ въ позднюю эпоху многими мрачными явленіями — слѣдствіемъ сбитаго въ сторону развитія. Грамотники дѣйствовали только на грамотныхъ людей, а пѣсня складывалась скорѣе въ безграмотной массѣ. Такимъ образомъ самый эпосъ перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ прежде, и его свѣтлые и

нравственные идеалы затемняются эпохами испорченности и упадка, — нѣтъ слѣдовательно спасенія и въ его поэтической области, и тѣмъ естественнѣе разрывъ эпоса съ литературой искуственной, которая покидаетъ его дорогу, потому что его культурное значеніе уже оканчивается. Въ искуственной литературѣ начинаетъ господствовать личность писателя и поэта; она перестаетъ быть популярной по тому неизбѣжному условію, что въ отдѣльныхъ личностяхъ развитіе совершается быстрѣе и они больше и больше отдѣляются отъ массы. Въ тоже время литература получаетъ болѣе сложныя формы, находитъ новыя задачи, новыя средства и наконецъ новый условный языкъ, который явился въ ней такъ же необходимо, какъ ея сущность. Наивное, безсознательное выраженіе въ поэзіи цѣлыхъ массъ замѣняется такъ-называемой «рефлексіей», которая съ иной точки зрѣнія смотритъ на дѣйствительность: *для нея* уже невозможно спокойное эпическое созерцаніе. При этомъ измѣненіи характера литературы странно было бы сожалѣть, что *личность* врывается во всенародныя созданія и нарушаетъ ихъ высокую идею. Мы не думаемъ, чтобы г. Буслаевъ, при всей привязанности къ народному искусству для искусства, согласился на жертвоприношеніе личностью.

Замѣчаніе г. Буслаева объ упадкѣ женскихъ типовъ въ самомъ эпосѣ — приводитъ насъ къ заключенію, сдѣланному нами прежде. Это замѣчаніе будетъ столько же справедливо, если мы распространимъ его на весь объемъ народнаго эпоса. Мало по малу въ народномъ эпосѣ нашей старины совершается коренное измѣненіе: старинная идея его больше и больше забывается, герои теряютъ смыслъ съ удаленіемъ отъ времени ихъ подвиговъ, чистота воззрѣній падаетъ подъ разрушительнымъ вліяніемъ позднѣйшаго быта, поэтическое вѣрованье дѣлается тупымъ предразсудкомъ, наконецъ ослабѣваетъ самая творческая способность. Причины этого перерожденія заключались не въ книжномъ вліяніи и испорченности грамотниковъ, а въ самомъ народѣ. Чтобы дать исторію его поэзіи, т. е. поэтическихъ отголосковъ его собственной внутренней исторіи, недостаточно собрать отдѣльныя картины, созданныя въ разное время его фантазіей: мы успѣемъ съ помощью археологическаго изученія реставрировать многія изъ этихъ картинъ и, собравши ихъ лучшія черты, поймемъ, что нѣкогда онѣ были въ своемъ родѣ красивы, и только. Но впереди остается еще вопросъ: почему измѣнился подъ конецъ характеръ народныхъ представленій, отъ какихъ вліяній они впали въ одностороннность, которая отличаетъ ихъ позднѣйшую эпоху, отчего древняя наивность смѣняется невѣжествомъ и свободное чувство фанатизмомъ? Исторія поэзіи должна распредѣлить и

самые памятники по ихъ внутреннимъ качествамъ и по ихъ отношенію къ народной исторіи; — иначе, въ общемъ указателѣ, въ которомъ передаетъ г. Буслаевъ красоты древней поэзіи, смѣшиваются всѣ вѣка и обстоятельства и съ трудомъ отъискивается историческій результатъ. Между тѣмъ исторически существенно важно знать, что въ этомъ собраніи свѣтлыхъ и мрачныхъ сторонъ русской народности было ея кореннымъ свойствомъ, что явилось отъ чужаго вліянія или собственной слабости, что въ нихъ стоитъ памяти и уваженія, или не имѣетъ на то права, какъ явленіе ненормальное.

Подобное разысканіе было бы чрезвычайно любопытно для рѣшенія того историческаго недоумѣнія, которое до сихъ поръ различно толкуется людьми разныхъ историческихъ школъ, именно, въ какомъ отношеніи къ народности стоитъ Петровская реформа и какъ слѣдуетъ понимать отношеніе нашей современности къ кореннымъ основамъ народнаго характера. Въ этомъ, XVI-е и XVII-е столѣтія играютъ особенно важную роль, опредѣленіе которой объяснитъ многое и въ древней и въ новой Россіи: для первой это было время результатовъ, когда сводилось въ цѣлую систему все содержаніе древней Руси; для новой — это былъ исходный пунктъ, опредѣлявшій первые шаги новой исторіи. Въ семнадцатомъ вѣкѣ старая Русь окончательно утверждала свои формы: въ государственномъ отношеніи московское единодержавное царство смѣнило древнюю федерацію и вѣчевое устройство; крѣпостное право остановило вольную и бродячую жизнь народа; общественные нравы передѣлались подъ новые порядки; народныя понятія замыкались въ опредѣленную среду, выходъ изъ которой сталъ расколомъ или ересью; поэтическія представленія становились предразсудкомъ и затемнялись страхомъ бѣсовской силы, — испорченное воображеніе народа вызывало толпы знахарей, кликушъ и юродивыхъ. Для свободной поэтической дѣятельности уже не достаетъ почвы: за героемъ «Горя-Злочастія» затворяются монастырскія двери. Лучшія пѣсни, которыя создалъ народъ въ это время, относятся къ Стенькѣ-Разину, — изъ всего московскаго періода это едва ли не самое живое лицо, къ которому послѣ долгаго промежутка народъ обратилъ поэтическій интересъ. Древній эпосъ или искажался новыми передѣлками или пропадалъ вовсе. Народность вообще является съ такими аттрибутами, которыхъ въ древности не имѣла; они являются въ ней какъ что-то чужое, пріобрѣтенное, отъ котораго она могла бы освободиться, какъ прежде могла безъ него обойтись.

Эта историческая перспектива часто ускользаетъ отъ нашихъ археологовъ и любителей старины. Они вслѣдствіе того создавали

себѣ иной образъ древней Руси, въ которомъ возстановлялись лучшія наивныя стороны того времени; воображеніе ихъ, прельщаясь собственнымъ произведеніемъ, забѣгало впередъ и они думали о возсозданіи старины, чтобы поправить новую исторію, въ которой исказилась будто бы чистота старой народности. Въ этой старой народности они видятъ высокое значеніе; двоевѣрная, смутная поэзія прежняго времени представляется имъ полнѣйшимъ выраженіемъ народа, проникнутымъ совершенно развитыми христіанскими и гуманными понятіями, и они возвращаются къ ея идеямъ для очищенія русской народности отъ западныхъ примѣсей. Увлеченія этого рода въ наше время нерѣдко овладѣваютъ людьми, которыхъ одушевляетъ глубокая симпатія къ современному народу, и такъ какъ характеръ его нравственнаго состоянія своими корнями восходитъ къ Руси семнадцатаго вѣка, то имъ кажется необходимымъ для дѣла народа искать поддержки въ возсозданіи старины. Г. Буслаевъ соглашается въ фальшивости этихъ археологическихъ затѣй; онъ утверждаетъ, что сама народная поэзія, заимствовавъ отъ старины только силу и свѣжесть и не вдаваясь въ расколъ и старовѣрство, оказала живое сочувствіе къ преобразованіямъ Петра Великаго, воспѣвъ его во многихъ пѣсняхъ. Мы совершенно соглашаемся съ слѣдующими словами г. Буслаева, въ которыхъ онъ опредѣляетъ новое положеніе народной поэзіи и ея отношеніе къ современной литературѣ.

«Еще до преобразованій Петра Великаго введеніе и распространеніе силлабическихъ виршъ, въ изобиліи встрѣчаемыхъ въ сборникахъ XVII столѣтія, нанесло ударъ народной поэзіи. Впослѣдствіи ее совсѣмъ забыли. Въ настоящее время народнымъ эпическимъ произведеніямъ дать прежнее значеніе въ жизни уже нельзя: кто же теперь серьёзно станетъ воспѣвать какую нибудь красавицу подъ наивнымъ образомъ перепелочки, или изображать хитрую женщину въ образѣ вѣдьмы, превратившейся въ сороку? Поэтическія примѣты съ удобствомъ замѣнились астрономическими и метеорологическими вычисленіями; наговоры и чарованія стали антикварною рѣдкостью. Правда, что наша жизнь утратила прежнюю свѣжесть и простоту эпическаго періода, за то просвѣщеніе взяло окончательный верхъ надъ суевѣріями, столько вѣковъ державшимися въ старинной поэзіи наклонностью народной фантазіи къ языческому чудесному. Наивная мечтательность и въ наше время можетъ строить трогательныя идилліи на стихотвореніяхъ Кирши Данилова; но надобно же наконецъ признаться, что вѣкъ творчества, непосредственно вытекающаго изъ источника народной поэзіи, уже прошелъ.... Будемъ же покамѣсть (?) прилежно изучать народную поэзію, не мудрствуя, и, не налагая на нее нашихъ собственныхъ выдумокъ, наслаждаться въ ней только тѣмъ, что она можетъ дать» (Т. I, стр. 547).

Мы прибавили бы къ этому, что точно также, какъ прошло время народной поэзіи, такъ прошло оно и для другихъ направленій народной мысли; если есть уже симптомы, что они также кончаются, безполезно будетъ подогрѣвать ихъ искуственными средствами. Г. Буслаевъ самъ однако вовсе не свободенъ отъ тѣхъ пристрастій къ старинѣ, которыя мы указывали: онъ находитъ, напримѣръ, что старинныя «толковыя» книги съ картинками могли бы еще быть очень популярны и въ наше время (Т. 2, стр. 213), — но стоитъ ли возвращать ихъ народу, вотъ вопросъ. Мы думаемъ, что не стоитъ. Старинная борода также нашла защитника въ г. Буслаевѣ: мы ничего противъ этого не имѣемъ, и сами готовы были бы защищать ее, но только не въ качествѣ стариннаго «иконописнаго подобія», которое такъ цѣнитъ въ ней г. Буслаевъ, а просто какъ весьма естественную принадлежность мужескаго лица. Но возвращеніе старыхъ книгъ есть уже дѣло серьёзное; отъ него уже недалека дорога къ вредному старовѣрству. Если въ народѣ падаетъ его старинная поэзія, или, другими словами, если для него становятся неудовлетворительны его прежніе поэтическіе идеалы, значитъ—народъ требуетъ другой нравственной пищи: литература и общество, на которыхъ ложится обязанность взять на себя его дѣло, должны дать ему пищу здоровую, безо всѣхъ тѣхъ приправъ, которыя отъ времени выдохлись и безполезны. Вмѣсто фантастическихъ образовъ и понятій, народу нужны простыя, сознательныя мысли: вмѣсто улучшеннаго Кирши Данилова и Голубиной книги ему нужна понятная исторія и географія, вмѣсто какой нибудь старой «Толковой» книжицы для него полезнѣе будетъ новая толковая книга для чтенія. Искусственная археологія, пущенная въ народъ, можетъ быть истиннымъ вредомъ для него, когда есть средства дать его мысли болѣе положительное содержаніе,—особенно если эта археологія теряетъ свой авторитетъ и въ его глазахъ.

У насъ все еще стараются подобными путями поправлять петровскую исключительность и реформу :- это одно изъ тѣхъ историческихъ недоразумѣній, которое давно бы пора понять въ его простомъ практическомъ смыслѣ. Каковы бы ни были средства и цѣли реформы, она имѣла ту существенную заслугу въ отношеніи къ народности или къ народу, что впервые принесла — съ намѣреніемъ, или нѣтъ, все равно — начало яснаго общественнаго сознанія. Она могла даже и не имѣть такой цѣли, но результаты были таковы, и имъ нельзя не дать высокой исторической цѣны. Древняя Русь жила преданьями: преданье было въ московскомъ царствѣ, наслѣдовавшемъ византійскую идею монархіи; нравственная жизнь народа держалась тѣмъ же преданьемъ, которое дѣлалось наконецъ

поклоненіемъ пустой формѣ и буквѣ; преданьемъ жила и самая литература. Древній грамотникъ, проповѣдуя какое нибудь новое правило жизни, не рѣшался самъ явиться его проповѣдникомъ; онъ скрывался за именемъ какого нибудь уважаемаго авторитета и выдавалъ свою, часто гнилую, выдумку за старину; въ этомъ видѣ она отправлялась по свѣту и находила послѣдователей. Это средневѣковое начало преданья въ древней Руси господствовало исключительно, имъ проникались даже самыя свѣтлыя головы нашей старины; бывали конечно и недовольные, но ихъ критика ограничивалась частностями, не касаясь общихъ принциповъ. Таково было правило, исключеній было немного; люди, выступавшіе съ болѣе рѣзкими возраженьями противъ господствовавшаго преданья, имѣли мало успѣха: ихъ было немного и они были слишкомъ слабы. Когда насильственный переворотъ измѣнилъ государственныя и общественныя отношенія, сознаніе пробудилось необходимо и въ такомъ размѣрѣ, какъ никогда прежде; нарушеніе стариннаго быта заставило подумать о себѣ. Съ тѣхъ поръ наша общественная исторія есть собственно исторія этого сознанія: оно шло постепенно дальше и глубже; внѣшняя исторія поддерживала его, или мѣшала его ходу, но не могла бы уже остановить его. Это сознаніе останавливалось съ своей критикой на всѣхъ существенныхъ основахъ народности и выражалось различными результатами, смотря потому, какія стороны особенно поражали его и въ какихъ краскахъ ему представлялись. Были многіе, которымъ больше нравилась старина нашей народности и которымъ безполезна казалась ея новая исторія; еще большее, быть-можетъ, число другихъ, въ которыхъ не менѣе сильно дѣйствовало это сознаніе, повидимому отказывались отъ народа, даже сомнѣвались въ его судьбѣ, — они кончали тѣмъ, что возвращались къ тому же народу. Нѣтъ сомнѣнія, что эта работа сознанія не можетъ пропасть даромъ. Это возвращеніе къ народу, ставшее характеромъ современной науки и литературы и многихъ общественныхъ дѣятелей, должно именно передать ему плоды того, что выработалось сознаніемъ съ такими усиліями. Тѣмъ хуже для тѣхъ, кто возвращается къ народу съ пустыми руками, съ той же стариной, съ подкрашеннымъ семнадцатымъ вѣкомъ, — когда онъ ищетъ здравой сознательной мысли.

А. ПЫПИНЪ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Политико-экономическія письма къ президенту Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. *Г. К. Кэре.* Переводъ съ англійскаго.

Читателю извѣстно, что наши протекціонисты имѣютъ своимъ центромъ Москву; извѣстно также, что благодаря нынѣшнимъ просвѣщеннымъ обычаямъ, протекціонисты прибѣгаютъ между прочимъ и къ помощи такъ называемой у насъ гласности. Вотъ такимъ образомъ, конечно, произошелъ на свѣтъ и русскій переводъ писемъ Кэри къ президенту Соединенныхъ Штатовъ. Американскій экономистъ усердно доказываетъ въ этихъ письмахъ, что протекціонизмъ спасителенъ для націи, а всякое ослабленіе протекціоннаго тарифа непремѣнно бываетъ гибельно.

Читателю извѣстно, что если въ чемъ другомъ и имѣетъ Россія недостатокъ, то уже никакъ не въ знаменитыхъ экономистахъ. Гг. Безобразовъ, Бунге, Вернадскій, Ржевскій и Молинари, котораго мы также можемъ считать чисто-русскою знаменитостію, — все это такіе ученые, которые славны отъ Лапландіи до Чукотскаго Носа. Этимъ замѣчательнымъ мыслителямъ мы можемъ предоставить интересный трудъ опровергать заблужденія не менѣе замѣчательнаго мыслителя Кэри. Мы сами, вовсе не сочувствуя протекціонизму и полагая, что теорія свободной торговли гораздо болѣе соотвѣтствуетъ выгодамъ націй, никогда не имѣли счастія находить, что хлопоты о никакомъ тарифѣ должны быть для насъ предметомъ первостепенной важности при нынѣшнемъ положеніи дѣлъ. Есть

для Россіи десятки экономическихъ потребностей болѣе важныхъ. Пусть же ратуютъ въ защиту свободной торговли знаменитые ученые, не имѣющіе другихъ заботъ, а намъ много хлопотать о ней уже не приходится, когда она имѣетъ столькихъ прекрасныхъ защитниковъ.

Мы хотимъ заняться книжкою Кэри не для того, чтобы изобличать фальшивость протекціонизма. Русскій переводъ брошюры Кэри возбуждаетъ въ насъ охоту сдѣлать два-три замѣчанія нѣсколько инаго рода.

Какъ ни знамениты у насъ наши отечественные экономисты, но есть писатели въ томъ же вкусѣ, пользующіеся у насъ еще бо̀льшимъ авторитетомъ. Давно уже гремитъ между нами слава великаго Бастіа. Недавно сталъ появляться на русскомъ горизонтѣ достойнымъ соперникомъ его Кэри, у котораго Бастіа позаимствовался своими знаменитыми мыслями противъ теоріи ренты Рикардо. Мы видѣли на оберткѣ одного изъ лучшихъ нашихъ журналовъ статью о Кэри, писанную однимъ изъ лучшихъ нашихъ экономистовъ. Что такое говорилось въ этой статьѣ, мы не можемъ, къ сожалѣнію, сообщить читателю, потому что прочесть статью намъ не удалось; не можемъ сказать даже, каковъ именно былъ объемъ статьи, потому что въ руки намъ попался только одинъ нумеръ этого журнала, гдѣ находилась только часть статьи. Но во всякомъ случаѣ статья была не малаго размѣра; значитъ и Кэри представлялся одному изъ лучшихъ нашихъ экономистовъ мыслителемъ не малой важности, — иначе и не потратилъ бы одинъ изъ лучшихъ нашихъ экономистовъ столькихъ трудовъ на ознакомленіе русской публики съ его трудами. По всей вѣроятности судьба предназначала американскому экономисту пользоваться такимъ же уваженіемъ у насъ, какое пріобрѣлъ знаменитый американскій публицистъ г. Матиль. Но вотъ московскіе протекціонисты погубили бѣднаго Кэри.

Есть мыслители, не признающіе абсолютнаго значенія теоріи свободной торговли. Но эти мыслители не принадлежатъ къ школѣ Адама Смита. Основная идея ихъ гораздо шире воззрѣній Адама Смита. Если же держаться принциповъ Адама Смита, то нѣтъ возможности быть протекціонистомъ. Теорія свободной торговли такъ ясно и прямо вытекаетъ изъ общихъ воззрѣній, принимаемыхъ вами въ этомъ случаѣ, что вамъ не остается никакихъ сомнѣній въ ея безусловномъ достоинствѣ. Можно не быть лютераниномъ, и въ такомъ случаѣ можно, не грѣша противъ логики, отвергать многіе изъ выводовъ, сдѣланныхъ Лютеромъ. Но быть лютераниномъ и въ то же время признавать власть папы, — это уже дѣло несогласное съ здравымъ смысломъ. Вотъ точ-

но въ такомъ умственномъ положеніи находится Кэри. Посмотрите вы на него — онъ съ головы до ногъ послѣдователь Адама Смита и въ то же время протекціонистъ. Какимъ манеромъ могла сложиться такая нескладица въ головѣ Кэри? и какимъ образомъ мыслитель такого свойства могъ пріобрѣсти репутацію замѣчательнаго экономиста? Объясненіе очень просто, и мы уже не разъ давали его: школа, къ которой принадлежитъ Кэри, отжила свое время. Люди съ сильнымъ логическимъ умомъ пошли по другому направленію, за исключеніемъ одного Милля, который усиливается вложить новыя стремленія въ рамку прежней доктрины, и потому стоитъ одиноко между людьми, рѣшительно отсталыми и людьми, рѣшительно идущими впередъ. Благодаря такому обстоятельству, Кэри оказался однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ нынѣшнихъ послѣдователей Адама Смита, какъ Джемсъ оказался однимъ изъ лучшихъ нынѣшнихъ романистовъ, продолжающихъ писать романы въ родѣ Вальтера Скотта.

. . . .

Но Богъ съ нимъ, съ самимъ Кэри; пусть онъ будетъ протекціонистомъ, если ему вздумалось. Могутъ претендовать на это наши знаменитые экономисты, а намъ огорченія отъ того мало. Мы лучше возьмемъ забавную сторону его книги. Цѣль онъ поставилъ себѣ очень высокую — «исцѣленіе многоразличныхъ недуговъ, отъ которыхъ» сѣверо-американское «общество такъ сильно страдаетъ въ настоящее время» — точь-въ-точь какъ наши знаменитые экономисты. Картину этихъ многоразличныхъ недуговъ онъ представляетъ очень яркую. «Не дальше, какъ лѣтъ десять тому назадъ, говоритъ онъ, Сѣверо-Американскій Союзъ пользовался необыкновенною славою въ цѣломъ свѣтѣ. Теперь, — книга писана въ концѣ 1857 и началѣ 1858 года,—теперь, говоритъ онъ, не то», и продолжаетъ очень сильно и эффектно. Прогрессивные люди въ Европѣ, такъ восхищавшіеся Сѣверо-Американскими Штатами, съ такою гордостію ставившіе ихъ въ примѣръ всѣмъ европейскимъ націямъ, смущены и скомпрометированы слабостями, какія обнаружились въ ихъ идеалѣ:

«Вездѣ, куда я ни обращался, слышалъ постоянно возрастающее опасеніе за нашу будущность между мыслящими людьми, питавшими доселѣ надежду найти въ Новомъ Свѣтѣ осуществленіе своихъ любимыхъ плановъ о прогрессѣ человѣчества. Съ безпокойствомъ смотрятъ они чрезъ океанъ, страшась ежеминутно услышать о новыхъ, ужаснѣйшихъ мятежахъ, новыхъ междоусобицахъ, новыхъ нарушеніяхъ народныхъ правъ, новыхъ разбойническихъ экспедиціяхъ, новыхъ грабительныхъ войнахъ. А между тѣмъ, не болѣе какъ за десять лѣтъ, бы-

до совсѣмъ иначе; и назвали бы лжепророкомъ всякаго, кто осмѣлился бы сказать, —

«Что въ теченіе одного десятилѣтія обыкновенное содержаніе союзнаго правительства въ мирное время достигнетъ семидесяти милліоновъ долларовъ, — впятеро болѣе того, сколько тратилось на него за тридцать лѣтъ назадъ;

«Что получатели этой огромной суммы, поставщики, чиновники и почтмейстеры принуждены будутъ за свои мѣста платить формальный и правильный оброкъ опредѣляющему ихъ или заключающему контрактъ съ ними начальству;

«Что взносъ оброка чиновниками сдѣлается необходимымъ условіемъ существованія ихъ въ службѣ;

«Что соотвѣтственно съ этимъ оброкомъ съ «служебныхъ чиновъ», непомѣрно увеличится ихъ жалованье, и такимъ образомъ государственное казначейство должно будетъ дѣйствовать для личныхъ цѣлей, и расплачиваться за частныя выгоды;

«Что централизація усилится до того, что исполнительная власть осмѣлится диктовать всему служебному корпусу, состоящему по крайней мѣрѣ изъ шестидесяти или восьмидесяти тысячъ лицъ, всѣ мысли относительно общественныхъ интересовъ;

«Что постоянно возрастающія затрудненія къ пріобрѣтенію средствъ жизни, независимо отъ правительства, и постоянно возрастающее жалованье на общественной службѣ поведутъ къ увеличенію числа искателей этой службы и къ порабощенію ихъ тѣмъ, для чьего удовольствія заведены всякія коммиссіи и канцеляріи;

«Что исполнительная власть будетъ диктовать членамъ конгресса такой или другой образъ дѣйствія въ общественныхъ вопросахъ, и будетъ всенародно провозглашать, что публичныя должности будутъ «жаловаться» только тѣмъ, кои согласятся дѣйствовать въ полномъ согласіи съ ея видами и планами;

«Что непрестанно возрастающее нравственное рабство породитъ убѣжденіе, что «краеугольнымъ камнемъ» всѣхъ политическихъ учрежденій нашей страны—непремѣнно должно быть матеріальное порабощеніе рабочаго класса;

«Что распространеніе рабства въ мірѣ сдѣлается главною цѣлію правительства, и что въ этихъ видахъ будетъ отмѣненъ имъ важный указъ 1787 года, послужившій основаніемъ «миссурійскому соглашенію»;

«Что въ тѣхъ же видахъ трактаты съ бѣдными остатками туземныхъ племенъ будутъ нарушены;

«Что въ тѣхъ же видахъ новыя войны будутъ поджигаться, новые грабежи поощряться, новыя территоріи покупаться;

«Что исполнительная власть до такой степени усилится, что самовольно будетъ вызывать на войну сосѣдей, съ цѣлію обобрать слабѣйшихъ изъ нихъ;

«Что предъ цѣлымъ свѣтомъ оно осмѣлится провозглашать возмутительное «право сильнаго», и что, во имя этого права, Союзъ не по-

отыщется отнимать насильно владѣнія у тѣхъ, кои не согласились бы ихъ продать;

«Что воскресающій торгъ рабами найдетъ себѣ открытыхъ защитниковъ, и что первый шагъ къ нему сдѣлаетъ гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ, отвергая всѣ запрещенія, изданныя противъ него правительствами центральной Америки;

«Что запрещенія правительства центральной Америки противъ рабства мы будемъ считать прямымъ нарушеніемъ мирныхъ трактатовъ.

«Что исполнительная власть одного изъ самыхъ вліятельныхъ Штатовъ будетъ предлагать замѣну свободнаго труда невольничьимъ для всѣхъ низшихъ общественныхъ занятій;

«Что Союзъ, единственно изъ опасеній расширенія границъ на сѣверѣ, непрестанно будетъ домогаться новыхъ территорій на югѣ, и тѣмъ совершенно извратитъ стремленія и интересы народа;

«Что открыто будутъ говорить, что должно искать свободнаго плаванія по бразильскимъ рѣкамъ — «миромъ если можно, и силой, если нужно»;

«Что слѣдствіемъ такой политики, даже въ настоящее время, будетъ полное отчужденіе отъ насъ всѣхъ народовъ Новаго Свѣта;

«Что все законодательство страны почти вполнѣ подпадетъ подъ контроль судоходныхъ, дорожныхъ и другихъ обществъ, и что сами законодатели будутъ имѣть добрую долю въ огромныхъ капиталахъ и земляхъ, коими надѣляются правительствомъ учредители этихъ обществъ;

«Что будетъ учреждена «третья палата конгресса изъ привиллегированныхъ членовъ», занимавшихъ прежде высшія законодательныя и исполнительныя должности, обладающихъ, какъ выражается полковникъ Бентонъ, «самыми дѣйствительными средствами для умиротворенія и соглашенія интересовъ», и такимъ образомъ обезпечивающихъ пропускъ всякаго билля, за который будетъ щедро заплачено;

«Что централизація возрастетъ до такой мѣры, что управленіе одного города будетъ стоить почти столько же, сколько за тридцать лѣтъ назадъ стоило содержаніе всего Союза;

«Что распоряженіе городскими доходами и охраненіе городскаго благоустройства будутъ поручены такимъ людямъ, коимъ приличнѣе бы быть въ тюрьмѣ или въ рабочемъ домѣ;

«Что пренія о распредѣленіи этихъ доходовъ дойдутъ до такой ожесточенности, что спорящія стороны будутъ покупать голоса, по неслыханнымъ цѣнамъ, и что самые выборы будутъ совершаться при помощи кинжаловъ, пистолетовъ и даже пушекъ;

«Что законъ Линча найдетъ себѣ свободный доступъ въ сенатъ; что въ южныхъ штатахъ онъ совершенно займетъ мѣсто многихъ постановленій конституціи; что въ одномъ изъ штатовъ гражданская власть будетъ совершенно уничтожена; что право штатовъ запрещать и преслѣдовать рабство въ своихъ предѣлахъ будетъ оспариваться съ настойчивостію, заставляющею опасаться скораго и полнаго его уничтоженія;

что всѣ опредѣленія верховнаго совѣта, въ теченіе шестидесяти лѣтъ благопріятствовавшія свободѣ, въ настоящее время будутъ замѣнены другими, имѣющими совершенно противуположное направленіе; что правила систематическаго предательства и лжи будутъ приняты союзными совѣтами въ основаніе своихъ дѣйствій; и что, такимъ образомъ, права гражданъ будутъ страдать отъ непомѣрнаго расширенія власти закона съ одной стороны, и отъ усвоенія «права сильнаго» съ другой;

«Что многоженство будетъ идти рука объ руку съ невольничествомъ, и что правила многоженства будутъ открыто проповѣдываться людьми, занимающими важные посты въ союзномъ правительствѣ;

«Что приличіе, нравственность и дарованія перестанутъ считаться необходимыми требованіями отъ представителей Союза въ иностранныхъ державахъ;

«Что религіозныя распри возрастутъ до такой мѣры, что вопросъ о личныхъ религіозныхъ убѣжденіяхъ кандидата на президенство сдѣлается однимъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ;

«Что распри между сѣверными и южными штатами едва не превратятся въ открытое междоусобіе, постоянно питая въ нихъ стремленіе къ совершенному распаденію; и наконецъ, —

«Что Германія въ томъ видѣ, какъ она была раздроблена до таможеннаго германскаго союза (Zoll-Verein), снова готова повториться въ Новомъ Свѣтѣ, и что, по распаденіи Союза, многія изъ распавшихся частей его сдѣлаются жалкими орудіями чужихъ державъ. Печальная картина!... Нѣсколько лѣтъ назадъ никто не повѣрилъ бы, что хотя одна черта ея возможна; а теперь всѣ онѣ, исключая послѣдней, существуютъ дѣйствительно.»

Для приданія окончательной эффектности очерку «многоразличныхъ недуговъ», теперь исполняется и послѣдняя черта: невольническіе штаты грозятъ расторженіемъ Союзу.

Говоря по совѣсти, «печальная картина» значительно утрирована. Правда, что расходы союзнаго правительства значительно возрастаютъ; но богатство Союза возрастаетъ еще быстрѣе, такъ-что каждому жителю приходится теперь жертвовать на союзные расходы меньшую долю своего дохода, чѣмъ тридцать лѣтъ тому назадъ. Правда, что изъ жалованья чиновниковъ союзнаго правительства дѣлается опредѣленный вычетъ на изданіе газетъ и прокламацій партіи, держащей въ своихъ рукахъ правительственную власть; но вѣдь эти чиновники — люди господствующей партіи; ея торжество доставило имъ должности, съ ея паденіемъ они будутъ замѣщены людьми другой партіи, и давая часть своего жалованья въ распоряженіе комитетовъ своей партіи, они только даютъ свою долю въ складчину, какая дѣлается всѣми людьми партіи, и должностными и недолжностными, для достиженія общихъ цѣлей партіи. Конечно, употреблять часть доходовъ со всего общества на пользу одной половины общества—

обычай, нимало не похвальный. Но въ немъ нѣтъ ни воровства, ни утайки: дѣло производится публично, по общему согласію всей господствующей партіи, и другая партія поступаетъ точно такъ же, когда получаетъ власть; въ извиненіе надобно прибавить, что господствующая партія составляетъ бо́льшую половину націи,—каждая партія только тогда и достигаетъ господства, когда привлекаетъ на свою сторону большинство націи. Словомъ сказать, обычай дуренъ и надобно искоренить его; но существованіе дурнаго обычая въ извѣстной націи еще ничего не доказываетъ, — мало ли сколько дурныхъ обычаевъ есть у каждой націи? Дурной обычай не мѣшаетъ людямъ вообще оставаться хорошими людьми. Притомъ, въ тѣ самые годы, которые оплакиваетъ Кэри, образовалась и стала быстро усиливаться партія, поставившая себѣ цѣлью искорененіе этого обычая и всѣхъ дѣйствительныхъ недостатковъ изъ числа фактовъ, перечисляемыхъ Кэри въ его очеркѣ. Теперь эта партія уже достигла власти. Посмотримъ, что изъ этого будетъ; но уже навѣрное не падаетъ нравственный уровень и гражданская жизнь въ томъ обществѣ, гдѣ общественное мнѣніе такъ быстро доводитъ до власти людей, считаемыхъ безкорыстнѣйшими и честнѣйшими. — Правда, что всѣ чиновники союзной власти содѣйствуютъ планамъ своей партіи, или, по выраженію Кэри, «исполнительная власть диктуетъ всему служебному корпусу мысли относительно общественныхъ интересовъ»; но вѣдь эти чиновники — второстепенные дѣятели той самой партіи, предводители которой составляютъ исполнительную власть: что жь удивительнаго, если мелкіе агенты партіи ждутъ программы для своихъ дѣйствій отъ предводителей своей партіи? Но вотъ уже совершенные пустяки, будто бы въ Соединенныхъ Штатахъ становится трудно пріобрѣтать средства жизни иначе, какъ государственною службою: легковѣрный Кэри хватилъ черезъ край, принявъ за чистую монету утрированный вздоръ, говорящійся съ полемическою цѣлью. Напротивъ, государственная служба наименѣе выгодна изъ всѣхъ карьеръ въ Соединенныхъ Штатахъ. Можно разбогатѣть тамъ на всякой карьерѣ, но еще не было ни одного примѣра, чтобы разбогатѣлъ кто нибудь государственною службою. Масса второстепенныхъ должностей, не требующихъ ничего, кромѣ механическаго прилежанія, занимается тамъ людьми, которые, по недостатку способностей и энергіи, не могли найти себѣ выгоднаго дѣла; важныя должности занимаются людьми, которые прямо жертвуютъ своими денежными выгодами или честолюбію или патріотизму. Недальше какъ въ концѣ прошлаго года губернаторъ, то есть верховный правитель одного изъ богатѣйшихъ штатовъ, отказался отъ правительственной власти, что-

бы сдѣлаться управляющимъ дѣлами одной, не очень важной желѣзной дороги: «семейство мое стало велико, сказалъ онъ, и я долженъ обезпечить кусокъ хлѣба своимъ дѣтямъ, потому не могу оставаться правителемъ своего штата».—Дальше слѣдуетъ у Кери рядъ справедливыхъ порицаній: правительство сѣверо-американскаго Союза дѣйствительно покровительствовало распространенію невольничества, провозглашало «возмутительное право сильнаго», отнимало области у слабыхъ сосѣдей, — но кому же неизвѣстно, чье коварство тутъ дѣйствовало? все это дѣлалось плантаторами, которые успѣли подчинить своимъ требованіямъ демократическую партію; масса демократической партіи, состоящая изъ людей простодушныхъ, была вовлечена въ ошибку патріотизмомъ: она дѣлала уступки плантаторамъ, чтобы плантаторы не дѣлали попытокъ къ расторженію Союза, и довольно долго не понимала, куда ведутъ ее плантаторы. Но зато демократическая партія, еще недавно бывшая столь популярною, теперь пала: масса начала покидать ее, какъ только замѣтила, что демократическая партія служитъ орудіемъ плантаторовъ. — Затѣмъ слѣдуютъ опять пустяки, легковѣрно перенесенные въ серьёзную рѣчь изъ утрированной полемики. Въ числѣ трехсотъ человѣкъ какого бы то ни было общества всегда найдется три-четыре человѣка не совсѣмъ чистаго характера; въ американскомъ конгрессѣ также нашлось три-четыре человѣка, продававшіе свой голосъ промышленнымъ компаніямъ. Изъ за этого поднялся страшный крикъ, и поднялся справедливо. Но если фактъ былъ гнусенъ, то никакого политическаго значенія не имѣлъ онъ: представители, низость которыхъ была изобличена, всегда были людьми ничтожными, не пользовавшимися никакимъ вліяніемъ въ конгрессѣ.—Кэри говоритъ о расточительности по городскому управленію, о томъ, что городскія должности попадаютъ въ руки людей нечистыхъ: это относится собственно къ Нью-Йорку, но городъ Нью-Йоркъ находится подъ вліяніемъ совершенно исключительныхъ обстоятельствъ. Онъ служитъ центромъ торговли съ плантаторскими штатами. Купцы, ведущіе южную торговлю, запуганы плантаторами, говорящими, что прекратятъ съ ними дѣла, если они не будутъ агентами плантаторской партіи на выборахъ; благодаря этому, плантаторская партія господствуетъ на Нью-Йоркской биржѣ. Биржа, разумѣется, имѣетъ сильное вліяніе на городскіе выборы. Честные люди не соглашаются служить плантаторской партіи; потому Нью-Йоркская биржа должна довольствоваться услугами авантюристовъ, на продѣлки которыхъ принуждена смотрѣть сквозь пальцы. Но Кэри долженъ былъ знать, что съ каждымъ годомъ усиливается въ городѣ Нью-Йоркѣ партія, противная

плутнямъ агентовъ плантаторской партіи, такъ что если городскія дѣла издавна управлялись дурно, то все-таки съ каждымъ годомъ приближается конецъ этому дурному хозяйству. «Законъ Линча», то есть наглое насиліе, кулачное право, нашло себѣ «свободный доступъ» въ сенатъ, — это относится къ знаменитой сценѣ, когда плантаторъ Бруксъ въ залѣ сената сбилъ съ ногъ и едва не убилъ сенатора Сёмнера; но вѣдь въ это время зала была совершенно пуста, — разбойникъ напалъ на безоружнаго человѣка въ пустынномъ мѣстѣ; что тутъ удивительнаго?—удивительно было бы развѣ то, что плантаторская партія восхищалась поступкомъ Брукса; но надобно знать отчаянное положеніе плантаторской партіи, тогда будетъ понятно, что она прибѣгаетъ къ неистовствамъ. Поступокъ Брукса и другія отвратительныя дѣйствія плантаторской партіи, шумомъ которыхъ наполнялись послѣдніе годы въ Соединенныхъ Штатахъ, служатъ только вѣрнѣйшими признаками того, что плантаторская партія стала въ эти годы предчувствовать свое искорененіе: видно, что опасность близка и страшна, когда начали забывать всякую благопристойность, кричать и драться, подобно бѣшенымъ, люди, хвалящіеся своимъ происхожденіемъ, изяществомъ своихъ манеръ, утонченностью своихъ нравовъ. Интереснымъ примѣромъ неразборчивости Кэри въ составленіи картины сѣверо-американскихъ «недуговъ» служитъ порицаніе сѣверо-американцевъ за то, что явились между ними мормоны, допускающіе многоженство. Но извѣстно, какую страшную ненависть обнаружило къ нимъ все сѣверо-американское населеніе за этотъ догматъ. Негодованіе было такъ велико, что довело сѣверо-американцевъ до нарушенія кореннаго ихъ принципа вѣротерпимости и до жестокихъ преслѣдованій: основатель мормонства былъ убитъ ожесточеннымъ народомъ, послѣдователи его уже два раза были изгоняемы изъ пустынь, въ которыхъ думали найти себѣ прибѣжище, и въ послѣднее время думаютъ вовсе покинуть Соединенные Штаты: хотя тысячи верстъ отдѣляютъ мормонское царство отъ самыхъ передовыхъ сѣверо-американскихъ поселеній, негодованіе націи такъ сильно, что тѣснитъ мормоновъ въ ихъ почти неприступномъ убѣжищѣ. Винить сѣверо-американцевъ за мормонство — то же самое, что винить за наклонность къ жидовству Тараса Бульбу съ его лыцарями. Напротивъ, скорѣе можно было бы осудить сѣверо-американцевъ за то, что благородное чувство негодованія на дикій принципъ мормонства увлекло ихъ до свирѣпостей, не имѣющихъ себѣ оправданія.

Преувеличенія, очень естественныя и потому извинительныя въ полемикѣ, совершенно не идутъ къ ученому изслѣдованію. Положимъ, что Кэри печаталъ свои письма въ газетѣ; но вѣдь онъ все-

таки хотѣлъ явиться въ нихъ не памфлетистомъ, а серьёзнымъ ученымъ. Какъ же онъ не разобралъ, что утрировка, составляющая силу памфлетиста, лишаетъ силы ученое изслѣдованіе? Картина многоразличныхъ недуговъ, имъ нарисованная, изображаетъ каждую муху въ величинѣ слона. Но должно сказать, что капля правды, раздутая имъ въ колоссальный мыльный пузырь, все-таки остается правдою, хотя пузырь и лопается отъ малѣйшаго дуновенія. Въ государственныхъ дѣлахъ Сѣверо-Американскаго Союза дѣйствительно есть много дурнаго. Сѣверо-американскіе патріоты справедливо надѣются, что скоро очистятъ свою страну отъ пятенъ, марающихъ ее; но никто изъ нихъ не отрицаетъ, что до сихъ поръ было на ней довольно много очень грязныхъ пятенъ.

Что же тутъ забавнаго? скажетъ читатель. Кто, кромѣ враговъ прогресса, можетъ забавляться тѣмъ, что великая и благородная нація еще имѣетъ много унизительныхъ недостатковъ въ общественной жизни и встрѣчаетъ много затрудненій въ своихъ усиліяхъ искоренить ихъ? Это нимало не забавно.

Да развѣ мы-то говорили, что забавно положеніе сѣверо-американскихъ дѣлъ? Мы говорили, что очень забавна книга Кэри. Вообразите себѣ, отъ какой причины производитъ онъ всѣ оплакиваемыя имъ бѣдствія, какимъ лекарствомъ думаетъ исцѣлить всѣ ихъ,— обладайте вы догадливостью самаго Эдипа, вы никакъ не разгадали бы, если бы не попадалось въ началѣ нашей статьи слово «протекціонистъ». Оно конечно навело уже васъ на мысль, что проницательный Кэри всѣ бѣдствія приплетаетъ къ низкому тарифу, а всѣ блага связываетъ съ высокимъ тарифомъ. Вы угадали, но сами вы не повѣрите, до какой уморительной точности вѣрна эта разгадка: кажется, будь человѣкъ ослѣпленъ до какой угодно степени, все же онъ не могъ бы забыть, что существуютъ въ Соединенныхъ Штатахъ и другія причины недостатковъ, нужны и другія средства къ ихъ отстраненію, кромѣ таможенныхъ мѣръ. Кэри не замѣчаетъ ничего. Тарифъ для него альфа и омега всѣхъ вопросовъ; онъ, кажется, готовъ лечить тарифомъ лихорадку, возвращать молодость старухамъ и давать геній идіотамъ.

Съ перваго же взгляда каждому, не помѣшанному въ умѣ человѣку видно, что во всѣхъ затрудненіяхъ и недостаткахъ Соединенныхъ Штатовъ главная причина, а въ большей части даже единственная причина — невольничество. Пока не поднимался вопросъ о его уничтоженіи въ плантаторскихъ штатахъ, плантаторы въ сношеніяхъ съ другими гражданами умѣли держать себя благопристойно. Но дѣло перемѣнилось съ той поры, какъ они замѣтили, что свободные люди сѣверныхъ штатовъ увидѣли надобность позаботиться объ

уничтоженія невольничества и въ южныхъ штатахъ,—позаботиться объ этомъ не въ интересѣ однихъ негровъ, а также и въ собственномъ интересѣ и въ интересѣ массы свободнаго бѣлаго населенія южныхъ штатовъ. Поддерживая свои выгоды, противоположныя выгодамъ массы бѣлаго населенія самихъ южныхъ штатовъ, плантаторы поняли, что споръ рѣшился бы очень быстро, если бы они стали ограничиваться одними законными средствами для своей защиты: масса бѣлаго населенія южныхъ штатовъ, находившаяся въ глубокомъ невѣжествѣ, почувствовала бы надобность въ образованіи, когда люди сѣверныхъ штатовъ стали бы объяснять ей, что при невѣжествѣ будетъ она оставаться въ зависимости отъ плантаторовъ, а зависимость эта держитъ ее въ нищетѣ, потому что свободный работникъ не можетъ пользоваться благосостояніемъ, имѣя раба своимъ соперникомъ въ работѣ. Такимъ образомъ плантаторы были принуждены прибѣгать къ насильственнымъ средствамъ, чтобы держать массу бѣлаго населенія своихъ штатовъ въ невѣжествѣ. Они стали запрещать газеты и популярныя книги; они стали стѣснять школьное преподаваніе въ своихъ штатахъ. Невѣжество само по себѣ—дѣло не очень хорошее; но если люди остаются невѣждами просто по обстоятельствамъ, это еще далеко не имѣетъ на нихъ такого дурнаго вліянія, какъ то, когда они преднамѣренно, искусственно удерживаются въ невѣжествѣ чужимъ разсчетомъ: натуральное (если можно такъ выразиться) невѣжество — зло ничтожное въ сравненіи съ насильственнымъ невѣжествомъ. Плантаторы стали предводителями грубыхъ головорѣзовъ, которыхъ по своему разсчету сдѣлали головорѣзами, и сами обратились въ турецкихъ пашей. Но насильственное подавленіе всякой образованности, всякой самобытности, всякой честности въ бѣлыхъ людяхъ южныхъ штатовъ было для плантаторовъ еще недостаточною гарантіею существованія. Свободные штаты имѣютъ огромный перевѣсъ по населенію, а союзная власть дается большинствомъ на выборахъ. Плантаторамъ нужно было привлечь на свою сторону такое меньшинство въ сѣверныхъ штатахъ, чтобы голоса этого сѣвернаго меньшинства въ соединеніи съ голосами южныхъ штатовъ составляли большинство. Партія, порабощающая бѣлое населеніе въ своихъ штатахъ, конечно не могла найти честными средствами союзниковъ себѣ въ населеніи сѣверныхъ штатовъ, гдѣ каждый дорожитъ свободою,—надобно было употребить другія средства: коварство и подкупъ. Вотъ источникъ всѣхъ злоупотребленій, о которыхъ говоритъ Кэри. Огрубѣвшіе въ своихъ нравахъ, привыкшіе къ безстыднымъ подкупамъ, ожесточенные опасеніями за свое существованіе, плантаторы посылали въ сенатъ Союза и въ палату представителей такихъ де-

путатовъ и сенаторовъ, которые были достойны своихъ довѣрителей. Вотъ источникъ отвратительныхъ сценъ въ сѣверо-американскомъ конгрессѣ. Прочтите протоколы засѣданій, вы увидите, что прибѣгали къ ругательствамъ, хватались за палки, ножи и пистолеты всегда люди одной партіи,—плантаторской партіи. Это натурально; и кажется, довольно ясно каждому, въ чемъ можетъ состоять единственное средство къ очищенію конгресса отъ отвратительныхъ сценъ, къ очищенію выборовъ отъ подкуповъ, къ очищенію правительства Соединенныхъ Штатовъ отъ низкихъ злоупотребленій. Какъ вы полагаете, въ чемъ состоитъ оно? въ томъ ли, чтобы свободные люди Соединенныхъ Штатовъ, убѣдившись въ несовмѣстности свободы съ невольничествомъ, вырвали власть надъ Союзомъ у плантаторовъ, какъ теперь и рѣшились они сдѣлать?— «Нѣтъ, говоритъ Кэри, — нѣтъ, не то; вся бѣда отъ низкаго тарифа, а спасеніе въ протекціонизмѣ!»

Что за дичь! Надобно прибавить: и притомъ такая дичь, которая могла сложиться только въ головѣ, организованной довольно слабо. Помѣшательству подвергаются иногда и умнѣйшіе люди; но въ самомъ бреду ихъ бываетъ замѣтенъ слѣдъ прежней логической силы. Пунктомъ сумасбродства бываетъ у нихъ какая нибудь живая, великая идея. Но помѣшаться на мысли, далеко не имѣющей въ себѣ первостепеннаго значенія — можетъ лишь человѣкъ довольно мелкаго ума.

Если бы Кэри былъ человѣкъ геніальный, объяснить его мономанію можно было бы какими нибудь личными его обстоятельствами. Но люди такого ума, какъ онъ, не бываютъ изобрѣтательны: имъ не приходитъ въ голову новыхъ самобытныхъ идей; они могутъ только перетолковывать чужія мысли,—прочтетъ что нибудь, не пойметъ хорошенько и пошелъ писать въ защиту непонятаго, если не имѣетъ претензіи на оригинальность, или въ опроверженіе непонятаго, если имѣетъ такую претензію. Кэри хочетъ быть оригинальнымъ, и поэтому вздумалось ему опровергать теорію ренты Рикардо, которой, по свойству подобныхъ ему мыслителей, онъ и не понялъ хорошенько. Почему вздумалось ему трудиться надъ теоріею ренты, объяснить не трудно: теорія эта занимаетъ очень важное мѣсто въ системѣ политической экономіи; она — одинъ изъ самыхъ коренныхъ принциповъ этой науки. Не нужно никакой особенной изобрѣтательности, чтобы увидѣть важность этого предмета: она давно поясняется всѣми экономистами.

Но неужели Кэри самъ придумалъ давать такое громадное значеніе тарифному вопросу? Неужели онъ самъ могъ сообразить, что та-

моженныя пошлины—краеугольный камень всей общественной жизни, что отъ хорошаго тарифа происходятъ всѣ экономическія и человѣческія блага, отъ дурнаго тарифа порождаются всѣ «многоразличные недуги» общества? Нѣтъ, помилуйте! куда же ему изобрѣтать такія перестройки въ наукѣ. Выдвигать на первый планъ въ системѣ воззрѣній идею, которой другіе не придавали первостепеннаго значенія — вѣдь это значитъ сообщать наукѣ новое направленіе,—справедливое или ошибочное, но все-таки новое. А чтобы дать новое направленіе наукѣ, на это требуется геніальный умъ. У Кэри не оказывается не только геніальной, а даже и очень обыкновенной логической силы. Если онъ поставилъ верховнымъ вопросомъ общественной жизни таможенный вопросъ, то уже конечно не по своему изобрѣтенію, а по наслышкѣ отъ другихъ.

Отъ кого же бы могъ онъ объ этомъ наслышаться? Вотъ тутъ-то и обрушивается грѣхъ великій на тѣхъ западныхъ экономистовъ, по книжкамъ которыхъ преподаютъ намъ мудрость наши знаменитые экономисты. Они ввели въ бѣду своего товарища Кэри; это они завели моду убиваться больше всего о тарифѣ, сводить всю науку и всю національную жизнь къ таможенному вопросу. Покайтесь! сказали бы мы западнымъ экономистамъ, еслибы до нихъ могъ доходить голосъ русской литературы, столь преуспѣвающей въ послѣднее время и столь сильно занимающей собою весь просвѣщенный міръ (вѣдь наши экономисты уже предсѣдательствуютъ на статистическихъ съѣздахъ западной Европы; вѣдь корреспонденты французскихъ газетъ съ глубокомысленными замѣчаніями передаютъ Европѣ содержаніе нашихъ газетныхъ статей о разныхъ политическихъ вопросахъ; а англійскія газеты такъ-таки прямо переводятъ наши русскія руководящія политическія статьи, и самъ бранчивый Times не разъ умилялся, хваля успѣхи нашей гласности), — но нѣтъ, еще не изучаютъ сильную и звучную русскую рѣчь западные народы, не дойдетъ до слуха западныхъ экономистовъ наше смѣлое изобличеніе (смѣлое оно потому, что высказывается собственно въ надеждѣ: «не услышатъ его тѣ, къ кому оно относится» — смѣлость, принадлежащая всей русской литературѣ). Итакъ, обратимъ голосъ нашъ къ нашимъ знаменитымъ экономистамъ за неимѣніемъ другихъ слушателей и воскликнемъ: «покайтесь! посмотрите на Кэри и покайтесь! не смѣшонъ ли онъ?» Чѣмъ же онъ смѣшонъ? не тѣмъ, чѣмъ отличается отъ васъ, — не тѣмъ, что хлопочетъ о высокомъ тарифѣ, когда вы хлопочете о низкомъ тарифѣ, — нѣтъ, тѣмъ, въ чемъ сходится съ вами, чѣмъ позаимствовался у вашихъ учителей, — тѣмъ, что не замѣчая истинныхъ причинъ зла, не думая объ истинныхъ средствахъ къ его отстраненію, сосредоточилъ всю свою

мысль на вопросѣ, далеко не имѣющемъ для государства и для науки первостепенной важности.

Поставленіе таможеннаго вопроса выше всего на свѣтѣ, забвеніе изъ-за пристрастія къ этому вопросу о самыхъ очевидныхъ и гораздо болѣе важныхъ фактахъ, о настоятельнѣйшихъ потребностяхъ общества, — вотъ что дѣлаетъ Кэри мертвымъ схоластикомъ, тупымъ мономаномъ. Кредитъ и заграничная торговля, биржа и банкъ, курсъ и фонды, — вотъ заколдованный кружокъ, ограничившись которымъ ученый теряетъ всякую возможность понимать общественное положеніе, важнѣйшія національныя нужды, всѣ живые факты и живыя мысли.

А собственно то, что Кэри противникъ слишкомъ низкаго тарифа, еще не большой грѣхъ въ американскомъ писателѣ, враждебномъ невольничеству. По правдѣ говоря, мы сами, при всемъ нашемъ теоретическомъ убѣжденіи въ превосходствѣ свободной торговли, чуть ли не пожертвовали бы этимъ ученымъ принципомъ и не стали бы требовать довольно высокихъ таможенныхъ пошлинъ, еслибы жили въ Соединенныхъ Штатахъ. Дѣло тутъ вотъ какого рода. Таможенныя пошлины служатъ, можно сказать, единственнымъ источникомъ доходовъ сѣверо-американскаго союзнаго правительства. Другія отрасли его доходовъ, въ томъ числѣ и продажа земель, совершенно ничтожны, такъ что въ союзномъ бюджетѣ не произошло бы никакой замѣтной разницы, хотя бы ихъ вовсе и не было. Что же теперь выходитъ? Когда издавался тарифъ, соотвѣтствующій принципу свободной торговли, въ союзномъ бюджетѣ каждый разъ происходилъ огромный дефицитъ. Между тѣмъ пошлины не очень тяжелыя, но не соотвѣтствовавшія принципу свободной торговли, каждый разъ давали союзнымъ финансамъ такое процвѣтаніе, что за покрытіемъ всѣхъ расходовъ оставался ежегодно большой излишекъ на выкупъ государственныхъ долговъ. Рѣшеніе ясно: принципъ свободной торговли драгоцѣненъ, но хорошій порядокъ въ государственныхъ финансахъ еще драгоцѣннѣе; потому, пока союзное правительство будетъ нуждаться для своего процвѣтанія въ тарифѣ, довольно высокомъ (впрочемъ вовсе не обременительномъ), — нечего дѣлать, нуженъ въ Соединенныхъ Штатахъ довольно высокій тарифъ. Когда дѣла перемѣнятся, когда окажется возможность обойтись безъ него, — ну, тогда и прекрасно, тогда дѣйствуйте по принципамъ свободной торговли (*).

(*) Для смягченія экономическихъ сердецъ сдѣлаемъ оговорку. Россіи свободная торголля конечно была бы выгоднѣй даже и въ таможенномъ отношеніи. Нашему государству нѣтъ надобности въ высокомъ тарифѣ.

Есть другое обстоятельство, уже совершенно чуждое финансовымъ соображеніямъ, но еще болѣе важное. Коренное зло въ Соединенныхъ Штатахъ—невольничество. Главною опорою партіи, стремящейся къ уничтоженію невольничества, служатъ штаты Новой Англіи. Эти штаты требуютъ протекціонныхъ пошлинъ. Очень можетъ быть, что они въ этомъ случаѣ заблуждаются, что протекціонныя пошлины на самомъ дѣлѣ не нужны для нихъ, — но что же дѣлать? Можно, если хотите, стараться вывести Новую Англію изъ ея заблужденія; но пока она держится его, надобно принимать и эту можетъ быть неудовлетворительную, можетъ быть нѣсколько даже вредную черту ея програмы, ради того, что существенная черта програмы — враждебность невольничеству — справедлива, благотворна и своею важностію для государственной жизни въ милліоны разъ превосходитъ всѣ остальные общественные вопросы. Кто чѣмъ грѣшитъ въ практикѣ, часто возстаетъ противъ того же самаго въ теоріи, въ родѣ г. Кокорева, безпощадно изобличавшаго откупъ. Писатели, которые самою святою истиною, самыми неизбѣжнѣйшими логическими требованіями жертвуютъ пустѣйшему фактическому затрудненію, преслѣдуютъ правду, если она кажется неудобна, уже готовы воскликнуть съ негодованіемъ: «вы признаете гибельный и малодушный принципъ, что слѣдуетъ иногда уступать заблужденію и ставить финансовый расчетъ выше научныхъ требованій.» Точно такъ, иногда слѣдуетъ, — надобно только разбирать, *какая* общественная потребность *какой* теоретической жертвы требуетъ: превышается ли пожертвованіе выгодою для общества, то есть въ результатѣ и для самой науки, потому что общественный успѣхъ ведетъ и къ научному успѣху. Надобно иногда становиться товарищемъ человѣка, имѣющаго какое нибудь ошибочное требованіе, если съ тѣмъ вмѣстѣ онъ имѣетъ другое справедливое и несравненно важнѣйшее требованіе. Безусловной, всесторонней истины не бываетъ ни въ какомъ фактѣ, ни въ какой партіи, ни въ какой програмѣ. Старайтесь только выбирать, какой фактъ, какая програма заключаютъ въ себѣ наименѣе неправды и наиболѣе справедливости, — и выбравъ, уже прилѣпляйтесь къ нимъ всею душою; какъ въ частной вашей жизни, если вы не бездушный человѣкъ, любите же вы горячо нѣкоторыхъ людей, хотя въ каждомъ изъ нихъ навѣрное есть не совсѣмъ нравящіяся вамъ стороны. Какое вамъ дѣло до этихъ недостатковъ? Вы любите не за нихъ, а за достоинства, и ради достоинствъ человѣка, имѣющаго множество недостатковъ, вы готовы бываете дѣлать для него все, не жалѣть и самой вашей жизни. Все хорошо до извѣстной мѣры, напримѣръ хотя бы и готовность жертвовать собою для любимаго человѣка: если вы

броситесь въ омутъ для исполненія каприза любимой женщины, это будетъ глупо и въ сущности даже очень преступно; но другое дѣло, если вы пожертвуете собою, чтобы дать ей счастье или спасти ея жизнь. Такъ и въ разборчивости на счетъ общественной справедливости и несправедливости извѣстной програмы—тоже должна быть своя мѣра,—излишняя щепетильность тутъ смѣшна и даже бываетъ очень часто преступна, хотя до извѣстной степени слѣдуетъ быть разборчивымъ. «Онъ не хочетъ свободной торговли, потому я не долженъ быть его партизаномъ, хотя безъ него ничего нельзя мнѣ сдѣлать противъ невольничества», — да вѣдь это все равно, что сказать: «онъ хочетъ отъ меня грошоваго пожертвованія, потому не сдѣлаюсь я компаньономъ его, хотя товарищество съ нимъ обогатитъ насъ обоихъ». Нѣтъ, не такъ разсуждаетъ человѣкъ умный, и дѣйствительно желающій пользы: пусть онъ расчитываетъ какъ можно строже, но если въ общемъ сводѣ окажется перевѣсъ пользы, онъ пойдетъ на все. Были люди, которые не смущались не только какими нибудь пустяками, — которые не жалѣли даже своей репутаціи, обрекали свое имя на позоръ въ устахъ всѣхъ такъ-называемыхъ благородныхъ людей, когда того требовала общая польза. «Да что же это за люди такіе?»—спросите вы. А вотъ можно расказать вамъ, что я вчера видѣлъ.

Живетъ молодая вдова, красавица, какой другой не видывали люди. Она страстно любила своего мужа, всѣ мысли ея — печаль о немъ. Нѣтъ въ обществѣ ни одного человѣка, который не преклонялся бы передъ ея непорочной чистотой. Эта женщина исчезаетъ. Гдѣ она? А вотъ гдѣ: среди шумной толпы безпутныхъ пьяницъ и погибшихъ женщинъ, она сидитъ подлѣ какого-то господина, который, какъ видно, богаче и знатнѣе всѣхъ; она ласкается къ нему и такъ успѣшно завлекаетъ его въ свои сѣти, что прежняя любовница этого господина уже брошена: она уже занимаетъ мѣсто этой погибшей дѣвушки. Хорошую репутацію составила себѣ скромная вдова! Она не можетъ себя обманывать насчетъ того, какъ думаютъ о ней не только честные люди, но и несчастныя существа, презираемыя всѣми: прямо въ глаза ей высказывается это въ самыхъ рѣзкихъ и къ несчастію правдивыхъ словахъ жалкою дѣвушкою, карьеру которой перебила она: «меня довела до униженія судьба, я опозорена безъ моей воли», говоритъ эта дѣвушка своей счастливой соперницѣ: — «а ты сама добровольно предпочла позоръ честной жизни: ты добровольно предалась разврату,— онъ пріятенъ тебѣ; ты презрѣннѣе меня». Вотъ входитъ старикъ, знавшій нашу вдову, когда она являлась для всѣхъ образцомъ безукоризненной чистоты, онъ видитъ ее въ рукахъ пьянаго, грубаго богача, кото-

рому она расточаетъ свои нѣжности, — этотъ старикъ, который такъ уважалъ ее и слова котораго всегда принимала она съ благоговѣніемъ, проклинаетъ ее. — Что жь такое? Конечно, не легко переносить ей этотъ позоръ; но дѣйствительно, она добровольно подверглась ему; она впередъ знала, что запятнаетъ свою честь, — и не пожалѣла запятнать ее....

— Какою новостью вздумали вы занять насъ! Вы раскаэываете драму «Юдиѳь», въ которой весь Петербургъ видѣлъ игру Ристори.

— Разумѣется. Я хотѣлъ только замѣтить, что Юдиѳь поступила не дурно. Не очень часто встрѣчаются обстоятельства, требующія такихъ же страшныхъ пожертвованій отъ человѣка, желающаго быть полезнымъ обществу; но постоянно черезъ всю гражданскую жизнь каждаго человѣка тянутся историческія комбинаціи, въ которыхъ обязанъ гражданинъ отказываться отъ извѣстной доли своихъ стремленій для того, чтобы содѣйствовать осуществленію другихъ своихъ стремленій, болѣе высокихъ и болѣе важныхъ для общества. Историческій путь — не тротуаръ Невскаго проспекта; онъ идетъ цѣликомъ черезъ поля, то пыльныя, то грязныя, то черезъ болота, то черезъ дебри. Кто боится быть покрытъ пылью и выпачкать сапоги, тотъ не принимайся за общественную дѣятельность. Она—занятіе благотворное для людей, когда вы думаете дѣйствительно о пользѣ людей, но занятіе, не совсѣмъ опрятное. Правда, впрочемъ, что нравственную чистоту можно понимать различно: иному можетъ быть кажется, что напримѣръ Юдиѳь не запятнала себя.

А впрочемъ мы отвлеклись отъ предмета. Мы хотѣли сказать, что въ Соединенныхъ Штатахъ можно, безъ вреда для своей гражданской и ученой репутаціи, быть защитникомъ высокаго тарифа,— и не только можно, но даже слѣдуетъ. Но чтобы имѣть это право, надобно смотрѣть на тарифный вопросъ не съ теоретической стороны, а брать его въ отношеніи къ другимъ, болѣе важнымъ общественнымъ вопросамъ. Расширьте сферу вашихъ соображеній, и у васъ по многимъ частнымъ вопросамъ явятся обязанности, различныя отъ тѣхъ, какія слѣдовали бы изъ изолированнаго поставленія тѣхъ же вопросовъ. Но Кэри поступаетъ не такъ. Онъ отвергаетъ свободную торговлю и проповѣдуетъ протекціонизмъ не по соображенію обстоятельствъ, болѣе важныхъ, чѣмъ экономическая выгодность свободной торговли,—онъ выводитъ свое мнѣніе изъ политико-экономическихъ основаній, которыя никакъ не могутъ быть примирены съ протекціонизмомъ. Это все равно, что вопросъ о войнѣ. Бываютъ обстоятельства, въ которыхъ сами Адамъ Смитъ и Рикардо стали бы требовать энергическаго веденія войны, — напримѣръ, если бы

иностранная армія хотѣла вторгнуться въ Англію; но изъ этого вовсе еще не слѣдуетъ, что война сообразна съ принципами политической экономіи.

Мы нимало не претендуемъ на Кэри за то, что онъ считаетъ высокій тарифъ надобностью для Соединенныхъ Штатовъ; мы только видимъ слабость его логики въ томъ, что надобность эту выводитъ онъ не изъ особенныхъ обстоятельствъ, не имѣющихъ ничего общаго съ политико-экономическою теоріею, а изъ самой экономической теоріи. Но главную занимательность письмамъ Кэри даетъ забавная мономанія его ставить тарифный вопросъ средоточіемъ всей общественной жизни, главнымъ регуляторомъ всѣхъ ея явленій; эту мономанію навели на него экономисты, перестроившіе всю науку въ такомъ духѣ, что вопросы о торговлѣ стали главнымъ предметомъ ея. Пусть они посмотрятъ на письма Кэри къ президенту и полюбуются вѣрнымъ, хотя и обратнымъ отраженіемъ своихъ воззрѣній: тарифный вопросъ — источникъ всѣхъ «многоразличныхъ недуговъ» Соединенныхъ Штатовъ и лекарство противъ нихъ — это восхитительно!

О настоящемъ бытѣ мѣщанъ Саратовской губерніи. Записка *П. А. Гана.* С.-Петербургъ 1860 г.

Брошюра эта, изданная Высочайше учрежденною коммиссіею для улучшенія системы податей и пошлинъ, написана однимъ изъ членовъ коммиссіи, г. Ганомъ, и была приложена къ «Экономическому Указателю» за нынѣшній годъ (при 1-мъ выпускѣ, 1 января). Мы надѣемся, что ни «Экономическій Указатель», ни самъ авторъ записки не найдутъ противнымъ своему намѣренію то, что мы представимъ здѣсь длинныя выписки изъ этой замѣчательной брошюры, хвалить которую было бы излишне.

Записка начинается тѣмъ, что, не смотря на сложеніе недоимокъ съ помѣщичьихъ крестьянъ и мѣщанъ Саратовской губерніи всемилостивѣйшими манифестами, недоимки эти снова быстро ростутъ,— ростутъ быстрѣе, чѣмъ у государственныхъ крестьянъ. Между тѣмъ въ Саратовской губерніи «у государственныхъ крестьянъ подушной подати и другихъ окладныхъ сборовъ приходится среднимъ числомъ по всей губерніи по 5 р. 78½ коп.; у мѣщанъ по 3 р. 4¼ к., а у помѣщичьихъ крестьянъ по 1 р. 86 к. съ души», т. е. мѣщанинъ платитъ прямыхъ налоговъ почти вдвое меньше государственнаго крестьянина, а помѣщичій крестьянинъ слишкомъ въ полтора раза меньше мѣщанина и втрое меньше государственнаго крестьянина.

«Изъ этихъ сравненій окладовъ и сложенной податной недоимки (говоритъ г. Ганъ) получаемъ слѣдующіе выводы: 1) государственные крестьяне, сравнительно съ помѣщичьими и мѣщанами, платятъ податей больше, а недоимка на нихъ меньше; 2) помѣщичьи крестьяне платятъ податей меньше государственныхъ и мѣщанъ, а недоимка на нихъ больше, и 3) мѣщане платятъ податей меньше государственныхъ крестьянъ; а недоимка на нихъ больше. Слѣдовательно, самыми неспособными плательщиками государственныхъ податей оказываются: 1) мѣщане (*) и 2) помѣщичьи крестьяне.

«Прогрессивное наращеніе податныхъ недоимокъ преимущественно на этихъ двухъ сословіяхъ, не смотря на Всемилостивѣйшія прощенія оныхъ, убѣждаетъ въ томъ, что явленіе это не случайное, не слѣдствіе временныхъ бѣдствій (неурожая, скотскаго падежа и т. п.), а существенный недостатокъ нашей податной системы.»

Финансовая наука, продолжаетъ г. Ганъ, признаетъ два существенныя условія для всякаго налога: во-первыхъ, чтобы онъ былъ равномѣренъ или пропорціоналенъ средствамъ каждаго платящаго; во-вторыхъ, чтобы онъ падалъ на чистый доходъ, а не на капиталъ.

«Весь успѣхъ исправнаго платежа податей (говоритъ г. Ганъ) зависитъ отъ соразмѣрнаго ихъ распредѣленія со средствами плательщиковъ.

«Законодательство наше, установивъ поголовную подать для всего ревизскаго населенія извѣстныхъ сословій, само сознаетъ неравномѣрность этого налога, и потому внутреннюю уравнительную раскладку въ свободныхъ сословіяхъ предоставило самимъ обществамъ, а съ помѣщичьихъ крестьянъ помѣщикамъ; но въ дѣйствительности этимъ путемъ не достигается податная уравнительность. У государственныхъ и даже помѣщичьихъ крестьянъ податная уравнительность въ нѣкоторой степени достигается переложеніемъ подушной подати съ неспособныхъ плательщиковъ на землю или на того, кто пользуется ею; въ мѣщанскихъ же обществахъ подобная уравнительность невозможна. Неспособность мѣщанъ и помѣщичьихъ крестьянъ бездоимочно уплачивать государственныя подати условливается не одною подушною податью — неравнымъ налогомъ, но самымъ политическимъ положеніемъ этихъ сословій и способомъ сбора податей.

«Помѣщичій крестьянинъ, лишенный правъ гражданскихъ, а въ томъ числѣ одного изъ главнѣйшихъ — права свободно избирать, по своему желанію и способностямъ, родъ жизни и занятій, поставленъ въ такія

(*) «Государственные крестьяне получаютъ въ надѣлъ землю, которая и даетъ имъ средства къ выполненію своихъ обязанностей, а мѣщанинъ бездомный и не знающій ремесла вполнѣ зависитъ отъ случайности, онъ не имѣетъ постояннаго источника дохода.» *Замѣчаніе г. Гана.*

экономическія условія, при которыхъ благосостояніе его зависитъ отъ воли помѣщика, слѣдовательно и уплата податей болѣе или менѣе зависитъ отъ помѣщика, или отъ тѣхъ условій, въ которыхъ крестьянинъ находится по волѣ своего господина. Крестьянинъ de facto и de jure есть имущество—ничто иное, какъ податной предметъ—источникъ или основаніе налога, а не податное лицо. Поэтому помѣщикъ, владѣющій этимъ имуществомъ—крестьяниномъ, долженъ бы быть податнымъ лицомъ. Но законодательство, въ одномъ случаѣ—относительно гражданскихъ правъ — не признаетъ крестьянина гражданскою личностію; въ другомъ же — относительно податей — признаетъ его личностію самостоятельною, отвѣтственною предъ правительствомъ за исправный взносъ податей. Эти противорѣчія въ законахъ, относительно правъ помѣщичьяго крестьянина, какъ гражданина и податнаго лица, отразились и въ дѣйствительности—несостоятельностію его къ уплатѣ податей. Законодательство, предоставивъ помѣщику внутреннюю уравнительную расскладку въ своемъ имѣніи, сборъ и взносъ податей, не только не подвергаетъ его никакой личной отвѣтственности за неисправную уплату податей, но даже не контролируетъ его дѣйствій по сбору сихъ денегъ. Вся отвѣтственность падаетъ на крестьянъ цѣлаго селенія.

«Когда помѣщикъ передаетъ часть имѣнія другому, податная недоимка не остается ни лично на помѣщикѣ, ни на части, оставшейся въ его владѣніи, а на всемъ имѣніи, какъ бы оно ни было раздѣлено. Точно такъ же, если крестьяне куплены съ накопившеюся недоимкою, то она должна быть возмѣщена съ нихъ же, «въ крайнемъ только слу«чаѣ съ виновныхъ, не заботившихся о возмѣщеніи оной: съ началь«никовъ губерній, членовъ губернскихъ правленій и всѣхъ тѣхъ, кои «слабымъ о взысканіи настоящемъ недоимокъ допустили малѣйшее на«копленіе оныхъ». По естественному закону помѣщикъ, какъ ближайшій распорядитель въ своемъ имѣніи, раскладчикъ и сборщикъ податей, долженъ бы прежде всѣхъ лично отвѣчать за подати своихъ крестьянъ; но законъ оставляетъ его въ сторонѣ и даже не удерживаетъ на пополненіе накопившейся недоимки денежныхъ капиталовъ, слѣдующихъ ему въ выдачу изъ казны, а дозволяетъ продажу помѣщичьяго хлѣба, если крестьяне состоятъ на пашнѣ. А если имѣніе оброчное, или крестьяне работаютъ на фабрикѣ или на заводѣ у помѣщика? Законодательство не разрѣшаетъ этихъ случаевъ. Вѣроятно, возмѣщеніе податной недоимки должно производиться съ тѣхъ же крестьянъ. Если на мѣщанскомъ обществѣ накопится недоимка, то пополненіе ея производится, между прочимъ, изъ слѣдующихъ городамъ платежей отъ казны. Мы не находимъ въ законахъ дозволенія подобнаго пополненія недоимки въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Помѣщикамъ чаще приходится получать деньги изъ казны; слѣдовательно, не мало недоимокъ могло бы уплатиться этимъ путемъ. Эта мѣра имѣла бы моральное дѣйствіе на помѣщиковъ и была бы лучшимъ побудительнымъ средствомъ къ исправной уплатѣ податей. Помѣщикъ—винокуренный заводчикъ, зная, что при выдачѣ ему денегъ за поставку вина будетъ удержана кре-

стьянская недоимка, безъ сомнѣнія принялъ бы всѣ мѣры къ своевременному взносу крестьянскихъ податей. Помѣщикъ, по крайней мѣрѣ какъ сборщикъ податей, кажется, по примѣру сборщиковъ въ другихъ сословіяхъ, долженъ бы подлежать какой нибудь отвѣтственности. За накопленіе недоимки на помѣщичьемъ имѣніи до 86 к. съ души, имѣніе отдается въ опеку, и недоимка взыскивается съ тѣхъ же крестьянъ. Но кто въ этомъ случаѣ болѣе страдаетъ отъ опекунскаго управленія — помѣщикъ или крестьяне? Помѣщикъ получаетъ нѣсколькими сотнями рублей меньше годоваго дохода, а крестьянинъ — окончательно разоряется. Всѣмъ извѣстно, что большею частію за опекунскимъ управленіемъ неизбѣжно слѣдуетъ аукціонная продажа имѣнія. Въ 1847 году имѣніе тайной совѣтницы Л—ской, за долгъ опекунскому совѣту, отдано было въ опекунское управленіе съ тѣмъ, чтобы всѣ доходы съ имѣнія вносились на погашеніе займа. Черезъ шесть лѣтъ опекунскаго управленія имѣніе г-жи Л—ской было продано съ аукціона. Въ имѣніи г-жи Л—ской было 483 ревизскихъ души крестьянъ, и господской земли (за надѣломъ крестьянъ по 8½ десятинъ на тягло) подъ пашнею и сѣнокосомъ болѣе 2,000 десятинъ. Весь долгъ опекунскому совѣту простирался до 5 руб. сер. на душу или 10 руб. сер. на тягло. При этихъ условіяхъ невозможно бы, кажется, довести имѣніе до продажи, однако оно было продано. Если бы всю помѣщичью землю отдать въ пользованіе крестьянамъ и положить оброкъ въ 10 руб. сер. съ тягла (это такой незначительный оброкъ, какого не существуетъ въ Саратовской губерніи), то нѣтъ сомнѣнія, что крестьяне въ одинъ годъ внесли бы весь долгъ опекунскому совѣту. Но опека не уплатила долга, разорила имѣніе и довела его до аукціонной продажи. Слѣды опекунскаго управленія до сихъ поръ сохранились на имѣніи, и крестьяне вспоминаютъ о немъ, какъ о тяжкой порѣ своей жизни.

«Одно изъ основныхъ положеній финансовой науки: налогъ долженъ падать на чистый доходъ, не касаясь капитала, — въ противномъ случаѣ истощаются производительныя средства податнаго предмета и совершенно истребится самое основаніе налога. Крестьянинъ съ его имуществомъ есть податный предметъ — основаніе налога; слѣдовательно, подвергать его чрезъ опекунское управленіе и казенный присмотръ разоренію, значитъ дѣйствовать вопреки финансовымъ понятіямъ. Законодательство, желая остаться послѣдовательнымъ въ своемъ взглядѣ на помѣщичьяго крестьянина, какъ на имущество, подлежащее налогу, беретъ въ свое распоряженіе или подвергаетъ публичной продажѣ, для возмѣщенія накопившейся на немъ недоимки, какъ напримѣръ: землю, мельницу и т. п. недвижимое имущество; но при этомъ оно упускаетъ изъ виду, что имущество это одарено волею и всѣми человѣческими способностями и само можетъ выполнить свои обязанности по отношенію къ государству, стоитъ только устранить отъ него неблагопріятныя условія. Впрочемъ, законодательство даже не обращаетъ вниманія на условія или причины накопленія недоимки на помѣщичьемъ имѣніи; оно просто принимаетъ самую недоимку за фактъ, за данное, и приводитъ въ дѣй-

ствіе свои мѣры къ ея восполненію. Если мѣщанинъ или государственный крестьянинъ изобличенъ будетъ, что недоимка происходитъ отъ дурнаго поведенія, нерадѣнія и мотовства, то подвергается по приговору общества или исправительнымъ наказаніямъ, или отдачѣ не въ очередь въ рекруты за общество. Если бы законодательство желало остаться послѣдовательнымъ въ своихъ финансовыхъ принципахъ, то нѣтъ сомнѣнія, что при накопленіи податной недоимки на помѣщичьемъ имѣніи, точно такъ же обратило бы вниманіе на происхожденіе ея и въ случаѣ, если она есть слѣдствіе дурнаго и безпорядочнаго управленія помѣщика своимъ имѣніемъ, то подвергало бы его также взысканіямъ. Въ случаѣ податной недоимки на крестьянахъ, состоящихъ во временномъ владѣніи, и если окажется, что она произошла отъ худаго управленія, вся недоимка сполна взыскивается съ временныхъ владѣльцевъ. Почему же законъ этотъ не распространяется на постоянныхъ владѣльцевъ–помѣщиковъ? Развѣ у нихъ недоимка не можетъ быть слѣдствіемъ худаго управленія? Отдача имѣнія за неплатежъ податей въ опекунское управленіе есть сознаніе правительства, что владѣлецъ дурно распоряжается имъ, но это сознаніе правительство какъ будто не хочетъ высказать ясно и положительно, а потому, принимая податную недоимку за фактъ, безъ изслѣдованія причинъ, лишь устраняетъ помѣщика отъ управленія имѣніемъ.

Помѣщику правительство предоставило право собирать подати и вносить ихъ въ уѣздное казначейство, не подвергая его дѣйствій въ этомъ случаѣ никакому контролю: въ томъ ли размѣрѣ собраны подати помѣщикомъ или вотчиннымъ начальствомъ и все ли собранное внесено въ казначейство—остается безъ всякой повѣрки со стороны правительства, и ни помѣщикъ, ни вотчинное начальство не даютъ ни квитанцій, ни росписокъ крестьянамъ въ полученіи отъ нихъ податей; такъ что послѣдніе, какіе бы поборы съ нихъ ни были дѣлаемы на уплату податей, лишены возможности доказать, что подати уплачены ими своевременно и въ количествѣ, опредѣленномъ правительствомъ. Впрочемъ, послѣднее обстоятельство (взиманіе помѣщикомъ податей въ большемъ размѣрѣ) законодательство полагаетъ какъ бы невозможнымъ, потому, что на этотъ случай даже нѣтъ закона,—подвергается ли помѣщикъ отвѣтственности за противозаконный сборъ денегъ на подати, подобно тому, какъ мѣщанскіе старосты и члены думы. Въ дѣйствительности же, лишній сборъ на подати и невзносъ оныхъ помѣщиками повторяется нерѣдко. Если не возникаетъ по этому случаю дѣлъ, это происходитъ отъ сознанія крестьянами невозможности доказать юридически правоту своей жалобы. Въ 1857 году, Балашовскаго уѣзда, въ с. Юсуповѣ, крестьяне отказались отъ платежа податей за 1857 годъ, на томъ основаніи, что они въ теченіе десяти лѣтъ платили излишнія подати за своихъ односельцевъ, выселенныхъ помѣщикомъ въ Самарскую губернію. Съ этою жалобою они обращались къ уѣздному предводителю, который потребовалъ отъ помѣщика объясненій, но тотъ, представивъ квитанціи уѣздныхъ казначействъ, доказалъ, что крестьяне не только

не платили излишнихъ податей, — напротивъ, состоятъ еще въ значительной недоимкѣ. Помѣщикъ остался правъ. Неудовлетворенные въ справедливой своей жалобѣ, крестьяне отказались отъ господскихъ работъ; ихъ признали бунтовщиками: губернское начальство распорядилось командировать чиновника для усмиренія непокорныхъ и разслѣдованія причинъ ихъ неповиновенія. Крестьяне объявили, что они не могутъ отправлять назначенныхъ работъ потому, что средства ихъ истощены тяжелыми податями. Помѣщикъ представилъ квитанціи уѣздныхъ казначействъ, изъ которыхъ чиновникъ убѣдился, что на крестьянахъ дѣйствительно состоитъ значительная податная недоимка. Крестьяне увѣряли, что они своевременно вносили подати въ вотчинную контору, и что у нихъ три года тому назадъ взятъ былъ хлѣбъ и скотъ на уплату податей, но не могли представить фактическихъ доказательствъ. Помѣщикъ же, напротивъ, на каждое обвиненіе ихъ представлялъ фактическія доказательства. Напримѣръ, если крестьянинъ говорилъ, что помѣщикъ взялъ у него корову на уплату податей, то помѣщикъ открывалъ конторскую книгу и показывалъ, что такой-то крестьянинъ, такого-то числа, пойманъ или въ господскомъ лѣсу съ дровами, или на потравѣ господскихъ луговъ, за что, по положенію, подвергнутъ штрафу. Крестьянинъ сознавался, что онъ дѣйствительно былъ пойманъ на порубѣ или потравѣ, за что и былъ наказанъ; но денежному штрафу не подвергался, и что когда брали у него корову, то положительно объявляли, что берутъ на уплату казенныхъ податей. Чѣмъ крестьянинъ можетъ доказать правоту своего дѣла, кромѣ своего голословнаго показанія, не имѣющаго юридической силы? Въ Саратовскомъ уѣздѣ одинъ помѣщикъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не вносилъ податей за своихъ крестьянъ, такъ-что за податную недоимку имѣніе назначено было въ продажу. Оборотливый помѣщикъ успѣлъ перезаложить имѣніе и тѣмъ погасилъ податную недоимку; но за то отобралъ у крестьянъ всю землю (не освобождая ихъ отъ трехдневной барщины) и эту же землю сдавалъ имъ по вольной цѣнѣ. Крестьяне увѣряли, что съ нихъ ежегодно въ извѣстное время собирались подати. Но увѣренія, какъ ничѣмъ не подтвержденныя, не были приняты въ уваженіе, и земская полиція заставила ихъ исполнять безпрекословно барщинную повинность. Юридически полиція поступила справедливо; но справедливы ли ея распоряженія, судя почеловѣчески, и выгодны ли подобныя распоряженія для правительства въ финансовомъ отношеніи? Эти вопросы не требуютъ разъясненій. Одно можно сказать, что подобныя мѣры въ конецъ истощаютъ основанія налога, и рано или поздно производительныя средства народа изсякнутъ, а съ ними уничтожится и самый источникъ податей.

«Очевидно, чтобы поставить помѣщичьихъ крестьянъ на степень исправныхъ плательщиковъ податей—необходима реформа какъ въ экономическомъ, такъ и въ политическомъ ихъ положеніи. До тѣхъ же поръ, сама справедливость требуетъ раскладку, сборъ и взносъ податей предоставить міру безъ всякаго участія помѣщика или подвергнуть его

самому строгому контролю и отвѣтственности какъ личной, такъ и имущественной, за накопленіе податной недоимки на принадлежащихъ ему крестьянахъ.»

Указаніе причинъ, отъ которыхъ происходитъ быстрое накопленіе недоимки у помѣщичьихъ крестьянъ, служитъ г. Гану средствомъ къ разъясненію причинъ, которыми порождается она у мѣщанъ.

«По неспособности платить государственныя подати, мы отнесли мѣщанъ къ одной категоріи съ крѣпостными людьми (говоритъ онъ). Такое сближеніе свободнаго сословія съ крѣпостнымъ съ перваго взгляда можетъ показаться страннымъ и не имѣющимъ основанія. Не утверждаемъ, чтобъ мѣщанское сословіе носило въ себѣ всѣ элементы крѣпостнаго состоянія; но между тѣмъ и другимъ, начиная съ происхожденія, есть нѣчто общее: «крѣпостное состояніе лица установляется пожалованіемъ отъ верховной самодержавной власти въ частную власть и обладаніе» (ст. 997, п. I, т. IX Св. Зак. о сост. изд. 1857 года); слѣдовательно не свободная воля лица избираетъ себѣ политическое состояніе, а оно опредѣляется верховною властію. Большая часть нашихъ городовъ возникла не изъ внутренней потребности граждань, не вслѣдствіе политическихъ или экономическихъ потребностей, а вслѣдствіе высочайшихъ повелѣній, въ началѣ по видамъ стратегическимъ, а потомъ чисто административнымъ. Уложеніемъ Алексѣя Михайловича даже ограничена была свобода перехода горожанъ изъ однихъ мѣстъ въ другія и такимъ образомъ они укрѣплены были къ мѣсту своего водворенія. Узаконеніями Петра I-го и Екатерины II-й крѣпостная зависимость горожанъ отъ мѣстъ водворенія уничтожена, но верховная власть оставила за собою право обращать людей въ горожанъ, къ какому бы они податному сословію ни принадлежали. Слѣдовательно и здѣсь, какъ въ крѣпостномъ сословіи, опредѣленіе политическаго состоянія лица исходитъ отъ верховной самодержавной власти, а не отъ свободной воли лица. Таково происхожденіе большей части нашихъ городовъ, которыхъ въ одно царствованіе Екатерины II-й открыто до 216. Въ новѣйшее время города «учреждались» и «упразднялись» правительствомъ по его видамъ. Такъ въ Саратовской губерніи, городъ Аткарскъ, преобразованный въ 1780 году въ городъ изъ дворцоваго с. Аткары, въ 1799 г. былъ упраздненъ; а въ 1804 году снова «учрежденъ» городомъ. Балашовъ, преобразованный въ томъ же 1780 г. изъ дворцоваго села Балашова, въ 1798 г. былъ «упраздненъ»; а въ 1804 году снова объявленъ городомъ. Въ 1836 году въ видахъ административныхъ, правительство объявило селеніе Чертанлы городомъ Новымъ Узенемъ; селеніе Мечетное — Николаевскимъ; а слободу Царевку — Царевомъ. Какого промышленнаго развитія достигли эти города со времени ихъ учрежденія, лучше всего видно изъ слѣдующихъ цифръ, показывающихъ состояніе ихъ въ двѣ различныя эпохи.»

Сравнивая цифры по городу Балашеву за 1855 годъ съ цифрами 1847 года, г. Ганъ показываетъ, что въ теченіе этихъ осьми лѣтъ число купцовъ не увеличилось, а число мѣщанъ и цеховыхъ уменьшилось почти на цѣлую четверть: въ 1847 г. было въ Балашевѣ 2,926, а въ 1855 уже только 2,228 человѣкъ мѣщанъ и цеховыхъ. Число каменныхъ домовъ также уменьшилось съ 14 на 11.

Въ Аткарскѣ чрезвычайно увеличилось число купцовъ 3-й гильдіи, но увеличилось очевидно только отъ приписки въ 3-ю гильдію мѣщанъ, желавшихъ избѣжать рекрутской повинности: общее число купцовъ и мѣщанъ уменьшилось на 6-ю часть (въ 1847 г. считалось 3,818, а въ 1855 г. только 3,273 человѣка купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ). Городскіе доходы уменьшились на цѣлую треть (въ 1847 г. было 5,216 руб., а въ 1855 г. 3,651 рубль).

Въ «Николаевскѣ число купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ осталось безъ видимой перемѣны»; осталось безъ перемѣны и количество каменныхъ домовъ: какъ въ 1847 г. находился 1 таковой домъ, такъ сохранился онъ и въ 1855 г. единственнымъ каменнымъ домомъ въ городѣ, имѣвшемъ болѣе 5,500 жителей. Городскіе доходы возрасли въ 8 лѣтъ съ 6,218 руб. до 6,392 рублей.

Въ г. Новомъ-Узенѣ число купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ не увеличилось; подъ рубриками «учебныхъ заведеній духовныхъ и свѣтскихъ и учащихся» мы читаемъ въ отчетѣ 1847 г. «нѣтъ», а въ отчетѣ 1855 г. «въ томъ же состояніи».

По г. Цареву о благотворительныхъ заведеніяхъ, объ учебныхъ заведеніяхъ духовныхъ и свѣтскихъ и объ учащихся—въ отчетѣ за 1847 годъ говорится точно такъ же, какъ по г. Новому-Узеню; но въ отчетѣ за 1855 годъ говорится не такъ, какъ по Новому-Узеню, а употреблено выраженіе «безъ перемѣны». Г. Царевъ особенно богатъ «нѣтами»: о каменныхъ домахъ онъ отвѣчаетъ «нѣтъ», о фабрикахъ и заводахъ «нѣтъ», даже о трактирахъ, и то «нѣтъ», и за 1847 и за 1855 годъ съ утѣшительнымъ постоянствомъ. Онъ любитъ также отвѣчать «безъ перемѣны»: мы уже слышали три такихъ отвѣта, а вотъ еще два: число купцовъ въ 1855 г. осталось «безъ перемѣны», число мѣщанъ и цеховыхъ тоже «безъ перемѣны». Но о числѣ жителей, при всей любви къ слову «безъ перемѣны», Царевъ не могъ этого сказать: въ 1855 г. число ихъ уменьшилось на 204 человѣка сравнительно съ 1847 г.

«Такихъ бѣдныхъ результатовъ промышленная и торговая жизнь нашихъ городовъ достигла въ многолѣтнее свое существованіе! Но оффиціальныя свѣдѣнія не вполнѣ знакомятъ съ дѣйствительною ихъ бѣдностью. Соломенныя кровли, плетневые заборы, грязныя улицы—вотъ внѣшность ихъ. Пріѣзжій съ величайшимъ трудомъ находитъ ночлегъ.

въ Новоузенскѣ до сихъ поръ нѣтъ ни постоялыхъ дворовъ, ни гостиницъ для пріѣзжающихъ, ни бѣлаго хлѣба въ продажѣ, ни мяса лѣтомъ или во время постовъ.

«Назадъ тому лѣтъ десять, чиновникъ, командированный по дѣламъ службы изъ Саратова въ Новоузенскъ, долженъ былъ выписывать туда, за 200 верстъ, изъ Саратова, чрезъ почту, бѣлый хлѣбъ и мясо, даже зимою (*). Признаки торговой жизни нѣсколько замѣтны въ базарные дни и ярмарки. На базарахъ обыкновенно жители запасаются провизіею и всѣмъ нужнымъ въ обыденной жизни на цѣлую недѣлю или до новаго базара. На ярмаркахъ дѣлается годовой запасъ чая, сахара, кофе и другихъ колоніальныхъ и мануфактурныхъ товаровъ до новой ярмарки. Въ оффиціальныхъ статистикахъ обыкновенно показывается подъ громкою рубрикой: *«фабрики и заводы»* столько-то. Подъ этими названіями слѣдуетъ разумѣть, по большей части, самыя скромныя заведенія, гдѣ работаетъ отецъ съ сыномъ или съ двумя, тремя наемными работниками. Такъ, ни въ одномъ изъ названныхъ нами городовъ нѣтъ фабрикъ, а существуютъ только кирпичные заводы въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ для удовлетворенія лишь мѣстныхъ нуждъ — постройки печей, кожевенные заводы, собственно овчинные, обдѣлывающіе овечьи шкуры для полушубковъ мѣстнымъ жителямъ, и — болѣе или менѣе въ значительныхъ размѣрахъ — салотопенные, которые занимаются производствомъ по два и по три мѣсяца въ году. Подобные заводы существуютъ во многихъ промышленныхъ селахъ, гдѣ они, такъ же какъ въ городахъ, не составляютъ спеціальности жителей, а служатъ второстепеннымъ занятіемъ нѣкоторыхъ крестьянъ, въ свободное отъ полевыхъ работъ время.

«Но обратимся къ положительному законодательству, которое, опредѣленіемъ правъ и обязанностей городскаго сословія, лучше объяснитъ намъ положеніе, въ которомъ оно находится.

«Право вступленія въ городское сословіе и выходъ изъ онаго предоставлено всѣмъ свободнымъ сословіямъ, исключая потомственнаго дворянства. Какъ при вступленіи въ городское сословіе, такъ и при выходѣ, требуется согласіе городскаго общества, но могутъ и безъ согласія городскаго общества приписываться въ мѣщане: 1) уволенные церковники, 2) дѣти приказно-служителей, неимѣющихъ оберъ-офицерскихъ чиновъ; 3) пріобрѣтенные въ казну однодворческіе крестьяне, не желающіе переселяться въ многоземельныя губерніи, 4) всѣ отпущенные на волю люди, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола; 5) разнаго

(*) «Нынѣ, говорятъ, въ зимнее время можно въ Новоузенскѣ всегда найти мясо, а въ лѣтнее, кромѣ курицы, за которую надобно заплатить въ-три-дорога— ничего нельзя найти. Какъ же продовольствуется мѣстное чиновничество?—Это дѣлается обыкновенно такъ: мясникъ приходитъ къ судьѣ или исправнику и объявляетъ, что у него есть скотина, которую готовъ зарѣзать, если обяжутся всю разобрать. Составляется чиновничій совѣтъ, на которомъ рѣшаютъ, кому сколько взять. Если по разсчету мясника разбирается вся туша, то онъ убиваетъ скотину. Чрезъ нѣсколько дней продолжается та же процедура. А если чиновники въ размолвкѣ, то питаются рыбой и курами.» *Примѣч. г. Гака.*

званія свободные люди въ городамъ не принадлежащіе и 6) ссыльные, которымъ, на основаніи указа 22 іюля 1837 года, дозволено возвратиться изъ Сибири во внутреннія губерніи имперіи. Хотя всѣмъ этимъ лицамъ предоставлено право избирать себѣ родъ жизни или вступать по своему усмотрѣнію во всѣ свободныя сословія, но это право — мнимое: оно существуетъ для большей части этихъ людей только въ законѣ, а не въ дѣйствительности. Для вступленія въ купеческое сословіе нужно имѣть извѣстный капиталъ. Чтобы приписаться въ государственные крестьяне, необходимо испросить согласіе того общества, въ которое лицо желало бы вступить, а такъ какъ общество, изъявляя согласіе на пріемъ въ среду свою новаго члена, обязывается отвѣтственностію въ платежѣ за него податей и повинностей, и кромѣ того должно объяснить, что для надѣленія новаго члена находится у него нужное количество земли, то получить отъ общества пріемный приговоръ — не такъ легко. Правда, палата государственныхъ имуществъ приписываетъ и безъ согласія общества къ тѣмъ селеніямъ государственныхъ крестьянъ, гдѣ приходится земли болѣе 8-ми десятинъ на душу; но такихъ многоземельныхъ обществъ гораздо менѣе, чѣмъ малоземельныхъ. Вслѣдствіе этого, всякому обязанному избрать себѣ родъ жизни остается единственно доступнымъ городское мѣщанское сословіе, къ которому волею или неволею, а должно причислиться, чтобы не быть прописнымъ и за это подвергнуться взысканію. Въ 1857 году изъ 175-ти отпущенныхъ приписалось въ государственные крестьяне 54, въ 1858 году изъ 1,537 — 274, въ 1859 г. по октябрь мѣсяцъ изъ 2,060 — 256. Слѣдовательно, изъ 3,772 отпущенниковъ, избиравшихъ себѣ родъ жизни, поступило въ государственные крестьяне 15. 4%, а въ мѣщане 84. 6%. Хотя по закону и предоставленъ свободный выходъ изъ мѣщанскаго сословія во всѣ другія, кромѣ крѣпостнаго, но въ дѣйствительности, мѣщанинъ можетъ свободно перечислиться только въ купечество, если имѣетъ достаточный капиталъ, потому что вступленіе въ государственные крестьяне для него, кромѣ общихъ затрудненій, о которыхъ было сказано выше, стѣснено слѣдующими запретительными условіями: «мѣщанамъ, которые не только сами, но и отцы ихъ никогда въ земледѣльчествѣ не упражнялись, или вступили въ какую либо промышленность, городскимъ жителямъ свойственную, и могутъ содержать себя по своему состоянію, переходъ въ крестьянство запрещается» (ст. 619 п. I, т. IX). Правительство, обращая сельскихъ обывателей въ городскія, не принимало во вниманіе, способны ли они къ торговлѣ, ремесламъ и вообще къ промысламъ, свойственнымъ городамъ, и имѣютъ ли къ этому матеріальныя средства; отъ городскихъ же обывателей, при переходѣ ихъ въ сельскіе, требуетъ знаній или по крайней мѣрѣ практическаго навыка въ земледѣліи. Для городскихъ промысловъ конечно требуется вообще больше развитія и промышленности, чѣмъ для сельскихъ, и тотъ, кто разъ выучился извѣстному ремеслу, не пойдетъ въ земледѣльцы, потому что земледѣльческія работы гораздо труднѣе ремесленныхъ. О занимающихся торговлею и говорить нечего. Слѣдова-

тельно, опасенія правительства относительно перехода ремесленниковъ и торговцевъ въ земледѣльцы напрасны. Если уже допускать опеку правительства, при избраніи рода жизни, то скорѣе эта мѣра можетъ быть допущена при запискѣ въ городскіе обыватели, потому что въ городахъ — говоритъ Екатерина II-я въ Наказѣ, данномъ коммиссіи о сочиненіи новаго уложенія, «обитаютъ мѣщане, которые упражняются въ ремеслахъ, торговлѣ, художествахъ и наукахъ». Слѣдовательно, если таковъ взглядъ правительства на значеніе городовъ, то какимъ образомъ ставить въ обязательное положеніе приписываться къ городамъ людей, не имѣющихъ ни малѣйшаго понятія ни о ремеслахъ, ни о торговлѣ, ни о промышленности, какъ напримѣръ, церковника, уволеннаго изъ духовнаго званія за неспособностію или по подозрѣнію въ преступленіи (ст. 463 п. 1 и 278, т. IX). «Въ городахъ, говоритъ Екатерина II-я, въ которыхъ многія обращенія торгъ имѣетъ, весьма смотрѣть должно, чтобы чрезъ честность и добронравіе граждан сохранился кредитъ во всѣхъ частяхъ коммерціи, потому что честность и кредитъ суть души коммерціи». Какой же можетъ держаться кредитъ, если правительство вербуетъ въ городское сословіе людей, возвращенныхъ изъ Сибири, оставленныхъ въ подозрѣніи по преступленіямъ и проступкамъ, и т. п.? Мы далеки отъ той мысли, чтобы ставить строгія ограниченія при вступленіи въ городское сословіе; напротивъ, желаемъ, чтобы была предоставлена полная свобода вступленія во всѣ сословія; равнымъ образомъ и переходъ изъ одного сословія въ другое не долженъ подлежать никакимъ ограниченіямъ. По нынѣ дѣйствующимъ законоположеніямъ, городское общество, говоря собственно о мѣщанахъ, носитъ на себѣ характеръ крѣпостной, какъ по происхожденію своему и вступленію лицъ въ это сословіе, такъ и по переходу изъ него въ другія.

«Въ западной Европѣ (продолжаетъ г. Ганъ) городъ является историческимъ результатомъ прожитой народомъ жизни, а у насъ — административнымъ учрежденіемъ власти. Отъ этого характеръ и направленіе дѣятельности горожанъ, несмотря на данное имъ отъ правительства городское уложеніе, остается тотъ же самый, который имѣли они до объявленія мѣста ихъ жительства городомъ. Такъ-какъ большая часть нашихъ городовъ до преобразованія ихъ правительствомъ въ эти учрежденія были земледѣльческими поселеніями, то занятіе большей части жителей и до сихъ поръ составляетъ хлѣбопашество. Назадъ тому лѣтъ 50 изъ мѣщанъ города Саратова жили хуторами на городской землѣ 1570 душъ, они постоянно занимались хлѣбопашествомъ; но по волѣ правительства ихъ переселили въ городъ. Нѣкоторые изъ нихъ успѣли захватить мѣста по рѣчкѣ Березиной и Кожуриной, развели сады и до настоящаго времени остаются земледѣльцами. Многіе изъ мѣщанъ имѣютъ свои домы и все земледѣльческое обзаведеніе на городской землѣ, снимая ее у контрагента думы и коммиссіи о раздачѣ въ оброкъ городскихъ земель. Въ минувшемъ 1859 г., по офиціальнымъ свѣдѣніямъ саратовской городской думы, показано подъ посѣвами мѣ-

щанъ до 15 т. десятинъ, что даетъ болѣе одной десятины на душу. Въ г. Вольскѣ промышленность городскихъ обывателей — сказано въ отчетѣ думы за 1859 годъ — заключается главнѣйше въ хлѣбопашествѣ и скотоводствѣ. Купцами и мѣщанами распахивается ежегодно среднимъ числомъ до 5 т. десятинъ земли, что даетъ среднимъ числомъ болѣе 1/2 десятины на душу. До 800 душъ вольскихъ мѣщанъ живутъ особыми хуторами на городскихъ земляхъ и занимаются исключительно хлѣбопашествомъ, со взносомъ въ доходъ города за землю по 5 коп. сер. съ десятины. Въ другихъ городахъ Саратовской губерніи, поставленныхъ географическимъ положеніемъ въ менѣе благопріятныя условія для промышленности, хлѣбопашество производится еще въ большихъ размѣрахъ. Такъ въ г. Петровскѣ въ 1859 году мѣщанами распахано было 6,320 десятинъ, что даетъ на каждую душу среднимъ числомъ 2—6 десятинъ. Эти немногія данныя убѣждаютъ въ той мысли, что правительственными учрежденіями нельзя измѣнить направленія народной дѣятельности; скорѣе правительство вмѣсто сочувствія встрѣтитъ открытое сопротивленіе своимъ нововведеніямъ, если они не отвѣтствуютъ внутренней потребности народа. Такъ это и было при преобразованіи въ 1836 году слободы Царевки (нынѣ Астраханской губерніи) въ городъ Царевъ. Жители Царевки, сознавая, что съ открытіемъ города они должны будутъ обратиться въ безземельныхъ мѣщанъ и волею или неволею сдѣлаться торговцами или ремесленниками, въ чемъ они до того времени не имѣли никакой нужды, открыто стали сопротивляться учрежденію. Начальство не сочло нужнымъ входить въ ближайшее разсмотрѣніе причинъ народнаго несочувствія къ благимъ мѣрамъ правительства и объявило Царевку городомъ. Недовольные жители рѣшились на странную мѣру: не продавать чиновникамъ съѣстныхъ припасовъ и такимъ образомъ голодомъ выжить непрошенныхъ гостей. Но ихъ признали бунтовщиками и посредствомъ военной команды заставили повиноваться.

«Правительство, обращая земледѣльческія поселенія въ города и вмѣстѣ съ тѣмъ отбирая у жителей земли — единственный источникъ ихъ существованія, ничего не предоставило имъ въ замѣнъ земли. Не должно упускать изъ виду, что мелкая промышленность, и именно ремесла, сосредоточиваются у насъ болѣе въ деревняхъ, нежели въ городахъ: она производится сьобща въ селахъ, которыя вывозятъ свои произведенія на ярмарки. У насъ нерѣдко деревенскіе сапожники, столяры и слесари снабжаютъ своими произведеніями города. Слѣдовательно, къ чему могутъ служить мѣщанину данныя ему правительствомъ права на свободную торговлю крестьянскими издѣліями, когда крестьяне сами снабжаютъ ими горожанина, а не онъ ихъ?

«Всѣ эти длинныя соображенія мы вели къ тому, чтобы доказать, что положеніе нашихъ горожанъ, созданныхъ по волѣ правительства, не нормальное, что экономическія условія, въ какія они поставлены верховною властію, не обезпечиваютъ ихъ жизни, и что при этихъ условіяхъ они никогда не будутъ исправными исполнителями своихъ

обязанностей въ отношеніи къ государству; на нихъ всегда будетъ оставаться неоплатная податная недоимка, отъ которой они будутъ избавляться только Всемилостивѣйшими манифестами.»

Кромѣ этихъ экономическихъ условій, недоимка растетъ и отъ самаго способа взиманія податей, отъ круговой поруки, при которой въ городахъ «кто исправнѣе платитъ, на того и накладываютъ больше», потому что городскія думы или ратуши и податные старосты и ихъ помощники, отвѣчая за недоимку съ общества своимъ имуществомъ и подвергаясь за нее «строгому исправительному взысканію», должны думать не о равномѣрномъ распредѣленіи податей, а только о бездоимочномъ взносѣ ихъ.

«Изъ множества случаевъ неуравнительнаго распредѣленія податей (говоритъ г. Гаазъ) приведемъ одинъ, разсказанный намъ человѣкомъ, заслуживающимъ полнаго довѣрія. Въ бытность его городскимъ головою въ Саратовѣ (разсказывающій служилъ три выбора городскимъ головою) является въ присутствіе старикъ-мѣщанинъ съ убѣдительною просьбою освободить его отъ платежа податей за накладную душу, потому что онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ платитъ за нее. Такъ-какъ мѣщанинъ былъ человѣкъ состоятельный, то голова сталъ убѣждать его покориться неизбѣжной долѣ. «Но по крайней мѣрѣ», отвѣчалъ мѣщанинъ, «хотя бы показали мнѣ этого несчастнаго, за котораго я столько лѣтъ плачу подати». Голова, чтобы успокоить просителя, позвалъ мѣщанскаго старосту, и велѣлъ отыскать накладную душу, за которую платилъ проситель. Привели молодца лѣтъ 30, здороваго, въ красной рубашкѣ, плисовыхъ шароварахъ и суконной чуйкѣ. — Ты не платишь податей? — спросилъ его голова. — «Не плачу. — Почему? — «За меня платятъ другіе»....

«По невозможности перелагать подать съ лицъ, особенно неспособныхъ, на предметы, какъ у сельскихъ обывателей на землю, податная недоимка у мѣщанъ часто дѣлается наслѣдственною и ростетъ вмѣстѣ съ возрастомъ будущаго гражданина, такъ-что когда онъ достигаетъ лѣтъ 18-ти, на немъ лежитъ уже неоплатная недоимка, которая давитъ его и поглощаетъ весь его заработокъ. Счастіе, если по стеченію какихъ нибудь благопріятныхъ обстоятельствъ, онъ успѣетъ расплатиться съ недоимкою, а то — бѣдность, а съ ней и порокъ, окончательно задавятъ его, и кончится тѣмъ, что общество, какъ неисправнаго плательщика, отдаетъ его въ рекруты за міръ. Для примѣра, какъ образуется на мѣщанахъ податная недоимка, приведемъ нѣсколько семействъ изъ окладныхъ книгъ мѣщанъ г. Саратова. Семейства эти, скажемъ напередъ, взяты нами не на выборъ, а почти къ ряду. По окладной книгѣ 1855 г. подъ № 1767 значится: Иванъ Николаевъ Кокуевъ 39 лѣтъ, текущихъ податей 3 р. 11 к., недоимки за 1849 г. 1 р. 45 к. Съ 1850 по 1855 г. платежей не было, исключая 1853 и 1854 г., когда текущіе платежи сложены были на другихъ, то податная недоимка возрасла

до 24 руб. 92 к. сер. Какъ возрасла недоимка на Кокуевѣ? До 1850 г. семейство Кокуевыхъ состояло изъ двухъ душъ — сына и отца, который въ наслѣдство сыну оставилъ послѣ себя недоимку въ 3 р., да на самомъ Иванѣ Кокуевѣ состояло въ 1849 г. 1 р. 45 к., итого недоимки къ 1851 г. 4 р. 45 к., да текущихъ платежей за двѣ души 6 р. 23 к., всего въ 1851 г. должно было заплатить 10 р. 68 к. Въ этотъ годъ Кокуевъ взятъ былъ по одному дѣлу подъ стражу въ тюремный замокъ, гдѣ и содержался три года, въ теченіе которыхъ подати возрасли до сказанной нами цифры. По освобожденіи изъ тюремнаго замка, Кокуевъ сданъ въ ратники, какъ неисправный плательщикъ податей. Счастіе, что у Кокуева не осталось дѣтей, а то вся его недоимка досталась бы имъ на долю и можетъ быть ихъ постигла бы участь отца.»

Авторъ записки приводитъ еще нѣсколько примѣровъ подобнаго рода; изъ нихъ приведемъ одинъ послѣдній. Семейство мѣщанъ Березкиныхъ числилось по окладу 1859 г. состоящимъ изъ 7 ревизскихъ душъ, не имѣя ни одного совершеннолѣтняго работника, и на трехъ мальчиковъ, оставшихся тогда въ семействѣ Березкиныхъ, падало тогда платежей 21 рубль 80½ к. въ годъ. Этимъ мальчикамъ очевидно суждено, какъ только подростутъ, всѣмъ идти въ солдаты за накопленіе на нихъ недоимки.

Вотъ заключеніе г. Гана:

«Напрасно думаютъ нѣкоторые, что недоимка на мѣщанахъ накопляется отъ недостатка строгихъ мѣръ въ отношеніи къ неисправнымъ плательщикамъ. Зло — въ экономическихъ условіяхъ мѣщанъ, въ податной системѣ и въ несоразмѣрности налога. Величина налога вездѣ одинакова, мѣра взысканій тоже, а между тѣмъ какое разнообразіе въ податной недоимкѣ!

«Для исправной уплаты мѣщанами податей, по нашему мнѣнію, необходимо: 1) измѣнить ихъ экономическія условія, т. е. обратить тѣхъ, кто пожелаетъ, въ первобытное состояніе, въ земледѣльцевъ; для чего надѣлить ихъ землею, гдѣ представится къ тому возможность изъ городскихъ дачъ, въ противномъ случаѣ изъ казенныхъ земель.

2) Подушную подать переложить съ душъ на землю, и обложить податью только работниковъ отъ 16 до 60 лѣтъ включительно.

3) Мѣщанъ, занимающихся торговлею, промыслами и личными услугами, раздѣлить на категоріи, на основаніи приблизительной оцѣнки доходовъ каждой категоріи.

4) Вносить въ податной окладъ только работниковъ отъ 16 до 60-лѣтняго возраста,

и 5) исправный взносъ податей оставить на личной отвѣтственности каждаго плательщика, а не всего общества.»

НОВЫЯ ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

Основа. 1861 № 1.

Мы, великоруссы, не можемъ похвалиться, что всегда были справедливы въ своихъ литературныхъ отношеніяхъ съ малороссами. Еще очень недавно русская литература смотрѣла на попытки придать литературное значеніе малорусскому языку иногда съ надменной усмѣшкой, иногда и прямо съ враждой. Великимъ и совершеннымъ ничто не раждается, а народная потребность и любовь къ родному заставляетъ націю принимать съ восторгомъ первыя родныя произведенія, каково бы ни было ихъ безъотносительное достоинство. Малороссы естественно должны были восхищаться сочиненіями первыхъ малорусскихъ писателей. Мы, великоруссы, читая повѣсти Основьяненка, перелицеванную Энеиду Котляревскаго и стихи Гулака Артемовскаго, не находили въ нихъ ничего особенно хорошаго, и слишкомъ безцеремонно стали подсмѣиваться надъ малороссами за восхищеніе такими писателями. Кромѣ посредственности дарованій, многіе изъ насъ охлаждались и самымъ направленіемъ тогдашнихъ малорусскихъ корифеевъ. Это были люди патріархальные,—не то, что народные, нѣтъ, а просто не умѣвшіе различать въ своемъ родномъ бытѣ дурныхъ сторонъ отъ хорошихъ и возводившіе въ идеалъ многія такія вещи, отъ которыхъ уже отворачивался самъ малорусскій народъ. Чтобы малорусской публикѣ понятно стало, о чемъ мы говоримъ, просимъ нашихъ малорусскихъ читателей припомнить анекдотъ, случившійся при чтеніи «Листовъ къ любезнымъ землякамъ» на сельской сходкѣ малороссійскихъ поселянъ, — анекдотъ этотъ вѣроятно очень извѣстенъ въ южной Россіи, по крайней мѣрѣ мы слышали его отъ малороссовъ очень часто. Пока чтецъ (чуть ли не самъ Основьяненко) читалъ изъ этихъ «Листовъ» разсужденія о вредѣ пьянства, малороссы поддакивали и одобрительно кивали головами. Но едва чтецъ дошелъ до разныхъ высшихъ философствованій и внушеній, изъ толпы послышался единодушный отзывъ: «это уже пошли враки»— отто вже брехня. Слишкомъ наивный авторъ «Листовъ» принялъ за чистую монету квасныя разглагольствованія нашей татарщины и почелъ, что переводомъ ихъ на малорусскій языкъ сдѣлаетъ пользу и удовольствіе своимъ любезнымъ землякамъ. Литература наша, не долюбливавшая подобныхъ разсужденій на великорусскомъ языкѣ, не слишкомъ полюбила такой оттѣнокъ въ тогдашнихъ корифеяхъ воз-

никавшей малорусской литературы. Быть может некоторые изъ сотрудниковъ «Основы», хотя сами и никакъ не могутъ подлежать подобному упреку, найдутъ, что мы не справедливы къ Основьяненку и его сверстникамъ, — быть может они скажутъ, что гражданскія понятія Основьяненка должны назваться удовлетворительными, а уже навѣрное многіе прибавятъ, что малорусскія произведенія Основьяненка имѣютъ высокое художественное достоинство, не въ примѣръ выше его разсказовъ на великорусскомъ языкѣ. Пусть оно будетъ и такъ — спорить мы не намѣрены: мы только выставляемъ мнѣнія тогдашней великорусской литературы, какъ причины извѣстнаго историческаго факта, а вовсе не доказываемъ, что эти мнѣнія были справедливы. Тѣмъ меньше расположены мы оправдывать самый фактъ, — неблагопріятныя сужденія, какія часто встрѣчались въ тогдашнихъ петербургскихъ и отчасти московскихъ журналахъ о тогдашней малорусской литературѣ. Въ этихъ сужденіяхъ была явная опрометчивость.

Съ той поры у нѣкоторыхъ малороссовъ до сихъ поръ удержалось мнѣніе, будто бы великоруссы все еще плохо расположены къ южно-русской народности. Что и говорить, мало ли какихъ людей найдется въ нашей матушкѣ Великой Руси. Есть такіе молодцы, которые не только не станутъ питать дружескихъ чувствъ къ «Основѣ», — не питаютъ ихъ и ни къ одному мало-мальски порядочному московскому или петербургскому журналу; которые не то что по-малорусски, а и по-великорусски учиться не дали бы никому. Но про такихъ людей нечего разсуждать: мы готовы были бы выдать ихъ всѣхъ головой не только малороссамъ, а пожалуй хотя бы друзамъ, да и тѣ ихъ не возьмутъ къ себѣ. Мы будемъ говорить только о тѣхъ великоруссахъ, которыхъ не должна стыдиться назвать своими людьми ихъ родина, и мы можемъ увѣрить малороссовъ, что никто изъ такихъ людей не откажется назвать своимъ мнѣніемъ слѣдующій взглядъ на литературныя стремленія малорусской народности.

Съ той поры, какъ отзывался кто нибудь въ великорусской литературѣ холодно объ этомъ стремленіи, времена измѣнились, порядкомъ измѣнились мы, да и малорусская литература получила уже такое развитіе, что даже могла бы обойтись и безъ нашего великорусскаго одобренія, если бъ могли мы не имѣть къ ней сочувствія. Когда у поляковъ явился Мицкевичъ, они перестали нуждаться въ снисходительныхъ отзывахъ какихъ нибудь французскихъ или нѣмецкихъ критиковъ: не признавать польскую литературу значило бы тогда только обнаруживать собственную дикость. Имѣя теперь такого поэта какъ Шевченко, малорусская литература также не нуждается ни въ чьей благосклонности. Да и кромѣ Шевченка пишутъ теперь

на малорусскомъ языкѣ люди, которые были бы не послѣдними писателями въ литературѣ и побогаче великорусской. Другіе писатели, по самому роду своей дѣятельности избирающіе для своихъ произведеній великорусскій языкъ, принадлежатъ всѣми своими симпатіями къ кругу людей, наиболѣе заботящихся о развитіи малорусской народности. А важнѣе всего то обстоятельство, что сама малорусская нація пробуждается. Если чехи необходимо должны имѣть свою литературу, хотя чеху вѣроятно не труднѣе выучиться читать польскія книги, чѣмъ малороссу великорусскія, то странно было бы отрицать справедливость такого же стремленія въ малороссахъ, которые вдвое многочисленнѣе чеховъ.

Къ чему приведетъ это стремленіе,—мы того не знаемъ, какъ не знаютъ и сами малороссы, потому что дѣло зависитъ отъ путей, по которымъ пойдетъ вся исторія всей восточной Европы. Быть можетъ черезъ 1,000 лѣтъ не останется на свѣтѣ ни сербовъ, ни болгаръ, ни малороссовъ, а будутъ потомки этихъ народовъ составлять какой нибудь одинъ народъ, котораго теперь еще и нѣтъ на свѣтѣ. Если такъ, разумѣется не тысячелѣтняя жизнь суждена и малорусской литературѣ, и быть можетъ исчезнетъ она по случаю минованія народной потребности въ ней, не развившись до богатства учеными книгами по всеобщей исторіи или философіи, по математикѣ или естественнымъ наукамъ на малорусскомъ языкѣ. А быть можетъ случится и наоборотъ,—и судя по всему прежнему ходу исторіи, надобно скорѣе думать, что случится наоборотъ: не какія нибудь 200 или 300 лѣтъ, а Богъ-знаетъ сколько вѣковъ будутъ говорить по-малорусски люди, живущіе по Днѣпру и дальше на западъ; въ такомъ случаѣ будетъ существовать и малорусская литература Богъ-знаетъ сколько вѣковъ; а если такъ будетъ, то нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться, что раньше или позже появятся на малорусскомъ языкѣ всякія книги, какія пишутся теперь, напримѣръ, хотя бы на польскомъ языкѣ: не одни стихотворенія и повѣсти, а также ученые трактаты по всевозможнымъ наукамъ. Еще недавно мы отваживались сказать, что на малорусскомъ языкѣ невозможно было бы явиться статьѣ г. Безобразова объ аристократіи; оно и правда, что теперь невозможно; а со-временемъ, — почему знать? могутъ появиться у малоруссовъ свои доморощеные гг. Безобразовы и, чего добраго, будущій г. С. Г. издастъ когда нибудь «Философскій Словарь» на чистѣйшемъ малорусскомъ языкѣ.

Просимъ малороссовъ не тревожиться: мы не предсказываемъ, что ихъ непремѣнно постигнетъ такая бѣда; мы только говоримъ, что пусть они не думаютъ, будто мы хотимъ сохранять за великорусскимъ языкомъ привилегію служить органомъ мыслей г. С. Г.

о философіи, г. Ржевскаго о политической экономіи, г. Вотчева объ Англіи, г. Андреева о древнемъ Римѣ (съ императоромъ Агриппою) и т. д.; мы отъ души имъ желаемъ имѣть на малорусскомъ языкѣ книги обо всѣхъ этихъ предметахъ, только съ тою оговоркою, что желаемъ имъ имѣть писателей не такихъ, какъ эти наши.

Однако, перейдемъ къ настоящему дѣлу. Спрашиваютъ иногда: способенъ ли малорусскій языкъ достичь высшаго литературнаго развитія? Намъ кажется, что простительно, когда дѣлаютъ такой вопросъ люди, никогда не думавшіе о малорусской народности, — не по отсутствію симпатіи къ ней, а просто потому, что не случилось имъ думать ни о Малороссіи, ни о Россіи, ни о Европѣ, ни объ Америкѣ, да ни о чемъ въ свѣтѣ, какъ не случилось прочесть Кольцова или Островскаго, которыхъ они, впрочемъ, навѣрное полюбили бы, если бы прочли. Но мы нѣсколько обижаемся за Малороссію, когда такой же вопросъ предлагаютъ себѣ малороссы, — какъ будто объ этомъ можно спрашивать! Да развѣ слѣдуетъ имѣть тутъ какое-нибудь сомнѣніе? Да развѣ есть на свѣтѣ какой нибудь языкъ или какое нибудь нарѣчіе, которое не получитъ высшаго литературнаго развитія, когда племя, говорящее имъ, будетъ нуждаться по своему развитію въ литературѣ? Вѣдь нидерландцы, напримѣръ, говорятъ языкомъ, который къ нижне-нѣмецкимъ нарѣчіямъ едва ли не ближе, чѣмъ малорусскій къ великорусскому, и къ которому нижне-нѣмецкія нарѣчія гораздо ближе, чѣмъ къ литературному нѣмецкому. Почему же у нидерландцевъ есть своя литература, у другихъ platt-deutscher'овъ нѣтъ своей особенной литературы? Просто потому, что есть между говорящими на нидерландскомъ нарѣчіи люди, нуждающіеся въ литературѣ, а въ племенахъ, говорящихъ другими нижне-нѣмецкими нарѣчіями нѣтъ такихъ людей, — тутъ кто любитъ читать книги, тотъ уже бросилъ говорить на мѣстномъ нарѣчіи и говоритъ (болѣе или менѣе удачно) литературнымъ нѣмецкимъ языкомъ. То же самое и у насъ съ какимъ-нибудь рязанскимъ или костромскимъ нарѣчіемъ. Они безъ сомнѣнія никогда не будутъ имѣть высокаго литературнаго развитія. Но почему? Потому ли, что сами въ себѣ неспособны къ высшему развитію? Какой вздоръ! Чѣмъ же слово «знатъ» хуже само по себѣ слова «знаетъ» и форма «рукамъ, ногамъ», хуже формы «руками, ногами?» Нѣтъ, просто потому, что сознаніе костромича или тамбовца о себѣ, какъ о костромичѣ или тамбовцѣ, совершенно исчезаетъ въ его сознаніи о себѣ, какъ о великоруссѣ. Онъ думаетъ: «не стоитъ мнѣ хлопотать о моихъ мѣстныхъ отличіяхъ»; онъ держится ихъ только тогда, когда по незнанію не имѣетъ возможности бросить ихъ безъ вниманія, котораго впрочемъ и такъ не имѣетъ

къ нимъ. Если племя находится въ такомъ нравственномъ расположеніи, то не бываетъ ни между нимъ, ни въ чужихъ книгахъ разсужденій о способности его нарѣчія къ высшему литературному развитію. Таково ли положеніе малороссовъ? Лѣтъ 50 или 70 тому назадъ, каждый изъ нихъ вѣроятно точно такъ же радъ былъ бросить свой языкъ для великорусскаго, какъ чехъ тогда радъ былъ стать изъ чеха нѣмцемъ, или словакъ изъ словака мадяромъ, или какъ теперь провансалецъ радъ стать изъ провансальца истымъ парижаниномъ по разговору. Теперь не то у малороссовъ. А если не то, такъ почему же и не быть способну ихъ языку къ высшему литературному развитію, когда способно къ нему нидерландское нарѣчіе?

Но дѣйствительно ли есть у малороссовъ любовь къ своему нарѣчію, потребность имѣть на немъ литературу? Тутъ кажется опять таки не о чемъ спрашивать. Не только они сами сознаютъ, даже мы великоруссы признаемъ, что они не великоруссы, а малороссы, что они имѣютъ много важныхъ особенностей отъ насъ и дорожатъ этими особенностями. Могутъ ли имѣть они потребность въ книгахъ, писанныхъ языкомъ, различнымъ отъ великорусскаго, объ этомъ каждый изъ насъ можетъ судить по себѣ, — стоитъ только ему развернуть малорусскую книгу: если онъ не имѣлъ случая познакомиться съ малорусскимъ языкомъ, онъ пойметъ въ этой книгѣ немногимъ больше, чѣмъ въ польской и едва ли больше, чѣмъ въ сербской. Легко ли, пріятно ли читать книги на чужомъ языкѣ? Оно и легко и пріятно бываетъ, когда вы научились чужому языку, — но и то лишь въ томъ случаѣ, если на своемъ родномъ языкѣ вы начитались книгъ досыта. Чтеніе книги на чужомъ языкѣ — все равно, что выѣздъ въ гости: бываетъ по временамъ въ чужихъ людяхъ пріятно и даже полезно; но не приведи Богъ никому не имѣть своего угла!

Великорусская книга — родная книга и архангельцу, и енисейцу, и астраханцу, но не родная она малороссу. Ему нужно теперь, не такъ какъ намъ, не только учиться тому, чему онъ хочетъ учиться, — ему нужно еще учиться великорусскому языку, чтобы можно стало учиться чему нибудь, прямо нужному для его развитія. Дѣло другое, если бы имѣли любознательность и надобность въ просвѣщеніи только тѣ люди въ Малороссіи, которые съ младенчества слышатъ въ своемъ семействѣ великорусскій языкъ, выучиваются говорить на немъ въ первые годы дѣтства, незамѣтно, безъ труда, безъ потери времени. Тогда малорусская литература была бы не нужна, какъ не была бы нужна, напримѣръ, и шведская литература, если бы въ Швеціи охоту и надобность учиться имѣли только тѣ люди, которые съ дѣтства привыкаютъ говорить по-нѣмецки,

даетъ на родномъ языкѣ. Но этого нѣтъ ни въ Малороссіи, ни въ Швеціи; потому нельзя ни Малороссіи, ни Швеціи обойтись безъ своей особенной литературы.

Отношеніемъ, изъ котораго вытекаетъ необходимость малорусской литературы, опредѣляется и размѣръ, въ которомъ возможно ей съ дѣйствительнымъ, а не мечтательнымъ успѣхомъ развиваться въ нынѣшнее время. Кому нужна она, и для чего нужна она?

Всѣ образованные люди въ Малороссіи привыкли читать и почти всѣ — свободно говорить по-великорусски. Они собственно не нуждаются въ малорусскихъ книгахъ по тѣмъ отраслямъ литературы, въ которыхъ языкъ составляетъ второстепенную вещь: потому писать ученыя книги или серьёзныя статьи на малорусскомъ языкѣ нѣтъ еще надобности теперь. Дѣлая эту оговорку, мы кажется не противорѣчимъ понятію самыхъ усердныхъ дѣятелей малорусской литературы: г. Костомаровъ и г. Кулишъ пишутъ свои ученыя изслѣдованія по-великорусски, и сколько мы знаемъ, никому изъ малоруссовъ не приходило въ голову желать, чтобы они писали ихъ по-малорусски. Это была бы прихоть, а не потребность. Приспособлять языкъ для изложенія предметовъ, о которыхъ не писалось на немъ, — дѣло скучное, тяжелое; новая терминологія, съ трудомъ формируемая, утомительна для читателя, какъ бы ни одобрялъ онъ такіе опыты. Кому есть возможность избѣжать утомленія, тотъ всегда станетъ уклоняться отъ него; потому слѣдуетъ полагать, что собственно ученая литература на малорусскомъ языкѣ теперь еще пока была бы явленіемъ излишнимъ и безуспѣшнымъ. Нынѣшнее поколѣніе образованныхъ малоруссовъ не нашло бы въ ней надобности, потому что все его научное образованіе срослось съ великорусскимъ языкомъ.

Не таково положеніе малорусскихъ простолюдиновъ, — людей едва грамотныхъ или желающихъ учиться грамотѣ. Имъ книги серьёзнаго содержанія были бы гораздо понятнѣе на малорусскомъ языкѣ. Потому популярная литература—серьёзныя книги для чтенія въ школахъ, въ семействахъ поселянъ должны явиться на малорусскомъ языкѣ теперь же. Это тѣмъ необходимѣе, что и по великорусски порядочной популярной литературы еще нѣтъ; малоруссы ровно ничего не потеряютъ, отказавшись отъ нея,—вѣдь все равно, дѣло еще надобно начинать съ самаго начала, на великорусскомъ ли, на малорусскомъ ли языкѣ; а если люди не связаны драгоцѣнностью уже готоваго матеріала, то лучше всего имъ приняться за подготовку именно такого матеріала, какой нуженъ для нихъ—великоруссамъ за доставленіе своему народу книгъ на своемъ языкѣ, малоруссамъ — своему на своемъ.

Высказывая такое мнѣніе, мы полагаемъ, что и для успѣховъ нашей великорусской популярной литературы будетъ полезно, если малороссы станутъ работать для доставленія своему народу книгъ на своемъ языкѣ, не удовлетворяясь для этой цѣли великорусскими книгами и не полагаясь на насъ. У нихъ любовь къ народности такъ сильна, что за снабженіе народа книгами навѣрно примутся люди самые даровитые, и книги будутъ написаны ими очень хорошія. А достоинство популярныхъ книгъ на малорусскомъ языкѣ возбудитъ соревнованіе и въ насъ: намъ станетъ тогда совѣстно не потрудиться хорошенько для нашего племени.

Преподаваніе малорусскому народу на малорусскомъ языкѣ, развитіе популярной малорусской литературы — вотъ по нашему мнѣнію та цѣль, къ которой всего удобнѣе и полезнѣе будетъ стремиться малороссамъ на первое время.

О малорусской беллетристикѣ и поэзіи мы не говоримъ, потому что права этихъ отраслей малорусской литературы признаны всѣми даже и обскурантами.

Когда популярною литературою и распространеніемъ школъ будетъ въ Малороссіи подготовлена надобность и въ другихъ малорусскихъ книгахъ, кромѣ популярныхъ, беллетристическихъ и поэтическихъ, сами собою разовьются и другія отрасли малорусской литературы; но онѣ разовьются этимъ естественнымъ путемъ настоятельной нужды въ нихъ лишь въ томъ случаѣ, если явится въ Малороссіи масса просвѣщенныхъ людей, не имѣющихъ давнишней привычки говорить и думать на великорусскомъ языкѣ обо всемъ, превышающемъ сферу обыденной домашней, простонародной жизни.

Другія славянскія племена могутъ желать единства между собою, потому что каждое изъ нихъ было бы слишкомъ слабо въ отдѣльности, — имъ дѣйствительно нужна взаимная опора. Мы не въ такомъ положеніи. Мы такъ многочисленны, такъ сильны, что и одни мы въ отдѣльности не можемъ бояться никого, — намъ нѣтъ надобности искать чьей нибудь опоры для своей безопасности. Мы желали бы жить сами по себѣ. Это можетъ показаться гордостью. Называйте какъ хотите, но дѣло основано на статистическихъ фактахъ. Быть можетъ, не между нами одними находятся многіе, желающіе по внушенію предразсудковъ рѣшать иначе. Но нѣжныя чувства не годятся никуда въ историческихъ расчетахъ. Вспомнимъ басню о двухъ горшкахъ, желѣзномъ и глиняномъ; вспомнимъ басню «Левъ на ловлѣ»: а если не хотимъ басенъ, посмотримъ на географическую карту. Вотъ сливаются Шилка и Аргунь, рѣки одинаковой величины, и ни одна изъ нихъ не обижена; изъ ихъ соединенія выход[illegible]

Амуръ, въ которой признаютъ всѣ географы продолженіе не одной Шилки, а такъ же и Аргуни — или не одной Аргуни, а такъ же и Шилки. Посмотрите теперь на другое мѣсто карты: Кама, большая рѣка, очень большая рѣка, соединяется съ Волгой; что же образуется изъ ихъ соединенія? образуется Волга, — Кама исчезаетъ въ ней. Напрасно усиливается она удержать въ широкомъ руслѣ Волги свою самобытность, напрасно воды ея жмутся плотнѣе, стараются сохранить полосу своего темнаго оттѣнка, — нѣсколько часовъ, нѣсколько верстъ, и темноватая полоса эта безслѣдно исчезаетъ въ широкомъ разливѣ желтыхъ водъ своей слишкомъ могущественной спутницы Волги. Спросите въ Астрахани, въ Нижнемъ, на какой рѣкѣ стоятъ эти города? На той самой, на которой стоятъ Ярославль и Тверь. А та рѣка, на которой стоитъ Пермь? То другая рѣка, она поглощена нашей рѣкой, — наша рѣка ярославская, а не пермская.

Мы надѣемся, что наши эти слова не будутъ приняты въ смыслѣ, который противорѣчилъ бы смыслу всѣхъ предшествовавшихъ страницъ. Но къ чему вѣчно думать все о себѣ! Развѣ свѣтъ клиномъ сошелся, что нѣтъ уже на немъ ничего любопытнаго, кромѣ нашихъ дѣлъ? Посмотрите на этнографическую карту, положимъ, хоть Пиренейскаго полуострова: странную вещь вы увидите тутъ, о которой быть можетъ и не догадывались никогда. Какъ вы полагаете, на какомъ языкѣ говорятъ жители Каталоніи, Валенсіи и восточной части Арагоніи? На одномъ изъ нарѣчій южно-французскаго языка. Не правда ли, это удивляетъ васъ? Какія книги, какія газеты печатаются въ Барселонѣ, читаются въ Леридѣ, Тортозѣ, Аликанте? вы знаете, что испанскія. Отчего же бы это такъ, когда вся эта страна отъ Аликанте до Фигераса и Сольсоны населена племенемъ, родной языкъ котораго — одно изъ южно-французскихъ нарѣчій? Не знаемъ отчего, но посмотрѣвъ на противоположный, западный край Пиренейскаго полуострова, увидимъ другую странность. Португальцы имѣютъ свою особенную литературу, а между тѣмъ говорятъ просто напросто однимъ изъ нарѣчій испанскаго языка, — нарѣчіемъ, которымъ говоритъ народъ не въ одной Португаліи, а также въ испанской Галиціи, гдѣ уже не читаютъ португальскихъ книгъ, а читаютъ испанскія книги, т. е. книги не на родномъ галисійско-португальскомъ нарѣчіи, а на кастильскомъ, т. е. мадридскомъ нарѣчіи. Очень странно. Съ чего это вздумалось каталонцамъ и валенсійцамъ объиспаниваться? почему это галисійцы не могли, а португальцы могли дать своему (у обоихъ у нихъ одному и тому же) нарѣчію высокое литературное развитіе? Если что нибудь не такъ, какъ слѣдовало бы по логикѣ, то обыкновенно сваливаютъ хлопоты объясненій на исторію. Мы вовсе не ду-

имѣть ни скорбѣть, ни радоваться ни тому, что провансальцы пренебрегаютъ своимъ нарѣчіемъ, ни тому, что португальцы развиваютъ его. Что намъ до этого? пусть себѣ португальцы и каталонцы читаютъ книги на какомъ хотятъ языкѣ. Весь нашъ интересъ въ ихъ дѣлахъ ограничивается желаніемъ всякаго добра для нихъ. Пусть они будутъ увѣрены въ искренности нашего доброжелательства, — но тутъ же то же самое доброжелательство заставляетъ насъ сдѣлать оговорку: пусть они однако изъ этого доброжелательства не выводятъ мысли искать въ насъ опоры: у нихъ своя земля, у насъ своя земля, и если бы португальцы вздумали присоединить свою землю къ нашей на какихъ бы то ни было условіяхъ, изъ этого намъ бы пользы нѣтъ, а еще меньше имъ.

Но мы Богъ-знаетъ куда отбились отъ «Основы». Начали мы было съ малорусской литературы такъ, что и могло-бы выйдти вступленіе къ отчету о новомъ журналѣ, а потомъ сбились съ толку такъ, что уже ровно никакого отношенія ни къ «Основѣ», ни къ малорусской литературѣ не оказывается въ нашемъ многословіи. Развѣ одною ниткою можно какъ-нибудь притянуть его къ «Основѣ». «Основа» хочетъ печатать малорусскія стихотворенія и повѣсти и кромѣ того быть сборникомъ матеріаловъ для изученія южно-русской страны, исторіи и народности. А мы заболтались до того, что начали разсуждать побасенками, что, какъ извѣстно, составляетъ уже народность. Вотъ она связь и пріискана, хотя съ сердечной натяжкой. Начнемъ же говорить о настоящемъ дѣлѣ, а великодушный читатель постарается забыть предыдущія страницы.—Программа «Основы» извѣстна читателю, — она была разослана при «Современникѣ», кромѣ того говорилось о ней и въ самомъ «Современникѣ». Стало быть пересказывать ее вновь — дѣло лишнее, а надобно сказать только о томъ, каковъ первый нумеръ «Основы». Перечислять всѣ статьи въ немъ помѣщенныя было бы также напрасно — списокъ ихъ можно видѣть въ объявленіяхъ (а еще лучше, на обертѣ самой «Основы»), а мы замѣтимъ только нѣкоторыя: пять стихотвореній Шевченка, разсказъ Марка Вовчка «Три доли», планъ драмы изъ украинской исторіи, найденный въ бумагахъ Гоголя, статьи о Климентіѣ и Котляревскомъ, составляющія начало обзора украинской словесности г. Кулиша, и мысли «О федеративномъ началѣ въ древней Руси» г. Костомарова.

Мы не будемъ говорить ни о разсказѣ Марка Вовчка, ни о пьесахъ Шевченка, — однихъ именъ этихъ довольно, чтобы люди, читающіе по-малорусски, назвали первый нумеръ «Основы» очень интереснымъ. Обратимъ вниманіе только на статьи г. Кулиша и г. Костомарова.

Немногіе изъ насъ слыхивали о Климентіѣ, стихоплетѣ времень Мазепы; но кто подверженъ наклонности приписывать хорошее вліяніе на народную жизнь той схоластикѣ, которая процвѣтала въ Кіевѣ и въ славяно-греко-россійской академіи, долженъ прочесть этюдъ г. Кулиша объ ученомъ поэтѣ, порожденномъ этою схоластикою. Надобно дивиться терпѣнію, съ которымъ авторъ перечитывалъ его безцвѣтныя вирши, выбирая все, что можетъ характеризовать или взглядъ его, или тогдашніе нравы. Зато и картина вышла поучительная для многихъ изъ нашихъ историковъ литературы. Несмотря на свое знаніе, Климентій — грязный циникъ, и назидательные его стихи учатъ разврату. Кромѣ пьянства, всяческаго кутежа и презрѣнія къ женщинѣ, Климентій внушаетъ только развѣ слѣдующія понятія, — переводимъ прозою конецъ его виршей «о мужикахъ, уходящихъ въ слободы» (т. е. уходящихъ въ малонаселенныя мѣста отъ притѣсненій).

«Они покидаютъ готовыя избы и, пришедши въ вольное село, не имѣютъ ихъ; они подвергаются бѣдствіямъ хуже прежнихъ и развѣ-развѣ остаются живы сами; тутъ имъ ужь воля хоть бѣжать въ лѣсъ, хоть къ самому чорту, хоть утопиться, хоть удавиться. Вотъ твоя доля, глупый мужикъ, бунтовщикъ противъ своего пана. Не хотѣлъ ты повиноваться пану, гибни же теперь за свою злую непокорность, за упрямую свою гордость. Хорошо дѣлаютъ паны, которые обираютъ такихъ мужиковъ: Богъ проститъ ихъ, въ этомъ нѣтъ грѣха. Слѣдуетъ не только обирать ихъ, слѣдуетъ забивать до смерти. Ежели человѣкъ не повинуется кому слѣдуетъ, то оберн и хоть убей его до смерти за такую вину. Богъ за (убійство) бунтовщика не накажетъ, а еще наградитъ, потому что онъ виноватъ не передъ однимъ паномъ, а и передъ самимъ Богомъ. Какъ ты ни жилъ, а все жилъ; надобно до конца претерпѣть, и зато могъ бы ты получить спасеніе. Потому вы, паны, не щадите такихъ бѣглецовъ: грабьте ихъ, бейте и отнимайте у нихъ дѣтей. Не оказывайте имъ никакого снисхожденія, а справляйтесь съ ними какъ я говорю».

Хорошъ наставникъ и для народа, и для пановъ. Если мало вамъ этого, то вотъ еще переводъ только двухъ стиховъ: «Не вѣрь никакой женщинѣ, ни даже женѣ», говоритъ Климентій, —

«Даже мать, и она тоже женщина, и черезъ мать попадаетъ человѣкъ въ бѣду и въ грѣхъ».

До такой пошлости, чтобы даже о матери говорить подобнымъ образомъ, не доходилъ никогда и грубѣйшій человѣкъ, не испорченный схоластикою; эти стихи Климентія такъ замѣчательны своей удивительною наглостью, что мы выпишемъ ихъ подлинными слова-

ми, — иначе читатель усомнился бы, не прикрашена ли мысль Климентія въ нашемъ переводѣ.

«И а̀ще би и мати, єднакъ та̀я жъ жена̀,
и презъ ма̀теръ бива̀етъ скорбъ и гріху вина̀.»

Познакомившись съ Климентіемъ, навѣрное потеряешь охоту говорить, что имѣлъ или могъ имѣть благотворное вліяніе на гражданскій или семейный бытъ тотъ элементъ, представителемъ котораго является Климентій. Изъ статьи г. Кулиша о Котляревскомъ мы выпишемъ нѣсколько строкъ, могущихъ служить нѣкоторымъ извиненіемъ прежней ошибки нашихъ московскихъ и петербургскихъ писателей, не думавшихъ, чтобы изъ стремленія къ малорусской литературѣ вышло нѣчто хорошее, видимое нами теперь. Природный талантъ, по словамъ г. Кулиша, былъ у Котляревскаго, но дурной вкусъ, которому онъ поддался, отразился на поколѣніи малорусскихъ писателей, воспитавшихся его перелицованною Энеидою, «Наталкою Полтавкою» и «Москалемъ Чаривникомъ».

«Когда для этого молодаго поколѣнія (говоритъ г. Кулишъ) наступила пора высказать свой взглядъ на народъ въ свою очередь, — оно, въ произведеніяхъ новыхъ писателей своихъ не могло вполнѣ отдѣлиться отъ того, что можно назвать однимъ словомъ — *котляревщина*. Комически каррикатурное и идиллически сантиментальное, эти двѣ крайности произведеній Котляревскаго, сдѣлались Сциллою и Харибдою для живописцевъ украинской жизни. На помощь однимъ явилось уразумѣніе достоинства нашей простонародной жизни и поэзіи, на помощь другимъ — строгое изученіе нашего прошедшаго. Тѣмъ не менѣе котляревщина, съ той или другой стороны, отражается до сихъ поръ во многихъ, повидимому совершенно независимыхъ произведеніяхъ украинской словесности, не говоря уже о цѣлой массѣ плохихъ стиховъ и прозы, появившихся въ печати или не находящихъ для себя издателя.»

Если г. Кулишъ говоритъ, что въ малорусской литературѣ часто и до сихъ поръ отражается котляревщина, конечно не намъ противъ этого спорить. Но мы теперь видимъ въ ней много и другаго, уже не похожаго на котляревщину, и зато теперь уже никто изъ насъ не можетъ отзываться о малорусской литературѣ безъ уваженія и сочувствія, если не хочетъ заслужить названія невѣжды.

Статья г. Костомарова «О федеративномъ началѣ древней Руси» представляетъ общій очеркъ взгляда его на очень важный вопросъ нашей древней исторіи: по какому принципу дробилась Русь на удѣлы и какими элементами возстановилось политическое единство націи. Г. Костомаровъ доказываетъ, что главнымъ основаніемъ распа-

денія Руси на удѣлы было различіе племенъ между русскими славянами; по всей вѣроятности, этой племенной разницѣ дѣйствительно принадлежало очень важное участіе въ раздробленіи Руси, хотя конечно были и другія причины, напримѣръ вліяніе топографическихъ условій, невозможность долго удерживать отдаленные края въ покорности какому нибудь центру при недостаткѣ дорогъ и наконецъ свойственное всѣмъ младенчествующимъ народамъ неумѣнье удержаться отъ распаденія на мелкія политическія общества, хотя бы между нѣкоторыми изъ этихъ обществъ и не существовало никакой разницы ни въ языкѣ, ни въ обычаяхъ. Едва ли находилась племенная разница между Москвою и Тверью, распаденіе между которыми было такъ продолжительно и рѣзко. Но какими бы причинами ни объяснялось удѣльное распаденіе, насъ гораздо больше интересуетъ взглядъ г. Костомарова на причины, которымъ должны мы быть благодарны за наше нынѣшнее политическое единство. Первую изъ этихъ причинъ г. Костомаровъ разъясняетъ очень вѣрно (приводимъ только главныя мысли, выпуская подробности):

«Что происхожденіе пришлыхъ славянъ было между ними памятно и служило для нихъ признакомъ единства, частію это достаточно видно изъ сказаній въ началѣ нашихъ лѣтописей о прибытіи славянъ съ Дуная. И теперь самое названіе «Дунай» между другими общими признаками представляетъ что-то общее для русскихъ племенъ: въ пѣсняхъ велико-русскихъ и малорусскихъ, имя «Дунай» остается однимъ изъ немногихъ общихъ, для тѣхъ и другихъ завѣтныхъ собственныхъ именъ. Безъ сомнѣнія въ древнія времена яснѣе, живѣе и общнѣе были воспоминанія народовъ о приходѣ ихъ предковъ съ Дуная. Такимъ образомъ пришельцы сознавали единство общаго своего происхожденія. Полянинъ могъ враждовать съ сосѣдомъ своимъ древляниномъ, но помнилъ, что онъ одного съ нимъ происхожденія и пришелъ съ одного мѣста; вражда могла быть ожесточенною, но не могла потерять характера домашней; у враговъ были одни и тѣ же старыя преданія, пѣсни, которыя ихъ сближали, и указывали тѣмъ и другимъ на взаимное родство. Память объ общихъ герояхъ, прародителяхъ, носилась надъ племенами дыханіемъ поэзіи. Какъ помнилось происхожденіе — это можно видѣть изъ того, что славяне новгородскіе долго и долго имѣли тяготѣніе къ Кіеву; это объясняется тѣмъ, что жители береговъ Ильменя были вѣтвію полянъ: ихъ нарѣчіе до сихъ поръ показываетъ близость къ южно-русскому.

«Вмѣстѣ съ преданіями о происхожденіи соединяла славянъ и общность основъ въ ихъ обычаяхъ и нравахъ. Хотя каждое племя, какъ передаютъ намъ древніе лѣтописцы, и имѣло свои преданія, свои обычаи, законы своихъ отцевъ, но въ томъ, что принадлежало одному изъ племенъ въ особенности, заключалось въ главныхъ чертахъ много такого, что составляло сущность жизненныхъ началъ другаго племени.

Все доказываетъ, что, въ древности, славянскія племена, въ основахъ своей духовной жизни, имѣли одинакіе вѣрованія, обычаи и религіозные обряды.

«Еще знаменательнѣе этихъ остатковъ язычества, исчезавшихъ вмѣстѣ съ христіанствомъ, общія славянамъ начала общественнаго строя. Вѣчевое начало было родное всѣмъ славянамъ и въ томъ числѣ всѣмъ славянамъ русскимъ. Повсюду, какъ коренное учрежденіе народное, является *вѣче*, народное сборище. Самое выраженіе *вѣче* есть названіе общее всѣмъ славянамъ русскимъ какъ въ Кіевѣ и на Волыни, такъ и въ Ростовѣ и Новгородѣ; во всѣхъ углахъ и краяхъ Руси употребляютъ одно и то же названіе самаго драгоцѣннаго и важнѣйшаго явленія народной самобытности. Въ любви къ свободѣ славяне русскіе хранили завѣтное чувство всего своего племени, и что говорятъ о свободолюбіи славянъ Прокопій, Маврикій и Левъ Мудрый, то сохранялось долго у русскихъ славянъ, не смотря на противодѣйствующія обстоятельства. Вѣчевое устройство должно было дѣйствовать соединительно на русскій народъ. Уже одно общее имя *вѣча* у всѣхъ русско-славянскихъ народовъ къ этому располагало. Собранія народныя соединяли людей часто разнородныхъ, особенно тогда, когда на собраніе сходились изъ нѣсколькихъ городовъ. Вообще не было нигдѣ строгихъ правилъ, запрещавшихъ тому или другому участвовать въ этихъ собраніяхъ; мы, напротивъ, видимъ, что участвовали отъ мала до велика; перешедшій изъ одного славянскаго города въ другой видѣлъ такое же собраніе, какъ и у себя, также безъ стѣсняющихъ правилъ, вольное, широкое, и входилъ въ него легко. Всѣ коренные обычаи, не только домашніе и религіозные, но и общественные, по сходству началъ своихъ, должны были поддерживать сознаніе единства племени русско-славянскаго.

«Не смотря на различіе русскихъ нарѣчій, между ними существовало всегда столько сходства, сколько нужно было, чтобъ каждый народецъ, говорившій тѣмъ или другимъ русскимъ нарѣчіемъ, видѣлъ въ другомъ единоплеменномъ, сосѣднемъ народцѣ, родственное себѣ по сравненію съ другими народностями. Броженіе и поселеніе между славянами иноплеменниковъ столько же помогало сохраненію между ними сознанія о племенномъ единствѣ, сколько мѣшало фактическому соединенію народовъ. Каждое славянское племя могло смотрѣть на другое, какъ на отличное отъ него во многомъ и не сознавать сродства своего съ нимъ только до тѣхъ поръ, пока не знакомились съ такимъ народомъ, который равнымъ образомъ чуждъ обоимъ. Тогда изъ сравненія являлось понятіе о близости и возможность сознанія единства. Мы имѣемъ случай наблюдать это въ наше время. Великоруссъ-простолюдинъ не сознаетъ родства своего съ полякомъ, когда встрѣчается съ нимъ одинъ на одинъ, но сознаніе это сейчасъ пробуждается, какъ скоро случай приведетъ его сравнить поляка съ нѣмцемъ или татариномъ. Такъ, въ древности, полянинъ, встрѣчаясь съ печенѣгомъ, долженъ былъ замѣчать, что съ нимъ у него нѣтъ сходства въ языкѣ, а

новгородецъ есть съ вятичемъ, и отсюда возникало сознаніе, что вятичъ ему родной. При ознакомленіи съ другими славянскими народами, напримѣръ съ поляками или болгарами, неизбѣжно выставлялось предъ глаза сравнительно большее сходство народовъ русскаго материка между собою, чѣмъ каждаго изъ нихъ съ прочими славянами. Въ древности, какъ и теперь, существовали общіе русскимъ нарѣчіямъ филологическіе признаки, которыхъ не было, или которые иначе сложились, у другихъ славянъ. Эти признаки сохранились въ нашихъ лѣтописяхъ сквозь церковно-книжную одежду, и указываютъ на существованіе особенностей, отличавшихъ говоръ всѣхъ русскихъ нарѣчій отъ другихъ славянскихъ. Такимъ образомъ, славянинъ какого бы то ни было русскаго народца видѣлъ въ славянинѣ другой, своей же вѣтви, болѣе родную для себя стихію, во-первыхъ по сравненію съ не-славянскими племенами, окружавшими славянъ, а во-вторыхъ и по сравненію съ иными славянскими вѣтвями. Полякъ для кіевлянина долженъ былъ представляться болѣе далекимъ, чѣмъ славянинъ новгородскій. Строй языка и говоръ много содѣйствуютъ образованію понятія о близости или отдаленности народныхъ особенностей; чѣмъ ближе говоръ, чѣмъ роднѣе языкъ въ чужомъ человѣкѣ, тѣмъ больше склонности считать этого человѣка въ общительности съ собою. Съ народностями совершается такая судьба, что большему или меньшему ихъ сближенію, отъ простаго чувства народнаго сходства до положительныхъ стремленій къ слитію, способствуетъ столкновеніе съ такимъ единоплеменнымъ народомъ, котораго особенности равно одинаково близки и одинаково далеки и тѣмъ и другимъ; какъ и соединенію всего племени или племенной вѣтви, состоящей изъ многихъ народовъ, можетъ способствовать столкновеніе съ массою иноплеменниковъ.

Какъ объ одной части этихъ замѣчаній говоритъ самъ г. Костомаровъ, такъ готовы были бы мы сказать обо всемъ выписанномъ нами отрывкѣ, что не нужно казалось излагать подробно вещей, которыя повидимому всѣмъ давно извѣстны. У народа были въ разныхъ мѣстностяхъ разные оттѣнки обычаевъ и говора, но всѣ эти разные оттѣнки были ничтожны передъ подавляющею ихъ массою общаго и въ языкѣ, и въ бытѣ, и въ понятіяхъ, и въ преданіяхъ. Сознаніе народа о мѣстныхъ своихъ развѣтвленіяхъ совершенно подавлялось сознаніемъ своего національнаго единства: что же удивительнаго, если раздробленіе такого народа не могло быть ничѣмъ инымъ, какъ явленіемъ, вынужденнымъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ, явленіемъ, противнымъ натурѣ народа, которая влекла всѣ части къ соединенію и привлекла ихъ къ единству, какъ только населеніе размножилось настолько, что между разными частями уже не осталось непроходимыхъ пустынь и вымерли въ европейскомъ климатѣ дикія силы азіатскихъ ордъ, долго не дававшихъ

народу опомниться вѣчными тревогами своихъ вторженій? Одну сторону этого дѣла мы можемъ видѣть теперь въ Австраліи. Поселились нѣсколько англичанъ въ юго-западномъ углу материка и назвали свою землю «Западной Австраліей», или нѣтъ, лучше послушаемъ подлинныя слова лѣтописца: «и сѣдоша агляне по рѣцѣ Блаквудъ, и «прозвашася западно-австралійцы, и друзіи агляне сѣдоша по рѣцѣ «Мурай, и прозвашася южно-австралійцы; и потечеть рѣка Мурай въ «море Понетьское южное жерломъ, и по тому морю идти даже до Ра«ма, а вытечеть та рѣка съ горъ Синихъ, и за горами тѣми сѣдоша «друзіи агляне и прозвашася викторійцы; а пойдуть тѣ горы Синія «къ полунощи, и на полунощи языкъ нѣмъ, заклепанъ въ горахъ «Александромъ Македоньскымъ, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися; «а тому языку нѣму присѣдать друзіи агляне, иже сѣдоша къ полу«нощи и къ морю-въсточному, и прозвашася ти агляне ново-южно«уэльсцы». Вотъ и живутъ теперь эти четыре части Австралійской земли, — Западная Австралія, Южная Австралія, Викторія, Новый Южный Уэльсъ, каждая особо отъ другихъ, и нѣтъ между ними единства, и навѣрное уже есть какая нибудь разница теперь въ нѣкоторыхъ вещахъ между этими четырьмя отдѣлами «аглянъ»: погибло единство англійской націи на южномъ материкѣ! — Оно быть можетъ и не погибло; но воля ваша, какъ же этимъ четыремъ частямъ составлять одно цѣлое, когда каждая изъ нихъ отдѣлена отъ остальныхъ пустынями, и проѣхать изъ одной въ другую можно только, по Слову о Полку Игоревѣ, «неготовами дорогами». Что же вы думаете, развѣ вѣкъ такъ останется? Навѣрное, нѣтъ; когда населеніе размножится, когда уменьшится пространство пустынь, отдѣляющихъ одно общество австралійскихъ «аглянъ» отъ другаго, изъ этихъ обществъ навѣрное образуется одно политическое цѣлое, и въ чемъ надобно будетъ тогда искать причину единства? Просто напросто въ единствѣ національности. Это, какъ мы сказали, служитъ подобіемъ одной стороны нашего русскаго дѣла. Другую сторону его можно видѣть въ судьбѣ Италіи. Нѣмцы, испанцы, французы безпрестанно вторгались въ эту страну, терзали ее, довели народъ до какого-то оцѣпѣнія отъ безпрестанныхъ насилій и опасеній, — и вотъ Италія Богъ знаетъ сколько вѣковъ оставалась раздроблена. Почему же это оставалась? Просто потому, что не допускали единства иноземные хищники. Что же теперь? Австрійцы стали слабѣть, притомъ же французамъ понадобилось побить австрійцевъ; народъ получилъ нѣкоторую возможность двигаться по своей волѣ — и сдвинулся въ одно. Точь-въ-точь какъ у насъ: сарайскіе татары (это положимъ австрійцы) стали слабѣть; а тутъ Тамерлану вздумалось взять да и разбить

на голову Тохтамыша, а самому Тамерлану обстоятельства помѣшали идти дальше Ельца, заставили его вернуть свои полчища назадъ; а сарайскимъ татарамъ, побитымъ отъ него, не удалось уже войти въ прежнюю силу; вотъ русскій народъ получилъ нѣкоторую свободу движеній, — и тоже сдвинулся въ одно, покрайней-мѣрѣ одна половина его сдвинулась — великоруссы; другая половина получила возможность сдвинуться нѣсколько раньше по другимъ подобнымъ же обстоятельствамъ; сталъ ходить какой-то Гедыминъ и бить направо и налѣво тѣхъ, кто мѣшалъ природному влеченію южно-руссовъ къ единству, — они тоже могли теперь двигаться нѣсколько по своей волѣ и тоже сдвинулись въ одно. Въ комъ же или въ чемъ же тутъ сдвигавшій части элементъ? Въ народности, и больше ни въ чемъ; въ самомъ русскомъ народѣ и больше ни въ комъ. А если ужь непремѣнно вы хотите отыскать себѣ еще какой нибудь предметъ признательности за ваше нынѣшнее единство, то вы, великоруссы, провозглашайте, что сосудомъ, въ которомъ отлилась и изъ котораго излилась идея вашего единства, былъ Тамерланъ, восхваляйте его! Я полагаю, что Тамерланъ былъ проникнутъ высокою государственною идеею русскаго единства, что въ ней ключъ къ его изумительной дѣятельности. О, великій Тамерланъ! О, благодѣтель земли русской! Много ты пролилъ невинной крови, много высокихъ пирамидъ сложилъ ты изъ отрубленныхъ головъ, смазанныхъ известкой! Глупые нѣмцы и легкомысленные французы выражаются о тебѣ въ самыхъ дурныхъ словахъ. Но они не поняли тебя! Тебя можетъ цѣнить только облагодѣтельствованное тобою русское племя. Впрочемъ мы выразились не совсѣмъ точно: ближайшимъ образомъ Тамерланъ принадлежитъ исторіи только великорусскаго единства; а кого же бы намъ поблагодарить за малорусское? Право, не скоро можно найти; Гедымина и Витольда съ ихъ дикими литовцами никакъ нельзя: по высокости своихъ стремленій они, пожалуй, заслуживаютъ полной похвалы; но слишкомъ слабы, слишкомъ ничтожны были эти литовцы. А впрочемъ дайте намъ только срокъ, мы подумаемъ, и придумаемъ, кого слѣдуетъ благодарить малороссамъ.

Шутки въ сторону. Народъ проникнутъ сознаніемъ единства, чего же намъ еще искать другихъ причинъ возникновенію единства? Справедливо говоритъ г. Костомаровъ, что не стоило бы и говорить объ этомъ, еслибъ съ нашими историками не произошелъ по какому-то странному случаю такой неправдоподобный анекдотъ, что они «слона-то и не замѣтили». Подите вотъ, какіе казусы иногда бываютъ. Ищешь причинъ, почему же это одинъ народъ оказывается однимъ народомъ, да и не сообразишь, что одинъ онъ соб-

ственно потому, что одинъ. А какъ не сообразишь этого неважнаго обстоятельства, то ужь какихъ объясненій не подберешь и какихъ великихъ дѣятелей не отъищешь и какихъ благотворныхъ элементовъ не откроешь.

Оно такъ, мало ли что соприкасается каждому великому феномену, обнимающему собою громадное пространство и сотни лѣтъ. Возьмите хоть ту же Волгу, о которой мы говорили. Почему Волга такая большая рѣка и такъ много въ ней воды? Вы скажете: «оттого что стекается въ это русло вода громаднаго бассейна». А я скажу нѣтъ; съ моей кухни (домъ у меня стоитъ на Волгѣ) льютъ помои въ Волгу, вотъ отъ этого и прибавляется въ ней вода. Совершенная правда: во-первыхъ, и самый фактъ безспоренъ: у насъ точно есть привычка, что всякой дряни даютъ валиться и стекать въ рѣку; а во-вторыхъ, можно доказать математически, что отъ каждаго ушата помоевъ, стекающаго въ рѣку, увеличивается количество воды въ рѣкѣ.

Создатель, какая длинная вышла статья! а мы было еще хотѣли поговорить объ элементахъ, содѣйствовавшихъ развитію нашего единства. Что дѣлать, не осталось у насъ мѣста на это. Скажемъ же, что они могли пожалуй имѣть свою долю вліянія, но доля эта совершенно ничтожна, ничтожнѣй мухи передъ слономъ, — по сравненію съ силою, какую имѣло то обстоятельство, что отъ Вятки до Рязани жилъ одинъ и тотъ же народъ, всегда глубоко сознававшій свое народное единство.

Еще одна замѣтка, самая краткая. Польша была также раздроблена на множество удѣловъ. Какая же сила слила ихъ въ одну польскую Рѣчь Посполитую? Кажется, сходное съ нашимъ обстоятельство только одно тутъ было: польская земля была населена людьми одного племени и русская земля тоже людьми одного племени. Всѣ остальныя вліянія были совершенно различны. Изъ этого, кажется, можно видѣть, что всѣ эти различныя вліянія ни въ Польшѣ, ни у насъ не могутъ считаться причинами единства, одинаково возникшаго и у насъ и въ Польшѣ.

Скажутъ: «не имѣя нашихъ элементовъ, Польша не удержалась, а мы отстояли свое единство». Оба факта опять безспорны: но чему приписывать ихъ? Толковать объ этомъ довольно длинная исторія или, лучше сказать, двѣ очень длинныя исторіи. Отложимъ ихъ до другаго раза, а статью пора кончить — желаніемъ полнаго успѣха «Основѣ» и стремленію, изъ котораго она возникла и въ которомъ найдетъ себѣ поддержку.

Да, мы едва не забыли сказать для великоруссовъ, что большая

часть перваго нумера занята статьями на нашемъ языкѣ; вѣроятно такъ будетъ и постоянно.

«Время», журналъ политическій и литературный, № 1.

Изъ новыхъ періодическихъ изданій, которыя должны были возникнуть съ начала нынѣшняго года, особенное ожиданіе возбуждалось тремя: «Русскою Рѣчью», «Вѣкомъ» и «Временемъ». «Вѣкъ» и «Русская Рѣчь» — еженедѣльныя газеты; чтобы оцѣнить ихъ надлежащимъ образомъ, надобно подождать, пока дадутъ они по нѣскольку нумеровъ, судить о нихъ теперь было бы слишкомъ опрометчиво. Можно сказать съ увѣренностію лишь одно (что было впрочемъ извѣстно и до появленія первыхъ нумеровъ): обѣ газеты должны быть гораздо лучше тѣхъ изданій, которыя были прежде распространены въ обширномъ кругу читателей, находящемъ толстые наши журналы слишкомъ тяжелыми или по цѣнѣ, или по содержанію. Обѣ онѣ принадлежатъ къ той части нашей литературы, которая имѣетъ своею цѣлью облагороженіе, а не опошленіе понятій общества. Въ дешевыхъ изданіяхъ такого рода былъ у насъ до нынѣшняго года недостатокъ. Правда, существовалъ уже почти два года «Московскій Вѣстникъ», достойный полной похвалы по своему направленію; но онъ былъ слишкомъ мало распространенъ въ публикѣ, конечно по собственной винѣ: онъ не умѣлъ привлечь къ себѣ разнообразіемъ, не умѣлъ придать себѣ газетную живость. Съ новаго года онъ, какъ мы слышали, пріобрѣлъ больше средствъ. Отлагая до одной изъ слѣдующихъ книжекъ рѣчь о преобразованномъ «Московскомъ Вѣстникѣ» и новыхъ еженедѣльныхъ газетахъ, мы надѣемся, что будемъ имѣть тогда достаточные матеріалы сказать, что русская публика получила три хорошія еженедѣльныя газеты.

Но о «Времени» можемъ сказать мы уже и теперь, что это изданіе заслуживаетъ вниманія публики. Толстая книга журнала, выходящаго разъ въ мѣсяцъ, представляетъ столько матеріала, что по одному нумеру новаго журнала не трудно бываетъ опредѣлить его направленіе и количество силъ, какимъ онъ располагаетъ для исполненія своей задачи. «Время» ставитъ однимъ изъ главныхъ своихъ достоинствъ — независимость отъ литературнаго кумовства, дающую ему просторъ прямо и рѣзко высказывать свои мнѣнія о другихъ періодическихъ изданіяхъ и тѣхъ писателяхъ, откровенно разсуждать о которыхъ часто стѣснялись другіе журналы. Нельзя не сознаться, что у каждаго изъ старыхъ журналовъ, пользующихся хорошею репутаціею, дѣйствительно образовались самою силою

времени тѣсныя отношенія къ тѣмъ или другимъ писателямъ, такъ что новый журналъ не совсѣмъ несправедливо присвоиваетъ себѣ въ этомъ случаѣ преимущество. Но мы надѣемся доказать «Времени» этою статьею, что и для насъ литературное кумовство не имѣетъ особенной драгоцѣнности и уже никакъ не мѣшаетъ намъ хвалить то, что заслуживаетъ похвалы, — не мѣшаетъ намъ ставить прямодушную правду выше всякихъ авторитетовъ.

Въ объявленіи о своемъ журналѣ редакція «Времени» говорила довольно безцеремоннымъ образомъ, что не намѣрена церемониться съ авторитетами. Этимъ обѣщаніемъ она возбуждала хорошія надежды, но вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждала во многихъ и нѣкоторое сомнѣніе. Что такое «авторитетъ?» Если «авторитетомъ» называть тѣхъ писателей, превосходство которыхъ признано всѣми, до того, что трудно и прочесть этимъ писателямъ въ порядочныхъ изданіяхъ рѣзкую правду о своихъ произведеніяхъ, — въ нашей литературѣ только два авторитета: г. Тургеневъ и г. Гончаровъ. Всѣмъ другимъ очень часто приходится читать о себѣ не только голую, а даже и разукрашенную браннымъ тономъ правду. Основывать журналъ для безпристрастной оцѣнки повѣстей и романовъ гг. Тургенева и Гончарова конечно было бы ужь слишкомъ много. Очевидно было, что слова редакціи «Времени» слѣдуетъ понимать въ другомъ смыслѣ: подъ «авторитетами» разумѣла она вообще всѣхъ писателей, пользующихся извѣстностью, — отъ г. Авдѣева до г. Фета. А въ такомъ случаѣ будетъ ли она имѣть столько литературныхъ силъ, чтобы порядочно вести журналъ? Вѣдь извѣстно, какъ обидчивы у насъ писатели; вотъ, напримѣръ, мы кажется всего два-три слова сказали какъ-то о г. Ржевскомъ, авторѣ знаменитаго трактата о средствахъ къ увеличенію числа пролетаріевъ, да и то сказали вскользь, — а теперь мы увѣрены, вздумай мы просить у г. Ржевскаго для своего журнала статьи, онъ ни за что не дастъ. «Время» какъ будто отрекалось отъ сотрудничества писателей, пользующихся извѣстностью. Это подтверждалось и тѣмъ, что не было въ объявленіи списка сотрудниковъ съ громкими именами, — ничего, подобнаго извлеченію изъ блистательнаго сонма знаменитыхъ рукоприкладчиковъ великаго гражданскаго подвига въ защиту евреевъ: не хвалилось «Время» именами, равносильными именамъ гг. Безобразова, Галахова, Громеко, Θеоктистова, Розенгейма и т. д., и т. д., — именами, составлявшими такія великолѣпныя созвѣздія въ другихъ объявленіяхъ.

Не знаемъ, сходится ли публика съ мнѣніемъ литературныхъ кружковъ, но въ литературныхъ кругахъ близкія связи редакціи съ сонмомъ свѣтилъ, яркихъ въ глазахъ этихъ кружковъ, считают-

ся необходимыми для хорошаго веденія журнала. Правда, сами литературные круги какъ будто замѣчаютъ, что самыми скучными статьями въ журналахъ бываютъ статьи, украшенныя именами многихъ очень уважаемыхъ писателей. Но все-таки какъ-то лучше съ ними. Что будетъ дѣлать «Время» безъ нихъ?

Судя по первому нумеру никакаго особеннаго ущерба не принесла «Времени» слабость его хлопотъ о пріобрѣтеніи именитыхъ сотрудниковъ. Противъ нашего ожиданія мы даже увидѣли на обертке одинъ ингредіентъ съ именитою подписью: «Легенда объ испанской инквизиціи. Поэма. Часть первая. Исповѣдь королевы. А. Н. Майкова». Выражать свое мнѣнія о степени драгоцѣнности этого ингредіента было бы противно правиламъ «Современника», который преклоняется предъ «авторитетами», да и не деликатно относительно публики, которая въ прошлую и нынѣшнюю зиму изорвала не одну дюжину перчатокъ, френетически апплодируя г. Майкову на чтеніяхъ въ Пассажѣ и другихъ публичныхъ залахъ. Г. Плещеева, который далъ въ первую книжку «Времени» очень милое стихотвореніе «Облака», мы не причисляемъ къ авторитетамъ; онъ не болѣе, какъ писатель, дѣятельность котораго безукоризненна и полезна; онъ лишенъ качества, необходимаго для авторитетности, — онъ не зараженъ литературнымъ тщеславіемъ. «Солинская Гетера» — стихотвореніе В. Крестовскаго, должно назваться превосходнымъ, потому что оно нимало не уступаетъ лучшимъ стихотвореніямъ въ подобномъ родѣ г. Майкова, которыя мы всегда признавали превосходными по нашему принципу преклоненія предъ авторитетами. Въ прозѣ мы находимъ статью г. Страхова «о жителяхъ планетъ», написанную очень популярно; переводъ трехъ разсказовъ Эдгара Поэ, разсказъ г. В. Крестовскаго «Погибшее, но милое созданіе»; эпизодъ изъ мемуаровъ Казановы, — отрывокъ, въ которомъ онъ разсказываетъ свое знаменитое бѣгство изъ венеціанской тюрьмы, — выборъ очень удачный: исторія этого дѣйствительнаго событія имѣетъ всю занимательность эффектнѣйшаго романа. Но изъ всѣхъ статей, находящихся въ первомъ отдѣлѣ журнала, самая важная по своему достоинству конечно романъ г. Ѳ. Достоевскаго «Униженные и Оскорбленные». Романъ будетъ имѣть четыре части; изъ нихъ въ первой книжкѣ помѣщена только одна. Нельзя угадать, какъ разовьется содержаніе въ слѣдующихъ частяхъ, потому скажемъ теперь только, что первая часть возбуждаетъ сильный интересъ ознакомиться съ дальнѣйшимъ ходомъ отношеній между тремя главными дѣйствующими лицами: юношею, отъ имени котораго ведется разсказъ (романъ имѣетъ форму автобіографіи), дѣвушкою, которую онъ горячо любилъ, которая и сама цѣнитъ его благородство, но отдалась дру-

гому, очаровательному и безхарактерному человѣку. Личность этого счастливаго любовника задумана очень хорошо и если авторъ успѣетъ выдержать психологическую вѣрность въ отношеніяхъ между нимъ и отдавшеюся ему дѣвушкою, романъ его будетъ однимъ изъ лучшихъ, какіе являлись у насъ въ послѣдніе годы. Въ первой части, по нашему мнѣнію, разсказъ имѣетъ правдивость; это соединеніе гордости и силы въ женщинѣ съ готовностію переносить отъ любимаго человѣка жесточайшія оскорбленія, одного изъ которыхъ было бы, кажется, достаточно, чтобы замѣнить прежнюю любовь презрительною ненавистью, — это странное соединеніе въ дѣйствительности встрѣчается у женщинъ очень часто. Наташа съ самаго начала предчувствуетъ, что человѣкъ, которому отдается она, не стоитъ ея; предчувствуетъ, что онъ готовъ бросить ее,—и все-таки не отталкиваетъ его,—напротивъ, бросаетъ для него свою семью, чтобы удержать его любовь къ себѣ, поселившись вмѣстѣ съ нимъ. Она очень ревнива, а онъ, пользуясь любовью милой дѣвушки, находитъ еще въ себѣ охоту кутить съ разными камеліями,—она знаетъ это и все-таки продолжаетъ любить его. Наконецъ у него является невѣста, на которой онъ уже почти рѣшился жениться, — и Наташа все еще не отталкиваетъ этого дряннаго человѣка. Тѣ изъ мужчинъ, которымъ не случалось всматриваться въ драмы, происходящія около нихъ, или которые слишкомъ рано загрубѣли, назовутъ такую исторію невозможной или цинически скажутъ, что у Наташи были свои расчеты, что загадка разъясняется вовсе не къ чести Наташи. Къ несчастію слишкомъ многія изъ благороднѣйшихъ женщинъ могутъ припомнить въ собственной жизни подобные случаи, и хорошо, если только припомнить какъ минувшую, уже чуждую ихъ настоящаго исторію.

Мы заговорились о первомъ отдѣлѣ журнала, между тѣмъ какъ вовсе не думали останавливаться на немъ, начавъ нашу статью съ намѣреніемъ обратить вниманіе только на второй отдѣлъ книжки, только на статьи, собственно такъ называемыя журнальныя,— критическія, библіографическія и т. д. Преимущественно ими опредѣляется направленіе журнала, и судя по всему, преимущественно ими должно держаться «Время». Въ первой книжкѣ оно выдерживаетъ свою программу: тутъ полная независимость отъ всѣхъ прежнихъ литературныхъ кружковъ, одинаковая прямота мнѣній о всѣхъ и обо всемъ. Въ числѣ другихъ порядкомъ достается и намъ; еслибы была у насъ наклонность претендовать, когда кто судитъ о насъ такъ же рѣзко, какъ мы часто судимъ о другихъ, мы могли бы обидѣться (какъ безъ всякаго сомнѣнія уже обидѣлись многіе иные). Но это обстоятельство нисколько не уменьшаетъ нашей наклонности поддержать

«Время» на томъ пути прямыхъ и смѣлыхъ сужденій, которымъ думаетъ оно идти. Еслибы вздумалось намъ поспорить съ «Временемъ», мы замѣтили бы, что ошибается оно, когда говоритъ о статьяхъ, подписанныхъ буквами —*бовъ*, какъ будто объ имѣющихъ притязаніе на авторитетность. Каждому кажется, что его взглядъ справедливъ; разумѣется, такъ думаетъ о своемъ взглядѣ и —*бовъ*; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ думаетъ, что въ его взглядѣ нѣтъ ничего особенно головоломнаго, что подобнымъ образомъ смотрятъ на вещи сотни и тысячи людей, быть можетъ и не подозрѣвающихъ, что существуетъ на свѣтѣ не только —*бовъ*, но и самый журналъ, печатающій статьи —*бова*. Взглядъ этотъ развивается въ людяхъ самою жизнью, независимо отъ какихъ нибудь статей, и навязать его своими статьями —*бовъ* никому не надѣется: кто самъ по себѣ не дошелъ до такого взгляда, даже и не понимаетъ статей —*бова*, какъ доказано было знаменитымъ примѣромъ человѣколюбиваго назиданія, даннаго —*бову* газетою, чрезвычайно авторитетною. Куда же тутъ имѣть притязаніе на авторитетность! Довольно того, если —*бову* удается высказать иногда то, что думалось и безъ него очень многими, только не высказывалось въ печати нашими критическими авторитетами.

Впрочемъ, это все еще нейдетъ къ дѣлу, — а дѣло наше въ томъ, чтобы нѣсколько познакомить читателя съ направленіемъ «Времени». Достигнуть этой цѣли можно бы двумя способами: во-первыхъ, можно было бы пересмотрѣть все содержаніе втораго отдѣла книжки, коснуться всѣхъ главныхъ мыслей, развиваемыхъ въ немъ; но это было бы слишкомъ длинно. Лучше будетъ взять въ примѣръ одинъ вопросъ, по взгляду на который легко будетъ отгадать характеръ «Времени». Мы беремъ для этой пробы — понятіе о гласности. Ее, несчастную, стараются колотить (по обычаю г. Козляинова въ обращеніи съ слабыми существами), не только посторонніе, а даже близкіе къ ней люди, журналисты и публицисты (вѣдь известно, что у насъ есть даже публицисты, не только всякіе другіе хорошіе писатели). Мы не хотимъ приводить примѣровъ; но лишь о немногихъ журналахъ можно сказать, что они никогда не нарушали своей обязанности въ этомъ отношеніи, ни разу не поддавались желанію обратить то или другое литературное дѣло въ нарушеніе полицейскихъ или уголовныхъ законовъ. Бывали случаи еще гораздо хуже частныхъ обвиненій того или другаго изданія, того или другаго писателя въ чрезмѣрной вольности сужденій по какому нибудь частному случаю: увлекаемые личною досадою, авторы подобныхъ статей изливались даже въ общихъ порицаніяхъ всей литературы за мнимое злоупотребленіе гласностью. «Время» думаетъ объ этихъ мнимыхъ злоупотребленіяхъ иначе: оно доказываетъ,

что если какая нибудь статья или строка непріятны для насъ, то мы еще не имѣемъ права кричать будто бы она — злоупотребленіе и преступленіе; а если бъ и встрѣчались нѣкоторыя ошибки, то изъ-за этихъ малочисленныхъ и ничтожныхъ ошибокъ не слѣдуетъ набрасывать тѣнь на дѣло, требующее дружеской поддержки отъ всѣхъ насъ, пишущихъ людей.

«Стало возможнымъ осмѣивать нѣкоторыя лица или всѣмъ надоѣвшія или злоупотребившія законъ и власть имъ предоставленную или наконецъ такія, какъ напримѣръ господинъ Козляиновъ, которые тѣнь нѣтъ да и отдуютъ нѣмку. Вмѣстѣ съ куплетами на этихъ господъ, вѣроятно по ошибкѣ написали нѣсколько куплетовъ и на васъ. Ну, чтожь что написали — велика важность! Неужели жь изъ этого, что гласность разъ ошиблась, — долой ее? Нѣтъ, милостивый государь, если вы любите гласность, извиняйте и уклоненія ея. Вы конечно не оскорбитесь, если я поставлю лорда Пальмерстона на одну доску съ вами — онъ человѣкъ почтенный во всѣхъ отношеніяхъ — что жь? онъ не обижается, когда его *продернутъ* иногда въ двадцати или тридцати оппозиціонныхъ журналахъ, да осмѣютъ въ десяткахъ шуточныхъ, да обругаютъ на чемъ свѣтъ стоитъ въ сотняхъ иностранныхъ — французскихъ, нѣмецкихъ, американскихъ. Повѣрьте, что послѣ всего этого продергиванія онъ кушаетъ съ своимъ обыкновеннымъ аппетитомъ, и ночью, когда говоритъ въ палатѣ, голосъ его не дрожитъ и не взволнованъ нисколько. И никогда на умъ ему не вспадетъ желать уничтоженія гласности. И за кого вы стоите, за кого вы ратуете, милостивый государь? За господъ Гусиныхъ, Сорокиныхъ, Козляиновыхъ, Асточенскихъ, потому что если не считать васъ, милостивый государь, васъ, котораго задѣли можетъ быть по недоразумѣнію, вѣдь куплеты писались только на подобныя лица. Стало быть все, что вы писали о гласности, всѣ ваши воззванія къ ней, вся ваша жажда ея — все это были слова, слова и слова?... Стало быть пусть пишутъ про другихъ, мы будемъ молчать и посмѣемся еще съ пріятелями надъ осмѣянными лицами, только бы насъ-то не трогали? Нѣтъ, милостивый государь, ваше поколѣніе (я старикъ, совсѣмъ старикъ, у меня и ноги ужь не ходятъ, и потому я не принадлежу къ вашему поколѣнію) и безъ того ужь много играло словами. Можетъ быть историческая роль его была играть словами, но изъ этихъ словъ ростетъ теперь новое поколѣніе, для котораго слово и дѣло, можетъ быть, будутъ синонимами и которое понимаетъ гласность нѣсколько шире, чѣмъ вы понимаете ее. Я согласенъ, что вамъ все это крайне непріятно; понимаю, еще разъ понимаю, какъ вамъ все это непріятно, но что жь дѣлать? укрѣпитесь. Нельзя же вдругъ вычеркнуть изъ жизни прежніе либеральные годы, прежнія вѣрованія.»

Мы выбросили изъ этого отрывка нѣсколько строкъ, прямо относящихся къ дѣлу и лицу, по поводу которыхъ высказываются «Временемъ» общія замѣчанія: мы не хотимъ, чтобы наша статья могла показаться направленною противъ кого нибудь, или для кого

нибудь обидной. Мы собственно желаемъ только показать читателю взглядъ «Времени» на вопросъ, въ которомъ такъ часто сбивались съ добраго пути столь многіе. Вотъ еще небольшой отрывокъ изъ другой статьи.

«Можетъ быть, не возникло бы и половины тѣхъ общихъ и частныхъ, спеціальныхъ вопросовъ, которыхъ теперь и не перечесть съ разу, если бы не явилась къ намъ, способствовать нашему пробужденію, дорогая и прежде незнакомая намъ гостья, прозванная «благодѣтельной» гласностью. Ни одна новинка, кажется, не потерпѣла у насъ такихъ перемѣнъ въ положеніи, какъ эта желанная гостья. Сначала она вступила къ намъ какъ-то робко, заговорила заикаясь и съѣдая половину словъ. Съ перваго взгляда заинтересовались ею, по причинѣ той же юношеской пылкости; но скоро, замѣтивъ ея робость и неловкость, подняли бѣдную, какъ говорится, на зубокъ; насмѣшка не пощадила ея новаго положенія въ обществѣ; стали ловить ее на каждомъ шагу, гдѣ случалось ей обмолвиться; особенно же въ этомъ глотаньѣ словъ нашли что-то очень смѣшное. Она разсказываетъ намъ, говорили насмѣшники, что-то и про кого-то; но о какихъ именно странахъ, и о какихъ существахъ лепечетъ она — понять невозможно. Что какой нибудь чиновникъ беретъ взятки, это мы и безъ нея знаемъ; что какой нибудь смотритель заведенія чинитъ въ свою пользу безгрѣшную экономію, — тоже очень хорошо знаемъ; зачѣмъ же говоритъ она намъ это? Цѣли нѣтъ! Изъ ея рѣчей мы не можемъ сдѣлать никакого употребленія: мы хотѣли бы знать, на кого она жалуется, чтобы поразить того нашимъ отлученіемъ; но вѣдь нельзя же отлучать поголовно всѣхъ чиновниковъ и всѣхъ смотрителей; мы бы и безъ нея это сдѣлали, если бы тутъ была какая нибудь справедливость. Произнеси она намъ имя, — мы бы предали это имя стыду и общему презрѣнію, и вышло бы то, что со временемъ существованіе подобныхъ именъ сдѣлалось бы у насъ невозможнымъ, по крайней мѣрѣ крайне неудобнымъ; потому что нельзя спокойно существовать въ обществѣ подъ карою стыда и общаго презрѣнія ... Вотъ тогда была бы цѣль!

«Такъ говорили насмѣшники и недовольные. Гостья прислушалась, поняла, въ чемъ дѣло, оправилась и вотъ — оставляетъ она свои робкія движенія и замѣняетъ ихъ смѣлою осанкой, становится сама насмѣшницею. Послышались въ устахъ ея и имена собственныя, и уже немалое число ихъ произнесла она....

«Но... и тутъ бѣда! Нашлись щекотливые господа, которые стали обижаться; стали говорить, что наша «благодѣтельная» гостья слишкомъ вдается *въ частности*, заглядываетъ туда, гдѣ ея не спрашиваютъ, — не уважаетъ, дескать, человѣческаго достоинства!...»

Мы и здѣсь выбросили выраженія, которыя могли бы показаться особенною укоризною для какого нибудь изданія. Мы хотѣли этими выписками не выставлять на видъ чужіе промахи, а только познакомить читателя съ мнѣніемъ «Времени» о томъ, что такое

гласность, и можно ли у насъ порицать ее за какую-то мнимую неумѣренность. «Время» справедливо находитъ, что разоблачать передъ публикою общія черты нашихъ общественныхъ недостатковъ литература не можетъ, если не станетъ указывать на частные факты, которыми обнаруживаются общіе недостатки; а касаясь частныхъ фактовъ, она по необходимости должна выставлять и лица, въ нихъ участвовавшія; что съ каждымъ дѣломъ не разлучны нѣкоторыя случайныя ошибки; но что неприлично благородному человѣку или разсудительному изданію дѣлать возгласы противъ самого дѣла по неудовольствію на мелкія частности его; что если бы когда и подверглось неосновательному порицанію лицо, бывшее правымъ, то сама литература не замедлила бы показать фактъ въ истинномъ видѣ и дать несправедливо оскорбленному кѣмъ нибудь полнѣйшее удовлетвореніе, и т. д. Этотъ благородный и справедливый взглядъ проведенъ черезъ всю собственно журнальную часть перваго нумера «Времени» съ послѣдовательностію, которой не слишкомъ много примѣровъ представляютъ наши изданія и которая тѣмъ больше чести приноситъ новому журналу.

Сколько мы можемъ судить по первому нумеру, «Время» расходится съ «Современникомъ» въ понятіяхъ о многихъ изъ числа тѣхъ вопросовъ, по которымъ можетъ быть разница мнѣній въ хорошей части общества. Если мы не ошибаемся, «Время» такъ же мало намѣрено быть сколкомъ съ «Современника», какъ и съ «Русскаго Вѣстника». Стало быть, нашъ отзывъ о немъ не продиктованъ пристрастіемъ. Мы желаемъ ему успѣха потому, что всегда съ радостію привѣтствовали появленіе каждаго новаго журнала, который обѣщалъ быть представителемъ честнаго и независимаго мнѣнія, какъ бы ни различествовало оно отъ нашего образа мыслей. Читатель вспомнитъ, какъ радовались мы появленію «Русской Бесѣды», хотя впередъ знали, что почти на всѣ спорные вопросы она будетъ имѣть воззрѣніе, прямо противоположное нашему; читатель вспомнитъ, съ какимъ сочувствіемъ встрѣчали мы появленіе «Русскаго Вѣстника», съ которымъ въ спорныхъ вопросахъ сходимся развѣ немногимъ больше, чѣмъ съ «Русскою Бесѣдою». Ничѣмъ инымъ, кромѣ чувства, заставлявшаго насъ желать «Русской Бесѣдѣ» того успѣха, котораго достигла бы она при меньшемъ пристрастіи къ разнымъ слишкомъ непопулярнымъ элементамъ, и желать «Русскому Вѣстнику» того же успѣха, котораго онъ достигъ совершенно заслуженно и съ большою пользою для нашего общественнаго развитія, — ничѣмъ инымъ, кромѣ этого чувства, не будетъ объяснять публика и въ нынѣшній разъ нашего желанія, чтобы успѣлъ привлечь къ себѣ ея вниманіе журналъ, имѣющій направленіе, достойное симпатіи.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ.

Замѣчательныя явленія французской и англійской литературы. — Поэма Эдгара Кинé и «Кадмъ и Гармонія» Хераскова. — Книга г-жи Женни д'Эрикуръ о женщинахъ. — Новые комплименты Прудона. — Англійскіе романы. — Придворный поэтъ Теннисcонъ. — «Магазины» и «Обозрѣнія». — Журналъ Тэккерея. — Сколько шкурокъ можно содрать съ литературнаго барана.

У нѣкоторыхъ русскихъ журналовъ съ такъ-называемымъ «серьёзнымъ» характеромъ недавно еще было въ обычаѣ въ первой январской книжкѣ своей обозрѣвать всѣ литературныя явленія за прошлый годъ, и вкратцѣ высказывать о нихъ свои мнѣнія: вотъ это де хорошо, а это слабо. Такія обозрѣнія имѣли въ виду, какъ они обыкновенно выражались, «подвести итогъ нашимъ умственнымъ пріобрѣтеніямъ» за извѣстный періодъ. Чтó оказывалось въ «итогѣ», мы ужъ не говоримъ, потому-что и самыя такія обозрѣнія вышли изъ употребленія. «Современникъ» года два тому назадъ попробовалъ-было обновить старый обычай серьёзныхъ журналовъ; но его

обозрѣніе, названное «Мелочами русской литературы», какъ нарочно серьезнымъ-то людямъ и журналамъ и не понравилось.

Желая сохранить себѣ благосклонное вниманіе этихъ почтенныхъ людей и журналовъ, мы, разумѣется, не станемъ разрывать всего стараго хлама прошлогодней европейской прессы. Намъ просто хочется сказать по нѣскольку словъ о нѣкоторыхъ произведеніяхъ французской и англійской литературы, вышедшихъ въ прошломъ году, о которыхъ «Современникъ» не имѣлъ еще случая говорить. О большей ихъ части можно бы, конечно, и умолчать безъ всякаго ущерба для читателей, если бъ другіе прежде насъ не начали не только много говорить, но даже и кричать о нихъ.

Вотъ хоть бы новое произведеніе поэта и философа Эдгара Кинѐ: «Мерлинъ Чародѣй». Эта книга, написанная однимъ изъ благороднѣйшихъ людей современной Франціи, произвела тамъ большой эффектъ. Находились критики, которые восклицали очень громко, что это одно изъ «знаменательнѣйшихъ явленій нашего времени», одно изъ произведеній, «характеризующихъ эпоху», и тому подобное. Такъ говорили нѣкоторые критики, считающіеся во Франціи людьми не безъ вкуса, не безъ знанія; однако не всѣ. Но за то всѣ рѣшительно признали за поэмой въ прозѣ Эдгара Кинѐ высокое поэтическое достоинство, чрезвычайную художественность и необыкновенно-глубокую мысль. Кажется, и этого довольно, чтобы обратить на нее вниманіе и прочесть ее. Чтò же это за книга?

Помнится, русскіе критики и рецензенты «серьёзныхъ» журналовъ были страшно обижены, когда въ нѣкоторыхъ французскихъ revues, по поводу появленія во французскомъ переводѣ повѣстей Гоголя, талантъ автора «Мертвыхъ Душъ» сравнивали съ талантомъ Проспера Мериме, и говорили: «повѣсти мосье Гоголя очень хороши; они напоминаютъ прелестныя произведенія автора «Карменъ» и «Гузлы», но все-таки не могутъ быть поставлены на равной съ ними высотѣ». Обида, повторяемъ, была страшная.

Но какова была бы обида, напримѣръ, хоть критику «серьёзнаго» французскаго журнала «Revue des deux Mondes», какому нибудь мосье Эмилю Монтегю, еслибъ до свѣдѣнія его дошло, что въ русскомъ журналѣ «Le Contemporain» высоко-поэтическую поэму Эдгара Кинѐ: «Мерлинъ Чародѣй» станутъ сравнивать съ какимъ-то неслыханнымъ твореніемъ: «Кадмъ и Гармонія», сочиненнымъ какимъ-то неслыханнымъ мосье Khéraskoff? Впрочемъ, мосье Эмиль Монтегю или всякій другой мосье, пишущій критики для «Revue des deux Mondes», или для всякаго другаго столь же важнаго и вліятельнаго

revue, очень хорошо знаетъ, что думать о варварской русской литературѣ вообще и о не менѣе варварскомъ журналѣ «Le Contemporain» въ особенности. Мы тоже это знаемъ, и во многомъ вѣроятно у насъ не могло бы выйти спору; ну, а все-таки читать «Мерлина Чародѣя» мы посовѣтовали бы только тѣмъ, кто любитъ услаждать свои досуги чтеніемъ Фенелонова «Телемака», Флоріанова «Нумы Помпилія» и опять-таки «Кадма и Гармоніи», эпическаго творенія Михаила Матвѣевича Хераскова, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и кавалера, того самаго Хераскова, который древле заставлялъ ныть сердца зоиловъ.

Шутки всторону, поэма Эдгара Кинè — явленіе, по нашему мнѣнію, очень странное. Мы не споримъ, что въ ней есть дѣйствительно поэтическія страницы, дѣйствительно умныя и благородныя мысли, дѣйствительно довольно живыя картины и описанія; но въ цѣломъ, это все-таки произведеніе реторическое, искуственное и — главное — ничего не говорящее, не приводящее ни къ какому результату, и стало быть неизвѣстно для чего написанное. А между тѣмъ вы чуть не изъ каждой страницы видите, что книга Кинè вовсе не произведеніе такъ-называемаго творчества, что онъ не «пѣлъ какъ птица, живущая въ вѣтвяхъ», а писалъ съ извѣстною цѣлью, хоть бы напримѣръ съ желаніемъ представить свой взглядъ на исторію человѣчества. Но въ томъ-то и бѣда, что взглядъ этотъ и не новъ и не оригиналенъ; а самой исторіи въ книгѣ вовсе нѣтъ. Вмѣсто просто высказанныхъ и ясныхъ мыслей вы встрѣчаетесь съ туманными намеками, съ символами, которыхъ иной разъ не возьмешь и въ толкъ; вмѣсто историческихъ картинъ передъ вами являются какіе-то легендарно-изукрашенные образы. Попробуйте разоблачить все это отъ мнимо-поэтической одежды, снимите символическую мишуру съ мыслей, нестро-затѣйливыя мантіи съ дѣйствующихъ лицъ, — и мысли эти окажутся чуть ли не знакомыми вамъ изъ «Новѣйшихъ россійскихъ прописей», а лица чуть ли не представятся точь-въ-точь такими, какъ представляютъ ихъ «краткіе учебники» исторіи, съ топорными характеристиками: «злодѣй», «невинный страдалецъ» и такъ далѣе въ этомъ родѣ. Мы не станемъ заподозривать искренности паѳоса, породившаго поэму Кинè; онъ искрененъ, но неестественъ. Чтобы сдѣлать болѣе понятною нашу мысль, мы приведемъ недавно слышанное нами мнѣніе объ игрѣ одного старательнаго и не совсѣмъ безталаннаго актера. Этотъ актеръ обыкновенно хорошо понимаетъ свою роль, старательность могла бы во многомъ замѣнить ему отсутствіе значительнаго дарованія; но онъ «отъ ногтей юности своея» наслышался о томъ, что играть хорошо безъ

«вдохновенія» нельзя. И вотъ эта мысль о «вдохновеніи», и воспоминаніе объ актерахъ, игравшихъ дѣйствительно вдохновенно, не выходитъ у него изъ головы и наконецъ, когда онъ является на сцену, мало-по-малу такъ электризуетъ его, что въ патетическихъ мѣстахъ у него начинаютъ мелькать передъ глазами зеленые круги и онъ, не помня себя, входитъ въ неизъяснимую ярость. Онъ очень искренно предается трагическому свирѣпству; ему кажется, что вотъ тутъ-то всѣ назовутъ его вдохновеннымъ, и именно потому, что эта мысль, хоть и безсознательно, не покидаетъ его при самыхъ патетическихъ тирадахъ и жестахъ, никто не находитъ ихъ натуральными. Эти зеленые круги въ глазахъ — припадокъ, очень знакомый французскимъ поэтомъ, да и не однимъ поэтамъ, а вообще большей части французскихъ писателей. Только при подобномъ, нѣсколько шаманскомъ головокруженіи, могли родиться книги вродѣ «Любви» и «Женщины» Мишле, и это головокруженіе, для зрителя и читателя не очень тонко развитаго представляющееся истиннымъ паѳосомъ, нерѣдко замѣтно на поэмѣ Кинè.

Привычка ничего не говорить просто, безъ кудрявыхъ фразъ, безъ разныхъ художественныхъ ухищреній, напоминающихъ фигуры и тропы старыхъ реторикъ, до того сильна во французской литературѣ, что никому не покажется тамъ страннымъ, если авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ вздумаетъ извиниться въ томъ, что «слогъ его простъ».

Такое извиненіе нашли мы въ предисловіи къ одному очень хорошему сочиненію, недавно вышедшему въ Парижѣ, именно къ книгѣ г-жи Женни д' Эрикуръ: «Освобожденіе женщины» («La femme affranchie»).

«Мнѣ стоило бы большаго труда», говоритъ г-жа д' Эрикуръ: «писать, какъ пишутъ *всѣ* (она не прибавляетъ: «во Франціи»); да очень вѣроятно и не удалось бы написать такъ. Моя книга — дѣло, предписываемое мнѣ моею совѣстью: если я просвѣщу однихъ, заставлю подумать другихъ, если я успѣю пробудить чувство справедливости въ сердцѣ мужчинъ, чувство сознанія своего достоинства въ сердцѣ женщинъ, если я буду ясна для всѣхъ, понята всѣми, полезна всѣмъ, не исключая и моихъ противниковъ, — я останусь вполнѣ довольна, и не стану жалѣть, что не понравилась тѣмъ, которые любятъ и мысль, какъ женщину, только въ пышномъ нарядѣ (en grande toilette)».

Очень вѣроятно, что отсутствіе этого «пышнаго наряда», столь милаго французской публикѣ, не доставитъ книгѣ г-жи д' Эрикуръ

такого громкаго и всеобщаго успѣха, какимъ пользовались недавно нарядныя до скандала сочиненія Мишле о томъ же предметѣ; очень вѣроятно, что книга г–жи д. Эрикуръ не понравится французской публикѣ и на столько, на сколько понравилось тоже очень недавно сочиненіе г–жи Ромьё «Женщина въ XIX столѣтіи», сочиненіе довольно мелкое по мысли, хотя и не глупое, но за то написанное мило и изящно.

Это однакожь нисколько не помѣшаетъ намъ назвать столь скромную на видъ книгу г–жи д' Эрикуръ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ явленій во французской литературѣ за послѣднее время. Она, кромѣ упомянутаго заглавія, названа «Отвѣтомъ гг. Мишле, Прудону, Э. де Жирардену, Огюсту Конту и другимъ современнымъ новаторамъ»; но авторъ не ограничивается только критикою положеній исчисленныхъ авторовъ, а представляетъ въ очень стройной системѣ тѣ понятія, которыя должны вести къ разумному и справедливому рѣшенію такъ-называемаго «женскаго вопроса». Вопросъ этотъ кажется намъ столь важнымъ для прочныхъ успѣховъ человѣчества въ развитіи нравственномъ, умственномъ и матеріальномъ, что мы еще разъ возвратимся къ нему, по поводу прекрасной книги г-жи д' Эрикуръ, въ одной изъ ближайшихъ книжекъ «Современника». Теперь же укажемъ только на два любопытныя письма Прудона къ г-жѣ д' Эрикуръ, помѣщенныя въ ея книгѣ.

Упрямый въ своихъ софизмахъ, Прудонъ лишь нѣсколько иными словами повторяетъ и здѣсь то, что было имъ такъ рѣзко высказано въ его сочиненіи «О справедливости». Снисходя до диспута съ женщиной, съ существомъ, по его мнѣнію, лишеннымъ способности мыслить по человѣчески, Прудонъ принимаетъ однакожь какой-то вѣжливо-начальническій тонъ, и вмѣсто отвѣтовъ на вопросы ограничивается полу-ироническими сентенціями изъ своей книги.

Между прочимъ онъ говоритъ, что трактатъ о женщинахъ, которымъ занята г-жа д' Эрикуръ, послужитъ ему вѣроятно только новымъ подтвержденіемъ его убѣжденію, что у женщинъ — очень слабая голова. Это сказано нѣсколько мягче, но смыслъ словъ совершенно таковъ. Въ томъ же письмѣ замѣчаетъ онъ, что наконецъ разрѣшилъ занимавшій его вопросъ: почему защитники эманципаціи женщинъ такъ же многочисленны, какъ и защитницы. Разрѣшеніе очень просто, и вовсе не можетъ служить къ чести этихъ защитниковъ: у нихъ — такая же слабая голова, какъ у женщинъ. Это выражено очень тонко, именно вотъ какъ: «Я былъ бы счаст-

лившь, сударыня, за нихъ и за васъ, если бы строгое изслѣдованіе показало, что эти новые эманципаторы женщинъ — самые высокіе, самые глубокіе, самые прогрессивные, если не *самые мужскіе* («si non les plus mâles»; лучше перевести мы не умѣемъ) геніи нынѣшняго вѣка». — Послѣ той грязи, которою кидалъ Прудонъ въ Жоржъ Занда, сопровождая эту грязь деликатными извиненіями, г-жа д' Эрикуръ, разумѣется, не обидится невысокимъ мнѣніемъ знаменитаго философа о ея мозгѣ. Что касается эманципаторовъ, они могутъ даже ощутить нѣкоторую гордость, ибо Прудонъ приравниваетъ ихъ ни болѣе ни менѣе, какъ къ Жанъ-Жаку-Руссо, этой *бабѣ* въ умственной сферѣ (опять таки не знаемъ, какъ получше перевесть выраженіе: femmelin de l' intelligence)!

Въ одномъ изъ писемъ Прудонъ говоритъ, что онъ съ особеннымъ вниманіемъ занимался въ послѣднее время изученіемъ женщинъ, которое еще болѣе утвердило его въ мнѣніяхъ, высказанныхъ въ книгѣ «О справедливости». Очень вѣроятно, что, разсердившись на неугомоность женщинъ, онъ постарается пугнуть ихъ новымъ сочиненіемъ, исключительно посвященнымъ женскому вопросу, сочиненіемъ, которое вмѣстѣ съ двумя этюдами книги «О справедливости» и съ двумя пресловутыми твореніями Мишле, будетъ служить грустнымъ памятникомъ дикости, какая могла уживаться съ самыми свѣтлыми идеями и съ благороднѣйшими чувствами въ умахъ и сердцахъ лучшихъ людей нашего времени.

Но довольно объ этомъ. Перейдемъ (какъ выражались обозрѣнія прошлогодней литературы въ «серьёзныхъ» журналахъ) къ литературѣ англійской, о которой мы тоже намѣревались кое-что сказать.

О двухъ замѣчательнѣйшихъ изъ громаднаго числа англійскихъ романовъ послѣдняго времени, именно о «Мельницѣ на Флоссѣ» Джоржа Эліота и о «Превращеніи» Натаніэля Готорна, мы уже говорили. Лучше двухъ этихъ произведеній англійская беллетристика не произвела ничего въ теченіе всего прошедшаго года. Затѣмъ остаются развѣ только какая нибудь «Бѣлая женщина» мистера Вильки-Коллинза, автора съ дарованіемъ чисто внѣшнимъ, безъ способности анализа и безъ оригинальности и силы мысли, да романы и повѣсти разныхъ миссъ или мистриссъ, все очень благонамѣренные и очень мило и гладко написанные, но забываемые очень скоро послѣ прочтенія.

Ничего яркаго не явилось также въ области поэзіи, той «настоящей» поэзіи, которая выражается стихами и риѳмами. А между

тѣмъ книжки лирическихъ стихотвореній, поэмы въ античномъ и современномъ вкусѣ и т. д. выходятъ ежедневно, и не только выходятъ, но и покупаются и читаются, конечно за неимѣніемъ лучшаго.

Вообще англійская поэзія теперь очень хромаетъ. Главное свѣтило ея — звѣзда не первой величины, хотя у него и много восторженныхъ поклонниковъ въ Англіи. Притомъ эта звѣзда на закатѣ: послѣднее произведеніе мистера Альфреда Теннисона, явившееся въ 1859 г, и вновь изданное въ прошломъ году («Королевскія Идилліи»), вещь довольно блѣдная. Внѣшнія достоинства языка и стиха, дѣйствительно замѣчательныхъ по красотѣ, прекрасныя описанія и два-три драматическихъ мѣста, не выкупаютъ монотонности и даже подчасъ нѣкоторой вялости этихъ четырехъ разсказовъ въ нерифмованныхъ пятистопныхъ ямбахъ. Содержаніе ихъ взято изъ старинныхъ былинъ о королѣ Артурѣ.

И здѣсь, какъ въ бóльшей части своихъ произведеній, Теннисонъ выбралъ сюжетъ, дававшій пищу его виртуозности. Изучая старинныхъ англійскихъ поэтовъ, авторъ «Королевскихъ Идиллій», какъ и нѣкоторые поэты до него, усвоилъ нѣкоторые ихъ пріемы, странность эпитетовъ, неожиданность и смѣлость сравненій; читателю не англичанину все это кажется манерностью, но англичане, воспитанные на Шекспирѣ и Спенсерѣ, находятъ напротивъ особенную красоту въ этомъ античнo-британскомъ стилѣ.

Самая сфера, въ которой вращается съ 1850 года Альфредъ Теннисонъ, не способствуетъ поэзіи. Говорятъ, что королева Викторія принадлежитъ къ числу жаркихъ его почитательницъ, и что именно потому Теннисонъ заступилъ при дворѣ десять лѣтъ тому назадъ мѣсто Вордсворта. Званіе лауреата не обязываетъ, правда, сочинять стихи на иллюминаціи, какъ должны были дѣлать наши академики въ прошломъ столѣтіи; но все же нельзя и даромъ получать деньги—неловко какъ-то. Деликатность требуетъ сочинить отъ времени до времени—при удобномъ случаѣ—какую нибудь оду или эпиталаму. Вотъ, напримѣръ, скончался герцогъ Веллингтонъ — какъ не сочинить какую-нибудь «Плачущую Британію»? Вотъ отличился какой-нибудь полкъ или отрядъ въ Индіи или въ Крыму—какъ не почувствовать патріотическаго біенія сердца, и не воспѣть храбрецовъ хоть въ пѣснѣ, если не въ торжественной одѣ? И дѣйствительно въ числѣ стихотвореній мистера Теннисона есть и ода на смерть герцога Веллингтона, и пѣсня на какую-то стычку подъ Балаклавой.

Лучшая пора поэтической дѣятельности какъ будто миновала для

Теннисона съ тѣхъ поръ, какъ для него отворились двери королевскаго дворца. Такихъ глубоко-прочувствованныхъ стихотвореній, какъ «Маріанна», какъ цѣлый циклъ пьесъ, написанныхъ въ память Артура Галлама, сына извѣстнаго историка, и названныхъ «In Memoriam», Теннисонъ не писалъ въ послѣднія десять лѣтъ.

Пора свѣжихъ чувствъ, и живыхъ впечатлѣній для него тоже прошла: ему уже пятьдесятъ лѣтъ, — и мы, право, не знаемъ, можно ли ждать отъ него чего-нибудь такого, что значительно превосходило бы написанное имъ до сихъ поръ, чего нибудь такого, что бы дало ему больше правъ на память и уваженіе слѣдующихъ поколѣній англійскаго народа.

Послѣднее стихотвореніе, напечатанное Теннисономъ, показалось намъ очень слабо. Мы читали его въ одной изъ книжекъ журнала, издаваемаго съ января прошедшаго года подъ редакціею мистера Вильяма Мекписа Тэккерея.

Кстати объ этомъ журналѣ, оранжевыя, довольно безвкуснаго вида книжечки котораго разлетаются въ десяткахъ тысячъ по Англіи и даже перепечатываются въ Лейпцигѣ. Своимъ громаднымъ числомъ читателей «Корнгилльскій Магазинъ» обязанъ прежде всего имени Тэккерея, впервые явившагося передъ публикой въ качествѣ журналиста. Когда явилась въ прошломъ январѣ первая книжка «Магазина», ее расхватали чуть не въ одинъ день. Содержаніе ея не представляло ничего особеннаго, заглавіе тоже было не заманчиво; но въ конторѣ мистеровъ Смита, Эльдера и комп., издателей журнала, не было отбоя отъ покупателей. Само собою разумѣется, весь шумъ произведенъ былъ однимъ именемъ автора «Ньюкомовъ» и «Ярмарки Тщеславія». Очень хорошо зная свою популярность, Тэккерей, на заботу своихъ издателей, какъ бы озаглавить новый журналъ позаманчивѣе, отвѣчалъ, что конечно есть заглавія очень заманчивыя, и выдумать ихъ не трудно (напримѣръ хоть бы: «Темза горитъ!!» и притомъ объявленіе напечатать гигантскими огненно-красными буквами), но что можно назвать журналъ и очень просто, и это не будетъ хуже для его процвѣтанія. Книжная лавка мистеровъ Смита, Эльдера и комп. находится на улицѣ Корнгилль. Прекрасно. Отчего не назвать и самый журналъ «Корнгилльскимъ Магазиномъ». Такъ и сдѣлали, и едва ли напечатанное багровыми буквами объявленіе о журналѣ подъ заглавіемъ: «Темза горитъ!!» привлекло бы болѣе вниманія и болѣе подписчиковъ и покупателей, чѣмъ скромное извѣстіе объ изданіи скромнаго «Корнгилльскаго Магазина».

Такого рода журналовъ, какъ журналъ Тэккерея, существуетъ

въ Англіи множество, и всѣ они болѣе или менѣе процвѣтаютъ. Характеръ этихъ такъ-называемыхъ «магазиновъ» (являющихся обыкновенно ежемѣсячно не толстыми, но очень вмѣстительными книжками) существенно разнится отъ такъ-называемыхъ «обозрѣній» (reviews). Цѣль «обозрѣній» — дѣйствительно обозрѣвать современныя явленія въ области литературы или политики, — и если они пускаются подчасъ въ длинныя разсужденія о чемъ-нибудь старомъ и очень далекомъ отъ современнаго интереса, то только развѣ привязавшись къ какому-нибудь удобному случаю: напримѣръ мистеръ Гладстонъ издалъ книгу о Гомерѣ—очень удобный случай представить цѣлый трактатъ о греческомъ эпосѣ, съ исторіею мнѣній о гомерическихъ поэмахъ, съ эстетическою оцѣнкой, съ взглядомъ на вліяніе греческаго искусства на развитіе литературы и науки въ новой Европѣ, что все пишется очень легко безъ особенной ученой премудрости; капитанъ Роулинсонъ издаетъ новый переводъ Геродота — опять превосходный поводъ написать нѣсколько мелкихъ печатныхъ листовъ и множество крупныхъ фразъ о значеніи исторіи, о поэтическомъ, историческомъ и Богъ знаетъ какомъ еще достоинствѣ «отца бытописанія». Но это все-таки исключенія, и главнымъ характеромъ англійскихъ «обозрѣній» остается все-таки — современность. Издатели «обозрѣній» имѣютъ въ виду читателей по преимуществу серьёзныхъ, слѣдящихъ за политикой и за успѣхами науки. Они не даютъ ничего для такъ-называемаго легкаго чтенія. Напротивъ, «магазины» разсчитываютъ преимущественно на любителей такого чтенія. Они не особенно гоняются за тѣмъ, чтобы читатель могъ узнавать изъ нихъ все, что случается интереснаго на свѣтѣ. Конечно они не упустятъ случая представить разсказъ о какой нибудь интересной новости, о сирійской рѣзнѣ, о подвигахъ Гарибальди, но такой разсказъ долженъ быть написанъ игриво, легко, безъ всякихъ особенно глубокихъ политическихъ соображеній, безъ особенно ученыхъ пріемовъ. Если же такого разсказа не оказывается въ наличности, фактъ — какъ бы онъ ни былъ любопытенъ—можно пройти молчаніемъ. Романы, повѣсти, стихотворенія, юмористическія статейки, нравоописательные очерки, біографіи знаменитыхъ людей разныхъ вѣковъ и разныхъ національностей, путевыя замѣтки, историческіе эпизоды, и т. д., и т. д. всегда замѣнятъ для любителя пріятнаго чтенія отсутствіе животрепещущихъ новостей. «Магазины» представляютъ, какъ показываетъ самое ихъ названіе, складъ всякаго интереснаго матеріала для услажденія досуговъ простаго читателя. Все дѣло тутъ въ разнообразіи; конечно, нужно, чтобы все соотвѣтствовало вкусу редактора, но то,

что называютъ обыкновенно направленіемъ, тенденціей, составляетъ уже роскошь «магазина», а не неизбѣжное условіе его существованія и успѣха. Дороговизна книгъ въ Англіи обезпечиваетъ «магазинамъ» широкій сбытъ, такъ-какъ они стоятъ сравнительно очень дешево. Притомъ нѣтъ почти ни одного романа, ни одного вообще интереснаго произведенія изящной литературы, которое не явилось бы прежде чѣмъ будетъ издано отдѣльно, въ какомъ нибудь «магазинѣ».

Сказанное объ этомъ родѣ изданій вообще примѣняется вполнѣ и къ «Корнгилльскому Магазину».

На первомъ планѣ здѣсь романы и повѣсти, и изъ нихъ первое мѣсто принадлежитъ, разумѣется, роману самаго редактора: «Ловель Вдовецъ». Затѣмъ и второе мѣсто слѣдуетъ уступить тоже Теккерею, именно его лекціямъ о «Четырехъ Георгахъ».

Еще лѣтомъ 1851 года, какъ извѣстно читателямъ «Современника», выступилъ Теккерей впервые на очень выгодное въ Англіи поприще публичныхъ чтеній. Чтобы послушать, что скажетъ знаменитѣйшій юмористъ нашего времени о своихъ предшественникахъ, юмористахъ прошлаго вѣка, Свифтѣ, Стернѣ, Стилѣ, Аддисонѣ и т. д. и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ посмотрѣть на своего любимаго писателя, лондонская публика осаждала залу, въ которой были назначены лекціи, и чуть не дралась изъ-за билетовъ. Такой пріемъ слушателей поощрилъ автора «Ньюкомовъ» попробовать, нельзя ли и въ другихъ мѣстахъ собрать такую же пріятную дань рукоплесканій и гиней, и отправился не только въ Шотландію съ тетрадью своихъ чтеній, но и въ Америку. Поѣздки эти сдѣланы были не даромъ и доказали очень осязательно, что этотъ способъ знакомить публику со своими произведеніями можетъ быть гораздо выгоднѣе простаго изданія.

Вѣроятно вскорѣ послѣ напечатанія своихъ «Чтеній объ англійскихъ юмористахъ восемнадцатаго столѣтія» Теккерей принялся за работу, чтобы повторить этотъ опытъ, оказавшійся столь удачнымъ. На этотъ разъ онъ выбралъ изъ англійской исторіи четырехъ ганноверцевъ Георговъ, по поводу которыхъ можно было наговорить много остроумнаго, бойкаго и интереснаго въ трехъ-четырехъ небольшихъ публичныхъ лекціяхъ, и съ этими лекціями явился въ первый разъ уже не передъ лондонской, а передъ американской публикой, которая почтила такимъ радушнымъ пріемомъ его лекціи о юмористахъ. Успѣхъ былъ въ этотъ разъ еще блистательнѣе.

Начитавшись ихъ вдоволь въ 1855 и 1856 годахъ за Атлантическимъ океаномъ, Тэккерей воротился въ Англію, и, разумѣется, извлекъ изъ своихъ лекцій и здѣсь все, что только можно было извлечь. Мало того, что онъ прочелъ ихъ въ Лондонѣ и Эдинбургѣ,— онъ объѣздилъ съ ними чуть не всѣ большіе города Англіи и Шотландіи.

Кажется, чего бы еще? Но на баранѣ оставалось, вопреки пословицѣ, еще двѣ шкурки послѣ десятка ужь снятыхъ. Лекціи можно было напечатать, за приличный гонораріи, въ журналѣ—съ тѣмъ, чтобы такой же, если не болѣе приличный гонораріи получить потомъ при отдѣльномъ изданіи.

Такимъ образомъ лекціи явились въ «Корнгилльскомъ Магазинѣ» подъ заглавіемъ: «Четыре Георга; очеркъ придворныхъ и столичныхъ нравовъ».

Мы сказали, что эти лекціи и романъ Тэккерея составляютъ главное украшеніе новаго журнала; но было бы несправедливо не прибавить къ этому, что выборъ статей, помѣщаемыхъ въ «Корнгилльскомъ Магазинѣ» отличается чрезвычайнымъ вкусомъ, что большая часть ихъ съ величайшимъ удовольствіемъ читаются, что онѣ притомъ касаются самыхъ разнообразныхъ предметовъ общаго интереса. Изъ нихъ можно также поучиться популярному и занимательному изложенію вопросовъ науки. Подъ рѣдкою статьей выставлено имя автора, но нѣтъ сомнѣнія, что почти всѣ онѣ принадлежатъ людямъ извѣстнымъ и пользующимся уваженіемъ въ англійской литературѣ. Тэккерей напечаталъ въ своемъ журналѣ между прочимъ одинъ интересный отрывокъ, найденный въ бумагахъ покойной миссъ Шарлоты Бронте, автора «Дженъ Эйръ» и «Вильетъ». Это начало оставшагося неоконченнымъ романа «Эмма», которое заставляетъ еще разъ пожалѣть о ранней смерти этой высоко-даровитой писательницы.

Самая слабая сторона «Корнгилльскаго Магазина», это — стихи. Въ каждой ежемѣсячной книжкѣ его есть два-три стихотворенія. Подъ ними подписаны иногда очень извѣстныя имена, иногда просто буквы. Теннисонъ, мистриссъ Элизабета Барретъ-Броунингъ, авторъ знаменитой и дѣйствительно превосходной поэмы «The cry of the shildren», Томасъ Гудъ, сынъ извѣстнаго поэта, Ричардъ Монктонъ-Мильнзъ, поэтъ довольно даровитый, наконецъ самъ Тэккерей,— никто изъ всѣхъ ихъ не представилъ хоть сколько нибудь порядочнаго стихотворенія въ «Магазинъ»; все или общія мѣста, или избитыя картины, или очень сомнительно-поэтическія мысли.

Самъ редакторъ помѣщаетъ кромѣ того въ каждомъ нумерѣ очень милые юмористическіе очерки, — нѣчто вродѣ фельетона, впрочемъ безъ заранѣе заданной, тяжелой и неблагодарной задачи толковать съ публикой, во что бы то ни стало, о новостяхъ. Эти живыя статейки не подписаны; но автора ихъ нельзя не узнать сразу: ex ungue leonem.

— X —

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОТЧЕТЪ Г. МИНИСТРА ФИНАНСОВЪ. — ЗЕМСКІЕ БАНКИ. — ЦѢХИ И ТАКСЫ. — ПОСЛѢДНІЯ ВРЕМЕНА ОТКУПА. — ПРЕДПОЛОЖЕНІЯ ОБЪ УСТРОЙСТВѢ ПОЛИЦІИ. — СЛУЖЕБНЫЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНІЯ. — ЦИРКУЛЯРЫ КОСТРОМСКАГО ГУБЕРНАТОРА. — БѢДСТВІЯ ОТЪ ПОСТОЯ. — ПРЕОБРАЗОВАНІЕ ПОСТОЙНОЙ ПОВИННОСТИ. — БѢДНЯКИ И НЕИМУЩІЕ. — ВЫЗОВЪ ПОЧТОВАГО ВѢДОМСТВА. — ПЕРЕСЕЛЕНІЕ ВЪ КРЫМЪ. — ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ МАШИНЫ. — СЪѢЗДЪ ДВОРЯНЪ ЛУКОЯНОВСКАГО УѢЗДА.

Настоящее «Обозрѣніе» мы начнемъ съ рѣчи г. министра финансовъ, произнесенной имъ въ засѣданіи Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, 13 сентября 1860 года, при представленіи отчета сихъ Установленій за прошлый годъ. Изъ рѣчи этой мы извлечемъ главнѣйшія числовыя показанія, а также и нѣкоторыя изъ поясненій, представленныхъ г. министромъ.

Рѣчь министра финансовъ начинается ссылкой на всеподданнѣйшій докладъ его, по которому состоялся высочайшій указъ 1 сентября 1859 г. объ учрежденіи государственныхъ пяти-процентныхъ банковыхъ билетовъ, — каковымъ указомъ приступлено было къ измѣненію существовавшей у насъ дотолѣ банковой системы. «Причины, побудившія къ этому измѣненію, заключались», говоритъ г. министръ: «преимущественно въ томъ, что банковымъ нашимъ установленіямъ, производившимъ ссуды на продолжительные сроки, посредствомъ капиталовъ, ввѣренныхъ имъ на время неопредѣленное, угрожало неизбѣжное оскудѣніе кассъ, какъ скоро выгоды, представляемыя вкладчикамъ банками, стали оказываться недоста-

точными для удержанія въ нихъ капиталовъ». Такое послѣдствіе нашей банковой системы обнаружилось вскорѣ по уменьшеніи (въ іюлѣ 1857 г.), банковаго процента съ 4-хъ на 3. Мѣра эта возбудила чрезвычайное развитіе акціонерныхъ предпріятій и стремленіе къ покупкѣ акцій и фондовъ, такъ что востребованіе капиталовъ изъ банковъ стало быстро возрастать. Съ августа 1857 г., перевѣсъ возврата вкладовъ противъ взносовъ достигъ, въ теченіе 22 мѣсяцевъ, до 143,000,000 рублей, а наличность банковъ, составлявшая въ іюнѣ 1857 г. свыше 150,000,000 рублей, понизилась въ іюнѣ 1859 г. до 20,000,000 рублей, между тѣмъ какъ имѣлось тогда въ виду скорое востребованіе до 50,000,000 рублей компанейскихъ капиталовъ, и сверхъ того могъ быть еще призывъ новыхъ капиталовъ въ компаніяхъ, получавшихъ разрѣшеніе на выпускъ акцій; частныхъ же вкладовъ, подлежавшихъ еще востребованію, но затраченныхъ банками въ долгосрочныя ссуды казнѣ и частнымъ лицамъ, состояло свыше 700,000,000.

Положеніе было затруднительно, — поэтому, для огражденія банковъ отъ излишняго востребованія вкладовъ, а также для ограниченія дальнѣйшаго производства ссудъ, такъ какъ оно превышало уже средства кредитныхъ установленій, высочайшими указами, 13 марта и 1 сентября 1859 г., было положено: выпустить особые 4% и 5% билеты, и вмѣстѣ съ тѣмъ пониженъ банковый процентъ съ 3 на 2 и отмѣнено начисленіе процентовъ на проценты. Указомъ же 26 декабря 1859 г., пріемъ вкладовъ въ заемномъ банкѣ, сохранныхъ казнахъ и приказахъ общественнаго призрѣнія вовсе прекращенъ, и предоставленъ лишь, до 1 іюля 1860 года, коммерческому банку и его конторамъ.

Мѣры эти содѣйствовали разбору 4% и 5% билетовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ дали поводъ къ истребованію изъ кредитныхъ установленій большей части тѣхъ капиталовъ, коихъ владѣльцы не находили удобнымъ связывать себя помѣщеніемъ денегъ на дальніе сроки. Поступленіе новыхъ вкладовъ на 2% не могло также быть значительнымъ.

Обороты кредитныхъ установленій по вкладамъ съ 1 января 1859 года составляли:

	Истребовано:	Внесено:
съ 1 янв. по 1 сент. 1859 г.	202,345,086 р.	152,065,481 р.
съ 1 сент. по 31 дек. 1859 г.	101,846,790 р.	47,704,931 р.
съ 1 янв. по 1 мая 1860 г.	59,937,173 р.	20,537,769 р.
съ 1 мая по 1 сент. 1860 г.	72,411,579 р.	18,719,686 р.

Въ теченіе первыхъ восьми мѣсяцевъ 1859 года, при платежѣ 3% на вклады, касса банковыхъ установленій уменьшилась на

202,000,000 руб., а въ послѣдующіе затѣмъ восемь мѣсяцевъ на 160,000,000 р.

Сумма же новыхъ вкладовъ въ первый періодъ составляла. . . . . 152,065,000 р.
(Менѣе противъ востребованій на 50,280,000 р.)
А во второй періодъ. . . . . 68,240,000 р.
(Менѣе на 93,340,000 рублей.)
А всего, съ 1 января 1859 г. по 1 сентября 1860 г., истребовано болѣе, нежели внесено на . . . . 197,412,761 р.

Возвратъ вкладовъ на столь значительную сумму имѣлъ ту существенно-полезную сторону, — замѣчаетъ г. министръ, — что на такую же сумму уменьшилось обращеніе въ публикѣ процентныхъ бумагъ, которыя, при легкости передачи ихъ изъ рукъ въ руки, ходили наравнѣ съ денежными знаками, уменьшая тѣмъ потребность въ кредитныхъ билетахъ. Совершенное, хотя и постепенное изъятіе означенныхъ процентныхъ бумагъ изъ обращенія есть одна изъ главнѣйшихъ цѣлей настоящей банковой реформы. На сей конецъ нынѣ выдаются банкомъ на процентные вклады только именныя свидѣтельства, съ правомъ перевода лишь по книгамъ банка, при чемъ билеты сіи не могутъ замѣнять собою въ платежахъ легко подвижные денежные знаки, и затѣмъ на будущее время платежными знаками, сверхъ наличныхъ денегъ, должны служить ассигновки на капиталы, принимаемые банкомъ, для храненія на текущій срокъ, но безъ производства по онымъ процентовъ.

Уменьшенію банковаго долга и въ особенности приведенію въ надлежащую ясность назначенія казенныхъ, общественныхъ и сословныхъ капиталовъ, внесенныхъ въ государственныя кредитныя установленія, много содѣйствовала особая контрольная коммиссія, которая сдѣлала подробный разборъ всѣмъ этимъ вкладамъ и тѣмъ открыла возможность нѣкоторые казенные вклады, передавъ въ государственное казначейство, обратить въ уплату долговъ онаго по займамъ изъ кредитныхъ установленій. Такихъ долговъ погашено донынѣ 22,550,000. Общественные и сословные капиталы, вѣчные и неприкосновенные, въ количествѣ до 92,000,000 руб., принадлежащіе разнымъ учрежденіямъ, и внесенные въ кредитныя установленія, имѣютъ быть переведены въ 4% непрерывно-доходные билеты. Изъ остальныхъ же 164,000,000 руб. общественныхъ капиталовъ, равнымъ образомъ обращающихся въ банкахъ, большая часть, безъ сомнѣнія, закрѣпится за ними, въ видѣ вкладовъ на продолжительные сроки. Сверхъ того, банковый долгъ можетъ сократиться еще на всю ту сумму частныхъ вѣчныхъ вкладовъ, ко-

торая, на основаніи высочайшаго указа 31 мая 1860 года, имѣетъ быть переведена со счета кредитныхъ установленій во внутренній безсрочный долгъ, со внесеніемъ его въ государственную долговую книгу.

Вклады, которые затѣмъ останутся въ банкѣ, послужатъ къ усиленію оборотнаго его капитала.

Таковы главныя основанія, на которыхъ устроивается вкладная часть нашей банковой системы.

Въ отношеніи ссудъ, положеніе нашихъ кредитныхъ установленій также подверглось существенному измѣненію. Банки, принявъ на себя уплату процентовъ, какъ по безсрочнымъ вкладамъ, такъ и по 5% билетамъ, а равно и постепенное ихъ погашеніе, должны были обезпечивать себя въ исправномъ и своевременномъ поступленіи слѣдующихъ имъ отъ заемщиковъ платежей, а вмѣстѣ съ тѣмъ производство новыхъ долгосрочныхъ ссудъ не могло болѣе продолжаться, за неимѣніемъ возможности располагать достаточными на то капиталами. Вслѣдствіе этого, высочайшимъ повелѣніемъ 16-го апрѣля и указомъ 1-го сентября 1859 года, выдача изъ кредитныхъ установленій ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ всякаго рода, а также подъ залогъ оныхъ, и разсрочка недоимокъ по этимъ ссудамъ были совершенно прекращены. Правительство, вполнѣ сознавая затрудненія, которыя оттого должны были произойти, въ особенности для помѣщиковъ, привыкшихъ разсчитывать на пособія и снисходительность банковъ, не могло не озаботиться объ оказаніи симъ заемщикамъ вспомоществованія иными способами. Съ этою цѣлью, высочайше-утвержденнымъ 9-го августа 1860 года положеніемъ коммитета гг. министровъ, предоставлено заемщикамъ государственныхъ кредитныхъ установленій ходатайствовать о разсрочкѣ числящихся на имѣніяхъ ихъ долговъ, вновь на 37 лѣтъ, съ платежемъ 5% интереса и 1% погашенія, если таковые долги не превышаютъ первоначально выданной ссуды. «Мѣра эта», замѣчаетъ г. министръ: «не стѣснитъ оборотовъ государственнаго банка, такъ какъ погашеніе главнѣйшаго пяти процентнаго банковаго долга должно совершиться въ теченіе того же самаго срока — именно 37 лѣтъ.»

Превративъ долгосрочныя ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, правительство признало возможнымъ расширить выдачу ссудъ подъ векселя и другія торговыя цѣнности, такъ какъ ссуды этого рода вполнѣ соотвѣтствуютъ свойству вкладовъ, ввѣренныхъ коммерческому банку. Въ сихъ видахъ, высочайшимъ повелѣніемъ 20-го ноября 1859 г., продолженъ былъ впредь, до преобразованія коммерческаго банка, срокъ облегченій, дарованныхъ въ 1857 г.

санктпетербургскому купечеству, по пріему въ залогъ нѣкоторыхъ привозныхъ товаровъ, и по учету векселей, не стѣсняясь установленнымъ размѣромъ по гильдіямъ. Облегченія эти, въ отношеніи учета векселей, распространены и на конторы коммерческаго банка: рижскую, московскую, одесскую и нижегородскую; при чемъ дозволено московской конторѣ производить учетъ векселей иногородныхъ купцовъ, извѣстныхъ своими оборотами, и на нѣкоторое время допущенъ былъ пріемъ векселей, срокомъ до девяти мѣсяцевъ; одесской же конторѣ предоставлено покупать переводные векселя на Москву и С.-Петербургъ, срокомъ до трехъ мѣсяцевъ. Этими распоряженіями предупреждены угрожавшія въ то время торговому сословію бѣдственныя послѣдствія общаго безденежья и остановки въ сбытѣ мануфактурныхъ издѣлій, а своевременнымъ пониженіемъ въ 1859 г. учетнаго процента по нижегородской банковой конторѣ — облегчены платежи по ярмаркѣ, которые, по недостатку кредита, могли бы совершенно остановиться (*). Наконецъ, высочайшимъ указомъ 31-го мая текущаго года, учрежденъ, въ замѣнъ коммерческаго банка, государственный банкъ, уставомъ коего дано торговому кредиту совершенно новое устройство (**). Съ тѣмъ вмѣстѣ, экспедиція государственныхъ кредитныхъ билетовъ присоединена къ государственному банку, съ возложеніемъ на оный обязанностей экспедиціи. Заемный же банкъ упраздненъ, и дѣла его по вкладамъ переданы въ государственный банкъ, а по ссудамъ—въ С.-Петербургскую сохранную казну.

(*) Нижегородская ярмарка въ нынѣшнемъ году была очень тиха и безденежна; много разнаго товара, особенно хлопчато-бумажныхъ издѣлій, осталось не распроданнымъ.—Въ 192-мъ № «Сѣверной Пчелы» писали, что приближенія 25-го числа августа, срока ярмарочныхъ платежей, ждали на Нижегородской ярмаркѣ очень тягостно. Торговцы, на основаніи новаго устава банка, разсчитывали на льготу 9-ти-мѣсячнаго кредита, предоставленную имъ въ Москвѣ и Петербургѣ; но ожиданіе это не оправдалось: банкъ продолжалъ дисконтировать только на 6-ти-мѣсячный срокъ, и, значитъ, не доставлялъ той помощи въ наличномъ капиталѣ, какой ожидали отъ него... Въ «Акціонерѣ» тоже жаловались на нижегородскую контору коммерческаго банка: по словамъ этой газеты, контора банка ограничила свои дѣйствія, и на выдачу денегъ подъ документы сафа былъ наложенъ контроль, снятый лишь въ послѣднее время. Это распоряженіе и старинная выдача по гильдіямъ очень обезкураживали торгующее сословіе... Впрочемъ, контора банка, удостовѣрившись наконецъ въ дѣйствительной нуждѣ торговцевъ въ деньгахъ, испросила изъ Петербурга разрѣшеніе на распространеніе круга своихъ дѣйствій. Впослѣдствіи извѣщали въ газетахъ, что усиленная выдача денегъ изъ ярмарочнаго отдѣленія государственнаго банка, подъ учетъ векселей, въ нѣсколько дней благопріятно подѣйствовала на ходъ дѣлъ.

(**) Объ учрежденіи государственнаго банка мы говорили подробно во Внутреннемъ Обозрѣніи, помѣщенномъ въ октябрской книжкѣ «Современника.»

Преобразованія въ кредитной системѣ не могли совершиться безъ пожертвованій со стороны казны.

Кассы банковъ къ 1-му января 1859 г. составляли наличными деньгами 25,440,000 р., а государственными фондами, по нарицательной цѣнѣ,—43,405,427 р.; съ того же времени, какъ объяснено выше, истребовано изъ банковъ 436,540,628 р., болѣе противъ взносовъ на 197,412,761 р.

На покрытіе этого излишка востребованій были обращены сперва процентныя бумаги, принадлежавшія заемному и коммерческому банкамъ: изъ нихъ государственное казначейство приняло на себя 23,000,000 р., въ замѣнъ отпущенныхъ изъ онаго суммъ на удовлетвореніе банковыхъ вкладчиковъ, и сверхъ того выручено продажею означенныхъ процентныхъ бумагъ въ частныя руки 2,912,200 руб.; остальные же фонды, составлявшіе собственность опекунскихъ совѣтовъ и приказовъ общественнаго призрѣнія, оставлены въ ихъ распоряженіи. Затѣмъ бо́льшая часть суммъ, поступившихъ по внѣшнему 3% займу, а равно и всѣ свободныя суммы государственнаго казначейства употреблены также на возвратъ капиталовъ изъ банковъ. Этихъ рессурсовъ, однакоже, было недостаточно для безостановочнаго возврата вкладовъ, между тѣмъ какъ количество платежей, причитавшихся отъ заемщиковъ, даже при исправномъ поступленіи оныхъ, не могло доставить банкамъ способовъ къ совершенному обезпеченію возврата вкладовъ при усиленномъ востребованіи оныхъ. По предвидѣнной недостаточности всѣхъ этихъ средствъ для удовлетворенія вкладчиковъ, высочайше разрѣшенъ былъ, на подкрѣпленіе банковыхъ кассъ, выпускъ до 100,000,000 кредитныхъ билетовъ. Такой выпускъ, ограниченный размѣромъ востребованія вкладовъ, былъ неизбѣжнымъ переходнымъ средствомъ къ исполненію обязательствъ, принятыхъ на себя банками; въ дальнѣйшемъ же употребленіи этого рессурса не настоитъ болѣе надобности, такъ какъ уставомъ государственнаго банка (§ 16) постановлено, для облегченія исполненія возложенныхъ на сей банкъ обязанностей относительно уплаты вкладовъ по истребованіямъ, выдавать ему срочные билеты коммиссіи погашенія долговъ или билеты государственнаго казначейства. На семъ основаніи, передано уже въ распоряженіе банка 15,000,000 р. билетами государственнаго казначейства. Между тѣмъ, хотя сумма вкладовъ, которые еще могутъ подлежать несрочному востребованію, составляетъ до 328,550,000 р.,—нельзя ожидать, чтобы требованія возврата оныхъ продолжались въ прежнихъ размѣрахъ; ибо около половины этой суммы, а именно—164,000,000 р. составляютъ собственность разныхъ сословій, обществъ и учрежденій. Бо́льшая часть этихъ капиталовъ должна перейдти, какъ вы-

же сказано, въ срочные вклады государственнаго банка. Затѣмъ къ обмѣну на 4% непрерывно-доходные билеты уже предъявлено много вкладныхъ билетовъ бывшихъ кредитныхъ установленій, по коимъ, однако, не сдѣлано еще окончательнаго разсчета; наконецъ, оборотные капиталы частныхъ лицъ остаются и теперь въ банкахъ на 2%, и тѣ изъ сихъ капиталовъ, которые были бы вытребованы, замѣнятся, по всей вѣроятности, новыми взносами, такъ какъ банкъ продолжаетъ принимать вклады на неопредѣленное время на 3%.

Такимъ образомъ, въ теченіе одного года, безсрочный долгъ государственныхъ кредитныхъ установленій, грозившій имъ постояннымъ востребованіемъ, и стѣснявшій само правительство въ разрѣшеніи всякихъ промышленныхъ предпріятій, уменьшился съ 967,107,000 на 638,555,023 руб., — а именно:

Возвращено вкладчикамъ	197,412,761	руб.
Обращено въ 5% билеты	272,620,800	—
Обращено въ 4% билеты	54,752,453	—
Положено обратить еще въ 4% же билеты	92,876,107	—
Изъ казенныхъ капиталовъ, обращавшихся въ банкахъ, передано въ государственное казначейство	20,892,902	—
Итого	638,555,023	руб.

Столь значительное уменьшеніе банковаго долга достигнуто: 1) увеличеніемъ ежегодныхъ платежей противъ банковаго процента, существовавшаго съ 1830 по 1857 годъ, еще 1 процентомъ на весь капиталъ, обращенный въ 5% билеты, — при чемъ расходъ казны возрастетъ на 2,700,000 рублей въ годъ; 2) увеличеніемъ суммы внѣшнихъ займовъ на 7,000,000 фунтовъ стерлинговъ, — по коимъ надо будетъ платить процентовъ ежегодно 210,000 фунтовъ стерлинговъ, или около 1,320,000 рублей, и 3) увеличеніемъ безпроцентнаго долга экспедиціей кредитныхъ билетовъ на сумму, выпущенную этими билетами для удовлетворенія банковыхъ вкладчиковъ.

«Послѣдній долгъ», говорилъ г. министръ: «будетъ скоро погашенъ способомъ, предоставленнымъ государственному казначейству чрезъ уменьшеніе его долга по внутреннимъ займамъ на 132,500,000 руб., чрезъ что уменьшились ежегодные платежи изъ государственнаго казначейства на 6,000,000 рублей, — а сумма эта можетъ служить обезпеченіемъ займа для уничтоженія соотвѣтственнаго количества кредитныхъ билетовъ».

Сокращеніе на 132,000,000 рублей долга государственнаго каз-

начейства достигнуто черезъ обращеніе суммы, употребленной правительствомъ для возврата вкладовъ, на уплату долга государственнаго казначейства по займамъ, заключеннымъ въ прежнее время, для подкрѣпленія его изъ государственныхъ кредитныхъ установленій и другими способами.

Подкрѣпленіе размѣннаго фонда экспедиціи кредитныхъ билетовъ звонкою монетою было первоначальною цѣлью заключеннаго правительствомъ въ мартѣ 1859 года 3% займа на сумму 12,000,000 фунтовъ стерлинговъ. Подписка на этотъ заемъ, прерванная войною между Австріею и Франціею, вновь открылась въ августѣ 1859 г., но какъ между тѣмъ цѣна фондовъ на всѣхъ европейскихъ биржахъ чрезвычайно упала, такъ что назначенная для выпуска облигацій этого займа цѣна оказалась слишкомъ высокою, то, дабы не понизить продажной ихъ цѣны, и тѣмъ не повредить первымъ подписчикамъ, правительство признало за лучшее, за помѣщеніемъ 7,000,000 фунтовъ стерлинговъ, оставить остальные 5,000,000 за собою, и объявить подписку прекращенною.

Однако, первоначальное назначеніе этого займа не могло осуществиться, что̀ г. министръ объясняетъ слѣдующимъ образомъ:

«Вслѣдствіе чрезвычайно усилившагося привоза равныхъ машинъ, пароходовъ, рельсовъ и другихъ принадлежностей желѣзныхъ дорогъ, при ограниченномъ требованіи нашихъ произведеній на иностранныхъ рынкахъ, а также по случаю постояннаго перевода изъ Россіи большихъ суммъ отъѣзжающими за границу, вексельный курсъ нашъ сталъ упадать, и посему оказалось необходимымъ покрывать торговый балансъ отпускомъ изъ Россіи золота. Для предупрежденія дальнѣйшаго упадка вексельнаго курса, правительство было вынуждено производить платежи свои за границею изъ суммъ, поступившихъ посредствомъ послѣдняго займа, дабы избѣгать такимъ образомъ покупки переводныхъ векселей на здѣшней биржѣ. Сверхъ того, часть суммъ, находившихся за границею по этому займу, переведена сюда черезъ продажу на здѣшней биржѣ на счетъ правительства векселей, выданныхъ здѣсь на иностранные города, а вырученныя за эти векселя деньги обращались, какъ выше сказано, на удовлетвореніе банковыхъ вкладчиковъ.»

Въ предвидѣніи, что положеніе торговаго баланса, обратившагося не въ пользу Россіи, можетъ и на будущее время поставить правительство въ необходимость пособлять своими средствами производству заграничныхъ платежей, а равно и того, что размѣнный фондъ экспедиціи кредитныхъ билетовъ можетъ потребовать еще немаловажнаго подкрѣпленія для открытія свободнаго размѣна сихъ билетовъ на звонкую монету, правительство признало нужнымъ за-

ключить въ текущемъ году еще новый заемъ въ 8,000,000 фунтовъ стерлинговъ.

Изъ этого новаго займа помѣщено, въ продолженіе недѣли, какъ говоритъ г. министръ, по подпискѣ, открытой въ Лондонѣ и въ Амстердамѣ, по 92 за 100 на 5,000,000 фунтовъ стерлинговъ нарицательнаго капитала, а къ продажѣ остальныхъ билетовъ будетъ приступлено 1-го января 1861 г. (*).

(*) Объ этомъ займѣ напечатано въ «Вѣстникѣ Промышленности» слѣдующее интересное соображеніе корреспондента этого журнала, съ которымъ мы и хотимъ познакомить нашихъ читателей. Корреспондентъ этотъ давно уже живетъ въ Лондонѣ, и имѣетъ полную возможность близко слѣдить за ходомъ нашихъ дѣлъ на самой обширной изъ всѣхъ европейскихъ биржъ. Вотъ какъ онъ объясняетъ холодность, съ какою былъ принятъ нашъ заемъ въ Лондонѣ.

«Во-первыхъ», говоритъ онъ: «на англійскихъ капиталистовъ неблагопріятно подѣйствовала обнаружившаяся несправедливость объявленія дома Томсона и Бонара, черезъ посредство котораго былъ заключенъ предпослѣдній 3% заемъ. Домъ Томсона и Бонара утверждалъ, что всѣ 12,000,000 фунтовъ стерлинговъ, черезъ нихъ занимаемые, были подписаны сполна. Изъ высочайшаго же указа, который былъ приложенъ къ объявленію о новомъ займѣ, видно, что изъ этихъ 12,000,000 фунтовъ стерлинговъ было собрано за границею только 7,000,000 ф. ст. Хотя англійская публика и не придавала большой вѣры увѣреніямъ дома Томсона и Бонара, зная, что во всякое время можно было получить въ англійскихъ банкѣ по биржевой цѣнѣ русскіе фонды предпослѣдняго 3% займа, но такое явное несогласіе въ показаніяхъ объ одномъ и томъ же фактѣ весьма странно должно было озадачить всѣхъ. На биржѣ былъ нарядженъ по этому случаю особый слѣдственный комитетъ, который нашелъ, по справкамъ, отобраннымъ у этихъ агентовъ нашего правительства, что оно взяло за себя неразобранные фонды 3% займа на 5.000,000 ф. ст.; почему они (агенты) и объявили, будто вся сумма была подписана сполна. Естественно, такое объясненіе не могло показаться удовлетворительнымъ, и подѣйствовало невыгодно на послѣднюю финансовую операцію русскаго правительства.

«*Вторая* причина неуспѣха новаго займа необыкновенно вѣрно объяснена въ англійскомъ коммерческомъ журналѣ «Экономистъ» (Economist), и мы приведемъ здѣсь собственныя слова этого журнала, совершенно выражающаго въ этомъ случаѣ общее мнѣніе цѣлаго торговаго класса Англіи.

«Желательно было бы (читаемъ мы въ немъ), чтобы русское правительство сообщало болѣе подробныя свѣдѣнія о своихъ финансахъ, подробнѣе тѣхъ свѣдѣній, которыя находятся въ рукахъ у публики. Нѣтъ сомнѣнія, оно много выиграло бы отъ этого. Естественныя средства имперіи огромны; положеніе общественное въ ней улучшается; промышленность ея прибыльна; торговля прочна и идетъ успѣшно, несмотря на желанія спекуляціи въ С.-Петербургѣ... Свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ, удовлетворительны; но они недостаточны, какъ прочныя основанія для коммерческаго довѣрія.

«Народъ, желающій заключить заемъ въ иностранной землѣ, обязанъ доставить самыя подробныя свѣдѣнія о своемъ внутреннемъ положеніи. Внутри страны прогрессъ для каждаго ощутителенъ; легко бываетъ угадать обстоятельства, имѣющія вліяніе на финансы, легко опредѣлить заранѣе возможныя нужды правительства. Но за границею капиталисты полагаются на достовѣр-

Пожертвованія, которыя государственное казначейство должно было принять на себя для возврата вкладчикамъ по востребованію капиталовъ ихъ, затраченныхъ въ долгосрочныя ссуды, не дозволили принять понынѣ надлежащихъ мѣръ къ открытію свободнаго размѣна кредитныхъ билетовъ на звонкую монету.

«Мѣры эти», говоритъ г. министръ: «возвѣщенныя высочайшимъ указомъ 10-го января 1855 г., должны заключаться или въ уменьшеніи числа кредитныхъ билетовъ, или въ усиленіи размѣннаго фонда. То и другое исполнимо лишь посредствомъ значительныхъ займовъ внутреннихъ или внѣшнихъ, сопряженныхъ съ большими расходами для государственнаго казначейства; но усиливать размѣнный фондъ, безъ возможности немедленнаго открытія размѣна, значило бы даромъ накоплять мертвые капиталы; къ безостановочному же размѣну не можетъ быть приступлено, пока не опредѣлится количество кредитныхъ билетовъ, составляющее дѣйствительную потребность внутренняго денежнаго обращенія: въ противномъ случаѣ, быстрое уменьшеніе ихъ могло бы стѣснить денежные обороты въ государствѣ. Опредѣлить эту потребность въ настоящее время труднѣе, чѣмъ когда либо, какъ по причинѣ изъятія изъ обращенія, въ теченіе послѣдняго года, значительной массы вкладныхъ банковыхъ билетовъ, которые большею частью служили въ платежахъ денежными знаками, такъ и потому, что при постоянномъ перевѣсѣ нашихъ заграничныхъ платежей надъ суммами, которыя причитаются намъ къ полученію изъ-за границы, увеличивается требованіе на звонкую монету для вывоза, а съ тѣмъ вмѣстѣ должна возрастать потребность въ ней для размѣна кредитныхъ билетовъ. Первое обстоятельство имѣетъ послѣдствіемъ увеличеніе необходимости денежныхъ знаковъ, отъ чего и происходятъ жалобы на мнимый недостатокъ оной, несмотря на новые выпуски кредитныхъ билетовъ для подкрѣпленія кассъ банковъ, а второе постоянно дѣйствуетъ на пониженіе вексельнаго курса, на усиленіе потребностей въ звонкой монетѣ, и вслѣдствіе того на поддержаніе лажа при размѣнѣ кредитныхъ билетовъ на серебро и золото.

«При всѣхъ преобразованіяхъ по части кредита, правительство имѣло постоянно въ виду по возможности ослабить послѣдствія произве-

---

нѣйшія оффиціальныя свѣдѣнія и точныя цифры. Это единственныя данныя, по которымъ они могутъ судить, и на которыя только они обращаютъ вниманіе. Общіе толки о прогрессѣ и улучшеніяхъ оказываютъ на нихъ мало дѣйствія; они не имѣютъ средствъ повѣрить ихъ,—и эти разговоры не довольно опредѣлительны, чтобы имѣть вліяніе на ихъ разсчеты. Русскій заемъ, недавно объявленный, былъ у насъ неблагопріятно принятъ, можетъ быть потому, что условія его были не довольно льготны; но по крайней мѣрѣ успѣхъ его былъ бы вѣроятнѣе, если бы его сопровождали обычныя показанія, сообщаемыя всѣми государствами своимъ кредиторамъ, если бы мы получили въ настоящее время также финансовый отчетъ Россіи»....

леннаго съ 1855 по 1857 г. выпуска кредитныхъ билетовъ на военные расходы, — послѣдствія, обнаружившіяся въ возвышеніи цѣнъ на всѣ предметы, и въ уменьшеніи оттого вывоза русскихъ произведеній за границу, и усиленіе привоза иностранныхъ товаровъ, принявшаго неслыханные до того размѣры, послѣ двухгодичнаго послѣ войны застоя. Все это привело къ истощенію въ государствѣ денежныхъ средствъ, къ недостатку денегъ; но въ этомъ самомъ обстоятельствѣ заключается начало перемѣны къ лучшему: ибо цѣны товаровъ по всюду-ощущаемому недостатку денегъ начинаютъ упадать, а пониженіе цѣнъ можетъ содѣйствовать усиленію сбыта русскихъ произведеній за границу, и тѣмъ облегчится возстановленіе баланса нашихъ заграничныхъ денежныхъ оборотовъ. Нельзя, однако, не обратить здѣсь вниманія на то, что балансъ этотъ едва ли возстановится въ желаемой степени, пока будутъ вывозимы изъ государства огромныя суммы за границу, какъ на выписку оттуда разныхъ принадлежностей желѣзныхъ дорогъ, машинъ, пароходовъ и проч., такъ, и въ особенности, на проживаніе тамъ нашихъ соотечественниковъ, послѣднее время чрезмѣрно усилившееся. Переводъ же денегъ туда на покрытіе расходовъ должно считать одной изъ главныхъ причинъ, склоняющихъ балансъ денежныхъ оборотовъ Россіи съ иностранными государствами въ ея невыгоду, — причемъ не можетъ упрочиться возвышеніе денежнаго курса, а пока сей послѣдній не подымется въ настоящемъ размѣрѣ, свободный размѣнъ кредитныхъ билетовъ не можетъ быть возстановленъ безъ истощенія размѣнной кассы въ самое непродолжительное время.

«Посему правительство тогда только въ состояніи будетъ окончательно опредѣлить мѣры, которыя дадутъ ему возможность открыть свободный размѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, когда совершится ликвидація прежнихъ банковъ, когда билеты ихъ замѣнятся менѣе подвижными облигаціями, или свидѣтельствами государственнаго банка, и когда установится надлежащее равновѣсіе по денежнымъ переводамъ между Россіею и иностранными государствами; установленіе сего равновѣсія составляетъ необходимое условіе для исправленія нашей денежной системы.»

Затѣмъ г. министръ оканчиваетъ свою рѣчь изложеніемъ причинъ выпуска новой, низко-пробной монеты, и числовыми показаніями состоянія къ 1-му января 1861 г. государстенныхъ долговъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, и оборотовъ государственныхъ кредитныхъ установленій. Здѣсь мы воспользуемся еще слѣдующими числовыми показаніями: низко-пробной размѣнной монеты выпущено по 1-е сентября сего года на 1,630,000 руб., а мѣдной вычеканено съ 1857 г. до 5,500,000 руб.; къ 1860 г. состояло всѣхъ вообще государственныхъ долговъ, внѣшнихъ и внутреннихъ — 555,012,127 руб.: противъ 1858 г. болѣе на 39,024,115 рублей; къ 1860 г. осталось въ обращеніи кредитныхъ билетовъ 679,877,853 руб., болѣе

противъ 1858 г. на 35,229,134 руб.; — размѣннаго фонда состояло: а) въ звонкой монетѣ и слиткахъ 86,870,014 руб.; б) въ публичныхъ фондахъ 9,371,604 руб., всего: 96,241,618 руб., — противъ 1858 г. менѣе на 14,570,865 рублей.

Итакъ, изъ рѣчи г. министра финансовъ оказывается, что улучшеніе нашей денежной системы — еще въ будущемъ. Конечно, преобразованіемъ кредитной системы достигнуто уже то, что возстановленіе денежной системы становится возможнымъ, не подвергая опасности состоятельность кредитныхъ установленій. Однако, положеніе дѣлъ крайне еще затруднительно.

По указу 10 января 1855 г. подлежатъ изъятію изъ народнаго обращенія всѣ кредитные билеты, выпущенные сверхъ находившихся въ народномъ обращеніи къ 10 января 1855 г. 356,337,021 руб.; а такъ какъ нынѣ состоитъ въ народномъ обращеніи кредитныхъ билетовъ на 679,877,853 р., стало быть обѣщанное изъятіе должно было бы простираться теперь на 323,540,832 р. На основаніи дѣйствующихъ законовъ, вся эта громадная сумма слишкомъ въ 300 милліоновъ могла бы оставаться въ народномъ обращеніи только тогда, когда бы она была обезпечена рубль за рубль звонкою монетой размѣннаго фонда;—при теперешнемъ обращеніи кредитныхъ билетовъ (на 679,877,853 р.) лишь размѣнный фондъ въ 475,331,817 руб. звонкою монетой и публичными фондами соотвѣтствовалъ бы закону о выпускѣ кредитныхъ билетовъ (Св. Зак. т. XI, 1126—1132, Уст. Кредит.); между тѣмъ, выше мы видѣли, что весь размѣнный фондъ къ 1860 г. состоялъ только изъ 96.241,618 р., — значитъ, тутъ недостаетъ 379,090,199 руб.

Если бы можно было имѣть размѣнный фондъ въ 475 милліоновъ рублей, это обезпечивало бы безпрепятственный размѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету и совершенно оградило бы курсъ ихъ отъ всякихъ колебаній. Но, справедливо замѣчаетъ «Русскій Вѣстникъ» (№ 18), собрать разомъ 380 милліоновъ руб. не можетъ никакая финансовая сила въ Европѣ.

Нельзя тоже не согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ томъ же № «Русскаго Вѣстника», что намъ собственно нужна не столько звонкая монета, сколько прочная монетная единица.

Но какъ добиться до прочной монетной единицы! Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» указываютъ на два средства для достиженія этой цѣли: во-первыхъ, на уменьшеніе количества обращающихся кредитныхъ билетовъ — вслѣдствіе чего долженъ прекратиться теперешній форсированный отпускъ звонкой монеты за границу, стѣсняющій собою отпускъ другихъ нашихъ товаровъ; во-вторыхъ, облегченіе частнаго кредита и доставленіе ему возможности замѣнять звонкую мо-

нету своими бумагами (вслѣдствіе чего мы можемъ избавиться отъ необходимости закупать за границей въ короткій срокъ большое количество звонкой монеты). Насчетъ перваго средства—нельзя слова возразить, но насчетъ втораго — это еще вопросъ: окажетъ ли оно немедленно свое благодѣтельное вліяніе на всемъ экономическомъ бытѣ Россіи, гдѣ общественный и частный кредиты потрясены уже давно, гдѣ положеніе промышленности и торговли въ высшей степени неудовлетворительно по многимъ причинамъ... Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» указываютъ на Шотландію, гдѣ и безъ обилія въ звонкой монетѣ дѣла идутъ превосходно, благодаря превосходному устройству частнаго кредита; но это устройство создано вѣками и было плодомъ великихъ трудовъ и сильныхъ переворотовъ. Намъ еще рано разсчитывать на благодѣянія частнаго кредита, изъ котораго хотятъ сдѣлать, во что бы то ни стало, чудотворную панацею. Установленіе денежной системы намъ необходимо теперь же, въ настоящую же минуту: оно необходимо для прекращенія дороговизны на все, столь тягостной для недостаточныхъ классовъ народонаселенія, дороговизны, произведенной безпрерывнымъ колебаніемъ теперешней денежной системы; оно необходимо для развитія самаго же частнаго кредита; а всего болѣе оно необходимо для преобразованія всей системы сельско-хозяйственной промышленности, къ которой приходится перейдти немедленно. Для установленія прочной денежной системы нужны бы мѣры рѣшительныя...

Дѣло устройства земскихъ банковъ подвигается впередъ. Коммиссія, занимающаяся этимъ предметомъ, возобновила засѣданія 28 сентября и опредѣлила планъ своихъ дѣйствій на будущее время. Объ этомъ планѣ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» сообщаютъ нѣкоторыя подробности, изъ которыхъ мы и воспользуемся здѣсь кое-какими свѣдѣніями.

Работы коммиссіи раздѣляются на четыре части, а именно: проэктъ ипотечнаго закона; разсмотрѣніе проэкта уставовъ земскихъ банковъ, представляемыхъ на утвержденіе правительства; правительственныя мѣры къ устройству банковъ; и начертаніе проэкта закона о земскихъ банкахъ.

Относительно первой части работы коммиссіи нынѣ извѣстно, что нѣкоторыми членами ипотечной коммиссіи окончены предварительныя работы по собранію матеріаловъ, признанныхъ необходимыми для зрѣлаго обсужденія ипотечнаго вопроса. Эти матеріалы печатаются и войдутъ въ продолженіе Трудовъ коммиссіи о земскихъ банкахъ.

Коммиссія о земскихъ банкахъ, сообразуясь съ порядкомъ, при-

нятымъ по прочимъ ея занятіямъ, положила образовать особую коммиссію для предварительнаго разсмотрѣнія поступающихъ проэктовъ уставовъ и доклада заключенія въ общемъ собраніи. Затѣмъ для облегченія разсмотрѣнія проэктовъ и самыхъ сужденій, которыя будутъ ими возбуждены въ средѣ коммиссіи, а также для избѣжанія напрасной переписки съ учредителями банковъ, коммиссія признала необходимымъ приглашать въ свою среду, при разсмотрѣніи каждаго проэкта банка, лицъ для сего уполномоченныхъ отъ учредителей того банка. Вмѣстѣ съ тѣмъ она нашла полезнымъ предварительное печатаніе проэкта уставовъ самими учредителями, и доставленіе въ коммиссію печатныхъ экземпляровъ проэктовъ. Учредители нѣкоторыхъ банковъ уже печатаютъ свои проэкты; по мнѣнію коммиссіи, весьма желательно было бы, чтобы этотъ примѣръ вошелъ во всеобщее обыкновеніе. — Главная польза отъ этого обыкновенія, прибавимъ мы отъ себя, будетъ заключаться въ томъ, что не скроются отъ общественнаго мнѣнія разныя поползновенія къ монополіямъ и привилегіямъ, къ которымъ такъ падки наши учредители разныхъ промышленныхъ предпріятій, — о чемъ мы уже имѣли случай говорить въ нашемъ октябрскомъ обозрѣніи.

На коммиссію же, составленную для предварительнаго разсмотрѣнія проэктовъ земскихъ банковъ, возложенъ трудъ обсужденія всѣхъ мѣръ, необходимыхъ со стороны правительства, для устраненія препятствій къ устройству банковъ. Къ разряду такихъ правительственныхъ мѣръ по устройству земскихъ банковъ относятся разныя улучшенія въ системѣ взысканія частныхъ долговъ, въ порядкѣ продажи съ публичнаго торга недвижимыхъ имуществъ, въ условіяхъ образованія товариществъ и компаній, въ содѣйствіи обращенія земскихъ облигацій и закладныхъ листовъ посредствомъ ссудъ государственнаго банка и его конторъ и т. д.; наконецъ, собственно такъ-называемыя *переходныя мѣры* по устройству земскихъ банковъ. Если всѣ вопросы, возбуждаемые какъ упомянутыми мѣрами, такъ и многими имъ подобными, не могутъ быть окончательно разрѣшены въ средѣ коммиссіи, то во всякомъ случаѣ вопросы эти потребуютъ тщательныхъ соображеній со стороны коммиссіи и не меньшей заботливости, чѣмъ собственно законодательный проэктъ для земскихъ банковъ.

Коммиссія положила пріостановиться на ближайшее время начертаніемъ проэкта закона о земскихъ банкахъ и сосредоточить пока свою дѣятельность преимущественно на разсмотрѣніи представленныхъ проэктовъ уставовъ, которые во всякомъ случаѣ должны быть утверждены законодательною же властію.

Какъ-то въ газетахъ сообщалось, что существуютъ положи-

тельныя предположенія объ уничтоженіи у насъ цеховъ и таксъ, невыгоды которыхъ для всего общества и несоотвѣтственность современнымъ понятіямъ, принятымъ въ наукѣ, не разъ и положительно были доказаны въ текущей нашей литературѣ.

Отъ цеховаго устройства Англія, Франція, Бельгія, Швейцарія, Скандинавскія государства давно уже отказались, и осталось оно въ Германіи (*) да въ Россіи. Въ Германіи оно имѣетъ, по крайней мѣрѣ, историческія, отъ среднихъ вѣковъ еще завѣщанныя основы, и коренится въ закоснѣлыхъ привычкахъ довольно-значительнаго класса гражданъ. У насъ явилось оно съ чуждой почвы и нисколько не упрочилось въ жизни. Въ «Журналѣ Мануфактуръ и Торговли» напечатана недавно интересная (еще неконченная покуда) статья г. Татаринова: «Объ ограниченіяхъ свободы промышленности и о цеховомъ устройствѣ», въ которой этотъ современный и живой вопросъ авторъ разсматриваетъ въ духѣ свободы промышленности. Выводы изъ этой статьи слѣдующіе: цеховая монополія не можетъ выдержать соперничества съ фабричнымъ производствомъ; она въ высшей степени несправедлива въ отношеніи къ нецеховымъ ремесленникамъ; она даже несправедлива своими подраздѣленіями для членовъ своихъ корпорацій; она не отвращаетъ пролетаріата, но служитъ вѣрнѣйшимъ путемъ къ нему, стѣсняя непринадлежащихъ къ цеху въ выборѣ работъ, и поставляя цеховыхъ ремесленниковъ въ зависимое положеніе, приводящее ихъ тоже къ пролетаріату; наконецъ, въ нравственномъ отношеніи, она не можетъ имѣть никакого значенія, и цеховые ремесленники не лучше, если не хуже фабричныхъ работниковъ. Для удаленія пролетаріата, авторъ предлагаетъ слѣдующія мѣры: образованіе ремесленниковъ, отстраненіе всѣхъ ограниченій свободы личнаго труда и промышленности, ассоссіаціи труда и капитала. Судя по помѣщенію этой статьи г. Татаринова въ оффиціальномъ журналѣ, можно надѣяться, что цеховому устройству нашихъ ремеслъ суждено уже недолго существовать.

А между тѣмъ въ Петербургѣ приступлено уже къ отмѣнѣ таксъ. Недавно въ «Сѣверной Пчелѣ» напечатано слѣдующее оффиціальное объявленіе:

«Въ 755 ст. XIII тома Св. Закон. (Уст. о народномъ продовольствіи) постановлено, чтобы составляемы были таксы на печеный хлѣбъ и на мясо всякій разъ, когда надобность потребуетъ. На семъ основаніи,

---

(*) Впрочемъ, въ Пруссіи уже уничтожено цеховое устройство ремеслъ, и оставлены только ремесленныя корпораціи для желающихъ въ нихъ вступать, но безъ всякихъ особенныхъ обязанностей и привилегій.

въ видахъ содѣйствія развитію торговли мясомъ и хлѣбомъ, по соглашенію министра внутреннихъ дѣлъ съ санктпетербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, сдѣлано распоряженіе объ отмѣнѣ постояннаго составленія таксъ на эти продукты въ С. Петербургѣ, съ тѣмъ, чтобы установленныя въ законѣ мѣры къ отвращенію злоупотребленій, при продажѣ хлѣба и мяса, были соблюдаемы во всей точности. С. Петербургскій гражданскій губернаторъ, объявляя о семъ обывателямъ столицы, считаетъ долгомъ объяснить, что предписано торговой полиціи неослабно наблюдать, чтобы торговцы не возвышали произвольно цѣнъ на хлѣбъ и мясо, что за всякое дѣйствіе ихъ, клонящееся къ возвышенію цѣнъ на сіи продукты, они будутъ подвергаемы отвѣтственности по законамъ, и что, на точномъ основаніи означеннаго закона, таксы на хлѣбъ и мясо будутъ возстановляемы, коль скоро надобность сего потребуетъ.»

Изъ цитуемаго въ приведенномъ нами объявленіи закона видно, что такса на хлѣбъ и мясо предполагалась къ введенію только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, «когда надобность потребуетъ»: отчего же существовала она у насъ постоянно? Вопросъ этотъ объясняется тѣмъ, что гораздо легче разомъ установить таксу, чѣмъ опредѣлять надобность ея въ извѣстныхъ случаяхъ, — тѣмъ болѣе легче, что при опредѣленіи ея надобности, пришлось бы о многомъ подумать и много сообразить; пришлось бы иной разъ, хоть ненарокомъ, наткнуться на положенія науки, объясняющія, что отъ таксъ нѣтъ ровно никакой пользы, а выходитъ только чистый вредъ. — Впрочемъ, что такое таксы въ отношеніи къ потребителямъ, всего лучше можно видѣть изъ очерка исторіи мяснаго промысла во Франціи, очерка, предпосланнаго статьѣ объ устройствѣ этого промысла во Франціи, помѣщенной въ іюльской книжкѣ «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ»; мы извлечемъ изъ этого очерка нѣсколько данныхъ.

Во Франціи идеи о необходимости свободы промысловъ появились уже давно, однако вплоть до революціи существовали тамъ цехи и таксы. Еще въ 1770 году одинъ изъ членовъ Гренобльскаго парламента говорилъ слѣдующее: «правительство желаетъ доставить народу средства пріобрѣтать мясную пищу по возможно-низкой цѣнѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ устраняетъ, уничтожаетъ конкуренцію, которая только и можетъ произвести дешевизну, и предоставляетъ право продажи мяса ограниченному числу привилегированныхъ торговцевъ. Почти во всѣхъ городахъ Франціи мясные промышленники составляютъ отдѣльныя общества; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этимъ обществамъ присвоено исключительное право продовольствованія; но правительство опасается, чтобы они не употребили во зло это право, возвысивъ чрезмѣрно цѣны на мясные припасы, —

и въ отвращеніе этого, прибѣгаютъ къ установленію таксы, и таким насильственнымъ и ошибочнымъ средствомъ думаютъ противодѣйствовать злу, порожденному самимъ же правительствомъ. Что же выходитъ изъ подобныхъ дѣйствій? Если дѣлать разцѣнку мяса по настоящей его стоимости, то такса становится совершенно излишнею. Свободная конкуренція сама-собою установила бы эту разцѣнку. Если такса возвышаетъ нормальную цѣну мяса, то оттого, очевидно, затрудняются способы продовольствія народа. Наконецъ, если таксою назначаются цѣны ниже стоимости мяса, то терпятъ продавцы убытокъ, лишаясь законной прибыли. Но такъ какъ никого нельзя принудить продавать въ убытокъ себѣ, и никто не можетъ долго торговать подъ такимъ условіемъ; то очевидно, слишкомъ умѣренною таксою правительство вынуждаетъ промышленниковъ продавать товаръ низшаго качества. Притомъ, мясные торговцы имѣютъ всегда способъ получать барышъ, несмотря на стѣсненіе таксы; они стараются какъ можно дешевле покупать скотъ, и такимъ образомъ потеря, выдерживаемая торговцами отъ низкой таксы, большею частію падаетъ на производителей: торговцы, по необходимости, притѣсняютъ ихъ при покупкѣ скота, ибо сами они стѣснены въ назначеніи цѣнъ при розничной продажѣ. Остальная часть сказанной потери всегда падаетъ на потребителей, преимущественно на бѣднѣйшій класъ народа, которому приходится покупать, по весьма дорогой цѣнѣ, мясо слишкомъ низшаго качества.» Гренобльскій депутатъ проповѣдывалъ все вещи совершенно простыя, но слова его пропали задаромъ для того времени, когда онъ ихъ говорилъ. Впрочемъ, тутъ скоро подоспѣла такая пора, когда старому хламу всяческихъ привилегій и монополій уже невозможно стало держаться...

Окончимъ эту часть нашего обозрѣнія извѣстіями, касающимися до отживающей свой вѣкъ винной монополіи.

Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» пишутъ, будто нѣкоторые откупщики, пользуясь тѣмъ, что въ народѣ считаютъ штофъ вина за осьмину, то есть за $1/_8$ часть ведра, тогда какъ дѣйствительно онъ составляетъ только $1/_{10}$ часть ведра, отпускаютъ вино по настоящей мѣрѣ, а требуютъ за него, примѣняясь къ народному счету: такъ напримѣръ, они отпускаютъ два штофа вина, то есть $2/_{10}$ ведра, а берутъ за нихъ, какъ за двѣ осьмины, то есть, какъ за четверть ведра. Въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» говорятъ, что интересно было бы разъясненіе этого факта. Мало ли что интересно,—только кто жь будетъ разъяснять-то подобный фактъ? ужь не откупъ ли самъ?

Что бы тамъ ни говорили про откупъ и про откупщиковъ, а онъ

себѣ не унываетъ, и въ послѣдніе дни своего существованія онъ даже началъ показывать особую какую-то проницательность. Такъ напримѣръ, саратовскій откупъ, по словамъ «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», дѣятельно теперь заботится о прекращеніи пьянства и принялъ самыя рѣшительныя мѣры къ уменьшенію числа пьяницъ. Онъ замѣтилъ въ послѣднее время, что народъ, вмѣсто *противо*-желудочныхъ водокъ, охотнѣе сталъ покупать спиртъ, который и попиваетъ, разбавивъ его кипяткомъ; онъ замѣтилъ — и догадался тотчасъ, что надо ему дѣлать: по его распоряженію, отпускаютъ теперь спиртъ по запискамъ *господамъ*, а не мужикамъ. — «Саратовскія Вѣдомости» шутятъ по поводу этой продажи, — и по правдѣ сказать, это — одна изъ самыхъ скромныхъ продѣлокъ откупа.

Неисчислимо — что потерялъ народъ отъ откупа! По разсчету, представленому недавно въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», акцизные откупщики съ 1851 по 1859 г. получали, среднимъ числомъ, въ годъ 52% барыша на сумму, уплачиваемую ими въ казну. Такъ, платя въ 1858 г. 12½ милліоновъ руб. сер. акциза въ казну, они сами выручали около 18 милліоновъ рублей. Разсчетъ этотъ сдѣланъ по ярлыкамъ казенной палаты, которые выдаются на отпускъ вина отъ заводовъ. И это еще, такъ сказать, законная прибыль; а сколько выручалось откупщиками и ихъ сподручниками: на произвольномъ возвышеніи цѣнъ на вино, на гнусной фабрикаціи вина; на разсыропливаніи вина и на прочихъ мерзостяхъ, отъ которыхъ такъ преуспѣвала эта доморощенная наша промышленность!

Теперь же кстати разскажемъ объ одномъ изъ членовъ этой корпораціи откупщиковъ. Нѣкто Гарфункель, еврей, бывшій русскій, а нынѣ французскій подданный, составилъ въ Россіи огромное состояніе и потомъ бѣжалъ во Францію. Наше правительство требуетъ теперь съ него уплаты недоимки въ 1,125,000 р. сер., накопившейся по откупамъ въ разныхъ губерніяхъ. Интересно было бы провѣдать — какъ именно накопилась такая громадная недоимка на одномъ лицѣ. Оно, конечно, дѣло тѣмъ отчасти объясняется, что Гарфункель былъ откупщикъ... ну, да все-таки нельзя, чтобы не было особенныхъ обстоятельствъ, помогшихъ этому господину своровать такую кругленькую сумму.

— Извѣстно, что коммиссія объ уѣздныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ уже окончила свои занятія. Слышно, что ею составлены предположенія объ устройствѣ полиціи въ уѣздахъ и городахъ, за исключеніемъ столицъ.

Между тѣмъ начальство Москвы занято въ настоящее время составленіемъ предположеній объ устройствѣ московской полиціи;

для этого составлена въ Москвѣ коммиссія, подъ предсѣдательствомъ московскаго генералъ-губернатора, съ участіемъ оберъ-полицеймейстера, уѣзднаго предводителя дворянства, городскаго головы, губернскаго прокурора, профессора В. Н. Лешкова и другихъ лицъ. Основанія переустройства московской полиціи еще неизвѣстны, но говорятъ, что они заключаютъ въ себѣ много хорошаго, и что ни одно изъ существенныхъ условій преобразованія полиціи не будетъ упущено изъ виду коммиссіею.

Недостатки организаціи нашей полиціи правительство уже давно сознавало, и имъ приняты дѣятельныя мѣры къ существенному преобразованію этого учрежденія. О характерѣ же самого преобразованія можно судить по тѣмъ началамъ, на которыхъ оно основано: отдѣленіе отъ вѣдѣнія полиціи судебно-слѣдственной части, нынѣ уже приведенное въ исполненіе, должно было неминуемо повести къ коренному преобразованію полиціи. Итакъ, недостатки теперешней организаціи полиціи, уже достаточно обнаженные передъ всѣми и сознанные общественнымъ мнѣніемъ, — при новомъ, лучшемъ устройствѣ, и особенно при контролѣ общественнаго мнѣнія, могутъ сдѣлаться преданіемъ, которому потомки наши, можетъ быть, не совсѣмъ-то будутъ и вѣрить.

Впрочемъ, надежды еще впереди; а теперешнее положеніе дѣлъ вовсе не таково, чтобы имъ удовлетворяться. Вотъ, напримѣръ, въ двухъ губернскихъ городахъ, въ Полтавѣ и Саратовѣ, производятся *поборы* на заставахъ съ товаровъ, привозимыхъ на рынокъ (*). Незначительный обозъ платитъ 50 копѣекъ сер.; затѣмъ сумма возрастаетъ, смотря по числу возовъ. Въ Саратовѣ же останавливаютъ на заставахъ не только крестьянъ, но купцовъ и другихъ лицъ, съ которыхъ, конечно, можно взять подъ видомъ осмотра ихъ письменныхъ видовъ; какъ будто Саратовъ принадлежитъ другому царству, а не русскому, внутри котораго давно уже уничтожены таможни, а недавно и заставы съ ихъ шлагбаумами и часовыми... Въ Ефремовѣ мѣщане и купцы торгуютъ мясомъ зараженной скотины и преспокойно сбываютъ такой товарецъ въ Москву... (**) Въ Нижегородской губерніи высылаемые чрезъ канцелярію военнаго губернатора въ земскія полиціи билеты на взиманіе обывательскихъ подводъ, безъ платежа прогоновъ, хотя и выводятся расходомъ по отчетности въ надлежащемъ большею частію порядкѣ, но выводятся только — повидимому; въ дѣйствительности же много такихъ биле-

---

(*) «Наше время» № 39.
(**) «Московскія Вѣдомости», № 117.

товъ выдается по произволу тѣмъ лицамъ, кому и не слѣдуетъ; отъ чего происходитъ значительный и напрасный разгонъ обывательскихъ подводъ, и крайне обременяются сельскіе жители (*). Въ той же Нижегородской губерніи до военнаго губернатора дошли слухи, будто бы раскольники, подъ разными дѣловыми предлогами, часто безвременно и напрасно отвлекаются отъ мѣстъ своего жительства, иногда для удовлетворенія личнымъ цѣлямъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ (**). Въ «Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» напечатаны циркуляры костромскаго военнаго губернатора, осуждающіе разныя по службѣ злоупотребленія мѣстныхъ уѣздныхъ чиновниковъ. Такъ напримѣръ, винный приставъ города Юрьевца дозволилъ себѣ сдѣлать безденежный отпускъ вина изъ казенныхъ магазиновъ, вскорѣ послѣ мѣсячнаго свидѣтельства. «Мнѣ положительно извѣстно», говоритъ въ первомъ своемъ циркулярѣ военный губернаторъ: «что свидѣтельствующія лица не повѣряютъ спирта въ магазинахъ, и подписываютъ книги, приготовляемыя винными приставами. Было когда-то время, что на снисхожденіе, дѣлаемое откупщикамъ, даже въ явное нарушеніе закону, смотрѣли какъ-то снисходительно, и чиновники, пользуясь этимъ, составляли себѣ изъ откупа оброчную статью. Въ настоящее время общественное мнѣніе выразилось иначе; и зло гласно называется зломъ, для кого и съ какою бы цѣлію оно ни дѣлалось». Однако, и послѣ этого строгаго циркуляра, обнаружившаго неблаговидное направленіе и сочувствіе нѣкоторыхъ къ дѣламъ откупа, циркуляра, предварявшаго, что за подобныя дѣйствія виновные будутъ опубликованы, галичскій городничій крѣпко провинился по этой статьѣ: по требованію откупа, онъ взялъ изъ виннаго погреба у какого-то торговца нѣсколько бутылокъ рому, запечатанныхъ печатями казенныхъ палатъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что, по мнѣнію откупа, торговецъ этотъ продаетъ ромъ дешево и неузаконенной крѣпости. «Вообще же должно сказать», говоритъ военный губернаторъ во второмъ своемъ циркулярѣ: «что въ этомъ дѣлѣ городничій выказалъ живое участіе, и особенную дѣятельность къ сохраненію интересовъ откупа, даже далѣе закономъ опредѣленной ему обязанности; ибо въ рапортѣ своемъ ко мнѣ прямо пишетъ, что, не имѣя въ

(*) Циркулярное предписаніе нижегородскаго военнаго губернатора, напечатанное въ «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и перепечатанное въ 165 № «Московскихъ Вѣдомостей».

(**) Циркулярное предписаніе военнаго губернатора, напечатанное въ Нижегородскихъ «Губернскихъ Вѣдомостяхъ» и перепечатанное въ 165 № «Московскихъ Вѣдомостей».

виду закона, который бы опредѣлялъ извѣстную крѣпость градусовъ для винограднаго рому, вошелъ съ особымъ ходатайствомъ въ казенную палату для разрѣшенія этого вопроса, — забывая, что виноторговецъ для продажи рому имѣлъ достаточное ручательство въ печатяхъ казенной палаты. Невольно рождается вопросъ: какъ бы поступилъ городничій, ежели бы ему принесена была жалоба, что откупъ продаетъ, вопреки закону, дурное вино?» Сдѣлавъ за подобное дѣйствіе галичскому городничему строгій выговоръ, губернаторъ такъ оканчиваетъ свой циркуляръ: «Я надѣюсь, что послѣ этого не встрѣчу въ чиновникахъ полиціи подобныхъ дѣйствій, которыя невольно заставляютъ краснѣть каждаго порядочнаго чиновника, и даютъ лишній поводъ думать двусмысленно о служебной ихъ дѣятельности.»

Третій циркуляръ, какъ наиболѣе характеристическій для опредѣленія дѣятельности земской полиціи, мы перепечатываемъ весь.

«Разсматривая двухнедѣльныя вѣдомости о занятіяхъ исправниковъ и становыхъ приставовъ, — сказано въ этомъ циркулярѣ, — я замѣтилъ, что число дѣлъ и бумагъ во многихъ станахъ не уменьшается; а другіе становые пристава дозволяютъ неправильно показывать число оставшихся за ними дѣлъ, или, безъ всякой уважительной причины, не доставляютъ своевременно должныхъ свѣдѣній; а господа исправники, не принимая лично никакого участія, какъ будто это посторонняя для нихъ обязанность, ограничиваются одними письменными подтвержденіями. Обращаясь же къ личнымъ занятіямъ исправниковъ, я не могу умолчать, что, къ крайнему сожалѣнію, у нѣкоторыхъ я вижу не только совершенное отсутствіе должной дѣятельности, но какую-то *самонадѣянность*; такъ напримѣръ: чухломскій исправникъ дѣлаетъ на вѣдомости слѣдующую отмѣтку: «въ сіи числа отправлялся для дослѣдованія по дѣлу Москвиныхъ, и исправленія другихъ порученій и на *ярмарки*». Кромѣ того, мнѣ стало извѣстно, что исправники дѣлаемыя лично имъ порученія передаютъ становымъ или непремѣннымъ засѣдателямъ, а иногда, подъ предлогомъ ввода во владѣніе, живутъ по нѣскольку дней въ гостяхъ, оставляя безъ исполненія нерѣдко дѣла серьёзныя, даже нетерпящія отлагательства. А есть даже и такіе (исправники), которые, пользуясь не искоренившеюся еще, къ несчастію, канцелярскою отпискою, передаютъ исполненіе прямой своей обязанности тѣмъ лицамъ, которымъ закономъ указанъ другой кругъ занятій, напримѣръ: становой приставъ доноситъ кинешемскому исправнику, что недоимки онъ не можетъ взыскать, а потому проситъ его содѣйствія; исправникъ, вмѣсто того, чтобы самому заняться исполненіемъ этого взысканія, доноситъ мнѣ къ свѣдѣнію, что онъ, во избѣжаніе какой либо скандалезной исторіи, которая послужила бы причиной къ раздору и непріятностямъ, сообщилъ г. уѣздному предводителю дво-

раиства, чтобы внушилъ лицу, неплатящему недоимку, дабы оно заплатило деньги (*).

«Объявляя чухломскому и кинешемскому исправникамъ за неисполненіе ихъ обязанности выговоръ, я долженъ сказать, что подобныя злоупотребленія долгомъ службы *терпимы быть не могутъ*; характеръ современнаго направленія требуетъ отъ чиновниковъ полиціи дѣйствій быстрыхъ и энергическихъ, честныхъ и гласныхъ для общества. Эту же идею и высшее правительство постоянно указываетъ въ своихъ распоряженіяхъ.

«Предваряю, что я желаю видѣть въ исправникахъ и становыхъ приставахъ людей благонамѣренныхъ, строгихъ и разумныхъ исполнителей закона, людей, чуждыхъ кабинетныхъ счетовъ и всѣхъ праздничныхъ и именинныхъ приношеній и поздравленій, — это моя постоянная программа, и ежели кто чувствуетъ себя не въ силахъ исполнить ее, того прошу, безъ ожидающихъ непріятностей, оставить службу или исправиться, забывая совершенно прежнее направленіе, которое становится анахронизмомъ.

«Если же, и послѣ настоящаго циркуляра, я увижу или узнаю, что исправники или становые пристава не оправдываютъ моихъ ожиданій, то въ отношеніи исправниковъ *я приму мѣры, указанныя въ послѣдне-изданныхъ правилахъ, а становые пристава будутъ немедленно удаляеми отъ должности, какъ вредные для службы чиновники*.

«Желая видѣть, въ какой степени указанная мною мысль будетъ прилагаться къ самому дѣлу, считаю необходимымъ сдѣлать слѣдующія распоряженія:

«1) Въ вѣдомостяхъ о занятіяхъ, въ видѣ примѣчанія, показывать: а) котораго числа была ревизія становымъ приставамъ, означая общій результатъ ревизіи кратко: дѣла такого-то стана идутъ быстро, прежде замѣченные такіе-то недостатки исправлены, или: дѣла идутъ медленно, и противъ этого приняты слѣдующія мѣры; и б) каждый разъ дѣлать въ вѣдомостяхъ отмѣтку: *жалобъ на поборы со стороны становыхъ приставовъ и притѣсненія не было, и по личному дознанію не оказалось*.

«2) Подъ опасеніемъ *строжайшей отвѣтственности* воспрещается гг. исправникамъ передача дѣлъ, лично имъ порученныхъ, другимъ чиновникамъ.

«3) Поставляю въ непремѣнную обязанность исправниковъ, *каждый разъ*, отправляясь въ уѣздъ, давать предложенія земскому суду, и послѣ этого *не оставаться* уже въ городѣ.

«4) При первомъ представленіи слѣдующихъ двухнедѣльныхъ вѣдомостей доставить мнѣ именныя вѣдомости о дѣлахъ и бумагахъ,

(*) Вѣроятно, дѣло шло о взысканіи недоимки съ дворянина. Жаль, что циркуляръ губернатора ничего не объясняетъ объ этомъ; почему и остается загадочнымъ опасеніе кинешемскаго исправника *какой либо скадалезной* исторіи, выраженное имъ въ донесеніи губернатору.

остающихся у становыхъ приставовъ нерѣшенными до 1859 г., а также именную вѣдомость о количествѣ вводовъ, и почему они не исполнены?

«5) Для прекращенія неправильныхъ отмѣтокъ, я поручилъ уже довѣреннымъ лицамъ сообщать о занятіяхъ исправниковъ; а потому ежели полученныя мною отъ исправниковъ свѣдѣнія будутъ не согласны съ собранными подъ рукою данными, то я наряжу слѣдствіе для преданія суду, *какъ за подлогъ по службѣ.*»

Въ 104 №«Одесскаго Вѣстника» есть любопытная статейка, подъ названіемъ: «Бюджетъ одного взяточника». Оказывается, что онъ получаетъ жалованья 200 рублей, а долженъ расходовать, живя самымъ скуднымъ образомъ, съ семействомъ изъ пяти душъ: на чай и сахаръ 54 рубля, на пищу семьи и прислуги 511 рублей, платье семьи 134 рубля, одежду прислуги 41 рубль, жалованье прислугѣ 20 рублей, прокормъ лошади 60 рублей, ремонтъ упряжи и домашней утвари 10 рублей. Итого, значитъ,—1016 рублей! Надо правду сказать, что въ этомъ бюджетѣ нѣтъ ничего лишняго. — Вѣдь легко можетъ тоже статься, что и костромскіе чиновники, раздумывая о словахъ губернатора, что онъ желаетъ видѣть на службѣ людей, «чуждыхъ кабинетныхъ счетовъ и всѣхъ праздничныхъ и имянинныхъ приношеній и поздравленій», пустятся сравнивать свои жалованья съ годовыми своими бюджетами. Да, что ни говори, — а трудна русская служба, когда посмотришь на нее съ точки зрѣнія подобныхъ сравненій! Но и то сказать: еще труднѣе приходится обществу, когда люди, призванные для отправленія общественныхъ должностей, по нуждѣ ли, или по совершенному непониманію своихъ гражданскихъ обязанностей, исполняютъ ихъ съ явнымъ уклоненіемъ и отъ закона совѣсти и отъ законовъ гражданскихъ.

Суровые циркуляры костромскаго военнаго губернатора раскрываютъ довольно обстоятельно, какъ проявляются иногда на службѣ разныя злоупотребленія, какъ пренебрегаютъ люди служащіе своими гражданскими обязанностями, дѣлая дѣло спустя рукава; но, къ сожалѣнію, замѣчательные эти документы не выясняютъ причинъ такого явленія.... Впрочемъ, можетъ быть, на оффиціальномъ языкѣ и затруднительно было бы высказать что-нибудь про эти причины...

Мы хотимъ сдѣлать одно общее замѣчаніе по поводу нѣкоторыхъ мѣстныхъ административныхъ распоряженій, появляющихся иногда въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ.

Нерѣдко распоряженія эти носятъ на себѣ характеръ какой-то отрывочности и даже случайности, что впрочемъ, можетъ быть, зависитъ и оттого именно, какимъ способомъ доходятъ такія распоряженія до свѣдѣнія общественнаго мнѣнія. Такъ, мы не скроемъ напримѣръ, что появленіе циркуляровъ костромскаго военнаго гу-

бурнатора показалось намъ тоже какъ будто случайнымъ: въ прошлыхъ нумерахъ «Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», сколько намъ помнится, ничего подобнаго не появлялось, а между тѣмъ надо думать, что предосудительныя качества костромскихъ уѣздныхъ чиновниковъ, качества, на которыя губернаторъ обратилъ нынѣ такъ строго свое вниманіе, не внезапно же открылись..... Нельзя не пожалѣть, что въ «Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» не обозначено съ достаточной подробностью причинъ появленія упомянутыхъ циркуляровъ.

Мы позволяемъ себѣ еще заявить наше скромное желаніе, чтобы всѣ вообще губернаторскіе циркуляры, а особенно циркуляры по ревизіямъ губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ, постоянно печатались въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Такого рода оглашеніе всего, что оказывается при подобныхъ ревизіяхъ, въ нынѣшнемъ году уже употреблено было, — и, какъ мы думаемъ, съ полной пользою для дѣла, — виленскимъ, ковенскимъ и гродненскимъ генералъ-губернаторомъ. — При подобномъ постоянномъ оглашеніи характеръ отрывочности и случайности, свойственный въ настоящее время многимъ мѣстнымъ административнымъ распоряженіямъ, долженъ будетъ самъ собою совершенно прекратиться.

Послѣдовательность административныхъ распоряженій не такая маловажная вещь, чтобы пренебрегать ею: она можетъ существенно указывать на то, съ какой именно стороны устремлено разумное вниманіе къ предметамъ мѣстнаго управленія.

Въ примѣръ такой послѣдовательности можно указать на административныя распоряженія калужскаго губернскаго начальства. Изъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей видно, между прочимъ, съ какою заботливостію устремлено вниманіе этого начальства на предметы хозяйства и управленія калужскихъ городовъ.

Предметомъ этого вниманія служитъ теперь неисправность и крайняя бѣдность нѣкоторыхъ домовладѣльцевъ въ Калугѣ. Въ иныхъ улицахъ этого города уже десятки лѣтъ стоятъ или совершенно ветхія зданія, грозящія обитателямъ ихъ серьёзной опасностію, или же обгорѣлые дома — печальные остатки отъ пожаровъ. По послѣднимъ изысканіямъ, въ Калугѣ считается 126 пустопорожнихъ, совершенно заброшенныхъ мѣстъ, и 696 неисправныхъ строеній, изъ которыхъ только половина можетъ быть починена. Губернское начальство думаетъ теперь, посредствомъ заимообразныхъ или безвозвратныхъ ссудъ, поправить бытъ нѣкоторыхъ бѣдныхъ обывателей. Такія денежныя пособія будутъ выдаваться домовладѣльцамъ изъ вспомогательнаго капитала, находящагося въ вѣдѣніи строительной коммиссіи, и взятаго заимообразно у приказа

общественнаго призрѣнія, съ уплатою этого займа изъ городскихъ доходовъ. Въ настоящее время весь наличный капиталъ, вмѣстѣ съ процентами, простирается до 30 тысячъ рублей, и сверхъ того въ долгу на обывателяхъ состоитъ 25,540 руб. Для распредѣленія этихъ пособій, въ Калугѣ учреждены недавно два комитета, при которыхъ состоятъ одинъ архитекторъ и его помощникъ. Этимъ комитетамъ поручено осмотрѣть на мѣстѣ при домовладѣльцахъ неисправныя строенія, и, соображаясь съ ихъ ветхостію, постановить свое рѣшеніе о сломкѣ этихъ строеній или только объ исправленіи ихъ. Такое же наблюденіе имѣютъ эти комитеты и о пустопорожнихъ мѣстахъ, понуждая владѣльцевъ къ огороженію и застройкѣ ихъ, или убѣждая предоставить такія мѣста въ городскую собственность.

Такое печальное положеніе города Калуги, конечно, зависитъ отъ многихъ экономическихъ причинъ, и къ числу ихъ губернское начальство, какъ мы уже имѣли случай говорить въ одномъ изъ предъидущихъ «Обозрѣній», относитъ и отправленіе квартирной повинности, весьма тягостной и самой по себѣ, и особенно потому, что она, какъ извѣстно, лежитъ на жителяхъ неуравнительно.

До какой степени неблагопріятно для городовъ нашихъ теперешнее положеніе постойной повинности, — видно изъ слѣдующаго мнѣнія Государственнаго Совѣта (*), въ которомъ между прочимъ сказано: «постойная повинность есть главная преграда къ благосостоянію городскихъ жителей, ибо постой отъемлетъ отъ капиталовъ, на постройку домовъ употребленныхъ, ожидаемую хозяевами прибыль, — даже затрудняетъ собственное ихъ въ домахъ водвореніе»; — далѣе, въ томъ же мнѣніи Государственнаго Совѣта выражено: «что неувѣренность въ безпричастномъ пользованіи собственностію, необходимость, часто возобновляющаяся — *уступать часть дома постояльцу*, и безпокойства, нерѣдко наносимыя последнимъ хозяину или его семейству, не только удерживаютъ обывателей отъ улучшенія ихъ жительствъ, или отъ построенія вновь, но заставляютъ многихъ и запускать оныя, а иногда даже и совсѣмъ оставлять города, продавая дома свои за безцѣнокъ».

Тутъ мы должны будемъ обратиться къ постойной повинности, о которой уже имѣли случай говорить въ октябрскомъ нашемъ «Обозрѣнія», по поводу извѣстій объ особой постойной коммиссіи, учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Изъ вышеизложеннаго мнѣнія Государственнаго Совѣта видно, что существующія еще доселѣ невыгоды системы отправленія по-

(*) Въ 1841 г., декабрь. «Сборн. цирк. Мин. Внутр. Дѣлъ». Томъ 3-й.

стойной повинности были уже давно сознаны нашимъ правительствомъ. Эти невыгоды зависѣли также и отъ того, что значительная часть обывателей имперіи была совершенно избавлена отъ постоя: такъ духовенство, по закону, освобождается совсѣмъ отъ постоя, а между тѣмъ это, по замѣчанію «Кіевскаго Телеграфа» (№ 65), можетъ-быть справедливо только тогда, когда у священника одинъ домъ, въ которомъ онъ самъ живетъ; но если онъ имѣетъ три дома, то на какомъ же основаніи освобождается онъ отъ отправленія квартирной повинности для всѣхъ своихъ домовъ? Такъ, по вѣдомостямъ, приложеннымъ къ III Тому «Сборн. Цирк. и Инструкц. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», видно, что въ Россіи освобождены отъ квартирной повинности до двадцати городовъ и нѣсколько сотъ колоній и селъ (послѣднія преимущественно по Вышневолодской системѣ). Постойная коммиссія, нынѣ разбирающая этотъ вопросъ, по словамъ «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», «признаетъ нужнымъ существующія постановленія о постойной повинности, до сихъ поръ весьма разнообразной по льготамъ, привести къ однообразію и уравнительнѣе распредѣлить ее между *платящими* сословіями; при чемъ дарованныя въ разное время привилегіи и льготы должны подлежать, если не совершенной замѣнѣ, то по крайней мѣрѣ значительному ограниченію.» По замѣчанію «Одесскаго Вѣстника» (№ 13), колоніи въ Новоросеійскомъ краѣ въ настоящее время находятся въ такомъ цвѣтущемъ положеніи, что можно, нисколько не нарушая ихъ благосостоянія, обязать колонистовъ нести квартирную повинность наравнѣ съ прочими обывателями. Въ самомъ дѣлѣ, пора уже откинуть эти разныя привилегіи, которыми пользуются у насъ тоже и разныя мѣстности....

Желательно за всѣхъ жителей имперіи, чтобы натуральная постойная повинность была обращена въ денежную, безъ чего она будетъ всегда лежать на жителяхъ неуравнительно и производить явленія, подобныя тѣмъ, какія замѣчены нынѣ въ Калугѣ. Только при условіи общаго сбора постойныхъ денегъ съ городовъ, мѣстечекъ, селъ и колоній возможно уравненіе постойной повинности повсюду, — и число войскъ, квартирующихъ въ губерніяхъ (нынѣ весьма неравномѣрно обремененныхъ этою повинностію), уже не будетъ имѣть никакого вліянія на увеличеніе сбора постойныхъ денегъ, назначаемыхъ единственно по соображенію съ средствами страны. Общая денежная постойная повинность могла бы также предоставить болѣе средствъ для устройства войскамъ особыхъ помѣщеній. Изъ историческаго обзора мѣръ къ устройству у насъ постойной повинности (*) видно, что правительство съ давняго уже

(*) Прил. къ 3 тому «Сбор. Цирк. Мин. Вн. Дѣлъ».

времени предполагало приступить къ постройкѣ казармъ для войскъ. Между разными предположеніями замѣчателенъ проектъ устройства постоянныхъ полковыхъ штабовъ. Для этого назначенъ былъ комитетъ еще въ 1829 году. Главная цѣль занятій этого комитета заключалась въ слѣдующемъ: устроить для воинскихъ чиновъ и заведеній, входящихъ въ составъ полковыхъ штабовъ, постоянныя помѣщенія въ избранныхъ на то пунктахъ; всѣмъ прочимъ чинамъ отпускать квартирныя деньги; затѣмъ отводъ квартиръ въ натурѣ прекратить совершенно. Для осуществленія этого плана потребовалось, по исчисленію комитета, болѣе 46 милльоновъ рублей. Всѣ постройки предполагалось окончить въ 12 лѣтъ, и въ продолженіе этого времени, общій разсчетъ на квартирное содержаніе всѣхъ войскъ — опредѣлялся въ слѣдующихъ размѣрахъ:

Постройка штабовъ . , ...	46,800,000	р.
На ихъ ремонтъ, отопленіе и освѣщеніе.	7,944,816	—
Временныя квартиры штабовъ, до постройки казармъ. , ...	7,059,282	—
Остальнымъ войскамъ постоянныхъ квартирныхъ ., ... , -	65,704,258	—
Итого въ 12 лѣтъ	127,508,746	—

Вообще предполагалось устроить 169 штабовъ; по исчисленію, каждый изъ нихъ обошелся бы, по средней цѣнѣ, въ 277,000 р. Впрочемъ, предполагалось выстроить казармы только для одной роты и для штабныхъ чиновниковъ: главныя же постройки должны были состоять изъ лазарета, экзерциргауза, сараевъ и другихъ хозяйственныхъ заведеній полка. Слѣдовательно, большая часть войскъ, не смотря на десятки милліоновъ расхода, осталась бы на квартирномъ содержаніи жителей, — что̀ обошлось бы имъ въ 12 лѣтъ слишкомъ въ 95 милліоновъ рублей (*). Чрезвычайно-большія издержки были главной причиной того, что планъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе.

«Если со временемъ постойная повинность», — говоритъ «Одесскій Вѣстникъ» (№ 113): «обратится въ денежную, — вѣроятно, тогда же преступлено будетъ къ постепенному устройству казармъ для полковъ *въ полномъ ихъ составѣ*, особенно въ пограничныхъ губерніяхъ. Мѣра эта будетъ полезна не только для обывателей, но и для войскъ: части полка не будутъ разбросаны на сотни верстъ, какъ

(*) Жаль, что къ приведенной нами смѣтѣ на постройку казармъ и прочаго не приложено хотя приблизительныхъ свѣдѣній о томъ, на какую сумму простирался въ тогдашнее время сборъ квартирныхъ денегъ во всей имперіи.

это мы встрѣчаемъ теперь; а сосредоточить полкъ въ одно мѣсто — значитъ, облегчить и улучшить управленіе имъ во всѣхъ отношеніяхъ».

Но обращеніемъ натуральной постойной повинности въ денежную — дѣло о раціональномъ устройствѣ этой части будетъ несовсѣмъ еще окончено, какъ замѣчаетъ «Московскій Вѣстникъ» (№ 48). Правильное распредѣленіе денежнаго постойнаго сбора должно имѣть существенное значеніе въ этомъ преобразованіи, а этого распредѣленія нельзя будетъ достигнуть безъ содѣйствія самаго общества.

И точно: безъ умнаго содѣйствія общества нельзя будетъ устроить правильной раскладки денежнаго квартирнаго сбора; — разумное и твердое содѣйствіе общества могло бы повести къ окончательной отмѣнѣ разныхъ привилегій и монополій.., Впрочемъ, и то сказать: въ какомъ же дѣлѣ не нужно содѣйствіе общества?

Въ августовской книжкѣ «Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ» напечатано распоряженіе Владимірской палаты государственныхъ имуществъ, утвержденное министерствомъ, о своевременномъ оказаніи пособій неимущимъ крестьянамъ и о предупрежденіи нищенства. Относительно содержанія и продовольствія такихъ крестьянъ и крестьянокъ, которые, по неимѣнію семействъ и близкихъ родственниковъ, по старости или увѣчью, остаются на попеченіи обществъ, — вышеупомянутое распоряженіе постановляетъ слѣдующія мѣры: а) приглашеніе зажиточныхъ домохозяевъ принимать такихъ людей на безвозмездное содержаніе съ представленіемъ начальству объ отличающихся благотворительностью; б) возложеніе, по приговорамъ обществъ, на зажиточныхъ домохозяевъ содержанія неимущихъ, въ замѣнъ отправленія ими какихъ либо натуральныхъ повинностей; в) отводъ для бездомныхъ временныхъ, но продолжительныхъ очередныхъ квартиръ, или наемъ для нихъ помѣщенія у односельцевъ, съ освобожденіемъ за это сихъ послѣднихъ отъ платежа нѣкоторыхъ повинностей (которыя въ такомъ случаѣ платитъ общество по раскладкѣ), или съ предоставленіемъ имъ запасныхъ земельныхъ участковъ, безъ платежа оброка; г) отпускъ на содержаніе неимущихъ хлѣба изъ общественныхъ запасовъ, по мірскимъ приговорамъ, и съ разрѣшенія палаты государственныхъ имуществъ; и д) содержаніе неимущихъ и увѣчныхъ, *въ крайнихъ случаяхъ*, на счетъ мірскаго сбора, по особымъ разрѣшеніямъ палаты.

Намъ кажется, что приглашать зажиточныхъ домохозяевъ къ принятію въ свои дома бездомныхъ, престарѣлыхъ или увѣчныхъ крестьянъ и крестьянокъ — трудъ совершенно напрасный: люди истинно благотворительные призрятъ у себя бѣдняковъ и безъ *вся-*

каго приглашенія, а манить ихъ къ этому надеждами на представленіе начальству объ отличающихся благотворительностію — значитъ унижать достоинство христіанской благотворительности. Впрочемъ, и то сказать: принять крестьянину, какъ бы онъ ни былъ зажиточенъ, на постоянное житье къ себѣ бѣдняка престарѣлаго и больнаго — крайне тяжело: зажиточный крестьянинъ скорѣй поможетъ ему всякой другой помощью, а ухаживать за больнымъ или увѣчнымъ старикомъ, который не можетъ никакой работою помочь ему въ домашнемъ дѣлѣ, да потомъ хоронить его на свой счетъ — врядъ ли онъ согласится. Наши зажиточные крестьяне, добывающіе себѣ зажиточность усильнымъ трудомъ изо дня въ день,—да и не безъ грѣха иной разъ на душу — люди большею частію чрезвычайно положительные....

Двѣ слѣдующія затѣмъ мѣры, т. е. возложеніе, по приговорамъ общества, на зажиточныхъ домохозяевъ содержанія неимущихъ, и отводъ для бездомныхъ временныхъ, но продолжительныхъ очередныхъ квартиръ, или наемъ для нихъ помѣщенія у односельцевъ, — въ томъ и въ другомъ случаѣ съ предоставленіемъ за все это принимающимъ къ себѣ бѣдняковъ домохозяевамъ нѣкоторыхъ льготъ въ отправленіи или платежѣ какихъ либо повинностей, — тоже, по мнѣнію нашему, мѣры не совсѣмъ удобныя: онѣ могутъ давать поводъ ко многимъ произвольнымъ дѣйствіямъ какъ со стороны сельскихъ обществъ, такъ и лицъ, орудующихъ ихъ волею. Нельзя не предположить, что крайне непокойно будетъ жить бѣднякамъ у тѣхъ домохозяевъ, которые, по мірскимъ приговорамъ, принуждены будутъ принять ихъ къ себѣ на житье;—а покой для этихъ бѣдняковъ, передъ концемъ ихъ жизни,—дѣло наиболѣе необходимое, и этого-то покоя они никакъ не могутъ пріобрѣсти, сдѣлавшись насильно постояльцами у зажиточныхъ домохозяевъ.

Двѣ остальныя мѣры, т. е. отпускъ неимущимъ хлѣба изъ общественныхъ запасовъ и содержаніе ихъ на счетъ мірскаго сбора, намъ кажутся наиболѣе удобными и справедливыми. Странно, однако, почему владимірская палата государственныхъ имуществъ предположила допускать содержаніе бѣдняковъ на счетъ мірскаго сбора только въ *крайнихъ случаяхъ*. Мы думаемъ, что не въ крайнихъ только случаяхъ, а *всегда* должна вся община призрѣвать своихъ несчастныхъ бѣдняковъ. Извѣстно, что, по существующимъ законамъ, общины имѣютъ право удалять изъ среды своей порочныхъ своихъ членовъ: значитъ, если въ ней остаются бѣдняки бездомные, то эти люди, постигнутые бѣдностію, не вслѣдствіе порочной жизни, а отъ разныхъ несчастій — хотя бы эти несчастія зависѣли и отъ неумѣнья ихъ вести хозяйское дѣло — имѣютъ полное

право на призрѣніе ихъ всѣмъ обществомъ, такое призрѣніе, при которомъ трудовая, печальная жизнь ихъ могла бы окончиться спокойно. Во всѣхъ образованныхъ государствахъ Европы есть богадѣльни, содержимыя на счетъ общинъ. Мы надѣемся, что министерство государственныхъ имуществъ найдетъ полезнымъ внушить сельскимъ обществамъ о необходимости устроить подобныя богадѣльни для призрѣнія безродныхъ и бездомныхъ стариковъ и старухъ.

Недавно почтовое управленіе отнеслось къ общественному содѣйствію; оно проситъ публику присылать ему всѣ справедливыя замѣчанія и для пользы публики служащія указанія—по всему, что касается почтоваго вѣдомства.

Почтовый департаментъ явно желаетъ, чтобы всѣ вообще жалобы публики на неправильныя дѣйствія мѣстъ и лицъ почтоваго вѣдомства постоянно сосредоточивались въ этомъ же департаментѣ. Относясь съ излишней нѣсколько суровостію о томъ, что будто бы публика, по нежеланію или по какому-то равнодушію, большею частію не принимаетъ на себя труда заявлять письменно почтовому управленію о замѣченныхъ ею ошибкахъ со стороны лицъ, принадлежащихъ почтовому вѣдомству, департаментъ во всякомъ случаѣ заявляетъ вниманіе свое къ нуждамъ и требованіямъ общества, и желаетъ внушить довѣріе къ своимъ распоряженіямъ. Мы увѣрены, что онъ заслуживаетъ этого довѣрія, но никакъ не понимаемъ, чѣмъ всё-таки провинилась публика передъ нимъ? Сколько мы помнимъ, недостатка въ обличеніяхъ разныхъ ошибокъ и неточностей по почтовому вѣдомству до сихъ поръ не было; въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ появлялось много жалобъ то на неисправную доставку писемъ, журналовъ, посылокъ, то на дурное содержаніе почтовыхъ станцій и лошадей, то на притѣснительныя дѣйствія смотрителей почтовыхъ станцій, и т. п. Если публика находила себѣ именно этотъ путь для выраженія своихъ жалобъ и требованій, то значитъ, другаго въ виду у нея не было. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ было иначе поступать? Мы очень хорошо знаемъ, что ѣзда на почтовыхъ лошадяхъ сопряжена у насъ со многими неудобствами: лошади почтовыя, экипажи почтовые и всякая сбруя содержатся въ высшей степени неисправно; мы знаемъ, что публика весьма часто заявляетъ свое неудовольствіе на разныя дорожныя впечатлѣнія, доставляемыя ѣздою на почтовыхъ, заявляетъ ихъ въ жалобныхъ книгахъ почтовыхъ станцій, — но что же изъ этого выходитъ? По дознаніямъ, которыя дѣлаются вслѣдствіе этихъ разныхъ жалобъ, на станціяхъ все оказывается въ совершенной исправности. Мы положительно знаемъ, что это бываетъ именно такъ, — иначе слу-

чается развѣ тогда, если какое нибудь вліятельное лицо останется недовольно разными дорожными впечатлѣніями. Вообще почтовому вѣдомству нечего особенно безпокоиться тѣмъ, что разныя желанія и требованія публики иногда заявляются печатно, а не сообщаются ему прямо, — изъ этого уже почтовое вѣдомство можетъ ясно видѣть, что не совсѣмъ же равнодушно наше общество къ разнымъ ошибкамъ и неточностямъ....

Въ прошломъ «Обозрѣніи», со словъ «Керчь-Эникольскаго Листка», мы говорили вкратцѣ о правительственномъ распоряженіи, послѣдовавшемъ относительно переселенія въ Крымъ государственныхъ крестьянъ сосѣдственныхъ и малоземельныхъ губерній. Нынѣ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» опубликовано высочайше утвержденное положеніе объ этомъ. Заимствуемъ изъ этого документа главнѣйшіе пункты:

По предъявленіи землевладѣльцами Таврической губерніи условій, на которыхъ они желаютъ водворить на своихъ земляхъ государственныхъ крестьянъ, министерству государственныхъ имуществъ предоставляется переселять на эти земли, по добровольному желанію, крестьянъ малоземельныхъ или ближайшихъ губерній.

Опредѣленіе главнѣйшихъ основаній условій между владѣльцами и переселенцами предоставляется главному начальству. Всѣ распоряженія по предварительному соглашенію между землевладѣльцами и государственными крестьянами, также по вызову послѣднихъ и окончательному переселенію, предоставляются министерству государственныхъ имуществъ. Ему же предоставляется измѣненіе настоящихъ правилъ положенія, по представленіямъ мѣстнаго начальства.

Сущность и подробности заключаемыхъ между владѣльцами и переселенцами условій зависятъ отъ взаимныхъ отношеній. Относительно же формы и общихъ основаній слѣдуетъ руководствоваться, по мѣрѣ возможности примѣненія къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, 20-ю статьею о вольныхъ людяхъ (23 Мая 1847 г.), и 1-мъ пунктомъ приложенія къ 24-й статьѣ, XII Т. о благ. въ каз. селеніяхъ.

Дѣйствіе контракта прекращается съ истеченіемъ его срока, за шесть мѣсяцевъ до коего договаривающіяся стороны обязаны взаимно заявить о желаніи прекратить или возобновить договоръ, наблюдая притомъ, что въ послѣднемъ случаѣ срокъ обязательства не долженъ превышать осьми лѣтъ со дня переселенія.

Измѣненія въ ограниченіи обязательства осьмилѣтнимъ періодомъ будутъ зависѣть отъ дальнѣйшихъ соображеній правительства.

Заключаемые между владѣльцами земель и переселенцами дого-

воры пишутся на простой бумагѣ, заключаются на срокъ отъ трехъ до осьми лѣтъ и утверждаются земскими судами, на которые возлагается и надзоръ за точнымъ ихъ, съ обѣихъ сторонъ, соблюденіемъ.

Гражданскія отношенія договаривающихся опредѣляются общими узаконеніями, примѣняясь къ статьямъ 796 и 797 IX Т. Св. Зак. о состояніяхъ.

Переселенцамъ даруются льготы, предоставляемыя государственнымъ крестьянамъ при переселеніи изъ малоземельныхъ губерній въ многоземельныя. Эти льготы остаются за переселенцами и при переходѣ ихъ на казенныя земли той же губерніи, въ случаѣ прекращенія заключенныхъ съ владѣльцами обязательствъ, ранѣе осьми лѣтъ.

Переселенцы во всякомъ случаѣ освобождаются отъ рекрутской повинности на три набора.

Оброчную поземельную подать, по возвращеніи на казенныя земли, переселенцы платятъ по разсчету остающихся льготныхъ лѣтъ.

Переселенцы получаютъ изъ казны пособіе на путевое слѣдованіе, по общимъ правиламъ переселенія государственныхъ крестьянъ; денежное же воспомоществованіе на водвореніе выдается имъ лишь по обратномъ перечисленіи съ владѣльческихъ на казенныя земли.

Затѣмъ всѣ расходы по водворенію крестьянъ лежатъ на владѣльцахъ тѣхъ земель, на кои они переселяются, и должны быть положительно опредѣлены въ имѣющихъ быть предварительно составленныхъ условіяхъ.

Помѣщеніе переселенцевъ, по крайней мѣрѣ въ теченіе первой, по прибытіи на мѣсто новаго водворенія, зимы, и продовольствіе ихъ до перваго урожая лежатъ на обязанности землевладѣльцевъ, долженствующихъ положительно заявить объ этомъ въ имѣющихъ быть предложенными условіяхъ.

Сверхъ того, министерству государственныхъ имуществъ предоставляется оказывать переселенцамъ пособіе изъ хранящихся въ Таврической губерніи хлѣбныхъ запасовъ, и преимущественно изъ оставшихся послѣ выселившихся татарскихъ обществъ.

Переселенцы, отчисляясь на время пребыванія на владѣльческихъ земляхъ отъ мѣста прежняго жительства, записываются для одного лишь счета по Таврической губерніи, и составляютъ, въ случаѣ возможности, на мѣстахъ переселенія особыя общества, въ которыхъ учреждаются общія сельскія управленія на счетъ частнаго, мірскаго съ крестьянъ сбора.

Въ случаѣ невозможности составить изъ переселенцевъ отдѣльныя общества, они причисляются, по распоряженію мѣстнаго на-

чальства, къ ближайшимъ обществамъ государственныхъ крестьянъ, подчиняясь, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, завѣдыванію государственныхъ имуществъ.

Въ хозяйственномъ отношеніи переселенцы управляются вышеозначенными сельскими управленіями, а въ административномъ и судебномъ подчиняются общимъ губернскимъ учрежденіямъ.

Продовольственные запасы составляются обществами переселенцевъ, на основаніи установленныхъ для государственныхъ крестьянъ правилъ.

Виды на отлучки выдаются переселенцамъ сельскими управленіями, съ согласія землевладѣльцевъ, ограниченнаго по этому предмету особыми, въ договорахъ поставленными условіями.

Мѣстныя повинности лежатъ на отвѣтственности землевладѣльцевъ, и отправляются переселенцами на основаніи заключенныхъ съ ними условій.

Дѣйствіе настоящихъ правилъ, какъ мѣры временной, обусловливается: а) срокомъ заключаемыхъ между землевладѣльцами и переселенцами договоровъ; б) предоставляемыми переселенцамъ отъ правительства льготами; и в) могущими послѣдовать, по разрѣшеніи крестьянскаго вопроса, измѣненіями въ устройствѣ быта сельскаго податнаго населенія вообще.

О послѣдствіяхъ этого правительственнаго распоряженія въ настоящее время есть уже кое-какія извѣстія. Въ 119 № «Одесскаго Вѣстника» пишутъ, что въ Крымъ на мѣсто выселившихся татаръ начинаютъ являться новые поселенцы, казенные крестьяне сѣверныхъ уѣздовъ Курской губерніи; но ни одно семейство изъ этихъ поселенцевъ не приняло предложеній тамошнихъ помѣщиковъ — поселиться на ихъ земляхъ, на какихъ бы то ни было условіяхъ. Въ выраженіяхъ положительныхъ и энергическихъ они рѣшительно отказались отъ всѣхъ, даже и выгодныхъ для нихъ условій, предложенныхъ со стороны помѣщиковъ, а изъявили желаніе поселиться на казенныхъ земляхъ. И такъ мечты крымскихъ землевладѣльцевъ о скоромъ заселеніи опустѣвшихъ ихъ земель въ Крыму будутъ разсѣяваться болѣе и болѣе съ каждой вновь приходящей партіей поселенцевъ. Въ такомъ случаѣ придется имъ обратиться къ болѣе покорнымъ рабочимъ силамъ, чѣмъ доселѣ бывшія въ ихъ распоряженіи, а именно: къ земледѣльческимъ машинамъ и къ вольнонаемному труду, который, конечно, дороже обязательнаго, но за то, при разумномъ хозяйствѣ, несравненно и прибыльнѣе.

Кстати о машинахъ. Паровыя машины—локомобили—стали водворяться съ нѣкотораго времени и у насъ, особенно въ Новороссійскомъ краѣ. Въ прошломъ году тамошніе сельскіе хозяева выписали

черезъ Одессу 15 локомобилей; изъ заведенія братьевъ Бутенопъ въ Москвѣ продано также нѣсколько экземпляровъ. Въ Петербургѣ еще чаще дѣлаются подобныя покупки. «Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ», говоря о локомобиляхъ, указываетъ на слѣдующее весьма важное обстоятельство. Всѣ доставленные къ намъ локомобили приноровлены къ топкѣ каменнымъ углемъ; а наше топливо: хворостъ, щепа, торфъ, кизякъ. Процессъ горѣнія каменнаго угля и растительныхъ матеріаловъ — не одинаковъ, а это вызываетъ необходимость приноравливаться, при устройствѣ машины, къ топливу. Надо желать, чтобы коммиссіонеры, черезъ которыхъ идутъ къ намъ локомобили, обращали вниманіе на наши мѣстныя условія, и снабжали насъ машинами, приспособленными къ этимъ условіямъ.

Обозрѣніе наше закончимъ мы на этотъ разъ однимъ пріятнымъ извѣстіемъ.

Дворяне Лукояновскаго уѣзда Нижегородской губерніи съѣзжались недавно въ г. Лукояновѣ (*), — и тутъ одинъ изъ присутствовавшихъ, изложивъ передъ собраніемъ, въ общихъ чертахъ, главныя причины неудовлетворительности помѣщичьихъ хозяйствъ и указавъ на господствующую въ нихъ всюду рутину, на необходимость повсемѣстнаго преобразованія хозяйствъ, на необходимость строго-обдуманныхъ опытовъ, сдѣлалъ обществу слѣдующее прекрасное предложеніе. «Не угодно ли будетъ вамъ», сказалъ онъ: «учредить въ теченіе года одинъ или нѣсколько частныхъ съѣздовъ дворянъ въ извѣстныя опредѣленныя эпохи, съ цѣлію сообщенія своихъ опытовъ, замѣчаній по разнороднымъ частямъ сельскаго хозяйства: эти дружескія, научныя бесѣды, вѣроятно, не останутся безплодными—и нынѣшній или будущій уѣздный предводитель, какъ рачитель общей пользы, не откажетъ намъ въ своей городской квартирѣ. Каждый дворянинъ или свѣдущій управляющій, имѣющій довѣренность отъ отсутствующаго помѣщика, по взнесеніи 10 р. с., можетъ быть членомъ этихъ бесѣдъ. Члены, по большинству голосовъ, выбираютъ себѣ предсѣдателя и секретаря. Обязанность перваго будетъ состоять въ соблюденіи порядка засѣданія; обязанность втораго заключается въ составленіи протоколовъ засѣданія, со внесеніемъ всѣхъ мнѣній, и въ наблюденіи за редакціею. Сумма, собранная съ членовъ, пойдетъ на напечатаніе всѣхъ сообщенныхъ свѣдѣній особыми книжками, въ количествѣ соотвѣтствующемъ числу членовъ, для раздачи онымъ,—и сверхъ того, для отсылки нѣкото-

(*) Причина этого съѣзда не объяснена въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», (№ 226), откуда мы извлекаемъ это извѣстіе.

рымъ земледѣльческимъ обществамъ, существующимъ въ Россіи. Если же число членовъ будетъ такъ ограничено, что печатаніе окажется невозможнымъ, то назначеніе собранной съ членовъ суммы опредѣлится самимъ обществомъ въ одномъ изъ его съѣздовъ.» Всѣ присутствовавшіе на съѣздѣ помѣщики единогласно приняли это предложеніе. Особенное сочувствіе встрѣтило оно въ молодыхъ хозяевахъ, и дѣло это, какъ видно, состоится. Пожелаемъ, чтобы этотъ примѣръ возбудилъ подражаніе и въ другихъ дворянскихъ обществахъ.

По поводу извѣстія о лукояновскихъ дворянскихъ съѣздахъ, въ 239-мъ № «Московскихъ Вѣдомостей» напечатано слѣдующее особенно-замѣчательное письмо г. А. Шишкова (къ редактору).

«М. Г. въ № 226-мъ «Московскихъ Вѣдомостей» вы извѣщаете, что въ Лукояновѣ учредились съѣзды дворянъ съ благою цѣлью размѣна мыслей по разнымъ предметамъ сельскаго хозяйства. Считаю обязанностію своею напомнить вамъ, что въ 1846 году въ Донковскомъ уѣздѣ (Рязанской губерніи) уже былъ *одинъ* подобный съѣздъ, совершенно тождественный, какъ по цѣли, такъ и по духу, съ лукояновскимъ. Читая строки, извѣщающія объ этомъ съѣздѣ, такъ и кажется, что онъ служитъ продолженіемъ донковскаго. Первый съѣздъ былъ назначенъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, покойнаго Перовскаго, въ имѣніи покойнаго Кикина, въ память его заслугъ по сельскому хозяйству. Имѣніе это принадлежало тогда князю Волконскому, радушно принявшему у себя всѣхъ хозяевъ, собравшихся на съѣздъ. Сюда прибыли не одни помѣщики Донковскаго уѣзда, но и нѣкоторые изъ сосѣднихъ уѣздовъ Тульской и Тамбовской губерній. Съѣзды встрѣтили большое сочувствіе между помѣщиками этихъ уѣздовъ, и очень можетъ быть, что этотъ самый разумный и полезный видъ мѣстныхъ обществъ сельскаго хозяйства былъ бы и ими усвоенъ. Къ сожалѣнію, тутъ явилось неожиданное затрудненіе. Подобные съѣзды были дозволены только въ губернскомъ городѣ, *въ присутствіи начальника губерніи и губернскаго жандармскаго штабъ-офицера.* На этотъ разъ, такъ-какъ съѣздъ былъ уже предварительно разрѣшенъ, то начальникъ губерніи и жандармскій штабъ-офицеръ сами пріѣхали въ имѣніе князя Волконскаго. До объявленія помѣщикамъ этого новаго распоряженія, они назначили было съѣздъ на 1847 годъ, въ имѣніи М. М. Муромцова.

«Такъ-какъ условія съѣздовъ измѣнились, то они уже болѣе не возобновлялись. Но какъ мысль объ учрежденіи ихъ многимъ нравилась, то и составленъ былъ нѣкоторыми хозяевами уставъ Лебедянскаго Общества Сельскаго Хозяйства, въ которомъ старались сохранить, по возможности, характеръ и цѣль съѣздовъ. На сколько это удалось исполнить, предоставляю судить другимъ, принадлежа самъ къ совѣту этого общества.

«Воспользуйтесь этимъ письмомъ для извѣщенія читателей газеты, вами издаваемой, что идея съѣздовъ уже не новая и была осуществлена въ Донковскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи, а сюда перешла изъ Германіи, гдѣ уже давно существуютъ съѣзды сельскихъ хозяевъ. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1846 года можно найдти и описаніе съѣзда и извѣщеніе о немъ. Тогда кто-то даже очень усердно похвалилъ это учрежденіе. Тѣмъ не менѣе чести лукояновцамъ, и я душевно желаю имъ успѣха и благопріятныхъ обстоятельствъ, для продолженія и развитія этихъ съѣздовъ.»

О томъ, что̀ помѣшало продолженію и развитію предположенныхъ донковскихъ съѣздовъ—мы не умѣемъ сказать. Но любопытно узнать: будутъ ли и теперь происходить съѣзды лукояновскихъ помѣщиковъ въ присутствіи начальника губерніи и жандармскаго штабъ-офицера?

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Петербургскіе морозы. — Ристори. — «Свои люди — сочтемся» Островскаго. — Литературныя чтенія. — Памятникъ Пушкину. — Изслѣдованіе о рыболовствѣ въ Россіи — томъ 3. — Описаніе постепеннаго развитія почтовой гоньбы въ Россіи. — 10-й томъ сочиненій Бѣлинскаго. — Портреты иностранныхъ замѣчательныхъ личностей Мюнстера. — Некрологъ — К. С. Аксаковъ. — Второй списокъ прекратившихся журналовъ.

Въ Петербургѣ особенныхъ новостей нѣтъ никакихъ. Морозы доходятъ до неприличія, высунуть носа нельзя; даже Невскій проспектъ опустѣлъ, даже газъ на Литейной потухъ (18 января Литейная, Владимірская и другія улицы, освѣщаемыя новымъ газовымъ обществомъ были погружены во мракъ).

Успѣхъ Ристори возросталъ постепенно. До сей поры передъ петербургскою публикою выполнено ею семь трагическихъ ролей (Медея, Камма, Марія Стюартъ, Юдиѳь, Елисавета, Леди Макбетъ и Федра) и одна комическая (въ комедіи Гордони La Lacandiera). Она выполнила роль Мирандолины превосходно и во многихъ сценахъ обнаружила истинно-комическую веселость, — ее нѣсколько разъ вызывали въ теченіе пьесы. Теперь мы уже составили полное понятіе о высокомъ талантѣ итальянской артистки и надѣемся скоро представить полный отчетъ объ игрѣ ея.

16 января (въ бенефисъ г-жи Линской) дана была въ первый разъ на русской сценѣ знаменитая комедія Островскаго: «Свои люди сочтемся». Успѣхъ огромный.

Знающіе эту пьесу (а кто ее не знаетъ?) не безъ основанія опасались за ея исполненіе на сценѣ. Кто будетъ играть Подхалюзина?

(Этотъ вопросъ сопровождался обыкновенно глубокимъ вздохомъ, равнозначительнымъ восклицанію: «Мартынова уже нѣтъ!» Впрочемъ, этими вздохами, при извѣстныхъ случаяхъ, и ограничилось участіе публики къ артисту, поразившее многихъ своею глубокою искренностію при похоронахъ Мартынова. Жена его остается при четырехъ тысячахъ ассигн. казеннаго пенсіона. *Вопросъ*: что можно сдѣлать въ Петербургѣ на эти деньги вдовѣ съ пятью человѣками дѣтей, которыхъ надо воспитывать? *Отвѣтъ*: не умереть съ голоду!) Кто будетъ играть Большаго? Кто съиграетъ Олимпіаду Самсоновну, эту «барышню образованную, какихъ, можно сказать, въ свѣтѣ нѣтъ»? Всѣ эти вопросы задавали себѣ любители театра, прослышавъ о разрѣшеніи «Своихъ Людей» къ представленію — и становились втупикъ. Афиша возвѣстила, что Подхалюзина будетъ играть г. Васильевъ, Большаго — г. Бурдинъ, Олимпіаду—г-жа Левкѣева. Мы пошли смотрѣть, что сдѣлаютъ эти артисты съ лицами комедіи, на которыхъ печать національности наложена съ такою полнотою и силою, какую едва ли найдемъ въ другомъ русскомъ произведеніи? Мы должны сказать прямо, что остались довольны, публика тоже. Мы даже вынесли изъ этого спектакля убѣжденіе, что русская сцена обогатилась новымъ талантомъ. Г. Васильевъ съигралъ роль Подхалюзина превосходно. Сказать это объ артистѣ молодомъ, начинающемъ — много: роль эта очень трудна! Но мы не беремъ своихъ словъ назадъ. Этотъ молодой человѣкъ дѣйствительно обладаетъ большимъ талантомъ. Можетъ быть, когда-нибудь мы войдемъ въ подробный разборъ его игры. Очень хороша была также г-жа Левкѣева въ роли Липочки; какъ будто эта роль создана была для нея— хотѣли мы сказать, но такъ какъ мы положительно знаемъ, что эта роль писалась не для г-жи Левкѣевой, то читатель можетъ перевернуть нашу фразу наоборотъ. Г. Бурдинъ не портилъ дѣла — и это уже много: роль эта далеко выше средствъ г. Бурдина, и ему представлялся превосходный случай погубить всю пьесу. Однако онъ скрѣпился. Желаемъ, чтобъ тоже продолжалось въ слѣдующія представленія. Изъ другихъ исполнителей можно упомянуть о г. Зубровѣ, прекрасно съигравшемъ роль Ризположенскаго, и о г. Горбуновѣ, взявшемъ на себя маленькую роль мальчика Тишки, которой онъ придалъ надлежащую жизнь и естественность. — Артисты всѣ были вызваны разъ въ серединѣ пьесы и разъ въ концѣ. Затѣмъ особенно много вызововъ (и совершенно заслуженныхъ) выпало на долю г. Васильева. Вызываніямъ автора — и въ серединѣ пьесы и въ концѣ не было счету.

О чемъ еще сказать?

Литературныя чтенія, гимназическіе и другіе спектакли — въ

ходу и въ нынѣшнюю зиму. Чтеніе въ пользу шлиссельбургской школы очень удалось. — Зала пассажа была полна. — И немудрено: читала Ристори.... Что бы прочесть ей для литературнаго фонда?

Воспитанники царскосельскаго лицея дѣйствительно ходатайствовали о дозволеніи открыть подписку на памятникъ Пушкину. На это получено разрѣшеніе, а памятникъ повелѣно поставить въ Царскомъ Селѣ, въ такъ называемомъ Лицейскомъ саду.

Министерство государственныхъ имуществъ издало 3-й томъ «Изслѣдованій о состояніи рыболовства въ Россіи», заключающій въ себѣ описаніе уральскаго рыболовства (прекрасно составленное г. Данилевскимъ, членомъ экспедиціи для изслѣдованія каспійскаго рыболовства.)

Почтовое вѣдомство издало брошюрку: «Описаніе постепеннаго развитія почтовой гоньбы въ Россіи и существовавшихъ до сего времени способовъ содержанія станцій». Почтовое вѣдомство изъявляетъ желаніе, чтобы этотъ вопросъ былъ подвергнутъ обсужденію въ литературѣ. — Новое торжество гласности!

Вышелъ 10-й томъ сочиненій Бѣлинскаго, въ которомъ являются его статьи за 1845 — 1846 годы.

Вышла первая тетрадь изданія, предпринятаго дѣятельнымъ г. Мюнстеромъ, подъ названіемъ «Портреты иностранныхъ замѣчательныхъ личностей, съ ихъ біографіями». Въ этой тетради два портрета, превосходно литографированные: *Гарибальди* и *Кавура*, съ хорошо составленными біографіями.

Наши краткія на этотъ разъ замѣтки—мы должны окончить печальною вѣстью:

Еще одинъ изъ самыхъ энергическихъ сподвижниковъ славянофильской партіи сошелъ въ могилу!... 7 декабря 1860 г. с. с. скончался на островѣ Зантѣ *Константинъ Сергѣевичъ Аксаковъ*. Тѣло его было привезено въ Москву, и 3 января въ приходѣ Николы Гвоздикахъ, въ Леонтьевскомъ переулкѣ, происходило его отпѣваніе. — Похороненъ онъ въ Симоновомъ монастырѣ.... Погруженный въ семейную жизнь, глубоко и нѣжно преданный отцу своему Сергѣю Тимофѣевичу,—онъ не могъ перенести его потери. К. С. Аксаковъ носилъ въ себѣ несокрушимую вѣру въ свѣтлую будущность Россіи. Онъ любилъ свою родину съ энтузіазмомъ. Его славянофильскія убѣжденія были до того упорны и тѣсны, что отъ нихъ отрекались даже люди его партіи. Эти убѣжденія доходили въ немъ до фанатизма.... и изъ него истекало множество странностей, которыя могли казаться въ Аксаковѣ смѣшными....

Мы нѣкогда были довольно близко знакомы съ К. С. Аксаковымъ,—когда онъ былъ еще другомъ Бѣлинскаго.... Мы никогда не

забудемъ тѣхъ пріятныхъ минутъ, которыя доставляло намъ его общество.... Когда нибудь мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе. Миръ праху честнаго и благороднаго гражданина!

Въ заключеніе мы представляемъ еще списокъ журналовъ (*), сошедшихъ со сцены въ 1860 году, обязательно составленный для насъ Н. В. Гербелемъ:

Въ февральской книжкѣ «Современника» за прошлый годъ (отд. III, стр. 390) помѣщенъ подробный списокъ журналовъ и газетъ, прекратившихъ свое существованіе въ теченіе 1858 и 1859 годовъ, которыхъ насчитано 46 названій. Прошлый 1860 годъ не былъ счастливѣе для нашей журналистики. 30 періодическихъ изданій нашли въ немъ безвременный конецъ, а именно:

47) Библіотека Естественныхъ и Математическихъ Наукъ. *Москва.* (Въ 8-ю д. л.) 6 выпусковъ въ годъ (по семи тетрадей въ каждомъ), объемомъ около 350 печатныхъ листовъ большаго формата. Редакторы: перваго отдѣла (физики) — *И. Раевскій*, втораго отдѣла (зоологіи) — *Д. Соколовъ*, третьяго отдѣла (ботаники) — *С. Кашнинъ-Самаринъ*, четвертаго отдѣла (химіи) — *И. Лясковскій*, пятаго отдѣла (геологіи и минералогіи) — *А. Игнатовичъ*, шестаго отдѣла (сельскаго хозяйства) — *И. Пoхвисневъ* и седьмаго отдѣла (математики чистой и прикладной) — *Ф. Остроменицкій*. Цѣна въ Москвѣ и въ Петербургѣ — 12 р. 50 к., съ пересылкою и доставкою на домъ — 14 р. Прекратилась на 2-мъ выпускѣ 1859 года. Въ 1860 г. была еще выдана одна тетрадь 3-го выпуска.

48) Букетъ. *Журналъ шитья, вышиванья, модъ, домашняго хозяйства, литературы и модныхъ новостей. Спб.* (Въ большую 8-ю д. л.) Ежемѣсячный модный журналъ, объемомъ до 4-хъ печатныхъ листовъ въ №, съ приложеніемъ образцовъ бѣлыхъ и цвѣтныхъ вышивокъ съ матеріаломъ для окончанія, парижскихъ модныхъ картинокъ, выкроекъ, рисунковъ модныхъ фасоновъ, узоровъ вышиванья и нотъ. Цѣна годовому изданію — 7 р. 50 к., съ пересылкою и доставкою на домъ — 9 р. Прекратился на 4 № 1860 года. Журналъ этотъ замѣнилъ «Дамскій Вѣстникъ», который, въ свою очередь, прекратился на 2 № того же года.

49) Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, *издаваемый подъ редакціею секретаря общества Ѳ. Г. Тернера. Спб.* (Въ 8-ю д. л.) Ежемѣсячный журналъ. Цѣна за годовое изданіе — 5 р., съ пересылкою — 6 р. 50 к. Прекратился, выдавъ послѣдній № на 1860 годъ.

50) Гигея, *журналъ для правильной и долгой жизни, основанный*

(*) За исключеніемъ періодическихъ изданій Польши и Финляндіи.

на началахъ естественныхъ наукъ и нравственной философіи, издаваемый докторомъ медицины А. Ильинскимъ. Спб. (Въ 8-ю д. л.) Ежемѣсячный медицинскій журналъ (начиная съ апрѣля 1859 года). Цѣна годовому изданію въ С.-Петербургѣ — 6 р., съ доставкою на домъ — 7 р., съ пересылкою во всѣ города имперіи — 7 р. 50 к. Прекратился, по недостатку подписчиковъ, на 9-мъ (декабрьскомъ) № 1859 года. За недоданные 3 №№ редакція «Гигеи» выслала своимъ подписчикамъ первые 3 №№ «Библіотеки Медицинскихъ Наукъ» г. Хана.

51) Гирлянда, *журналъ для дамскимъ модъ и рукодѣлій, принятый въ женскія учебныя заведенія, состоящія подъ покровительствомъ Е. И. В. Императрицы Александры Θеодоровны и заключающій въ себѣ: новѣйшія моды, дамскія и дѣтскія, канвовые узоры, выкройки, рисунки для бѣлья и шляпокъ, рисунки для вышиванья* (broderie) *и всякаго рода дамскія работы и ноты. Спб.* (Въ большую 4-ю д. л.) Ежемѣсячный журналъ на русскомъ и французскомъ языкахъ. Издатель *К. Шеваръ*. Цѣна годовому изданію—12 руб., съ пересылкою—13 руб. 50 коп. Прекратился, по неизвѣстнымъ причинамъ, на 2-мъ № 1860 года. Подписчикамъ, несмотря на жалобы, не были возвращены деньги, такъ какъ и контора редакціи, и самъ издатель «Гирлянды», вслѣдъ за прекращеніемъ журнала, исчезли куда-то изъ Петербурга.

52) Дамскій Вѣстникъ. *Спб.* (Въ 4-ю д. л.) Ежемѣсячный модный журналъ (начиная съ іюля 1860 года), съ приложеніемъ парижскихъ картинокъ модъ, выкроекъ новыхъ дамскихъ костюмовъ, начатыхъ работъ по канвѣ и кембрику, съ полнымъ матеріаломъ для ихъ окончанія, образцовъ новыхъ родовъ вышиванія, съ ихъ объясненіемъ въ текстѣ, образчиковъ новыхъ шерстяныхъ, шелковыхъ и другихъ матерій и нотъ для фортепіано. Кромѣ того обѣщано было, отъ времени до времени, помѣщать пояснительные рисунки для будуарныхъ работъ, портреты и политипажи, и выдать четыре брошюры, касающіяся женскаго хозяйства, рукодѣлій и косметики и «Домашній Лечебникъ» г. *Кочаровскаго*. Редакторъ г. *Петровскій*. Цѣна годовому изданію въ Петербургѣ и Москвѣ съ доставкою на домъ—9 руб., для иногородныхъ—10 руб. Прекратился на 2-мъ № 1860 года.

53) Дѣтскій Журналъ (для средняго возраста), *издаваемый Б. Залѣскимъ. Москва.* (Въ 8-ю д. л.) Ежемѣсячный журналъ, объемомъ въ 6—8 печатныхъ листовъ въ книжкѣ. Цѣна годовому изданію въ Москвѣ и Петербургѣ — 6 руб., съ доставкою на домъ — 7 руб., съ пересылкою во всѣ города имперіи—7 руб. 50 коп. Прекратился, по недостатку подписчиковъ, на 3-мъ № 1860 года.

54) Живописный Указатель. *Спб.* (Въ 4-ю д. л.) Ежемѣсячный журналъ по части этнографіи и естественныхъ наукъ, объемомъ отъ 5 до 8 листовъ въ №, съ литографированными и раскрашенными картинами. Цѣна въ годъ — 15 руб., съ пересылкою на скалкѣ и въ клеенкѣ — 18 руб. Редакція должна была начать свою дѣятельность въ февралѣ 1860 года, но по сіе время не выпустила еще ни одного №, почему и можно считать изданіе этого журнала не состоявшимся.

55) Журналъ Избраннаго Чтенія, *литературный и ученый, на русскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ, приспособленный къ изученію ихъ посредствомъ приложеннаго перевода. Спб.* (Въ 4-ю д. л.) 24 № въ годъ (до 3-хъ листовъ въ каждомъ). Редакторъ и издатель *П. Широковъ*. Цѣна годовому изданію — 6 руб. 50 коп., съ пересылкою во всѣ города имперіи — 7 руб. 50 коп. Прекратился, по недостатку подписчиковъ, на 3-мъ № 1860 года. Деньги подписчикамъ возвращены не были.

56) Журналъ Охоты. *Москва.* (Въ 8-ю д. л.) Ежемѣсячный журналъ, объемомъ отъ 3 до 5 листовъ въ книжкѣ, съ рисунками и политипажами. Издатель и редакторъ *Георгъ Минъ*, членъ эдинбургскаго королевскаго физическаго общества. Цѣна за годовое изданіе — 8 руб. 50 коп., съ пересылкою — 10 руб. Въ текущемъ 1861 году этотъ полезный и прекрасно редактируемый журналъ издаваться не будетъ. Причины, побудившія издателя прекратить журналъ, изложены въ слѣдующемъ объявленіи, напечатанномъ на оберткѣ послѣднихъ двухъ книжекъ (за августъ и сентябрь) «Журнала Охоты»; «Въ 1861 году *Журналъ Охоты* издаваться не будетъ потому, что «въ теченіе 58, 59 и 60 годовъ число подписчиковъ не только не вознаграждало трудовъ, но и не покрывало издержекъ по изданію. «Если современемъ представится возможность возобновить изданіе «*Журнала Охоты,* то редакція, оставляя право на это за собою, «охотно снова приступитъ къ дѣлу». Пока изданіе остановилось на 9-й (сентябрьской) книжкѣ. Остальные три № не замедлятъ выходомъ.

57) Журналъ Садоводства, *издаваемый россійскимъ обществомъ любителей садоводства. Москва.* (Въ большую 8-ю д. л.) Ежемѣсячное изданіе, объемомъ отъ $2^1/_2$ до 4 листовъ въ книжкѣ, съ 30 раскрашенными рисунками. Редакторъ *П. Пикулинъ.* Цѣна въ годъ — 8 руб., съ пересылкою во всѣ города имперіи — 9 руб. Прекратился на 11-й книжкѣ 1859 года. Послѣдняя книжка будетъ выдана подписчикамъ въ началѣ 1861 года.

58) Искусства. *Журналъ театра, живописи, скульптуры, архитектуры, музыки и словесности. Спб.* (Въ 4-ю д. л.) Двух-недѣль-

ное изданіе, (по два № въ мѣсяцъ) начиная съ 1 сентября 1860 года, объемомъ отъ 6 до 7 листовъ каждый №, съ приложеніемъ 1) *геліографическихъ снимковъ* съ картинъ, статуй, зданій и гравюръ, 2) *чертежей и плановъ* замѣчательнѣйшихъ произведеній архитектуры, 3) *портретовъ* знаменитыхъ драматическихъ писателей, художниковъ, композиторовъ, виртуозовъ и актеровъ и 4) *музыкальныхъ пьесъ*. Завѣдующіе: отдѣломъ литературнымъ и театральнымъ — *А. Писемскій*, отдѣломъ музыкальнымъ — *А. Сѣровъ* и отдѣломъ искусствъ начертательныхъ — *П. Петровъ*. Издатель г. *Герске*. Подписная цѣна съ сентября 1860 года по январь 1861 года — 3 руб. 50 коп., съ пересылкою и доставкою — 4 руб. Прекратился, по неизвѣстнымъ причинамъ, на 5-мъ № 1860 года. Выйдутъ ли въ свѣтъ остальные №№ «Искусствъ» на 1860 годъ — намъ неизвѣстно, хотя изъ «Заявленія» г. Писемскаго, напечатаннаго въ 280 № «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей» прошлаго года, и явствуетъ, что весь слѣдующій отъ него матеріалъ для 6 и 7 книжекъ журнала «Искусства» сданъ имъ издателю, г. Герске.

59) Кронштадская Газета. *Кронштадтъ*. (Въ 4-ю д. л.) Выходила два раза въ недѣлю, начиная съ февраля 1859 года. Цѣна годовому изданію: въ Кронштадтѣ — 2 руб. 75 коп., въ Петербургѣ — 3 руб. 30 коп., съ пересылкою во всѣ города имперіи — 4 руб. 75 коп. Газета окончила свое существованіе, по недостатку подписчиковъ, послѣднимъ № того же года.

60) Ласточка, *журналъ для дамъ и дѣвицъ*. *Спб*. (Въ 4-ю д. л.) Ежемѣсячный модный журналъ, объемомъ отъ 5 до 7 печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, съ приложеніемъ парижскихъ модныхъ картинокъ, выкроекъ, парижскихъ узоровъ, рисунковъ для вязанья крючкомъ, узоровъ для вышиванія по канвѣ, тюлю и другимъ матеріямъ, образчиковъ новыхъ шерстяныхъ и шелковыхъ матерій, рисунковъ бѣлья и цвѣточныхъ сѣмянъ. Редакторъ г. *Висковатовъ*. Подписная цѣна годовому изданію, со всѣми приложеніями, съ доставкою въ Петербургѣ и Москвѣ — 9 руб., съ пересылкою во всѣ города имперіи — 10 руб. Прекратился, по неизвѣстнымъ причинамъ, на 4-мъ № 1860 года. Журналъ этотъ замѣнилъ «Дамскій Вѣстникъ», который, въ свою очередь, прекратился на 2-мъ № того же года.

61) Листокъ для Всѣхъ. *Спб*. (Въ большую 4-ю д. л.) Еженедѣльная газета, объемомъ въ одинъ печатный листъ въ каждомъ №, съ приложеніемъ чертежей и пакетиковъ съ сѣменами. Редакторъ *В. Бурнашевъ*. Прекратился, по недостатку подписчиковъ, на 34-мъ №

1860 года. Остальные №№ редакція «Листка» обѣщаетъ выдать въ теченіе 1861 года, въ которомъ «Листокъ» издаваться не будетъ.

62) Листокъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли. *Одесса.* (Въ листъ). Выходилъ два раза въ недѣлю. Редакторъ г. *де-Брюксъ.* Подписка на эту газету въ 1861 году не объявлена, и потому ее можно считать прекратившеюся.

63) Лоцманъ. *Спб.* (Въ 4-ю д. л.) Еженедѣльный листокъ (50 № въ годъ) по части мореходства и торговли. Редакторъ *М. Зейдель.* Цѣна годовому изданію 4 руб., съ пересылкою и доставкою на домъ — 5 руб. Редакція газеты должна была начать свою дѣятельность въ началѣ прошлаго года, но по сіе время не выпустила еще ни одного №, почему и можно считать изданіе этой газеты не состоявшимся.

64) Лучи. *Журналъ для дѣвицъ. Спб.* (Въ 8-ю д. л.) Ежемѣсячное изданіе, объемомъ до 5 печатныхъ листовъ въ книжкѣ. Издательница — *А. Ишимова.* Цѣна за годовое изданіе — 6 руб., съ пересылкой и доставкою на домъ — 7 руб. 50 коп. Прекратился, выдавъ послѣдній № за 1860 годъ. Причины, побудившія издательницу прекратить изданіе своего журнала, изложены въ слѣдующемъ объявленіи: «Издательница журналовъ: *Звѣздочка* и *Лучи* — какъ «извѣстно читающей публикѣ нашей и особенно родителямъ — «есть также и сочинительница многихъ другихъ книгъ для чтенія «дѣтей. Предполагая заняться въ будущемъ 1861 году новыми из«даніями нѣкоторыхъ изъ прежнихъ сочиненій своихъ, она по не«обходимости должна отказаться по крайней мѣрѣ отъ одного изъ «журналовъ своихъ, и потому, прекращая изданіе *для дѣвицъ Лучи,* «будетъ издавать въ 1861 году только журналъ для дѣтей *Звѣз«дочка,* основанный въ 1842 году и постоянно продолжаемый до «сихъ поръ».

65) Меркурій Модъ, *журналъ модъ, литературы, искусствъ и театровъ для свѣтскихъ обществъ. Спб.* (Въ 4-ю д. л.) Двунедѣльное изданіе (по два № въ мѣсяцъ), съ приложеніями, состоящими изъ 20 картинокъ парижскихъ дамскихъ модъ, 4 картинокъ мужскихъ модъ, 12 выкроекъ, 6 парижскихъ канвовыхъ узоровъ, 12 узоровъ для вышиванья гладью англійскимъ швомъ, тамбуромъ и проч., 6 картинокъ, изображ. дамск. куафюры, наколки, чепцы и проч., 6 большихъ тамбурныхъ узоровъ для салфетокъ, подушекъ и проч., 12 тетрадей музыки и 2 премій, заключающихся въ портретахъ лицъ или изображеній предметовъ, интересныхъ въ настоящую минуту. Цѣна за годовое изданіе — 10 руб., съ пересылкою 11

руб. 50 коп. Прекратился, по неизвѣстнымъ причинамъ, на 5-мъ № 1860 года. Не смотря на жалобы, подписчикамъ не были возвращены деньги.

66) Музыкальный и Театральный Вѣстникъ. *Спб.* (Въ большую 4-ю д. л.) Еженедѣльный журналъ (51 № въ годъ), съ приложеніемъ 500 страницъ музыки, не считая преміи, заключающейся въ полной оперѣ «Аскольдова Могила», въ двѣ руки. Редакторъ *А. Григорьевъ.* Цѣна за годовое изданіе 10 руб., съ доставкою на домъ — 11 руб., съ пересылкою во всѣ города имперіи — 11 руб. 50 коп. Прекратился на 34-мъ № 1860 года. Вмѣсто него, до окончанія года, подписчикамъ высылался журналъ «Русскій Міръ».

67) Посредникъ Промышленности и торговли. *Спб.* (Въ 4-ю д. л.) Ежедневная газета телеграфическихъ торговыхъ извѣстій (въ двѣ странички). Печаталась на почтовой бумагѣ. Редакторъ и издатель *П. Усовъ.* Цѣна за годовое изданіе 150 руб. въ Петербургѣ и 180 руб. въ Москвѣ. Прекратилась, выдавъ послѣдній № на 1860 годъ. Съ 1861 года газета эта присоединена къ «Сѣверной Пчелѣ» въ видѣ приложенія, безъ надбавки цѣны.

68) Рисовальщикъ. *Журналъ рисунковъ-образцовъ по части техническихъ искусствъ и предметовъ домашняго быта, съ объяснительнымъ текстомъ, издаваемый К. Шрейдеромъ. Спб.* (Въ большую 4-ю д. л.) 20 № въ годъ. Каждый № состоялъ изъ двухъ листовъ рисунковъ и одного текста. Цѣна въ годъ — 3 руб., съ пересылкою — 5 руб.; на эстампной бумагѣ, съ раскрашенными рисунками, — 6 руб., съ пересылкою — 8 руб. Прекратился на 3-мъ № 1859 года.

69) Русская Сельско-Хозяйственная Библіотека. *Спб.* (Въ 8-ю д. л.) 6 томовъ въ годъ. Редакторъ *А. Разинъ.* Прекратилась на первомъ томѣ 1859 года.

70) Сборникъ Извѣстій, *относящихся до войны 1853—1856 г., издаваемый съ высочайшаго соизволенія Н. Путиловымъ. Спб.* (Въ 8-ю д. л.) Ежемѣсячный журналъ. Цѣна годовому изданію — 7 руб. 50 коп., съ доставкою и пересылкою во всѣ города имперіи — 9 руб. Прекратился, по недостатку подписчиковъ, на сентябрьской книжкѣ (33-мъ №) 1859 года.

71) Собесѣдникъ. *Журналъ для дѣтей обоего пола, издаваемый П. А. Ушаковымъ. Спб.* (Въ 8-ю д. л.) Ежемѣсячный журналъ, объемомъ отъ 7 до 12 печатныхъ листовъ въ книжкѣ. Цѣна годовому изданію — 6 руб. 50 коп., съ доставкою на домъ — 7 руб.

50 коп., съ пересылкою во всѣ города имперіи — 8 руб. Прекратился на 4-ой книжкѣ 1860 года.

72) Современность и Экономическій листокъ, *газета политическая, литературная, ученая и хозяйственная. Москва.* (Въ листъ). Еженедѣльное изданіе. Редакторъ и издатель *Н. Кореневъ*. Цѣна за годовое изданіе съ доставкою и пересылкою — 14 руб. Каждый № этой газеты долженъ былъ заключать въ себѣ отъ $3^1/_2$ до 5 печатныхъ листовъ (отъ 84 до 120 столбцовъ) формата «Лондонскій Иллюстраціи», или 8—13 листовъ обыкновенной печати. Кромѣ того подписчикамъ обѣщано было выдать: 1) «Историческій Альманахъ», книгу, болѣе нежели въ 1000 страницъ; 2) еженедѣльныя подробныя извѣстія о всѣхъ вновь выходящихъ книгахъ, журналахъ, эстампахъ и музыкальныхъ произведеніяхъ; 3) уставы и отчеты акціонерныхъ обществъ и компаній; 4) прейсъ-куранты разныхъ магазиновъ и заведеній; 5) ежегодный указатель открытій, изобрѣтеній и усовершенствованій по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, промышленности и сельскаго хозяйства; 6) до 12 фотографическихъ снимковъ съ замѣчательныхъ и рѣдкихъ гравюръ Рембрандта и съ картины Декампи—*Іосифъ*; 7) библіотека редакціи, состоящая изъ 300 лучшихъ періодическихъ изданій, иностранныхъ и русскихъ и большаго количества книгъ, картъ, плановъ и т. п., долженствовала быть постоянно открытой для гг. подписчиковъ, и проч. и проч. И все это оказалось однимъ пуфомъ, литературной спекуляціей, такъ-какъ изданіе рушилось на 2-мъ №, поглотивъ деньги своихъ немногочисленныхъ и крайне-довѣрчивыхъ подписчиковъ. Узнавъ о прекращеніи журнала, подписчики потребовали свои деньги обратно; но труды ихъ оказались напрасными, потому что вслѣдъ за появленіемъ 2-го № газеты контора редакціи «Современности» исчезла изъ Москвы, и обратиться было не къ кому. На страницахъ нашихъ журналовъ стали появляться жалобы на г. Коренева и даже цѣлыя статьи о его неблаговидномъ поступкѣ, какъ напримѣръ: *Новое банкротство на старый ладъ* («Оберточный Листокъ», 1860, № 13), *Литературная Тяжба* («Семейный Кругъ», 1860, № 18), *Письма гг. Шатковскаго и Махова къ редактору «Московскихъ Вѣдомостей»* («Моск. Вѣд.», 1860, №№ 67 и 69), *Письмо г. Соколова къ редактору «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»* («С.-Петербургскія Вѣдом.», 1861, № 5) и другія, но редакція «Современности» упорно молчала въ теченіе почти цѣлаго года и только въ 263 № «Московскихъ Вѣдомостей» рѣшилась объясниться съ своими подписчиками. Вотъ что она объявила: «Редакція газеты *Современность и Экономическій Листокъ*, вслѣдствіе появленія нѣкоторыхъ статей въ нашихъ

«періодическихъ изданіяхъ, считаетъ нужнымъ объявить еще разъ «своимъ подписчикамъ, что деньги ихъ будутъ сполна возвращены «и что ликвидація уже производится; но удовлетворить всѣхъ под-«писчиковъ редакція не можетъ, потому что на предварительныя «издержки для такого обширнаго предпріятія, какъ изданіе газеты «*Современность и Экономическій Листокъ* потребовалось вдвое бо-«лѣе денегъ, нежели сколько собрано по подпискѣ. По окончаніи «разсчета съ гг. подписчиками, редакція представитъ на судъ пуб-«лики всѣ обстоятельства, убившія успѣхъ ея изданія. Редакція га-«зеты *Современность и Экономическій Листокъ*, сознавая вполнѣ «чистоту своихъ намѣреній и свои обязанности предъ публикою, «остается равнодушною ко всѣмъ выходкамъ, противъ нея направ-«леннымъ, и возражать на нихъ не будетъ. Изданіе газеты *Совре-«менность и Экономическій Листокъ* на время пріостановлено, по-«этому контора ея въ Москвѣ закрыта, и всѣ, имѣющіе какое либо «до нея дѣло, благоволятъ относиться въ контору въ Рязань». Не знаю, какъ вы, благосклонный читатель — но что касается меня, то изъ всего этого объясненія я понялъ только одно, что подписчики на «Современность и Экономическій Листокъ» не получатъ своихъ денегъ обратно.

73) Schulzeitung. St. Petersb. (Въ 4-ю д. л.). Ежемѣсячное изданіе на нѣмецкомъ языкѣ. Редакторъ *В. Цимзенъ*. Редакція журнала должна была начать свою дѣятельность въ 1859 году, но по сіе время не выпустила еще ни одного №, почему и можно считать изданіе этого журнала не состоявшимся.

74) Types Modernes çalques de la vie reéle. Moscou et St. Petérsb. (Въ 8 д. л.). Ежемѣсячный журналъ. Прекратился на 2-мъ (февральскомъ) № 1859 года.

75) Школа Рисованія, *художественное изданіе, съ текстомъ. Москва.* (Въ 4-ю д. л.). Выходило два раза въ мѣсяцъ (72 отдѣльныхъ рисунка и 150 страницъ текста въ годъ). Редакторъ *Д. Струковъ*. Цѣна (въ Москвѣ) 6 руб., съ пересылкою во всѣ города имперіи — 7 руб. 50 коп. Прекратилась, по недостатку подписчиковъ, на 21-мъ № 1859 года.

76) Южный Сборникъ. *Одесса.* (Въ 8-ю д. л.) Ежемѣсячный учено-литературный журналъ. Редакторъ и издатель *Н. Максимовъ*. Прекратился по недостатку подписчиковъ, выдавъ послѣдній (декабрьскій) № за 1859 годъ.

Итого, въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ, не считая исчисленныхъ мною прежде, прекратилось у насъ 30 періодическихъ изда-

ній; въ томъ числѣ: въ Санктпетербургѣ — 21, въ Москвѣ — 6, въ Одессѣ — 2 и въ Кронштадтѣ — 1. *По языкамъ*: на русскомъ — 26, на русскомъ и французскомъ — 1, на русскомъ, французскомъ и англійскомъ — 1, на нѣмецкомъ — 1 и на французскомъ — 1. *По содержанію*: по педагогикѣ и дѣтскому чтенію — 4, по сельскому хозяйству—2, по мореходству и торговлѣ—4, по военной исторіи—1, по медицинѣ—1, по географіи и статистикѣ — 1, по естественнымъ и математическимъ наукамъ—2, по искусствамъ и рукодѣліямъ—11, по беллетристикѣ—1 и энциклопедическихъ изданій—3. *По срокамъ выхода*: ежедневныхъ — 1, по два раза въ недѣлю — 2, еженедѣльныхъ—4, по два раза въ мѣсяцъ—4, по двадцати разъ въ годъ—1, ежемѣсячныхъ — 16 и по шести разъ въ годъ—2. Всего же, въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ (1858, 59, и 60 г.) пало у насъ *семьдесятъ шесть* періодическихъ изданій. Фактъ многозначительный. Въ томъ числѣ: въ Петербургѣ—50, въ Москвѣ—17, въ Одессѣ—3, въ Вильно—2, въ Казани—1, въ Кіевѣ—1, въ Ригѣ—1 и Кронштадтѣ—1. *По языкамъ*: на русскомъ—66, на русскомъ и польскомъ—1, на русскомъ и французскомъ—1, на русскомъ, французскомъ и англійскомъ—1, на польскомъ—3, на нѣмецкомъ—1, на французскомъ—2 и на итальянскомъ 1. *По содержанію*: по правовѣдѣнію—2, по исторіи — 3, по географіи и статистикѣ — 1, по библіографіи и критикѣ—4, по педагогикѣ и дѣтскому чтенію—4, по технологіи и сельскому хозяйству — 4, по мореходству, торговлѣ, мануфактурамъ и горному дѣлу—7, по военной исторіи—1, по военнымъ наукамъ—1, по медицинѣ — 2, по естественнымъ и математическимъ наукамъ — 2, по искусствамъ и рукодѣльямъ — 18, по беллетристикѣ — 5 и энциклопедическихъ изданій — 22. *По срокамъ выхода*: ежедневныхъ—3, выходившихъ по три раза въ недѣлю—1, по два раза—5, безсрочно, не менѣе ста выпусковъ,—1, еженедѣльныхъ—15, по четыре раза въ мѣсяцъ — 1, по 25 разъ въ годъ — 1, по два раза въ мѣсяцъ—10, по 20 разъ въ годъ—2, ежемѣсячныхъ—27, по шести разъ въ годъ—8 и по четыре раза—2. Изъ этого числа 27 изданій окончили свое существованіе, выдавъ послѣдній №, 2—хотя не выполнили своей программы, но не остались въ долгу предъ публикой, такъ-какъ не принимали годовой подписки, а продавались книжками, по мѣрѣ выхода въ свѣтъ, 11—вознаградили своихъ подписчиковъ возвращеніемъ денегъ или высылкою другихъ изданій, 7 — обѣщаютъ додать запоздавшіе №№, 4—не состоялись и 25—не вознаградили своихъ подписчиковъ, не смотря на ихъ жалобы и рѣзкія статьи многихъ журналовъ. Въ числѣ павшихъ были журналы, достойные полнаго сочувствія образованной публики, издававшіеся

добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла, какъ «Атеней», «Библіографическія Записки», «Журналъ Охоты», «Историки и Публицисты», «Историческая Библіотека», «Парусъ», «Русская Бесѣда», «Русскій Дневникъ» и «Słowo», о прекращеніи которыхъ нельзя не сожалѣть; были изданія полезныя, какъ «Библіотека Естественныхъ и Математическихъ Наукъ», «Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», «Журналъ Лѣсоводства и Охоты», «Журналъ Садоводства», «Искусства», «Московское Обозрѣніе», «Промышленный Листокъ», «Русская Газета», «Русская Сельско-хозяйственная Библіотека», «Сельское Благоустройство», «Южный Сборникъ» и другіе; были и совершенно безполезные и никому не нужные, какъ «Арлекинъ», «Весельчакъ», «Военный Журналъ», «Гудокъ», «Гигея», «Dimanche», «Живописная Русская Библіотека», «Золотое Руно», «Общезанимательный Вѣстникъ», «Орелъ», «Свѣтопись», «Types Modernes», «Tygodnik», «Шехеразада» и другіе. Всѣхъ болѣе пострадалъ отдѣлъ *искусствъ и рукодѣлій*, схоронившій 18 журналовъ, въ томъ числѣ 7 модныхъ («Букетъ», «Гирлянда», «Дамскій Вѣстникъ», «Ласточка», «Меркурій Модъ», «Мода» и «Сандрильона»). Какая жь причина паденья такого множества журналовъ? Кого надо винить въ этомъ паденіи? Неужели публику? Неужели ея равнодушіе убило всѣ эти изданія, изъ которыхъ нѣкоторыя, повидимому, заслуживали ея сочувствія? Едва ли это такъ. Стоитъ только вспомнить, что одновременно съ погибшими своими товарищами возникли журналы, существующіе по нынѣ, благодаря нѣсколькимъ тысячамъ своихъ подписчиковъ. Скорѣе — *лучшія* изданія пали отъ того, что были или слишкомъ спеціальны, или недостаточно современны, или, просто, не съумѣли угадать потребности своихъ читателей, а *худшія* — оттого, что были худы, — а были худы оттого, что, по большей части, издавались и редактировались людьми, вовсе не причастными къ литературѣ. Изъ числа 76 прекратившихся журналовъ и газетъ, въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, только у 20 были издатели и редакторы — литераторы; 9 — издавались не литераторами подъ редакціей литераторовъ, 3 — правительствомъ, 3 — разными обществами, остальные 41 издавались и редактировались людьми, не причастными къ литературѣ. Изъ числа 20 павшихъ журналовъ, издатели и редакторы которыхъ были литераторы, 12 — выдали всѣ №№, 6 — удовлетворили своихъ подписчиковъ возвращеніемъ денегъ или высылкою другихъ изданій, 1 — обѣщаетъ додать запоздавшіе №№ и только *одинъ*—не удовлетворилъ своихъ подписчиковъ. Съ удовольствіемъ записываемъ этотъ фактъ. Изъ 6 журналовъ, издававшихся правительствомъ и

разными обществами, 4 — выдали всѣ №№, 1 — возвратилъ своимъ подписчикамъ деньги и 1—обѣщаетъ додать запоздавшій №. Изъ 9 журналовъ, издававшихся не литераторами подъ редакціей литераторовъ, 1—выдалъ всѣ №№, 3 — удовлетворили своихъ подписчиковъ высылкою другихъ изданій, 3 — обѣщаютъ додать запоздавшіе №№ и 2 — не удовлетворили своихъ подписчиковъ. Слѣдовательно почти вся масса изданій, не удовлетворившихъ своихъ подписчиковъ *(двадцать два изъ двадцати пяти)*, приходится на долю людей, не причастныхъ къ литературѣ — спекулирующихъ на счетъ литературы. Да послужитъ этотъ *печальный списокъ* въ назиданье этимъ господамъ.

ПОЛИТИКА.

РАСТОРЖЕНІЕ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКАГО СОЮЗА. — ЕВРОПЕЙСКІЯ ДѢЛА.

Крайняя плантаторская партія, или такъ-называемая партія сецессіонистовъ (secession — выступленіе, то есть изъ Союза) ведетъ свои дѣла въ хлопчато-бумажныхъ штатахъ Сѣверо-американскаго Союза гораздо успѣшнѣе, чѣмъ сама надѣялась и даже хотѣла бы. Южная Каролина, какъ читатель знаетъ изъ газетъ, уже объявила, что она отторглась отъ Союза; конвенты четырехъ или пяти другихъ хлопчато-бумажныхъ штатовъ въ настоящую минуту вѣроятно уже рѣшили также отторгнуться отъ Союза: въ теченіе января, по новому стилю, должны были для этого собраться конвенты въ Алабамѣ, Флоридѣ, Миссиссипи и Луизіанѣ; Арканзасъ, Сѣверная Каролина, Георгія и Техасъ вѣроятно послѣдуютъ этому примѣру. Сецессіонисты надѣятся увлечь за собою и такъ-называемые пограничные невольническіе штаты (Border Slave States) Мериландъ, Виргинію, Кентукки, Теннесси и Миссури. Почему знать? Быть-можетъ этотъ разсчетъ исполнится; но если невольническіе пограничные штаты и не будутъ увлечены хлопчато-бумажными, часть, или отдѣлившаяся или уже отдѣляющаяся отъ Союза, составляетъ около третьей доли всего населеннаго пространства Соединенныхъ Штатовъ, занимаетъ всю огромную страну на югъ отъ линіи 36° 30' сѣверной широты и на западъ отъ линіи 76° западной долготы, отъ Озаркскаго хребта до Пимликской бухты, Мехиканскаго залива и Сабинской рѣки; этотъ громадный четыреугольникъ пространствомъ своимъ равенъ всей Франціи съ цѣлымъ Пиринейскимъ

полуостровомъ, составляя около 20,000 квадр. географ. миль; а его населеніе въ 1850 г. составляло болѣе 5,500,000 человѣкъ изъ 23,000,000 населенія всего Союза, — около четвертой части всего числа жителей Соединенныхъ Штатовъ. Такая потеря громадна въ матеріальномъ отношеніи; но еще важнѣе нравственное вліяніе этой катастрофы: если она совершится, весь цивилизованный міръ долженъ подумать, что принципы Сѣверо-американскаго Союза несостоятельны, что Вашингтонъ, Франклинъ и Джефферсонъ мечтали о химерахъ, работали понапрасну. Сама Сѣверная Америка должна будетъ увидѣть это. А катастрофа представляется теперь слишкомъ вѣроятною, чуть ли не неизбѣжною. Какъ поражены должны быть благородные люди въ Соединенныхъ Штатахъ! Вѣроятно всѣ патріоты новой Англіи, Нью-Йорка, Пенсильваніи и «Великаго Запада» отъ Огайо до Айовы и Миннесоты упали духомъ, стонутъ, ропщутъ на судьбу и на южныхъ плантаторовъ, винятъ другъ друга въ неосторожности за выборъ Линкольна, раздражившій южные штаты? Намъ представляется вѣрный случай узнать расположеніе ихъ духа: 23 декабря долженъ былъ сказать рѣчь на одномъ политическомъ обѣдѣ въ Нью-Йоркѣ Сьюардъ, предводитель партіи, которая выборомъ Линкольна поставила себя въ тяжелую необходимость оплакивать свою бѣду, возникшую по ея неуступчивости. Городъ Нью-Йоркъ больше всѣхъ другихъ свободныхъ городовъ долженъ потерять отъ гнѣва хлопчато-бумажныхъ штатовъ; потому нью-йоркскіе негоціанты всегда держали сторону южныхъ штатовъ. Если гдѣ, то уже навѣрное въ Нью-Йоркѣ «черные республиканцы» (такъ называютъ плантаторы противниковъ невольничества) должны держать себя запуганными, признавать великость бѣды, выражать готовность къ уступкамъ. Послушаемъ же Сьюарда, навѣрное смущеннаго и уступчиваго. — Что за чудо? — Онъ говоритъ совершенно инымъ тономъ, чѣмъ слѣдовало ожидать: вмѣсто того, чтобы унывать, онъ даже подшучиваетъ надъ замыслами сецессіонистовъ. Вотъ нѣкоторые отрывки изъ его рѣчи.

«Надобно сказать два-три слова о ненормальномъ положеніи нашихъ дѣлъ, произведенномъ мыслью нѣкоторыхъ штатовъ отложиться отъ Союза. Это намѣреніе — сюрпризъ для американскаго народа и цѣлаго свѣта. Отчего же оно сюрпризъ намъ? — Оттого, что оно не умно и не натурально. А впрочемъ и слѣдовало намъ ждать такихъ попытокъ. Не существовало никогда въ мірѣ механизма, столь многосложнаго, громаднаго, новаго, какъ наша федеративная система. Слѣдуетъ ли удивляться, что иной разъ выпадаетъ какой нибудь винтикъ изъ такой машины и нужно бываетъ поправлять ее? Слѣдовало ли намъ ожидать, что мы и семьде-

сять лѣтъ просуществуемъ безъ надобности въ поправкахъ нашей политической системы? Каждый штатъ въ нашемъ Союзѣ точно такая же республика, какъ цѣлый Союзъ; каждый имѣетъ свою конституцію; нѣтъ ни одного штата старше 70 лѣтъ, и ни въ одномъ штатѣ нѣтъ конституціи, которая была бы старше 25 лѣтъ; что ни одинъ штатъ не можетъ обойтись больше 25 лѣтъ безъ надобности въ поправкахъ своей конституціи,—это стало такъ ясно для насъ, что, напримѣръ, въ нашемъ нью-йоркскомъ штатѣ долженъ въ слѣдующемъ году собраться конвентъ для пересмотра конституціи, — не по какому нибудь волненію, а по правилу, постановленному 20 лѣтъ назадъ, когда составлялась нынѣшняя конституція. Удивительно ли послѣ этого, что многосложная система нашего союзнаго правительства въ 70 лѣтъ нѣсколько поразвинтилась и надобно машинисту осмотрѣть механизмъ, приладить расшатавшіяся колеса? Ребенокъ можетъ вынуть какой нибудь винтикъ изъ огромнѣйшей машины и разстроить ея движеніе, и машинистъ не можетъ замѣтить, какъ ребенокъ сдѣлаетъ это. Но если машина устроена хорошо и прочно, машинисту стоитъ лишь увидѣть, что выпалъ винтикъ, вставить новый, и машина пойдетъ лучше прежняго. У насъ семья изъ 33 штатовъ, а на дняхъ будетъ изъ 34 штатовъ (*). Удивительно было бы, если бы въ семьѣ изъ 34 членовъ каждые три–четыре года не являлось неудовольствіе въ одномъ или двухъ, трехъ, даже четырехъ, пяти членахъ, не являлась бы мысль—отдѣлиться и попробовать, не лучше ли имъ будетъ жить самимъ по себѣ. По моему тутъ ничего удивительнаго. Я дивлюсь лишь тому, что давно не было такихъ попытокъ. Но только вотъ что: ни въ географическихъ учебникахъ, ни въ разсудкѣ, ни въ натурѣ не можетъ быть на сѣверо-американскомъ материкѣ штата, существующаго внѣ Американскаго Союза. Я не могу повѣрить, что возможна такая вещь, и на то у меня много основательныхъ причинъ,—между прочимъ та причина, что никто не можетъ указать основательной причины для такой отдѣльности. Главной причиной выставляютъ, что нѣкоторые южные штаты ненавидятъ насъ, людей свободныхъ штатовъ, и говорятъ, будто мы ненавидимъ ихъ и пропала любовь между ними. Это — чистые пустяки. Есть между нами споры о разныхъ вещахъ — о полученіи должностей, о свободѣ и рабствѣ — но все это семейные споры, въ которыхъ мы не призовемъ къ участію постороннихъ (**). За предѣлами Американскаго Союза нѣтъ страны, которую я любилъ бы хоть на половину такъ, какъ Южную Ка-

(*) Сьюардъ говоритъ о принятіи Канзаса въ число штатовъ.

(**) Сьюардъ намекаетъ на нелѣпое намѣреніе крайнихъ сецессіонистовъ отдаться подъ покровительство французскаго императора или Англіи.

ролину; и я имѣю тщеславіе и наглость полагать, что сама себѣ Южная Каролина втихомолку признается, что порядочно-таки любитъ васъ. Если бы завтра кто нибудь, все равно: Луи-Наполеонъ, или принцъ уэльскій, или его матушка, или императоръ австрійскій, или кто нибудь послалъ армію на Нью-Йоркъ, со всѣхъ холмовъ Южной Каролины двинулось бы населеніе на помощь Нью-Йорку,— такъ ли, я не знаю, я только полагаю. Но вотъ что я знаю: если бы пошла чужая армія на Южную Каролину, то я знаю, кто пошелъ бы на помощь Южной Каролинѣ (крикъ: «всѣ пойдемъ»)—всѣ до одного мы пойдемъ; потому не обманутъ меня они своею комедіею объ отложеніи; полагаю, не обманутъ и васъ; а если не обманутъ васъ и меня, то не успѣютъ долго обманывать и самихъ себя. Вотъ въ этомъ и вся сущность дѣла. Наши штаты должны быть нераздѣльны, и вѣчно будутъ нераздѣльны. Попробуйте вырвать звѣзду изъ созвѣздія (*), — это невозможная вещь. Звѣздъ нынѣ не меньше, чѣмъ было прежде, и будутъ онѣ размножаться. Спрашивается теперь: что же намъ дѣлать, чтобы удержать въ Союзѣ людей, которые страдаютъ галлюцинаціей, будто бы они выходятъ изъ Союза и станутъ жить отдѣльно? По моему нѣтъ лучше того правила, котораго держится каждый хорошій глава семьи. Если человѣкъ хочетъ разрознить свою семью, нѣтъ ничего легче ему, какъ разрознить ее. Если онъ недоволенъ сыномъ, пусть онъ начнетъ бранить его, жаловаться на него, грозить ему, стѣснять его — и дѣло сразу будетъ покончено, — вотъ способъ разогнать изъ своего дома всю семью. Но если вы хотите, чтобы семья не разрознивалась, у васъ есть другой способъ: будьте терпѣливы, ласковы, снисходительны и ждите, пока люди сами одумаются. Если мы станемъ держать себя хладнокровно, спокойно, кротко, споръ будетъ мягокъ и скоро окажется или что мы виноваты, — и мы уступимъ обиженнымъ братьямъ, — или что мы правы, и они должны успокоиться и возвратиться въ дружескія отношенія къ намъ. Я не хочу предсказывать никакого рѣшенія. У насъ много государственныхъ людей, прямо спрашивающихъ, что намѣренъ дѣлать съ югомъ сѣверъ, что намѣрено дѣлать правительство, — думаемъ ли мы принуждать нашихъ южныхъ братьевъ къ возвращенію въ Союзъ? Они спрашиваютъ, и разумѣется, имѣютъ право спрашивать, хорошо ли будетъ братство, вынужденное силой? Я могу сказать на это только вотъ что: уже очень давно жилъ Томасъ Морусъ, но и онъ замѣтилъ и записалъ въ своихъ книгахъ, что учителей на свѣтѣ очень много и что очень мало изъ нихъ такихъ, которые умѣютъ учить дѣтей, зато очень

(*) Намекъ на флагъ Соединенныхъ Штатовъ, усѣянный звѣздами.

многихъ такихъ, которые умѣютъ сѣчь ихъ. Я предлагаю не спрашивать, что мы хотимъ дѣлать; но я желаю слышать, въ чемъ обиженъ югъ, чтобы отстранить причины неудовольствія, если ихъ полезно устранить, и если у насъ есть возможность устранить ихъ,—и ожидаю, что неудовольствіе будетъ прекращено, если окажется неосновательно, — ожидаю потому, что надобность, породившая нашъ Союзъ, стала теперь еще сильнѣе, чѣмъ когда составлялся Союзъ, и что эта надобность вѣчна, а человѣческія страсти мимолетны».

Отчего же Сьюардъ говоритъ такъ самоувѣренно, придаетъ такъ мало важности усиліямъ сецессіонистовъ отторгнуть южные штаты отъ Союза, смотритъ на будущность Союза съ такою спокойною надеждою? Развѣ онъ еще обольщается мыслью, что никакія усилія сецессіонистовъ не расторгнутъ Союза? Нѣтъ: раньше 23 декабря Южная Каролина объявила, что расторгаетъ Союзъ, и было извѣстно, что въ теченіе двухъ-трехъ недѣль пять другихъ штатовъ послѣдуютъ за нею. Сьюардъ спокоенъ и доволенъ потому, что успѣхъ сецессіонистовъ послужилъ бы только къ скорѣйшему уничтоженію невольничества въ южныхъ штатахъ.

Читатель знаетъ, что враждебная невольничеству или такъ-называемая республиканская партія состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣловъ, различающихся одинъ отъ другаго программою дѣйствій для уничтоженія невольничества. Самый умѣренный и донынѣ многочисленный отдѣлъ республиканской партіи, извѣстный подъ именемъ фрисойлеровъ, думалъ бы на первое время ограничиться косвенными мѣрами и вообще оставить уничтоженіе невольничества въ каждомъ изъ южныхъ штатовъ благоразумію самого этого штата. Фрисойлеры хотятъ только того, чтобы центральное правительство не находилось въ рукахъ плантаторской партіи, не поддерживало и не распространяло невольничества насильственнымъ образомъ. Они разсчитываютъ, что свободные штаты, размножаясь числомъ, возрастая населенностію и богатствомъ быстрѣе, чѣмъ невольническіе, скоро будутъ имѣть въ конгрессѣ такое огромное большинство, при которомъ сами невольническіе штаты постепенно проникнутся сознаніемъ неизбѣжности уступокъ. Кромѣ того фрисойлеры ждутъ, что приливъ европейской эмиграціи и переселенцевъ изъ свободныхъ штатовъ скоро доставитъ противникамъ невольничества большинство въ пограничныхъ штатахъ. Наконецъ невольничество само собою постепенно сплываетъ съ сѣверной части невольническихъ штатовъ: небрежное воздѣлываніе земли невольниками быстро истощаетъ почву, и плантаторы, бросая изнуренныя ими старыя земли, двигаются на новыя, съ сѣвера и съ востока на южный западъ: изъ Виргиніи и Кентукки, изъ сѣверной Кароли-

ны и восточныхъ частей южной Каролины и Георгіи въ Миссисипи, Луизіану, Арканзасъ. Въ Виргиніи и Кентукки негры держатся уже не столько для земледѣльческихъ работъ, сколько на продажу въ низовья Миссиссипи. Пограничные невольничьи штаты, ведущіе правильную вывозную торговлю неграми, должны противиться привозу невольниковъ изъ Африки, чтобы держать въ высокой цѣнѣ свой товаръ. Плантаторы хлопчато-бумажныхъ фабрикъ, покупщики невольниковъ имѣютъ противоположный интересъ, и если бы югъ отдѣлился, они тотчасъ же отмѣнили бы нынѣшнее запрещеніе — привозить негровъ изъ Африки; тогда пограничные штаты увидѣли бы необходимость освободить своихъ невольниковъ, которые стали бы имъ въ тягость. Расчитывая всѣ эти обстоятельства, видимъ, что самое развитіе экономическихъ отношеній должно въ скоромъ времени уничтожить невольничество въ пограничныхъ штатахъ (Мериландѣ, Виргиніи, Кентукки, Миссури), развить противуневольническій интересъ въ Техасѣ и на остальномъ юго-западѣ, куда льется европейская эмиграція, и такимъ образомъ доставить противникамъ невольничества рѣшительный перевѣсъ въ сенатѣ; а быстрое развитіе нынѣшнихъ свободныхъ штатовъ уже съ самаго начала Союза все усиливаетъ перевѣсъ ихъ депутатовъ въ палатѣ представителей. При ожесточеніи, возбуждаемомъ въ невольническихъ штатахъ всякою мыслью о законодательныхъ или административныхъ мѣрахъ союзнаго правительства противъ невольничества, умѣренные противники его считаютъ удобнѣйшимъ пассивно выжидать естественныхъ результатовъ самаго экономическаго развитія.—Крайній оттѣнокъ враждебной невольничеству партіи или такъ-называемая партія аболиціонистовъ думаетъ иначе. Чувство надобности избавить Союзъ отъ невольничества беретъ въ крайнихъ аболиціонистахъ верхъ надъ отвращеніемъ къ рѣшительной ссорѣ съ югомъ. Они давно готовы были бы вооруженною рукою провести законодательныя мѣры противъ невольничества. Но война представляется имъ не единственнымъ путемъ къ быстрѣйшему его уничтоженію, — они ждутъ почти столь же быстраго результата въ случаѣ отторженія невольническихъ штатовъ отъ Союза; въ крайнихъ аболиціонистахъ сѣвера южные сецессіонисты возбуждаютъ восторгъ своими отчаянными дѣйствіями. Чтобы читатель понялъ причину этого и чтобы онъ не подумалъ, будто аболиціонисты только теперь стали выражать радость, прикрывая натянутымъ восторгомъ внутреннюю свою печаль, мы приведемъ нѣсколько страницъ изъ книги написанной годъ тому назадъ, когда шансъ расторженія еще казался невѣроятенъ (South and North, by John Abbott. New York. 1860). Авторъ книги, Джонъ Эбботтъ, не принадлежитъ къ крайнимъ

аболиціонистамъ, онъ не одобряетъ ихъ замысловъ, желалъ бы показать неосновательность ихъ соображеній, но не можетъ, и очевидностію фактовъ принужденъ согласиться, что разсчеты аболиціонистовъ непремѣнно исполнились бы въ случаѣ расторженія. Вотъ что говоритъ онъ.

«Гдѣ провести границу въ случаѣ расторженія? Ужь и теперь западная часть Виргиніи враждебна невольничеству; часть Миссури также, а въ Мериландѣ и Кентукки нѣтъ единодушія. Если противники невольничества въ этихъ штатахъ будутъ принуждены войти въ невольническую конфедерацію, они образуютъ въ ней зерно свободной партіи, которое станетъ разростаться, такъ что въ самой южной конфедераціи явится свободный сѣверъ, какъ въ нынѣшнемъ Союзѣ.

«Скажу больше: черезъ два года по отторженіи не останется ни одного невольника въ Мериландѣ, Виргиніи, Кентукки и Миссури. Всѣ до одного невольники уйдутъ за границу въ свободные штаты, если хозяева не поспѣшатъ продать ихъ на отдаленный югъ. Эти пограничные штаты неизбѣжно сдѣлаются свободными штатами почти въ самый часъ расторженія. Тогда всѣ ихъ интересы будутъ въ пользу свободы. Они передѣлаютъ сообразно тому свои законы. Эмиграція изъ свободныхъ штатовъ польется на ихъ незанятыя земли. Рѣшительные приверженцы невольничества переведутъ своихъ негровъ въ Каролины и Флориду. Этотъ результатъ будетъ произведенъ силами природы, столь же могущественными и неотвратимыми, какъ силы, сгоняющія къ веснѣ зимній снѣгъ и одѣвающія землю лѣтней зеленью. Я не встрѣчалъ человѣка, который оспаривалъ бы это. По освобожденіи перваго ряда пограничныхъ штатовъ и по присоединеніи его къ сѣверу тотъ же процессъ пойдетъ съ удвоенною быстротою во второмъ новомъ ряду пограничныхъ штатовъ уменьшившейся южной конфедераціи. Отвратить это человѣкъ не въ силахъ, какъ не въ силахъ отвратить солнечнаго восхода.

«Этотъ фактъ такъ ясенъ и вѣренъ, что ни Мериландъ, ни Виргинія, ни Кентукки, ни Миссури вѣроятно не захотятъ быть въ южной конфедераціи. Какъ только въ нихъ пробудится убѣжденіе, что надобно ждать расторженія Союза, рабовладѣльцы или поспѣшатъ на югъ съ своими невольниками или станутъ продавать невольниковъ на югъ. Друзья свободы въ этихъ штатахъ и теперь говорятъ съ каждымъ часомъ громче и громче. А тогда, когда предложится народу вопросъ о расторженіи, вы увидите, что развернется въ этихъ четырехъ штатахъ знамя свободы и они перейдутъ на ея сторону. Я полагаю, что нѣтъ, — по крайней мѣрѣ я

до сихъ поръ не встрѣчалъ,—ни одного умнаго человѣка, который сомнѣвался бы въ томъ».

Вслѣдъ за этимъ Эбботтъ разсматриваетъ вопросъ, стоящій теперь на очереди: какимъ способомъ можетъ совершиться расторженіе Союза? Не дальше какъ годъ тому назадъ, когда писана была его книга, сецессіонисты только грозили расторженіемъ въ общихъ фразахъ, но ни какъ не умѣли отвѣчать, когда просили ихъ сказать, какими же путями думаютъ они исполнить угрозу.

«Когда они пугаютъ насъ угрозою разорвать Союзъ, а мы отвѣчаемъ: «Союзъ скованъ такъ крѣпко, что вы не можете разорвать цѣпь», то, казалось бы, имъ слѣдовало подкрѣпить свою угрозу, показавъ намъ, какъ они могутъ исполнить ее. Но ни въ газетахъ, ни въ преніяхъ конгресса мы не найдемъ ни слова о томъ. Дѣло въ томъ, что какъ только начинаетъ умный человѣкъ думать о такой задачѣ, онъ находитъ непреоборимыя затрудненія.

«Въ случаѣ расторженія является вопросъ: которой половинѣ долженъ достаться вашингтонскій капитолій? которой должно достаться имя Соединенныхъ Штатовъ съ нашимъ славнымъ флагомъ и его звѣздами, флотъ, территоріи и устье Миссиссипи, эта дверь открывающая торговлю цѣлаго свѣта великолѣпнѣйшей долинѣ земнаго шара?

«Если югъ, составляющій меньшинство, отторгнется даже и весь, сѣверъ конечно не отдастъ ему этихъ элементовъ богатства и величія. А если югъ потребуетъ ихъ съ оружіемъ въ рукахъ, будетъ война. Какова же приготовленность расторгнувшихся частей къ боевой встрѣчѣ? Мы предположимъ даже невѣроятное дѣло, что всѣ невольничьи штаты пойдутъ въ южную конфедерацію. Сравнимъ же средства двухъ половинъ. (*)

	Число гражданъ.	Цѣнность имущества.
Южная конфедерація	6,184,477	1,336,090,737 долларовъ.
Сѣверная конфедерація	13,233,670	4,102,172,108 —

«Въ этотъ счетъ не включены невольники юга, потому что въ случаѣ войны они были бы ему старашнымъ затрудненіемъ. Многіе изъ нихъ возстали бы по первому выстрѣлу и сотнями тысячъ поспѣшили бы подъ знамена вторгающейся сѣверной арміи. Можетъ ли быть югу какая нибудь надежда на успѣхъ въ такомъ столкновеніи? Сѣверъ вдвое превосходитъ его населеніемъ и втрое богатствомъ. Кромѣ того сѣверъ имѣетъ громадный флотъ, опыт-

(*) Цифры Эбботта взяты изъ ценса 1850 года; теперь перевѣсъ сѣвера еще значительнѣе.

ныхъ матросовъ, превосходныхъ мастеровыхъ въ арсеналахъ и на верфяхъ и на всевозможныхъ машинныхъ заводахъ. Столкновеніе было бы безнадежно для юга.

«Есть въ этомъ случаѣ и другая сторона, еще поучительнѣйшая. Раздраженные люди часто дѣлаютъ безразсудства и сами идутъ на гибель. Предположимъ, что ультра-плантаторы крайняго юга, не думая о послѣдствіяхъ, оторвутся отъ Союза и образуютъ рабовладѣльческую республику. Нынѣшнія пограничныя государства не пойдутъ съ ними, а тотчасъ же, или очень скоро, присоединятся къ сѣверу. Британскія провинціи, ни за что не соглашающіяся войти нынѣ въ Союзъ, запятнанный невольничествомъ, найдутъ тогда выгоднымъ присоединиться къ сѣверной конфедераціи. Сѣверные штаты уже сходны съ ними нравами и обычаями, любовью къ свободѣ и религіей, а торговые и земледѣльческіе интересы у нихъ одни и тѣ же. Сѣверная конфедерація съ первой же минуты явится свѣту во всемъ блескѣ національнаго могущества и величія. Насъ тотчасъ будетъ 21 свободный штатъ съ населеніемъ болѣе 16 милліоновъ. Скоро присоединятся къ намъ 6 британскихъ провинцій съ 3 милліонами свободныхъ людей, а чрезъ нѣсколько лѣтъ штаты Делаваръ, Мериландъ, Виргинія, Кентукки и Миссури съ населеніемъ 3,700,000 свободныхъ гражданъ, потому что невольничество въ нихъ исчезнетъ, когда сѣверные штаты уничтожатъ законъ о выдачѣ бѣглыхъ невольниковъ. Такимъ образомъ сѣверъ начнетъ свою жизнь съ дружнымъ населеніемъ болѣе 22 милліоновъ свободныхъ людей, у которыхъ всѣ интересы одинаковы, которымъ принадлежитъ весь материкъ отъ Атлантическаго до Тихаго океана, отъ Гудсонова залива до Теннессійскихъ горъ. Эта страна способна прокормить сотни милліоновъ жителей; новые штаты станутъ быстро возникать на плодородныхъ земляхъ запада, населяясь людьми съ атлантическаго прибрежья и изъ Европы.

«А что станетъ дѣлать югъ съ своимъ невольничествомъ? Можетъ ли онъ идти въ ряду націй? Посмотрите на южныя фабрики и заводы, арсеналы и верфи, посмотрите на приложеніе естественныхъ наукъ ко всѣмъ отраслямъ промышленности, и скажите, могутъ ли работы новой цивилизаціи совершаться невольниками и бѣлыми простолюдинами юга, которымъ запрещено учиться? Кто станетъ исполнять эти работы на югѣ, гдѣ «Журналъ естественныхъ наукъ, Силлимена» — изданіе запрещенное? Неужели вы думаете, что ваши невольники годятся въ соперники зоркимъ и уважаемымъ работникамъ сѣвера? Плантаторамъ дозволено у васъ учиться. Но умѣютъ ли плантаторы строить корабли и локомотивы, ткать матеріи, воздвигать домы и сцѣплять берега рѣкъ мостами?

Они джентльмены, а это работа, — а работа, по вашей философіи, унизительна. На что же надѣяться югу? Онъ съ каждымъ годомъ будетъ все больше впадать въ варварство. Это неизбѣжно.

«А тѣмъ временемъ наши сѣверные корабли будутъ торжественно носиться по всѣмъ морямъ»; по всему материку будетъ раздаваться ржаніе нашихъ царственныхъ локомотивовъ, этихъ коней, мускулы которыхъ — сталь, и дыханіе — огонь; наши фабрики будутъ слать свои продукты всѣмъ народамъ и племенамъ земли; наши школы будутъ поднимать умственную силу всего нашего населенія.

«Мечты ли это? воздушныя ли видѣнія?—А что же югъ? онъ будетъ Испанія западнаго континента. Громадно его пространство; благорастворенъ его климатъ и богата почва, какъ нигдѣ подъ солнцемъ. Но что же онъ дѣлаетъ?—онъ гонитъ бичемъ два или три миліона лѣнивыхъ негровъ воздѣлывать хлопчатую бумагу, табакъ и сахаръ, — и только. Да и эту простѣйшую работу, не требующую участія мысли, онъ исполняетъ такъ плохо, что не собираетъ и третьей доли того продукта, какой былъ бы собранъ свободнымъ трудомъ. Нѣтъ ни одной стороны жизни, въ которой невольническій югъ не уступалъ бы далеко Англіи, Франціи или сѣверу. Онъ отсталъ въ земледѣліи, въ торговлѣ, въ фабрикахъ, въ литературѣ, въ искусствѣ. Какъ только изгоняется невольничество изъ какого нибудь мѣста на югѣ, мѣсто это пробуждается отъ заколдованнаго сна. Бальтиморъ, Мобиль, Новый Орлеанъ становятся свободными городами и развивается въ нихъ энергія свободы (*). Но войдите въ такой городъ юга, гдѣ господствуетъ невольничество, и вы на каждомъ шагу увидите признаки паденія.

Какъ ни горько стали бы оплакивать мы расторженіе Союза, какъ ни прискорбенъ былъ бы этотъ ударъ нашимъ братскимъ чувствомъ къ югу, но есть въ этомъ дѣлѣ стороны, далеко не невыгодныя для сѣвера. Отсѣкшись отъ невольничества, мы стали бы тогда единодушнымъ народомъ, безъ разнорѣчія въ интересахъ нашихъ; вся наша энергія посвятилась бы на распространеніе свободы и просвѣщенія (**). Мы перестали бы тогда чувствовать себя лично униженными обязанностью ходить съ плантаторами и ихъ собаками въ

(*) На фабрикахъ, на верфяхъ, въ докахъ или пристаняхъ невольничій трудъ невыгоденъ; потому, когда развивается въ городѣ промышленная или торговая дѣятельность, невольники не употребляются въ ней. Въ Новомъ Орлеанѣ такъ мало невольниковъ, что путешественникъ видитъ негровъ не болѣе, чѣмъ въ Нью-Йоркѣ, да и тѣ почти всѣ свободные люди.

(**) Между тѣмъ какъ теперь много силъ на сѣверѣ тратится въ борьбѣ между друзьями и противниками плантаторскихъ претензій, которыми связаны сѣверные штаты въ своемъ законодательствѣ и своей предпріимчивости.

погоню за бѣгущими невольниками; не было бы уже опасенія у насъ, что сенаторовъ нашихъ будутъ бить въ залахъ конгресса, что наша нація будетъ опозориваема драками въ законодательныхъ собраніяхъ. Мгновенно прекратились бы раздоры, столь много лѣтъ возмущавшіе нашъ миръ, и до юга намъ было бы столько же дѣла, какъ до Мехики или Кубы. Мы будемъ желать ему счастья. Зависти въ насъ возбудить онъ не можетъ.

«Если бы совершилось отторженіе, оно было бы путемъ къ уничтоженію невольничества. Быть можетъ, оно и необходимо для этого. И если сецессіонисты восторжествуютъ, звонъ колоколовъ, которымъ возвѣстятъ на югѣ разрушеніе связи между невольничестволюбящимъ югомъ и свободолюбящимъ сѣверомъ, возвѣститъ также горамъ и долинамъ, что подписанъ смертный приговоръ невольничеству и приближается часъ освобожденія. Торжество расторженія возвѣститъ и вашимъ невольникамъ и намъ свободнымъ отмѣну всѣхъ законовъ о выдачѣ бѣглыхъ невольниковъ.

«Всѣ звенья цѣпей невольника мгновенно ослабнутъ. Толпами побѣгутъ невольники черезъ невидимую черту, какая будетъ отдѣлять ихъ отъ земли свободы, и исходъ ихъ направится не черезъ пустыню. Уже и теперь у каждаго на сѣверѣ бьется сердце, сочувствуя каждому собрату-человѣку, пытающемуся сбросить оковы. Нуженъ только Актъ Расторженія, совершеннаго югомъ, чтобы весь сѣверъ проникся энтузіазмомъ и молчащая симпатія замѣнилась дѣятельнымъ содѣйствіемъ. Три милліона невольниковъ по одну сторону невидимой черты, растянутой болѣе чѣмъ на тысячу миль, не долго останутся за этою чертою, когда по другую сторону ея находится 20,000,000 бѣлыхъ людей, энергическихъ, могущественныхъ и богатыхъ, грудь которыхъ горитъ любовью къ освобожденію всѣхъ невольниковъ. У насъ милліоны экровъ ждутъ ихъ плуга и заступа: навѣрное мы уже съумѣемъ защитить ихъ и почтить каждаго, — какой бы расы ни былъ онъ, кавказской, монгольской, эѳіопской, малайской или индійской, кто принимаетъ благородный принципъ «Освободите меня, или убейте!»

«Темная пограничная черта невольничества, какъ черта тѣни, проходящей по затмившемуся солнцу, быстро будетъ подвигаться къ Мехиканскому заливу, и невольники юга «не сребромъ искупленные», станутъ разливаться по безконечнымъ царствамъ Сѣвера, Запада и Востока, земледѣльческимъ трудомъ увеличивая наше богатство. Несомнѣнно то, что расторженіе Союза значитъ — освобожденіе невольниковъ. Многіе изъ такъ-называемыхъ ультра-аболиціонистовъ Сѣвера такъ убѣждены въ этомъ, что самое пламенное ихъ желаніе — расторженіе Союза, не какъ послѣдняя цѣль, а какъ

необходимое и могущественное средство для достиженія благородной цѣли, для освобожденія Америки. Они радуются каждому усилію южныхъ сецессіонистовъ, и съ восхищеніемъ повторяютъ старый афоризмъ, столь часто подтверждавшійся исторіею: «влагаетъ Богъ безумство тому, кого хочетъ погубить», Quem Deus perdere vult, prius dementat.»

Теперь читатель понимаетъ, почему Сьюардъ такъ беззаботно и насмѣшливо смотритъ на успѣхъ сецессіонистовъ. Какъ предводитель партіи, онъ долженъ держать себя осторожно. Прямо сказать, что онъ радуется безразсудству сецессіонистовъ, что онъ желалъ бы имъ полнѣйшаго успѣха, онъ не можетъ, — это значило бы оскорбить нынѣшнее расположеніе духа большинства въ сѣверныхъ штатахъ, гдѣ масса, чуждая по обыкновенію дальновиднымъ расчетамъ, думаетъ больше о настоящемъ прискорбномъ для ея патріотизма колебаніи американскаго единства, чѣмъ о послѣдствіяхъ этого кризиса, чрезвычайно благопріятныхъ и единству распадающагося на минуту Союза и самымъ стремленіямъ сѣвера къ уничтоженію невольничества на югѣ. Но въ мысляхъ Сьюарда носятся эти соображенія, и онъ при всѣхъ своихъ усиліяхъ казаться огорченнымъ не можетъ скрыть внутренняго довольства. Замѣтивъ этотъ общій характеръ дѣла, перечислимъ главныя его подробности.

Читатель знаетъ, что президентъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ имѣетъ власть болѣе прочную, чѣмъ первый министръ конституціоннаго государства: онъ избирается на 4 года, и четыре года управляетъ союзомъ, несмотря на то, къ одной съ нимъ или къ противоположной ему партіи принадлежитъ большинство палаты представителей, которая въ конституціонныхъ монархіяхъ постоянно рѣшаетъ, въ чьихъ рукахъ должна находиться исполнительная власть. Такимъ образомъ выборъ Линкольна опредѣлилъ на четыре года, что администрація Союза будетъ въ рукахъ партіи, враждебной невольничеству, — выигрышъ, очень важный. За то степень власти президента не столько же ограниченнѣе власти перваго министра въ Англіи или Бельгіи, нѣсколько она прочнѣе ея. Мы говоримъ не о томъ только, что кругъ дѣйствій союзной власти въ Америкѣ гораздо тѣснѣе, чѣмъ кругъ дѣйствій центральнаго правительства въ Англіи или Бельгіи, — это каждому извѣстно; мы говоримъ, что и въ этомъ кругу дѣйствій, болѣе тѣсномъ, на долю президента приходится меньшая пропорція вліянія, чѣмъ первому министру Англіи или Бельгіи. Во-первыхъ, всѣ административныя дѣла прямо и формально подчинены въ Соединенныхъ Штатахъ контролю палаты представителей, между тѣмъ какъ въ Англіи или Бельгіи она вмѣшивается въ нихъ

лишь случайнымъ, очень неполнымъ образомъ, да и то лишь почти только выраженіемъ своего мнѣнія о мѣрахъ, уже принятыхъ кабинетомъ. Въ Америкѣ палата представителей имѣетъ постоянные комитеты по всѣмъ отраслямъ управленія, и кромѣ того назначаетъ особенные комитеты по всѣмъ важнымъ административнымъ случаямъ. Эти комитеты имѣютъ постоянный надзоръ за всѣми распоряженіями и предположеніями министерства, и на каждомъ шагу палата представителей можетъ останавливать президента съ его министрами. Кажется, довольно было бы уже одного этого вмѣшательства палаты представителей, чтобы президентъ видѣлъ себя довольно туго связаннымъ; но онъ связанъ еще другою законодательною палатою. Въ Англіи или въ Бельгіи отъ перваго министра зависитъ, по крайней мѣрѣ по формѣ, избрать своими товарищами кого онъ самъ найдетъ нужнымъ. Конечно, на дѣлѣ это опредѣляется совѣщаніями его партіи, а палата представителей можетъ особеннымъ рѣшеніемъ заставить удалиться изъ кабинета каждаго непріятнаго ей ея члена или каждаго другаго сановника. Но большая разница въ томъ, если надобно доходить до такой рѣзкой, случайной мѣры и въ томъ, если прямо самое назначеніе каждаго министра и сановника въ должность прямо предлагается постояннымъ и формальнымъ образомъ утвержденію законодательной власти, какъ обязанъ предлагать президентъ своихъ кандидатовъ на утвержденіе сената. Такимъ образомъ, во-первыхъ, когда большинство сената принадлежитъ къ оппозиціи, изъ управляющей партіи могутъ вступать въ управленіе дѣлами только лица, соглашающіяся держать себя пассивнымъ образомъ и бездѣйствовать въ тѣхъ вещахъ, въ которыхъ не сходятся съ сенатскою оппозиціею. Во-вторыхъ, если въ палатѣ представителей большинство принадлежитъ оппозиціи, то каждая въ отдѣльности мѣра, непріятная ей, отстраняется въ первую же минуту. Когда случается, что періодъ власти президента совпадаетъ съ господствомъ той же партіи въ обѣихъ палатахъ, государственныя дѣла въ Америкѣ ведутся энергически въ духѣ этой партіи. Если же не только въ обѣихъ палатахъ, а хотя въ одной изъ нихъ большинство не согласно съ президентомъ, то администрація идетъ правильно и успѣшно только по обыкновеннымъ текущимъ надобностямъ, по которымъ нѣтъ разницы принциповъ между людьми разныхъ партій: дипломатическія дѣла, военныя и флотскія дѣла, финансовая часть, почтовое управленіе и т. д. идутъ своимъ порядкомъ; но по всѣмъ вопросамъ, въ которыхъ нація не единодушна, наступаетъ отсрочка до той поры, когда новыми выборами президента, сенаторовъ или представителей возстановится преобладаніе одной партіи во всѣхъ трехъ отрасляхъ союзной власти. Такая от-

срочка можетъ длиться года два, даже всѣ четыре года президентскаго срока. (Читатель знаетъ, что представители выбираются на два года, президентъ на четыре, сенаторы на шесть лѣтъ).

Если бы южные штаты приняли выборъ Линкольна спокойно, положеніе дѣлъ было бы по вступленіи его въ управленіе таково. Въ нынѣшней палатѣ представителей голоса почти по-ровну раздѣлены между республиканскою партіею, избравшею Линкольна, и оппозиціею. Равновѣсіе доходитъ до точности почти математической. Изъ 243 представителей 119 или 120—республиканцы, а 114 или 115 — чистые демократы. Та или другая партія получаетъ большинство отъ 8 человѣкъ, такъ-называемыхъ «анти-лекомптонскихъ демократовъ», которые совершенно симпатизируютъ югу и никакъ не согласятся ни на какую враждебную невольничеству мѣру, но съ тѣмъ вмѣстѣ не допускаютъ, чтобы невольничество расширялось или принимались мѣры, враждебныя сѣверу (*). Такимъ образомъ при нынѣшней палатѣ представителей (срокъ которой кончается черезъ годъ), администрація Линкольна, еслибы и хотѣла, не могла бы провести никакой мѣры противъ невольничества въ южныхъ штатахъ. Но администрація эта и не могла составиться изъ расположенныхъ къ такимъ мѣрамъ людей при нынѣшнемъ сенатѣ, въ которомъ имѣютъ сильное большинство приверженцы невольничества (это происходитъ оттого, что составъ сената, какъ мы уже знаемъ, измѣняется довольно медленно; республиканская партія и возникла недавно, а стала быстро усиливаться всего лишь лѣтъ пять-шесть тому назадъ; потому многіе сенаторы остались еще представителями той недавней поры, когда сѣверъ держался пассивно въ вопросѣ о невольничествѣ). Сенатъ допустилъ бы въ кабинетъ лишь такихъ республиканцевъ, которые не расположены къ невольничеству въ общемъ принципѣ, но считаютъ опаснымъ и преждевременнымъ всякій опытъ бороться съ нимъ въ южныхъ штатахъ.

Казалось бы, что при нынѣшнемъ составѣ сената и палаты представителей плантаторамъ нечего еще бояться за невольничество въ южныхъ штатахъ, хотя бы Линкольнъ былъ крайнимъ аболиціо-

(*) Имя «анти-лекомптонскихъ» получили эти демократы оттого, что отдѣлились отъ массы демократической партіи по вопросу о конституціи для Канзаса, насильственно составленной года 4 тому назадъ агентами плантаторовъ, собравшимися въ городѣ Лекомптонѣ подъ прикрытіемъ пушекъ и обнародовавшихъ фальшивые списки голосовъ при вотированіи канзасскаго населенія о составленномъ ими проэктѣ. Демократическая партія въ конгрессѣ и президентъ Буханэнъ хотѣли признать эту конституцію и эти списки имѣющими законную силу, но нѣкоторые изъ сѣверныхъ демократовъ въ палатѣ представителей подали тутъ голосъ вмѣстѣ съ республиканцами противъ Буханана и своей партіи.

нистомъ. Но самъ Линкольнъ принадлежитъ къ умѣреннѣйшимъ представителямъ республиканской партіи, — къ тому оттѣнку ея, который хочетъ только избавить свободные штаты отъ насилій со стороны плантаторовъ, требующихъ, чтобы сѣверныя судилища и полиція покровительствовали рабовладѣльцамъ, отправляющимся ловить бѣглыхъ невольниковъ, и преслѣдовали аболиціонистовъ. Еще тогда, когда не было и мысли о Линкольнѣ, какъ кандидатѣ на президентство, когда не представлялось ему никакихъ причинъ маскировать свое мнѣніе, онъ рѣзко порицалъ всякое намѣреніе сѣверныхъ аболиціонистовъ прямо или косвенно дѣйствовать противъ плантаторовъ въ южныхъ штатахъ.

Читателю извѣстно, что когда аболиціонисты стали принимать и пересылать въ Канаду бѣглыхъ невольниковъ, но еще не составляли сильной партіи умѣренные люди, враждебные невольничеству, конгрессъ для успокоенія южныхъ штатовъ принялъ законъ, обязывавшій судилища и полицейскую власть въ сѣверныхъ штатахъ выдавать бѣглыхъ невольниковъ, которые будутъ открыты на своемъ пути въ Канаду преслѣдующими ихъ агентами плантаторовъ (Fugitive Slave Law). Черезъ нѣсколько времени верховный судъ Союза, служащій истолкователемъ конституціи и законовъ, рѣшилъ, что если невольникъ не бѣжитъ отъ господина, а будетъ привезенъ самимъ господиномъ въ какой нибудь сѣверный штатъ, то онъ также не становится свободнымъ человѣкомъ (хотя по частнымъ законамъ каждаго свободнаго штата рабовладѣлецъ признается фактически освободившимъ невольника, привезеннаго на свободную землю) и что господинъ, пріѣхавшій въ свободный штатъ съ своимъ невольникомъ, можетъ поступать съ нимъ въ свободномъ штатѣ по законамъ своего невольническаго штата, т. е. наказывать его собственной властью; что судилища и полиція свободнаго штата должны усмирять такого невольника въ случаѣ неповиновенія господину и по требованію господина давать вооруженный конвой ему для охраненія собственности, если невольникъ вздумаетъ уйти или жители свободнаго штата вздумаютъ помогать ему въ такой попыткѣ (Dred Scot Decision (*). Верховный судъ Соединенныхъ Штатовъ издавна покровительствуетъ невольнической партіи, потому что нынѣшніе члены его назначены почти всѣ еще въ тѣ времена когда республиканской партіи не существовало). Такимъ образомъ свободные штаты были принуждаемы помогать сыщикамъ, посылаемымъ изъ юж-

(*) Имя этого приговора «Рѣшеніе о Дредѣ Скотѣ» произошло оттого, что приговоръ былъ постановленъ по дѣлу невольника Дреда Скота, возбудившему вопросъ о правѣ рабовладѣльцевъ не подчиняться въ свободныхъ штатахъ законамъ этихъ штатовъ.

ныхъ штатовъ, и терпѣть въ своихъ городахъ учрежденіе, противное ихъ законамъ, давать вооруженную силу на охраненіе лицъ, нарушающихъ ихъ законы. Свободные штаты рѣшили, что законъ о выдачѣ бѣглыхъ и «дредъ-скотовскій приговоръ» нарушаютъ ихъ права и законы, и запретили своимъ судилищамъ и полиціи исполнять ихъ (Personal Liberty Laws). Но кромѣ частныхъ судилищъ отдѣльнаго штата, дѣйствующихъ по законамъ этого штата, и кромѣ частной полиціи штата, исполняющей приговоры этихъ судилищъ, существуютъ въ каждомъ штатѣ союзныя судилища и союзная полиція, дѣйствующія по законамъ союзнаго конгресса и по рѣшеніямъ верховнаго союзнаго суда. Такимъ образомъ къ каждомъ свободномъ штатѣ по каждому дѣлу о бѣгломъ невольникѣ или о поступкахъ заѣзжаго рабовладѣльца съ привезеннымъ невольникомъ возникали столкновенія между судилищами и полиціями штата и союзной власти. Тутъ, безъ различія по партіямъ, все населеніе свободной мѣстности принимало всегда сторону свободы и часто нужно было употреблять вооруженную силу для разогнанія массы, сходившейся на защиту невольника. Вотъ изъ книги Эбботта отрывокъ, относящійся къ этому вопросу. Какъ и въ отрывкахъ, приведенныхъ нами выше, Эбботтъ обращается къ бѣлому населенію юга и преимущественно къ самимъ плантаторамъ.

«Подумайте на минуту, братья, какъ странно ваше требованіе, чтобы мы допустили вторженіе вашего невольничьяго кодекса въ нашу свободную землю и торжество его надъ нашими свободными учрежденіями. Если турокъ пріѣдетъ въ Портлэндъ (*) и по-турецкому закону зашьетъ свою жену въ мѣшокъ и броситъ въ море, онъ не замедлитъ почувствовать руку нашихъ законовъ и несомнѣнно убѣдится, что онъ не на берегахъ Босфора. Турція имѣетъ свои мѣстные законы. Мы не вмѣшиваемся въ нихъ. Но она не можетъ переносить ихъ въ Новую Англію. И если турокъ не доволенъ нашими законами, если онъ говоритъ, что мы нарушаемъ его «права», не давая ему привилегіи топить своихъ женъ, лишь онѣ надоѣдятъ ему, то пусть онъ остается въ Турціи. И вы, джентльмены, должны поступать такъ же. Южная Каролина имѣетъ свои мѣстные законы. Массачусетсъ имѣетъ свои. Южная Каролина дозволяетъ принуждать людей къ работѣ безъ платы. Массачусетсъ — не дозволяетъ. Южная Каролина дозволяетъ человѣку бить плетью своего слугу, когда, гдѣ и какъ угодно. Массачусетсъ не дозволяетъ. Южная Каролина дозволяетъ продавать хорошенькихъ дѣвушекъ съ аукціона. Массачусетсъ не дозволяетъ.

(*) Въ штатѣ Мэнъ, самомъ сѣверномъ изъ штатовъ Новой Англіи, служащей центромъ крайняго аболиціонизма.

«Такъ если южный каролинецъ хочетъ дѣлать эти вещи, пусть онъ дѣлаетъ ихъ въ Южной Каролинѣ. Въ Массачусетсѣ онъ не можетъ ихъ дѣлать. У насъ если кто вздумаетъ ударить своего кучера или горничную своей жены, мы не спрашиваемъ, откуда пріѣхалъ этотъ человѣкъ и не дозволяются ли такіе поступки законами его родины, все равно, изъ Турціи ли онъ, или съ Мадагаскара, или изъ Южной Каролины. Онъ нарушилъ *наши* законы и долженъ идти въ смирительный домъ. Южная Каролина можетъ установлять какіе ей угодно законы *у себя* дома. Но, подобно Турціи, она должна оставлять ихъ у себя дома. Она не можетъ переносить своихъ мѣстныхъ законовъ въ Массачусетсъ и низвергать ими наши.

«Отважитесь ли вы отрицать правильность этого принципа? Вы отрицаете его съ удивительною дерзостію. Вы требуете права уничтожать въ нашей землѣ наши законы и замѣнять ихъ вашими. Если мы уступимъ такому требованію, мы будемъ достойны, чтобы надѣли на насъ ошейникъ и погнали насъ, хлопая бичами, на хлопчато-бумажныя поля».

Вотъ еще отрывокъ. Возращаясь къ подробному изложенію выгодъ, которыя получилъ бы сѣверъ отъ разрыва съ югомъ (краткій перечень этихъ выгодъ мы видѣли въ одномъ изъ прежнихъ отрывковъ), Эбботтъ говоритъ, между прочимъ:

«Мы избавились бы тогда отъ невыразимаго униженія, которое терпимъ въ путешествіяхъ по чужимъ землямъ. Въ цѣломъ свѣтѣ безславятся Соединенные Штаты невольничествомъ. Однажды я ѣхалъ по Рейну; австрійскій джентльменъ, сидѣвшій подлѣ меня, узнавъ, что я изъ Америки, спросилъ:

— «Правда ли, милостивый государь, что въ Америкѣ продаютъ людей и женщинъ, и мужчинъ, и дѣтей на рынкахъ?

— «Да сэръ, отвѣчалъ я, правда.

«И не прибавилъ я уже ни слова о томъ, что наша земля «царица свѣта, любимица неба», что она «страна свободныхъ, родина доблестныхъ».

«Если Союзъ расторгнется, я тотчасъ же поѣду въ Германію, отыщу этого австрійца и умолю его снова предложить мнѣ прежній вопросъ, и какъ облегчится мое сердце отвѣтомъ:

— «Нѣтъ, сэръ, слава Богу, нѣтъ! моя страна — земля свободы.

Линкольнъ ограничивался желаніемъ поддержать силу законовъ свободныхъ штатовъ въ этихъ самыхъ штатахъ, предоставляя южнымъ штатамъ поддерживать въ своихъ границахъ невольничество, какими имъ угодно законами. Точно такой же смыслъ имѣетъ и другая главная черта программы, данной Линкольну республиканской партіею при его избраніи: принимая принципъ, что въ терри-

торіяхъ, т. е. земляхъ, едва лишь начинающихъ населяться, еще не сдѣлавшихся самостоятельными штатами по малочисленности населенія и находящихся подъ прямымъ управленіемъ союзной власти, не должно быть допускаемо невольничество, республиканская партія только принимаетъ естественный фактъ, измѣнить который можно лишь вооруженнымъ насиліемъ противъ поселенцевъ. Территоріи населяются преимущественно съ сѣвера, людьми Новой Англіи и европейскими колонистами, ненавидящими невольничество. Эти поселенія, враждебныя невольничеству, уже составили широкую полосу по всей западной границѣ нынѣшнихъ невольничьихъ штатовъ отъ южной части Техаса до сѣверной части Миссури, занимая сѣверо-западную половину Миссури (хотя это невольническій штатъ), всю территорію Канзасъ, Индійскую территорію и западную часть Техаса (хотя это также невольническій штатъ). Эта полоса свободныхъ поселеній, становящихся все шире и шире, отрѣзываетъ невольническіе штаты отъ территорій, такъ что вторгаться въ территоріи невольничество не можетъ иначе, какъ подавляя шайками бандитовъ поселенія, ни за что не соглашающіяся принять невольничество. Еще была бы надежда плантаторамъ прикрыть этотъ фактъ, если бы поселенцы югозападныхъ территорій были люди апатичные или трусливые: тогда бандиты, сразу запугавъ ихъ, заставили бы молчать и покоряться плантаторамъ. Но колонисты—люди очень энергическіе и храбрые. Они отражаютъ бандитовъ, сами вторгаются въ пристанища, устроенныя плантаторами для бандитовъ, и за каждую обиду отмщаютъ противникамъ, освобождая и уводя въ своихъ набѣгахъ невольниковъ у нихъ. Каковы эти колонисты, можно видѣть изъ того, что Джонъ Броунъ, казненный годъ тому назадъ въ Виргиніи за попытку вооруженною рукою уничтожить невольничество въ этомъ штатѣ, былъ канзасскій колонистъ. Такимъ образомъ, провозглашеніе принципа, что союзная власть не должна допускать невольничество въ территоріяхъ, служитъ просто требованіемъ, чтобы союзное правительство, завѣдующее территоріями, не становилось на сторону бандитовъ, посылаемыхъ противъ населенія территорій, чтобы оно защищало колонистовъ или по крайней мѣрѣ не мѣшало имъ защищаться.

Ничто не можетъ быть скромнѣе программы, исполнять которую обязался Линкольнъ, и намѣреній самого Линкольна: онъ являлся представителемъ того оттѣнка республиканской партіи, который желалъ только охраненія законовъ, существующихъ въ каждомъ штатѣ, — равнаго охраненія и сѣверныхъ и южныхъ законовъ, — и прекращенія междоусобной войны, разбойничьихъ вторженій, производимыхъ съ напрасною цѣлью подавить естественный, непре-

оборимый фактъ отвращенія юго-западныхъ новыхъ поселеній отъ невольничества.

Если бы крайніе приверженцы невольничества имѣли благоразуміе перенести свою неудачу на президентскихъ выборахъ, — спокойно признать переходъ исполнительной власти въ руки своихъ чрезвычайно умѣренныхъ, совершенно консервативныхъ противниковъ, выборъ Линкольна имѣлъ бы важность только историческаго предзнаменованія, показывающаго торжество новаго порядка дѣлъ въ будущемъ, довольно отдаленномъ; а самое время власти Линкольна не ознаменовалось бы по всей вѣроятности никакими значительными мѣрами къ ослабленію невольничества. Республиканская партія хотѣла хранить миръ, хотѣла ждать, медлить, бездѣйствовать. Теперь дѣло повернулось иначе, и повернули его на свою погибель сами приверженцы невольничества.

Впрочемъ, не будемъ безусловно винить и ихъ за нынѣшнее ихъ безразсудство; теперь они сами уже понимаютъ его, хотѣли бы удержаться, — но не могутъ. Они слишкомъ запутали себя прежними фанатическими манёврами, набрали себѣ толпы бродягъ, которыхъ уже не могутъ остановить, воспитали и ожесточили противъ сѣвера массу отчаянныхъ авантюристовъ, которыхъ уже трепещутъ сами. Дѣйствительно, нынѣшнее сецессіонистское движеніе ведется не плантаторами. Плантаторы только подготовляли этотъ шансъ, опрометчиво надѣясь, что онъ никогда не настанетъ, что сѣверъ будетъ всегда робѣть передъ ихъ похвальбами этимъ шансамъ. Они въ такомъ же положеніи, какъ всадникъ, горячившій свою лошадь съ крикомъ «разступитесь! она передавитъ васъ», разгоряченная лошадь закусила теперь удила и понесла. Всадникъ въ ужасѣ опустилъ руки ни живъ, ни мертвъ.

Уже пять лѣтъ, съ самаго приготовленія къ прошлымъ президентскимъ выборамъ, съ весны 1856 г. предводители невольнической партіи оглашали весь югъ криками, что республиканская партія хочетъ вторгнуться въ южные штаты съ арміею, въ авангардѣ которой будутъ идти бѣглые невольники, призывающіе негровъ къ поголовному истребленію бѣлаго населенія невольническихъ штатовъ. Естественнымъ заключеніемъ такой страшной перспективы являлась необходимость югу отторгнуться отъ Союза въ случаѣ выбора республиканскаго президента. Все это было не больше, какъ политическимъ манёвромъ, расчитаннымъ на то, чтобы бѣлое населеніе юга безусловно поддерживало плантаторовъ на выборахъ, а приверженцы Союза на сѣверѣ принимали программу плантаторовъ. Въ 1856 году манёвръ этотъ совершенно удался,—но удался уже черезъ мѣру, какъ видимъ теперь. Агентъ плантаторовъ Бухананъ, сдѣлавшись президентомъ,

исполнялъ всѣ ихъ желанія; въ Канзасѣ были прикрыты неистовства бандитовъ, возмущавшія весь сѣверъ. При нынѣшнихъ выборахъ значительная часть сѣверныхъ жителей, стоявшихъ прежде за демократическую партію, перешла на сторону республиканцевъ, будучи выведена изъ терпѣнія дѣйствіями Буханана, и демократическая партія была поражена на выборахъ во всѣхъ свободныхъ штатахъ. А между тѣмъ на югѣ уже больше четырехъ лѣтъ постоянно кричали, что при выборѣ республиканскаго президента бѣлому населенію юга будетъ единственнымъ спасеніемъ отторгнуться отъ Союза. Сѣверныя газеты, доказывавшія противное, были запрещены на югѣ; масса бѣлаго населенія въ своемъ невѣжествѣ приняла за чистую монету утрированныя слова, бывшія только политическимъ манёвромъ. Мы поймемъ всю извинительность легковѣрія ея, когда вспомнимъ, что почти всѣ въ Европѣ тоже повѣрили словамъ приверженцевъ невольничества, будто бы югъ богатъ, а сѣверъ бѣденъ, югъ могуществен, а сѣверъ слабъ, будто бы главнымъ источникомъ всего богатства въ Сѣверной Америкѣ служитъ производство хлопчатой бумаги невольниками, будто хлопчатой бумаги нельзя было бы воздѣлывать въ такомъ количествѣ свободнымъ трудомъ и т. д. и т. д. У насъ думаютъ, что западная Европа не имѣетъ истиннаго понятія только о Россіи,—разумѣется, много думаетъ она о Россіи совершенныхъ пустяковъ, но точно также слишкомъ во многомъ ошибочны понятія о каждой другой странѣ, господствующія за ея предѣлами: и объ Англіи большинство французскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ (и нашихъ) писателей имѣютъ фальшивыя понятія; и о самой Франціи, точно также во всей остальной Европѣ господствуютъ очень фальшивыя понятія; и о сѣверной Америкѣ точно также. — Мы уже видѣли, что сѣверъ вдвое сильнѣе числомъ жителей и втрое богаче ихъ имуществомъ, чѣмъ югъ. А вотъ еще два-три факта о важности хлопчато-бумажнаго воздѣлыванія сравнительно съ цѣнностью нѣкоторыхъ продуктовъ сѣвера и о мнимой необходимости невольническаго труда для воздѣлыванія этого будто бы важнѣйшаго продукта Соединенныхъ Штатовъ. Цѣнность продукта только одной отрасли промышленности только въ одномъ изъ сѣверныхъ штатовъ,—рудокопнаго и машиннаго производства въ Пенсильваніи ровно вдвое больше всей цѣнности всей хлопчатой бумаги, собираемой всѣмъ югомъ. Штаты Пенсильванія и Нью-Йоркъ вмѣстѣ могли бы купить съ немедленною уплатою всей продажной цѣны всѣ хлопчато-бумажные штаты со всею ихъ землею, всѣми постройками, всѣмъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ. Весь хлопчато-бумажный югъ въ неоплатномъ долгу у города Нью-Йорка. Всей хлопчатой бумаги юга не достаетъ югу, чтобы по-

квитаться за товары, поставляемые на югъ Нью-Йоркомъ: вексельный курсъ въ Нью-Йоркѣ всегда противъ юга, т. е. южныхъ цѣнностей недостаетъ на уплату южныхъ долговъ Нью-Йоркской биржѣ. Воздѣлываніе хлопчатой бумаги свободнымъ трудомъ было бы по точному расчету вдвое дешевле воздѣлыванія невольничьимъ трудомъ, а при равныхъ затратахъ на хлопчато-бумажное производство свободный трудъ давалъ бы втрое больше продукта, чѣмъ получается нынѣ при невольничествѣ. Стоитъ заглянуть въ ценсъ 1850 г., чтобы увидѣть эти факты. А между тѣмъ переберите сотню всевозможныхъ европейскихъ газетъ, едва ли найдете вы изъ нихъ 5 или 6, которыя совершенно безкорыстно не повторяли бы, что безъ невольничества не возможно производить хлопчатую-бумагу, что югъ богатъ и могуществен, что сѣверъ кормится чуть ли не милостынею юга и т. д. и т. д. Что газеты? — Загляните въ знаменитыя европейскія книги о Сѣверной Америкѣ, — почти во всѣхъ найдете повтореніе того же самаго. Простительно послѣ этого бѣлымъ бѣднякамъ юга, что они повѣрили, будто бы Линкольнъ пойдетъ, предводительствуя бѣглыми невольниками и возмущая всѣхъ невольниковъ юга, истреблять всѣхъ бѣлыхъ на югѣ, что спасти свою жизнь они могутъ только отторженіемъ отъ Союза, что сѣверъ обнищаетъ, если они отторгнутся отъ него, что они завоюютъ сѣверъ и будутъ разосланы по завоеваннымъ областямъ полномочными правителями съ огромнымъ жалованьемъ.

Авантюристы, предводительствующіе этими толпами, захватили теперь перевѣсъ на югѣ, благодаря опасеніямъ и надменнымъ надеждамъ, возбужденнымъ на югѣ опрометчивыми криками плантаторовъ, не предвидѣвшихъ, какъ разыграется затѣянная ими мистификація. Они наводили ужасъ, населеніе юга прониклось ужасомъ и отдалось въ руки отчаяннымъ людямъ, которые теперь терроризируютъ всѣ хлопчато-бумажные штаты и едвали не вовлекутъ въ ту же пучину пограничные невольничьи штаты. Посмотрите, съ какимъ видимымъ единодушіемъ рѣшаетъ теперь одинъ хлопчато-бумажный за другимъ, что онъ отторгнется отъ Союза. Недальше какъ въ началѣ ноября было не то: только въ одной Южной Каролинѣ партія отторженія имѣла довольно большое число голосовъ, хотя и тамъ едва ли имѣла большинство; во всѣхъ другихъ штатахъ большинство было противъ отторженія. Въ южныхъ штатахъ было три кандидата на президентство: Брекенриджъ, Дугласъ и Белль. Изъ нихъ Брекенриджъ былъ кандидатомъ сецессіонистовъ, а Дугласъ и Белль служили кандидатами двухъ партій, хотѣвшихъ сохранить единство союза во что бы то

ни стало, при какомъ бы то ни было результатѣ президентскихъ выборовъ. Изъ всѣхъ южныхъ штатовъ только въ одной Южной Каролинѣ большинство поданныхъ голосовъ было за Брекенриджа; во всѣхъ остальныхъ голоса, подданные за Дугласа и Белля, составляли сумму больше голосовъ, подданныхъ за Брекенриджа. А между тѣмъ, кромѣ сецессіонистовъ, былъ поданъ за Брекенриджа голосъ очень многими противниками отторженія. Это значитъ, что еще въ самый день президентскихъ выборовъ, не дальше какъ 6 ноября, сецессіонисты имѣли противъ себя огромное большинство южнаго населенія. Отчего же теперь нѣтъ въ хлопчато-бумажныхъ штатахъ голосовъ противъ отторженія? Воспользовавшись испугомъ населенія при извѣстіи о торжествѣ республиканскаго кандидата, сецессіонисты стали терроризировать югъ; ихъ противники вынуждены теперь молчать, чтобы не подвергнуться неистовству бандитовъ, которые служили плантаторамъ противъ свободныхъ поселенцевъ Канзаса, а теперь служатъ авантюристамъ противъ самихъ плантаторовъ.

Въ прошлый разъ мы говорили, почему Южная Каролина изъ всѣхъ невольничьихъ штатовъ наиболѣе готова была попасть въ руки сецессіонистовъ. Она разсчитываетъ быть важнѣйшимъ штатомъ южной конфедераціи, служить центромъ ея торговли, и самый восторженный на защиту невольничества городъ на всемъ пространствѣ южныхъ штатовъ — городъ Чарльстонъ, торговый центръ южной Каролины, — городъ, въ которомъ, какъ мы говорили, почти вовсе нѣтъ ни невольниковъ, ни рабовладѣльцевъ. Одна эта горячность въ пользу невольничества со стороны горожанъ, нашедшихъ для себя невыгоднымъ дѣломъ имѣть невольниковъ, достаточно свидѣтельствуетъ, во-первыхъ, что авантюристы господствуютъ надъ самими плантаторами въ сецессіонистскомъ движеніи, а во-вторыхъ, что ревность сецессіонистовъ въ защитѣ невольничества не служитъ еще ручательствомъ за выгодность невольничества для самихъ землевладѣльцевъ, воздѣлывающихъ поля невольничьимъ трудомъ. Дѣйствительно, по сравненію статистическихъ цифръ оказывается, что при уничтоженіи невольничества цѣнность земли въ южныхъ штатахъ поднялась бы на сумму, далеко превышающую цѣнность всѣхъ невольниковъ, такъ что землевладѣльцы остались бы въ большомъ денежномъ выигрышѣ, освободивъ невольниковъ даже безъ всякаго вознагражденія. Расчетливые и дѣятельные люди между плантаторами сами понимаютъ это и желали бы освобожденія. Но чтобы стать выгоднымъ для ихъ земель, оно должно быть общею мѣрою для всего штата и сопровождаться измѣненіемъ въ законахъ: если же только тотъ или другой отдѣльный землевладѣлецъ освободитъ своихъ не-

вольниковъ, его земля не поднимается въ цѣнѣ, потому что останутся подавляющими ея цѣнность законы штата, не допускающіе условій, отъ которыхъ возвышается цѣнность земли. А разъяснить свои разсчеты и внушить свои намѣренія большинству своихъ сотоварищей, эти плантаторы не могутъ, потому что хозяйство при невольничествѣ ведется безразсчетно. Напрасно было бы думать, что невольничество держится въ южныхъ штатахъ своею выгодностью для плантаторовъ: оно выгодно только для людей, торгующихъ невольниками, а плантаторы отстаиваютъ его лишь по рутинѣ, по небрежности своихъ привычекъ, по отвращенію отъ дѣятельныхъ занятій сельскимъ хозяйствомъ,—по качествамъ, прямо противорѣчащимъ ихъ собственной денежной выгодѣ.

Однакоже, мы замѣчаемъ, что если станемъ продолжать изложеніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла въ такомъ же размѣрѣ, то разсказу не будетъ конца раньше, какъ на 15-мъ или 20-мъ печатномъ листѣ; надобно разсказать все остальное, какъ можно короче.

Мы говорили въ прошлый разъ, что сецессіонисты стараются спѣшить своими дѣйствіями, чтобы покончить разрывъ до 4 марта, когда вступитъ въ управленіе Линкольнъ, и чтобы безвозвратно связать югъ прежде, чѣмъ успѣетъ большинство его граждан опомниться отъ перваго паническаго потрясенія. Путь къ перемѣнамъ въ коренныхъ законахъ во всѣхъ штатахъ одинаковъ; обыкновенное законодательное собраніе рѣшаетъ, что граждане штата должны выбрать особенныхъ депутатовъ съ неограниченнымъ полномочіемъ на измѣненіе политическихъ учрежденій штата — это чрезвычайное собраніе полномочныхъ депутатовъ называется въ Америкѣ конвентомъ. Законодательная палата Южной Каролины первая созвала конвентъ (въ половинѣ декабря); потомъ было рѣшено созвать конвенты въ другихъ хлопчато-бумажныхъ штатахъ, — всѣ эти конвенты находятся уже подъ вліяніемъ рѣшеній южно-каролинскаго конвента, и одинъ за другимъ повторяютъ его декреты. Конвентъ Южной Каролины 19 декабря рѣшилъ, что штатъ его выходитъ изъ Союза; теперь тоже самое рѣшено конвентами Алабамы, Миссисипи, Флориды, Луизіаны, вѣроятно, послѣдуютъ за ними Георгія, Техасъ и Сѣверная Каролина. Успѣютъ ли сецессіонисты терроризировать пограничные штаты, еще не извѣстно, — но это очень можетъ произойти. Агенты сецессіонистовъ изъ хлопчато-бумажныхъ штатовъ сильно работаютъ въ нихъ, а конвенты хлопчато-бумажныхъ штатовъ уже сносятся между собою о составленіи «Южнаго Союза», основаніемъ котораго будетъ служить союзная конституція Соединенныхъ Штатовъ, передѣланная въ смыслѣ край-

наго покровительства невольничеству. Сенаторы и представители Южной Каролины уже удалились изъ Вашингтонскаго конгресса; вѣроятно, стали удаляться изъ него сенаторы и представители другихъ штатовъ, по мѣрѣ того, какъ конвенты ихъ штатовъ объявляли свое отторженіе отъ Вашингтонскаго союза.

По европейскимъ понятіямъ, этимъ уже окончательно опредѣлялось бы положеніе дѣла. Но въ Сѣверной Америкѣ не то. Не забудемъ, что каждый штатъ есть самобытное «государство» съ отдѣльною законодательною властью и особенными законами (Штатъ, State, прямо и значитъ государство, а Сѣверо-американскій Союзъ есть не «государство», а «соединеніе сѣверо-американскихъ государствъ», Union of the North American States). Всякія прокламаціи объ отторженіи и т. д. имѣютъ только отвлеченное, болѣе теоретическое, чѣмъ практическое значеніе, пока союзная власть не встрѣчаетъ положительнаго препятствія исполненію своихъ законныхъ обязанностей или не подвергается вооруженному нападенію. Сецессіонисты спѣшатъ придать окончательный характеръ отторженію фактами того и другаго рода. Дѣло это они начали съ Чарльстона, главнаго своего центра.

Единственная обязанность союзнаго правительства, исполненію которой могла препятствовать по своему географическому положенію Южная Каролина, отдѣленная пограничными штатами отъ резиденціи союзнаго правительства — сборъ таможенныхъ пошлинъ въ Чарльстонской гавани. Чиновники штата заняли зданіе таможни и стали собирать пошлины въ кассу своего штата, а не въ кассу Союза.

Началось и вооруженное нападеніе на союзныя войска. Чарльстонская гавань укрѣплена тремя фортами, изъ которыхъ только одинъ, Мультри, самый большой, былъ занятъ слабымъ отрядомъ союзныхъ войскъ, состоявшимъ всего изъ 70 человѣкъ подъ командою Андерсона, который былъ намѣренъ твердо защищаться противъ сецессіонистовъ, не смотря на то, что самъ родомъ изъ невольничьяго штата Кентукки. Узнавъ о замыслахъ чарльстонцевъ и южно-Каролинскаго конвента захватить въ плѣнъ его отрядъ, онъ, недождавшись разрѣшенія отъ президента, подъ собственною отвѣтственностью перевелъ ночью свой отрядъ въ другой фортъ, Сёмтеръ, гораздо болѣе крѣпкій и считаемый неприступнымъ, а фортъ Мультри и другой слабый фортъ Пинкни совершенно брошенъ, заклепавъ въ нихъ пушки. Сёмтеръ лежитъ на островѣ, и чарльстонцы, не имѣющіе ни канонирскихъ лодокъ, ни даже порядочныхъ купеческихъ пароходовъ, до сихъ поръ не могли ничего предпринять противъ него, но по послѣднимъ извѣстіямъ, встрѣтили

выстрѣлами съ берега корабль, посланный съ подкрѣпленіемъ къ Андерсону.

Такимъ образомъ, сецессіонисты уже начали фактическое нападеніе на союзную власть, и можно сказать, что война началась, хотя еще не объявлена.

Не дѣлай они этого, они имѣли бы больше шансовъ къ успѣху. Теперь ихъ положеніе стало очень дурно. Посмотримъ, какъ отразились ихъ отчаянныя дѣйствія на расположеніи сѣвера и на дѣйствіяхъ союзной власти.

Президентъ Бухананъ до самыхъ послѣднихъ чиселъ декабря прошлаго года исполнялъ волю невольнической партіи, увлекшись своею услужливостью къ ней до того, что помогалъ замысламъ сецессіонистовъ и открыто покровительствовалъ имъ. Изъ семи членовъ его кабинета трое были самыми жаркими сецессіонистами, — министръ финансовъ Коббъ, военный министръ Флойдъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Томпсонъ. Подавая голосъ съ ними, онъ доставлялъ имъ большинство въ кабинетѣ и всячески помогалъ имъ. Еще съ лѣта, опасаясь побѣды республиканцевъ на президентскихъ выборахъ, они вчетверомъ стали подготовлять невольническимъ штатамъ удобства и средства къ возстанію противъ сѣвера. Союзные гарнизоны были постепенно выводимы изъ фортовъ и арсеналовъ хлопчато-бумажныхъ штатовъ или чрезмѣрно ослабляемы (мы видѣли, напримѣръ, что изъ трехъ чарльстонскихъ фортовъ два были оставлены безъ всякаго гарнизона, а въ третьемъ гарнизонъ уменьшенъ до 70 человѣкъ; такъ было и вездѣ на югѣ). А съ тѣмъ вмѣстѣ, въ южные арсеналы, при которыхъ не было оставлено ни одного солдата, посылались огромные запасы оружія, пороха, пуль, ядеръ и т. д. (На югѣ нѣтъ и оружейныхъ фабрикъ, какъ нѣтъ почти никакихъ другихъ). Такъ напримѣръ, въ чарльстонскій арсеналъ, изъ котораго были удалены солдаты буквально всѣ до одного, было нынѣшнимъ лѣтомъ послано 30,000 ружей. Эти отправки оружія на югъ продолжались, когда уже собирались тамъ конвенты для отторженія отъ Союза, а Южная Королина и провозгласила отторженіе. Бухананъ оффиціально поддерживалъ Брекенриджа, кандидата сецессіонистовъ, и смѣнилъ всѣхъ союзныхъ чиновниковъ, не хотѣвшихъ поддерживать Дугласа, кандидата демократовъ, противившихся отторженію, хотя цѣлая половина демократической партіи, избравшей Бухакана, поддерживала Дугласа. Надобно притомъ замѣтить, что Брекенриджъ вицепрезидентъ Союза. По закону, вицепрезидентъ заступаетъ мѣсто президента въ случаѣ его смерти или отказа отъ должности, до начала новаго президента. На случай торжества ре-

спубликанцевъ былъ даже составленъ планъ, что Бухананъ, подведя дѣло къ расторженію, откажется отъ должности за мѣсяцъ или за полтора до конца президентскаго срока (то есть до 4 марта), и Брекенриджъ, занявъ мѣсто, объявитъ себя прямо предводителемъ сецессіонистовъ, займетъ войсками Вашингтонъ и сдастъ его сецессіонистамъ, которые созовутъ тамъ «національный конвентъ» для составленія новой союзной конституціи въ духѣ невольничьихъ штатовъ, объявивъ исключенными изъ Сѣверо-американскаго Союза штаты Новой Англіи, въ которыхъ никакими средствами уже не надѣялись они доставить перевѣсъ партіи, готовой на уступки невольничеству. Удивительно, до чего могутъ быть ослѣпляемы или страстью, какъ Брекенриджъ, или привычкою къ угодничеству своимъ покровителямъ, какъ Бухананъ, люди очень опытные и хитрые, какими нельзя не признать ихъ обоихъ и другихъ предводителей сецессіонизма, составлявшихъ вмѣстѣ съ ними этотъ химерическій планъ, который можно сравнить развѣ съ тѣмъ, какъ если бы алжирцы собирались завоевать Францію и исключить парижанъ изъ своего новаго алжирско-французскаго государства.

Но какъ бы то ни было, Бухананъ дѣйствовалъ въ такомъ духѣ. Разумѣется (мы уже и говорили это), у невольнической партіи и у него, ея представителя, была увѣренность, что не придется имъ исполнять своихъ плановъ, что Сѣверъ испугается ихъ замысловъ, интригъ и угрозъ, что они выиграютъ битву, безъ дѣйствительной траты пороха. Оно бы можетъ быть такъ и вышло, если бы сецессіонисты уже не испортили дѣло чрезмѣрною заносчивостью и отчаянностью дѣйствій. А впрочемъ и то сказать, что вѣдь только на отчаяннѣйшей заносчивости и была основана возможность успѣха: въ самихъ хлапчато-бумажныхъ штатахъ сецессіонисты были бы отброшены въ ничтожество опомнившимися большинствомъ, если бы не торопились ковать желѣзо, пока горячо.

Мы говорили, что Бухананъ вѣрно служилъ своимъ повелителямъ сецессіонистамъ. Когда въ началѣ декабря собрался конгрессъ, Бухананъ, представляя конгрессу, по заведенному правилу, годичный обзоръ положенія дѣлъ Союза, изложилъ въ немъ такой взглядъ на сецессіонистскій кризисъ и такіе совѣты, отъ которыхъ изумились всѣ простодушные люди на Сѣверѣ, никакъ не предполагавшіе, чтобы человѣкъ изъ свободнаго штата (Бухананъ родомъ изъ Пенсильваніи) могъ дойти до такого раболѣпства передъ партіею невольничества. Бухананъ говорилъ, что онъ не имѣетъ власти противиться вооруженному возстанію, начинаемому Южною Каролиною, оплакивалъ несправедливость сѣвера, обижающаго югъ; говорилъ, что даже уступка со стороны респуб-

ликвацевъ сецессіонистамъ во всѣхъ спорныхъ пунктахъ была бы недостаточна для смягченія справедливаго гнѣва юга, что всѣ частные вопросы эти еще ничего незначатъ передъ коренною причиною вражды, лежащею въ томъ, что на сѣверѣ печатаются книги и издаются газеты, выставляющія невольничество учрежденіемъ неблаговиднымъ и убыточнымъ, что надобно устранить эту причину вражды юга къ сѣверу.

Сѣверные демократы увидѣли наконецъ, куда ведетъ ихъ преданность плантаторамъ. Но Бухананъ продолжалъ идти по прежнему пути. Андерсонъ требовалъ подкрѣпленій, — президентъ сказалъ, что не можетъ послать ихъ. Тогда предсѣдатель кабинета (государственный министръ) Кассъ вышелъ въ отставку, объявивъ отказъ Буханана измѣною долгу. Бухананъ и тутъ не перестаёлъ угождать плантаторамъ. Въ Вашингтонъ явились коммиссары, посланные Южною Каролиною къ союзному правительству требовать признанія Южной Каролины независимымъ государствомъ, сдачи фортовъ, лежащихъ въ ея границахъ, условиться о томъ, какая часть другихъ союзныхъ имуществъ и долговъ будетъ перенесена на долю новаго государства. Бухананъ принялъ этихъ коммиссаровъ, хотя былъ бы обязанъ отвѣчать имъ, что никакихъ сношеній съ возмутителями не можетъ имѣть; онъ надавалъ имъ обѣщаній, дѣло шло отлично,—но вдругъ остановилось.

Это было въ концѣ декабря. Съ каждымъ днемъ росло негодованіе во всемъ населеніи сѣверныхъ штатовъ и большинствѣ населенія пограничныхъ невольничьихъ штатовъ. Главнокомандующій союзною арміею, генералъ Скоттъ, отказался отозвать Андерсона изъ Чарльстонскихъ фортовъ и выражалъ твердое намѣреніе послать войска противъ сецессіонистовъ, если они не смирятся. Онъ самъ родомъ изъ невольническаго штата (изъ Виргиніи), какъ и Андерсонъ (изъ Кентукки). Это было слишкомъ явнымъ доказательствомъ, что и пограничные невольничьи штаты не одобряютъ президента. На всемъ сѣверѣ собирались грозные митинги. Пенсильванія и Нью-Йоркъ, постоянно бывшіе самыми снисходительными къ югу изъ свободныхъ штатовъ, начинали вооружаться, и законодательныя палаты ихъ вотировали противъ сецессіонистовъ. Въ союзной палатѣ представителей республиканцы съ каждымъ днемъ становились тверже, видя себѣ единодушную поддержку на сѣверѣ и отъ своей партіи и отъ массы людей, стоявшихъ прежде за демократовъ. А между тѣмъ, сецессіонисты, какъ будто не понимая ничего, становились все запальчивѣе: коммиссары южной Каролины объявили Буханану, что переходъ Андерсона изъ форта Мультри въ фортъ Сёмтеръ они считаютъ нарушеніемъ даннаго имъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ пре-

зидентомъ обѣщанія, что не будетъ сдѣлано никакихъ перемѣнъ въ размѣщеніи союзныхъ войскъ, и требовали наказанія Андерсона. Бухананъ имѣлъ духъ предложить министерству, что надобно удовлетворить справедливому требованію Южной Каролины. Съ этой минуты начинается поворотъ дѣла. Большинство членовъ кабинета, видя, что сѣверные демократы противъ Буханана, ободрились и положили, послѣ жаркаго пренія съ президентомъ, одобрить дѣйствія Андерсона и послать ему подкрѣпленія; сецессіонисты Флойдъ и Томпсонъ вышли тогда въ отставку (въ первыхъ числахъ января; Коббъ вышелъ въ отставку раньше, когда видѣлъ, что и безъ него сецессіонисты будутъ господствовать въ кабинетѣ,—онъ уѣхалъ предводительствовать сецессіонистскимъ движеніемъ въ своемъ штатѣ, Георгіи). Въ Бухананѣ прежнее раболѣпство передъ сецессіонистами замѣнилось страхомъ передъ гнѣвомъ сѣверныхъ демократовъ. Подкрѣпленія Андерсону были посланы моремъ. Транспорты оружія и пороха, отправленные къ сецессіонистамъ, были остановлены. Генералъ Скоттъ сталъ придвигать войска съ сѣвера и запада къ Южной Каролинѣ.

На этомъ останавливаются послѣднія, полученныя въ минуту, когда мы пишемъ, извѣстія. Повидимому, дѣло идетъ къ рѣшительной развязкѣ, результатъ которой не подлежалъ бы сомнѣнію. Но мы не отваживаемся надѣяться, чтобы кризисъ дошелъ до нея. Обоюдное раздраженіе сильно. Республиканская партія въ палатѣ представителей, при началѣ засѣданій (и въ первыхъ числахъ декабря) еще предлагавшая примиреніе, рѣшила, по послѣднимъ извѣстіямъ (въ началѣ января), уклониться отъ переговоровъ съ сецессіонистами, рѣшила требовать, чтобъ палата представителей прекратила всякія пренія о кризисѣ, занялась исключительно такъ-называемыми «текущими дѣлами», то есть обыкновеннымъ вотированіемъ бюджета, и окончивъ ихъ какъ можно скорѣе, отсрочила свои засѣданія до 4 марта, до вступленія въ президентство Линкольна, который уже объявилъ, что находитъ обязанностью союзной власти употребить военную силу для усмиренія «измѣны», treason, и «мятежниковъ», rebels. Чтобы исполнилось это, надобно желать только одного: чтобы сецессіонисты продолжали еще два мѣсяца дѣйствовать съ прежнею отчаянностью.

Но — мы не отваживаемся имѣть эту надежду на ихъ безразсудство, хотя она и подкрѣпляется всѣми ихъ прежними дѣйствіями. Они уже смущаются: у нихъ нѣтъ денегъ, — у нихъ нѣтъ кредита, — у нихъ нѣтъ ничего, кромѣ буйства. Южная Каролина не могла ни на какихъ условіяхъ найти даже ничтожную сумму 400,000 доллеровъ (менѣе 600,000 р. сер.), которую вотировала на первыя

военныя надобности, — она принуждена собирать эти деньги насильственною раскладкою займа на зажиточныхъ людей. Очень можетъ-быть, что сецессіонисты смирятся, — это было бы хуже всего, но мы не смѣемъ надѣяться, что этого не случится. Тогда сѣверомъ снова овладѣетъ мирное расположеніе, и дѣло будетъ кончено какимъ нибудь «компромиссомъ», то есть взаимными уступками, ничего не рѣшающими, съ взаимными обѣщаніями отложить вопросъ о невольничествѣ, чего ни та, ни другая партія не можетъ исполнить. Компромиссъ былъ бы несравненно хуже всего, — хуже междоусобной войны, еще гораздо хуже мирнаго расторженія Союза: эти обѣ развязки быстро повели бы къ возстановленію Союза съ уничтоженіемъ невольничества или по крайней мѣрѣ съ законодательными постановленіями, ведущими къ его уничтоженію. А компромиссъ опять оттягивалъ бы дѣло.

Впрочемъ, это хорошо говорить намъ, постороннимъ: намъ нечего жалѣть людей въ родѣ Буханана, Кобба, Флойта, ихъ сподвижниковъ Девиса, Янси, Пайкенса, Брукса и ихъ преторіанцевъ: они не родня намъ. Но вѣдь сѣвернымъ свободнымъ людямъ они братья по происхожденію, по прежнему дружному и славному прошедшему. Сѣверъ слишкомъ, слишкомъ готовъ щадить ихъ. Посмотримъ однако, что будетъ.

О Европѣ довольно будетъ сказать два-три слова, потому что всѣ прежнія отношенія оставались въ прежнемъ видѣ, только становясь все болѣе натянутыми.

Въ ту минуту, какъ мы пишемъ это—происходятъ въ Италіи выборы депутатовъ новаго «итальянскаго парламента». Оппозиція надѣется имѣть въ немъ больше представителей, чѣмъ имѣла въ прежнемъ парламентѣ «Сѣверной Италіи»; полагаютъ, что довольно много гарибальдійцевъ и маццинистовъ будетъ выбрано въ Неаполѣ и Сициліи. Кавуръ увидѣлъ поэтому надобность искать примиренія съ Гарибальди, къ которому былъ посланъ (въ половинѣ января) Тюрръ, съ порученіемъ просить его не являться предводителемъ оппозиціи. Гарибальди, по обыкновенію, изъ патріотизма согласился убѣждать своихъ приверженцевъ къ уступчивости и напечаталъ къ нимъ письмо въ этомъ смыслѣ.

Французскій флотъ отозванъ изъ-подъ Гаэты въ половинѣ января, по настоянію Англіи, отношенія которой съ Франціею становились уже довольно дурны. Но французскій флотъ все-таки отошелъ не прежде, какъ по привозѣ, подъ его охраненіемъ, значительнаго запаса продовольствія въ Гаэту, которая, говорятъ, запаслась теперь провіантомъ на цѣлые полгода. Однакоже, теперь она едва ли можетъ держаться долго, будучи заперта и съ суши и съ моря.

Войска Франциска II, уходившія въ Римъ подъ защиту французовъ, пересланы оттуда въ Абруццы, гдѣ ведутъ партизанскую войну; число ихъ простирается въ Абруццахъ тысячъ до 10; есть отряды ихъ и въ другихъ гористыхъ мѣстностяхъ горной Италіи. Кавуръ сначала не могъ принять противъ нихъ сильныхъ мѣръ; но теперь посланы большія колонны для прекращенія этихъ волненій.

Въ Венгріи комитаты, одинъ за другимъ, принимаютъ рѣшенія, подобныя пештскимъ. Правительство приготовляется къ вооруженному усмиренію этого движенія. Австрійскія войска въ Венгріи усиливаются. Носятся слухи, что скоро будутъ объявлены находящимися въ осадномъ положеніи нѣкоторые комитаты. Предвѣстникомъ этой мѣры явился декретъ, объявляющій, что многія изъ рѣшеній, принятыхъ комитатскими конгрегаціями, противозаконны, и что если комитаты вздумаютъ приступить къ ихъ исполненію, это будетъ сочтено мятежемъ, который австрійское правительство станетъ усмирять военнымъ путемъ. Между тѣмъ, 2 апрѣля (нов. стиля) назначено собраться венгерскому сейму, выборы въ который разрѣшено производить по закону 1848, лишь слегка измѣненному.

Воцареніе новаго короля, уже два года управлявшаго государствомъ съ титуломъ регента, конечно не производитъ никакой перемѣны въ положеніи Пруссіи.

СВѢДѢНІЯ О ЧИСЛѢ ПОДПИСЧИКОВЪ НА «СОВРЕМЕННИКЪ». 1860 Г.

ПО ГУБЕРНІЯМЪ И ГОРОДАМЪ.

Годъ тому назадъ, въ первой книжкѣ «Современника» прошлаго года, мы напечатали цифры подписчиковъ, бывшихъ у «Современника» въ 1859 г.; дѣлая въ первый разъ такую попытку, мы считали нужнымъ сдѣлать оговорку о цѣли, съ какою печатаемъ эти числа. Мы говорили: «свѣдѣнія о распространеніи журнала въ публикѣ могутъ быть важны для статистики, если не образованія, то по крайней мѣрѣ — *любви къ чтенію въ Россіи*». Мы слышали потомъ много отзывовъ, подтверждавшихъ справедливость такого мнѣнія. Основываясь на нихъ, мы печатаемъ теперь такія же свѣдѣнія и за прошлый 1860 годъ. Дѣлая первый опытъ, мы говорили, что никакихъ общихъ выводовъ изъ него одного еще нельзя сдѣлать, потому что, какъ частные единичные факты, эти цифры еще ничего не доказываютъ. Теперь сличая два года, мы уже можемъ сдѣлать нѣкоторыя заключенія, не совершенно лишенныя положительнаго значенія.

	въ 1860		въ 1859
1. АРХАНГЕЛЬСКАЯ.			
Архангельскъ	11	—	10
Кемь	1	—	1
Мезень	1	—	1
Онега	1	—	2
Холмогоры	1	—	1
Шенкурскъ	»	—	1
	15	—	16
2. АСТРАХАНСКАЯ.			
Астрахань	23	—	19
Енотаевскъ	2	—	1
Красный-Яръ	»	—	1
Царевъ	»	—	1
Черный-Яръ	1	—	»
	26	—	22
3. БЕССАРАБСКАЯ ОБЛАСТЬ.			
Аккерманъ	4	—	4
Бендеры	4	—	5
Бѣльцы	6	—	2
Бухарестъ	1	—	»
Кишиневъ	37	—	19
Измаилъ	1	—	«
Липканы	1	—	2
Оргѣевъ	3	—	2
Скуляны	3	—	3
Сороки	6	—	3
Купчино	3	—	1
Теленешты *ст*	1	—	2
Хотинъ	6	—	6
Братушаны	1	—	»
Кубей	1	—	»
Новоселица	3	—	1
	81	—	50
4. ВИЛЕНСКАЯ.			
Вильно	18	—	11
Дрогичинъ	1	—	«
Лида	2	—	«
Ошмяны	2	—	1
	23	—	12

	въ 1860		въ 1859
5. ВИТЕБСКАЯ.			
Витебскъ	12	—	8
Городокъ	1	—	«
Динабургъ	9	—	6
Лепель	2	—	1
Невель	1	—	»
Полоцкъ	9	—	5
Рѣжица	2	—	«
Суражъ	«	—	1
Креславка	1	—	1
Усвятъ	1	—	1
	38	—	23
6. ВЛАДИМІРСКАЯ.			
Александровъ	5	—	4
Владиміръ	16	—	25
Вязники	7	—	3
Гавриловскій *посадъ*	1	—	2
Гороховецъ	2	—	1
Иваново *село*	10	—	3
Ковровъ	4	—	2
Меленки	«	—	1
Муромъ	11	—	12
Переславль-Залѣсскій	2	—	1
Покровъ	1	—	1
Судогда	4	—	4
Суздаль	4	—	1
Шуя	8	—	4
Юрьевъ-Польскій	8	—	5
Озяблиново	1	—	2
	84	—	71
7. ВОЛОГОДСКАЯ.			
Великій-Устюгъ	1	—	»
Вельскъ	1	—	»
Верховажскій *посадъ*	1	—	»
Вологда	13	—	12
Грязовецъ	«	—	1
Кадниковъ	1	—	»
Никольскъ	1	—	1
Сольвычегодскъ	1	—	»
Тотьма	2	—	3
Усть-Сысольскъ	2	—	2
Яренскъ	2	—	1
Шенкурскъ	2	—	»
	27	—	20

8. ВОЛЫНСКАЯ.

	въ 1860		въ 1859
Дубно	1	—	2
Житоміръ	13	—	13
Заславль	2	—	1
Ковель	«	—	2
Кременецъ	1	—	«
Луцкъ	2	—	«
Новоградъ-Волынскъ	1	—	2
Острогъ	3	—	1
Ровно	2	—	2
Староконстантиновъ	3	—	2
	28	—	25

9. ВОРОНЕЖСКАЯ.

Бирючъ	4	—	3
Бобровъ	10	—	7
Богучаръ	3	—	4
Бутурлинская	1	—	2
Валуйки	9	—	6
Воронежъ	29	—	32
Задонскъ	6	—	4
Землянскъ	3	—	3
Коротоякъ	4	—	4
Нижнедѣвицкъ	7	—	4
Новохоперскъ	7	—	6
Острогожскъ	9	—	10
Павловскъ	6	—	3
	98	—	86

10. ВЯТСКАЯ.

Воткинскій зав.	1	—	1
Вятка	9	—	12
Глазовъ	2	—	1
Елабуга	1	—	1
Ижевскій зав	2	—	1
Котельничъ	3	—	1
Малмыжъ	5	—	4
Нолинскъ	2	—	2
Орловъ	3	—	1
Павловскій зав.	1	—	1
Сарапулъ	3	—	2
Слободской	6	—	4
Уржумъ	4	—	1
Яранскъ	2	—	1
	44	—	33

11. ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ.

	въ 1960		въ 1859
Николаевскъ на Амурѣ	2	—	1
Благовѣщенскъ на Амурѣ	2	—	«
	4	—	1

12. ГРОДНЕНСКАЯ.

Брестъ-Литовскъ	5	—	5
Бѣльскъ	2	—	1
Бялостокъ	2	—	2
Волковыскъ	1	—	»
Гродно	8	—	5
Дрогичинъ *ст.*	«	—	1
Кобринъ	1	—	»
Пружаны	»	—	2
Слонимъ	2	—	2
	21	—	18

13. ДЕРБЕНТСКАЯ.

Ахты *отд*	2	—	1
Дашлагарская	5	—	«
Дербентъ	1	—	4
Куба	1	—	2
Темиръ-Ханъ-Шура	15	—	9
Кусары	2	—	2
	26	—	18

14 ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАЯ.

Александровскъ	13	—	18
Бахмутъ	23	—	18
Благодатное *ст*	2	—	2
Верхнеднѣпровскъ	14	—	23
Екатеринославъ	31	—	48
Ивановская *отд*	4	—	«
Луганскій зав.	12	—	9
Маріуполь	3	—	3
Нахичевань на Дону *отд.*	1	—	2
Неенбургъ *отд*	«	—	1
Никополь	8	—	5
Новомосковскъ	8	—	14
Павлоградскъ	13	—	17
Ростовъ на Дону	13	—	12
Славеносербскъ новый	3	—	4
Славянка	11	—	12
Таганрогъ	36	—	23
Буняковская	1	—	,,
	196	—	211

15. ЕНИСЕЙСКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Ачинскъ	1	1
Енисейскъ	17	15
Канскъ	«	4
Каргино *ст*	6	2
Красноярскъ	12	12
Минусинскъ	1	3
Туруханскъ *отд.*	1	1
	38	38

16. ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ.

	въ 1860	въ 1859
Верхнеудинскъ	4	1
Нерчинскъ	4	3
Нерчинскій зав	1	2
Петровскій желѣз. зав	1	«
Селенгинскъ	2	3
Чита	7	4
Шелопугино	1	«
	20	13

17. ЗЕМЛЯ ВОЙСКА ДОНСКАГО.

	въ 1860	въ 1859
Аксайская	3	3
Ведерниковская	1	1
Казанская	3	1
Каменская	2	2
Назаровская	1	,,
Нижнечирская	2	1
Новопавловка сл.	1	4
Новочеркаскъ	49	35
Ольховый-Рогъ *ст*	6	3
Полтавская *отд*	2	1
Русская *ст.*	,,	2
Урюпинская *отд.*	7	4
Усть-Медвѣдицкая	7	3
	84	60

18. ЗЕМЛЯ ВОЙСКА УРАЛЬСКАГО.

	въ 1860	въ 1859
Гурьевъ	2	1
Уральскъ	3	1
	5	2

19. З. В. ЧЕРНОМОРСКАГО.

	въ 1860	въ 1859
Ейскъ	3	1
Екатеринодаръ	16	7
Уманская *отд.*	2	,,
Челбашская	1	1
	22	9

20. ИРКУТСКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Иркутскъ	41	37
Киренскъ	1	1
Кяхта	15	14
Нижнеудинскъ	3	1
Нохтуйская *отд*	5	5
Петрозаводская *отд.*	,,	1
Троицкосавскъ	2	,,
	67	59

21. КАЗАНСКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Казань	51	41
Козмодемьянскъ	3	1
Лаишевъ	6	1
Мамадышъ	1	1
Свіяжскъ	2	3
Спаскъ	3	5
Тетюши	2	3
Царевококшайскъ	2	1
Цивильскъ	1	1
Чебоксары	3	2
Чистополь	11	9
Ядринъ	1	1
	86	69

22. КАЛУЖСКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Александровскій хут. *отд*	3	3
Боровскъ	2	,,
Жиздра	2	2
Калуга	24	15
Козельскъ	3	4
Лихвинъ	2	4
Малоярославецъ	4	5
Медынь	3	4
Мещовскъ	3	7
Мосальскъ	5	2
Перемышль	3	1
Серпейскъ *отд*	,,	1
Сухиничъ	1	2
Таруса	1	1
Крюковская	1	,,
	60	51

23. КІЕВСКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Бердичевъ	4	3
Бѣлая церковь	2	2
Васильковъ	,,	2
Звенигородка	3	4
Каневъ	3	2
Кіевъ	65	47
Липовецъ	1	,,
Радомыслъ	5	3
Ружинъ *ст*	»	1
Сквира	11	1
Смѣла *отд*	13	8
Таращa	9	9
Умань	13	2
Черкасы	5	3
Чигиринъ	4	5
Тальное	4	3
Шпола	1	1
Богуславъ	1	»
	133	96

24. КОВЕНСКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Вилькомиръ	1	,,
Ковно	9	5
Новый Дворъ	2	,,
Россіены	3	,,
Таурогенъ	,,	4
Тельшъ	,,	1
Шавли	2	2
Юрбургъ	1	,,
	18	12

25. КОСТРОМСКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Буй	2	,,
Варнавинъ	,,	1
Ветлуга	2	,,
Галичъ	7	5
Кинешма	6	5
Кологривъ	1	,,
Кострома	23	17
Лухъ	1	,,
Макарьевъ *на Унжѣ*	4	2
Нерехта	8	6
Плесъ	4	4
Пучежъ-посадъ	1	,,
Солигаличъ	4	2
Судиславъ	1	1
Чухлома	1	2
Юрьевъ-Повольскій	,,	1
Воропье	1	,,
	68	47

26. КУРЛЯНДСКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Гагенпотъ	,,	1
Гольдингенъ	1	,,
Гробинъ *отд*	1	,,
Либава	1	2
Митава	8	4
Полангенъ	,,	1
	11	9

27. КУРСКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Бѣлгородъ	11	9
Грайворонъ	2	1
Дмитріевъ *на Сванѣ*	8	7
Короча	3	3
Курскъ	39	32
Льговъ	8	9
Мирополье	2	1
Новый-Осколъ	8	3
Обоянь	4	5
Путивль	4	4
Рыльскъ	11	10
Старый-Осколъ	8	5
Суджа	14	8
Тимъ	2	2
Фатежъ	8	3
Щигры	8	9
	140	111

28. КУТАИССКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Ахалцыхъ	1	,,
Кутаисъ	4	2
Озургеты *отд*	1	,,
Редутъ	1	,,
	7	2

29. ЛИФЛЯНДСКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Венденъ	1	,,
Дерптъ	3	4
Перновъ	1	,,
Рига	9	6
	14	10

30. МИНСКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Бобруйскъ	1	5
Борисовъ	1	1
Лоевъ	2	1
Минскъ	5	1
Новогрудокъ	1	2
Рѣчица	1	2
Слуцкъ	3	1
	14	16

31. МОГИЛЕВСКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Гомель	2	4
Горы-Горки *ст*	3	,,
Копысь	1	1
Кричевъ	1	,,
Могилевъ	12	9
Мстиславль	3	2
Орша	4	,,
Рогачевъ	4	3
Старый-Быховъ	1	1
Толочинъ *ст*	1	1
Чаусы	2	,,
Чериковъ	3	3
Шкловъ	1	1
Чечерскъ	2	3
	40	28

32. МОСКОВСКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Богородскъ	5	2
Бронницы	6	6
Верея	2	,,
Волоколамскъ	6	4
Воскресенскъ	1	,,
Дмитровъ	8	8
Звенигородъ	1	,,
Клинъ	5	5
Коломна	8	4
Можайскъ	4	4
Москва	482	622
Подольскъ	2	2
Руза	5	3
Сергіевскій посадъ	7	4
Серпуховъ	19	16
	561	680

33. НИЖЕГОРОДСКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Абрамово	,,	1
Ардатовъ	4	3
Арзамасъ	8	4
Балахна	6	4
Василь	1	2
Горбатовъ	3	1
Княгининъ	6	2
Лукояновъ	2	,,
Лысково	3	1
Макарьевъ	,,	1
Нижній-Новгородъ	25	21
Павлово село *отд.*	2	3
Починки	2	,,
Семеновъ	3	3
Сергачъ	5	4
	70	50

34. НОВГОРОДСКАЯ

	въ 1860	въ 1859
Боровичи	5	3
Бронницы ямъ	4	2
Бѣлозерскъ	3	1
Валдай	2	2
Валдайская ст. ж. дор. *отд.*	1	,,
Демянскъ	3	2
Кириловъ	1	2
Крестцы	1	2
Новгородъ	8	9
Сомина пристань	3	3
Спасская полисть *ст.*	3	3
Старая Руса	5	5
Тихвинъ	7	2
Устюжина	3	4
Череповецъ	2	1
Медвѣдь село	4	1
Веребье	1	,,
Буреги	1	,,
	56	42

35. ОЛОНЕЦКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Вытегра	4	3
Олонецъ	1	,,
Петрозаводскъ	10	5
Повѣнецъ	1	,,
Пудожъ	,,	1
	16	9

36. ОРЕНБУРГСКАЯ.

	въ 1860		въ 1859
Белебей	1	—	2
Бирскъ	2	—	1
Верхнеуральскъ	2	—	2
Златоустовскій зав	4	—	2
Илецкая защита кр. *ст.*	«	—	1
Мензелинскъ	4	—	2
Маіскій заводъ *ст.*	1	—	3
Оренбургъ	39	—	32
Орскъ	3	—	1
Стерлитамакъ	11	—	5
Троицкъ	2	—	1
Уфа	16	—	11
Челябинскъ	3	—	2
	88	—	65

37. ОРЛОВСКАЯ.

	въ 1860		въ 1859
Болховъ	10	—	3
Брянскъ	5	—	5
Дмитровскъ	3	—	3
Елецъ	16	—	11
Карачевъ	10	—	7
Кромы	10	—	5
Ливны	14	—	9
Малоархангельскъ	5	—	5
Мценскъ	6	—	4
Орелъ	40	—	34
Сѣвскъ	5	—	3
Трубчевскъ	4	—	3
	128	—	92

38. ПЕНЗЕНСКАЯ.

	въ 1860		въ 1859
Городище	1	—	3
Инсаръ	1	—	1
Керенскъ	3	—	3
Краснослободскъ	7	—	3
Мокшанскъ	3	—	»
Нѣровчатъ	3	—	2
Нижній-Ломовъ	6	—	4
Пенза	37	—	30
Саранскъ	7	—	10
Чембаръ	3	—	7
Исса	1	—	«
	72	—	63

39. ПЕРМСКАЯ.

	въ 1860		въ 1859
Билимбаевскъ	3	—	2
Богословскій заводъ	3	—	1
Веретія *отд.*	1	—	1
Верхотурье	1	—	3
Екатеринбургъ	24	—	21
Ирбить	1	—	«
Каменскій зав. *отд.*	2	—	«
Камышловъ	1	—	1
Красноуфимскъ	1	—	1
Кунгуръ	6	—	6
Кушвинскій зав	8	—	3
Невьянскій зав	3	—	3
Ниже-Тагильскій зав	1	—	1
Оханскъ	1	—	»
Пермь	16	—	16
Соликамскъ	2	—	1
Чердынь	1	—	»
Шадринскъ	5	—	3
	80	—	53

40. ПОДОЛЬСКАЯ.

	въ 1860		въ 1859
Балта	3	—	3
Меджибожъ	2	—	»
Винница	1	—	2
Гайсинъ	4	—	2
Каменецъ-Подольскъ	14	—	13
Тульчинъ	3	—	1
Летичевъ	2	—	3
Литинъ	1	—	»
Могилевъ *на Днѣстрѣ*	5	—	4
Ольгополь	2	—	3
Немировъ	3	—	«
Ушица	1	—	»
Хмѣльникъ	1	—	2
	42	—	33

41. ПОЛТАВСКАЯ.

	въ 1850	въ 1859
Борисполь *ст.*	1	2
Буняковская *ст*	1	»
Гадячь	»	3
Градижскъ	4	3
Золотоноша	12	15
Зѣньковъ	9	7
Кобеляки	6	7
Константиноградъ	14	13
Кременчугъ	26	22
Лохвица	6	4
Лубны	8	8
Миргородъ	8	8
Переяславъ	3	2
Пирятинъ	13	7
Полтава	47	40
Прилуки	11	20
Ромны	17	13
Хороль	13	10
Яготинская *ст.*	6	4
	205	188

42. ПСКОВСКАЯ.

	въ 1850	въ 1859
Великіе-Луки	6	3
Дуловка	1	1
Новоржевъ	4	4
Опочка	5	4
Островъ	9	2
Порховъ	18	12
Псковъ	16	14
Сольцы — посадъ	2	1
Торопецъ	9	2
Холмъ	6	10
	76	53

43. РЯЗАНСКАЯ.

	въ 1850	въ 1859
Данковъ	6	4
Егорьевскъ	1	2
Зарайскъ	11	13
Касимовъ	9	8
Михайловъ	4	1
Пронскъ	3	»
Раненбургъ	6	3
Ряжскъ	12	7
Рязань	17	21
Сапожокъ	4	3
Скопинъ	»	1
Спаскъ	4	4
Суйская ст	2	,,
Гавриловская ст.	1	1
	81	68

44. САМАРСКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Бугульма	6	3
Бугурусланъ	2	1
Бузулукъ	4	3
Кичуй *отд*	1	2
Николаевскъ	3	2
Новый-Узень	»	1
Самара	22	15
Ставрополь	4	3
	42	30

45. С. ПЕТЕРБУРГСКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Гатчино	5	«
Гдовъ	1	2
Красное село *ст.*	2	2
Кронштадтъ	16	15
Луга	5	6
Нарва	4	2
Новая Ладога	3	5
Петергофъ	3	2
Усть Ижора	1	»
Черковицы *ст.*	3	3
Ямъ Ижора	1	»
Ямбургъ	3	1
Каськово	1	1
	48	45
С. Петербургъ	1628	1274

46. САРАТОВСКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Аткарскъ	7	4
Балашевъ	10	13
Вольскъ	10	4
Дубовка посадъ	3	1
Камышинъ	11	9
Каменкеръ	1	1
Кузнецкъ	9	9
Петровскъ	10	12
Саратовъ	52	37
Сердобскъ	8	6
Хвалынскъ	5	6
Царицынъ	2	3
	128	105

47. СЕМИПАЛАТ. ОБЛАСТЬ.

	въ 1860	въ 1859
Аягузъ	»	1
Вѣрное	2	»
Кокбетагъ	1	»
Копалъ	2	1
Семипалатинскъ	4	3
Усть-Бухтарминская	»	1
Усть-Каменогорская	1	1
	10	7

48. СИМБИРСКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Алатырь	6	5
Ардатовъ	4	4
Буинскъ	1	2
Корсунь	8	3
Красносельская *ст.*	2	2
Курмышъ	3	1
Промзино-городище	2	«
Сенгилей	2	«
Симбирскъ	27	26
Сызрань	8	7
Теренгульская *ст.*	2	2
Юрловская *ст.*	3	3
	68	55

49. СМОЛЕНСКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Бѣлый	5	7
Вязьма	11	6
Гжатскъ	5	4
Дорогобужъ	8	4
Духовщина	4	4
Ельня	2	3
Красный	1	1
Порѣчье	7	2
Рославль	7	9
Смоленскъ	18	17
Сычевка	2	2
Юхновъ	4	2
Софiйская *ст.*	2	»
	76	61

50. СТАВРОПОЛЬСКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Ардонская ст. *отд.*	5	3
Владикавказъ	17	21
Воздвиженская	4	4
Георгiевскъ	1	«
Грозная	10	«
Кизляръ	9	7
Кисловодскъ *отд.*	«	1
Моздокъ	2	6
Нальчикъ	1	1
Прочный-Окопъ	2	1
Пятигорскъ	4	4
Ставрополь	40	24
Усть-Лабинская *отд.*	9	8
Шелкозаводская *ст.*	2	2
Хосавъ Юртъ	8	8
Червленная	2	1
Николаевка	7	2
Екатериноградъ	1	,,
	124	94

51. ТАВРИЧЕСКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Алешки	1	4
Алушта	«	2
Бахчисарай	1	1
Бердянскъ	5	6
Геническъ	4	1
Евпаторiя	9	2
Карасубазаръ	3	1
Каховка *отд.*	3	3
Керчь	28	12
Мелитополь	9	2
Ногайскъ *ст.*	1	
Орѣховъ	9	14
Перекопъ	6	5
Севастополь	6	4
Симферополь	32	26
Феодосiя	4	9
Ялта	4	2
Гольбштадтъ	1	1
	126	95

52. ТАМБОВСКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Борисоглѣбскъ	6	,,
Елатьма	2	2
Кадомъ	2	2
Кирсановъ	15	14
Козловъ	5	8
Коргошино ст.	2	2
Лебедянь	3	3
Липецкъ	6	8
Моршанскъ	7	7
Спасскъ	2	,,
Тамбов	39	33
Темниковъ	1	3
Усмань	6	8
Шацкъ	13	8
	109	98

53. ТВЕРСКАЯ:

	въ 1860	въ 1859
Бѣжецкъ	10	7
Весьегонскъ	2	2
Вышній-Волочекъ	12	7
Зубцевъ	3	2
Калязинъ	6	5
Кашинъ	5	3
Корчева	2	2
Красный-Холмъ	1	3
Осташковъ	6	5
Осташков. ст. ж. д.	2	2
Ржевъ	11	12
Старица	8	5
Тверь	23	9
Торжокъ	10	12
Тверская ст.	1	,,
	102	76

54. ТИФЛИСКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Бѣлый Ключъ	4	3
Гомборы	1	1
Гори	1	2
Манглисъ	2	1
Душетъ отд.	1	1
Елисаветполь	1	,,
Закаталы *отд.*	3	2
Ишкарты	1	,,
Пасанауръ *отд*	1	,,
Сигнахъ *отд*	2	1
Телавъ	5	5
Тифлисъ	52	44
Царскіе-Колодцы	7	9
	80	69

55. ТОБОЛЬСКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Березовъ	1	,,
Ишимъ	1	3
Коряково	,,	1
Омскъ	19	16
Тара	1	1
Тобольскъ	12	5
Тюмень	5	,,
Ялуторовскъ	2	1
Петропавловскъ	2	1
	43	28

56. ТОМСКАЯ:

	въ 1860	въ 1859
Барнаулъ	18	9
Зміиногор. рудникъ	1	2
Каинскъ	1	1
Кузнецкъ	1	1
Томскъ	19	13
	40	26

57. ТУЛЬСКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Алексинъ	7	,,
Богородицкъ	6	5
Бѣлевъ	7	12
Веневъ	10	8
Ефремовъ	14	,,
Каширъ	5	2
Крапивна	3	6
Новосиль	4	8
Одоевъ	10	4
Сергіевское село	3	3
Тула	38	29
Чернь	6	7
Епифань	7	7
	120	91

58. ХАРЬКОВСКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Ахтырка	10 —	7
Богодуховъ	7 —	3
Бѣлополье *ст*	3 —	1
Валки	11 —	7
Волчанскъ	12 —	8
Змiевъ	10 —	6
Изюмъ	11 —	10
Купянскъ	8 —	7
Лебединъ	10 —	10
Ново-Екатеринославъ	11 —	7
Славянскъ	10 —	14
Старобѣльскъ	10 —	11
Сумы	21 —	10
Харьковъ	85 —	76
Чугуевъ	10 —	12
	229 —	189

59. ХЕРСОНСКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Александрiя	13 —	5
Ананьевъ	15 —	10
Бобринецъ	19 —	15
Вознесенскъ	12 —	12
Григорiополь ст	2 —	3
Дубоссары	2 —	,,
Елисаветградъ	15 —	17
Николаевъ	23 —	15
Новая-Прага	13 —	9
Нововоронцов. *отд*	7 —	4
Новогеоргiевскъ	6 —	5
Новомиргородъ	24 —	25
Одесса	114 —	94
Ольвiополь	4 —	2
Тирасполь	5 —	4
Херсонъ	15 —	12
Янинская *отд*	4 —	4
	293 —	236

60. ЧЕРНИГОВСКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Батуринъ	2 —	2
Борзна	3 —	2
Глуховъ	8 —	9
Городня	4 —	4
Добрянка *отд.*	1 —	,,
Климовъ	1 —	1
Клинцы посадъ	1 —	1
Козелецъ *отд*	6 —	5
Конотопъ	10 —	8
Кролевецъ	4 —	1
Мглинъ	3 —	2
Новгородъ-Сѣверскъ	7 —	8
Новозыбковъ	7 —	14
Нѣжинъ	15 —	0
Остеръ	1 —	1
Погаръ	6 —	5
Почепъ *м.*	3 —	2
Сосница	9 —	5
Стародубъ	5 —	5
Суражъ	1 —	2
Черниговъ	22 —	15
Гадячь	4 —	,,
	122 —	[illegible]

61. ШЕМАХИНСКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Баку	5 —	2
Ленкорань	1 —	,,
Нуха	2 —	1
Сальяны *отд.*	1 —	1
Шемаха	1 —	3
Шуша	4 —	4
	14 —	10

62. ЭРИВАНСКАЯ.

	въ 1860	въ 1859
Александрополь	3 —	[illegible]
Нахичевань	2 —	1
Новобаязетъ *отд.*	1 —	,,
Эривань	4 —	2
	10 —	4

	въ 1860	въ 1859
63. ЭСТЛЯНДСКАЯ.		
Гапсаль	1	,,
Ревель	5	5
	6	5
64. ЯКУТСКАЯ ОБЛАСТЬ.		
Верхоянскъ	1	1
Олекминскъ	1	1
Якутскъ	1	1
	3	3
65. ЯРОСЛАВСКАЯ:		
Даниловъ	5	2
Любимъ	2	2
Молога	7	5
Мышкинъ	3	4
Романовъ Борисог.	3 — въ 1860 г.	
Пошехонье	2	2
Ростовъ	3	10
Рыбинскъ	11	11
Угличъ	4	4
Ярославль	35	30
	72	70

ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ.

	въ 1860	въ 1859
66 АВГУСТОВСКАЯ.		
Августовъ	,,	1
Граево	,,	1
Кальварія	,,	1
Сувалки	2	,,
	2	3
67. ВАРШАВСКАЯ,		
Варшава	42	30
Велюнь	1	»
Иванъ-Городъ	1	,,
Кошица	1	,,
Ловичъ	,,	1
Минскъ	,,	1
Седльце	1	,,
Сѣраздь	1	1
	47	33
68. ЛЮБЛИНСКАЯ:		
Желеховъ	1	1
Замость	2	1
Красноставъ	1	1
Люблинъ	3	2
Михаловеца	1	,,
Ополье	1	1
Томашевъ	1	1
	10	7
69. ПЛОЦКАЯ.		
Новогеоргіевская кр.	1	1
Плоцкъ	1	,,
Пржаснышъ	1	,,
	3	1
70. РАДОМСКАЯ.		
Завихость	1	1
Сташевъ	1	1
Кельцы	1	1
Радомъ	2	,,
Сандомержъ	1	,,
	6	3

В. КН. ФИНЛЯНДСКОЕ.

	въ 1860	въ 1859
71. ВЫБОРГСКАЯ		
Вильманстрандъ	1	1
Выборгъ	,,	1
Фридрихсгамъ	1	1
	2	3
72. ГЕЛЬСИНГФОРСКАЯ.		
Борго	1	1
Гельсингфорсъ	1	,,
	2	1
73. ТАВАСТГУСКАЯ.		
Тавастгусъ	1	,,
	1	,,
74. ЗА ГРАНИЦУ.	18	21
Всего	6598	5500

Въ 1859 году расходилось до 5,500 экземпляровъ «Современника», въ 1860 г. — до 6,600, — въ одинъ годъ увеличеніе простиралось до 20%. Чему приписывать это главнымъ образомъ? Увеличенію ли въ публикѣ любви собственно къ нашему журналу? Самолюбіе конечно заставляло бы насъ приписывать важнѣйшее вліяніе этому обстоятельству; но мы имѣемъ основаніе полагать, что общее число печатаемыхъ экземпляровъ всѣхъ журналовъ и газетъ въ сложности значительно возрасло въ 1860 г. сравнительно съ 1859, какъ и въ 1859 сравнительно съ предшествовавшимъ годомъ, и такое возрастаніе постоянно идетъ съ 1855 года. Поэтому мы готовы часть увеличенія числа читателей нашего журнала отнести къ дѣйствію общаго хода литературы, которая постепенно становилась въ послѣдніе годы болѣе и болѣе достойною вниманія публики, и вслѣдствіе того находила для себя все большій и большій кругъ публики.

Къ сожалѣнію, при составленіи списка 1859 года мы еще не имѣли по городу Москвѣ свѣдѣній, которыя были въ нашемъ распоряженіи за прошлый годъ. Въ спискѣ 1859 г. мы не могли отдѣлить экземпляровъ, получаемыхъ московскими книгопродавцами для пересылки въ провинціи, отъ экземляровъ, получаемыхъ самимъ городомъ Москвою. Потому цифра экземпляровъ 1859 года, выставленная противъ Москвы, была гораздо больше количества получавшагося для самой Москвы, а по многимъ провинціямъ число было меньше дѣйствительно получавшагося, оттого что часть получавшихся тамъ экземпляровъ, пересылавшихся туда изъ Москвы, была отнесена къ Москвѣ. Въ спискѣ за 1860 годъ эта неточность исправлена; но она отнимаетъ у насъ теперь возможность сравнивать цифры 1859 и 1860 годовъ по каждой губерніи и уѣзду. Сличеніе ихъ остается пока предметомъ любопытства, но не можетъ служить основаніемъ для статистическихъ выводовъ. Для выводовъ надобно ограничиваться цифрами одного 1860 года.

Чтобы заключенія наши имѣли основаніе, достаточно широкое, мы попробуемъ собрать губерніи въ нѣсколько группъ, составляемыхъ ими по сходству мѣстныхъ или племенныхъ отношеній; при цифрахъ экземпляровъ, получавшихся въ каждой группѣ губерній, мы поставимъ количество ея населенія въ крутыхъ цифрахъ:

I. Сѣверо-западный Великорусскій край.

Губерніи: Новгородская, Олонецкая, Псковская, С.-Петербургская (за исключеніемъ города Петербурга) и Смоленская

1860 г.	Населеніе.
272	3,500,000

II. Литва.

Губерніи: Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская, Могилевская

1860 г.	Населеніе.
154	5,250,000

III. Малороссія.

Губерніи: Волынская, Кіевская, Подольская, Полтавская, Харьковская, Черниговская

1860 г.	Населеніе.
759	9,500,000

IV. Новороссія и Крымъ.

Область Бессарабія, губерніи: Екатеринославская, Ставропольская, Таврическая, Херсонская

1860 г.	Населеніе.
820	4,100,000

V. Область, лежащая между Малороссіею и Приволжскимъ краемъ.

Губерніи: Воронежская, Земля Войска Донскаго, Курская, Орловская, Пензенская, Тамбовская

1860 г.	Населеніе.
631	9,000,000

VI. Подмосковная область.

Губерніи: Владимірская, Калужская, Костромская, Московская (за исключеніемъ города Москвы), Рязанская, Тверская, Тульская, Ярославская

1860 г.	Населеніе.
666	9,400,000

VII. Нижнее Приволжье.

Губерніи: Астраханская, Казанская, Нижегородская, Самарская, Саратовская, Симбирская

1860 г.	Населеніе.
420	7,300,000

VIII. Сѣверо-восточный край.

Губерніи: Архангельская, Вологодская, Вятская, Земля Войска Уральскаго, Оренбургская, Пермская

1860 г.	Населеніе.
258	7,150,000

IX. Сибирь.

Восточная Сибирь, губернія Енисейская, область Забайкальская, губерніи: Иркутская, Семипалатинская (обл.), Тобольская, Томская, Якутская

1860 г.	Населеніе.
221	3,050,000

X. Кавказъ.

Губернія Дербентская, Земля Войска Черноморскаго, губерніи: Кутаисская, Тифлисская, Шемахинская, Эриванская

1860 г.	Населеніе.
158	2,300,000

XI, XII, XIII и XIV. Царство Польское, Остзейскія губерніи, Финляндія и заграничныя земли 122 экз.

Изъ этихъ округовъ нѣкоторые разграничены отъ другихъ очень естественно и правильно, — напримѣръ Литва, Новороссія съ Крымомъ, Сѣверовосточный Край, Сибирь, Кавказъ. Другіе округи сгруппированы нами теперь только по предположенію, но кажется, что дальнѣйшая разработка литературной статистики подтвердитъ сдѣланное нами предположеніе о сходствѣ духовнаго развитія или направленія въ составляющихъ эти округа губерніяхъ; таковы: Сѣверозападный Великорусскій Край и Подмосковная область. Но мы не знали, какъ намъ распредѣлить губерніи, лежащія между Малороссіею и Приволожскимъ краемъ, изъ которыхъ мы составили отдѣльный округъ. Отнести Пензенскую и Тамбовскую губерніи къ нижнему Приволожью было бы на первый разъ слишкомъ смѣло, точно такъ же, какъ отнести Орловскую губернію къ подмосковьямъ. Современемъ вѣроятно окажется, что губерніи Воронежская и Курская вмѣстѣ съ Землею Войска Донскаго должны быть по направленію духовной жизни раздѣлены между Малороссіею и Нижнимъ Приволжьемъ, къ которому вполнѣ примкнутъ губерніи Пензенская и Тамбовская; а губернія Орловская примкнетъ одною

частью къ округу, въ которомъ будутъ находиться Черниговъ съ частями Курской и Воронежской губерній, другая же часть Орловской губерніи обнаружитъ подмосковный характеръ. Малорусскій округъ кажется составленъ изъ губерній, совершенно одинаковыхъ по массѣ населенія, но губерніи Волынская и Подольская еще находятся подъ преобладаніемъ духовной жизни, различной по своему направленію отъ стремленій, уже высоко развившихся въ другихъ малорусскихъ губерніяхъ, — доказательство тому мы увидимъ въ слѣдующемъ фактѣ.

По числу населенія губерніи Волынская и Подольская составляютъ цѣлую треть всего малорусскаго округа; но число получавшихся въ этихъ губерніяхъ экземпляровъ «Современника», едва составляло одну десятую часть всего числа экземпляровъ, получавшихся въ малорусскомъ округѣ. Вотъ цифры.

	1860	населеніе
Губерніи Волынская и Подольская . . .	70	4,200,000
Губерніи Кіевская, Полтавская, Харьковская и Черниговская	689	6,300,000

Эту разницу мы никакъ не приписываемъ тому, чтобы малороссы Подольской и Волынской губерній имѣли больше предпочтенія къ другимъ русскимъ журналамъ, а малороссы остальныхъ четырехъ губерній болѣе предпочтенія къ «Современнику»; скорѣе слѣдуетъ думать, что отношеніе числа всѣхъ получаемыхъ русскихъ журналовъ въ Подольской и Волынской губерніяхъ къ числу получаемыхъ остальными четырьмя губерніями таково же, какъ показываютъ цифры «Современника». Видно, что духовная жизнь въ Подольской и Волынской губерніяхъ еще имѣетъ такой же характеръ, какъ въ литовскихъ. Дѣйствительно, пропорція подписчиковъ «Современника» къ общему числу населенія одинакова въ томъ и другомъ краю, — въ Волынско-Подольскомъ и Литовскомъ.

Оставляя въ сторонѣ губерніи, въ которыхъ преобладаетъ чтеніе книгъ на польскомъ языкѣ, сравнимъ округи, въ которыхъ публика читающая журналы принадлежитъ къ одному племени съ массою населенія. Беремъ округи: сѣверозападный великорусскій и новороссійскій. Въ новороссійскомъ округѣ на 4,000,000 населенія получалось 820 экземпляровъ «Современника», а въ сѣверозападномъ на 3,500,000 только 272,—по пропорціи новороссійскаго округа приходилось бы на сѣверозападный болѣе 700 экземпляровъ. Отчего такая разница? Мы не имѣемъ основаній думать, чтобы собственно «Современникъ», отдѣльный журналъ, былъ сравнительно съ другими журналами менѣе популяренъ въ сѣверозападной Великороссіи, чѣмъ

въ Новой Россіи; скорѣе слѣдовало бы ожидать, что другой центръ періодическихъ нашихъ изданій, Москва, имѣетъ на губерніи сосѣднія съ Петербургомъ меньшее вліянія, чѣмъ на югъ Россіи; что пропорція петербургскихъ журналовъ въ общемъ числѣ выписываемыхъ журналовъ значительнѣе въ петербургскомъ округѣ, чѣмъ въ новороссійскомъ. Оно вѣроятно такъ и есть, но видно, что общее количество получавшихся журналовъ гораздо менѣе по пропорціи къ населенію въ сѣверозападномъ краю, чѣмъ въ новороссійскомъ. Не знаемъ, справедливо ли было бы заключить изъ этого, что въ сѣверозападномъ краю слишкомъ мало любви къ чтенію, — быть можетъ собственно любви къ чтенію и не меньше въ немъ, но лишь образомъ меньше въ немъ средствъ удовлетворять этой любви, меньше въ немъ благосостоянія.

Другое дѣло—восточная и южная Россія (Европейская). Низовыя приволжскія губерніи (Астраханская, Самарская, Симбирская, Казанская и Нижегородская) конечно гораздо благостоятельнѣе губерній сѣверо-западнаго края (Олонецкой, Петербургской, за исключеніемъ г. Петербурга, Новгородской, Псковской и Смоленской). Но въ сѣверо-восточномъ краѣ на 3,500,000 жителей приходится 272 экземпляра «Современника», по 1 экземпляру на 13,000 жителей, а въ приволжскомъ краѣ на 7,300,000 жителей—420 экземпляровъ, т. е. по одному экземпляру на 17,000. Еще меньше пропорція въ сѣверо-восточномъ краю (губерніи Архангельская, Вологодская, Вятская, Оренбургская и Пермская), который едва ли уступаетъ благосостояніемъ приволжскому краю. Въ сѣверо-восточномъ краю на 7,150,000 населенія получалось только 258 экземпляровъ «Современника», т. е. по 1 экземпляру на 28,000 жителей. Если по другимъ журналамъ пропорція распредѣленія между разными странами Европейской Россіи такова же, какъ у «Современника», то оказывалось бы, что западная половина Россіи имѣетъ гораздо больше людей, чувствующихъ потребность читать, чѣмъ восточная половина. (Разумѣется, въ западной половинѣ надобно брать только тѣ губерніи, гдѣ въ образованномъ обществѣ господствуетъ русскій языкъ, — если въ Литвѣ и Волынско-Подольскомъ краѣ читается мало русскихъ книгъ, это потому, что лишь меньшинство образованнаго общества принадлежитъ тамъ къ русскому племени).

Изъ десяти округовъ Россійской Имперіи, принятыхъ нами, не всѣ могутъ служить основаніями для такого сравненія. Въ подмосковскомъ округѣ пропорція петербургскихъ журналовъ конечно меньше, чѣмъ въ другихъ; по общему счету всѣхъ получаемыхъ журналовъ округъ этотъ конечно оказался бы выше, чѣмъ по количеству экземпляровъ одного изъ петербугскихъ журналовъ. Наоборотъ, ко

-вечно происходитъ дѣло въ сѣверо-западномъ краю, гдѣ петербургскіе журналы по всей вѣроятности составляютъ болѣе значительную пропорцію, чѣмъ въ другихъ округахъ. На Кавказѣ руское общество имѣетъ такъ сказать военный и административный характеръ, а не характеръ туземный. Потому и число читателей на Кавказѣ очень велико по многочисленности русскихъ офицеровъ, служащихъ тамъ; а массу населенія, состоящую изъ грузинъ, армянъ и т. д. несправедливо было бы принимать нормою для сравненія съ русскими областями. О Литвѣ мы уже говорили. По той же причинѣ, по которой слѣдуетъ не вводить литовскія губерніи въ сравненіе съ другими русскими, слѣдуетъ въ малорусскомъ округѣ считать основаніемъ для сравненія только четыре губерніи (Кіевскую, Полтавскую, Харьковскую и Черниговскую), не считая губерній Волынской и Подольской. Такимъ образомъ у насъ остаются слѣдующія цифры:

	Число экземпляровъ «Современника», получавшихся въъ 1860 году.		Число населенія.		На 1 милліонъ населенія получалось экземпляровъ.
Новороссія.	820	—	4,100,000	—	200
Малороссія.	689	—	6,300,000	—	110
Страна между Малороссіею и нижнимъ Приволжьемъ	631	—	9,000,000	—	70
Низовыя поволжскія губерніи	420	—	7,300,000	—	57
Сѣверо-восточный край.	258	—	7,150,000	—	36
Сибирь	221	—	3,050,000	—	73

Мы видимъ въ этой таблицѣ правильное возрастаніе любви къ чтенію съ сѣверо-востока Европейской Россіи на юго-западъ.

По особенностямъ своей исторической судьбы Сибирь, никогда не знавшая крѣпостнаго права, получавшая изъ Россіи постоянный приливъ самаго энергическаго и часто самаго развитаго населенія, издавна пользуется славой, что стоитъ въ умственномъ отношеніи выше Европейской Россіи,—по нашимъ цифрамъ это подтверждается, если слишкомъ общее выраженіе—Европейская Россія мы замѣнимъ болѣе опредѣлительнымъ имепемъ Великороссія. Первое мѣсто занимаетъ Новороссійскій край, второе — Малороссія, третье — Сибирь, четвертое юго-западная часть Великороссіи, пятое мѣсто по всей вѣроятности занимаетъ центральная Великороссія (подмосковныя губерніи), далѣе слѣдуетъ юго-восточная Россія, наконецъ сѣверная европейская Россія.

Само собою разумѣется, что степень вѣрности этихъ выводовъ о разномъ развитіи любви къ чтенію въ разныхъ странахъ Русской Имперіи зависитъ оттого, въ какой мѣрѣ общія цифры распредѣленія журналовъ по губерніямъ соотвѣтствуютъ цифрамъ «Современника» и тѣмъ соображеніямъ, какія кажутся вѣроятными относительно разности между вліяніемъ двухъ главныхъ литературныхъ центровъ на разные края Россіи.

Возвращаясь отъ общихъ выводовъ къ подробностямъ, мы видимъ, что по числу получавшихся въ 1860 г. экземпляровъ «Современника» первое мѣсто занимала, какъ и въ 1859 г., Херсонская губернія (293); затѣмъ слѣдовали: Харьковская (229), Полтавская (205), Екатеринославская (196), Курская (140), Кіевская (133), Орловская и Саратовская (по 128), Таврическая (126), Ставропольская (124), Черниговская (122), Тульская (120), Тамбовская (109), Тверская (102).

Представимъ въ алфавитномъ порядкѣ списокъ городовъ, имѣющихъ по календарю болѣе 25,000 жителей, съ обозначеніемъ числа экземпляровъ «Современника», получавшихся ими въ 1860 г.

	Число жителей	1860 г.	1859 г.
Астрахань	35,000	23	19
Бердичевъ	50,000	4	3
Варшава	50,000	42	30
Вильно	45,600	18	11
Воронежъ	38,000	29	32
Житоміръ	29,000	13	13
Иркутскъ	25,000	41	37
Казань	56,000	51	41
Калуга	31,000	24	15
Кишиневъ	63,000	37	19
Кіевъ	62,000	65	47
Курскъ	40,000	39	32
Минскъ	25,000	5	5
Нижній-Новгородъ	36,000	25	21
Николаевъ (Херсонскій)	44,000	23	15
Одесса	101,000	114	94
Орелъ	35,000	40	34
Рига	70,000	9	6
Саратовъ	62,000	52	37
Симбирскъ	26,000	25	26

Симферополь	26,000	—	32	—	26
Тифлисъ	38,000	—	52	—	44
Тула	50,000	—	38	—	29
Харьковъ	31,000	—	85	—	76
Ярославль	30,000	—	30	—	35

Кромѣ этихъ городовъ, въ слѣдующихъ не вошедшихъ въ этотъ списокъ городахъ выписывалось болѣе 20 экземпляровъ «Современника» въ 1860 г.

	1860 г.	1859. г.		1860 г.	1859 г.
Бахмутъ.	23 —	18	Полтава	47 —	40
Екатеринославъ. . . .	31 —	48	Самара.	22 —	15
Таганрогъ.	36 —	23	Ставрополь	40 —	24
Новочеркасскъ	49 —	35	Керчь	28 —	12
Кострома	23 —	17	Тамбовъ	39 —	33
Оренбургъ	39 —	32	Тверь	23 —	9
Пенза	37 —	30	Сумы	21 —	10
Екатеринбургъ	24 —	21	Новоміргородъ	24 —	25
Кременчугъ.	26 —	22	Черниговъ	22 —	15

Прилагаемое письмо получено нами три мѣсяца тому назадъ,— просимъ извиненія у почтеннаго автора, что довольно долго оставалось оно ненапечатаннымъ: намъ показалось, что самое лучшее мѣсто для доставляемыхъ имъ свѣдѣній будетъ—рядомъ съ статьею, подобною той, какая вызвала его. Вотъ оно:

«Современникъ», въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ 1860 года, исчислилъ сколько у него подписчиковъ въ каждомъ городѣ. При этомъ онъ выказалъ желаніе, чтобы и прочіе русскіе журналы и газеты сдѣлали тоже. «Современникъ» хотѣлъ этого для того, чтобы по числу выписываемыхъ періодическихъ изданій можно было, хотя приблизительно, судить о степени просвѣщенія города или уѣзда. На его приглашеніе до сихъ поръ никто не отозвался. По моему, вѣрнѣе собрать въ каждомъ городѣ въ почтовой конторѣ свѣ-

дѣніе: какія и въ какомъ числѣ получаются періодическія изданія, и тогда, принявши въ соображеніе мѣстныя обстоятельства и положеніе выписывающихъ, можно съ большею вѣроятностію судить о просвѣщеніи жителей города или уѣзда.

«Начинаю съ Керчи,—быть можетъ моему примѣру послѣдуютъ и другіе. Вотъ предъ вами довольно длинный списокъ журналовъ и газетъ, получаемыхъ въ Керчи — взгляните, каковъ итогъ? И все это количество выписываютъ чиновники военные и гражданскіе и небольшая часть купцовъ!!... Не удивительно, если помѣщики въ какомъ нибудь уѣздѣ, какъ напримѣръ въ Новомосковскомъ, по указанію «Современника», получаютъ много журналовъ: они имѣютъ и много средствъ. Выписывать періодическія изданія, удѣляя на это отъ избытковъ, не значитъ еще, что безъ нихъ мы не можемъ обойтись; но кто на книги употребляетъ часть скуднаго жалованья, для того онѣ также необходимы, какъ пища. Это можно сказать о чиновникахъ вообще; о керченскихъ же я могу прибавить, не оскорбляя ихъ скромности, что они, равно какъ и прочіе жители Керчи, стоятъ выше другихъ. Разоренные войной и едва кое-какъ устроившіеся Монаршимъ вспомоществованіемъ, они, какъ видите, выписываютъ, по числу ихъ, очень много журналовъ и газетъ, на сумму 3359 р. 20 к., составили общественную библіотеку для чтенія и стараются объ учрежденіи гимназіи на собственный счетъ. Развѣ это не отрадное явленіе? развѣ это не просвѣщеніе, или по крайней мѣрѣ любовь къ нему, стремленіе стать въ уровень съ временемъ, съ требованіями его?...

«Вѣрьте же послѣ этого общему мнѣнію, что чиновники по городамъ только и дѣлаютъ, что пожилые въ карты играютъ, а молодежь пляшетъ. Быть-можетъ и есть такіе города — Русь матушка велика, въ семьѣ не безъ урода, да Керчь-то на нихъ непохожа, хотя въ ней тоже есть мѣста для удовольствій: зимой танцовальные вечера въ англійскомъ клубѣ, а лѣтомъ гулянья въ общественномъ саду и танцы въ ротондѣ.

«Г. Ан — въ».

«Керчь.
«20 сентября 1860 г.»

Списокъ журналовъ и газетъ получаемыхъ въ Керчи.

Современникъ	28	экземпляровъ.
Отечественныя записки	17	—
Библіотека для чтенія	3	—
Русское Слово	4	—
Морской Сборникъ	16	—
Русскій Вѣстникъ	13	—
Собраніе Иностранныхъ романовъ	12	—
Сѣверная Пчела	12	—
С.-Петербургскія Вѣдомости	12	—
Русскій Инвалидъ	10	—
Коммерческая Газета	7	—
Иллюстрація	11	—
Журналъ для Акціонеровъ	1	—
Сынъ Отечества	23	—
Русскій Міръ	6	—
Искра	10	—
Часъ досуга	3	—
Сѣверный Цвѣтокъ	6	—
Иллюстрованный Семейный Листокъ	8	—
Другъ Здравія	2	—
Мода	3	—
Ваза	6	—
Нувелистъ	3	—
Странникъ	5	—
Арлекинъ	1	—
Художественный Листокъ	4	—
Семейный Кругъ	4	—
Калейдоскопъ	2	—
Экономическій Указатель	1	—
Журналъ Министерства Юстиціи	4	—
Лучи	1	—
Журналъ для всѣхъ	4	—
Духовная Бесѣда	4	—
Домашняя Бесѣда	2	—
Разсвѣтъ	2	—
Наше Время	3	—
Развлеченье	2	—
Nord	2	—
Одесскій Вѣстникъ	28	—
Военный Сборникъ	3	—
Военные приказы	3	—
Гирлянда	1	—
Журналъ для дѣтей	1	—
Журналъ чтенія для солдатъ	24	—
Журналъ Горный	1	—
Журналъ для воспитанія	1	—
Итого разныхъ изданій 46. Число экземп.	319	
На сумму	3,359 р. 20 к. сер.	

Какъ хорошо было бы, если бы послѣдовали примѣру г. Ап.....ва другія лица, подобно ему имѣющія въ своихъ рукахъ вѣрныя цифры о количествѣ періодическихъ изданій, выписываемыхъ въ извѣстной губерніи или извѣстномъ городѣ. Мы усердно просили бы ихъ о томъ, какъ просимъ и г. Ап......ва сообщить публикѣ такой же списокъ получаемыхъ въ Керчи періодическихъ изданій за нынѣшній 1861 годъ.

Сдѣлаемъ еще вопросъ о томъ, нарушилась ли бы коммерческая тайна, если бы главное управленіе почтъ нашло полезнымъ для статистики обнародовать цифры періодическихъ изданій, пересылавшихся въ прежніе годы и пересылаемыхъ въ нынѣшнемъ году черезъ посредство почты? Мы приведемъ одинъ примѣръ, показывающій, что вопросъ этотъ можно рѣшить въ пользу нашей мысли. Англійское штемпельное бюро каждую четверть года обнародовало, какое количество листовъ было представляемо каждою газетою для приложенія штемпеля, — т. е. въ какомъ количествѣ листовъ была печатана каждая газета за эту четверть года. Мы надѣялись бы, что можно обнародовать цифры о количествѣ пересылаемыхъ по почтѣ хотя тѣхъ журналовъ и газетъ, издатели которыхъ выразятъ свое согласіе на такое обнародованіе. Если бы исполненіе такой мысли оказалось возможнымъ, то конечно слѣдовало бы печатать не одну общую цифру для всей имперіи, а подробные списки по уѣздамъ, какъ сдѣлали мы, или по крайней мѣрѣ по губерніямъ и областямъ. Очень важны были бы также свѣдѣнія о распредѣленіи числа выписываемыхъ экземпляровъ по сословіямъ подписывающихся лицъ. Петербургскій и московскій почтамты едва ли имѣютъ въ своихъ канцеляріяхъ точныя данныя объ этомъ, потому что у кого изъ насъ не выставляется на адресѣ «его благородію» или «его высокоблагородію» или кто разберетъ, какого сословія эти лица, сливающіяся въ общемъ обозначеніи «благородій и высокоблагородій»? Но провинціальные почтамты могутъ имѣть точныя свѣдѣнія о распредѣленіи періодическихъ изданій по сословіямъ, потому что и въ губернскихъ, не только въ уѣздныхъ городахъ, званіе каждаго лица извѣстно каждому. Но такъ какъ точность подобныхъ свѣдѣній зависитъ уже вполнѣ отъ внимательности собирающаго ихъ лица, то это дѣло необходимо предоставить личному сознанію чиновниковъ каждаго провинціальнаго почтамта о статистической важности по-

добныхъ свѣдѣній: оффиціальнымъ запросомъ тутъ нельзя получить основательныхъ отвѣтовъ. *Лучше* пусть будутъ доставлены точныя свѣдѣнія о сословіяхъ лицъ, получающихъ журналы и газеты въ нѣкоторыхъ городахъ, чѣмъ добиваться неточнаго итога по всѣмъ городамъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОТВѢТЪ Г-НУ ЛОХВИЦКОМУ.

Въ первой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» за нынѣшній годъ напечатана статья г. Лохвицкаго противъ рѣчи, читанной мною въ прошломъ году на университетскомъ актѣ. Тонъ этой статьи оцѣнитъ всякій. Но въ ней, кромѣ личностей и брани, есть множество возраженій. На эту часть статьи я считаю обязанностью отвѣчать.

Г. Лохвицкому не нравится, что я различаю порядокъ наслѣдованія въ Новгородской и Кіевской Россіи. «Знаменитая мысль о различіи двухъ порядковъ наслѣдства» (сѣвернаго и южнаго), говоритъ онъ, «разлетается въ прахъ отъ перваго прикосновенія. Будемъ слѣдить ее шагъ за шагомъ».

Мы тоже прослѣдимъ шагъ за шагомъ доводы г. Лохвицкаго, а напередъ напомнимъ читателямъ, какъ былъ поставленъ вопросъ въ «Рѣчи».

Прежде всего, я имѣлъ въ виду поземельную собственность, а не движимыя вещи, которыя по своему свойству очень рано становят-

ся предметомъ произвольныхъ распоряженій и обращаются въ личную собственность. Ссылаюсь въ доказательство на стр. 8 до 11 «Рѣчи», гдѣ постоянно говорится о поземельномъ владѣніи, поземельной собственности, поземельныхъ правахъ. Тоже на стр. 12, 13, 18 и т. д. На 19 страницѣ я сказалъ, что въ Русской Правдѣ «о наслѣдованіи *въ землю* не встрѣчаемъ ни слова, тогда какъ въ Псковской Судной Грамотѣ упоминается *объ отчинѣ*». Г. Лохвицкому необходимо было оставить въ сторонѣ это различеніе движимости отъ недвижимости, на которомъ я вездѣ настаиваю, считая его весьма важнымъ. И вотъ у него выходитъ, будто бы я забылъ бездѣлицу, говоря о наслѣдованіи по закону, — забылъ, что у насъ была неограниченная свобода завѣщаній! Нѣтъ, я не забылъ ее ни на одну минуту; но между распоряженіемъ въ завѣщаніи землею и распоряженіемъ движимостью — огромная разница; земля и вообще недвижимость должна была гораздо позднѣе сдѣлаться предметомъ произвольныхъ раздачъ дѣтямъ и постороннимъ, со стороны завѣщателей, чѣмъ движимыя вещи. Поэтому-то, встрѣчая въ Русской Правдѣ и въ Псковской Судной Грамотѣ намеки или прямыя указанія на завѣщанія, я не спѣшу выводить отсюда, что и земля дѣлилась,—другими словами, что и она стала личною собственностью; а ищу болѣе положительныхъ свидѣтельствъ о раздѣлѣ ея завѣщателемъ между дѣтьми. Что завѣщанія были и очень рано — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; я этого не отвергаю нигдѣ ни однимъ словомъ; но къ чему они относились, съ какого времени земля въ нихъ стала дѣлиться — это другой вопросъ. Г. Лохвицкій ссылается на Новгородскія завѣщанія, напечатанныя въ «Юридическихъ Актахъ»; но ни одно изъ нихъ не восходитъ ранѣе XIV вѣка. Что жь это за доказательство для временъ болѣе отдаленныхъ?

Особенно налегаетъ г. Лохвицкій на то, что наслѣдство по закону открывалось у насъ только въ видѣ исключенія, когда не было завѣщанія, и что свобода завѣщаній была неограниченная. Это должно разрушить въ корень всѣ мои выводы. Ему вѣроятно приходятъ на память, по поводу древней Россіи, сѣверо-американскія, французскія, англійскія и римскія учрежденія и понятія, которыя онъ такъ блистательно изобразилъ по Лаферьеру и Лабулэ въ началѣ своей статьи; вѣроятно ихъ онъ призываетъ на помощь для объясненія стариннаго русскаго быта. Но къ счастію или къ несчастію, наши старинные завѣщатели всего меньше были похожи на римскихъ главъ семействъ, и съ мыслью о неограниченной свободѣ завѣщаній (которая ни въ одномъ изъ нашихъ старинныхъ

памятниковъ не выражена какъ юридическое начало) у нихъ вовсе не соединялось ни римскихъ, ни англійскихъ понятій. Даже гораздо позднѣе наши завѣщанія больше выражали религіозное настроеніе человѣка передъ смертью, желаніе очистить свою совѣсть, сохранить послѣ себя добрую память, честное имя, миръ и спокойствіе между дѣтьми и родными, чѣмъ желаніе провести волю относительно оставляемаго имущества наперекоръ заведенному порядку наслѣдованія. Несравненно позднѣе, почти на нашихъ глазахъ, завѣщаніе стало юридическимъ распоряженіемъ имуществомъ на случай смерти. Могла ли, при такихъ условіяхъ, неограниченная свобода завѣщаній идти въ разрѣзъ съ порядкомъ законнаго наслѣдованія? Очевидно нѣтъ. Старинныя наши завѣщанія точно такъ же служатъ вѣрнымъ зеркаломъ тогдашняго наслѣдованія по закону, какъ законодательные памятники—завѣщательныхъ распоряженій. Обычай и воля отдѣльнаго лица тогда еще не были въ разладѣ, и о столкновеніи между двумя теоріями (наслѣдованія по закону и по завѣщанію) на жизнь и смерть — не могло быть и рѣчи. Говорить обо всемъ и даже краснорѣчиво — не трудно; но надобно говорить такъ, чтобъ въ результатѣ не получались мыльные пузыри.

Далѣе, г. Лохвицкій задался мыслью, во что бы то ни стало, доказать, что я написалъ очень плохую рѣчь. Самый простой для этого пріемъ — не обращать вниманія на то, что сказано, а выхватить фразу, мѣсто и толковать ихъ по своему. Такъ и поступилъ мой критикъ. Я доказываю, что первоначальный нашъ бытъ создалъ общинное владѣніе; что разныя условія болѣе благопріятствовали сохраненію его на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ; что на сѣверѣ семьи и роды разлагались *медленнѣе*, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ Россіи, и домовитость, *какъ кажется*, была тамъ въ порядкѣ вещей (стр. 17). Кто же, прочитавъ эти строки, добросовѣстно заключитъ отсюда, что я отвергаю на сѣверѣ Россіи завѣщанія, личную собственность, раздѣлъ наслѣдства? Я только старался мѣстами изъ Псковской Судной Грамоты доказать существованіе на сѣверѣ живыхъ слѣдовъ, остатковъ, воспоминаній первоначальнаго быта, а свидѣтельствами изъ Русской Правды отсутствіе ихъ на югѣ, и тѣмъ подтвердить свою мысль. Пересмотрѣвъ теперь всѣ эти мѣста вновь, я остаюсь при прежнемъ своемъ мнѣніи, несмотря на возраженія г. Лохвицкаго. Да, въ Псковской Судной Грамотѣ больше слѣдовъ домовитости, больше указаній на то, что родственники живутъ вмѣстѣ и владѣютъ сообща имуществомъ, чѣмъ въ Русской Правдѣ. Въ послѣдней опредѣляется, кому изъ дѣтей идетъ домъ послѣ отца, а въ первой

нѣтъ объ этомъ ни слова; въ первой, кромѣ сыновей и дочерей, ни о какихъ другихъ родственникахъ не говорится по поводу наслѣдства, а во второй говорится, да и какъ еще опредѣлительно: «а у котораго умершаго будетъ отецъ, или мать, или сынъ, или братъ, или сестра, или кто ближняго племени, и животомъ владѣетъ» (т. е. движимостью умершаго) и т. д. Найдите похожія указанія въ Русской Правдѣ, и я признаю себя побѣжденнымъ. Кромѣ этихъ, есть и другія доказательства. Въ той же Псковской Судной Грамотѣ сказано: «А который вящшій (старшій) братъ съ меньшимъ братомъ *живучи въ одномъ хлѣбѣ*, а скажутъ долга отцова (т. е. скажутъ посторонніе), а на отца записи не будетъ, и вящшему брату правду (присягу) дать, да заплатить *общимъ животомъ* (движимостью), да остаткомъ дѣлится (съ братомъ). (Изд. Мурзакевича, стр. 14). Тутъ, видите ли, и движимость даже общая, и старшій братъ только присягаетъ: онъ глава дома или семейства. Покажите мнѣ что нибудь подобное въ Русской Правдѣ. А вотъ другое мѣсто: «А который меньшой братъ или братань (племянникъ), *живучи въ одномъ хлѣбѣ* съ вящшимъ братомъ или съ братомъ (братомъ отца, дядею) и т. д. Покажите мнѣ въ Русской Правдѣ, чтобъ племянникъ жилъ съ дядею въ одномъ хлѣбѣ, то есть вмѣстѣ, въ одномъ хозяйствѣ?

Повторяю: я и не думалъ утверждать, что во Псковѣ, въ концѣ XV вѣка, не было завѣщаній, раздѣла наслѣдства. Я только нахожу здѣсь слѣды нераздѣльности семействъ, которыхъ вовсе не нахожу въ Русской Правдѣ. Точно такъ же стою я и на томъ, что лишеніе наслѣдства сына, не кормившаго до смерти отца или мать и оставившаго домъ, есть отголосокъ того времени, когда семья имѣла топографическій, а не генеалогическій характеръ. Можно же теперь оставить домъ и кормить отца и мать, можно и вмѣстѣ съ ними жить и ничего для нихъ не дѣлать, быть незаботливымъ сыномъ. Въ редакціи Псковской Судной Грамоты соединены вмѣстѣ и незаботливость о родителяхъ, и оставленіе дома. Я вижу въ этомъ воспоминаніе о старинѣ, которая конечно могла въ XV вѣкѣ получить другой смыслъ, и объясняю эту старину обычаями простаго народа, которые очень недавно, да и то мѣстами, въ видѣ изъятія, стали предоставлять часть въ наслѣдствѣ тѣмъ членамъ семейства, которые не живутъ въ одномъ домѣ съ умершимъ. Г. Лохвицкій говоритъ, что доказывать старый бытъ теперешними обычаями простаго народа—цѣлая теорія, очень остроумная, но можетъ быть очень пустая. Почему же пустая? Она дѣйствительно была бы очень пуста, еслибъ, подражая г. Лохвицкому, примѣнять обычаи сѣверо-амери-

канскихъ граждамъ къ древнему быту Россіи; но когда старый законъ или обычай похожъ на теперешній крестьянскій, то я ничего не вижу пустаго сблизить ихъ и объяснять одинъ другимъ; вѣроятно не найдется ни одинъ добросовѣстный ученый въ мірѣ, который бы въ этомъ случаѣ подалъ голосъ за г. Лохвицкаго, противъ меня.

Вообще критическіе пріемы г. Лохвицкаго—безподобны. Псковская Грамота говоритъ, что когда у кого жена умретъ безъ завѣщанія, и послѣ нея останется вотчина, то мужъ владѣетъ этой вотчиной до смерти, если не женится; а если женится, то не владѣетъ. О дѣтяхъ ни слова; стало быть, умретъ она оставя дѣтей или бездѣтною, это все равно; мужъ все-таки владѣетъ ея вотчиной. Г. Лохвицкому это мѣсто не можетъ нравиться, потому что оно говоритъ въ мою пользу. Еслибъ онъ былъ внимательнѣе, то могъ бы еще, пожалуй, возразить, что хоть мужъ и владѣетъ жениными имѣніемъ, но зато только до новой женитьбы. И это возраженіе не было бы сильно, потому что приведенный законъ или записанный обычай есть не болѣе какъ воспоминаніе старины, намекъ на нее, съ тѣхъ поръ какъ женщина получила юридическую самостоятельность. Но моему критику непремѣнно нужны дѣти, дѣти во что бы то ни стало. По его толкованію, «мужъ послѣ смерти жены (и обратно) пожизненно владѣлъ ея имуществомъ; если же вступалъ въ бракъ, и само собою, когда умиралъ, то оно шло *дѣтямъ* въ раздѣлъ». Счастье г. Лохвицкаго, если во Псковѣ всѣ жены до единой умирали прежде мужей, оставляя дѣтей; а что, если, на его бѣду, хоть одна умерла прежде мужа, и бездѣтною? Во что обратится тогда это его толкованіе?

Громы и молніи падаютъ на меня далѣе за то, что я не знаю, кого въ Русской Правдѣ должно разумѣть подъ смердомъ. По изслѣдованіямъ г. Никольскаго, смердъ есть что-то въ родѣ княжескаго крѣпостнаго. Догадка очень остроумная и даже весьма вѣроятная, но она мало полезна для г. Лохвицкаго. Смердъ, говоритъ онъ, «получалъ отъ князя орудіе, скотъ и проч.; если онъ оставлялъ сыновей, которые могли бы нести тягло, то ясно, что данное имущество должно было возвращаться князю». Ну, а что же получали дочери? На нихъ, какъ извѣстно, давалась часть, если онѣ не были замужемъ. Неужели же имъ оставлялись княжескіе плуги, лошади, бороны! Зачѣмъ было имъ раздавать все это, и откуда такая ненужная щедрость? Но, кромѣ того, для опредѣленія порядка наслѣдованія, сила и важность не въ томъ, кто наслѣдовалъ послѣ смерда, князь или община; важно то, что по Русской Правдѣ, послѣ бездѣтнаго не было наслѣд-

никовъ, что имѣніе его становилось выморочнымъ: только съ этой стороны я и разсматривалъ наслѣдство послѣ смерда; а до того, къ кому оно шло, мнѣ вовсе не было дѣла.

Г. Лохвицкій спрашиваетъ, откуда я взялъ, «что по Русской Правдѣ, когда послѣ умершаго оставались дѣти и вдова, то послѣдняя, пока не вступала въ новое супружество, оставалась хозяйкою дома и *владѣтельницею всего имущества покойнаго мужа*?» Написавши этотъ вопросъ, критикъ мой храбро ссылается на статью Правды, гдѣ говорится, что жена не получаетъ послѣ мужа наслѣдства, исключая части, которую онъ ей оставилъ (кстати сказать: это вовсе не доказываетъ, чтобъ она не имѣла права *владѣть* наслѣдствомъ. Доказательства въ Псковской Грамотѣ). Но потомъ онъ вѣроятно спохватился, что есть другая статья, которая прямо говоритъ въ мою пользу, и потому не приводитъ ее, а пишетъ глухо: изъ другой статьи («а еже жена ворчеться» и проч.) видно, что, когда дѣти были малолѣтны, то вдова была опекуншей — не болѣе. Я считаю необходимымъ привести эту статью, чтобъ читатели могли вполнѣ оцѣнить ученые пріемы г. Лохвицкаго. Вотъ она; «если жена обречется сидѣть послѣ мужа (*) и растеряетъ добытокъ (мужа) и пойдетъ замужъ, то платить ей все дѣтямъ; а не захотятъ дѣти имѣть ее на дворѣ (то есть въ домѣ), а она будетъ непремѣнно этого хотѣть и сидѣть (то есть оставаться вдовою), то непремѣнно творить ея волю, а дѣтямъ не дать воли; но что ей далъ мужъ, съ тѣмъ ей сидѣть, или, взявши свою часть, также сидѣть». Спрашивается: гдѣ тутъ малолѣтныя дѣти? Какъ могли бы малолѣтныя дѣти не хотѣть имѣть мать въ домѣ? Если бъ она не владѣла имѣніемъ мужа, какъ бы она могла растерять его добытокъ? а она не только имъ владѣла, но и не была обязана отвѣчать передъ дѣтьми въ растраченномъ до новаго замужства.

Дальше и дальше все въ томъ же родѣ. Г. Лохвицкому не нравится то, что я говорю о положеніи женщины въ древнѣйшей Россіи, и онъ ссылается на всѣ памятники историческіе и поэтическіе, гдѣ будто бы говорится противное. Весьма было бы любопытно узнать эти памятники?

У меня сказано:

(*) *Сидѣть* значитъ здѣсь и оставаться послѣ мужа хозяйкою дома, главою семейства, и не выходить замужъ. И теперь говорятъ въ простомъ народѣ: сидѣть вдовою, сидѣть въ дѣвкахъ.

«Права наслѣдованія лицъ женскаго пола, о которыхъ уже отчасти говорено выше, точно также соотвѣтствовали общимъ условіямъ древняго нашего быта и опредѣлялись положеніемъ женщинъ въ тогдашнемъ обществѣ. Языческое многоженство давно уже исчезло. При болѣе и болѣе тѣсномъ сближеніи родовъ и семей въ общественномъ союзѣ, жены перестали быть купленнымъ или насильно отнятымъ товаромъ, погибшими членами семействъ, въ которыхъ родились, чужими между чужихъ, предметами вѣчныхъ слезъ своихъ матерей. Конечно, нравы народные еще долго послѣ того сохраняли живыя воспоминанія объ этомъ времени и сохраняютъ ихъ болѣе или менѣе и до сихъ поръ; но на самомъ дѣлѣ, суровая судьба женщины, по самому свойству сожительства родовъ и семей, должна была понемногу смягчиться; супружество, при этомъ новомъ видѣ общественной жизни, не отрывало уже навсегда новобрачную отъ семьи, въ которой она родилась, а напротивъ, служило поводомъ и основаніемъ къ болѣе тѣсному сближенію породнившихся между собою родовъ и семей. Здѣсь скрывается зародышъ личной самостоятельности женщины, будущаго признанія ея личныхъ и имущественныхъ правъ. Родители невѣсты, отдавая ее замужъ по добровольному согласію, поддерживая съ нею связи и послѣ брака, вступая чрезъ нее въ болѣе тѣсныя и постоянныя отношенія съ ея мужемъ и его родными, естественно старались поставить свою дочь въ новой семьѣ какъ можно лучше; тутъ могло примѣшиваться и очень естественное желаніе не уронить себя передъ другимъ родомъ, похвастать передъ нимъ своею зажиточностью. Все это должно было повести къ отмѣнѣ покупки невѣстъ и къ отдачѣ ихъ замужъ съ приданымъ, которое, въ свою очередь, еще болѣе упрочило возникавшее начало гражданской личности женщины.

«Но это начало не вдругъ водворилось со всѣми своими послѣдствіями. И тогда и очень долго послѣ, существованіе лицъ женскаго пола имѣло, по общепринятымъ понятіямъ, худо скрывавшимъ первобытную грубость нравовъ, свое извѣстное назначеніе, которымъ и опредѣлялось общественное и гражданское положеніе женщины. Дѣвушка должна выдти замужъ; замужняя женщина есть супруга, мать, хозяйка дома или работница. Застарѣлая дѣвица, бездѣтная вдова, не имѣли никакого значенія и потому общественное положеніе ихъ было самое неопредѣленное и жалкое. Бездѣтныя вдовы потому и назывались сиротами, подобно дѣтямъ, лишившимся родителей. Такимъ лицамъ женскаго пола, или неисполнившимъ, или уже выполнившимъ свое назначеніе, ничего болѣе не оставалось дѣлать на землѣ, какъ идти въ монастырь и посвятить себя Богу. Изъ этихъ понятій вытекало, что дѣвушка не была прочнымъ членомъ своего семейства; она предназначена была, рано или поздно, оставить свою семью и выдти замужъ въ чужую; но и въ новой семьѣ она была прочнымъ членомъ только до тѣхъ поръ, пока мужъ былъ живъ, или когда послѣ его смерти у нея

оставались дѣти, и она, будучи вдовою, продолжала быть хозяйкой дома и главою семейства.

«Согласно съ этими понятіями установилось и право наслѣдованія женщинъ. Какъ непрочные члены семьи, дочери не наслѣдовали послѣ отца, а только получали приданое; вдовы или жили вмѣстѣ съ дѣтьми или получали часть изъ имѣнія мужа; часть не была наслѣдствомъ, а лишь способомъ обезпеченія вдовы послѣ смерти мужа. Только во вдовствѣ женщина достигала полной гражданской самостоятельности, да и то весьма жалкой, если у нея не было дѣтей; въ дѣвичествѣ и замужемъ она была въ зависимости отъ другихъ, и рѣчь шла только о томъ, кто будетъ кормить и содержать ее. Незамужнихъ содержалъ и кормилъ отецъ, а по смерти его — братья; жену — мужъ; мать, если у покойника ея мужа не было своего имѣнія, — дѣти, сыновья или замужнія дочери. Женщина сама по себѣ не имѣла своего дома, своего хозяйства; оно было или родительское, или мужнино, или дѣтское. Вслѣдствіе этого, послѣ нея нѣтъ наслѣдства; что она оставитъ своего по смерти, то по Русской Правдѣ достается не всѣмъ ея дѣтямъ, а только тѣмъ изъ нихъ, у которыхъ она жила въ домѣ, кто ее содержалъ и кормилъ, будетъ ли то сынъ или даже дочь.

«Замѣчательное отступленіе отъ этихъ началъ составляетъ право дочерей бояръ и членовъ княжеской дружины наслѣдовать послѣ отца, если у него нѣтъ сыновей. Очень можетъ быть, что это изъятіе развилось подъ вліяніемъ иноземнаго варяго-русскаго элемента; но корень его скрывается гораздо глубже, именно въ условіяхъ быта знатныхъ семей и родовъ, выдѣлившихся изъ массы народа и утратившихъ, какъ я уже сказалъ, первоначальный топографическій характеръ. Въ этихъ семьяхъ лицо, естественнымъ образомъ, не могло такъ поглощаться семействомъ, домомъ, какъ въ большинствѣ народонаселенія; въ нихъ, по самому роду ихъ жизни и занятій, ранѣе чѣмъ во всѣхъ прочихъ, могло выработаться личное начало, отдѣльная собственность членовъ семейства, юридическія отношенія между ними, какъ личныя, такъ и по имуществу. Всѣ эти обстоятельства должны были отразиться и на лицахъ женскаго пола, принадлежащихъ къ этимъ семействамъ. Что не одно иностранное вліяніе сообщило у насъ женщинамъ права законнаго наслѣдованія, — это всего лучше доказывается послѣдующей исторіей нашего законодательства; въ московскомъ государствѣ эти права признаны во всѣхъ служилыхъ классахъ, то есть между вотчинниками и помѣщиками, составлявшими высшіе слои тогдашняго общества.»

Конецъ этой выписки г. Лохвицкій счелъ за нужное опустить, и очень понятно почему: приведя мои слова вполнѣ, ему нельзя было бы воскликнуть: «какое жалкое въ самомъ дѣлѣ положеніе! Но только по Русской Правдѣ слѣдуетъ совсѣмъ другое»; нельзя было бы

сказать, приведя нѣсколько мѣстъ изъ Русской Правды: «какимъ образомъ изъ этихъ постановленій можно вывести типъ жалкой нищеты, которая притомъ не можетъ распорядиться своимъ имуществомъ?»

Старанія критика доказать, что и вдова жила своимъ домомъ — смѣшны; можетъ-быть оно и въ самомъ дѣлѣ было такъ, только въ Русской Правдѣ, какъ нарочно, нѣтъ объ этомъ ни одного намека; изъ нея видно только, что вдова жила или въ домѣ покойнаго мужа съ дѣтьми, малолѣтными или взрослыми, или у одного изъ взрослыхъ дѣтей — сына или дочери, стало-быть и у замужней дочери.

Не значитъ ли все это — «ставить ничтожные парадоксы собственной фактуры, ловить на удачу факты и тянуть ихъ за уши къ себѣ», какъ говоритъ обо мнѣ г. Лохвицкій въ своей критикѣ?

Въ выноскѣ на стр. 17-й читаемъ, что право матери-вдовы жить съ дѣтьми, быть въ родѣ опекунши, составляетъ отличіе европейскихъ законодательствъ отъ римскаго. «Типъ матери, какъ нравственный и юридическій, есть произведеніе новаго человѣчества». Но ниже, въ той же выноскѣ, оказывается, что это произведеніе, или этотъ типъ — какъ хотите — по саксонскому законодательству находился подъ опекою сына. Далѣе: «это право матери-вдовы прекращалось, когда она выходила замужъ, не потому, что чрезъ это являлось новое хозяйство, а потому, что поступая во власть новаго мужа, она отрекалась отъ своей власти, и сохранить ей опеку значило бы передать ее отчиму». Кажется, все есть—и власть мужа, и власть матери (состоящей подъ опекой сына), и передача опеки отъ матери къ отчиму. Но какъ на бѣду Русская Правда говоритъ, что и отчимъ можетъ-быть опекуномъ своихъ пасынковъ. Не счастливится г. Лохвицкому ни съ Русской Правдой, ни съ Псковской Грамотой! Видно узнать ихъ труднѣе, чѣмъ выписывать слово-въ-слово изъ Лабулэ и Лаферьера.

Не станемъ останавливаться на наивныхъ убѣжденіяхъ г. Лохвицкаго, что малая собственность остается нераздѣльною, потому что ее нельзя дѣлить (стр. 18); на странной мысли, что незамужняя дочь смерда, выходя замужъ за человѣка той же общины, передавала ему тягло (тамъ же), какъ будто у него не было своего тягла, или онъ долженъ былъ тянуть два тягла; не будемъ также слишкомъ взыскательны къ тому, что въ выноскѣ на стр. 19-й говорится, будто бы по Русской Правдѣ только замужнія дочери смерда не

выключались совершенно изъ наслѣдства, тогда какъ въ выноскѣ же на стр. 15-й, и въ самой Русской Правдѣ, сказано совершенно противное; простимъ критику, что заподозривая меня въ самомъ грубомъ незнаніи, онъ пишетъ съ-плеча, не справляясь съ источниками, и приписываетъ извѣстный вопросъ, сдѣланный Петру Великому, кого считать знатными, не военной коллегіи, какъ это было на самомъ дѣлѣ, а Сенату (стр. 21). Что значитъ все это въ сравненіи съ тѣмъ, что показано выше, и съ слѣдующимъ замѣчаніемъ. У меня въ «Рѣчи» сказано: «наше законодательство безусловно отвергаетъ право наслѣдованія незаконнорожденныхъ. Этимъ, можетъ-быть, объясняется, почему у насъ, съ одной стороны, такъ облегчено признаніе дѣтей законными, а съ другой, такъ затруднено опроверженіе ихъ законности». Выписавъ эти слова курсивомъ, г. Лохвицкій восклицаетъ: «удивительное предположеніе! Наше законодательство точно также, какъ и другія, затрудняетъ отверженіе законности дѣтей, рожденныхъ во время брака, затрудняетъ доказательство ихъ происхожденія отъ прелюбодѣянія матери: это законъ нравственности, спокойствія семьи; всѣ дѣти, рожденныя послѣ вѣнчанія во все продолженіе супружества — законны; доказывать противное, то есть происхожденіе ихъ отъ прелюбодѣянія жены — вотъ чтò затруднено! Но это существуетъ вездѣ. Что жь значитъ: «облегчается признаніе дѣтей законными?» Совершенно не понятно».

Во-первыхъ, наше законодательство признаетъ законными дѣтей, не только рожденныхъ, но и зачатыхъ во время брака, а это большая разница! А потомъ, при всей формальности нашего права, за доказательство законности рожденія принимаются, при отсутствіи или сомнительности метрическихъ книгъ, — исповѣдныя росписи, родословныя, городовыя обывательскія книги и ревизскія сказки, даже — формулярные списки родителей (Зак. Гражд. Т. X, Ч. I, ст. 123). Есть ли это облегченіе признанія дѣтей законными или нѣтъ? Право доказывать законность своего рожденія не прекращается никакою давностью. Въ извѣстныхъ случаяхъ и наслѣдники такого лица пользуются этимъ правомъ въ теченіе срока земской давности (Тамъ же, ст. 126); а для опроверженія законности рожденія ребенка, мужу его матери дается только годъ или два (ст. 129); наслѣдникамъ же послѣдняго всего три мѣсяца (ст. 130). Есть ли это облегченіе признанія дѣтей законными и затрудненіе опроверженія ихъ законности, или нѣтъ? Далѣе: законность лица, рожденнаго позднѣе 306 дней послѣ прекращенія брака, могутъ оспоривать *всѣ тѣ*, коихъ права личныя или по имуществу были бы нарушены чрезъ признаніе его законнорожденнымъ (стало быть

другіе не могутъ), и притомъ только въ теченіе 6 мѣсяцевъ послѣ рожденія младенца (ст. 131). Есть ли это затрудненіе опроверженія законности, или нѣтъ? Споръ противъ законности брака и всѣхъ его послѣдствій, въ томъ числѣ и противъ законности дѣтей, происшедшихъ отъ этого брака, дозволяется открывать только въ теченіе двухъ лѣтъ по смерти одного изъ супруговъ, состоявшихъ въ незаконномъ бракѣ (Гражд. Судопроизводство Т. X, Ч. II, ст. 812). Есть ли это затрудненіе опроверженія законности, или нѣтъ?

Мнѣ, пожалуй, возразятъ, что постановленія, очень сходныя съ этими, содержатся и во французскомъ кодексѣ. Это справедливо; но сравнивая наше законодательство съ французскимъ, не должно забывать, что послѣднее допускаетъ гражданскій бракъ, а наше не допускаетъ. При гражданскомъ бракѣ на первомъ планѣ стоитъ природная связь родителей и дѣтей, или такія отношенія, которыя заставляютъ предполагать ее. Бракъ есть дѣло договора, и необъявленіе его передъ полицейскимъ начальствомъ есть, собственно говоря, несоблюденіе формальности. Итакъ, естественно, что при гражданскомъ бракѣ признаніе дѣтей законными очень облегчено; но по нашему законодательству бракъ есть таинство, и примѣненіе въ нашемъ Сводѣ французскихъ началъ имѣетъ совершенно другой смыслъ, который, какъ я продолжаю думать, объясняется только безпощадною строгостью нашихъ постановленій къ незаконнымъ дѣтямъ. Такое предположеніе я основываю на томъ, что всѣ приведенныя статьи Свода, за исключеніемъ только одной (123), основаны на высочайше утвержденномъ 6 февраля 1850 года мнѣніи государственнаго совѣта (2-е Полное Собран. Зак. Т. XXV, Отд. I, № 23,906); а узаконеніе незаконнорожденныхъ и сопричтеніе дѣтей, рожденныхъ до брака, къ законнымъ, прекращено указомъ 29 іюля 1829 года (Зак. Гражд. Т. X, Ч. I, примѣч. къ ст. 144).

Довольно этихъ замѣчаній. Изъ нихъ видно, сколько г. Лохвицкій знаетъ и понимаетъ въ русскомъ правѣ. Ни мало не желая становиться съ нимъ на одну доску и препираться его оружіемъ, я считаю обязанностью указать читателямъ на вполнѣ справедливое возраженіе г. Лохвицкаго противъ моихъ объясненій знаменитаго указа Петра Великаго о единонаслѣдіи. Для красоты слога онъ приписалъ мнѣ и тутъ грубое незнаніе самыхъ простыхъ вещей. Это передъ нимъ; но параллель, проведенная имъ между Правдою воли монаршей и закономъ 1714 года очень вѣрна, очень основательна, и я сознаюсь охотно въ томъ, что мое объясненіе хуже его.

Перейдемъ теперь къ теоретической части статьи г. Лохвицкаго. Изъ четырехъ тезисовъ, направленныхъ противъ меня, третій гласитъ, что я не знаю теоріи вопроса, который излагаю въ «Рѣчи». Слѣдующія затѣмъ 8 страницъ (4—11) должны поправить эту горькую, непростительную ошибку. Г. Лохвицкій излагаетъ теорію наслѣдственнаго права.

Что такое теорія? Тѣ, самыя общія основанія, которыя обнимаютъ предметъ во всѣхъ его подробностяхъ, разрѣшаютъ всѣ возникающіе изъ него сомнѣнія и вопросы и сами представляютъ одно стройное цѣлое, возведенное къ одному началу. Иначе мы будемъ имѣть не теорію, а фразы и общія мѣста, ничего не доказывающія, ничего не объясняющія.

Сначала г. Лохвицкій излагаетъ—что такое наслѣдственное право. Каждое законодательство нашего времени признаетъ два вида наслѣдства, — по завѣщанію и безъ завѣщанія. Въ размѣрѣ, придаваемомъ тому или другому виду выражается политическій и философскій характеръ народа. Затѣмъ опредѣляется, что такое завѣщаніе? Право завѣщевать не есть частное, а государственное. Завѣщаніе, съ точки зрѣнія чистаго права, имѣетъ основаніе только въ вѣрованіи въ безсмертіе души. «Поэтому въ исторіи права существованіе завѣщаній указываетъ прямо спиритуальный характеръ народа; отсутствіе его—на матеріализмъ». Это положеніе критикъ проводитъ чрезъ исторію. У новыхъ народовъ оба начала, спиритуальное и матерьяльное, вступаютъ въ вѣковую борьбу. Очертивъ ее во Франціи, г. Лохвицкій показываетъ, какъ они пришли въ столкновеніе на жизнь и смерть при революціи 1789 года. Изъ двухъ встрѣтившихся здѣсь системъ наслѣдованія, римская ставила на первый планъ право завѣщанія и за норму считала равенство наслѣдниковъ; германская ставила на первый планъ наслѣдованіе безъ завѣщанія и неравенство наслѣдниковъ. Во французскомъ правѣ оба начала слились въ одно: германское наслѣдованіе по закону и римское равенство наслѣдниковъ приняты за основаніе новаго порядка наслѣдованія. Результатомъ было, что французское общество стало навсегда демократическимъ. Въ Англіи развилось германское начало неравенства при полной свободѣ права завѣщанія, которая, по нравамъ страны, поддерживаетъ аристократическое начало въ этой странѣ. Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, напротивъ, отмѣнены только майораты и субституціи (начало неравенства) и оставлено свободное право завѣщанія (которое сильно ограничено во Франціи) и, согласно съ нравами и обычаями, завѣщанія не ведутъ къ неравенству раздѣла

мѣнія между наслѣдниками. Такимъ образомъ, наслѣдственное право «есть термометръ внутренняго состоянія народа. Только изучивъ наслѣдственное право народа, мы поймемъ духъ его политическихъ учрежденій, его характеръ и даже его экономическое состояніе». Отсюда выводится, что основный, капитальный недостатокъ моей «Рѣчи» тотъ, что я не разсматриваю наслѣдованіе по закону въ органической его связи съ цѣлымъ ученіемъ о наслѣдованіи, не показываю отношенія перваго къ праву завѣщанія.

Во-первыхъ, во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ нѣтъ ни одной мысли, ни одного факта, который бы принадлежалъ самому г. Лохвицкому. Все, рѣшительно все, выписано, большею частью въ буквальномъ переводѣ, изъ книги Лаферьера (Histoire des principes, des institutions et des lois pendant la revolution française depuis 1789 jusqu'a 1804. См. 2-е изд. Paris. 1851 — 1852, стр. 220 — 235) и Лабулэ (Histoire politique des Etats Unis depuis les premiers essais de colonisation jusqu'a l'adoption de la constitution fédérale T. I. Paris. 1855, стр. 503 — 516). Я вызываю привести мнѣ изъ всего блистательнаго изложенія теоріи наслѣдственнаго права г. Лохвицкаго хоть одну мысль, хоть одинъ фактъ, которые не находились бы на указанныхъ страницахъ двухъ этихъ сочиненій, и большею частью тѣми же словами, въ подстрочномъ переводѣ. Сличеніе этихъ текстовъ, которое можетъ быть представлено тотчасъ же, прибавило бы любопытную и поучительную страницу въ исторіи литературныхъ и ученыхъ заимствованій, дешеваго щеголянья чужими знаніями, какъ своими. Но не въ этомъ дѣло. Г. Лохвицкій не любитъ авторитетовъ въ дѣлѣ науки, и я тоже небольшой до нихъ охотникъ. Лаферьеръ и Лабулэ очень почтенные ученые, но изъ этого никакъ еще не слѣдуетъ, что все что они сказали — неопровержимая истина. Они изслѣдовали, какъ образовались и развивались исторически различныя системы наслѣдственнаго права во Франціи, Англіи и Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, какое было политическое и соціальное вліяніе этихъ системъ въ этихъ странахъ. Все это прекрасно, но гдѣ же теорія? Во всемъ этомъ я не вижу теоріи. Достойные ученые, изъ которыхъ такъ нецеремонно черпалъ г. Лохвицкій полными горстями, и не думали строить теорій, и въ этомъ смыслѣ все, что они говорятъ, совершенно справедливо; но они вѣроятно сами крайне бы удивились, еслибъ узнали, что ихъ превосходныя историческія изслѣдованія выдаются за теоріи наслѣдственнаго права.

Въ томъ-то вся и сила, что удовлетворительной теоріи наслѣдственнаго права нѣтъ, и пока не выбродятся различныя направле-

нія, борющіяся въ современномъ европейскомъ обществѣ, такой теоріи и быть не можетъ. Взаимныя отношенія наслѣдованія по закону и права завѣщанія зависятъ отъ взаимныхъ отношеній индивидуальной воли и начала общественности; а кому неизвѣстно, что всѣ прежнія рѣшенія этого существеннаго вопроса не выдерживаютъ критики, а новаго пока нѣтъ?

«Наслѣдственное право — говоритъ г. Лохвицкій — есть та часть гражданскаго, которымъ это послѣднее, то есть собственность, семейство и обязательства, связывается тѣсно съ государственнымъ правомъ. Связь съ государствомъ существуетъ и во всѣхъ другихъ вопросахъ гражданскаго права — jus privatum sub tutela juris publici latet: движеніе брака, собственности, обязательствъ совершается въ кругу, очерченномъ государствомъ. Но нигдѣ нѣтъ такой живой и постоянной связи съ государствомъ, его исторіей, формой правленія, какъ въ наслѣдствѣ. Кромѣ этого политическаго значенія, наслѣдственное право имѣетъ великій интересъ потому, что на немъ отражаются религіозныя, философскія и экономическія понятія народа».

Неужели это теоретическія основанія наслѣдственнаго права? Какая въ самомъ дѣлѣ ошибка, что я не предпослалъ ихъ своей «Рѣчи» въ видѣ краеугольнаго камня! Кто же рѣшится въ наше время утверждать, что наслѣдство болѣе всѣхъ другихъ частей гражданскаго права связано съ государствомъ? И опытъ и наука разъяснили до послѣдней очевидности, что даже обязательства, не говоря уже о бракѣ и вещныхъ правахъ, связаны самымъ тѣснымъ, неразрывнымъ образомъ съ такъ-называемымъ государственнымъ правомъ. А критикъ мой продолжаетъ противополагать ихъ, какъ нѣкогда римскіе юристы, по наружнымъ признакамъ. Это взглядъ устарѣлый, давно всѣми отброшенный! Наука въ наше время требуетъ теоретическихъ основаній поглубже. Зная, что государственное и гражданское право не одно и тоже, что послѣднее совершается въ кругѣ, очерченномъ первымъ, наука доискивается теперь до тѣхъ началъ, которыми сфера государственная и гражданская связаны въ одно органическое цѣлое, и въ этихъ-то началахъ надѣется найдти объясненіе различныхъ отраслей гражданскаго и государственнаго права. На этотъ путь наука ступила недавно; немудрено, что въ этомъ направленіи сдѣлано еще мало; но оно указано, оно есть, и есть именно потому, что прежнія объясненія оказались неудовлетворительными и ничего необъясняющими. А ихъ-то именно и предлагаетъ г. Лохвицкій, какъ послѣднее слово науки!

Такія же общія мѣста исправляютъ у г. Лохвицкаго должность теоріи завѣщаній.

«Что такое завѣщаніе? Это есть voluntas ultra mortem—воля человѣка, получающая исполненіе послѣ его смерти. Но какое же право имѣетъ человѣкъ быть законодателемъ, обязывать другихъ, когда онъ самъ обратился въ прахъ? Чтобъ завѣщаніе было исполнено, необходимо наблюденіе государства, потому что самъ завѣщатель не можетъ этого сдѣлать; такимъ образомъ ясно, что право завѣщанія не есть частное, а государственное: безъ согласія государства не можетъ существовать.

«Справедливо (говоритъ Лейбницъ), что завѣщанія съ точки зрѣнія чистаго права имѣютъ основаніе только *въ вѣрованіи въ безсмертіе души*. Поэтому въ исторіи права существованіе завѣщаній указываетъ прямо спиритуальный характеръ народа, отсутствіе его—на матеріализмъ. Такъ, напримѣръ, у египтянъ не существовало права завѣщанія. Въ Римѣ, въ первый періодъ до XII таблицъ, завѣщаніе существовало не какъ частное право, а какъ законъ: завѣщатель вносилъ завѣщаніе въ народное собраніе, и только собраніе могло утвердить его, какъ законодательная власть: это была частная воля, обращенная въ законъ. По законамъ XII таблицъ завѣщаніе стояло на одной степени съ договорами. Завѣщатель заключалъ съ наслѣдникомъ договоръ о передачѣ ему имущества по смерти; требовалось, какъ при куплѣ, согласіе обѣихъ сторонъ; далѣе, самая форма была воображаемая продажа; наслѣдникъ какъ бы покупалъ будущее имущество—pertaestet libram. Слѣдовательно, по матеріальному духу тогдашняго римскаго права, завѣщаніе, въ собственномъ смыслѣ слова, не существовало. Только впослѣдствіи, когда спиритуализмъ школы Лабеона проникъ въ римское право, человѣкъ получилъ право на посмертную волю.»

Весь этотъ почти подстрочный переводъ изъ Лаферьера разрѣшаетъ ли вопросъ о теоріи? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Въ самомъ дѣлѣ, неужели въ мысли, что право завѣщанія не есть частное, а государственное, лежитъ отвѣтъ на теоретическій вопросъ? Послѣ этого, мы скажемъ, что и право жениться есть тоже не частное, а государственное, потому что государство тоже наблюдаетъ за бракомъ; что право купить недвижимость есть тоже государственное, потому что переходъ недвижимыхъ имуществъ отъ одного лица къ другому—тоже совершается подъ наблюденіемъ государства. Въ исторіи законадательствъ право завѣщанія, дѣйствительно, является съ государственнымъ, а не частнымъ характеромъ, но когда? Въ тѣ отдаленныя эпохи, когда общество представляетъ собою какъ бы между-

народный союзъ семей и родовъ, когда эти маленькія общественныя единицы сохраняютъ еще вполнѣ свою самостоятельность и отдѣльность. Глава такой семьи, такого рода, передаетъ послѣ себя свою власть преемнику, по началамъ государственнаго, а не частнаго права. Но при большемъ сближеніи родовъ и семей, для такой передачи права требуется уже согласіе всего союза. Воспоминаніе объ этомъ измѣненномъ значеніи завѣщанія сохранилось у римлянъ; утвержденіе завѣщанія народнымъ собраніемъ указываетъ на это. Чѣмъ больше развивался общественный бытъ, тѣмъ больше сглаживался и терялся государственный характеръ отдѣльныхъ семей и родовъ; государственная власть отца семейства мало по малу обратилась вмѣстѣ съ тѣмъ въ частное гражданское право, и у римлянъ уже по законамъ XII таблицъ—стало предметомъ частнаго договора. Впослѣдствіи, право завѣщанія освободилось отъ этихъ формъ, когда всѣ воспоминанія о древнѣйшемъ бытѣ родовъ и семей, даже въ ихъ искаженной, частной формѣ, совершенно исчезли. На этомъ и остановилось развитіе римскаго права. Съ началомъ безусловнаго произвола завѣщателя, почти всегда враждебнаго наслѣдникамъ по закону, оно не съумѣло справиться; придумало кой-какія ограниченія этого произвола въ его послѣдствіяхъ, но до него самаго не коснулось. Критически стали относиться къ этому началу только новые народы; они принесли съ собою новыя отношенія лица къ обществу, новую формулу общественной и частной жизни. Какъ ни несовершенно выработана она до сихъ поръ, но ею, и только ею объясняются ограниченія завѣщательнаго права въ современныхъ европейскихъ законодательствахъ.

Такимъ образомъ право завѣщанія, въ разныя эпохи общественной жизни, бываетъ то государственнымъ, то частнымъ правомъ. Не матеріализмъ, не спиритуализмъ, а значеніе семьи и отеческой власти, и отношеніе лица къ обществу—опредѣляютъ значеніе послѣдней воли. Вотъ почему такъ трудно, даже невозможно—сказать теперь о правѣ завѣщанія что-нибудь теоретически вѣрное. Вопросъ этотъ разработывается наукою, но далеко еще не разработанъ; рѣшеніе его не столько во власти науки, сколько — въ томъ видѣ, какой приметъ европейское общество послѣ теперешняго броженія.

Точно такъ же мало теоретически-вѣрнаго можно сказать и о порядкѣ наслѣдованія по закону. Основаніемъ ему служитъ теперь семья, въ ея самой отвлеченной, генеалогической формѣ, и которая такъ рѣдко совпадаетъ съ дѣйствительными семейными, близкими

отношеніями. Французское и, въ особенности, прусское законодательство представляютъ нѣкоторыя попытки ограничить дѣйствіе этого отвлеченно-семейнаго начала; но попытки ихъ очень робки, отрывочны. Видно, что начало—не крѣпко, а между тѣмъ, пока, замѣнить его нечѣмъ. Такимъ образомъ, и порядокъ законнаго наслѣдованія — тоже лишенъ твердой теоретической основы. Надъ нимъ тоже работаетъ наука, но пока — съ такимъ же малымъ успѣхомъ, какъ и надъ правомъ завѣщанія.

Именно потому, что начала гражданскаго права, въ томъ числѣ и права наслѣдованія, въ настоящее время такъ неопредѣленны и нетверды, — я не рѣшился излагать ихъ въ моей «Рѣчи». Не желая пускать пыль въ глаза публикѣ общими мѣстами, ни блистать выписками изъ чужихъ трудовъ, я поставилъ себѣ, при составленіи «Рѣчи», двѣ цѣли. Во-первыхъ, я хотѣлъ прослѣдить тѣ начала, которыя проходятъ чрезъ всю исторію нашего наслѣдованія по закону, и такимъ образомъ — связать въ одно стройное цѣлое отрывочныя, историческія извѣстія, не имѣющія между собою, повидимому, ничего общаго; этимъ я надѣялся оказать нѣкоторую услугу и изслѣдователямъ исторіи русскаго права, и практическимъ юристамъ, которые часто затрудняются въ примѣненіи дѣйствующихъ нашихъ законовъ по этому предмету, именно вслѣдствіе того, что исторія нашего наслѣдованія по закону не обработана еще ученымъ образомъ. Во-вторыхъ, неудовлетворительность, обветшалость нашего порядка наслѣдованія по закону живо чувствуется всѣми; представляя нестройное собраніе разнородныхъ началъ, онъ не соотвѣтствуетъ самымъ очевиднымъ требованіямъ справедливости. Чѣмъ-же замѣнить его и какъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ теперь еще очень трудно; но для разъясненія его мнѣ казалось очень полезнымъ познакомить публику съ постановленіями о томъ же предметѣ другихъ странъ, гдѣ порядокъ наслѣдованія по закону развился раціонально, послѣдовательно, по извѣстнымъ общимъ началамъ, и потому, несмотря на всѣ свои недостатки, очень интересенъ и полезенъ, какъ матеріалъ для сравненія. Вотъ задача, которую я имѣлъ въ виду, составляя свою «Рѣчь». Какъ я ее выполнилъ, объ этомъ не мнѣ судить; но во всякомъ случаѣ добросовѣстная критика можетъ укорять меня только за то, что я дурно разрѣшилъ вопросъ, который самъ себѣ поставилъ. Г. Лохвицкій смотритъ на дѣло иначе; ему и книги въ руки! Я знаю только, что еслибъ завтра долженъ былъ снова писать ту же самую «Рѣчь»; я бы точно также «расшаркался передъ публикой» съ извиненіями о сухости вопроса, но въ концѣ прибавилъ бы: я не знаю сколько нибудь удовлетворительной теоріи наслѣдственнаго права, а выдавать вамъ трескучія фразы и выписки

изъ чужихъ книгъ за теорію не намѣренъ; если вамъ этого требуется обратитесь къ г. Лохвицкому.

Довольно. Почему моя «Рѣчь» удостоилась критики г. Лохвицкаго только теперь, тогда какъ она вышла годъ тому назадъ; почему въ теченіе цѣлаго года г. Лохвицкій не успѣлъ написать разборъ получше и посерьёзнѣе — разъяснять всѣ эти вопросы я считаю ниже себя; когда нибудь все это объяснится и узнается. Г. Лохвицкій похоронилъ меня, справилъ надъ моей могилой тризну и написалъ эпитафію. Но плохія критики и ругательства никого не укладываютъ въ гробъ прочнымъ образомъ. Послѣ нихъ мертвые иногда возвращаются на свѣтъ Божій.

К. КАВЕЛИНЪ.

ЧТО СЛѢДУЕТЪ СДѢЛАТЬ
«РУССКОМУ ОБЩЕСТВУ ПАРОХОДСТВА И ТОРГОВЛИ?»

(Отвѣтъ директора-распорядителя Русскаго Общества Пароходства и Торговли *Н. А. Новосельскаго* **на статьи противъ управленія дѣлами этого общества. Москва. 1860 г.)**

Цѣлой Россіи еще памятно знаменитое преніе объ ариѳметическихъ задачахъ по поводу статей гг. Новосельскаго, Перозіо и Смирнова, происходившее въ петербургскомъ Пассажѣ слишкомъ годъ тому назадъ. Не возвращаясь къ этому несчастному предмету, не рѣшая, было ли что нибудь справедливое въ словахъ г. Перозіо, мы попробуемъ заняться исключительно «Отвѣтомъ» г. Новосельскаго. Мы сдѣлаемъ предположеніе, лучше котораго не можетъ ничего желать г. Новосельскій, — мы предположимъ, что каждое слово его «Отвѣта» есть истина, никогда не подвергавшаяся и не могущая быть подвергнута сомнѣнію. Исключительно на основаніи увѣреній г. Новосельскаго мы попробуемъ разсудить, что слѣдуетъ думать о дѣлахъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли.

Г. Перозіо говорилъ, что общество «возникло при наивыгоднѣйшихъ обстоятельствахъ». Г. Новосельскій показываетъ, что обстоятельства эти были таковы:

«1) Южный край Россіи, среда дѣйствій возникавшаго общества, былъ разоренъ войною.

«2) Приморскіе города Южной Россіи были разобщены, какъ ра-

вобщены и теперь, съ внутренними областями Россіи, большую часть года, дурными дорогами.

«3) Вся отпускная торговля Южной Россіи ограничивалась одними сырыми произведеніями, перевозка которыхъ пароходами, при громоздкости и сравнительно низкой цѣнѣ этихъ произведеній, можетъ быть выгодною только во время усиленнаго спроса на нихъ за границею, или же въ то время, когда они, вслѣдствіе удешевленія перевозки къ приморскимъ пристанямъ (напримѣръ, вслѣдствіе развитія рѣчнаго буксирнаго пароходства въ южномъ краѣ), въ состояніи будутъ выносить высшій, противу парусныхъ судовъ, пароходный фрахтъ; но къ развитію буксирнаго пароходства, или вообще къ улучшенію средствъ сообщенія въ Южной Россіи въ то время еще не приступали; заграничный спросъ на хлѣбъ изъ Россіи уменьшился со времени войны, вслѣдствіе достаточныхъ урожаевъ за границей и дорогихъ цѣнъ на хлѣбъ въ Южной Россіи, и по этимъ причинамъ фрахтъ изъ черноморскихъ портовъ понизился послѣ войны.

«4) Въ Россіи не было, какъ нѣтъ и теперь, сословія матросовъ, для составленія экипажей на пароходахъ общества.

«5) Въ Россіи было еще труднѣе, чѣмъ теперь, найти *людей готовыхъ къ коммерческой береговой и судовой службѣ* вообще, а для такой дѣятельности, какая предстоитъ Русскому Обществу Пароходства и Торговли, въ особенности.

«6) Въ Россіи было еще труднѣе, чѣмъ теперь, найти *искусныхъ механиковъ*, для службы на пароходахъ, и даже *кочегаровъ*.

«7) По всѣмъ русскимъ берегамъ Чернаго и Азовскаго морей не было, какъ нѣтъ и теперь (за исключеніемъ Севастополя, торговля котораго весьма незначительна), *ни одного удобнаго порта, ни одной удобной пристани и никакихъ средствъ для нагрузки и выгрузки.*

«8) На всемъ Югѣ Россіи и по всему Черному морю не было *ни одного эллинга и ни одного дока*, для починки и окраски пароходовъ. При такомъ отсутствіи эллинговъ и доковъ, Русское Общество вынуждено посылать свои пароходы, для починокъ и окраски, въ Марсель; а всякому понятно, до какой степени это неудобно для срочнаго пароходства.

«9) По всему берегу Чернаго и Азовскаго морей не было *ни одного механическаго заведенія*, для исправленія даже самыхъ незначительныхъ повреждeній въ механизмахъ пароходовъ.

«10) Русскіе *таможенные и паспортные законы*, составленные еще въ тѣ времена, когда не могло быть и рѣчи ни о пароходствѣ вообще, ни о срочномъ въ особенности, подавали и подаютъ безпрерывные поводы къ недоумѣніямъ и, не зависящимъ отъ Общества, неудовольствіямъ публики.

«11) Возникшее при такихъ условіяхъ Русское Общество Пароходства и Торговли встрѣтило *на Черномъ, Средиземномъ и даже Азовскомъ моряхъ* соперничество компаній: *Французской, Австрійской, Англійской, Греческой и Турецкой*. Французская и Австрійская, будучи,

одинаково съ Русскимъ Обществомъ, поддерживаемы своими правительствами и получая отъ нихъ немаловначительныя денежныя пособія, господствовали именно на тѣхъ линіяхъ сообщенія въ Средиземномъ морѣ, которыя опредѣлены были по уставу для дѣйствій Русскаго Общества Пароходства и Торговли. Соперничество съ этими послѣдними компаніями было тѣмъ труднѣе для Русскаго Общества, что дѣятельность и управленіе ихъ были въ то время уже вполнѣ организованы.»

Мы выписали буквально слова «Отвѣта», только выпустивъ для краткости нѣкоторые изъ доводовъ, служащихъ подтвержденіемъ ихъ. Мы совершенно принимаемъ справедливость приведенныхъ нами словъ; слѣдовательно не имѣемъ надобности провѣрять доказательства, на которыхъ они основаны. Что же такое говоритъ намъ г. Новосельскій?

Онъ говоритъ намъ, что страна, продуктами которой должны были грузиться пароходы Русскаго Общества, была разорена, то есть не могла представлять значительнаго количества продуктовъ для вывоза. Положимъ, что Общество основывалось для надобностей не того времени, а слѣдующихъ годовъ, когда край поправится отъ разоренія и будетъ имѣть болѣе значительное количество продуктовъ. Но г. Новосельскій говоритъ, что приморскіе города этого края разобщены отъ внутреннихъ областей, производящихъ продукты, — стало быть Общество не могло надѣяться на успѣшность дѣйствій, пока положеніе внутреннихъ путей сообщенія въ Южной Россіи не измѣнится; оно не измѣнилось до сихъ поръ, по словамъ г. Новосельскаго; стало быть и до сихъ поръ Общество лишено основанія для успѣшности своихъ дѣйствій. Но мало того, что нѣтъ путей для подвоза продуктовъ къ пароходамъ Общества, — г. Новосельскій прибавляетъ, что сами по себѣ эти продукты неудобны для перевоза на пароходахъ: они такъ громоздки и дешевы, что при обыкновенныхъ обстоятельствахъ не въ состояніи «выносить высшаго противъ парусныхъ судовъ пароходнаго фрахта»; итакъ, по свойству самыхъ продуктовъ своихъ, отпускная торговля Южной Россіи неудобна для дѣйствій пароходнаго общества. Кромѣ того, Общество не находило для себя ни матросовъ, ни людей готовыхъ къ коммерческой береговой и судовой службѣ, ни даже кочегаровъ; итакъ основывался пароходный флотъ, не находившій себѣ не только продуктовъ для перевозки, но даже и людей, годныхъ на службу. Этого мало: по всѣмъ русскимъ берегамъ, для которыхъ онъ основывался, не было ни одной удобной пристани для него, не было даже никакихъ средствъ для нагрузки и выгрузки. Итакъ пароходы, не имѣвшіе ни товаровъ для перевозки, ни людей для своей службы, не имѣли даже и мѣстъ, въ которыхъ

удобно могли бы нагружаться или приставать. Къ ихъ существованію не было ничего приготовлено до такой степени, что для починокъ и окраски они должны были ходить въ Марсель: по всему русскому южному берегу не было ни одного механическаго заведенія.

Мы спрашиваемъ теперь: дозволялось ли здравымъ коммерческимъ разсчетомъ основывать Общество въ такихъ обстоятельствахъ? Продуктовъ для его дѣйствій нѣтъ, людей для него нѣтъ, пристаней для него нѣтъ, ничего нужнаго для него нѣтъ, — зачѣмъ же нужно оно само, когда нѣтъ ему ни круга дѣйствій, ни средствъ дѣйствованія?

Можно предположить на это отвѣтъ такого рода: правда, что русская отпускная торговля находилась въ обстоятельствахъ очень неблагопріятныхъ для дѣйствій Пароходнаго Общества; но сама она, эта несчастная отпускная торговля, нуждалась въ Пароходномъ Обществѣ, такъ что его основаніе было не предметомъ коммерческаго разсчета со стороны основателей, а благороднымъ подвигомъ на общую пользу, хотя бы съ убыткомъ себѣ. Но г. Новосельскій устраняетъ эту мысль. Онъ говоритъ намъ, что на Черномъ, Средиземномъ и Азовскомъ моряхъ, во время основанія Русскаго Общества, уже дѣйствовали пароходы французскіе, австрійскіе, англійскіе, греческіе и турецкіе; французская и австрійская пароходныя компаніи уже «господствовали», по его выраженію, на тѣхъ линіяхъ сообщенія въ Средиземномъ морѣ, на которыхъ намѣревалось дѣйствовать Русское Общество. Итакъ, если отпускная торговля южнаго русскаго берега имѣла надобность въ пароходахъ, она уже имѣла пароходы къ своимъ услугамъ. Она нимало не требовала, чтобы являлись какіе-то благодѣтели для нея, служащіе ей съ убыткомъ для русской націи: она могла уже располагать какимъ ей угодно числомъ пароходовъ, содержаніе которыхъ не приносило ни одной копѣйки убытка русскому народу. Зачѣмъ же намъ нужно было входить для нея въ убытки, нимало для нея не нужные?

А положеніе дѣлъ, по словамъ г. Новосельскаго, было дѣйствительно таково, что Русское Общество Пароходства и Торговли не могло поддерживать своего существованія безъ громадныхъ пожертвованій отъ русской націи. Г. Перозіо говорилъ, что пособіе, даваемое со стороны правительства, служило совершеннымъ обезпеченіемъ Русскому Обществу. Г. Новосельскій утверждаетъ, что это не такъ. Между тѣмъ, по его собственнымъ словамъ, пособіе правительства въ 1858 году составляло гораздо болѣе милліона рублей. Зачѣмъ же поглотило Русское Общество Пароходства столько денегъ у русской націи? Зачѣмъ русская нація должна бросать на это дѣло

такія колоссальныя суммы? У г. Новосельскаго находимъ слѣдующее разъясненіе:

«Содержаніе почтоваго сообщенія вообще, а морскаго въ особенности, вызывается обыкновенно не столько частными потребностями, сколько государственными. Бываетъ конечно, что частныя и государственныя потребности соединяются въ равной степени; но это можетъ случиться только между *нѣкоторыми* пунктами, гдѣ постоянно значительное передвиженіе товаровъ, пассажировъ и почтовой корреспонденціи. Такихъ пунктовъ весьма немного, и правильное сообщеніе между ними устроивается обыкновенно само собою, безъ всякаго содѣйствія и требованія правительства. Но между тѣми пунктами, которые не находятся въ такомъ исключительномъ положеніи, при безучастіи правительствъ, пароходное сообщеніе или вовсе не существовало бы, или же оно производилось бы не срочно, завися отъ выгодности заработка.

«Имѣя въ виду такое двоякое назначеніе почтовыхъ пароходныхъ компаній, а равно и то, что выдаваемыя имъ правительственныя пособія относятся въ государственномъ бюджетѣ къ категоріи расходовъ по устройству путей сообщенія и по содержанію почтъ, нельзя, кажется, признать ихъ ни безполезными, ни излишними. Если бы не было подобныхъ компаній, остались бы, вмѣсто нихъ, правительственныя учрежденія съ тѣмъ же назначеніемъ, и расходы на эти учрежденія покрывались бы исключительно изъ государственныхъ доходовъ, тогда какъ, со времени передачи морскихъ почтовыхъ сообщеній частнымъ компаніямъ, въ покрытіи расходовъ на содержаніе этихъ сообщеній и военныхъ перевозочныхъ средствъ участвуетъ частный капиталъ, съ немалою для него выгодою. Употребленіе государственныхъ суммъ осталось тоже, но только, со времени учрежденія частнаго почтоваго пароходства, онѣ приняли наименованіе *пособій* (subventions de l'etat). Если же, въ послѣднее время, повсюду увеличиваются размѣры морскаго почтоваго сообщенія, то разумѣется не потому, что оно передано въ частныя руки, но потому, что въ такомъ увеличеніи признается надобность, и что удовлетвореніе этой надобности обходится дешевле помощью частныхъ компаній, чѣмъ обходилось при казенномъ управленіи. Само собою разумѣется, что, по мѣрѣ требованій правительствъ, опредѣляется и размѣръ пособій учреждаемымъ ими частнымъ обществамъ. О размѣрѣ этихъ пособій можно судить лишь относительно, то есть смотря *по условіямъ*, при которыхъ возможно осуществленіе возлагаемыхъ на общество обязанностей, и, во всякомъ случаѣ, на основаніи дѣйствительнаго, а не умозрительнаго только знакомства съ этими условіями, и ужь никакъ не по одной величинѣ *цифры* пособія. Исторія пароходныхъ морскихъ компаній показываетъ, что гдѣ требованія правительствъ значительно превышали мѣру ихъ собственной прежней дѣятельности, тамъ назначались и пособія компаніямъ, въ размѣрѣ, превышающемъ прежде лежавшіе на государствѣ расходы. Но гдѣ дѣятельность морскихъ почтовыхъ пароходныхъ обществъ оставлена въ

томъ объемѣ, въ какомъ дѣйствовало прежде само правительство, такъ, вслѣдствіе передачи предпріятія въ частныя руки, немедленно, по образованіи этихъ обществъ, уменьшались и государственные расходы. Возьмемъ для примѣра Русское Общество Пароходства и Торговли и французскую компанію Messageries Impériales. Русское Общество учреждено взамѣнъ Новороссійской экспедиціи, которая дѣйствовала только въ Черномъ морѣ: — удивительно ли, что мѣра правительственнаго пособія Русскому Обществу, которое, сверхъ усиленія дѣйствій по черноморскимъ линіямъ, содержитъ еще сообщенія въ Средиземномъ морѣ и съ Англіей, — превышаетъ бывшіе расходы правительства на Новороссійскую экспедицію? Французской компаніи, Messageries Impériales, напротивъ, передано отъ правительства въ 1851 г. пароходное сообщеніе въ Средиземномъ морѣ почти въ томъ же объемѣ, въ какомъ содержало его само правительство въ теченіе 14 лѣтъ, и вслѣдствіе этого, государственные расходы не только не увеличились, но значительно сократились. Именно, правительство тратило прежде на содержаніе этихъ сообщеній ежегодно до 4,500,000 франковъ, — не включая общихъ расходовъ по управленію, процентовъ на затраченный капиталъ, на страхованіе и погашеніе имущества; а съ передачею морского почтоваго сообщенія въ частныя руки, пособіе правительства составляло въ первое время лишь 2,700,000 франковъ, чѣмъ и ограничивались всѣ расходы государства на этотъ предметъ. Но, по мѣрѣ расширенія, по волѣ правительства, круга дѣятельности Messageries Impériales, постоянно увеличивался и размѣръ правительственнаго пособія, которое въ настоящее время уже доходитъ: въ Черномъ и Средиземномъ моряхъ — до 6,500,000 фр., а въ транс-атлантическихъ рейсахъ — до 12,000,000 франковъ.»

Совершенно такъ. Если для правительства необходимо срочное почтовое сообщеніе между извѣстными гаванями, и если дѣятельность частныхъ сношеній между этими гаванями недостаточна для коммерческаго веденія срочнаго почтоваго пароходства между этими гаванями, правительство имѣетъ надобность помогать содержанію такого пароходства выдачею пособій. Нѣтъ, напримѣръ, никакого сомнѣнія въ томъ, что для англійскаго правительства существуетъ надобность въ почтовыхъ сношеніяхъ съ Канадою и Соединенными Штатами. Но какая надобность можетъ существовать для русскаго правительства въ почтовыхъ пароходныхъ сообщеніяхъ между южно-русскимъ берегомъ и Мальтою, Марселью, Тріестомъ и англійскими гаванями? Свои сношенія съ западною Европою русское правительство ведетъ прямо изъ Петербурга, а не чрезъ Одессу. Правительственныя депеши въ Вѣну, Парижъ и Лондонъ идутъ не чрезъ Одессу. Намъ кажется, что для правительства рѣшительно нѣтъ надобности въ содержаніи почтоваго пароходства между берегами западной Европы и южнымъ русскимъ берегомъ. Другое дѣ-

ло — правильное сообщеніе между разными городами самаго южнаго берега. Если бы оказалось, что пересылать почту между ними на пароходахъ дешевле, чѣмъ отправлять ее сухимъ путемъ, правительство имѣло бы выгоду содержать пароходы для этихъ сообщеній между русскими городами или давать пособія какой нибудь компаніи, содержащей ихъ. Но обязанности такой компаніи ни мало не походили бы на огромный кругъ дѣйствій Русскаго Общества. Содержаніе почты между Одессою, Херсономъ, Севастополемъ, Ѳеодосіею, Керчью, Бердянскомъ и Ростовомъ не имѣетъ ничего общаго съ рейсами въ Марсель и въ англійскія гавани. Вѣроятно есть также правительственная надобность отправлять чрезъ Одессу моремъ почту въ Константинополь; если торговыя сношенія между Одессою и Константинополемъ недостаточны для поддержанія правильныхъ рейсовъ по этой линіи, правительственное пособіе тутъ было бы также слѣдствіемъ надобности. Мы не можемъ въ точности опредѣлить, сколько и какихъ пароходовъ понадобилось бы для полнаго удовлетворенія обѣимъ этимъ надобностямъ; можетъ быть мы сдѣлаемъ слишкомъ скупую оцѣнку, положивъ, что одинъ пароходъ во 100 силъ могъ бы вполнѣ удовлетворить всей дѣйствительной надобности почтовыхъ сообщеній между Одессою, Таганрогомъ и городами, лежащими вдоль этой линіи; что точно также одного такого же парохода было бы достаточно на линію между Одессою и Константинополемъ. Но если кому покажется мало по одному пароходу на каждую изъ этихъ линій, положимъ по два парохода, — этого числа уже за глаза было бы достаточно. Итакъ, содержаніе четырехъ небольшихъ пароходовъ или пособіе на ихъ содержаніе, — вотъ наибольшій предѣлъ пожертвованій, какихъ можетъ требовать правительственная надобность почтовыхъ сношеній между Константинополемъ и Одессою, между Одессою и Таганрогомъ. Если на этихъ линіяхъ Русское Общество Пароходства и Торговли содержитъ бо́льшее число пароходовъ или содержитъ пароходы бо́льшаго количества силъ, чѣмъ какое нужно для почтовыхъ сообщеній, весь излишекъ расходовъ не основывается уже на правительственной надобности. А содержаніе пароходовъ для рейсовъ по Средиземному морю и Атлантическому океану рѣшительно уже не имѣетъ никакого соотношенія съ почтовыми надобностями русскаго правительства.

Зачѣмъ же Русское Общество Пароходства и Торговли содержитъ эти лишніе пароходы для рейсовъ по Черному морю? Зачѣмъ оно получаетъ правительственное пособіе за лишніе рейсы этихъ лишнихъ пароходовъ? Зачѣмъ оно беретъ пособія для рейсовъ по Средиземному морю и въ Англію? Зачѣмъ это дѣлаетъ оно — мы не

знаемъ, и можемъ знать только то, что оно во всѣхъ этихъ случаяхъ беретъ съ правительства деньги совершенно даромъ.

Мы не знаемъ, какого количества денегъ было бы достаточно на пособіе какой нибудь частной компаніи, производящей только дѣйствительно нужное для правительства число рейсовъ по линіямъ изъ Одессы въ Таганрогъ и Константинополь; положительно можно сказать только одно, что вся нужная на то сумма была бы ничтожна по сравненію съ громадньымъ количествомъ казенныхъ денегъ, поглощаемыхъ теперь Русскимъ Обществомъ Пароходства и Торговли. Изъ 1,144,573 р. 94 к., взятыхъ этимъ обществомъ съ правительства въ 1858 г., какое число тысячъ рублей или десятковъ тысячъ рублей слѣдуетъ считать взятыми за исполненіе дѣла, нужнаго правительству, мы не умѣемъ сказать въ точности, — можетъ быть десять тысячъ рублей, можетъ быть двадцать тысячъ рублей, — положимъ хоть пятьдесятъ тысячъ рублей; но ужь никакъ не двѣсти тысячъ, даже не сто тысячъ, — даже ста тысячъ было бы слишкомъ много на дѣйствительно нужное пособіе четыремъ маленькимъ пароходамъ. Кладите какую хотите высокую норму этой дѣйствительно нужной для правительства части расхода, все-таки она будетъ ничтожной долей въ огромной массѣ денегъ, поглощаемыхъ Русскимъ Обществомъ Пароходства и Торговли изъ государственныхъ доходовъ.

Вотъ только объ этомъ мы и говоримъ теперь; какъ управляетъ своими дѣлами Русское Общество Пароходства и Торговли, мы здѣсь не разбираемъ. Мы хотимъ предполагать здѣсь полную справедливость въ увѣреніяхъ г. Новосельскаго, что оно управляетъ своими дѣлами превосходно. Мы только спрашиваемъ: какою причиною можетъ оправдаться самое существованіе Русскаго Общества Пароходства и Торговли, берущаго такую массу денегъ у русской націи?

Мы видимъ, что существованіе такого общества не основывается на почтовыхъ надобностяхъ правительства. Самъ г. Новосельскій потрудился объяснить намъ, что съ коммерческой стороны существованіе Русскаго Общества Пароходства и Торговли не вызывалось надобностями отпускной торговли южнаго берега и не соотвѣтствовало ни качеству, ни количеству продуктовъ, ни какимъ другимъ условіямъ коммерческаго предпріятія. Мы спрашиваемъ: зачѣмъ же возникло, зачѣмъ существуетъ оно? Чѣмъ существуетъ оно, это мы знаемъ. Самъ г. Новосельскій объясняетъ намъ (на стр. 9 своего «Отвѣта»), что расходы Общества на содержаніе пароходовъ, ихъ погашеніе, страхованіе и, частью, на учрежденіе и содержаніе ремонтныхъ заведеній, то есть значительнѣйшая половина всѣхъ расходовъ Общества покрывается правительственнымъ по-

собіемъ. Дѣйствительно, на страницѣ 108 его «Отвѣта» мы видимъ, что все количество расходовъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли въ 1858 г. простиралось до 1,670,182 р. 81 к.; а на стр. 9 мы видимъ, что правительственное пособіе въ этомъ году составляло 1,144,573 р. 94 к., то есть правительственнымъ пособіемъ покрывались болѣе чѣмъ двѣ трети всѣхъ расходовъ Общества.

Прежняя полемика о дѣлахъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли относилась къ управленію дѣлами Общества, имѣла въ виду охраненіе выгодъ его акціонеровъ, — намъ до этого никакого нѣтъ дѣла. Русское Общество Пароходства и Торговли устроилось на такихъ основаніяхъ, что вопросъ о выгодахъ его акціонеровъ ничтоженъ передъ вопросомъ объ огромныхъ пожертвованіяхъ русской націи. Пусть акціонеры станутъ получать хотя по 20 процентовъ дивиденда, русскому государству не станетъ отъ этого легче. Мы хотимъ знать, какими выгодами не для своихъ акціонеровъ, а для русской націи вознаграждаетъ или можетъ когда нибудь вознаградить это Общество русскую націю за милліоны, ею брошенные и бросаемые на него? Г. Новосельскій потрудился представить въ своемъ «Отвѣтѣ» матеріалы для разрѣшенія нашего вопроса.

«Исходный пунктъ дѣйствій Русскаго Общества есть Одесса, стоящая въ сторонѣ отъ европейскаго движенія на востокъ и отдѣленная разстояніемъ и дурными дорогами (весною, осенью и зимою) отъ всей остальной Россіи. Такъ же уединенно отъ внутреннихъ областей стоятъ при морѣ всѣ прочіе южно-русскіе города. Поэтому притокъ къ нимъ товаровъ и пассажировъ сравнительно весьма слабъ; собственное же населеніе Южной Россіи незначительно. Пассажирское передвиженіе между южно-русскими портами затрудняется общими для всей Россіи причинами, между прочимъ: стѣснительностью паспортной системы и отсутствіемъ всякихъ удобствъ для остановокъ и жизни въ городахъ. Оно, правда, усиливается постепенно, вслѣдствіе частаго и срочнаго плаванія пароходовъ и весьма умѣренной платы за провозъ; но развитіе его еще слишкомъ далеко отъ того дѣятельнаго движенія, которое мы видимъ, напримѣръ, по берегамъ Италіи, на линіи отъ Марсели въ Египетъ, изъ Тріеста въ Турцію и на другихъ подобныхъ линіяхъ иностранныхъ компаній. Торговля Южной Россіи, какъ уже было замѣчено, заключается преимущественно въ отпускѣ сырыхъ продуктовъ, не выносящихъ высокаго фрахта, особенно же хлѣба, спросъ на который за границу, со времени войны, значительно уменьшился. Наконецъ, по причинѣ мелководія и беззащитности южно-русскихъ рейдовъ, пароходы вынуждены останавливаться большей частью въ дальнемъ разстояніи отъ городовъ, вслѣдствіе чего удорожается нагрузка, слѣдовательно возвышается и фрахтъ. Messageries Impériales и Австрійскій Лойдъ, напротивъ, имѣютъ исходными пунктами своихъ дѣйствій: первыя—Марсель, а второй—Тріестъ. Тотъ и другой изъ этихъ городовъ соединены

желѣзными дорогами и шоссе съ важнѣйшими мѣстностями своихъ государствъ и съ общей сѣтью европейскихъ желѣзныхъ дорогъ. Поэтому Тріестъ и Марсель стягиваютъ къ себѣ грузы и пассажировъ, не только изъ тѣхъ государствъ, въ которыхъ они находятся, но также изо всѣхъ не приморскихъ странъ, соединенныхъ съ ними сѣтью желѣзныхъ дорогъ, каналами, судоходными рѣками и шоссе. Къ этимъ двумъ портамъ направляются съ сухаго пути товары и пассажиры всей западной и средней Европы, слѣдующіе къ портамъ Средиземнаго моря и вообще на востокъ: въ Египетъ, Сирію, Грецію и черезъ Требизондъ въ Персію; а съ моря къ нимъ же направляются пассажиры и товары изъ восточныхъ странъ въ западную и среднюю Европу. Такимъ образомъ, компаніи Messageries и Австрійскій Ллойдъ — даже независимо отъ давности ихъ существованія — имѣютъ уже то огромное преимущество передъ Русскимъ Обществомъ Пароходства и Торговли, что исходные пункты ихъ дѣятельности суть вмѣстѣ и средоточія отпускной и привозной торговли съ востокомъ *всей средней и западной Европы.*»

Что сказать послѣ этого? дѣло ясно. Мы уже знали отъ г. Новосельскаго, что Русское Общество Пароходства и Торговли было основано въ обстоятельствахъ, въ которыхъ не было никакой коммерческой возможности основываться подобному предпріятію, то есть не было ему никакой перспективы, кромѣ какъ содержаться на счетъ націи. Мы теперь не имѣемъ нужды разыскивать, до какой степени измѣнились эти убыточныя обстоятельства съ той поры, и если еще они не измѣнились, то скоро ли они могутъ замѣниться болѣе выгодными. Самъ г. Новосельскій потрудился теперь доказать намъ, что даже и тогда, когда будетъ сдѣлано все зависящее отъ человѣческихъ силъ для наилучше-возможной обстановки, сама природа, само географическое положеніе будетъ удерживать наше Пароходное Общество южнаго берега въ условіяхъ дѣятельности на Средиземномъ морѣ и Атлантическомъ океанѣ, чрезмѣрно невыгодныхъ по сравненію съ пароходными обществами Тріеста и Марсели. До той поры, пока не измѣнится весь балансъ всемірной торговли, до той поры, пока индійская и китайская торговля не проложитъ себѣ новыхъ путей въ Европу, пока англійская и нѣмецкая торговля не проложитъ себѣ новыхъ путей въ центральную Азію и Китай, пароходы Одессы и южнаго берега Россіи не могутъ выдерживать на Средиземномъ морѣ, а тѣмъ болѣе на Атлантическомъ океанѣ соперничества съ пароходами приморскихъ городовъ западной Европы, имѣющихъ болѣе выгодное положеніе по отношенію къ нынѣшнимъ торговымъ путямъ. Торговля тѣхъ городовъ — торговля цѣлой Европы, — это говоритъ намъ самъ г. Новосельскій; торговля Одессы — не больше какъ торговля Одессы и прилежащихъ къ ней русскихъ губерній, —

это опять говоритъ намъ самъ г. Новосельскій. Заключеніе очевидно: борьба слишкомъ неравна, соперничество невозможно.

То есть, какъ же невозможно? Очень возможно; мы видимъ, что возможно. Мы знать ничего не хотимъ; хотимъ, чтобъ Одесса дѣлала то, чего не можетъ дѣлать, — и, какъ видимъ, она дѣлаетъ: пароходы Одесскаго порта плаваютъ себѣ куда только имъ вздумается, — плаваютъ себѣ въ Марсель, въ Англію, и акціонеры ихъ получаютъ дивидендъ. Почему бы имъ не плавать также въ Ріо-Жанейро и въ Кантонъ? Акціонеры ихъ тоже получали бы дивидендъ при системѣ, по которой, какъ говоритъ самъ г. Новосельскій, покрываются правительственнымъ пособіемъ расходы на содержаніе пароходовъ, ихъ погашеніе, и проч. и проч. Нѣтъ, мы не отвяжемся отъ вопроса: зачѣмъ же они плаваютъ туда, куда имъ не нужно плавать? И зачѣмъ они существуютъ, когда существуютъ только въ убытокъ русской націи?

А какъ же не существовать у насъ пароходному Обществу, получающему правительственное пособіе, когда существуютъ такія общества въ Англіи, во Франціи, въ Австріи? Англія намъ не примѣръ; у ней есть необходимость содержать правильныя почтовыя сообщенія съ колоніями за океаномъ и съ Соединенными Штатами. Съ Канадою и Соединенными Штатами Англія ведетъ торговый оборотъ, превышающій всю торговлю всѣхъ русскихъ портовъ со всѣми странами земнаго шара. Австрія тоже намъ не примѣръ. Мы видимъ, какихъ результатовъ достигаетъ ея финансовая система, и не дай Богъ не только намъ, русскимъ, но и никому на свѣтѣ ставить себѣ за образецъ Австрію. Остается Франція; но вѣдь у Франціи есть Алжирія; она служитъ оправданіемъ такихъ пожертвованій на почтовыя пароходныя сообщенія, которыя не имѣли бы основаній у насъ. Впрочемъ дѣйствительною надобностію въ почтовыхъ сообщеніяхъ съ Алжиріею и съ иностранными берегами, важными для Франціи, далеко еще не объясняется громадность пособій, выдаваемыхъ французскимъ правительствомъ Обществу французскаго почтоваго пароходства. Главная причина тутъ другая: Франція хочетъ имѣть военный флотъ сильнѣе англійскаго; она хочетъ имѣть большое число транспортныхъ пароходовъ для пособія своимъ военнымъ кораблямъ въ случаѣ войны съ Англіею. Намъ нѣтъ никакой надобности искать войны ни съ Англіею, ни съ Франціею. Нашъ военный флотъ не имѣетъ ни надобностей, ни притязаній равняться многочисленностію ни англійскому, ни французскому. Зачѣмъ же намъ тратить деньги на то, на что бросаетъ ихъ Франція по національному тщеславію? Тщеславіе не ведетъ ни къ чему хорошему; не ведетъ оно и Францію ни къ чему, кромѣ убытковъ. Но Франція вдвое или втрое богаче

насъ. Она можетъ бросать милліоны, а намъ бросать ихъ не приходится: мы не такъ богаты.

Зачѣмъ же существуетъ Русское Общество Пароходства и Торговли? Для истощенія средствъ нашихъ, которыя не такъ изобильны, чтобы не нужна была намъ строгая экономія.

Мы обращаемся къ г. Новосельскому съ однимъ вопросомъ: сколько всѣхъ денегъ взяло до сихъ поръ Русское Общество Пароходства и Торговли у правительства, въ видѣ взноса за акціи и въ видѣ пособій разнаго наименованія? Какъ бы ни думали мы объ административныхъ способностяхъ г. Новосельскаго, мы считаемъ его человѣкомъ честнымъ, — и обращаемся къ нему съ этимъ вопросомъ, какъ къ человѣку честному. Пусть онъ сочтетъ, сколько мильоновъ поглощено изъ государственныхъ доходовъ Русскимъ Обществомъ Пароходства и Торговли: пять мильоновъ, шесть мильоновъ или больше? Не довольно ли уже брошено на него денегъ? Нужно ли еще и дальше тратить намъ на него каждый годъ болѣе мильона?

Основаніе Русскаго Общества Пароходства и Торговли было ошибкою очень убыточною для націи; чѣмъ долѣе будемъ мы упорствовать въ этой ошибкѣ, теперь уже до очевидности раскрытой словами самого г. Новосельскаго, тѣмъ больше мы только будемъ напрасно изнурать себя; чѣмъ скорѣе мы исправимъ ее, тѣмъ лучше. Изъ показаній самого г. Новосельскаго мы видимъ, что способъ къ ея исправленію одинъ: закрытіе Русскаго Общества Пароходства и Торговли. Самъ г. Новосельскій объясняетъ намъ, что обстоятельства, въ которыхъ возникло оно, были чрезвычайно невыгодны («если все это, говоритъ онъ,—перечисливъ условія, при которыхъ основано было Общество, составляетъ *наивыгоднѣйшія* для возникающаго предпріятія обстоятельства, то желательно бы знать, что можетъ быть названо *наиневыгоднѣйшими* обстоятельствами?» Отвѣтъ, стр. 4). Важнѣйшія изъ этихъ, по его собственному выраженію, наиневыгоднѣйшихъ обстоятельствъ, таковы, что не отвращены до сихъ поръ и очень долго еще не будутъ отвращены, или даже таковы, что никакъ не будутъ отвращены до совершеннаго измѣненія путей всемірной торговли. При такомъ положеніи дѣлъ, обнаруживающемся изъ самыхъ словъ г. Новосельскаго, продолжать предпріятіе, не ведущее ни къ чему, кромѣ громадныхъ убытковъ націи, было бы совершенно излишнимъ истощеніемъ нашихъ средствъ, размѣръ которыхъ не допускаетъ мотовства.

Итакъ, мы приглашаемъ Русское Общество Пароходства и Торговли приступить къ развязкѣ, возлагаемой на него обязанностію патріотизма, — приступить къ ликвидаціи своихъ дѣлъ: пусть оно продастъ казнѣ или какому нибудь частному обществу тѣ немногіе

изъ своихъ пароходовъ, которые дѣйствительно нужны на содержаніе почтовыхъ сообщеній по южному русскому берегу и между Одессою и Константинополемъ, по единственнымъ линіямъ, содержаніе которыхъ можетъ считаться неизбѣжнымъ; пусть оно продастъ остальные свои пароходы кому хочетъ; пусть оно продастъ въ частныя руки или казнѣ свои механическія и другія заведенія; пусть оно прекратитъ свои дѣла. Если оно исполнитъ это, можно будетъ сказать: основатели и распорядители Русскаго Общества Пароходства и Торговли поступили какъ люди благородные; увидѣвъ, что ихъ предпріятіе ошибочно, что ихъ выгоды находятся въ противорѣчіи съ выгодами націи, они избавили націю отъ колоссальныхъ убытковъ.

Торговля южнаго берега не пострадаетъ отъ уничтоженія предпріятія, которое не нужно для нея. Оживленіе торговли производится не такими способами, какими думало помочь ей Русское Общество Пароходства и Торговли. Торговля оживляется не тѣмъ, чтобы брать у націи деньги, — этимъ, напротивъ, уменьшаются средства націи для веденія торговли, то есть убивается торговля. Для оживленія торговли южнаго русскаго берега нужны совершенно другія вещи, изъ которыхъ многія вычислены самимъ г. Новосельскимъ. Для этого прежде всего нужно устройство внутреннихъ путей сообщенія, проложеніе хорошихъ дорогъ отъ мѣстъ, производящихъ хлѣбъ, къ черноморскимъ гаванямъ. Нужно, кромѣ того, возстановленіе кредита, который возстановляется бережливостію въ національныхъ расходахъ. Бережливость въ государственныхъ расходахъ будетъ очень сильнымъ средствомъ къ поднятію благосостоянія жителей государства, въ томъ числѣ и провинцій, прилежащихъ къ южному берегу; а возвышеніе благосостоянія этихъ провинцій послужитъ главнымъ источникомъ расширенія всякихъ торговыхъ ихъ оборотовъ, въ томъ числѣ и отпускной торговли пристаней южнаго берега.

Нечего опасаться, чтобы оказался недостатокъ въ торговыхъ судахъ для этой торговли, парусныхъ или пароходныхъ, какихъ она будетъ требовать. И безъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли потребность эта будетъ удовлетворяться: самъ г. Новосельскій говоритъ, что у Русскаго Общества Пароходства и Торговли очень много соперничествующихъ компаній; онѣ будутъ рады дать своимъ торговымъ флотамъ все развитіе, какого потребуетъ торговля южнаго русскаго берега; готовности служить ей у нихъ и у частныхъ судохозяевъ никакъ не меньше, чѣмъ у Русскаго Общества Пароходства и Торговли, и разница лишь та, что свои услуги онѣ оказываютъ и будутъ оказывать безъ малѣйшихъ убытковъ для рус-

ской казны, а Русское Общество Пароходства и Торговли требуетъ отъ нея громадныхъ пожертвованій. Очевидно даже, что торговля южнаго берега станетъ, по закрытіи Русскаго Общества Пароходства и Торговли, не только развиваться быстрѣе сама, но и будетъ находить гораздо лучшее и полнѣйшее удовлетвореніе своимъ надобностямъ въ какихъ бы то ни было, парусныхъ или пароходныхъ, судахъ для отправленія своихъ товаровъ за море, чѣмъ при существованіи Русскаго Общества Пароходства и Торговли. Громадныя пособія, получаемыя этимъ Обществомъ, прямо служатъ стѣсненіемъ для другихъ компаній и частныхъ судохозяевъ, которые желали бы предлагать свои пароходы къ услугамъ негоціантовъ нашихъ южныхъ пристаней. Закрытіе Русскаго Общества Пароходства и Торговли необходимо для того, чтобы торговля южнаго берега увидѣла себя въ естественныхъ, не стѣсненныхъ условіяхъ для отправленія своихъ товаровъ въ гавани Франціи и Англіи.

Необходимость закрытія Русскаго Общества Пароходства и Торговли для избавленія русской націи отъ напрасныхъ громадныхъ убытковъ и для блага самой торговли южнаго русскаго берега, — вотъ заключеніе, къ которому приводятъ насъ объясненія, высказанныя самимъ директоромъ-распорядителемъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли, г. Новосельскимъ, въ его «Отвѣтѣ».

Н. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФІЯ.

(**Философскій лексиконъ.** Т. I. А, Б, В. *С. Г.* Спб. 1859 г. Т. II. Г, Д, Е, Ж, З, И. — *С. Г.* Кіевъ. 1861 г.)

По поводу «Философскаго Лексикона» мы не будемъ разсуждать о томъ, возможно ли у насъ теперь издавать энциклопедическіе словари вообще и философскіе въ особенности, потому что это необходимо привело бы насъ къ разнымъ щекотливымъ вопросамъ, — въ томъ числѣ и къ знаменитому вопросу о нашей зрѣлости или незрѣлости—вопросу, какъ извѣстно, очень спорному и, какъ видно, еще не созрѣвшему. Изданъ философскій лексиконъ, нечего тутъ, значитъ, и толковать о возможности его изданія; мы признаемъ совершившійся фактъ, и намъ остается только судить о его значеніи, о степени высоты и достоинства тѣхъ философскихъ идей или «моментовъ», которые выразились въ этомъ фактѣ. Правда, фактъ совершился еще не вполнѣ, не достигъ послѣдняго момента своего развитія, или говоря попросту, изъ обѣщанныхъ пяти томовъ лексикона явились только два первые; однако же сужденіе о немъ, кажется, не будетъ преждевременнымъ или не полнымъ, потому что лексиконъ — это не то, что систематическое изложеніе какого нибудь многотруднаго вопроса, гдѣ окончательные выводы являются обыкновенно въ заключеніи, въ концѣ сочиненія, такъ-что конецъ вѣнчаетъ и краситъ все сочиненіе; а просто аггрегатъ статей, изъ

которыхъ каждая представляетъ собою законченное цѣлое, съ окончательнымъ и рѣшительнымъ выводомъ. Въ лексиконѣ нѣтъ ни начала, ни конца, ни середины, или, лучше—все перебито: конецъ является въ началѣ, середина въ концѣ, какъ ни попало; здѣсь представляется такимъ образомъ возможность судить о дѣлѣ не по двумъ томамъ, а даже по одному; въ этомъ одномъ томѣ могутъ быть статьи, которыя вполнѣ выражаютъ міровоззрѣніе автора и по которымъ можно безошибочно судить о степени его самостоятельности и учености, объ его ученыхъ пріемахъ и о достоинствѣ историческойобработки матеріаловъ, составляющихъ предметъ его ученаго труда. Въ первомъ томѣ «Философскаго Лексикона», уже и было нѣсколько такихъ характерныхъ статей, по которымъ можно было бы судить о цѣломъ духѣ его; а теперь явился и второй томъ, который только усилилъ впечатлѣніе, произведенное первымъ, и вполнѣ подтвердилъ сужденія, основывавшіяся на первомъ; всѣ послѣдующіе томы не представятъ новыхъ данныхъ, новыхъ фактовъ для сужденія: пожалуй, фактовъ будетъ и больше по количеству, но по качеству и значенію они будутъ однородны съ тѣми, которые мы имѣемъ уже предъ глазами. Ожидать въ слѣдующихъ томахъ измѣненной, развитой и дополненной философіи мы не смѣемъ отъ «Философскаго Лексикона», который долженъ являться и быть плодомъ опредѣленной и законченной мысли; а ужь о концѣ и говорить нечего: онъ даже не въ состояніи увѣнчать и украсить дѣла, потому что къ концу придутся послѣднія буквы алфавита, стоящія во главѣ немногихъ словъ, по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи много уступающія первымъ и среднимъ буквамъ. На основаніи такихъ соображеній, мы приступаемъ къ разбору «Философскаго Лексикона» и позволяемъ себѣ надѣяться, что наше сужденіе о немъ не сочтется преждевременнымъ приговоромъ дѣлу, которое еще не приведено къ концу.

Задачу философскаго лексикона авторъ, или составитель его, опредѣляетъ такъ. Вопросы, разсматриваемые въ философіи, составляютъ общее достояніе всѣхъ мыслящихъ людей; каждый поэтому старается выработать отвѣты на эти вопросы или собственною мыслію, или же воспользоваться для этого философскими сочиненіями другихъ. «Но такъ-какъ иностранная философская литера-«тура, говоритъ авторъ, требуетъ долговременнаго спеціальнаго «приготовленія и доступна не многимъ; наша же отечественная край-«не скудна философскими сочиненіями и почти ничего не представ-«ляетъ для удовлетворенія этой разумной потребности,—то состави-«тель рѣшился, по мѣрѣ силъ, восполнить этотъ недостатокъ» (отчего же не пробѣлъ?) «краткимъ изложеніемъ, въ формѣ лексико-

«на, вопросовъ относящихся къ философіи и исторіи философіи; и «притомъ изложеніемъ простымъ и общепонятнымъ» (Т. I. Предисл. III). Нельзя не поблагодарить автора за такое прекрасное намѣреніе помочь своимъ соотечественникамъ въ уясненіи философскихъ вопросовъ. О возможности, или невозможности у насъ такого лексикона мы не говоримъ — пусть порядочный философскій лексиконъ у насъ и невозможенъ, а мы все-таки должны быть признательными за то, что издается книга въ такомъ родѣ, въ какомъ нельзя издать у насъ хорошей книги. По мысли автора, его лексиконъ долженъ удовлетворять самому пытливому уму, самому многостороннему философскому любопытству; въ немъ должны излагаться популярно почти всѣ важнѣйшіе философскіе вопросы, «даже самые трудные и отвлеченные», а также системы замѣчательнѣйшихъ мыслителей; и потомъ, лексиконъ долженъ еще служить справочнымъ сборникомъ философскимъ. Итакъ въ «Лексиконѣ» должно строго различать двѣ части, или точнѣе — двѣ стороны: внутреннюю—куда принадлежитъ собственная философія автора, его взгляды и идеи, и внѣшнюю—чужую философію, исторію философіи, то есть какъ она понимается въ «Лексиконѣ», жизнь, перечисленіе сочиненій и изложеніе ученія разныхъ философовъ. Эти двѣ стороны не походятъ одна на другую, каждая имѣетъ свои особенности, ихъ характеръ и внутреннія достоинства очень различны, а потому и судить о нихъ нужно порознь о той и другой. Внѣшняя сторона, напр., гораздо выше внутренней, да и сама по себѣ не лишена нѣкотораго достоинства. Какъ справочный сборникъ, «Философскій Лексиконъ» книга довольно дѣльная; въ немъ вы можете навести справки не только о философахъ въ собственномъ смыслѣ, но даже и о такихъ господахъ, которымъ случайно и по недоразумѣнію данъ титулъ философовъ. Здѣсь есть даже Берозъ, «о которомъ впрочемъ», какъ говоритъ авторъ, «ничего неизвѣстно», и конечно и въ слѣдующихъ томахъ будутъ Санхоніатонъ, Питтакъ и Клеовулъ. Біографіи философовъ изложены обстоятельно, сказано, когда философъ родился и умеръ, гдѣ жилъ, какой имѣлъ чинъ, буде имѣлъ, какія проходилъ должности, какія писалъ сочиненія, кѣмъ и когда они были изданы и есть ли переводы ихъ на другіе языки; все это подъ-часъ бываетъ очень нужно и очень важно; иногда указаны даже монографіи и замѣчательныя статьи о томъ или другомъ философѣ. Затѣмъ приводятся характеристическія мысли излагаемаго философа, и если это философъ первой величины, тутъ же кратко изображается и вся его система по пунктамъ и по отдѣламъ, такъ что и можно узнать, какъ философъ думалъ объ одномъ предметѣ, какъ о другомъ, о третьемъ и т. д.—словомъ сказать, о разныхъ предметахъ; а наконецъ въ за-

ключеніи предлагается краткое или подробное опроверженіе мыслей философа, смотря по нуждѣ. Система Гегеля напр. изложена и опровергнута весьма подробно, почти на 200 страницахъ; не говоря объ опроверженіи, которое относится уже къ внутренней сторонѣ «Лексикона», самое изложеніе очень обстоятельно, но далеко не популярно, за то точно и отчетливо, гораздо точнѣе, чѣмъ въ другихъ русскихъ монографіяхъ о Гегелѣ. Вообще ученія философовъ авторъ передаетъ очень часто ихъ собственными словами. Повторяемъ, какъ справочная книга — «Лексиконъ» можетъ, за отсутствіемъ другихъ справочныхъ книгъ, иногда принести пользу любителю философіи, думающему, что можно узнать философію съ помощью отечественныхъ источниковъ, какъ нѣкогда почтенный Ертовъ изучилъ, — да еще какъ подробно — всеобщую исторію по русскимъ источникамъ, которые впрочемъ для всеобщей исторіи все-таки благонадежнѣе, чѣмъ для философіи. Конечно, и относительно внѣшней стороны «Лексикона» составителю можно сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Къ чему, напр., онъ помѣстилъ у себя такія штуки: «Абарисъ, лицо болѣе миѳическое, нежели «историческое. Въ древности онъ слылъ за ученика Пиѳагорова; но «ученіе его и сочиненія неизвѣстны». — «Абумашаръ, арабскій фи- «лософъ IX-го столѣтія, сперва противникъ Алкенди (арабскаго же «философа), а потомъ одинъ изъ ревностнѣйшихъ его учениковъ и «послѣдователей. Впрочемъ, онъ пріобрѣлъ себѣ извѣстность болѣе «математическими и особенно астрологическими, нежели философ- «скими сочиненіями». — «Александръ Пелоплатъ (названіе, состав- «ленное изъ греческихъ словъ: πέλας — близкій и Πλάτων — Платонъ), «названный такъ потому, что старался въ точности слѣдовать уче- «нію платониковъ. Но ни сочиненія его, ни ученіе неизвѣстны. Онъ «родился въ Селевкіи, учился у Фаворина и жилъ во II-мъ столѣтіи «послѣ Р. Христова.» Подобныхъ Александровъ сряду помѣщена цѣлая полдюжина. — «Антипатръ тирскій (An. Tyrius), уроженецъ «Тира. Извѣстно только, что онъ также былъ стоикъ и жилъ въ «I-мъ столѣтіи до Р. X. Но другихъ свѣдѣній о немъ исторія не со- «хранила» — и цѣлая тройка такихъ Антипатровъ. И подобныхъ господъ найдется въ обоихъ томахъ около сотни, — и все это въ популярномъ лексиконѣ, для неспеціалистовъ! Вмѣсто всѣхъ ихъ, гораздо лучше было бы помѣстить Арія, замѣчательнаго мыслителя, Григорія Богослова (а иначе зачѣмъ помѣщенъ Іоаннъ Дамаскинъ?), Бруно Бауера, Бунзена, Виклефа, Вагнера Рудольфа, — послѣдній даже пригодился бы автору для внутренней стороны его «Лексикона», — Галилея и много другихъ болѣе интересныхъ и вліятельныхъ личностей, чѣмъ тройка философовъ Антипатровъ и шестерка фи-

лософовъ Александровъ. Вообще видно, что составитель не уяснилъ для себя, а можетъ быть и вовсе не имѣлъ критерія, которымъ бы онъ руководствовался, принимая въ свой «Лексиконъ» разныхъ господъ, попадавшихся ему подъ руку. Непріятно также бросается въ глаза и то обстоятельство въ «Лексиконѣ», что составитель черезъчуръ напираетъ на мнѣнія философовъ, которыя согласны съ его образомъ мыслей, и, напротивъ, какъ-то скрадываетъ и затушевываетъ тѣ, которыя ему не нравятся, даже старается натянуть ихъ и объяснить въ свою пользу: напр., ученіе Аристотеля о душѣ. Иногда также выходятъ у него забавныя недоразумѣнія съ философами; философъ говоритъ про Ѳому, а составитель про Ерему; философъ разсуждаетъ объ абсолютномъ, какъ началѣ и сущности всѣхъ явленій въ мірѣ, объ идеѣ, развивающей изъ себя и собственною силою все существующее, а составитель подтверждаетъ его и говоритъ: «да, справедливо, что въ мірѣ отражаются совершенства божествен-«наго существа, что міръ не могъ бы и существовать безъ вліянія «на него божескаго всемогущества, и самое познаніе было бы невоз-«можно безъ богоподобности нашего духа» (Т. I, стр. 13). Удивились бы Шеллингъ и Гегель, услышавъ подобное подтвержденіе своихъ мыслей; однако, сами виноваты: вольно же имъ было употреблять въ исключительномъ смыслѣ своей философіи тѣ самыя слова, съ которыми люди привыкли соединять иное, вовсе не философское значеніе. Мы впрочемъ не придаемъ важнаго значенія указаннымъ недостаткамъ; во-первыхъ, они исправимы, а во-вторыхъ, ихъ легко можно извинить, особенно, если принять во вниманіе то обстоятельство, на которое указываетъ авторъ, требуя снисходительности къ недостаткамъ своего труда, т. е. что все изданіе сдѣлано силами одного лица; хотя мы впрочемъ расположены думать, что въ составленіи «Лексикона» трудилось не одно лицо. Правда, всѣ статьи пригнаны подъ одну мѣрку, проникнуты одинаковыми тенденціями, но въ изложеніи ихъ замѣтна нѣкоторая разница: одни статьи написаны спокойно и солидно, какъ и слѣдуетъ быть философскимъ статьямъ; въ другихъ же, напротивъ, такое высокопарное краснорѣчіе и фразерство, какое показалось бы страннымъ даже гдѣнибудь въ реторикѣ; одни и тѣ же собственныя имена въ разныхъ статьяхъ читаются различно. Впрочемъ, всѣ эти разности могли произойти и отъ случайныхъ обстоятельствъ, расположенія духа и проч.

Поблагодаривъ составителя за внѣшнюю, фактическую или историческую сторону его труда, мы переходимъ ко внутренней, философской; посмотримъ на его собственную философію, какую онъ предлагаетъ умамъ, жаждущимъ философскаго просвѣщенія. Оты-

кать эту философію въ разбросанныхъ разнородныхъ статьяхъ «Лексикона» не трудно. Въ вышедшихъ томахъ авторъ излагаетъ нѣсколько значительныхъ, типическихъ философскихъ системъ и, конечно, не можетъ не выразить своего отвращенія или сочувствія къ нимъ,—а по симпатіямъ или антипатіямъ автора можно опредѣлить, къ какому типу или къ какой философской школѣ принадлежитъ онъ самъ. Притомъ, онъ формально критикуетъ и опровергаетъ излагаемыя имъ ученія, а это еще болѣе облегчаетъ трудъ уразумѣнія его собственной философіи. А самое главное — въ вышедшихъ томахъ есть нѣсколько статей о капитальныхъ и основныхъ философскихъ вопросахъ, и въ нихъ уже искомая философія обнаруживаетъ себя довольно ясно, такъ-что нечего и ожидать послѣдующихъ томовъ, для лучшаго ея уясненія. Руководствуясь такими соображеніями, мы и отправимся на поиски за философіей нашего автора.

Посмотримъ прежде всего на его философскія симпатіи и антипатіи. Древней греческой философіи, произведшей Аристотеля, онъ не сочувствуетъ за то, что она не возвысилась до чистой идеи абсолютнаго существа.

«Аристотель—краса и гордость языческой философіи—не могъ придти къ сознанію, что только идея Бога, какъ Творца міра, достойна верховнаго существа, не ограничивая ни чѣмъ его всемогущества; между тѣмъ, какъ просто и ясно выказывается эта высокая идея Бога — Творца міра въ нѣсколькихъ словахъ св. писанія: въ началѣ сотвори Богъ небо и землю» (T. I. стр. 172).

Такъ же точно не заслужила его сочувствія и одобренія ни одна изъ новыхъ философскихъ системъ, — то есть, мы говоримъ: «изъ философскихъ системъ»,—а между книжками и книжицами, столько же относящимися къ философіи, какъ извѣстная книга «Правда о мужчинѣ и женщинѣ» относится къ психологіи, нѣкоторыя ему нравятся. Мы хотѣли выразиться, что не одобряетъ онъ ни одного научнаго направленія въ своей наукѣ. На системы идеалистическія онъ, правда, смотритъ какъ-то снисходительнѣе, чѣмъ на другія, но вообще не признаетъ и за ними дѣйствительнаго значенія и философской основательности, отрицаетъ ихъ истинность, и оба направленія идеализма, выразившіяся въ Кантѣ и Гегелѣ, онъ называетъ крайностями, ни съ чѣмъ несообразными (T. II, стр. 763). Какъ онъ доказываетъ справедливость этого положенія относительно кантовой философіи—это будетъ видно въ слѣдующихъ томахъ; философія же Гегеля подробно раскритикована во II-мъ томѣ, и вотъ результатъ этой критики: «Такимъ образомъ, отождествляя безусловное съ нашею мыслію и наблюдаемымъ порядкомъ міра, діалекти-

«ческая система Гегеля ведетъ, во первыхъ, къ самому ироническо-«му нигилизму» (Т. II, стр. 228),—т. е. по системѣ Гегеля будто бы выходитъ, что на свѣтѣ ничего нѣтъ, что все существующее не существуетъ и ровняется нулю. Ну, съ этимъ Гегель, кажется, не согласился бы и не призналъ бы основательнымъ такого аргумента.

«Далѣе, отчасти этотъ нигилистическій характеръ діалектической «системы, отчасти ограниченіе безусловнаго только горизонтомъ на-«блюдаемаго міра, вело къ преобладанію матеріализма». «Къ такому же «матеріалистическому направленію умовъ прямо, или косвенно, ближе, «или отдаленнѣе препровождала діалектическая система и практику, «ограничивая свое безусловное только насущнымъ порядкомъ міра, а «вмѣстѣ съ тѣмъ, и жизнь нашего нравственно-разумнаго начала толь-«ко кругомъ временнаго пребыванія» (стр. 238—239).

Иной, пожалуй, и этого аргумента не признаетъ довольно сильнымъ, скажетъ, что гегеліанцы на практикѣ были самыми восторженными идеалистами; но съ точки зрѣнія составителя онъ очень силенъ.

«Наконецъ, принявши понятіе о безусловномъ значеніи нашего мышленія, Гегель не могъ уже избѣгнуть и ложнаго взгляда на религію. Гегелю кажется, что, по мѣрѣ развитія мысли, религію смѣняетъ и замѣняетъ наконецъ философія». Но «внутреннѣйшая глубина нашей жизни, въ которой утверждается религія, какъ сознаніе и чувство въ насъ безконечнаго, какъ союза человѣка съ Богомъ, полагается не мышленіемъ нашимъ и получается не отъ мышленія. Мышленіе не можетъ ее дать намъ.... А потому, какъ мышленіе не можетъ ни дать, ни замѣнить намъ этой жизни, такъ философія не можетъ смѣнить и замѣнить религіи» (стр. 241).

Вотъ это аргументъ сильный.—Пантеизма авторъ страшится за его ужасныя, но неизбѣжныя послѣдствія.

«Есть, говоритъ онъ, направленія философскихъ системъ, которыя по формѣ хотя не заключаютъ въ себѣ атеизма, но въ сущности заключаютъ въ себѣ сѣмена атеизма, потому что отрицаютъ въ существѣ божіемъ такія свойства, безъ которыхъ истинная идея Бога невозможна. Къ такимъ системамъ должно отнести преимущественно пантеизмъ» (Т. I, стр. 206).

Наконецъ противъ эмпирическаго направленія въ философіи онъ возстаетъ прямо и рѣшительно, употребляя противъ него всѣ средства и пріемы діалектики; а матеріалисты просто приводятъ его въ благородное негодованіе и даже въ нѣкоторую ярость. «Матеріа-«лизмъ—самое низшее и безсмысленное направленіе философіи—на-

«ходится въ прямомъ противорѣчіи съ идеею верховнаго существа «и неминуемо ведетъ къ атеизму» (Т. I, стр. 204). «Матеріализмъ «составляетъ самую низшую, самую грубую степень философіи и за«ключаетъ въ себѣ всѣ свойства атеизма» (стр. 205). Такимъ образомъ нашъ авторъ не слѣдуетъ ни одному изъ извѣстныхъ доселѣ направленій въ философіи, не примыкаетъ ни къ какой философской школѣ, не находитъ себѣ помѣщенія на всемъ очень широкомъ пространствѣ отъ правой до лѣвой стороны гегельянцевъ, да и ни въ какомъ другомъ научномъ направленіи; онъ рѣшительно отрицаетъ всѣ принципы, какія выработывала и развивала до него самостоятельная философствующая мысль. Онъ хочетъ быть оригинальнымъ и, какъ настоящій русскій философъ, стремится философствовать на основаніи новыхъ, своимъ собственнымъ умомъ выработанныхъ, началъ, не похожихъ ни на одно изъ тѣхъ, которыя поочередно представляетъ намъ исторія философіи. Стремленіе очень основательное, цѣль вполнѣ достижимая; потому что странно было бы предполагать, будто разумъ исчерпалъ все возможное содержаніе мысли, истощилъ свои силы до невозможности произвесть что нибудь новое и оригинальное въ области философіи. Это возбуждаетъ живѣйшій интересъ къ философіи «Философскаго Лексикона»; авось либо въ немъ заключается самостоятельная русская философія — предметъ нашихъ патріотическихъ стремленій и надеждъ.

Основной характеръ и отличительное направленіе всякой философіи, приближающее ее къ тому или другому типу философскихъ школъ, можно узнать изъ того, какъ она понимаетъ и опредѣляетъ абсолютъ; этотъ критерій согласится признать и составитель «Лексикона». Потому что самъ же онъ говоритъ, что «вся исторія философіи есть, можно сказать, исторія многоразличныхъ попытокъ разума «къ познанію абсолютнаго и его отношенія къ міру» (Т. I, стр. 12). Только, къ сожалѣнію, составитель, неизвѣстно почему, какъ будто прячется съ своимъ представленіемъ объ абсолютномъ, не хочетъ высказаться вполнѣ и прямо охарактеризовать свою философію, и не представляетъ отъ себя точнаго и яснаго опредѣленія абсолюта; онъ только ограничивается опроверженіемъ тѣхъ воззрѣній на абсолютное, какія имѣли Кантъ, Шеллингъ и Гегель. Но въ заключеніи своей статьи объ абсолютномъ, онъ все-таки сказалъ: «для предохра«ненія разума отъ односторонностей въ понятіи объ абсолютномъ, «въ которыя онъ впадаетъ, какъ скоро надѣется исчерпать его сущ«ность и способъ происхожденія міра, необходимо руководствовать«ся вѣрою и тѣми высшими понятіями о Богѣ и творческомъ всемо«гуществѣ, которыя открыты намъ въ Словѣ Божіемъ» (Т. I, стр. 14). Слова очень важныя и характеристическія въ философскомъ отно-

шенія. Итакъ одна черта для характеристики есть. Поищемъ другихъ. Вспомогательными средствами философіи авторъ справедливо считаетъ чистую нравственность и непорочную жизнь, такъ какъ безнравственность и разныя страсти, особливо же плотоугодіе и своекорыстіе помрачаютъ идеи, составляющія предметъ философіи. «Необходима, говоритъ онъ, «чистота внутренней жизни для развитія способности боговѣдѣнія, въ которомъ сосредоточивается все «метафизическое знаніе: блаженіи чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ. Кто предалъ себя всецѣло однимъ расчетамъ своекорыстія, «кто безпрерывно поглощенъ удовлетвореніемъ своихъ страстей, «тотъ самъ лишаетъ себя внутренней опоры, на которой утверждается живая вѣра (Т. I, стр. 527). Присутствіе идеи абсолютнаго въ нашемъ сознаніи неразрывно сопряжено со всею полнотою нашей «внутренней жизни; а потому по мѣрѣ того, какъ она помрачается «нечистыми помыслами своекорыстія и плотоугодія, постепенно слабѣетъ и изсякаетъ въ духѣ, переполненномъ страстями, сознаніе о «верховномъ источникѣ жизни, о первой причинѣ міра и послѣдней «цѣли нашего существованія». Такъ было, говоритъ онъ, во всѣ плачевныя времена, въ Греціи—во времена Перекла, въ Римѣ — во времена Имперіи и наконецъ во Франціи—во время революціи, когда литература и жизнь, ни съ сего ни съ того, вдругъ «увлечены были «потокомъ унизительной для человѣка чувственности и плотоугодія» (Т. I, стр. 307). Всѣ эти мысли суть только развитіе и распространеніе краткаго изрѣченія самаго велерѣчиваго философа, Цицерона: nemo philosophus, nisi vir bonus. Продолжая ближе знакомиться съ философіею составителя, мы узнаемъ, что основная философская истина и вмѣстѣ основаніе и доказательство достовѣрности всѣхъ нашихъ знаній есть, по ея ученію, идея Бога: «на ней окончательно «утверждаются истины знанія и законы дѣятельности» (Т. I, стр. 317); «истина бытія Божія составляетъ, можно сказать, жизнь и душу «философскаго вѣдѣнія: устранять ее, значитъ—уничтожить самую «возможность человѣческаго знанія» (стр. 326); «идея бытія Божія «служитъ высшимъ основаніемъ достовѣрности знанія. Говорить о «соотвѣтствіи между мышленіемъ и дѣйствительностію, о присутствіи «разумнаго порядка въ природѣ и исторіи можно только въ такомъ «случаѣ, если ихъ проникаетъ могущество единаго, верховнаго разума и единой міроправящей воли» (стр. 541). Эта основная философская идея выработана не человѣческимъ разумомъ, не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ и ни въ какихъ основаніяхъ для того, чтобы быть ей общимъ и несомнѣннымъ положеніемъ для всей философіи. Она дана намъ готовою отъ природы, вложена въ насъ при самомъ рожденіи, и кромѣ того сама же природа дала

намъ и убѣжденіе въ истинности этой идеи. «Престолъ само-«сущности и, если можно такъ сказать, самотвореніе этой идеи «не въ насъ.»—«Первый лучъ этой идеи въ нашей душѣ, обнимаю-«щій сущность міра явленій, не творится нами; онъ зависитъ не отъ «нашей умственной работы» (стр. 330).—«Мы пріемлемъ ее вмѣстѣ «съ нашимъ бытіемъ, какъ даръ Божій, и среди міра измѣненій хра-«нимъ ее въ непоколебимой вѣрѣ, какъ залогъ святыхъ чаяній, «какъ святую вѣсть среди видимаго о невидимомъ» (стр. 531).

Узнавши этотъ принципъ, мы a priori знаемъ уже всю филосо-фію составителя «Философскаго Лексикона», могли бы ее развить до малѣйшихъ подробностей, угадать, какъ и даже въ какихъ выраже-ніяхъ онъ будетъ отвѣчать на тѣ, или другіе философскіе вопросы. Но только для того, чтобы какъ нибудь не подвергнуться упреку въ перетолкованіи и навязываніи своихъ мыслей другимъ, мы, для зна-комства съ полною системою воззрѣній составителя, обратимся къ философу Баадеру. Составитель безусловно соглашается съ его фи-лософіею; другихъ онъ непремѣнно критикуетъ и опровергаетъ, а въ Баадерѣ все, за исключеніемъ нѣкоторой «странности въ язы-кѣ», онъ считаетъ высокимъ, истиннымъ, заслуживающимъ изуче-нія: это, говоритъ, такой философъ, какого рѣдко найдешь; «у «него рѣдкое глубокомысліе, обширная, основательная ученость, его «сочиненія изобилуютъ богатыми сокровищами мысли, и каждому, «кто захочетъ воспользоваться, могутъ доставить истинную точку «зрѣнія на главныя новѣйшія системы философіи» (стр. 315). Онъ, видите ли, не относится ни къ одной изъ школъ новѣйшей германской философіи; напротивъ, сильно возстаетъ противъ философскихъ си-стемъ первостепенныхъ мыслителей — Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, и на вопросы, такъ превратно рѣшенные этими мыслителя-ми, Баадеръ «представляетъ отвѣты самые возвышенные, отличаю-«щіеся геніальною проницательностію» (стр. 215). Ужь не отъ Баадера ли и нашъ философъ «воспользовался» своею точкою зрѣнія на пер-востепенныхъ мыслителей, и не по его ли внушенію «сильно воз-стаетъ противъ нихъ»?—Какъ бы то ни было, только мы, на осно-ваніи того принципа, что similis simili gaudet, имѣемъ полное пра-во утвердить, что философія Баадера и нашего русскаго философа, если не совершенно тождественны, то сходны между собою до тож-дества. А философія Баадера такова. «Несправедливо думаютъ, гово-«ритъ Баадеръ, что человѣкъ можетъ обойтись безъ дѣйствія на «него свыше, безъ присутствія духовнаго солнца, что онъ и дер-«жится и достигаетъ развитаго сознанія собственною силою, какъ «многіе мечтали, и потомъ повторилъ Кантъ» (стр. 216). «Знаніе, по «своему началу, есть даръ, хотя оно и развивается въ нашихъ, да-

«рованныхъ намъ Богомъ, силахъ». Такъ и у нашего философа. «Отъ порочной жизни, учитъ Баадеръ, не только помрачаются и «ослабѣваютъ способности, но самыя мысли и убѣжденія прини«маютъ другое направленіе. Что доступно духу очищенному, то не«доступно человѣку вращающемуся въ области зла, корысти и эго«изма». У нашего философа, — плотоугодія и своекорыстія. «Для «того чтобы быть способнымъ правильно мыслить, нужно правиль«но жить и поступать» (стр. 220). Это такъ и у нашего философа.

«Съ высокимъ понятіемъ объ источникѣ познанія, говоритъ нашъ философъ, Баадеръ соединяетъ глубокій и высокій взглядъ на исторію человѣка. Вотъ его сущность: Богъ создалъ человѣка невиннымъ, хотя это невинное состояніе человѣка не было окончательнымъ совершенствомъ. Нужно было испытаніе человѣка и онъ былъ призванъ вступить въ союзъ съ Богомъ, или отторгнуться отъ Него и пасть. Опытъ или наблюденіе, свидѣтельство св. писанія и преданій народовъ удостовѣряютъ, что паденіе совершилось. Какое же слѣдствіе паденія? Потеря прежняго состоянія, — между зломъ и верховнымъ совершенствомъ, увлеченіе и пребываніе во злѣ; а зло есть скорбь, мука и ничтожество; въ одномъ Богѣ жизнь и радость, а потому слѣдствіемъ паденія должны быть мука и ничтожество. Безконечная благость не попустила вполнѣ совершиться этому слѣдствію. Но человѣкъ не могъ уже принять снова потеряннаго имъ начала жизни. Для этого нужно было низойти божеству съ высоты своего величія въ глубину падшаго естества человѣческаго и совершить въ немъ внутреннее преобразованіе; но какъ въ человѣкѣ вкоренилось зло, то онъ долженъ какъ бы умереть для себя, дабы жить въ Богѣ» (Т. I, стр. 218).

Смѣло увѣряемъ, что такой же взглядъ на исторію вполнѣ раздѣляетъ и нашъ философъ, хоть мы и не имѣли удовольствія читать его статьи объ исторіи; потому что какимъ-то чудомъ слово «исторія» не попало въ «Философскій Лексиконъ», а на мѣсто его очутилось «BAmotlip», «BArbAra» «BArOko» и симъ подобныя абракадабры. «Замѣчательно еще, говоритъ нашъ философъ, что Баадеръ «хотя принадлежалъ къ римскому исповѣданію, но безпристраст«нымъ изученіемъ исторіи церкви первыхъ вѣковъ христіанства «дошелъ до убѣжденія, что ученіе римской церкви о папствѣ есть «нововведеніе и что православная восточная церковь есть вѣр«нѣйшая хранительница христіанскаго ученія первыхъ вѣковъ» (Т. I, стр. 220).

Вотъ самый короткій, но за то характеристическій очеркъ философской системы, которую старается популяризировать составитель «Философскаго Лексикова» и которою надѣется удовлетворить разумной, но еще неудовлетворной потребности нашего общества

уяснять и разрѣшать для себя философскіе вопросы. Это трудъ, по нашему искреннему убѣжденію, совершенно излишній и безполезный, и надежда эта, смѣемъ увѣрить, не осуществится. Конечно, составитель проповѣдуетъ истины высокія и благотворныя для каждаго; противъ этого никто не можетъ спорить, и мы вовсе не это имѣемъ въ виду, называя «Лексиконъ» дѣломъ излишнимъ. Но онъ излишенъ потому, что истины имъ проповѣдуемыя давнымъ-давно извѣстны всѣмъ православнымъ христіанамъ изъ «Православнаго Катихизиса»; кто захочетъ изучать ихъ глубже и основательнѣе, тотъ обратится къ «Догматическому Богословію», преосвящ. Антонія, или къ подробнѣйшему «Богословію» преосвящ. Макарія, гдѣ эти истины изложены гораздо проще, популярнѣе и обстоятельнѣе, и гдѣ онѣ имѣютъ болѣе значенія и авторитета. Мы, и безъ вашихъ Баадеровъ, знали и будемъ знать, что папство—нововведеніе, что православная церковь вѣрнѣе хранила преданіе и проч. Впрочемъ и не на этомъ даже основаніи мы признаемъ «Лексиконъ» безполезнымъ; соглашаемся, что нужно повторять часто и извѣстныя истины, что ихъ нужно проповѣдывать всегда, благовременно и безвременно, и то обстоятельство, что «Лексиконъ» повторяетъ старыя истины, — не составляетъ еще его недостатка и не можетъ служить ему укоромъ; онъ вѣдь повторяетъ высокія, непреложныя истины. Но въ такомъ случаѣ, что за охота, или что за необходимость была составителю маскироваться, являться предъ публикой въ философской мантіи, становиться предъ нею на философскія ходули? зачѣмъ было ему принимать на себя видъ, что онъ хочетъ проповѣдывать намъ невѣдомыя истины, разрѣшать и уяснять философскіе вопросы, сообщать то, чего даже нѣтъ на русскомъ языкѣ, чѣмъ «скудна отечественная литература» и что, дескать, доступно только намъ, «немногимъ?» Зачѣмъ было приплетать сюда ученыя украшенія, въ видѣ Канта, Гегеля, къ чему были эти возраженія и опроверженія, такъ сказать, предварительныя работы, какъ будто дѣло шло о какой нибудь новой и оригинальной системѣ философской, въ родѣ кантовской или гегелевской, къ которымъ нужно было приготовить и себя и другихъ разными критиками и энциклопедіями; тогда какъ въ сущности здѣсь все ограничивалось тѣмъ, что давнымъ-давно извѣстно всѣмъ и каждому, что̀ можно хорошо узнать и изъ русскихъ источниковъ, не прибѣгая ни къ Шеллингу, ни къ Баадеру. Можно было ожидать по крайней мѣрѣ, что составитель откроетъ въ давно-извѣстныхъ истинахъ новыя стороны, прольетъ на нихъ новый свѣтъ, сказать то же точнѣе — раскроетъ ихъ въ болѣе близкомъ къ живой дѣйствительности и мыслительности свѣтѣ, переработаетъ своею оригинальною мыслію, подмѣ-

тить въ предметѣ другіе мотивы, болѣе жизненные и болѣе соотвѣтствующіе духу времени и общему настроенію, поступить, однимъ словомъ, какъ настоящій философъ. Но ничего подобнаго нѣтъ въ его трудѣ: у него нѣтъ ничего такого, о чемъ не говорилось въ сотняхъ русскихъ книгъ очень издавна. Въ душѣ нашей есть врожденная идея безконечнаго; эта идея раздробляется потомъ на три идеи: идею безусловной истины, безусловнаго добра и безусловной красоты; каждая изъ нихъ въ свою очередь опять преломляется на нѣсколько идей и т. д. Вотъ вамъ и все содержаніе философіи. Нѣтъ нужды усиленно работать мыслію, не нужно ни изслѣдовать, ни рѣшать, ни доказывать ничего: все рѣшено и доказано въ готовыхъ врожденныхъ идеяхъ. Какой бы ни представился философскій вопросъ, сейчасъ его нужно привести къ общему знаменателю—къ какой нибудь безусловной идеѣ истины, или красоты, и вся задача рѣшена. Такъ и поступаетъ во всѣхъ случаяхъ нашъ философъ. Идетъ, напримѣръ, рѣчь объ абсолютномъ: что такое абсолютное? Статья начинается преважно: абсолютное (absolutum), то есть ens происходитъ отъ глагола absolvere. Матеріализмъ придаетъ ему такое значеніе, идеалисты другое, Спиноза третье, Кантъ признаетъ невозможность знанія объ абсолютномъ, а Шеллингъ и Гегель опредѣляютъ вотъ такъ и такъ. Но все это вздоръ, невѣрно, а вотъ какъ нужно. «Духу нашему естественно стремиться къ «идеѣ абсолютнаго, потому что эта идея прирождена ему и обнару«живается въ самой силѣ его разумной мысли и воли — силѣ, не«поглощаемой ничѣмъ ограниченнымъ и конечнымъ». — «Но не«сравненно труднѣе составить опредѣленное понятіе объ абсолют«номъ» (стр. 11), — и дѣйствительно понятіе не составляется, а на мѣсто его является фраза, которую мы привели выше. Послѣ этого такъ и хочется сказать: и стоило для этого поднимать такую бурю?! Что такое атеизмъ? (стр. 202). «Атеизмъ — α отрицательная частица и θεὸς Богъ — есть такой образъ мыслей» и проч. Затѣмъ являются на сцену Эпикуръ, Гоббсъ, Ламетри, Фохтъ, Молешотъ и Бюхнеръ, даже Левкиппъ, Демокритъ, Діагоръ делосскій и множество другихъ, а въ результатѣ все-таки выходитъ вотъ что: «въ «душѣ нашей есть врожденная идея.... человѣкъ не развращенный «доходитъ до нея.... а отъ совершеннаго развращенія нравовъ и легкомыслія она помрачается»—и выходитъ атеизмъ.— Чѣмъ доказать безсмертіе души? «Съ нашимъ сознаніемъ неразлучно стремленіе къ «безконечному; оно-то и служитъ глубокимъ и неложнымъ внутрен«нимъ свидѣтельствомъ, что душа наша создана для безконечной «жизни и безконечнаго совершенствованія» (стр. 258).—Что такое вѣра въ субъективномъ смыслѣ, и что такое знаніе? «Идея разума,

«въ которыхъ какъ бы преломляется и дробится одна основная «идея безконечнаго въ нашемъ сознаніи, происходятъ—или отъ при-«мѣненія этой послѣдней къ тремъ кореннымъ предметамъ позна-«нія: къ Богу, міру и человѣку; отсюда происходитъ идея Бога, «какъ Творца и Промыслителя міра; идея міра, какъ созданія Бо-«жія, имѣющаго разумную цѣль своего существованія, и идея без-«смертія души, неразлучнаго съ самимъ сознаніемъ въ насъ безко-«нечнаго,—или по тремъ отправленіямъ нашего духа: познаватель-«ному, желательному и чувствительному—являются въ нашемъ духѣ «идеею безусловной истины, безусловнаго добра и безусловной кра-«соты» (Т. I, стр. 531), —а убѣжденіе во всѣхъ этихъ идеяхъ и въ томъ, что существуютъ реальности, имъ соотвѣтствующія, и есть вѣра. Знаніе имѣетъ двѣ ступени — высшую и низшую: на низшей предметомъ знанія служитъ «что нибудь ограниченное, измѣ-«ряемое, подлежащее чувственному наблюденію»; тутъ еще разумъ можетъ обходиться кое-какъ: «предметъ можетъ быть добытъ ра-«зумомъ и его изслѣдованіями и имѣть полную опредѣленность». На высшей же ступени знаніе усиливается дать себѣ отчетъ о зна-ченіи «самаго міра явленій, о значеніи нашей нравственной дѣятель-«ности, объ отношеніи между міромъ нравственнымъ и физиче-«скимъ» и т. д.; «здѣсь уже опору достовѣрности знанія нужно «искать внутри насъ, въ духѣ, въ нравственной природѣ, такъ какъ «и самая идея безконечнаго и безусловнаго обитаетъ для насъ не «во внѣшнемъ мірѣ, но въ нашемъ духѣ, въ нашемъ сознаніи». — «Знаніе и вѣра находятся въ глубочайшемъ единствѣ. Раздѣленіе «происходитъ уже въ то время, когда мыслительная дѣятельность «начинаетъ примѣнять и развивать эту идею безусловнаго въ при-«мѣненіи къ явленіямъ нравственнаго и физическаго міра. Но и на «этой степени раздѣленія нормальное состояніе духа требуетъ гар-«моніи между вѣрою и знаніемъ» (Т. II, стр. 739 — 741). И подоб-нымъ образомъ разрѣшаются всѣ философскіе вопросы и задачи! Мы ничего не говоримъ объ самыхъ истинахъ, мы имѣемъ въ виду только указанный способъ философствованія и тѣ неудовлетвори-тельные философскіе пріемы, которые употребляетъ нашъ фило-софъ и многіе другіе. Что ни взбредетъ на умъ подобнымъ фило-софамъ, они все это выдаютъ за безусловную истину; доказа-тельствъ нѣтъ, — сейчасъ же къ безусловной идеѣ, и доказатель-ство готово. Имъ возражаютъ, говорятъ: у насъ нѣтъ такихъ идей, мы ихъ не сознаемъ и даже не чувствуемъ. «Ну, такъ вы, значитъ, безнравственные люди», отвѣчаютъ философы: вы, должно быть, «безпрерывно поглощены удовлетвореніемъ своихъ страстей», и эти идеи помрачены въ вашемъ духѣ «плотоугодіемъ и своекорыстіемъ».

Скажите, пожалуйста, для кого могутъ быть удовлетворительными подобное философствованіе и подобные философскіе пріемы? а главное, кому они неизвѣстны? Вѣдь всѣ эти врожденныя идеи, безусловная истина, безусловное добро и безусловная красота, представляютъ собою уже «общія мѣста» — ни болѣе, ни менѣе. Они давнымъ-давно знакомы всѣмъ, даже и не учившимся въ семинаріи; а имѣвшимъ удовольствіе учиться въ ней, эти «общія мѣста» о врожденныхъ, безусловныхъ идеяхъ просто надоѣли, чтобы не сказать болѣе; каждый изъ нихъ пускался и пускается въ фразерство объ этихъ идеяхъ всякій разъ, когда не можетъ сказать чего нибудь получше и подѣльнѣе. Скажутъ, требованіе новости и оригинальности неосновательно, — истина вѣчна, неизмѣнна и непреложна. Согласимся; но вѣдь люди, принимающіе истину, степень развитія ихъ сознанія, чрезвычайно измѣнчивы и преложны и имъ психически невозможно усвоять истину такъ и въ такомъ видѣ, какъ она существовала тысячу лѣтъ назадъ. Впрочемъ, кто жь этого не знаетъ нынѣ? Вѣроятно и не философамъ извѣстно, что мысль человѣческая развилась и окрѣпла значительно, и что она теперь не можетъ уже удовлетворяться тѣмъ скуднымъ содержаніемъ, какимъ нѣкогда пробавлялась еще младенчествующая мысль? А между тѣмъ составитель «Философскаго Лексикона» упустилъ изъ виду именно это обстоятельство; и оттого истины, имъ излагаемыя, сами по себѣ важныя, теряютъ то значеніе, которое они могли бы еще имѣть въ другихъ, болѣе опытныхъ рукахъ.

Вотъ напр. статья объ абсолютѣ (Т. I, стр. 327—348), — предметъ чрезвычайно важный въ философской системѣ воззрѣній составителя «Лексикона»: абсолютъ ему служитъ основаніемъ и исходною точкою всей философіи, и на немъ онъ «утверждаетъ всю совокупность знанія, и дѣятельности» даже. Если онъ не постарается подкрѣпить эту истину, то вся философская система его разлетится въ прахъ, не имѣя точки опоры и связи. Ему такимъ образомъ необходимо было особенно позаботиться объ этомъ предметѣ, направить на него всѣ усилія своей мысли и, не ограничиваясь повтореніемъ того, что давно сказано было о немъ pro и contra, представить свои собственныя основанія, по которымъ, въ настоящее время, принятое имъ философское начало надобно предпочитать всѣмъ другимъ, въ пользу которыхъ склоняется современная мысль; онъ долженъ былъ приблизить его къ современному разумѣнію и представить доказательства, которыя имѣли бы хоть какое нибудь значеніе для современной мысли. А онъ между тѣмъ въ своемъ изложеніи довольствуется тѣмъ, что сказано было объ этомъ предметѣ встарину, распространяется въ доказательствахъ, придуманныхъ Богъ-знаетъ когда; въ свое

время и они, конечно, имѣли значеніе и силу; но наступило другое время, они ужь и оказались недостаточными. Кантъ критически показалъ ихъ неосновательность, и на мѣсто всѣхъ прежнихъ доказательствъ придумалъ свое собственное, всѣ думали, сильное и неопровержимое. Но наступило другое время, и самаго Канта стали критиковать; Гегель, съ своей оригинальной точки зрѣнія, находилъ неосновательною кантовскую критику абсолюта; но это все-таки не возстановило прежней силы и значенія доказательствъ, и Гегель далъ всему дѣлу совершенно новый оборотъ, такъ-что для защитниковъ абсолюта лучше было бы, если бы восторжествовалъ Кантъ, а не Гегель. Наконецъ и самаго Гегеля стали критиковать и опровергать, и его уличили въ неосновательности; противъ него «сильно возсталъ» Баадеръ даже, защищая безусловное. Всѣ эти доказательства и контръ-доказательства, критики и антикритики, возраженія и опроверженія, все «дѣло, поступившее» уже въ область исторіи, вы найдете и въ статьѣ «Философскаго Лексикона», и именно въ томъ видѣ и съ тѣми только подробностями, которыя существуютъ въ архивѣ. Затѣмъ о дальнѣйшей судьбѣ вопроса, о той части дѣла, которая еще не сдана въ архивъ, а развивается въ жизни, ни слова; какъ будто человѣческая мысль окаменѣла на Гегелѣ, и если ужь абсолютъ перестали понимать по Гегелю, то ужь онъ навѣки гарантированъ. Въ этой спокойной надеждѣ, составитель вдругъ наткнулся на новое ученіе о своемъ предметѣ — результатъ нынѣ развивающейся мысли, нисколько не похожее на всѣ предшествующія; оно было для него неожиданно, противорѣчило его собственнымъ идеямъ, шло рѣшительно въ разрѣзъ имъ. Онъ тотчасъ же обратился къ своему старому арсеналу, мысленно перебралъ всѣхъ своихъ философовъ, отъ Сократа и Платона до Декарта, Лейбница и Вольфа, и не нашелъ у нихъ оружія для пораженія противнаго ученія; къ сожалѣнію, и у Баадера нельзя было попользоваться; съ собственными же врожденными идеями ничего не сдѣлаешь: лукавый противникъ такъ хитро повелъ дѣло, что именно врожденными идеями ему ничего не докажешь; упрекомъ въ безнравственности его не возьмешь — «вы, говоритъ, сами эгоисты, какъ и всѣ люди.» Однимъ словомъ, нашъ философъ окончательно растерялся и сталъ въ совершенный тупикъ: положеніе неловкое, даже досадное, и немудрено, стало быть, если вмѣсто того, чтобы сразиться съ своими противниками, онъ съ досады просто побранилъ ихъ и отослалъ въ ученики къ Гегелю, пусть десять будутъ противъ васъ хоть тѣ возраженія, которыя собственно придуманы для Гегеля и только идутъ къ нему. «Это, говоритъ, направленіе нелѣпое и постыдное. Жалкое искаженіе и безъ того превратной мысли Гегеля» (Т. стр. 347). Намъ кажется, что тутъ не-

чего было такъ горячиться составителю; ему должно быть извѣстно, что въ свое время нѣкоторые господа также точно бранили и Вольфа, потомъ Канта и Гегеля и другихъ; а теперь вѣдь ихъ никто не бранитъ, и самъ же составитель говоритъ о нихъ снисходительно, спокойно, безъ гнѣва, между тѣмъ какъ ихъ заблужденія нисколько не лучше и не хуже фейербаховскихъ, только они всѣ опровергнуты и естественно является милосердіе къ побѣжденнымъ, а Фейербахъ пока еще не пораженный, гордый противникъ. Мы нисколько не защищаемъ Фейербаха; напротивъ, намъ досадно, что составитель не опровергъ и не поразилъ его, а только разлился «жалкими» словами; тогда какъ, кажется, ясно было въ чемъ дѣло. «Лексиконъ» увѣряетъ, что «духу нашему прирождена идея безконечнаго, что она не творится нами, не зависитъ отъ нашей умственной работы, но дается намъ извнѣ вмѣстѣ съ бытіемъ, и что отъ ней въ свою очередь нараждается множество идей» (Т. II, стр. 779—80); а Фейербахъ утверждаетъ противное, говоритъ, что всѣ эти идеи созидаются собственною дѣятельностію мысли, отвлеченіемъ, что они составляютъ продуктъ тѣхъ же агентовъ, которые производятъ и всѣ другія наши мысли; и это была не новость, это говорилось и до него; но онъ показалъ еще процессъ, какъ образовались эти идеи, и на основаніи антропологическихъ данныхъ, представляемыхъ исторіей, разъяснилъ ихъ генетическій процессъ въ душѣ, показалъ, что они видоизмѣняются и совершенно зависятъ отъ внѣшнихъ условій и обстоятельствъ, отъ которыхъ вообще зависитъ развитіе человѣка, образованіе его мыслей и понятій, и вотъ поэтому сталъ утверждать, что нѣтъ реальностей, соотвѣтствующихъ этимъ общимъ идеямъ; идеи составились изъ частныхъ представленій, понятій, стремленій, а этимъ частнымъ актамъ соотвѣтствуютъ реальности и въ дѣйствительности. Поэтому составителю «Лексикона» слѣдовало только опровергнуть положенія Фейербаха тоже исторической антропологіей, и тогда каждый читатель понялъ бы и самъ, что его ученіе нелѣпо, постыдно и жалко. Брань неприлична и неумѣстна вездѣ, а тѣмъ болѣе въ философскихъ трактатахъ.

Точно такой же недостатокъ самостоятельной и оригинальной мысли, то же нежеланіе или неумѣніе стать въ уровень съ временемъ — обнаруживаетъ составитель «Философскаго Лексикона» во всѣхъ философскихъ статьяхъ; въ нерѣдкихъ случаяхъ этотъ недостатокъ смѣняется у него положительною слабостію мысли. Для доказательства, возьмемъ, напр., полемику его съ матеріалистами; кстати, она происходитъ во многихъ разныхъ статьяхъ и такимъ образомъ есть возможность по одному предмету судить о значительной массѣ статей. На матеріализмъ онъ обращаетъ особенное, въ нѣкоторыхъ

случаяхъ даже исключительное вниманіе; и мы рѣшительно не можемъ понять, почему матеріалисты удостоиваются такой чести, тогда какъ онъ вообще смотритъ на нихъ съ пренебреженіемъ, а часто и съ полнымъ презрѣніемъ, — это мы видали. Ужели въ самомъ дѣлѣ матеріалистическія системы имѣютъ такое важное значеніе въ современномъ міровоззрѣніи, что опроверженіе ихъ есть дѣло настоятельной необходимости? Ужели составитель не нашелъ «болѣе высшей и болѣе смысленной» системы для упражненія своей діалектики, кромѣ этой «безсмысленной» философіи? Какъ бы то ни было впрочемъ, мы указываемъ только фактъ, что составитель обнаруживаетъ особенную внимательность, но зато и особенную нелюбовь къ матеріализму. И по этому поводу намъ вспомнилось, что онъ вообще питаетъ особенное неудовольствіе именно на тѣ системы и взгляды, которые или вовсе не подвержены были его критикѣ, или разсмотрѣны и опровергнуты у него неудовлетворительно; тогда какъ тѣ философствованія, съ которыми онъ справился и совладалъ вполнѣ, не возбуждаютъ въ немъ ни гнѣва, ни ненависти. На основаніи одного только этого наблюденія, мы уже напередъ можемъ догадываться, что критика матеріализма выйдетъ у него слабою и неудовлетворительною. Знакомство съ самой критикой вполнѣ подтверждаетъ нашу догадку. Здѣсь мы считаемъ нужнымъ оговориться и убѣдительно просимъ читателей не перетолковывать нашихъ словъ въ дурную сторону. Мы вовсе не думаемъ ни защищать, ни опровергать никакихъ взглядовъ и системъ; мы только находимъ, что критика «Философскаго Лексикона» слаба—ни больше, ни меньше; а изъ того, что доказательства, приводимыя въ «Лексиконѣ» въ пользу какой нибудь истины, не тверды и не глубоки, мы не заключаемъ, и никто не долженъ заключать, что и самыя эти истины неосновательны. Напротивъ, неудовлетворяясь приведенными доказательствами, мы желаемъ и требуемъ для истины другихъ, болѣе основательныхъ. Поэтому, въ интересахъ истины, мы укажемъ одну сторону матеріализма, на которую не обратилъ вниманія составитель и которая обыкновенно упускается изъ виду и другими противниками матеріализма. Въ критикахъ матеріализма обыкновенно говорится, что это направленіе есть крайность, что матеріалисты вторгаются въ чужую, имъ неизвѣстную область, тогда какъ есть люди другихъ направленій, которымъ эта область почему-то очень хорошо извѣстна, что матеріализмъ не можетъ точно объяснить всѣхъ явленій міра, что остается у него много тайнаго и неразрѣшимаго, тогда какъ противоположныя ему системы объясняютъ и разрѣшаютъ все отлично; затѣмъ переходятъ поскорѣй къ частностямъ и стараются опровергать доказательства, которыя приводятъ матеріалисты въ

подтвержденіе того или другаго частнаго положенія. А матеріалисты сами не придаютъ этимъ частностямъ большой цѣны, они уходятъ дальше и глубже въ свою систему; оставляя частныя позиціи, сосредоточиваются въ общемъ, сборномъ пунктѣ, держатся за свое общее доказательство. Они указываютъ на всю совокупность естествовѣдѣнія, на общій строй естественныхъ наукъ, на тотъ принадлежащій всѣмъ имъ внутренній характеръ, по которому всѣ они составляютъ одну многообъемлющую науку о цѣломъ мірозданіи. Они говорятъ, что ихъ принципъ есть необходимый результатъ всей совокупности выводовъ, добытыхъ частными отраслями естествознанія, и что современная степень нашихъ знаній о всемъ космосѣ, о мірѣ и человѣкѣ, приводитъ къ ихъ воззрѣніямъ. Отъ одной науки они переходятъ къ другой, находятъ здѣсь явленія, если не тождественныя, то аналогическія съ тѣми, которыя составляютъ предметъ спора, и объясненіями, какія представляетъ эта другая наука, поддерживаютъ положенія науки первой. Они указываютъ также на общій типъ во всей природѣ, гдѣ все идетъ не сверху внизъ, а снизу вверхъ: высшее развивается изъ низшаго, какъ своего основанія и начала. Даже исторію человѣческой мысли и наукъ они употребляютъ въ дѣло и въ свою пользу, указываютъ на то обстоятельство, что принципы, противоположные ихъ методу, не привели ни къ какому положительному результату, потому что и самая мысль тутъ развивалась не органически, шла произвольными скачками, ознаменовывая свой путь однимъ разрушеніемъ; такъ-что всякая послѣдующая система была только разрушеніемъ и отрицаніемъ предъидущей и сама служила только практикою для мысли. Тогда какъ слѣдуя ихъ принципу (такъ они говорятъ), мысль развивалась естественно, органически; всякая послѣдующая система, выражавшая собою дѣйствительный прогрессъ знанія, не исключала предъидущихъ, а была только ихъ дополненіемъ, разъясненіемъ, или обобщеніемъ. Самая возможность науки, говорятъ они, обусловливалась отрицаніемъ принциповъ, противоположныхъ тѣмъ, которые защищаютъ они, какъ только эти принципы были оставлены, наука сдѣлалась точнѣе, скорѣе пошла впередъ, и затѣмъ каждая степень развитія науки, каждый дальнѣйшій шагъ ея непремѣнно сопровождались фактическимъ опроверженіемъ того, или другаго вывода изъ этихъ принциповъ. Поэтому въ исторіи науки они находятъ для себя поучительные уроки, и какъ бы такъ говорятъ своимъ противникамъ: «вы заставляете насъ принимать ваши положенія, но наши предшественники принимали ихъ и отъ этого не вышло проку ни на волосъ, и они наконецъ изученіемъ фактовъ были приведены къ отрицанію вашихъ положеній. Вотъ такое-то явленіе прежде объясняли по на-

шему, и объясненіе оказалось потомъ вздорнымъ, и другое и третье и десятое объясняли по вашему—и все выходила та же исторія. Поэтому-то мы и отказываемся отъ вашихъ принциповъ и положеній, которыя только мѣшаютъ дѣлу, а потрудимся лучше поискать другихъ, соотвѣтствующихъ нашему методу, уже достаточно заявившему свое важное значеніе». Однимъ словомъ — матеріалисты поступаютъ точно также, какъ дѣлаютъ напр. юристы, когда обращаются къ аналогіи права. Сюда бы вотъ проникнуть, въ самый корень матеріализма, и тутъ бы его поразить, — это было бы очень хорошо и очень желательно; тогда, поколебавши основаніе, мы легко бы справились и съ его слѣдствіями. Можно впрочемъ надѣяться, что составитель «Лексикона» въ слѣдующихъ томахъ уловитъ это неуловимое основаніе матеріалистовъ и опровергнетъ его философски и фактически; мы, съ своей стороны только обращаемъ его вниманіе на этотъ предметъ. И торжество полной побѣды надъ матеріализмомъ отлагаемъ къ тому времени, когда выдутъ послѣдующіе томы «Философскаго Лексикона», а теперь съ прискорбіемъ должны замѣтить, что въ вышедшихъ томахъ критика матеріализма неудовлетворительна.

Всего яснѣе обнаруживается сущность матеріалистическаго ученія въ понятіи о душѣ; на этотъ предметъ и обращено особенное вниманіе составителя. Изложивши понятія древнихъ философовъ, затѣмъ: Декарта, Гегеля, Шуберта и другихъ (Т. II. 634—638), составитель такъ опредѣляетъ душу:

«Въ обыкновенномъ словоупотребленіи, подъ душею разумѣютъ вообще свободно-разумное начало, которое животворитъ нашъ тѣлесный организмъ и обнаруживается въ нашей жизни теоретическою и практическою дѣятельностію» (стр. 638).

Опредѣленіе слишкомъ общее, и потому онъ его дополняетъ новымъ членомъ:

«Къ душѣ относятъ и тѣ опредѣленія, которыя при точномъ разграниченіи понятій приписываются только духу» (Ibid).

А по его понятію, духъ — вотъ что:

«Духомъ мы называемъ существо, чуждое въ своемъ внутреннемъ составѣ внѣположности (?), свойственной всему вещественному, существо, которое, несмотря на многообразность своихъ отправленій, всегда пребываетъ при себѣ и для себя (?), и каждое свое обнаруженіе всегда удерживаетъ въ неразрывномъ единствѣ съ своею чистою, отвлеченною всеобщностію» (стр. 623).

Это тоже не совсѣмъ удобовразумительно, и понятіе о душѣ все еще не достаточно прояснено. Но составитель поскорѣй торопится

ществуетъ для насъ, и отъ всего нашего существа остаются только однѣ мысли — и онѣ ужь не наши, а такъ какія-то особые, самостоятельные предметы: идутъ онѣ себѣ свободно, своимъ собственнымъ чередомъ, задѣвая и двигая одна другую; чего нибудь внѣ этихъ мыслей, чтò относилось бы къ нимъ, какъ къ своему орудію или собственности, такъ сказать, смотрѣло на нихъ и за ними — нѣтъ, потому что оно не чувствуется, не обнаруживается въ сознаніи, а именно только вотъ и существуютъ однѣ мысли, относящіяся между собою и передающія другъ другу сознательность по законамъ собственной ассоціаціи. И въ это время мы еще, напримѣръ, ходимъ по комнатѣ, — ужь тогда, кажется, не наше «Я» движетъ тѣломъ и управляетъ его движеніями; а вѣдь мы обыкновенно только ему приписываемъ начало всѣхъ нашихъ движеній. — Если бы представить себѣ, что у человѣка только одно представленіе, тогда ужь онъ и не былъ бы человѣкомъ, личностью, не былъ бы и «Я»; вмѣсто личности, и существовало бы одно представленіе, какъ дѣйствительное самостоятельное бытіе, какъ самосвѣтящаяся точка, ясная сама для себя, а не для какого нибудь посторонняго для ней «Я». — Сновидѣнія тоже могутъ поменить наше понятіе о самосознаніи. Тутъ ужь каждое представленіе требуетъ независимости отъ нашего «Я»; какое ни будь частное представленіе, оно само себя начинаетъ сознавать какъ «Я», какъ личность, и ничего больше и знать не хочетъ; изъ одной личности, изъ одного «Я» образуется ихъ нѣсколько, и они дѣйствуютъ самостоятельно, говорятъ, спорятъ и проч. — Намъ кажется, что мы, т. е. наше «Я» можетъ, когда ему вздумается, остановить всѣ наши мысли и обратиться на самого себя: но пусть кто нибудь попробуетъ это сдѣлать и окажется, что рѣшительно нельзя, выбросивши изъ головы всѣ мысли, отрѣшившись и отъ другихъ психическихъ явленій, не думать ни о чемъ и только самосознавать себя, погружаться въ бездну безсодержательнаго и безформеннаго «Я», на манеръ фихтевскагò. Пожалуй, мы, можетъ, и будемъ имѣть сознательнымъ какъ будто наше «Я», а между тѣмъ это будетъ такое же общее представленіе, какъ и другія, — одна мысль, такъ сказать, одно мѣстоимѣніе *Я*, но не самосознаніе. Также точно прерываетъ рядъ нашихъ мыслей вовсе не «Я», но всегда непремѣнно какая нибудь другая мысль, или представленіе, и невозможно вообразить, чтобы нить мыслей вдругъ оборвалась и пресѣклась ничѣмъ, и чтобы потомъ ничего не было въ нашей душѣ, никакой дѣятельности, никакого сознательнаго явленія, кромѣ какого-то неопредѣленнаго «Я». Когда отъ одного случайнаго ряда представленій сознательность переходитъ къ другому господствующему и болѣе сильному, къ обще-

му совокупному представленію о нашемъ чинѣ, должности, занятіи, имени, даже о нашемъ организмѣ, тогда мы и воображаемъ, что мы обратились къ нашему «Я», самосознаемъ себя.—Представленіе о самосознаніи основывается на той же ошибкѣ, по которой мы признаемъ совершенно вѣрными и точными такія выраженія: уѣздный судъ представилъ; дума вообразила себѣ; палатѣ захотѣлось; консисторія слушаетъ и проч. Нельзя даже отрицать и того, что и нашъ организмъ играетъ тутъ нѣкоторую роль; обращаясь къ своему тѣлу, мы очень расположены думать, что обращаемся къ «Я».—Во все это слѣдовало бы вникнуть имѣющему дѣло съ нынѣшними матеріалистами, чтобы не напрасенъ былъ трудъ. Иначе же, какъ бы кто ни объяснялъ самосознаніе, во всякомъ случаѣ его очень проблематическое, по крайней мѣрѣ еще слишкомъ загадочное для насъ, единство и единичность не можетъ быть рѣшительнымъ доказательствомъ ни для чего,—кромѣ того, что и самая благонамѣренная *односторонность* умствованій совсѣмъ не годится для рѣшенія великихъ вопросовъ или для разъясненія великихъ истинъ.

«Другое, не меньше важное доказательство, что душа не есть результатъ вещественнаго сложенія, содержится въ тождествѣ ея сознанія. Мы сознаемъ свое «Я» не только единымъ, но и тождественнымъ; оно не только снимаетъ и какъ бы поглощаетъ въ себѣ пространственное расположеніе тѣлеснаго организма, но всегда пребываетъ одно и то же въ преемствѣ мгновеній времени, постоянно остается саморавнымъ, и въ одной мысли, и обнимаетъ предъидущіе періоды своего развитія, и простираетъ взоръ свой въ будущее» (Т. II, стр. 641).

Это тождество падаетъ само собою, какъ видно изъ понятія о самосознаніи, которое мы старались разъяснить выше; оно невозможно, какъ невозможно то, чтобы представленія, мысли, чувства и стремленія человѣка въ продолженіе всей его жизни оставались тождественными абсолютно. Уѣздный судъ тоже остается тождественнымъ и саморавнымъ, не смотря на то, что перемѣняются служащіе въ немъ, помѣщеніе, порядокъ дѣлопроизводства и проч. Но мы думаемъ, что «Я» солиднаго и благоразумнаго мужа сочтетъ для себя унизительнымъ отожествить себя съ глупымъ и вѣтреннымъ «Я» ребенка, слушающаго сказки, хоть сколько философія ни надрывайся доказывать, что они тождественны и саморавны. — Если положимъ, и принять тождество самосознанія, — тогда матеріалисты могутъ сказать, что оно есть форма психической жизни и остается неизмѣннымъ такъ же, какъ и форма организма, а духовности души все-таки не доказываетъ. Говоримъ такъ только къ подтвержденію сказаннаго нами выше, что надо серьёзнѣе и основательнѣе, съ большимъ вниманіемъ къ современному состоянію науки, съ боль-

къ матеріалистамъ, надѣясь уяснить его отрицаніями. Первѣе всего, вопреки матеріалистамъ, онъ доказываетъ духовность души.

«Психологія не можетъ признать нашу душу слѣдствіемъ сочетанія вещественныхъ частицъ, и положеніе свое утверждаетъ на единствѣ и тождествѣ ея. Безъ единства или точнѣе единочности внутренняго начала нашей жизни, въ насъ не было бы сознанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ невозможны были бы сознательныя, личныя отправленія мысли и воли. Мы потому только и можемъ вносить мыслію и волею единство въ міръ ея (?) предметовъ, что самое начало нашей внутренней жизни постоянно и незыблемо сохраняетъ свое единство, свое «Я». Отличительный характеръ этого единства души тотъ, что оно не есть только что нибудь отвлеченное, подобно единству чего нибудь сложнаго, потому только и представляющагося единымъ, что въ насъ есть нѣчто единое отвлекающее: единство души живое; оно присуще всякому проявленію мысли, воли и чувства. Оно выше единства, свойственнаго растительной и животной цѣлости организма; потому что въ самой пространственности тѣла обнаруживаетъ свою жизнь постояннымъ снятіемъ и поглощеніемъ ея (?) въ своемъ, нераспадающемся на части «Я». Наше внутреннее начало жизни или наше «Я» постоянно цѣльно; оно сознаетъ себя нераздѣльнымъ какъ въ каждомъ актѣ своей дѣятельности порознь, такъ и во всѣхъ ихъ вмѣстѣ, между тѣмъ какъ отъ вещественнаго сложенія, каково бы оно ни было, переходъ къ подобному единству безусловно невозможенъ» (Т. II, стр. 641).

По обыкновенію, составитель и въ такомъ важномъ случаѣ не позаботился объ ясности; но, чтобы быть совершенно безпристрастными, мы уяснимъ это доказательство, тѣмъ болѣе, что оно очень хорошо извѣстно намъ изъ другихъ источниковъ. Простѣйшій видъ его таковъ: «душа наша есть субстанція; она усвояетъ себѣ, признаетъ своими всѣ явленія и видоизмѣненія психической жизни, — когда говоритъ «я» размышляю, «я» желаю (это вотъ значатъ личныя отправленія мысли и воли). Мало того, она не только усвояетъ себѣ всѣ явленія, но еще отличаетъ, отдѣляетъ себя отъ нихъ, какъ дѣятеля отъ дѣйствій, сознаетъ себя всегда выше полнѣе и совершеннѣе всякой силы дѣйствующей въ насъ (снятіе и поглощеніе), всякаго явленія, замѣчаемаго въ духовной нашей природѣ (присуще всякому проявленію мысли и проч.). Этихъ явленій, мыслей и желаній въ насъ много, но то, къ чему относятся эти явленія, что̀ мыслитъ, желаетъ и проч. одно, — это и есть наша душа, наше единое «Я».»—Какъ видите, эти доказательства основываются на самосознаніи; «мы сознаемъ свое Я единымъ», значитъ, и душа наша едина и единична. Прежде, можетъ быть, эти доказательства и имѣли силу, когда еще не разглядѣли хорошенько этого пресловутаго «Я»; а теперь иное дѣло. Теперь съ этими доказательствами не далеко уйде-

те, — не дальше того, что придется серьёзно подумать о спасеніи самаго нашего «Я» другими способами, а уже не чѣмъ либо въ родѣ философіи составителя «Философскаго Лексикона». Извольте-ка изъ любви къ самой истинѣ послушать, чтò могутъ сказать на подобную философію тѣ мыслители, которые (положимъ, тоже еще односторонним образомъ) отстаиваютъ и въ матеріализмѣ очень не малую, можетъ быть, долю или сторону живой истины, отрицаемую или непримѣчаемую противоположнымъ направленіемъ мысли. Еще Кантъ доказалъ, что понятіе наше о личности, о субъектѣ, о «Я» основывается на ложномъ заключеніи или паралогизмѣ, что для всѣхъ частныхъ видоизмѣненій мы совершенно несправедливо придумываемъ и предполагаемъ одно основаніе, субъектъ, котораго на дѣлѣ нѣтъ; и только по своему пристрастію къ разнымъ противоположеніямъ и антиноміямъ онъ доказываетъ, что это ложное заключеніе неизбѣжно. И въ настоящее время для иныхъ мыслителей уже не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что самосознаніе есть процессъ сложный. Отъ взаимодѣйствія между внѣшнимъ міромъ и нашими психическими силами образуется множество представленій, понятій, стремленій и другихъ актовъ и явленій психическихъ; общая совокупность ихъ, обусловливаемая единствомъ организма, и составляющая нѣчто цѣлое, отдѣльный и самостоятельный индивидуумъ—и есть основаніе самосознанія, которое дѣйствительно есть единство, но единство сложное, сумма многихъ отдѣльныхъ единицъ; въ душѣ есть частныя сознательныя представленія и другіе психическіе акты, а внѣ ихъ нѣтъ, да и нельзя себѣ представить ничего, никакого отдѣльнаго отъ нихъ «Я», которому они принадлежатъ. Воображаютъ, что существуетъ самостоятельное «Я»—что-то въ родѣ турецкаго султана, который или самъ создалъ, или откуда нибудь набралъ для себя множество турокъ, представленій, стремленій и проч., состоящихъ въ его полномъ распоряженіи; тогда какъ на дѣлѣ существуютъ собственно турки, а султанъ служитъ только формальнымъ выраженіемъ ихъ единства, — не будь турокъ, не было бы и султана. Когда мы рѣшаемъ или опредѣляемъ что нибудь, — это значитъ — рѣшаютъ всѣ наши представленія, или большая и сильнѣйшая часть ихъ, а мы только общее ихъ рѣшеніе можемъ разумѣть подъ нашимъ «Я».—Нѣсколько внимательное наблюденіе надъ собою показываетъ, что когда мы мыслимъ, углубимся въ предметъ, логически и непрерывно развиваемъ цѣлый рядъ понятій, тогда мы совершенно забываемся, какъ очень вѣрно говорятъ; личность наша для нашего сознанія исчезаетъ, такъ какъ будто и самосознаніе и наше «Я» для насъ пропадаютъ совсѣмъ, какъ будто и самое наше тѣло не суще-

летворительно не могутъ ничего; стало быть, система ихъ ложна. «Составныя части нашего тѣла, а вмѣстѣ съ нимъ мозга и нервной «системы, постоянно измѣняются, чрезъ отдѣленіе прежнихъ и асси- «милированіе новыхъ вещественныхъ частицъ. Откуда же возьмется «тождество сознанія и лица при этомъ періодическомъ метаморфозѣ «всего тѣлеснаго организма?—Фактъ тождественности нашего соз- «нанія рѣшительно противорѣчитъ положеніямъ матеріализма.» (Т. II, стр. 648). Къ сожалѣнію, эта тождественность—дѣло весьма сомни- тельное. «Съ существомъ нашей души, съ ея сознаніемъ неразрывно «сопряжено ея внутреннее самораздѣленіе и самовоззрѣніе; она са- «ма служитъ и предметомъ воззрѣнія и началомъ воззрѣвающимъ. «Какимъ же образомъ вещественные органы, которые мы считаемъ «причиною сознанія и которые постоянно остаются предметомъ на- «блюденія, могутъ превратиться изъ предмета въ субъектъ наблю- «дающій? Въ этомъ переходѣ отъ одного къ другому заключается «са мый антилогическій скачокъ»? (Т. II. стр. 648). На это матеріалисты могутъ возразить: «да органы вовсе и не превращаются въ субъектъ наблюдающій,—откуда вы это взяли? Мы вовсе этого не говоримъ.»— При этомъ мы замѣтимъ кстати, что полемика автора рѣшительно теряетъ еще оттого, что онъ нигдѣ, ни въ одномъ мѣстѣ не привелъ подлинныхъ словъ какого нибудь матеріалиста,—что легко можетъ возбудить подозрѣніе въ перетолкованіи. И дѣйствительно, состави- тель, кажется, ужь слишкомъ грубо представляетъ себѣ матеріали- стическія понятія, воображаетъ, будто, по ихъ представленію, мы- сли,—это какія-то крупинки, шарики, или нити, то же, что вещест- венные органы, и что вся душа есть не что иное, какъ мозгъ, соз- нающій себя. Дѣйствительно, прежде бывали и такіе матеріалисты; но ихъ понятіе и считается дѣйствительно неосновательнымъ, даже нелѣпымъ; новѣйшіе матеріалисты, сколько по крайней мѣрѣ намъ извѣстно, этого не говорятъ; по ихъ ученію, мысли и вообще вся психическая дѣятельность, — это не мозгъ и не что нибудь въ родѣ мускула, или жидкости; мысль и мозгъ — двѣ вещи разныя, только тѣсно связанныя другъ съ другомъ, подобно какъ причина и дѣй- ствіе, какъ субстратъ и явленіе, — такъ они говорятъ, и вотъ объ опроверженіи такихъ-то понятій (разумѣется, съ оставленіемъ того, что можетъ принадлежать истинѣ) просимъ мы автора позаботиться въ слѣдующихъ томахъ «Философскаго Лексикона».

Объ аргументахъ составителя, направленныхъ противъ матеріа- лизма и основанныхъ на физіологическихъ данныхъ, намъ и гово- рить не хотѣлось бы, тѣмъ болѣе, что они и приведены-то, кажет- ся, такъ, больше для формы, для очистки совѣсти, и обнаруживаютъ

въ авторѣ совершенное незнакомство съ современной физiологiей; Биша и Людвигъ для него геркулесовы столбы.

«Для объясненiя физическими причинами различiя душевныхъ отправленiй, слѣдовало бы указать существенное различiе даже въ образованiи и составѣ (Mischung) массы мозговой. Но и въ составѣ нервныхъ волоконъ и шариковъ ганглiй физiологiя не находитъ существеннаго различiя. На основанiи до-нынѣшнихъ наблюденiй, мы не находимъ существеннаго различiя между нервными волокнами и ганглiозными шариками, точно такъ же, какъ и между чувствительными и двигательными нервами» (Т. II, стр. 647).

Но теперь это различiе указано, скажетъ матерiалистъ, и напишетъ въ скобкахъ Bibra; слѣдовательно наше объясненiе вѣрно, а ваше невѣрно. Вотъ какъ опасны неосновательныя доказательства! Лучше было бы составителю вовсе не касаться физiологiи и не обнаруживать своихъ физiологическихъ воззрѣнiй, въ нѣкоторыхъ случаяхъ сближающихъ его съ барономъ Дюпоте и даже съ «Органономъ животнаго магнетизма.» — «Что душа можетъ иногда сосредоточи«ваться даже въ противоположномъ полюсѣ, въ которомъ прежде она «не обнаруживала своихъ дѣйствiй, это видно напр. изъ нѣкоторыхъ «магнетическихъ состоянiй, когда система ганглiй замѣняетъ от«правленiя мозга и воспринимаетъ впечатлѣнiе» (стр. 659), т. е. вмѣсто головы мы иногда можемъ мыслить желудкомъ и жевать глазами. Вообще это большая невыгода для философовъ идеалистовъ, вступающихъ въ борьбу съ матерiалистами даже на аренѣ физiологической; тутъ они претерпѣваютъ пораженiя, обращаются въ бѣгство и запираются въ метафизическихъ крѣпостяхъ, куда зовутъ всѣхъ физiологовъ и матерiалистовъ; а эти нейдутъ и приглашаютъ ихъ въ свою область, и въ свою очередь бываютъ очень забавны, опутанные метафизическими сѣтями и пораженные незнакомыми имъ метафизическими орудiями; и они часто прибѣгаютъ къ ретирадѣ и просятъ мира, какъ было съ Бюхнеромъ въ его «Natur und Geist.» И отъ этого взаимнаго незнанiя споръ очень запутывается и затягивается. Послѣ всего этого мы смѣемъ думать, что мнѣнiе наше о неосновательности политики «Философскаго Лексикона» не сочтется тоже неосновательнымъ. Кто не повѣритъ намъ и, къ обидѣ нашей, вообразитъ, что мы умолчали о сильнѣйшихъ доказательствахъ, приведенныхъ въ «Лексиконѣ» противъ матерiализма, и нарочно выбрали самыя слабыя, тотъ пусть потрудится самъ прочитать въ немъ статьи «духъ» и «душа» — дѣло не легкое, — и поищетъ сильнѣйшихъ: а для успокоенiя тѣхъ добрыхъ читателей, которые повѣрятъ нашему безпристрастiю, мы замѣтимъ, что если бы въ «Лексиконѣ» были какiя нибудь болѣе основательныя и глубокомысленныя дока-

нимъ уваженіемъ добытыхъ ею результатовъ, нежели сколько видно это въ «Философскомъ Лексиконѣ», — подумать именно о *спасеніи* нашего «Я» и духовной стороны нашего существа, безобидно притомъ и для стороны матеріальной.

Утвердивши на очевидно-шаткихъ основаніяхъ свои понятія о единствѣ самосознанія, составитель переходитъ къ опроверженію матеріалистическихъ положеній.

«Матеріалисты утверждаютъ, что душа съ единствомъ ея сознанія есть именно только результатъ сочетанія многихъ веществъ, развившихся до единства, или, ближайшимъ образомъ, есть произведеніе единства мозга и нервной системы. — Что касается первой части этого положенія матеріалистовъ, а именно, что душа съ ея сознаніемъ и всѣми своими отправленіями есть произведеніе извѣстнаго сочетанія вещественныхъ частицъ, то оно такъ грубо и такъ далеко отъ характера психологической дѣятельности, что при самомъ поверхностномъ взглядѣ нельзя не видѣть неосновательности его. Въ самомъ дѣлѣ, каждая ли вещественная частица можетъ произвести и производитъ это единство, или всѣ вмѣстѣ? Если каждая, то нѣтъ нужды въ ихъ сочетаніи; если всѣ вмѣстѣ, то откуда взялась въ нихъ способность къ произведенію единства, которой не имѣетъ ни одна частица порознь?» (Т. II, стр. 642).

Это возраженіе очень наивно; оно напомнило намъ знаменитый софизмъ о плѣшивомъ. Приходитъ однажды философъ къ нефилософу и говоритъ ему: «послушай, любезный, позволь мнѣ вырвать у тебя на головѣ одинъ волосокъ: это вѣдь для тебя ничего не составитъ и шевелюра останется цѣла»? — Конечно ничего, — можете вырвать. Философъ вырвалъ, и чрезъ нѣсколько времени опять говоритъ нефилософу: «если я вырву у тебя одинъ волосокъ на головѣ, то вѣдь твоя шевелюра отъ этого нисколько не пострадаетъ: позволь мнѣ его вырвать». Нефилософъ позволяетъ, а философъ опять вырываетъ у него одинъ волосокъ. И этакъ исторія тянулась у нихъ очень долго, до тѣхъ поръ, пока философъ по одному волоску не выщипалъ всѣ волосы на головѣ у нефилософа, оставивъ только одинъ волосокъ. Ну, натуральное дѣло, бѣдный нефилософъ, оставшись совершенно плѣшивымъ, началъ плакать о потерѣ своей шевелюры и жаловаться на философа. Тогда сей послѣдній образумилъ и утѣшилъ его такими словами: «безумецъ! О чемъ ты плачешь? размысли повнимательнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, каждый ли волосокъ можетъ произвести и производитъ это единство, т. е. твою шевелюру или всѣ вмѣстѣ? Если каждый, то нѣтъ нужды въ ихъ сочетаніи, и одинъ волосокъ замѣнитъ для тебя всю шевелюру; если вмѣстѣ, то откуда взялась въ нихъ способность къ произведенію единства, т. е. шевелюры, которой не имѣетъ ни одинъ волосокъ порознь?» Посрамленный нефилософъ замолчалъ.

«Но, можетъ быть, вѣрна вторая часть въ положеніи матеріалистовъ (спрашиваетъ составитель «Философскаго Лексикона»), а именно, что душа съ единствомъ ея самосознанія есть результатъ единства мозга и нервной системы? Нисколько. И этого положенія матеріализмъ рѣшительно недокажетъ. Не станемъ спрашивать, можно ли самое строеніе мозга и нервной системы объяснить однимъ сочетаніемъ частицъ, такъ-такъ и здѣсь между первымъ и вторымъ такъ же нѣтъ причинной связи. Но нарушимъ на время законы умозаключенія и допустимъ, что все строеніе животнаго организма какимъ нибудь чудомъ произошло изъ сочетанія вещественныхъ частицъ; что же изъ этого? Все-таки мы не докажемъ, что душа съ единствомъ ея самосознанія есть произведеніе единства мозга и нервной системы. Ибо стоитъ только обратить вниманіе на мозговую массу, чтобы убѣдиться, до какой степени это предположеніе несостоятельно. И во-первыхъ, не только эта масса раздѣляется на три части или массы, изъ коихъ каждую признаютъ за мѣсто особенныхъ душевныхъ проявленій, но и головной мозгъ состоитъ изъ двухъ частей» (Т. II, стр. 645).

Не станемъ спрашивать, возможно ли единство сознанія, нарушимъ на время законы умозаключенія и допустимъ, что оно есть—и въ такомъ случаѣ это доказательство смахиваетъ на плѣшивый софизмъ. Самъ же составитель говоритъ, что Я, какъ дѣйствительное единство всѣхъ явленій въ тѣлесномъ организмѣ, не можетъ занимать какой либо части, и «начало, оживляющее тѣлесный организмъ, «есть внутреннее единство, динамически отдѣльное отъ явленій со«матическихъ.» (стр. 658). По такому способу представленія не только пять, но и десять и сто частей мозга могутъ динамически произвести какое угодно явленіе, какое угодно хоть разъединство. А если еще этого единства да нѣтъ на самомъ дѣлѣ, что жь тогда доказательство?...

Затѣмъ слѣдуютъ другія опроверженія все въ такомъ же родѣ. Вся сила ихъ заключается въ томъ положеніи, что матеріалисты не могутъ совершенно точно и наглядно объяснять многихъ психическихъ явленій, да и тѣ объясненія, которыя они представляютъ, они не могутъ подтвердить наглядными опытами и указаніями: физикъ, напр., говоритъ, что отъ тренія происходитъ электричество; онъ третъ стекло объ амальгамированныя кожаныя подушки, и дѣйствительно является у него электричество. Также точно должны бы поступать и матеріалисты,—говорятъ, что психическія явленія продуктъ извѣстныхъ нервныхъ отправленій: сейчасъ и должны доказать это на опытѣ; а они этого сдѣлать не въ состояніи. Для этого авторъ собираетъ разные психическіе курьёзы, придумываетъ разные вопросы и задачи и предлагаетъ ихъ матеріалистамъ для объясненія и рѣшенія; оказывается, что они рѣшить совершенно удов-

зательства и возраженія, то онъ не сталъ бы бросаться и пускаться въ тѣ несостоятельныя умствованія, которыя мы привели выше.

Но предположимъ, что вся полемика «Философскаго Лексикона» противъ матеріализма очень сильна и основательна, что самый рьяный матеріалистъ почувствовалъ слабость предъ его умствованіями, и смиренно поникъ главою предъ спиритуализмомъ; и въ этомъ случаѣ торжество «Философскаго Лексикона» будетъ непродолжительно,—бѣда, если матеріалистъ прочтетъ и вторую половину статьи о душѣ, собственно къ нему и не относящуюся.

«Съ ученіемъ о человѣческой душѣ (говоритъ авторъ), неразрывно соединены нѣкоторые другіе частные вопросы, а именно: объ отношеніи души къ тѣлу, о мѣстѣ ея въ нашемъ тѣлѣ, о происхожденіи души и, наконецъ, о душѣ животныхъ. Должно впрочемъ присовокупить, что въ этихъ частныхъ вопросахъ обособляется только общій вопросъ, а именно, какимъ отношеніемъ души и тѣла зиждется каждое живое существо» (Т. II, стр. 653).

Въ отвѣтахъ на эти вопросы составитель съ первыхъ же словъ путается, сбивается, ничего не говоритъ рѣшительно, старается отдѣлаться какъ нибудь, ослабляетъ силу и значеніе вопросовъ и на нѣкоторые изъ нихъ рѣшительно ничего не отвѣчаетъ. Матеріалистъ сразу же замѣчаетъ, что у его противника дѣло неладно, снова поднимаетъ голову и уже безъ прежней робости подсудимаго, а съ смѣлостью судьи, ставитъ составителя въ свое прежнее положеніе, и самъ становится на его мѣстѣ и говоритъ: «позвольте же и мнѣ въ свою очередь предложить вамъ нѣсколько задачъ для рѣшенія; вы говорите, что я ничего не объясняю и не могу объяснить, а объясните же вы мнѣ, какъ относятся между собою душа и тѣло, какъ чистый духъ можетъ такъ тѣсно соединиться съ матеріей,—вѣдь это самый антилогическій скачокъ?»—«Касательно взаимнаго отношенія «между душою и тѣломъ существовали разные отвѣты» (стр. 653). Одни думали такъ, другіе полагали иначе; Парацельсъ и Аристотель такъ, Декартъ и Лейбницъ иначе, а Гегель и Гербартъ еще иначе. «Но такъ какъ психологія не можетъ однако найти закона, по ко«торому съ идеальнымъ мысленнымъ началомъ нераздѣльно со«пряжено произведеніе цѣлой системы внѣшнихъ органовъ,—то во«просъ о взаимодѣйствіи между душею и тѣломъ по необходимости «долженъ перейти въ метафизику» (Т. II, стр. 657).—Стало быть, вы сами объяснить не можете. А разрѣшите мнѣ еще одну загадку по вашей системѣ: откуда берется душа въ нашемъ тѣлѣ? Тѣло зачинается въ утробѣ матери,—ужели тамъ же зачинается и душа—существо духовное? А если нѣтъ, то откуда же она происходитъ и когда соединяется съ тѣломъ—*до* или *послѣ* рожденія? Если *до*, то какъ и когда,

и если *послѣ*, то опять какъ и когда? «На вопросъ о происхожденіи «или возникновеніи души въ нашемъ тѣлѣ также были различные и «не болѣе удовлетворительные отвѣты, какъ и на первый» (Т. II, стр. 660). Одни полагали такъ, другіе думали иначе; схоластики полагали такъ, Тертулліанъ, Лютеръ, Лейбницъ этакъ, а Фихте младшій вотъ какъ — и только. — А вы сами рѣшительно отказываетесь отъ разрѣшенія этихъ вопросовъ и вовсе не хотите ничего объяснить? Такъ же точно рѣшаете неудовлетворительно вопросъ о мѣстѣ, занимаемомъ душою въ тѣлѣ, и о душѣ? Прекрасно! вотъ и по вашей системѣ многое не объясняется, значитъ—она ложна. Вслѣдствіе всего этого составитель «Философскаго Лексикона» пошелъ на мировую съ матеріалистами, и вы, говоритъ онъ, не можете объяснить психическихъ явленій, и мы тоже не можемъ,—значитъ, и толковать тутъ нечего, и спорить не о чемъ:

«Если идеализмъ (говоритъ авторъ) находитъ такія свойства въ нашей душѣ, для происхожденія которыхъ нѣтъ условій въ тѣлесномъ организмѣ и, полагая другое высшее начало ихъ, не можетъ между тѣмъ объяснить самой связи психической жизни съ тѣлеснымъ организмомъ и съ цѣлою природою, не можетъ выдержать стройнаго генетическаго хода отъ высшаго къ низшему, отъ духа къ веществу, то *такимъ же точно недостаткомъ*, только въ обратномъ смыслѣ, страдаетъ и матеріализмъ; потому что онъ также не въ состояніи изъ условій, присущихъ низшимъ царствамъ природы, вывесть нравственно-разумное, сознательное существо нашей души» (Т. II, стр. 651).

Вотъ вамъ результатъ ученой, обширной и многосложной критики, — и «вы неправы, и мы неправы». Зачѣмъ же было тратить на это столько жару и паѳосу, зачѣмъ было бранить глупцами и нелѣпыми своихъ противниковъ? Гдѣ же истина? ужь не въ золотой ли серединкѣ она, между двумя крайностями? Или не пошутилъ ли составитель «Философскаго Лексикона», подобно Михаилу Петровичу? Какъ досадно, право, на этихъ людей, которые принимаются защищать святыя, дорогія и любезныя сердцу человѣческому истины и, вмѣсто защиты, только роняютъ ихъ, и желая услужить истинѣ, на дѣлѣ становятся ея врагами.

Итакъ, собственная философія составителя неудовлетворительна, критика другихъ философскихъ системъ слаба и неосновательна, — остается только историческая, внѣшняя сторона «Философскаго Лексикона, но о ней мы сказали уже въ началѣ статьи.

Но независимо отъ всѣхъ указанныхъ недостатковъ, собственно ученыхъ, даже при совершенномъ отсутствіи ихъ, «Философскій Лексиконъ» не можетъ найти себѣ сочувствія въ большинствѣ образованной публики, какъ это и было съ первымъ томомъ, очень раз-

нодушно принятымъ публикою, какъ будетъ и со вторымъ. Съ перваго же раза «Лексиконъ» отталкиваетъ отъ себя своею абсолютною отрѣшенностію отъ духа времени, какимъ-то совершеннымъ равнодушіемъ, если не презрѣніемъ ко всему современному живому, ко всѣмъ интересамъ и потребностямъ современнаго общества, точно будто «Лексиконъ» написанъ въ XV вѣкѣ и предназначенъ для XXV. Кому неизвѣстно, что наше время славится обиліемъ поднятыхъ вопросовъ, заявленныхъ требованій, затронутыхъ новыхъ сторонъ въ предметахъ; практическая дѣятельность ищетъ для себя опоры и новыхъ основаній. Казалось, сколько бы можно было найти тутъ пищи для философскаго ума и случаевъ для философской благотворительности! Но составитель рѣшительно ничего не хотѣлъ знать о томъ, что вокругъ него дѣлается, что̀ насъ занимаетъ, о чемъ мы хлопочемъ, чего требуемъ, что̀ составляетъ предметъ нашихъ надеждъ, и не желаетъ вставить ни одного словечка въ нашу одушевленную и живую рѣчь. О современной литературѣ онъ и не слыхивалъ и какъ будто даже не подозрѣваетъ ея существованія,—точно человѣкъ сидитъ за китайскою стѣною, чрезъ которую не могутъ дойти до него никакъ современныя разсужденія, толки, споры, вопросы, имѣющіе философское значеніе; точно не читалъ ни одной современной строчки и не промолвилъ съ живымъ человѣкомъ ни одного слова. Положимъ, онъ съ туманныхъ философскихъ высотъ съ пренебреженіемъ смотритъ на бѣдныхъ муравьевъ, роющихся въ современномъ муравейникѣ, презираетъ литературу и считаетъ ея вопросы не стоющими философскаго вниманія; но пусть бы онъ хоть это-то сказалъ, и, разсуждая о философскихъ матеріяхъ, съ которыми соприкасаются современные литературные толки, пусть хоть бы сказалъ, что вотъ, дескать, какъ неосновательно и нелѣпо разсуждаютъ въ настоящее время, вотъ проповѣдуютъ искусство для искусства, а вотъ порабощаютъ его житейскимъ цѣлямъ, но этому ничему не должно вѣрить. Все бы таки видно было, что книга написана для людей, которые еще, слава Богу, живутъ, видятъ и слышатъ, что вокругъ нихъ дѣлается. А то, читая «Лексиконъ», воображаешь, что имѣешь дѣло съ такой книгой, какъ «Anatome Topographica», таблицы логариѳмовъ, или ариѳметика,—гдѣ ужъ нельзя быть современнымъ; да впрочемъ въ настоящее время есть такіе молодцы, которые и отъ ариѳметики требуютъ, чтобы она была либеральна и даже радикальна. А тутъ лексиконъ, да еще философскій, хочетъ быть таблицею логариѳмовъ, принимаетъ такой видъ, чтобы ему въ видѣ муміи сохраниться хоть до конца міра—и тогда быть такъ же современнымъ, какъ и теперь. Ужели философія такъ ужь возвышенна, что ей и спуститься нельзя къ обыкновеннымъ смертнымъ, и что она говоритъ

только всему человѣчеству, взятому въ совокупности всѣхъ временъ, мѣстъ и народовъ? Но самъ же составитель говоритъ: «Философія Фихте имѣла большое вліяніе на умы въ Германіи во время «реакціи Наполеону, и по крайней мѣрѣ доказала, какъ нельзя лучше, что самое отвлеченное умозрѣніе не такъ безразлично, какъ думаютъ, въ отношеніи къ живымъ интересамъ націи, и можетъ идти «объ руку съ самыми живыми вопросами современности» (Т. II, стр. 354). Отчего же этого нѣтъ въ вашемъ «Лексиконѣ»? отчего же вы не пошли объ руку съ самыми живыми вопросами современными, когда говорили, напр., о благѣ и благополучіи, о воспитаніи, добродѣтели, долгѣ, законѣ, идеалѣ, искусствѣ, изящномъ и проч. и проч.? Вы пускаетесь опровергать Анаксагора, Аристотеля и другихъ, — дѣло хорошее, ученость, наука; но вѣдь вы обращаетесь не къ спеціалисту, а къ обыкновенному смертному. Вотъ сосѣдъ разсуждаетъ о философскомъ вопросѣ такъ, пріятель иначе, а дядюшка съ тетушкой еще иначе; въ одномъ мѣстѣ онъ читаетъ то, въ другомъ другое; какъ ему быть, что ему думать обо всѣхъ этихъ мнѣніяхъ; «дайка справлюсь въ «Философскомъ Лексиконѣ», думаетъ онъ: посмотрю, какъ должно разсуждать объ этомъ философу»,—и ничего не находитъ: все тамъ старина и древность, древность и старина. Вся современность «Философскаго Лексикона» ограничилась слѣдующей фразой: «какое въ самомъ дѣлѣ противодѣйствіе въ идеѣ пользы «найдетъ казнокрадъ и взяточникъ противъ своего гнуснаго ремесла, или грабитель противъ своего желанія наживаться со вредомъ «для ближняго, если это ведетъ ихъ къ ощутительной для нихъ «пользѣ?» (Т. I, стр. 237). Казнокрадъ и взяточникъ—въ двухъ вышедшихъ томахъ — это два, въ буквальномъ смыслѣ, единственныя слова, которыя долетѣли до слуха составителя изъ всей живой, современной рѣчи, да и то, видно, потому, что ихъ безобразно и неистово крикнули на всю Россію. Если же вы свои истины считаете неизмѣнными и непреложными въ смыслѣ такой неподвижности, чтобы и не имѣть въ виду нуждъ и духа времени и вѣка, то вы лучше и излагайте ихъ на неизмѣнномъ латинскомъ языкѣ, какъ и дѣлалось встарину. Тогда и по внѣшнему виду ваши истины будутъ неизмѣнны, и люди, говорящіе живымъ современнымъ языкомъ, не будутъ бросаться на нихъ....

А. АНТОНОВИЧЪ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Западные Европейцы и Русскіе. Доктора и орд. профессора *Панезица*. Москва. 1860.

Мы рѣшительно затрудняемся и недоумѣваемъ, «какое имя дать сей книгѣ полудикой»; вертѣлось у насъ на языкѣ названіе—винигрета; но оно какъ-то не шло къ сочиненію доктора, да еще ординарнаго профессора. Потому мы рѣшились назвать и назовемъ его микстурой, составленной изъ многочисленныхъ и самыхъ разнородныхъ специй, приторной для однихъ и горькой для другихъ, возбуждающей смѣхъ и исторгающей слезы изъ очей. Эти многоразличныя, совершенно противоположныя дѣйствія микстуры основываются на самомъ свойствѣ входящихъ въ нее элементовъ, на самомъ составѣ книги. Дѣло, видите ли, вотъ въ чемъ. «Заклятые враги наши, нѣмцы и прочіе западные европейцы» (стр. 8), постоянно ругаютъ насъ, русскихъ, обзываютъ разными поносными именами, даютъ намъ оскорбительныя прозвища и вообще ставятъ насъ ни въ грошъ. Отчего бы, кажется, и намъ, русскимъ, не отплачивать имъ око-за-око, зубъ-за-зубъ, и не ругать ихъ. Чего «худаго не пишутъ объ насъ, русскихъ, въ западной Европѣ! Все, «что только можно вообразить себѣ грязнаго, безпутнаго, безсмыс-«леннаго, буйнаго и глупаго, отвратительнаго и пошлаго — все то «присвоено намъ западными европейцами. Почему жь и намъ не «отвѣчать имъ изъ своего отечества, въ томъ же тонѣ?» (стр. 10). И не на словахъ только, но и на дѣлѣ они пренебрегаютъ нами, и «почитаютъ насъ за одно съ турками».

«Въ бытность свою за границей я (разсказываетъ о себѣ докторъ) видѣлъ тому много примѣровъ. Въ одномъ нѣмецкомъ городѣ, однажды турецкій посланникъ вышелъ за городъ прогуляться. Объ этомъ при мнѣ одинъ нѣмецъ сказалъ другому: «вотъ русскій посланникъ». — Какъ русскій? турецкій. — «Ну, да это все равно». — Въ театрѣ одинъ комикъ, прочитавъ письмо, подписано варварскимъ именемъ: «Шагаба», съ изумленіемъ воскликнулъ, что это письмо должно быть von einem Russen, Turken, oder so was (отъ какого нибудь русскаго, турка, или тому под.). — Эта мысль повторяется во многихъ дѣтскихъ книгахъ и даже въ патологіи душевныхъ болѣзней ученаго Фридрейха» (стр. 210).

И несмотря на это, мы, русскіе, терпѣливо и смиренно выносимъ брань и презрѣніе нѣмцевъ. Мало того: «чуждыя намъ, русскимъ, «западныя идеи часто врываются даже и въ нашу литературу. Такъ «напримѣръ, въ семъ 1860 году газета «Наше Время» въ объявле-«ніи о себѣ говоритъ: ни одна страна не нуждается такъ въ газе-«тахъ и журналахъ, какъ Россія» (стр. 12). А это обстоятельство придаетъ еще больше духу и наглости нашимъ «заклятымъ врагамъ».

«Что же намъ дѣлать противъ столь уничижительнаго для насъ «предубѣжденія?» (стр. 302) вопрошаетъ докторъ: «неужели без-«молвно уступить злой молвѣ? Нѣтъ, отвѣтствуетъ ординарный «профессоръ, мы будемъ трезвиться, бодрствовать и возражать!» (стр. 303). И дѣйствительно, онъ принимается за великое народное дѣло, возражаетъ западнымъ европейцамъ, ихъ ругательствамъ противопоставляетъ свои, и самъ, сколько есть силъ, ругаетъ ихъ. Вы, говоритъ онъ европейцамъ, обзываете насъ *татарщиной*, «чтобы тѣмъ уничижить насъ въ нашемъ собственномъ отечествѣ. «Дѣйствительно, бывши подъ игомъ татаръ, мы заняли нѣчто и «удержали въ себѣ отъ ихъ характера, именно ихъ простоту нра-«вовъ и живую фантазію». А вы-то кто сами? чего вы хвастаетесь передъ нами? Вѣдь вы сами «были нѣкогда *рабами развращеннаго* «*Рима*; потому что большая часть Западной Европы и Америки на-«селена нынѣ потомками отъ рабовъ развращеннаго Рима, слѣдова-«тельно, настоящимъ отребіемъ человѣчества, которое очень можно назвать «новымъ Каиновымъ племенемъ».—«Стало, русскіе — это «новый Сиѳъ и новое племя сыновъ Божіихъ». — «Стало, запад-«ные европейцы — это новый Каинъ и новое племя сыновъ чело-«вѣческихъ», и проч. и проч. (стр. 7 — 9). Вотъ вы кто такіе! а еще издѣваетесь надъ нашей татарской простотой и фантазіей. Также точно и во всѣхъ другихъ случаяхъ, умозаключаетъ докторъ, западные европейцы бранятъ насъ и издѣваются надъ нами, а оказывается, что они сами еще гораздо хуже насъ. «Просимъ благо-

«склонныхъ читателей припомнить и держать въ своей памяти всѣ «тѣ недостатки и пороки, въ которыхъ насъ, русскихъ, какъ варва«ровъ, обвиняютъ западные европейцы; это суть: пьянство, об«жорство, лютость характера, распутство, разслабленіе тѣлесныхъ «и душевныхъ силъ, множество болѣзней въ народѣ, особливо ве«нерическая болѣзнь, золотуха и проч. Но всѣ эти пороки состав«ляютъ неотъемлемую принадлежность самихъ западныхъ европей«цевъ и отъ нихъ распространяются какъ у насъ въ Россіи, такъ и «по всѣмъ прочимъ народамъ земли» (стр. 51). Вотъ, напримѣръ, европейцы обвиняютъ насъ въ пьянствѣ. Да вы сами горькіе пьяницы, отвѣчаетъ имъ докторъ, сами допиваетесь до чертиковъ; вонъ что говоритъ вашъ профессоръ Ватсонъ: «болѣзнь эта (перепой) здѣсь, въ нашей землѣ (особенно въ Лондонѣ), необыкновенно часто случается»; то же самое говорятъ и другіе медики и ученые (стр. 52). А у насъ только и есть напитковъ, что квасъ. «Долгомъ «считаю обратить вниманіе русскаго читателя на слѣдующія об«стоятельства въ пользу нашего кваса: 1) квасъ и теперь есть и «всегда былъ обыкновеннымъ питьемъ только одного русскаго на«рода; 2) по мнѣнію отличнѣйшихъ врачей нашего времени, жажда «лучше всего утоляется квасомъ; 3) у древнихъ израильтянъ также «было обыкновенное питье, похожее на нашъ квасъ; 4) обыкно«веннымъ питьемъ древнихъ римлянъ, во всѣхъ ихъ походахъ, «было кислое питье изъ уксусу съ водою, подобное русскому квасу. «*Подкрѣпляемые такимъ питьемъ, римляне покорили міръ*» (стр. 300 — 302). Впрочемъ и при умѣренномъ употребленіи кваса русскіе довольно сдѣлали для достиженія всемірнаго владычества, «одолѣли сотни народовъ около себя» — что и доказываетъ, «что «русскій народъ отъ природы совсѣмъ не расположенъ къ пьян«ству».

«Никто не сомнѣвается въ томъ, что злоупотребленіе спиртныхъ напитковъ ослабляетъ тѣлесныя и душевныя силы человѣка: какимъ же образомъ возможно, чтобы русскіе могли одолѣть сотни народовъ около себя, не имѣя предъ ними преимуществъ со стороны тѣла и души? Мнѣ скажутъ, что въ этомъ помогали намъ западные европейцы?... *Никакъ*!... Скажу болѣе: даже и теперь у ближайшихъ къ намъ европейцевъ зрѣетъ просвѣщеніе, такъ сказать, подъ крыломъ Русскаго Орла. Большая часть германскихъ племенъ теперь ни съ кѣмъ не имѣютъ войнъ, и отъ того только могутъ посвящать свой досугъ наукамъ. Кто же хранитъ ихъ въ такой безопасности, если не Русскій Орелъ? Отступись онъ отъ нихъ: тогда возобновятся у нихъ кровавыя сцены среднихъ вѣковъ» (стр. 306—307).

А все это рѣшительно было бы невозможно ежели бы русскіе

вмѣсто квасу употребляли водку. Значитъ, обвиненіе русскихъ въ пьянствѣ неосновательно. Вы укоряете насъ, говоритъ докторъ западнымъ европейцамъ, въ обжорствѣ, или чревобѣсіи, а сами между тѣмъ имѣете языческій столъ, «образцомъ котораго можетъ служить тотъ парадный столъ, которымъ китайцы угощали англійскихъ посланниковъ въ Калькуттѣ; причемъ поливали кушанья, между прочимъ, сокомъ, выжатымъ изъ мокрицъ, таракановъ и т. п. Такого же рода столъ нынѣ въ большомъ ходу въ Парижѣ, и, вѣроятно, оттуда вольнодумцы будутъ стараться вводить его мало по малу по прочимъ христіанскимъ и не-христіанскимъ народамъ. — Давно извѣстно, что въ парижскіе пастеты, разсылаемые по всѣмъ сторонамъ, входитъ въ составъ кошачье мясо, приготовленное такъ, что прежде кошку повѣсятъ и стегаютъ прутомъ до крови, потомъ измученную заколятъ». (64—65.) Мы же, говоритъ онъ, содержимъ въ году четыре поста, которые, по замѣчанію Снегирева, пріучаютъ русскаго къ воздержанію, и кромѣ того постимся еще въ среду и пятницу, и вообще довольствуемся скудною пищею, хлѣбомъ, щами изъ рубленной, кислой сѣрой капусты и гречневою кашею, и, подобно древнимъ римлянамъ, капусту и свеклу считаемъ лучшими лекарствами (стр. 300).— Вы смѣетесь надъ нашимъ распутствомъ, ѣдко замѣчаетъ онъ нашимъ заклятымъ врагамъ: а посмотрите-ка, что у васъ тамъ дѣлается. «Въ англійскомъ медицинскомъ журналѣ «The Lancet» напечатано слѣдующее: «мы знаемъ изъ самыхъ достовѣрныхъ источниковъ, что въ Лондонѣ изъ 60 домовъ одинъ домъ есть самый предосудительный, и изъ 16 женщинъ — всякаго возраста — одна есть открыто распутная женщина. Г. Табольботъ и другіе строгіе розыскатели насчитали въ Лондонѣ» ... но тутъ авторъ выражается такими словами, которыхъ и въ лексиконъ не вносятъ» (стр. 79).—Тогда какъ Кампензе, писавшій о русскихъ около 1523—24 годовъ, говоритъ: «прелюбодѣяніе, насиліе и публичное распутство также весьма рѣдки»-(стр. 329). —Послѣ подобной неумолимой критики ординарнаго профессора оказывается, что западные европейцы по уши погрязли въ тѣхъ же самыхъ порокахъ и беззаконіяхъ, которыя они такъ безсовѣстно взваливаютъ на русскихъ.

Но онъ этимъ недовольствуется и указываетъ въ своихъ врагахъ бездну другихъ недостатковъ и пороковъ, неслыханныхъ между русскими, и описанію ихъ посвящаетъ цѣлую главу подъ названіемъ: «вредоносныя вліянія въ Германіи», къ которымъ онъ относитъ *случаи простуды* и климатъ нѣмецкій, нищету и *нечистоплотность*. — Да и самая-то медицина у нихъ мерзка, говоритъ онъ, —и въ IV главѣ не чернилами, а слезами описываетъ плачевное состояніе вра-

чебной науки на Западѣ, приводитъ поразительные примѣры невѣжествъ западныхъ врачей, — лечатъ они, говоритъ, больныхъ, а больные все-таки умираютъ къ величайшему ихъ изумленію. «Но утѣшимся хоть тѣмъ, что такъ лечатъ не у насъ, а за границею»!... (стр. 175) и что у насъ еще и примѣра не было, чтобъ личимые больные умирали.

Чѣмъ же послѣ этого могутъ лечиться наши проклятые враги, чѣмъ могутъ еще похвастаться передъ нами—ужь не своей-ли цивилизаціей? Ну, нашли чѣмъ похвалиться: цивилизаціей?! Прочитайте-ка у доктора главу «о подозрительномъ характерѣ настоящей образованности—цивилизаціи—западной», такъ вы и увидите, что за штука ваша цивилизація. «Главное, внутреннее качество цивили-«заціи — качество хищническое, звѣрское. Потому что она, циви-«лизація вообще, есть порожденіе одной и той же плоти и крови—«ветхаго человѣка, который самъ по себѣ, безъ вліянія на него ду-«ха, при ослабѣвшей душѣ, есть лютый звѣрь» (стр. 20). По соображеніи всего этого, христіанинъ въ правѣ и болѣе, нежели съ вѣроятностію, полагать, что она-то западно-европейская цивилизація и была ближайшею причиною всемірнаго потопа, какъ слѣдствіе, такъ сказать, «оплодотворенія человѣка». — «Да! сколько христіанъ на «Западѣ и нынѣ, прилѣпившись къ новѣйшей цивилизаціи, уклони-«лись въ сторону отъ Христа и погибаютъ въ мерзостяхъ отступни-«чества!.... Судя по такому, можно сказать, страшному послѣдствію «для христіанъ нашей цивилизаціи, слѣдуетъ заключить, что она не «только опасна, но рѣшительно гибельна для всего человѣчества «въ нынѣшнемъ своемъ направленіи: она угрожаетъ ему такимъ же, «если не большимъ, бѣдствіемъ, какое потерпѣло допотопное человѣ-«чество».... (стр. 21—3) т. е. это значитъ, опять будетъ всемірный потопъ. Позвольте, г. докторъ, какъ же такъ:—вы говорите, что будетъ потопъ, а въ писаніи сказано, что потопа больше не будетъ,— для того и радуга дана? Значитъ тутъ или противорѣчіе, или мы васъ не понимаемъ. — Да признаться сказать вамъ откровенно, я и самъ хорошенько не понимаю, что я такое говорю, отвѣчаетъ докторъ: а должно быть говорю вѣрно. «Даже и мнѣ самому трудно «представить себѣ вполнѣ вѣрность такого своего мнѣнія о цивили-«заціи: потому что я усиливаюсь доказать его изъ того же плотска-«го ума, изъ котораго развивается и цивилизація. Тѣмъ не менѣе «однакожь цивилизація ваша точно такова, какъ я ее изобразилъ «въ короткихъ словахъ» (стр. 23). Да ужь если пошло на откровенность, то я вамъ скажу, что и всю книгу-то свою я написалъ въ какомъ-то забытіи, — знаете, какъ человѣкъ упавшій, у котораго отшибло и память и разсудокъ. «Я написалъ это, какъ-бы забывшись,

«въ состояніи своего паденія, по одному врожденному намъ остатку «той идеи, какую имѣлъ человѣкъ прежде» (стр. 24). — Ну, послѣ этого, конечно немудрено, что докторъ такъ изображаетъ цивизацію:

«Предлагаемъ здѣсь главныя качества ея въ короткихъ словахъ: во-первыхъ, правда, что внѣшняя природа есть величественная книга Откровенія, но новѣйшая западно-европейская цивилизація не приняла въ себя Духа Истины; во-вторыхъ, прекрасная наружность цивилизаціи доставляетъ намъ удовольствіе не иначе при чистотѣ души и внутреннемъ веселіи во Святомъ; въ-третьихъ, невѣжественность не много невыгодна, и потому лучше занимать душу полезными науками, но не слишкомъ, а наблюдая благотворную середину; въ-четвертыхъ, христіанинъ долженъ помнить евангельское слово: *въ наученія странна и различна не прилагайтеся* (скромно замѣтимъ, что это слово ап. Павла, а не изъ Евангелія); въ-пятыхъ, цивилизація началась и развивается подъ вліяніемъ безбожнаго убѣжденія въ одну творящую природу; въ шестыхъ, въ характерѣ цивилизаціи нѣтъ христіанской любви; въ-седьмыхъ, углубленіе ума въ самые отдаленные круги внѣшняго міра, безъ руководства вѣры въ св. Откровеніе, вовлекаетъ душу въ самыя гибельныя заблужденія; въ-восьмыхъ, цивилизація пріучаетъ къ рабской зависимости отъ внѣшнихъ предметовъ; въ-девятыхъ, размножая щегольскія издѣлія, способствуетъ распаданію человѣчества на партіи и секты; въ-десятыхъ, драгоцѣнныя безделки отдѣляютъ обладающихъ ими отъ ихъ ближнихъ и родныхъ» (стр. 40—45).

Много можно бъ было и еще кой-чего подобнаго привести въ невыгоду настоящей цивилизаціи; ну, да ужь, говоритъ, довольно съ нее и этого, — такое великодушіе! «Такое мнѣніе о цивилизаціи «нашей такъ странно, что немногіе согласятся со мною» (стр. 23). Помилуйте, что вы? нѣтъ, всѣ, рѣшительно всѣ согласятся съ вами. — Да я впрочемъ такъ и думаю, говоритъ докторъ; потому что въ самомъ дѣлѣ стоитъ призадуматься надъ этимъ всякому христіанину! — «Исчадія безбожной революціи французской — этой страшной гидры — пресмыкающіеся и летучіе аспиды: они расползлись, «разлетѣлись нынѣ по всей землѣ (т. е. какіе-то писатели цивили- «заціи), а можетъ быть и около насъ вьются: берегитесь, христіане»! (стр. 48). Неужели?! ахъ! очень вамъ благодарны, добрѣйшій докторъ.

Вотъ намъ, русскимъ, продолжаетъ авторъ, такъ есть чѣмъ похвастаться предъ западными европейцами; мы и сами хороши, и все-то у насъ отлично и лучше, чѣмъ у другихъ народовъ. «Но на все «это мы, русскіе, смотримъ съ благоговѣніемъ, но безъ надменно- «сти. И это правильнѣе чванства западныхъ европейцевъ» (стр. 245)

Мы, россіяне, говоритъ, народъ 3-го № и самаго духовнаго качества (стр. 219). О насъ предсказывали еще въ Ветхомъ Завѣтѣ пророки. «Такъ 47 псаломъ можно примѣнить къ Россіи. Пророкъ, про«видя будущее, говоритъ: Велій Господь въ горѣ Святѣй Его, — это «та русская, величайшая и обширнѣйшая гора во всемъ свѣтѣ (?), «на которой стоитъ Москва: ребра Сѣверова, градъ Царя Велика«го» (стр. 238). «Наконецъ у Исаіи сказано: прозовутся именемъ Мо«имъ.» Западно-европейскіе экзегеты и до сихъ поръ ломаютъ голову надъ пророчествами Исаіи и недоумѣваютъ, куда ихъ отнести. А дѣло-то выходитъ просто: это пророчество относится къ россіянамъ. «Не смѣю толковать сіи слова; но не лишнимъ считаю замѣ«тить слѣдующее: слава значитъ почти то же, что аллилуіа—хвала «Богу. Только Богу подобаетъ слава.» Значитъ, кто называется славой, тотъ прозывается именемъ Божіимъ. А мы именно и прозываемся аллилуйею, или славою. Мы — славяне, а не словене, какъ утверждаютъ наши недоброжелатели и враги, и происходимъ отъ слова «слава», — что доказывается уже и тѣмъ, что въ народѣ нашемъ есть неограниченное уваженіе славы. Даже названіе «варяговъ» и оно славно, если его прилагать къ россіянамъ, и только въ приложеніи къ нѣмцамъ оно очень не славно. «Варяги: утверждаютъ, «будто такъ называли наши предки нѣмцевъ только, отъ слова «воръ.» А если называть такъ русскихъ, то оно ужь не то. У насъ есть на славянскомъ языкѣ слово «варяю», которое на русскомъ языкѣ значитъ «предваряю». Теперь извѣстно, что нынѣшніе нѣмцы-пруссаки называютъ своего Блюхера: Herr Vorwärts, т. е. господинъ Впередъ—за его храбрость. Очень можетъ быть, что и древніе предки наши своихъ храбрыхъ соплеменниковъ называли варягами, т. е. предваряющими другихъ, за то, что они въ битвахъ бросались впередъ. Если же это слово присвоить нѣмцамъ, бывшимъ въ русской службѣ, то оно получитъ совсѣмъ другое значеніе, и его разумѣть нужно наоборотъ, «т. е. что нѣмцы отчаянные трусы» (Погодинъ и Костомаровъ примутъ это къ свѣдѣнію, а Юрій Леттола не преминетъ снова по этому поводу явиться съ громоносной ученой статьей). — На этомъ основаніи, если славянинъ думаетъ о славѣ и стремится къ ней, такъ это ничего; а вотъ ужь бываетъ смѣшно, когда туда же къ славѣ полѣзетъ и какой нибудь нѣмецъ, или французъ. «Безумные изувѣры превозносились гнусными замыслами «и для осуществленія ихъ воспламенялись мыслію о безсмертной «славѣ. Не обаяніе ли это?... Напр., не смѣшно ли, что каждый рядо«вой наполеоновской арміи мечталъ о безсмертной славѣ своего име«ни въ потомствѣ?.. А?.. рядовой!..» (стр. 280). Чрезвычайно смѣшно, просто отъ смѣха нельзя удержаться при послѣднемъ вопросо-

восклицаніи. А вотъ это не смѣшно: «нашъ великій Суворовъ—глу-«бокій знатокъ ума и сердца человѣческаго — также говаривалъ: «худой тотъ солдатъ, который не думаетъ быть генераломъ....» (стр. 354). Солдатъ?... Генераломъ!.., Да, вѣдь они сыны славы.—И не по одному только имени, но и по своему высокому назначенію, мы народъ Божій, новый Израиль. «Изъ Византіи науки перешли «къ западнымъ христіанамъ и тамъ сосредоточились; а вѣра гре-«ческая—чистая, апостольская—передана народу крѣпкому на сѣ-«верѣ» (стр. 227), и мы хранимъ ее крѣпко и твердо, какъ камень. «И тщетно изувѣры нашего времени перемѣшиваютъ христіанское «съ языческимъ, чтобы смутить православіе» (стр. 385). Но этимъ не ограничивается еще роль Россіи. «Видя воздвигшееся въ за-«падныхъ христіанахъ невѣріе, истинный историкъ съ благогo-«вѣніемъ усматриваетъ великую знаменательность отечества нашего, «Россіи, въ вѣчной борьбѣ на землѣ между свѣтомъ и тьмою — «между благомъ и зломъ, истиною и ложью, вѣрою и невѣріемъ.» (стр. 294). Да не историкъ только, а вонъ посмотрите, даже самъ «знаменитый германскій философъ Баадеръ—изъ всѣхъ народовъ «только насъ, русскихъ, признаетъ за истинныхъ христіанъ въ на-«ше время» (стр. 350). Эта знаменательность вотъ что. «У западныхъ «христіанъ преобладаетъ мышленіе, у восточныхъ вѣрованіе.—У за-«падныхъ христіанъ развиваются науки и искусства, вообще внѣш-«нее образованіе, а восточные отличаются наклонностію къ преесте-«ственному и сохраненіемъ св. преданій (стр. 362). Но должна быть «середина между западомъ и востокомъ, въ которой одной соберутся «плоды вѣрованія и мудрованія. Эта примиряющая средина и есть «наше отечество» (стр. 364). И оно ужь въ этомъ отношеніи сдѣлало большіе успѣхи. «И для внутренняго человѣка, т. е. для вѣрованія, «и для внѣшняго, т. е. для мудрованія, у насъ есть особыя руковод-«ства, требующія изученія: для внѣшняго человѣка—энциклопедія «наукъ (?); для внутренняго — ученіе православной церкви.» (стр. 369).—«Во всей нынѣшней цивилизаціи господствуетъ духъ без-«божной революціи французской, и потому всѣ ея произведенія от-«личаются явнымъ или тайнымъ прекословіемъ христіанству. А «духъ славянскій, есть духъ противный сей революціи» (стр. 409), и онъ долженъ убить ее. — Вотъ каковы западные европейцы и рус-скіе!

Въ заключеніе приведемъ анекдотъ изъ разсмотрѣнной нами книги.

«Одна ученая и благочестивая англичанка — хорошее вездѣ хоро-шо — англичанка по имени Ньютонъ Кросландъ, въ 1857 году выдала въ свѣтъ свое сочиненіе подъ заглавіемъ: «Свѣтъ въ долинѣ. Мои на-

блюденія въ духовномъ. Лондонъ». Въ этомъ сочиненіи она утверждаетъ, что чистое существо человѣческое издаетъ отъ себя благоуханіе, и именно благоуханіе розы, магнолія, фіалки, mignonette, scabiosae, sweet briar, и что она сама обоняетъ такое благоуханіе отъ нѣкоторыхъ дѣвицъ, только не всегда, но по временамъ, и по большей части послѣ сильныхъ напряженій. Для подтвержденія правильности своихъ наблюденій она упоминаетъ, что по преданіямъ было благоуханіе отъ святыхъ. Сочинительница замѣчаетъ, что «у нѣкотораго рода людей произведеніе ея вызоветъ насмѣшку и презрѣніе». Къ этому замѣчанію одинъ ученый рецензентъ прибавляетъ: «она могла бы присовокупить, что есть еще другой родъ людей, которые будутъ смотрѣть на ея произведеніе съ сожалѣніемъ и болью» (стр. 394—395).

Нашъ докторъ просто разбѣсился на рецензента за это замѣчаніе: «откуда, говоритъ, у него такое высокомѣріе, чтобы съ презор«ствомъ взирать на духовное произведеніе чистой, благоговѣйной «души?» (стр. 396). Та же участь постигнетъ и насъ грѣшныхъ, когда и мы, подобно тому рецензенту, замѣтимъ, что есть люди — къ числу ихъ принадлежимъ и мы — которые будутъ смотрѣть «на духовное произведеніе чистой, благоговѣйной души» доктора и ординарнаго профессора съ сожалѣніемъ и болью.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ не сожалѣть, какъ не болѣть сердцемъ при видѣ такихъ произведеній, какъ «Западные Европейцы и Русскіе» г. Панезица? Если бы это произведеніе составляло собою исключительное, необыкновенное явленіе, какую нибудь не бывалую и неслыханную диковинку, тогда дѣйствительно можно было бы относиться къ нему съ насмѣшкой и, пожалуй, съ презрѣніемъ; можно было бы только позабавиться насчетъ доктора, который отмачиваетъ прекурьёзныя штуки, проповѣдуетъ оригинальныя вещи, никому и никогда не приходившія въ голову. Но въ томъ-то и дѣло, что этотъ докторъ, къ сожалѣнію, является въ своей книгѣ представителемъ цѣлой огромной партіи, проникнутой тѣми же тенденціями, которыя такъ обстоятельно и подробно высказаны въ его сочиненіи (мы тутъ вовсе не разумѣемъ славянофиловъ). Эта партія, при своей многочисленности, имѣетъ большую силу и въ своей области пользуется огромнымъ вліяніемъ; у ней есть свои органы, которые расходятся въ извѣстнаго рода публикѣ, читаются и уважаются ею, и она вполнѣ сочувствуетъ ихъ идеямъ, укрѣпляясь еще болѣе въ своихъ гуманныхъ воззрѣніяхъ на нехристовъ—нѣмцевъ, французовъ, жидовъ и раскольниковъ. Помните, годъ тому назадъ издавались книжечки подъ названіемъ «Современныя идеи православны ли?» — можетъ, они и теперь издаются, по крайней мѣрѣ поднятый ими вопросъ не разрѣшенъ еще. Въ этихъ книжечкахъ, писанныхъ Кулжинскимъ, Барковымъ, Бурачкомъ и проч., проповѣдывались

рѣшительно тѣ же идеи, какими напичкана книга нашего доктора. Если бы у васъ достало терпѣнія прочитать статью Бурачка «Стихія западно-европейской цивилизаціи», вы бы увидѣли, что онъ обругалъ цивилизацію еще хуже, грубѣе и пошлѣе, чѣмъ г. Панезицъ; вотъ напр. какъ онъ говоритъ о философіи: «это умовое, заразительное сладострастіе, дѣйствительное прелюбодѣяніе ума и лжи «всегда во тьмѣ; ибо основа, приманка и поджога философіи — любопытство, любопытаніе—одного происхожденія и свойства съ любодѣяніемъ». Да и кромѣ этого, сколько есть другихъ книжекъ и журнальцевъ, составляющихъ «произведенія чистыхъ, благоговѣйныхъ душъ»; развѣ они далеко ушли отъ Бурачка, и не то проповѣдуютъ, что Панезицъ; развѣ ихъ толки о прогрессѣ, цивилизаціи, развращенной западной Европѣ, чѣмъ нибудь отличаются отъ того, что сказано въ ругательствахъ нашего доктора; развѣ и они не грозятъ Европѣ, да и намъ, въ случаѣ нашего неисправленія, чѣмъ нибудь еще похуже потопа? Сообразивши все это, невольно задумаешься и надъ сочиненіемъ г. Панезица. Но еще прискорбнѣе то, что всѣ эти идеи, идейки и взгляды составляютъ крайніе, но логическіе и необходимые выводы изъ тѣхъ началъ, которыхъ держатся многіе солидные господа, можетъ-быть свысока и съ презрѣніемъ посматривающіе на какого нибудь доктора Панезица. Пусть эти господа хорошенько подумаютъ о своихъ принципахъ; пусть правильно и логически выведутъ изъ нихъ слѣдствія, и они необходимо придутъ къ тѣмъ же заключеніямъ, которыя, можетъ, представляются имъ странными въ устахъ Бурачка и Панезица. Есть наконецъ и такіе солидные мужи, которые мизерные листочки Аскоченскаго считаютъ своимъ органомъ и преслѣдуютъ въ области и сферѣ своей власти всякаго, кто обнаружитъ хоть малѣйшее сомнѣніе въ непогрѣшимости Аскоченскаго. Значитъ, всѣ эти солидные мужи, солидные господа, нашъ докторъ, разные журнальцы и книжечки составляютъ одну партію, и дѣйствительно поддерживаютъ другъ друга. Очень, очень прискорбно; а въ то же время и смѣшно. Но мы все-таки не можемъ разсчитывать на успѣшный ходъ нашего развитія, особенно въ нижнемъ его теченіи, до тѣхъ поръ, пока не ослабѣетъ эта огромная партія или, по крайней мѣрѣ, пока она не исправитъ и не подновитъ своихъ уже заплеснѣвшихъ началъ.

Памятная книжка для священника, или размышленія о священническихъ обязанностяхъ. Москва. 1860 г.

Заслуживаетъ сочувствія, нуждается въ утѣшеніи и ободреніи каждый человѣкъ, положеніе котораго тяжело. Если такъ, то видно

само собою, съ какими словами должны счастливцы, могущіе заботиться о чужой судьбѣ, обращаться къ священникамъ. Бѣлое духовенство — сословіе небогатое, слишкомъ небогатое. У насъ въ послѣднее время много сострадали объ участи мелкихъ чиновниковъ. Но возьмите столоначальниковъ и помощниковъ столоначальниковъ губернскихъ правленій, гражданскихъ и уголовныхъ палатъ, даже уѣздныхъ земскихъ судовъ, — возьмите изъ нихъ лишь тѣхъ однихъ, которые не имѣютъ не только охоты, даже и случая пользоватся на счетъ просителей и тяжущихся, которые и хотятъ жить однимъ жалованьемъ, да и не могутъ не жить имъ однимъ, — а число такихъ людей очень велико. Возьмите этихъ бѣдныхъ тружениковъ: ихъ положеніе представляется такимъ скуднымъ, такимъ печальнымъ.... А между тѣмъ даже и оно завидно, зажиточно, чуть не богато, сравнительно съ положеніемъ огромнаго, большаго числа священниковъ: въ бóльшей части эпархій, бóльшая часть сельскихъ священниковъ до сихъ поръ видятъ себѣ необходимость заниматься хлѣбопашествомъ, и слишкомъ многіе изъ нихъ сами работаютъ въ полѣ, на ряду съ своими прихожанами: для прихожанъ, это, конечно, служитъ хорошимъ примѣромъ трудолюбія.

Положеніе большинства городскихъ священниковъ едва ли не еще скуднѣе. По крайней мѣрѣ слишкомъ во многихъ мѣстахъ переходъ на службу въ городъ не принимается священниками сельскихъ приходовъ средняго достоинства.

Возьмите и другую сторону дѣла: большинство священниковъ, людей, все-таки получившихъ нѣкоторое образованіе, живутъ совершенно одинокими по деревнямъ, въ которыхъ, кромѣ своего причта, не съ кѣмъ перемолвиться священнику словомъ ни о чемъ, кромѣ хлѣбопашества и тому подобныхъ предметовъ. Если есть помѣщикъ въ селѣ, онъ человѣкъ уже другаго, высшаго міра. Онъ не считаетъ священника равнымъ себѣ, какъ бы ни былъ мелокъ самъ въ своемъ мірѣ. Становой—тоже самое: онъ уже гораздо выше священника, по своему мнѣнію. Очень рѣдки случаи, чтобы сельскій священникъ былъ принятъ въ добрые знакомые кѣмъ нибудь изъ «благородныхъ», живущихъ по селамъ и деревнямъ. Ему вообще возможно бываетъ жить только въ обществѣ поселянъ. Они люди хорошіе, честные, умные, — все это такъ; но хорошо говорить объ этомъ, когда самъ живешь въ другомъ обществѣ и только по временамъ, для развлеченія, потолкуешь часъ другой съ поселяниномъ. А быть обречену на то, чтобы не имѣть другихъ собесѣдниковъ, — эта жизнь не такъ легка. А тутъ и книгъ подъ руками нѣтъ, гдѣ ихъ взять въ самомъ дѣлѣ? Хорошо, если хоть 10 рублей въ годъ можетъ сельскій свя-

щенникъ какъ нибудь оттягать на покупку книгъ отъ настоятельнѣйшихъ расходовъ; а у большинства нѣтъ и этой возможности.

Городскому священнику можно было бы найти и общество и книги себѣ: образованные люди въ городѣ есть, книгъ въ городѣ если и не слишкомъ много, то все же ходитъ ихъ по рукамъ не два и не три десятка. Но это образованное общество въ городѣ опять-таки держитъ священника въ такомъ же отдаленіи отъ себя, какъ помѣщикъ въ селѣ.

Слова нѣтъ, исключенія бываютъ. Найдется въ эпархіи нѣсколько человѣкъ священниковъ, пользующихся нѣкоторымъ почетомъ въ среднихъ кругахъ образованнаго общества. Но такое отличіе пріобрѣтается слишкомъ не скоро, да и то лишь при особенныхъ счастливыхъ обстоятельствахъ. А масса бѣлаго духовенства и въ городахъ живетъ одиноко, вдали отъ всякаго общества.

А тутъ возьмите еще сознаніе своей обязанности, при недостаткѣ средствъ исполнять ее такъ, какъ самому хотѣлось бы. Какую защиту можетъ оказать слабый, безпомощный священникъ обижаемому? Кто его послушаетъ?

Если вы сообразите всѣ эти тяжелыя обстоятельства, вы удивитесь не тому, что встрѣчаются въ нѣкоторыхъ священникахъ недостатки, а развѣ тому, что огромное большинство нашихъ священниковъ сохраняетъ столько хорошихъ качествъ, несмотря на всю неблагопріятность своего положенія. И если вы вздумаете войти въ ихъ жизнь, стать ихъ собесѣдникомъ, не упреки и обличенія, не угрозы страшнымъ судомъ и адомъ польются съ вашего языка, — чѣмъ они бѣдные заслуживаютъ ада съ огнемъ вѣчнымъ и смолою кипящею? — Нѣтъ, если въ васъ есть хоть искра ума и человѣческаго чувства, вы постараетесь поддержать, утѣшить ихъ, постараетесь доставить имъ нѣсколько минутъ нравственной отрады, которую такъ рѣдко они видятъ въ своей многотрудной жизни. Съ такими ожиданіями взялись мы за «Памятную Книжку». Но авторъ имѣетъ о дѣлѣ другія понятія.

Прочитавъ его странное произведеніе, мы крѣпко, крѣпко пожалѣли какъ о тѣхъ, которые пишутъ такія книги, такъ и о тѣхъ, которые ихъ читаютъ. Каждая глава, каждая страница «Памятной Книжки для священника» возбуждала въ насъ при чтеніи только одну жалость, одно состраданіе къ своему автору: такъ болѣзненно выдавливается у него изъ головы самая простая мысль, съ такимъ усиліемъ старается онъ чувствованьица поверхностныя, мелкія, ничтожныя возвести, при помощи реторики, восклицательныхъ знаковъ и вздоховъ, въ чувства высокія, серьёзныя, глубокія,—до того, наконецъ, убѣжденія его проникнуты суевѣріями чисто деревенскими. Еще бо-

лѣе жаль намъ того бѣднаго священника, который, за послѣднюю трудовую копѣйку, купитъ назначенную для него памятную книжку. Вмѣсто разумнаго совѣта, вмѣсто указанія способовъ согласить свои высокія обязанности съ трудными по бо́льшей части обстоятельствами своей жизни, съ незавидною ея обстановкою; вмѣсто хоть небольшой доли утѣшенія и ободренія, которую естественно было бы ему находить въ памятной книжкѣ, назначенной для него, онъ найдетъ въ ней развѣ только все, что̀ можетъ заставить его каждое утро и вечеръ заливаться самыми горькими слезами, что̀ постоянно будетъ поддерживать въ немъ томительное уныніе духа, а въ иныя минуты можетъ довести его даже до отчаянія. На каждой почти страницѣ авторъ грозитъ священнику гнѣвомъ Божіимъ, вездѣ ставитъ предъ нимъ неосуществимый, произвольно составленный идеалъ священническаго служенія, совсѣмъ забывая дѣйствительность и жизнь, и нисколько не заботясь указать какія нибудь средства приложить этотъ идеалъ къ дѣлу. Онъ вызываетъ предъ взоры священника преступныя тѣни Даѳана и Авирона, образы прокаженнаго Озіи, безпокойнаго Арія, невѣрнаго Іуды, не забывая, конечно, и его удавленія, какъ событія, которое дѣйствительно можетъ имѣть силу окончательнаго вліянія тогда, когда приходится лѣзть въ петлю. Единственныя доказательства автора, которыя онъ приводитъ въ подтвержденіе своихъ предписаній священнику, это указанія на вѣчныя муки во адѣ, въ случаѣ неисполненія предписаній «Памятной Книжки». — «Порожденія эхидны», восклицаетъ авторъ къ нечестивымъ «священникамъ: «горе вамъ! поглотитъ васъ глубина ада преимуще- «ственно предъ другими беззаконниками» (стр. 43). Какъ назидательно и, главное, утѣшительно! «Внемли, что̀ скажетъ Іисусъ Хри- «стосъ порочнымъ священникамъ: проклятые сыны погибели! вы «имѣли имя живыхъ, а на самомъ дѣлѣ были мертвы, — отыдите, «преступные, и изъ всѣхъ проклятыхъ самые проклятые — отыди- «те отъ меня во огнь вѣчный» (стр. 61). Нужно проповѣдывать чаще, говоритъ авторъ, потому что «чѣмъ болѣе вы, лѣнивые священ- «ники, молчали на каѳедрѣ церковной, тѣмъ болѣе въ будущей жиз- «ни будете выть, какъ неистовые псы» (стр. 64). Подобною убѣдительностію отличается вся книга отъ первой страницы до послѣдней. И на подобныхъ мысляхъ священникъ долженъ будетъ останавливаться каждый день? И такою книжкою авторъ хочетъ облегчить совѣсть священника, хочетъ способствовать успѣшному исполненію имъ его обязанностей?!...

Но кромѣ этого грознаго обличительнаго духа книги, духа, который, вмѣсто слова утѣшенія и назиданія, даетъ священнику только угрозы, — сколько въ книгѣ реторическихъ разглагольствованій

о самомъ званіи, положеніи священника, объ его обязанностяхъ! Авторъ не даетъ никакого понятія о сущности священническаго служенія, да едва ли и самъ понимаетъ ее, потому что всѣ его сужденія объ этомъ предметѣ — голая реторика. Вотъ какъ опредѣляетъ онъ задачу священническаго служенія: «Богъ есть Творецъ, люди—тварь «Его; а ты поставленъ между ними; слѣдовательно ты долженъ научить людей воздавать Творцу должное» (стр. 6). «Христосъ Іисусъ— «на небѣ, люди—на землѣ,—а ты посредникъ между Спасителемъ и «и ими; итакъ ты долженъ управлять ими во имя Его, а они—повиноваться тебѣ» (стр. 6). — «Всѣ люди должны приносить жертвы «Господу Богу, но нѣтъ у нихъ жертвы достойной Его; а ты, священникъ, имѣешь святѣйшую жертву» (стр. 6). — «Богъ есть верховный Врачъ, люди — больные, а ты — раздаятель для нихъ божественнаго врачевства» (7 стр.) и т. д. Всѣ эти метафоры не даютъ никакого понятія о значеніи и обязанностяхъ священника. Авторъ дальше усиливается опредѣлить это назначеніе чрезъ сравненіе священника съ царемъ. Но къ чему можетъ привести какое бы то ни было сравненіе, когда не сказано ровно ничего о сущности, о природѣ предмета; а тѣмъ болѣе, къ чему можетъ привести такое неудачное, противорѣчащее себѣ самому сравненіе, какое сдѣлано у автора? «Царь, говоритъ онъ, повелѣваетъ людьми, а въ ру«кахъ священника ключи рая» (7 стр.),—т. е. кѣмъ же повелѣваетъ священникъ? Ужели не людьми, а ангелами, или дьяволами? Вмѣсто различія, авторъ указалъ сходство священника съ царемъ. «Царь приноситъ золото, а священникъ приноситъ Бога» (?—стр. 7) и т.д. Къ чему все это ведетъ?... Во всемъ этомъ реторическомъ наводненіи есть ли хотя малѣйшая мысль о назначеніи священника?...

До какой степени всѣ разсужденія автора объ *исполненіи* священникомъ своихъ обязанностей лишены всякой жизненной, дѣйствительной основы, можно видѣть изъ того, что въ его книгѣ цѣлыя главы посвящены рѣшенію вопросовъ — «о необходимости совершенства въ священникахъ», «о возможности совершенства для священника» (каково?), и даже (громадное открытіе!) «о средствахъ къ достиженію совершенства». Въ главѣ «о необходимости совершенства для священниковъ» авторъ говоритъ, что Богъ требуетъ совершенства не только отъ иноковъ. Конечно, добавляетъ онъ,—иноками совершенство достигается очень легко: «такъ какъ они уже не «въ мірѣ, и не обращаются среди соблазновъ міра, то безъ особен«ныхъ усилій могутъ сохранять себя отъ растлѣнія» (стр. 12). Но и ты долженъ быть совершенъ, говоритъ онъ священнику: «иноки «должны *горѣть*, а ты долженъ *горѣть* и *свѣтить*» (стр. 12). Что это такое?

Въ главѣ «о возможности совершенства» все дѣло рѣшается тѣмъ, что все возможно для Бога. Конечно такъ; но для человѣка, и особенно такого, который, по совѣту автора, долженъ поставить себѣ задачею, во что бы то ни стало, быть совершеннымъ, и постоянно повторять про себя: «хочу быть совершеннымъ» (стр. 18), для такого человѣка считать возможнымъ совершенство, право, мудрено.

Но авторъ предлагаетъ самыя *средства* къ совершенству. Какія же? Прежде всего — сильно желай совершенства (стр. 21), — это и есть первое средство. Далѣе — алкай и жаждай правды, представляй всегда передъ собою Бога, и старайся угодить ему (все это такъ, да гдѣ же средства къ этому?); помни всегда о смерти (да гдѣ же средства—помнить о смерти *всегда?* а *часто* вспоминаетъ о смерти всякій человѣкъ—и совершенный, и несовершенный), разбирай всегда твое сердце безпристрастно (а средства къ этому?), удаляй всѣ препятствія къ твоему совершенству (да какъ удалять? гдѣ же средства для этого?), доберись до своего главнаго грѣха, до грѣха-голіаѳа, и умертви его (гдѣ же средства добраться до такого грѣха и, главное, гдѣ средства умертвить его?). «Если же ты падешь, если менѣе успѣ«ешь, чѣмъ ты желалъ бы, то не падай духомъ; твое постоянное «стремленіе къ совершенству и вмѣнится тебѣ въ совершенство» (стр. 21). Такъ вотъ въ чемъ дѣло! По теоріи автора, пожалуй, выйдетъ, что и его книга совершенна, потому что самые недостатки ея, при стремленіи автора къ совершенству, вмѣняются ей въ достоинства, и уже самое отсутствіе въ ней всякаго совершенства должно быть признано ея совершенствомъ.

Кромѣ еще нѣсколькихъ главъ, изъ которыхъ одна озаглавливается «о стенаніяхъ священника во адѣ», другая—«о домѣ священника», гдѣ говорится, что «весь блескъ міра сего должно считать за уметы» (303 стр.), что въ домѣ священника не должно быть ничего, напоминающаго что нибудь неприличное (304 стр.), что у него должно быть не только святое семейство, но и святая прислуга (305 стр.); третья о томъ, «что священникъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ «сообразоваться вѣку сему», — всѣ остальныя главы (а ихъ больше 50) наполнены реторическими разглагольствованіями объ общихъ обязанностяхъ, добродѣтеляхъ и порокахъ людей. Главы эти столько же относятся къ поселянину, купцу, чиновнику и ко всякому вообще человѣку, сколько и къ священнику, и въ нихъ нѣтъ никакого размышленія о священническихъ обязанностяхъ, хотя эта мысль и стоитъ въ заглавіи книги. Авторъ для своихъ грѣшныхъ спекуляцій переписываетъ въ нихъ чуть ли не все Евангеліе, да еще съ искаженіемъ его смысла. Онъ разсуждаетъ обо всемъ, о чемъ ему взду-

мается — о маломъ числѣ избранныхъ (5 глава), о самоуничиженіи (глава 22), о любви къ ближнимъ (48 гл.), о томъ, что и священникъ подверженъ смерти (гл. 9), что онъ долженъ читать св. писаніе и вѣровать въ Бога (главы 14 и 35). И на обширномъ пространствѣ 300 страницъ совершенно безполезныхъ разсужденій онъ разсѣеваетъ множество такихъ суевѣрій, отзывающихся средними вѣками, такихъ рутинныхъ понятій о правахъ и отношеніяхъ людей, такихъ, наконецъ, варварскихъ словъ и оборотовъ рѣчи, что многіе изъ его литературныхъ идіотизмовъ не могутъ не возбуждать жалости, и вполнѣ достойны быть сохраненными для всеобщаго удивленія и сожалѣнія потомства....

Говоря о страшномъ судѣ и прикрываясь здѣсь таинственностію и темнотою самаго предмета, авторъ между прочимъ замѣчаетъ: «по смерти ты, рабъ Божій, скоро пробудишься и придешь «на долину Іосафатову, гдѣ будутъ судиться всѣ племена земныя: «тамъ увидишь Іисуса Христа во плоти и Онъ испытаетъ сердце и «утробу твою» (стр. 53). Намъ непонятно, откуда авторъ взялъ, что Іисусъ Христосъ во время страшнаго суда будетъ стоять среди *Іосафатовой долины*; автору слѣдовало указать на источникъ этого мнѣнія.

Въ главѣ объ адѣ, какъ и можно было ожидать, суевѣрія автора достигаютъ крайняго своего развитія: по его понятіямъ, адъ *сотворенъ* (стр. 62). Авторъ какъ будто самъ былъ въ адѣ, такъ отчетливо онъ его описываетъ. Что дѣйствительно авторъ былъ во адѣ, или, по крайней мѣрѣ, что онъ представляетъ себя бывшимъ тамъ, въ этомъ убѣждаютъ насъ еще слѣдующія мѣста его книги: «іерей! о, какъ много такихъ проповѣдниковъ мучатся въ «аду, которые были далеко краснорѣчивѣе тебя (стр. 219); тамъ «они, нечестивые священники, пьютъ желчь драконовъ и ядъ аспидовъ, тѣмъ болѣе, чѣмъ чаще на землѣ недостойно причащались божественныхъ таинъ» (стр. 64). Какое нечестивое сопоставленіе! въ немъ реторика Бургія подаетъ руку суевѣрію деревенской бабы. «Тамъ они тѣмъ болѣе бѣдны (неужели въ будущей «жизни люди будутъ различаться по богатству и бѣдности) и обнаженны (неужели тамъ одни будутъ ходить нагіе, другіе въ одеждахъ), чѣмъ болѣе необходимаго получали безъ труда отъ овецъ «своихъ. Тамъ они будутъ выть, какъ неистовые псы, и погружены въ смолѣ и сѣрѣ тѣмъ болѣе смрадныхъ, чѣмъ болѣе молчали «на каѳедрѣ церковной» (стр. 64). Если мы прибавимъ къ этому еще пещь огненную, около которой съ веселою миною раскаливаетъ вельзевулъ, поджариваніе еретиковъ на горячихъ сковородахъ, то получимъ полную коллекцію суевѣрій автора объ адѣ.

Убѣжденія автора *о достоинствѣ, объ отношеніяхъ* священника и вообще человѣка обращаютъ на себя вниманіе потому, что являются въ свѣтъ тогда, какъ имъ слѣдовало бы навсегда остаться въ головѣ своего автора, какъ въ архивѣ. Авторъ восклицаетъ священнику: «прахъ! научись повиноваться; земля и пепелъ! на«учись предавать себя во всякое послушаніе!» (стр. 308). Въ этомъ вся сущность его наставленій. Въ другомъ мѣстѣ авторъ восклицаетъ: «даруй мнѣ, Господи, самоуничиженіе и желаніе быть въ «неизвѣстности и пренебреженіи отъ всѣхъ» (стр. 128). Не въ этихъ ли видахъ авторъ написалъ и издалъ свою «Памятную книжку»??..

Авторъ возвышается иногда до іезуитской практичности, до іезуитскаго духа: онъ совѣтуетъ подчиненному цѣловать начальника, хотя бы и строптиваго, подкрѣпляя это тѣмъ аргументомъ, что Спаситель не отказалъ въ лобзаніи предателю (?) (стр. 260). «Что за милосердіе», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «которое «совершено слѣпо, безъ правила и благоразумія (стр. 233); іерей «Божій! да не будетъ въ тебѣ сего жестокаго, преступнаго мило«сердія» (стр. 224). По автору нужно, чтобы милосердіе было основано на *правилахъ*, на *морали*, на внѣшнемъ внушеніи, хоть напримѣръ его «Памятной книжки»; онъ очень боится, чтобы милосердіе не было слѣпо, то есть не вытекало бы прямо изъ инстинктовъ добра, врожденныхъ человѣку, участіе которыхъ, по прямому требованію Евангелія, составляетъ необходимый, существенный элементъ всякой христіанской добродѣтели.... Но авторъ мало вникаетъ въ духъ Евангелія. Изъ приведенныхъ словъ его о милосердіи видно, что не Евангеліе, а фарисейство — прямой его идеалъ; извѣстно, что фарисейство рѣдко допускаетъ добродѣтель безъ правила: оно почиваетъ на законѣ, носитъ его съ собою, испещряетъ правилами, изреченіями закона свои одежды; еще менѣе оно допускаетъ добродѣтель безъ благоразумія и разсчета. Вотъ еще мысли въ томъ же духѣ: «чтобы не уснуть въ смерть, назначай въ мѣсяцъ «одинъ день, въ который особеннымъ образомъ готовься къ смер«ти; заключись въ этотъ день въ уединенную комнату» и проч. (стр. 339). Должно быть авторъ не знаетъ исторіи, а то онъ непремѣнно посовѣтовалъ бы священнику, по примѣру Карла V, сдѣлать даже репетицію своей смерти и похоронъ..... «Принимай съ совершен«нымъ безразличіемъ какъ счастіе, такъ и несчастіе, какъ изоби«ліе, такъ и бѣдность, какъ здоровье, такъ и немощь; желай такъ же «мира, какъ и гоненія» (стр. 265). Но, можетъ быть, сама природа твоя не позволитъ тебѣ съ совершеннымъ безразличіемъ относиться и къ счастію, и къ несчастію, — можетъ быть глаза твои сами нальются горячими слезами, при видѣ умирающей съ голода семьи, и

ты, пожалуй, скажешь, что не въ твоей власти вздохи, которые вырываются изъ твоей груди, — можетъ быть, говоритъ наконецъ самъ авторъ, «иногда застонетъ твоя человѣческая природа», и самъ же отвѣчаетъ: «но это ничего! это свойственно человѣку» (стр. 265). Въ этихъ словахъ столько жосткости сердца, что намъ кажется, будто мы слышимъ ихъ изъ устъ самого Игнатія Лойолы. Осуществленіе подобныхъ совѣтовъ автора возможно только подъ условіемъ воспитанія юношества въ іезуитскихъ коллегіяхъ, гдѣ бы въ самомъ зародышѣ были убиваемы въ немъ живые человѣческіе инстинкты, да еще подъ условіемъ всеобщаго искаженія жизни....

Нельзя не привести нѣкоторыхъ мыслей автора (изъ множества ихъ), замѣчательныхъ тѣмъ, что онѣ обличаютъ въ авторѣ попытку попробовать свои силы въ комическомъ родѣ, чтобы, между прочимъ, и въ этомъ отношеніи быть «въ презрѣніи у всѣхъ», чего онъ самъ, какъ мы видѣли, домогается. Желая нагляднѣе представить силу будущаго вѣчнаго огня, его относительную нестерпимость, авторъ ухищряется своимъ мелкимъ слогомъ коснуться какъ бы ощущенія священника: «вѣдь ты не можешь, говоритъ онъ, стер«пѣть даже приближенія червя (?), искры огня, уязвленія иглы»? (стр. 66) Еще: «демонъ не дремлетъ; онъ вездѣ; даже *святое* дѣйствіе «не бываетъ безъ діавола, какъ огонь безъ дыма» (110). Мы мало знакомы съ діаволомъ, но намъ кажется, что если ужь онъ діаволъ, то всегда держитъ себя въ почтительномъ отдаленіи отъ всего святаго. Это, должно быть, неизмѣнное право его дипломатіи. Въ главѣ объ обученіи дѣтей катихизису—есть одно замѣчательное мѣсто, которое впрочемъ вовсе не стоитъ читать преподавателямъ воскресныхъ школъ, и изъ котораго едва ли кто ухитрится сдѣлать практическое примѣненіе, — вотъ оно: «подражай Иліи и Елисею, чтобы «*дать жизнь* отроку (?); они не боялись стѣснить свои члены (?) но «малому возрасту отрока и положивъ уста на уста, руки на руки, «ноги на ноги, и такимъ образомъ умаливъ себя (?) по возрасту «отрока, влили въ него духъ жизни» (205). Что это такое? Впрочемъ намъ кажется, что изъ комическихъ мѣстъ книжки — это самое удачное.

Въ заключеніе скажемъ, что авторъ, хотя проповѣдуетъ въ своей книгѣ равнодушіе ко всему земному, самъ, однакожь, довольно неравнодушенъ даже къ презрѣннымъ денежнымъ интересамъ; издавая «Памятную книжку», онъ обнаруживаетъ даже большой тактъ въ книжныхъ спекуляціяхъ, тактъ оригинальный, ему одному принадлежащій: онъ пишетъ свою книгу стихами по три, или четыре строки, на подобіе священныхъ книгъ; отъ этого происходитъ, что на каж-

дой страницѣ находится по крайней мѣрѣ 7—8 пробѣловъ; притомъ главы такъ искусно расположены, что всегда глава оканчивается непремѣнно въ началѣ страницы, а новая начинается не иначе, какъ въ концѣ страницы слѣдующей.

Житіе Ивана Яковлевича, извѣстнаго пророка въ Москвѣ. Соч. *И. Прыжова*. Спб. 1860 г.

Счастливецъ, право, этотъ Иванъ Яковлевичъ, — посмотрите, какую огромную популярность онъ успѣлъ пріобрѣсти себѣ! Сначала онъ пользовался скромною извѣстностью въ предѣлахъ только одного Смоленска, но затѣмъ слава его стала возрастать быстро и въ постоянно увеличивающейся прогрессіи. Послѣ Смоленска онъ сдѣлался извѣстнымъ пророкомъ въ Москвѣ, къ которому вся Москва ходила на поклоненіе, и молва о немъ, подобно огромной волнѣ, охватила самыя отдаленныя окрестности древней столицы. Затѣмъ, о немъ стали писать въ разныхъ газетахъ и журналахъ; его личность сдѣлалась предметомъ ученаго серьёзнаго спора, и наконецъ о немъ вотъ написана цѣлая книга, и теперь имя его будетъ извѣстно и будетъ произноситься въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ нашего отечества, вездѣ, гдѣ только читаются печатныя книги. И Иванъ Яковлевичъ имѣетъ уже въ настоящее время значеніе извѣстной всероссійской личности, и у всѣхъ не сходитъ съ языка. Г. Прыжовъ и это все считаетъ еще недостаточнымъ для личности Ивана Яковлевича: ему бы хотѣлось, чтобы объ Иванѣ Яковлевичѣ заговорила вся русская и даже европейская литература, чтобы онъ сдѣлался общимъ единственнымъ предметомъ журнальныхъ споровъ и толковъ, темою глубокихъ ученыхъ изслѣдованій. Послѣ этого невольно и естественно раждается вопросъ: что же за человѣкъ такой Иванъ Яковлевичъ? Это, видите ли, одна изъ тѣхъ странныхъ, но весьма обыкновенныхъ личностей, которыя приходятся какъ-то по сердцу русскому народу, и которыхъ въ разныхъ видахъ и положеніяхъ можно встрѣтить почти вездѣ, гдѣ только живетъ православный людъ. Для нихъ у насъ не существуетъ одного общаго названія, и въ разныхъ мѣстахъ ихъ называютъ различно— нищенькими, убогонькими, христа-ради юродивыми, блаженными, странниками и странницами и т. п. Каждый уѣздный городокъ, почти каждая деревня, имѣютъ какого нибудь юродиваго Антошеньку, Иванушку или убогую Ѳеклущу, и проч. По какой-то странности они служатъ для народа, въ одно и то же время — и практикою для его благотворительности и сострадавія, и забавою и предметомъ для его остроумія; иногда русскій человѣкъ

умилится и разжалобится при видѣ юродиваго, напоитъ, накормитъ его, подастъ ему посильное подаяніе, а иногда просто посмѣется на его счетъ, позабавится надъ его юродствами, поострить надъ его лѣнью и дармоѣдствомъ, смотря по обстоятельствамъ и расположенію духа. И дѣйствительно, юродивые имѣютъ въ себѣ всѣ качества для того, чтобы играть у народа эту двусмысленную роль. Вотъ ихъ родовые признаки. Они обыкновенно ничего не дѣлаютъ, ничѣмъ не занимаются, напускаютъ на себя дурь, въ самое холодное время ходятъ полураздѣтые, босые, всегда грязные и до отвратительности не чистоплотные; они никѣмъ и ничѣмъ не стѣсняются, ничего не совѣстятся, и самая дурь даетъ имъ нѣкоторыя права: со всѣми они обращаются фамильярно, часто назойливо и дерзко, но имъ все сходитъ съ рукъ, все прощается по ихъ глупости и юродству. Юродивыми бываютъ лица всякаго возраста и пола, всѣхъ званій и состояній, — крестьяне, мѣщане, купцы, духовные, солдаты, благородные, но бѣдные дворяне, а иногда и богатые. Профессіи, избираемыя ими, также бываютъ весьма различны: одни постоянно проповѣдуютъ мораль, болтаютъ безъ умолку, ахаютъ и охаютъ, отмачиваютъ шуточки, часто пошлыя и грубыя, чѣмъ и потѣшаютъ веселую компанію; другіе собираютъ подаянія, и часть собраннаго обращаютъ въ свою пользу, другую раздаютъ нищимъ, иногда отдаютъ на церкви, на монастыри и проч.; нѣкоторые же постоянно обличаютъ и ругаютъ всѣхъ безъ разбора и доходятъ часто до самой грубой брани; а иные наконецъ принимаютъ на себя роль пророковъ, угадываютъ судьбу, предрекаютъ будущее, предсказываютъ счастіе или несчастіе и вообще даютъ отвѣты на всѣ предлагаемые имъ вопросы; эти всегда бываютъ очень ловки и увертливы, умѣютъ найтись и извернуться въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и всегда имѣютъ наготовѣ нѣсколько фразъ, посредствомъ которыхъ они могутъ дать какой угодно оборотъ дѣлу, а въ крайнихъ случаяхъ спасаются своимъ юродствомъ, болтаютъ вздоръ, чепуху, выкинутъ какой нибудь фарсъ и неожиданно уходятъ, оставляя въ дуракахъ омороченную и ошеломленную публику. Особенно славится обиліемъ подобныхъ субъектовъ Москва — пріютъ родимый всѣхъ диковинокъ въ этомъ родѣ; но довольно ихъ также и въ Петербургѣ. Здѣсь есть настоящіе юродивые по всей формѣ, глупые, грубые и грязные, пользующіеся особенно милостію у важныхъ дамъ, которыя съ презрѣніемъ посматриваютъ даже на статскихъ совѣтницъ, и которыя однакожь считаютъ за большую честь для себя, если ихъ посѣтитъ какой нибудь юродивый. Есть также тутъ множество такъ называемыхъ старцевъ, принадлежащихъ къ какимъ-то невѣдомымъ націямъ и пришедшихъ Богъ-знаетъ

откуда и зачѣмъ; они тоже въ большой милости у знатныхъ дамъ. Но особенно многочисленъ въ Петербургѣ классъ такъ-называемыхъ просительницъ или странницъ; онѣ всегда помѣшаны или заюродствованы на какой нибудь престранной идейкѣ, преслѣдуютъ какія-то филантропическія цѣли, собираютъ для чего-то подаянія, врываются всюду, гдѣ ихъ не просятъ и не желаютъ, со слезами на глазахъ описываютъ то зло, противъ котораго они будто бы устремили свою дѣятельность, разсказываютъ о своихъ странствованіяхъ по святымъ землямъ, пересчитываютъ за однимъ духомъ всѣхъ кіевскихъ, московскихъ и всероссійскихъ угодниковъ, трогательно изображаютъ гоненія, претерпѣнныя ими отъ нечестивцевъ, иногда читаютъ свои произведенія душеспасительныя, которымъ только зависть и недоброжелательство злыхъ людей воспрепятствовали явиться въ свѣтъ, смущаются статуями въ Лѣтнемъ саду и барельефами на Исакіевскомъ соборѣ, содомомъ Петербурга и проч.; простякамъ пускаютъ пыль въ глаза разсказами о томъ, какъ благосклонно принимали ихъ разныя высокія особы, обѣщая свое покровительство; въ заключеніе они вынимаютъ черненькія съ нашитыми крестиками мѣшечки и умиленно просятъ подаянія. Они толкаются по церквамъ, по портернымъ и пивнымъ лавочкамъ, по рынкамъ, — вездѣ, гдѣ много собирается народу. Нѣкоторыя принимаютъ на себя роль Пиѳій, предсказываютъ разныя вещи, и свои предсказанія многознаменательно заключаютъ словами: «вотъ увидите, если это не правда, помянете мое слово, раскаетесь, да будетъ поздно», или что нибудь въ этомъ родѣ. Если гдѣ нибудь въ домѣ отъ нихъ хотятъ отдѣлаться, спровадить ихъ, они пускаютъ въ ходъ свое юродство, прикидываются ничего непонимающими, на намеки отвѣчаютъ наивностями, шуточками, и часто къ величайшей досадѣ хозяевъ остаются у нихъ пообѣдать, переночевать, перебыть денекъ-другой, — «мы-де не имѣемъ гдѣ главу преклонити».

Къ этому многочисленному классу юродивыхъ принадлежитъ и Иванъ Яковлевичъ, только онъ будетъ маленечко пооригинальнѣе другихъ отчасти своею судьбою, отчасти своимъ положеніемъ и обстановкою. — Вотъ точка зрѣнія г. Прыжова на исторію Ивана Яковлевича.

«Мы не замѣтили въ Иванѣ Яковлевичѣ особенныхъ остатковъ древне-русскаго язычества, и вообще онъ замѣчателенъ не столько своими собственными вѣрованіями, сколько тѣмъ культомъ, который его окружаетъ и служительницей котораго является «русская женщина» (стр. 12). «Славянская женщина, въ глубокой древности, имѣла религіозное значеніе. До сихъ поръ еще «русская женщина» хранитъ въ душѣ своей

память о прежнемъ своемъ религіозномъ значеніи. Отупѣвшія и перешедшія въ ханжество, языческія вѣрованія и до сихъ поръ живутъ въ такъ-называемой «русской женщинѣ». «Русская женщина» не начинала еще своей христіанской исторіи, и лучшимъ доказательствомъ на это служитъ жизнь Ивана Яковлевича» (стр. 13—14). «Иванъ Яковлевичъ изъ смоленскихъ священническихъ дѣтей, учился въ духовной академіи, потомъ жилъ въ Смоленскѣ, занимаясь управленіемъ чего-то, что-то надѣлалъ и ушелъ въ лѣсъ, рѣшившись юродствовать. Крестьяне нашли его въ лѣсу копающимъ палкою землю, безъ шапки и безъ всякаго имущества; они построили ему избушку, стали къ нему ходить, и скоро имя Ивана Яковлевича сдѣлалось извѣстнымъ во всей окрестности» (стр. 14). «Жила въ Смоленскѣ одна богатая и знатная барыня; у ней была дочь невѣста, сговоренная за одного изъ военныхъ, отличившихся въ войнѣ 1812 года. Свадьба ужь была назначена, но невѣстѣ вздумалось съѣздить къ Ивану Яковлевичу и спросить объ женихѣ. Иванъ Яковлевичъ, вмѣсто отвѣта, стучитъ кулаками о столъ и кричитъ: «разбойники! воры! бей! бей!» (стр. 15). И жениху было отказано, а онъ отправился къ Ивану Яковлевичу и, разсказывали мнѣ, говоритъ г. Прыжовъ, переломалъ ему ноги (будь это въ настоящее время несчастный женихъ ограничился бы конечно одною только гласностію), а потомъ просилъ смоленскаго губернатора избавить общество отъ этого изувѣра, который разстроиваетъ семейныя дѣла. И вотъ Иванъ Яковлевичъ посаженъ въ московскій безумный домъ, а невѣста пошла въ монастырь. И сорокъ три года прошло ужь, какъ Иванъ Яковлевичъ почитается москвитянками и смольнянками» (стр. 16). «Войдемте въ его палату. Направо на полу, въ углу лежитъ Иванъ Яковлевичъ, закрытый до половины одѣяломъ. Онъ можетъ ходить, но нѣсколько лѣтъ ужъ предпочитаетъ лежать. Темный цвѣтъ бѣлья, и обычай Ивана Яковлевича совершать на постѣли всѣ отправленія, какъ то обѣды (то есть отправленія?) и ужины — онъ все ѣстъ руками, будь это щи, или каша — и о себя обтираться, все это дѣлаетъ изъ его постели какую-то темногрязную массу, къ которой трудно и подойти. Ему около 80 лѣтъ» (стр. 21). «*Принесутъ ему кочанной капусты съ лукомъ и вареннаго гороху; оторветъ онъ капустный листъ, обмакнетъ его въ сокъ и положитъ его на плѣшь, и сокъ течетъ съ его головы* (посмотрите, какая эпическая, чисто гомеровская рѣчь); остальную же капусту смѣшаетъ съ горячимъ горохомъ, ѣстъ и другихъ кормитъ: скверно кушанье, а всѣ ѣдятъ. Считаю нужнымъ привести здѣсь нѣкоторыя мои семейныя воспоминанія объ Иванѣ Яковлевичѣ» (стр. 22).

Ну ужь Богъ съ ними, — къ чему? ужасно намъ нужно знать, какъ Иванъ Яковлевичъ напалъ въ саду на «нѣкую шутиху» Лизавету Ивановну, повалилъ ее на землю, сѣлъ на нее верхомъ, и началъ бить ее по головѣ моченымъ яблокомъ, и билъ до тѣхъ поръ, пока не измочалилъ все яблоко! У насъ у самихъ есть семейное воспоминаніе о подобномъ событіи, тоже случившемся въ (Лѣтнемъ) саду.

Г. Прыжовъ воображалъ, что онъ всѣхъ подниметъ на ноги, твердо вѣровалъ и надѣялся, что изъ за Ивана Яковлевича пойдетъ страшная кутерьма: начнутся неистовства, крики толки, споры, и дѣло дойдетъ, пожалуй, до чего нибудь въ родѣ всеобщаго литературнаго протеста, и онъ ужь заранѣе воображалъ себѣ бѣдственное положеніе такъ-называемой «русской женщицы», когда ей *запретятъ* доступъ къ ея идолу. «Но, сколько намъ извѣстно, замѣчаетъ онъ съ горькимъ разочарованіемъ, отозвался только одинъ князь Голицынъ въ «Нашемъ Времени», бросивъ въ міръ, окружающій Ивана Яковлевича, чѣмъ-то въ родѣ проклятія, да «Отечественныя Записки» перепечатали изъ нашей статьи отрывокъ. А вѣдь стоило обратить вниманіе»! (стр. 25). Да какъ же, помилуйте? конечно стоило. Но что жь вы будете дѣлать? не отзываются, да и кончено дѣло. Хорошо еще, что хоть по крайней мѣрѣ отозвались западные славянскіе ученые, «и мы считаемъ за особенное удовольствіе упомянуть здѣсь, что нашу статью (т. е. г. Прыжова) объ Иванѣ Яковлевичѣ читалъ въ Прагѣ извѣстный славянскій ученый Вацлавъ Ганка, что его благородное сердце возмутилось нечестіями, *доселѣ* живущими (а онъ что жь думалъ?) въ православной Москвѣ, и что онъ ждалъ другихъ статей объ этомъ предметѣ, но не дождался» (стр. 27). Бѣдный Ганка! такъ-таки и умеръ, не дождавшись рѣшенія близкихъ его сердцу вопросовъ объ Иванѣ Яковлевичѣ, да о Краледворской рукописи. — Можно было надѣяться по крайней мѣрѣ, что статьи г. Прыжова посрамятъ всѣхъ поклонниковъ Ивана Яковлевича, заставятъ ихъ сознаться въ своемъ ослѣпленіи, и что всѣмъ вообще станетъ ясно какъ день, что Иванъ Яковлевичъ просто ханжа, юродъ, лже-пророкъ и больше ничего, и съ теоретической, собственно научной стороны вопросъ объ немъ всѣ признаютъ рѣшеннымъ и поконченнымъ. Но оказались тщетными и эти скромныя ожиданія и надежды. «Мы вызывали на общественный судъ и сторонниковъ Ивана Яковлевича, но и эти не откликнулись. Нѣкій Каринскій дерзнулъ стращать меня *нахлобучкой*, и не хотѣлъ печатать въ газетахъ опроверженіе на мои слова». Другіе стали упрекать г. Прыжова, что онъ только *поднялъ вопросъ* объ Иванѣ Яковлевичѣ и нисколько *его не объяснилъ*, и непремѣнно требовали отъ него *объясненія дѣйствующей въ немъ силы.* Вотъ новыя хлопоты для г. Прыжова.

Этимъ дѣло не кончилось. По словамъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, оказалось, что г. Прыжовъ вовсе не понялъ Ивана Яковлевича и посмотрѣлъ на него не съ той стороны, какъ бы слѣдовало, а старался выразумѣть его въ отношеніи и въ примѣненіи къ русской женщинѣ. Поэтому, опровергая его, защищали и русскую жен-

щину, обвиненную его противникомъ въ язычествѣ, и вообще говорили въ ея пользу теплое, сочувственное слово, которое въ этомъ случаѣ чрезвычайно важно. «Г. Прыжовъ негодуетъ на русскую женщину, — говоритъ, что она не начинала еще христіанской исторіи. Какъ любитъ дѣлать строгіе приговоры г. Прыжовъ! Только вполнѣ ли основательно»? говорили эти изслѣдователи, и доказывали важное значеніе женщины вообще. Далѣе они доказывали, что въ частности русская женщина во многихъ отношеніяхъ выше и лучше русскаго мужчины (г. Михайловъ узнаетъ объ этомъ съ большимъ удовольствіемъ, и увидитъ, что не одинъ онъ защищаетъ женщину); что показываетъ на дѣлѣ исторія Ивана Яковлевича. «Иной русскій образованный мужчина не хочетъ или не умѣетъ еще понять его и судить о немъ по христіански: этотъ самый недостатокъ мужчины вознаграждается пока христіанскимъ чувствомъ русской женщины». Это будетъ ясно, если возьмемъ во вниманіе самые факты, первое и послѣднее звѣнья исторіи Ивана Яковлевича. Первое звѣно: мужчина съ дикимъ самоуправствомъ, «свойственнымъ очевидно характеру разбойника», переломалъ ноги Ивана Яковлевича; а женщина, напротивъ «съ вѣ«рою и любовію посвятила себя одному Божественному Жениху — «въ монашеской жизни». Послѣднее звѣно: «въ лицѣ г. Прыжова «видимъ мужчину съ стремленіемъ къ отчетливости, но опирающа«гося не совсѣмъ на христіанскихъ основаніяхъ въ своихъ безпо«щадныхъ приговорахъ»; а женщины—двѣ бабы—окружаютъ Ивана Яковлевича, «а третья дѣвица, просто сидѣла на диванѣ». «Какимъ же языческимъ культомъ (продолжаютъ изслѣдователи) эти женщины окружаютъ Ивана Яковлича»? (стр. 43). Выходитъ, слѣдовательно, что г. Прыжовъ неправъ даже и съ своей точки зрѣнія; т. е. если смотрѣть на Ивана Яковлича въ примѣненіи къ такъ называемой русской женщинѣ, то и тогда онъ вовсе не лжепророкъ и и не юродъ, а просто «старецъ, который подвизается духомъ и «истинною за самые современные и живые духовные интересы на«ши» (стр. 44). — Вотъ и вообразите теперь положеніе г. Прыжова: съ какой самоувѣренностію и надеждою на всѣхъ онъ началъ дѣло, и какимъ хвостомъ оно окончилось для него, — поневолѣ разочаруешься.

Мы очень хорошо понимаемъ и вполнѣ цѣнимъ какъ воодушевленіе и горячность, такъ и огорченіе и досаду г. Прыжова. Человѣку привелось вблизи и хорошенько разсмотрѣть личность Ивана Яковлевича и почтеніе, которымъ онъ окруженъ; это поразило, просто возмутило у него всю душу, — «какъ это еще до сихъ поръ водится у насъ такая гадость», сказалъ онъ самъ себѣ: «погодите-ка

я ее выведу на чистую воду, всю вычищу и уничтожу съ корнемъ». Сгоряча принялся за перо и предалъ гласности все видѣнное и узнанное, въ полной увѣренности, что вся литература взбеленится отъ такой мерзости, публика грозно возстанетъ, общественное мнѣніе поразитъ и покараетъ какъ самаго Ивана Яковлевича, такъ и всѣхъ его почитателей какъ нищихъ и убогихъ, такъ богатыхъ и знатныхъ — и послѣднихъ у него довольно, — что они образумятся, увидятъ всю нелѣпость своего поклоненія какому-то сумасшедшему, и вслѣдствіе всего этого исчезнетъ Иванъ Яковлевичъ, и разлетится въ прахъ весь дамскій культъ, которымъ онъ окруженъ. А между тѣмъ на дѣлѣ вышло совершенно иначе: образованной публикѣ очень хорошо были извѣстны тысячи подобныхъ сумасшедшихъ юродовъ — спросите у каждаго—и разсказъ объ Иванѣ Яковлевичѣ ничего почти не могъ прибавить къ ихъ свѣдѣніямъ о подобныхъ предметахъ; недавно еще гдѣ-то въ газетахъ писали, что одна нѣжная супруга обращалась къ *блаженному* инвалиду, чтобы онъ какъ нибудь сократилъ дни ея возлюбленнаго мужа; а сколько устныхъ разсказовъ? Естественно, такимъ образомъ, что Иванъ Яковлевичъ не могъ произвести фурора; также точно естественно и то, что противъ г. Прыжова тысячи возстали горой и грозили нахлобучкой, — чего ужь онъ рѣшительно никакъ не ожидалъ. Немудрено конечно при этомъ потерять всякое хладнокровіе, жаловаться на невнимательность публики, литературы и проч. Такая же исторія повторяется и со многими другими нашими обличителями. Увидитъ обличитель какой нибудь «возмутительный фактъ» и воображаетъ, что онъ первый замѣтилъ его, что до него онъ рѣшительно никому не былъ извѣстенъ, или ужь по крайней мѣрѣ никто не понимаетъ его отвратительной стороны и возмутительной нелѣпости; сейчасъ же прибѣгаетъ къ гласности, является съ обличеніемъ въ какомъ нибудь письмѣ, или замѣткѣ, которыя, право, иной разъ невозможно читать безъ смѣха,—куды какъ расходится, и еще съ самою твердою увѣренностію, что теперь ужь, послѣ его обличенія, всѣ поймутъ и увидятъ всю гнусность обличаемаго факта, всѣ бросятся уничтожать его, и черезъ два-три дня, много черезъ мѣсяцъ, подобный фактъ будетъ невозможенъ и мы пожнемъ плоды благодѣтельной гласности. А на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ не то; всѣ точно оглохли къ обличеніямъ; а тутъ еще являются возраженія, да опроверженія съ разными цитатами, да ссылками на законы, карающіе ложные доносы, и бѣдный обличитель, будто вовсе оставленный безъ поддержки общественнаго мнѣнія, называется клеветникомъ и лжецомъ злонамѣреннымъ, своими обличеніями унижающимъ благонамѣренную и полезную гласность. Обличитель видитъ, что обличеніе не

удалось, приходить въ отчаяніе и руки опустить, потерявъ всякую надежду и на общество и на литературу. Какъ все это наивно! Сколько есть фактовъ и явленій, гораздо возмутительнѣе тѣхъ, которыя вы обличаете—они просто всю душу воротятъ, и встрѣчаются на каждомъ шагу, чуть не подъ носомъ у каждаго; и будьте увѣрены, собственно люди всѣ понимаютъ ихъ нелѣпость и возмутительный характеръ и всѣ проникнуты самимъ пламеннымъ желаніемъ ихъ уничтоженія. Да что жь вы станете дѣлать? иныя явленія проходишь молчаніемъ.... иныя станешь обличать—думаешь, нелѣпость ихъ очевидна какъ дважды два, анъ выходитъ не-то: за нихъ горой стоитъ цѣлая гора,—являются господа и еще ученые, которые говорятъ вамъ: «нѣтъ, позвольте, эти факты вовсе не нелѣпы, это только вамъ такъ показалось, объ этомъ можно поспорить, да поспорить»; и дѣйствительно спорятъ много и долго, а толку никакого. И вообще при всѣхъ обличеніяхъ можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что они на извѣстный сортъ людей не произведутъ никакого дѣйствія, на это всегда нужно разсчитывать. Такъ вотъ и вышло съ Иваномъ Яковлевичемъ, и мы смѣло увѣряемъ васъ, что онъ останется пророкомъ и будетъ пользоваться любовію и благоговѣніемъ его почитателей до самой своей кончины. То же самое можно примѣнить и къ слѣдующему восклицанію г. Прыжова: «воскресныхъ школъ, Бога ради воскресныхъ школъ на каждомъ углу!!» Такъ восклицаетъ онъ подъ вліяніемъ твердой увѣренности въ пользѣ воскресныхъ школъ, какъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ противъ всякихъ юродивыхъ, и воображаетъ, конечно, что онъ высказываетъ абсолютную истину, общепризнанную, не нуждающуюся ни въ какихъ доказательствахъ. Какъ бы не такъ? А послушайте-ка, какъ трактуютъ объ этихъ матеріяхъ люди солидные, которые будутъ поумнѣе всѣхъ: оказывается, что еще противъ воскресныхъ школъ самихъ нужны разныя мѣры и средства, что они именно тѣмъ и дурны, что могутъ противодѣйствовать Ивану Яковлевичу; тогда какъ настоящія школы должны содѣйствовать всему этому. Вы же сами прилагаете къ своей книгѣ 30 писемъ, «которыя были писаны имъ (Иваномъ Яковлевичемъ) къ одной дамѣ, имѣющей съ нимъ сношеніе со времени ея выхода изъ Екатерининскаго института, въ продолженіе болѣе 20 лѣтъ». А вѣдь институтъ не то, что воскресная школа, тамъ вѣдь есть и французскій, и нѣмецкій языкъ, и исторія и всѣ прочія науки, а въ школѣ только учатъ читать да писать и то понемножку. Вотъ ваша истина и не абсолютна.

Все это мы говорили не потому, чтобы мы не признавали за обличеніями никакого значенія, считали ихъ излишними и даже безпо-

лезными; вовсе нѣтъ; обличенія нужны, но сами по себѣ одни пассивныя обличенія еще не составляютъ всего дѣла, а только часть и сторону его. А главное, не слѣдуетъ много горячиться и слишкомъ много задаваться; тогда не будетъ и разочарованія, если результатъ окажется не великъ. Готовясь и выступая на борьбу, конечно, нужно надѣяться на побѣду, но также точно нужно имѣть въ виду и представлять возможность пораженія; ожиданная неудача не заставитъ человѣка упасть духомъ и потерять всякую надежду; онъ снова собирается съ силами и снова хладнокровно и обдуманно начинаетъ борьбу, пользуясь урокомъ прежней неудачи. А всякая горячка и увлеченіе скоро проходитъ, и неудача тогда приводитъ въ отчаяніе и совершенно парализуетъ силы: человѣкъ кричитъ, надрывается, горячится, но ему кажется, что его никто не слушаетъ, вотъ онъ и махнетъ рукой на все: нѣтъ, дескать, и съ гласностью ничего не подѣлаешь и никого не проймешь, — должно быть мы или не созрѣли еще, или что нибудь такое. И выходитъ разочарованіе, апатическое бездѣйствіе, отъ которыхъ избави Боже. — Вспомните напр. про обличенія плутней и продѣлокъ мелкихъ чиновниковъ: они всѣмъ надоѣли, никто уже не станетъ ихъ читать, и потому никто не принимается за нихъ съ бо̀льшимъ толкомъ, чѣмъ прежде. А вѣдь это, кажется, не совсѣмъ хорошо.

Въ концѣ книги г. Прыжова приложенъ отзывъ объ Иванѣ Яковлевичѣ князя Алексѣя Долгорукова, или органона животнаго месмеризма, который говоритъ: «наблюдалъ я за Иваномъ Яковлевичемъ въ Москвѣ, въ домѣ умалишенныхъ; вотъ одинъ случай, который убѣдилъ меня въ его прозерцаніи: какъ только я взошелъ, онъ отвернулся къ стѣнѣ и началъ громко про себя говорить: «Алексѣй на горѣ стоитъ, Алексѣй по тропинкѣ идетъ узенькой, узенькой; холодно, холодно, холодно.... Да, когда будетъ Алексѣй божій человѣкъ, да.... когда съ горъ вода потечетъ, тогда на Алексѣя будетъ крестъ». Признаться сказать, эти слова во мнѣ запечатлѣлись, и послѣ этого я выучился тремъ мастерствамъ». Хорошее дѣло. А вотъ и пророчества Ивана Яковлевича. *Вопросъ*: Женится ли Х? *Отвѣтъ*: «Безъ працы не бенды колоацы». *Вопросъ*: Выду ли я замужъ? *Отвѣтъ*: «Это хитрая штука въ своей силѣ, что въ ротъ носили». *Вопросъ*: Когда А. поѣдетъ въ Петербургъ? *Отвѣтъ*: «А. духъ сокрушенный во храмѣ Соломона молитвы дѣлъ». Подъ своими отвѣтами онъ подписывается такъ: «студентъ холодныхъ водъ Іоаннусъ Іяковлевъ».

Ліу-Пайо или разсказы изъ китайской жизни. Соч. *Цитена*. Переводъ съ нѣмецкаго. Спб. 1860.

При словѣ «Китай» въ насъ возникаетъ представленіе чего-то чрезвычайно оригинальнаго, страннаго и даже дикаго, чего мы даже и вообразить себѣ не въ состояніи, потому что нѣтъ рѣшительно никакой аналогіи съ тѣмъ, что есть у насъ и другихъ народовъ. По общеупотребительному ходячему мнѣнію, китайцы — это почти не люди, а какіе-то странные уроды съ широкими лицами и безобразно выдавшимися скулами, чудаки, портреты которыхъ мы видимъ на вывѣскахъ чайныхъ магазиновъ. Китайскія дамы не имѣютъ ужь рѣшительно ни малѣйшаго сходства съ нашимъ прекраснымъ поломъ; ножки у нихъ куриныя, воробьиныя, или что-то въ этомъ родѣ, и обуты всегда въ миньятюрный башмачокъ, толщиною съ иголочку. Образъ жизни китайцевъ для насъ даже невѣроятенъ: они ѣдятъ птичьи гнѣзда, которыя мы воображаемъ себѣ чѣмъ-то въ родѣ нашихъ воробьиныхъ, или вороньихъ гнѣздъ, нисколько не приспособленныхъ къ человѣческимъ пищепріемнымъ органамъ. Да и земля-то тамъ, кажется, не можетъ производить ничего, кромѣ какихъ-то бамбуковъ и чаю, и видно только для нихъ китайцы занимаются земледѣліемъ и удобряютъ почву. А китайскій этикетъ, милліоны разныхъ церемоній, пустыхъ надутыхъ вѣжливостей, — это такія дикія вещи, которыхъ не можетъ вообразить самая живая и необузданная фантазія, и которымъ нельзя подыскать ничего соотвѣтствующаго въ жизни другихъ народовъ. Но при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ китайцами оказывается, къ нашему удивленію, что они точно такіе же люди, какъ и мы. Изъ «Ліу-Пайо», напримѣръ, мы узнаемъ вотъ что. Китайцы вовсе не уроды, напротивъ «очеркъ лица у нихъ очень круглый, въ молодыхъ лѣтахъ часто довольно пріятный; волоса и глаза у всѣхъ черные; руки и ноги у нихъ замѣчательно малы и красивы». Китайскія дамы тоже имѣютъ весьма близкое къ нашему понятіе о красотѣ и не пренебрегаютъ заботами объ ней. «Женщины высшаго круга встрѣчаются нерѣдко съ болѣзненною блѣдностью, къ которой женщины низшаго класса стараются поддѣлаться различными втираніями» (стр. 18). Китайцы питаются не одними только птичьими гнѣздами, а тѣмъ же, чѣмъ мы: они воздѣлываютъ рисъ, гречиху, овесъ, маисъ, пшеницу, просо, также картофель, морковь, спаржу, бобы, горохъ и почти всѣ наши огородныя растенія; лакомятся виноградомъ, апельсинами, померанцами, абрикосами, персиками и проч. и въ этомъ отношеніи нисколько не уступаютъ намъ. Удобряютъ почву они методически,

раціонально, умѣютъ хорошо приготовлять туки, отлично составляютъ всякаго рода компосты, о которыхъ у насъ только разсуждаетъ еще наука сельскаго хозяйства. Даже каменный уголь — гордость и краса нашей индустріи — уже давно былъ извѣстенъ и употребителенъ въ Китаѣ: «по причинѣ недостатка лѣса, разработка каменнаго угля производилась въ Китаѣ уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ, когда въ Европѣ никому еще и не приходило на мысль употребить его въ дѣло», говоритъ Цитенъ (стр. 8). «Учтивость, говоритъ онъ же, отличительная черта національнаго характера китайцевъ; даже низшій классъ, въ обхожденіи между собою, обыкновенно соблюдаетъ вѣжливость и предупредительность другъ къ другу, что въ Европѣ трудно встрѣтить въ рабочемъ классѣ. Правда, церемоніи и этикетъ у нихъ уже черезъчуръ преувеличены, даже кажутся намъ смѣшными; но, къ удивленію (именно къ удивленію), мы много подобнаго вотрѣчаемъ и у себя въ Европѣ»; (стр. 19). Вотъ видите ли? А насчетъ образованія китайцы рѣшительно поспорятъ съ нами. «Врядъ-ли въ какой другой странѣ, говоритъ Цитенъ, такъ распро«странено элементарное образованіе, какъ въ Китаѣ. Въ южныхъ об«ластяхъ этой имперіи рѣдкость встрѣтить совершенно безграмотна«го, который бы не умѣлъ ни читать, ни писать. Въ каждой деревнѣ «есть учитель, который обыкновенно живетъ въ пагодѣ и содержит«ся на счетъ доходовъ училища, или получаетъ десятую часть съ «обывателей. Онъ заботится о томъ, чтобы ученики его, кромѣ «познаній въ общеполезныхъ наукахъ, были хорошо воспитаны «(стр. 19). Классъ ученыхъ въ Китаѣ составляетъ благородный, «привилегированный классъ (вонъ какъ, а не то! что у насъ). — «Китайская литература, по важности своихъ памятниковъ, есть без«спорно первая во всей Азіи; количество этихъ памятниковъ велико «до невѣроятности. Въ одномъ каталогѣ книгъ императорской пе«кинской библіотеки (даже императорская библіотека есть у нихъ!) «насчитывается до 12,000 заглавій». — Есть кромѣ этого много и другихъ признаковъ свидѣтельствующихъ, что китайцы вовсе не варвары, а люди достигшіе высокой степени гражданственной цивилизаціи.

«Гражданскіе и военные чины Китайскаго государства раздѣ«ляются на девять классовъ (мало!), отличающихся между собою «особенными шариками, величиною съ голубиное яйцо, носимыми «на шапкахъ (кокарды). Чины перваго класса имѣютъ гладкіе ко«ралловые шары; втораго класса — тоже красные коралловые шары, «но съ рѣзьбою; третьяго класса — носятъ шары, сдѣланные изъ го«лубаго, или прозрачнаго синяго камня; четвертаго класса — изъ ма«товаго или темносиняго камня; пятаго класса — хрустальные; ше-

«стаго класса—изъ почечнаго (нефрита), или бѣлаго непрозрачнаго «камня; наконецъ седьмаго, осьмаго и девятаго класса отличаются «бронзовыми, вызолоченными шарами. Каждый классъ еще подраз«дѣляется на два разряда: на штатный и сверхштатный; но въ этомъ «отношеніи шары ихъ совершенно одинаковы» (стр. 29).

При этомъ кто-то, скрывшій себя подъ буквою Р., никакъ не могъ удержаться отъ того, чтобы не воскликнуть—неизвѣстно только, съ какимъ чувствомъ, вѣроятно, впрочемъ, не съ чувствомъ зависти: «какъ видите, много сходства съ европейскими учрежденіями! Р.» Мы, съ своей стороны, воздержимся отъ всякихъ восклицаній по этому поводу, предоставляя читателямъ на ихъ совершеннѣйшій произволъ восклицать все, что только имъ ни заблагоразсудится; а сами будемъ приводить другія доказательства того положенія, что китайцы народъ образованный, понимающій вполнѣ всѣ тонкости свѣтскихъ приличій и всѣ правила вѣжливости въ обращеніи какъ съ низшими и подчиненными, такъ съ высшими и начальствующими, — что много возвышаетъ ихъ въ нашихъ глазахъ и даетъ имъ нѣкоторое право занять съ нами равное мѣсто и положеніе въ іерархіи цивилизаціи.

«Въ китайскій новый годъ всѣ правительственныя мѣста закры«ваются, всѣ занятія прекращаются, каждый или даритъ самъ, или «принимаетъ подарки. Дѣти поздравляютъ своихъ родителей, слуги «своихъ господъ; всѣ дѣлаютъ другъ другу визиты. Особенно обра«щаетъ на себя въ этотъ день вниманіе несеніе мандариновъ въ па«ланкинахъ. Каждый изъ нихъ отправляется съ визитомъ къ своимъ «начальникамъ и обыкновенно садится въ паланкинъ, который не«сутъ слуги, одѣтые въ самыя пестрыя платья, а впереди идутъ «разные полицейскіе служители, расталкивая своими длинными бам«буковыми тростями толпы народа и держа въ рукахъ визитныя карты мандарина, которыя тѣмъ длиннѣе и пышнѣе, чѣмъ знатнѣе господинъ» (стр. 108). И при этомъ случаѣ какой-то неизвѣстный, на этотъ разъ даже и безъ буквы Р., тоже воскликнулъ: «китайцы, опередившіе европейцевъ въ большей части изобрѣтеній, видно, первые выдумали и этотъ варварскій обычай визитовъ. Лучшаго происхожденія онъ и не могъ имѣть!» Мы ужь и не знаемъ, что сказать на это, и потому, чтобы скрыть свою ненаходчивость, скорѣй переходимъ къ другимъ доказательствамъ того, что китайцы въ нѣкоторыхъ случаяхъ возвышаются даже до нѣкотораго сходства съ европейцами.

«Китаецъ, желающій добиться какой нибудь общественной долж«ности, обязанъ получить сперва ученое образованіе и, кромѣ того, «подвергнуться литературному испытанію. Эти испытанія давно уже

«не производятся съ тою строгою отчетливостію и безпристрастіемъ, какъ это было при первоначальномъ ихъ установленіи. Если «кандидатъ достаточный человѣкъ, то ему легко узнать предварительно о темахъ испытаній, которыя ему зададутъ; мало того, отвѣты на вопросы продаются всякому, кто больше дастъ. Случается «часто и то, что кандидатъ, вмѣсто себя, посылаетъ другаго, который сдаетъ за него экзаменъ, и вручаетъ ему одобрительные атестаты» (стр. 29—30).—«Буддизмъ былъ причиною устройства множества монастырей, въ которыхъ монахи (бонзы) должны, при посвященіи своемъ, принимать на себя тѣ же самые обѣты, какъ и «христіанскіе монахи. Въ настоящее время бонзы въ большомъ презрѣніи и служатъ предметомъ ненависти и насмѣшекъ» (стр. 38).

Конечно, и то одно ужь много значитъ, что китайцы могутъ по праву стать на ряду съ европейцами и могутъ считать ихъ равными себѣ; но этимъ еще не ограничивается наше униженіе предъ ними,—оказывается, что они не только сравнялись съ нами, но еще опередили насъ; мы невольно и съ горестію припоминаемъ здѣсь превозношенія нашего славнаго доктора и ординарнаго профессора. Да, г. Панезицъ, куда ужь намъ тягаться съ другими, когда мы не можемъ похвастаться ничѣмъ даже и предъ китайцами, когда и они могутъ съ гордостію смотрѣть не только на всѣхъ нашихъ заклятыхъ враговъ, но и на насъ самихъ, какъ на людей отсталыхъ? Китайцы уже давно выработали и осуществили на дѣлѣ многія изъ тѣхъ идей, которыя еще столь неясны въ сознаніи такъ-называемыхъ образованныхъ западно-европейскихъ народовъ и которыя еще долго будутъ ждать времени, когда ихъ начнутъ осуществлять на практикѣ. «У нихъ уже давно извѣстны артезіанскіе колодцы, желѣзные цѣпные мосты, газовое освѣщеніе и отопленіе» (стр. 24); тогда какъ у насъ во многихъ мѣстахъ это вещи неслыханныя и составляютъ только pia disideria. «Ихъ шелковыя матеріи блескомъ красокъ превосходятъ подобныя издѣлія у всѣхъ другихъ народовъ. Ихъ дама, тафта и крепъ превосходятъ наши» (стр. 25).

«Китайцы были первый народъ, у котораго появились кредитные билеты. Но съ давняго времени уже послѣдніе вышли у нихъ изъ обращенія, и сохранились только въ незначительномъ количествѣ, какъ рѣдкости» (стр. 76). «Китаецъ пользуется многими правами личной свободы. Онъ можетъ, по собственному своему желанію переселиться изъ одной провинціи въ другую, не имѣя надобности просить никакого письменнаго вида, или паспорта. Если ему не нравится его занятіе, если оно для него не выгодно, то онъ имѣетъ право заняться другимъ дѣломъ, промысломъ или ремесломъ, можетъ сдѣлаться земледѣльцемъ, купцомъ, ремесленникомъ, художникомъ, даже врачомъ, если ему угодно: правительство не вмѣшивается въ этихъ случаяхъ ни во что. Ки-

тайцамъ позволено также, безъ всякихъ ограниченій, соединяться въ разныя общества. Вообще это право учрежденія обществъ въ Китаѣ очень распространено, и даже между нищими составляются корпораціи. Случается, что составляются и такія общества, цѣль которыхъ есть побуждать чиновниковъ, пренебрегающихъ своими обязанностями, къ должному ихъ исполненію» (стр. 34). «Въ отношеніи религіи, китайцы, по большей части, чрезвычайно равнодушны. Одинъ изъ императоровъ какъ-то занялся описаніемъ всѣхъ извѣстныхъ ему религій, и наконецъ рѣшилъ, что всѣ они никуда не годятся, и что благоразумнѣе не признавать ни одной изъ нихъ (этакой чудакъ!). Правительство предоставляетъ китайцамъ полную свободу спасать свою душу, какимъ угодно для нихъ образомъ. — Лишь во время какого нибудь несчастія большаго предписываются отъ правительства разныя необыкновенныя религіозныя церемоніи. — Если небо останется глухо ко всѣмъ мольбамъ, то дѣлается денежный сборъ, на счетъ котораго даются извѣстнаго рода театральныя пьесы. Если и это средство не поможетъ, то учреждаются всеобщія процессіи.... Но вообще китайцы не совсѣмъ-то вѣрятъ въ дѣйствіе подобныхъ обрядовъ, основанныхъ на предразсудкѣ» (стр. 35—37). «Хотя мандаринъ, въ то время, какъ его несутъ по улицамъ въ парадномъ паланкинѣ, можетъ приказать носильщикамъ расчищать себѣ дорогу ударами бамбука; но онъ не долженъ доводить это до крайности. Въ противномъ случаѣ тѣ же самые, которые предъ тѣмъ покорно гнули спину подъ ударами бамбуковой трости, при первомъ удобномъ случаѣ, начнутъ дразнить носильщиковъ, толпа около нихъ начнетъ все болѣе и болѣе стекаться, тѣснить, ругать и толкать носильщиковъ; и тогда эти послѣдніе поневолѣ будутъ принуждены остановиться, а мандаринъ выйдти изъ паланкина. Если онъ пользуется любовію народа, то ему достаточно сказать два слова, и шумная толпа утихнетъ; если же нѣтъ, то его перекричатъ, заглушатъ, прислугу разгонятъ, сломаютъ паланкинъ, и вдобавокъ его же самого угостятъ толчками и пинками» (стр. 34).

Сообразивши все вышесказанное, самый строгій и неснисходительный судья рѣшитъ, что китайцы не дикари и не варвары, что они народъ довольно развитой и стоятъ далеко не на послѣдней ступени цивилизаціи. У нихъ есть всѣ условія, и физическія, и моральныя, для возможно большаго благосостоянія, для мирной и счастливой жизни, для достиженія всего того, къ чему стремятся и отдѣльныя личности, и все человѣчество. А между тѣмъ китайцы бѣдствуютъ и страдаютъ; матеріальное и нравственное ихъ положеніе очень незавидно, и единственное утѣшеніе они находятъ себѣ въ самоубійствѣ, вымещая свой гнѣвъ и досаду на богачей только тѣмъ, что приходятъ въ ихъ дома и тамъ лишаютъ себя жизни. Значитъ, есть у китайцевъ какія нибудь обстоятельства, которыя лишаютъ ихъ возможности воспользоваться плодами ихъ развитія. Съ

этой точки зрѣнія Китай могъ бы представить европейскому читателю самые поучительные уроки, которые, быть можетъ, послужили бы отличнымъ руководствомъ въ жизни. Какія же это такія обстоятельства? Этотъ вопросъ такъ важенъ, требуетъ столько глубокой учености и ученой проницательности, что мы не осмѣливаемся и подумать объ его разрѣшеніи, и потому поторопимся скорѣй окончить нашу копію съ картинъ китайской жизни.

Невольно увлеченые потокомъ размышленій, мы совершенно забыли о нашемъ главномъ предметѣ, который навелъ насъ на эти размышленія. «Ліу-Пайо, или разсказы о китайской жизни» Цитена—это, собственно говоря, романъ изъ рода тѣхъ, которые у насъ нѣкогда назывались нравоописательными; и это, по нашему мнѣнію, главный недостатокъ сочиненія Цитена: отъ романовъ оно отстало, а къ описаніямъ не пристало. Есть здѣсь интересныя свѣдѣнія о Китаѣ, которыя можно было бы читать безъ скуки; но они всѣ переплетены и перепутаны повѣтствованіями о событіяхъ романа, о его герояхъ и ихъ романтическихъ приключеніяхъ, и чтобы добраться до одной интересной страницы, нужно иногда прочитать пять-шесть страницъ, посвященныхъ роману и скучному описанію происшествій, составляющихъ предметъ его. Разсказы о Китаѣ придѣланы къ роману очень не ловко и ужь слишкомъ грубо, такъ что съ перваго же раза и видно, что главное дѣло тутъ не въ романѣ, а собственно въ разсказахъ о китайской жизни, и романъ служитъ только случайною нитью, на которую нанизываются эти разсказы; это производитъ на читателя такое же впечатлѣніе, какъ хитрость, которую вы вполнѣ понимаете, или фокусъ, секретъ котораго вамъ очень хорошо извѣстенъ. Авторъ собралъ изъ разныхъ источниковъ множество самыхъ разнородныхъ и отрывочныхъ свѣдѣній о Китаѣ, свалилъ ихъ какъ ни попало въ одну кучу и накрылъ ихъ потомъ покровомъ, сотканнымъ его собственною фантазіею, и, кромѣ этого фантастическаго покрова, свѣдѣнія не имѣютъ между собою никакой другой связи; да притомъ еще представляется легкая возможность для неопытныхъ читателей принять фантазіи автора за дѣйствительныя картины китайской жизни. Китай интересенъ для каждаго, и, кажется, нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ поэтическимъ прикрасамъ и романтическимъ приманкамъ, чтобъ возбудить въ читателѣ интересъ къ разсказамъ о Китаѣ; достаточно для этого уже и одной живости изложенія. Гораздо лучше было бы, если бъ авторъ воспользовался имѣвшимися у него свѣдѣніями о Китаѣ какимъ нибудь другимъ образомъ, потрудился бы сгруппировать и сортировать ихъ такъ, какъ это сдѣлано имъ во «введеніи»,—вышла бы прекрасная книга о Китаѣ. И мы рѣшительно не понимаемъ, что это вздумалось русскому пе-

реводчику рекомендовать любителямъ занимательнаго чтенія пропустить это «введеніе», а прямо читать самый романъ или похожденія его героевъ. Напротивъ, «введеніе» до 41 стр. самый интересный отдѣлъ въ книгѣ; здѣсь вы въ краткомъ очеркѣ, въ связномъ и точномъ изложеніи найдете все то, что размазано и разукрашено въ цѣлой книгѣ. Съ своей стороны мы рекомендуемъ всякому прочитать только одно «введеніе», не теряя напрасно времени на чтеніе самаго романа, приключеній, похожденій, или какъ угодно кому назвать такое повѣтствованіе. Англійскій капитанъ Ричардсонъ былъ въ Китаѣ, и вдругъ видитъ, что мятежная толпа ворвалась въ домъ мандарина губернатора; онъ за ними, и спасъ тамъ жену губернатора и еще одну хорошенькую дѣвушку, Сангъ, изъ племени Міао-дзе, на которой онъ и женился. Во время какого-то сраженія онъ спасъ жизнь китайскому купцу Чину, и этотъ сдѣлался его другомъ. «Такимъ образомъ у Ричардсона было все, чего онъ желалъ: добрая жена, добрый другъ и любимый сынъ (Ліу-Пайо—герой романа). Онъ уже былъ увѣренъ, что никого нѣтъ счастливѣе его на свѣтѣ. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ!» (стр. 56). Вдругъ сдѣлался пожаръ, и маленькій Ліу исчезъ: его украли разбойники. Ричардсонъ освободилъ сына отъ разбойниковъ, но самъ былъ ими убитъ. «Если что могло нѣсколько утѣшить милую Сангъ, при потерѣ мужа, такъ это было возвращеніе къ ней любимаго Ліу-Пайо». Чинъ «предложилъ ей сдѣлаться его дочерью», и они вмѣстѣ отправились на родину, недалеко отъ Пекина. Во время какой-то иллюминаціи бонза, или китайскій монахъ, завелъ Ліу въ кабакъ, опоилъ его виномъ и увезъ съ собою. И вотъ они вдвоемъ стали путешествовать и обошли чуть ли не весь Китай. Бонза шарлатанилъ, выманивалъ себѣ деньги у суевѣрныхъ китайцевъ и татаръ, подъ видомъ благочестія страшно надувалъ и обманывалъ ихъ, за что и выслушивалъ упреки отъ своего спутника Ліу, который былъ христіаниномъ, и говаривалъ бонзѣ: «неужели тебѣ можетъ быть пріятно то, что я долженъ забыть истиннаго Бога? Если такъ, жрецъ, то я лучше умру. Всѣмъ я готовъ пожертвовать, но не забуду истиннаго Бога. Я не вѣрю въ обрядъ, противный истинному Богу» (стр. 134). «Это подло, бонза, выманивать деньги разными низкими и языческими средствами». Несмотря, впрочемъ, на это, во все время своихъ странствованій они были большими друзьями, дѣлили труды и горе и всегда усердно помогали другъ другу. Бонза, боясь, чтобы другъ не разболталъ его секретовъ, спровадилъ его къ буддистскимъ отшельникамъ, къ ламамъ, на дикій, каменистый островъ на какомъ-то озерѣ. Ему удалось убѣжать отсюда при помощи шелковой веревки; но онъ опять попался въ плѣнъ къ предводителю

Ои-фановъ и посаженъ былъ въ тюрьму; и отсюда онъ убѣжалъ тоже при помощи шелковой веревки, которую дала ему прекрасная княжна, и въ качествѣ переводчика отправился съ китайскимъ посланникомъ къ князю племени Міао-дзе. Оказалось, что этотъ князь его дѣдушка, у котораго онъ и остался, сдѣланъ былъ начальникомъ отряда, сражался и побѣждалъ, а потомъ «началъ обдумывать, какимъ образомъ удобнѣе и скорѣе найти свою мать, извѣстить ее о себѣ и увидѣться съ нею» (стр. 237). «На слѣдующее утро Ліу простился съ царемъ, обѣщая тотчасъ же возвратиться, когда отыщетъ свою мать». Онъ поплылъ по морю въ Пекинъ, попался въ плѣнъ къ пиратамъ, спасъ жизнь ихъ адмирала, который въ благодарность сказалъ Ліу: «если я не ошибаюсь, то твой отецъ находится у меня въ домѣ и исправляетъ должность слуги». И дѣйствительно это былъ его отецъ, вмѣстѣ съ которымъ они и отправились отыскивать мать, Сангъ; и скоро нашли добраго друга Чина и Сангъ; «произошла сцена, которую легче представить себѣ, нежели описать». «Но мать была грустна и молчалива и наконецъ сказала: «я не могу не помнить каждую минуту, что у меня есть престарѣлый отецъ, который, вѣроятно, очень безпокоится о своей единственной дочери». Ліу разсказалъ, что онъ видалъ дѣдушку, гостилъ у него; и теперь можетъ привезти его къ матери; и дѣйствительно привезъ. «Безъ словъ, съ переполненнымъ отъ радости сердцемъ, дочь и отецъ заключили другъ друга въ объятія. Но старый царь скоро заболѣлъ и умеръ на рукахъ своей любимой дочери». А Ричардсонъ съ семействомъ и другомъ Чиномъ отправились на островъ Макао и «рѣшили преспокойно оставаться тамъ».

Къ этой-то многосложной цѣпи событій и придѣлываются разсказы о китайской жизни такимъ образомъ. «Утѣшительно было только то, что они не встрѣчали недостатка въ каменномъ углѣ, который наши путники употребляли какъ топливо, и который въ этой провинціи находится въ неисчерпаемомъ изобиліи» — и слѣдуетъ разсказъ объ углѣ съ ссылкою на Марко Поло. «Когда Чинъ съ своею семьею выходилъ на лодку, то къ берегу канала подъѣхалъ какой-то мандаринъ и приказалъ имъ обождать нѣсколько времени, потому что, какъ онъ говорилъ, по каналу должны были сейчасъ поѣхать императорскія барки, для собиранія податей» — и идетъ разсказъ о податяхъ и сборахъ.

Переводчикъ говоритъ, что въ книгѣ Цитена «складъ рѣчи ловко поддѣлывается подъ оригинальный покрой восточной фразеологіи». Возьмемъ на пробу первый разговоръ Ліу съ бонзою.

«Мать моя! родина моя! добрый отецъ мой! гдѣ я?» — Забудь объ нихъ, молодой драконъ (китайская фразеологія); а лучше возьми-ка

дышей, сказалъ бонза, влилъ ему въ ротъ немного воды.—«Скажи мнѣ на милость, бонза, что тебѣ сдѣлалъ я, бѣдный мальчикъ, что ты увелъ меня изъ родины и отъ родныхъ?» — Знай же, отвѣчалъ бонза, что отнынѣ нѣтъ у тебя ни отца, ни матери, ничего, кромѣ меня. — «Я лучше согласенъ умереть, нечестивый жрецъ!» — Молчи, неблагодарный! Ты происходишь отъ нечестиваго племени Міао-дзе, за каждую голову которыхъ выдается теперь 50 таэлей (китайскій складъ рѣчи).— «Такъ выдай же меня сейчасъ, жалкій жрецъ! Я не хочу быть твоимъ сыномъ!» — Это и не есть твое настоящее значеніе; ты теперь мой рабъ! — «Твой рабъ, жрецъ!» — Такъ ужь, видно, тебѣ назначено, мальчикъ; ты долженъ отказаться отъ вѣры варваровъ и сдѣлаться служителемъ Фо. — «Никогда, низкій бонза!» — Бонза убѣждаетъ и грозитъ донести начальству о его происхожденіи, — «Такъ дѣлай же это сейчасъ, жалкій жрецъ! Я лучше согласенъ тысячу разъ умереть, чѣмъ быть твоимъ рабомъ». Но наконецъ все-таки соглашается и говоритъ: «послушай, жрецъ, если ты не будешь принуждать меня служить вашимъ нелѣпымъ божествамъ, то я готовъ быть твоимъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, и въ этомъ клянусь, какъ истинный Міао-дзе, который никогда, никогда не солжетъ, даже если бы это ему стоило жизни».— Я вѣрю тебѣ, мой сынъ; ты говоришь умно. Но воскуримъ жертвенный оиміамъ. — «Я не вѣрю (китайская острота) въ обрядъ, противный истинному Богу». — Молчи, мальчикъ, и не прерывай моей молитвы» (131—134).

Конечно, мы никогда не слыхивали китайскихъ разговоровъ и незнакомы съ китайской фразеологіей; но намъ все-таки почему-то кажется, что приведенный нами разговоръ Ліу съ бонзою ни по складу, ни по тону вовсе не походитъ ни на китайскій, ни на какой другой восточный; потому что онъ принадлежитъ къ роду тѣхъ разговоровъ, которые постоянно встрѣчаются въ европейскихъ романахъ, да и то только самыхъ плохихъ и напыщенныхъ, и по нимъ нельзя судить ни о какомъ складѣ рѣчи и ни о какой фразеологіи. Впрочемъ, все-таки для такихъ господъ, которые не въ состояніи ничего читать, кромѣ романовъ, книга Цитена можетъ быть интересною, и они поневолѣ узнаютъ изъ ней кое-что и о Китаѣ. А для дѣтскаго чтенія это сочиненіе рѣшительно лучше и полезнѣе тѣхъ многихъ милыхъ книжечекъ, которыя спеціально предназначаются для дѣтей; тѣмъ болѣе, что и рисунки, приложенные къ сочиненію, не дурны.

ЗАМѢТКА О ЛЕРМОНТОВѢ.

ПО ПОВОДУ НОВАГО ИЗДАНІЯ ЕГО СОЧИНЕНІЙ.

Десять лѣтъ тому назадъ, именно въ 1852 г., вышелъ въ Берлинѣ нѣмецкій переводъ всѣхъ лучшихъ стихотвореній Лермонтова, сдѣланный однимъ изъ самыхъ даровитыхъ современныхъ поэтовъ Германіи, Фридрихомъ Боденштедтомъ. Сколько помнится, въ нашихъ журналахъ было тогда два-три коротенькихъ извѣстія объ этомъ переводѣ; въ нихъ, какъ водится, въ общихъ фразахъ отдавалась честь добросовѣстности и старательности нѣмецкаго переводчика, его отличному знанію русскаго языка, столь рѣдкому въ европейскомъ литераторѣ, и т. д. Все это совершенно справедливо, и переводъ Боденштедта дѣйствительно превосходный переводъ; но, кромѣ литературнаго достоинства этого труда, которое конечно очень пріятно для нѣмцевъ, но для насъ, русскихъ, дѣло довольно постороннее, — кромѣ литературнаго достоинства, два нѣмецкихъ тома сочиненій Лермонтова представляютъ нѣсколько очень любопытныхъ матеріаловъ для біографіи и характеристики нашего поэта. Объ этомъ, кажется, ничего не говорилось въ краткихъ извѣстіяхъ русскихъ журналовъ о переводѣ Боденштедта. Русскимъ издателямъ Лермонтова, должно быть, онъ былъ совершенно неизвѣстенъ, — не исключая и г. Дудышкина, который съ такою тщательностью пересмотрѣлъ бумаги, оставшіяся послѣ Лермонтова, и составилъ изъ этихъ приготовительныхъ, черновыхъ работъ, признанныхъ самимъ поэтомъ недостойными печати, цѣлый томъ, чуть не вдвое толще того тома, гдѣ собрано все, одобренное имъ для пе-

чати. Жалуясь въ предисловіи на скудость печатныхъ біографическихъ свѣдѣній о Лермонтовѣ, издатель ни полусловомъ не намекаетъ на Боденштедта, который заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, по малой мѣрѣ такого же вниманія, какъ и немногія русскія извѣстія о Лермонтовѣ, найденныя г. Дудышкинымъ въ нашихъ журналахъ за послѣдніе годы. Фактовъ біографическихъ въ предисловіи и послѣсловіи Боденштедта къ своему переводу не много; но гдѣ же это богатство фактовъ у насъ, чтобы пренебрегать такими свѣдѣніями? Боденштедтъ зналъ Лермонтова лично, и притомъ на столько близко, что получилъ отъ него самого нѣсколько въ высшей степени любопытныхъ стихотвореній, неизвѣстныхъ у насъ и по имени. Мы покажемъ дальше, какимъ важнымъ документомъ должны служить эти стихотворенія для характеристики направленія и убѣжденій Лермонтова.

Напечатанная Боденштедтомъ въ концѣ его перевода статья о значеніи Лермонтова въ русской жизни и литературѣ, не смотря на свою краткость, гораздо полнѣе и лучше объясняетъ намъ его поэтическую личность, чѣмъ длинныя разсужденія о преемственности извѣстныхъ литературныхъ направленій, къ которымъ можно на живую нитку пристегнуть направленіе Лермонтова. Надо сказать правду, въ нашихъ критическихъ статьяхъ о Лермонтовѣ гораздо болѣе говорилось о байронизмѣ и о Байронѣ, чѣмъ о немъ. У г. Дудышкина было въ рукахъ много матеріаловъ для литературной оцѣнки и характеристики Лермонтова; но онъ почти всѣ эти матеріалы напечаталъ въ сыромъ видѣ и не далъ себѣ труда даже объяснить въ нихъ кое-что, бросающее въ глазахъ благомыслящихъ людей тѣнь на убѣжденія поэта. Именно это обстоятельство заставило насъ вспомнить книгу Боденштедта, и привести изъ нея то, чего не представляетъ новое русское изданіе.

«Произведенія Лермонтова — его біографія», замѣчаетъ Боденштедтъ. Такъ смотритъ на нихъ отчасти и русскій издатель; но онъ забываетъ, что недостаточно выставить надъ страницей цифру года, чтобы объяснить, почему стихотвореніе, напечатанное на этой страницѣ, противорѣчитъ духу всѣхъ другихъ страницъ книги. Дѣйствительно, въ произведеніяхъ Лермонтова предстаетъ намъ, какъ живая, его личность; но вы печатаете стихотвореніе, которое совсѣмъ нарушаетъ представленіе, составленное нами о поэтѣ. Скажите же по крайней мѣрѣ, что это такое: шутка, пародія, или безсознательное еще, дѣтское повтореніе съ чужаго голоса чужихъ словъ?

Если не за прямымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ, то за объясненіемъ личнаго и литературнаго характера Лермонтова не мѣшаетъ

обратиться въ книгѣ Боденштедта. Мы приведемъ въ возможно полномъ изложеніи его прекрасную характеристику.

«Немногіе поэты»; говоритъ Боденштедтъ: «съумѣли, подобно Лермонтову, остаться во всѣхъ обстоятельствахъ жизни вѣрными искусству и самимъ себѣ.

«Выросшій среди общества, гдѣ лицемѣріе и ложь считаются признаками хорошаго тона, Лермонтовъ, до послѣдняго вздоха, остался чуждъ всякой лжи и притворства,

«Несмотря на то, что онъ много потерпѣлъ отъ ложныхъ друзей, а тревожная кочевая жизнь не разъ вырывала его изъ объятій истинной дружбы, онъ оставался неизмѣнно вѣренъ своимъ друзьямъ, и въ счастіи, и въ несчастіи; — но за то былъ непримиримъ въ ненависти. А онъ имѣлъ право ненавидѣть; имѣлъ его болѣе, нежели кто либо!

«Что внутренно возвышало его, было орудіемъ противъ него извнѣ. Но онъ не переставалъ чтить бога, жившаго въ его сердцѣ.... Оскорбленный въ томъ, что казалось ему святымъ; въ разладѣ со всѣмъ окружающимъ; преслѣдуемый, когда начиналъ говорить; подозрѣваемый, когда молчалъ; окруженный со всѣхъ сторонъ непріязнью, и неспособный подавлять надолго свои мысли и чувства, онъ могъ вполнѣ и беззавѣтно довѣряться только поэзіи. Она утѣшала и вознаграждала его за житейскія разочарованія и лишенія.

«Онъ былъ счастливъ только когда творилъ; а творить онъ могъ только въ минуты вдохновенія, — что бы ни вдохновляло его: радость, горе, негодованіе, отчаяніе, или гордое сознаніе своей силы. Но безъ этого побужденія, безъ истиннаго душевнаго порыва, онъ никогда не бросался въ объятія музы, — такъ-что всѣ его произведенія могутъ назваться написанными на случай, Gelegenheits-Gedichte — въ томъ смыслѣ, какой придавалъ этому названію Гёте.

«Неопредѣленные, заоблачные сны фантазіи были ему совершенно чужды; куда ни обращалъ онъ глаза, къ небу ли, или къ аду, онъ всегда отыскивалъ прежде твердую точку опоры на землѣ.

«Вотъ этимъ-то свойствомъ, да кромѣ того тѣмъ, что Лермонтовъ въ совершенствѣ владѣлъ языкомъ и былъ одаренъ тонкою наблюдательностью, объясняется необыкновенная вѣрность, точность и жизненная свѣжесть его изображеній въ эпическихъ стихотвореніяхъ. Тою же самою художественною правдою проникнуты и его лирическія изліянія, всегда служащія вѣрнымъ отраженіемъ настроенія его души. Вдохновеніе врывалось внезапно, какъ солнечный лучъ, въ его мрачную жизнь, соединяло въ одномъ фокусѣ и мысль его и чувство, и вспыхивали чудные стихи.

«Это приближеніе вдохновенія, отраду этихъ минутъ и облегченіе, слѣдующее за ними, онъ нерѣдко выражалъ въ своихъ стихахъ; такъ напримѣръ, въ началѣ «Измаилъ-Бея», онъ говоритъ:

«Опять явилось вдохновенье
Душѣ безжизненной моей,
И превращаетъ въ пѣснопѣнье
Тоску, развалину страстей...»

«Итакъ», продолжаетъ Боденштедтъ: «если подводить Лермонтова подъ литературную классификацію, то по всему сказанному, его слѣдуетъ причислить къ субъективнымъ поэтамъ, такъ какъ главнымъ содержаніемъ всѣхъ его поэтическихъ созданій—его собственная нравственная личность и, за немногими исключеніями, даже тамъ, гдѣ онъ изображаетъ постороннія лица и обстоятельства, повсюду легко узнать его собственныя мысли и чувства. Впрочемъ, въ отношеніи Лермонтова, слово «субъективный» въ школьномъ значеніи, какое придаютъ ему наши эстетики, вовсе не можетъ служить окончательнымъ опредѣленіемъ. Хотя онъ и выдавалъ вполнѣ самого себя въ своихъ лирическихъ стихотвореніяхъ, со всѣми темными и свѣтлыми сторонами своего характера, хотя и изображалъ, въ своихъ повѣствовательныхъ произведеніяхъ большею частью такихъ героевъ, которыхъ могъ надѣлить своими собственными мыслями и чувствами, какъ напримѣръ въ «Мцыри», въ «Измаилъ-Бeѣ» и, частію, въ «Демонѣ»,—но довольно уже одной его «Пѣсни про царя Ивана Васильевича, молодаго опричника и удалаго купца Калашникова», чтобы убѣдиться, въ какой степени Лермонтовъ могъ быть и поэтомъ объективнымъ.

«Къ сожалѣнію, въ бурной и короткой жизни его было ему для этого слишкомъ мало времени и покоя.

«Онъ никогда впрочемъ не могъ противустоять своимъ художественнымъ порывамъ и стремленіямъ, точно такъ же, какъ никогда не могъ подавлять своего справедливаго негодованія и скрывать свои воззрѣнія на жизнь и на людей, развитыя въ немъ его судьбою и не находившія сочувствія. Все это естественно привело его къ тому смѣшанному роду поэзіи, гдѣ эпическое и лирическое, шутка и серьёзное, дѣйствіе и рефлексія, античное чувство изящнаго и разорванность и ѣдкая иронія современнаго человѣка—идутъ рука объ руку; тотъ родъ поэзіи, первымъ верховнымъ жрецомъ котораго былъ Байронъ...

«Много было говорено о вліяніи Байрона на Лермонтова.

«Отрицать это вліяніе невозможно; оно отразилось не только на Лермонтовѣ, но уже и на великомъ предшественникѣ его, Пушкинѣ, какъ и вообще на всей новѣйшей славянской поэзіи.

«Одинъ русскій критикъ очень метко говоритъ по этому поводу: «Близкое знакомство съ сильною симпатическою натурой не можетъ не произвести на насъ впечатлѣнія и не сдѣлать насъ зрѣлѣе. Одно уже подтвержденіе того, что живетъ въ нашемъ сердцѣ, дорогою для насъ личностью, сообщаетъ намъ болѣе силы, болѣе увѣренности. Но отъ этого вліянія, отъ этого естественнаго воздѣйствія одного великаго поэта на другаго до подражанія — цѣлая бездна.»

«Въ Лермонтовѣ демоническій элементъ поэзіи объясняется естественнѣе, нежели въ Байронѣ....

«Байрову предстояло бороться только съ тою ложью, съ тѣмъ лицемѣріемъ, надъ которыми плакались мудрецы и пророки всѣхъ странъ и временъ. Онъ могъ громко возвышать противъ нихъ свой голосъ; могъ бороться съ безуміемъ, срывать личину съ лицемѣрія, и поражать ложь острымъ мечомъ истины.

«Но Лермонтовъ, со своимъ врожденнымъ стремленіемъ къ прекрасному, которое безъ добра и истины не можетъ существовать, очутился совершенно одинъ въ чуждомъ ему мірѣ... Окружавшіе его люди не понимали его или не смѣли понимать и, такимъ образомъ, онъ находился въ постоянной опасности ошибиться въ самомъ себѣ, или въ человѣчествѣ....

«Случайности жизни Лермонтова не должны быть упускаемы изъ вида при точной оцѣнкѣ его произведеній. Ими многое объясняется и многое оправдывается. Поэтическій стонъ подъ вліяніемъ обстоятельствъ производитъ на насъ совсѣмъ иное впечатлѣніе, нежели бьющая на эффектъ зѣвота скучающаго рифмача, или чувствительныя, лебединыя пѣсни плаксивыхъ ханжей.

«Не спорю, что въ сильныхъ строфахъ Лермонтова звучатъ, по временамъ, диссонансы; что не одно жесткое слово, не одинъ рѣзкій образъ могли бы быть выпущены изъ нихъ. Но гдѣ же такой садъ поэзіи, гдѣ не росло бы сорныхъ травъ?»

Кромѣ этихъ, упоминаемыхъ Боденштедтомъ, диссонансовъ въ собственно-художественной сторонѣ произведеній Лермонтова, намъ кажутся непріятными (и еще болѣе непріятными) диссонансами нѣкоторыя, хотя и немногія его стихотворенія по самымъ мыслямъ, внушившимъ ему ихъ. Такова, напримѣръ, пьеса: «Послѣднее Новоселье» съ ея страннымъ благоговѣніемъ къ Наполеону и пристрастнымъ взглядомъ на его политическую роль. Впрочемъ, это пристрастіе и благоговѣніе могутъ быть объяснены хоть чѣмъ нибудь, — хоть тѣмъ обаяніемъ, которое производила сначала громоносная, а потомъ страдальческая личность покорителя свѣта даже на такихъ людей, какъ Беранже, какъ Гейне. Но, признаемся, ни-

чѣмъ не можемъ мы ни объяснить, ни оправдать стихотворенія, напечатаннаго въ первый разъ въ новомъ изданіи, безъ заглавія, на стр. 131 втораго тома.

Въ числѣ отрывковъ и небольшихъ бѣглыхъ пьесъ, переведенныхъ Боденштедтомъ съ рукописи, есть такія строки:

Ein einziges Wort der Gnade,
Ein einziges Wort der Reue
Eröffnete mir die Pfade
Der alten Gunst aufs Neue.

Doch lieber zusammenbräche
Ich hier in Kerker und Ketten,
Eh' ich *ein* Wort nur spräche
Durch Lüge mich zu retten.

Эти восемь строкъ составляютъ цѣлую особую пьеску. Для незнающихъ нѣмецкаго языка переведемъ ихъ. «Одно милостивое слово», говоритъ поэтъ: «одно слово раскаянія открыло бы мнѣ путь къ старой благосклонности. Но скорѣе я умру, чѣмъ скажу хоть *одно* слово, чтобы ложью спасти себя».

Намъ приходитъ на мысль, не было ли стихотвореніе, о которомъ мы упомянули выше, шуточною пробой сказать такое слово, и показать можетъ быть, какъ легко ему сказать его въ шутку. Иначе какъ понять такое противорѣчіе въ человѣкѣ, остававшемся такъ постоянно вѣрнымъ себѣ во всемъ? Г. Дудышкинъ помѣстилъ эту странную пьесу въ числѣ стихотвореній, написанныхъ въ 1830 — 1831 годахъ. Торжественная ода Пушкина, подавшая къ ней поводъ, явилась въ концѣ 1831 года; но едва ли стихи Лермонтова одновременны съ нею, какъ это кажется намъ изъ первыхъ строкъ.

Искренность, съ которою высказывался Лермонтовъ, налагала на издателя его сочиненій обязанность или объяснить происхожденіе помянутаго стихотворенія, или совсѣмъ выкинуть его, если такого объясненія нѣтъ. Наконецъ, слѣдовало бы еще разрѣшить, точно ли пьеса принадлежитъ Лермонтову. Сколько помнимъ, она была напечатана съ его именемъ; но былъ ли у г. Дудышкина рукописный экземпляръ ея, вѣренъ ли самый источникъ, откуда она получена, — все это вопросы, по нашему, очень важные для біографіи Лермонтова и требующіе тщательнаго разбора.

Продолжаемъ нашу выписку изъ Боденштедта:

«Справедливость требуетъ замѣтить», говоритъ онъ: «что случайные недостатки стиховъ Лермонтова рѣдко могутъ быть поставлены въ упрекъ самому поэту, потому что и въ свѣтлыя, и въ мрачныя минуты вдохновенія, онъ искалъ только словъ, чтобы излить его, вовсе не думая выходить съ нимъ на судъ публики.

Стихи:

«.... Кто съ гордою душою
Родился, тотъ не требуетъ вѣнца:
Любовь и пѣсни — вотъ вся жизнь пѣвца;
Безъ нихъ она пуста, бѣдна, уныла,
Какъ небеса безъ тучъ и безъ свѣтила!»

вылились у него изъ глубины души.

«Самъ Лермонтовъ издалъ, какъ извѣстно, относительно лишь самую малую часть своихъ произведеній, да и тѣ были, можно сказать, вырваны у него его друзьями, чтобы попасть въ печать. Всѣхъ причинъ этого упрямства никто не могъ бы объяснить....

«Постоянныя неудачи въ жизни производятъ совершенно различное дѣйствіе на твердые и на слабые характеры....

«.... Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ».

Характеръ Лермонтова былъ самаго крѣпкаго закала, и чѣмъ грознѣе падали на него удары судьбы, тѣмъ болѣе становился онъ твердымъ.

«Онъ не могъ противостоять преслѣдовавшей его судьбѣ; но въ то же время не хотѣлъ ей покориться. Онъ былъ слишкомъ слабъ, чтобы одолѣть ее; но и слишкомъ гордъ, чтобы позволить одолѣть себя.

«Вотъ причина того пылкаго негодованія, того бурнаго безпокойства во многихъ стихотвореніяхъ его, въ которыхъ отражаются — какъ въ кипящемъ подъ грозою морѣ, при свѣтѣ молній — и небо, и земля.

«Вотъ причина также и его раздражительности и желчи, которыми онъ, въ своей жизни, часто отталкивалъ отъ себя лучшихъ друзей и давалъ поводъ къ дуэлямъ. Первая изъ этихъ дуэлей привела его къ долгому заточенію, а послѣдняя къ преждевременной смерти.

«Не берусь рѣшить, что именно подало поводъ къ этой послѣдней дуэли; неосторожныя ли остроты и шутки Лермонтова, какъ говорятъ нѣкоторые, вызвали ее, или, какъ утверждаютъ другіе, то ли, что противникъ его принялъ на свой счетъ нѣкоторые намеки въ романѣ «Герой нашего времени», и оскорбился ими, какъ касавшимися притомъ и его семейства. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ слышалъ я эту исторію отъ секунданта Лермонтова, г. Г., который и закрылъ глаза своему убитому другу.

«Очень вѣроятно, что Лермонтовъ, обрисовавшій себя немножко яркими красками въ главномъ героѣ этого романа, списалъ съ натуры и другихъ дѣйствующихъ лицъ, такъ что прототипамъ ихъ не трудно было узнать себя.

«Книга написана прекрасною прозою, полна глубокой мысли и представляетъ превосходный коментарій къ стихамъ «Думы»:

«Печально я гляжу на наше поколѣнье:
Его грядущее иль пусто, иль темно».

«Въ концѣ этого романа описывается дуэль, въ которой тотъ, кому первому предстоитъ подвергнуться выстрѣлу противника, долженъ стать на краю обрыва, чтобы, въ случаѣ раны, немедленно упасть туда на вѣрную смерть: по странному сближенію, почти точно такимъ же образомъ умеръ впослѣдствіи самъ Лермонтовъ.

«Это поразительное сходство положеній объясняется тѣмъ, что Лермонтовъ былъ по убѣжденію отъявленнымъ врагомъ дуэли; но единожды доведенный до нея, не могъ уже сдѣлать изъ нея дѣтской шутки, или рисковать подвергнуться одному увѣчью. По этому онъ и принялъ такія мѣры, чтобы одинъ изъ двухъ неизбѣжно остался на мѣстѣ.

«У него была твердость заклеймить дуэль, какъ отвратительнѣйшее порожденіе человѣческой глупости, но не достало твердости отказаться отъ этой глупости. Онъ ея не искалъ, но и не уклонился отъ нея, отъ этой «отваги дерзости слѣпой». Онъ предпочелъ впрочемъ сознательно выказать такую слѣпую дерзость, чѣмъ отстраниться отъ мнѣній и толковъ людей, которыхъ презиралъ отъ всей души. Въ его жизни было много подобныхъ странностей, но всѣ онѣ истекаютъ изъ одного источника — изъ его страданій и, большею частію, могутъ быть оправданы ими.

«Невозможно, чтобы человѣкъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, не сбивался, иногда, съ дороги. Проницательный умъ указываетъ мудрецу людскія глупости, но не всегда предостерегаетъ его отъ нихъ, и не можетъ совершенно уберечь его отъ вліяній окружающей среды.

«Произнося судъ надъ умомъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ умовъ, слѣдуетъ брать мѣриломъ не то, что въ немъ есть общаго съ толпою, которая стоитъ ниже его, а то, что отличаетъ его отъ этой толпы и возвышаетъ надъ нею.

«Недостатки Лермонтова были недостатками всего свѣтскаго молодаго поколѣнія въ Россіи; но достоинствъ его не было ни у кого. Вѣрнѣйшее изображеніе его личности все-таки останется намъ въ его произведеніяхъ, гдѣ онъ выказывается вполнѣ такимъ, какимъ былъ, тогда какъ въ жизни онъ былъ лишь тѣмъ, чѣмъ хотѣлъ *казаться*. Не надо понимать этого въ дурномъ смыслѣ: если Лермонтовъ и надѣвалъ маску, то надѣвалъ не съ злымъ намѣреніемъ. Онъ былъ несчастливъ, но слишкомъ гордъ, чтобы выказы-

вать свое несчастіе,—и потому пряталъ свои страданія подъ личиною веселости, и самыя ѣдкія остроты его отзываются солью слезъ.

«Klagt nicht ob meinen Leiden
In diesen Kerkermauern—
Ich lasse euch eure Freuden,
Und schenke euch euer Bedauern!»

Намъ приходится опять переводить стихи Лермонтова съ нѣмецкаго на русскую прозу. Вотъ что значитъ это четверостишіе, помѣщенное Боденштедтомъ въ числѣ XII небольшихъ случайныхъ пьесъ и замѣтокъ («Kleine Einfälle und Ausfälle»), полученныхъ имъ, кажется, изъ рукъ самого Лермонтова: «Не жалѣйте о моихъ страданіяхъ въ этой тюрьмѣ! Я предоставляю вамъ ваши радости, и дарю вамъ ваше сострадание.»

Боденштедтъ познакомился съ Лермонтовымъ въ Москвѣ, незадолго передъ послѣднимъ отъѣздомъ его на Кавказъ. Это было зимой 1841 года, а въ іюлѣ того же года Лермонтова уже не существовало. Мы позволяемъ себѣ предположить, что отрывки, сообщаемые Боденштедтомъ, принадлежатъ именно къ этой порѣ. Въ нихъ, на сколько можно судить по нѣмецкому переводу, выразилось то настроеніе, въ какомъ долженъ былъ находиться Лермонтовъ особенно передъ отъѣздомъ своимъ въ кавказскую даль и глушь.

Въ этихъ стихотвореніяхъ отъ негодованія на пустоту окружающаго общества, онъ не разъ переходитъ къ мысли о смерти, которая скоро положила конецъ его тревожной жизни. «Вы не хотѣли понимать меня», говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ: «вы все у меня отняли, — не отняли только гордости моей и силы! Поколѣнья смѣняются поколѣньями, и смѣна эта — благо!... Пройдете и вы, и другіе заступятъ ваше мѣсто, съ новою, болѣе чистою кровью въ жилахъ, — и поймутъ они меня, если услышатъ мое слово,—и благо имъ будетъ!»

Дальше мы скажемъ еще нѣсколько словъ объ этихъ замѣчательныхъ отрывкахъ, которые, судя по другимъ переводамъ Боденштедта съ извѣстныхъ намъ подлинниковъ, должны быть тоже переданы имъ по нѣмецки вѣрно и добросовѣстно; теперь же обратимся къ его разсказу о знакомствѣ съ Лермонтовымъ.

«Чтобы дать хотя слабое понятіе», говоритъ онъ: «о томъ впечатлѣніи, какое производила личность Лермонтова, я хочу разсказать о моихъ первыхъ встрѣчахъ съ нимъ, на сколько онѣ сохранились у меня въ памяти. Къ сожалѣнію, мнѣ рѣдко удавалось вести правильный дневникъ, во время моего пребыванія въ Россіи; не удавалось во первыхъ потому, что я пишу кропотливо и тяжело, и

мнѣ нужно не мало досуга для собранія во-едино своихъ впечатлѣній; во вторыхъ потому, что моя — можетъ быть излишняя — осторожность оставляла въ моей записной книжкѣ лишь самую слабую помощь моей памяти, только имена и числа.

«Зимою 1840 — 41 года, въ Москвѣ, передъ послѣднимъ отъѣздомъ Лермонтова на Кавказъ, случилось мнѣ обѣдать, въ одинъ пасмурный, хотя и праздничный день, съ Павломъ О., очень умнымъ молодымъ русскимъ. Обѣдали мы въ одномъ французскомъ ресторанѣ, который посѣщала въ то время вся знатная московская молодежь.

«Во время обѣда къ намъ присоединилось еще нѣсколько знакомыхъ и, между прочимъ, одинъ молодой князь замѣчательно-красивой наружности и довольно ограниченнаго ума, но большой добрякъ. Онъ позволялъ потѣшаться надъ собою и добродушно сносилъ всѣ остроты, которыя другіе отпускали на его счетъ.

«Легкая шутливость, искрящееся остроуміе, быстрая смѣна противоположныхъ предметовъ въ разговорѣ, — однимъ словомъ, весь такъ называемый esprit français, такъ же свойственъ большей части знатныхъ русскихъ, какъ и французскій языкъ.

«Мы были уже за шампанскимъ. Снѣжная пѣна лилась черезъ край стакановъ; и черезъ край лились изъ устъ моихъ собесѣдниковъ то плохія, то мѣткія остроты. Въ то время мнѣ не было еще двадцати двухъ лѣтъ; я былъ свѣжимъ и толстощекимъ, довольно неловкимъ и сентиментальнымъ юношей, и больше слушалъ, чѣмъ говорилъ, и вѣроятно казался нѣсколько страннымъ среди этой блестящей, уже порядочно пожившей молодежи.

«— А! Михаилъ Юрьичъ! вскричали двое-трое изъ моихъ собесѣдниковъ при видѣ только-что вошедшаго молодаго офицера.

«Онъ привѣтствовалъ ихъ короткимъ: «здравствуйте», слегка потрепалъ О. по плечу и обратился къ князю со словами:

«— Ну, какъ поживаешь, умникъ?»

«У вошедшаго была гордая, непринужденная осанка, средній ростъ и замѣчательная гибкость движеній. Вынимая, при входѣ, носовой платокъ, чтобы обтереть мокрые усы, онъ выронилъ на полъ бумажникъ или сигарочницу и, при этомъ, нагнулся съ такою ловкостью, какъ будто былъ вовсе безъ костей, хотя плечи и грудь были у него довольно широки.

«Гладкіе, бѣлокурые, слегка вьющіеся по обѣимъ сторонамъ волосы оставляли совершенно открытымъ необыкновенно высокій лобъ. Большіе, полные мысли глаза, казалось, вовсе не участвовали въ насмѣшливой улыбкѣ, игравшей на красиво очерченныхъ губахъ молодаго человѣка.

«Одѣтъ онъ былъ не въ парадную форму: на шеѣ небрежно повязанъ черный платокъ; военный сюртукъ не новъ и не до верху застегнутъ, и изъ подъ него виднѣлось ослѣпительной свѣжести бѣлье. Эполетъ на немъ не было.

«Мы говорили до тѣхъ поръ по французски, и О. представилъ меня на томъ же діалектѣ вошедшему. Обмѣнявшись со мною нѣсколькими бѣглыми фразами, офицеръ сѣлъ съ нами обѣдать. При выборѣ кушаньевъ и въ обращеніи къ прислугѣ, онъ употреблялъ выраженія, которыя въ большомъ ходу у многихъ — чтобъ не сказать у всѣхъ—русскихъ, но которыя въ устахъ новаго гостя непріятно поражали меня. Поражали потому, что гость этотъ былъ—Михаилъ Лермонтовъ. Эти выраженія иностранецъ прежде всего выучиваетъ въ Россіи, потому что слышитъ ихъ повсюду и безпрестанно; но ни одинъ порядочный человѣкъ — кромѣ развѣ грека или турка, у которыхъ у самихъ въ ходу точь въ точь такія выраженія,— не рѣшится написать ихъ въ переводѣ на свой родной языкъ.

«Во время обѣда я замѣтилъ, что Лермонтовъ не пряталъ подъ столъ своихъ нѣжныхъ, выхоленныхъ рукъ. Отвѣдавъ нѣсколькихъ кушаньевъ и осушивъ два стакана вина, онъ сдѣлался очень разговорчивъ и, надо полагать, много острилъ, такъ какъ слова его были нѣсколько разъ прерываемы громкимъ хохотомъ. Къ сожалѣнію, для меня его остроты оставались непонятными, такъ какъ онъ нарочно говорилъ по русски и къ тому же чрезвычайно скоро, а я въ то время недостаточно хорошо понималъ русскій языкъ, чтобы слѣдить за разговоромъ. Я замѣтилъ только, что остроты его часто переходили въ личности; но получивъ раза два мѣткій отпоръ отъ О., онъ разсчелъ за лучшее упражняться только надъ молодымъ княземъ.

«Нѣкоторое время тотъ добродушно переносилъ шпильки Лермонтова; но наконецъ и ему уже стало не въ мочь, и онъ съ достоинствомъ умѣрилъ его пылъ, показавъ, что при всей ограниченности ума, сердце у него тамъ же, гдѣ и у другихъ людей.

«Казалось, Лермонтова искренно огорчило, что онъ обидѣлъ князя, своего товарища, и онъ всѣми силами старался помириться съ нимъ, въ чемъ скоро и успѣлъ.

«Я уже зналъ и любилъ тогда Лермонтова по собранію его стихотвореній, вышедшему въ 1840 г., но въ этотъ вечеръ онъ произвелъ на меня столь невыгодное впечатлѣніе, что у меня пропала всякая охота поближе сойтись съ нимъ. Весь разговоръ, съ самаго его прихода, звенѣлъ у меня въ ушахъ, какъ будто кто нибудь скребъ по стеклу.

«Я никогда не могъ, можетъ быть ко вреду моему, сдѣлать пер-

вый шагъ къ сближенію съ задорнымъ человѣкомъ, какое бы онъ ни занималъ мѣсто въ обществѣ; никогда не могъ извинять шалостей знаменитыхъ и геніальныхъ людей, только во имя ихъ знаменитости и геніальности. Я часто убѣждался, что можно быть основательнымъ ученымъ, поэтомъ или писателемъ и, въ то же время, невыносимымъ человѣкомъ въ обществѣ. У меня правило основывать мое мнѣніе о людяхъ на первомъ впечатлѣніи; но въ отношеніи Лермонтова мое первое, непріятное впечатлѣніе вскорѣ совершенно изгладилось пріятнымъ.

«Не далѣе, какъ на слѣдующій же вечеръ, встрѣтивъ снова Лермонтова въ салонѣ г-жи М., я увидѣлъ его въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Лермонтовъ вполнѣ умѣлъ быть милымъ.

«Отдаваясь кому нибудь, онъ отдавался отъ всего сердца; только едва ли это съ нимъ часто случалось. Въ самыхъ близкихъ и прочныхъ дружественныхъ отношеніяхъ находился онъ съ умною графинею Растопчиною, которой было бы, поэтому, легче нежели кому либо дать вѣрное понятіе о его характерѣ.

«Людей же, недостаточно знавшихъ его, чтобы извинять его недостатки за его высокія, обаятельныя качества, онъ скорѣе отталкивалъ, нежели привлекалъ къ себѣ, давая слишкомъ много воли своему нѣсколько колкому остроумію. Впрочемъ онъ могъ быть, въ то же время, кротокъ и нѣженъ какъ ребенокъ, и вообще въ характерѣ его преобладало задумчивое, часто грустное настроеніе.

«Серьезная мысль была главною чертою его благороднаго лица, какъ и всѣхъ значительнѣйшихъ его твореній, къ которымъ его легкія, шутливыя произведенія относятся, какъ его насмѣшливый, тонко-очерченный ротъ, къ его большимъ, полнымъ думы глазамъ.

«Многіе изъ соотечественниковъ Лермонтова раздѣляли съ нимъ его прометеевскую участь, но ни у одного изъ нихъ страданія не вырвали такихъ драгоцѣнныхъ слезъ, которыя служили ему облегченіемъ при жизни и дали ему неувядаемый вѣнокъ по смерти.»

Съ критической оцѣнкой сочиненій Лермонтова, представляемою Боденштедтомъ, можно не всегда соглашаться въ частностяхъ; но въ цѣломъ она кажется намъ вполнѣ вѣрною, и мы рѣшились привести и ее почти цѣликомъ. Говоря о Лермонтовѣ въ отношеніи къ русской литературѣ, наша критика никогда не задавала себѣ вопроса, какой интересъ и какое значеніе можетъ имѣть поэзія Лермонтова для другихъ образованныхъ народовъ.

«Чтобы точнѣе опредѣлить значеніе Лермонтова въ русской и во всемірной литературѣ», говоритъ Боденштедтъ: «слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что онъ выше всего тамъ, гдѣ становится наиболѣе народнымъ; и что высшее проявленіе этой народности (какъ «Пѣсня

о царѣ Иванѣ Васильевичѣ») не требуетъ ни малѣйшаго коментарія, чтобы быть понятною для всѣхъ. Это тѣмъ замѣчательнѣе, что описываемые въ ней нравы и частности столь же чужды для не русскихъ, какъ и выбранный поэтомъ стихотворный размѣръ стиха, сдѣлавшійся извѣстнымъ въ Германіи только по нѣкоторымъ моимъ переводнымъ опытамъ, а въ Россіи имѣющій почти то же значеніе, какъ у насъ строфа «Пѣсни о Нибелунгахъ».

«Поэма Лермонтова, въ которой видна поистинѣ гомеровская вѣрность, сила и простота, произвела сильнѣйшее впечатлѣніе во многихъ германскихъ городахъ, гдѣ ее читали публично.»

Здѣсь Боденштедтъ приводитъ мнѣніе о «Пѣснѣ про царя Ивана Васильевича», высказанное Шевыревымъ. Мы его опускаемъ и замѣтимъ только, что приводя слова бывшаго московскаго профессора, Боденштедтъ хотѣлъ показать, какъ думаютъ о «Пѣснѣ» Лермонтова въ Россіи даже люди, вовсе не сочувствующіе поэту: извѣстно, что г. Шевыревъ, превозносившій до небесъ г. Бенедиктова и называвшій его «поэтомъ мысли» по преимуществу, видѣлъ въ Лермонтовѣ не больше, какъ искуснаго версификатора и ловкаго подражателя.

«Изъ другихъ произведеній Лермонтова», продолжаетъ Боденштедтъ: «русскіе критики отдаютъ преимущество «Мцыри», котораго и нашъ Робертъ Прутцъ справедливо считаетъ «драгоцѣннымъ перломъ поэзіи». Странно, что Боденштедтъ отдаетъ преимущество передъ «Мцыри»—«Измаилъ-Бею». Можетъ быть послѣдняя поэма и дѣйствительно шире по своей задачѣ и богаче внутреннимъ содержаніемъ; но въ ней ни стихъ, ни мысль не достигли еще той можно сказать кристальной ясности, которая такъ поражаетъ и такъ глубоко дѣйствуетъ на насъ въ «Мцыри», произведеніи уже болѣе зрѣлыхъ годовъ поэта.

Далѣе Боденштедтъ говоритъ:

«Лермонтовъ имѣетъ то общее съ великими писателями всѣхъ временъ, что творенія его вѣрно отражаютъ его время, со всѣми его дурными и хорошими особенностями, со всею его мудростью и глупостью, и что они имѣли въ виду бороться съ этими дурными особенностями и съ этою глупостью.

«Но нашъ поэтъ отличается отъ своихъ предшественниковъ и современниковъ тѣмъ, что далъ болѣе широкій просторъ въ поэзіи картинамъ природы, и въ этомъ отношеніи онъ стоитъ на недосягаемой высотѣ.

«Онъ рѣшилъ своими изображеніями трудную задачу — удовлетворить въ одно и то же время и естествоиспытателя и эстетика.

«Рисуетъ ли онъ передъ нами исполинскія горы многовершин-

наго Кавказа, гдѣ взоръ, подымаясь къ верху, теряется въ снѣжныхъ облакахъ и, опускаясь внизъ, тонетъ въ безднѣ; или горный потокъ, то клубящійся подъ утесомъ, на которомъ страшно стоять дикой козѣ, то свѣтло ниспадающій, «какъ согнутое стекло», въ пропасть, гдѣ сливается съ новыми ручьями и вновь выходитъ на свѣтъ; описываетъ ли онъ намъ горные аулы и лѣса Дагестана, или испещренные цвѣтами долины Грузіи; указываетъ ли намъ на облака, бѣгущія «степью лазурною, цѣпью жемчужною», или на коня, несущагося по синей, безконечной степи; воспѣваетъ ли онъ священную тишину лѣсовъ, или буйный громъ битвы, — онъ всегда и во всемъ остается вѣренъ природѣ до малѣйшихъ подробностей. Всѣ эти картины возстаютъ передъ нами въ жизненно-ясныхъ красках, и въ то же время отъ нихъ вѣетъ какою-то таинственною поэтическою прелестью, какъ будто дѣйствительнымъ благоуханіемъ и свѣжестью этихъ горъ, цвѣтовъ, луговъ и лѣсовъ.

«Борьба Мцыри съ тигромъ, кулачный бой на Москвѣ-рѣкѣ, сцены битвы въ «Измаилъ-Беѣ», картины, въ родѣ слѣдующей:

«Шумитъ Аргуна мутною волной;
Она коры не знаетъ ледяной;
Цѣпей зимы и хлада не боится.
Серебряной покрыта пеленой,
Она сама между снѣговъ родится,
И тамъ, гдѣ даже серна не промчится,
Дитя природы, съ дѣтской простотой,
Она, рѣзвясь, играетъ и катится!
Порою, какъ согнутое стекло,
Межъ длинныхъ травъ, прозрачно и свѣтло
По гладкимъ камнямъ въ бездну ниспадая,
Теряется во мракѣ, и надъ ней
Съ прощальнымъ воркованьемъ вьется стая
Пугливыхъ сизыхъ, вольныхъ голубей...
Зеленымъ можжевельникомъ покрыты,
Надъ мрачной бездной гробовыя плиты
Висятъ и ждутъ, когда замолкнетъ вой,
Чтобы упасть и все покрыть собой.
Напрасно ждутъ онѣ! Волна не дремлетъ,
Пусть темнота кругомъ ее объемлетъ,
Прорветъ Аргуна землю гдѣ-нибудь,
И снова полетитъ въ далекій путь!»

или:

«Погасъ, блѣднѣя, день осенній;
Свернувъ душистые листы,
Вкушаютъ сонъ безъ сновидѣній
Полузавядшіе цвѣты,
И въ часъ урочный молчаливо
Изъ-подъ камней ползетъ змѣя,
Играетъ, тѣнится лѣниво,
И серебрится чешуя
Надъ перегибистой спиною», и т. д.

или такія мѣста, какъ то, когда Хаджи-Абрекъ вскакиваетъ на коня съ окровавленною головой Леилы:

«Послушный конь его, объятый
Внезапно страхомъ неземнымъ,
Храпитъ и пѣнится подъ нимъ;
Щетиной грива, ржетъ и пышитъ,
Грызетъ стальные удила,
Ни словъ, ни повода не слышитъ,
И мчится въ горы какъ стрѣла»....

и безчисленное множество другихъ мѣстъ изъ его кавказскихъ стихотвореній, — все это высочайшія красоты поэзіи.

«Два замѣчательнѣйшихъ ученыхъ новѣйшаго времени — Александръ Гумбольдтъ въ своемъ «Космосѣ» и Христіанъ Эрстедъ въ своемъ разсужденіи объ отношеніи естествознанія къ поэзіи — указываютъ, какъ на настоятельное требованіе нашего времени, на болѣе обширное приложеніе въ области изящнаго современныхъ открытій и изслѣдованій природы.

«Гумбольдтъ говоритъ:

«Если такъ-называемая «описательная поэзія», какъ отдѣльная и самостоятельная форма искусства, заслуживаетъ справедливаго порицанія, то это еще не значитъ, чтобы такое же порицаніе вызывали серьезныя старанія обобщать, посредствомъ изобразительной силы поэтическаго слова, результаты новѣйшаго, богатаго глубокимъ интересомъ изученія природы. Неужто мы пренебрежемъ средствомъ, которое можетъ представить намъ живую картину отдаленныхъ, другими изслѣдованныхъ странъ, и даже доставить намъ часть того наслажденія, какое находимъ мы въ непосредственномъ созерцаніи природы? Метафора арабовъ, говорящихъ, что лучшее описаніе есть то, которое «превращаетъ слухъ нашъ въ зрѣніе», полна смысла. Наше время страждетъ несчастною склонностью къ реторической, лишенной содержанія прозѣ, къ пустотѣ такъ-называемыхъ чувствительныхъ изліяній, склонностью, обуявшею разомъ, во многихъ странахъ, достойныхъ путешественниковъ и естествоописателей. Изображенія природы, повторяю, могутъ оставаться научно-точными и вполнѣ-опредѣленными, не теряя оживляющей ихъ силы воображенія.»

«Стоитъ прочесть цѣликомъ упомянутыя сочиненія, чтобы убѣдиться, что Лермонтовъ выполнилъ въ своихъ стихотвореніяхъ бо́льшую часть того, что̀ эти великіе ученые признаютъ потребностью нашего времени, и чего такъ живо желаютъ.

«Пусть назовутъ мнѣ хоть одно изъ множества толстыхъ географическихъ, историческихъ и другихъ сочиненій о Кавказѣ, изъ котораго можно бы живѣе и вѣрнѣе познакомиться съ характеристи-

ческою природой этихъ горъ и ихъ населенія, нежели изъ которой нибудь поэмы Лермонтова, гдѣ мѣсто дѣйствія происходитъ на Кавказѣ.»

Переходя къ объясненію отношеній между поэзіей Лермонтова и поэзіей Пушкина, Боденштедтъ жалѣетъ, что о геніи послѣдняго нѣмцы могутъ получить лишь очень слабое понятіе по тѣмъ переводамъ, которые у нихъ есть. Это было писано въ 1852 году. Вскорѣ послѣ изданія на нѣмецкомъ языкѣ стихотвореній Лермонтова, Боденштедтъ принялся за переводъ Пушкина, и переводъ этотъ, передающій съ замѣчательнымъ совершенствомъ всѣ внутреннія и внѣшнія достоинства подлинника, теперь совсѣмъ оконченъ. Нѣмецкая литература богата очень хорошими переводами; но такихъ переводовъ, какъ переводъ Лермонтова и Пушкина, сдѣланный Боденштедтомъ, и въ ней не много.

Вотъ какъ объясняетъ Боденштедтъ въ немногихъ словахъ общія, родственныя черты обоихъ этихъ поэтовъ, и точки, на которыхъ они расходятся:

«Поэтическій геній Пушкина выразился въ его зрѣлѣйшихъ произведеніяхъ съ такою мощью и такъ самостоятельно-народно, что молодые поэты не могли не подчиниться его обаятельному вліянію, и оно было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ даровитѣе была натура поэта, какъ напримѣръ у Лермонтова.

«Лермонтовъ явился достойнымъ послѣдователемъ своего великаго предшественника: онъ съумѣлъ извлечь пользу, для себя и для народа, изъ его богатаго наслѣдства, не впадая въ рабское подражаніе. Онъ выучился у Пушкина простотѣ выраженія и чувству мѣры; онъ подслушалъ у него тайну поэтической формы. Нѣкоторыя изъ его первыхъ лирическихъ стихотвореній, какъ, напримѣръ, «Вѣтка Палестины»,—невольно напоминаютъ Пушкина; нѣкоторое внѣшнее сходство съ Пушкинымъ представляютъ и два-три другихъ стихотворенія, въ особенности «Казначейша». Но противоположности между характерами обоихъ поэтовъ гораздо ярче и опредѣленнѣе этого сходства. Сходство въ нихъ скорѣе случайное, внѣшнее, условное, тогда какъ то, въ чемъ они расходятся, составляетъ самую сущность ихъ личностей. Поэтическія средства у обоихъ были почти одинаковы, точно такъ же, какъ и обстоятельства, при которыхъ они развивались; только самое развитіе было различно.

«Обоимъ пришлось дорого заплатить за первые поэтическіе порывы свои. Пушкинъ вернулся изъ изгнанія; Лермонтовъ и умеръ вдали отъ родины.

«Пушкинъ съумѣлъ впослѣдствіи примириться и сжиться съ людьми и обстоятельствами, на которыхъ вначалѣ такъ горячо

ополчился, которымъ клялся въ непримиримой враждѣ. — Лермонтовъ никогда не могъ и не хотѣлъ дойти до такого примиренія, потому что оно не могло бы быть полнымъ, а половинныхъ мѣръ онъ не терпѣлъ.

«Пушкинъ, по словамъ одного русскаго критика, былъ прежде всего художникъ, и, огородивъ себѣ мирный уголокъ, гдѣ бы онъ могъ спокойно жить со своимъ искусствомъ, онъ уже не такъ строго смотрѣлъ на все остальное.

«У Лермонтова, напротивъ того, искусство и жизнь были нераздѣльны; онъ никогда не могъ отдѣлить художника отъ человѣка. Вотъ въ чемъ великая между ними разница!

«Лермонтова упрекали, будто онъ, въ гордомъ ослѣпленіи, чуждался своей отчизны и не любилъ ея. Онъ отвѣтилъ на это чуднымъ стихотвореніемъ, которое начинается такъ:

«Люблю отчизну я, но странною любовью;
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.»

«Пушкинъ съумѣлъ вдохновляться этою славой, этимъ «полнымъ гордаго довѣрія покоемъ»; онъ воспѣвалъ ихъ въ своихъ стихахъ. У Лермонтова также есть художественныя картины битвъ, но онъ вдохновлялся ими лишь на столько, на сколько нужно художнику, чтобы что-либо воспроизвести. Его точка зрѣнія выше пушкинской. Онъ оканчиваетъ слѣдующимъ размышленіемъ неподражаемыя боевыя сцены въ «Валерикѣ»:

Я думалъ: «Жалкій человѣкъ!
Чего онъ хочетъ?... Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ;
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ.... зачѣмъ?»

«О томъ, какъ свято чтилъ Лермонтовъ искусство, мы можемъ судить по его пѣснѣ «На смерть Пушкина», по драматической сценѣ: «Поэтъ, читатель и журналистъ», по превосходнымъ стихотвореніямъ: «Пророкъ», «Поэтъ» и по множеству повсюду разбросанныхъ мыслей.

«О томъ же, какъ глубоко зналъ онъ сердце человѣка, какъ вѣрно постигалъ свое время и какъ нераздѣльно слиты были въ немъ поэзія и жизнь, лучше всего свидѣтельствуетъ его полная божественнаго огня «Дума», начинающаяся словами:

«Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Межь тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно.»

«Говорить ли мнѣ», заключаетъ замѣтки свои Боденштедтъ: «что-либо еще о воспитаніи и познаніяхъ Лермонтова? Подробности его дѣтства въ точности мнѣ неизвѣстны. У всѣхъ, писавшихъ о немъ, было мало точныхъ и положительныхъ свѣдѣній и указаній объ этой эпохѣ его жизни. Вѣроятно, этотъ недостатокъ слѣдуетъ приписать кочевой его жизни и ранней кончинѣ, которыя не дали ни ему, ни другимъ времени и случая отмѣтить кой-какія біографическія черты. Кому можетъ придти въ голову освѣдомляться о школьной жизни и о дѣтскихъ похожденіяхъ только-что выступающаго поэта? Конечно, всѣ эти частности могутъ быть для многихъ интересны, но для оцѣнки Лермонтова, какъ поэта, можно обойдтись и безъ нихъ. Что̀ былъ бы это за поэтъ, если бъ ему нужно было засвидѣтельствовать свою ученость и образованіе школьными атестатами и учеными цитатами!

«Извѣстно, что Лермонтовъ училъ въ школѣ все, что требовалось къ экзамену, и что впослѣдствіи, по собственному побужденію, онъ основательно изучалъ исторію міра и природы. При этомъ, онъ, какъ и слѣдовало русскому аристократу, зналъ французскій и нѣмецкій языки, какъ свой собственный; а по-итальянски и англійски на столько, чтобы хорошо понимать любаго писателя.

«Къ Лермонтову, какъ нельзя лучше, примѣняется то, что Гёте замѣчаетъ относительно всѣхъ вообще людей, одаренныхъ художественными способностями, а именно, что они бываютъ обязаны своимъ образованіемъ главнымъ образомъ природѣ и самимъ себѣ. «Вамъ, педагоги», говоритъ онъ: «никогда не создать искуственно такого разнообразнаго поприща, на которомъ бы геній всегда находилъ достаточно мѣста для дѣятельности своихъ силъ и для наслажденія». Онъ же говоритъ, что «для генія правила вреднѣе примѣровъ».

Вотъ все, на что мы нашли нелишнимъ указать въ статьѣ Боденштедта. Намъ казалось, что не мѣшаетъ послушать и посторонняго голоса въ дѣлѣ, касающемся насъ. Не говоря уже о серьёзномъ изученіи нашей литературы и о любви къ ней нѣмецкаго переводчика Лермонтова, Пушкина и Кольцова, голосъ его заслуживаетъ вниманія и потому, что онъ изучалъ и видѣлъ русскую жизнь не изъ однихъ только книгъ, а на мѣстѣ. Онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи и на Кавказѣ. Когда онъ говоритъ о вѣрности изображеній кавказской природы и жизни въ произведеніяхъ Лермон-

тора, ему, не только временному жителю Кавказа, но и автору двухъ превосходныхъ сочиненій о его бытѣ и природѣ, нельзя не повѣрить. Намъ кажется, что онъ безпристрастнѣе нашихъ критиковъ отнесся и къ байронизму Лермонтова.

Если мы отложимъ въ сторону второй томъ новаго изданія «Сочиненій Лермонтова», въ которомъ нѣтъ почти ничего, назначеннаго самимъ авторомъ въ печать, мы вовсе не увидимъ въ Лермонтовѣ такого покорнаго подражателя Байрону, какого хотятъ во что бы то ни стало видѣть въ немъ. Демонъ, Печоринъ и Мцыри объясняются на столько же, если не болѣе, жизнью и личностью самого Лермонтова, на сколько вліяніемъ Байрона и его героевъ. Знать, какъ и чему учился въ дѣтствѣ Лермонтовъ, дѣйствительно не особенно важно для того, чтобы понимать и оцѣнивать его; въ этомъ нельзя не согласиться съ Боденштедтомъ. Но въ высшей степени было бы любопытно и важно для справедливой оцѣнки его направленія узнать въ подробности обстоятельства, которыя имѣли на него вліяніе въ дѣтствѣ. Въ небольшомъ примѣчаніи, помѣщенномъ въ выноскѣ къ почти-дѣтской драмѣ: «Странный человѣкъ», Лермонтовъ намекаетъ, что съ самыхъ раннихъ лѣтъ онъ былъ свидѣтелемъ семейныхъ страданій, несправедливостей и враждебныхъ отношеній, которыя не могли не ожесточить его противъ законовъ, правящихъ обществомъ, и противъ общества, признающаго подобные законы. При томъ необыкновенномъ размѣрѣ силъ, какимъ надѣлила его природа, при полной невозможности употребить ихъ въ дѣло, при пустотѣ среды, успѣвшей привить къ нему много своихъ недостатковъ, отъ которыхъ онъ еще не вполнѣ освободился и наканунѣ смерти, Лермонтовъ не могъ стать ничѣмъ инымъ, чѣмъ какимъ мы его видимъ. Вліянія Байрона могло и не быть: можетъ-быть стремленія и скорби его вылились бы тогда только въ нѣсколько иной формѣ. Лермонтовъ вправѣ былъ пророчески сказать о себѣ:

«Нѣтъ, я не Байронъ; я другой,
Еще невѣдомый избранникъ, —
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.»

Что совершилъ бы Лермонтовъ, если бъ молодая жизнь его не кончилась такъ трагически въ самомъ цвѣтѣ,—гадать безполезно; но все говоритъ въ его послѣднихъ произведеніяхъ, что въ немъ погибла одна изъ тѣхъ великихъ силъ, которыя, при полномъ и свободномъ развитіи своемъ, законно властвуютъ думами многихъ грядущихъ поколѣній.

Мы не брали на себя трудной задачи разбирать дѣятельность и

жизнь Лермонтова; намъ хотѣлось только указать нашимъ издателямъ на матеріалы, которыхъ нельзя упускать изъ виду, если хочешь добиваться библіографической полноты. Намъ кажется, что одно указаніе на существованіе въ нѣмецкомъ переводѣ болѣе десятка стихотвореній Лермонтова, неизвѣстныхъ русскимъ читателямъ и чрезвычайно важныхъ для его характеристики, было бы полезнѣе перепечатки нѣкоторыхъ безсознательныхъ грѣховъ юности, которыхъ онъ вѣроятно стыдился впослѣдствіи, и притомъ перепечатки безъ всякихъ объясненій.

Кромѣ двѣнадцати пьесъ, озаглавленныхъ у Боденштедта названіемъ: «Kleine Einfälle und Ausfälle», изъ которыхъ мы привели два-три, мы находимъ въ его книгѣ еще характеристическое стихотвореніе Лермонтова въ отвѣтъ на обвиненіе его въ недостаткѣ патріотизма, и пьесу, родственную по мотиву стихотворенію «Бѣлѣетъ парусъ одинокій» (*).

Въ изданіи «Сочиненій Лермонтова», вызвавшемъ эти замѣтки, мы встрѣтили между прочимъ пропускъ, на который укажемъ. Начало стихотворенія: «На буйномъ пиршествѣ задумчивъ онъ сидѣлъ» безъ заглавія не совсѣмъ понятно. Сколько намъ помнится, въ бывшей у насъ рукописи этого стихотворенія оно было озаглавлено: «Казоттъ».

Послѣ Лермонтова едва ли осталось много писемъ; но собрать ихъ было бы очень любопытно. Онъ вѣрно высказывался въ нихъ откровеннѣе, чѣмъ изустно. Что бы заняться этимъ кому нибудь изъ «нашихъ извѣстныхъ библіографовъ»: они сдѣлали бы полезное дѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ избавились бы насмѣшекъ, кромѣ которыхъ ничего не дождешься за изданія «Венекъ Каншоны» съ библіографическими примѣчаніями, за изслѣдованія тайнствъ Авиньйонскаго Братства, за жизнеописанія фрейлинъ Гамильтонъ, и за тому подобныя пролести.

Л.

(*) Эти пьесы принадлежатъ, по всей вѣроятности, къ послѣдней порѣ дѣятельности Лермонтова, такъ какъ Боденштедтъ говоритъ, что онъ получилъ ихъ частью отъ самого поэта, частью отъ одного изъ ближайшихъ друзей его. Мы вошли въ сношеніе съ Боденштедтомъ для полученія этихъ любопытныхъ тетрадей и, что будетъ можно, напечатаемъ изъ нихъ въ «Современникѣ».

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИЗМѢНЯЕМСЯ МЫ ИЛИ НѢТЪ? — ЖАЛѢТЬ ЛИ НАМЪ О НАШЕМЪ ПРОШЕДШЕМЪ? — ПРАВДА ЛИ, ЧТО ЦИВИЛИЗАЦІЯ ОСТАНОВИЛА НАШЕ САМОБЫТНОЕ РАЗВИТІЕ И ИСПОРТИЛА НАСЪ НРАВСТВЕННО? — ДОМОРОЩЕННЫЕ ФИЛОСОФЫ И ТЕОРЕТИКИ НА ПОПРИЩѢ ОБЩЕСТВЕННОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ. — НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ НАША ВЪ ТЕОРЕТИЧЕСКИХЪ ЗНАНІЯХЪ. — КРАТКАЯ, НО ПОУЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРІЯ НАШЕГО ОБРАЗОВАНІЯ. — ПОТРЕБНОСТЬ ГУМАННАГО РАЗВИТІЯ ВЪ НАШЕМЪ ОБЩЕСТВѢ. — ВОСКРЕСНЫЯ ШКОЛЫ, РАЗСМАТРИВАЕМЫЯ СЪ ЭТОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ. — ПРАЗДНЕСТВА НАШИХЪ ВЫСШИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ. — МЫСЛЬ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА О ПРАЗДНОВАНІИ ГОДОВЩИНЫ ЕГО ОСНОВАНІЯ НА БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ ВСѢМЪ МОСКОВСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ. — НАШИ ДРЕВНІЯ ПРАЗДНЕСТВА. — ПРЕИМУЩЕСТВО ИХЪ ПРЕДЪ НАШИМИ. — ПРЕИМУЩЕСТВО НАШИХЪ ПРАЗДНЕСТВЪ ПРЕДЪ ДРЕВНИМИ. — ОБѢДЕННЫЯ РѢЧИ И СПИЧИ. — ПЕРЕИМЧИВОСТЬ РУССКАГО НАРОДА. — АНГЛІЙСКІЯ РѢЧИ И СПИЧИ. — СМЫСЛЪ НАШИХЪ ОБѢДЕННЫХЪ РѢЧЕЙ И СПИЧЕЙ. — КОЕ-ЧТО ОБЪ ОРАТОРАХЪ И СЛУШАТЕЛЯХЪ НА ПРАЗДНЕСТВѢ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Прошелъ старый годъ, наступилъ новый. Повидимому все осталось, какъ было прежде. Стоитъ на своихъ мѣстахъ, увеселяя взоры москвичей, царь-колоколъ и царь-пушка. Красуется «Иванъ великій», какъ красовался назадъ тому двѣсти лѣтъ. «Сорокъ сороковъ» своимъ неизмѣннымъ мѣднымъ звономъ неумолкно гудятъ то же самое, что гудѣли и нашимъ предкамъ.

И все, какъ будто подражая этимъ старымъ памятникамъ, остается, повидимому, въ той же неизмѣнной, однообразной, привыч-

ной колеѣ, въ какой было и прежде. Разныя ученыя общества продолжаютъ по прежнему свои ученыя засѣданія, члены по прежнему или предлагаютъ свои глубокомысленные вопросы, или представляютъ еще глубокомысленнѣйшія изслѣдованія; секретари ведутъ исторію этихъ безсмертныхъ засѣданій, плоды которыхъ будутъ вкушать наши потомки. Самые вопросы стараются повидимому сдѣлаться неизмѣнными, пріобрѣсть право на безсмертіе. Варяги, хронографы, Ярославле сребро — явились на сцену и въ нынѣшнемъ году. Особенно порадовались мы появленію Ярославля сребра. Мы думали, что распростились съ этимъ вопросомъ окончательно въ прошедшемъ году навсегда — между тѣмъ онъ, подобно фениксу, явился еще юнѣе, чѣмъ былъ. Отыскалась новая монета съ надписью: Ярославле сребро. Въ споръ вмѣшались иностранные ученые. И пошла работа! Кто-то кого побѣдитъ—или г. Куникъ Кене, или г. Кене Куника?

Въ литературѣ г. Аскоченскій такъже крѣпко стоитъ за вѣру, какъ стоялъ прежде. Онъ заподозрилъ въ неправославіи даже о. архимандрита Өеодора, даже православное исповѣданіе. О журналахъ свѣтскихъ и говорить нечего. «Сына Отечества» онъ подозрѣваетъ не только въ католичествѣ, но даже въ жидовствѣ. Газеты, журналы, новыя книги продолжаютъ пѣть все прежнюю пѣсню — усовѣщиваютъ всѣхъ быть человѣками. «Будь—человѣкъ! Будь—человѣкъ!» слышится со всѣхъ сторонъ и на всѣ возможные тоны. И какъ за всѣмъ этимъ *человѣковъ* нигдѣ все еще не предвидится, то есть основаніе думать, что и газеты, и журналы, и книги долго еще будутъ пѣть ту же пѣсню. Въ частности — въ литературѣ все также идетъ пока попрежнему. Г. Аполлонъ Григорьевъ продолжаетъ писать свои ужасныя критики; г. Розенгеймъ пишетъ такіе же стихи, какъ и прежде, и чуть ли даже не длиннѣе, чѣмъ прежде; дѣйствительный членъ россійской академіи Борисъ Өедоровъ вѣроятно также пишетъ стихи, но если бы онъ началъ писать и прозой, то и это не было бы новостью; мы наслаждались его благоуханной прозой еще въ сороковыхъ годахъ. Мы порадовались было новому (такъ мы думали) роду литературы, изобрѣтенному М. И. Семевскимъ, который можно назвать *ученой беллетристикой*. Сочиняетъ эту *ученую беллетристику* М. И. слѣдующимъ образомъ: беретъ какой нибудь историческій памятникъ—обыкновенно изъ временъ Петра Великаго, стираетъ съ этого памятника все, что наложило на него характернаго время, языкъ, міросозерцаніе эпохи, подмалевываетъ его своимъ краснорѣчіемъ и сентенціями, и затѣмъ представляетъ публикѣ: «посмотрите, дескать, какую штуку я сдѣлалъ». И въ самомъ дѣлѣ выходитъ чортъ-знаетъ-что: ни историческій матеріалъ, ни

ученая статья, ни беллетристическій разсказъ. Мы думали, что это «чортъ-знаетъ-что» по крайней мѣрѣ новое; но оказалось, что оно и не новое. Кто-то, назадъ тому два или три года, подобные опыты тиранства надъ историческими памятниками производилъ еще въ «Сынѣ Отечества».

Въ нашей общественной жизни идутъ все тѣ же вопросы, что шли и прежде. Вопросъ о розгѣ все еще не рѣшенъ. Недавно одинъ штатный смотритель воронежскихъ училищъ придумывалъ: нельзя ли какъ нибудь матеріальное дѣйствіе розги, сообразно прогрессу вѣка, замѣнить моральнымъ? и предложилъ блестящую мысль: *вмѣсто наказанія дѣтей розгою—подводить только къ ней*. Мысль его была однако жь отвергнута совѣтомъ учителей и осталась безъ испытанія. Извѣстный нашъ педагогъ Н. И. Пироговъ съ своей стороны окончательно утвердился въ той мысли, что «розги еще не скоро выведутся изъ употребленія въ нашихъ закрытыхъ заведеніяхъ, хотя опытъ показываетъ, что обративъ вниманіе, предпринявъ нѣкоторыя мѣры и вооружась терпѣніемъ, можно безъ нихъ справиться даже въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ прежде это казалось невозможнымъ». При этомъ г. Пироговъ извѣщаетъ, что «онъ ввелъ въ гимназіяхъ кіевскаго учебнаго округа краткій кодексъ для учащихся и воспитателей, содержащій въ себѣ *правила о проступкахъ и наказаніяхъ*, и несмотря на многія его несовершенства, онъ (г. Пироговъ) твердо убѣжденъ, что кодексъ раньше или позже окажетъ вліяніе на нравственность воспитанниковъ, особливо, если воспитатели добросовѣстно постараются объ исполненіи предписанныхъ имъ правилъ». Это дѣтское *уложеніе* о наказаніяхъ тоже не новость. Г. Пироговъ давно уже замыслилъ его. Въ воронежскихъ ремесленныхъ заведеніяхъ, вмѣстѣ съ розгами, при наказаніи дѣтей съ отмѣнною пользою употребляются также *веревки, ремни, кулаки безъ счету, ременныя двухвостныя плетки*. Мы такъ робки, что даже и воронежскихъ усовершенствованій не смѣемъ отнести къ числу новостей. Россія такъ велика, что быть-можетъ есть и такія мѣста, намъ неизвѣстныя, въ которыхъ для поощренія дѣтей къ наукѣ, мастерству, труду и проч. употребляется даже *вдохновительный*, по счастливому выраженію князя Вяземскаго, *кнутъ*.

Въ акціонерныхъ обществахъ директоры по прежнему требуютъ дополнительныхъ взносовъ. Изъ акціонеровъ одни, разумѣется, со вздохами, но безмолвно вносятъ эти взносы. Другіе упираются, огрызаются, какъ было и въ прошедшемъ году, требуютъ отъ директоровъ отчета, — но деньги все-таки взносятъ. Директоры берутъ деньги и говорятъ: «Какіе отчеты? Читайте кассовыя книги; онѣ всѣмъ открыты». Акціонеры книгъ кассовыхъ, разумѣется, не

читаютъ и мало по малу свыкаются съ своимъ горькимъ положеніемъ. Новостію показалось намъ только-то, что директоры общества *«Сельскій Хозяинъ»*—гг. Бенардаки и Кокоревъ объявили, что *коммерція требуетъ нѣкоторой тайны*.

Мы доселѣ знали г. Кокорева, какъ самаго рьянаго поборника гласности, который, не довольствуясь гласностію на русскомъ языкѣ, гласилъ даже по-французски во услышаніе всей Европы, всего образованнаго міра. И вдругъ этотъ самый г. Кокоревъ, столпъ и опора русской гласности, пошатнулся, объявилъ торжественно, что коммерція требуетъ тайны,—но это бы еще ничего; какой-то философъ, помнится намъ, доказывалъ, что русскіе люди нырять любятъ сообразно обстоятельствамъ,—худо вотъ что, что г. Кокоревъ объявивъ открытое гоненіе на гласность, вмѣстѣ съ Бенардаки хочетъ за гласность тащить къ суду Ивана Васильевича Вернадскаго, объявляя и статью 2095 Т. XV Св. Зак., на основаніи которой такое влеченіе онъ учинить намѣренъ; между тѣмъ замѣтка, изъ-за которой подымаетъ шумъ рыцарь гласности, такъ легка и невинна, что даже мы на мѣстѣ г. Кокорева, мы, которыхъ обвиняютъ въ несимпатизированіи гласности, никогда не вышли бы такъ неблагоразумно изъ себя и не обнаружили бы, къ удовольствію нашихъ враговъ, нашихъ сокровенныхъ симпатій и антипатій. Вотъ что только и замѣтилъ Иванъ Васильевичъ Вернадскій въ 50 выпускѣ своего «Экономическаго Указателя» объ обществѣ «Сельскій Хозяинъ: «дѣла этого общества, не смотря на объявленіе гг. Бенардаки и Кокорева, не блистательны; такой выводъ по крайней мѣрѣ можно сдѣлать, если прислушаться къ толкамъ, возбужденнымъ въ торговомъ мірѣ по-поводу предстоящаго взноса по 25 р. за акцію. Тайну же, о которой такъ хлопочутъ ея директоры, нѣкоторые объясняютъ довольно просто. Сумма, которая должна быть взнесена акціонерами, единственно по настоянію одного изъ директоровъ, въ такомъ количествѣ вовсе пока ненужна на операціи общества, и пойдетъ будто бы на что то другое. Многіе полагаютъ, что можно было бы обойтись или совершенно безъ взноса, или же со взносомъ не болѣе 10 рублей серебромъ». Противъ этой краткой замѣтки гг. Кокоревъ и Бенардаки разразились ужаснѣйшей филиппикой. Но намъ нѣтъ дѣла до этой филиппики, мы обратили на нее вниманіе только потому, что намъ показалось капитальною новостію, что г. Кокоревъ вооружился не обожаемую имъ гласность; мало того, объявилъ, что за гласность будетъ влачить гласителей къ суду. Но по нѣкоторомъ размышленіи мы нашли, что и это не новость. Читатель припомнитъ кой-какія соображенія, сдѣланныя «Свисткомъ» въ его *«Опытѣ отученія людей отъ пищи»*—о любви къ гласности г. Кокорева.

И такъ, повидимому, все остается точно такимъ же, какимъ было прежде.

Но все это только повидимому. Мы, напоенные философіею отъ ногтей юности и недавно въ ней утвержденные тремя бесѣдами П. Л. Лаврова, никакъ не можемъ успокоиться на этой видимости. «Въ этомъ существѣ (нашемъ *я*),—говоритъ П. Л. Лавровъ, — постоянно съ перваго взгляда, мы замѣчаемъ неудержимый процессъ преобразованія. Каждое мгновеніе уноситъ что нибудь изъ моего вчерешняго бытія; каждое мгновеніе готовитъ во мнѣ завтрашняго человѣка». Къ этой совершенно несомнѣнной мысли намъ остается прибавить только, что каждое мгновеніе, дѣйствуя такимъ образомъ относительно единицъ, точно такимъ же образомъ дѣйствуетъ и относительно суммы этихъ единицъ, т. е. каждое мгновеніе, уносясь въ вѣчность, вмѣстѣ съ тѣмъ что нибудь прибавляетъ или видоизмѣняетъ и въ жизни обществъ. А ужь о годахъ, столѣтіяхъ и говорить нечего. Лучшимъ зеркаломъ для повѣрки постоянной измѣнчивости жизни обществъ можетъ служить языкъ. Безчисленное множество словъ досталось намъ въ наслѣдство отъ нашихъ предковъ, и притомъ самыхъ древнихъ нашихъ предковъ. И слова эти остаются неизмѣнны доселѣ. Повидимому тѣ же самыя понятія, какія обозначали ими наши предки, обозначаемъ и мы. Но переберите слова, которыя выражаютъ моральную сторону нашей жизни, которыя выражаютъ общественныя отношенія, вы не найдете десятка словъ, въ которыхъ сохранились бы тѣ же самыя понятія по объему и по содержанію, какія соединяли съ этими словами наши предки. Каждый вѣкъ, или, лучше сказать, каждое столѣтіе соединяетъ съ этими словами свой смыслъ. Проходитъ одно поколѣніе, наступаетъ другое. На тѣ же самые предметы оно приноситъ новые взгляды, новыя міросозерцанія — и вноситъ эти взгляды и міросозерцанія въ тѣ же самыя слова, — и люди обманываются этимъ, думаютъ, что у нихъ остается то же, что было. Жизнь общественная измѣняется также непримѣтно, неуловимо, какъ и жизнь каждаго индивидуума. Безконечная, иногда ничѣмъ незаполнимая бездна—существуетъ между понятіями, убѣжденіями, воззрѣніями въ различныхъ возрастахъ одного и того же лица. А между тѣмъ никто не укажетъ даже и приблизительно времени преемства или смѣны одного порядка міросозерцанія другими, новыми. Никто не опредѣлитъ моментовъ духовнаго своего роста, точно такъ, какъ никто не опредѣлитъ и моментовъ роста физическаго. Мало того, кто не привыкъ наблюдать за собою, анализировать себя, тотъ часто не примѣчаетъ перемѣны въ себѣ на разстояніи цѣлыхъ десятковъ лѣтъ. Ему кажется, что онъ все тотъ, что и былъ назадъ 10, 15, 20 л. Сѣдые волосы, морщины,

слабѣющіе члены организма иногда не въ состояніи убѣдить человѣка, что онъ измѣнился физически... Молодящіеся старички и старушки не всегда смѣшны... они чаще наивны. Еще труднѣе примѣчаются перемѣны жизни внутренней, которыя не обозначаются никакими вещественными, наглядными признаками. Въ самомъ сознаніи нашемъ онѣ не наростаютъ какими нибудь преемственными пластами или слоями, которые были бы постоянно присущи сознанію. Напротивъ, новыя понятія, убѣжденія, воззрѣнія, вытѣсняя старыя, имъ противорѣчащія, съ остальными сливаются въ одно, — и всѣ вмѣстѣ выражаютъ жизнь нашего я только въ настоящемъ. Кто наблюдалъ за собою, тотъ знаетъ, что какъ бы мы долго ни жили, въ сознаніи нашемъ жизнь представляется самымъ краткимъ періодомъ времени. Кромѣ настоящаго или недавно бывшаго, ничто не имѣетъ въ немъ силы живыхъ впечатлѣній. Прошедшія и радости и огорченія, когда-то самыя жизненныя, погребаются въ немъ, какъ въ гробѣ, и воспоминаніе часто послѣ долгихъ усилій едва можетъ вызвать ихъ вновь передъ сознаніе. Точно также непримѣтно и неуловимо одинъ потокъ жизни смѣняется другимъ и въ жизни обществъ. Сила живыхъ впечатлѣній остается и здѣсь только за настоящимъ или недавно бывшимъ.

Какъ однакожь ни ровно и ни спокойно совершается преемство внутреннихъ перемѣнъ въ жизни индивидуальныхъ личностей, оно однакожь все-таки совершается. Фактъ есть, слѣдовательно бываютъ и моменты, когда это происходитъ, и явленія, совершающіяся въ эти моменты, выражающія переходъ жизни въ другой фазисъ своего развитія. Подмѣтить ихъ, конечно, трудно. Но кто внимательно наблюдалъ за собою, тотъ можетъ припомнить въ своей жизни болѣе или менѣе продолжительные періоды неопредѣленныхъ томленій, желаній, недовольства собою, своимъ настоящимъ и прошедшимъ, періоды, которыми прерывалось обычное настроеніе его духа, даже обычный ходъ занятій. Мы объясняемъ эти періоды въ нашей жизни обыкновенно или физическими причинами, т. е. состояніемъ нашего организма, или какими нибудь неблагопріятными отношеніями къ намъ той среды, въ которой мы вращаемся. Хандра, тоска, огорченія... вотъ обыкновенныя названія для этихъ состояній. Тѣмъ они дѣйствительно часто и бываютъ. Но иногда они именно составляютъ переходную эпоху въ жизни индивидуумовъ отъ одного прожитаго ими состоянія къ другому, новому.

Такъ часто обозначаются переходныя эпохи и во всякомъ обществѣ. Является какое-то общее недовольство настоящимъ... общее исканіе чего-то другаго, новаго... Всѣ чувствуютъ себя какъ-то неловко. Въ такомъ положеніи находится въ настоящее время и наше об-

щество. Мы видимъ, что всюду происходятъ преобразованія... Основы прежней жизни признаются несостоятельными... Всѣ ищутъ, ждутъ чего-то другаго, лучшаго. Чтò изъ всего этого выйдетъ—сказать трудно. Несомнѣнно одно, что мы должны идти вмѣстѣ съ вѣкомъ.

Это замѣчаемъ не мы одни, — это замѣчаютъ всѣ. Жалѣть ли намъ о нашемъ прошедшемъ, или радоваться, что оно исчезаетъ?

Что касается до насъ, то мы мало видимъ привлекательнаго въ старомъ порядкѣ нашей жизни, и думаемъ, что чѣмъ скорѣе исчезнетъ онъ, тѣмъ будетъ лучше. Хуже того, что было — вѣрно не будетъ. Но у насъ есть много сторонниковъ и поклонниковъ старины, которые на старый бытъ смотрятъ совсѣмъ другими глазами. Постепенное исчезновеніе его они оплакиваютъ точно также, какъ нѣкогда восторженные любители пластики въ Германіи оплакивали паденіе язычества,—и вслѣдствіе этого не совсѣмъ дружелюбно смотрятъ на цивилизацію, разрушающую основы нашего прежняго быта. Они говорятъ: «цивилизація не принесла намъ ничего хорошаго. Она только испортила насъ. Не имѣя ея, мы были бы, быть можетъ, невѣжественнѣе, но за то были бы своеобразнѣе и нравственнѣе, чѣмъ теперь. Современемъ просвѣщенія мы достигли бы самисобою, но при этомъ сохранили бы нашу народную оригинальность и наши добрые нравы.»

Мы думаемъ, напротивъ, что мысль о возможности самобытнаго для насъ развитія есть чистая иллюзія, которую исторически оправдать едва ли возможно. Проживъ болѣе восьми вѣковъ со времени основанія русскаго государства, мы не имѣли училищъ, да и нужды въ нихъ не чувствовали; кромѣ развитія религіознаго, мы не имѣли въ то время рѣшительно никакого, но и религіозное развитіе было такъ слабо и незначительно, что наше лучшее тогдашнее общество серьёзно было занято споромъ о томъ: какимъ крестомъ должно молиться — двухперстнымъ или трехперстнымъ? Самобытность развитія бываетъ удѣломъ не всякаго народа; оно зависитъ отъ тѣхъ или другихъ историческихъ условій жизни народной? Китай считаетъ свое существованіе десятками вѣковъ, но онъ въ такомъ же окаменѣломъ состояніи, въ какомъ находится теперь, можетъ пробыть еще и сотни вѣковъ, если толчокъ сторонній не разобьетъ формъ его настоящаго быта, подавляющихъ всякое свободное движеніе мысли. Съ того времени, какъ Москва убила слабую инниціативу свободнаго русскаго развитія и сжала народъ въ своихъ крѣпкихъ объятіяхъ, изолировавъ его отъ непосредственнаго сношенія съ Европой, — для насъ исчезла надежда не

только на самобытное, но и на какое бы то ни было развитіе. Петръ, сблизивъ Россію съ Европой, далъ свободный входъ къ намъ западному просвѣщенію и тѣмъ снова возбудилъ надежды на возможность нашего развитія въ будущемъ. Мы говоримъ — въ «будущемъ», потому что Петръ имѣлъ въ виду не *человѣческое* наше развитіе; онъ смотрѣлъ на просвѣщеніе не какъ на вѣчный прогрессъ свободнаго развитія человѣческаго духа, а какъ на служебное орудіе для цѣлей государственныхъ. Черезъ просвѣщеніе онъ хотѣлъ добыть хорошихъ плотниковъ, солдатъ, чиновниковъ и т. д. Тѣмъ не менѣе наше тѣсное сближеніе съ иностранцами, упроченное навсегда Петромъ, должно было рано или поздно дать толчокъ свободному развитію нашего духа. Итакъ, надежда на самобытное развитіе исчезла для насъ не съ появленіемъ у насъ европейской цивилизаціи, а съ утвержденіемъ московскаго государства,—явившаяся же цивилизація, напротивъ, воскресила снова оставшееся для насъ свободнымъ еще какое нибудь развитіе.

Сдѣлались ли мы отъ цивилизаціи хуже, чѣмъ были? Не думаемъ. Какъ мы ни дурны въ настоящее время, но дикость нравовъ прошедшаго ужасаетъ и насъ. Насъ пронимаетъ дрожь при одномъ воспоминаніи о дыбахъ, вискахъ, рѣзаніи носовъ, ушей, языковъ, закапываніи живыхъ людей въ землю и т. п. Не менѣе ужасна дикость пороковъ и преступленій прошедшаго. Но мы не будемъ перечислять ихъ здѣсь. Мы знаемъ, что поклонники старины скажутъ намъ, что есть много дикихъ пороковъ и преступленій и теперь, свѣдѣнія о которыхъ рѣдко и съ трудомъ доходятъ до насъ. Мы и не отрицаемъ этого. Мы вовсе не имѣемъ намѣренія быть абсолютными апологистами настоящаго. Мы смотримъ на него какъ на продолженіе все еще прежняго порядка жизни, и если находимъ въ немъ какое нибудь преимущество передъ прошедшимъ, такъ только въ томъ, что въ своихъ лучшихъ представителяхъ оно сознало несостоятельность началъ и основъ прежней жизни. Мы не можемъ отрѣшиться вдругъ отъ нѣкоторыхъ не совсѣмъ гуманныхъ качествъ, наслѣдованныхъ нами отъ предковъ, качествъ, которыя наростали въ жизни нашей въ теченіе столѣтій и крѣпко срослись съ нею. Но мы начинаемъ стыдиться этихъ качествъ, краснѣемъ за нихъ, и не блистаемъ ими при дневномъ свѣтѣ, какъ доблестями. Мы остаемся очень не непорочными въ душѣ, — но вовсе не желаемъ выставлять этого на показъ другимъ. Напротивъ, мы являемся всюду людьми приличными, благопристойными, порядочными, какъ прилично истиннымъ прогрессистамъ.

Если большое достоинство наше состоитъ уже и въ томъ, что мы не хотимъ унизиться до пороковъ нашихъ предковъ, то еще боль-

щее достоинство наше состоитъ въ томъ, что мы не хотимъ возвыситься до ихъ добродѣтелей.

Говоря справедливо, пороки нашихъ предковъ менѣе ужасаютъ насъ, чѣмъ сколько ужасаютъ насъ ихъ добродѣтели. Иванъ IV, проповѣдующій красоту монашества и пополняющій синодики церквей и монастырей именами *избіенныхъ* имъ; Борисъ Годуновъ, шествующій на богомолье къ Троицѣ-Сергію пѣшкомъ—и онъ же несущій своего малолѣтняго единственнаго сына въ холодную пору зимою, вопреки совѣту иностранныхъ докторовъ, въ церковь и поящій его тамъ холодною святою водою, съ теплою, конечно, вѣрою въ помощь божественную, — наконецъ Сильвестръ, славный при дворѣ Ивана IV своимъ умомъ и добродѣтелями, передовой человѣкъ своего времени, совѣтующій всякому хорошему хозяину ударить свободнаго слугу, въ случаѣ ссоры сего послѣдняго съ сторонними людьми, «для избѣжанія вражды и убытка», хотя бы слуга былъ и правъ; тотъ же Сильвестръ, совѣтующій каждому отцу бить сына младенца, не ослабѣвая, совѣтующій наконецъ въ случаѣ вины жены, сына, дочери, если «слово или наказаніе не уйметъ, то плетью постегать, а побить не передъ людьми, наединѣ: а по уху, по лицу не бить, ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ, ни посохомъ не колотить и ничѣмъ желѣзнымъ или деревяннымъ, а если вина велика, то снявъ рубашку, плеткою вѣжливенько побить, за руки держа», — всѣ эти картины добродѣтели поразительны и отвратительны для насъ по своему безобразію. Мы, сторонники цивилизаціи, можемъ быть въ дѣйствительности пошлы, ничтожны, порочны, но мы не можемъ дойдти ни до такого художественно-наивнаго ханжества, ни до такой пошлости въ нашихъ идеалахъ. Это неважное, повидимому, различіе—составляетъ великую разницу между нашимъ настоящимъ и прошедшею жизнію нашихъ предковъ. У насъ есть сознаніе, что мы не то, чѣмъ быть должны, есть идеалъ, къ которому мы стремимся, и слѣдовательно есть надежда современемъ стать на ряду съ образованными народами. У нашихъ предковъ такой надежды не было. Идеалъ ихъ—это «домостроевское» устройство жизни—былъ почти такъ же грязенъ, какъ и самая жизнь. Мы не хотимъ сказать этимъ, чтобы и въ тѣ жалкія времена не являлось иногда отдѣльныхъ личностей, которыя чрезъ собственное разумѣніе вырабатывали для себя другія воззрѣнія на жизнь, ближе подходящія къ нашимъ понятіямъ, чѣмъ воззрѣнія «Домостроя»; но мы беремъ сознаніе лучшаго передоваго общества, а не отдѣльныхъ личностей; подобныя личности были аномаліями для современнаго имъ общества, точно также, какъ аномаліи для нашего общества «люди домо-

строевскіе»; и хотя ихъ у насъ еще десятки милліоновъ, но мы смотримъ на нихъ, какъ на антики, оставшіеся намъ въ наслѣдство отъ прошедшаго, — и такова сила истины, что мы нимало не сомнѣваемся, что исчезнутъ милліоны домостроевскихъ типовъ, и ихъ мѣсто займутъ новые типы, созданные по идеалу, выработанному цивилизаціей, какъ ни малочисленны въ настоящее время послѣдніе.

Читатель видитъ, что нѣтъ никакихъ причинъ питать особенныхъ симпатій къ прошедшему. Пусть продолжаются преобразованія... Пусть исчезаетъ оно.

Да не подумаетъ кто нибудь, что мы имѣемъ пристрастіе къ какимъ нибудь исключительнымъ воззрѣніямъ, что вслѣдствіе этого мы страдаемъ нетерпимостью, ригоризмомъ и т. п. Напротивъ, мы отдаемъ должную честь человѣческой мысли во всѣхъ ея проявленіяхъ. Мы уважаемъ всѣ направленія, начиная отъ духовнѣйшаго спиритуализма до крайняго скептицизма и матеріализма, если только эти убѣжденія выработаны въ человѣкѣ наукою и размышленіемъ. Какихъ бы мы сами воззрѣній ни держались, но мы всякому противнику нашихъ воззрѣній, и слѣдовательно съ нашей точки зрѣнія заблуждающемуся, но добросовѣстно трудящемуся, добросовѣстно въ чемъ бы то ни было убѣжденному, протягиваемъ нашу руку, какъ брату. Если онъ заблуждается, то заблуждается для истины. Быть можетъ онъ представляетъ примѣръ заблужденія очень печальный, — но для человѣка возможный, и потому самому уже необходимый въ исторіи человѣческаго развитія для всесторонняго уясненія истины, для полнаго торжества ея. Заблужденія такого рода, до какихъ бы крайностей они ни доходили, не могутъ приносить существеннаго вреда, — потому что они держатся на основаніяхъ, которыя могутъ быть изучаемы, повѣряемы, оцѣниваемы, и если они дѣйствительно заблужденія, то не могутъ не пасть при свѣтѣ истины.

Но мы ненавидимъ ненавистью самою искреннею литературныхъ и не литературныхъ звонарей, барабанщиковъ, алармистовъ, которые не утомляютъ своего мозга никакими мыслями, которые не имѣютъ никакихъ, ни ими самими выработанныхъ, ни чужихъ, прочно усвоенныхъ ими воззрѣній или убѣжденій, — которые имѣютъ только даръ краснобайства, или просто *байства*, и между тѣмъ никогда не стѣснятся проповѣдывать, съ видомъ самымъ глубокомысленнымъ, какую угодно нелѣпость, какъ мысль науки или какъ добытую ими истину. Когда мы пишемъ эти строки, намъ невольно приходитъ на мысль одинъ — литераторъ ли, ученый ли — какъ хотите назовите, — но человѣкъ, написавшій какую-то книгу, ко-

торую многіе находятъ очень хорошею. Мы охотно этому вѣримъ, потому что для написанія нѣкоторыхъ очень хорошихъ книгъ не требуется никакого ума, въ высшемъ и благороднѣйшемъ значеніи этого слова, а нужна только извѣстнаго рода силлогизація, которая нужна и для обдѣлыванія разнаго рода дѣлишекъ, и для канцелярскихъ бумагъ и т. д. Литераторъ этотъ или ученый сложенъ завидно; грудь и легкія его безподобны, голосъ его звучитъ, какъ боевая труба. Черезъ нѣсколько комнатъ я слышу этотъ потрясающій голосъ, — и какихъ знаній, какихъ теорій, какихъ глубокомысленныхъ идей не доноситъ онъ до меня! Въ обширной области знанія нѣтъ предмета, о которомъ не взялся бы говорить этотъ господинъ, если не съ видомъ знатока, то съ видомъ человѣка мыслящаго, — о чемъ бы онъ ни говорилъ, ерунда глубокимъ и неудержимымъ потокомъ льется изъ его устъ. Слушая эту безостановочную и нескончаемую трескотню словъ и фразъ, недоумѣваешь: обитала ли въ этой головѣ, которая называется человѣческою и которая сочинила цѣлую книгу, когда нибудь разумная, свѣтло-сознанная человѣческая мысль? Впрочемъ, для чего я привожу этотъ примѣръ? Развѣ это одинъ и есть только примѣръ? Развѣ ихъ около насъ не многое множество? Развѣ и я, и вы—подчасъ дѣлаемъ не то же самое? Да еще какъ! Вообще, съ легкой руки П. Л. Лаврова, котораго да проститъ Аллахъ за его невинныя упражненія въ самостоятельныхъ философскихъ построеніяхъ, — мы сдѣлались философами самыми неизлечимыми. О чемъ мы не говоримъ тономъ знанія самаго рѣшительнаго? И о спиритуализмѣ, и пантеизмѣ, и скептицизмѣ, и матеріализмѣ, и гегелизмѣ,—и однимъ словомъ, о какомъ угодно *измѣ*; и обо всемъ вѣдь этомъ говоримъ, ничему не учась, все отъ своего чрева. И все это П. Л. Лавровъ поставилъ насъ на ноги. Онъ намъ напомнилъ, что Журденъ у Мольера не учась говорилъ прозой.

«Боже!» думаемъ мы: «что, если бы въ храмъ россійской науки пришелъ тотъ строгій учитель, который не любилъ, чтобы въ храмахъ были продающіе и купующіе, — что бы было съ нами?»

Это говоримъ мы для васъ, читатель. Когда вы примѣтите, что мы начнемъ становиться очень глубокомысленными или очень зафилософствуемся, то вы не слишкомъ намъ вѣрьте. По нашимъ краснымъ словамъ не судите ни о теплотѣ нашего сердца, ни тѣмъ болѣе о глубинѣ и широтѣ нашихъ знаній. Мы знаемъ очень и очень немного, и сейчасъ вамъ разскажемъ, отчего это съ нами случилось.

Реформа Петра раздѣлила русскій народъ на двѣ весьма нерав-

нья половины: одна, состоявшая изъ десятковъ милліоновъ, вовсе не приняла реформы; другая, по числу незначительная, приняла ее совершенно внѣшнимъ образомъ. Петръ вводилъ реформу не по какому нибудь теоретическому принципу. Петръ былъ чистый практикъ. Мы даже замѣтили, что реформа нужна была ему, какъ средство для пріобрѣтенія матросовъ, солдатъ, ремесленниковъ и т. д. Петръ и достигъ своей цѣли. Но запасшись солдатами, мастеровыми, чиновниками и т. д., Петръ не позаботился запастись людьми. Люди, тронутые реформой, внѣ служебнаго взгляда на реформу, поняли реформу, какъ перемѣну платья, какъ удобство для комфорта, какъ привиллегію для господства надъ другими. Бросивъ старыя вѣрованія, старую мораль, старые обычаи, какъ вещи устарѣвшія, они однакожъ не запаслись никакими новыми убѣжденіями; въ науку западную они и не заглядывали. Произволъ, насиліе, тунеядство, монгольство, распутство являлись единственными украшеніями этихъ людей реформы. Съ этой стороны плоды реформы понравились очень многимъ. Благодаря табели о рангахъ, полѣзли всѣ, кто могъ, для пріобрѣтенія благороднаго титла, чтобы выдѣлиться изъ ряда другихъ и давить другихъ. Хуже нельзя было профанировать цивилизаціи, какъ профанировало ее наше барство и чиновничество въ продолженіе слишкомъ ста лѣтъ въ глазахъ народа. Народъ съ ужасомъ отшатнулся отъ этихъ цивилизаторовъ, и съ своей точки зрѣнія призналъ появленіе ихъ несомнѣннымъ признакомъ наступленія царства антихриста. Съ этимъ образомъ народъ соединялъ понятіе о всемъ самомъ ненавистномъ, самомъ враждебномъ, что только когда нибудь могло случиться въ его жизни. И намъ трудно обвинять народъ за такое отношеніе его къ реформѣ. Какъ ни невѣжественна, ни дика была старина, но она имѣла всетаки какія нибудь человѣческія основы; люди реформы явились съ одними отрицаніями. Они гнали и попирали все, что народъ вѣками привыкъ считать священнымъ и неприкосновеннымъ, — а между тѣмъ по жизни, по дѣятельности, по отношенію къ народу, являлись не только не лучшими, но большею частью гораздо худшими людей старины. Долго было бы разсказывать, отчего истинное образованіе не могло долго привиться къ людямъ, тронутымъ реформой? Довольно сказать, что всѣ обстоятельства сложились такъ, что до очень недавняго времени люди цивилизованные предъ нецивилизованными имѣли только отличіе въ грамотности, костюмѣ, удобствахъ жизни, порокахъ, злоупотребленіяхъ, и ни въ чемъ больше. Дикость и невѣжество были общія. Элементарное образованіе въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, при невѣжественной

средѣ общественной, при невѣжествѣ учителей, не давало человѣческаго образованія. Самыя высшія заведенія, при тѣхъ же условіяхъ, приносили не много плодовъ въ этомъ родѣ. Крупный чинъ, хорошее мѣсто по военной или по штатской—были цѣлью образованія. Желающихъ познакомиться съ состояніемъ и тенденціями нашихъ заведеній и *со многимъ прочимъ*—отсылаемъ къ любопытнымъ «Воспоминаніямъ» г. Панаева. Къ этому мы прибавимъ только, что и писатели наши не блистали образованіемъ. Исключеніе составляли личности очень немногія.

Понятно, какія лепты должны были понести на алтарь своего отечества люди, образованные подобнымъ образомъ (мы разумѣемъ не писателей только, а всѣхъ вообще образованныхъ людей), когда настало время преобразованій, когда потребовалось знаніе наукъ философскихъ, соціальныхъ, экономическихъ и т. д. Какія изъ разныхъ концовъ Россіи должны были раздаться доморощенныя теоріи о разныхъ предметахъ, вызывавшихъ на размышленіе! Отсталость въ наукѣ, въ искусствѣ, въ жизни встрѣчается у насъ на каждомъ шагу, и свидѣтельствуетъ о самомъ миломъ нашемъ невѣжествѣ, когда дѣло касается предметовъ умозрѣнія. Здѣсь ужасаетъ васъ не вольномысліе сужденій, а положительное отсутствіе здраваго смысла. Во всякомъ философѣ такъ и представляется гоголевскій Амосъ Ѳедоровичъ, «до всего дошедшій собственнымъ умомъ».

Можетъ быть не было времени, когда бы Россія такъ нуждалась въ людяхъ свѣдущихъ, фундаментально образованныхъ, какъ нуждается она теперь. А придетъ скоро время, когда эта потребность сдѣлается еще настоятельнѣе. И однакожь этихъ желанныхъ въ будущемъ людей пока не предвидится. Къ сожалѣнію, тѣмъ же самымъ порокомъ, какимъ страдали предшествующія поколѣнія, т. е. нежеланіемъ учиться серьёзно и основательно, страдаетъ и поколѣніе молодое. Такъ представляется по крайней мѣрѣ по видимости. Въ университетахъ находится, говорятъ, множество праздныхъ каѳедръ, которыхъ некѣмъ замѣстить; самостоятельныхъ ученыхъ трудовъ, которые бы отвѣчали современному настроенію общества, въ литературѣ вовсе не является; нѣтъ даже такого философскаго броженія, какое было въ сороковыхъ годахъ, и которое приготовило дѣятелей настоящаго времени.

Вообще, научное движеніе въ сороковыхъ годахъ было у насъ какъ-то дружнѣе, серьёзнѣе, глубже, чѣмъ въ настоящее время, и принесло много добра для общества, хотя само общество было менѣе требовательно. Нынѣ общество стало требовательнѣе, заявляетъ

свои настоятельныя потребности, требуетъ науки... и отзывовъ ему нѣтъ.

Однакожь, какъ же быть? — Невозможно же разрушать старое, не полагая въ замѣнъ ему ничего новаго.

На это мы будемъ отвѣчать вотъ что: всякое общество, кромѣ потребности во множествѣ теоретическихъ разнаго рода знаній, еще болѣе нуждается въ развитіи гуманномъ,—а наше общество въ этомъ именно нуждается по преимуществу. Конечно, гуманное развитіе зависитъ отъ гуманныхъ воззрѣній, которыя также должны утверждаться на какомъ нибудь теоретическомъ построеніи. Но если гдѣ, не зная теоріи, менѣе всего можно опасаться погрѣшить противъ нея, такъ это именно въ вопросѣ о гуманности. Гуманизмъ — это быть можетъ единственный пунктъ, въ которомъ сходятся всѣ религіозныя ученія (христіанскія), всѣ философскія и другія теоріи. Равноправность всѣхъ людей на правду общественныхъ отношеній, на неприкосновенность правъ личности, чести, собственности каждаго, независимо отъ того или другаго его общественнаго положенія — какое найдется ученіе, которое бы стало подрывать эти вѣчныя истины? — Какое намъ дѣло до того, что разныя теоріи утверждаютъ эти истины на разныхъ основахъ, — одинъ говоритъ: «уважайте человѣка потому, что онъ созданъ по образу и подобію Божію», другой—«потому, что онъ самъ божество», третій—«что онъ братъ нашъ», четвертый — «что благосостояніе общества безъ этого невозможно»; П. Л. Лавровъ — что цѣль всего есть наслажденіе, и что цѣль мышленія даже есть наслажденіе процессомъ мышленія, потому что безъ уваженія правъ другихъ невозможно наше собственное наслажденіе, и т. д. Какое, говоримъ мы, намъ дѣло до всѣхъ этихъ теоретическихъ ухищреній? Въ данномъ случаѣ для насъ важна одинаковость практическихъ выводовъ. Благополучіе обществъ и людей зависитъ не отъ признанія тѣхъ или другихъ теорій гуманизма, а отъ практическаго примѣненія гуманныхъ воззрѣній въ своей жизни и отношеніяхъ къ другимъ.

Вотъ почему мы хотя и глубоко уважаемъ ученость абсолютную, а слѣдовательно и ученыя засѣданія нашей академіи, и еще глубже уважаемъ труды ея, и твердо увѣрены, что труды эти ни въ чемъ не уступятъ трудамъ первоклассныхъ европейскихъ ученыхъ, но по нашему невѣжеству болѣе сочувствуемъ тѣмъ мелкимъ и незначительнымъ сочиненіямъ, которыя разливаютъ просвѣщеніе въ народныхъ массахъ, пріохачиваютъ ихъ къ ученью, развиваютъ гуманность. Нѣтъ сомнѣнія, что мы жестоко ошибаемся, нѣтъ сомнѣнія, что потомство не обратитъ никакого вниманія на нашу жизнь, какъ

мы не обращаемъ никакого вниманія на жизнь нашихъ предковъ. Какое ему, потомству нашему, дѣло до того, какъ мы жили, какъ страдали, хорошо ли было намъ или худо? Оно прежде всего схватится за засѣданія ученыхъ обществъ, за ученыя изслѣдованія, и скажетъ: «въ этомъ вѣкѣ вопросъ о варягахъ вступилъ въ новый фазисъ своего развитія, поднятъ вопросъ о Ярославлѣ сребрѣ, возбужденъ вопросъ о хронографахъ, явился ученый трудъ описанія новгородскихъ древностей, по своей эрудиціи не уступающій безсмертнымъ комментаріямъ на Слово о Полку Игоревѣ и на Правду Русскую и т. д., — слѣдовательно, въ вѣкѣ томъ была любовь и стремленіе къ просвѣщенію. Наше самолюбіе не даетъ намъ покою; оно непрестанно твердитъ намъ: примкните къ какому нибудь ученому обществу, восхваляйте науку an und für sich, — потомство васъ не забудетъ. Какъ ни обольстителенъ для насъ этотъ голосъ, но мы бѣжимъ его и продолжаемъ попрежнему сочувствовать другой учености, а за неимѣніемъ ея, соцчиненіямъ, просто не имѣющимъ никакой претензіи на ученость. И не то, чтобы мы имѣли какія нибудь глубокія основанія поступать такъ.... Нѣтъ, мы дѣлаемъ это по слабости нашего сердца, а можетъ быть даже по слабости нашихъ нервовъ. Намъ больно и тяжело бываетъ слышать, что въ нашемъ образованномъ отечествѣ на желѣзныхъ дорогахъ — этомъ привилегированномъ пути цивилизованныхъ націй — благородные люди бьютъ женщинъ, чего не дѣлали даже и предки, ибо и предки наши, какъ извѣстно по «Домострою», били только своихъ женъ, да и не били впрочемъ, а постегивали *вѣжливенько* плеткой, поднявъ рубашку, и притомъ не на дорогахъ, а въ своихъ спальняхъ; что просвѣщенные попечители святилищъ нашего просвѣщенія, какъ кн. С. въ Бѣлгородѣ, все еще не рѣшили вопроса о томъ, могутъ ли двуногіе, носящіе званіе учителей уѣздныхъ училищъ, быть признаваемы за людей, или нѣтъ; что не менѣе просвѣщенные также педагоги наши, хотя и начинаютъ склоняться на сторону того мнѣнія, что дѣтей сѣчь не слѣдуетъ, но все еще не рѣшили вопроса о томъ, можно ли совершенно обойтись безъ розги — безъ подведенія къ ней дѣтей, безъ показыванія ея дѣтямъ, безъ нюханія ея и т. д. Въ настоящее время, когда мы пишемъ эти строки, чувствительность нашихъ нервовъ особенно возбуждена. Мы прочли слѣдующую тираду въ № 5 «Русской Рѣчи» изъ письма воронежскаго корреспондента, г. Жаркова:

«Ревизіею ремесленныхъ заведеній (въ г. Воронежѣ) обнаружено: 1) неопрятность помѣщенія ремесленныхъ мастерскихъ и неопрятность бѣлья и тѣла рабочихъ, которыхъ водятъ въ баню только

одинъ разъ въ двѣ недѣли, не смотря на то, что нѣкоторыя ремесла особенно грязнятъ рабочихъ. Этотъ недостатокъ оказался у всѣхъ ремесленниковъ въ бо́льшей или меньшей степени. 2) У сапожниковъ Абрамова, Лебедева и Быхонова, у портнаго Аөанасьева, ученики найдены на видъ болѣе или менѣе изнуренными и истощенными; при распросахъ обнаружено, что наказываютъ ихъ *розгами и ремнемъ: у Абрамова до 15 ударовъ, а у Лебедева до 50 ударовъ*; у Быхонова *наказываютъ только однимъ ремнемъ*; у Аөанасьева жалуются *на наказаніе розгами и веревками*, на принужденіе къ работамъ въ праздники и на неудовлетворительность пищи; у мѣдника Матвѣева *наказываютъ безсчетно кулаками и ременною плеткою о двухъ хвостахъ;* у сапожника Лыскина помѣщеніе найдено крайне тѣснымъ: 25 человѣкъ работаютъ, ѣдятъ и спятъ въ комнатѣ длиною въ десять, а шириною въ пять аршинъ, воздухъ которой кромѣ того заражается запахомъ кожевеннаго товара и сосѣдствомъ кухни, для которой перегородкою отдѣленъ уголъ; у портнаго Курскаго (это воронежскій шикарный портной, лупящій непомѣрныя цѣны за работы) ученики платятъ за баню изъ своей собственности, а не на счетъ хозяина; у прочихъ мастеровыхъ порядокъ болѣе или менѣе удовлетворительный».

Читатель проститъ намъ, что мы, слабые сердцемъ, слабые нервами, имѣя передъ собою зрѣлище наказаній, *однимъ ремнемъ, розгами и ремнемъ, розгами и веревками, кулаками безъ счету и наконецъ ременною плеткою о двухъ концахъ*, до того унизились въ нашихъ понятіяхъ, что готовы забыть важность всѣхъ чисто научныхъ вопросовъ, готовы просить всѣхъ ученыхъ, къ какимъ они обществамъ ни принадлежатъ, составить пропаганду для насажденія и распространенія гуманныхъ началъ въ нашемъ отечествѣ,—и если не дѣлаемъ этого, такъ это потому только, что увѣрены, что истинные ученые, по свойственной имъ любознательности, вмѣсто того, чтобы немедленно приступить къ миссіонерской дѣятельности, найдутъ сначала необходимымъ рѣшить вопросъ о томъ: были ли у другихъ народовъ употребляемы розги, ремни, веревки, кулаки безъ счету и двухвостныя плети — употребляемы какъ орудія для наказанія дѣтей? Давно ли и кѣмъ они введены у насъ?—На разсмотрѣніе этого вопроса потребуется еще болѣе засѣданій, чѣмъ на вопросъ о Ярославлѣ сребрѣ, а между тѣмъ наказанія несчастныхъ мальчиковъ не отмѣнятся.

Итакъ, вотъ почему мы симпатизируемъ новому живому и искреннему слову, которое смягчаетъ наши нравы, проводитъ въ общество человѣчныя начала.

Тѣмъ болѣе симпатизируемъ тѣмъ благороднымъ дѣятелямъ, которые, на томъ или другомъ поприщѣ, своею дѣятельностію и трудами способствуютъ просвѣщенію и развитію гуманныхъ началъ въ народѣ.

И здѣсь, — мы полагаемъ, — первое мѣсто принадлежитъ по всей справедливости учредителямъ воскресныхъ школъ, учителямъ въ нихъ и вообще всѣмъ, принимающимъ дѣятельное участіе въ ихъ устройствѣ и поддержаніи. Мы смотримъ на воскресныя школы не только какъ на средство для распространенія въ народѣ грамотности, но какъ на первый шагъ людей истинно-цивилизованныхъ сближаться съ народомъ, какъ на попытку оправдать въ глазахъ народа науку и цивилизацію, униженныя тѣми мнимыми цивилизаторами, которые отличались только фраками и своими перчатками....

Вотъ что пишетъ, между прочимъ, г. Константинъ Кистеръ изъ Чигиринскаго уѣзда Кіевской губерніи:

«Съ душевною радостію извѣщаю, что наконецъ время грамотности для господскихъ крестьянъ наступило и у насъ: съ 1-го ноября приходскіе священники по всѣмъ деревнямъ господскихъ имѣній начали усердно хлопотать объ устройствѣ сельскихъ школъ; владѣльцы имѣній доставили помѣщеніе для сего, столы и лавки, — составили списки мальчикамъ и дѣвочкамъ, и быстро открыли самыя приходскія училища, въ которыхъ звонкіе голоса дѣтей начали выкрикивать: а, б, в, г. Многіе крестьяне слезно просили помѣщиковъ и священниковъ не брать ихъ дѣтей въ школу, подъ разными предлогами: одинъ, что у него всего одно только дитя; другой, что у него много дѣтей, и что ребенокъ, котораго назначаютъ въ школу, у него нянька надъ меньшими, — словомъ, никому не хотѣлось отдавать дѣтей въ школу; однакожь власть помѣщика и голосъ священника поставили на своемъ — школа въ томъ мѣстѣ, гдѣ я живу, открыта. Мнѣ крайне хотѣлось разузнать, почему крестьяне не съ радостью, а съ недовѣріемъ встрѣтили открытіе школы. Всѣ знаютъ, что зажиточнѣйшіе изъ нихъ отправляютъ своихъ дѣтей въ науку за 20 и болѣе верстъ отъ села къ дьякамъ-грамотѣямъ; — вотъ вамъ причины: когда стало извѣстно крестьянамъ, что ихъ дѣти будутъ назначены въ школу, крестьяне не могли никакъ придумать, для чего бы это такъ? И послѣ долгихъ сходокъ и разсужденій у нихъ явилось вотъ какое мнѣніе: одни говорили, что дѣтей будутъ грамотѣ учить для того, чтобы послѣ взять ихъ на фабрики; другіе, что выучивши дѣтей читать и писать, отправятъ куда-то далеко учителями къ нехристямъ — и Богъ знаетъ, чего не придумали» и проч. («С.-Петербургскія Вѣдомости» № 264. 1860).

Воскреснымъ школамъ предстоитъ трудъ разсѣять и уничтожить это недовѣріе въ народѣ, убѣдить народъ, что истинная наука, равно какъ и истинная цивилизація — не могутъ ни желать, ни дѣлать ничего, кромѣ добра меньшимъ братіямъ.

Лучше всѣхъ могутъ успѣть въ этомъ, и конечно успѣютъ, школы, учреждаемыя лицами, не имѣющими никакихъ оффиціальныхъ отношеній къ народу, потому что народъ, естественно, не можетъ предполагать въ этихъ лицахъ никакихъ уже стороннихъ цѣлей. Этимъ мы не хотимъ сказать, чтобы подобный успѣхъ былъ совершенно невозможенъ и въ школахъ, учреждаемыхъ оффиціальными лицами. Онъ можетъ быть и въ нихъ, когда не будетъ никакого стѣсненія ни для учителей, ни для учащихся, когда и тѣ, и другіе — одни будутъ учить, другіе учиться по доброй волѣ. Вотъ почему мы не ожидаемъ многаго отъ распоряженія, сдѣланнаго кіевскимъ духовнымъ начальствомъ, которое въ прошедшемъ году, какъ пишетъ тотъ же чигиринскій корреспондентъ, предписало по кіевской эпархіи, «чтобы во всѣхъ селеніяхъ приходскіе священники немедленно учредили школы, и къ 1-му декабря непремѣнно открыли ихъ; въ школахъ должны учить дьяки подъ бдительнымъ наблюденіемъ самихъ священниковъ; въ случаѣ неисполненія этого предписанія или непорядочныхъ занятій въ школахъ, на счетъ священника, изъ Кіева будетъ высланъ учитель, который помѣщеніе и содержаніе будетъ имѣть въ домѣ священника и въ вознагражденіе получитъ треть его жалованья.»

Корреспондентъ прибавляетъ къ этому, что столь энергическая мѣра пробудила многихъ, и что имя преосвященнѣйшаго Арсенія на вѣки пребудетъ незабвенно.

По нашему мнѣнію, мѣра эта не можетъ принести многаго и по тому уже одному, что многіе священники, при искреннемъ желаніи содѣйствовать доброму дѣлу, по скудости средствъ своихъ и неимѣнію времени, не будутъ въ состояніи исполнить желаній своего начальства, конечно очень достойныхъ, но выраженныхъ очень настоятельно...

Еще болѣе, чѣмъ свободный призывъ къ ученію, можетъ возбудить довѣріе и любовь къ ученію и слѣдовательно сближать съ учащимися — ласковое и привѣтливое обращеніе съ ними. Пусть народъ видитъ, что истинное образованіе уважаетъ человѣка не только независимо отъ всѣхъ его случайныхъ общественныхъ положеній, но и независимо даже отъ возраста. Подобное обращеніе будетъ вліять на семейный бытъ учащихся, на смягченіе вообще нравовъ

въ народѣ—и возбудить въ немъ уваженіе къ наукѣ и людямъ, занимающимся наукою. Мы увѣрены, что молодое поколѣніе, всюду съ ревностію заботящееся объ открытіи школъ и преподающее въ нихъ, поймëтъ вездѣ, что при ученіи важна не одна грамотность, а еще болѣе важно возбужденіе въ народѣ довѣрія и уваженія къ ученію, а еще болѣе развитіе гуманныхъ началъ въ учащихся. Мы не можемъ не указать здѣсь на прекрасный примѣръ обращенія съ учащимися въ воскресныхъ школахъ при казанскомъ университетѣ, съ твердою увѣренностію, что если еще и есть гдѣ нибудь школы, въ которыхъ по рутинѣ или другимъ причинамъ удержалось прежнее наше школьное обращеніе съ учащимися, то всѣ послѣдуютъ примѣру школъ казанскихъ.

Корреспондентъ «Московскихъ Вѣдомостей» г. В. Ик-н-въ, описывая мужскую воскресную школу въ Казани, помѣщающуюся въ университетѣ, въ которомъ, кромѣ мужской, есть еще и женская школа, говоритъ между прочимъ, что въ школѣ среди русскихъ мальчиковъ, въ числѣ учениковъ, есть и татарчата. «Не безъ удовольствія,—говоритъ корреспондентъ,—смотришь на русскаго мальчика и «татарченка» (такъ въ насмѣшку прозваннаго русскими), играющихъ или учащихся вмѣстѣ. Въ понятіи русскихъ мальчиковъ соученикъ ихъ татаринъ-мальчикъ не есть уже только нехристь, а такой же братъ и человѣкъ, какъ и прочіе люди. Любопытно взглянуть на эту пеструю толпу, весело видѣть эту общую семью, одушевленную одними намѣреніями и желаніями, стремящуюся къ одной и той же цѣли. Я еще не сказалъ ничего объ отношеніи учащихъ къ учащимся. Ласковость и вѣжливость студентовъ съ учениками доходитъ до nec plus ultra... Каждому семилѣтнему мальчику говорятъ: «вы», «вамъ не угодно ли», «позвольте вамъ» и т. п.,—хотя, замѣтимъ мимоходомъ, въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ все еще продолжаютъ обращаться съ двадцатилѣтними юношами на «ты», и къ этому «ты», тоже замѣтимъ мимоходомъ, прибавляютъ еще иногда по мѣрѣ надобности «мерзавецъ». (Моск. Вѣд. № 14).

Нельзя не радоваться, что воскресныя школы встрѣчены въ Россіи общимъ сочувствіемъ, хорошо принялись уже во многихъ городахъ и съ каждымъ днемъ распространяются все болѣе и болѣе. По исчисленію «Вѣка» № 5, въ послѣдніе два мѣсяца сообщены извѣстія о воскресныхъ школахъ въ слѣдующихъ городахъ: Тобольскѣ, Астрахани, Тамбовѣ, Рыбинскѣ, Перми, Ельцѣ, Новомиргородѣ, Нерехтѣ, Харьковѣ, Витебскѣ, Рогачевѣ, Керчи, Нижнемъ-Новгородѣ, Новгородѣ, Калугѣ, Иркутскѣ, Ярославлѣ, Великихъ Лукахъ. Великоустюжскаго уѣзда въ деревняхъ Голенищевѣ-Кутузовѣ и Лыко-

волѣ, Чистополѣ, Саратовѣ, Вытегрѣ, Владимірѣ, Муромѣ. Шуѣ, Буѣ, Клинѣ, Можайскѣ, Серпуховѣ, селѣ Ивановѣ, Твери, Юрьевцѣ, Борисоглѣбскѣ, Сорокахъ и Якутскѣ.

Въ Санктпетербургѣ считается въ настоящее время 14 школъ мужскихъ и 9 женскихъ.

Петербургскія воскресныя школы недавно были удостоены августѣйшаго вниманія Государыни Императрицы, которая пожертвовала для нихъ разныя учебныя пособія.

Мы увѣрены, что августѣйшій примѣръ Ея послужитъ еще бо̀льшимъ поощреніемъ для всѣхъ, желающихъ добра своему отечеству и меньшимъ братіямъ, способствовать, чѣмъ могутъ, бо̀льшему и бо̀льшему распространенію этихъ школъ въ Россіи.

Совѣтъ при попечителѣ санктпетербургскаго округа утвердилъ слѣдующія правила для воскресныхъ школъ этого округа:

ПОЛОЖЕНІЯ ОБЩІЯ.

«§ 1) Воскресныя школы, для распространенія первоначальнаго образованія въ народѣ, могутъ быть учреждаемы какъ по желанію сословій, изъявленному установленнымъ порядкомъ, такъ и частными лицами, съ разрѣшенія начальства санктпетербургскаго учебнаго округа, по сношенію его съ мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ.

«§ 2) Объ исходатайствованіи разрѣшенія на открытіе воскресной школы, частныя лица подаютъ прошенія мѣстному директору училищъ. Въ прошеніи должно быть означено: какую предполагается учредить школу, мужскую или женскую, зданіе, въ которомъ она будетъ помѣщена, званіе и мѣсто жительства лица, принимающаго на себя обязанности распорядителя. Съ тѣмъ вмѣстѣ долженъ быть представленъ списокъ лицъ, изъявившихъ желаніе обучать въ школѣ. Эти свѣдѣнія сообщаются также учебному вѣдомству, когда испрашивается разрѣшеніе на открытіе воскресныхъ школъ, учреждаемыхъ по желанію сословій.

«§ 3) Воскресныя школы состоятъ въ вѣдѣніи директора училищъ и подъ непосредственнымъ надзоромъ штатныхъ смотрителей училищъ или другихъ лицъ учебнаго вѣдомства, назначаемыхъ начальствомъ округа.

«§ 4) Часы для учебныхъ занятій опредѣляются по взаимному соглашенію между лицами, открывающими школу, и директоромъ училищъ, съ наблюденіемъ притомъ, чтобы классныя занятія начинались послѣ поздней обѣдни и вообще не лишали учениковъ возможности исполнять религіозныя обязанности и не вредили ихъ физическому развитію.

«§ 5) Непозже, какъ чрезъ двѣ недѣли по открытіи школы, распорядитель ея обязанъ доставить директору училищъ точныя свѣдѣнія о

времени и общемъ распредѣленіи занятій, а также о званіи и мѣстѣ жительства того лица, которое онъ избралъ себѣ въ помощники.

«§ 6) О всѣхъ выбывающихъ и вновь принимаемыхъ преподавателяхъ, директоръ училищъ долженъ быть извѣщаемъ немедленно. Распорядитель школы обязанъ также, при окончаніи каждаго мѣсяца, сообщать директору училищъ о всѣхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ, которыя сдѣланы во времени и порядкѣ занятій, а равно и доставлять ему, къ 1-му января и къ 1-му іюля, вѣдомость о числѣ всѣхъ учениковъ, посѣщавшихъ школу въ продолженіе истекшихъ 6-ти мѣсяцевъ.

»§ 7) Въ воскресныя школы принимаются лица всѣхъ возрастовъ; но школы для мужчинъ должны быть помѣщаемы отдѣльно отъ школъ для дѣвицъ.

УЧЕБНАЯ ЧАСТЬ.

«§ 8) По курсу и объему ученія, воскресныя школы относятся къ одному разряду съ приходскими училищами вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

«§ 9) Въ воскресныхъ школахъ преподаются: 1) законъ Божій, 2) чтеніе и письмо на русскомъ языкѣ, 3) ариѳметика и 4) по мѣрѣ надобности, рисованіе и черченіе.

«§ 10) Обученіе закону Божію производится священнослужителями и, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, воспитанниками духовныхъ академій и семинарій. Учащимся должны быть объясняемы важнѣйшія молитвы, краткая священная исторія, краткій катихизисъ, воскресныя евангелія, значеніе праздниковъ православной церкви и обрядовъ богослуженія. При преподаваніи закона Божія вниманіе законоучителя должно быть преимущественно обращено на объясненіе нравственнаго значенія излагаемыхъ правилъ и фактовъ, на развитіе религіознаго чувства учащихся и смягченіе ихъ нравовъ.

«§ 11) Чтеніе не слѣдуетъ ограничивать однѣми книгами гражданской печати; полезно знакомить учащихся и съ чтеніемъ рукописей, а учениковъ православнаго исповѣданія и съ церковно-славянскою печатью.

«§ 12) Преподаваніе ариѳметики должно быть чисто-практическое, развивающее соображеніе учащихся и заключающееся преимущественно въ рѣшеніи задачъ, взятыхъ изъ быта, близкаго къ учащимся.

«§ 13) Рисованіе и черченіе, по самому существу воскресныхъ школъ, должны быть преимущественно примѣнены къ ремесламъ.

«§ 14) Въ воскресныхъ школахъ употребляются только книги, признанныя начальствомъ округа полезными для приходскихъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

«§ 15) Ученіе въ воскресныхъ школахъ начинается съ 1-го воскресенья послѣ новаго года и производится во всѣ воскресные и празд-

ничные дни, за исключеніемъ праздничныхъ дней, когда другія обязанности препятствуютъ преподавателямъ учить въ воскресныхъ школахъ; въ этихъ случаяхъ они заблаговременно извѣщаютъ о томъ распорядителя школы.

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЧАСТЬ.

«§ 16) Воскресныя школы содержатся или на счетъ общественныхъ суммъ, ассигнуемыхъ приговорами сословій, установленнымъ для сего порядкомъ, или на счетъ частныхъ учредителей. Къ предметамъ содержанія относятся снабженіе учащихся учебными пособіями, отопленіе школъ и плата нижнимъ служителямъ. Эти издержки ни въ какомъ случаѣ не должны падать на училищное вѣдомство.

«§ 17) Помѣщенія для воскресныхъ школъ могутъ быть отводимы, безплатно, или въ зданіяхъ учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія, или въ казенныхъ зданіяхъ другихъ вѣдомствъ, съ разрѣшенія ихъ начальства. На помѣщеніе же воскресныхъ школъ въ зданіяхъ, принадлежащихъ военному вѣдомству, должно быть испрашиваемо высочайшее соизволеніе Его Императорскаго Величества.

«§ 18) Наблюденіе за внѣшнимъ порядкомъ, а равно и за цѣлостію и сохраненіемъ вещей, находящихся въ помѣщеніяхъ воскресныхъ школъ, лежитъ вполнѣ на отвѣтственности распорядителей.»

Правила, утвержденныя совѣтомъ при попечителѣ санктпетербургскаго округа, имѣютъ, какъ очевидно, главною цѣлію утвердить внѣшній порядокъ школъ на прочномъ основаніи. Объемъ самаго ученія въ школахъ совѣтъ опредѣляетъ по соображенію съ средствами и нуждами большинства школъ. Для большинства школъ болѣе обширной программы ученія и не нужно, потому что только при такой программѣ и возможно повсемѣстное заведеніе школъ. Для подобныхъ школъ не требуется ни много лицъ для ученія, ни много средствъ для учрежденія и поддержанія школъ. Такую школу можетъ легко имѣть всякое маленькое село.

Но программою совѣта никто не стѣсняется, если онъ имѣетъ для того средства—открывать школы съ болѣе обширнымъ курсомъ, на общемъ правѣ, предоставленномъ желающимъ открывать школы съ гимназическимъ курсомъ.—Такъ въ Петербургѣ въ началѣ января нынѣшняго года открыто на Петербургской сторонѣ безплатное ежедневное училище для бѣдныхъ мальчиковъ. Училище содержится добровольными пожертвованіями частныхъ лицъ. Предметы и объемъ преподаванія равняются гимназическимъ. Классы вечерніе отъ 4 до 8 часовъ пополудни. Всѣ учебныя пособія отъ училища.

Принимаются дѣти бѣдныхъ лицъ всѣхъ состояній, отъ 8 до 14 лѣтъ. Для пріема требуется читать, писать, знаніе нумераціи и также ясное удостовѣреніе въ бѣдности родителей («Санктпетербургскія Вѣдомости» № 284).

Отъ воскресныхъ школъ, которымъ еще разъ, на прощаньѣ, желаемъ всякаго успѣха, перейдемъ къ праздникамъ, бывшимъ въ нѣкоторыхъ изъ высшихъ нашихъ учебныхъ заведеній. Такъ недавно Александровскій лицей, Училище правовѣдѣнія, Практическая академія—праздновали свои юбилеи, Московскій университетъ — свою годовщину. Переходъ, который мы дѣлаемъ, не такъ великъ, какъ могло бы показаться это съ перваго взгляда. Цѣль и воскресныхъ школъ, и высшихъ учебныхъ заведеній — въ существѣ своемъ одна и та же: разливать истинное просвѣщеніе въ народныхъ массахъ, вносить въ среду ихъ свѣтлыя понятія науки, смягчать нравы, развивать истинныя начала гуманности. Къ сожалѣнію, цѣль эта долго не была сознаваема именно нашими высшими учеными и учебными заведеніями. Бюрократизмомъ сильно попахивало и отъ нашихъ ученыхъ мужей, и отъ молодыхъ юношей, искавшихъ, при пособіи науки, получать только чины 9, 10 и 12 классовъ. Конечно, не наука была въ этомъ виновата; наука не о томъ хлопочетъ, чтобы надѣлить людей чинами.... Къ тому же и науки не только въ юношахъ, но даже и въ ученыхъ мужахъ усматривалось очень мало.... Итакъ, говоримъ, не наука была тутъ виновата, а такъ ужь было такое повѣтріе.... въ силу котораго самыя заведенія являлись какими-то замкнутыми корпораціями, гордыми сознаніемъ той, яко бы необычайной *полезности*, которую они приносятъ своему необразованному отечеству. Юноша, выходя изъ заведенія, какъ-то особенно сознательно чувствовалъ, что онъ надѣленъ громадною массою свѣдѣній, а главное, особенными умными на все взглядами, которыми именно обладаетъ только то заведеніе, въ которомъ онъ воспитывался, — и никакое другое. Въ силу такого сознанія, онъ свысока посматривалъ на воспитанниковъ всѣхъ другихъ *равныхъ* заведеній и находилъ ихъ только-что не жалкими, а на воспитанниковъ заведеній не *равныхъ*, а низшихъ, и вообще на всѣхъ православныхъ — смотрѣлъ какъ на чернь, едва ли и сколько нибудь способную постигать тѣ идеи, которыя онъ носилъ въ глубинѣ души своей.

Все это вѣдь смѣшно, читатель, — а вѣдь все это было недавно; да и что мы говоримъ: было? И теперь есть, — и, можетъ быть, въ значительномъ еще количествѣ. Назадъ тому не болѣе полгода, разбирая сочиненіе: «Le Raskol, essai historique et critique sur les sectes religieuses en Russie». Paris. 1859 (an.), мы видѣли, какъ авторъ этого

сочиненія, воспитанникъ одного изъ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній, признавая въ настоящее время прогрессъ въ Россіи и улучшеніе чиновниковъ, пресерьёзно увѣрялъ, что «этимъ благодѣяніемъ мы обязаны юношеству, выходящему изъ Училища правовѣдѣнія, гдѣ оно проникается чувствомъ чести и справедливости», и что если въ министерство внутреннихъ дѣлъ опредѣлятъ чиновниками молодыхъ людей, выходящихъ изъ Александровскаго лицея, то все пойдетъ какъ нельзя лучше. Но только, добавлялъ авторъ,— такимъ чиновникамъ нужно ужь большое жалованье (une plus large retribution). Ну, еще бы! Ужь само собою разумѣется, что тутъ нечего соваться съ маленькимъ жалованьемъ!

Признаемся, читатель, что нѣтъ людей, на которыхъ мы смотрѣли бы съ такою жалостію, съ какою смотримъ на подобныхъ quasi-образованныхъ юношей, не лишенныхъ отъ природы, быть можетъ, кой-какихъ и дарованій. Дарованія ихъ поистинѣ достойны бы были лучшей участи. Люди съ подобными партикуляризованными воззрѣніями и тенденціями не могутъ быть истинно полезны ни въ одной сферѣ общества, ни на какихъ постахъ, несмотря на самые блестящіе таланты. Они понесутъ всюду съ собою узкость воззрѣній, пристрастіе къ партіи не въ силу разумнаго принципа, а въ силу предубѣжденій, вмѣсто истины поставятъ вездѣ жалкія міросозерцанія своего милаго кружка и своего крайне бѣдненькаго понятьицами л. Въ жизни они немногимъ лучше, чѣмъ послѣдователи и сторонники Рогожскаго кладбища. И съ тѣмъ, что посѣютъ они, наука должна будетъ такъ же долго бороться, какъ борется и съ воззрѣніями Рогожскаго кладбища. Наука не знаетъ вѣдь ни нашихъ, ни вашихъ,— она знаетъ только истину.

Мы должны признаться, читатель, что мы люди весьма недовѣрчивые, и такъ мрачно построены отъ природы, что склонны ко всякаго рода подозрѣніямъ. Судя по нѣсколькимъ частнымъ личностямъ, похожимъ на автора «Le Raskol», мы думали: духъ самодовольной замкнутости, духъ самой нѣжной любви къ себѣ и *своимъ*, доходившей нѣкоторымъ образомъ до самообожанія, духъ скрытнаго, а иногда и явнаго отчужденія отъ *чужихъ*—всѣ эти духи не питались ли, не поддерживались ли отчасти въ тѣхъ больныхъ личностяхъ, о которыхъ мы говоримъ, торжественными празднествами разныхъ учебныхъ заведеній, также очень замкнутыми, открытыми только *для своихъ?* — Мысль странная! Но вѣдь на чемъ иногда не основываются милыя для сердца человѣка иллюзіи? Мы всегда думали, да такъ конечно думали и всѣ простые смертные, что разныя ученыя и учебныя заведенія существуютъ для пользы общества; слѣдова-

тельно общество должно сознать и оцѣнить пользу этихъ заведеній. Съ этой точки зрѣнія даже первоначальная инниціатива праздниковъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ должна была бы принадлежать обществу. Оно должно помнить дни учрежденія каждаго заведенія и давать въ немъ и для него праздники въ эти дни. Оно же должно принимать самое живое участіе въ праздникѣ, чтобы изъ сочувствія общества и учащіе и учившіеся узнавали цѣну и пользу своихъ трудовъ. Съ этой стороны намъ понравилась новая мысль, высказанная въ день годовщины московскаго университета, чтобы на будущее время въ праздникѣ годовщины московскаго университета принимало участіе все московское общество — лица всѣхъ званій и состояній, по ихъ желанію, независимо отъ мѣстъ ихъ воспитанія. Мысль, достойная старѣйшаго и лучшаго изъ нашихъ университетовъ! И мы отъ души желали бы, чтобы примѣромъ, который подаетъ наша alma mater, воспользовались всѣ учебныя заведенія — и большія и маленькія.

Вообще открытіе и упрощеніе свободнаго доступа въ учебныя заведенія для публики, — является ли она туда въ качествѣ гостей, или въ качествѣ наблюдателей, посѣтителей, или наконецъ за какимъ нибудь свѣдѣніемъ и совѣтомъ, — должно быть первою заботою для каждаго заведенія. Только такимъ образомъ заведеніе можетъ заявить полезную сторону своей дѣятельности для общества, популяризировать себя, сблизиться съ обществомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ и само узнать нужды общества, его желанія, недостатки, и сообразно съ тѣмъ приспособлять свое образованіе для пользы общей. Такое взаимное сближеніе общества и заведеній будетъ сопровождаться безчисленными благотворными послѣдствіями какъ для общества, такъ и для самыхъ заведеній. У насъ доселѣ, несмотря на весьма незначительное число людей, получающихъ образованіе, они весьма часто теряются и теряются самымъ страннымъ образомъ, — или попадаютъ въ колею, вовсе имъ не знакомую, и истощаютъ жизнь свою въ борьбѣ изъ-за куска хлѣба, не только не пріобрѣтая новыхъ знаній, но теряя съ каждымъ днемъ и прежнія, которыми могли бы приносить пользу на другомъ поприщѣ, или попадая въ колею знакомую, но становясь подъ тяжелый гнетъ враждебныхъ личностей, обстоятельствъ—спиваются съ-кругу, или отъ недостатка поддержки превращаются въ гусей и т. п.,—но всѣхъ превращеній не перечтешь. И все это происходитъ отъ того, что при недовѣрчивости, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже враждебности общества къ наукѣ и ученымъ, у насъ для учившихся была пока только одна дорога — служба. Сюда стремилось все, и слу-

жило, пока служилось; при малѣйшей же потерѣ баланса, падало и исчезало неизвѣстно куда, не находя ни въ комъ участія. А какъ легко у насъ потерять этотъ балансъ! И какъ часто теряютъ его именно люди способные, совершенно случайно! Согласитесь сами, что странно такъ негліжировать людьми образованными, слѣдовательно болѣе или менѣе дѣльными, или по крайней мѣрѣ имѣющими возможность сдѣлаться дѣльными тамъ, гдѣ людей дѣльныхъ не очень много. И мы думаемъ, что подобныхъ явленій не могло бы быть, еслибъ общество ближе познакомилось съ заведеніями, получило ясное понятіе о тѣхъ знаніяхъ, которыя тамъ преподаются, увидѣло бы въ людяхъ, тамъ учившихся, полезныхъ для себя дѣятелей. Вотъ почему, между прочимъ, мы сочувствуемъ всякой мѣрѣ, предпринимаемой заведеніями для сближенія съ обществомъ.

Смотря на дѣло съ этой точки зрѣнія, мы не знаемъ ужь что и сказать о юбилеѣ московской Практической Академіи. Имѣетъ ли какое нибудь теоретическое воззрѣніе на свои праздники Практическая Академія, или она приготовляетъ ихъ безъ всякихъ предварительныхъ теоретическихъ соображеній, практически, то есть такъ, какъ велось прежде, — только они представляются очень странными. На бывшій юбилей свой она не пустила не только никого изъ стороннихъ лицъ *не приглашенныхъ*, не пустила даже своихъ бывшихъ воспитанниковъ, несмотря на то, что нѣкоторые изъ нихъ за недѣлю до праздника старались добыть себѣ билетъ на входъ. Не дали билета, да и все тутъ. Нѣкоторые изъ бывшихъ воспитанниковъ въ день праздника явились-было къ академической церкви съ академическими медальками въ петличкахъ фраковъ, въ надеждѣ, что, дескать, сіи знаки, данные академіей, всего лучше будутъ свидѣтельствовать о духовномъ родствѣ ихъ съ заведеніемъ, и побудятъ стражей пустить ихъ, если уже не на какое другое, то по крайней мѣрѣ на духовное празднество. Но и медальки не помогли. Джентльменовъ съ медальками обратили отъ академическаго храма вспять, точно такъ же, какъ и обыкновенныхъ, не отличенныхъ медальками смертныхъ. Однимъ словомъ, входъ на праздникъ въ юбилей академіи былъ возможенъ только по билетамъ, а билеты раздавались лишь почетнымъ лицамъ, конечно по выбору академическаго начальства.

Быть можетъ между нашими читателями найдутся и такіе, которые пожелаютъ знать, какъ происходили разныя празднества. Мы отъ души желали бы удовлетворить этому въ нѣкоторой степени справедливому желанію читателей, — но боимся приняться за это дѣло. Всѣ наши празднества нынѣ отъ начала до конца бываютъ

наполнены разнаго рода спичами и рѣчами. Мы же такъ неравнодушны къ отечественному краснорѣчію всѣхъ родовъ, начиная отъ обрывисто-кочковатыхъ вѣщаній М. П. Погодина до елейно-умастительнаго глаголанія Н. И. Греча, что если бы принялись передавать, что переговорено было въ послѣднее время на разныхъ торжествахъ, то не остановились бы, пока не передали всего до послѣдней буквы, чѣмъ — мы совершенно въ этомъ увѣрены — надоѣли бы самому любознательнѣйшему изъ нашихъ читателей. Конечно, для пользы читателя мы не отказались бы и отъ такого подвига, — но какъ насъ давно уже предупредили въ этомъ всѣ ежедневныя и еженедѣльныя газеты, то, не желая подвергать большинства нашихъ читателей новой пыткѣ, мы не будемъ описывать самыхъ празднествъ; любопытствующихъ знать, какъ они происходили, отсылаемъ къ ежедневнымъ и еженедѣльнымъ газетамъ, рекомендуя въ этомъ случаѣ преимущественно «Русскій Инвалидъ», въ которомъ, сколько намъ помнится, поименованы блюда, которыя подавались на празднествахъ, и едва ли не отмѣчена даже цѣна самыхъ припасовъ; достовѣрно, впрочемъ, не знаемъ. Мы же скажемъ нѣсколько словъ о характерѣ нашихъ современныхъ празднествъ.

Какъ современный россіянинъ любитъ выпить и закусить съ хорошимъ человѣкомъ, такъ точно и предки наши, славяне, были не прочь выпить и попировать при всякомъ удобномъ случаѣ. Владиміръ, можно сказать, нашъ первый народный князь, хорошо понимавшій и доблести и слабости своего народа, не согласился принять магометанской религіи между прочимъ потому, что въ числѣ основныхъ ея положеній было запрещеніе пить вино. «Руси веселіе пити: не можемъ безъ того быти», сказалъ онъ магометанскимъ миссіонерамъ — и не сталъ болѣе ихъ слушать. Самъ Владиміръ любилъ пиры, и пиры эти вѣроятно были хороши, что преданіе о нихъ опоэтизировалось въ устахъ народа, вошло въ народныя сказанія, пѣсни, сказки. Разъ, избавившись отъ печенѣговъ, Владиміръ приказалъ сварить триста варъ меду и восемь дней праздновалъ съ своими боярами въ Василевѣ. Убогіе получили 300 гривенъ изъ казны Владиміровой. Возвратясь въ Кіевъ, онъ далъ новый пиръ, не только дружинѣ, но и всему народу. Съ того времени Владиміръ каждую недѣлю угощалъ въ гридницѣ бояръ, гридней, воинскихъ сотниковъ, десятниковъ и всѣхъ людей именитыхъ. Даже въ тѣ дни, когда его не было въ Кіевѣ, они собирались во дворцѣ и находили столы, покрытые мясами, дичиною и всѣми роскошными яствами тогдашняго времени. Бѣдные могли всегда приходить на

дворъ княжескій, утолять тамъ свой голодъ и брать изъ казны деньги. Больнымъ, которые не въ силахъ были дойдти до палатъ княжескихъ, Владиміръ велѣлъ развозить по улицамъ хлѣбы, мясо, рыбу, овощи, медъ и квасъ въ бочкахъ.

Съ легкой руки Владиміра торжественные обѣды вошли у насъ въ обычай съ самыхъ древнихъ временъ. Такъ, у лѣтописца читаемъ: «въ лѣто 6703 (1195) посла Рюрикъ по брата своего къ Смоленску, рекя ему: се осталомися старѣйшинство въ русской земли... Пойде Давидъ въ лодіяхъ, и пріиде въ Вышегородъ въ среду Русальное недѣли, и позва и Рюрикъ *на обѣдъ*... и одаривъ и отпусти и, и оттолѣ позва Ростисл. Рюрик. къ собѣ *на обѣдъ* къ Бѣлугороду.. Потомъ же Давидъ позва монастыри всѣ *на обѣдъ*... и милостыню силно разда имъ и нищимъ... позва Черніи Клобуци... и ту попишась вси у него... Кіане же почаша звати Давида *на пиры*, подаваючи честь велику и дари... Давидъ же позва Кіаны къ собѣ *на обѣдъ*» и проч.

Читатель, видя нашу обширную эрудицію по части русскихъ древностей, конечно, съ охотою уволитъ отъ дальнѣйшихъ выписокъ изъ лѣтописей и повѣритъ намъ на слово, что предки наши любили пообѣдать и выпить во всѣ времена нашей исторіи, что страсть къ торжественнымъ обѣдамъ по наслѣдству отъ нихъ перешла и къ намъ. Болѣе тонкіе и опытные изъ наблюдателей современныхъ нравовъ замѣчаютъ, что, можетъ быть, половина богоугодныхъ, благотворительныхъ общественныхъ заведеній и другихъ полезныхъ учрежденій, нынѣ существующихъ, вовсе не явились бы никогда на свѣтъ, если бы не имѣлось въ виду празднества при ихъ открытіи, и если бы кромѣ того не представлялось вслѣдствіе ихъ открытія въ будущемъ перспективы разныхъ празднествъ, какъ то: годовщинъ, юбилеевъ, актовъ и проч. и проч.

Но наше поколѣніе слишкомъ выродилось, измельчало въ сравненіи съ богатырскимъ племенемъ нашихъ предковъ. Намъ не обѣдать уже не только такъ, какъ обѣдали наши древніе предки, когда богатыри въ родѣ Тугарина Змѣевича по цѣлой ковригѣ метали за щеку, глотали цѣликомъ по цѣлому лебедю, по цѣлой чашѣ охлестывали, «котора чаша въ полтретья ведра»; намъ не обѣдать даже такъ, какъ обѣдали предки временъ болѣе къ намъ близкихъ. Флетчеръ пишетъ, что у царя Ѳедора Ивановича за обыкновеннымъ его столомъ бывало до 70 блюдъ; у царя же Бориса въ дни торжественные, по сказанію Петрея, доходило до 200 блюдъ. Мы не хотимъ, впрочемъ, обидѣть этимъ наше поколѣніе, не хотимъ сказать, чтобы и

между нами не было людей доблестныхъ, соревнующихъ обычаямъ нашихъ предковъ, — но... силы стали не тѣ.

Былъ и еще при древнихъ нашихъ пиршествахъ обычай, который исчезъ въ пиршествахъ новаго времени, это — обычай благотворительности во время самыхъ пиршествъ. Наши предки, садясь за богатый и обильный столъ свой, не забывали, что есть люди, у которыхъ для обѣда нѣтъ въ это время, быть можетъ, и куска хлѣба. «Между тѣмъ какъ, — говоритъ нашъ исторіографъ, — роскошь изливала свой тукъ на княжескихъ трапезахъ, благотворительность не забывала о нищихъ. Обычай достохвальный: тогда не было праздника для богатыхъ безъ милостыни для бѣдныхъ. Вообще народныя угощенія, обыкновенныя въ древней Россіи, представляли картину, можно сказать, восхитительную. Государь, какъ истинный хозяинъ, подчивалъ гражданъ; пилъ и ѣлъ вмѣстѣ съ ними; вельможи, тіуны, воеводы, знаменитыя духовныя особы смѣшивались съ безчисленными толпами гостей всякаго званія; духъ братства оживлялъ сердца, питая въ нихъ любовь къ отечеству и вѣнценосцамъ.»

Садясь за наши обѣды, мы не думаемъ о бѣдныхъ или, быть можетъ, думаемъ, что всѣ бѣдные такъ же сыты, какъ и мы.... У насъ такъ много благотворительныхъ заведеній съ блестящими паркетами, съ комфортною мебелью, съ великолѣпными швейцарами!... У насъ цѣлыя, нарочито для бѣдныхъ устроенныя общества мужчинъ и дамъ разъѣзжаютъ въ каретахъ на лежачихъ ресорахъ по самымъ бѣднымъ и грязнымъ кварталамъ, отыскивая бѣдныхъ! Гдѣ тутъ укрыться бѣдности, тѣмъ болѣе нищетѣ? Формы благотворительности дѣйствительно блестящія, колоссальныя! Но одного недостаетъ въ этихъ формахъ.... Мы никакъ не можемъ загнать въ нихъ человѣческой любви, человѣческаго сочувствія.... И оттого все еще остается вопросомъ: для кого мы строимъ благотворительныя заведенія, учреждаемъ благотворительныя общества.... для бѣдныхъ, или для нашего собственнаго удовольствія? «Затѣявши какое нибудь благотворительное общество для бѣдныхъ и пожертвовавши значительныя суммы, мы тотчасъ въ ознаменованіе такого похвальнаго поступка задаемъ обѣдъ всѣмъ первымъ сановникамъ города, разумѣется, на половину всѣхъ пожертвованныхъ суммъ; на остальныя нанимается тутъ же для комитета великолѣпная квартира, съ отопленіемъ и сторожами, а затѣмъ и остается всей суммы для бѣдныхъ пять рублей съ полтиною, да и тутъ въ распредѣленіи этой суммы еще не всѣ члены согласны между собою, и всякій суетъ какую нибудь свою куму.»

Но если желудки наши стали слабѣе, чѣмъ были у нашихъ предковъ, если у насъ не найдется людей способныхъ *подъять* не только 200, но и 70 блюдъ, съ соразмѣрнымъ притомъ, разумѣется, количествомъ питья; если мы, кушая сытно сами, не хотимъ думать въ это время о тѣхъ, кому нечего ѣсть, — то и въ нашихъ торжественныхъ обѣдахъ есть достоинство, котораго не имѣли торжественные обѣды нашихъ предковъ. Наши обѣды, скромные по количеству блюдъ и питей, мы приправляемъ обиліемъ рѣчей и спичей самыхъ медоточивыхъ и благоуханныхъ. Это уже чисто продуктъ нашего времени. Предки наши не любили ѣсть молча, — они ѣли весело, по-временамъ даже шумно; живая рѣчь, шутки не умолкали во время обѣда; но говорилось только то, что у всякаго было на душѣ, что высказывалось само собою, безъ всякихъ приготовленій, — и не было никакихъ *измышленныхъ* рѣчей и спичей. Даже при заздравныхъ чашахъ предки наши не пускались въ многословія. «Будь здоровъ! здравствуй!» — вотъ весь спичь, который говорили тому, кого хотѣли привѣтствовать, — и затѣмъ чаша выпивалась. Первыя длинныя рѣчи надъ заздравными чашами, похожія на молитву, ввелъ Борисъ Годуновъ, страдавшій мрачною подозрительностію относительно любви къ нему подданныхъ. Само собою разумѣется, что эти *предписанныя* рѣчи помрачали свѣтлость празднествъ, и если послѣ Бориса удержались гдѣ нибудь, то развѣ только въ домахъ очень знатныхъ, умѣвшихъ во всѣ времена изъ веселья дѣлать мученье. Другіе классы народа не знали ничего подобнаго спичамъ.

И какъ бы мы ни думали о нашихъ предкахъ, въ этомъ случаѣ мы видимъ въ нихъ большой тактъ. Надобно быть занятымъ слишкомъ чѣмъ нибудь, или имѣть какія нибудь тѣснящія настоятельныя дѣла, чтобы во время обѣда, когда сама природа противится всякимъ напряженнымъ умственнымъ созерцаніямъ, съ одной стороны *измышлять* длинные спичи и рѣчи, да иногда еще и въ стихахъ (пощади, Творецъ!), а съ другой — съ напряженнымъ вниманіемъ выслушивать такія *измышленія!* Что за причина, что за цѣль подобныхъ страданій! Отъ кого заразились мы такимъ варварствомъ? То ли дѣло живой разговоръ отъ души, отъ сердца, нараспашку, который всякій ведетъ по своему желанію, который никого не связываетъ и никого ни къ чему не обязываетъ! — Мило вѣдь, читатель? Не правда ли? И вмѣстѣ какъ полезно въ гигіеническомъ отношеніи! — Зачѣмъ же мы оставили нашу древнюю простоту? Откуда и для чего мы заимствовали этотъ варварскій обычай высокоумныхъ рѣчей и спичей за нашими обѣдами? — Это надобно непремѣнно изслѣдовать, къ чему я и приступлю теперь.

Съ самыхъ древнихъ временъ народъ россійскій отличался всегда необыкновеннымъ умомъ и понятливостію. Глубокіе знатоки разнаго рода расъ и національностей утверждаютъ положительно, что на свѣтѣ нѣтъ народа умнѣе россійскаго. Истина эта такъ многими была доказываема у насъ и въ прошедшее и въ наше время, что доказывать ее значило бы повторять старое и всѣмъ общеизвѣстное. Впрочемъ, если бы, сверхъ всякаго чаянія, и явились такіе скептики, которые усомнились бы даже въ этой священной истинѣ, то таковыхъ мы отсылаемъ къ недавно-вышедшему въ свѣтъ сочиненію г. Карпенки: *О всеобщемъ просвѣщеніи, обогащеніи, цивилизованіи человѣческаго рода.* Тамъ они увидятъ, что такое мы, русскіе. При своемъ быстромъ умѣ россіяне, естественно, съ перваго взгляда, примѣчаютъ вездѣ все хорошее, и все это немедленно усвоиваютъ, пересаживаютъ къ себѣ. Оттого ни одинъ изъ другихъ народовъ не отличается такою переимчивостію, какъ они. Увидитъ, напримѣръ, что нибудь нѣмецъ у француза или англичанина. Какъ бы ни прекрасно было это что нибудь, имъ увидѣнное, и какъ бы ни хотѣлъ онъ подобное имѣть у себя, нѣмецъ не вдругъ на это рѣшится. Онъ примется прежде всего за размышленія, да вычисленія — обыкновенная нѣмецкая манера. Дескать, тамъ оно у француза или у англичанина, можетъ быть, такъ и должно быть хорошо. Да хорошо ли будетъ у меня? И пока этого вопроса не разрѣшитъ себѣ до послѣднихъ мозговъ, не ухватится за чужое. Русскій дѣйствуетъ совершенно иначе. Все, что только замѣтитъ онъ умнаго, прекраснаго у другихъ, непремѣнно старается сейчасъ это перенять, усвоить, завоевать или пересадить къ себѣ, не думая ни о чемъ болѣе. Такой ужь быстрый умъ! Но отъ этого-то именно и случаются съ нимъ нѣкоторыя странныя вещи. Увидѣлъ онъ, напримѣръ, познакомившись въ первый разъ покороче съ иностранцами, что иностранцы люди образованные, но увидѣлъ вмѣстѣ, что иностранцы брѣютъ бороды, носятъ не кафтаны, а фраки, не шапки, а шляпы. А! говоритъ, понимаю, въ чемъ дѣло. Сбросилъ съ себя кафтанъ, шапку, сбрилъ бороду,—надѣлъ фракъ, шляпу, перчатки; пощеголялъ въ новомъ нарядѣ нѣсколько десятковъ лѣтъ—видитъ, что отъ перемѣны костюма образованія нисколько не прибыло. Нѣтъ, говоритъ,—не туда я попалъ. Иностранцы образованные люди оттого, что у нихъ есть ученыя и учебныя заведенія, ученыя общества и т. п. Теперь я, говоритъ, ужь понялъ въ чемъ дѣло. Давай строить академіи, университеты, лицеи, заводить ученыя общества, — все это en grand — блестящія залы, полы парке, цѣльныя стекла, всюду блескъ, изящество, грандіозность — однимъ словомъ, ума помраченіе, новая семи-

рамида,—заперъ туда во вновь выстроенныя зданія профессоровъ и ученыхъ, а самъ лежитъ на боку и не заглядываетъ въ нихъ, ожидая, вѣроятно, что науки и искусства ухитрятся какъ нибудь сами перемѣститься въ его голову и жизнь,—науки однакожь не перемѣстились сами; мало того, въ самыхъ заведеніяхъ не могутъ доселѣ хорошо приняться. Значитъ, вышло опять не то, что онъ ждалъ. И эти qui pro quo при заимствованіи иностраннаго повторялись у насъ постоянно, и повторяются доселѣ на каждомъ шагу. Примѣтилъ, напримѣръ, кто-то, что Токвилль хорошій человѣкъ. Давай, говоритъ, его намъ въ Россію. Намъ такихъ нужно. А нужно ли? — Ну и перевезли Токвилля въ Россію. Что жь вышло? Токвилль въ Россіи исхудалъ, исчахъ и сдѣлался немногимъ лучше доморощеннаго чиновника Салатушки.

Нѣчто подобное случилось у насъ съ обѣденными рѣчами и спичами. Извѣстно, что Англія въ наше время служитъ прототипомъ цивилизаціи. Въ Англіи обѣденныя рѣчи, спичи въ модѣ. Ergo... давай и мы говорить за обѣдами рѣчи и спичи. Но Англія, господа, вѣдь совсѣмъ другое дѣло, чѣмъ Россія.

Всѣмъ извѣстно, что англичане народъ самый безпокойный и неугомонный на свѣтѣ. Тогда какъ народы, познавшіе истинную мудрость, напримѣръ китайцы, и многіе другіе, наслаждаются истиннымъ покоемъ, и, говоря искренно, не знаютъ часто, куда дѣваться съ своимъ временемъ,—у англичанъ не достаетъ даннаго имъ природою времени. Да если бы имъ дать, вмѣсто 24 часовъ, 48 часовъ въ сутки, то у нихъ все равно и тогда бы недоставало времени. Такъ ужь народъ созданъ на вѣчное мученіе себѣ и другимъ. Тогда какъ истинно-мудрые граждане занимаются только своими дѣлами— тѣми, къ которымъ Богъ призвалъ каждаго, да и этими дѣлами занимаются на столько, на сколько нужною признаютъ ихъ дѣятельность въ этомъ случаѣ ихъ управляющіе, помощники, секретари и т. д.,—англичане суютъ свой носъ вездѣ, даже и туда, куда совсѣмъ его имъ бы вовсе не слѣдовало. Каждый изъ нихъ хочетъ лично знать до послѣдней іоты свои собственныя дѣла, да каждый вмѣстѣ съ тѣмъ хочетъ знать и о томъ, что подѣлываетъ и что думаетъ сосѣдъ ихъ императоръ французовъ, что думаетъ и Пруссія, и Австрія и Россія, чѣмъ намѣренъ заниматься Гарибальди, спокойно ли все обстоитъ у султана турецкаго и у китайскаго богдыхана, какъ дѣла идутъ въ Америкѣ и проч. и проч., да кромѣ того, каждый хочетъ знать, что думаютъ объ этихъ дѣлахъ, равно какъ и о дѣлахъ домашнихъ Англіи, и лордъ Пальмерстонъ, и Джонъ Россель, и Кобденъ, и Брайтъ и вообще люди, признаваемые мыслящими и вліятель-

ными въ Англіи. Вотъ, чтобы вывѣдать мысли по разнымъ предметамъ отъ этихъ своихъ авторитетовъ, англичане и сочиняютъ разнаго рода празднества, разными рѣчами и спичами вызываютъ своихъ авторитетовъ на объясненія, въ надеждѣ: авось либо, дескать, за хорошимъ обѣдомъ и виномъ, при веселомъ настроеніи духа, увлекшійся лордъ проговорится и скажетъ что нибудь лишнее, — и съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ ловятъ здѣсь каждое слово, каждый намекъ благородныхъ лордовъ, — и затѣмъ эти слова и намеки разлетаются не только по всей Англіи, но и по всему образованному міру, возбуждая всюду разнаго рода мнѣнія, предположенія, надежды или огорченія, даже волненія. Такимъ образомъ спичи и рѣчи англійскихъ празднествъ исполнены живаго, всеміриаго интереса.

У насъ — но у насъ ничего нѣтъ подобнаго. Мы сказали уже, что мы, какъ мудрые граждане, чужихъ дѣлъ вовсе знать не хотимъ. Какое намъ дѣло и до австрійскаго императора, и до турецкаго султана, и до Гарибальди, и до Франциска II и т. д.? — Своими дѣлами мы также себя очень не утруждаемъ, занимаемся ими по мѣрѣ силъ и возможности. Приказать свезти пшеницу въ тотъ или другой городъ и продать ее, получить привезенныя деньги—этимъ, конечно, еще можно заняться. А тамъ прочее другое и безъ насъ сдѣлается. Подобнымъ образомъ мы занимаемся и на службѣ, и въ другихъ дѣлахъ. Потому у насъ вовсе нѣтъ авторитетовъ, ни политическихъ, ни экономическихъ, ни другихъ какихъ нибудь, какъ въ Англіи, то есть нѣтъ личностей, въ которыхъ бы общественное мнѣніе видѣло людей, думающихъ глубокую думу о нашихъ внутреннихъ или чужихъ дѣлахъ, — да признаться сказать, и нужды въ нихъ мы вовсе не чувствуемъ. Правда, мы не прочь иногда потолковать и о тарифѣ, и о зундской пошлинѣ, и о суэзскомъ вопросѣ, и о вопросѣ итальянскомъ и проч., но говоримъ мы обо всемъ этомъ не по сердечному влеченію, не потому, чтобы это насъ въ самомъ дѣлѣ занимало, а вслѣдствіе моды, и говоримъ не что нибудь такое, что придумали сами, а что вычитали въ послѣднихъ №№ газетъ и журналовъ, — и это еще слава Богу, а то случается, что говоримъ и просто не-вѣсть что.

Изъ сказаннаго нами читатель, конечно, видитъ уже, что мы думаемъ о нашихъ обѣденныхъ рѣчахъ и спичахъ. Мы думаемъ, что у насъ въ обществѣ не выработалось еще содержанія для нихъ, что у насъ нѣтъ еще предметовъ общаго интереса въ публикѣ, интереса, разумѣется, сильнаго, глубокаго, затрогивающаго за живое всѣхъ и каждаго. Да не подумаетъ кто нибудь, что мы этими словами хо-

тимъ подорвать абсолютное достоинство произносимыхъ за обѣдами рѣчей и спичей. Всѣ они могутъ быть умны, блистать ученостію или теплотою сердечною, краснорѣчіемъ превосходить даже демосѳеновское краснорѣчіе или краснорѣчіе всѣхъ новыхъ ораторовъ Англіи. Но всѣ они, при отсутствіи предметовъ общаго интереса въ публикѣ, будутъ имѣть интерсеъ или чисто индивидуальный, то есть для самого автора только, или по большей мѣрѣ частный, то есть для нѣсколькихъ личностей, одинаково настроенныхъ съ авторомъ. Оттого и случается у насъ съ этими рѣчами и спичами нѣчто такое, чего не случается ни въ какомъ другомъ государствѣ. Тогда какъ въ Англіи, когда начинаетъ говорить ораторъ, наступаетъ мертвая тишина, среди которой, говоря иперболически, можно слышать полетъ мухи, — у насъ, напротивъ, одни слушаютъ оратора, другіе конечно только притворяются слушающими изъ вѣжливости, какъ прилично благовоспитаннымъ людямъ, третьи не слушаютъ, и притворяться не хотятъ, что слушаютъ, а продолжаютъ между собою интересующій ихъ разговоръ. Нѣчто похожее на это случилось нынѣ и на праздникѣ годовщины московскаго университета. Редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» сильно возсталъ противъ неприличія частныхъ разговоровъ во время произнесенія рѣчей.

«Пожелаемъ», говоритъ онъ: «чтобы нѣкоторые изъ насъ, рѣшившись участвовать въ извѣстномъ публичномъ собраніи, не забывали основныхъ условій общежитія. Скажемъ прямо: на обѣдѣ 12 числа, мы были свидѣтелями громкаго, мѣшавшаго всѣмъ разговора между нѣсколькими участниками обѣда, въ то самое время, когда произносились рѣчи, и безъ того едва слышныя въ огромной залѣ Благороднаго собранія. Мы можемъ даже прибавить къ этому факту, столь странному между людьми, получившими университетское образованіе, что несмотря на дружное приглашеніе всѣхъ присутствовавшихъ прекратить громкій разговоръ, эти господа продолжали мѣшать другимъ, изъ удальства и ложнаго самолюбія. Всякій воленъ имѣть какое угодно мнѣніе о произносимыхъ рѣчахъ; но для этого нужно ихъ выслушать и дождаться ихъ окончанія. Явившись по собственному желанію въ публичное собраніе, надо же помнить, что мы не у себя въ четырехъ стѣнахъ кабинета, и что публичность налагаетъ на насъ извѣстныя обязанности... Мы вовсе не придаемъ особеннаго значенія этому странному случаю; онъ, разумѣется, былъ только маленькимъ пятнышкомъ на свѣтломъ праздникѣ въ честь университета и не могъ повредить общему дѣлу. Но мы сочли не лишнимъ заявить о немъ печатно, какъ объ одномъ изъ странныхъ явленій, которыя и до сихъ поръ еще возможны въ нашемъ обществѣ» («Моск. Вѣд.» № 11).

Г. редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» хочетъ, какъ кажется, провести ту мысль, что неслушаніе рѣчей нѣкоторыми было въ связи съ мнѣніемъ этихъ нѣкоторыхъ о самыхъ рѣчахъ, и мнѣніемъ, разумѣется, предзанятымъ, такъ-какъ мнѣніе основательное могло образоваться по выслушаніи рѣчи, и слѣдовательно въ связи съ предубѣжденіемъ о самыхъ личностяхъ, произносившихъ рѣчи. Намъ кажется, что догадка г. редактора идетъ едва ли не слишкомъ далеко... Мы читали рѣчи московскихъ ораторовъ безъ всякаго предубѣжденія. Не скажемъ, чтобы онѣ доставили намъ особенное наслажденіе, но мы прочли ихъ не безъ удовольствія. Въ каждой рѣчи есть мысли или новыя, или по крайней мѣрѣ симпатичныя. Между тѣмъ если бы намъ привелось быть на обѣдѣ, то мы хотя и не стали бы нашимъ разговоромъ мѣшать ораторамъ, но и слушать ихъ не стали бы,—потому что знали бы впередъ, что рѣчи не будутъ содержать себѣ ничего такого, что бы имѣло животрепещущій интересъ минуты, что слѣдовательно онѣ, безъ потери интереса и съ большимъ удобствомъ, могутъ быть прочтены и по напечатаніи. Вѣроятно и большая часть обѣдавшихъ думали то же самое. Вѣдь если нашлось нѣсколько лицъ, которыя, предположимъ, намѣренно не давали слушать рѣчей, то есть основаніе смотрѣть на это дѣйствіе, какъ на протестъ противъ рѣчей не со стороны только однихъ не слушавшихъ. Значитъ, обѣденныя рѣчи наши въ самомъ дѣлѣ не такъ занимательны, какъ это предполагается. И въ этомъ протестѣ нѣтъ ничего обиднаго для ораторовъ. Есть положенія, въ которыхъ бы ни Демосѳенъ, ни Пальмерстонъ, ни Брайтъ, ни Кобденъ не сказали бы ничего хорошаго. Если бы наше общество двигалъ дѣйствительно какой нибудь затрогивающій за живое интересъ, тогда потребность рѣчи почувствовалась бы сама собою, и учредителямъ не нужно бы было «возлагать на М. П. Погодина обязанность произнесть первое слово». Ораторы нашлись бы тогда сами собою, да и слушателей не нужно бы было усовѣщивать молчать. Всѣ они замолчали бы сами и сдѣлались бы нѣмы во время рѣчи оратора.

Итакъ очень можетъ-быть, что г. редакторъ напрасно нападаетъ на говорившихъ; очень можетъ-быть, что они своими разговорами оказали даже услугу, выяснивъ этимъ взглядъ не только свой, но и многихъ другихъ на обѣденныя рѣчи. Вѣдь если предположить, что только три четверти обѣдавшихъ не желали слушать рѣчей, то странно усердіе ораторовъ проповѣдывать въ пустынѣ.

М. П. Погодинъ напрасно говоритъ, что «на университетскомъ праздникѣ нельзя обойдтись безъ слова», разумѣя, конечно, подъ словомъ искуственное слово—спичь, рѣчь. Напротивъ, тутъ-то, намъ

кажется, и можно и должно обходиться безъ слова, если въ немъ нѣтъ нужды. Тутъ-то именно и должно быть все искренно, просто, сердечно. Для чего становиться на ходули и краснорѣчіемъ, потребность въ которомъ никѣмъ еще не восчувствована, испытывать терпѣніе присутствующихъ на праздникѣ?

Самою лучшею, то есть самою приличною и ближе другихъ подходящею къ настоящему состоянію нашего общества, мы находимъ послѣднюю рѣчь, сказанную М. П. Погодинымъ въ формѣ простаго обыкновеннаго пожеланія здоровья. Она безъ всякихъ хитросплетеній и *измышленій*, кратка, симпатична, и выражаетъ желаніе учащемуся молодому поколѣнію такое, какое высказалъ бы въ настоящее время каждый образованный человѣкъ въ Россіи.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЖИЗНЬ.

ЗАМѢТКИ НОВАГО ПОЭТА.

Нѣсколько словъ о псевдо-классической трагедіи и о Рашели.—Послѣднее слово о Ристори. — Письмо о петербургской итальянской оперѣ настоящаго сезона.—«Чему быть, тому не миновать» г. Погосскаго. — Общее собраніе Общества пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. — Новая картина И. И. Соколова. — Замѣтка «Московскихъ Вѣдомостей» и г. Лохвицкій. — «Крѣпостное населеніе въ Россіи по 10-й ревизіи» г. Тройницкаго.—Стихотворенія Плещеева. — Портретная галлерея Мюнстера, и проч.

Мы не застали цвѣтущаго времени трагедіи и трагическихъ талантовъ. Только отъ дѣдовъ и отъ отцовъ нашихъ мы слышали о Тальмѣ, Жоржъ и К. Семеновой. Мы вступили въ жизнь въ переходную эпоху, когда основанія, на которыхъ созидался старый общественный и литературный порядокъ, еле держались и несостоятельность ихъ уже рѣзко бросалась въ глаза даже людямъ, не отличавшимся особенною глубиною мысли; когда напудренные герои Расина, его раздушенные полубоги и полубогини, съ ихъ придворною напыщенностію и этикетомъ, не принимались уже слишкомъ серьёзно; когда знаменитый діалогъ русскаго Расина — Озерова :

«Россійскіе князья, дворяне, воеводы....»

который въ восторгѣ декламировали наизусть наши отцы, повторялся нами уже съ ироніею....

Изъ миѳологическаго міра, съ высотъ классическаго парнаса драматическое искусство начинало спускаться на землю и вздумало

попытаться вывести передъ зрителями просто *человѣка*. Оно переходило отъ трагедіи къ драмѣ, и спускалось даже до мѣщанской мелодрамы.

Это было сначала очень дико, особенно для артистовъ, взлелѣянныхъ на псевдо-классической почвѣ и вскормленныхъ сценическою французской рутиной. Вдругъ изъ полубога и героя быть разжаловану просто въ человѣка, въ мѣщанина,—это должно было казаться ужасно обиднымъ да и неловкимъ.

Артистъ выработалъ себѣ, послѣ долгихъ усилій надъ собою, агамемноновское величіе, марсовскую осанку, молніеносный юпитеровскій взглядъ и такъ далѣе — и вдругъ ему предстоитъ играть... хорошо если принца, — къ принцу идутъ молніеносные взгляды и марсовскія осанки, — а то какого нибудь Онѣгина или Чацкаго въ кургузомъ фракѣ, — эти впрочемъ люди великосвѣтскіе, куда еще ни шло,— а то просто какого нибудь мѣщанина, человѣка изъ податнаго сословія!...

До какой степени неестественъ былъ такой переходъ, мы всѣ видѣли на Каратыгинѣ. Артистъ первоклассный, надѣленный большимъ сценическимъ талантомъ и средствами, онъ Гамлету придавалъ юпитеровскій оттѣнокъ, въ Онѣгинѣ походилъ на Марса, а въ Чацкомъ смахивалъ на Агамемнона.

Каратыгинъ, переходя не совсѣмъ охотно къ новой драмѣ, добросовѣстно однако боролся со своими псевдо-классическими привычками и часто побѣждалъ ихъ. Онъ достигъ до того, что создалъ двѣ роли изъ новаго репертуара съ безукоризненнымъ художественнымъ совершенствомъ. Чтобы судить о степени его таланта, надобно непремѣнно было видѣть его въ Королѣ Лирѣ или Людовикѣ XI!

Каратыгинъ былъ послѣднимъ талантливымъ представителемъ стараго искусства, старой школы на нашей сценѣ.

Мы уже совсѣмъ было стали забывать французскій псевдо-классическій репертуаръ и даже знаменитый разсказъ Терамена :

«A peine nous sortions de porte de Trezaine»,

который насъ насильно заставляли для чего-то выучивать въ дѣтствѣ; мы были убѣждены, что возвратъ къ французской трагедіи невозможенъ, что она сошла на вѣки со всемірной сцены и только изрѣдка и вяло доигрывалась на сценѣ Théâtre-Français передъ доживавшими свой печальный вѣкъ легитимистами... какъ вдругъ эта трагедія снова гордо поднимаетъ голову, овладѣваетъ на нѣсколько времени всеобщимъ вниманіемъ и появляется на всѣхъ европейскихъ сценахъ во всемъ своемъ полинявшемъ ве-

личіи. Сначала это удивило-было насъ нѣсколько, но по нѣкоторомъ размышленіи мы перестали удивляться. Франція пріучила насъ и не къ такимъ сюрпризамъ. Мы привыкли нѣсколько къ ея исполинскимъ скачкамъ впередъ и таковымъ же назадъ. Эти скачки отъ Бурбоновъ къ республикѣ, отъ республики къ Наполеону I, отъ Наполеона снова къ Бурбонамъ, отъ Бурбоновъ старшей линіи къ младшей, отъ Людовика Филиппа къ республикѣ, отъ республики къ Наполеону III, конечно, гораздо изумительнѣе, чѣмъ прыжокъ назадъ отъ Виктора Гюго, Дюма-отца и милаго буржуа Скриба (только-что скончавшаго дни свои... Миръ праху его!) къ Расину и Корнелю.

Этотъ драматическій, неестественный прыжокъ назадъ, увлекшій весь Парижъ и за нимъ всю Европу, совершенъ былъ, ко всеобщему изумленію, *щедушною, болъзненною дѣвочкою еврейкою*, какъ нѣкогда называлъ Жанень Рашель, — дѣвочкою, въ которой дѣйствительно таилась необыкновенная трагическая сила. Рашель была замѣчена представителями старой трагической школы, сценическими авторитетами классическаго французскаго театра. Эти господа приняли ее подъ свое покровительство и занялись развитіемъ ея.

Послѣ первыхъ дебютовъ Рашель, увлекающійся Парижъ пришелъ въ волненіе, поднялъ гвалтъ о ней на всю Европу и съ энтузіазмомъ обратился къ Федрамъ, Гофоліямъ, Андромахамъ послѣ буржуазныхъ дамъ и дѣвицъ Скриба и компаніи.

Рашель возвратила и насъ на минуту къ временамъ Жоржъ и Семеновой.... Ея громадная европейская репутація взволновала весь артистическій и фёшенебельный Петербургъ. Рашель расшевелила *сѣверныхъ дикарей* и вызвала ихъ энтузіазмъ; но не возбудила никакого участія къ отжившему искусству, представительницей котораго она являлась на сценѣ.... Конечно, труппа ея была очень плоха, но если бы эта труппа составлена была и изъ первоклассныхъ талантовъ, то соединенное усиліе таковыхъ артистовъ все-таки не могло бы воскресить для насъ французской трагедіи.

Она даже не могла и въ Парижѣ держаться серьёзно послѣ смерти Рашели — даже на томъ театрѣ, который весь пропитанъ классическими преданіями и несмотря на то лицемѣрное уваженіе, которое до сихъ поръ питаютъ французы къ своимъ стариннымъ авторитетамъ.... Извѣстно, что французы, посягавшіе на самые высочайшіе авторитеты, въ сущности никакъ не могутъ обходиться безъ самыхъ посредственныхъ.... Но воскресить вполнѣ трагедію Людовика XIV въ наше время — усиліе такъ же невозможное, какъ

воскресить монархію Людовика XIV, какъ возвратиться изъ отроческаго въ младенческій возрастъ.

Рашель — явленіе удивительное и исключительное. Она опоздала родиться болѣе нежели столѣтіемъ. Она была, если можно такъ выразиться, геніальнымъ анахронизмомъ.

Возвратиться къ чопорной трагедіи пышнаго Людовика XIV и вдохновиться ею въ скромненькое, будничное царствованіе короля-мѣщанина на тронѣ и писателя-мѣщанина на сценѣ, и увлечь не только «Бриколеней» и разныхъ другихъ парижскихъ буржуа (это еще не диво: всѣ мѣщане увлекаются мишурой и помпой), но и привести въ изумленіе и восторгъ всю Европу, не исключая и соотечественниковъ Шекспира, — это не совсѣмъ обыкновенное событіе. Мы, вмѣстѣ съ другими, были увлечены этими Камиллами, Герміанами, Федрами, Андромахами, въ образѣ Рашели. Но уже съ тѣхъ поръ прошло много времени. Мы успѣли охладиться, состарѣться и нѣсколько измѣнить нашъ прежній взглядъ на искусство, не согласный съ настоящими нашими убѣжденіями.

Рашель (мы до сихъ поръ впрочемъ убѣждены въ этомъ) была дѣйствительно геніальная артистка, но только въ смыслѣ старой школы. Она была безукоризненная героиня и полубогиня со всею прелестью утонченной античной красоты и граціи; Корнель и Расинъ преклонили бы передъ ней колѣни, самъ Людовикъ XIV оказалъ бы ей, вѣроятно, большія почести; но она не имѣла уже ничего общаго съ нашими нравами, привычками и понятіями—до того, что снимая съ себя котурны и пеплумъ, такими граціозными складками падавшій съ ея плечъ, одѣваясь въ простое платье и надѣвая ботинки, она вдругъ превращалась въ обыкновенную актрису... Для ея драматическаго поприща нуженъ былъ цѣлый Олимпъ, а не салонъ; героиня и богиня, она не могла унизиться до обыкновенной женщины.

Рашель была, мы повторяемъ, явленіемъ исключительнымъ, и могла появиться только въ странѣ и на сценѣ, гдѣ еще довольно живо сохранялись псевдо-классическія преданія, которыя постепенно исчезаютъ и тамъ съ каждымъ днемъ.

Теперь, когда простота и правда предъявляютъ уже такъ настоятельно свои требованія, когда все такъ быстро двигается впередъ, когда въ десять лѣтъ мы переживаемъ то, чего прежде не переживали и въ двѣсти, когда искусство, до сихъ поръ упорно замкнутое въ самомъ себѣ и отстаивавшее свою самостоятельность, начинаетъ великодушно выходить изъ своего заколдованнаго круга, спускается съ своихъ недосягаемыхъ высотъ и удостоиваетъ пособлять въ разрѣшеніи вопросовъ о насущныхъ потребностяхъ и вопіющихъ нуж-

дахъ бѣднаго человѣчества,—теперь возвратъ къ парикамъ, пудрѣ, реторикѣ и раболѣпству становится невозможнымъ ни въ жизни, ни въ искусствѣ.

Рашель пропѣла прощальную пѣснь старому искусству. Ристори допѣваетъ ее.

Извѣстность Ристори распространилась по Европѣ въ послѣдніе годы жизни Рашели, послѣ первыхъ дебютовъ итальянской артистки въ Парижѣ (1855). До этой поры она пользовалась ею только въ своемъ отечествѣ.

Французскіе фельетонисты неудачно сравнивали ее съ Рашелью. Сравнивать ихъ нельзя. Рашель, въ своей ограниченной, псевдо-классической сферѣ, была геніальной, полной, самовластной распорядительницей. Если она дѣлала попытки выходить изъ нея и появлялась въ драмѣ и новѣйшей комедіи, — попытки эти, какъ мы уже замѣтили, были неудачны. Ристори выполняетъ почти съ одинаковымъ успѣхомъ различныя и разнообразныя роли въ трагедіи, въ драмѣ, въ мелодрамѣ и въ комедіи. Ея репертуаръ шире репертуара Рашели; но во французской трагедіи Ристори является уже ниже ея, — доказательствомъ этому служитъ «Федра».... Между Федрою-Рашелью и Федрою-Ристори нѣтъ сравненія. Трагедія была истиннымъ призваніемъ Рашели: въ «Федрѣ», въ «Камиллѣ», въ Гофолліи, — у нее сквозь рутину прорывался во многихъ мѣстахъ тотъ священный внутренній огонь, который мгновенно сообщался всѣмъ зрителямъ, какъ электрическая искра, и потрясалъ ихъ до глубины души, несмотря на слабое сочувствіе ихъ къ псевдо-классическимъ героинямъ. Ристори выполняетъ роль «Федры» конечно съ большимъ искусствомъ, но въ нѣкоторыхъ сценахъ—увы!—придаетъ ей мелодраматичность, вовсе не свойственную трагедіи; къ тому же, въ ней нѣтъ той античной граціи, той пластичности, которая составляла прелесть Рашели въ роляхъ древнихъ героинь.

Для Ристори нужна только эффектная канва — въ какой бы формѣ она не проявлялась—въ трагической, комической или даже мелодраматической. Разсмотрите репертуаръ Ристори. Кромѣ «Маріи Стюартъ» Шиллера и «Макбета» Шекспира, весь онъ состоитъ изъ итальянскихъ мелодрамъ или драматическихъ либретто. Мы иначе не умѣемъ назвать такія пьесы, какъ «Юдифь», «Каина», «Пія» и другія, въ которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго художественнаго достоинства и которыя явно написаны для того только, чтобы дать артисткѣ какъ можно болѣе эффектныхъ положеній.

Подробно разбирать игру Ристори во всѣхъ роляхъ, въ которыхъ она являлась на петербургской сценѣ, мы не имѣемъ намѣренія, да и считаемъ это совершенно безполезнымъ и скучнымъ для

большинства нашихъ читателей, не видавшихъ ея. Мы только выскажемъ нашъ общій взглядъ на знаменитую артистку и укажемъ на ея лучшія роли, по нашему мнѣнію.

Ристори обладаетъ всѣми необходимыми сценическими средствами: прекраснымъ ростомъ, правильными и красивыми чертами лица, звучнымъ контральтовымъ голосомъ. Она довела свою мимику до поразительнаго совершенства; каждая роль изучена ею съ тщательностію и выполняется съ замѣчательнымъ, иногда поражающимъ искусствомъ — все равно какова бы ни была роль—расиновская ли «Федра», шекспировская ли «Леди Макбетъ», или «Пія Толомея» — нелѣпѣйшая мелодраматическая роль, къ которой, почему-то, Ристори питаетъ особенное расположеніе, ибо выбрала ее для своихъ бенефисовъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ.

Мы не пропустили ни одной роли Ристори и усердно слѣдили за ея игрою. Мы удивлялись искусству знаменитой артистки, вмѣстѣ со всѣми рукоплескали ей, но мы будемъ говорить прямо и откровенно (на старости лѣтъ не увлекаются ни своими домашними, ни даже европейскими авторитетами), г-жа Ристори ни разу не потрясла насъ до глубины сердца, ни разу не дала намъ такого высочайшаго артистическаго наслажденія, какимъ мы были обязаны, напримѣръ, нѣкогда Фредерику Леметру.

Движимый вдохновеніемъ, этотъ артистъ производилъ иногда чудеса надъ своими зрителями, не смотря на свой уже болѣзненный, дряхлый видъ (мы видѣли его въ 1846 году). У насъ захватывало дыханіе, мы замирали и чувствовали, что въ то же самое мгновеніе вмѣстѣ съ нами замираетъ дыханіе у тысячи людей... и потомъ тысячи голосовъ сливались въ одинъ единодушный крикъ восторга и умиленія, разрѣшавшагося горячими слезами....

Такія слезы заставлялъ проливать иногда Мочаловъ, который, впрочемъ, рѣдко выдерживалъ цѣлую роль и гораздо чаще заставлялъ досадовать зрителей. Во многихъ мѣстахъ лучшихъ своихъ ролей, Рашель приводила въ ужасъ и трепетъ зрителей — при звукахъ ея голоса и при взглядѣ на нее невольно пробѣгали холодныя мурашки по тѣлу....

Ничего подобнаго не ощущали мы, смотря нѣкогда на Каратыгина и смотря теперь на Ристори.... А въ томъ, что Каратыгинъ принадлежалъ къ разряду первоклассныхъ артистовъ (старой драматической школы) и въ томъ, что Ристори первоклассная артистка — никто не сомнѣвается.

Но для того, чтобы магически дѣйствовать на зрителей и покорять ихъ себѣ такъ могущественно, какъ покорялъ Фредерикъ Леметръ, необходимо имѣть артисту тотъ священный внутренній огонь,

который нельзя возжечь никакимъ изученіемъ, никакимъ усиліемъ, никакою выработкою надъ собою. Этотъ священный огонь называется въ поэтѣ, музыкантѣ, живописцѣ, скульпторѣ, актерѣ—*геніальностію*....

Его носили въ груди своей Фредерикъ Леметръ, отчасти Рашель, и онъ-то вспыхивалъ изрѣдка въ Мочаловѣ. Въ Рашелѣ онъ былъ затушаемъ сценической рутиной и преданіями старой школы. Мочаловъ гасилъ его въ себѣ крайнимъ невѣжествомъ, неумѣренною и грязною жизнію....

Такіе артисты, какъ Фредерикъ Леметръ и Мочаловъ, весьма часто разыгрывали свои роли неровно и неудачно, потому что они были подчинены своему внутреннему вдохновенію, находились постоянно подъ его властію. Нерѣдко (намъ разсказывали это люди, очень хорошо знавшіе Мочалова, и между прочими покойный С. Т. Аксаковъ) Мочаловъ торжественно говорилъ: «Вотъ посмотрите, какъ я завтра съиграю Гамлета!» и приглашалъ всѣхъ близкихъ знакомыхъ смотрѣть на него. Они сходились въ театръ и выходили съ печальными физіономіями.... Мочаловъ старался до поту лица и былъ изъ рукъ вонъ плохъ.... Въ другой разъ, вовсе неожиданно для него самого, вдохновеніе посѣщало его.... и онъ, какъ чародѣй, волновалъ и потрясалъ зрителей....

Что касается до насъ, мы, признаемся въ нашей слабости, предпочитаемъ такого рода *неровныхъ* артистовъ, подчиненныхъ независящему отъ нихъ внутреннему вдохновенію, тѣмъ блистательнымъ и первоклассньмъ артистамъ, которые постоянно одинаково поражаютъ своимъ искусствомъ и вызываютъ рукоплесканія всегда въ однихъ и тѣхъ же извѣстныхъ мѣстахъ своихъ ролей.

Большинство несогласно съ нашимъ мнѣніемъ,—мы это знаемъ; большинство предпочитаетъ всегда послѣднихъ первымъ, увлекаясь внѣшнимъ блескомъ.... Внѣшній блескъ, эффектность, искусственность, тщательное изученіе — все это на сценѣ весьма важно, но мы все это готовы отдать за одну минуту истиннаго вдохновенія, потому что для насъ одна такая минута часто доставляетъ несравненно болѣе артистическаго наслажденія, чѣмъ цѣлая роль, выполненная умно и эффектно, но не озаренная вдохновеніемъ.

Намъ кажется (мы не навязываемъ никому своего мнѣнія), что при всемъ искусствѣ Ристори, при всей ея трагической силѣ, — ей недостаетъ одного—именно этого священнаго, внутренняго огня, или этого вдохновенія (какъ хотите назовите), которое дается только немногимъ, избраннымъ изъ избранныхъ артистовъ. Ристори изучаетъ свои роли превосходно, выполняетъ ихъ мастерски, но слишкомъ разсчитываетъ на эффекты и даже иногда на эффекты,

обращающіеся отъ ихъ постояннаго употребленія въ сценическую рутину. Въ подтвержденіе этого мы укажемъ на тѣ сцены въ «Каммѣ» и въ «Юдиѳи», въ которыхъ она одной половиной лица выражаетъ ненависть, другой—любовь, или на ту сцену въ «Елисаветѣ», когда она въ одно и то же время диктуетъ грозное письмо Лейчестеру и милостивый приказъ объ освобожденіи Шекспира.

Если въ такихъ мѣстахъ сценическое искусство доводится и до совершенства, то жизненная правда много страдаетъ. Конечно, такого рода чрезвычайно эффектныя выходки возбуждаютъ постоянно громкія рукоплесканія, но артисты истинные, съ глубокимъ художественнымъ тактомъ, никогда не жертвуютъ правдой для рукоплесканій.

Кстати о художественномъ тактѣ. Рашель иногда грѣшила противъ этого такта, желая передавать предсмертныя муки (въ «Камиллѣ», «Федрѣ» и «Адріеннѣ Лекуврёръ») какъ можно натуральнѣе.... Съ медицинской точки зрѣнія она можетъ быть являлась безукоризненною, но съ артистической, на эти ломанья и кривлянья было не легко смотрѣть.

Ристори довела ихъ до невозможности въ «Адріеннѣ Лекуврёръ», «Каммѣ» и въ особенности въ «Піи Толомеи», гдѣ она мечется въ предсмертной агоніи въ теченіе всего послѣдняго акта. Выносить такого зрѣлища нѣтъ никакой возможности. Такія продолжительныя предсмертныя агоніи, при чувствѣ художественнаго такта, никакъ не могутъ быть допускаемы на сценѣ.

Мы полагаемъ даже, что послѣдняя сцена въ «Лади Макбетъ», когда она выходитъ изъ своей спальни въ забытьи и говоритъ: «Прочь, проклятое пятно! прочь, говорю я!» была выполнена Ристори съ большимъ совершенствомъ въ медицинскомъ, нежели въ артистическомъ смыслѣ; въ этой сценѣ, которая должна была бы приводить въ ужасъ и трепетъ зрителей, зрители только удивлялись искусству артистки, съ которымъ она передавала состояніе сомнанбулизма. Нельзя не замѣтить однако, что въ первыхъ сценахъ съ мужемъ, когда она подстрекаетъ его къ убійству, Ристори была превосходна.

Вообще сила Ристори ярче всего обнаруживается въ выраженіи сильныхъ страстей, въ сценѣ «Юдиѳи» передъ убійствомъ Олоферна, въ послѣдней сценѣ «Каммы».... Къ ней болѣе идетъ характеръ суровой и самолюбивой Елисаветы, чѣмъ страстной, соблазнительной и преступной Маріи Стюартъ. Въ Ристори, которая, впрочемъ, выполняетъ роль несчастной шотландской королевы съ большимъ искусствомъ, недостаетъ той мягкости, страстности и женственности, которая необходима для этой роли. По време-

намъ Ристори поражаетъ даже нѣкоторою грубоватостію и жесткостью, но не надо забывать, что знаменитая артистка — итальянка и что эта жесткость можетъ быть нѣсколько въ характерѣ итальянскихъ женщинъ. Отрѣшиться вполнѣ отъ своего національнаго характера невозможно.

Ристори всего менѣе удачна, — по крайней мѣрѣ намъ такъ кажется, — въ роли «Адріенны Лекуврёръ». Ристори играетъ эту роль вѣроятно потому, что ее играла Рашель, но именно потому ей и не слѣдовало брать ее на себя. Рашель выполняла эту роль (довольно впрочемъ нелѣпую) съ бо́льшею тонкостію и тактомъ и придавала ей нѣкоторый интересъ, но Ристори слишкомъ тяжела и торжественна для Адріенны....

За то въ комедіи «La Lacondiera» она была безукоризненна. (Это извѣстная старымъ театраламъ *Мирандолина*, въ которой нѣкогда играла Асенкова). Типъ бойкой и ловкой трактирщицы г-жа Ристори изобразила съ величайшею правдою — и сколько веселости и живости обнаружила она въ этой ролѣ!

Но лучшею ролью знаменитой артистки изъ всѣхъ ролей, выполненныхъ ею на петербургской сценѣ, это, безъ всякаго сомнѣнія, роль *Елисаветы-Англійской*, въ исторической драмѣ Паоло-Джіакометти, довольно ловко составленной, въ которой приведены самые драматическіе моменты изъ жизни королевы-дѣвственницы до самой смерти ея включительно. Ристори создала этотъ замѣчательный образъ съ полнымъ артистическимъ совершенствомъ, съ изумительною историческою вѣрностію. Въ созданіи этого историческаго типа Ристори не знаешь, чему болѣе удивляться — ея искусству, или ея эрудиціи... Съ самой первой сцены, въ которой появляется королева, когда на замѣчаніе Берлей, «что роль полководца нейдетъ къ женщинѣ», Елисавета гордо отвѣчаетъ: «Jo non sono donna» (я не женщина)— «sono re!» (я король) до послѣдней минуты, когда при кликахъ народа, привѣтствующаго Іакова, умирающая Елисавета вдругъ срываетъ съ головы его корону, выпрямляется съ гнѣвомъ и, надѣвая ее на свою голову, говоритъ:

«Ma io sono re ancora, e vivo! Oh! per poco!»—

(Но я еще королева и жива! Подождите!) Ристори характеръ этой завистливой, самолюбивой, непреклонной королевы, гордящейся своею мужескою твердостію и не умѣющей въ то же время скрывать своего мелочнаго женскаго тщеславія, — развиваетъ смѣло и вѣрно и возводитъ свое созданіе до типичности. Кто разъ видѣлъ Ристори въ «Елисаветѣ», у того навсегда напечатлѣется въ памяти этотъ образъ, такъ мастерски олицетворенный ею...

Надобно видѣть, съ какимъ негодованіемъ пробѣгаетъ она письмо Лейчестера, въ которомъ онъ проситъ у Елисаветы позволенія принять бельгійскую корону, и съ какою ядовитою ироніею читаетъ вслухъ: «Noi, noi! fummo ricevati in Olanda colle più aperte dimonstrazioni di entusiasmo, ci decretarono archi trionfali e feste splendissime»... A lui!» (*Мы, мы*! были приняты въ Голландіи съ выраженіемъ величайшаго восторга, *намъ* воздвигали тріумфальныя ворота, давали великолѣпные праздники... Ему!)... «Re! Leicester re!» (Король! Лейчестеръ король!)

Сцена во 2 актѣ съ графомъ Эссексомъ, когда Елисавета на минуту допускаетъ себя увлечься страстью и въ волненіи обнаруживаетъ себя; когда она отдаетъ ему кольцо и говоритъ, что какое бы преступленіе ни совершилъ онъ, это кольцо спасетъ его отъ наказанія, если онъ пришлетъ его или покажетъ, — страстное смущеніе Елисаветы, ея борьба между влеченіемъ къ своему любимцу и достоинствомъ королевы — все это выражалось Ристори съ глубокою правдою.

При видѣ восторженнаго состоянія Эссекса и пламени его глазъ, она восклицаетъ: «Ora lasciatemi» (теперь оставьте меня), но Эссексъ схватываетъ ея руку и горячо цалуетъ ее. Страсть на одно мгновеніе вспыхиваетъ въ ней, но она тотчасъ же душитъ ее, облекается въ недоступное королевское величіе и восклицаетъ съ повелительнымъ жестомъ, но взволнованнымъ еще отъ страсти голосомъ:

«Basta, basta, partite!» (Довольно, довольно,—удалитесь!) и потомъ страстно произноситъ, смотря ему вслѣдъ: »Jo lo amo... oh l'amo non ho amato mai...» (Я люблю его... люблю, какъ никогда никого не любила!)

Въ этой сценѣ артистка неподражаема.

Въ IV актѣ, когда уже Эссексъ въ тюрьмѣ и королева ожидаетъ тщетно присылки отъ него кольца, ея сцены съ Анною и леди Сарою; сцена, когда она узнаетъ о казни своего любимца, приказываетъ всѣмъ удалиться и восклицаетъ, подавленная отчаяніемъ: «Sola, qui in un lago di sangue... Sola carimorsie con Dio!» (Одна въ кровавомъ потокѣ, одна съ угрызеніемъ совѣсти и съ Богомъ!) и наконецъ въ послѣднемъ актѣ, когда она является разрушенная и подавленная лѣтами, тщетно старающаяся скрыть свою слабость, чувствующая мучительно, что уже близится ея послѣдній часъ и что власть ускользаетъ отъ нее, — Ристори поражаетъ искусствомъ, доведеннымъ до совершенства.

Передъ созданіемъ «Елисаветы», всѣ «Медеи», «Каммы», «Федры» и даже« Юдифи»(въ «Юдифи» Ристори впрочемъ гораздо выше

чѣмъ въ трехъ первыхъ роляхъ) совершенно блѣднѣютъ и смѣшиваются въ памяти.

Въ роли «Елисаветы» Ристори слила вполнѣ историческую правду съ художественною. — Болѣе этого сказать нечего.

Мы замѣтили, упоминая о Ристори, въ предшествовавшихъ книжкахъ нашего журнала, что ея успѣхъ возрасталъ съ каждою новою ролью. Это правда. Ее вызывали все чаще и громче, но въ этомъ громкомъ успѣхѣ было однако что-то неопредѣленное, нерѣшительное. Толки объ ней были до невѣроятности разнорѣчивы: одни отзываются объ ней, какъ о геніальной артисткѣ, необыкновенно разнообразной, и ставятъ ее выше Рашель; другіе, напротивъ, говорятъ, что Рашель неизмѣримо выше ея; есть и такіе, которые отрицаютъ въ ней всякое достоинство, замѣчая, что ее игра холодна, искусственна и потому фальшива, что она до крайности однообразна во всѣхъ своихъ роляхъ. Журнальные и газетные фельетонисты, всѣ единогласно признавая въ ней геніальный, громадный талантъ и отдавая ей даже преимущество передъ Рашелью, не сходятся однако другъ съ другомъ въ оцѣнкѣ ея ролей: одни говорятъ, что комедія не ея дѣло; другіе, что она въ комедіи такъ же высока, какъ и въ трагедіи; одни увѣряютъ, что ея лучшая роль «Юдифь», другіе находятъ ее совершенной въ «Маріи Стюартъ», третьи восторгаются ею даже въ «Піи-Толомеи». По ея поводу наговорили тысячи великолѣпныхъ риторическихъ фразъ, называемыхъ въ наше время *общими мѣстами*...

Изъ этого хаоса взглядовъ, мнѣній, восклицаній, фразъ невозможно составить никакого опредѣленнаго мнѣнія объ артисткѣ. Изъ нашихъ замѣтокъ читатель, по крайней мѣрѣ, выведетъ ясно, что Ристори, при всемъ своемъ замѣчательномъ талантѣ, при всей трагической силѣ, не имѣетъ того внутренняго огня, который электрически дѣйствуетъ на зрителей, того вдохновенія, которое заставляетъ проливать слезы, отъ котораго «стонетъ весь театръ», по выраженію Гоголя; что у нее вдохновеніе замѣняется изученіемъ. Оттого всѣ эти изумительные порывы страстей съ ихъ разнообразными переходами, борьбы чувствъ и проч. нѣсколько однообразны.

Правы ли мы, или нѣтъ?—рѣшать не намъ. Но какъ бы то ни было, имена Рашели и Ристори, конечно, займутъ почетныя мѣста въ исторіи сценическаго искусства. При этомъ нельзя однако не замѣтить, что драматическому искусству предстоитъ большой и можетъ быть близкій переворотъ... Ему пора уже выйти изъ устарѣлой колеи, изъ рутины, въ которую оно погрязло, и освободиться отъ отягощающихъ его преданій, которымъ, по необходимости, подчинялись и

подчиняются лучшіе представители и представительницы этого искусства въ Европѣ... Эти «Федры» и «Медеи», риторики и декламаціи становятся уже почти невозможны.

Труппа Ристори несравненно лучше труппы Рашель. За исключеніемъ «Адріенны Лекуврёръ», она разыгрывала пьесы довольно сносно. Г. *Майерони* даже очень замѣчательный талантъ. Въ роли «Олоферна» онъ съ большимъ мастерствомъ олицетворялъ этого дикаря, и былъ очень хорошъ во многихъ сценахъ «графа Эссекса».

Скажемъ два слова о русскомъ театрѣ. Въ бенефисъ г. Григорьева 1-го дана была новая пьеса, подъ заглавіемъ: «*Чему быть, тому не миновать, или не по носу табакъ*», соч. г. Подгоскаго — издателя «Солдатской Бесѣды» и автора многихъ прекрасныхъ разсказовъ изъ солдатскаго быта. Кажется, пьеса эта предназначалась сначала для солдатскаго театра. Содержаніе ея нехитро. Молодой крестьянинъ любитъ молодую крестьянку, которую отецъ хочетъ выдать за цаловальника. Влюбленный крестьянинъ идетъ въ солдаты и возвращается изъ Севастополя унтеръ-офицеромъ и, конечно, съ Георгіемъ. Тутъ является благодѣтельный помѣщикъ съ крестомъ на шеѣ, и при помощи его два влюбленные соединяются. Въ этой пьесѣ роль дьячка игралъ съ неподражаемымъ комизмомъ г. *Васильевъ*, который играетъ Подхалюзина въ «Своихъ Людяхъ». Мы можемъ смѣло сказать, что русская сцена пріобрѣтаетъ въ г. Васильевѣ замѣчательный талантъ. Съ первыхъ своихъ дебютовъ, онъ пріобрѣлъ уже блестящую извѣстность.

Перейдемъ теперь къ итальянской оперѣ. Мы получили слѣдующее письмо отъ одного изъ любителей музыки (М. С. Л.):

Съ октября мѣсяца прошлаго года «Замѣтки о петербургской жизни» не сообщали своимъ читателямъ никакихъ свѣдѣній о представленіяхъ итальянской оперы. Вѣроятною причиною тому было — отчасти продолжительное закрытіе спектаклей въ началѣ опернаго сезона, отчасти — представленія г-жи Ристори, отвлекавшія вниманіе публики на сцену Маріинскаго театра.

Впрочемъ, говоря откровенно, сообщать было почти не о чемъ, такъ-какъ выдающихся новостей въ персоналѣ артистовъ мало, а въ оперномъ репертуарѣ и вовсе нѣтъ.

Въ нынѣшній сезонъ, какъ и въ прошлый, особеннымъ, вполнѣ заслуженнымъ вниманіемъ публики пользуются гг. Тамберликъ и Кальцолари; затѣмъ доставляетъ много удовольствія въ настоящемъ и позволяетъ ожидать еще болѣе въ будущемъ, вновь ангажированная на нашу сцену молодая пѣвица, г-жа Фьоретти. Остальныя прима-донны, г-жи: Лагруа, Дидье, Бернарди и Доттини, уже извѣстны

нашей публикѣ, какъ равно гг. Дебассини и Эверарди, старые знакомые петербургскихъ меломановъ.

Новой или возобновленной оперы, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, не было ни одной, такъ что репертуаръ нынѣшняго сезона вообще однообразенъ и даже бѣднѣе прошлогоднихъ; онъ ограничивается произведеніями Россини (Карлъ Смѣлый (?), Отелло, Севильскій цирюльникъ, Итальянка въ Алжирѣ), Беллини (Пуритане, Норма) Мейербера (Осада Гента (?), Плоэрмельскій праздникъ), Вебера (Волшебный стрѣлокъ), Верди (Риголетто, Трубадуръ) и Донидзетти (Лукреція, Фаворитка). Итого дано только 13 различныхъ оперъ, а всѣхъ представленій было уже 54. Въ нынѣшнемъ году меломаны лишены были даже удовольствія слушать моцартовскаго «Донъ-Жуана», россиніевскаго «Моисея», мейерберовскихъ «Гугенотовъ»... Этимъ и ограничивалась дѣятельность петербургской итальянской оперы до половины февраля нынѣшняго года.

Съ тѣми изъ нашихъ читателей, которые на столько интересуются итальянскою музыкою, что сообщенныя нами свѣдѣнія покажутся имъ слишкомъ краткими, мы побесѣдуемъ нѣсколько подробнѣе, по крайней мѣрѣ о представленіяхъ, особенно любимыхъ нашею публикою. Къ такимъ принадлежатъ, во-первыхъ, оперы, привлекающія толпу по причинамъ постороннимъ собственно музыкѣ; такъ коза, пробѣгающая по сценѣ, электрическій лунный свѣтъ, громъ, молнія, горный потокъ, прорывающій плотину, г-жи Дидье и Бернарди въ костюмахъ бретонскихъ пастуховъ, г. Беттини, который поетъ, даже по требованію *«знатоковъ»* повторяетъ свою единственную арію, въ тактъ ей приплясываетъ

И точитъ лезвіе косы, —

все это сдѣлало «Плоэрмельскій праздникъ» любимою оперою не только парижской (оно бы и неудивительно), но и петербургской публики. Строго же говоря, въ послѣднемъ произведеніи Мейербера пріятно останавливаютъ вниманіе меломана *только* увертюра, финальный терцетъ перваго акта, квартетъ третьяго, еще два-три нумера — не болѣе; главныя роли сопрано и тенора, при всей трудности изученія, крайне неблагодарны; по истинѣ, даже жалко видѣть такого серьезнаго и талантливаго артиста, какъ г. Кальцолари, въ балетной роли Корентина.

Къ этой же категоріи оперъ, поражающихъ преимущественно великолѣпіемъ постановки, слѣдуетъ отчасти причислить и *«Осаду Гента»*, растянутую на четыре акта только для двухъ дѣйствительно эфектныхъ сценъ: «Іоаннъ въ лагерѣ анабаптистовъ» и «Коронованіе». Впрочемъ, успѣху этой оперы не мало способствуетъ отлич-

ное исполненіе ролей Фидесъ и Іоанна (г-жа Нантье-Дидье и г. Тамберликъ).

Къ любимымъ операмъ втораго разряда, усердно посѣщаемымъ истинными любителями музыки и пѣнія, мы безъ боязни ошибиться отнесемъ «*Карла Смѣлаго*», «*Севильскаго цирюльника*», «*Отелло*» «*Норму*» и «*Пуританъ*». Первому изъ нихъ, лучшему произведенію Россини, особенно посчастливилось на нашей сценѣ: г. Тамберликъ въ роли Арнольда — выше всякой похвалы; г-жа Бернарди исполняетъ свою роль весьма отчетливо, и справедливо нравится публикѣ; г. Дебассини поетъ съ большимъ одушевленіемъ; усиленные мужскіе хоры и оркестръ ведутъ дѣло отъ начала до конца почти безупречно. Вообще опера идетъ оживленно и стройно, за исключеніемъ сокращенной до незначительности партіи Jemmy (г-жа Леграманти); но тѣ сцены, въ которыхъ участвуетъ г. Тамберликъ (а безъ него дѣло почти не обходится), исполнены потрясающей силы, неудержимо увлекаютъ слушателя и настроиваютъ его очень высоко.....

О «Barbier» много распространяться не будемъ; граціозная музыка этой оперы и прекрасное, строго-артистическое исполненіе роли Альмавивы г-мъ Кальцолари — извѣстны давно; оживленная игра Фигаро (г. Эверарди), удачная гримировка Донъ-Базильо (г. Марини) и фарсы г. Росси (въ роли Бартоло) поддерживаютъ въ публикѣ веселое настроеніе. Но нельзя не замѣтить, что роль Розины въ контральтовой партіи, вмѣсто сопрано, проигрываетъ не мало; къ тому же, и выборъ пьесъ, безсмѣнно исполняемыхъ г-жею Дидье при урокѣ пѣнія (вальсъ соч. Чіарди и русскій романсъ «Люби меня»), нельзя назвать вполнѣ удачнымъ.

Успѣхъ третьей изъ названныхъ нами оперъ Россини еще менѣе нуждается въ объясненіи: г. Тамберликъ безспорно и несравненно лучшій Отелло изъ всѣхъ артистовъ, исполнявшихъ эту роль на европейскихъ оперныхъ сценахъ, не въ обиду г. Кравцову будь то сказано; къ этому надо прибавить еще, что мастерское пѣніе г-на Кальцолари сдѣлало незначительную роль Родриго весьма интересною. Кстати, чтобъ не забыть потомъ, сообщимъ теперь же, что въ фотографическомъ заведеніи Левицкаго (противъ Казанскаго собора, домъ подъ № 28), намъ случилось видѣть весьма удачные портреты и карточки гг. Тамберлика, Кальцолари, г-жи Лагруа и другихъ итальянскихъ артистовъ.

Но интереснѣйшимъ спектаклемъ нынѣшняго сезона были «*Пуритане*». Независимо отъ истинно-музыкальныхъ красотъ, которыми такъ щедро надѣлилъ Беллини свое любимое произведеніе, петербургскіе меломаны ожидали этого спектакля съ особеннымъ нетерпѣніемъ и потому еще, что въ роли Эльвиры должна бы-

ла впервые появиться на сценѣ г-жа Фьоретти, которую обязательные фельетонисты наши воспѣвали крайне скромно, чтò дозволяло предполагать въ ней несомнѣнное дарованіе.

Дѣйствительно, 10 октября такія предположенія оправдались къ не малому удовольствію тѣхъ многихъ, которые уже привыкли считать мѣсто Бозіо на нашей сценѣ вакантнымъ на-долго. Мы, конечно, далеки отъ намѣренія поставить новую прима-донну на ряду съ великой артисткой, къ воспоминанію о которой такъ грустно примѣняется стихъ Корнеля:

«Que des plus nobles fleurs la tombe soit couverte!»

Нѣтъ, мы хотѣли только заявить мнѣніе большинства, что послѣ Бозіо, до сихъ поръ исполненіе ролей, ею прославленныхъ, возбуждало въ слушателяхъ одно лишь сожалѣніе.

Но возвратимся къ г-жѣ Фьоретти, которая съ перваго же представленія «Пуританъ» возбудила въ петербургской публикѣ, замѣтимъ избалованной, живую къ себѣ симпатію; безпристрастные слушатели вѣрно оцѣнили ея не обширныя, но прекрасныя вокальныя средства, неподдѣльное чувство и хорошую школу, тщательно пройденную ею для подготовки себя къ сценическому пѣнію. Слѣдующія представленія «Пуританъ», потомъ «Риголетто» и даже «Плоэрмельскаго праздника», могли достаточно убѣдить всѣхъ въ безошибочности перваго заключенія, слѣдовательно и въ томъ, что новая пѣвица составляетъ счастливое пріобрѣтеніе для нашей сцены.

Г-жа Фьоретти еще очень молода, и если она будетъ серьёзно продолжать свое артистическое образованіе, то нѣтъ сомнѣнія, что успѣхъ ея будетъ возрастать и упрочиваться съ каждымъ годомъ. Говоря о «Пуританахъ», нельзя по долгу справедливости не засвидѣтельствовать, что большая доля въ успѣхѣ этой оперы на нашей сценѣ неотъемлемо принадлежитъ г-ну Кальцолари: роль Артура онъ исполняетъ въ совершенствѣ. Квартетъ перваго акта: «A te, o cara!» благодаря тенору и сопрано, постоянно вызываетъ восторженныя одобренія; въ polacca г-жа Фьоретти выказываетъ, при тончайшей вѣрности слуха, замѣчательное искусство вокализаціи и свободно доходитъ въ гаммѣ до верхняго ré; превосходную арію: «Qui la voce» она исполняетъ съ глубокимъ чувствомъ. Намъ показалось только, что напрасно, при повтореніи заключительной фразы: «Ah! rendetemi la speme, пѣвица уклоняется отъ партитуры и беретъ si bémol вмѣсто sol: такое измѣненіе не въ характерѣ аріи. Партія Ричарда ведется г-мъ Дебассини хорошо; но, къ сожалѣнію, въ извѣстномъ дуэтѣ его съ басомъ сильно сказывается недостатокъ исполнителя для роли Георга, какъ и для многихъ другихъ басо-

выхъ партій. Поговариваютъ, что на будущій сезонъ приглашены къ намъ гг. Анджелини и Граціани; милости просимъ, господа, vous serez toujours les bien — venus.

Еще два слова о «Пуританахъ». Въ продолженіе всего послѣдняго акта г. Кальцолари не сходитъ со сцены и неослабно поддерживаетъ въ слушателяхъ напряженное вниманіе; элегическій романсъ Артура онъ исполняетъ съ неподражаемымъ искусствомъ и задушевною теплотою; въ послѣднемъ же дуэтѣ его съ Эльвирой: «Vieni, vieni fra queste braccia» увлеченіе исполнителей очевидно сообщается публикѣ, и дуэтъ непремѣнно заключается взрывомъ рукоплесканій и настойчивыми требованіями повторенія. Мы понимаемъ, что съ увлеченіемъ сладить трудно, соглашаемся вполнѣ и съ тѣмъ, что каждый артистъ всегда дорожитъ искреннимъ одобреніемъ публики; но тѣмъ не менѣе рѣшаемся замѣтить, что безпрерывныя, упорныя требованія повтореній, въ особенности длинныхъ и трудныхъ нумеровъ, не показываютъ заботливой снисходительности публики относительно ея любимцевъ и нерѣдко утомляютъ артистовъ до крайности.

Здѣсь мы воспользуемся случаемъ высказать кстати нѣсколько общихъ замѣчаній о неумѣренныхъ и несвоевременныхъ выраженіяхъ многими изъ посѣтителей своего удовольствія аплодисментами, громкими восклицаніями и несчетными вызовами. Начать съ того, что въ бóльшей части случаевъ это дѣлается не по внутреннему побужденію, а такъ, по привычкѣ, по примѣру другихъ, или наконецъ, что хуже всего, изъ суетнаго желанія блеснуть оригинальностью, выставиться и показать, что

И мы де въ музыкѣ, чего нибудь да стóимъ!

За примѣромъ нѣтъ надобности ходить далеко: кто присутствовалъ хотя на одномъ изъ трехъ (30 января, 1 и 4 февраля) абонементныхъ представленій «Лукреціи Борджіа», тотъ, конечно, признаетъ высказанное нами положеніе согласнымъ съ дѣйствительностью. Тутъ было для всѣхъ ясно какъ день, что источникомъ неистовыхъ криковъ и хлопанья было не эстетическое увлеченіе, не порывы душевнаго восторга, а оскорбленное самолюбіе нѣсколькихъ новичковъ или вообще непрошенныхъ «цѣнителей и судей», которымъ страхъ-какъ хочется показать свою самостоятельность поощреніемъ, на перекоръ всѣмъ, г-на Монджини, играющаго роль злополучнаго Дженнаро. Къ сожалѣнію, подобные господа забываютъ, что однихъ ушей еще недостаточно для оцѣнки музыкальнаго произведенія или исполненія, что эдакъ, пожалуй, посовѣтуешь соловью «немножко поучиться» у пѣтуха. Да, чтобъ не попасть въ число судей, отъ которыхъ крыловскій соловей

«Вспорхнулъ—и улетѣлъ за тридевять полей»,

необходимо обладать природнымъ даромъ музыкальнаго слуха и, за недостаткомъ серьёзнаго художественнаго образованія, по крайней мѣрѣ воспитать свой вкусъ продолжительнымъ и внимательнымъ слушаніемъ образцовыхъ авторовъ и исполнителей. Безъ этого — что ни шагъ, то въ просакъ.

Посмотрите, напримѣръ, чего не выдѣлываютъ эти псевдо-меломаны въ доказательство своего....безвкусія! Дженнаро неловко выходитъ на сцену въ какомъ-то вычурномъ, вовсе неизящномъ костюмѣ, — они его встрѣчаютъ аплодисментами; испортитъ онъ дуэтъ — ему кричатъ браво!, исказитъ музыкальную фразу, даже цѣлую арію—брависсимо!, разсмѣшитъ публику въ патетической сценѣ — его вызываютъ; сорвется на высокой нотѣ — ему непремѣнно подносятъ букетъ или вѣнокъ. До сихъ поръ большинство присутствующихъ терпѣливо хранитъ молчаніе и только пожимаетъ плечами. Наконецъ, артистъ, разсерженный такимъ равнодушіемъ и какъ бы въ наказаніе публикѣ, поетъ вставную арію, въ заключеніе которой испускаетъ какой-то странный, жалобный звукъ и тянетъ его дикимъ фальсетомъ безконечно долго. Казалось бы—фіаско въ полной формѣ; «да ну, ступай себѣ съ миромъ», думаютъ снисходительные слушатели: «спасибо и на томъ, что наконецъ отпустилъ наши души на покаяніе». Такъ нѣтъ же: поклонники срѣзавшагося пѣвца не унываютъ. Bravo! bravissimo! отчаянно кричатъ двадцать-тридцать голосовъ, bis! bis! bis! Къ нимъ спѣшатъ пристроиться всѣ тѣ, для которыхъ, безъ дальнихъ справокъ,

Кругомъ тотъ виноватъ, кто скроменъ, кто молчитъ,
А тотъ, конечно, правъ, кто съ наглостью кричитъ, —

и пошла потѣха! Всѣ насмѣшливо оглядываются кругомъ, чтобы опредѣлить откуда это громъ гремитъ; сконфуженный пѣвецъ принужденно раскланивается; капельмейстеръ въ нерѣшимости: повторять ли роковую арію. Но крики bis! все громче и громче; тогда благоразумные слушатели начинаютъ слегка унимать крикуновъ; тѣ, лично-оскорбленные противорѣчіемъ, усиливаютъ пальбу; публика выражаетъ свое неудовольствіе дружнымъ шиканьемъ. Всѣ присутствующіе заняты дѣломъ:

L'ignorance applaudit, et le goût siffle.

Чтобы чѣмъ нибудь прекратить эту тяжелую сцену, подается знакъ оркестру и несчастный артистъ, скрѣпя сердце, снова поетъ ту же арію; голосъ его дрожитъ, къ обычнымъ эфектамъ исполненія мѣстами присоединяется акомпаниментъ свистковъ, —

положенiе вовсе незавидное! Тутъ только сознаетъ онъ справедливость афоризма, что нерѣдко

Услужливость — опаснѣе вражды,

и посылаетъ all'inferno своихъ неловкихъ покровителей.

Подобныя шалости съ одной стороны до-нельзя надоѣдаютъ публикѣ, съ другой — отнимаютъ у нея возможность выразить одобренiе истинному таланту. Что, въ самомъ дѣлѣ, за почесть достойному артисту, когда его привѣтствуютъ тѣ же рукоплесканiя, которыми вчера былъ и завтра будетъ встрѣченъ какой-нибудь крикунъ, un vrai chanteur sifflable.

Къ тому же, нѣтъ никакой необходимости *во время дѣйствiя* выражать даже неподдѣльный восторгъ продолжительно-шумными аплодисментами; совершенно достаточно въ такихъ случаяхъ отвести душу изустными изъявленiями своего удовольствiя: браво! молъ, браво!—и только; это будетъ и коротко и ясно, именно ясно, потому что артистъ не можетъ заподозрить искренности двухъ–трехъ изъ глубины души вырвавшихся восклицанiй. Несвоевременные же аплодисменты, крики и вызовы только прерываютъ ходъ пьесы и мѣшаютъ полному впечатлѣнiю. Другое дѣло — въ антрактахъ или по окончанiи спектакля; тогда молодежь можетъ и пошумѣть, но все-таки и тутъ лучше не пересаливать.

Нельзя не осудить и другой крайности, которую позволяютъ себѣ нѣкоторые хладнокровные или, лучше, *кровные* посѣтители оперы; мы говоримъ объ умышленномъ пренебреженiи какъ къ публикѣ, такъ и къ артистамъ. Напримѣръ: вызванные актеры раскланиваются партеру, а эти soi-disant comme il faut'ные юноши громко разговариваютъ между собою, повернувшись спиною къ сценѣ; или за долго еще до окончанiя оперы, когда всѣ внимаютъ нерѣдко лучшему ея номеру, *дѣловые* господа оставляютъ своя кресла и съ марсовскимъ величiемъ, шумомъ и бряцанiемъ направляются къ выходу, постоянно сопровождаемые шиканьемъ меломановъ. И куда, подумаешь, спѣшатъ, почему такъ дорожатъ своимъ досугомъ именно тѣ люди, которые всю жизнь свою изыскиваютъ лишь средства убивать время!...

Коснувшись уже обстоятельствъ, не прямо относящихся къ нашей цѣли—разсказу собственно объ итальянской оперѣ, позволимъ себѣ высказать еще одно замѣчанiе, имѣющее въ виду удобства небогатыхъ, слѣдовательно весьма многочисленныхъ посѣтителей театровъ вообще. —Кому изъ тѣхъ, кто не имѣетъ своего экипажа, не случалось пробираться черезъ всю площадь, чуть не по колѣна въ снѣгу, до вожделѣннаго извощика? —Не велика бѣда, конечно, если

этой непріятной участи подвергается здоровый мужчина; а то, посмотрите, старики, дамы, даже дѣти, такъ и снуютъ по снѣгу или по грязи, между каретами, рысаками, жандармами.—Не говоря уже о вѣроятности простудиться, тутъ, въ потьмахъ, того и гляди попадешь подъ лошадь, подъ колесо, или наткнешься на дышло. Отчего бы не распорядиться такъ, чтобы хотя одна изъ трехъ, назначенныхъ для разъѣзда публики, сторонъ театра предоставлена была исключительно пѣшеходамъ и отправляющимся на извощикахъ; — тогда бы и этимъ послѣднимъ удобно было останавливаться, во ожиданіи сѣдоковъ, у самой панели. — Право, нельзя не пожалѣть и этихъ «ванекъ», мерзнущихъ часа два въ ожиданіи счастливаго случая за пятиалтынный прокатить барина отъ театра на Выборгскую, напримѣръ, сторону, или хоть къ Таврическому саду. — Да и такой-то случай не легко достается бѣдному «ванькѣ»: иной разъ отъ излишняго усердія загонятъ его въ такой темный уголъ, гдѣ искать извощика никому и въ голову не придетъ. — «Хотя порожнемъ, да только бы *цѣлому* на фатеру добраться», говорилъ намъ нашъ возница. Дѣйствительно, кто изъ насъ не видалъ къ какимъ мѣрамъ прибѣгаютъ иногда «рыцари въ бронѣ сермяжной», для сохраненія при разъѣздахъ порядка!...

Въ заключеніе возвращаясь къ итальянской оперѣ, сообщимъ читателямъ, что для остальныхъ представленій истекающаго сезона, какъ слышно, готовятъ «Марту», «Тривіату», «Поліевкта», въ которомъ Тамберликъ имѣлъ такой громкій успѣхъ на парижской сценѣ, и наконецъ, если успѣютъ, поставятъ новую оперу Верди: «Un ballo in maschera».

P. S. Замѣтка наша была уже набрана, когда въ афишахъ 9-го февраля объявили на слѣдующій день «Марту» Флотова (17-е предст. 3-го абонемента). — Въ самый же день представленія абоненты, съ удивленіемъ, хотя и не безъ удовольствія, прочли въ афишахъ, что пойдетъ «Риголетто». — Мы говоримъ «съ удивленіемъ» потому, что причина перемѣны была неизвѣстна; вторая же прибавка «не безъ удовольствія», полагаемъ, не нуждается въ объясненіи.

До сихъ поръ, какъ видите, большой бѣды еще нѣтъ. — Но вечеромъ, уже въ самомъ театрѣ, нѣкоторые изъ пріѣхавшихъ прочли наклеенное на стѣнѣ, рукописное объявленіе на французскомъ языкѣ о томъ, что «по внезапной болѣзни г-жи Фьоретти, исполненіе роли Джильды обязательно приняла на себя г-жа Доттини, qui réclame l'indulgence du public». —Передъ самымъ открытіемъ спектакля это извѣстіе, опять съ просьбою пѣвицы о снисхожденіи, было сообщено публикѣ изустно со сцены; его приняли общими изъявле-

ніями неудовольствія: ни громкіе аккорды интродукціи, ни начальное allegro con brio не могли заглушить сильнаго шиканья абонентовъ. — Только выходъ г. Тамберлика «смѣнилъ гнѣвъ на милость» и по обыкновенію раздались дружные аплодисменты. — Но за то во 2-мъ актѣ, при появленіи на сцену г-жи Доттини, шумъ негодованія возобновился съ прежнею силой, и на этотъ разъ, къ сожалѣнію, вовсе не кстати.—Ужь если кто былъ виновенъ въ непріятномъ сюрпризѣ, — то никакъ не пѣвица, съ такою скромною оговоркой и, конечно, по неволѣ согласившаяся замѣнить г-жу Фьоретти. — За что же, скажите, было на нее сердиться? А вѣдь г-жѣ Доттини буквально не давали рта открыть: ея слабое, конечно, но отчетливое, всегда вѣрное пѣніе и вообще старательное исполненіе трудной роли долго сопровождалось шиканьемъ. — Ободрительные и какъ бы извинительные крики: «браво!» тѣхъ, кого возмущала такая несправедливая, крайняя неделикатность, какъ и всегда, немного помогали въ этомъ случаѣ и только раздражали недовольныхъ. — Не говоря уже о бѣдной, безвинно-обиженной артисткѣ, спрашивается, каково было положеніе г. Дебассини, потомъ г. Тамберлика, пѣвшихъ съ нею подъ такой непривычный ихъ слуху акомпаниментъ! Если же принять въ соображеніе, что тутъ выраженія неудовольствія публики падали на лицо, добросовѣстно, безъ всякихъ претензій исполняющее свой скромный репертуаръ, за вознагражденіе еще болѣе скромное, и что, главное, это была женщина, къ тому же, повидимому, робкая и слабая,—то строгость, съ которою отнеслась къ ней публика, нельзя не признать неумѣстною, неосторожною и даже жестокою. — Nous avons bien des excuses à vous faire, madame Dottini: le tort était parfaitement de notre côté.

Другое дѣло, если подобная страдательная роль выпадаетъ иногда на долю мужчины съ здоровыми легкими, съ нелѣпымъ самомнѣніемъ, почти весь сезонъ отдыхающаго на пансіонѣ *далеко не скромномъ*, ну, тогда такая энергическая выходка до нѣкоторой степени извинительна и honni soit qui mal y pense.

Въ разбираемомъ же казусѣ, чтобы объяснить такое невеликодушное увлеченіе публики, остается предположить, что источникомъ неудовольствія абонентовъ было не одно это представленіе: вѣроятно имъ крѣпко наскучило смотрѣть по нѣскольку разъ сряду одну и ту же оперу....

Справедливость такого предположенія, кажется, достаточно подтвердилась третьимъ актомъ «Риголетто», въ продолженіе котораго ни одна нота Джильды (а у нея тутъ большая партія) не встрѣтила

прежняго шиканья; публика одумалась и слушала спокойно, а въ антрактѣ раздались даже вызовы....

Затѣмъ, четвертый актъ прошелъ совершенно благополучно, квартетъ былъ повторенъ и, по окончаніи спектакля, публика разошлась безъ малѣйшаго шума, съ облегченнымъ, быть можетъ, сердцемъ—что высказалась, но не безъ упрека совѣсти — что по дорогѣ задѣла неповинныхъ.

Вотъ и все, чѣмъ хотѣли мы пополнить нашу замѣтку, читателя которой просимъ не посѣтовать на насъ за такой длинный postscriptum. Мы же отъ души пожелаемъ ему никогда не испытывать тѣхъ тяжелыхъ ощущеній, которыя таки помучили насъ во 2-мъ актѣ «Риголетто», 10 февраля.

Въ заключеніе, — sans rancune — утѣшимъ себя надеждою, что на будущее время самые поводы къ подобнымъ сценамъ будутъ по возможности устраняемы.

2-го февраля сего 1861 г. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, имѣло первое, со времени своего основанія, годовое собраніе, которое было открыто слѣдующею рѣчью г. предсѣдателя, Е. П. Ковалевскаго:

«Милостивые государи! Отчетъ перваго года дѣятельности Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, который прочтетъ вамъ г. секретарь, надѣюсь, убѣдитъ васъ вполнѣ, что Общество образовалось не вслѣдствіе какихъ либо случайностей или временнаго увлеченія, но было вызвано крайнею потребностію, обусловливалось расширившимся кругомъ литераторовъ. Тѣ, которымъ громкая литературная извѣстность даетъ возможность болѣе, чѣмъ безбѣднаго состоянія, не могутъ себѣ представить, въ какомъ положеніи находится меньшая ихъ братія, эти труженики второстепенныхъ и мелкихъ журналовъ, и съ какими усиліями заработывается ими скудная плата! Мы видѣли между ними нищету потрясающую. Одинъ изъ нашихъ почтенныхъ сочленовъ, которому пришлось посѣтить просившаго о вспомоществованіи, нашелъ его, помѣщающагося, съ женою и семилѣтнею дочерью, въ чуланѣ, на лѣстницѣ, гдѣ прежде складывались дрова. За эту квартиру онъ платилъ три рубля серебромъ. Если я прибавлю, что наскоро поставленная печь не нагрѣвала чулана и за 7°, и что это семейство цѣлый годъ уже не употребляло мясной пищи, то это еще малѣйшія лишенія, которымъ оно подвергалось. Можетъ-быть, нѣкоторые возразятъ, какимъ образомъ человѣкъ развитый, болѣе или менѣе образованный, можетъ у насъ, на Руси, дойти до такого состоянія? Не спѣшите осуждать его; процессъ обнищанія совершается очень

естественно и довольно быстро: достаточно заболѣть главѣ семейства, жившаго изо-дня въ день. Невозможность работать лишаетъ послѣднихъ средствъ; продается все, что можно продать — мебель, самая одежда; потомъ семейство живетъ, нѣсколько времени, въ долгъ; наконецъ истощается кредитъ, и тогда начинается самое отчаянное положеніе. Протяните этому страдальцу руку помощи во время, дайте возможность оправиться отъ болѣзни, и онъ спасенъ изъ того безвыходнаго состоянія, которое, большею частью, низвергаетъ его въ могилу.

«Убѣжденные опытомъ въ пользѣ, скажу болѣе — въ необходимости существованія Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, мы, вмѣстѣ съ этимъ, убѣждены теперь и въ общемъ къ нему сочувствіи. Его Величество Государь Императоръ, Ея Величество Государыня Императрица и члены августѣйшей фамиліи соизволили назначить ежегодные взносы въ пользу Общества. Изъ отдаленныхъ провинцій, отъ людей всѣхъ сословій, получаемъ мы выраженіе ихъ сочувствія къ Обществу, и еще недавно прислана небольшая сумма отъ крестьянина изъ Сибири.

«Мы боимся сознаться, что легче возбудить сочувствіе, чѣмъ поддерживать его въ одинаковой степени. Это сознаніе пугаетъ насъ. Каково бы было положеніе людей, уже обезпеченныхъ нами въ своемъ безбѣдномъ состояніи, уже увѣренныхъ, что они доживутъ немногіе, оставшіеся имъ годы подъ кровомъ Общества, благословляя тѣхъ, кто первый возымѣлъ прекрасную мысль о его образованіи — каково было бы положеніе этихъ людей, если бы они, за недостаткомъ средствъ Общества, очутились вдругъ среди прежней нищеты и всевозможныхъ лишеній! Но будемъ надѣяться, что эти опасенія напрасны, что дѣятели науки и литературы — и къ нимъ-то мы особенно обращаемся,—что они, съ такимъ постоянствомъ трудящіеся для пользы общественной, съ такимъ самоотверженіемъ стремящіеся къ избранной ими цѣли, и въ этомъ случаѣ покажутъ благородный примѣръ и употребятъ всѣ соединенныя усилія, чтобы поддержать Общество, которое въ первый годъ своего существованія принесло уже такіе благіе плоды.

«Въ заключеніе, я долженъ заявить вамъ, милостивые государи, о предстоящемъ измѣненіи состава комитета Общества. На основаніи 20-го § устава, четверо изъ двѣнадцати членовъ комитета выходятъ ежегодно, по жребію. Жребій не пощадилъ насъ на первый разъ. Изъ четырехъ дѣятелей нашихъ онъ исторгнулъ троихъ должностныхъ лицъ: помощника председателя, К. Д. Кавелина, секретаря, А. Д. Галахова, казначея, А. А. Краевскаго. Четвертый, выбывшій изъ среды нашей — А. В. Никитенко. Ихъ добросовѣстная

дѣятельность и точное исполненіе возложенныхъ на нихъ обязанностей были чрезвычайно полезны Обществу. Къ этимъ именамъ мы должны присоединить еще имя члена Общества, А. С. Энгельгардта, который раздѣлялъ неутомимо всѣ труды комитета. Милостивые государи, чѣмъ инымъ, кромѣ нашей искренней благодарности, можемъ мы почтить этихъ безкорыстныхъ дѣятелей Общества? Я предлагаю выразить эту благодарность отъ имени всѣхъ, собравшихся здѣсь его членовъ».

«Послѣ рѣчи г. предсѣдателя, секретарь, А. Д. Галаховъ, прочелъ 20, 28, 30 и 42 §§ устава, которыми опредѣляются предметы занятій въ годовомъ собраніи Общества: выборъ новыхъ четырехъ членовъ комитета, на мѣсто четырехъ, выбывшихъ по жребію, выборъ коммиссіи, изъ семи членовъ, для разсмотрѣнія отчета комитета, и выборъ новыхъ членовъ Общества, предлагаемыхъ комитетомъ.

«Для выбора членовъ комитета, всѣмъ присутствующимъ членамъ розданы были листки, съ напечатанными на нихъ именами членовъ, выбывающихъ изъ комитета, и именами кандидатовъ, предлагаемыхъ на ихъ мѣста. Выбывающіе: А. Д. Галаховъ, К. Д. Кавелинъ, А. А. Краевскій и А. В. Никитенко; предлагаемые на ихъ мѣста кандидаты: И. Н. Березинъ, Н. В. Калачовъ, П. М. Ковалевскій, П. Л. Лавровъ, А. Н. Майковъ, Н. А. Некрасовъ, кн. В. Ѳ. Одоевскій и А. Ѳ. Писемскій.

«Для выбора лицъ, предлагаемыхъ комитетомъ въ члены Общества, розданы были печатные алфавитные ихъ списки, и такіе же списки, всѣхъ членовъ-учредителей и членовъ Общества, для выбора коммиссіи, изъ семи членовъ, долженствующихъ разсматривать отчетъ комитета.

Въ то время, какъ повѣрка голосовъ, по всѣмъ тремъ выборамъ производилась особой коммиссіей изъ трехъ членовъ, назначенной г. предсѣдателемъ, секретарь прочелъ отчетъ о дѣйствіяхъ и состояніи Общества за первый годъ его существованія:

«Изъ этого отчета извлекаемъ слѣдующія главныя свѣдѣнія:

«Комитетъ имѣлъ *тридцать пять* засѣданій. Въ каждомъ изъ нихъ онъ обращалъ главнѣйшее свое вниманіе на два предмета: на образованіе и усиленіе средствъ, потребныхъ *для* выполненія цѣлей Общества, и на достиженіе этихъ цѣлей.

«*Средства Общества* состоятъ въ постоянныхъ и непостоянныхъ доходахъ.

«Источники первыхъ слѣдующіе: 1) Ежегодно жалуемыя пособія отъ Государя Императора, Государыни Императрицы и членовъ августѣйшей фамиліи. 2) Ежегодные взносы членовъ Общества. Всѣхъ членовъ было 469. 3) Опредѣленныя ежегодныя пожертвованія нѣ-

которыхъ ревнителей просвѣщенія. 4) Проценты съ періодическихъ изданій, съ проданныхъ экземпляровъ книгъ, съ вознагражденія за публичныя лекціи, за отдѣльно издаваемыя сочиненія и журнальныя статьи, съ жалованья и тому подобныхъ предметовъ. Нѣкоторыя лица жертвовали вполнѣ гонорарій, который имъ слѣдовалъ за чтеніе лекцій или за статьи, помѣщенныя въ періодическихъ изданіяхъ. 5) Проценты съ капитала, образовавшагося изъ доходовъ Общества и обмѣненнаго на пяти-процентные билеты государственнаго банка. Ниже будетъ показана цифра этого капитала и объяснится, какими соображеніями комитетъ положилъ руководствоваться касательно его употребленія.

«Къ непостояннымъ, или временнымъ источникамъ доходовъ относятся: 1) Единовременныя пожертвованія. 2) Сборы съ публичныхъ лекцій, литературныхъ чтеній, музыкальныхъ вечеровъ, спектаклей и пр. 3) Пожертвованія книгами, которыя, по мѣрѣ ихъ поступленія, сдавались для продажи члену Общества, Д. Е. Кожанчикову.

«Не одними денежными пожертвованіями публика заявила свое сочувствіе къ цѣли, предназначенной Обществомъ. Нѣкоторыя лица выразили готовность быть его агентами и содѣйствовать его успѣхамъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они имѣютъ жительство; другіе вызвались оказывать безвозмездныя врачебныя пособія бѣднымъ литераторамъ и ученымъ.

«*Пособія.* На первый годъ комитетъ положилъ ограничить свою дѣятельность преимущественно, если не исключительно главною цѣлію Общества, указанною первымъ § устава. Эта цѣль — вспомоществовать нуждающимся осиротѣвшимъ семействамъ литераторовъ и ученыхъ и самимъ литераторамъ и ученымъ, которые, по преклонности лѣтъ или по какимъ либо другимъ обстоятельствамъ, находятся въ невозможности содержать себя собственными трудами. Слѣдуя §§ 7—10 устава, комитетъ назначилъ пособія троякаго рода: постоянныя, продолжительныя и единовременныя. Постоянныхъ пособій, или пенсій, назначено *пятнадцать*, на сумму 3,510 руб. Высшая мѣра пособія этого рода—600 р., низшая 100 р. Продолжительныхъ *два*: одно на три года, по 300 руб. въ годъ; срокъ другому, равно, какъ и годовая цифра его, опредѣлятся по собраніи надлежащихъ справокъ. Единовременныхъ пособій *пятьдесятъ-одно*, на сумму 7,450 руб. Здѣсь maximum пособія — 500, minimum — 25.

«*Касса.* Со времени открытія Общества (8 ноября 1859) по 2 февраля 1860 г. поступило въ кассу Общества 35,173 р. 44¼ коп.

«Израсходовано — 11,450 р. 15 к.

«Затѣмъ остается ко 2-му февраля 1861 года—23,723 р. 29 ¼ к.,

изъ которыхъ 22,000 р. обращены въ государственные пяти-процентные банковые билеты, а 1,723 р. 29¼ к. въ наличности.

«Въ числѣ лицъ, получившихъ единовременныя пособія, находятся двое молодыхъ людей, которые нуждались въ средствахъ для образованія. Оказавъ имъ пособіе, комитетъ выполнилъ, частію, и одну изъ двухъ второстепенныхъ цѣлей Общества, на основаніи 1 § устава, которымъ Обществу вмѣняется въ обязанность доставлять даровитымъ молодымъ людямъ способы къ приготовленію себя къ литературной и ученой дѣятельности, если призваніе ихъ къ ней окажется несомнѣннымъ и если они не будутъ имѣть на то средствъ. Въ годовомъ отчетѣ, съ разрѣшенія устава, могуть быть поименованы лица, получившія пособія этого рода. Одно изъ нихъ — Александръ Осиповичъ Іонинъ, воспитанникъ петербургскаго университета, рекомендованный комитету Н. М. Благовѣщенскимъ, профессоромъ этого университета и членомъ-учредителемъ Общества. Другое лицо — г. Шимановскій, бывшій студентъ кіевскаго университета; отзывъ онемъ данъ преподавателемъ въ московскомъ университетѣ и членомъ-учредителемъ Общества, К. П. Побѣдоносцевымъ.

«Кромѣ денежныхъ пособій, комитетъ оказывалъ, по возможности, другія: онъ ходатайствовалъ о доставленіи бѣднымъ литераторамъ какихъ либо мѣстъ или занятій, свойственныхъ ихъ дарованіямъ и образованію, о помѣщеніи дѣтей ихъ въ учебныя заведенія; рекомендовалъ также статьи, присылаемыя ими, редакторамъ журналовъ, для прочтенія и — если онѣ окажутся того достойными — для помѣщенія въ своихъ изданіяхъ. Комитетъ способствовалъ къ освобожденію изъ крѣпостнаго состоянія, семейства одного достойнаго литератора.»

«Послѣ чтенія отчета, коммиссія, производившая повѣрку голосовъ, объявила: 1) что изъ восьми кандидатовъ, предложенныхъ комитетомъ для выбора изъ нихъ четырехъ на мѣсто выбывшихъ, выбраны: П. Л. Лавровъ, Н. В. Калачовъ, И. Н. Березинъ и П. М. Ковалевскій; 2) что большинствомъ же голосовъ выбраны въ члены коммиссіи, для разсмотрѣнія отчета Общества: В. Г. Бенедиктовъ, М. Л. Михайловъ, И. И. Панаевъ, В. П. Безобразовъ, Б. И. Утинъ, А. Н. Пыпинъ и Н. И. Костомаровъ; 3) что лица, предложенныя комитетомъ въ члены Общества, избраны всѣ, безъ исключенія.

«Наконецъ, члены комитета приступили къ выбору изъ своей среды должностныхъ лицъ. Званіе предсѣдателя, по общей, единодушной просьбѣ членовъ комитета, согласился снова принять на себя Е. П. Ковалевскій; затѣмъ выбраны: въ помощники предсѣдателя — А. В. Дружининъ, въ секретари—П. М. Ковалевскій, въ ка-

значеи — П. Л. Лавровъ. Такимъ образомъ комитетъ Общества на второй годъ его существованія (отъ 2 февраля 1861 по 2 февраля 1862 г.) состоитъ изъ слѣдующихъ двѣнадцати членовъ: предсѣдатель — Е. П. Ковалевскій, помощникъ его — А. В. Дружининъ, секретарь — П. М. Ковалевскій, казначей — П. Л. Лавровъ, остальные члены — П. В. Анненковъ, И. Н. Березинъ, С. С. Дудышкинъ, А. П. Заблоцкій, Н. В. Калачовъ, Е. И. Ламанскій, И. С. Тургеневъ и Н. Г. Чернышевскій.»

На дняхъ мы были въ ателье у нашего знаменитаго пейзажиста И. И. Соколова, который скоро отправляется за границу, и видѣли его новое послѣднее произведеніе.

«Сцена въ Малороссіи». На переднемъ планѣ песчаный холмъ. На холмѣ двѣ фигуры: молодой слѣпой крестьянинъ, сидящій, понуривъ голову и опершись на палку, и возлѣ него дѣвушка, безпечно раскинувшаяся на пескѣ, въ пестрой юбкѣ, монистахъ на шеѣ и съ босыми ножками. Дѣвушка эта не красавица, но выраженіе лица ея въ высшей степени привлекательно. Вечеръ чудный. Внизу холма, съ одной стороны лѣсокъ, съ холма открывается синѣющая даль и тамъ далеко на горизонтѣ мельница, ярко освѣщенная заходящимъ солнцемъ... Въ цѣломъ, картина эта—прелесть!... Г. Соколовъ истинный поэтъ.

Перебирая на дняхъ «Московскія Вѣдомости», мы остановились между прочимъ на слѣдующихъ строкахъ:

«Говорятъ, что въ петербургскомъ университетѣ недавно шла рѣчь о замѣщеніи каѳедры юридической энциклопедіи, по случаю смерти г. Калмыкова. Мы слышали, что однимъ изъ претендентовъ на эту каѳедру былъ *г. Лохвицкій*, знаменитый авторъ тощей диссертаціи «о плѣнныхъ по русскому праву» и одесскихъ лекцій о женщинѣ; но попытка этой знаменитости попасть на университетскую каѳедру была безуспѣшна. Изъ Петербурга пишутъ, что эту каѳедру занялъ г. Кавелинъ. По этому многимъ показалось страннымъ появленіе въ «*Отеч. Запискахъ*» недоброжелательной критической статьи г. Лохвицкаго объ извѣстной актовой рѣчи г. Кавелина, напечатанной уже болѣе года тому назадъ, статьи, въ которой г. Лохвицкій силится умалить заслуги своего бывшаго профессора.»

За тѣмъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» мы прочли отзывъ г. Лохвицкаго объ этой замѣткѣ, которую онъ называетъ *весьма курьезною*. Въ этомъ отзывѣ онъ обвиняетъ г. В. Корша (редактора «Московскихъ Вѣдомостей») въ томъ, что онъ подчиненъ вліянію на него *кружка* и получаетъ *ордера* изъ Петербурга, говоритъ, что онъ, г. Коршъ, не редакторъ, а чиновникъ отъ университета,

завѣдывающій содержаньемъ газеты, отдающимъ строгій отчетъ въ расходѣ *бумаги* и *чернилъ*, и кромѣ того подлежащій контролю казенной палатѣ!!.. *Поэтому* онъ, г. Коршъ, не можетъ дѣлать «Москов. Вѣд.» органомъ *кружка*.

«Къ чему же», говоритъ г. Лохвицкій: «подрывать уваженіе къ газетѣ а съ тѣмъ вмѣстѣ и казенный доходъ—основываясь, вѣроятно, на томъ положеніи, что казна не тонетъ, не горитъ».

Эти упреки въ ущербѣ казеннаго интереса едва ли могутъ быть обращены къ г. Коршу за *нѣсколько строкъ*, приведенныхъ выше, особенно если примемъ въ соображеніе, что факты, въ этихъ строкахъ изложенные 1) что г. Лохвицкій искалъ каѳедры юридической энциклопедіи 2) что эту каѳедру занялъ г. Кавелинъ — *не опровергаются и самимъ г. Лохвицкимъ*. Что жь касается до выводовъ изъ этихъ фактовъ — то это статья особая, которую каждый рѣшитъ по своему.

Обращаемъ особенное вниманіе нашихъ читателей на брошюру г. *А. Тройницкаго*, подъ названіемъ «Крѣпостное населеніе Россіи по 10-й народной переписи» (изданіе центральнаго статистическаго коммитета).—Брошюра эта имѣетъ преимущественно въ настоящую минуту величайшій интересъ.

«Вотъ главнѣйшія цифры: вообще жителей въ Имперіи къ 1 января 1859 года числилось 67,081,167 душъ, именно 33,390,748 мужчинъ и 33,690,419 женщинъ; въ томъ числѣ крѣпостнаго населенія 23,069,631 душа: 11,244,913 мужчинъ и 11,824,718 женщинъ, то есть 34, 39 процента общаго населенія — *несвободны*.., Въ числѣ же крѣпостныхъ людей собственно *помѣщичьихъ* насчит[illegible]лось 22,284,876 человѣкъ: 10,858,357 мужчинъ и 11,420[illegible]нъ... *Владѣльцевъ* этихъ *душъ* значится всего 116,678 челов[illegible] числѣ ихъ 1,398 человѣкъ имѣютъ каждый болѣе *тысячи* душъ мужескаго пола; 2,485 — отъ пятисотъ *одной* до *тысячи* душъ; 20,655 отъ *ста одной* до *пятисотъ:* 38,754 помѣщика имѣютъ отъ *двадцати одной* до *ста* душъ, и 49,268 господъ — до *двадцати одной* души... Сверхъ того существуютъ 4,118 дворянъ вовсе *безпомѣстныхъ*, во владѣніи коихъ, тѣмъ не менѣе состоитъ 18,033 мужескихъ души... *Дворовыхъ* людей въ Европейской Россіи всего 1,466,478 человѣкъ: 723,341 мужчина и 743,137 женщинъ; въ томъ числѣ приписаны: къ населеннымъ имѣніямъ 712,163 мужчины и 729,258 женщинъ; не къ имѣніямъ, но къ *домамъ*: а) къ *собственнымъ* — 6,450 мужчинъ и 8,332 женщины; и б) къ домамъ посторонныхъ владѣльцевъ, то есть говоря проще къ *чужимъ домамъ* — 2,090 мужчинъ и 2,443 женщины... Затѣмъ есть еще приписанныя къ ненаселеннымъ имѣніямъ при денежномъ обезпеченіи и *безъ онаго*..»

Число такихъ душъ обоего пола простирается до 5,779... Въ С. Петербургской губерніи *дворовыхъ* считается 6,312 мужчинъ и 6,654 женщины; въ Московской 14,537 мужчинъ и 14,184 .женщины... Наибольшее число дворовыхъ считается въ Курской губерніи: 67,162 мужчинъ и 69,337 женщинъ; наименьшее въ Архангельской: 6 мужчинъ и 14 женщинъ... Замѣчательно, что въ *итогѣ* крѣпостнаго населенія по этой, то есть 10-й, ревизіи сравнительно съ 9-ю оказывается уменьшеніе около 250,000 душъ обоего пола, или почти на 1, процента, между тѣмъ какъ въ этотъ же промежутокъ времени (Изслѣдов. стран. 54 и 55), въ теченіе 22 лѣтъ общее народонаселеніе Имперіи увеличилось на девять милліоновъ душъ обоего пола или на 16, 8 процентовъ... Главною причиною этого явленія г. Тройницкій считаетъ рекрутскую повинность, что подтверждается отчасти и тѣмъ, что въ крѣпостномъ населеніи уменьшается преимущественно число мужчинъ: въ *общемъ* населеніи Имперіи число женщинъ превосходитъ число мужчинъ на 1 или на 2 процента; въ *крѣпостномъ* же населеніи по 10-й переписи — на 5 процентовъ... Кромѣ рекрутской повинности вліяютъ на уменьшеніе числа крѣпостныхъ и другія причины, именно: нѣкоторое количество крѣпостныхъ, незначительное, перечисляется въ свободныя сословія: по добровольному отпуску помѣщиками на волю, по выкупу казною, по отчужденію или переселенію въ Сибирь, по увольненію въ свободные хлѣбопашцы и пр. Во всякомъ случаѣ уменьшеніе состава крѣпостнаго населенія объясняется, главнымъ образомъ, *перечисленіемъ* части этого населенія *въ другія сословія...*»

О замѣчательной брошюрѣ г. А. Тройницкаго мы будемъ говорить подробно въ библіографическомъ отдѣлѣ нашего журнала.

Вышло полное собраніе стихотвореній А. Н. *Плещеева*, которое вѣрно будетъ радушно принято публикою. Въ поэтическомъ дарованіи г. Плещеева столько симпатическаго!

Г. Мюнстеръ издалъ XX тетрадь «Потретной галлереи русскихъ дѣятелей».—Въ эттой тетрадѣ 4 портрета (И. И. Козлова, Кольцова, Кулибина и Новикова). Мы увѣрены, что публика наша не оставитъ своею поддержкою добросовѣстное изданіе г. Мюнстера.

О знаменитомъ акработѣ Ліотарѣ,—дающемъ свои представленія въ циркѣ, о рысистыхъ бѣгахъ на Невѣ (по Воскресеньямъ), о маскарадахъ Большаго театра, о пикникахъ и загородныхъ поѣздкахъ на тройкахъ, о заведеніи Огюста, (близь Сергіевскаго монастыря), которое улучшается съ каждымъ годомъ, и о другихъ увеселеніяхъ и забавахъ петербургской жизни — мы поговоримъ въ слѣдующей книжкѣ, — кстати, когда будемъ вести рѣчь о петербургской масляницѣ.

ПОЛИТИКА.

Газеты наполнены предсказаніями, что къ веснѣ готовятся въ западной Европѣ очень значительныя событія. Но какова бы ни была важность этихъ ожиданій, читатель не удивится, если и въ нынѣшній разъ бо́льшая половина нашего обозрѣнія будетъ посвящена сѣверо-американскимъ дѣламъ, которыя въ прошломъ мѣсяцѣ заставили насъ почти совершенно забыть о Европѣ. На сѣверную Америку указываютъ западно-европейскіе прогрессисты, когда слышатъ, что ихъ идеалы неосуществимы. Выставленіемъ дурныхъ сторонъ сѣверо-американской жизни доказываютъ западно-европейскіе консерваторы гибельность теорій, защищаемыхъ прогрессистами. Словомъ сказать, обѣ главныя партіи западной Европы одинаково считаютъ сѣверную Америку образцовой страной для повѣрки своихъ убѣжденій; дурное мнѣніе о ней представляется опорой для существующихъ западно-европейскихъ отношеній; хорошее мнѣніе о ней возбуждаетъ къ желанію преобразовать ихъ. Кризисъ, переживаемый теперь сѣверною Америкою, не можетъ остаться безъ очень сильнаго вліянія на судьбу цивилизованнаго свѣта. Если онъ приведетъ къ результату, предсказываемому теперь почти всѣми въ западной Европѣ, опустятся руки у одной партіи и перейдетъ общественное мнѣніе на сторону другой; если же развязка дѣлъ въ сѣверной Америкѣ будетъ иная, то и въ западной Европѣ значительно ускорится ходъ событій. Разумѣется, и въ томъ и другомъ случаѣ вліяніе сѣверо-американской исторіи на западно-европейскую обнаружится не вдругъ, не однимъ какимъ нибудь эффектнымъ фактомъ, происхожденіе котораго прямо изъ какого нибудь американскаго событія можно было бы указать. Нѣтъ, отношеніе тутъ

инаго рода, связь тутъ не въ какихъ нибудь частныхъ фактахъ, а въ общемъ расположеніи западно-европейской мысли держаться старины или стремиться впередъ, бояться будущаго или надѣяться всего хорошаго отъ него. Связь тутъ не внѣшняя, не мимолетная, обнаруживающаяся не какими нибудь частными фактами, а связь, проникающая въ самый корень западно-европейскихъ событій; примѣръ сѣверной Америки — постоянная сила, которая должна будетъ или привлекать Европу на извѣстный путь, или отталкивать отъ него. Въ годъ или въ два, быть можетъ, и нельзя будетъ открыть перемѣнъ въ западно-европейской исторіи отъ развязки нынѣшняго сѣверо-американскаго кризиса; но за то цѣлые десятки лѣтъ будетъ дѣйствовать онъ на ея направленіе, какъ самое основаніе сѣверо-американскаго Союза дѣйствовало прежде, — только съ тою разницею, что теперь примѣръ подается не малочисленнымъ племенемъ, слабымъ сравнительно съ западно-европейскими государствами, а могущественною націею, которая уже заняла одно изъ первыхъ мѣстъ между всѣми государствами по своей внѣшней силѣ. Вникнуть въ характеръ такого кризиса, постараться разгадать его запутанные обороты, предусмотрѣть его исходъ, — это задача мало интересная для соображеній о европейскихъ событіяхъ наступающаго лѣта или слѣдующей зимы, но очень важная для того, чтобы оцѣнить будущее движеніе политическихъ идей, которымъ станутъ опредѣляться событія цѣлаго нашего и быть-можетъ слѣдующаго за нами поколѣнія.

Въ прошедшій разъ мы говорили о томъ, что, несмотря на сходство политическихъ учрежденій во всѣхъ 33 (или нынѣ съ принятіемъ Канзаса 34) штатахъ сѣверной Америки, существовали въ сѣверо-американскомъ Союзѣ двѣ страны, по всему характеру своей жизни, болѣе различавшіяся между собою, чѣмъ Турція различается отъ Англіи или Китай отъ Франціи. Сѣверъ и Югъ начали такъ рѣзко различаться между собою не съ той только поры, когда на крайнемъ Югѣ начало гигантски возрастать воздѣлываніе хлопчатой бумаги,— этотъ фактъ послужилъ только широкимъ полемъ для развитія прежнихъ особенностей южной жизни. Если бы не требовалась хлопчатая бумага, воздѣлывались бы точно такимъ же порядкомъ сахаръ, кофе и табакъ; они и теперь воздѣлываются въ очень большомъ размѣрѣ и лишь заслоняются хлопчатою бумагою потому, что мало рукъ остается для нихъ на Югѣ. Дѣло въ томъ, что на Сѣверѣ земля занималась простолюдинами, до энтузіазма любившими трудъ и бѣжавшими изъ Англіи, чтобы стать за океаномъ людьми независимыми; каждый изъ этихъ людей отыскивалъ себѣ кусокъ земли, который могъ бы дать полное занятіе труду его семьи, но не больше,

потому что единственными работниками на него были онъ самъ и его подроставшіе сыновья. Сѣверъ съ самаго начала былъ, какъ теперь остается, страною поселянъ-собственниковъ, передъ массою которыхъ исчезаютъ всѣ другія сословія. Въ Пенсильваніи, напримѣръ, чрезвычайно развиты рудокопные заводы и желѣзныя фабрики; въ Новой Англіи мануфактурная промышленность всякаго рода, а городъ Нью-Йоркъ сталъ самымъ громаднымъ центромъ всесвѣтной торговли послѣ Лондона. Но эти фабричные работники и рудокопы—вышли изъ тѣхъ же поселянъ, и большинство ихъ снова сдѣлается черезъ нѣсколько лѣтъ поселянами, уступивъ свое мѣсто новымъ людямъ, все изъ тѣхъ же поселянъ. А громадный городъ Нью-Йоркъ для массы своего населенія также лишь временная станція, гдѣ человѣкъ останавливается на нѣсколько лѣтъ, чтобы собраться со средствами для переселенія на западъ, на которомъ станетъ онъ поселяниномъ. Фабриканты и купцы Сѣвера вышли большею частью изъ простолюдиновъ, и дѣти или, много, внуки ихъ опять становятся простолюдинами, потому что богатство на Сѣверѣ не любитъ долго держаться по наслѣдству. Если въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ и существуютъ малочисленныя группы семействъ, издавна держащихся въ положеніи, сходномъ съ высшими и средними классами европейскаго общества, то не только эти малочисленныя группы, исчезающія въ массѣ городскаго населенія, но и сами города не могутъ пріобрѣсти господства надъ политикою Сѣвера: она зависитъ отъ поселянъ. Очень яркимъ примѣромъ тому послужилъ послѣдній президентскій выборъ въ Нью-Йоркскомъ штатѣ. Городъ Нью-Йоркъ, какъ мы уже замѣчали въ прошлый разъ, далъ огромное большинство демократамъ; поселяне Нью-Йоркскаго штата вотировали за республиканцевъ, такъ что по общему счету голосовъ цѣлаго штата очень большой перевѣсъ остался за республиканцами, несмотря на то, что цѣлая четверть жителей всего штата сосредоточена въ одномъ городѣ Нью-Йоркѣ, стоявшемъ за демократовъ. Если громадный городъ Нью-Йоркъ не имѣетъ господства надъ политикою и самого Нью-Йоркскаго штата, то можно судить о степени силы поселянъ въ политикѣ цѣлаго Сѣвера. А сельское населеніе Сѣвера все состоитъ изъ людей, которые не служатъ никому работниками и сами не имѣютъ работниковъ: каждый земледѣлецъ тамъ независимый собственникъ земли, которую воздѣлываетъ.

Совершенно иное дѣло на Югѣ. Старинные южные штаты возникли черезъ пожалованіе земель королями въ награду придворнымъ. Самыя имена этихъ штатовъ показываютъ характеръ сословія, господствовавшаго въ нихъ. Виргинія названа въ честь Елисаветы, ко-

ролевы-*дѣвственницы*; далѣе къ югу лежатъ двѣ Каролины, еще южнѣе—Георгія. Во время борьбы англичанъ со Стюартами, эти южные штаты сочувствовали Стюартамъ. Уже и тогда, какъ теперь, масса бѣлыхъ состояла тамъ изъ жалкой толпы, находившейся въ полной нравственной зависимости отъ богатыхъ землевладѣльцевъ, огромныя помѣстья которыхъ занимали почти всю площадь старинныхъ южныхъ штатовъ. Когда стали основываться на Югѣ новые штаты, въ нихъ переходилъ гражданскій бытъ старыхъ штатовъ, переселенцами изъ которыхъ они основывались. Только въ послѣдніе годы приливъ переселенцевъ съ Сѣвера сталъ вводить сѣверный гражданскій бытъ въ сѣверной окраинѣ южныхъ пограничныхъ штатовъ (Виргинія, Кентукки, Теннесси, Миссури) и на западной границѣ южныхъ поселеній (въ Техасѣ и Канзасѣ). На всемъ остальномъ пространствѣ Юга господствуетъ поземельное устройство, какое было въ средневѣковой Европѣ. Почти вся земля сосредоточена въ немногихъ рукахъ: гораздо болѣе половины ея составляютъ какія-нибудь десять или пятнадцать тысячъ громадныхъ помѣстій; между ними разбросаны тысячъ 100 или 120 небольшихъ помѣстій, владѣльцы которыхъ находятся въ такой же зависимости отъ своихъ могущественныхъ сосѣдей, какъ въ старинной Польшѣ небогатые паны находились въ зависимости отъ магнатовъ; а масса бѣлаго населенія на Югѣ живетъ подъ разными наименованіями въ нахлѣбничествѣ у большихъ землевладѣльцевъ, въ родѣ того, какъ толпы шляхты жили при магнатскихъ дворахъ. По распредѣленію поземельной собственности сѣверо-американскій Югъ сходенъ съ Англіею, но не сходенъ съ нею устройствомъ сельскихъ хозяйствъ. Въ Англіи сельскимъ хозяйствомъ занимаются капиталисты, берущіе землю въ наемъ у владѣльцевъ, а сами владѣльцы огромныхъ помѣстій, вообще говоря, не занимаются сельскимъ хозяйствомъ. На сѣверо-американскомъ Югѣ такихъ капиталистовъ нѣтъ; землевладѣльцы должны сами вести хозяйство своихъ помѣстій, не имѣя людей, которымъ бы сдавать землю въ наемъ; дѣйствительно, кому была бы охота платить за наемъ земли, когда каждый можетъ, отправившись на западъ, взять себѣ въ собственность землю почти задаромъ? Но землевладѣльцы Юга—знатные люди, гордящіеся своимъ происхожденіемъ отъ средневѣковыхъ англійскихъ вельможъ,—они даже увѣрены, что теперь они одни въ цѣломъ свѣтѣ должны считаться истинными аристократами: по своимъ фамиліямъ они старше англійскихъ лордовъ, большинство которыхъ произведено въ знать изъ простолюдиновъ въ недавнее время; только въ Сен-Жерменскомъ предмѣстіи живутъ люди, равные имъ по знатности; но сен-жерменскіе аристократы не умѣли сохранить ни своихъ правъ, ни власти

надъ государствомъ; только они одни, землевладѣльцы сѣверо-американскаго юга, умѣли сберечь своимъ штатамъ то счастье аристократическаго господства, которымъ пользовалась западная Европа до французской революціи. Могутъ ли такіе важные и блистательные люди быть какими-то поземельными лавочниками, какими бываютъ въ Европѣ землевладѣльцы, ведущіе въ своихъ помѣстьяхъ собственное хозяйство? При свободномъ трудѣ, большое помѣстье становится какою-то земледѣльческою фабрикою, владѣльцу которой надобно съ утра до ночи сидѣть за счетами, слѣдить за каждою копѣйкою. Вотъ собственно въ этомъ обстоятельствѣ и заключается причина необходимости невольничества для южныхъ плантаторовъ. Они не могутъ по своимъ привычкамъ вести иного хозяйства, кромѣ такого, которое шло бы спустя рукава, не требовало бы отъ хозяина ни хлопотъ, ни разсчетливости, ни коммерческаго искусства.

Такимъ образомъ сѣверо-американскій Союзъ съ самаго начала раздѣлялся на двѣ половины, имѣвшія, при одинаковости политическихъ формъ, совершенно различное общественное устройство. Пока шло дѣло объ упроченіи политическихъ формъ, о развитіи государственной жизни сообразно съ формальными принципами конституціи, о томъ, чтобы искоренить въ Америкѣ остатки политическихъ понятій, свойственныхъ европейскому государственному порядку, разница гражданскаго устройства ни въ чемъ не мѣшала ни Югу, ни Сѣверу. И тамъ, и здѣсь общественное мнѣніе колебалось между двумя направленіями, имѣвшими своихъ приверженцевъ по всему пространству Союза. Были люди и на Югѣ и на Сѣверѣ, думавшіе удержать изъ англійскихъ политическихъ понятій все, что одинаково примѣняется и къ констуціонной монархіи и къ республикѣ: въ Англіи всѣ мѣстныя власти безусловно подчинены парламенту, власть котораго безгранична; въ Америкѣ можно было бы поставить каждый отдѣльный штатъ въ такую же полную зависимость отъ конгресса, въ какой стоятъ англійскія графства отъ англійскаго парламента. Люди такого направленія назывались въ Америкѣ вигами. Но отчасти по враждѣ ко всему англійскому, долго господствовавшей между американцами послѣ войны за независимость, отчасти по рѣшительному перевѣсу прогрессивнаго стремленія въ Америкѣ, отчасти наконецъ по преданію прежняго быта, когда тринадцать колоній, назвавшихся по отторженіи отъ Англіи штатами, были колоніями, совершенно независимыми другъ отъ друга,—существовало между американцами и другое направленіе, стремившееся къ тому, чтобы довести до крайняго развитія принципъ самоуправленія, еще не успѣвшій въ Англіи проявиться со всѣми своими логическими послѣдстві-

ями. По принципу этому, наслѣдованному американцами отъ англичанъ, должно происходить мимо всякаго правительственнаго участія все, что можетъ происходить безъ него; все, что можетъ считаться частнымъ дѣломъ, должно оставаться частнымъ дѣломъ. Въ жизни отдѣльныхъ людей, пожалуй и въ жизни каждаго отдѣльнаго города, это правило принято англичанами. Но исчерпываются ли тѣмъ логическія послѣдствія принципа? Если каждый частный человѣкъ и, пожалуй, каждый городъ не спрашиваетъ у парламента разрѣшенія по своимъ частнымъ дѣламъ, то не должна ли такая же независимость отъ государственнаго правительства принадлежать каждой области? Англичане слишкомъ много присвоили центральному правительству; все, что можетъ быть передано изъ его завѣдыванія во власть мѣстныхъ правительствъ, должно быть передано имъ въ независимое распоряженіе, — люди такого направленія назывались въ Америкѣ демократами. Съ самаго начала это стремленіе развивать самостоятельность мѣстныхъ правительствъ и администрацій пользовалось въ Америкѣ популярностью, такъ что виги, желавшіе сдѣлать конгрессъ властью, по возможности похожею на англійскій парламентъ, не могли прямо обнаруживать своихъ мыслей въ полной силѣ; но все-таки видно было, что они хотятъ усиливать центральную власть на счетъ правъ отдѣльныхъ штатовъ. При ихъ осторожности и ловкости много понадобилось демократамъ времени на то, чтобы окончательно побѣдить своихъ противниковъ. Борьба эта кончилась всего лишь лѣтъ 15 тому назадъ: около 1845 г. партія виговъ совершенно пала и исчезло всякое опасеніе за право каждаго отдѣльнаго штата на полную независимость отъ центральной власти по всѣмъ его внутреннимъ дѣламъ. Но когда кончился споръ о политическихъ формахъ, выступили на первый планъ вопросы гражданскаго быта, заслонявшіеся до этой поры политическими. Прежде, сѣверные люди говорили противъ невольничества, но они были или виги, или демократы, дѣйствовали вмѣстѣ съ вигами или демократами Юга и отвращеніе ихъ къ невольничеству оставалось частнымъ, если угодно, литературнымъ или религіознымъ чувствомъ, еще не имѣя общественнаго значенія для Юга. Теперь, когда демократическая партія истощила свою политическую програму и уже не видѣла передъ собою противниковъ, она стала распадаться сама на два отдѣла, по вопросу о гражданскомъ устройствѣ. Мы видѣли, что оно имѣло на сѣверѣ демократическій, на югѣ аристократическій характеръ. На сѣверѣ и на югѣ явились люди, желавшіе придать гражданскому быту Юга такой же порядокъ, какой былъ на Сѣверѣ. Число ихъ въ обѣихъ половинахъ Союза было сначала не велико. Не чрезвычайно опаснымъ для Юга показалось направленіе ихъ мыслей,

потому что нападали они на такую черту южнаго устройства, которая была по своей сущности слишком неспособна выдерживать критику. Мы видѣли, что въ хозяйственномъ быту аристократія Юга основывалась на невольничествѣ. Господствующій классъ имѣлъ привычки, несовмѣстныя съ веденіемъ хозяйства на коммерческомъ основаніи; а получать доходы съ своихъ земель не могъ онъ никакимъ другимъ способомъ, кромѣ господскаго хозяйства, по недостатку капиталистовъ, которымъ отдаютъ въ аренду свои земли англійскіе землевладѣльцы. Отмѣнить невольничество — значило бы для южныхъ землевладѣльцевъ или измѣнить свой образъ жизни, или увидѣть себя въ необходимости продавать земли. Но возможно ли опровергнуть противниковъ невольничества? Южные аристократы могли только заставить ихъ замолчать. Въ своихъ штатахъ они такъ и сдѣлали; но черезъ это вопросъ принялъ новый оборотъ. Въ южныхъ штатахъ были уничтожены основныя права сѣверо-американскаго гражданина,—свобода убѣжденій, свобода высказывать ихъ, безопасность отъ произвольныхъ притѣсненій. Было запрещено писать и говорить противъ невольничества; люди, желавшіе его отмѣны, были наказываемы и изгоняемы. Уничтоживъ своихъ противниковъ на Югѣ, рабо-владѣльцы возстановили противъ себя Сѣверъ. Дѣйствительно, мало имъ было пользы господствовать на Югѣ, если на Сѣверѣ оставалась свобода говорить противъ невольничества. Югъ былъ принужденъ стремиться къ стѣсненію свободы рѣчи и на Сѣверѣ. Эта претензія высказывалась постоянно, и наконецъ была оффиціально выражена въ «сообщеніи» (message) Буханана конгрессу 5 декабря прошедшаго года. Президентъ говорилъ, что главная причина опасеній Юга—то обстоятельство, что на Сѣверѣ издаются газеты, печатаются книги, говорятся рѣчи, порицающія невольничество; если Сѣверъ не откажется отъ этого, т. е. если на Сѣверѣ не будетъ запрещено порицать невольничество, Югъ не можетъ примириться съ Сѣверомъ, по словамъ Буханана. Въ прошломъ обозрѣніи мы говорили, что сѣверные штаты были принуждены къ нарушенію тѣхъ своихъ законовъ, которыми уничтожалось въ нихъ невольничество.

Словомъ сказать, демократическая партія, проводя до послѣднихъ логическихъ выводовъ принципъ самоуправленія, принципъ независимости каждаго округа въ частныхъ дѣлахъ, забывала объ одномъ условіи, необходимомъ для осуществленія этого принципа: разныя части одного государства могутъ, независимо одна отъ другой, дѣйствовать въ гармоніи между собой лишь тогда, когда гражданскій бытъ всѣхъ частей существенно одинаковъ; разнообразіе мѣстныхъ законовъ и распоряженій не будетъ нарушать государственнаго

единства лишь тогда, если коренные гражданскіе законы одинаковы, если основныя стремленія мѣстныхъ властей имѣютъ одинаковую цѣль. Иначе столкновенія между разными частями могутъ лишь на время сглаживаться политическою необходимостью,—напримѣръ, внѣшними опасностями отъ иноземныхъ державъ или борьбою изъ-за политическихъ формъ; но не замедлятъ обнаружиться въ полной силѣ, когда эти посторонніе задержки будутъ побѣждены. Мы говорили, что такъ и случилось, лишь только борьба изъ-за политическихъ формъ была въ Соединенныхъ Штатахъ покончена побѣдою демократической партіи. Явилась необходимость привести въ гармонію южныя и сѣверныя гражданскія отношенія.

Общій ходъ цивилизаціи не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, которыя изъ нихъ измѣнятся: очевидно, что не сѣверныя учрежденія станутъ одинаковы съ нынѣшними южными, а напротивъ, уничтожится въ южныхъ штатахъ невольничество, съ которымъ не согласны законы Сѣвера и которое служитъ основаніемъ южнаго гражданскаго устройства.

Это опасеніе, влагаемое въ южныхъ рабо-владѣльцевъ общимъ характеромъ прогресса во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, усиливалось особенными отношеніями сѣверо-американскаго прогресса, предвѣщавшими съ хронологическою точностью эпоху, когда Сѣверъ займется преобразованіемъ южныхъ учрежденій. По конституціи Соединенныхъ Штатовъ, число депутатовъ каждаго штата въ палатѣ представителей опредѣляется сообразно числу жителей, оказывающемуся при всеобщей переписи, которая производится черезъ каждыя десять лѣтъ,—первая такая перепись была сдѣлана въ 1790 году; по каждой слѣдующей переписи оказывалось, что населеніе въ свободныхъ штатахъ увеличивается быстрѣе, чѣмъ въ невольническихъ, и послѣ каждой новой переписи увеличивалась въ палатѣ представителей пропорція депутатовъ свободныхъ штатовъ, уменьшалась пропорція депутатовъ невольническихъ штатовъ. Въ нынѣшней палатѣ представителей, составленной по переписи 1850 г., невольническіе штаты имѣютъ 90 депутатовъ, а свободные 147. Конституція Соединенныхъ Штатовъ предусматриваетъ случай, что могутъ современемъ понадобиться измѣненія въ ней и опредѣляетъ законный порядокъ, которымъ должны производиться такія измѣненія. Для этого нужно, чтобы въ той и другой палатѣ конгресса измѣненіе было принято большинствомъ двухъ третей. При нынѣшнемъ составѣ палаты представителей общее число депутатовъ—237; двѣ трети этого числа будутъ 158. Мы видимъ, что свободнымъ штатамъ не доставало лишь 11 голосовъ для составленія большинства въ требуемыя конституціею двѣ трети. По соображенію прибавки, до-

становившейся свободнымъ штатамъ каждою переписью, оказывалось, что они пріобрѣтутъ болѣе 11 голосовъ по переписи 1860 г., и будутъ имѣть болѣе двухъ третей всего числа голосовъ въ палатѣ представителей на основаніи этой переписи. Правда, что въ сенатѣ такая пропорція не могла составиться слишкомъ скоро: въ сенатъ каждый штатъ посылаетъ по два сенатора. Въ послѣднее время считалось въ Союзѣ 15 невольническихъ и 18 свободныхъ штатовъ; изъ 66 сенаторовъ свободнымъ штатамъ принадлежало 36 человѣкъ; эта цифра еще далека отъ того, чтобы составлять двѣ трети голосовъ. Конечно, слѣдовало ожидать возникновенія новыхъ свободныхъ штатовъ, и напримѣръ въ началѣ нынѣшняго года признанъ новый штатъ Канзасъ съ конституціею, не допускающею невольничества. Но все-таки еще очень далека эпоха, когда прибавится столько новыхъ свободныхъ штатовъ, чтобы сенаторы Сѣвера составили цѣлыхъ двѣ трети всего числа сенаторовъ. Повидимому это должно было успокоивать Югъ; но успокоивало мало. Будучи собраніемъ, возникающимъ изъ выборовъ, сенатъ въ Соединенныхъ Штатахъ имѣетъ гораздо больше силы, чѣмъ верхнія палаты конституціонныхъ европейскихъ государствъ; но все-таки онъ не имѣлъ бы нравственной силы долго устоять противъ требованія палаты представителей, поддерживаемой громаднымъ большинствомъ націи. А главная опасность находилась и не въ сенатѣ и не въ палатѣ представителей. Читатель знаетъ, что для выбора президента назначаются отъ каждаго штата особенные избиратели, число которыхъ равно числу депутатовъ и сенаторовъ, посылаемыхъ штатомъ въ конгрессъ. Напримѣръ, штатъ Миссури по переписи 1850 г. посылаетъ въ палату представителей 7 депутатовъ и, подобно прочимъ штатамъ, двухъ депутатовъ въ конгрессъ; поэтому онъ назначаетъ 9 человѣкъ избирателей въ коллегію, избирающую президента. По переписи 1850 г. число депутатовъ 237, а число сенаторовъ въ прошломъ году было 66; потому коллегія избирателей имѣетъ 303 голоса. Изъ нихъ 15 невольническихъ штатовъ имѣютъ 120 голосовъ. Имъ надобно было пріобрѣсти только 32 голоса въ свободныхъ штатахъ, чтобы получить большинство. Но перепись 1860 г. должна была доставить такой огромный перевѣсъ избирателямъ свободныхъ штатовъ, что невольническіе штаты уже не могли разсчитывать на привлеченіе къ себѣ изъ нихъ той слишкомъ значительной части, какая была нужна для составленія большинства. Потому невольничьи штаты должны были потерять надежду склонять президентскіе выборы въ свою пользу, когда выборы станутъ происходить по переписи 1860 г. Повѣрка и обработка данныхъ, доставляемыхъ переписью, требуетъ довольно долгаго времени, и распредѣленіе голо-

совъ сообразно новому цензу должно было произойти въ нынѣшнемъ или въ слѣдующемъ году. Президентскіе выборы 1860 г. оказывались послѣдними, на которыхъ Югъ можетъ одержать побѣду. Выборы слѣдующаго срока (1864 года) непремѣнно должны были обратиться противъ Юга. А достаточно было Союзу получить президента, неблагопріятствующаго невольничеству, чтобы явилась надобность отмѣнить это учрежденіе въ нѣкоторыхъ штатахъ. Въ прошедшій разъ мы говорили, какъ ограниченна власть президента; онъ собственно можетъ только наблюдать за исполненіемъ существующихъ союзныхъ законовъ. Но и это уже опасно для невольничества въ пограничныхъ штатахъ. Охраненіе свободы мнѣній въ нихъ скоро привело бы къ отмѣненію невольничества въ Миссури, Кентукки, Теннесси, Мериландѣ и Делаварѣ: оно поддерживается въ этихъ штатахъ уже только насильственными дѣйствіями мѣстныхъ правительствъ противъ той части бѣлаго населенія, которая враждебна ему и привлекла бы на свою сторону большинство при охраненіи свободы мнѣній союзною властью.

Потому очень давно, еще въ 1851 или 1852 г., приверженцы невольничества рѣшили подготовлять отторженіе Юга къ 1860 году. Вотъ изъ New York Times статья, излагающая ходъ этого дѣла:

«Въ послѣдніе три мѣсяца поразительныя событія такъ быстро слѣдовали одно за другимъ, что у насъ едва доставало времени записывать ихъ. Мы были такъ заняты самыми явленіями, что не успѣвали изучать ихъ происхожденія. Наглое воровство, безстыдная измѣна общественному довѣрію, предательство сановниковъ, сдача фортовъ и военныхъ запасовъ, обезоруженіе одной части Союза для вооруженія другой, заговоръ въ кабинетѣ министровъ для низверженія правительства, — эти невѣроятныя событія шли такъ быстро, что мы только могли смотрѣть на нихъ съ нѣмымъ удивленіемъ.

«Всѣ эти факты, казавшіеся отрывочными и безсвязными, были однако же гармоническими частями обдуманнаго плана, одурачившаго насъ, людей Сѣвера, мирныхъ и чуждыхъ подозрѣнія. Кто изучалъ это дѣло, тотъ знаетъ, что въ штатахъ Мехиканскаго залива уже много лѣтъ существуетъ партія, твердо рѣшившаяся оторваться отъ Союза, духу котораго она враждебна. Послѣднею цѣлью этой партіи было образованіе обширнаго рабовладѣльческаго государства, которое захватило бы острова Мехиканскаго залива и страны на южномъ берегу его. Было время, когда казалось, что планъ этотъ осуществится посредствомъ Уокера. Неудача слабыхъ экспедицій, посылавшихся подъ его начальствомъ на Кубу и въ центральную Америку, только усилила чувство, изъ котораго возникли эти попытки, и заставила подумать о пріобрѣтеніи средствъ къ снаряженію сильнѣйшихъ экспедицій. Потому заговорщики стали хлопотать, чтобы захватить въ свои руки союзное правительство и принудить его содѣйствовать ихъ цѣлямъ или по край-

ней мѣрѣ обезоружить черезъ него Сѣверъ и вооружить Югъ, чтобы доставить Югу средства для войны не только оборонительной, но и наступательной. Мы теперь знаемъ, что г. Бухананъ былъ выбранъ президентомъ на томъ условіи, чтобы содѣйствовать видамъ крайней южной партіи. Три главные предводителя нынѣшнихъ сецессіонистовъ сдѣлались его министрами: Коббъ—министромъ финансовъ, Томпсонъ—внутреннихъ дѣлъ, Флойдъ — военнымъ министромъ. Все дѣлалось по ихъ плану; президентъ былъ гибкимъ орудіемъ въ ихъ рукахъ. Но событія показали, что власть скоро ускользнетъ изъ ихъ рукъ (сѣверные демократы вознегодовали на раболѣпство Буханана передъ плантаторами, и, подъ предводительствомъ Дугласа, начали противиться чрезмѣрнымъ притязаніямъ южныхъ демократовъ, понявъ наконецъ, что иначе демократическая партія исчезла бы въ сѣверныхъ штатахъ). Дугласъ сталъ неизбѣжнымъ кандидатомъ демократической партіи при выборѣ новаго президента. Плантаторы рѣшились отложиться отъ Союза. Главнымъ дѣйствователемъ выбрали они Дэвиса (избраннаго теперь президентомъ южной конфедераціи). Будучи президентомъ комитета военныхъ дѣлъ въ сенатѣ, онъ пользовался большою властію надъ всѣми военными распоряженіями. Исполняя его программу, военный министръ Флойдъ началъ пересылать съ Сѣвера на Югъ оружіе и военные запасы, выбирая для нихъ такія мѣста, гдѣ сецессіонистамъ было бы легко захватить ихъ. Чтобы снабдить южную конфедерацію деньгами, Флойдъ сталъ выдавать фальшивыя квитанціи, которыя охотно покупались сѣверными капиталистами, не подозрѣвавшими въ нихъ подлога. Этимъ средствомъ были приготовлены деньги для военной кассы южной конфедераціи. Офицеры союзной арміи были перемѣщаемы такъ, чтобы тѣ изъ нихъ, которые находились въ связи съ сецессіонистами, командовали на всѣхъ пунктахъ, нужныхъ для успѣха заговора, и могли, по данному сигналу, отдать сецессіонистамъ форты и магазины въ южныхъ штатахъ. Офицеры, считавшіеся вѣрными Союзу, были удаляемы изъ южныхъ штатовъ. Въ концѣ прошлой сессіи конгресса Дэвисъ успѣлъ провести законъ, запрещавшій военному министру покупать оружіе у мастеровъ и заводчиковъ, имѣвшихъ привиллегію (предлогомъ этого запрещенія было то, что мастера, взявшіе привиллегію, продаютъ свое патентованное оружіе по цѣнѣ слишкомъ дорогой); цѣль тутъ состояла въ томъ, чтобы правительство не имѣло въ запасѣ усовершенствованныхъ ружей, пушекъ и т. д. Министру финансовъ Коббу была назначена та роль, чтобы разстроить финансы, подорвать кредитъ правительства (и дѣйствительно, когда Коббъ уѣхалъ изъ Вашингтона, бросивъ свою должность, онъ оставилъ кассу союзнаго правительства пустой, а кредитъ его въ большомъ упадкѣ), чтобы правительство не имѣло финансовыхъ средствъ бороться съ Югомъ. Обязанности министра внутреннихъ дѣлъ Томпсона были очень многосложны: онъ долженъ былъ служить посредникомъ между заговорщиками и людьми, которыхъ вовлекали они въ заговоръ, и подготовлять для сецессіонистовъ возможность овладѣвать на Югѣ имуществомъ Союза.

Всѣ южные форты были приведены въ такое состоянie, чтобы заговорщики овладѣли ими безъ сопротивленiя. Президентъ помогалъ заговорщикамъ.

«Сецессiонистамъ удалось исполнить почти все, о чемъ они хлопотали. Выборъ Линкольна послужилъ сигналомъ кризису. Сецессiонисты захватили въ южныхъ штатахъ всѣ важные форты, за исключенiемъ форта Монро въ Виргинiи, форта Сёмтера въ Чарльстонѣ, форта Пикенса во Флоридѣ и еще двухъ фортовъ. Всѣ запасы оружiя, посланнаго на Югъ, также были захвачены ими. Флойдъ позаботился оставить эти арсеналы беззащитными. Такимъ образомъ сецессiонисты прiобрѣли запасъ оружiя для сформированiя 30-тысячной армiи. Все это оружiе, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, находилось въ сѣверныхъ арсеналахъ. Цѣнность союзнаго имущества, переданнаго заговорщиками въ руки сецессiонистовъ, простирается до 15 милiоновъ долларовъ.

«Какую же цѣль имѣетъ это воровство? Дать Югу средства, во-первыхъ, для обороны, если понадобится оборона, а потомъ для нападенiй, — не на Сѣверъ, а на Мехику и Кубу. Какъ только освободится отъ опасности нападенiя съ Сѣвера формирующаяся теперь южная армiя, она будетъ двинута на Мехику. Югъ считаетъ необходимымъ завоевать для себя тропическiя земли; съ этой цѣлью онъ и отложился отъ Союза.»

Читатель знаетъ, какъ удачно идетъ дѣло отторженiя. Въ прошедшiй разъ мы говорили о пяти штатахъ, отложившихся отъ Союза; но нынѣшнимъ извѣстiямъ, доходящимъ до 5 февраля, число ихъ увеличилось еще двумя, и теперь уже семь штатовъ крайняго юга: Южная Каролина, Георгiя, Флорида, Алабама, Миссиссипи, Луизiана и Техасъ отложились отъ Союза. Вотъ въ какомъ положенiи находились дѣла по послѣднему изъ прочтенныхъ нами писемъ нью-йоркскаго корреспондента «Times'а».

«Нью-Йоркъ, 5 февраля.

«Распаденie достигло теперь второй своей степени, возсозданiя. Конвентъ депутатовъ отдѣлившихся штатовъ собрался вчера въ Монтгомери, чтобы составить Союзъ невольническихъ штатовъ на основанiи нынѣшней союзной конституцiи, съ нужными для этихъ штатовъ перемѣнами. О дѣйствiяхъ этого конвента извѣстно здѣсь нынѣ еще только то, что президентомъ своимъ выбралъ онъ Кобба (который былъ влiятельнѣйшимъ министромъ въ кабинетѣ Буханана и сложилъ съ себя должность министра лишь два мѣсяца тому назадъ, чтобы стать однимъ изъ предводителей сецессiонистскаго движенiя). Программа конвента слѣдующая: новый Союзъ принимаетъ конституцiю прежняго Союза; избирается временная исполнительная власть; формируется армiя, главнокомандующимъ которой назначается Джефферсонъ Дэвисъ (Джефферсонъ Дэвисъ представитель самыхъ ожесточенныхъ сецессiонистовъ); на покрытie союзныхъ расходовъ принимается система доходовъ преж-

наго союзнаго правительства, пока не будетъ устроена другая система доходовъ. Отправляются въ Европу посланники, чтобы получить отъ европейскихъ правительствъ признаніе новаго государства; открывается въ новый Союзъ доступъ другимъ невольническимъ штатамъ.—Такимъ образомъ съ нынѣшняго дня раздоръ принимаетъ новые размѣры. До сихъ поръ союзное правительство великаго государства имѣло противъ себя отдѣльные штаты; теперь уже только остатки прежняго Союза,— правда, остатки сильные богатствомъ, могуществомъ и историческими воспоминаніями, но потерпѣвшіе нравственный ударъ отъ мятежа хлопчато-бумажныхъ штатовъ, — имѣютъ противъ себя Союзъ этихъ штатовъ, превозносящихся неожиданнымъ успѣхомъ и надѣющихся, что къ нимъ присоединятся всѣ другіе невольническіе штаты. Отпавшіе штаты не обнаруживаютъ никакихъ признаковъ желанія вернуться назадъ. Южная Каролина продолжаетъ вооружаться.

«Сѣверъ пока бездѣйствуетъ. Во многихъ большихъ городахъ собираются митинги, выражающіе приверженность къ Союзу. Но это мало поможетъ, если конвентъ, засѣдающій нынѣ въ Вашингтонѣ, не придумаетъ какого нибудь способа удержать пограничные невольническіе штаты въ Союзѣ съ Сѣверомъ. Этотъ конвентъ состоитъ изъ депутатовъ пограничныхъ невольническихъ штатовъ, граничащихъ съ ними свободныхъ штатовъ и почти нѣсколькихъ сѣверныхъ штатовъ. Демократы Нью-Йоркскаго и другихъ свободныхъ штатовъ, граничащихъ съ невольническими, возлагаютъ большія надежды на этотъ конвентъ; но я не раздѣляю ихъ надеждъ.

«Канзасъ принятъ въ Союзъ какъ новый штатъ съ конституціею, воспрещающею невольничество. Многіе республиканцы готовы находить, что существенная сторона дѣла выиграна ими чрезъ это, и что относительно остальныхъ территорій можно имъ согласиться на компромиссъ. Принятіе Канзаса въ число штатовъ было первою мѣрою въ проэктѣ соглашенія, котораго держался Сьюардъ. Теперь Канзасъ принятъ и члены республиканской партіи въ конгрессѣ смягчились. Сьюардъ, представитель будущаго правительства, расположенъ въ пользу компромисса. Онъ полагаетъ, что споръ о невольничествѣ практически разрѣшился принятіемъ Канзаса въ число штатовъ; что отвлеченная сторона этого спора должна быть принесена въ жертву живому вопросу о сохраненіи Союза. Но можетъ ли масса республиканской партіи быть склонена къ пожертвованію прежнею своею программою? До сихъ поръ мнѣ казалось, что не можетъ. Но теперь приверженцы Союза твердо надѣются на успѣхъ. Однако же часть республиканской партіи будетъ сильно противиться этому; она утверждаетъ, что расторженіе Союза неизбѣжно и что остается только опредѣлить, гдѣ будетъ линія границы. Предводители республиканской партіи отвергаютъ всякую мысль дѣйствовать противъ южныхъ штатовъ насильственными мѣрами. Такимъ образомъ, каково бы ни было рѣшеніе дѣла, можно надѣяться, что миръ будетъ сохраненъ, если самъ Югъ не принудитъ Сѣверъ къ войнѣ нападеніемъ на тѣ форты въ южныхъ штатахъ, которые еще заняты союзными войсками.»

И такъ дѣло повидимому кончено. Хлопчато-бумажные штаты организовались въ особенное государство. Предводители республиканской партіи отказываются отъ мысли возвращать отложившуюся часть въ Союзъ силою оружія. Сѣверные противники невольничества конечно пристыжаются теперь сѣверными демократами, бывшими союзниками плантаторовъ. Но тонъ газеты New-York Herald, главнаго органа плантаторской партіи, противорѣчитъ такому ожиданію. До послѣдняго времени New-York Herald чрезвычайно храбрился, доказывалъ могущество Юга, безсиліе сѣверныхъ республиканцевъ, порочилъ ихъ на-чемъ-свѣтъ-стоитъ, провозглашалъ, что они будутъ принуждены на колѣняхъ просить прощенія у Юга. Посмотрите же, какъ теперь перемѣнился тонъ этой газеты, — мы на удачу беремъ одну изъ статей послѣдняго дошедшаго до насъ нумера.

«Съ 20 декабря, со дня знаменитаго объявленія Южной Каролины, дѣло отторженія въ хлопчато-бумажныхъ штатахъ, подобно неудержимому разливу, развивается, низвергая всѣ препятствія. Менѣе чѣмъ въ теченіе одного мѣсяца были выбраны, сошлись и кончили свое дѣло конвенты Флориды, Миссиссипи, Алабамы и Георгіи, и каждый изъ этихъ штатовъ нынѣ,по мнѣнію своего народа, стоитъ, подобно Южной Каролинѣ, въ положеніи независимой республики, избавившейся отъ всякой обязанности повиноваться общему правительству Соединенныхъ Штатовъ. Къ 4 марта ожидаютъ, что списокъ этихъ независимыхъ государствъ увеличится Луизіаною, Техасомъ и Арканзасомъ, и есть на Югѣ нѣсколько энтузіастовъ, вѣрящихъ, что всѣ южные штаты отдѣлятся отъ Союза передъ тѣмъ днемъ, или очень скоро послѣ того дня, когда республиканская партія получитъ власть въ Вашингтонѣ.

«Между тѣмъ мѣстныя власти пяти отдѣлившихся хлопчато-бумажныхъ штатовъ приготовляются составить общій конвентъ въ Атлантѣ (въ Георгіи), или въ Монтгомери (въ Алабамѣ), чтобы устроить общее правительство южной конфедераціи. А пограничные невольническіе штаты, и Сѣверная Каролина, Теннесси и Арканзасъ, составляющіе второй рядъ южныхъ штатовъ, осторожно ведутъ дѣло отторженія—или избѣгая всякаго дѣйствія, или стараясь уравновѣшиваться такъ, чтобы могли потомъ перейти куда угодно: или къ сѣвернымъ штатамъ, или къ южнымъ, смотря потому, какъ пойдутъ дѣла въ Вашингтонѣ. Но если мы вспомнимъ, что въ этомъ дѣлѣ отторженія участвуютъ двѣ партіи, — партія положительнаго, окончательнаго, безусловнаго отдѣленія отъ Сѣвера и партія, думающая преобразовать союзное правительство съ новыми гарантіями въ охраненіе невольничества, — то становится вѣроятно, что всѣ пограничные невольническіе штаты могутъ рѣшиться выйти изъ Союза и вступить въ южную конфедерацію съ цѣлію направить ея политику къ возсозданію Союза.

«Другими словами: если штаты Делаваръ, Мерилендъ, Виргинія,

Кентукки, Миссури, Северная Каролина, Теннесси и Арканзасъ выйдутъ изъ Союза и присоединятся къ южной конфедераціи, то цѣль ихъ въ этомъ будетъ двоякая: съ одной стороны — вытребовать отъ Сѣвера удовлетворительныя условія къ возвращенію въ Союзъ, а съ другой стороны—заставить хлопчато-бумажные штаты возвратиться въ Союзъ, если отъ враждебнаго невольничеству Сѣвера будутъ получены удовлетворительныя уступки въ огражденіи невольничеству. Мы полагаемъ, что при надлежащемъ испытаніи южная партія окончательнаго и безуступчиваго отторженія отъ Сѣвера окажется, по народной баллотировкѣ, въ рѣшительномъ меньшинствѣ во всѣхъ южныхъ штатахъ, кромѣ одной только Южной Каролины. Мы думаемъ также, что если на Сѣверѣ будетъ предложенъ на одобреніе народа Криттенденовъ компромиссъ для сохраненія союза и мира, то онъ будетъ одобренъ во всѣхъ сѣверныхъ штатахъ, кромѣ быть-можетъ Массачуссетса. Въ одинъ день вся эта революціонная комедія была бы мирно развязана американскимъ народомъ въ пользу сохраненія Союза, если бы какая нибудь сдѣлка, въ родѣ Криттенденова компромисса, была предложена на народную баллотировку во всѣхъ штатахъ.

«Ясно какъ день, что если не будетъ со стороны конгресса какой нибудь примирительной мѣры, то обязанность президента Линкольна ограничится только исполненіемъ нынѣшнихъ союзныхъ законовъ, требующихъ собиранія союзныхъ доходовъ и возвращенія захваченной мѣстными властями нѣкоторыхъ южныхъ штатовъ союзной собственности, какъ, напримѣръ, портовъ, арсеналовъ и т. д. Если г. Линкольнъ будетъ продолжать дальновидную и благородную снисходительность г. Буханана, то онъ еще можетъ отвратить войну. Но республиканскіе оракулы говорятъ объ этомъ всѣ въ одинъ голосъ, — голосъ этотъ — тотъ, что покорность законамъ будетъ вынуждена отъ южныхъ штатовъ во что бы то ни стало. Если въ теченіе недолгаго срока жизни, остающагося нынѣшнему конгрессу, небудетъ установленъ какой нибудь компромиссъ, то быть можетъ послѣдній день его и послѣдній день кончающагося президентства будетъ также послѣднимъ днемъ всѣхъ нашихъ надеждъ на возстановленіе Союза и первымъ днемъ бѣдственной междуусобной войны. Что тогда?

«Сила и отвѣтственность принадлежатъ республиканской партіи. Она можетъ водворить миръ, возстановить Союзъ. Обѣ палаты конгресса теперь въ ея рукахъ. Она должна только отказаться отъ двухъ-трехъ пустыхъ абстрактностей—и благое дѣло будетъ совершено. Криттенденовъ компромиссъ откроетъ путь къ миру и возсоединенію, если будетъ предложенъ на народную баллотировку. Если же не будетъ какой нибудь подобной мѣры для ободренія союзной партіи въ южныхъ штатахъ, то партія эта будетъ подавлена сецессіонистами, тяготѣющими надъ нею даже и въ пограничныхъ невольническихъ штатахъ, и правительству новаго конгресса и новаго президента останется тогда лишь одинъ выборъ: или междуусобная война, бѣдственная для обѣихъ сто-

ронъ, или чрезвычайное засѣданіе конгресса для признанія независимой южной конфедераціи.»

Что же это такое? — просьба къ Линкольну и къ его партіи о томъ, чтобы они поступали великодушно, снисходительно. Значитъ, дѣла отторгнувшихся штатовъ не слишкомъ хороши. Оно такъ и должно быть, по тѣмъ объясненіямъ, которыя представлены нами въ прошедшемъ обозрѣніи. Кто усомнится въ томъ, пусть прочтетъ слѣдующій отрывокъ изъ Вашингтонской корреспонденціи New-York Herald'a, этого Монитёра сецессіонистовъ.

«Вашингтонъ, 20 января.

«Письма изъ Чарльстона изображаютъ положеніе дѣлъ тамъ въ мрачномъ свѣтѣ. Рабовладѣльцы, платившіе прежде по ³/₄ доллера налога съ каждаго своего невольника, теперь должны платить по 16 долларовъ. Такимъ образомъ г. Экенъ (бывшій губернаторъ Южной Каролины) долженъ былъ заплатить 50 тысячъ долларовъ налога. Онъ объявилъ начальству, что не можетъ заплатить, потому что у него нѣтъ денегъ. Ему на это отвѣчали, что онъ можетъ продать своихъ негровъ, и дѣйствительно онъ продалъ часть ихъ на уплату налога, а другихъ почти всѣхъ перевезъ въ Виргинію и самъ уѣхалъ въ Европу. Двумъ книгопродавцамъ было опредѣлено платить по 1000 долларовъ налога. Они отказались платить. Имъ отвѣчали: книгъ у васъ больше, чѣмъ на эту сумму. — Гораздо больше, отвѣчали они, собрали свой товаръ и уѣхали изъ Чарльстона на Сѣверъ.

«Явился проэктъ — выкупить всѣхъ негровъ въ штатахъ Делаварѣ, Мерилендѣ и Миссури и сдѣлать эти штаты свободными; на это требуется 91 милліонъ долларовъ. Этотъ планъ возбуждаетъ большое вниманіе; республиканцы считаютъ его практичнымъ; по принципу они не признаютъ права собственности надъ человѣкомъ; но въ этомъ случаѣ готовы отступить отъ принципа. Многіе изъ нихъ говорятъ, что также надобно сдѣлать свободными штатами Арканзасъ, Техасъ и Луизіану. Многіе изъ южныхъ джентльменовъ одобряютъ этотъ планъ, разноглася между собою только въ томъ, что сдѣлать съ освобожденными невольниками. Изъ сѣверныхъ людей многіе говорятъ: пусть они остаются въ прежнихъ штатахъ; платите имъ за работу и они привыкнутъ сами заботиться о своей судьбѣ. Другіе, въ томъ числѣ рабовладѣльцы обѣихъ партій, и республиканской и демократической, говорятъ: переселимъ ихъ въ центральную Америку. Это послѣднее предположеніе быстро пріобрѣтаетъ популярность. Очень хорошо также принимается здѣсь предложеніе, сдѣланное на дняхъ г. Фуллертономъ. Онъ хочетъ, чтобы союзное правительство выкупило невольниковъ во всѣхъ пограничныхъ штатахъ и переселило ихъ въ Гаити или въ Либерію. То или другое предложеніе скоро будетъ внесено и въ сенатъ и въ палату представителей.»

Часть этихъ фактовъ мы уже предсказывали въ прошедшемъ обозрѣніи: Югъ совершенно зависитъ отъ Сѣвера въ торговомъ и денежномъ отношеніи; разрывъ съ Сѣверомъ долженъ былъ тяжело отозваться въ отдѣлившихся штатахъ. Но проэктъ о выкупѣ невольниковъ въ трехъ изъ пограничныхъ штатовъ—новая черта дѣла. По разсказу видно, что больше всего хлопочутъ о немъ демократы,—республиканцы выставляются только соглашающимися, да и то не всѣ: нѣкоторые изъ нихъ отвергаютъ проэктъ, находя, что самое понятіе выкупа противорѣчитъ ихъ принципу. По свѣдѣніямъ, находящимся въ прошломъ нашемъ обозрѣніи, очевидно, что именно демократы, до сихъ поръ отстаивавшіе невольничество, должны теперь хлопотать о выкупѣ невольниковъ въ пограничныхъ штатахъ. Мы знаемъ, что при расторженіи Союза, Сѣверъ избавится отъ обязанности возвращать бѣжавшихъ невольниковъ, и невольники изъ пограничныхъ штатовъ убѣгутъ тогда въ сѣверные штаты.

Но интересъ партіи, господствующей въ пограничныхъ невольничьихъ штатахъ, еще сильнѣе требуетъ хлопотъ о возстановленіи единства между Югомъ и Сѣверомъ. Многочисленны люди, старающіеся о томъ и на сѣверѣ. Даже въ отдѣлившихся штатахъ, какъ мы говорили прошлый разъ, большинство населенія съ самаго начала хотѣло сохранить союзъ. Конвенты, благопріятные отторженію, составились только потому, что въ выборахъ участвовало лишь меньшинство народа, терроризировавшее массу населенія, которая и не являлась на выборы. По принципу американскаго устройства слѣдовало предложить на утвержденіе всѣхъ гражданъ штата такую важную перемѣну какъ декретъ о расторженіи Союза. На это не рѣшился ни одинъ конвентъ отторгнувшихся штатовъ, боясь, что большинство народныхъ голосовъ будетъ за Союзъ. Въ пограничныхъ штатахъ, конечно, еще незначительнѣе меньшинство, желающее отторженія и стремящееся теперь совершать его террористическими средствами. Девять десятыхъ изъ числа гражданъ Мериланда, Виргиніи, Кентукки, Теннесси и Миссури желаютъ возвратить отторгнувшіеся штаты въ Союзъ. Въ пограничныхъ штатахъ это большинство еще не отваживается говорить, но чувствуетъ, что скоро будетъ подавлено насильственными средствами, если не успѣетъ остановить движеніе. Понятно поэтому, что изъ южныхъ штатовъ является множество проэктовъ примиренія.

Не меньше ихъ является и на Сѣверѣ. Натуральны эти попытки со стороны сѣверныхъ демократовъ, партія которыхъ держится лишь тѣмъ, что опирается на Югъ и быстро потеряла бы всякое значеніе по отдѣленіи Юга. Но хлопочутъ о примиреніи также и многіе изъ предводителей республиканской партіи, господствующей на Сѣ-

верѣ. Эти люди руководятся уже исключительно патріотизмомъ, которому жертвуютъ выгодами своей партіи. Они хотятъ предотвратить междуусобную войну, хотя очевидно, что въ войнѣ сила была бы на ихъ сторонѣ: мы видѣли въ прошлый разъ, что даже весь Югъ и съ пограничными невольническими штатами былъ бы ничтоженъ передъ могуществомъ Сѣвера; тѣмъ ничтожнѣе передъ ними отдѣлявшіеся штаты, составляющіе слабѣйшую половину Юга.

Посмотримъ же теперь на главныя основанія проэктовъ примиренія, предлагающихся съ Юга и съ Сѣвера.

Проэкты, представляемые людьми пограничныхъ невольническихъ штатовъ и сѣверными демократами, всѣ подходятъ въ главныхъ своихъ основаніяхъ къ проэкту, первоначально составленному сенаторомъ Криттенденомъ, который самъ родомъ изъ пограничнаго невольническаго штата Кентукки. Вотъ основанія криттинденова проэкта. По программѣ республиканской партіи, невольничество не должно быть допускаемо въ земляхъ, только начинающихъ населяться, еще не сдѣлавшихся штатами по малочисленности своего населенія, управляемыхъ агентами союзной власти и называющихся территоріями. По программѣ плантаторскихъ штатовъ, напротивъ, всѣ территоріи должны быть открыты невольничеству. Криттенденъ предлагаетъ раздѣлить территоріи между югомъ и сѣверомъ, принявъ чертою разграниченія линію 36° 30′ север. широты: на сѣверъ отъ этой линіи невольничество въ территоріяхъ не будетъ допускаемо, а на югъ отъ нея будетъ охраняемо союзною властью. Черта 36° 30′ предлагается потому, что она составляетъ южную границу свободнаго штата Канзаса, а далѣе на западъ—границу между территоріею Ютахъ и территоріею Новая Мехика. Это разграниченіе территорій, открытыхъ и закрытыхъ невольничеству, существовало прежде по такъ-называемому миссурійскому компромиссу, полагавшему ту же самую линію границы 36° 30′. Южные плантаторы отвергли миссурійскій компромиссъ, думая захватить всѣ территоріи. Теперь, какъ видимъ, пограничные невольническіе штаты и сѣверные демократы уже покидаютъ бо́льшую половину своихъ претензій, отказываясь отъ территорій за миссурійскою чертою. Надобно сказать, что пространство на югъ отъ нея въ пять или шесть разъ меньше пространства, отъ притязаній на которое отказывается проэктъ Криттендена. Въ этомъ состоитъ практическая сущность компромисса. Другія его основанія или имѣютъ лишь отвлеченное значеніе, или касаются пунктовъ, относительно которыхъ нѣтъ серьёзнаго спора. Криттенденъ предлагаетъ, чтобы конгрессъ формально призналъ, что не имѣетъ власти отмѣнять невольничество въ существующихъ невольническихъ

штатахъ, — нынѣ республиканцы еще и не думаютъ отмѣнять невольничество въ томъ или другомъ штатѣ властью конгресса; они еще слишкомъ слабы для мыслей о такой рѣшительной мѣрѣ. Критенденъ требуетъ тутъ гарантію не для настоящаго, а для будущаго, довольно-далекаго; а законы для будущаго настоящее можетъ предписывать, какіе хочетъ, съ увѣренностью, что будущее распорядится по своему, не стѣсняясь ими. Болѣе практической важности въ требованіи, чтобы конгрессъ не имѣлъ власти отмѣнять невольничество въ округѣ Колумбіи, пока оно существуетъ въ штатахъ Виргиніи и Мерилендѣ. Читатель знаетъ, что округъ Колумбія — небольшое пространство земли, на которомъ построена столица Соединенныхъ Штатовъ, городъ Вашингтонъ; вся величина Колумбіи — только двѣ квадратныя мили; это просто городъ Вашингтонъ съ подгородною мѣстностью. Онъ находится подъ прямымъ управленіемъ союзной власти и лежитъ на границѣ невольническихъ штатовъ Мериланда и Виргиніи. Отмѣнить въ немъ невольничество, значило бы сдѣлать его готовымъ пріютомъ для невольниковъ, расположенныхъ бѣжать изъ Мериланда и Виргиніи. Криттенденъ требуетъ также, чтобы конгрессъ отказался отъ власти запрещать продажу невольниковъ изъ одного штата въ другой. Запрещать это — значило бы принудить пограничные невольническіе штаты скоро отказаться отъ невольничества, потому что имъ уже невыгодно держать невольниковъ для собственныхъ земледѣльческихъ работъ, и они, по мѣстному выраженію, «воспитываютъ невольниковъ на продажу» въ хлопчато-бумажные штаты; республиканцы еще не надѣются скоро провести черезъ конгрессъ такое запрещеніе. Криттенденъ требуетъ, чтобы въ сѣверныхъ штатахъ были отмѣнены мѣстные законы, воспрещающіе выдачу бѣжавшихъ невольниковъ, а союзный законъ объ ихъ выдачѣ былъ измѣненъ въ такомъ смыслѣ, что если народъ сѣверной мѣстности, гдѣ скрылся невольникъ, не соглашается выдать его назадъ, то обязанъ заплатить цѣну этого освобождаемаго невольника владѣльцу, отъ котораго онъ бѣжалъ, — республиканцы были согласны на это съ самаго начала.

Пересмотримъ теперь черты компромисса, на который соглашается Сьюардъ, предводитель республиканской партіи въ конгрессѣ, будущій государственный министръ или первый министръ Линкольна. Онъ предлагаетъ раздѣлить территоріи линіею 36° 30′ и немедленно образовать изъ южной части штатъ, съ правомъ ввести въ него невольничество, а изъ сѣверной половины другой штатъ, съ запрещеніемъ невольничества; каждый изъ этихъ штатовъ, имѣющихъ слишкомъ громадную величину, можетъ впослѣдствіи раздѣлиться на нѣсколько штатовъ, по мѣрѣ того, какъ будетъ населять-

ся. Сьюардъ согласенъ, чтобы конгрессъ не касался вопроса о невольничествѣ въ существующихъ невольническихъ штатахъ, и чтобы мѣстные сѣверные законы противъ выдачи бѣжавшихъ невольниковъ были отмѣнены съ измѣненіемъ союзнаго закона о выдачѣ бѣжавшихъ невольниковъ въ томъ смыслѣ, что если народъ не выдаетъ бѣжавшаго невольника, то долженъ заплатить за него деньги.

Словомъ сказать, между проэктовъ предводителя республиканской партіи и проэктовъ пограничныхъ невольничьихъ штатовъ нѣтъ никакой разницы. Если въ проэктѣ Сьюарда опущены нѣкоторыя условія, встрѣчаемыя нами въ проэктѣ Криттендена, эти условія имѣютъ лишь отвлеченное значеніе и дойти до примиренія въ нихъ вовсе не трудно.

Въ чемъ же состоятъ препятствія къ возстановленію союза? Есть по одному важному препятствію и на Югѣ и на Сѣверѣ.

Въ отторгнувшихся штатахъ господствуетъ партія, желающая междоусобной войны: она разсчитываетъ, что населеніе сѣверныхъ штатовъ не захочетъ серьёзно вести такую войну, и послѣ нѣсколькихъ ничтожныхъ стычекъ согласится на отдѣленіе южныхъ штатовъ отъ Союза, лишь бы прекратить кровопролитіе. Эта партія состоитъ изъ авантюристовъ, которые надѣются завести въ южной конфедераціи такой же порядокъ, какой существуетъ въ Мехикѣ,— то есть основать на югѣ господство вооруженныхъ шаекъ, которыя будутъ грабить плантаторовъ и вообще всякихъ богатыхъ людей. Цѣль, какъ видимъ, очень проста и практична. Чтобы возвратились отторгнувшіеся штаты въ Союзъ, жители южныхъ штатовъ (и главнымъ образомъ сами плантаторы, страждущіе больше всѣхъ отъ нынѣшнихъ поборовъ, налагаемыхъ авантюристами) должны свергнуть иго этихъ авантюристовъ,—дѣло, не совершенно легкое, какъ мы говорили въ прошломъ обозрѣніи.

А на Сѣверѣ препятствіемъ служитъ начинающая пробуждаться гордость массы населенія. Югъ бѣденъ, слабъ, не можетъ долго держаться безъ денегъ, станетъ жертвою анархическаго деспотизма,—онъ скоро принужденъ будетъ искать милости у Сѣвера,—почему же не подождать этой поры, къ чему спѣшить уступками, когда скоро возстановился бы союзъ безъ всякихъ уступокъ со стороны Сѣвера? Эти мысли начинаютъ распространяться въ массѣ республиканской партіи; онѣ уже на столько сильны, что ея предводители, желающіе немедленно кончить раздоръ хотя бы и съ уступками, колеблются прямо говорить, на какія уступки Югу были бы они согласны. Сьюардъ высказываетъ свои мысли уже не въ прямой формѣ проэкта, а лишь мимоходомъ, какъ бы нехотя, въ видѣ своихъ

личныхъ желаній, не имѣющихъ претензіи являться основаніемъ практическихъ мѣръ со стороны республиканской партіи. Другіе предводители ея не рѣшаются дѣлать и того: они только молчатъ; а второстепенные люди республиканской партіи уже прямо порицаютъ Сьюарда за готовность къ уступкамъ.

Но все-таки мы еще и теперь не отваживаемся предсказывать ту развязку дѣла, которая для большей части европейскихъ газетъ кажется уже совершившимся фактомъ. Мы не отваживаемся надѣяться, что дѣйствительно отпадетъ отъ Союза Югъ, который повидимому уже вышелъ изъ союза: рѣшенія, принятыя конвентами отторгнувшихся штатовъ и самыя рѣшенія общаго конвента ихъ, собравшагося въ Монтгомери—все это пока еще только террористическая мистификація, слишкомъ шаткая. Мы боимся, что она не удержится, что Югъ слишкомъ рано почувствуетъ невыносимость своего положенія, что на Сѣверѣ патріотизмъ слишкомъ рано возьметъ верхъ надъ убѣжденіями, состраданіе къ Югу возьметъ верхъ надъ чувствомъ гордости, что будетъ заключенъ компромиссъ, при которомъ невольничество на югѣ станетъ падать не такъ быстро, какъ стало бы падать въ одномъ штатѣ за другимъ штатомъ южной конфедераціи при дѣйствительномъ расторженіи Союза.

Переходя въ Европу, мы не будемъ представлять своихъ соображеній о важнѣйшемъ изъ развивающихся вопросовъ, — австрійско-венгерскомъ; мы приведемъ только выписки изъ газетъ.

Въ прошедшемъ обозрѣніи мы остановились на томъ, что 16 января посланъ былъ въ венгерскіе комитаты рескриптъ, излагающій основныя черты намѣреній австрійскаго правительства относительно Венгріи. Вотъ переводъ главныхъ мѣстъ этого документа:

«Съ спокойствіемъ и снисходительностію смотрѣли мы на первые опрометчивые шаги въ ходѣ венгерской общественной жизни. Мы приписывали ихъ взволнованному направленію времени, вспышкѣ страстей долго сдерживавшихся и отвыкшихъ отъ общественной дѣятельности. Но теперь, когда нѣкоторые комитаты при выборѣ коммиссій принимаютъ въ нихъ такихъ индивидуумовъ, которые, будучи непримиримыми противниками нашей монархіи и нашихъ владѣтельныхъ правъ и, соединяясь съ внѣшними врагами, нарушаютъ спокойствіе нашихъ земель коварнымъ заговоромъ и дерзкимъ возбужденіемъ къ мятежу; когда дѣлается попытка воспользоваться различіемъ мнѣній о будущемъ рѣшеніи вопроса относительно налоговъ въ томъ духѣ, чтобы произвести отказъ отъ платежа налоговъ, чѣмъ ослабляются матеріальныя средства государства, спутываются понятія народа и придается общественному положенію такое направленіе, о которомъ сами его легкомысленные и лицемѣрные представители должны знать, что оно не можетъ быть терпимо; — теперь, когда необходимѣйшія переходныя постановленія

къ сохраненію порядка въ юридическихъ отношеніяхъ частныхъ лицъ, отстраняются съ нетерпѣливою торопливостію; когда нѣкоторые комитаты подъ предлогомъ охраненія общественной тишины, возстановляютъ и вооружаютъ національную гвардію съ обремененіемъ народа, а при опредѣленіи содержаній комитатскимъ чиновникамъ совершенно отстраняютъ надлежащее наблюденіе нашихъ начальствъ, и забывая свое назначеніе, не колеблятся преступать границы своихъ законныхъ правъ и какъ независимыя корпораціи присвоивать себѣ почти всю государственную силу, — теперь становится неизбѣжною обязанностью рѣшительно воспротивиться этимъ преступнымъ превышеніямъ правъ и не потерпѣть, чтобы конституціонною свободою пользовались по способу, ведущему, чрезъ низверженіе общественнаго порядка, къ революціи.

«Вѣра нашихъ народовъ въ искренность нашего намѣренія возстановить конституціонный порядокъ поколебалась бы, если бы продолжали быть терпимы анархическія стремленія, развитіе которыхъ всегда бываетъ погибелью всякой законной свободы. Мы неизмѣнно сохраняемъ наши рѣшенія 20 октября истекшаго года и съумѣемъ охранить для нашихъ народовъ обѣщанное имъ конституціонное развитіе, а относительно нашего королевства Венгріи сдержать все, что было ему обѣщано. Но столь же тверда наша воля всею силою воспротивиться революціи, въ какомъ бы видѣ ни являлась она: явно ли, или скрываясь лицемѣрно въ одеждѣ законныхъ формъ; мы не сомнѣваемся, что найдемъ поддержку въ истинномъ патріотизмѣ всѣхъ лучшихъ элементовъ; они не потерпятъ, чтобы на пути мирнаго соглашенія постановлялись препятствія, вызываемыя страстью или эгоизмомъ нѣкоторыхъ лицъ. Сообщая эти наши намѣренія и предостереженія къ свѣдѣнію всѣхъ комитатовъ нашего королевства Венгріи, мы твердо повелѣваемъ:

«1) Повсюду, гдѣ дерзнули избрать въ члены комитатскихъ коммиссій живущихъ за границею мятежниковъ и измѣнниковъ, въ сообществѣ съ внѣшними врагами нашей имперіи и доселѣ еще продолжающихъ преступныя козни противъ насъ и государства, эти выборы объявляются недѣйствительными и ничтожными.

«2) Подъ страхомъ строгаго наказанія, повелѣваемъ, что всѣ попытки, имѣющія цѣлью прямо или косвенно остановить сборъ прямыхъ податей и косвенныхъ налоговъ или самовластно установить новые налоги—должны быть отмѣнены, всѣ таковыя рѣшенія немедленно уничтожены, и объ исполненіи этого повелѣнія безотлагательно извѣщено королевское намѣстничество.

«(Въ третьемъ и четвертомъ §§ предаются такому же уничтоженію принятыя комитатами мѣры къ замѣнѣ учрежденныхъ вѣнскимъ правительствомъ судилищъ и введенныхъ ими законовъ судилищами и законами, установленными въ 1848 г.)

«Если бы со стороны комитатовъ было обнаружено сопротивленіе этимъ нашимъ распоряженіямъ, то засѣданія комитатскихъ коммиссій должны быть пріостановлены или самыя коммиссіи распущены, и въ

случаѣ надобности, эти наши рѣшенія должны быть исполнены и съ употребленіемъ физической силы.

«Всѣ эти рѣшенія внушены необходимою заботливостію объ общемъ благѣ нашихъ народовъ, и если бы наши отеческія намѣренія снова были разстроены и встрѣчены закоснѣлымъ упорствомъ, то мы съ прискорбіемъ должны были бы прибѣгнуть къ тѣмъ мѣрамъ строгости, которыхъ желали бы избѣжать. Если бы тѣмъ было замедлено созваніе сейма, искренно нами желаемое, и чрезъ то снова на долго было бы отложено полное возстановленіе конституціоннаго порядка и требуемое интересами не только Венгріи, но и цѣлой монархіи рѣшеніе важнѣйшихъ и настоятельнѣйшихъ вопросовъ, то всякую отвѣтственность за возникающія изъ того многоразличныя бѣдствія, мы съ спокойною совѣстью слагаемъ на тѣхъ, которые преднамѣренно или легкомысленно препятствуютъ дѣлу мирнаго соглашенія. Вѣна 16. января 1861 года.

(Собственною рукою) Францъ Іосифъ.

Баронъ Вай.»

Предполагалось, что этотъ рескриптъ успокоитъ Венгрію; потому въ оффиціальномъ органѣ австрійскаго правительства, Пештъ-офенской нѣмецкой газетѣ (Pesth-Ofener Zeitung), при его напечатаніи была помѣщена слѣдующая статья:

«Съ глубокимъ чувствомъ радости обнародуя выше напечатанный высочайшій манифестъ, мы твердо убѣждены, что при прочтеніи его мгновенно исчезнетъ уже нѣсколько недѣль тяжко лежавшее на груди всѣхъ друзей порядка обремененіе, и радостно отдохнетъ вся страна, не исключая даже и тѣхъ, которые почли нужнымъ принять дѣятельную роль въ разрушеніи всѣхъ государственно-общественныхъ связей, предпринимавшемся мнимо въ духѣ конституціонной дѣятельности, а нынѣ милостивѣйшимъ образомъ приглашаются къ возвращенію на прямой путь. Нынѣ ободрятся города, повсюду заключающіе въ себѣ столь многіе элементы порядка, для которыхъ suprema lex (верховнымъ закономъ) служитъ не законъ 1848 г., въ сущности никого не удовлетворяющій и въ каждомъ словѣ своемъ носящій характеръ временнаго постановленія, а salus publica (спасеніе государства); верховный правитель даетъ имъ въ руку компасъ и указываетъ тѣмъ направленіе, которому впредь они должны слѣдовать и которому доселѣ отчасти только потому не слѣдовали, что опасная, почти неисцѣлимая болѣзнь Венгріи, — страхъ стать непопулярнымъ въ толпѣ, — на сей разъ появилась съ необычайною силою.»

Но эта надежда не оправдалась. Комитаты одинъ за другимъ выразили свое несогласіе съ мыслями, какія рекомендовались для нихъ. Приводимъ въ примѣръ отвѣтъ пештскаго комитата.

«Когда ваше величество, устранивъ по праву и обязанности государя

насильственныя рѣшенія, вступили на путь конституціоннаго правленія и въ исполненіе этой возвышенной задачи сообщили націи ваши высочайшія рѣшенія отъ 20 октября прошедшаго года, нація, какъ бы забывая еще продолжавшееся обремененіе 12-тилѣтняго насильственнаго господства и видя въ вашемъ дипломѣ инициативу дальнѣйшаго развитія, съ довѣріемъ встрѣтила королевскую волю, въ надеждѣ и увѣренности, что ваше величество уступите высказывающемуся требованію націи и построите на твердомъ основаніи законной конституціи организмъ воздвигаемаго государственнаго зданія. Дуализмъ абсолютизма и конституціонизма — невыносимъ въ государственномъ организмѣ, и если разрушительные припадки этого дуализма будутъ возобновляться постоянно, то само государство разрушится ими. Сознаніемъ этой неопровержимой истины руководилась коммиссія пештскаго комитата до настоящей минуты во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ; она и въ своихъ рѣшеніяхъ и въ своихъ предложеніяхъ и даже на скользкой почвѣ своихъ совѣщаній заботливо избѣгала раздражительныхъ обвиненій за прошлое; важный, но щекотливый вопросъ о королевскихъ правахъ и обязанностяхъ оставляла она въ молчаніи; она не хотѣла раскрывать гробы погибшихъ, еще дымящіеся кровью; она подавляла въ себѣ живо рвавшіяся наружу чувства о глубочайшемъ униженіи націи чужеземнымъ управленіемъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ коммиссія, по своему неотъемлемому праву, открыто и откровенно, безъ всякой задней мысли, объявляла, просила и требовала, чтобы реорганизація была начата и ведена на основаніи законовъ и конституціи, въ противность народному праву подавленной, но не отмѣненной. Дѣйствуя такимъ образомъ, коммиссія съ спокойною совѣстью полагала, что открываетъ путь къ мирному соглашенію и успокоенію и съ тѣмъ вмѣстѣ вѣрно охраняетъ законную основу для государственной жизни націи.

«Дипломъ 20 октября намѣревался отнять у законодательной власти націи право располагать налогами и наборомъ войска, финансовой и кредитной частью, таможенными и торговыми дѣлами, почтою, телеграфами и желѣзными дорогами, и хотѣлъ подчинить эти коренныя основы конституціоннаго устройства законодательному собранію, чуждому націи, находящемуся за границами нашего очечества, словомъ сказать— собранію, чуждому и неизвѣстному для нашей конституціи; потому онъ нарушаетъ наши основные законы, говорящіе, что налоги опредѣляются венгерскимъ сеймомъ; нарушаетъ тѣ законы, которые даютъ націи право управлять своими дѣлами самой съ исключеніемъ всякаго иноземнаго вліянія. Въ нынѣшнемъ милостивомъ рескриптѣ ваше величество благоволите объявлять, что намѣрены возстановить прежнюю конституцію Венгріи и съ тѣмъ вмѣстѣ оставаться при началахъ, выраженныхъ дипломомъ 20 октября; потому нація видитъ себя въ необходимости полагать, что ваше величество благоволите считать дипломъ 20 октября и выраженное въ немъ преобразованіе конституціи за дѣло уже совершившееся; но нація расположена видѣть въ этомъ дипломѣ только королевское желаніе, предлагаемое на обсужденіе сейму; потому что по венгерской

конституціи, даже и пламеннѣйшія желанія королей объ измѣненіи того или другаго закона могутъ осуществляться только чрезъ согласіе на нихъ національнаго сейма. При такомъ положеніи дѣлъ неизбѣжно должна была наступить настоящая критическая эпоха, когда согласныя съ конституціею и законами распоряженія комитатовъ кажутся вашему величеству фантомами революціи, облеченной видомъ законности, а для націи кажутся зародышами нарушенія національной самостоятельности и конституціи дѣйствія правительства, быть-можетъ и благонамѣренныя, но не строго законныя. Возстановленныя вашимъ величествомъ комитатскія власти могутъ существовать лишь какъ строго законные органы и, не имѣя никакихъ законодательныхъ правъ, эти органы не могутъ принимать и исполнять никакихъ противорѣчащихъ нашимъ законамъ распоряженій, отъ кого бы они ни происходили; потому что иначе комитатскія власти не были бы законными, а явились бы органами произвола. Результатъ этого прискорбнаго положенія — настоящій рескриптъ вашего величества, порицанія и строгости котораго смягчатся или лучше сказать уничтожатся, если положеніе дѣлъ будетъ разсматриваться съ законной точки зрѣнія, на какой стоятъ комитатскія власти.»

На четыре пункта порицанія, всѣ комитаты отвѣчали одинаково: эмигрантовъ (Кошута и его помощниковъ) они называли людьми, которые не были судимы по венгерскимъ законамъ, и потому сохраняютъ свои законныя права по венгерскимъ законамъ; охраненію начальствъ, правилъ и налоговъ, установленныхъ австрійцами, комитаты не могутъ содѣйствовать, потому что не имѣютъ законодательной власти, принадлежащей только венгерскому сейму, и должны лишь исполнять законы, а венгерскіе законы не признаютъ этихъ начальствъ, правилъ и налоговъ.

По вопросу о венгерскихъ эмигрантахъ, возникающему изъ рескрипта 16 января, вотъ небольшой отрывокъ изъ парижской корреспонденціи Times'а:

«*Парижъ, 17 января.*

«Венгерскіе эмигранты объявляютъ, что не имѣютъ никакого желанія получить амнистію отъ императора Франца-Іосифа. Уже самымъ тѣмъ фактомъ, что возстановляются законы 1848 года—уничтожаются всѣ приговоры, произнесенные противъ людей, сражавшихся съ австрійскимъ правительствомъ. Венгры говорятъ, что возвратятся на родину по приглашенію своего сейма, а не по милости правительства; по этой же причинѣ и было на дняхъ отвергнуто пештскимъ комитатомъ предложеніе Кубини о томъ, чтобы представлена была императору просьба о дарованіи амнистіи эмигрантамъ. Отвергая предложеніе, комитатъ объяснилъ эту причину и выразилъ глубокое сочувствіе всей націи къ изгнанникамъ, которые среди печальнѣйшихъ обстоятельствъ не отчава-

лись за свою родину и не мало содѣйствовали успѣху настоящаго движенія къ возстановленію ея свободы.»

Теперь приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ вѣнской корреспонденціи Times'а.

«Вѣна, 14 января.

«Есть признаки, что правительство готовится прибѣгнуть къ вооруженной силѣ для возстановленія своего господства надъ Венгріею. Трансильванская армія уже приведена въ готовность къ походу, а въ Гросвардейнѣ формируется такъ-называемый обсерваціонный корпусъ. Имена лицъ, избранныхъ конгрегаціею ноградскаго комитата въ члены комитатской коммиссіи, дадутъ вамъ достаточное понятіе о состояніи венгерскихъ дѣлъ. Въ числѣ избранныхъ находятся Кошутъ, Клапка, Владиславъ Телеки, Тюрръ. Вчера мнѣ объясняли, что венгерская нація рѣшилась не избирать палатиномъ никакого австрійскаго эрцгерцога, и когда я спросилъ, кого же выберетъ сеймъ палатиномъ, мнѣ отвѣчали, что много шансовъ имѣетъ графъ Владиславъ Телеки» (помощникъ Кошута, недавно выданный саксонскимъ правительствомъ австрійскому и помилованный императоромъ).

«Вѣна, 30 января.

Носится слухъ, что гонтскій комитатъ (который особенно рѣзко отвѣчалъ на рескриптъ) объявленъ находящимся въ осадномъ положеніи; но я убѣдился, что молва эта неосновательна. Вскорѣ по обнародованіи рескрипта 16 января были несомнѣнные признаки, что правительство готовится прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ; но послѣ того мысли кабинета измѣнились; теперь онъ понимаетъ, что употребленіе военной силы въ Венгріи повело бы къ междуусобной войнѣ, которая можетъ кончиться распаденіемъ имперіи. Чтобы по возможности уничтожить непріятное впечатлѣніе, произведенное за границею рескриптомъ 16 января, «Вѣнская Газета» (официальный органъ правительства) говоритъ, что рѣшенія, объявленныя въ императорскомъ рескриптѣ, были приняты лишь для возстановленія порядка въ Венгріи, и что императоръ, созывая сеймъ, ясно доказалъ свое намѣреніе идти законнымъ путемъ. Въ статьѣ, озаглавленной «Ожиданія Венгровъ», «Пештскій Ллойдъ» говоритъ, что баронъ Вай вѣроятно жалѣетъ о своемъ согласіи на рескриптъ 16 января, но что его соотечественники не сердятся на эту его уступку требованіямъ, потому что обнародованіе рескрипта, говоритъ «Пештскій Ллойдъ», «доставило націи случай прямо и свободно выразить свое мнѣніе о дипломѣ 20 октября. Венгры, служащіе нынѣ «вѣнскому правительству, вѣроятно говорили императору, что нація будетъ довольна сдѣланными уступками. Но адресы, посланные въ Вѣну «комитатами гранскимъ, бекешскимъ, гонтскимъ, ципсскимъ, штульвейсейбургскимъ, гёмёрскимъ, барсскимъ, шомодьскимъ, зольскимъ и веспримскимъ должны были разрушить всякое самообольщеніе. Другіе «комитаты послѣдуютъ этому примѣру (дѣйствительно, въ послѣднихъ

числахъ января и въ первыхъ числахъ февраля всѣ остальные комитаты, за исключеніемъ одного, прислали такіе же адресы), а сеймъ «будетъ вѣрнымъ ихъ эхомъ. Венгерская нація требуетъ отъ австрій-«скаго правительства безусловнаго признанія законовъ 1848 г.». Городское начальство Сегедина рѣшило, что каждому «честному» человѣку дозволяется носить оружіе; но австрійскія начальства, вѣроятно, не признаютъ законности такой мѣры. Въ Сегединѣ учредился комитетъ общественнаго блага; австрійскій областной начальникъ потребовалъ, чтобы комитетъ былъ распущенъ. Въ отвѣтъ на это, граждане Сегедина сказали, что въ настоящее время не могутъ исполнить такого требованія, а въ будущее время объявятъ причины, по которымъ поступаютъ теперь такимъ образомъ. Австрійскія начальства всячески стараются склонить комитаты, чтобы они занялись приготовленіями къ выборамъ на сеймъ; но комитаты не хотятъ дѣлать этого, и вѣроятно не займутся выборами, пока правительство не признаетъ безусловно избирательный законъ 1848 года.»

«Вѣна, 6 февраля.

«Нѣсколько дней тому назадъ я писалъ вамъ, что правительство не хочетъ «безъ крайней надобности» употреблять насильственныхъ мѣръ. Въ послѣднія двѣ-три недѣли венгерскій вопросъ возбуждалъ жаркія пренія между государственнымъ министромъ и барономъ Ваемъ. Шмерлингъ говорилъ венгерскому канцлеру, что правительство съумѣетъ возстановить тишину и порядокъ въ Венгріи, если не умѣютъ поддерживать ихъ мѣстныя власти. Баронъ Вай возражалъ противъ насильственныхъ мѣръ и былъ поддерживаемъ графомъ Рехбергомъ, находящимся, какъ говорятъ, совершенно подъ вліяніемъ графа Сечена. Но государственный министръ превозмогъ своихъ противниковъ. Это было причиною тому, что баронъ Вай согласился подписать угрожающій рескриптъ 16 января. Послѣ того образъ дѣйствій Деака и Этвеша (предводителей умѣренной мадярской партіи, всячески старающихся сдерживать движеніе) снова расположилъ правительство въ пользу венгровъ и вѣроятно, что оно сдѣлаетъ нѣкоторыя уступки, чтобы могла усилиться въ Венгріи умѣренно-либеральная партія, которая чрезвычайно желаетъ сохранить соединеніе Венгріи съ Австріею. Но если императорскій кабинетъ останется при своей нынѣшней политикѣ, то партія, желающая отторженія, совершенно восторжествуетъ въ Венгріи.»

«Вѣна, 11 февраля.

«Жители Вѣны не ожидаютъ, что новая конституція будетъ слишкомъ либеральна; но и они вѣроятно найдутъ, что не стоило терять бумагу для напечатанія такой конституціи. Представительное собраніе будетъ расширеннымъ государственнымъ совѣтомъ, раздѣленнымъ на двѣ палаты, одна изъ которыхъ, верхняя, будетъ во всемъ повиноваться правительству. Въ уставѣ для государственнаго сейма не будетъ употреблено и слово «конституція», а вмѣсто слова «палата» вѣроятно будетъ употреблено слово «курія» (терминъ, употреблявшійся въ средне-

вѣковыхъ сеймахъ). Австрійское представительное собраніе будетъ только тѣнью парламента; но Шмерлингъ льститъ себя надеждой, что венгры согласятся признать власть этого собранія во всѣхъ дѣлахъ по установленію налоговъ. Я имѣлъ нѣсколько разговоровъ съ венграми умѣренной партіи, и всѣ они говорятъ, что венгерская нація никогда не признаетъ права установлять въ Венгріи налоги за австрійскимъ правительствомъ или государственнымъ совѣтомъ. «Мы обязаны, говорятъ они, давать австрійскому правительству 30 милл. гульденовъ въ годъ, и больше этого мы не станемъ платить, если больше этого не дастъ нашъ сеймъ». Баронъ Вай находится въ чрезвычайномъ уныніи, какъ и слѣдуетъ ему быть: онъ знаетъ, что скоро будутъ приняты очень сильныя мѣры противъ его соотечественниковъ.»

«*12 февраля.*

«Здѣсь господствуетъ нѣкоторое уныніе, потому что публика знаетъ, что ни одинъ изъ членовъ императорской фамиліи не расположенъ къ конституціонной формѣ правленія. Чувствуется, что Австріи предстоитъ смутное время, и мнѣніе публики объ этомъ предметѣ очень вѣрно выражено въ слѣдующемъ отрывкѣ, который беру я изъ нынѣшняго нумера здѣшней газеты Ost-Deutsche Post:

«Дѣла Австріи плохи. Финансы въ страшномъ безпорядкѣ, а кон«ституція еще въ зародышѣ, такъ-что невозможно сказать, что̀ изъ нея «выйдетъ. Дипломъ 20 октября, вѣроятно составленный торопливо, по«родилъ затрудненія, конца которыхъ невозможно предвидѣть. Народы, «населяющіе Австрію, подвергнутся тяжелымъ испытаніямъ. Ихъ иму«щества и спокойствіе находятся въ опасности. Можетъ произойти ве«ликій финансовый кризисъ; можетъ возникнуть внѣшняя война и вну«тренняя война. Но мы убѣждены, что имперія не разрушится, если «правительство въ состояніи рѣшиться на уступки, необходимыя для «блага націи. Доселѣ Австрія держалась насиліемъ и штыками. Испро«буемъ другую систему. Пусть народу будетъ предоставлена конститу«ціонная свобода, а штыки берегутся противъ внѣшнихъ враговъ. Дайте «имперіи дѣйствительно либеральную конституцію, и внѣшніе враги пе«рестанутъ быть опасными для Австріи».

«*Вѣна, 13 февраля.*

«Вчера баронъ Вай уѣхалъ отсюда въ Пештъ, чтобы имѣть тамъ конференцію съ жупанами венгерскихъ комитатовъ, получившими отъ него на дняхъ циркуляръ, сущность котораго такова.

«Когда императорскій рескриптъ 16 января былъ посланъ въ вен«герскіе комитаты, я почтительно просилъ васъ употребить ваши уси«лія, чтобы склонить управляемый вами комитатъ къ повиновенію при«казаніямъ его величества, чтобы мое положеніе сдѣлалось менѣе тя«жело и чтобы возрастающія затрудненія были устранены скорымъ со«званіемъ сейма. Пренія порожденныя императорскимъ рескриптомъ во «многихъ комитетахъ, заставляютъ меня опасаться, что мои ожиданія

«не исполняется. Комитаты занимаются безплодными преніями о закон-«ности или незаконности существующихъ временныхъ учрежденій и не «хотятъ признавать необходимости ихъ на кратковременный переход-«ный періодъ. Необходимо намъ сообразить послѣдствія, къ какимъ «можетъ вести такой образъ дѣйствіи; и потому осмѣливаюсь просить «васъ пріѣхать на свиданіе со мною въ Пештъ 14 числа нынѣшняго «мѣсяца, чтобы мы могли изустно обмѣняться мнѣніями по этому дѣлу.»

«Почти никто въ Вѣнѣ не ждетъ, чтобы баронъ Вай успѣлъ достичь цѣли въ этихъ переговорахъ съ жупанами.»

Дѣйствительно, собравшіеся въ Пештъ жупаны сказали барону Ваю, что комитаты дѣйствуютъ на законномъ основаніи, и не имѣютъ права дѣйствовать иначе.

Вотъ еще одинъ документъ. Вѣнскій министръ финансовъ разослалъ къ торговымъ палатамъ циркуляръ, въ которомъ просилъ у нихъ совѣтовъ относительно средствъ къ улучшенію вексельнаго или, что въ Австріи почти то же, ассигнаціоннаго курса. Изъ всѣхъ частей имперіи, торговыя палаты отвѣчали въ одномъ и томъ же духѣ, примѣромъ котораго пусть послужитъ отвѣтъ, данный министру финансовъ пражскою торговою палатою.

«Единственнымъ рѣшительнымъ средствомъ къ возстановленію курса представляется намъ скорое составленіе по возможности удовлетворительной для всѣхъ классовъ населенія конституціи, и слѣдующее затѣмъ немедленное созваніе государственнаго представительнаго собранія, избраннаго прямымъ образомъ по либеральному избирательному закону. Вмѣстѣ съ тѣмъ должна стать кореннымъ закономъ отвѣтственность министровъ передъ этимъ собраніемъ, которое немедленно признаетъ существующій государственный долгъ. Сообразная духу времени конституція, которой присягнетъ императоръ, заключаетъ въ себѣ ручательство за прочный независимый отъ смѣны лицъ порядокъ въ государственномъ хозяйствѣ, и, создавъ довѣріе и довольство внутри имперіи, станетъ лучшею опорою ея внѣшняго могущества, потому что государство, столь обширное какъ Австрія, въ самомъ себѣ находитъ силу, охраняющую отъ опасностей цѣлость его, когда поддерживается патріотизмомъ своего населенія, готоваго на жертвы. Таково коренное условіе, отъ котораго зависитъ рѣшеніе всего вопроса. Другія мѣры могутъ имѣть силу лишь въ той мѣрѣ, въ какой имѣютъ онѣ связь съ этимъ условіемъ, и лишь въ этомъ предположеніи палата можетъ рекомендовать къ исполненію еще слѣдующія мѣры: 1) уменьшеніе вліянія правительства на національный банкъ до той границы, какая полагается выгодою публики; 2) для погашенія еще неуплаченнаго долга государства національному банку заключеніе процентнаго займа, съ погашеніемъ его, по впередъ опредѣленному плану, въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ; заемъ этотъ долженъ быть утвержденъ представительнымъ собраніемъ государства. Ваше превосходительство благоволитъ употре-

бить все ваше вліяніе для немедленнаго введенія конституціи для всего государства.»

Теперь конституція уже обнародована. Она въ существенномъ сходна съ основаніями, предначертанными въ дипломѣ 20 октября. Палата представителей составляется изъ депутатовъ, избираемыхъ провинціальными сеймами; министры не отвѣтственны передъ нею; объ отмѣнѣ прежнихъ постановленій относительно газетъ не упоминается. Разница отъ основаній диплома 20 октября въ сущности только одна: къ палатѣ, составляющейся изъ депутатовъ, назначаемыхъ провинціальными сеймами, прибавляется другая палата, состоящая отчасти изъ высшей титулованной аристократіи по фамильному праву, отчасти изъ лицъ, жалуемыхъ въ члены этой (верхней) палаты по усмотрѣнію императора. Какъ и сказано было въ дипломѣ 20 октября, этому собранію подчиняется венгерскій сеймъ наравнѣ съ другими провинціальными сеймами.

О дѣлахъ остальныхъ земель западной Европы можно ограничиться на этотъ разъ нѣсколькими словами. Законодательный корпусъ, собранный въ Парижѣ въ началѣ февраля, оправдываетъ увѣренность, выраженную нами при изданіи декрета 24 ноября, что перемѣнъ въ способѣ управленія и законодательства не предполагалось произвести этимъ декретомъ. Дѣла Франціи ведутся по прежнему. Изданная въ половинѣ февраля оффиціальная брошюра «Франція, Римъ и Италія» показываетъ, что императоръ французовъ глубоко огорченъ недовѣріемъ папы къ его совѣтамъ и несогласіемъ папы на его желанія; но слѣдуетъ ли изъ этого, что императоръ французовъ намѣренъ лишить папу своего великодушнаго охраненія, вывесть французскій горнизонъ изъ Рима?—Объ этомъ брошюра не говоритъ, конечно потому, что императоръ французовъ намѣренъ дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами.

Гаэта сдалась. Надобно ожидать, что послѣ этого довольно быстро успокоятся тѣ неаполитанскія провинціи, въ которыхъ еще продолжалась междуусобная война. Итальянскій парламентъ превозгласилъ Виктора Эммануэля королемъ Италіи. Всего этого слѣдовало ждать.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ПЯТАГО ТОМА.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЯНВАРЬ.

СВИСТОКЪ.

Собраніе литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ.

6.

ФЕВРАЛЬ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Февраля 20 дня 1861 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

VIEUXTEMPS & RUBINSTEIN. Grand duo sur le Prophète de Meyerbeer pour piano et violon (2 р. 30 к.).

SOIRÉES DANSANTES. «С.-ПЕТЕРБУРГСКІЕ ВЕЧЕРА». Собраніе новѣйшихъ и любимѣйшихъ танцевъ для одной скрипки. 7 тетрадей, въ каждой отъ 7 до 8 танцевъ; соч. Страусса, Гунгля, Лядова, Фауста и др. (каждая тетрадь 75 к.).

СТО РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ для одной скрипки, аррапжированныя М. Бернардомъ. Новое изданіе (2 р.).

КИНДИНГЕРЪ. 12 любимыхъ русскихъ романсовъ для одной или двухъ скрипокъ. 2 тетради (каждая 1 р. 30 к.).

РОДЕ, БАЛЬО и КРЕЙЦЕРЪ. Скрипичный самоучитель или полная теоретическая и практическая школа для скрипки. Новое изданіе (3 р.).

ДЛЯ ГАРМОНИФЛЕЙТЫ.

МАЙЕРЪ-МАРИКСЪ. Школа для гармонифлейты, съ изъясненіемъ и описаніемъ этого инструмента, просмотрѣнная и дополненная новыми пьесами М. Бернардомъ. На русскомъ и французскомъ языкахъ (1 р.).

Въ этомъ же магазинѣ получены вновь ПАРИЖСКІЯ ГАРМОНИФЛЕЙТЫ лучшаго достоинства (цѣною: безъ педали въ 40 р., съ педалью 55 р. и 70 р.; съ педалью и сурдиной 80 р.).

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер. получаютъ *двадцать пять процентовъ уступки*, а выписывающіе на десять руб. сер., кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы или объявлены.

Въ томъ же магазинѣ вышла 1-го февраля 2-я тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллистъ» (годъ XXII), которая содержитъ въ себѣ: *Voss*, Le Pardon de Ploërmel, Grand fantaisie. — *Mendelssohn*, La fileuse. Pièce de salon. — *Wollenhaupt*, Chant des sirenes. Valse brillante. — *Wallace*, Ballade. — *Ketterer*, «Скажите ей!» Romance de la Princesse Kotschoubey transcrite. — *Schon*, La rose. Valse brillante. — *Neumann*, Polka-mazurka. — *Egghard*, Romance. — *Cramer*, Air allemand. — *Булаховъ*, Романсъ. — *Кн. Голицынъ*, Романсъ. — Литературное прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты. (Годовая цѣна подписки 10 р., съ пересылкою 11 р. 50 к. сер.).

ДЕПО ЛУЧШИХЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ СТРУНЪ.

Здѣсь же получены вновь отличнаго достоинства и превосходнаго тона ИНОСТРАННЫЕ РОЯЛИ; также СКРИПКИ различныхъ цѣнъ и достоинствъ, АЛЬТЫ, ВІОЛОНЧЕЛИ, ФЛЕЙТЫ, ГИТАРЫ и пр.

Печатать дозволяется. С.-Петербургъ. 15 февраля 1861 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ*.

КРѢПОСТНОЕ НАСЕЛЕНІЕ ВЪ РОССІИ, по 10-й народной переписи. Статистическое изслѣдованіе А. Тройницкаго. Изданіе статистическаго отдѣла центральнаго статистическаго комитета. Спб. 1861 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ДѢТСКІЙ МІРЪ и ХРИСТОМАТІЯ. Книга для класснаго чтенія, приспособленная къ постепеннымъ умственнымъ упражненіямъ и наглядному знакомству съ предметами природы. (Назначается для дѣтей отъ 8-ти до 12 лѣтъ). Сост. К. Ушинскій. Съ таблицею рисунковъ. Спб. 1861 г. Ц. 1 р. 80 к., съ пер. 2 р.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ ПѢСНОПѢВЦЕВЪ и ПѢСНОПѢНІЯ Греческой церкви. Филарета, архіепископа Черниговскаго и Нѣжинскаго. Спб. 1860 г. Ц, 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЯГО РИМА. Полное описаніе замечательнѣйшихъ мѣстъ и зданій древняго Рима въ историческомъ статистическомъ, археологическомъ и художественномъ отношеніяхъ; съ приложеніемъ плана развалинъ древняго Рима въ настоящемъ ихъ положеніи. Сосгавилъ А. Н. Андреевъ. Почетный вольный общникъ С.-Петербургской Императорской Академіи Художествъ. М. 1860 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

МЫСЛИ СТАРООБРЯДЦА, принадлежащаго Рогожскому кладбищу. М. 1861 г. Ц. 40 к., съ пер. 65 коп.

ЗАПИСКИ нѣкоторыхъ обьстоятельствъ жизни и службы дѣйств. тайн. сов., сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ. М. 1860 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ЗЕМЛЯ И ЕЯ ЖИЗНЬ, или исторія земли и ея жителей. Съ 30-ю картинами. Соч. Д-ра Отто Фальгера. Пер. съ нѣмецк. послѣдняго изданія. В. Модестовъ. Въ двухъ частяхъ. М. 1861 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

ВЪ ОЖИДАНІИ ЛУЧШАГО. Романъ В. Крестовскаго. 2 ч. М. 1860 г. Ц. 1 р. 70 к., съ пер. 2 р.

ОБОЗРѢНІЕ ФИЛОСОФСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ Платона и Сократа. По Целлеру — составилъ А. Клевановъ. Съ приложеніемъ въ русскомъ переводѣ четырехъ изслѣдованій французскаго философа Кузена. М. 1861 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

ФИЛОСОФСКІЯ БѢСЕДЫ Платона, въ русскомъ переводѣ. Евтифронъ, Апологія Сократа, Критонъ, Федонъ. Съ приложеніемъ краткаго жизнеописанія Платона, подробныхъ введеній и объяснительныхъ примѣчаній. Перев. и издалъ А. Клевановъ. М. 1861 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.

ЗАПИСКИ князя Тайллерана. Собранныя и изданныя графинею О....дю К.... сочинительницею «Записокъ одной знатной дамы». Пер. съ франц. 4 части. М. 1861 г. Ц. 3 р., съ пер.

———

Печатать позволяется. С.-Петербургъ, 19 февраля 1861 года.

Цензоръ *В. Бекетовъ.*

